

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

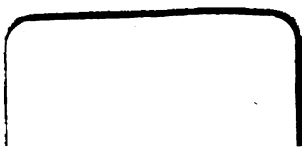
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929197 5

Callan

13E7

x Q

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

=

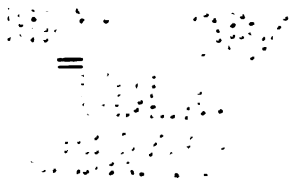
*Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοῦς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι παρὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γνῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγονότοις οὐχ ὁμοίαν καταλαμβάνειν τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

75

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО-ПЯТЫЙ.

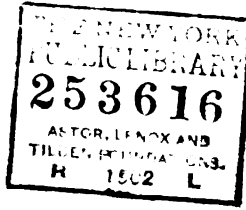

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙНА.

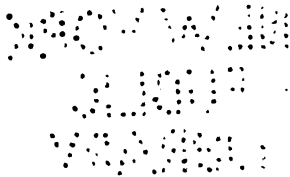
1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

с тѣмъ, чтобы по окончаніи производства было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 2 мая 1849.

Ценсоръ Н. Срезневскій.
Испрал. должн. цензора В. Лангера.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО-ПЯТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Очеркъ путешествія по Востоку съ 1842 по 1845. <i>В. Диттеля.</i> Статья первая.	1	✓
Воспоминанія Гагдея Булгарина. Часть шестая.	57	
Владимірскій Соборъ.	91	
Письма изъ Италіи. <i>В. Яковлева.</i>	107	
Послѣдніе потомки гайдамака. Украинское преданіе. <i>А. Кузьмича.</i>	145	✓
Очеркъ путешествія по Востоку съ 1842 по 1845. <i>В. Диттеля.</i> Статья вторая и послѣдняя.	191	✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Розвалъ. Страницы изъ двадцатыхъ годовъ жизни Альфонса де-Ламартина. Часть вторая.	1	✓
Импровизаторъ. Романъ Андерсона. Часть третья.	49	✓
Тоже — Часть четвертая и послѣдняя.	105	✓
Глѣзъ. Романъ Евгенія Сю. Часть первая.	171	✓

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Елисавета Кульманъ и ея стихотворенія. Сочиненіе <i>К. В. Гросгейриха</i> . Статья вторая.	1
Письма, свидѣнія и записки о Маріи Стюартъ, королеви шотландской, извлеченныя изъ оригиналовъ и рукописей лондонскаго State paper office и главнѣйшихъ архивовъ и библиотекъ Европы, княземъ <i>Александромъ Лобановымъ</i> . Статья первая.	35
Елисавета Кульманъ и ея стихотворенія. Сочиненіе <i>К. В. Гросгейриха</i> . Статья третья.	61
Письма, свидѣнія и записки о Маріи Стюартъ, королеви шотландской, извлеченныя изъ оригиналовъ и рукописей лондонскаго State paper office и главнѣйшихъ архивовъ и библиотекъ Европы, княземъ <i>Александромъ Лобановымъ</i> . Статья вторая.	97

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Промышленность великороссійскихъ губерній.	1
О торговлѣ солью. <i>Г. Н—а</i>	37

V.

КРИТИКА.

Сказанія русскаго народа, собранныя <i>И. Сахаровымъ</i> . Томъ второй: книги 5, 6, 7 и 8. Санктпетербургъ, 1849. Статья третья и послѣдняя.	1
1. Акты историческіе, относящіеся къ Россіи, извлеченныя изъ иностранныхъ архивовъ и библиотекъ. Томъ первый. Санктпетербургъ, 1842. — 2. Дополненія къ актамъ историческимъ, относящимся къ Россіи, собранныя въ иностранныхъ архивахъ и библиотекахъ. Санктпетербургъ, 1849. <i>И. С.</i>	37
Путешествіе во Внутреннюю Африку. <i>Е. Ковалевскаго</i> . Часть первая и вторая. Санктпетербургъ, 1849. Статья первая.	83
Отвѣтъ на правду безпристрастнаго Армянина.	115

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Апрѣль, 1849. Новыя книги.	1
Май, 1849. Новыя книги.	19

VII.

С М Ъ С Ъ.

МАЙ.

Помѣтливость и благодарность рыбъ.	1
Памятная книга Шекспирова зятя.	2
Прохожденіе водопровода сквозь твердыя тѣла.	2
Леченіе кретинновъ въ Берискомъ нагорьи.	3
Разсказъ врача. Изъ записокъ доктора К....	10
Нѣсколько подробностей изъ семейной жизни Карла Нодіе.	21
Пустыня. Изъ воспоминаній Якова Араго.	25
Вербное Воскресенье въ Толедо. Разсказъ Француженки.	58
Обыкновенная драма.	51
Французскій театръ въ Парижѣ.	63
Новыя русскія книги.	74
Французскія книги.	76
Новыя музыкальныя сочиненія.	78
Моды.	61

ІЮНЬ.

Способъ извлекать соки изъ растений, приготовить цѣлебныя перегнанныя воды, благовонныя масла и сладкіе сиропы изъ обыкновенныхъ домашнихъ растений.	83
Претенденты на открытіе сѣрнаго озера.	99
Зимы въ Австраліи.	100
Искусственное размноженіе рыбъ.	104
Новыя ученые путешествія.	108
Экспедиція къ сѣверному полюсу.	108
Золотыя прииски въ Норвегіи.	108
Еще о Калифорніи.	109
Новыя пріобрѣтенія Британскаго Музеума.	112
Кардиналь Медцосанти.	113
Живописецъ и скульпторъ Антоанъ Моанъ.	127

Антикварій.	121
Какъ дѣлаются художниками.	122
Замокъ Вольтера и домикъ Руссо.	123
Отрывокъ изъ путешествія. Охота за сурками. — Волчій оврагъ. — Бофорская долина въ Верхней Савой.	126
Москитское владѣніе.	131
Гетскій каналъ въ Швеціи.	143
Ночь на кладбищѣ. Разсказъ Амедея Буржоа.	157
Тайна богатства. Исторія послѣдняго столѣтія.	151
Пустыня. Изъ воспоминаній Якова Араго. Окончаніе.	161
Французскій театръ въ Парижѣ.	173
Музыкальныя новости.	179
Новыя русскія книги.	185
Французскія книги.	188
Новыя музыкальныя сочиненія.	190
Моды.	194

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ОЧЕРКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ВОСТОКУ съ 1842 по 1845.

Нашему столѣтію, избравшему своимъ девизомъ: „наука и любознательность“, не принадлежитъ ли и страсть къ путешествіямъ? Она не только сдѣлалась принадлежностью нашего образованія, но даже прихотью. Въ Европѣ не долго задумывались надъ изобрѣтеніемъ средствъ къ удовлетворенію этой потребности: пароходы и паровозы дали возможность прѣбывать огромныя пространства, безъ малѣйшихъ лишеній, чуть ли не со всѣми прихотями. Словомъ, теперь путешествуютъ съ комфортомъ, и скорѣе летаютъ чѣмъ путешествуютъ. Но англичанину Европой мало этихъ наслажденій: любознательность влечетъ его въ даль счастливыхъ странъ далеко, туда, гдѣ человекъ еще не жилъ настоящею жизнью, или уже отжилъ; гдѣ есть много свѣжаго, не повѣреннаго; гдѣ разгадываютъ до сихъ-поръ прошедшее, по мертвымъ остаткамъ велико-

лѣпныхъ памятниковъ, по отрывкамъ, въ которыхъ красно-рѣчиво высказывается древность. Я говорю о Востокахъ.

До-сихъ-поръ тамъ есть страны, племена, вѣрованія, языки намъ мало извѣстные; съ ними разлучены мы или фанатизмомъ народа, или неприступностью его жилищъ и нравовъ; но любопытство и туда проникаетъ. Путешественникъ заходитъ въ новыя семейства, которыя иногда и не охотно принимаютъ нежданнаго гостя, и къ удивленію видятъ, что онъ рѣшительно не обращаетъ на это вниманія: *the traveler must be content*, * говоритъ намъ путешественникъ, и открывая на каждомъ шагу новое и незнакомое, забываетъ всѣ обаянія европейскихъ странствій, даже самыя встрѣчаемыя трудности становятся для него часто наслажденіемъ. Впрочемъ, вліаніе Европы видимо выказывается нынѣ и на берегахъ Азіи и Африки, которые составляютъ какъ бы продолженіе европейскаго материка. На песчаной почвѣ пирамидъ, подъ африканскимъ солнцемъ Египта, — кажется, и самый прихотливый туристъ удовлетворитъ всѣмъ привычкамъ и потребностямъ своимъ и можетъ путешествовать какъ образованный Европеецъ, безъ особенныхъ пожертвованій, лишеній и трудностей; и хотя Французы говорятъ, *pour voyager en Orient il faut être armé de deux sabres: d'un sabre français et d'un sabre arabe* (*сабръ* по арабски значитъ терпѣніе—добродѣтель, уважаемая и необходимая особенно на Востокъ), но это относится не къ Египту, а къ внутреннимъ странамъ Азіи, которыя представляютъ любопытному путешественнику живую энциклопедію, разнообразную, поразительную своею дикостью, новую даже для тѣхъ, которые ищутъ однихъ впечатлѣній.

Но обратимся къ нашему путешествію; окинемъ бѣглымъ воспоминаніемъ, пройденныя нами страны въ Азіи, Африкѣ и въ части Европы.

Въ іюль 1842 года я былъ уже въ полу-европейской и полу-азиатской Астрахани, и на первый разъ познакомился съ нашими добрыми сосѣдями Персіянами, — вызванными сюда страстью поторговать. Благодаря обстоятельствамъ, я скоро нашелъ случай уѣхать изъ города, давно мнѣ знакомаго. Паро-

* Путешественникъ долженъ быть доволенъ—поговорка туристовъ.

ходъ подъ командою капитана П. отправлялся въ Тарки— и я былъ принятъ пассажиромъ.

Мы вышли въ море; подулъ свѣжій попутный вѣтеръ; берега потонули въ синевѣ; а волны росли выше и выше. Большой пароходъ нашъ раскачало до того, что меня начало убаюкивать противъ воли. Я не спалъ — зато заснули толпившіеся въ головѣ моей планы всѣхъ будущихъ изслѣдованій и странствованій подъ прелестнымъ небомъ Востока....

Съ разсвѣтомъ мы увидѣли хребетъ Кавказа; послѣдній отрогъ его, упирающійся въ море, увѣнчанъ крѣпостью *Бурною*, которая виситъ надъ Тарками, завалившимися въ лошину, и готова разгромить ихъ. Ауль укрывается здѣсь отъ двухъ враговъ— моря и крѣпости; но волны Каспія далеко не доходятъ до утеса, съ высоты котораго селеніе — какъ будто столкнуто, а въ крѣпости не слышится нынѣ грома пушекъ; она оставлена, по безводію.

Здѣсь домъ Вели, дагестанскаго шамхала; здѣсь живетъ романическая Султанетта *; какъ же не навѣстить ея.... Вѣда меня къ этой Лейли **, татарскій чичероне далъ предварительное наставленіе не заводить съ ней рѣчи о воспоминаніяхъ ея жизни, и я, какъ скромный кунакъ, долженъ былъ уважить тайну, драгоценную, можетъ—быть, и не для одной Султанетты.... Поэтъ Востока непремѣнно сказалъ бы о ней: Эта красавица походитъ на розу, которой листья оборвалъ любовникъ ея—соловей, оставивъ одни шипы, а самъ бюль-бюль улетѣлъ въ другой садъ любви.

Около Тарковъ, говорятъ, есть клинообразная надпись — я не нашелъ ея. На камиѣ вырѣзано только имя Арзака и болѣе ничего. Кажется, что Тарки составляли самый крайній сѣверный предѣлъ для этихъ надписей.

Дорога въ Дербентъ окаймливаетъ берега Каспійскаго моря; она то вьется, по самому его краю, то уклоняется ближе къ горамъ.

Древняя стѣна, окружающая Дербентъ, выдвинулась въ самыя воды моря, и одинаково сопротивляется и силѣ волнъ и разрушенію времени. Говорятъ, что стѣна эта раскидывалась

* Читатель вѣрно помнитъ Амалать-Бека, Марлинскаго.

** Меджугузъ и Лейли—наши Ромео и Джулетта.

когда-то по горамъ Кавказа до Чернаго моря. И до-сихъ-поръ Турки называютъ Дербентъ „жельзными воротами“ (Держирь-нашу) и стѣною Эскендера (Александра Македонскаго). Я не буду разбирать съ вами надписей на могилахъ Кырляра — это уже сдѣлалъ Френъ въ своемъ „Die Inschriften von Derbent“ — намъ предстоитъ еще много новаго.

Въ Дербентѣ сдѣлано важное открытіе, которое я никакъ не выдаю за свое; не знаю, известно ли оно антикваріямъ: здѣсь найденъ камень (вѣрно надгробный), съ именемъ Александра Македонскаго. Увѣряютъ, что будто здѣсь его могила, которую онъ приказалъ вырыть заочно? Нескромные французскіе журналы выдали уже имя изобрѣтателя этой новости; быть-можетъ и я имѣлъ бы тоже причины къ подобной нескромности, но къ чему возобновлять забытое!

Осмотрѣвши Дербентъ, я поѣхалъ черезъ Кубу—въ Баку. Здѣсь задержали меня, противъ ожиданія, нѣкоторыя занятія, заключавшіяся въ изученіи одного изъ діалектовъ персидскаго языка и въ снятіи надписей.

Надъ оконечностью Апшеронскаго мыса, занимается по ночамъ зарево — оно видно изъ города: это священные огни Индусовъ (Атешга *). На нихъ стоитъ взглянуть, какъ на прекрасное явленіе природы; а на обожателей этихъ огней—какъ на жалкія ея созданія.

До границъ Персіи остается еще три или четыре дня пути. На дорогѣ лежитъ *Самъли*—съ богатѣйшею въ Россіи рыбной ловлею, называемою Божьимъ промысломъ; отсюда не далеко и до Ленкора, куда дорога идетъ по Муганской стѣнѣ. За Ленкоромъ уже начинаются восточныя путешествія: почтовая телега, съ бѣднѣмъ своимъ комфортомъ, сѣдлается сѣдломъ и плохую верховую лошадию. Мензилу (станціи) или переходы дѣлаются по осьми, десяти и двѣнадцати часамъ, а иногда, по столыку же дней сряду.

Вотъ Астара,—деревня и рѣченка. Здѣсь граница Россіи съ Персіею. Тамъ — давно ожидаемый Востокъ!

Мы вошли въ горы, и этимъ начали странствованія по безпутамъ Азіи. Дороги оставлены здѣсь на попеченіе самой природы, — объ нихъ никто и никогда не заботится. Горы

* Мѣсто огней; отъ персидскаго *атеш*—огонь; *га*, мѣсто.

такъ камешты и круты, что нѣтъ средствъ держаться на оѣдѣ; караванъ нашъ скоро разстроился, всякій шелъ какъ и гдѣ могъ, не обращая вниманія на товарищей, которыхъ было много. Кавалькада въ родѣ каравана состояла изъ нѣсколькихъ наукеровъ (слугъ) и одного бородатаго жирзы, который былъ намъ данъ на границѣ, въ видѣ ментора, для сопутствованія въ Тебризъ. Вся эта свита, состоявшая изъ семи или осьми человекъ, была необходима, если не для путешествія по Персіи, то по крайней мѣрѣ для приличнаго появленія Урусовъ (Русскихъ) въ предѣлахъ монархіи царя царей, покровителя вселенной, средоточія міра, и прочая.

Съ вершины горъ, откуда бросилъ я послѣдній взглядъ на дорогой сѣверъ, мы увидѣли *Ардебиль*. Городъ раскидывается на широкой привольной долинѣ, которую окаймливаетъ чудная гора Савальянъ... Одинъ шагъ въ долину—и передъ глазами вашими древнія развалины новой Персіи. Не обращайтесь на нихъ вниманія: вся страна правотѣрныхъ наполнена подобными же доказательствами благосостоянія Ирана.

Въ Ардебилѣ я былъ удивленъ персидскимъ гостепріимствомъ; но это только одинъ первый селямъ (привѣтъ) Персіи. — На другой же день нашего пріѣзда, собралась къ намъ вся аристократія города; со всѣхъ сторонъ присылались поздравленія. Принцъ, правитель Ардебиля, братъ Мухаммедъ-Шаха, увѣдомилъ съ своей стороны, что мы будемъ осчастливлены ввечеру его обѣдомъ, и можемъ осмѣлиться, въ назначенный часъ, предстать предъ порогомъ его милостей...

Пріемъ во дворцѣ былъ блестящъ; обѣдъ или ужинъ, принесенный отъ туда — довольно разнообразенъ, но этимъ не кончилось. Скоро наступила развязка... Икогда нашъ менторъ мирза со всею восточною мелочностью, объяснилъ мнѣ точнѣйшее значеніе слова *пишкешъ* (подарокъ) *, которымъ надобно было оплачивать за присланные кушанья, фрукты и конфекты, то я далъ себѣ слово, не пользоваться болѣе такими знаками вниманія. Они стоятъ дороже купленныхъ.

Мечеть ардебильская (сефевидская) заслуживаетъ вниманія по своей архитектурѣ и богатству. Въ ней нѣсколько дверей,

* Въ Персіи необходимо знать слово *пишкешъ*, какъ въ Турціи — *бахшишъ*, безъ которыхъ нигдѣ нельзя и показаться.

окованныхъ серебромъ; говорятъ даже, что одна покрыта чистымъ золотомъ. Эти драгоценныя двери скрывали нѣкогда множество плодовъ мусульманской мудрости; они ведутъ въ библіотеку, гдѣ любопытный путешественникъ видитъ теперь однѣ пустыя полки опустѣлаго умухранилища. Хитрые Персіяне заманили меня въ свою прежнюю сокровищницу и ни какъ не хотѣли понять, что коллекція ихъ манускриптовъ, хранившаяся когда-то здѣсь, принадлежитъ теперь Русскимъ **. Они утѣшаютъ себя тѣмъ, что наши калиграфы не успѣли еще переписать ихъ рукописей, и что у насъ вообще плохіе писцы.

Ардебиль у Персіанъ называется жилище благополучія.

Время года не позволяло мнѣ посѣтить Гилянъ и Мазандеранъ. Эти двѣ провинціи особенно интересны для испытателя природы. Россіи по праву сосѣдства слѣдовало бы изучить флору сѣверной Персіи; но какъ въ Тебризѣ ожидали меня занятія, то, посвятивъ не болѣе двухъ-трехъ дней Ардебилу, я отправился въ главный городъ Азербейджана. Языкъ, которымъ говорятъ здѣсь, мы называемъ по имени самой провинціи (азербейджани). Онъ принадлежитъ къ семейству діалектовъ Турковъ. Здѣсь рѣдкій знаетъ по персидски.

Тебризъ, мѣстопробываніе російскаго генеральнаго консула, замѣчательнъ по обширной торговлѣ, которая отсюда разливается по всей Персіи и даже средней Азіи. Манчестеръ наводняетъ его своими мануфактурами, замѣнившими русскія произведенія. И здѣсь, какъ въ дѣлѣ съ Китайцами, можно упрекнуть нашихъ мануфактуристовъ, не поддержавшихъ вполнѣ довѣрія Персіанъ. Но при настоящей торговой системѣ на Кавказѣ, можетъ быть, многое поправится.

Осмотрѣвши достопримѣчательности города, я, какъ новичекъ на Востокъ, остановился у мечети, съ которой связывается важнѣйшій изъ обычаевъ Персіанъ: это мечеть Сейдъ Хамза, называемая вѣрнѣйшей *Бестой* **. Всякій мусульма-

* Известно, что эта коллекція хранится въ Императорской С. Петербургской Публичной Библіотекѣ.

** Это слово происходитъ отъ персидскаго глагола *бестемъ* — или *биндемъ* и значить связать, вязать, запереть. Бесте—связанный, запертый и такъ далѣе.

иннѣ имѣеть право скрыться въ нее даже отъ преслѣдованія законовъ,—подъ защиту одного изъ высшихъ духовныхъ лицъ (муштегида). Муштегидъ, взявъ, по мѣрѣ своего златолюбія, приличную сумму съ преступника, держитъ его у себя до-тѣхъ-поръ, пока представятся средства къ побѣгу или къ какому нибудь другому способу спасенія. Здѣсь должники укрываются отъ своихъ кредиторовъ и убійца избавляется часто отъ казни. Никакая власть не имѣеть права нарушить этотъ священный обычай; подобная попытка показала бы, безъ сомнѣнія, страшнымъ грѣхомъ.

Бестою называютъ Персіане не только нѣкоторыя мечети, но и всякое мѣсто, въ которомъ они могутъ искать покровительства или убѣжища. Прибѣжавъ въ бесту, они тѣмъ доказываютъ уже, что тотъ, къ кому обращаются съ просьбою о такомъ покровительствѣ, столько силенъ, что защититъ просящаго отъ всякихъ преслѣдованій *. Слѣдовательно, бестю можетъ быть дворець шаха, домъ всякаго знатнаго человѣка и почти всякая мечеть. Но мечеть, о которой мы говоримъ—сдѣлалась бестю по преимуществу. Во время моего пребыванія въ Тебризѣ, консуль нашъ успѣлъ извлечь изъ этого священнаго убѣжища персидскихъ плутовъ, двухъ или трехъ мусульманъ, имѣвшихъ дѣла съ нашими купцами—событіе, неслыханное въ лѣтописяхъ персидскихъ бестъ!

Тебризъ или Тавризъ, нѣкоторые путешественники называютъ Экбатаномъ, другіе столицю Мидіи — это столько же справедливо, какъ и названіе Тебриза древнею Сузою. Судя по геологическому положенію окрестностей города, по близости должны быть превосходные мѣдные и серебряные рудники, которые и открывались, но никогда не разрабатывались какъ слѣдуетъ.

Въ Азербейджанѣ или правильнѣе по Азербейджану — этой странѣ Зороастрова ученія, путешественникъ—археологъ, по всѣмъ правамъ, долженъ искать слѣдовъ огнепо-

* Въ Керманшахѣ прибѣжалъ ко мнѣ въ домъ одинъ персидскій офицеръ, говоря, что пришелъ въ бесту. Меня сначала разсѣпшло это, но когда дѣло объяснилось, то я просилъ его оставить эту ненадежную бесту. Онъ былъ преслѣдуемъ правителемъ города за то, что не выдавалъ солдата своей роты, который нанесъ нѣсколько ударовъ кияломъ двумъ сопровождавшимъ меня Армянамъ.

клонниковъ Персовъ — хозяевъ прежней Персїи. Самое имя страны Азерб-абадеганъ—обиталище огня—напоминаетъ ему Зенд-авесту * (живое слово), книгу великаго мага, называемаго у нихъ Зердуштомъ. Къ сожалѣнію, храмы огня до того перетлѣли, что въ обиталищѣ этой стихїи, едва ли найдется что-нибудь, кромѣ нѣмыхъ развалинъ, которыя не откликаются ни на какія догадки. Поклонники Ормузда или Аурамаздаха, какъ значится на клинообразныхъ надписяхъ Персеполиса, оставили болѣе памятниковъ религиозной жизни въ другой чести Персїи. Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ **. На пути въ Тегеранъ, нынѣшнюю столицу шаха, вы встрѣчаете Туркменчай, Міане и Казвинъ ***; послѣдній названъ у восточнаго географа Хамдуллаха „одною изъ дверей Рая“.

До половины дороги мы все еще слышали *тюркскій* (азербейджанскій) языкъ — но потомъ начинаетъ раздаваться родной языкъ Персїи — языкъ Саади и Гафиза, только не въ такихъ прелестныхъ формахъ, какъ на родинѣ этихъ поэтовъ и языка персидскаго — въ Ширазѣ.

На переѣздъ изъ Тебриза въ Тегеранъ употребили мы пятнадцать дней, и на шестнадцатый вступили на порогъ священнаго подножія царя царей, повелителя Ирана: былъ канунъ курбанъ-байрама, все готовилось къ празднику. На утро неистовый ревъ никогда невиданныхъ и несслыханныхъ нами трубъ и пушечные выстрѣлы возвѣстили наступившее торжество. Столица Персїи зашевелилась; мейданъ (площадь) передъ дворцомъ, наполнился всѣми возможными племенами

* Известно, что съ *Зенд-авестой* познакомилъ насъ Анкетиль Дюперонъ, а потомъ Клейкеръ. Изъ частныхъ извѣстій узнаю я, что нынѣ исправляется въ Германїи, неправильный переводъ этой книги—и *Зенд-авеста* явится на четырехъ или пяти языкахъ.

** Какъ мѣста, по которымъ мы проходимъ, требуютъ географическихъ и историческихъ повѣрокъ, то путешественникъ, запасшись предварительно разными сказанїями древнихъ о Мидїи, и свидѣтельствами разныхъ восточныхъ авторовъ объ Азербейджанѣ, невольно долженъ безпрестанно останавливаться на каждой развалинѣ, древнѣмъ остаткѣ и часто сознаваться въ невозможности объяснить и согласить разные сказанїя. Такъ въ окрестностяхъ *Зенгана*, по указанїямъ Хамдулла Местуфи, въ городѣ, основанномъ Ардеширомъ Бабеганомъ, я искалъ слѣдовъ жпани этой династїи парскихъ государей.

*** Каждый изъ нихъ замѣчательнъ чѣмъ нибудь: въ первомъ—заключенъ былъ миръ съ Россїею съ 1428 года. Міане славится ядоватыми клопами, — а Казвинъ—прекрасными фруктами, особенно фишашками.

Ирана; все любовались верблюдомъ, котораго готовились принести въ жертву (нурбанъ) Аллаху. Шахъ — покровитель вселенной, принималъ поклоны и поздравленія (седливъ). Въ назначенный часъ, миссія наша прибыла во дворецъ, и я былъ представленъ полномочнымъ нашимъ министромъ Мухаммедъ-Шаху. Тогда живительный лучъ изъ сѣдлаго неба правосудія и щедротъ палъ и на меня, и жемчужная нить сладкихъ рѣчей средоточія міра, увѣнчала голову мою вѣнцемъ счастья „Манна-Алла“ *. Вы путешествуете?... сказалъ шахъ, узнавши, что я путешественникъ. Въмѣсто всякаго отвѣта — я сдѣлалъ персидскій военный салтъ, то есть приложилъ руку къ козырьку фуражки. Это на условномъ языкѣ европейской учтивости значить: „точно-такъ-съ“. — „Зачѣмъ же вы путешествуете, спросилъ шахъ и что вы дѣлаете въ путешествіи?“ На Востокъ никакъ не могутъ понять, зачѣмъ Европейцы странствуютъ внѣ своего отечества и вѣроятно отчасти догадываются, что мы часто дѣлаемъ это безъ всякой цѣли. Персидскіе мудрецы объясняютъ это весьма просто: по ихъ понятіямъ, Френгистанъ (Европа) не такъ хорошъ, какъ ихъ земли; а другіе прибавляютъ, что Френчи прогуливаются по свѣту отъ богатства и праздности. Последнее объясненіе стоитъ намъ очень дорого.

Въ это время Тегеранъ представлялъ любопытному путешественнику, полную возможность изучить Персію съ разныхъ сторонъ. Вельможи или „столпы правленія“ по желанію шаха давали блестящія пиршества и увеселенія для русской и англійской миссій. Все, что могли придумать, восточное искусство и тонкій вкусъ, было собрано въ жилищахъ пирующихъ аристократовъ, и сказать правду, на двухъ данныхъ пиршествахъ, гости провели время чрезвычайно весело.... Эти пиры смѣнились скоро довольно оригинальными зрѣлищами. Насталъ мухарремъ — мѣсяцъ траура, а съ нимъ и воспоминанія о мученикахъ, павшихъ за вѣру Шитовъ. Все происшествія, связанныя съ этими воспоминаніями, облекаются въ драматическую форму и описаны обыкновенно сти-

* Такъ угодно Богу.

хани. Эти, особаго рода, драмы даются на сценѣ въ мо-харремѣ мѣсяцѣ, и привлекаютъ тысячи зрителей. Во все время на улицахъ не умолкаетъ погребальное пѣніе, съ которыми перемѣшиваются восклицанія: о Хассанъ, о Хуссейнъ! Толпы народа снуютъ взадъ и впередъ, фанатики бьютъ себя до крови по обнаженной груди, раздирая на себѣ платье. Описаніе этого мѣсяца и драматическихъ представлений увлекло бы меня далеко. Я скажу только, что они чрезвычайно любопытны для знакомящагося съ Востокомъ, и имѣютъ большой интересъ для того, кто знаетъ по-персидски. Роскошь, какую я встрѣтилъ въ *такіе* (названіе мѣста, гдѣ даются представленія) перваго министра Персіи превосходить все, мною доселѣ видѣнное.

Разноплеменные толпы народа изъ всѣхъ возможныхъ областей Персіи и Средней Азіи не мало привлекаютъ въ Тегеранъ вниманіе путешественника. Здѣсь представился мнѣ случай ознакомиться съ нѣкоторыми персидскими діалектами, болѣе или менѣ новыми для европейскаго оріенталиста, и потому я рѣшился продлить мое пребываніе въ столицѣ Ирана; нумизматъ и антикварій могутъ также сдѣлать здѣсь много пріобрѣтеній, потому что въ Тегеранѣ, болѣе чѣмъ въ другихъ городахъ, можно найти восточныхъ манускриптовъ, а любитель древностей можетъ въ ближайшихъ окрестностяхъ взглянуть на развалины великолѣпнаго и славнаго Рея — родину извѣстнаго медика Еррази *. Въ этомъ городѣ, говорятъ, родились Гарунъ Еррашидъ и Зороастръ, котораго родину, подобно Гомеровою, присвоиваютъ себѣ многіе города. Рей носилъ названіе матери городовъ Ирана (Персіи).

Изъ Тегерана, какъ изъ центра государства и сѣдалища средоточія вселенной, разливаются благотворные лучи благосостоянія на весь Иранъ. Нельзя не сказать двухъ-сотъ словъ объ этомъ потокѣ счастья.

Главный столпъ правленія и крѣпчайшая опора Персіи— Хаджи Мирза Атаси.

Хаджи, нѣкогда учитель Мухаммедъ-Шаха—нынѣ регентъ

* Извѣстнаго Европѣ подъ именемъ *Равеса*.

Персія, промѣнялъ свою азбучную указку на бразды правленія, а названіе муллы—на выснія титла и скромное имя дервиша, которыя онъ принимаетъ во время размовокъ съ шахомъ. Воля Хаджи—непреложный законъ, имя его прибавляется въ Персіи ко всему, что сдѣлалось или будетъ сдѣлано: говорятъ „Хаджи не приказалъ, и этого никогда не будетъ“; „воля Хаджи, а съ нею и все“—и такъ далѣе. Главная дѣятельность дервиша направлена къ увеличенію собственной казны и числа дурныхъ пушекъ для государства; послѣднее дѣлаетъ онъ по званію *амири-топхане*, начальника пушечнаго двора всей артиллеріи. Помощники Хаджи въ управленіи во всемъ похожи на этотъ столпъ и зѣницу Ирана. Правителямъ провинцій дана власть и полномочіе судить и рѣдить по ихъ усмотрѣнію. Покупая за весьма дорогую цѣну свои мѣста, правители вступаютъ въ должности съ невиннымъ желаніемъ—выручить вдвое болѣе заплаченнаго и дерутъ правовѣрныхъ какъ липу. Изъ всего этого можно понять, въ какой крайности находится тамъ народъ и чего не дѣлается въ этомъ государствѣ.

Опора Ирана — сербазы (солдаты), тоже одинъ изъ самыхъ занимательнѣйшихъ фактовъ для наблюдателя. Толпа оборванныхъ людей съ бѣлымъ ремнемъ черезъ плечо у каждаго—вотъ корпусъ сербазовъ, вотъ непобѣдимая армія правовѣрныхъ!... Права этихъ защитниковъ государства неограничены: они торгуютъ, воруютъ, грабятъ народъ при переходѣ изъ одной провинціи въ другую — словомъ, дѣлаютъ все, что только можетъ внушить нищета, праздность и безнаказанность. Жители деревень, боясь этой саранчи, разбѣгаются при ея приближеніи и уносятъ съ собою все, что могутъ, дабы спасти послѣднее имущество отъ ненасытимой жадности проходящаго полка; самыя же хижины, огороды, сады съ фруктовыми деревьями остаются на жертву и рѣшительно опустошаются. Я самъ былъ свидѣтелемъ подобныхъ нашествій на пути изъ Шираза въ Испагань.

Походъ босыхъ сербазовъ, совершаемый обыкновенно на ослахъ, ихъ служебныя занятія, наконецъ ихъ амуниція и ружья, перевязанныя веревками, все это предметы, стоящія

кости живописца! О самом шахѣ можно сказать, что онъ имѣетъ доброе сердце.... а это большое сокровище. И хотя онъ не предастъ страстямъ, которыми отличалась жизнь покойнаго Фетхъ-Али-шаха; но эта личная добродѣтель мало приноситъ пользы народу — тогдашняя Персія была лучше настоящей. Здоровье Мухаммедъ-шаха весьма разстроено: онъ слабъ хотя не старъ, безхарактеренъ, и въ дѣлахъ совершенно подчинился своему Хаджи, передавъ въ его вѣдѣніе и себя и государство. Недавно я слышалъ, что Хаджи пишетъ какую-то финансовую систему для Персіи, вѣроятно онъ отольетъ эту штуку точно такъ же, какъ хотѣлъ отливать серебряныя пушки на удивленіе всего Френгистана; но до-сихъ-поръ изъ серебра не отлита еще ни одна пушка — она испортилась при плавкѣ...

Изъ столицы Персіи отправился я черезъ Кумъ и Кашанъ *, въ древнюю столицу Сефевидовъ.

Была весна. Въ это время года путешествія по Персіи довольно пріятны. Первая половина марта уже прошла; все покрылось зеленью; природа являлась во всей своей очаровательности и можно было сказать, съ древнимъ поэтомъ, что „это минута, въ которую небо дало поцѣлуй землѣ; а возродившаяся земля затрепетала жизнью и начала дышать любовью и потоками аромата“. На ней тогда и человѣку какъ будто легче.

Вотъ Испагань: „Исфаганъ — полсвѣта — если бы не было Лахора“, поговорка Персіянъ. Широкая равнина, на которой раскинулся городъ, окаймлена цѣпью горъ, которыя высятся, то исполнинскими шатрами, то въ видѣ грозной стѣны.

Безчисленные сады сосѣднихъ деревень, кажутся зеленымъ бархатнымъ ковромъ, на которомъ покоится огромный городъ. Мозаическія главы его мечетей, величественныхъ и легкихъ; зыбѣющіяся Зендерудъ, съ своими великолѣпными мостами, за которыми лежитъ Джульфи; безконечныя ален Чахаръ-бага, два раза пересѣкающія городъ — все это

* Кашанъ замѣчательнъ своими страшными скорпіонами; они такъ ядовиты, что вошли въ пословицу у Персіянъ, — которые, желая сказать да постыгнуть тебя несчастіе, говорятъ: «да ударить тебя въ руку (уловить) кашанскій скорпіонъ».

вѣсть составляетъ роскошную, пеструю, живую, необъятную картину, на которую смотримъ съ наслажденіемъ.

Испаганъ, когда-то главный городъ Персіи, былъ и центромъ блеска, роскоши и образованности. До-сихъ-поръ названіе столицы Сефевидовъ внушаетъ Персіянину какое-то уваженіе и благоговѣніе. Въ-самомъ-дѣль, это одинъ изъ лучшихъ городовъ Ирама: на берегахъ Вендеруда можно сколько нибудь видѣть вкусъ, архитектуру и прошедшее великолѣпіе шаховъ Персіи, особенно въ опустѣлыхъ дворцахъ. *Чазаръ-бага*, которыхъ стѣны залты пурпуромъ, золотомъ, мозаикой со всѣмъ разнообразіемъ и пестротою восточной фантазіи. Тайственные сады, окружавшіе эти пышныя палаты прежнихъ повелителей Персіи, оживлены фонтанами, благоухаютъ ароматомъ цвѣтовъ, между которыми красуются тысячи розъ. Сады эти и до-сихъ-поръ очаровываютъ бродящаго Персіянина; здѣсь онъ наслаждается нѣгою и дѣлится воспоминаніями и вздохами съ вѣрнымъ обожателемъ гюля * (розы) и бюльбюлемъ (соловьемъ), который не разъ убаюкивалъ властелиновъ Персіи, дремавшихъ подъ журчаніе каскада въ объятіяхъ очаровательницъ Востока.

Испаганъ до-сихъ-поръ слыветъ столицей образованности Ирана. Здѣсь все высшія учебныя заведенія; сюда приходятъ со всѣхъ сторонъ послушать ученыхъ и умныхъ людей восточнаго міра. Отсюда, какъ изъ центра, истекаетъ исконная шитская вѣрованія, омыщенная испаганскимъ духовенствомъ.

Отутившись среди такого множества ученыхъ и умниковъ Востока, можно ли было не воспользоваться ихъ знакомствомъ? Я не упускалъ случая, и въ короткое время былъ принятъ въ нѣсколькихъ домахъ мудрейшихъ мужей въ городѣ, которые хотя не были равно имениты знакомства со мною — новеринцы, однако, изъ любви къ наукѣ и чистъ ученію, приходили къ мудреному Фрейгу, люттовать въ аэростатахъ, паровозахъ, пароходахъ, дѣлать опыты сикамерь-обскуррей и подивиться зажигательнымъ опичкамъ.

Табари (ист. ис. IX ст.) говоритъ, что Дормузъ сно-

* Басня о розѣ и соловѣй «Гюль и Бюльбюль» столько известна, что я не считаю нужнымъ ее рассказывать.

тѣлъ на Испаганъ какъ на главу, на Вурсъ и Керманъ какъ на руки, а на Хамаданъ какъ на ноги имперіи.

Въ окрестностяхъ Испагана можно встрѣтить еще слѣды Зороастрова ученія: кромѣ древнихъ капищъ, находящихся въ горахъ, я отыскалъ и мѣсто, на которомъ погребались сожженные тѣла умершихъ. До-сихъ-поръ приходятъ туда Гебры, какъ на мѣста, священныя по своимъ воспоминаніямъ.

Великолѣпнѣйшіе памятники древности, сохранившіеся въ Персіи, наиболѣе встрѣчаются на пути въ Ширазъ въ провинціи Фарсъ.

Фарсъ (Persis) — названіе южной провинціи государства, распространившееся на всю страну, которую мы называемъ Персією, только въ подражаніе Грекамъ.— Парсы были древнѣйшими изъ обитателей Персіи, принявшихъ ученіе Зороастра, они до-сихъ-поръ сохранили и свое названіе и ученіе; только Мусульмане, а вслѣдъ за ними и мы называемъ ихъ Гебрами. Самая же Персія называется по туземному *Фарсъ* или *Иранъ*, Турками и Арабами—*Аджемъ*. Вотъ гдѣ начало столькихъ названій одной и той же страны: Фарсія, Парсія или Персія. Многіе старались ввести въ употребленіе настоящее старинное названіе, но мнѣ кажется, что послѣднее гораздо лучше можетъ характеризовать новую Персію — Парсію мусульманскую, а Фарсія или Парсія (Парсійскій)—Персію Зороастрову, по-крайней-мѣрѣ это названіе сохранилось для обозначенія религіозной секты Парсовъ. Какъ бы то ни было, но провинція Фарсъ до сихъ поръ самая классическая часть Ирана,—это исполинское кладбище, наполненное памятниками перваго періода жизни Персіи.

Здѣсь, на мраморныхъ стѣнахъ Персеполиса-Позаргады и на другихъ группахъ развалинъ, которыхъ самыя названія потонули въ пучинѣ вѣковъ, вы находите имена Зердушта, Ормузда, Дарія, Ксеркса, Артаксеркса и такъ далѣе. Говоря объ этомъ, нельзя умолчать и о загадочныхъ письменахъ, на которыхъ все это написано.

Надписи клинообразныя (cuneiformes) какъ и іероглифы Египта, есть исключительно открытіе новѣйшихъ ученыхъ. До послѣдняго времени, онѣ весьма мало обращали на себя вниманіе путешественниковъ, и потому нѣкоторые глубоковод-

ные люди считали ихъ простыми украшеніями стѣнъ, за варварскія, ничего не выражающія черты, наконецъ за слѣды, начертанные временемъ или особаго рода насѣкомыми.— Эти надписи отличаются необыкновенною правильностью и своего рода изяществомъ, но что намъ до нихъ за дѣло? Рѣшено, что это слѣды насѣкомыхъ, и даже опредѣлено названіе этихъ ученыхъ букашекъ.— Прежде вообще мало уважали археологию, не давали ей настоящаго мѣста въ исторіи—и эти каменныя хроники оставались незамѣченными, считались не стоявшими особеннаго вниманія. Нибуръ, путешественникъ въ высшей степени наблюдательный и остроумный, отъ котораго рѣдко могла ускользнуть даже мелочь, первый принялъ эти клинья, нарѣзанные съ извѣстною правильностью, за надписи, и увѣрялъ, что ихъ должно читать отъ правой руки къ лѣвой; къ чему привели его сходныя слова надписей, и дѣленія словъ при перенесеніи на другую строку. Это былъ первый шагъ, но вопросъ: на какомъ языкѣ написаны клинообразныя надписи, не разрѣшенъ еще и понынѣ. Вопросъ очень естественный, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно важный; отъ рѣшенія его зависитъ судьба древностей персійскихъ. Послѣ Нибура, Тиксенъ и Мюнстеръ пошли далѣе.— Они нашли знакъ,—вертикально поставленный клинь,—который отдѣляется каждое слово. Гротенендъ началъ искать именъ Дарія и Кееркса—нашелъ ихъ, и такимъ образомъ опредѣлялъ нѣсколько буквъ. Отсебѣ дешифровка пошла впередъ, хотя не одинаковымъ, но почти сходнымъ путемъ. И хотя не обошлось безъ споровъ, но первые знатоки этого дѣла: Бюрнуфъ, Лассенъ, Ролинсонъ *, успѣли объяснить нѣсколько надписей.

Тѣмъ не менѣе дешифровка клинообразныхъ надписей не можетъ еще на этомъ остановиться. Разобранныя надписи принадлежатъ къ простѣйшему роду, называемому *первыми родами* или персеполитанскимъ. Другіе гораздо труднѣе—они сложнѣе, въ нихъ буквы слагаются изъ гораздо большаго числа клиньевъ, поставленныхъ въ разныхъ направленіяхъ. Если справедливо, что близъ Персеполиса, гдѣ существуютъ

* The Persian cuneiforms Inscription at Behistan etc. by Major Rawlinson. London 1846.

развалины Позаргады, есть столбы съ надписью, принадлежашкою Киру *, которая выражаетъ одно и тоже на трехъ языкахъ,—какъ это предполагають во многихъ надписяхъ Персеполиса и другихъ,—то третій родъ надписей есть самый трудный по своей необыкновенной сжатости. Роллинсонъ и Вестергардъ, Датчанинъ, съ которымъ я путешествовалъ въ Персїю, принялись за этотъ родъ клинообразныхъ надписей; главное затрудненіе опять встрѣтится въ опредѣленіи языка.

Объ языкѣ надписей перваго рода можно только сказать, что онъ имѣетъ тѣсную связь съ санскритомъ и зендскимъ, и что безъ знанія ихъ, всякая попытка къ удовлетворительному объясненію надписей, останется безуспѣшна. Но мнѣ кажется, что это знаніе нужно собственно для перевода разныхъ выраженій, титуловъ, а не собственныхъ именъ; собственные же имена провинцій, народовъ, морей, разныхъ лицъ, могутъ быть разобраны съ помощію одной азбуки, основанной на извѣстнѣйшихъ именахъ, болѣе или менѣе сходныхъ съ древними историческими источниками. Все дѣло будетъ заключаться въ томъ, чтобы отыскать два, три собственныхъ имени, и по нимъ опредѣлить нѣсколько буквъ. Во всякомъ случаѣ, не имѣя никакихъ памятниковъ такой полноты, кроме надписей, находимыхъ также на кирпичкахъ, напр. въ Вавилонѣ и другихъ мѣстахъ, и небольшихъ малыхъ цилиндрахъ, служившихъ печатами, едва ли можно опредѣлить и положительно назвать какиибудь именахъ языкъ этихъ надписей, разве назвать ихъ именами провинцій или народовъ. Но какъ исторія древнѣйшихъ событій міра, до-сихъ-поръ содержитъ множество пробѣловъ, то если сохранились клинообразныя надписи, находимыя являющія на сценѣ древнѣйшихъ событій, должны будутъ исполнить ихъ важныя задачи, и хотя отчасти осветить туманную даль времени.... Но довольно; взглянемъ на долину Мердешъ, гдѣ покоятся остатки древняго зодчества.

Развалины Персеполиса состоятъ изъ многихъ группъ, разставленныхъ по долинамъ, и носятъ разные названія: какъ *Темни-*

* Вотъ какъ переводятъ эту надпись: *Я Киръ, царь царей Архамениды*

Джемшидъ (престоль *Джемшида*), увѣнчанный уцѣлѣвшими до сихъ—поръ колоннами. Памятникъ прислоненъ къ горѣ, видъ его мраченъ, но величественъ; черныя стѣны испещрены множествомъ клинообразныхъ надписей, изъ которыхъ многія еще не прочитаны. Работы мои здѣсь кончились отрытіемъ новаго камня съ большою надписью.

На оконечности цѣпи горъ, замыкающихъ долину, находится другая замѣчательная часть Персеполиса, это *Накши-Рустемъ* — изображеніе Рустаана. На отвѣсной поверхности утеса, подобнаго стѣнѣ, въ значительномъ разстояніи отъ земли, высѣчено нѣсколько правильныхъ отверстій въ родѣ дверей, которыя ведутъ въ катакомбы, гдѣ находятся разные саркофаги. Здѣсь, по мнѣнію нѣкоторыхъ, находится гробница *Дарія*. Всѣ входы въ катакомбы исписаны клинообразными надписями, снизу едва примѣтными простому глазу, и какъ эти загадочныя страницы исторіи не были еще ни кѣмъ списаны, то я посвятилъ имъ нѣсколько дней *.

Лѣтнее солнце съ каждымъ днемъ пекло сильнѣе; мы провели уже дней двадцать подъ открытымъ небомъ, и потому окончивъ на скоро занятія, я продолжалъ свое путешествіе въ *Ширазъ*. Отъ Персеполиса до *Шираза* только два мѣсяца, или два дня пути.

Ширазъ самая поэтическая страна Персіи. Этотъ рай Ирана былъ родиною и могилою плѣнительнаго *Саади*, и величественнаго и веселаго *Хафиза*, который увлекъ за собою всѣхъ земляковъ своихъ. *Ширазъ* розовый садъ—сердце Персіи, по своему чистѣйшему и отборному языку, неисчерпаемый рудникъ красавицъ, поэтовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, и лучшаго вина (*ширазскаго*). Имя *Шираза* не безъ вздоха произноситъ каждый Персіянинъ; даже самый вѣтерокъ этой волшебной стороны вѣетъ для него нѣгою и наслажденіями..... Какой землякъ *Хафиза* не вспѣнилъ кубка *ширазскимъ* виномъ, на могилѣ веселаго поэта, и не чокнулся чашей съ *ширазскими* красавицами, подъ бречаніе ихъ кастаньетокъ и звуки газелей, обожаемыхъ *Ширазцами*?.... Гористый *Ширазъ*,

* Датскій путешественникъ *Вестергардъ*, бывшій со мною въ Персеполисѣ, издавъ уже ихъ, возвратившись въ Европу двумя годами раньше меня.

чуть ли не последняя ступень къ блаженствамъ, обещаннымъ Персіянину на томъ свѣтѣ.

Хотя городъ этотъ до-сихъ-поръ еще носитъ названіе *диръ-уль-ильмъ* (столица знанія), но не уступаетъ Испагану въ этомъ отношеніи: въ послѣдній приходятъ учиться, а въ первый наслаждаться, и слушать роскошный языкъ стиховъ Саади и Хафиза.

Мои занятія въ Ширазѣ заключались преимущественно въ изученіи персидскаго языка: знакомство съ однимъ изъ ученѣйшихъ людей цѣлой Персіи доставило мнѣ къ этому всѣ средства.

Изъ Шираза я долженъ былъ продолжать путешествіе въ Багдадъ, мимо Бендеръ-Биширъ, но какъ въ лѣтнее время караваны не ходятъ этимъ путемъ къ берегамъ Тигра, то мнѣ оставалась единственная дорога черезъ Испаганъ, Хамаданъ и часть Курдистана. Она была не совсѣмъ безопасна, и втрое длиннѣе; но какъ срокъ моего пребыванія въ Персіи приближался къ концу вмѣстѣ съ моими деньгами, въ замѣнъ которыхъ, голова моя была набита множествомъ ширазскихъ фразъ, то я по необходимости рѣшился избрать эту дорогу. На пути въ Испаганъ посѣтилъ я опять Персеполь и развалины Позаргады (Мадери-Солейманъ).

Въ столицу Сефевидовъ возвратился я съ головою болью и лихорадкою; послѣдняя достается здѣсь лѣтомъ на долю каждаго. Мигъ удалось избавиться отъ нея скорѣе другихъ, но всѣ мои спутники жестоко поплатились за это путешествіе. Нашъ караванъ былъ два раза разграбленъ. Всѣ товарищи путешествія захворали; одинъ даже умеръ. На переходъ отъ Испагана до древней Экбатаны (Хамадана) полагаютъ обыкновенно дней десять и двѣнадцать; дорога пролегаетъ по самымъ восхитительнымъ странамъ, а жѣста, лежація по дорогѣ, напоминаютъ послѣдніе дни независимости древней Персіи, павшей при Іездеджердѣ.

Хамаданцы показываютъ каждому путешественнику склепъ, гдѣ виситъ множество лампадъ, увѣряя, что это могила Александра Македонскаго; по ихъ словамъ, на вершинѣ горы *Альвенда*, остановился ковчегъ Нуха (Ноя) и тамъ былъ погребенъ Ной, а у подножія той же горы показываютъ

Гендоль-Нале (книга сопровищъ), нѣсколько таблицъ врезанныхъ въ начало съ клинообразными надписями; подъ этими таблицами, по увѣренію Хамеданцевъ, скрываются страшныя богатства, которыя достанутся тому, кто прочтетъ надписи. Я разобралъ ихъ съ помощію Бюрнуса. Путь изъ Хамадана до самаго Керманшаха идетъ не нѣстами, заселеннымъ Курдами; здѣсь караваны рѣдко проходятъ благополучно. Нѣсколько разъ мы должны были оставлять дорогу и пробираться глухими мѣстами, въ которыя дикіе Курдистанцы не предполагаютъ встрѣтить поживы.

На пути нельзя не остановиться передъ развалинами храма Дини въ Кенгиверѣ; передъ чудесными памятниками древности въ Бисутуи, и около Керманшаха передъ Таки Бусаномъ.

Керманшахъ населенъ Курдами, народомъ свирѣпымъ, который живетъ грабежемъ, набѣгами и войною. Страны, ими обитаемыя, называются общинъ именемъ Курдистана, и большая часть ихъ до сихъ поръ неизвѣстна Европейцамъ; даже путь, по которому проходили десять тысячъ Грековъ, еще не изслѣдованъ, потому что онъ лежалъ чрезъ Курдистанъ. Курдистанъ для насъ terra incognita. Правосудіе варварскихъ обитателей этой прекрасной страны прибѣгаетъ дониндѣ къ самымъ страшнымъ наказаніямъ: преступниковъ сажаютъ на заостренные шесты или бросаютъ въ котлы съ кипящею водою и просто варятъ живыхъ. Эти средства къ укрощенію нравовъ, кажется, могли бы быть вездѣ довольно чувствительными, однако народъ безпрестанно льетъ кровь въ междоусобныхъ дракахъ и бунтахъ; въ самомъ городѣ не рѣдко дѣлаются убійства на базарахъ.

Керманшахомъ заключилось годичное путешествіе мое по Персїи. Отсюда до границъ Турціи три или четыре дня пути.

Въ октябрѣ 1843 года оставилъ я Персїю и вступилъ въ багдадскій пашалыкъ — на порогъ другой державы правительныхъ—Турціи. Вѣчно-цвѣтущія долины и горы Курдистана отсюда сдвигаются необозримыми степями; а въ то время, когда въ Курдистанѣ природа отдохнула отъ лѣтняго зноя и запестрѣла бархатнымъ ковромъ, земля здѣсь сожжена, на ней нѣтъ даже признаковъ жизни. Таковъ рубежъ ши-

рокой привольной аравійской пустыни, гдѣ вольная кочевая братья раскидываетъ свои вѣчные биваки. На степи кое-гдѣ зеленѣютъ группы пальмъ, образуя оазы; бѣдная тѣнь ихъ едва укрываетъ мазанки феллаховъ (земледѣльцевъ), которые кровавымъ трудомъ должны добывать свое скудное пропитаніе; вдали отъ этихъ хижинъ виднѣются, какъ черныя пятнышки, шатры одинокихъ жильцевъ пустыни, раскинутые подъ необъятнымъ шатромъ безжалостно-знойнаго неба. Здѣсь сомнительная тѣнь бѣдной ставки, да сухой кусть терна составляютъ приволье бедуина и его неразлучнаго товарища, неприхотливаго бердьяда (верблюда), этого корабля пустыни, безропотно перебѣгающаго песчаное море, отъ восхода до заката солнца. И на этой — то почвѣ, родилась кипучая поэзія Арабовъ, поэзія бедуиновъ, поэзія пустыни; на этомъ — то раздольѣ колоссальная фантазія бедуина находитъ себѣ вольный просторъ и выливается въ пылкой, поэтической рѣчи. Здѣсь родина поэзіи, которую могъ только создать этотъ фарисъ (рыцарь), отдающій жизнь за любовь, красоту и необузданное своеволие — безпредѣльное, какъ пустыня; а сокровища міра — за коня и верблюда. Дика поэзія бедуина для изнѣженнаго Европейца; дики и пестры ослѣпляющія картины, которыя рисуетъ воображеніе этого неутомимаго наѣздника, разбойника-поэта. Онъ создавалъ ихъ въ пылу своего безумія, когда месть, любовь и ужасъ клокотали въ его груди, а самъ онъ опережалъ вихрь пустыни, несясь на конѣ или верблюдѣ; — когда знойное солнце палило его непокрытую голову, голодъ терзалъ внутренности, а пустынный вѣтеръ заносилъ слѣды, по которымъ направлялъ онъ невѣрный бѣгъ свой. Слѣдовательно, эту поэзію создавалъ тотъ, кто былъ на сторожѣ всѣми чувствами, всѣмъ вниманіемъ; который чутьемъ читалъ слѣды звѣря, кровь, близость воды. И послѣ всего этого можетъ ли быть вполне понятъ онъ Европейцемъ; невидавшимъ ни фариса, ни пустыни? Могутъ ли быть понятны и эта страшная рѣчь, рѣчь ужаса, огня, крови; и эти образы и явленія чуждаго неба и бесплодной, дикой, какъ бы враждебной человѣку земли, надъ которою бедуинъ никогда не плакался? Справедливо ли такъ же унижать эту поэзію, или оспаривать ея достоинства, по-

тому что она не приходится по душѣ и нраву Европейца и не можетъ быть передана на нашъ безцвѣтный языкъ иначе, какъ въ искаженныхъ переводахъ. Желательно бы знать на чемъ основался Шлегель, увѣряя, что въ поэмахъ арабскихъ вообще нѣтъ блестящаго воображенія.

Народъ этотъ, какъ извѣстно, не переѣхалъ своихъ нравовъ отъ Соломона до нашего времени, и до сегодня еще изобилуетъ импровизаторами, поэтами, особенно въ провинціи Джозъ въ Іеменой. Нѣкоторые полагаютъ, что ни одна страна не произвела столько поэтическихъ гениевъ, какъ Аравія; а по словамъ Андреа, одна Аравія имѣла болѣе поэтовъ, нежели весь остальной міръ*.

Но вѣнокъ этой поэзіи началъ увядать съ тѣхъ поръ, когда пусудманство разлилось всепоглощающимъ потокомъ по пустыни и по всей Аравіи; когда, съ появленіемъ Мухаммеда, начали называть первый до-исламическій періодъ жизни Арабовъ *вѣкомъ безвѣрія*. Европейцы перевели это весьма несправедливо словомъ *невѣжество*. Вотъ какимъ именемъ заклеили вѣкъ, украшенный столь свѣжими лаврами поэзіи. Не въ правѣ ли мы стереть это клеймо; и вмѣстѣ съ русскимъ знаменитымъ ориенталистомъ справедливо назвать древнюю жизнь Аравіи—*золотымъ вѣкомъ арабской поэзіи*.

Древняя столица халифовъ—Багдадъ, находится въ такой же безжизненной пустынѣ; Тигръ течетъ у самыхъ стѣнъ города, питая пальмовыя рощи, которыя мѣстами сопровождаютъ его теченіе. Здѣсь живутъ гостепріимные Арабы, а между ними и мои старые знакомые—Персіяне, за одно съ которыми я вглядываюсь въ новые нравы, обычаи, бытъ, и прислушиваюсь къ языку чужой страны.

На берегахъ Тигра можно ли не вспомнить объ Евфратѣ, Мессопотаміи, Вавилонѣ, множествѣ другихъ именъ, призывающихъ на память древнѣйшія событія міра, и подъ влияніемъ этихъ воспоминаній не посѣтить окрестностей Багдада? Здѣсь остатки дворца Хозроевъ—древній Ктезифонъ, противъ

* Онъ говоритъ: «La sola Arabia ha prodotti piu poeti che tutto il resto del mondo insieme». См. «Del origine, progressi e stato attuale d'ogni lit. etc. J. Andrie». Объ этой поэзіи мы скажемъ еще въ другомъ мѣстѣ.

него Селевкия; у самого города Акаркуъ; а на Евфратѣ—огромныя пространства усѣяны развалинами одного Вавилона.

Во время моихъ поѣздокъ въ пустыню, я съ удовольствіемъ посѣтилъ убѣжище Персіянъ — Кербела. Этотъ священный городъ Шитовъ, до новѣйшихъ временъ, никакъ не хотѣлъ принимать въ стѣны свои невѣрныхъ Френговъ, и кажется, что только послѣднія тревоги, произведшія багдадскимъ пашею, могли отворить намъ завѣгнныя ворота надежнѣйшаго убѣжища персидскаго правозвѣрія и въ эту бѣду бѣгутъ Персіяне изъ отечества и скрываются около мечетей Хуссейна и Аббаса, на которыя мы смотрѣли только изъ соседнихъ зданій. Приблизиться же къ праху почившихъ мучениковъ Мусульманъ, не было никакихъ средствъ: я прибѣгнулъ для этого къ персидскому костюму....

На пути въ Хилле, я проходилъ мимо остатковъ Вавилона и съ какою-то грустью смотрѣлъ на множество развалинъ, разбросанныхъ на этомъ огромномъ песчаномъ пространствѣ: всѣ онѣ носятъ различныя названія..... Но вотъ и Евфратъ, вотъ Хилле, а близъ него мѣсто „Столпотворенія“.

На пустынныхъ берегахъ Евфрата, теперь тихо, какъ въ могилѣ: тамъ почилъ вѣчнымъ сномъ великій городъ. Какая-то громада возвышается надъ ихъ царственными водами, какъ мавзолей, поставленный Вавилону—это остатки храма Белія. Геродотъ и Страбонъ говорятъ, что развалины вавилонскаго столпа послужили основаніемъ этому зданію. Далѣе за Евфратомъ, на мѣстѣ, называемомъ Касръ (дворецъ), котораго остатки, разбросанные по холмамъ, носятъ типъ современнаго зодчества, лежатъ въ вѣковыхъ развалинахъ висячіе сады и дворецъ Навуходносора—эти чудеса древнаго міра. Указанія историковъ вполне подтверждаютъ эту догадку. По близости находится множество другихъ, не столь важныхъ развалинъ, о которыхъ даже нѣтъ ни какихъ предположеній: онѣ только оправдываютъ рассказы древнихъ о необъятности Вавилона.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ всѣ памятники, разбѣянные по этой части пустыни, я возвратился въ Багдадъ, гдѣ, сверхъ занятій, заключавшихся въ изученіи арабскаго языка, меня заняла богатая коллекція манускриптовъ полковника

Тайлора, трудившагося двадцать пять лѣтъ надъ собираніемъ ея *. Въ этой массѣ рукописей есть и весьма замѣчательныя: подобное, приобрѣтеніе составило бы апроху, въ исторіи любой европейской бібліотеки.

Хотя приближалось время моего отъезда изъ Багдада, но будучи возникшіи между Курдами по случаю смерти мусульманскаго правителя, прекратилъ всякое сообщеніе съ этою провинціею; къ тому еще прибавилось и не совсѣмъ счастливое возвращеніе мое изъ пустыни, гдѣ я провелъ долгое время: я ходилъ съ подвязанною рукою. Обѣ эти остановки вскорѣ однако уничтожились. Я направился по древней Ассиріи въ Мосуль, и, на утомительномъ пути въ древнюю Иллевію, посѣтилъ Эрбилъ (древніе Арбеллы). Огромная равнина, на которой возвышается ничтожная крѣпостца, была достойною сценою встрѣчи двухъ такихъ людей древняго міра, каковы были Александръ и Дарій.

Я пріѣхалъ въ Мосуль въ то время, когда французскій консулъ Ботта трудился надъ открытіемъ памятниковъ, обратившихъ на себя вниманіе всей просвѣщенной Европы. — Великолѣпные остатки ассирійскаго зодчества составляютъ единственную драгоценность этого края, по величинѣ своей, совершенству, древности и богатству клинообразныхъ надписей. Онѣ прольютъ новый свѣтъ на исторію Ассиріи, которой листы до-сихъ-поръ такъ неполны. Ботта въ подробности описалъ эти развалины, въ донесеніяхъ къ французскому министру внутреннихъ дѣлъ, который вполнѣ оцѣнивъ это удивительное открытіе, поручилъ живописцу Фландену (Flandin) снять всѣ части памятниковъ. Нынѣ всѣ работы уже кончены **: къ сожалѣнію скоро, быть можетъ, вовсе не удастся видѣть этихъ любопытныхъ развалинъ путешественникамъ, изрѣдка посѣщающимъ этотъ край: развалины видимо дряхлѣютъ отъ времени, и разрушаются отъ вліянія воздушныхъ перемѣнъ. Земля и время вступаютъ въ свои права. Когда я, въ числѣ немногихъ Европейцевъ, былъ въ

* Известный академикъ нашъ Г. Френзъ, говоритъ объ ней въ Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Heft I. 1846.

** Они изданы подъ заглавіемъ: «Monument de Ninive, découvert et décrit par E. Botta, mesuré et dessiné par E. Flandin».

Мосулъ въ первое время возобновленія древностей Ниневіи, то мнѣ удалось полюбоваться всѣмъ ихъ блескомъ. Кто видѣлъ Персеполисъ, тотъ непременно найдетъ родственное сходство между двумя великими остатками первобытнаго искусства. Ботта, сопровождавшій меня въ Хорсабашъ, — названіе деревни, близъ которой найденъ памятникъ, — обратилъ мое вниманіе на всѣ подробности сдѣланнаго имъ открытія, и такимъ образомъ, стоя на руинахъ древней Ниневіи *, мы дѣлились воспоминаніями о ея прежней славѣ съ реставраторомъ дворца ассирійскихъ государей. Говоря о развалинахъ, я прибавлю съ своей стороны, что мною найденъ также одинъ большой камень съ клинообразною надписью, на мѣстѣ древней Лариссы Ксенофонта, въ Нимрудѣ, близъ Мосуля. Это открытіе доказывало, что и тамъ, быть можетъ, скрывается какой-нибудь архитектурный остатокъ, тѣмъ болѣе, что мѣстность представляетъ разительное сходство съ мѣстностью Ниневіи. Хофъ-абадъ и Нимрудъ суть довольно правильные холмы; около послѣдняго разбросано множество кирпичей, сходныхъ съ вавилонскими, на которыхъ встрѣчаются многіе слѣды клинообразныхъ буквъ, я обратилъ на это открытіе вниманіе Ботты, и недавно узналъ, что ожиданія мои оправдались: Лаертъ, какъ извѣстно, сдѣлалъ тамъ дальнѣйшія открытія.

Я не ограничился посѣщеніемъ этихъ мѣстъ, и отправился далѣе въ Курдистанскія горы, съ цѣлью побывать въ монастыряхъ, уцѣлѣвшихъ отъ первыхъ вѣковъ христіанства, гдѣ донынѣ смиренные затворники охраняютъ тамъ алтари свои, терпя безпрестанныя нападенія Курдовъ.

Въ этихъ убѣжищахъ отшельниковъ, расположенныхъ, по большей части, на неприступныхъ горахъ, я слышалъ безпрестанныя жалобы на ихъ дикихъ сосѣдей. Три года назадъ толпа Курдовъ нахлынула на нихъ, ободрала всѣ иконы, ограбила церкви, сожгла церковныя книги, и увлекла связанныхъ монаховъ и священниковъ въ Амадію. Я приближался къ Амадіи и былъ въ горахъ самаго свирѣпаго племени, — Іезидовъ; религіозныя вѣрованія ихъ еще мало

* Мнѣ кажется, нельзя утвердительно сказать, что найденный памятникъ спотрѣенъ именно на мѣстѣ Ниневіи, а близъ Ниневіи

намъ извѣстны *. Это сибѣ самыхъ страшныхъ нечестностей, скрываемыхъ въ величайшей тайнѣ. Они поклоняются шайтану или дьяволу. Не смотря на негостепримство этого народа, мнѣ удалось проникнуть въ ихъ монастырь — Шейхъ-Аади, который до послѣдняго времени былъ Харемомъ для путешественниковъ, жаждавшихъ побывать въ таинственныхъ капищѣ, поклонниковъ шайтана. Тамъ нашелъ я нѣсколько несторіанскихъ семействъ, которымъ эти свирѣпыя горы дали кровъ и убѣжище, въ чемъ отказали правовѣрные. Іезиды болѣе любятъ христіанъ, чѣмъ послѣдователей алкорана. Здѣсь поразила меня еще одна особенность: всѣ обитатели монастыря одѣваются, подобно нашимъ монахамъ, въ черное платье, что производитъ страшный эффектъ въ странѣ, гдѣ во всемъ видишь яркую пестроту. Монастырь, въ которомъ похороненъ ихъ святой, содержится въ удивительной чистотѣ — неслыханная вещь на Востоку!... Тамъ не позволяютъ даже въ туфляхъ пройти по двору. Около двери, или входа въ главное зданіе, васъ поразятъ изображенія въ видѣ іероглифовъ. Тутъ нарисованы гребенка, змѣя, жезлъ съ дугообразною верхушкою. Возвратясь въ Мосуль, я подѣлился открытіемъ съ моими тамошними пріятелями, Англичанами, которые дерзнули уже на эту попытку; а они поздравили меня съ тѣмъ, что я принадлежу къ числу первыхъ Европейцевъ, проникнувшихъ только нынѣ въ убѣжище Іезида. Я порадовался моей заслугѣ и отправился въ утомительный путь къ Алеппо.

Изъ Мосуля путь мой лежалъ въ Діарбекръ, черезъ Низибинъ,—гдѣ я посѣтилъ развалины церкви Якова Низибинскаго,—и Мардинъ, славный своею неприступностью.

Извѣстно, что нынѣ Оттоманская порта рѣшаетъ весьма важный вопросъ объ усмирении Бедръ-Ханъ-Бека, который тиранствуетъ и истребляетъ Несторіанъ въ горахъ по сосѣдству. Я былъ свидѣтелемъ неслыханныхъ жестокостей этого Курда, который рѣшительно не признаетъ власти султанской, когда дѣло касается до его личныхъ интересовъ. Бедръ-Ханъ-Бекъ, дикій, кровожадный, неукротимый Курдъ, имѣетъ

* Объ немъ мы не много знаемъ изъ «Description du pachalik de Bagdad par Silv. de Sacy», гдѣ находится столбъ Іезида.

такое влѣпаніе на своихъ единоплеменниковъ, что въ области, гдѣ они владычествуютъ, около Джебзиръ, — на пути изъ Мосула въ Діарбекръ, — господствуютъ на дорогахъ та безопаснѣе, что проводатые оставляютъ путешественниковъ, говоря „воровство и грабежъ на землѣ Бадръ-Ханъ-Бека, дѣло несмыслимое“. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ провинціи безопаснѣе этой, между-тѣмъ какъ нѣтъ дорогъ опаснѣе курдистанскихъ, гдѣ грабежи и убійства не умолкаютъ. Выйдите изъ предѣловъ владѣнія Бадръ-Ханъ-Бека, и снова начинаются рассказы о грабежахъ и предосторожностяхъ, и если хотите путешествовать сколько-нибудь безопасно, то непременно берите караванъ въ проводатые — путешествіе съ караваномъ всегда опаснѣе: въ караванѣ есть пожива; а Европейцы хоть и слывутъ на Востокѣ богачами, но ихъ личность тамъ неприкосновенна, благодаря нашимъ посольствамъ и консульствамъ.

Въ Курдистанѣ, котораго народъ, племена, языкъ и литература намъ весьма мало извѣстны, я обратился преимущественно къ филологическимъ и этнографическимъ занятіямъ. Я узналъ здѣсь около двухсотъ-пятидесяти племенъ, изъ которыхъ Европейцы знаютъ только около семидесяти. Названія ихъ, можетъ быть, могутъ навести насъ на слѣды древней этнографіи этой полосы Азіи. Извѣстно, что въ Курдахъ думаютъ видѣть Кардучіевъ и Гордіанъ — Страбона и Ксенофонта. Изъ литературныхъ памятниковъ, о которыхъ мы ничего не знаемъ, найдено мною нѣсколько весьма замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній. Но обо всемъ этомъ скажу на своемъ мѣстѣ.

Въ мрачномъ Діарбекрѣ, котораго стѣны построены изъ чернаго камня, провелъ я нѣсколько дней.

За недѣлю до выѣзда моего отсюда началась страшная борьба стихій; начался періодъ ливней, снѣгу и граду. Рѣки вышли изъ границъ своихъ, караваны прятались въ городахъ и деревняхъ; никто не пускался въ путь, меня также удерживали, страшая ужасами дороги, о которой рассказы я слышалъ еще въ Мосулѣ. Тамъ говорили, что предстоящая мнѣ дорога — дорога невиданная во всемъ мусульманскомъ царствѣ.

Я не вынаждалъ ничему, и рѣшился непременно встрѣтить Массу въ Алеппо, гдѣ много христіанъ и полуевропейцевъ (Лавантинцовъ). Такая встрѣча казалась, впрямую, путешественнику на Востоку, не говорившему болѣе года на родномъ языкѣ; за это я дорого заплатилъ.

Я выѣхалъ въ началѣ страстной недѣли (въ понедѣльникъ, зашестое.) съ полнымъ убѣжденіемъ, быть въ Алеппо черезъ три или четыре дня; но сопровождали пятнадцать воору- женныхъ солдатъ, но независимо отъ дурнаго состоянія до- роги. Турки воевали на пути съ Арабами, а Курды и Балу- чинъ, пользуясь этимъ, выходили всевать съ караванами.

Описать дорогу на Востокъ, да притомъ самую дурную, кажется дѣло совершенно невозможное, для этого не доста- нетъ ни словъ ни воображенія. — Вы, можетъ быть, знаете, что на Востокъ дороги оставлены на пощеченіе самой при- роды, тамъ объ нихъ никто не заботится; руки человѣскія до нихъ не прикасаются; отъ дорогъ терять только ноги четверо- и двуногихъ животныхъ. Восточныя дороги пред- ставляютъ какую-то хаотическую полосу, забросанную какъ понало камнями, въ которыхъ терются тропинки, называе- мые дорогомъ. Каменья разныхъ разбѣровъ и формъ, утесы, авраги, горы, ущелья, лѣса, рѣки и болота, пески, словомъ рѣ- шительно все соединяется на дорогахъ, но это нѣсколько не мѣшаетъ пробираться, взлѣзать, спускаться и наконецъ те- рять тропинку, во которой идетъ ваша лошадь или другое животное, обреченное на такую муку.

Перевозы черезъ рѣки очень рѣдки и можно сказать вовсе не существуютъ. На Тигрѣ и Евфратѣ около селеній и горо- довъ встрѣчаются иногда переправы, на караванныхъ доро- гахъ, которыя прерываются этими рѣками; тамъ устремляют- ся для перевоза родъ маленькихъ плотовъ (наелѣкъ), спле- тенныхъ изъ сучьевъ деревь, подъ которыми подвизываются пузыри. На этотъ плотъ сажаютъ вѣхъ и кладутъ весь ба- гажъ путешественниковъ или каравана. Лошади и мулы плы- вутъ возлѣ, поплаваемые плотами, которые привязываютъ подъ себя пузыри, и если караванъ великъ, то такія пере- правы продолжаются иногда по нѣскольку дней.

Есть еще родъ лодожъ, которыя называются въ Багдадѣ

куфи; онѣ представляютъ совершенно круглую корзину, съ плоскимъ дномъ. Куфи плетутся изъ тростника и обливаются смолой или нефтью. Пассажиръ входитъ въ нее и садится, или стоитъ въ этой посудинкѣ, а одинъ или двое управляютъ чѣмъ-то, въ родѣ весла. Посудина во время плаванія или вертится вокругъ, или только поворачивается назадъ и впередъ. Вотъ и всѣ роды переправъ, но и этихъ весьма немного. Обыкновенно переходъ черезъ рѣки совершается въ бродъ. Не жалѣйте тогда ни себя, ни своего багажа. Мостъ на Востокъ вещь довольно рѣдкая и принадлежитъ по большей части къ временамъ Римлянъ, Грековъ, и другихъ древнихъ народовъ.

Я сказалъ уже, что всѣ рѣки разлились неизмовѣрно; горные потоки надулись отъ дождей и вообще были опасны для переходовъ. Онѣ вырывали съ корнями деревья, и катили съ быстротой камни, падающіе съ оторванною землею. Черезъ нѣсколько такихъ рѣкъ и намъ предстояло переплыть. Весной переходы чрезъ нихъ вообще опасны, и потому путешественникъ, вооружась терпѣніемъ, можетъ расположиться на берегу рѣчки и провести нѣсколько недѣль, наблюдая убыль или прибыль воды; но за то лѣтомъ, когда рѣки мѣлѣютъ, къ этимъ переправамъ привыкають до такой степени, что онѣ не представляютъ никакихъ затрудненій.

Когда я выѣхалъ изъ Діарбекра послѣ многодневнаго дождя, то страна, по которой мы странствовали, представляла первый день послѣ всемірнаго потопа; мы плыли по залитымъ полямъ, падая безпрестанно съ лошадей, которыя не будучи въ состояніи вытаскивать насъ изъ этой топи, преспокойно ложились въ грязь. Вы конечно знаете, что на Востокъ нѣтъ экипажей, а путешествуютъ верхомъ на лошадяхъ, мулахъ, верблюдахъ и ослахъ.

Правда, васъ не трясеть, не качаетъ, но подобная ѣзда изломаетъ васъ совершенно. Лошадь, спускаясь съ крутизны, иногда прыгаетъ черезъ камни, и если вы не удержались на сѣдлѣ, то можете свалиться на-земь, а можете быть и на камень; наконецъ, когда лошадь, послѣ напрасныхъ усилій, ложится въ изнеможеніи, то она можетъ

притиснуть къ землѣ или къ камню ногу вашу и заставить испытать всѣ ужасы пытки, болѣе или менѣе продолжительной. Но за то подобное путешествованіе замѣняетъ всякую гимнастику, и укрѣпляетъ того, кто все вынесетъ.

Въ первый день, когда силы наши были свѣжи, а лошади бодры, этотъ вояжъ имѣлъ для меня особенную занимательность; но когда вечеромъ въ тотъ же день лошади пристали и мои спутники отказывались идти далѣе, то мы должны были свернуть съ большой дороги и искать убѣжища. Каждый изъ провожатыхъ хвасталъ своимъ знаніемъ края, но на дѣлѣ оказалось, что всѣ они ровно ничего не знали. Догадки были не вѣрны; деревень близъ дороги не оказалось, а дождь, снѣгъ и градъ промочили насъ до костей.—Положеніе наше было критическое: мы ночью оставили дорогу и забрели въ непроходимое бездорожье, не будучи въ состояніи ни согрѣться и развести огонь, ни накормить истомленныхъ лошадей. Такъ прошла однако первая ночь нашего путешествія.

Второй день, проведенный такъ же на большой дорогѣ, взнурилъ насъ дотого, что мы не знали, что дѣлать.... Въ окрестностяхъ не было и слѣдовъ деревни; но кто-то началъ увѣрять, что въ нѣсколькихъ часахъ пути, было когда-то селеніе, и что оно уцѣлѣло и до нынѣ. Не имѣя возможности продолжать нашъ путь, мы снова рѣшились оставить дорогу, для новыхъ поисковъ.

Наконецъ намъ удалось найти нѣсколько пустыхъ мазанокъ, до половины зарытыхъ въ землю. Мы обрадовались несказано; но совершенное безмолвіе этого quasi-селенія еще издали дало намъ почувствовать, что оно необитаемо. Въ самомъ дѣлѣ, не было слышно даже лая собаки, этого вѣрнаго предвѣстника жилаго мѣста. Мы однако влеклись впередъ, не смотря ни на что, и наконецъ достигли деревушки. Она дѣйствительно была оставлена. Жители ея Курды откочевали въ горы, а мазанки были совершенно пусты, слѣдовательно оставаться здѣсь не было разчета. Лошади рѣшительно не пошли бы, или лучше, не поплыли бы завтра, послѣ двухъ-дневной діеты; и вотъ мы начали рыть ружьями и саблями всякое возвышеніе, въ которомъ, по нашему мнѣ-

нию, могли быть спрятаны какіе нибудь запасы для нашихъ слабыхъ лошадей.

Надобно замѣтить, что осѣдлая племена, откочевывая въ горы, часто зарываютъ зимній запасъ суружа, — рубленую солому или ячмень, — около домовъ своихъ; а лѣтомъ оставляютъ лошадей на подножномъ кормѣ.

Когда всѣ наши поиски оказались совершенно бесполезными и еще болѣе утомили насъ, то мы рѣшились идти нигдѣ не останавливаясь черезъ эту безлюдную пустыню, пока не найдемъ корма лошадямъ, хотя бы намъ пришлось дѣлать по двадцати шаговъ въ часъ; каждая минута медленія разслабляла только лошадей нашихъ.

Ночью не представлялось намъ опять никакого убѣжища, даже на дорогѣ въ продолженіи этихъ двухъ сутокъ не встрѣтили мы ни одной живой души. Наконецъ намъ пришлось идти пѣшкомъ, по колѣна въ лужахъ, и никто не зналъ, чѣмъ кончится это странствованіе.

Такимъ образомъ тащились мы молча нѣсколько часовъ, едва вытаскивая ноги изъ страшной грязи; какъ вдругъ одинъ изъ провожатыхъ крикнулъ съ восторгомъ: „Здѣсь люди, люди! Смотри, вдали огонекъ“. У насъ явились новыя силы; подобно пловцамъ послѣ продолжительной бури, мы держали прямо на огонекъ, оставивъ большую дорогу. Наконецъ мы подошли къ какому-то домику. — Это была мельница. Мои провожатые, обогнавъ меня, радостно толпились около дверей, въ слѣдъ за ними подѣхалъ и я къ дворцу надеждъ нашихъ.

Я не успѣлъ спросить еще „кто здѣсь, и что это такое?“ какъ мои товарищи начали кричать: „не сходите съ лошади — здѣсь ничего нѣтъ“.... Между тѣмъ двое изъ солдатъ спорили не на шутку съ Курдами, которыхъ было человекъ десять.

Въ Турціи, солдатъ не можетъ обойтись безъ насилій — онъ ничего не проситъ, а все требуетъ или отнимаетъ.

Курды, увидѣвъ толпу воиновъ молодцевъ, могли думать, что это авангардъ какой нибудь толпы, ищущей хлѣба вооруженною рукою. Замѣтивъ это, я вѣшался въ дѣло, и, обратясь къ самому старѣйшему, просилъ хлѣба и соломы для лоша-

дей нишихъ, объяснивъ, что двухдневное страствованіе наше, подъ проливнымъ дождемъ, безъ пристанища, безъ хлѣба, по страшной слякоти, совершенно насъ обезсилю. Въ заключеніе обѣщавъ заплатить все, сколько бы ни запросили, а толпа отвѣчала за старика, что ни хлѣба, ни соломы у нихъ нѣтъ, и что денегъ имъ не нужно. Я повторилъ мою просьбу въ другой, и даже въ третій разъ, слыша, что конвой мой ропщетъ уже не на шутку.

Когда всѣ эти просьбы и обѣщанія, пачинавшіяся словами „заплачу и дамъ“, нисколько не помогли, мы перестали просить, а начали требовать, чтобы они сказали намъ—изъ какой они деревни? — Мы надѣлились какъ-нибудь сами туда добраться, и тамъ найти на время убѣжище.—Но въ этомъ намъ было отказано. Тогда просьбы наши перешли въ угрозы, а потомъ и въ открытую драку. Такъ, начавъ действовать кошелькомъ, мы обратились къ саблѣ и пистолету, которыхъ языкъ легко понимаютъ на Востоку.

Когда Курды рѣшительно не хотѣли сказать—откуда они и есть ли около мельницы какое нибудь селеніе; то одинъ изъ моихъ солдатъ назвалъ ихъ шайкою разбойниковъ, и грозилъ, что мы истребимъ ихъ, если они не будутъ намъ повиноваться. Курды оскорбились и отвѣчали какою-то бранью. Солдатъ мой снялъ съ плеча ружье и началъ изо всѣхъ силъ колотить кого попало. Товарищи заступились за обиженныхъ, и завязался бой. Никто не слушалъ моихъ словъ, они терялись въ крикъ. Я видѣлъ, что это можетъ кончиться дурно, и что слѣдствіемъ отчаянной драки будетъ нѣсколько человѣкъ избитыхъ за-мертво.—На Востоку христіанинъ болѣе всего долженъ остерегаться ссоръ съ мусульманами. Тамъ христіанинъ вѣчно виноватъ—а мусульманинъ правъ; убить христіанина тамъ не рѣдкость.—И потому когда я замѣтилъ, что дѣло принимаетъ серіозный оборотъ, и что я могу поправить его только личнымъ вмѣшательствомъ, то выхватилъ изъ сѣдла пистолетъ, далъ шпоры усталому коню своему, и сбивши съ ногъ нѣсколько Курдовъ очутился въ два скачка въ толпу, лицомъ къ лицу съ виновникомъ сраженія; приставивъ ему пистолетъ ко лбу, я громко закричалъ: „убью, если не перестанешь“!

Курдъ былъ окровавленъ и стоялъ передо мной, не выпуская изъ рукъ жертвы. Я выстрѣлилъ.... Это произвело ожидаемое дѣйствіе: выстрѣлъ, сдѣланный на воздухъ, отвлекъ ихъ отъ драки и напугалъ.... Побоище кончилось; но намъ не было отъ этого легче.

Драки оканчиваются обыкновенно отрывистыми объясненіями—короткія фразы перекидывались изъ одной толпы въ другую, какъ послѣдніе отголоски недавней вражды. У насъ было двое раненыхъ. Я опять обратился къ старику, прося его за червонецъ довести меня до ближайшей деревни. Старикъ не согласился. Два, три раза, просьба была отвергнута. Новыя угрозы заключились тѣмъ, что либо зажжена будетъ мельница, чтобы можно было погрѣться у этого костра, либо кто нибудь изъ нихъ проводить насъ въ деревню.... Ничто не помогло. Я испыталъ послѣднее средство и грозился накинуть старику петлю на шею и потащить его такимъ образомъ. Старикъ былъ непоколебимъ и спокойно повторялъ „я не пойду“. И такъ просьбы, угрозы, золото, все было бесполезно. Намъ оставалось обратиться къ единственному средству дикихъ — къ насилію. Дѣло происходило около мельницы; было уже темно; до полуночи оставалось часа два; молнія свѣркала время отъ времени; громъ то перекатывался, то трещалъ какъ частая ружейная пальба, то разражался пушечными выстрѣлами. Стукъ оружія, крики и ржаніе лошадей, довершали картину, на которую падалъ мерцающій свѣтъ изъ дверей мельницы. Свирѣпые лица разъяренной шайки моей были ужасны—ни дать ни взять походили на товарищей Карла Моора. Старикъ Курдъ вошелъ въ мельницу. Я обратился къ Курдамъ и, весьма торжественно призывая Аллаха въ свидѣтели, объявилъ: „что разведу огонь, и разрою могилы ихъ отцевъ“, если кто нибудь изъ нихъ не будетъ нашимъ провожатымъ. Они поклялись не идти.

Я приказалъ снять узду съ одной лошади, закинуть ее петлей на шею старика и тащить его. Приказаніе мое начало приводиться въ исполненіе, я сошелъ съ лошади и сталъ на порогъ мельницы съ двумя пистолетами въ рукахъ, заграждая входъ, пока солдатъ мой вытащитъ старика. Курды, видя нашу рѣшимость, стали наконецъ совѣтоваться, какъ бы

уговорить старика, взять червонецъ и идти добровольно. Старикъ явился на привязи. Мнѣ стало совѣстно, и я предложилъ плѣннику два червонца. Старикъ отвергнулъ ихъ, говоря, что онъ пойдетъ не иначе какъ на веревкѣ. Мы пошли. Онъ шелъ между двухъ верховыхъ, которые угрожали ему страшнѣйшимъ наказаніемъ въ случаѣ обмана.

Такимъ образомъ мы шли опять съ надеждою, что по милости старика дойдемъ наконецъ до какой нибудь деревни. Между тѣмъ я по временамъ обращался къ нашему чичероне, прося его взять два червонца.—Старикъ упрямылся: „Ведите меня, кричалъ онъ, а денегъ я не возьму“. Не смотря однако на такое самоотверженіе, я велѣлъ снять съ него веревку. Онъ отвѣчалъ, что безъ нея не пойдетъ. Это внушило мнѣ невольное уваженіе къ старику и я вооружился противъ него оружіемъ нравственнымъ — убѣжденіями. Побѣда осталась за мной. Мы посадили его на лошадь, остановились и начали разсуждать. Дѣло кончилось тѣмъ, что старикъ жаловался на холодъ, грязь, дождь, и на обратный дальний путь, который предстоялъ ему. Я разжалобился и рѣшился отпустить его, на что никто не согласился. Полночь прошла давнымъ давно. Мы все таки шли, передъ нами опять засверкалъ огонекъ, мы обрадовались больше чѣмъ первому, который мы съ такимъ удовольствіемъ оставили. Старикъ, указавъ намъ на свѣтъ, пробивавшійся по временамъ черезъ дождь и тьму, сталъ неотступно просить объ освобожденіи. Мы отпустили его. На прощанье я далъ ему обѣщанные червонцы, но онъ не взялъ ихъ. Неужели и здѣсь не найдемъ мы наконецъ пристанища, думалъ я, приближаясь къ огоньку? Увы! нѣтъ....

Конница моя съ восхищеніемъ понукала лошадей, чуя отрядный отдыхъ. Я отсталъ, выбившись совершенно изъ силъ; но едва толпа солдатъ моихъ успѣла приблизиться къ какой-то массѣ крышъ или террасъ, освѣщаемыхъ по временамъ молніею, какъ крикъ отчаянія, сложившійся изъ женскихъ и дѣтскихъ голосовъ, поразилъ меня сильнѣе грома, который разразился надъ нашими головами и зажегъ дерево въ двад-

цати шагахъ отъ насъ. Это однакожъ не пошѣшало произ-
 тельнѣйшимъ крикамъ. Я поспѣшилъ впередъ, но лошадь моя
 не шла отъ изнеможенія. Что же намъ представляла на-
 ша новая надежда—этотъ новый свѣтъ, блеснувшій намъ ка-
 кою-то отрадою? Толпу оборванныхъ сѣдыхъ стариковъ и
 старухъ, за которыми прятались дѣти; всѣ они подымали ру-
 ки, указывая на небо, и кричали такъ отчаянно, что я ни-
 чего не могъ понять и разслышать. Признаюсь, я засмѣялся
 въ душѣ и готовъ былъ принять все за ночной миражъ. Я
 не видывалъ сцены отвратительнѣе и невыносимѣе. Тутъ не
 помогли бы ни просьбы, ни золото, ни угрозы, ни насилія,
 къ которымъ, увы! мы должны были прибѣгать столь безче-
 ловѣчно, если хотите. Нѣкоторыя сѣдые колдуньи держали въ
 рукахъ зажженные головни, которыми освѣщалась эта сцена
 не смотря на проливной дождь. Мои кавалеристы останови-
 лись въ какомъ-то остолебѣннѣи и смотрѣли, не понимая
 ровно ничего.

Я сначала думалъ, что, можетъ быть, присутствіе солдатъ
 произвело такую тревогу, въ этомъ племени стариковъ и
 ребятишекъ, и приказалъ отойти всѣмъ назадъ; а самъ под-
 ѣхалъ къ этой неустойчивой толпѣ, и сталъ просить ради Ал-
 лаха замолчать, повторяя, что я *Френз*, и что никто ничего
 не возьметъ, безъ денегъ, а что эти солдаты мои.

Страшное племя наконецъ замолчало. Я вступилъ въ раз-
 говоръ съ однимъ не совсѣмъ дряхлымъ старикомъ, прося
 только хлѣба, соломы и уголь для отдыха. Старикъ клялся,
 что у нихъ ничего нѣтъ, что племя ихъ откочевало въ горы,
 унесло съ собою все, что у нихъ самихъ нѣтъ хлѣба; и
 они остались здѣсь только потому, что не могутъ добраться
 до горъ, за неспособностью, старостью и слабостью.

Каковъ народъ, съ которымъ мы имѣли дѣло!... Я рѣши-
 тельно потерялся... Голодъ терзалъ меня и моихъ товарищей;
 еще болѣе страдали бѣдныя лошади. Намъ [отказали и въ
 кускъ хлѣба. Мы конечно могли бы воспользоваться кровлею
 и обсушиться, но на завтра оголодавшія лошади наши рѣ-
 шительно бы не сдѣлали шагу.

И такъ должно было думать о дальнѣйшемъ пути, и

искать этого кочевья, но на пути ли оно у насъ или пѣтъ?.... Я боялся умерить съ голоду моихъ спутниковъ; но нечего дѣлать, идемъ искать кочевья!.... и усиленными просьбами, намъ удалось достать наконецъ мальчика въ провожатые. Мальчика посадили на сѣдло къ одному изъ солдатъ; и мы опять тронулись. Свернувъ совершенно въ сторону отъ дороги, мы переходили въ бродъ и рѣки и необозримыя лужи. Дождь не прекращался, но уже сдѣлался для насъ привычною стихіею, и мы не обращали на него никакого вниманія. Еще до вступленія, я строжайше приказалъ своимъ солдатамъ: сморгать за нашими чичероне и не спускать его съ сѣдла. Я какъ будто предвидѣлъ, что онъ отведетъ насъ отъ деревни и потомъ скроется въ темнотѣ, и не ошибся.

Мальчикъ постоянно указывалъ на горы, гдѣ кочуетъ итъ племя и наконецъ, заведя насъ въ какую-то непроходимую тупицу, просилъ позволенія сойти съ лошади, потому что мы рѣшительно тонули и безпрестанно спынивались, вытаскивая за поводья лошадей своихъ.

Я отсталъ въ это время. Солдатъ, который караулил нашего чичероне, склонился на просьбы мальчика, общавшаго пѣшкомъ лучше отыскать дорогу, съ которой онъ сбился въ темнотѣ, и спустилъ его съ сѣдла; но какъ мы шли въ разсыпную, то онъ постоянно былъ на глазахъ, то у того, то у другаго.... Вдругъ мои солдаты начали перекликаться.... Моя догадка сбылась. Мальчикъ исчезъ въ темнотѣ.

Сильный и порывистый вѣтеръ хлесталъ дождемъ и градомъ, прямо намъ въ лицо. Градъ былъ такъ крупенъ, что лошади поворачивались назадъ и прятались другъ за друга. Молнія освѣщала эту безлюдную страну, обреченную, казалось, на потопленіе. Мы стали въ-тупикъ. Я принялся за чтеніе *Таблицъ непосредственнаго предопредѣленія*, и нашелъ, что кому изъ насъ суждено утонуть въ рѣкѣ, а не въ грязи, тотъ, не смотря на всѣ страсти, вѣрно доберется до рѣки, и тамъ утонетъ; а кому суждено умереть дома, тотъ доберется и до дому. Предопредѣленіе не обмануло дѣйствительно; на другой день, одному изъ насъ суждено было добраться только до рѣки, а другому остаться въ ней.

Мои правовѣрные сочли меня за великаго *Хакима* (мудреца), и рѣшили, что надобно держать прямехонько въ горы, чтобы тамъ послѣ ни случилось.

Идемъ. Я Алла! Я Алла! Съ Богомъ, съ Богомъ, крикнули мы, и по указанію Его непосредственнаго предопредѣленія“.

Мы двинулись и шли, держа прямо въ горы. Когда же наконецъ выбились изъ лужъ и болотъ, то передъ нами вдали опять засвѣтился огонекъ; онъ намъ казался на какой-то высотѣ, на небѣ. Это были горы и кочевье, у подошвы ихъ широкая полоса воды—это рѣка, или порядочная рѣчка.

Но какъ мы уже привыкли къ такимъ обманчивымъ огонькамъ и нерадушнымъ приемамъ, то сочли за лучшее, пуститься на хитрости. Старшій изъ солдатъ совѣтовалъ мнѣ держать себя какъ можно важнѣе и не рассказывать о всѣхъ приключеніяхъ, потому—что съ такимъ важнымъ лицомъ подобныя приключенія не должны никогда случаться; и наконецъ, чтобы я приказывалъ и покрикивалъ на всѣхъ, а отнюдь не просилъ; потому что крикъ полезнѣе просьбы. Рѣшено было, чтобы около меня ѣхалъ впереди урядникъ, сзади солдаты, и въ такомъ порядкѣ мы должны были приблизиться къ кочевью и крикнуть „шейха“. Потомъ остановиться у его палаты, и съ приличною важностью приказать, чтобы размѣстили солдатъ по палаткамъ....

Мы взобрались наконецъ на горы, и подъѣхавъ къ палаткѣ шейха, спѣшились. Бородатый Курдъ, огромнаго размѣра, называвшій себя шейхомъ, пожалѣлъ съ перваго раза, что лошадямъ нашимъ нечего будетъ ѣсть, и прибавилъ, что для меня будетъ курбанъ (жертва) изъ жирнаго ягненка. Пріемъ былъ такъ неожиданно хорошъ, что мнѣ было совѣстно разыгрывать долѣе приготовленную роль.

Извините, прибавилъ шейхъ, дождь затопилъ насъ, и со стадами въ этихъ шатрахъ: вы должны какъ нибудь потѣсниться. Вѣдь и скотину не выгоняемъ подъ дождь.

Я уже приготовился просидѣть хоть подъ дождемъ, да только не голоднымъ. Шатеръ Курда былъ залитъ водою. Около ста барановъ, нѣсколько Курдовъ и лошадей, столпи-

лись около костра, разложеннаго почти по срединѣ шатра. Всѣ грѣлись, я уступалъ мѣсто гостямъ, десятокъ полѣвъ замѣнили диванъ, который постепенно тонулъ по мѣрѣ дожда. Мы считали себя счастливейшими изъ смертныхъ. Шейхъ хлопоталъ о томъ, чѣмъ накормить лошадей нашихъ. Рубленой соломой, которая на Востокъ замѣняетъ сѣно, не было у нихъ вовсе, и потому лошади кормились травой. Послѣ многихъ усилій удалось наконецъ найти нѣсколько горстей ячменю.

Наконецъ, явился плавъ и курбанъ.... Можете себѣ представить блаженство, которымъ наслаждались мы сидя по колѣна въ водѣ и грязи? Никто не думалъ о завтрашнемъ днѣ и, какъ всѣ живущіе надеждой, мы полагали, что къ утру дождь кончится и мы преблагополучно пойдемъ далѣе. За трапезою сидѣли безъ разбору чина, званія, состоянія и лѣтъ, и потомъ, поблагодаривъ Аллаха и шейха, разлѣстились въ палаткѣ въ сообществѣ сотни четвероногихъ, для давно желаннаго отдыха.

Мой Давудъ спалъ въ объятіяхъ коровы, для того чтобы согрѣться, какъ объяснилъ онъ послѣ. Два барана, члены нашего общества, задохлись отъ тѣсноты, и были зарѣзаны въ продолженіи нашего отдыха, который длился часа три. Я два раза хватался съ-просонья за пистолеты, при словахъ „зарѣжь его, зарѣжь!“, которые были произнесены хриплымъ голосомъ, около ушей моихъ; къ счастью, слова эти относились къ двумъ жертвамъ, павшимъ отъ духоты. Вотъ всѣ приключенія ночи.

Утро, начавшее новый и самый несчастный день нашихъ странствованій, пришло какъ незванный гость. Дождь продолжалъ лить. Мы не знали, пускаться ли намъ въ путь, или нѣтъ. Намъ было здѣсь *такъ хорошо!* Шейхъ безпрестанно повторялъ намъ, что на пути есть страшная рѣченка, которая, говорятъ, бушуетъ, надувшись отъ дождей: но что я могъ дѣлать противъ воли провожатыхъ, — у нихъ были свои лошади, мои же были наняты.

Послѣ многихъ совѣщаній, рѣшили, что оставаться здѣсь нельзя по недостатку корма для лошадей. На Востокъ, когда лошадей кормятъ травой, тогда на нихъ не ѣздятъ; они

отдыхаютъ во все время подножнаго корма, что продолжается мѣсяць.

Должно было ѣхать. Перебравшись наконецъ черезъ горы, на которыхъ падали мы съ лошадьми, безчисленное множество разъ, мы увидѣли и рѣчку, о которой такъ невыгодно отзывался шейхъ. Намъ оставалось три часа, не болѣе, до станціи, и какъ мы шли по обыкновенію, въ разсыпную, то нѣкоторые изъ провожатыхъ стояли ужъ на берегу и разсуждали: какъ и гдѣ перейти въ бродъ? Никто не рѣшался пускаться впередъ, потому что одна попытка была уже неудачна. Одинъ изъ солдатъ, едва вступивъ въ рѣчку, упалъ съ споткнувшейся лошади, и рѣшительно отказался слѣдовать за нами, жалуясь на сильный ушибъ. Мы стояли и разсуждали, а онъ отправился въ кочевье Бедуновъ, которое къ счастью находилось не подалеку.

Я подалъ мысль перейти тамъ, гдѣ рѣчка шире, разсчитывая, что тутъ она не такъ быстра. Рѣка была мутно-глинянаго цвѣту, и влекла съ необыкновенною быстротою не только сучья и сломанна бурю дерева, но даже камни. Мои солдаты не соглашались со мною. Я не стѣснялъ никого въ выборѣ; смѣлый Давудъ послѣдовалъ моему совѣту, и первый бросился въ рѣчку, за мною послѣдовали два, три солдата. Мы раздѣлились на двѣ партіи. Наша партія вступила въ рѣчку въ одно время съ другой; между нами было шестьдесятъ или семьдесятъ шаговъ разстоянія. Мы держались на лошадяхъ или лучше за лошадей какъ могли, нѣкоторыя лошади дрожали отъ страху, шатались, и даже вовсе не хотѣли идти.... Только что мы успѣли отойти отъ берега, шаговъ на тридцать, какъ между солдатами поднялся крикъ, „*гытты! гытты!* (ушелъ). Это значило: утонулъ! утонулъ!“

Я взглянулъ туда, гдѣ переправлялась другая партія, несогласившихся съ нами товарищей, и увидѣлъ въ водѣ ноги и голову опрокинутой лошади; рѣка несла ее съ неизвѣрною быстротою, и била о выдавшіеся утесы берега; съдохъ исчезъ въ волнахъ.... Несчастливая лошадь, несомая быстрымъ потокомъ, то останавливалась на меляхъ, гдѣ подымалась на ноги, то брошенная съ новой силой неслась внизъ,

разливая вокругъ себя кровь. Она была изрѣзана камнями, о которые билась.

Мы перебрались на другой берегъ и товарищи мои пустились спасать израненаго коня. Лошадь, оправившись, пыталась наконецъ встать среди рѣчки, на отмѣли; но едва могла держаться на ногахъ и сколько ее ни манили съ берега, она не двигалась, и только арканомъ могли ее съ трудомъ втащить на берегъ. Тогда начался страшный ропотъ между вравовѣрными..... Но я самъ былъ глубоко тронутъ гибелью несчастнаго спутника моего труднаго путешествія.... Сожалѣніе невольно вырывалось въ моихъ восклицаніяхъ, но мой Давудъ, человекъ безпримѣрной храбрости, и знавшій чуть ли не лучше меня фیزیологію Азіи, началъ давать мнѣ наставленія, казаться какъ можно равнодушнѣе, и напротивъ прикрикнуть на солдатъ, чтобы они не тратили время попустому, а шли бы дальше.

Онъ объяснилъ послѣ, что еслибы они замѣтили мое страданіе къ товарищу, то сейчасъ же начали бы просить цѣну его крови, то есть какую нибудь плату его семейству. Они придумаютъ ему, говорилъ Давудъ, множество родственниковъ, и тогда вы заплатите тысячи двѣ три піастровъ (400—600 рублей). Нельзя было не согласиться съ справедливостью этого совѣта. Я никогда не могъ бы найти у себя такого богатства. Насъ только двое христіанъ между ними, продолжалъ мой вѣрный Давудъ, они не потерпятъ, чтобы мусульманинъ погибъ за невѣрнаго, и, пожалуй, убьютъ насъ обоихъ, а потомъ скажутъ, что мы также утонули, какъ и товарищъ ихъ. Здѣсь вѣдь нѣтъ такихъ судовъ, какъ у васъ: мы пропадемъ ни за что! Дѣйствительно, надобно было отложить чувствительность, и послѣдовать совѣту Давуда.

Не смотря на мои приказанія, разсыпавшаяся по берегу толпа продолжала свой ропотъ. Я сначала не обращалъ на это вниманія, а потомъ принялся опять за астрологическое чтеніе, на которое они же мнѣ указали, говоря: „Вотъ и таблицы непосредственнаго предопредѣленія!... Вѣдь ты самъ ихъ толковалъ“.

Да, отвѣчалъ я, жаль, что со мною нѣтъ моей таблицы, можетъ быть мнѣ суждено также утонуть въ слѣдующей рѣкѣ. Что дѣлать? Нѣтъ силы и крѣпости какъ только у одного Аллаха. Рѣка, которая впереди перерѣзывала нашъ путь около станціи, была шире пройденной, и хотя мы слышали о трудности переправы, но все-таки предпочли лучше утонуть, чѣмъ томиться голодомъ и неизвѣстностью. Мы шли дальше, утѣшаясь астрологическими таблицами, скрывавшими будущее во мракѣ невѣдѣнія.... Спутники мои шли довольно скоро; я отсталъ по обыкновенію, толкуя съ утѣшителемъ моимъ Давудомъ, который говорилъ, что я весьма странный человѣкъ и выѣзжаю по понедѣльникамъ, тогда какъ ему извѣстно,—онъ бывалъ въ Тегеранѣ съ русскимъ посланникомъ,—что понедѣльникъ у насъ тяжелый день. Вѣдь былъ же одинъ примѣръ въ Персіи, когда ѣздили мы изъ Испагана въ Ширазъ; мы вернулись оттуда безъ лошадей и безъ товарищей!.... Я прибавилъ, и безъ денегъ.... Кого изъ нашихъ ограбили, другихъ прибили!.... Я согласился съ Давудомъ. Спустя часа полтора мы сошли съ горъ, и стояли на берегу другой рѣки, разлившейся шире первой. Мои Турки были уже на другой сторонѣ и посматривая на насъ издали, вѣроятно рассчитывали, что если по предопредѣленію суждено мнѣ дойти только до этого берега, то никакіе провожатые не перекинутъ меня на другую сторону. Давудъ замѣтилъ эту хитрость и съ рѣшимостью вызвался сойти съ лошади и вести мою за узду,—онъ плавалъ прекрасно и сиѣло.—Я согласился. Не скидаяя платья, онъ бросился съ ружьемъ въ рѣку,—а я велъ за поводъ коня его.

Мой вѣрный товарищъ, то погружался съ головой въ воду, сносимый быстрымъ теченіемъ, то, опираясь на ружье, отталкивался отъ дна, или хватался за гриву моей лошади, но все-таки подвигался впередъ. Моя лошадь плыла, погружая меня въ рѣку выше груди; каждый разъ какъ она спотыкалась, по тѣлу моему пробѣгало какое-то странное чувство; наконецъ она упала на колѣни, мой Давудъ успѣлъ только крикнуть, Алла! Алла! я упалъ съ лошади, потому что не держалъ въ рукѣ поводъ и исчезъ въ водѣ. Къ счастью, я не выпускалъ изъ рукъ узды Давудовой лошади. Это

спасло меня. Мой товарищъ страшно испугался; онъ зналъ, что я плохой пловецъ, но утѣшалъ себя отчасти тѣмъ, что былъ свидѣтелемъ моего подвига, который совершился въ его глазахъ при одной переправѣ, гдѣ я бросился за Англичанкою, выкупавшеюся подобно мнѣ (хотя это происходило въ спокойной рѣчкѣ, которая была не глубже двухъ аршинъ съ половиною). Конвой мой, какъ я сказалъ, давно стоялъ на другомъ берегу, и смотрѣлъ весьма хладнокровно на мою переправу. Когда же мы добрались до берега, то одинъ солдатъ сказалъ мнѣ: „Я думалъ, что ты также утонешь, какъ нашъ товарищъ — однако видно этого не сказано въ твоей Зайчѣ (гороскопѣ). Черезъ часъ, мы были на станціи (въ Сиверекѣ). Мои Курды забыли объ утопшемъ товарищѣ, о голодѣ и всѣхъ приключеніяхъ и просили съ меня хорошиі *бахмелесъ* (подарокъ) за все понесенное въ этомъ пути. Такъ кончился третій день нашего несчастнаго странствованія, а мы были еще только на первой станціи отъ Діарбекра, которую рассчитывали сдѣлать въ семь или восемь часовъ!...

Послѣ всевозможныхъ приключеній мы добрались до Орфу, древней Эдессы, и осматрѣвъ его, прибыли въ Алеппо. — Приближаясь къ Сиріи, полной столькими воспоминаніями, мнѣ казалось, что я сблизался съ цѣлью всѣхъ моихъ странствованій и достигалъ предѣла, за который не переходили желанія. Знакомство мое съ достопримѣчательностями города началось съ алепскаго паши. Какъ подобныя встрѣчи записываются крупными буквами въ расходной книжкѣ путешественника, то я тотчасъ же по пріѣздѣ успѣлъ узнать отъ русскаго вице-консула, о цѣнѣ, за которую можно видѣться съ нашею, или лучше о *бахишахъ*, которые должно будетъ раздать его прислугѣ. Не сдѣлать этого визита, значило бы подать поводъ пашѣ думать, что Россія его разлюбила.... Увѣренія въ любви стоили мнѣ слишкомъ сто пиастровъ.... Не правда ли, какая испорченность нравовъ?

Алеппо принадлежитъ къ тѣмъ шумнымъ городамъ Востока, въ которыхъ толпится множество Европейцевъ и людей, принявшихъ европейскіе костюмы. Алеппо шуменъ по своей торговлѣ, а костюмы Европы, привлекающіе съ перваго раза

глазъ путешественника, маскируютъ полу-Азіатцевъ, или такихъ Европейцевъ, какъ Армяне Востока—я говорю объ Левантійцахъ. Изъ нихъ многіе считаютъ себя потомками крестоносцевъ, хотя большею частью происходятъ отъ Европейцевъ, издревле зашедшихъ сюда для торговли; нѣкоторые изъ этихъ крестоносныхъ потомковъ не знаютъ порядочно ни одного языка, кромѣ арабскаго. Левантійцы по наружности кажутся полу-Европейцами; но въ быту своемъ представляютъ какую-то странную смѣсь нравовъ, обычаевъ и даже костюмовъ.

Въ Алеппо уцѣлѣло много развалинъ, которыя относятся ко времени крестовыхъ походовъ. Въ городской крѣпости до-сихъ-поръ хранятся кольчуги и копья, которыя, по словамъ правовѣрныхъ, принадлежали Френгамъ—Крестоносцамъ. Если посѣтитель не поскупится на приличные бахшиши сторожамъ и двумъ-тремъ офицерамъ, приставленнымъ къ этимъ древностямъ, то можетъ пріобрѣсти кое-что изъ нихъ. Я скоро ознакомился со всѣми достопримѣчательностями и отчасти съ языкомъ города; нашелъ нѣкоторыя археологическія занятія, въ числѣ ихъ одну іероглифическую надпись, и оставилъ столицу Сиріи, послѣ новаго странствованія по пустыни. Отсюда по берегу Средиземнаго моря я продолжалъ путешествіе до Бейрута, Антики (древняя Антиохія) и Латакія (древняя Лаодицея) черезъ нѣсколько дней были за мною, далѣе дорога сбѣгала къ самому морю, вилась по его краямъ и уклонялась по временамъ въ горы. Мы шли по берегу древней Финикии, кипѣвшему когда-то жизнью, торговлею и богатствомъ. Развалины, разбросанныя кое-гдѣ, напоминали о судьбѣ страны и народахъ ею владѣвшихъ. Съ одной стороны подымались горы однѣ выше другихъ: это вѣтви чуднаго Ливана; съ другой разстилалось Средиземное море: я любовался имъ какъ другомъ, который понесетъ меня на родину.

Путешествіе по Сиріи отрадило плаваній по аравійскимъ пустынямъ. Путешественникъ, привыкшій къ трудностямъ дороги, дѣлается здѣсь прихотливымъ баловнемъ; здѣсь прохлада моря замѣняетъ зной степей, а его равнина—сухіе це-

ски; горный поток утоляет жажду усталого и шопотомъ манить подъ тѣнь померанцевъ, миртовъ, лавровъ.... Дожидъ Маронита, а въ немъ и кружка ливанскаго, дастъ путнику приютъ, хотя въ нихъ далеко нѣтъ столько поэзіи, сколько встрѣчается въ гостепріимномъ шатрѣ Бедуина, гдѣ угостятъ васъ кислымъ молокомъ.

Въ Финикіи нѣтъ миража, нѣтъ обмана для глазъ — здѣсь населенность, движеніе, разнообразіе, и сколько картинъ, которыхъ никто не передастъ?... Къ числу ихъ принадлежатъ и прекрасныя туристки, встрѣчающіяся на перепутья.... Окруженный коллекціею джентльменовъ, онъ вѣсть съ вами взбираются за впечатлѣніями на каждую каменистую гору, замѣченную въ ихъ „Impressions des voyages“.... Но вотъ и Триполи.

Кромѣ мѣстности города и развалинъ, на которыя стоить взглянуть, есть здѣсь еще замѣчательная вещь, привлекающая любопытныхъ туристовъ—это царица сирійской красоты, о которой многіе уже упоминали.... Отсюда недалеко и до Бейрута—первой станціи путешественниковъ, вступающихъ въ Сирію.

Въ Бейрутѣ каждый чертитъ себѣ маршрутъ, примѣряя его къ переменчивымъ обстоятельствамъ Сиріи и Палестины; но какъ путь этихъ ежедневныхъ посѣтителей рѣдко уклоняется отъ проложенной Европейцами тропки, то мнѣ хотѣлось измѣнить его по возможности. Я предположилъ идти черезъ вершины Ливана къ развалинамъ, которыя теперь забыты многими, я шелъ черезъ лѣса кедровъ ливанскихъ; чрезъ Баальбекъ, Дамаскъ, Тиверіаду, Фаворъ, Назаретъ, Наплузу, — въ которой дрались тогда Арабы—и Иерусалимъ; отсюда по берегу Средиземнаго моря черезъ Кайфу, Сенъ-Жанъ д'Акръ, Тиръ, Сидонъ, обратно въ Бейрутъ, чтобы оттуда отправиться въ Африку. Въ нѣсколько дней все было готово къ моему путешествію и мы пошли на Ливанъ.

Эти горы могутъ назваться очаровательнѣйшими мѣстами Сиріи. Величественныя цѣпи ихъ покрыты вѣчноцвѣтущимъ садомъ, который согрѣтъ роскошнымъ небомъ и орошенъ прохладнымъ дыханіемъ моря, воды котораго, разстилаясь чуть

ли не у самыхъ горъ, обмываютъ ихъ подошву. — На этой сплошной массѣ зелени пестрѣютъ селенія и монастыри, которые живописно красуются то на вершинахъ холмовъ, то въ глубинѣ ущелій, куда они заброшены, какъ-будто по прихоти самой природы. Унылый благовѣстъ колокола, котораго звуки разносятся по горамаъ — нарушаетъ мертвую тишину окрестностей и напоминаетъ о вѣчности. Этотъ знакомый каждому съ дѣтства голосъ, зовущій на молитву, наводитъ на душу какую-то думу, усладительную, какъ вѣра, и безотчетно-грустную, какъ воспоминаніе изгнанника о родинѣ... Идите по горамаъ, и съ каждымъ шагомъ вамъ открывается новая панорама, новый рядъ картинъ — то радостныхъ и веселыхъ, то дикихъ, грозныхъ, страшныхъ и при всемъ томъ восхитительно-прекрасныхъ.

Но вотъ Вади-Салибъ (долина-Салибъ)... Ревъ воды, раздающийся еще издали и удваиваемый горнымъ эхомъ предвѣщаетъ близость Вади-Салибъ, вскорѣ открывается и самая долина—она не широка, и сжата двумя неприступными скатами горъ, которыхъ подошвы сливаются въ одно цѣлое; между ними лежитъ снѣжная полоса. Скатъ, по которому вы спускаетесь въ долину, зеленѣетъ рѣдкимъ лѣсомъ и усыпанъ камнями; въ немъ высѣчено нѣсколько правильныхъ уступовъ, возвышающихся одинъ надъ другимъ; домики, живописно разбросанные на этихъ уступахъ, образуютъ деревню. Противоположный скатъ также крутъ и каменистъ. Въ этой тѣснинѣ кипитъ бѣшеная рѣка: ее называютъ Негри-Салибъ (рѣка Салибъ); она вырывается изъ ущелья, бушуетъ среди камней, которыми загромождено русло ея, перекатывается черезъ нихъ бѣлыми буграми, и наконецъ, освободившись изъ сжатыхъ береговъ, разстилается на раздольѣ какъ зеркало.

Путь къ развалинамъ Фокры идетъ сначала на крутизну, а потомъ вьется по горамаъ, съ которыхъ вы увидите новую необъятную картину, столь же противоположную по красотамъ своимъ, какъ жизнь и смерть.

По широкой равнинѣ, окаймленной горами, змѣится голубая рѣка, служащая рамою для двухъ разныхъ видовъ: на одной

сторонѣ дышетъ все жизнью; по зеленому ковру раскиданы веселыя селенія, прислоненныя къ горамъ; зелено-бархатный фонъ (fond) этого ландшафта серебрится свѣтлыми потоками, которые то прихотливо извиваются, то стремятся прямо къ руслу рѣки; здѣсь земля привольна и щедра съ избыткомъ. На другой сторонѣ нѣтъ признаковъ жизни: утесистый холмъ, какъ уродливый скелетъ, возникаетъ посреди каменистой почвы; человѣку какъ будто во всемъ здѣсь отказано; лучи солнца иссушили и спалили тощую, каменистую землю. И на этой — то массѣ раскаленного плитняка, по которой не видать даже и слѣда дороги, лежатъ развалины Фокры.

Не берусь описывать тысячу другихъ картинъ, на которыя природа истратила столько свѣта, тѣни, поэзіи, искусства.... Онѣ щедро разсыпаны по всему Ливану. Посмотрите съ вершины его хоть на это море и берегъ, который то стелется пологими зеленѣющими скатами, то упирается въ море гигантскими и темными какъ ночь, грудями.... Воздухъ такъ чистъ и прозраченъ, что отсюда кажется будто видишь все прибрежье Сиріи и Палестины! Сойдите съ высоты по этимъ чудовищнымъ ступенямъ на зовъ диковиннаго водопада около Акуры, пройдите кедровую рощу, и, перешагнувъ черезъ темя Ливана, спуститесь въ долину, разстилающуюся между нинъ и Антиливаномъ, и тогда вамъ откроется Баальбекъ (древній Геліополь) съ храмомъ солнца. Здѣсь опять новыя чудеса и картины. Храмъ солнца стоитъ по справедливости на ряду съ величайшими памятниками древняго міра. Это чудное созданіе искусства, красоты, силы и совершенства, уцѣлѣло отъ сокрушительности времени; гигантскіе столпы не всѣ еще пали и поддерживаютъ своды великаго храма, достойно носящаго имя великаго свѣтила.

Дорога въ Дамаскъ, перерѣзывая разныя вѣтви Антиливана, проходитъ по живописнымъ долинамъ. Дамаскъ (Шамъ) зеленѣетъ какъ оазисъ на краю песчанаго моря — пустыни Арабовъ, дышащей Самумомъ. Этотъ городъ принадлежитъ къ числу лучшихъ городовъ не одной Сиріи, но и всей Турціи. Мусульмане считаютъ его священнымъ, потому что отсюда, какъ изъ преддверія, правовѣрные пилигримы отпра-

входятся прямо въ Мекку. Эта святость Дамаска и удерживала многих путешественниковъ отъ посѣщенія его. Правовѣрные не хотѣли позволить гурамъ, даже постоянно живущимъ въ Дамаскѣ, ѣздить верхомъ по улицамъ; они ногамъ показываться въ стѣнахъ города не смѣли, какъ въ быкомъ; но со времени появленія въ Сиріи Египтянъ, Дамаскинцы оставили такія строгости.

Дамаскъ особенно привлекателенъ своимъ чисто-арабскимъ типомъ, который сохранился только здѣсь и въ Каирѣ, гдѣ Арабы живутъ со всеми своими привычками, прихотями, удовольствіемъ—со всѣмъ кейфомъ; словомъ, какъ жили они въ тысячи одной ночи, при халифахъ.

Изъ Дамаска мнѣ предстояло путешествіе въ Іерусалимъ; я хотѣлъ идти туда не по обыкновенной дорогѣ, черезъ Ливанъ и по берегу моря, а направиться черезъ окрестности Джисръ-бени Якубъ (шестъ сыновей Якова) по дорогѣ, ведущей къ озеру Тиверіадскому и Назлузу (древній Сихонъ). Хотя въ этихъ мѣстахъ не было тогда спокойно, но я, какъ Френгъ, не принимавшій участія въ кровопролитіяхъ Арабовъ, могъ пройти безопасно. Такимъ образомъ на этомъ пути посѣтилъ я безъ особенныхъ приключеній Ѡваторъ, Назаретъ, древнюю Самарію и другія мѣста, освященные воспоминаніями о Спасителѣ.

Съ именами разныхъ мѣстъ Галилеи, Самаріи, Іудеи и вообще Палестины, соединено столько святыхъ для каждаго христіанина воспоминаній и они такъ знакомы каждому, что здѣсь нѣтъ надобности снова повторять ихъ. Къ тому же я писалъ все по воспоминанію и не имѣлъ времени рыться въ книгахъ.... Кто въ насъ не былъ мысленно въ Святонъ Градѣ и его окрестностяхъ, въ Вифлигѣ, во всей Палестинѣ, и кто, наравнѣ съ пилигримомъ, не перечувствовалъ всего, что внушаютъ эти страны при одномъ словѣ — Богочеловѣкъ.

Въ Іерусалимѣ провелъ я нѣсколько дней.

Былъ июнь; солнце Палестины палило какъ африканское; степи Египта, соединенныя песками своими эти два угла Азіи и Африки, вѣвали знобомъ; я приближался къ Ясетъ (древняя

Юппія): тамъ вѣтеръ съ моря сталъ уменьшать палящій жаръ жгучихъ лучей полудня. Яѳа находится не по — далеку отъ египетскаго берега, куда лежалъ мой путь; но затруднительныя сообщенія съ Александріею къ счастью доставили мнѣ случай увидѣть южный берегъ Сиріи до Бейрута.

По дорогѣ въ Каифу, С.-Ж.-д'Акръ и Тиръ, встрѣчаются развалины временъ Римлянъ, Крестоносцевъ, Арабовъ, а въ Суръ (Тиръ) остатки храмовъ Геркулеса, Сатурна, и другія развалины, засыпанныя пескомъ морскаго прилива.

Осмотрѣвъ приморскій берегъ со всѣмъ, что замѣчательнаго оставила тамъ древность, мнѣ захотѣлось на пути изъ Сидона посѣтить *Джунни*, жилище леди Стенгопъ, названной кѣмъ — то царицею Пальжиры. Не смотря на утомительный переходъ до Бейрута, я рѣшился сначала идти въ горы и полюбоваться затѣями причудницы Англичанки.

Въ романическомъ жилищѣ этой поэтической жемчужины пусто, тихо, мертво. Вершина горы, на которой оне расположено, покрыта садомъ; въ немъ разбросано въ безпорядкѣ нѣсколько домиковъ и болѣе ничего. Не далеко отъ любимой ея ботаники, ослетениной изъ жасминовъ, уцѣлѣла галерея, передъ которою высятся небольшой холмикъ..... Это негилла, скрывающая двоихъ..... Груда земли замѣняетъ надгробный камень, а цвѣты — амптафію. Здѣсь-то и покоится знаменитая племянница Питта.... Вечеромъ я опять былъ въ Бейрутѣ, гдѣ меня привѣтствовали извѣстіемъ о чумѣ въ Александріи; а черезъ нѣсколько дней море несло насъ къ берегамъ Африки, въ этотъ страшный, чумный городъ.

Загадочное начало Египта, нѣкогда колыбели цивилизаціи, теряется во временахъ до-историческихъ. Памятники древности, свидѣтели его величія, до сихъ поръ вызываютъ удивленіе своими гигантскими размѣрами; многіе уже пали подъ бременемъ тысячелѣтій, но многіе еще уцѣлѣли, выдержавъ почти безъ поврежденій удары времени и варваровъ. Монументальный Египетъ разрабатывается нынѣ съ особенною ревностью египтологами, читающими жизнь его на каменюписныхъ памятникахъ Нила. Едва ли есть другая страна, съ судьбою которой связывалось бы столько историческихъ происшествій другихъ

народовъ, хотя не всѣ народы, управлявшіе судьбою прибрежій Нила, оставили на нихъ одинаковые слѣды своего владычества.... Но вотъ виднѣется слѣдъ завоевателей — колонна Помпея.... Мы близъ Александріи.

Невольно поразить васъ видъ Египта съ моря, въ особенности пустынные окрестности Александріи. Тутъ видна Африка съ ея жгучимъ солнцемъ, наготою и безцвѣтностью. Сойдите на берегъ, и передъ вами шумный, торговый, полуевропейскій городъ. Находясь въ центрѣ трехъ частей свѣта, Александрія, кажется, скликаетъ со всѣхъ сторонъ купцевъ и торговлю, которая едва-ли найдетъ болѣе выгодную мѣстность на всемъ земномъ шарѣ. Наполеонъ справедливо сказалъ, что Александрія должна быть столицею міра. Множество Европейцевъ, наводняющихъ городъ, наружность нѣкоторыхъ улицъ, преобразование Египта — все это вмѣстѣ иногда заставляетъ забывать о знойныхъ пустыняхъ Африки. Но для путешественника, желающаго познакомиться съ Египтянами или вообще Арабами, съ ихъ языкомъ, бытомъ, литературою и тому подобнымъ, Александрія не представляетъ никакихъ выгодъ: народный типъ выражается здѣсь не такъ ярко, какъ въ Каирѣ. По этой причинѣ пребываніе мое въ этомъ городѣ ограничилось только нѣсколькими днями. Нельзя однако не вспомнить о древнихъ памятникахъ Александріи. Здѣсь уцѣлѣли обелиски Клеопатры, гипподромъ, чистерны (водохранилища), такъ называемыя бани Клеопатры, и славная колонна, несправедливо прозванная Помпеевой, которую вы еще видите съ моря.

Осмотрѣвши городъ съ его древностями, я отправился въ Каиръ.

Мы поднимались по Нилу, восхищаясь его прекрасными берегами, усѣянными кое-гдѣ рощами пальмъ, надъ которыми рисовались въ воздухѣ легкіе арабскіе минареты. Прибрежье величественной рѣки, покрытое то зеленью, то пескомъ, заливалось мало-по-малу водами. Нилъ росъ по часамъ: онъ готовилъ ежегодную дань пустыннымъ берегамъ своимъ. Развалины Саиса, — мѣсто рожденія Платона, — давно остались за нами. Берега становились живописнѣе, мы приближались къ

Каиру, и онъ скоро былъ у насъ въ виду; а на другой сторонѣ, на мутно-багровомъ горизонтѣ неба показались какія-то громады, поставленныя въ степи: это—пирамиды.

Трудно передать восторгъ, который наполняетъ душу при первомъ взглядѣ на эти необъятные памятники древности, возникающіе въ пустынѣ изъ-за холмовъ, пріивѣтствующихъ васъ только нильскими пальмами, да арабскими мазанками. Высочайшая изъ всѣхъ—пирамида Хеопса, кажется какою-то грозною первозданною скалою; она больше Мокаттема — горы, къ которой прислонился Каиръ, даже больше самаго города. Не вѣрится, чтобы рука человѣка могла сложить такое чудовищное зданіе, столь же прочное какъ самое время. Гигантамъ-пирамидамъ какъ будто приглядѣлись столѣтія, которыя спокойно проходятъ мимо, не трогая ихъ своими разрушеніями; имъ не страшны и бури Сахары, когда жгучая пустыня, раскачивая зыбь свою, сыплетъ цѣлыя горы песку, отъ которыхъ пирамиды защищаютъ Каиръ, лежащій по ту сторону Нила!... Войдите на одну изъ нихъ и посмотрите на Египетъ.

Каиръ—столица Египта, нынче можетъ назваться столицей всего мусульманскаго міра. Здѣсь живутъ ученѣйшіе люди Востока, здѣсь всѣ высшія учебныя заведенія — памятники времени халифовъ. По своей красотѣ и населенности, городъ этотъ занимаетъ первое мѣсто въ Турецкой имперіи и стоитъ на ряду съ Константинополемъ. Масса древнѣйшихъ памятниковъ, окружающихъ Каиръ, безпрестанно привлекаетъ сюда пытливыхъ путешественниковъ. Каиръ разнообразенъ, одушевленъ; жизнь Араба проявляется въ немъ во всѣхъ отбѣнкахъ. Подлѣ прекрасныхъ произведеній арабской архитектуры, остатковъ Тулунидовъ, Фатемидовъ и другихъ временъ, вы встрѣчаете замѣчательные образчики европейскаго вкуса. Многолюдность Каира придаетъ городу живость, движеніе, пестроту, въ которой сливаются три части свѣта. Видя бытъ Араба, не отставшаго отъ старины, вы можете повѣрить на самомъ дѣлѣ тысячу и одну ночь и въ тоже время взглянуть на Египтянина вѣка Мухаммеда-Али Паши, или Араба подлѣ вліяніемъ европейской цивилизаціи. Посмотрите на Каиръ (въ мѣсяцъ Рамазанъ) въ тотъ день, когда

благодарный Арабъ привѣтствуетъ первую волну, которую подаетъ Нилъ изсушеннымъ полямъ каирскимъ....

Египетъ живетъ Ниломъ; Нилъ — его кормилецъ. Страна эта цвѣтетъ населеніемъ, жизнью, только на берегахъ родимой рѣки или моря *Нила* (какъ ее называютъ Арабы); все что лежитъ дальше, пустынно и мертво. Въ извѣстные дни года, рѣка ждетъ своей жертвы *, она приняла ее, спѣшитъ отблагодарить. Арабы приходятъ встрѣчать дань Нила и считаютъ этотъ день священнымъ (хылыджъ). Они собираются не по-далеку отъ Каира, тамъ гдѣ прорѣзанъ путь водамъ, которыя спѣшатъ напоить сгорѣвшія отъ зноя поля. Торжественная ночь празднуется со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ, при неумолкающемъ громѣ пушекъ и зажженномъ фейерверкѣ. Чего не увидишь также въ Каирѣ въ мѣсяцъ мусульманскаго поста,—онъ же и карнавалъ,—когда городъ начинаетъ жить ночью, и засвѣтится огнями; когда Арабъ развѣртывается какъ онъ есть, — со всѣми недостатками и добродѣтелями, веселится какъ умѣетъ, словомъ живетъ на распашку. И все это дѣлается на улицахъ открыто; всякій принимаетъ участіе, какъ въ празднествахъ такъ и въ постѣ. Не забуду я Каира въ карнавальномъ нарядѣ его — въ эту пору онъ особенно привлекателенъ! Если вы знаете арабскій языкъ и вамъ скучно съ веселящимся Арабомъ, идите послушать антари — лучшаго чтеца въ городѣ, и посмотрѣть на восторга болѣе образованнаго круга. Хотите видѣть дервишей (закиръ) и суровые обряды ихъ ордена, молитву правовѣрныхъ—остановитесь у мечети. Въ одну и ту же ночь вы можете видѣть множество разнообразныхъ сценъ, которыхъ не встрѣтишь въ большей части Востока.

Новый преобразованный Египетъ занимаетъ также каждаго путешественника. Учебныя и вообще всѣ публичныя учрежденія Мухаммедъ — Али Паши, дѣйствительно заслуживаютъ вниманіе; нельзя не удивляться успѣхамъ, которыя сдѣлалъ Египетъ, освобождающійся отъ ига восточнаго невѣжества; но за то не спрашивайте о феллахъ (земледѣльцахъ).

Изъ Каира я ѣздилъ въ Дельту, и посѣтилъ городъ Тан-

* По преданію древняго Египта, донныя (расаютъ, раздурившую, ку-клу передъ полководцемъ рѣки.

ту *, въ которомъ была тогда ярмарка, по причинѣ ежегоднаго стеченія толпы поклонниковъ, приходящихъ ко гробу Шейха Бедеди. Странники приносятъ съ собою свои издѣлія и привлекаютъ толпы народа изъ разныхъ странъ Африки и Азии. Но причину большаго стеченія посѣтителей Тааты, нѣкоторые объясняютъ весьма страннымъ завѣщаніемъ покойника, похороненнаго здѣсь въ великолѣпной мечети; многіе вѣрятъ этому завѣщанію, другіе отвергаютъ его. Я пропускаю подробности описанія трехъ весьма любопытныхъ празднествъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ, нося египетскій костюмъ и мусульманское имя, прибавлю только, что эта цѣра пребыванія моего въ Египтѣ хотя и познакомила меня еще болѣе съ Арабами, но за то я поплатился порядочнымъ ударомъ африканскаго солнца, при 34° Реомюра въ тѣни, въ июль. Европейскіе медяки страшали уложить меня на ряду съ ночившими правовѣрными; но на таблицахъ предопредѣленія мнѣ суждено было переплыть бурное море и видѣть еще Аены.

Изъ Египта мой путь лежалъ въ Смирну, черезъ греческій островъ Сиру—точку соединенія путей всѣхъ туристовъ на Востокъ. Я отправился въ Смирну, но случай, по которому я выдержалъ карантинъ въ Пиреяхъ, а не въ Сирѣ, подалъ мнѣ поводъ посѣтить столицу Греціи.

Плаваніе наше по Средиземному морю отъ береговъ Африки до береговъ Греціи было не совсѣмъ счастливо, и потому было продолжительно. Русскій военный бригъ Эней, на которомъ я находился, на второй же день своего путешествія, былъ встрѣченъ сильнымъ вѣтромъ, который не стихалъ до самаго Пирея, и загналъ насъ въ проливъ Навплин или Аргосъ, гдѣ собравшись съ новыми силами, мы пустились къ давно желанной пристани и тамъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Аенъ, выдержали шестнадцати-дневный карантинъ. Въ Аеняхъ мы забыли непріятности нашего путешествія. Возражающіеся Аены, возникая подлѣ древнихъ развалинъ или изъ среды ихъ, представляютъ любопытное сближеніе могилы съ казыбелью. Акрополисъ, съ высоты своей, угрюмо привѣт-

* По имя ученаго профессора нашего Шейха Мухаммеда прозывающагося по этому *Takimoum*.

ствуешь новыхъ незнакомцевъ, возстающихъ на ряду съ нимъ, и напоминаетъ объ усопшей столицѣ умственнаго міра и славы. Нельзя смотрѣть на этотъ музей Греціи безъ благо оубвнїя и тысячи историческихъ воспоминаній, которыми полна эта классическая страна.

Самое время пощадило стѣны Акрополиса, Пропилей и Парѳенонъ, построенный при Периклѣ Фидіемъ. Здѣсь поставилъ онъ свою дивную богиню (Минерву), въ честь которой воздвигнуть этотъ храмъ.

Посмотрите на Аѳины съ высотъ Акрополиса, и онъ представится вамъ чуть ли не со всѣми окрестностями: вы увидите Гиметь, Пентеликъ, Парнасъ, Икарскія горы, вершину Киссерона, море, Пирей, берега Саламина, Эгины, Коринѳъ, а у подножія вашего обрисуется бассейнъ моря, окаймленный зеленью, усѣянною разными остатками древности. Далѣе Ареопагъ, аѳинскій сенатъ. Какія имена, какія воспоминанія! Передъ вами встаютъ тѣни почившихъ героевъ Греціи — самыя развалины оживаютъ подъ свѣтлымъ небомъ Аттики, и съ вершины Акрополиса вамъ представится великая историческая картина прошедшей жизни Греціи.

Въ храмѣ Тезея вы найдете музей греческаго рѣзца, одушевлявшаго мраморъ Пароса и Пентелика. Припомните, что храмъ этотъ построенъ по прорицанію оракула, въ честь главнаго героя, котораго прахъ не былъ почтенъ Греціею и оставленъ внѣ Аѳинъ; его справедливо считаютъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ художественной Греціи — онъ походить на Парѳенонъ, сожженный Ксерксомъ.

Взгляните на другіе остатки греческаго зодчества, приводящіе на память общественную жизнь Грековъ. Война съ Турками оставила на всѣхъ ихъ слѣды разрушенія: вотъ театръ Бахуса и надъ нимъ гротъ, посвященный этому богу; подлѣ остатки театра Ирода-Аттика, который построилъ его въ честь жены своей. Неподалеку еще гротъ, высѣченный въ скалѣ, который Греки называютъ темницею Сократа.

Храмъ Юпитера Олимпійскаго, надъ которымъ Аѳиняне трудились около семи вѣковъ, представляетъ величественныя развалины; время безжалостно разрушило памятникъ, надъ которымъ трудилось столько государей древняго міра. Несколь-

ко уцѣлѣвшихъ колоннъ, служатъ нынѣ навзроселемъ великолѣпному храму. Вотъ Стадій, основанный Ликургомъ, и гротъ, куда уходили побѣжденные; по-близости до-сихъ-поръ можно видѣть слѣды колесницы, оставшіеся на камнѣ; вотъ ворота Агоры, на которыхъ вѣзанъ декретъ императора Адріяна; башня вѣтровъ; фонарь Диогена; ручеекъ Калишны. Какое множество славныхъ именъ и памятниковъ, которые даже трудно и перечестъ, такъ они близки другъ къ другу, такъ сгруппированы.... хотя вы можете видѣть ихъ въ два, три дня.

Аѣины, какъ я сказалъ, одушевляются новою жизнью: городъ принимаетъ европейскую наружность; толпы народа, безпрестанно встречаемыя на улицѣ Эрмеса и проводящія день и ночь въ общественныхъ залахъ, всѣ заняты народнымъ интересомъ; вездѣ слышите вы толки о дѣлахъ Греціи, каждый принимаетъ въ нихъ какое-то неотвязчивое участіе. Любовь Грековъ къ отечеству и ненависть ихъ къ Туркамъ доходятъ до фанатизма.... Но пойдите опять на Востокъ, въ міръ мусульманскій....

Мы на берегахъ Іоніи и Эоліи. Смирна — базаръ Европы съ Азіею, на-равнѣ съ Бейрутомъ держитъ въ рукахъ торговлю этихъ странъ, и заключая въ себѣ населеніе, собравшееся чуть ли не изъ всѣхъ частей свѣта, Смирна, богатая и роскошная въ старину, представляетъ нынѣ живой, веселый, полу-европейскій городъ Востока *. Окрестности ея столько же привлекательны историческими воспоминаніями, сколько сама Смирна роскошью природы и наслажденій. Смирна—родникъ красавицъ Греціи.

Я посѣтилъ Смирну, какъ городъ, лежащій на пути въ Константинополь: короткое мое здѣсь пребываніе было посвящено осмотру окрестностей города, древней Магнезіи, и Пергамо. Языкъ горожанъ имѣетъ свой оттѣнокъ. Взглянувши на берега Трои, я отправился наконецъ въ столицу Османской имперіи, на берега Босфора—последнюю станцію мою на Востокъ.

При словѣ Босфоръ въ воображеніи cadaго конечно представится красота береговъ его, описанныхъ и описываемыхъ

* Последніе пожары говорятъ, значительно уронили красоту этого города.

всими путешественниками, богатство его дремлющей, и такъ далеко. Но какъ въ нашей разсказъ пропущена уже не одна красивая картина природы и искусства, на которую глядя — и не наглядываясь, то позволяете, благосклонный читатель, в здѣсь не утомить васъ моимъ описаніемъ того, что недоступно описанію.

Пребываніе мое въ Константинополь навсегда останется для меня незабвеннымъ. Одинъ счастливый случай раскрытъ любознательству моему многое, недоступное для туристовъ.

Я видѣлъ преобразованную Турцію и Турковъ, бросающихся слишкомъ слѣпо на все френгское (европейское); они, поспѣшному, быстрыми шагами идутъ по пути цивилизаціи, или лучше, къ нимъ насильно вторгается сосѣдняя цивилизація. Не прочно ли все усвоенное Турками?—Это рѣшить будущее.

Въ Турціи, какъ и въ Египтѣ, вамъ тотчасъ бросаются въ глаза двѣ касты народа, выражающія рѣзкій контрастъ—борьбу фанатизма и прежняго порядка, съ нововведеніемъ и порядкомъ европейскимъ.

Въ первомъ ряду противниковъ преобразованія — стоятъ улемы — враги всякой мысли, въ основаніи которой не положенъ Алкоранъ. Они всѣми силами отвергаютъ все новое, что приходится имъ въ наслѣдіе отъ Европейцевъ; и не смотря на то, безпрестанныя сношенія сами собою вводятъ въ Турцію наши общественныя условія. Всякая попытка правительства,—если исключить отсюда улемовъ,—всякое стремленіе сбросить съ себя безотчетно-законныя привычки, находитъ преграду или вовсе разрушается этими фанатиками. Противоборствуя всякому нововведенію, иногда весьма полезному для общества, улемы видятъ въ этомъ нарушеніе Алкорана, которому они часто даютъ произвольное толкованіе. Въ подобномъ случаѣ султанъ, идущій во главѣ народа, или колеблется или рѣшается идти къ своей цѣли скрытыми и непрямыми путями. Приведу одинъ примѣръ изъ тѣхъ же: медицина у мусульманскихъ народовъ не могла быть разрабатываема съ полнымъ успѣхомъ, потому что анатомія и трупораззятіе противны началамъ Алкорана. Мусульмане прибавляютъ къ этому, конечно отчасти въ свое оправданіе, что

ужершіи уважается или столько же сколько и живой, оттого то тѣло и живаго и мертваго челоуѣка не должно терять первобытнаго, естественнаго образа. Между тѣмъ нынѣ въ Галатѣ—Серкѣ (медицинская академія въ Константинополѣ) изучаютъ анатомію по трупамъ. Замѣчательнѣйшій случай на мусульманскомъ Востоку; и этимъ обязаны нынѣшнему султану: не желая нарушить слишкомъ видимо предписанія ислама, онъ, приказавъ — трупы сосланныхъ на галеры, какъ заключенные отверженіемъ, и трупы осужденныхъ христіанъ отдавать въ жертву науки. Этимъ нарушалось, какъ будто въ половину или, можетъ-быть, еще меньше, запрещеніе Алкорана.

Султанъ заботился о распространеніи школъ и положилъ въ слѣдствіе представленія совѣта народнаго просвѣщенія, устроить одно высшее учебное заведеніе дарульфунунъ (жилище наукъ), для ученыхъ высшаго класса. Онъ приказалъ такъ же учредить комитетъ для разработки турецкаго языка въ грамматическомъ и лексикографическомъ отношеніяхъ. Комитетъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ высшихъ сановниковъ, которымъ даны въ помощь нѣсколько ученыхъ и образованныхъ людей. Его занятія начались уже въ нынѣшнемъ году.

Ограничиваюсь сказаннымъ, потому что по немъ можно судить о новомъ умственномъ движеніи Турковъ; но не могу не прибавить, что пока не утихнутъ слѣпой фанатизмъ—источникъ презрѣнія ко всему не-мусульманскому, до-тѣхъ-поръ на почвѣ Турціи не могутъ съ успѣхомъ привиться отпрыски европейской образованности. Теперь на сколько нибудь европейски-образованнаго Турка, смотреть косо всѣ его земляки; они видятъ въ немъ полуотпавшій членъ ислама... И неужели съ просвѣщеніемъ мусульманъ развился въ нихъ этотъ фанатическій характеръ, эта страшная нетерпимость? Посмотрите на Арабовъ пустыни, на Бедуиновъ—они тѣже мусульмане, но они живутъ сообразно съ своею внутреннею и внѣшнею жизнью, и по ея указаніямъ выполняютъ законъ Мухаммедовъ, и что же?—Истинные мусульмане зовутъ ихъ за это плохими правовѣрными, хотя сами не имѣютъ и сотой

доли тѣхъ достоинствъ, которыми богата пустыня съ ея кочевымъ населеніемъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ Константинополѣ, я употребилъ на разнообразныя занятія: я повѣрялъ мои наблюденія на Востокъ, приводилъ на память мелькнувшую передо мною панораму Азіи и Африки, и теперь представляю вамъ бѣгло набросанный ея очеркъ.

На возвратномъ пути въ Россію я объѣхалъ Крымъ — послѣднюю ступень Востока, отрывокъ мусульманскаго міра....

В. ДИТТЕЛЬ.

=

ВОСПОМИНАНІЯ

САДДЕЯ ВУЛГАРИНА.

==
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.
==

Въ Шавляхъ, въ трактирѣ, въ которомъ я остановился на ночь, познакомился я съ капитаномъ втораго гусарскаго (такъ называемаго *серебряннаго*) полка Герцоства Варшавскаго, графомъ О. Онъ давно уже слегъ въ могилу, и я не оскорблю его памяти, сказавъ, что онъ былъ порядочный щалуиъ въ своей молодости. Онъ прїѣзжалъ въ Вильну и въ Шавли по денежнымъ дѣламъ, и возвращаясь въ Варшаву чрезъ Ковно, уговорилъ меня своротить съ дороги и проволить его до Ковно, предложивъ мѣсто въ своей бричкѣ.

На пути между Шавлями и Ковно, мы остановились въ одномъ городишкѣ (мѣстечкѣ), чтобъ пообѣдать въ жиловской корчмѣ, носившей названіе трактира, или какъ говорятъ Поляки, въ *оберэжи* (*auberge*), потому что тутъ былъ *бидливаръ*. Известно, что у жиловъ не соблюдается въ бракахъ никакой соразмѣрности въ лѣтахъ, относительно къ мужескому полу, и что двадцатилѣтнихъ дѣвушекъ выдаютъ замужъ за двѣнадцати или тринадцатилѣтнихъ мальчишекъ, по фамильнымъ или денежнымъ расчетамъ. Сыиъ содержателя корчмы, въ которой мы остановились, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, хилый и чахлый, былъ женатъ на красавицѣ, лѣтъ двадцати двухъ, проворной, ловкой

жидовкѣ, которая помогала въ хозяйствѣ своей тещѣ. Мой спутникъ былъ также молодецъ собою, красавецъ, говорунокъ, и умѣлъ, какъ говорится, выказать копѣйку ребромъ. Онъ нашелъ средство переговорить съ красавицею, и объявилъ мнѣ, что остается на нѣсколько дней въ этомъ мѣстечкѣ, убѣждая меня, не оставлять его. Не имѣя надобности торопиться, я согласился, намѣреваясь воспользоваться случаемъ, чтобъ осмотрѣть католическій монастырь, въ которомъ была старинная библіотека и школа. Въ это время я занимался исторіей водворенія лютеранисма въ Польшѣ, и мнѣ хотѣлось переговорить съ какимъ нибудь изъ ученыхъ монаховъ, потому что въ этомъ монастырѣ была главная оппозиція противу водворенія въ мѣстечкѣ Кейданахъ Княземъ Радзивилломъ Шотландскихъ выходцевъ — протестантовъ, оставившихъ отечество при Англійскомъ королѣ Яковѣ Первомъ, во время религіозныхъ смуть, въ началѣ семнадцатаго вѣка. На другой день я пошелъ въ монастырь, былъ весьма ласково принятъ настоятелемъ, и послѣ осмотра классовъ и библіотеки, приглашенъ имъ къ обѣду. Пока я занимался историческими распросами, товарищъ мой выдумалъ исторію другаго рода. Когда я возвратился въ корчму, онъ сталъ просить и заклинять меня отправиться немедленно, на перекладныхъ, на первую станцію (это было около семи часовъ вечера) и ждать его, убѣждая при томъ не спрашивать о причинѣ, которую я узнаю при свиданіи, на станціи. Я согласился, послалъ за почтовыми лошадьми и уѣхалъ, а прибывъ на первую станцію, легъ спать. — Часа въ три утра слуга моего товарища разбудилъ меня и сказалъ, что баринъ ждетъ меня въ экипажѣ. Я вышелъ. Бричка была наглухо закрыта, какъ во время сильной бури, хотя погода была прекрасная. Я заглянулъ внутрь брички — и отступилъ съ удивленіемъ! Рядомъ съ моимъ спутникомъ сидѣла красавица-жидовка, сноха трактирщика! Вѣтряница была весела, и будто закрываясь отъ меня платкомъ, лукаво улыбалась. — «Въ своемъ ли ты умѣ», сказалъ я по-французски товарищу: «и подумалъ ли о послѣдствіяхъ?» — «Какія тутъ размышленія», возразилъ онъ, смѣясь: «Только бы добраться до Ковна, а тамъ перепрыгнемъ за границу — и все кончено!» — «Но что же ты сдѣлаешь съ этою несчастною?» сказалъ я. — Какое тутъ несчастье; вѣдь я не насильно взялъ ее, а добровольно, и хорошенькая бабенка нигдѣ

не пропадетъ.... Садись», примолвилъ онъ: «иѣста довольно для троиухъ». Я велѣлъ моему мальчику ѣхать за нами, на перекладныхъ, а самъ сѣлъ въ бричку, и мы поспекали. Три станціи гнали мы во весь опоръ, расточая деньги, угрозы и побои, а на четвертой станціи остановились, чтобъ подмазать оси, которыя два раза загорались, и подкрѣпить наши силы пищею. Станцію содержалъ жидъ, и все семейство завопило, когда увидѣло прекрасную Рифку въ нашей компаніи. Рифка не растерялась, вошла въ комнату съ гордымъ видомъ, нѣсколько театально, и сказала знакомымъ ей хозяину и хозяйкѣ, что она уже христіанка. Мы велѣли подать все, что есть съѣстнаго и сѣли за столъ. Рифка ѣла все, не разбирая, что *трефъ*, а что *кошеръ*, и въ это время слуга моего товарища извѣстилъ насъ, что бричка требуетъ небольшой починки. Дѣлать было нечего. Вдругъ часа черезъ два послѣ нашего пріѣзда, когда уже стали впрягать лошадей въ нашъ экипажъ, подѣхали къ крыльцу три брики, съ жидами. Ихъ было до двадцати человекъ. Товарищъ мой оставилъ меня съ Рифкою въ комнатѣ, и побѣжалъ къ бричкѣ за нашими саблями и пистолетами. Настала кутерьма, которую не можно изобразить! Жиды кричали, вопили, рвались въ бой, чтобъ силою отнять красавицу, но ничего не могли сдѣлать. Слуга моего товарища съ охотничьимъ штуцеромъ и мой мальчикъ съ пистолетомъ оставались при бричкѣ для ея охраненія, а мы, съ тремя пистолетами и парю сабель, находились въ комнатѣ, въ которой было всего два окна. Дверь заперта была внутри задвижкою. Товарищъ мой объявилъ осаждающимъ, что при первомъ насильственномъ ихъ движеніи, мы станемъ стрѣлять и рубить на смерть. Жиды хотѣли склонить ямщиковъ деньгами на свою сторону, но не успѣли въ этомъ. Ненависть къ жидамъ въ литовскомъ крестьянинѣ сильнѣе всѣхъ другихъ страстей, и напротивъ, ямщики объявили, что они не позволяютъ обижать *пановъ*. Толпа ямщиковъ стала возлѣ брички, на помощь нашимъ людямъ. Пошло на переговоры. Жиды объявили, что Рифка взяла съ собою весь свой жемчугъ, на значительную сумму, преувеличенную жидами до ста тысячъ рублей, и деньги, бывшія въ кассѣ трактирной. Мой товарищъ отвѣчалъ, что это до него вовсе не касается, и что онъ согласенъ, чтобъ Рифка возвратила деньги и жемчугъ.

Но Рифка на это не согласилась, утверждая, что жемчужные повязки, серьги и прочее составляют ее собственность, и что денег она не брала изъ кассы. Раввинъ произнесъ подь окномъ трогательную рѣчь, но Рифка пребыла непоколебимою. Тестъ Рифки объявилъ, что онъ уступаетъ намъ весь жемчугъ Рифки, съ тѣмъ, чтобъ мы отдали ее, и за это товарищъ мой швырнулъ въ него костью отъ съдѣннаго нами телячьего жаркаго, и подбилъ ему глазъ. Наконецъ, лошади были впряжены въ нашу бричку, и мы прошли чрезъ толпу жидовъ, разступившихся передъ грознымъ дуломъ нашихъ пистолетовъ, съли въ экипажъ — и поскакали. Жиды слѣдовали за нами, въ нѣсколькихъ верстахъ. Болѣе всего мы удивлялись тому, что жиды не заѣзжали вмѣстѣ съ нами на станціи, но оставались въ виду, и тогда уже приближались къ воротамъ, когда мы трогались съ мѣста. Очевидно было, что они рѣшились ѣхать за нами до Ковна, и это безпокоило меня, потому что я предвидѣлъ послѣдствія, но, изъ ложнаго стыда, не могъ оставить товарища въ опасности, хотя мнѣ весьма легко было отстать отъ него и ѣхать по моей подорожной.

Мы пріѣхали въ Ковно ночью. На заставѣ насъ остановили. Тутъ ожидалъ уже насъ засѣдатель нижняго земскаго суда и офицеръ городской полиціи, съ толпою понятыхъ и полинейскихъ служителей.

При первой нашей встрѣчѣ съ жидами, они выслали двухъ своихъ впередъ, и они, прибывъ въ Ковно за нѣсколько часовъ передъ нами успѣли принести жалобу и исходатайствовать покровительство. Засѣдатель объявилъ, что имѣетъ приказаніе проводить насъ на почтовую станцію и не выпускать изъ города, пока капитанъ-исправникъ не разрѣшитъ дѣла по жалобѣ жидовъ, а полицейскій офицеръ сказалъ, что долженъ насъ караулить. Шагомъ поѣхали мы на станцію, и какъ бы ничего не бывало, поужинали и легли спать. На другой день, утромъ явились городничій и капитанъ-исправникъ, съ отцемъ Рифки и раввиномъ. Толпа жидовъ стояла у воротъ. Начались вопросы и распросы. Я съ перваго слова объявилъ, что все это дѣло до меня вовсе не касается, что я ѣду по своей подорожной и вовсе не причастенъ къ похищенію красавицы. Товарищъ мой и жиды подтвердили это, и меня оставили въ сторонѣ. Я немедленно пошелъ къ земскому судѣ Хлопицкому (родному брату знаменитаго

генерала, бывшего тогда въ Испаліи, въ чинѣ полковника), и разсказавъ ему о походе моихъ моего товарища, просилъ выпутать его изъ бѣды. Хлопицкій зналъ моихъ родныхъ, принялъ меня весьма ласково, и охотно согласился помочь польскому офицеру. Мы пошли съ нимъ немедленно на станцію. Передъ домою стояла уже толпа народа, и какъ окна во второмъ этажѣ были отперты, то шумъ и крикъ раздавались на улицѣ. Мы вошли въ комнату. Капитанъ-исправникъ и городничій хотѣли кончить дѣло миролюбиво, обѣщали моему товарищу путешествія взять подписку отъ тещи Рифки и раввина, что ей не будетъ сдѣлано никакого наказанія за побѣгъ, и усовѣщивали похитителя не противиться, и отдать жидовку, которая въ это время стояла въ углу, за своимъ возлюбленнымъ, защищавшимъ ее собою. Похититель поддавался, но Рифка вопила, что перерѣжетъ себѣ горло, если ее отладутъ жидамъ, увѣряя, что она хочетъ быть христіанкою. Послѣ долгихъ споровъ, Хлопицкому наконецъ удалось кончить дѣло. Онъ послалъ за своимъ экипажемъ и взялся проводить Рифку въ католическій женскій монастырь, а похитителя убѣдилъ немедленно выѣхать за границу. Товарищъ мой сталъ перешептываться съ Рифкою, вѣроятно обѣщая пріѣхать за ней, когда она приметъ христіанскую вѣру. и она согласилась отправиться въ монастырь. Между-тѣмъ запрягли лошадей для польскаго офицера, и онъ немедленно уѣхалъ, въ сопровожденіи застѣателя, слѣдовавшаго за нимъ въ почтовой телѣжкѣ. Тѣмъ кончилось это происшествіе, и жида напрасно проѣздили до Ковно.

Я остался на сутки въ Ковно, потому что Хлопицкій пригласилъ меня къ обѣду, и я не хотѣлъ отказать ему. Онъ разсказалъ мнѣ много о членахъ моей фамиліи, которой я вовсе не зналъ, и возбудилъ во мнѣ охоту познакомиться съ родственниками. Но я поѣхалъ прежде къ моей матери.

Дѣла моей матери, послѣ самаго счастливаго и блистательнаго окончанія процесса въ Петербургѣ, вмѣсто того, чтобъ принять благопріятный оборотъ, пришли въ совершенное разстройство, обогативъ ея повѣренныхъ. Этотъ процессъ настоящій романъ, но я не стану говорить объ немъ, потому что безъ собственныхъ именъ онъ лишился бы всей своей занимательности. Скажу только, что лицо нотаріуса Феррана въ романѣ Евгенія Сю: «Парижскія Тайны,» повторилось въ натурѣ въ нашемъ фамильномъ про-

цесѣ, только безъ смертоубійствъ. Огромное состояніе исчезло въ рукахъ новѣренныхъ какъ шарикъ въ рукахъ фигляра Боско! Во время моего, пребыванія у матери, она рассказывала мнѣ приключеніе, случившееся съ нею, въ то время, когда я былъ въ Финляндіи.

Во время Финляндскаго похода, мать моя пріѣзжала въ Петербургъ. Она прожила нѣсколько времени въ Бѣлоруссіи, гдѣ у нея были два брата Бучинскіе, одинъ крайчій (то есть кравчій) Литовскій, другой предсѣдатель главнаго Витебскаго суда, люди богатые и холостые. Въ Оршѣ жилъ, съ семействомъ своимъ, родственникъ ея, камергеръ бывшаго польскаго двора Валицкій, братъ богатаго графа (Австрійской Имперіи) Валицкаго, находившагося тогда въ Петербургѣ. Братья моей матери никогда не отпускали ее въ Петербургъ безъ провожатаго, и всегда снабжали ее деньгами. На этотъ разъ взялся сопутствовать моей матери бывшій камергеръ Валицкій, который, просватавъ старшую дочь свою, хотѣлъ лично объявить объ этомъ своему богатому брату. Проживъ около двухъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ, мать моя отправилась въ обратный путь съ тѣмъ же польскимъ камергеромъ Валицкимъ. Богатый и щедрый братъ далъ ему значительную сумму денегъ, въ приданое своей племянницѣ, и кромѣ того нѣсколько турецкихъ шалей, множество кружевъ, шелковыхъ матерій и два полные алмазные прибора (какъ тогда называли склаважа). — Карета была нагружена внутри и снаружи дорогими вещами.

Не помню, съ первой или со второй станціи не доѣзжая до Витебска, Валицкому должно было поѣхать въ сторону, къ пріятелю, который поручилъ ему какія-то денежные дѣла въ Петербургѣ. Имѣнье пріятеля Валицкаго находилось верстахъ въ двадцати пяти отъ станціи; Валицкій нанялъ тройку лошадей у жнда, содержателя станціи, и отправился передъ полуднемъ, обѣщая возвратиться къ утру другого дня.

При матери моей находились польская камеръ-юнгфера (то есть панна) и извѣстный уже читателямъ старшій слуга моего отца, Семень. Когда смерклося, мать моя и панна легли спать на другой половинѣ корчмы, въ комнатѣ, которую обыкновенно называютъ гостиной, а Семену приказала не отлучаться отъ кареты, стоявшей передъ корчмой, подъ окнами. Мать моя, слабаго сложенія и нервическаго темперамента, имѣла весьма легкій сонъ и пробуждалась при

малѣйшемъ шумѣ, а при томъ не могла спать безъ огня въ комнатѣ. Ложась отдыхать, она приказала засвѣтить вочникъ, который поставили въ каминѣ. Постель для моей матери постлана была на большомъ столѣ, а для панны на полу, на соломѣ, потому что мать моя не рѣшилась бы даже приблизиться къ жидовской кровати. Около полуночи шумъ въ сосѣдней комнатѣ разбудилъ мою мать. Она взглянула на дверь, которая быда заперта, когда она ложилась спать, и увидѣла, что дверь легонько отворилась, и высунулась жидовская голова. «Чего вамъ надо? спросила моя мать». «Ничего!» отвѣчалъ жидъ, сердито: «зачѣмъ у васъ огонь: вы сожжете корчму».... «Пустое—оставь меня въ покоѣ.» Дверь затворилась и настала тишина. — Мать моя не могла уже заснуть. — Черезъ полчаса дверь снова полу-отворилась—и та же жидовская голова выглянула изъ другой комнаты. — «Оставьте ли вы меня въ покоѣ!» сказала мать моя. — «Какой тутъ покой!» возразилъ дерзко жидъ: «погасите огонь и спите!... Намъ нельзя позволить, чтобъ у васъ горѣла лампада при соломѣ.» — «Если вы не оставите меня въ покоѣ, я велю сейчасъ же запрягать лошадей, поѣду въ Витебскъ и пожалуюсь губернатору,» сказала матушка. — Жидъ проворчалъ что-то, хлопнулъ дверью и мать моя услышала въ другой комнатѣ шепотъ, изъ котораго прорывались слова, громче сказанныя. Очевидно было, что въ другой комнатѣ нѣсколько жидовъ спорили между собою, понизивъ голосъ, и что нѣкоторые изъ-нихъ не могли воздержаться въ своей запальчивости.

Мать моя легла почивать не раздѣваясь; — она поспѣшно встала съ постели, разбудила панну и выбѣжала изъ корчмы на большую дорогу. — Вообразите ея положеніе! Всѣ сундуки и ящики съ кареты были сняты, дверцы отперты настежь, а Семень лежалъ — подъ каретой. Выбѣжавшая вслѣдъ за матерью моею панна стала будить Семена — но онъ былъ какъ мертвый. — Ужасъ овладѣлъ моею матерью при воспоминаніи о сценѣ въ корчмѣ.... но врожденное мужество, пробужденное опасностью, возстановило въ ней обыкновенное присутствіе духа. — Въ дормезѣ, варшавской работы, въ стѣнкахъ, по обѣимъ сторонамъ сидѣнья были два потайные ящика, и въ каждомъ ящикѣ было по парѣ заряженныхъ пистолетовъ. По счастью воры, выбирая вещи изъ кареты, не нашли этихъ ящиковъ. — Мать моя добѣла пистолеты, дала пару паншѣ и вмѣстѣ съ нею помѣста-

лась въ заломѣ стѣны образующей уголъ, чтобъ обезпечить себя отъ нападенія съ трехъ сторонъ.—Едва онѣ заняли эту *крѣпкую позицію*, жидаы выбѣжали гурьбою изъ корчмы.... Четыре пистолетныя дула, направленные въ толпу, остановили жидовъ. «Вы можете убить насъ,» сказала мать моя, твердымъ голосомъ: «Но четверо изъ васъ должны непременно погибнуть, если вздумаете напасть на насъ».... Изъ толпы выступилъ ораторъ.... «Помилуйте, сударыня, какъ вы можете думать, что мы хотимъ убить васъ.» сказалъ онъ. «Увидѣвъ изъ окна, что вашъ экипажъ ограбленъ, я разбудилъ родныхъ и пріятелей, съѣхавшихся ко мнѣ на шабашъ, чтобъ изслѣдовать дѣло.... Вѣрно воры притаились съ вечера въ лѣсу.... мы пойдемъ и поищемъ, не сложили ли они гдѣ-нибудь вещей, а вы не опасайтесь ничего, войдите въ корчму и успокойтесь».—Мать моя рѣшительно отказалась слѣдовать совѣтамъ жида и повторила угрозу.... Жидаы совѣщались между собою.... Можно себѣ представить въ какомъ положеніи находились двѣ женщины!

Конюшня и изба, въ которой жили ямщики изъ христіанъ, находились шагахъ въ пятидесяти отъ корчмы.— Мать моя не довѣряла ямщикамъ, хотя панна, прежде чѣмъ жидаы выбѣжали изъ корчмы, совѣтовала бѣжать въ ямщицью избу.— Но страхъ превозмогъ въ паннѣ повиновеніе, и она начала во все горло кричать: разбой, разбой, помогите! Пронзительный голосъ панны, раздававшійся далеко, разбудилъ дремавшаго караульнаго ямщика. Онъ выбѣжалъ за ворота и увидѣвъ толпу жидовъ возлѣ кареты, догадался, что тутъ что-то не ладно и разбудилъ ямщиковъ. Нѣсколько изъ нихъ изъ любопытства пришли на мѣсто дѣйствія. Мать моя въ нѣсколькихъ словахъ объяснила имъ дѣло, и смиренные бѣлорусскіе парни, ненавидящіе вообще жидовъ, остановились въ безмолвіи на стороуѣ.... Къ нимъ подошли другіе ямщики, и жидаы возвратились въ корчму. Начало свѣтать — и вдругъ примчалась тройка. Возвратился Валицкій. Ямщика не было—онъ самъ правилъ лошадьми....

Увидѣвъ матулку и панну съ пистолетами въ рукахъ, карету безъ сундуковъ, Семена — лежащаго подъ каретою Валицкій, по соображенію съ случившимся съ нимъ—догадался въ чемъ дѣло. Онъ рассказалъ моеи матери ужасное свое приключеніе. На возвратномъ пути, ямщикъ его, дюжій парень изъ раскольниковъ Филиппоновъ, завезъ его въ лѣсъ, едва проѣзжею тропинкою, опрокинулъ, и не найдя топора,

вынававшего изъ телѣги, бросился на него и сталъ его душить. Валицкій былъ человекъ лѣтъ за сорокъ, но сильный и здоровый. Опасность удвоила его силы. Въ то время, когда телѣга опрокинулась и ящикъ попалъ на него, онъ держалъ въ рукѣ золотую табакерку, и такъ сильно ударилъ ею въ високъ ящика, что тотъ остался безъ чувствъ на мѣстѣ. Валицкій поднялъ телѣгу, поворотилъ лошадей, выбрался кое-какъ изъ лѣсу и выѣхавъ на большую дорогу, пустился во всю конскую прыть. Существованіе заговора на смертоубійство и грабежъ были очевидны. Валицкій былъ человекъ рѣшительный и мужественный. Онъ вооружился парю pistols, добылъ порохъ и пули изъ каретнаго ящика, и объяснивъ дѣло ящикамъ,—убѣдилъ ихъ принять его сторону. Семена стали отливать водою и привели въ чувство; но онъ былъ безъ силъ и не могъ держаться на ногахъ. Онъ сказалъ, что его напоили до пьяна жида, подчивая даромъ, различными водками. Между тѣмъ Валицкій расхаживалъ по большой дорогѣ и стрѣлялъ изъ pistols холостыми зарядами; жида не показывались изъ корчмы.

Взошло солнце. Это былъ воскресный день и вскорѣ большая дорога оживилась. Изъ ближняго шляхетскаго селенія (по польски *Околицы*, *Okolicy*) начали съѣзжаться шляхтичи, (нынѣшніе однодворцы) съ своими женами и дѣтьми, по пути въ церковь, находившуюся верстахъ въ семи за станціей. Валицкій останавливалъ проѣзжающихъ и рассказывалъ имъ о происшествіи, прося помощи. Набралось шляхтичей и крестьянъ до полусотни. Содержатель станціи не могъ отказать въ лошадяхъ — и нѣсколько шляхтичей взялись провожать мать мою до Витебска.

Мать моя остановилась въ Витебскѣ у брата своего, предсѣдателя, который съ Валицкимъ отправился къ губернатору и донесъ о случившемся. Немедленно выслана была на станцію городская полицейская команда, съ нѣсколькими офицерами и особымъ чиновникомъ; туда же поскакалъ капитанъ-исправникъ, съ отрядомъ гарнизонныхъ солдатъ, и на другой день привезли въ городъ нѣсколько связанныхъ жидовъ и всѣ ограбленныя вещи. Жида не имѣли даже времени разбить сундуки и ящики; ихъ нашли въ анбарѣ, въ закромѣ, гдѣ хранился овесъ.

По слѣдствію оказалось, что содержатель почтовой станціи, жидъ, былъ уведоменъ изъ Петербурга, пріятелими своими, (а жида все знаютъ, какъ вѣрятъ Поляки,) что Ва-

лицкій везетъ огромныя сокровища, и составили заговоръ, чтобъ убить путешественниковъ, присвоить вещи и деньги и отвезя карету въ лѣсъ, находящійся въ сотнѣ шаговъ отъ корчмы, сжечь ее. Тогда въ окрестностяхъ бродили дезертиры и укрывающіеся отъ службы рекруты, и нападали даже на дома и на путешественниковъ. Жидъ думалъ своротить на нихъ этотъ разбой. Ямщиковъ онъ перепоилъ съ вечера, увѣряя, что празднуетъ день своего рожденія; споялъ Семена, подговорилъ одного сорванца, какъ послѣ оказалось, бѣглаго раскольника, убить Валицкаго, намѣревался зарѣзать мать мою и панну, но все это не удалось, отъ трусости и нерѣшительности сообщниковъ содержателя станціи и отъ мужества и присутствія духа матери моей и Валицкаго.

Такимъ происшествіямъ теперь и повѣрить трудно!—Но я уже сказалъ, что ничего нынѣшняго никакъ нельзя сравнивать съ тѣмъ, что было за полвѣка и за сорокъ лѣтъ предъ симъ. Не все же прежнее было дурно: много, очень много было хорошаго—но полицейское управленіе внутри государства было весьма слабо. Между помѣщиками во всей Россіи было много страшныхъ забіякъ, которые самоуправствовали въ своемъ окологдѣ, какъ старинныя феодалыныя бароны, и приводили въ трепетъ земскую полицію. Кромѣ того были настоящіе разбойники, нападавшіе на помѣщичьи дома и на путешественниковъ. Я видѣлъ въ Могилевской губерніи одного начальника разбойничьей шайки, чиновнаго дворянина, съ одной ногой, который былъ ужасомъ части Могилевской и Минской губерній. Этотъ господинъ С.—скій (бѣлорусскій уроженецъ) ограбилъ двѣ знакомыя мнѣ фамиліи: Оскирко и Покрошинскихъ, напавъ на ихъ мызы. Онъ не скрывался, но жилъ роскошно и повелѣвая тайно шайками, рѣдко выѣзжалъ самъ на промыселъ. Поймавшихъ своихъ сообщниковъ, онъ отравлялъ въ тюрьмѣ, чтобъ на него не показывали. Всѣ боялись его и не смѣли даже предлагать ему вопросныхъ пунктовъ!—Наконецъ и его скрутили, уличили и отправили въ ссылку. Былъ еще въ Бѣлоруссіи хотя не разбойникъ, но забіяка, который все свое наслажденіе поставлялъ въ дракахъ съ земскою полиціею и съ каждымъ, кто ему не покорялся, при первой встрѣчѣ. Двадцать разъ онъ былъ подъ судомъ, сидѣлъ даже въ острогѣ—но всегда оправдывался. Онъ самъ сочинилъ про себя пѣсню, на бѣлорусскомъ нарѣчьи, которую распѣвалъ и въ горѣ и въ радости. Пѣсня начиналась:

«Отколь вѣтеръ не повесть,
Семень Фроловъ не робеть». и проч.

Остальные слова пѣсни не помню, но помню колоссальную фигуру Семена Фроловича С—на, и его страшные усы. Онъ прѣзжалъ иногда въ гости къ дядѣ моему Кукевичу (въ имѣніе Высокое, Оршанскаго уѣзда, Могилевской губерніи) бралъ меня на руки и пѣлъ мнѣ пѣсенки, когда мнѣ было лѣтъ семь отъ рожденія. Семень Фроловичъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, и кончилъ также жизнь свою въ Сибири!—Русское купечество торговавшее на бывшей Макарьевской ярмаркѣ (перенесенной въ Нижній Новгородъ) вѣрно помнитъ еще помѣщика села Лыскова, покоящагося теперь въ могилѣ!—Повторяю, въ началѣ нынѣшняго столѣтія было еще весьма много такого, чему тебѣ трудно повѣрить, и потому-то, со времени вступленія моего на литературное поприще, при всякомъ случаѣ припоминаю, что основаніемъ всякаго воспитанія должны быть преданность Вѣрѣ и уваженіе отечественныхъ законовъ, уваженіе безпредѣльное, какое внушено въ Англии всѣмъ сословіямъ. Это должно быть, такъ сказать, въ крови народа.

Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ членами моей фамиліи. Въ нашемъ родѣ нѣтъ однофамильцевъ, и всѣ Булгарины (первоначально Скандербеги) происходятъ отъ двухъ братьевъ выходцевъ изъ Албаніи, въ концѣ XV вѣка, и имѣютъ одинъ гербъ. До смерти дяди отца моего (пріятеля генерала фонъ Клугена) Михаила Булгарина, въ нашей фамиліи всегда признавали старшаго въ родѣ главою всѣхъ Булгариновъ, и всѣ ему повиновались безусловно, какъ патриарху. Почти во всѣхъ старинныхъ польскихъ фамиліяхъ было тоже, какъ я уже говорилъ, и это было необходимо въ бывшемъ правленіи Польши, въ которой все основано было на дворянскихъ выборахъ и все дѣлалось полтъвческими партіями. Я уже говорилъ, въ первой части моихъ Воспоминаній (см. примѣчаніе первое и одиннадцатое, стр. 307, 325 и 326), что тогда родовое наше гнѣздо (гдѣ оно и теперь) было въ Гродненской губерніи, въ Волковыскомъ уѣздѣ, и что тогда главою рода былъ Михайлъ Булгаринъ. Я отправился къ нему.

Все что я буду теперь описывать—изчезло на вѣки! Изчезли и люди и обычаи, и даже воспоминанія о прежнемъ; изчезло и прежнее дурное и прежнее хорошее! А было и хорошее въ семейномъ твердомъ союзѣ и въ повиновеніи стар-

шимъ въ родѣ; было хорошее и въ рыцарскихъ нравахъ стариннаго дворянства!—Невзирая на изданіе закона, по которому всѣ заемныя письма признавались недѣйствительными, если были писаны на простой, а не на гербовой бумагѣ, въ такъ называемой Литвѣ требованіе подписи на гербовой бумагѣ, почиталось оскорбленіемъ, а подписываніе униженіемъ своего достоинства. Раззорялись на честное слово (на слово попогу)! Князь Доминикъ Радзивилъ, взявъ, иногда, игральную карту, коптилъ ея на свѣчѣ и писалъ кончикомъ щипцовъ, на закоптѣломъ мѣстѣ: «Выдать (такому-то, въ такой-то срокъ) тысячу (болѣе или мѣнѣе) червонцевъ: X. D. R.»—и повѣренный князя не смѣлъ даже поморщиться, но выплачивалъ немедленно. Я видѣлъ одно такое заемное письмо. то есть карту, покрытую вишневымъ клеемъ, чтобъ драгоценная копотъ на ней не стерлась. Не помню ни одного случая, чтобъ кто-нибудь осмѣлился отказаться отъ платежа, по заемному письму за своею подписью, потому только что оно не формальное. На честное слово можно было повѣрить жизнь, честь и имѣнье. Verbum pobile, debet est stabile, составляло главную заповѣдь дворянина. Это то же, что старинное русское: «Не далъ слова — крѣпись, а далъ слово—держись»—и древне-новгородское: «А кто не сдержитъ слова, тому да будетъ стыдно». Въ нашемъ славянскомъ племени стыдъ (то есть безчестіе) былъ величайшимъ наказаніемъ и честное слово тверже всѣхъ залоговъ и подписей. Я засталъ это на дѣлѣ, и подъ клятвою передаю моимъ дѣтямъ. Иностранцы приходи на Россію со время Петра Великаго, научили насъ многому, чему не худо было бы разучиться! Коммисіонерная торговля, то есть торговля безъ капиталовъ и подложное банкротство—это оригинальныя сочиненія чужеземныхъ прошлецовъ.—Добродушные Славяне, наши предки не знали этого прежде.

Я нанялъ фурмана, жида, и отправился въ путь въ половинѣ августа. На пути случилось со мною довольно забавное происшествіе. Приѣхавъ въ Радзивилловское мѣстечко Клецкъ, лежащее только въ нѣсколькихъ верстахъ отъ древне-родоваго имѣнія моихъ дѣдовъ и прадѣдовъ Грицевичъ, я остановился на площади и вышелъ изъ брички, чтобъ купить курительнаго табаку. Купецъ, разумѣется жидъ, отвѣсилъ мнѣ фунтъ лучшаго табаку и завернулъ въ бумагу. Въ эту минуту я отвернулся, чтобъ взглянуть на площадь и внезапно оборотясь къ жиду, поймалъ его въ плутовствѣ, а

именно, что онъ подмѣнилъ мою пачку другою, точно также свернутою. Я развернулъ бумагу и увидѣлъ, что въ подмѣненной пачкѣ былъ табакъ послѣдняго разбора, а я заплатилъ за лучшій. Признаюсь, я не могъ воздержаться и изъ всей силы «задѣлъ его въ лице, не говоря ни слова». Жидъ завизжалъ и завопилъ во все горло: Гвалтъ! бьютъ, рѣжутъ!—и изъ сосѣднихъ лавокъ сбѣжались жиды и также стали визжать и кричать. Одинъ изъ толпы побѣжалъ къ моему фурману, чтобъ узнать, кто я—и когда жиды услышали мою фамилію, одинъ изъ нихъ, сѣдой старикъ, подошелъ ко мнѣ, устремилъ на меня глаза и закричалъ во все горло: «О вей миръ! Бульхаринъ, *саленаго* Бульхарина сынъ!»—«Поддай саблю!» закричалъ я моему слугѣ — а жиды пустились бѣжать, крича изъ всѣхъ силъ: «О вей, о вей, *саленаго* Бульхарина сынъ!» Старикъ жидъ, по необыкновенному моему сходству въ лицѣ съ отцемъ и по мѣсту откуда я бѣжалъ, узналъ, что я сынъ того, котораго они боялись какъ смерти и называли бѣшеннымъ. Я преспокойно сѣлъ въ бричку и выѣхалъ изъ Клецка.

Сообщаю этотъ пустой анекдотъ по довольно важной причинѣ, а именно, чтобъ сказать при этомъ случаѣ, что жиды въ Польшѣ, особенно въ Литвѣ, находясь по *видимому* въ крайнемъ униженіи, смѣло скажу господствовали надъ всѣми сословіями. Если бъ кто либо вздумалъ собирать біографическія свѣдѣнія о дворянскихъ литовскихъ фамиліяхъ, то могъ бы получить отъ жидовъ самыя мелкія подробности о жизни каждаго дворянскаго семейства, отъ прадѣда до правнука и правнучки и полную характеристику каждаго лица. На этомъ познаніи нрава, умственныхъ способностей, страстей и потребностей каждаго лица, основывалось жидовское могущество. Мелкихъ слугъ мужескаго пола привлекали жидки питейнымъ меломъ, пивомъ и водочкою; слугъ высшаго разряда, то есть экономовъ, комиссаровъ и тому подобныхъ, ссудою денегъ, а женскую прислугу, отъ панны до гардеробной дѣвушки, подарками кофе и сахару или туалетными бездѣлками. Жиды были общими тайными повѣренными и барина и его жены, и сыновей и дочерей. Каждый и каждая отдѣльно собирали въ долгъ у жидовъ и употребляли ихъ агентами въ своихъ дѣлахъ гражданскихъ и частныхъ и въ любовныхъ

* Такъ Жиды пронесли мою фамилію. Шалѣный (по-польски Szalony), но по жидовскому произношенію *салѣный*.

интригахъ. Не многіе дворяне были избавлены отъ этого дѣвольскаго навожденія! Отецъ мой по наружности казался страшнымъ гонителемъ жидовъ, и колотилъ ихъ немилосердно, при всякомъ удобномъ случаѣ, а между тѣмъ онъ лестью и покорностью выманивали у него все, что имъ только было отъ него надобно. Выдержавъ первую вспышку гнѣва моего отца, можно было у него взять послѣднюю рубашку!—Жидамъ страшень былъ не вспыльчивый (или какъ они называли бѣшеный) человѣкъ, но хладнокровный, бережливый и недовѣрчивый.—Отецъ дорого заплатился Жидамъ, которые пресмыкались предъ нимъ, а сынъ, за пощечину, данную жида въ Клецкѣ, въ 1810 году, заплатилъ дорого въ 1848 и 1849 годахъ, довѣривъ жида на слово и надѣясь на его благодарность, за оказанное ему добро!—Спросить: есть ли честные жида? безъ сомнѣнія есть! Какъ не быть! Въ землѣ, на которой построены Петербургъ, не родятся алмазы и золото, однако жъ и золото и алмазы находятъ иногда на улицахъ, у подѣздовъ, возлѣ театровъ или дворянскаго собранія. И я нашелъ алмазъ: жида Юсселя, о которомъ говорилъ въ первой части моихъ Воспоминаній!

Лѣто было жаркое и жары продолжались даже въ августѣ. Я ѣхалъ ночью, а днемъ отдыхалъ на бивакахъ, чтобъ избѣгнуть грязныхъ жидовскихъ корчемъ. Наконецъ въ четыре часа утра, пріѣхалъ я въ мѣстечко графа Тышкевича, Свислочь, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Рудаки, мѣстопробыванія дяди отца моего, Михаила Булгарина. Я не хотѣлъ останавливаться въ мѣстечкѣ, а поѣхалъ прямо въ Рудаку, намѣреваясь остановиться у эконома или управителя и тамъ переодѣться и подождать, пока дѣдъ мой prospetъся и приметъ меня. Признаюсь, къ этому побуждалъ меня ложный стыдъ. Мнѣ не хотѣлось подѣхать къ крыльцу въ жидовской бричкѣ!

Едва начинало свѣтать и я удивился, услышавъ лай множества собакъ — а подѣхавъ къ дому, увидѣлъ на дворѣ множество людей, осѣдланыхъ лошадей, нѣсколько запряженныхъ экипажей и до двадцати своръ охотничьихъ гончихъ собакъ, которыхъ кормили въ разныхъ мѣстахъ. Собирались на охоту. Я долженъ былъ оставить бричку у воротъ и пошелъ пѣшкомъ чрезъ дворъ, поручивъ одному изъ охотниковъ доложить обо мнѣ хозяину дома. Когда я вошелъ въ переднюю, слуга отперъ обѣ половины дверей

(что означало торжественный приемъ). Я вошелъ въ залу. По срединѣ былъ большой столъ, на которомъ стоялъ завтракъ— но всѣ собесѣдники встали съ мѣстъ своихъ, прежде моего появленія, и стояли позади главы фамиліи. Я подошелъ къ нему, произнесъ мое имя, и по тогдашнему обычаю, поцѣловалъ дѣда въ руку. Онъ обнялъ меня, поцѣловалъ въ лице, и указывая на присутствующихъ, сказалъ: «Ты здѣсь дома — вотъ тебѣ тридцать человѣкъ друзей и братьевъ, Булгариновъ, одного рода, одной крови и одного герба, или кровныхъ нашихъ *по кудели**. Ты съ ними познакомишься послѣ, а теперь садись и завтракай съ нами!»

Михаилъ Булгаринъ былъ человѣкъ высокаго роста, на второй половинѣ седьмага десятка, но здоровый, румяный, не слишкомъ сухощавъ и не толстъ — и весьма пріятной наружности. Всѣ прочіе Булгарины и родные ихъ по женскому колѣну, были одѣты одинаково, въ охотничьи зеленого цвѣта казакины. Дѣдъ былъ въ длинномъ польскомъ жупанѣ, но при этомъ польскомъ нарядѣ, былъ безъ усовъ. На столъ поданы были кофе, грѣтое бѣлое вино, съ личными желтками (*winna poliwka*) и грѣтое пиво съ домашнимъ сыромъ, разныя булки, крендели и сухари. Собесѣдники продолжали, а я началъ завтракать.

— Какъ дворянинъ и какъ человѣкъ нашей крови, ты вѣрно любишь охоту? спросилъ дѣдъ, обращаясь ко мнѣ.

— Полюблю, дѣдушка, потому-что до-сихъ-поръ не имѣлъ случая охотиться, отвѣчалъ я.

— Но если ты не охотился за звѣрьми, то довольно поохотился за людьми, и вѣрно выучился стрѣлять....

— Изъ пистолетовъ, а изъ ружья еще не пробовалъ стрѣлять въ живое существо.

— И такъ ты начнешь охотиться подъ моимъ руководствомъ. Желая, чтобъ ты былъ такой же стрѣлокъ, какимъ я былъ въ твои лѣта!

Дѣдъ кликнувъ своего камердинера и велѣлъ снарядить меня на охоту, то есть дать ружье, патронташъ, порохъ, дробь, пулѣ и прочее. Потомъ дѣдъ спросилъ, какъ я хочу

* По польски родство *по меку*, значить *по мужескому колѣну*, а родство *по кудели* (po kądzieli) родство *по женскому колѣну*. Очевидно, что въ древности жены и дочери дворянъ въ Польшѣ, какъ и вслѣдъ занимались пряжею и отъ этого названіе *родство по кудели* осталось въ языкѣ и въ законахъ.

ѣхать: съ нимъ ли, въ экипажѣ, или верхомъ, съ молодежью. Разумѣется, что я предпочелъ коня экипажу.

Наконецъ мы выступили въ походъ. Поѣздъ нашъ имѣлъ видъ воинственный. Человѣкъ до пятидесяти верхомъ, въ одноцвѣтныхъ казакинахъ и фуражкахъ одной формы (слуги отличались только басонами по воротнику и на фуражкѣ), съ ружьемъ за плечами, съ кортиками, образовали порядочный эскадронъ, и ѣхали въ порядкѣ, по два въ рядъ. Впереди ѣхалъ общій нашъ дѣдъ и глава (всѣ мы называли его *дѣдушкою*), въ коляскѣ. Шествіе замыкали псаря, съ стаею собакъ, а за ними тянулись коляски и брички. Предположено было охотиться въ лѣсахъ, принадлежащихъ къ Яловскому старостству, данному дядѣ на пятьдесятъ лѣтъ, на послѣднемъ сеймѣ. Мѣстечко Яловка находится верстахъ въ пятнадцать отъ Рудавки, но мы не заѣхали на господскій дворъ, куда отправились экипажи и псаря съ собаками, а поѣхали прямо къ лѣсу, верстахъ въ пяти отъ двора. Подъ лѣсомъ мы нашли бивакъ. Тутъ ожидалъ насъ первый доѣзжачій (пикеръ) и главноуправляющій охотою, старый слуга моего дѣда, Вареоломей, котораго уменьшительно, по литовскому произношенію, называли *Баутрукомъ*. При немъ было нѣсколько псарей и также до двадцати своръ гончихъ собакъ. Собаки, приведенные съ нами, назначены были на смѣну. Баутрукъ донесъ дѣдушкѣ (который изъ коляски пересѣлъ въ маленькую повозку, коломажку), что обойдено (охотничье выраженіе) стадо дикихъ козъ и что облава уже обступила ту часть лѣса, гдѣ будетъ охота. По распоряженію Баутрука, пѣшіе охотники оставили лошадей возлѣ бивака, разумѣется, подъ надзоромъ нѣсколькихъ крестьянъ, и пошли въ лѣсъ съ ружьями, на назначенныя имъ мѣста. Конные охотники, съ борзыми собаками стали въ полѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣса. Мнѣ, пѣшему охотнику, назначено мѣсто на опушкѣ лѣса, откуда начиналось небольшое болото, поросшее камышемъ. Когда Баутрукъ рассчиталъ, что всѣ стрѣлки дошли до своихъ мѣстъ, онъ подалъ сигналъ на охотничьемъ рожкѣ. Стрѣлки отвѣчали также на рожкахъ и за этимъ поднялась кутерьма, какой я отъ роду не видывалъ. Болѣе пяти-сотъ мужиковъ, бабъ и мальчишекъ, окружавшихъ лѣсъ, захопали бичами и заревѣли во все горло. Вскорѣ съ этимъ шумомъ смѣшад-

* О староствѣ Яловскомъ говорено было въ прежнихъ частяхъ «Воспоминаній».

ся лай собакъ и время отъ времени раздавались звуки рожка и охотничьи возгласы Баутрука, ободряющаго собакъ. То въ одной, то въ другой сторонѣ трубили охотники, на знакъ, что видятъ звѣря. Вскорѣ послышались выстрѣлы. Эхо разносило по лѣсу эти звуки. Я былъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи.... По моему мнѣнію, кавалерійское дѣло (то есть сраженіе) и охота, въ большомъ видѣ — высшія наслажденія въ мірѣ! Что значить въ сравненіи съ ними опера, балетъ, драма, балы, рауты! Это свѣчи, въ сравненіи съ солнцемъ! Сердце сильно бьется, мускулы и чувства (то есть зрѣніе и слухъ) въ напряженіи, человекъ будто въ лихорадкѣ, производящей не болѣзненные, но пріятныя ощущенія.... И что сравняется съ радостью, которую доставляетъ побѣда или успѣхъ! Городскіе нѣженки не поймутъ меня!

Я простоялъ около часа на своемъ мѣстѣ, и какъ всѣ сильныя ощущенія, всѣ восторги бываютъ непродолжительны, то наконецъ, не видя звѣря, оставаясь въ бездѣйствіи, я, такъ сказать, усталъ духомъ. Лай собакъ то умолкалъ, то снова раздавался, но все въ дали отъ меня. Я сѣлъ на пнѣ, поставилъ ружье при деревѣ и закурилъ трубку. Вдругъ лай собакъ послышался въ близи, и притомъ лай самый жаркій, какой бываетъ, когда собаки *гонятъ звѣря на глазъ* (охотничье выраженіе, означающее, что собаки гонятъ не чуть-емъ, но завидя звѣря). Едва я успѣлъ схватить ружье, огромный дикій козелъ выскочилъ изъ кустовъ прямо противъ меня, шагахъ въ пятнадцати, поднялъ голову, осмотрѣлся и повернулъ въ тылъ. Въ торопяхъ, я не успѣлъ прицѣлиться и выстрѣлялъ въ догонку. Козелъ свалился. Я бросился къ нему, но онъ вскочилъ и прыгнулъ... Я перебилъ ему заднія ноги, ниже колѣнъ, но козелъ съ горяча прыгалъ и я насладу догналъ его. У меня было одноствольное ружье; заряжать было нѣкогда, и я принялся колотить козла ружьемъ по головѣ.... Но удары мои были ему ни почемъ, и онъ продолжалъ прыгать, приближаясь къ болоту. Въ это время надѣтъ собаки и съ лаемъ и визгомъ напали на мою добычу. Я сталъ разгонять собакъ ружьемъ и нѣсколько разъ задѣлъ имъ о пни и деревья. Но счастью, явился вскорѣ Баутрукъ, на своемъ лихомъ конѣ, соскочилъ съ него и короткомъ зарѣзалъ измученнаго звѣря, отогнавъ собакъ араппикомъ. Я былъ въ восхищеніи! Передо мною лежалъ огромный козелъ, первая жертва моей охоты.... Я осматривалъ

его и гладилъ по доснящейся шерсти — но вскорѣ восторгъ мой прошелъ, когда Баутрукъ сказалъ: «Посмотрите-ка, баринъ, на ваше ружье! Я взглянулъ и ужаснулся. Ложа, сандаловаго дерева, была разбита въ дребезги, прикладъ разщепленъ, курокъ превосходной отдѣлки, изломанъ... «А это любимое ружье вашего дѣдушки!» сказалъ печально Баутрукъ, осматривая ружье. По счастью, дуло съ золотую насѣчкою было цѣло. — «Да вы бы ударили, баринъ, прикладомъ по переносью», примолвилъ Баутрукъ: «вѣдь черепа не разобьешь и обухомъ!» — А мнѣ почему знать! — «Теперь будете знать», сказалъ Баутрукъ, важно: «всякому дѣлу надобно учиться».

Баутрукъ призвалъ мужиковъ, изъ цѣпи, окружавшей лѣсъ, и они отнесли мою добычу, на жердяхъ, на сборное мѣсто. Часовъ въ шесть по полудни поданъ былъ сигналъ, что охота кончилась. Я побрелъ тихонько на сборное мѣсто и пришелъ послѣдній. Мнѣ стыдно было показаться на глаза дяди, съ изломаннымъ ружьемъ, Баутрукъ предувѣдомилъ уже всѣхъ о моемъ несчастномъ торжествѣ. Меня встрѣтили съ поздравлениями и я не замѣтилъ ни малѣйшей досады въ рѣчахъ дѣдушки, и изъ всего общества онъ одинъ позволилъ себѣ посмѣяться надъ моею схваткою съ козломъ. «Ты принялъ его за непріятельскаго гренадера, и поступилъ съ нимъ какъ безпардонный гусаръ», сказалъ дѣдушка. Но еслибъ за каждаго убитаго непріятеля надлежало платить ружьемъ, то война обошлась бы дорого!» Я молчалъ и досадовалъ на себя, но родственники старались меня ободрить и развеселить, въ чемъ скоро и успѣли.

Мы поѣхали къ ужину и на ночлегъ въ Яловку. Охота въ этотъ первый день была неудачная, потому что началась поздно. Стадо дикихъ козъ пробилось чрезъ облаву и всего застрѣлено двѣ штуки, вѣроятно отставшія отъ стада. За ужиномъ я былъ принятъ единогласнымъ рѣшеніемъ въ званіе охотниковъ, при провозглашеніи задравнаго въ честь мою тоста и играніи на рогахъ. Ужинъ былъ веселый и хозяйннъ любезенъ со всѣми, а со мною въ особенности. Въ полночь мы улеглись спать. Для пожилыхъ людей посланы были постели, въ особыхъ комнатахъ, а молодежь улеглась на соломѣ, въ большой залѣ, всѣ въ рядъ *.

* Въ польскихъ домахъ, когда много гостей, то не только молодые люди, но даже женщины спятъ на соломѣ, посланной на полу, разувѣтая,

Настоящая охота началась на другой день и продолжалась пять дней сряду. Мы ночевали въ лѣсу, въ шалашахъ, завтракали, обѣдали и ужинали подъ открытымъ небомъ и возвратились въ Рудавку съ нѣсколькими возами разной дичи, которая немедленно была разослана къ друзьямъ и сосѣдямъ. Я поправилъ мою охотничью репутацію и убилъ лося на повалъ, на всемъ его бѣгу, въ виду всѣхъ, и даже заслужилъ рукоплесканія.

Охота составляла любимую забаву помѣщиковъ западныхъ губерній и они умѣли охотиться. Никогда мнѣ не случалось видѣть въ другихъ странахъ Европы ни такого порядка на охотѣ, ни такихъ искусныхъ стрѣлковъ, ни такого множества дичи, ни такого веселья и пированья на охотѣ, какъ въ Литвѣ. Достаточные помѣщики содержали множество стрѣлковъ, лошадей, стаи собакъ и имѣли цѣлые арсеналы дорогихъ ружей. Часто и дамы сопутствовали мужьямъ и братьямъ на охоту, и тогда было еще веселѣе. Всего этого нѣтъ теперь въ Польшѣ. Это уже древняя исторія!

Замѣчательнѣйшій человекъ изъ всѣхъ сосѣдей дѣдушки, съ которыми я познакомился въ это время — былъ графъ Тышкевичъ, референдарій бывшаго великаго княжества литовскаго, женатый на племянницѣ бывшаго польскаго короля Станислава — Августа Понятовскаго. Графъ Тышкевичъ былъ человекъ оригинальный, въ полномъ смыслѣ слова, умомъ, наружностью, образомъ жизни и поступками своими. Онъ былъ тогда лѣтъ шестидесяти, и непомерно толстъ, такъ что едва могъ передвигать ноги. Одѣвался онъ весьма странно, въ цвѣтное платье, сочиненнаго имъ самимъ покрова. Это было нѣчто въ родѣ кафтана среднихъ вѣковъ, доходившаго почти до пятъ и застегнутаго отъ шеи до самаго низа, маленькими пуговками. Воротникъ былъ въ палецъ шириной, потому что у графа Тышкевича не было вовсе шеи и подбородокъ висѣлъ почти на груди. Онъ никогда не снималъ шапочки, точно такой, какою старые католическіе и лютеранскіе пасторы въ Германіи, обыкновенно покрываютъ голову въ церкви, въ зимнее время. Графъ Тышкевичъ былъ гастрономъ и обжора, что рѣдко бываетъ въ одномъ человекѣ, ѣлъ хорошо и много, и въ этомъ имѣлъ усерднаго товарища и помощника въ старомъ другѣ своей юности, дядѣ

въ особнхъ отдѣленіяхъ дома. Настилается солома, покрывается коврами и простынями, кладутся подушки и всѣ ложатся въ рядъ какъ солдаты въ казармахъ. Это называется по-польски: *spać pokotem*.

моемъ Станиславѣ Булгаринѣ. Съ необыкновеннымъ природнымъ умомъ графъ Тышкевичъ соединялъ разнородныя познанія, свѣтскую опытность и удивительную память. Мнѣ кажется, что невозможно быть добрѣе, честнѣе и благороднѣе, какъ былъ графъ Тышкевичъ! Вѣрно онъ не оскорбилъ ни одной души въ жизни, а добра дѣлалъ столько, сколько могъ. Точность его во всемъ доходила до педантства. Онъ страстно любилъ науки и охотно жертвовалъ большія суммы для распространенія просвѣщенія. Его мѣстечко Свислочь—было первое и единственное во всей Польшѣ по чистотѣ и порядку. Почти всѣ дома, прекрасной наружности, хотя деревянные, выстроены были на его счетъ. Гостинный дворъ былъ каменный. Онъ выстроилъ на свой счетъ прекрасныя зданія для классовъ гимназій и для помѣщенія директора и учителей, и подарилъ виленскому университету. Въ мѣстечкѣ былъ докторъ, на его жалованьи, и аптека. На годовую ярмарку въ Свислочь съѣзжались помѣщики изъ всей Литвы и тогда графъ Тышкевичъ давалъ балы и обѣды для всѣхъ и про всѣхъ. На театрѣ, также имъ выстроенномъ, пріѣзжіе актеры давали представленія и онъ платилъ почти за всѣ мѣста, разсылая билеты сосѣдямъ и знакомымъ. Словомъ, это былъ настоящій магнатъ, панъ польскій въ старинномъ смыслѣ слова, по щедрости и гостепріимству, безъ всякой притомъ гордости, скромный, вѣжливый и добродушный. Другаго Тышкевича не встрѣтилъ я въ жизни—да въ нынѣшній, такъ называемый, промышленный вѣкъ—и быть не можетъ такого человека....

Дядя мой Станиславъ Булгаринъ повезъ меня къ нему, и я былъ такъ счастливъ, что понравился графу Тышкевичу и онъ оставлялъ меня у себя, иногда на нѣсколько дней. Хотя у него былъ обширный домъ въ Свислочи, но онъ жилъ всегда въ имѣньи своемъ Симфанахъ, верстахъ въ двадцати отъ мѣстечка. Самъ хозяинъ помѣщался въ деревянномъ флигелѣ, безъ всякой архитектуры, а каменный домъ, въ итальянскомъ вкусѣ, стоялъ пустой. Мебель въ комнатахъ занимаемыхъ хозяиномъ была самая обыкновенная, мало того что простая, но бѣдная, а въ каменномъ домѣ вездѣ были мраморъ, порфиръ, бронза, мозаика, венеціанскія зеркала, драгоценное дерево, шелкъ, бархатъ и парча. Комнаты не только были убраны богато, но со вкусомъ—и содержались въ порядкѣ и чистотѣ, будто ожидая хозяевъ. Съ этимъ домомъ сопряжена была таинственность. Графъ

Тышкевичъ не жилъ съ своею женою, но находился съ ней въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ сношеніяхъ, оказывалъ уваженіе и никогда не противился не только ея волѣ, но даже капризамъ. Послѣ послѣдняго раздѣла Польши между тремя державами, графиня Тышкевичева уѣхала въ Парижъ, и осталась тамъ на всю жизнь. Она прожила лѣтъ тридцать въ Парижѣ, была принимаема въ высшемъ обществѣ, сама принимала гостей въ назначенные дни и сохранила на всегда аристократическій тонъ. Всѣ путешественники бывшіе въ Парижѣ, и посѣщавшіе общества, помнятъ графиню. Она была крива и недостающій ей природный глазъ замѣняла искусственнымъ, стекляннымъ, весьма ловко скрывая этотъ недостатокъ. Одѣвалась она всегда щегольски, по послѣдней модѣ, даже въ старости, которой никакъ не хотѣла поддаться. Читатели мои, занимающіеся иностранною словесностью, вѣроятно знаютъ *Записки Казанова* (Memoires de Casanova) Италіянца, который объѣхалъ всю Европу, безъ всякаго дѣла, ища приключеній и любовныхъ интригъ, былъ принятъ во всѣхъ высшихъ обществахъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, игралъ въ карты и обигрывалъ простаковъ, дрался на дуэляхъ и наконецъ кончилъ жизнь, въ пожилыхъ лѣтахъ, въ замкѣ одного венгерскаго магната, принявшаго его ради Христа. Записки Казанова слишкомъ *вольныя* (grivois), иѣчто въ родѣ романа Луве (Louvet): Chevalier de Faublas, прочтены почти всѣми любителями забавнаго и веселаго чтенія. Этотъ Казанова, находясь въ Варшавѣ, вошелъ въ милость графини Тышкевичевой и отправился съ нею въ Свислочь. Тутъ пришла графинѣ мысль выстроить италіянскую виллу—и Казанова взялся за это дѣло. Добрый мужъ на все согласился и въ одиный годъ домъ былъ выстроенъ и убранъ, съ величайшими издержками. На память согласія между мужемъ, женою и ея прислужникомъ, то есть Казановою, вилла получила названіе: Симфонію, искаженное послѣ въ Симфамы. Избрано греческое слово для того, чтобъ настоящій смыслъ сохранялся въ тайнѣ*. Такихъ мужей производить одна Польша! Это *мѣстное* произведеніе.

Я провелъ время чрезвычайно весело, до половины октября. Кто бывалъ въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ лѣтъ за двадцать предъ симъ, тотъ сознается, что нигдѣ не

* По гречески Συμφώνειν, значить assortir, подобранный, приличный, то же что convenant. Слово Συμφώνειν. происходитъ отъ греческаго же слова: Συμφωνία, pacte, союзъ, consentement, удовольствіе, consentement, concorde.

жили такъ весело и беззаботно, какъ въ Польшѣ. Гостеприимство было — баснословное! Польскія женщины — волшебницы—образцы Тассовой Армиды. Псовая охота, танцевальные вечера, кавалькады — смѣнялись каждый день — и вольность въ обхожденіи женскаго пола придавала всему необыкновенную прелесть. Противу Русскихъ ворчали про себя — а прѣзжали Русскіе любезные и ловкіе офицеры—все забывалось — и тосты: *wiwat, kochaemy się* (то есть вивать, станемъ любить другъ друга)! порождали общее братство!

Наступилъ рѣшительный переломъ въ моей жизни. Старшины нашей фамиліи рѣшили, что мнѣ не должно оставаться въ бездѣйствіи и велѣно мнѣ отправиться въ Герцогство Варшавское, и вступить въ военную службу, въ которой уже находилось нѣсколько нашихъ родственниковъ. Здѣсь я долженъ пояснить дѣло, которое въ нынѣшнее время кажется загадочнымъ.

Россія была тогда въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ Франціею. По тильзитскому трактату герцогство варшавское было признано государствомъ втораго разряда, принадлежащимъ къ рейнскому союзу, вмѣстѣ съ королевствомъ саксонскимъ. Король саксонскій, какъ извѣстно, назначенъ былъ Наполеономъ герцогомъ варшавскимъ. Сообщение между Россіею и герцогствомъ варшавскимъ было свободное. Каждому помещику и свободному человѣку западныхъ и южныхъ губерній, присоединенныхъ отъ Польши по послѣднему раздѣлу, гражданскіе и военные губернаторы выдавали безпрепятственно паспорта въ Варшаву. Множество дворянъ, богатыхъ и бѣдныхъ, служили въ польскомъ войскѣ герцогства варшавскаго и едва ли не третья часть офицеровъ были изъ русскихъ провинцій. Нѣкоторые богатые люди приводили съ собою по нѣскольку сотъ человѣкъ шляхты, обмундировывали и вооружали ихъ на свой счетъ, формировали роты, эскадроны, батальоны и даже цѣлые полки. На все это смотрѣли равнодушно, и ни позволенія, ни запрещенія не было. Если политики и предвидѣли скорый разрывъ Россіи съ Франціею, то этого не показывали.

При моемъ пылкомъ воображеніи и умѣ жадномъ къ новостямъ, при страсти къ военной службѣ, правильнѣе къ войнѣ, я обрадовался предложенію моихъ родственниковъ! Зная, что Наполеонъ помыкаетъ польскимъ войскомъ по всей Европѣ, я надѣялся побывать въ Испаніи, въ Италіи, а можетъ быть и за предѣлами Европы... Вотъ что меня манило за

границу! Ни одной политической идеи не было у меня въ головѣ: мнѣ хотѣлось драться и странствовать. Съ равнымъ жаромъ вступилъ бы я тогда въ турецкую или американскую службу!...

Дѣдушка Михайлъ Булгаринъ, дядя Станиславъ Булгаринъ и графъ Тышкевичъ, причитавшійся также къ нашей роднѣ, не знаю въ какой степени, снабдили меня червонцами, а кромѣ того графъ Тышкевичъ подарилъ богатые пристолеты и саблю. Мнѣ дали цѣлый пукъ рекомендательныхъ писемъ, и между прочимъ отъ графа Тышкевича къ родственнику его князю Юсифу Понятовскому, главнокомандовавшему польскимъ войскомъ. Изъ Гродна, чрезъ повѣреннаго, приславъ паспортъ — и я, простясь съ родными, поѣхалъ въ Варшаву.

Передъ отъѣздомъ я отослалъ къ матери моей крѣпостнаго человѣка, съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ о моемъ намѣреніи и написалъ письмо въ Петербургъ, къ сестрѣ Антонинѣ и зятю А. М. Искрицкому, прося его отвѣчать мнѣ, адресуя письмо на имя дѣда, Михайла Булгарина. Едва я успѣлъ осмотрѣться въ Варшавѣ, недѣли чрезъ двѣ я получилъ отвѣтъ отъ зятя. Одно мудрое правило, изложенное въ его письмѣ, осталось навсегда въ моей памяти, и я радъ, что могу теперь передать его въ печати. А. М. Искрицкій, человѣкъ въ полномъ смыслѣ положительный, писалъ ко мнѣ, между прочимъ: «Твое намѣреніе исполнено, слѣдовательно и говорить объ этомъ нечего. Помни, однако жъ, что въ Испаніи и Италіи, при палящемъ солнцѣ — для бѣдныхъ чужеземцевъ — весьма холодно, когда напротивъ, въ нашей холодной Россіи иностранцамъ — тепло!» — Величайшая истина, которую я испыталъ!

Я и ровестники мои были свидѣтелями основанія и паденія многихъ государствъ въ Европѣ. Зрѣлище любопытное и поучительное. Взглянемъ на герцогство варшавское, котораго часть присоединена, съ 1815 года, на вѣчныя времена къ Россійской Имперіи, подъ названіемъ Царства Польскаго.

Я уже сказалъ, впрочемъ всеиъ извѣстное, что тильзитскимъ миромъ утверждено существованіе герцогства варшавскаго, составленнаго изъ областей Мазовіи, Великой и Малой Польши, которыя принадлежали Пруссіи по послѣднему раздѣлу польскаго королевства-республики. Когда польское войско было распущено, генералы Мадалинскій,

Князевичъ и Домбровскій вывели нѣсколько тысячъ солдатъ, съ офицерами, въ Саксонію, а оттуда они пробрались въ Верхнюю Италію и на Рейнъ. Тогдашняя французская Республика не могла принять ихъ въ службу, потому-что закономъ воспрещено было содержать иностранныя войска на жалованьи Франціи. Въ Верхней Италиі основана была лигурійская республика и французское правительство изъ всѣхъ польскихъ выходцевъ сформировало польско-италійскій легионъ, въ службѣ лигурійской республики, но находившійся во французской арміи, въ качествѣ вспомогательнаго войска. Этотъ легионъ, комплектуемый изъ австрійскихъ плѣнныхъ и дезертировъ, уроженцевъ Галиціи и славонскихъ округовъ, составлялъ полную дивизію и имѣлъ свою артиллерію. Начальствовалъ дивизіей генералъ Домбровскій. Франція заставляла этотъ легионъ дорого платить за свое содержаніе. Въ италійскую войну, противу италійскихъ государей, потомъ противу Австрійцевъ и Русскихъ, этотъ легионъ всегда находился въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, всегда въ первомъ и жестокомъ огнѣ. Потомъ часть его была послана на островъ Сантъ-Доминго, въ экспедиціонномъ отрядѣ генерала Деклерка, а остальная часть вела кровопролитную войну въ Калабріи, противу защитниковъ италійской независимости. Легионъ въ началѣ италійской кампаніи имѣлъ до пятнадцати тысячъ чловѣкъ подъ ружьемъ, но лишился на полѣ битвы и отъ разрушительнаго климата Сантъ-Доминго почти двухъ третей и съ величайшими усиліями комплектовался новыми выходцами.

Хотя по обширности и народонаселенію герцогство варшавское не уступало другимъ государствамъ рейнскаго союза, втораго разряда, но оно было истощено и слабо въ высшей степени. Польша не имѣла тогда тѣхъ фабрикъ и мануфактуръ, которыя возникли въ ней съ тѣхъ поръ, какъ часть бывшаго герцогства присоединена къ Россіи, подъ именемъ Царства Польскаго. Все богатство герцогства составляло земледѣліе, которое не могло доставить столько денегъ, сколько нужно было на содержаніе войска, администраціи и постройку крѣпостей. Прусская золотая и серебряная монета исчезла изъ обращенія. Наллежало употреблять чрезвычайныя, насильственныя мѣры, для поддержанія необыкновеннаго, неестественнаго теченія дѣлъ. Соби-

рали натурою продовольствіе для войска, выдавая житандѣмъ или бонѣ, которые современемъ обѣщали выслатить. Пустали въ ходъ ассигнаціи, которыхъ кредитъ подорвало само же правительство, объявивъ, что вымѣшиваетъ ассигнаціи на звонкую монету, взявая четыре мѣдные гроша за талеръ, за промѣнъ (ажіо или лажъ). Наполеонъ прислалъ въ польскую кассу на нѣсколько милліоновъ золотыхъ старой сардинской монеты (мѣдной-посеребряной), которая должна была имѣть курсъ польскаго полузлотаго, то есть семи копѣекъ съ половиною серебромъ. Казна выплачивала эту монетою, но ее не принимали въ торговлѣ по показанной цѣнѣ. Жиды пользовались обстоятельствами, скупали за безцѣнокъ ассигнаціи и сардинскую монету, и заставляли нуждающихся въ какихъ бы то ни было деньгахъ брать въ долгъ ассигнаціи и дурную монету по объявленной казною цѣнѣ. Положеніе финансовъ было отчаянное и землевладельцы были совершенно разстроены въ своихъ доходахъ. Безпрерывно формировали новые полки и набирали команды для подкрѣпленія полковъ, находившихся за границею. Конскрипція, или наборъ рекрутъ по французской системѣ, становился весьма тягостнымъ для сельскаго населенія, лишая его лучшихъ работниковъ. По мѣрѣ уменьшенія рабочихъ рукъ, вздорожали всѣ съѣстные припасы. Положеніе герцогства Варшавскаго было болѣзненное. Усилія его походили на лихорадочные припадки. Энтузіасмъ — былъ лихорадочный жаръ; движенія — судороги, а между тѣмъ, тѣло истощалось и по мѣрѣ упадка силъ физическихъ — духъ упадалъ. Помѣщики, поселяне и порядочные торговцы, не ростовщики — чувствовали вполнѣ бѣдственное положеніе страны.

Населеніе Варшавы въ то время составляло около 75,000 жителей обоаго пола и всѣхъ возрастовъ, кромѣ войска, чиновниковъ и пріѣзжихъ. Тѣ, которые не видали прежней Варшавы, не могутъ составить о ней никакого понятія. Городъ былъ порядочно грязенъ, плохо вымощенъ, во многихъ мѣстахъ вовсе не вымощенъ, весьма дурно освѣщенъ до ночамъ и находился подъ весьма слабымъ полицейскимъ надзоромъ. Теперь лучшая улица, правильнѣе площадь, на-

* Пущено было въ оборотъ, 700,000 билетовъ по талеру; 250,000 билетовъ въ два талера; 60,000 билетовъ по пяти талерамъ.

зывается *Краковское предместье*, простирается внутрь *старого города* (*stare miasto*), а тогда, между ними былъ рядъ домовъ и съ *Краковского предместья* въ *старый городъ* входили и въѣзжали чрезъ узкія ворота. За этими воротами возвышалось огромное четырехугольное зданіе: *городская ратуша*, а вокругъ ея были узкія, сырыя, грязныя улицы, лишенные круглый годъ солнечныхъ лучей, потому-что высокія зданія препятствовали имъ проникнуть до земли. Возгъ такъ называемыхъ *Мировскихъ казармъ*, наемный мой экипажъ застѣлъ однажды въ грязи, по оси, и меня вынесъ извожикъ на своихъ плечахъ, на мощеное мѣсто. Вечеромъ нельзя было выйти на улицу безъ фонаря и у подѣзда театра, трактировъ и всѣхъ публичныхъ мѣстъ стояла всегда толпа мальчиковъ, съ фонарями, для провожденія посѣтителей до дому. Нечистота въ жидовскомъ кварталѣ, на Орлиной улицѣ была нестерпимая! Трактиры, кофейни и шанки были отперты всю ночь. Полицейскіе комиссары (тоже что наши частные пристава), были избираемы гражданами, и разумѣется, должныствовали быть весьма снисходительными. Жили въ Варшавѣ, какъ говорится, спуска рукава, мичти безъ всякаго надзора, кто какъ могъ и какъ хотѣлъ. Хотя городъ былъ и не щегольской, но обращалъ на себя вниманіе великолѣпіемъ и прекрасною архитектурою древнихъ католическихъ церквей и монастырей и нѣкоторыхъ казенныхъ и частныхъ зданій или палатъ (по-италіянски: *Palazzo*, по-польски: *Pałac*). Королевскій дворецъ или замокъ, на высокомъ берегу Вислы, со стороны города былъ закрытъ строениями, но со стороны рѣки представлялъ великолѣпный видъ. Для прогулокъ внутри города служили садъ палатъ Красинскаго, гдѣ были присутственными мѣста, и садъ палатъ саксонскихъ, гдѣ въ послѣдствіи жилъ Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Кромѣ того при многихъ домахъ были садики, а въ домахъ трактиры и кофейни. Садики эти по вечерамъ были иллюминированы и всегда наполнены посѣтителями. Въ трактирахъ и кофейняхъ (исключая нѣсколькихъ французскихъ ресторановъ, между которыми отличались ресторанъ Шаво, подъ колоннами (*pod filaranami*) на Наполеоновской (Медовой) улицѣ и Пуаро, на Длинной (*Długiej*) улицы), прислуживали дѣвушки, красивыя, ловкія, болтливыя и даже остроумныя — и это привлекало посѣтителей.

Вообще въ Варшавѣ публичная жизнь была въ полномъ развитіи и только семейные люди, старики обѣдали и ужинали дома. Окрестности Варшавы очаровательныя. Вездѣ множество трактировъ и вездѣ было множество посѣтителей. Жизнь была дешевая, до невѣроятности! За червонецъ можно было провести преприятно день: обѣдать въ хорошемъ трактирѣ, пить кофе у молодой кофейницы, посѣтить театръ, поужинать и прокатиться въ кабриолетѣ на четырехъ колесахъ (drożki), запряженномъ парю хорошихъ лошадей. Гастрономы ѣздили къ нѣмцу Шуку лакомиться *кормлеными раками*, къ нѣмцу Шиллеру, ѣсть жаренаго каплуна, начиненнаго Сардинками, пить превосходный кофе, съ отличными сливками, въ кофейнѣ, называемой *сельскою* (Wieyska kawa). Лучшій обѣдъ (за рубль серебромъ) былъ у Розенгорта, въ улицѣ Лешно (Leszno). Все лучшее было у Нѣмцевъ, какъ водится, то есть изготовляли все туземцы, а продавали и брали барыши — Нѣмцы.

Въ Варшавѣ былъ одинъ только польскій театръ, противу налатъ Красинскаго, на которомъ играли трагедіи, драмы, комедіи, водевили и малыя оперетки. Балетной труппы не было, хотя театръ имѣлъ театральную школу. Актеры и актрисы были превосходные. Лучшихъ я не видалъ, а видѣлъ, можетъ быть, равныхъ имъ. Первый трагикъ былъ Веровскій, высокій, складный мужчина, съ прекрасною, открытою физиономіею и удивительнымъ органомъ. Жесты его, движенія, игра физиономіи, интонаціи совершенно соотвѣтствовали и доказывали, что онъ глубоко изучилъ свое искусство и возвышался чувствомъ и разумомъ до тѣхъ характеровъ, которые изображалъ. Особенно онъ хорошъ былъ въ высокой драмѣ, въ *Макбетъ*, въ *Отелло* Шекспира, въ роляхъ, созданныхъ Шекспиромъ и въ нѣкоторыхъ національныхъ трагедіяхъ и драмахъ. Веровскій исторгалъ слезы и приводилъ въ содроганіе. Игра его была умная и спокойная и въ сценахъ сильныхъ страстей, онъ самъ пылалъ и воспалялъ зрителей, но не кричалъ, не ревѣлъ и не топалъ ногами, сохраняя всегда благородство позъ и достоинство героя. Веровскій, уроженецъ западныхъ губерній, говорилъ прекрасно по-русски и даже игралъ въ Кіевѣ и въ Витебскѣ, въ труппѣ странствующихъ русскихъ актеровъ. Его приглашали въ Петербургъ, но онъ, зная любовь публики къ знаменитому тогда трагическому актеру Яковлеву, боялся его соперничества. Первая трагическая актриса

Ледуховская (графиня), поступившая на сцену по непреодолимой страсти къ драматическому искусству, была, по моему мнѣнію, гораздо выше знаменитыхъ французскихъ актрисъ Жоржъ и Дюшенуа. Прекрасный ростъ, правильныя, выразительныя черты лица, трогательный, доходившій до сердца голосъ, благородство приемовъ, удивительный, необъяснимый взглядъ, проникавшій въ душу зрителя, способствовали тѣмъ волшебнымъ эффектамъ, которые Ледуховская производила своею чудною игрою. Ледуховская была превосходная актриса во всѣхъ трагическихъ роляхъ, но въ *Макбетъ*, въ сценѣ лунатизма — она была выше всего, что можно себѣ представить въ воображеніи. Шекспиръ никогда вѣроятно не думалъ, чтобъ изобрѣтенная имъ сцена производила такое впечатлѣніе. Я самъ былъ свидѣтелемъ, что женщины въ ложахъ падали въ обморокъ, когда Ледуховская разыгрывала эту сцену. Дмушевскій прекрасный актеръ въ драмѣ и особенно въ благородной комедіи, былъ въ то же время и отличнымъ литераторомъ. Онъ основалъ газету *Куріеръ Варшавскій* (*Kurierek Warszawski*), которая и понынѣ существуетъ. Жулковскій — комикъ, по моему мнѣнію, выше тогдашнихъ французскихъ комиковъ Брюне и Потье, былъ также остроумнымъ литераторомъ и по большей части самъ сочинялъ или составлялъ пьесы для своего бенефиса. Лишь только онъ выходилъ на сцену, въ залѣ раздавался хохотъ. Остроты и эпиграммы Жулковскаго заключали въ себѣ глубокій смыслъ, смѣшили, и въ то же время давали пищу разуму. Онъ издавалъ въ неопредѣленное время листки, подъ заглавіемъ: *Момусъ*, заключавшій въ себѣ собраніе острыхъ словъ и эпиграммъ. Кромѣ того служитель Жулковскаго, по имени Новицкій, разносилъ по трактирамъ и кофейнямъ писанные листы *Момуса*, читалъ въ слухъ и получалъ за это добровольныя приношенія отъ слушателей. Этими листами Жулковскій платилъ Новицкому за службу. Писанный *Момусъ* состоялъ по большей части изъ эпиграммъ на известныя чѣмъ бы то ни было лица въ Варшавѣ — во эти эпиграммы и были въ такомъ родѣ, что никто ими не обижался. Жулковскій шутилъ также надъ собою и надъ ревностью своей жены, выдумывалъ презабавные анекдоты на разныя лица — и все это было такъ смѣшно, такъ остро, что самый серьезный человекъ не могъ сдержаться отъ смѣха. Лишь только Новицкій появлялся въ залѣ — наступала тишина и всѣ окружали чтеца, а если

сидѣли за общимъ столомъ, то прекращали обѣдъ или ужинъ, чтобъ слушать чтеніе. Госпожа Ашпергеръ, Полька, за мужемъ за Ньшиамъ, прекрасно играла въ опереткахъ и въ водевиляхъ и сама была прелестная. Я видѣлъ два раза на сценѣ старика Богуславскаго, создателя польскаго театра при послѣднемъ королѣ Станиславѣ Августѣ Понятовскомъ. Богуславскій былъ и драматическій народный писатель и актеръ — истинный гений и въ литературѣ и на сценѣ. Драматическія его сочиненія и переводы напечатаны въ нѣсколькихъ томахъ. Народная піеса его: *Краковяки и горцы* (*Krakowiaki i górale*); съ танцами и пѣснями, на народныя напѣвы никогда не состарѣется. Эту піесу польскіе актеры давали разъ двадцать въ Петербургѣ, съ величайшимъ успѣхомъ. Богуславскій былъ уже очень старъ, когда я видѣлъ его на сценѣ, но игра его произвела удивительный эффектъ.

Бѣдность и нужда были внутри края, но въ Варшавѣ веселились. Кромѣ публичныхъ забавъ во всѣхъ частныхъ домахъ давали обѣды, вечера, балы, на которыхъ, разумѣется, первыя роли играли офицеры, потому что вся молодежь была въ высшей службѣ. Для меня открыты были двери во всѣ первые дома — и, признаюсь, это было райское время для меня. Но у меня былъ въ Варшавѣ менторъ, аббатъ Швейковскій, утрюпный, серіозный, богатый и скупой старикъ, который по праву родства не давалъ мнѣ покоя, упрекалъ въ бездѣйствіи, оуждалъ пристрастіе мое къ свѣтской жизни и наставлялъ, чтобъ я вступилъ на какое нибудь поприще дѣятельности. Надобно было повиноваться.

Въ Варшавѣ я пателъ двухъ старыхъ товарищей, бывшаго ротмистра въ уланскомъ Его Высочества полку Боржемскаго и бывшаго корнета того же полка Дембовскаго, уроженцевъ волынской губерніи. Оба они служили подполковниками въ гусарскихъ полкахъ, которыхъ было два, въ войскѣ герцогства варшавскаго, одинъ *серебряный*, другой *золотой*. Отвѣдая я также и похитителя прекрасной жидовки, капитана и нѣсколькихъ родственниковъ. Посредствомъ ихъ познакомился я съ многими офицерами полковъ, стоявшихъ въ Варшавѣ и въ окрестностяхъ — и по совѣту старыхъ товарищей и новыхъ друзей, наконецъ явился съ письмомъ графа Тышкевича къ князю Юзефу Понятовскому, главнокомандующему польскимъ войскомъ и военному министру. Въ первый разъ явился я къ нему въ пріемный день. Въ

залъ было множество офицеровъ и разныхъ просителей, въ томъ числѣ и нѣсколько женщинъ. Князь сперва подошелъ къ женщинамъ, выслушалъ каждую, принявъ бумаги и общалъ скорый отвѣтъ. Потомъ обошелъ по очереди всѣхъ бывшихъ въ залѣ. Вручивъ ему письмо и записку о себѣ, я сказалъ только: отъ рефендарія литовскаго графа Тышкевича. Князь прочелъ письмо, сказалъ мнѣ нѣсколько вѣжливо-стей, спросилъ о здоровьи графа и пригласилъ на другой день къ обѣду, примолвивъ, что подумаетъ, что можно будетъ для меня сдѣлать.

Князю Понятовскому было тогда сорокъ семь лѣтъ отъ рожденія (родился въ 1763 году); но на видъ онъ казался моложе, потому что онъ чернилъ волосы. Онъ былъ красавецъ и молодецъ, въ полномъ смыслѣ атихъ словъ—прекрасный, ловкій, статный мужчина. Лице его выражало необыкновенную доброту душевную и въ глазахъ было что-то привлекающее. Онъ уже далъ блистательныя доказательства личной храбрости и познаній военнаго искусства въ войнахъ до раздѣленія Польши и въ 1809 году. Онъ началъ свое военное поприще въ австрійскомъ войскѣ и на двадцать шестомъ году отъ рожденія уже былъ фельдмаршалъ-лейтенантомъ (тоже что у насъ генералъ-лейтенантъ). При началѣ первой французской революціи, въ 1789 году, онъ призванъ былъ дядею своимъ, королемъ Станиславомъ-Августомъ въ Польшу и былъ главнокомандующимъ польскаго войска въ войнѣ 1792 года, но находя сопротивленіе въ безтолковомъ сеймѣ, онъ оставилъ службу и удалился изъ отечества. Въ 1794 году онъ возвратился въ Польшу и командовалъ дивизіею подъ главнымъ начальствомъ Костюшки. Послѣ уничтоженія политическаго существованія Польши, князь Юсифъ Понятовскій снова удалился изъ отечества, съ другими членами бывшей королевской фамиліи. Братъ его, князь Станиславъ поселился на всегда во Флоренціи, и въ послѣдствіи вступилъ въ подданство герцогства Тосканскаго, а князь Юсифъ путешествовалъ по Европѣ и отказался отъ вступленія во французскую службу, хотя ему и предлагали чинъ генерала дивизіи (тоже что генералъ-лейтенантъ). Когда же Наполеонъ занялъ Прусскую Польшу и устроилъ въ ней временное правленіе, въ 1806 году, князь Юсифъ Понятовскій возвратился въ отечество, принявъ званіе высшаго министра и сформировалъ войско, надъ которымъ ему вѣрено главное начальство. Князь Понятовскій былъ человекъ ум-

ный, образованный и притомъ искусный полководецъ. Доброты его и щедрость были безпредѣльныя. Можно сказать, что онъ былъ идоломъ Польши, войска и народа. Во всей Западной Европѣ его называли польскимъ Баярдомъ: рыцаремъ безъ страха и упрека (*sans peur et sans reproche*). Онъ имѣлъ одну, впрочемъ рыцарскую слабость, свойственную многимъ героямъ, а именно: онъ былъ страстный любитель прекраснаго пола, и притомъ разборчивъ только въ красотѣ, а не въ званіи женщинъ. Нѣсколько разъ князю Юсифу Понятовскому предлагали блестящія партіи, и онъ могъ бы породниться съ владѣтельными фамиліями, но онъ всегда отвѣчалъ одно: что чувствуетъ себя не въ силахъ сохранить супружескую вѣрность и потому отказывается отъ женитьбы, зная по опыту, что всѣ женщины болѣе или менѣе ревнивы. На основаніи этого правила онъ всю жизнь остался холостякомъ и волокитою. Князь Юсифъ имѣлъ богатая помѣстья, но огромные доходы его были недостаточны для удовлетворенія всѣхъ его потребностей, изъ которыхъ главную составляла *благотворительность*. Бѣднымъ, истинно нуждающимся, онъ отдавалъ послѣднее и потому часто бывалъ безъ денегъ и принужденъ былъ занимать. Онъ зналъ и любилъ службу, и при всемъ своемъ добродушіи, строго соблюдалъ ее.

Въ пять часовъ по полудни, явился я къ обѣду. За столомъ было нѣсколько генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, чиновниковъ высшаго министерства и два министра, Матушевичъ и Выбицкій. Всего было человекъ двадцать. Князь по старинному обычаю представилъ меня каждому гостю и назвалъ мнѣ каждаго гостя. Это означало, что всѣ мы были знакомые между собою *по дому князя Понятовскаго*. За столомъ князь спрашивалъ меня о финляндской войнѣ и съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ слушалъ рассказъ мой о подвигахъ графа К. М. Каменскаго и о переходѣ Барклая-де Толя по льду, чрезъ проливъ Кваркенъ, въ Швецію. Я старался сокращать рассказъ, но князь спрашивалъ о подробностяхъ и мы отъ того просидѣли лишній часъ за столомъ. Другіе собесѣдники, какъ мнѣ казалось, также слушали меня со вниманіемъ и даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ, похожимъ на недо вѣрчивость, хотя я говорилъ сущую правду. Князь превозносилъ храбрость, стойкость, герцѣнные русскаго солдата и превосходную дисциплину русскаго войска и повторилъ слова Наполеона, сказанныя послѣ

сраженія подъ Фриландомъ: «что Русскихъ можно перебить (или разгромить), но побѣдить нельзя».

Послѣ обѣда всѣ мы перешли, въ такъ называемую, турецкую комнату или диванную, гдѣ охотникамъ подали трубки. Я почелъ неприличнымъ курить, находясь въ первый разъ въ гостяхъ у такого вельможи. Курили только старики. Зашла рѣчь о жидахъ. Князь Юсифъ Понятовскій защищалъ ихъ, и старый генералъ Заіончекъ, замѣтилъ съ улыбкою, что гораздо легче защищать *жидовокъ*, нежели *жидовъ*. Князь понялъ намекъ и засмѣялся, сказавъ, что вѣрно генералъ Заіончекъ вспомнилъ о польскомъ королѣ Казиміръ Великомъ, который изъ любви къ жидовкѣ Эстеркѣ, покровительствовалъ жидовъ. Когда дошло довоенно-служащихъ изъ жидовъ, генералъ Заіончекъ сказалъ, что даже лучшіе офицеры изъ жидовъ не могутъ отстать отъ торгашества и отъ привычки отдавать деньги въ ростъ. Въ примѣръ противнаго, князь назвалъ подполковника Берко или Берковича, сказавъ, что это былъ истинный герой. Я спросилъ у одного изъ офицеровъ, кто этотъ іерусалимскій герой и узналъ, что это былъ жидъ, который формировалъ жидовскій легионъ, въ Варшавѣ, въ 1794 году; потомъ служилъ въ италіянско-польскомъ легионѣ и во французской службѣ, дослужился до капитанскаго чина, былъ произведенъ въ подполковники въ конно-егерскомъ полку, когда сформировано польское войско, въ 1807 году; отличился въ кампанію 1809 года, противу Австрійцевъ и убитъ въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ родился, въ Коцкѣ, на рѣкѣ Вепрѣ. Онъ расположился на ночлегъ съ двумя эскадронами, созвалъ всѣхъ своихъ родныхъ и задалъ имъ пиръ, не предвидя никакой опасности. Нѣсколько эскадроновъ венгерскихъ гусаръ перешли въ плавь черезъ рѣку, обогнули мѣстечко (то есть городишко) и напали ночью, въ располхъ на безпечныхъ Поляковъ. Полковникъ Берко успѣлъ собрать съ сотню своихъ егерей и пошелъ на пробой. Дрались съ обѣихъ сторонъ отчаянно и Берку изрубили, какъ говорится, въ куски. Жиды похоронили его за городомъ съ великими почестями и надъ его могилою насыпали высокой курганъ, который вѣроятно и до-сихъ-поръ существуетъ.

Варко, какъ я могъ заключить изъ всѣхъ рассказовъ объ немъ, принадлежалъ къ весьма рѣдкимъ явленіямъ въ еврейскомъ мірѣ. Съ необыкновенною храбростью, Берко соединилъ въ себѣ рѣдкое чистосердечіе, безкорыстіе и до-

бродушіе. Храбры были и древніе Евреи во время войнъ Веспасіана и Тита, но чистосердечіемъ и безкорыстіемъ они никогда не отличались. Берко не получилъ школьнаго образованія, но имѣя природный умъ, какъ говорится, понатерся между людьми, и въ обществахъ былъ какъ и всѣ другіе. Офицеры и солдаты уважали и любили его. Онъ твердо придерживался Моисеева закона, касательно главныхъ пунктовъ вѣры, но ѣлъ все, не разбирая что *трефъ*, что *кошеръ*, не употребляя, однакожъ, въ пищу мяса животныхъ, запрещеннаго Моисеемъ.

Князь Понятовскій сказалъ мнѣ, чтобъ на счетъ службы я отнесся къ полковнику Раутенштрауху, управлявшему, кажется, всѣми письменными дѣлами и всѣмъ механизмомъ военнаго министерства, примолвивъ, что ему даны уже на этотъ счетъ приказанія. Прощаясь со мною князь пригласилъ меня къ себѣ, на воскресенье, въ концертъ — помню что въ первый разъ обѣдалъ я у князя въ четвергъ.

На другой день я явился въ канцелярію, къ полковнику Раутенштрауху. Онъ извѣстенъ былъ точнось по службѣ, знаніемъ дѣла и холоднось въ обращеніи. Онъ принялъ меня сухо и сказалъ, что въ концѣ будущей недѣли дастъ мнѣ рѣшительный отвѣтъ.

Въ концертъ у князя Понятовскаго собранъ былъ весь *большой свѣтъ* Варшавы и можно сказать всей Польши, потому что всѣ богатые фамиліи и почти вся старинная аристократія проживала въ Варшавѣ, отъ конца осени до весны. Красавиць было множество. Тогда введено было въ моду говорить въ обществахъ не иначе, какъ природнымъ языкомъ. По-французски говорили только съ Французами. Всѣ комнаты наполнены были гостями и въ большой залѣ играли кантату, композиція, помнится, капельмейстера Ельнери, на слова Нѣмцевича. По другимъ комнатамъ составились группы. Я присталъ къ одной группѣ, въ которой одинъ офицеръ, прибывшій на укомплектованіе полковъ, находившихся въ Испаніи, рассказывалъ о кровавыхъ битвахъ, нравахъ Испанцевъ, красотѣ Испанокъ и тому подобное. Меня это воспламеняло.

Когда я явился къ Раутенштрауху, онъ сказалъ мнѣ, что при всемъ своемъ желаніи исполнить приказаніе князя, онъ не можетъ отыскать для меня мѣста. «Послѣ кампаніи» (1809 года) сказалъ онъ мнѣ: «болѣе пяти сотъ человекъ унтеръ-офицеровъ, дворянъ, имѣютъ первые право на занятіе офицерскихъ ваканцій, и всѣ сражавшіеся въ рядахъ

польскихъ ждуть производства въ высшій чинъ, по очереди. Еслибъ вы прибыли къ намъ до кампаніи, когда мы нуждались въ опытныхъ офицерахъ, бывшихъ уже въ огнѣ, то васъ бы немедленно приняли высшимъ чиномъ. Товарищъ вашъ Дембовскій принятъ прямо капитаномъ и заслужилъ чинъ подполковника на полѣ сраженія. Кромѣ того, изъ полковъ, находящихся въ Испаніи, и изъ польской гвардіи Наполеона намъ безпрестанно присылають списки кандидатовъ на офицерскія мѣста. Ваканцій вовсе нѣтъ. Подождите! Предполагается, съ января будущаго года, сформировать два новые полка пѣхоты и я надѣюсь сберечь для васъ мѣсто подпоручика» *.

«Покорно благодарю! отвѣчалъ я: но для пѣхотной службы я не созданъ и беспокоить ни князя, ни васъ больше не намѣренъ» — я раскланялся и вышелъ, раздосадованный обманутою надеждою.

Однакожъ Раутенштраухъ говорилъ правду. Кандидатовъ въ офицеры было на армію въ 300,000 человекъ, а въ наборѣ солдатъ было большое затрудненіе. Бывшіе въ кампаніи 1809 года противъ Австрійцевъ офицеры, какъ мнѣ казалось, слишкомъ высоко оцѣнивали свои заслуги, и я, безъ всякой причины, нажилъ бы себѣ враговъ, еслибъ *съль многимъ на голову*, какъ говорится, по военному, то есть, еслибъ занялъ высшее мѣсто. Раздумавъ хорошенько, я успокоился.

Многіе устають отъ дѣятельности, а я всегда изнемогаю отъ бездѣйствія. Мнѣ скоро надоѣла эта разсѣянная жизнь въ Варшавѣ. Ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись и ни съ кѣмъ не простясь, я взялъ паспортъ и отправился въ Парижъ! — Съ этой минуты начинаются мои странствованія.

О. ВУЛГАРИНЪ.

* Ни въ польской, ни во французской службѣ ни было чина прапорщика — и первый чинъ былъ подпоручика.

ПИСЬМА ИЗЪ ИТАЛІИ.

=

I.

ГЕРКУЛАНЪ. — ВЕЗУВІЙ.

Когда я пріѣхалъ въ Неаполь, Везувій дремалъ.

Днемъ, надъ нимъ лѣниво клубился дымокъ, бѣлый какъ страусово перо; ночью, когда море исчезало подъ темною синевою суфраку и у подножія горы, вдоль берега, засвѣчивались огоньки, волкачь во временахъ выкатывалъ изъ своего жерла багровую звѣзду пламени, которая, блеснувъ на вершинѣ, быстро потухала. Эти грозные огненные вздохи подъ небесами и эти мирные вечерніе огоньки внизу; сонный заливъ и шумный, суетящійся, осыпанный газовыми огнями Неаполь — всё это сливалось въ магическую картину, отъ которой невозможно отвести глаза безъ сожалѣнія.

Половину голубой, теплой неаполитанской ночи проводилъ я на одномъ изъ тысячъ балконовъ набережной Санта-Лючіи. *Hôtel de Russie* давалъ мнѣ эту поэтическую декорацию за безцѣнокъ, за четыре карлива въ сутки.

Везувію дана самая видная роль во всѣхъ здѣшнихъ пейзажахъ. Перспектива многихъ улицъ Неаполя замыкается этимъ вѣчно-дымящимся исполицомъ; плыву ли я въ алой баркѣ по заливу, или брошу на мертвыхъ улицахъ Помпей; люблюсь ли тарантеллой на террасѣ дома, или отдыхаю подъ пальмой на *Капо-ди-Монте*, — глаза мои не разстаются съ Везувіемъ. Всюду — и между разрознёнными колошами разрушенныхъ храмовъ, и въ глубинахъ аллей, обитыхъ виноградными гириандами, — на голубомъ фонѣ неба рисуется онъ, съ своимъ дымомъ, какъ грозныи ухъ титъ посреди свѣтлаго, улыбающагося эдема.

Т. ХСV. — Отд.

9

Перваго августа подземные огни работали дѣлательнѣе, чѣмъ обыкновенно. Густые клубы сѣраго дыму вырывались изъ жерла и длинной цѣпью стлались надъ «кратеромъ». Неаполитанцы называютъ такъ свой заливъ. Вечеромъ, когда солнце готово было опуститься за величественныя скалы Искія, надъ заливомъ, съ вершины Везувія на лиловые холмы Сорренто, перекинута была гигантская арка дыму, золотямаго вечернимъ свѣтомъ. Можно было судить о работѣ волкана за цѣлый день; но такъ-какъ огня днемъ не видно, то любопытные иностранцы не могли дожидаться сумраку. Десятки Плиніевъ съ борта французскихъ кораблей, поплыли въ своихъ туловскихъ лавбунахъ наблюдать изверженіе, то есть, выпить нѣсколько бутылокъ вулканическаго вина, котораго запасы у пустынника на Везувіѣ не переводятся. Я въ свою очередь помчался въ Портичи по *via di ferro*. Нигдѣ въ мірѣ рельсы не разлеглись по болѣ живописнымъ мѣстамъ: справа весело блещетъ ахонтовый заливъ, омывая амфитеатръ бѣлыхъ, желтыхъ, розовыхъ домовъ Неаполя; слѣва холмы, покрытые гранатовыми, персиковыми деревьями, виллы, потопленные въ зеленомъ морѣ лимонныхъ садовъ и виноградниковъ; и надъ всѣмъ этимъ мрачный Везувій, мѣняющій свой цвѣтъ и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ. При послѣднемъ, вечеромъ освѣщеніи онъ былъ бархатистаго фіолетоваго цвѣту. Обворожителенъ этотъ берегъ; но какъ неподобенъ былъ онъ за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, когда вмѣсто нынѣшнихъ прозаическихъ городишекъ, макаронныхъ фабрикъ и загроможденныхъ пепломъ развалинъ, широкое основаніе Везувія было окаймлено изящными портиками, амфитеатрами, колоннадами и статуями.

Королевскій дворецъ въ Портичи — убижище прелестное; но каково покажется вамъ, если я прибавлю, что большая дорога, ведущая въ Калабрию, пролегаетъ по двору палаца! Здѣсь жила королева Мюратъ.

Дворецъ отдѣленъ отъ моря роскошнымъ садомъ; густой тѣни въ немъ не ищите, да и вообще лучезарная Италия не богата ею; за-то изъ подъ тонкихъ вѣтвей перцовыхъ и померанцовыхъ деревьевъ открывается передъ вами дивная панорама залива, котораго волны съ вѣчнымъ шумомъ ударяются о балюстрады этого миниатюрнаго элвзіума. Здѣсь я видѣлъ множество ароматическихъ рѣдкихъ растений, цвѣты тропическихъ разнорьевъ и красокъ; видѣлъ даже прошлогодніе листья всѣхъ этихъ экзотическихъ деревьевъ, безъискусственно оставленные на дорожкахъ....

Въ Резинѣ я вспомнилъ, что хожу по пластамъ лавы, затопившей изящный Геркуланъ. Резинна — это собраніе довольно-пошлыхъ каменныхъ домиковъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Портичи. И такъ, чтобъ вполне вывести на свѣтъ заживо-погребенный древній городъ, надо разрушить два позыихъ. Въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ Резины указали мнѣ на жалкій домикъ и объявили, что тутъ входъ въ Геркуланъ.

Глубоко подь массама лавы, отвердѣвшей до степени камня, лежитъ античный городъ, этотъ изящный Геркуланъ, охваченный волканическими потоками, и погибшій въ страшныхъ мукахъ, какъ Лаокоонъ, задушенный змѣями.

Съ зажженнымъ факеломъ сошелъ я въ могилу погребеннаго города; спустившись въ глубокое подземелье по каменнымъ ступенямъ, мы очутились въ мрачномъ корридорѣ: это галерея театра. Это рудникъ, прсбитый въ массахъ давно-застывшей лавы, рудникъ, изъ котораго добыто столько сокровищъ искусства и археологій.

При трепетномъ, недостаточномъ свѣтѣ факела и трехъ восковыхъ свѣтъ, зажженныхъ моимъ вожатымъ, увидѣлъ я чудовищные стрые своды, изсѣченные въ массахъ лавы. Стѣны, мѣстами покрытыя краснымъ стюкомъ и почти непоблекшими арабесками, мраморныя скамьи театра, выставлюющіяся изъ безобразныхъ каменныхъ глыбъ, напоминали мнѣ индійскія каплица, изсѣченные въ скалахъ. Сначала, вы не можете сообразить, какимъ случаемъ эти правильныя архитектурныя ливнія попали сюда въ пѣдра громадъ, подобныхъ граниту. Воображеніе отказывается представить вамъ потокъ расплавленнаго камня, нахлынувшій на цѣлый городъ, покрывшій его фронтоны и — застывшій навѣки!

Лава такъ тверда, что уступаетъ только топору и лому. Она вкатилась во внутренность домовъ, охватила памятники, колонны, исполнила собою вазы, вытѣснила изъ амфоръ вино, изъ могильныхъ урнъ пепель, и вѣроятно, еще пышала огнемъ: многія двери найдены обугленными даже въ тѣхъ жилищахъ, куда лава не проникла. Между-тѣмъ множество папирусовъ, хлѣбъ, рожь — уцѣлѣли, сохранили свои формы. Везувій губитъ, но онъ же и сохраняетъ. Онъ зналъ, что отъ великихъ царствъ не остается ничего кромѣ пыли да нѣсколькихъ именъ.... Везувій зналъ эту дряскорбную истину, и вотъ онъ залилъ своей смолой, закупо-рылъ въ-прокъ два-три изъ древнихъ городовъ роскошной Кампаніи, на удивленіе и въ назиданіе потомству.

Это не развалины: почти все найдено въ томъ видѣ, какъ

было въ минуту катастрофы. Геркуланъ востылашая шумя римскаго города. Лава втекла въ него медленно, давъ жителямъ время удалиться: скелетовъ найдено здѣсь весьма много. Жаль только, что вулканъ слишкомъ милостиво допустилъ жителей унести почти всѣ драгоценныя вещи: найдены только тѣ, которыя неудобны для поспѣшной веревоски. Немногія стѣны были разрушены или помосились. Въ театрѣ, каждая вещь, которая не могла быть снесена съ мѣста или истреблена потокомъ лавы, найдена въ томъ положеніи, какъ была во время представленія.

На стѣнахъ удѣляли яркія краски арабесковъ. Эти остатки античной живописи, вмѣстѣ съ слоеиъ штукатурки, бережно переносятся въ неаполитанскій музей. Ковечно, отъ такихъ похищеній, ископаемый городъ утрачиваетъ половину своего интересу; но иначе поступать было невозможно. Оставленные здѣсь, всѣ эти драгоценныя памятники древности были бы неминуемо истреблены сыростью. Въ Неаполѣ сегодня жара абсисивская; въ Геркуланѣ, который почти осемнадцать вѣковъ не видалъ солнца, стѣны и скамьи театра покрыты влажностью, какъ будто послѣ страшнаго ливня. Мой чичероне говоритъ, что зимою, напротивъ, здѣсь все сухо.

Сколько прекрасныхъ бронзовыхъ и мраморныхъ статуй вышло на свѣтъ изъ этой мрачной могилы! Знаменитыя конныя статуи консуловъ Бальбусовъ *, отца и сына, взяты съ геркуланскаго форума. Все это хранится въ бурбонской музей въ Неаполѣ. Почти всѣ бронзы покрыты ярью, лица героевъ и боговъ обезображены металлическими окисями. Многія колоссальныя статуи высвобождены изъ лавы по частямъ. Я видѣлъ здѣсь сотни мелкихъ статуэтокъ — все боги пенаты! — и, между прочимъ, большой кранъ фонтана или водопровода, запаянный, въ фронтно, прикосновеніемъ раскаленной лавы; когда я шевелилъ этотъ кранъ, въ немъ колыбалась влага: это вода, герметически закупоренная и потому сохранившаяся съ семьдесятъ девятигъ года нашей эры.

Сцена геркуланскаго театра гораздо шире сцены театра Сан-Карло: это можно было видѣть по разстоянію между двумя отъями, когда мои проводники стали съ скелетами по обонимъ концамъ просцениума, а я, съ приличной важностью, сидѣлъ на консульскомъ мѣстѣ. Вокругъ насъ было темно и тихо; изрѣдка

* Копія одной изъ этихъ статуй находится въ нашей Академіи Художествъ, именно въ круглой залѣ, подлѣ античной галлереи.

глухой гулъ непоминалъ мнѣ, что высоко надъ моею головою, по толстымъ пластамъ лавы, катятся экипажи неаполитанскія въ красавицъ, что надъ широкой могилою цѣлаго римскаго города зелѣбуютъ улыбающіеся виллы, что надъ мраморными уступами великаго театра, надъ его роскошными фресками и бронзовыми статуями тѣшатся жалкія жмача лицетры.

Когда я подумалъ, что здѣсь, въ этихъ самыхъ галлерейхъ толпились тысячи зрителей, что эти скамьи видѣли лазурь нарвонопейскаго неба, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня цѣлый городъ, съ домами, съ уллицами, погребенъ въ страшныхъ каменныхъ волнахъ, — душой моею овладѣло чувство, похожее на мучительное отчаяніе. Даже черты комической маски, оттиснувшейся на лавѣ, казались мнѣ, при красноватыхъ отблескахъ факела, застывшіею отъ ужаса физиономіею какого-нибудь трагика, которому въ первый разъ пришлось умереть несправдливо.

Ни развалины Рима, ни Помпея не производятъ такого страшнаго впечатлѣнія, какъ Геркуланъ.

Цѣлый народъ, изваянный изъ мрамору, цѣлый лѣсъ колоннъ — таятся еще въ этихъ вулканическихъ копияхъ. Часть освобожденія, можетъ-статься, не далеко. Но глаза мои съ большимъ состраданіемъ обращаются на народъ движущійся, мыслящій... Народъ здѣсь богатъ только небомъ, солнцемъ да лимонами. Известно, что Геркуланъ открытъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Рыли колодезь, и заступы остановились на ступеняхъ полу-циркульнаго театра. Теперь, сквозь этотъ цилиндрическій, значительно расширенный колодезь, на днѣ котораго я стою, проникаетъ сюда слабый свѣтъ дневной. Въ послѣдствіи были откапываемы многія зданія и храмы древняго города, расписанные фресками, вымощенные мозаиками; по все это недолго было пищей законнаго любовитства ученыхъ и туристовъ: опасенія разрушить Резину, заставили правительство снова заваливать всѣ подконы подъ ея домами. Разумѣется, это дѣлалось не прежде, какъ по тщательномъ обобраніи древнихъ жилищъ. Статуи и костюмы, мозаики и хирургическіе инструменты, манускрипты и бутылки — все, все прибрѣло здѣсь права на безсмертіе, и съ академическими почестями перенесено въ музей. Въ тоже время въ Неаполѣ стали учреждаться фабрики античныхъ вещей; но всѣ подобныя поддѣлки обыкновенно такъ грубы, что ими можно обмануть только антикварія.

Сотни папирусовъ, найденныхъ въ пеплѣ, тщательно развер-

нуги и текстъ ихъ разобрать; нѣкоторыя рукописи сгнили отъ влажности, нѣкоторыя истлѣли: вмѣстѣ съ трактатомъ объ эпикурейской философіи, вмѣстѣ съ отрывкомъ поэмы на битву при Акціумѣ, уцѣлѣла, какъ на зло, реторика какого-то Филодема.

Археологи единодушно сѣтуютъ на короля обвѣхъ Сицилій, затѣмъ онъ не рѣшается пожертвовать сотнею домишекъ Ризини, чтобъ издать въ свѣтъ вполнѣ всю эту каменную хронку частной жизни древнихъ, называемую Геркуланомъ. Римляне жили здѣсь въ послѣднія времена республики, а въ эту эпоху изнѣженнымъ, роскошнымъ Римлянамъ нуженъ былъ городъ греческій съ вѣчно-яснымъ небомъ, съ лавровыми рощами, нужны были мраморные портики, подъ которыми царствовали эпикуреизмъ, изящный вкусъ и непринужденность....

Погибшій Геркуланъ — это мрачная картина, достойная кисти Сальватора-Розы. Въ двухъ шагахъ оттуда ожидала меня сцена, которая могла бы быть передана только мастерскимъ карандашомъ Гогарта. Толпа людей, съ накинутыми на одно плечо куртками, атаковала меня на улицѣ: толщина моихъ подошвъ была подмѣчена, намѣреніе мое взобраться на Везувій—открыто....

Съ крикомъ на всѣ существующіе и не существующіе лады, смуглые, мускулистые парни, геройски навязывались въ проводники; веттурианы изъ всѣхъ силъ хлопали бичемъ, зазывая меня въ свои читальни и подвигались ко мнѣ какъ-будто съ рѣшительнымъ намѣреніемъ переломить мнѣ колесами ноги; другіе, ни мало не соображаясь съ размѣрами моихъ членовъ, совали мнѣ въ руку поводья осѣданныхъ лошаковъ и ословъ, которые были неприличнаго росту дворовой собаки. Сквозь эту пеструю, крикливую толпу я съ трудомъ проложилъ себѣ путь до конторы патентованныхъ вожатыхъ. Нахожу, что это самая затруднительная часть пути на вулканъ.

Я вскочилъ на добраго коня,—и оставилъ весь этотъ муравейникъ въ облакѣ пыли.

Проводникъ объявилъ, что слѣдовать ему за мною пѣшкомъ нѣтъ ни малѣйшей возможности, и что я долженъ выдать ему шесть карлиновъ, для найма осла. Деньги отсчитаны; но лишь только итальянецъ положилъ ихъ въ свой карманъ, какъ почувствовалъ особенную, до той поры неподозрѣваемую легкость, прыть въ ногахъ, и сталъ увѣрять меня, что ему бы лестно было бѣжать за мною пѣшкомъ, лишь бы сберечь шесть карлиновъ, которые онъ не привыкъ тратьть на такіе пустяки...

Я былъ неутомимъ, какъ филантропъ, и заставилъ бѣдняка сѣсть на осла.

Мы ѣхали между виноградниками, которыми покрыта подошва Везувія. Далѣе — сѣрая, угрюмая пустыня. Это море лавы, нѣкогда бушевавшее. Конь шагаль по стариннымъ русламъ огненныхъ потоковъ.

Проводникъ, указывая на различные слои лавы, пытался опредѣлить мнѣ эпохи нѣсколькихъ изверженій. Въ самомъ дѣлѣ, но этимъ пластамъ лавы можно прочесть всю исторію Везувія.

Часа черезъ два ѣзды, мы были на платформѣ San-Salvatore.

Это маленькій оазисъ посреди безмолвной кагорной пустыни; нѣсколько деревьевъ и каменный домикъ,—харчевня въ видѣ монастыря. Меня встрѣтили двѣ почтенныя особы, ананореты по одеждѣ, трактирщики по ремеслу. Какъ усталому страннику, они поспѣшили оказать мнѣ гостепрѣимство, и на столѣ являлась бутылка *Lacryma Christi*. Но я уже въ Неаполѣ познакомился съ этимъ благочестивымъ виномъ: огонь неаполитанскаго неба и вулканическая почва, на которой зрѣетъ виноградъ, придаютъ этой золотистой влагѣ какое-то одуряющее свойство. Я поблагодарилъ отшельниковъ, и поспѣшилъ насытить мои глаза зрѣлищемъ блистательной панорамы, открывавшейся съ этой высоты. *Capragna Felice*, озаренная розовымъ и золотымъ блескомъ вечера, разстилалась подо мной какъ эдемъ, охраняемый со всѣхъ сторонъ горами, которыя принимали различныя оттѣнки опаловъ. Улыбающіяся виллы дремали посреди лавровыхъ и миртовыхъ садовъ. Неаполь, покоящійся на скатѣ зеленыхъ холмовъ, — это лѣнивая нимфа, опускающая свои бѣлыя ноги въ ярко-синія волны. Санназаръ правъ, это—частица неба, упавшая на землю. *Un pezzo di cielo caduto in terra!*

Теперь понимаю, почему широкіе скаты Везувія усыяны виллами и селеніями, почему каждый лоскутъ земли такъ смѣло оспаривается у волкана. Неаполитанцу *dorogà la montagna*, какъ корицица; онъ былъ бы глубоко огорченъ, еслибъ небо лишило Неаполь благодѣтельнаго волкана. Всѣ эти города, построенные на развалинахъ другихъ городовъ, погубленныхъ и лавой и пепельнымъ дождемъ, и землетрясеніями, всѣ они спятъ спокойно, охраняемые изображеніемъ святаго Януарія. Настанетъ грозный часъ: колодези мгновенно высыхаютъ, земля колеблется какъ море; волкана не видно, но слышенъ ревъ его, и рѣки лавы, огненными цѣпями, медленно, но неотразимо, спускаются къ

садить и живить: пыльные виноградники блѣднѣютъ и чахнутъ въ одно мгновеніе; листья деревьевъ желтѣютъ и бѣгутъ отъ корней разливается по вѣтвямъ.... Когда же постигнутые несчастіемъ люди, изумленные, видятъ, что палящая рѣка переступила за деревянный крестъ, поставленный ей преградой, тогда ужасъ заступаетъ мѣсто безпечности, отчаяніе вытѣсняетъ изъ сердца вѣру, гасятъ лампаду святаго Января, ногами топчутъ его цѣбты; оскорбляютъ, поносятъ, осыпаютъ бѣшенными проклятіями его изображеніе. Народъ съ прискорбіемъ громко жалуется, что по-пусту жегъ масло, что напрасно сгибалъ колѣна.... Сущіе Японцы!

Прошло нѣсколько дней, и на мѣстѣ гибели и разрушенія громоздятся новыя плоско-кровельныя жилища. При видѣ здѣшнихъ очаровательныхъ мѣстъ, эта безпечность понятна. Природа, когда перестаетъ губить, становится здѣсь такъ обольстительна, съ такою изумительною щедростію торопится прикрыть слѣды своей ярости.

Везувій губить въ продолженіи немногихъ дней, оплодотворяя почву на цѣлые вѣка.

Поглядите на Резину, построенную на трунѣ Геркулана.

Справа и слѣва, — слѣды страшнаго разрушенія; высоко, надъ городомъ — вѣчно дымящійся сосѣдъ, ежеминутно грозящій гибелью.

Но куда ни поглядишь, — жизнь здѣсь кипитъ, какъ-будто эта земля никогда не знала ни единой могилы.

Веселые горожане, въ алыхъ колпакахъ на черныхъ кудряхъ, при звонкихъ пѣсняхъ, сплетаютъ виноградныя лозы съ вѣтвями шелковичныхъ деревьевъ.

Полногрудыя женщины, сидящія у своихъ дверей, прядутъ ленъ, и мелодическая итальянская болтовня звучитъ по улицѣ, между-тѣмъ, какъ черноглазые ребятишки прыгаютъ въ шумныхъ хороводахъ.... И ни одной изъ этихъ матерей не приходится на память отрытый въ Геркуланѣ домикъ, гдѣ въ маленькой ваннѣ найдены два младенческіе скелета.

Сумракъ палъ. Я зажегъ мой факелъ и пожелалъ пустыни-камъ доброй ночи. Черезъ нѣсколько минутъ, я былъ уже у самой крути горы. Отсюда кажется, вершины можно достигнуть мѣтѣ, чѣмъ въ четверть часа. Дорога крута, ноги тонутъ въ сыпучей золѣ, но я шагаю съ энергіею отъявленнаго туриста и оставляю проводника далеко за собою. Чтобъ подвинуться впередъ на шагъ, надо шагнуть три раза. Это работа Сивана.

Эверта, съ какою вы пошан на притутъ, скоро ослабѣвать, вамъ повесть медленнѣе и глубже упирается въ сугробы золы и скорій. Опытный проводникъ держится пословицы «тише ѣдешь, дальше будешь». Окрутивъ себя длиннымъ кушакомъ, онъ человѣколюбиво предлагаетъ мнѣ концы его, въ намѣреніи взять меня на буксиръ. Я неохотно отказываюсь. Между-тѣмъ сумракъ густѣетъ, но какой сумракъ! Это голубое небо, опускающееся на землю. Живописцы сознаются, что такого колера на палитрѣ не существуетъ.

Мы подвигались впередъ всею не прытко. Я оглянулся: за мною двигалась черная фигура и надъ нею отблескомъ моего факела сверкала штыкъ: это былъ королевскій жандармъ, геній, хранитель путешественниковъ. Нѣсколько человѣкъ стражи постоянно живутъ у подножія горы. Онъ сталъ увѣрять меня, что тутъ безопасно, что недавно одинъ Англичанинъ (въ Италиі всѣ чудеса случаются съ Англичанами), отставшій отъ своего проводника, наткнулся на ножи бандитовъ.... За эту импровизацию, я подаль гренадеру нѣсколько грановъ и послалъ его спать. Глубокія волны пеплу и шлаковъ были намъ единственною помѣхою. Вѣтеръ потушилъ мой факель. Я продолжалъ подыматься посреди глубокаго мраку. Вдругъ путь мой озарился адскимъ блескомъ. Я былъ уже во владѣніяхъ огня: желтые слѣды его прикосновенія замѣтны здѣсь на каждомъ камнѣ; но ни кратера ни пламени не видно до той минуты, покуда не ступишь на вершину, или точнѣе, на плечо горы: это обширная площадь, изрытая, изборожденная взрывами волкана. Посреди ея, въ сотнѣ шаговъ отъ меня, поднимается коническій холмъ: это кратеръ, это голова волкана съ вѣчно открытою чудовищною пастью, въ которой поднимается черный дымъ. Сильный сѣрный запахъ захватываетъ дыханіе; кругомъ меня опять темно; рѣзкій, настоящій гиперборейскій вѣтеръ, дующій здѣсь непрерывно, убѣдилъ меня, что вершина волкана—самое прохладное мѣсто въ Неаполѣ. Подъ ногами у меня черная, расплавленная, но уже нагрѣтая лава; а тамъ, на ребрахъ конуса блещутъ два широкіе потока, яркіе какъ растопленное золото: это раскаленная лава. Поэты вакхической школы то и дѣло сравниваютъ свое воображаемое шампанское съ потоками лавы, плещущей будто бы черезъ край жерла. Поэтическая вольность! безсовѣстная ложь!

Часть площадки, отдѣлившей меня отъ кратера, волновалась; толстая кора волкана лопалась, раздиралась на полосы, на мелкіе куски; широкія трещины сіяли кровавымъ огнемъ и изъ

нихъ съ свистомъ вырывался густой, желтый дымъ; почва раскалялась до-бѣла, и, расплавленная, струями подвигалась къ краю площадки, потомъ медленно лилась внизъ по склону горы,— вотъ лава!

Забывъ опасность, я пытался приблизиться къ этимъ адскимъ потокамъ. Сильный вѣтеръ оледенялъ мнѣ затылокъ, между тѣмъ, какъ жаръ пышавшій отъ лавы палилъ мнѣ лицо; подошвы мои обугливались.... Я старался вознзить оконечность моего посоха въ это раскаленное вещество, но напрасно: лава вовсе не жидкость; она имѣетъ видъ и плотность раскаленного желѣза, хотя течетъ подобно растопленному свинцу. Я еще не могъ отвести глазъ отъ этого невиданнаго зрѣлища,—вдругъ облако дыму надъ кратеромъ побагровѣло, послышался гулъ подземныхъ громовъ, вся громада Везувія страшно дрогнула и широкій свопъ ослѣпительнаго огня вырвался изъ жерла.... Багровые шары высоко взлетѣли къ небу, посреди огненного дождя пеплу: это раскаленные камни, кубы фута въ два величиною, отрываемые силою огня отъ внутреннихъ стѣнъ кратера. Мени уже предупредили, что этихъ каменныхъ ядеръ нечего бояться. Брошенные вверхъ перпендикулярно, они упадаютъ въ томъ же самомъ направленіи въ жерло или на закраины его.

Нѣсколько секундъ вулканъ дрожалъ подъ моими ногами, и снова все погрузилось въ мракъ; но глухое клокотаніе въ жерлѣ не умолкало, и тяжело движущаяся лава разливала кругомъ себя красноватое зарево.

Я чувствовалъ неодолимое влеченіе къ этому грозному дѣятелю природы; мнѣ хотѣлось заглянуть въ лабораторію, гдѣ работаютъ ея таинственные силы: я былъ отъ этой мастерской такъ недалеко.... Ни удушливые газы, ни сѣристый дымъ, ни зола, взвѣваемая вѣтромъ, не могли остановить меня. Я покушался взобраться на самый конусъ, до края широкой бездны,—но колебавшаяся подъ моими ногами кора кратера, и новые взрывы вулкана остановили меня на полу-пути. По скользкимъ сугробамъ золы я скатился назадъ на площадку, ошеломленный, черный, опаленный.... Я видѣлъ прославленный римскій фейерверкъ *la girandola*. Никакой фейерверкъ не можетъ быть эффектнѣе жирандоль: вѣщвѣтвые букеты крутящихся огней, густые свопы ракетъ, при громѣ пушекъ, подвигаются съ громады Адрианова мавзолея и отраженіемъ своимъ льются въ темныя волны Тибра.

Но колоссальный фейерверкъ Везувія, эти вихри подземныхъ

огней, вырывающіеся изъ пропасти съ громомъ и землетрясеніемъ, поражаютъ своимъ страшнымъ величіемъ не одни глаза; нѣтъ, эта картина потрясаетъ восторгомъ и ужасомъ самую твердую душу: наслажденіе чисто-юпитеровское.

Я провелъ ночь на вулканѣ. Луна взошла поздно. Мой вожагъ разъярился, лежа въ теплой золѣ и заснулъ, какъ убитый. Я, сидя на грудѣ камней, припоминалъ суевѣрные сказанія Діона Кассія. Везувій укрощался не на-долго; при каждомъ новомъ взрывѣ, яркимъ заревомъ обливались горы Сомма и Оттаино, которыя въ своихъ основаніяхъ соединены съ вулканомъ, хотя вершины ихъ отдѣлены одна отъ другой глубокими долинами. Отважные геологи нашли причины полагать, что эта группа горъ, въ незапамятныя времена, составляла чудовищную единицу, въ родѣ Этны. Но, доказать, что $3 = 1$ задача крайне трудная. Покуда, мы знаемъ только то, что Везувій, относительно величавы, занимаетъ средину между Этной, которая давно удостоилась многологической славы, и безвреднымъ вулканомъ Стромболи, который, какъ потухающій маякъ, дымится на одномъ изъ Липарскихъ острововъ. Во всякомъ случаѣ, Везувій всегда дѣйствовалъ такъ бластательно, что успѣлъ помрачить славу всѣхъ существующихъ вулкановъ.

Я глядѣлъ внизъ. Подъ яркимъ блескомъ италіянской луны, море сверкало и ясно обозначалось бѣлѣющеее зданіями полу-кружіе береговъ Неаполя; ночные огни, и неподвижные и перебѣгающіе, одинъ за другимъ постепенно погасали.

Утро было близко. Звѣзды блѣднѣли; на востокѣ за темной стѣной Аппенинъ блесоватая полоса яснила и яснила. Воздухъ становился неизъяснимо прозраченъ. Небеса были теплаго фіалковаго цвѣту. Вдали, утесистые берега Сорренто, скалы Капри сбрасывали съ себя ночныя покрывала, и являлись въ полномъ блескѣ цвѣтистыхъ утреннихъ нарядовъ.

Не помню ни одной картины, не знаю ни одной страницы, гдѣ бы эти магическіе эффекты были выражены удовлетворительно.

Свѣжій разсвѣтанный вѣтерокъ вызвалъ десятки латинскихъ парусовъ на голубыя зыби залива. До меня долеталъ шорохъ пробуждавшихся селевій, вѣстѣ съ утреннимъ ароматомъ лимонныхъ садовъ. Морской вѣтерокъ заколыхалъ фестоны виноградныхъ лозъ, сплетенные съ вѣтвями тополей, казавшихся отсюда легкими тирсами. Солнце, подвѣшавшееся надъ мертвой Помпеей, разсыпало свои искры по волнамъ. Въ минуту горизонтъ былъ потопленъ золотистымъ паромъ, воздухъ наполнился благоухані-

снѣ, все въ природѣ, казалось, готовилось къ какому-то языческому торжеству. Волковъ трепеталъ и бормоталъ, какъ свивала на своемъ тревожничкѣ.

Румяное облачко, ночевавшее на сосѣдней горѣ, подплывало къ вершинѣ Везувія.... Я воображалъ, что сейчасъ зарююсь въ розовый цухъ, — и былъ окутанъ густымъ, холоднымъ туманомъ.... Нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ тучѣ, подарилъ меня лихорадкой. Потомъ я видѣлъ, какъ обманчивая кокетка, улетая, таяла въ воздухѣ на первыхъ лучахъ солнца.

Вожатый, выжимая мой плащъ, указывалъ мнѣ на прежнее истощившееся жерло, которое, нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ путешественникъ, подражатель Эмпедокла, избралъ себѣ могилой. Везувій и тутъ перешеголялъ старуху Этву. Этна выкинула обратно однѣ саидалии агригентскаго философа. Везувій швырнулъ цѣлымъ Французомъ.

Передъ трагической ковчиной, глаза чужеземца были обращены на очаровательную діораму Неаполя. Счастливецъ хотѣлъ поглядѣть на Неаполь и потомъ умереть; онъ помнилъ неаполитанскую пословицу: *Vedi Napoli e poi mori!*

II.

ОСТРОВЪ КАПРИ.

Я не Гелиогабалъ. Когда мнѣ предсказанъ былъ неминуемо-близкій конецъ, — я не приготовлялъ себѣ сладко-усыняющаго зелья въ смарагдовыхъ кубкахъ, не запасался малодушно кланками изъ чистаго золота; даже не мостилъ подъ мои окна драгоцѣнными каменьями, съ умысломъ, какъ можно блистательнѣе разбить себѣ черепъ....

Не то, чтобъ предсказаніе с — кихъ врачей не стоило предсказаній сирійскихъ жрецовъ. Нѣтъ, видить Эскулапъ, нѣтъ! Дѣло только въ томъ, что я совершенно чуждъ языческаго малодушія. Стоически рѣшился я умереть по всѣмъ правиламъ медицинскаго факультета.

Но, между тѣмъ какъ подъ сумрачнымъ небомъ я собирался умереть такъ прозячно, заботливая судьба готовила мнѣ кончину несравненно блистательнѣйшую, гибель восхитительнѣйшую.... въ лазурномъ гротѣ на островѣ Капри.

Надо сказать, что я отнюдь не хотѣлъ расстаться съ жизнью, не видѣвъ Италіи. Вотъ почему вы меня встрѣчаете въ отечествѣ Данта.

Увидѣлъ я наконецъ эту многострадавшую, но вѣчно прекрасную Италію, изучилъ ее всю, начиная съ кружевной архитектуры миланскаго собора, до цѣклонскихъ храмовъ Пестума.

Я видѣлъ Неаполь.... оставалось умереть. Но въ этомъ лучезарномъ, вѣчно смѣющемся Неаполѣ — смерть кажется милою.

Въ Толедской улицѣ хочется жить.... до безумія. О смерти вспомнишь развѣ въ помпейской улицѣ гробницѣ.

Жить желалъ бы я въ Неаполѣ; а умереть — въ Сорренто или на островѣ Капри. Истомленный отравляющей изгой Неаполя, я, какъ Тверіи, смѣшилъ удалиться на Каприю.

Еще разъ плыву по этому чудному Тирренскому морю. Латинскій парусъ трепещетъ, какъ крыло подстрѣленной чайки; лѣтливый вѣтерокъ возлагаетъ всю работу на бронзовые мускулы четырехъ Соррентинцевъ. Неаполитанскій морякъ на берегу лѣнитъ, любитъ похвѣстаться на теплому черномъ пескѣ, прослушать дѣлмый вечеръ нипровизатора; но на морѣ, за весломъ, эти гребцы дѣятельны, какъ черти, поютъ отрывки изъ своихъ національныхъ баркароллъ, или шутятъ между-собою съ врожденнымъ комизмомъ.

Въ Италіи, на каждомъ шагу сожалѣешь, зачѣмъ ты не живописецъ. Смотрите: каждый ударъ весла на этимъ прозрачнымъ, голубымъ волнамъ — картина. Берегъ — это непрерывная, фантастически-беспорядочная стѣна черныхъ, желтыхъ, красноватыхъ, зеленоватыхъ скалъ. Развалины башенъ, полуодѣтыя ярко-зеленымъ плющомъ, чертѣютъ на вершинѣ утесовъ, точно орлы гнѣзда. Передъ вами живые, колоссальные пейзажи Сальватора-Розы.

Если во Флоренціи, въ Римѣ, невозможно жить, не заглянувъ исторію искусства; здѣсь, подъ этимъ олимпійскимъ небомъ нельзя не сдѣлаться по-крайней-мѣрѣ такимъ же страстнымъ любовникомъ природы, какъ Вергилій.

Дышать этимъ воздухомъ — уже наслажденіе.

Каприю, издали казавшаяся античной галерей въ открытомъ морѣ, росла передъ нами до колоссальныхъ размѣровъ. Мои уши могли восхищаться причудливыми очерками ея утесовъ, различать яркую зелень виноградниковъ отъ дымчатыхъ листьевъ палмъ....

Въ эту прекрасную минуту, плачевные результаты норской близости довели мою спутницу до крайняго отчаянія. Я забылъ сказать, что садясь въ сорреентинскую лодку, я засталъ въ ней даму, отвѣчавшую на мое привѣтствіе по-италіянски съ чистѣйшимъ копенгагенскимъ произношеніемъ.

Я считалъ ее своей гостей; она въ свою очередь считала меня своимъ гостемъ — потому мы оба соперничали въ привѣтливости. Послѣ оказалось, что мы оба были полными хозяевами лодки. Курчавый морякъ, два совершенно отдѣльных условія по найму его барки, соединилъ, какъ опытный экономистъ, въ одно, безъ нашего вѣдома.

Изнемогая отъ нептуновыхъ наводженій, страдальца клаясь, что обожаетъ море, тужила о томъ, что я вижу ее въ этомъ анти-поэтическомъ состояніи и, наконецъ, обращая ко мнѣ свой тусклый, какъ олово, взглядъ, умоляла простить ее, несчастную, за то, что неумышленно искажила собою божественную красоту этой морской сцены.

Краски, какими изображаетъ Капрю Тацитъ, свойственны этому острову и повнынѣ. Скалы, встающія изъ водъ отвѣсными стѣнами, неприступны, какъ естественная цитадель. Пристани существуютъ только на двухъ пунктахъ. Группа каменныхъ лачугъ на берегу, десятка два лодокъ и нѣсколько парусовъ — составляли все богатство здѣшняго порта. Такія пристани у скалистыхъ береговъ — называются въ Италіи *la marina*. Городокъ Капри бѣлѣется высоко надъ моремъ, окруженный высокими пиками и купающийся въ роскошной зелени виноградниковъ, гранатовыхъ и комеранцевыхъ деревъ. Этотъ миниатюрный городъ не похожъ ни на античный Римъ, ни на мавританскую Венецію, ни на полуиспанскій Неаполь. Низенькіе, по большей части одноэтажные, дома напоминаютъ Помпею. Но эти террасы крышъ съ плоскими куполами — рѣшительное подражаніе Востоку. Частые набѣги Саррациновъ оставили на югѣ Италіи много слѣдовъ мусульманской цивилизаціи.

Излучистый ходъ, шага въ два шириною, ведетъ отъ морскаго берега въ городъ Капри. Эти широкія ступени, взвѣченныя въ скалахъ, — дѣло рукъ римскихъ, если еще не древнѣйшихъ. Мы шли между виноградниковъ и садовъ, довольно сносно отдаленные отъ миріады персиковъ, апельсеновъ и абрикосовъ, невысокой каменной оградой.

Тѣсныя улицы Капри были раззолочены почти африканскимъ

солнцемъ. До часу прохлады, улицы здѣсь молчаливы, какъ въ Помпей.

Локавду, куда насъ привелъ обязательный чичероне, я не промѣнялъ бы ни на какой палаццо.

Миндальныя деревья заглядываютъ въ мои окна. Всѣ окна, всѣ двери — настежь до поздней ночи. Въ благоуханномъ воздухѣ непрерывное, уповательно-освѣжающее движеніе.

Я вышелъ на балконъ, густо-обвитый виноградной лозою. Видъ на дольну, на горы, на море — очаровательный. Надъ улыбающимися, ароматнымъ садомъ — суровыя громады утесовъ поднимаются къ безоблачному небу и на густой синевѣ его чернѣтъ полуразрушенный остовъ замка Барбароссы — мрачное воспоминаніе о среднихъ вѣкахъ, сохранившееся на гробѣи утеса.

Въ саду, роскошная пальма раскинула свои великолѣпныя листья, точно гигантскія зеленыя страусовы перья. Эта пальма, рисующаяся на яркомъ фонѣ моря, придаетъ всему пейзажу восточный характеръ. Съ какимъ-то ребяческимъ восторгомъ встрѣчаю я въ Италіи пальму. Я чувствую къ красавицѣ степей мусульманскую симпатію. Но въ Италіи эти воспоминанія о Востока рѣдки. Въ цѣломъ Римѣ я не видѣлъ больше двухъ пальмъ; въ окрестностяхъ Неаполя онѣ встрѣчаются чаще.

Говорятъ, будто въ древнія времена весь южный берегъ Италіи былъ щедро отѣненъ пальмами, но христіане, изъ ненависти къ Исламу, фанатически истребляли величавое дерево, замѣчая въ Саррацинахъ, этихъ незваныхъ гостяхъ Италіи, особенную любовь къ пальмѣ.

Признаюсь, въ этомъ отношеніи, я сущій Саррацинъ.

На Капреѣ сохранилось множество воспоминаній о Тиверіи. Дворецъ его торчитъ на вершинѣ утеса, точно раззоренное гнѣздо коршуна.

Излучинами горной тропы, пробитой въ массахъ скалъ, подымаюся я къ разрушенному дворцу кесаря. Отъ мраморныхъ террасъ, одѣвавшихъ всю вершину горы, остались одни зеленѣющіе уступы. Нагія, обобранныя стѣны этой античной виллы увѣшаны фестонами плюща и дикаго виноградника. На сугробахъ древняго мусору раскинулись широкіе листья алоя.

Природа здѣсь единственная преемница кесаря. Подъ ея олимпійской улыбкой какъ-то совѣстно предаваться археологическимъ воспоминаніямъ. Я стоялъ на обрывѣ утеса. Меня окружала лучезарнѣйшая изъ картинъ Италіи. Далеко внизу подо мной простерта роскошно-голубая пелена Средиземнаго Моря; за проли-

номъ, на гребнѣ утесистаго берега бѣлѣется городецъ Масса; лѣвѣе, зеленѣютъ померанцовые сады родины Торквата, благоуханныя виллы Сорренто, гдѣ я еще вчера срывалъ апельшины. Вправо, изъ темно-голубыхъ волнъ встаютъ поэтическия массамы острова Сирень, и взоръ мой, за скалами Амальфи, за яркою синевой Салернскаго залива, въ прозрачномъ туманѣ отъискиваетъ колоннады Пестума.

Оглянувшись, я могъ окинуть взоромъ весь этотъ знаменитый островъ, загроможденный гигантскими желтоватыми скалами, до половины одѣтыми самою яркою, самою богатою зеленью. Полагаютъ, что въ день помпейской катастрофы, Везувій не пощадилъ и великолѣпной растительности Капри. Мирты, виноградъ, индійская фига, маслины — все это возродилось изъ пеплу; но кедровыя роши, покрывавшія капрейскія горы, погибли невозвратно. Память о нихъ сохранилась только въ исторіи.

Вотъ дымится овъ, мрачный Ариманъ этого лучезарнаго эдема. У подошвы его, подъ массамы вулканическаго пеплу, лежитъ мертвая Помпея, — престелная любовница, пораженная въ минуту гнѣва; Помпея съ своими разрушенными храмами и удѣланными гробницами, съ непоблекшими сладострастными фресками и обгорѣлыми скелетами. И тутъ же, на этомъ вулканическомъ основаніи, вѣжится, до роковаго часу, бѣлѣющая вереница палацовъ, виллъ и хижинъ Портучи, веревина, сливающаяся съ Неаполемъ. Облитый солнцемъ Неаполь дремлетъ на своихъ прибрежныхъ холмахъ, точно одалыка, отдыхающая послѣ купанья. Вдали, за улыбчивыми холмами Позиллипо, смутно обрисовывается заливъ Байя, гдѣ волны, вмѣстѣ съ раковинами, доселѣ выбрасываютъ на берегъ осколки античныхъ мраморовъ и мозаикъ. Громада Искія, врывающаяся въ синеву неба своими снѣжными зубцами, и островокъ Прочида, заслоняющій собою знаменитый Мизенскій мысъ, являются въ дальномъ туманѣ, какъ ни-то цѣбистыми морскими призраками. Длинная цѣпь Аппенинъ, окаймляющая задній планъ картины, кажется легкой цѣпью голубоватыхъ и жемчужныхъ облаковъ.

Долго у порога Тиверіева дворца сидѣлъ я на обломкѣ мраморнаго архитрава. Не знаю, что сильнѣе волновало мою душу — историческія воспоминанія, или дивная красота Средиземнаго Моря.

Я бросилъ обломокъ мрамору въ море. Сенюда черезъ пятьдесятъ долетѣлъ до моего слуху шумъ разстунившихся водъ. Это была дождвая тарпейская скала, съ которой, по мифологіи

кеесаря, низвергались въ бездну римскіе всадники и рабы, вакханки и жрицы Весты. Ни малѣйшій стонъ жертвы не смущалъ покоя кровожаднаго сибарита.

Отъ знаменитаго капрейскаго дворца уцѣлѣли всего двѣ-три храминны, въ которыхъ, вмѣсто плафоновъ, свѣтитъ небо. Мраморъ, колонны, статуи — все исчезло. Кирпичныя полуобрушенныя стѣны богато одѣты мхомъ и цвѣтками. Въ этихъ пустынныхъ тайникахъ я шагаль по колѣно въ колючихъ травахъ и кустахъ полыни. Одишь только мраморный мозаическій полъ сохранился на мѣстѣ верожденіи осьмнадцати вѣковъ длатого, чтобъ подтвердить сказанія о царствовавшемъ здѣсь великолѣпнн.

Когда Римляне развратились, имъ стало тягостно суровое величіе Рима. Портки форума были забыты для тѣсныхъ эротическихъ убѣжищъ; лавровые вѣтки проиѣяны на вѣтки изъ плюща и виноградныхъ листьевъ. Вонны, превратившіеся въ сибаритовъ, искали природы, которая пламенище вакханки возбуждала бы неустовыя страсти. Вино, съ примѣсью ароматовъ, оставлено было на долю женщинъ: кровь оказывалась несравненно хлѣвнѣе. Она жаждала сладострастія, смѣшаннаго съ ужасомъ. Роскошныя виллы кеесарей, на берегахъ Байскаго залива, были въ соедствѣ съ Адерономъ и Елнсейскими полями.

Это знаменитое побережье, воецѣтое почти веѣми поэтами августова вѣка, не сохранило и слѣдовъ своей красоты, привлекаяшей сюда римскихъ еластолюбцевъ. Все тамъ измѣнилось. Волканическая природа, безпощаднѣе, чѣмъ время и люди, превратила этотъ элнннъ въ пустыню: на мѣстѣ священныхъ лѣсовъ остались лнтія скалы, благоуханный воздухъ смѣненъ убійственннмъ испареніемъ болотъ.

Но ширинъ комментариемъ Виргилія остался весь этотъ роскошный берегъ, отъ Неплен до Сорренто, гдѣ земля, море и небо со-зынѣ сохранили красоту мнѣологическую.

Здѣсь, посреди этой природы, разстраивающей веѣ страсти, Римляне чудовищными вакханаліями отпраздновали послѣдніе дни паганизма. Подъ этимъ небомъ дана валтасаровская оргія древняго Рима, — выннча послѣдняя амфора фалерскаго, прошѣта послѣдняя элегія Пропорція, замеръ послѣдній языческій поцѣлуй....

На Капрѣ надо читать Светонія. Колоссальныя сумасбродства его героев становятся немножко понятнѣе подъ этимъ пламеннымъ небомъ.

Я вижу, почему въ послѣдніе годы своей жизни, Тиверій уда-

лился на Капрею. Этотъ воздухъ сущій бальзамъ для истомленнаго тѣла. Кесарю нравились эти неприступныя скалы, надъ морской бездною, гдѣ сонъ его рѣже былъ встревоженъ зловѣщими призраками. Бдительныя триремы день и ночь охраняли съ моря эти нагорныя виллы отъ тайныхъ враговъ.

— *Oderint, dum probent!* говорилъ Тиверій, и спокойно призывалъ своего главнаго интенданта по части наслажденій... Двѣнадцать виллъ воздвигнуто было на этихъ холмахъ по прихоти роскошнаго кесаря. Агатовыя карнизы опирались на мраморныя колоннады, съ бронзовыми капителями. Изящныя рисунки мозаическихъ половъ блистали опалами, рубинами, изумрудами. Въ порфировыхъ бассейнахъ, окруженныхъ индійскими цвѣтами, рѣзвились золотистыя рыбки изъ водъ священнаго Ганга. На яшмовомъ порогѣ дремалъ укрощенный леопардъ. Въ сумрачныхъ нишахъ сверкали прозрачною бѣлизною паросскаго мрамору греческія статуи, по вечерамъ оживляемыя мерцающимъ пламенемъ бронзовыхъ свѣтильниковъ.

Каждый изъ этихъ дворцовъ былъ посвященъ одному изъ божествъ Олимпа. Здѣсь пріѣтствовала хозяйна Юпитеръ съ своими перунами; тамъ Афродита — съ своимъ полсомъ. Но Тиверій пуще всего любилъ жертвоприношенія Пріапу, сыну Вакха и Венеры. Его ужасно интересовали всѣ эти секретныя римскія богини — Коттито, Перфика, Према, Пертунда, Любенція, Волюпія... всѣхъ не припомню.

Таинственныя пріюты для наслажденія были наполнены сладострастными фресками и циническими барельефами, которые магически будили потухающія страсти. Въ прозрачныхъ бассейнахъ роскошныхъ банъ купались молодыя, соблазнительныя наяды, увѣчанныя жемчугомъ и морскими цвѣтами, и все вокругъ было устроено для неслыханной вѣги, для чудовищнаго сладострастія.

Кедровыя лѣса и померанцовыя рощи, посвященные Венерѣ, были населены нимфами и сивьянами. Чувственныя мѣны, созданныя воображеніемъ поэтовъ, осуществлялись здѣсь по волѣ кесаря.

Подъ цвѣтущими вѣтвями олеандра мелькали живыя группы любви, обольстительныя и прекрасныя, какъ идеалы греческихъ ваятелей; въ каждомъ прохладномъ гротѣ, на ложѣ изъ акантовыхъ листьевъ пѣжилась какая нибудь морская нимфа.

Это былъ наглядѣйшій курсъ греко-римской мифологіи.

Въ садахъ Капреи существовалъ цѣлый сераль богинь, цѣлая школа нимфъ и амуровъ.

Когда теплая, звѣздная ночь обнимала уснувшее море, волшебный остров истощалъ всю роскошь, всю поэзію Олимпа.

Жертвенники, обвитые гирляндами, пылали до разсвѣта; невидимые хоры, при звукахъ лиръ и флейтъ, прославляли богиню любви и бога винограда.

Румяные амурѣ усердно жгли восточные ароматы, какъ будто благоуханіемъ пестумскихъ розъ и ночнымъ дыханіемъ померанцевыхъ рошъ нервы Римлянъ раздражались недостаточно.

Мудрено было разшевелить угасшія страсти сѣдаго сибарита, который посреди этой упительной ночи, посреди цвѣтовъ, улыбокъ и гармоній — замышлялъ ужаснуть Римъ новыми, неслыханными казнями.

Онъ могъ любить только одно существо, змѣю, которую кормилъ изъ собственныхъ рукъ; но и это утѣшеніе скоро превратилось въ зловѣщее предзнаменованіе. Тиверій нашелъ свою любимцу — заѣденною муравьями; при чемъ авгуры не преминули предарить кесаря, что ему должно опасаться собирательной слѣды.

Хроника капрейскихъ сатурналій могла бы наполнить цѣлые томы. Но немного остатковъ уцѣлѣло отъ всѣхъ этихъ дворцовъ, храмовъ, бань и водопроводовъ. Народъ римскій, по смерти тирана, разграбилъ всѣ его притоны, уничтожая все, что хранило о немъ память. Отъ двѣнадцати кесарскихъ виллъ, уцѣлѣло на Капрей два-три свода, нѣсколько полуразрушенныхъ кирпичныхъ стѣнъ и мозаическихъ половъ, окончательно истребляемыхъ проводниками, которые усердно наполняютъ античными камешками карманы туристовъ.

Ничего не узнали бы мы о памятникахъ кесаря, если бы не вѣчные памятники, воздвигнутые Тацитомъ и Светоніемъ.

Если на полуобвалившейся стѣнѣ Тиверіева дворца вы найдете четыре стиха:

Какъ хрупкую вазу шутя разбиваетъ скудельникъ,
Время разбило надменные портики Рима.
Мраморъ не вѣченъ; картины тускнѣютъ и блекнутъ;
Все исчезаетъ.... но слово — вѣчно, какъ міръ.

Вниуюсь: — она написаны мною.

Я стоялъ въ чертогѣ кесарскомъ, по колѣно въ крапивѣ, — вдругъ изъ-подъ полуразрушеннаго свода явилось чтѣ-то въ родѣ женщины. Я воображалъ, что это какое-нибудь невѣдомое бо-

жестко развалины; но индиги отреклись, и явилось мнѣ въ качествѣ жены отсутствующаго cōslode, и дѣлательно пришлось съесть пыль и щебень съ уцѣлѣвшей части мозаическаго пола, который, какъ многими извѣстно, нарочно заваливается мусоромъ передъ приходомъ поcѣтителей.

Затѣмъ, свѣтлая Итальянка попыталась — не выгодно ли будетъ превратиться въ Гѣбу. Она освободила изъ-подъ мраморнаго мусору амфору вина, которое носитъ имя кесаря — vinū tiberiano. Эта почва, упитанная слезами и кровью, никогда не переставала производить винограда и розы.

Когда, сидя на мшистомъ осколкѣ колонны, я пилъ кислый классическій нектаръ, въ легкомъ шелестѣ дикаго виноградинка мнѣ слышался и шорохъ тирійской туанки, и звонкій смѣхъ вакханокъ, и отравляющіе шѣготы стихи Тибуллы...

Преданіе о Тиберіѣ сохранилось въ народѣ, хотя почти также жѣ смутно, какъ у насъ преданіе о Тамерланѣ. Развалины кесарскаго дворца показываются здѣсь съ безпечной улыбкой; какъ жерло давно потухшаго волкана, и которому никогда не суждено вспыхнуть снова.

На многихъ пунятахъ острова, груды римскаго кирпичу, облитыя плѣсенью, обзавлѣенныя красноватыми мхомъ, заставляютъ странника подумать о древнихъ портикахъ, термахъ, водопроводахъ, о которыхъ упоминаютъ историки.

Я вошелъ въ церковь, — воспоминаю о Тиберіѣ престѣломъ мнѣ и въ церкви. Мнѣ указали на нѣсколько мраморныхъ ступеней, по которымъ нѣкогда ходилъ языческій тиранъ, и по которымъ нынѣ поднимаются благочестивые проповѣдники; мнѣ указали на пять античныхъ мраморныхъ колоннъ, также перенесенныхъ сюда изъ Тиберіева дворца, или, можетъ-быть, изъ Юпитеровой виллы, и украшающихъ мѣстный приходъ святаго Роcтантуса, нынѣшняго покровителя Капрен. Кроме того, мнѣ его серебрянаго бюста сияетъ нѣсколькими драгоценными камнями, сохранившимися, какъ утверждаютъ, отъ величавыхъ одеждъ, можетъ-статься отъ сандалій кесаря.

Между тѣмъ, какъ я осматривалъ эти языческія древности, присвоенныя католическимъ храмомъ, торжественные звуки органа замерли подъ закоптѣлыми сводами. Толпа модельщиковъ, за минуту безмолвная, благоговѣнная, вдругъ повеселѣла до немовѣрной степени. Со смѣхомъ, съ говоромъ, съ улыбками и ариэттами, народъ цвѣтистымъ каскадомъ хлынулъ съ паперти.

Былъ какой-то праздникъ.... Надѣюсь, вы не выйдете мнѣ въ

виду мое неглубокоє взуоріє католическаго календаря. Праздниковъ здѣсь бездна: климатъ праздничный! Частые дни отдохновенія — потребность физиологическая. Островитяне, при этомъ случаѣ, выказали мнѣ всю картинность своихъ костюмовъ. Моряки однако жъ и тутъ старались перещеголять всѣхъ античною наготою формъ и академическими позами.

Я оставался въ церкви одинъ съ прелестною островитянкою, преклонившею колѣна съ такимъ отшельническимъ смиреніемъ, какъ-будто у нея никогда и не было ни этихъ золотистыхъ, чудно изваянныхъ плечъ, ни этого ревниво стянутого алаго спенсера, ни искры любви подъ бархатистыми рѣсницами, ни капли итальянской крови въ сердцѣ....

Во времена паганизма, эту дѣвушку навѣрное избрали бы въ жрицы Весты. Мнѣ такъ и хотѣлось произнести жреческую формулу посвященія: «Те, Amata, cario!» Но чернобровая красавица меня не замѣчала, не смотря на звонкій стукъ моихъ странническихъ сандалій: она вела мистическую бесѣду съ адамовой головою, выставленною на простомъ тревожникѣ изъ масляныхъ сучьевъ.

Всякій разъ, какъ это личико, сіяющее всѣми красками, всѣми обаяніями жизни, склонялось, съ мелодическимъ шопотомъ, надъ этимъ пожелтѣвшимъ, пустымъ черепомъ, челюсти мертвеца, казалось, ослаблялись страшною ироніей. Но дѣвушка не замѣчала ничего и дала свою бесѣду въ непостижимомъ аскитическомъ упоеніи.

А можетъ-быть не одинъ черпокудрый горожанинъ тайкомъ вздыхалъ о поцѣлуѣ румяныхъ губъ, которыя въ эту минуту прикасались къ холодной костяной головѣ, похищенной изъ могилы....

Надо сказать, что такая полу-чувственная, полу-аскитическая сцена отнюдь не была для меня новостью. Въ Неаполѣ, въ одинъ изъ неисчислимыхъ мѣстныхъ праздниковъ, цѣлыя коллекціи череповъ выставляются въ церковныхъ склепахъ, посреди множества зажженныхъ свѣчъ. На каждомъ черепѣ написано имя. При тревожномъ мерцаніи огней всѣ эти глазныя впадины и страшно оскаленные зубы смерти — сверкають, какъ-будто объятые судорожнымъ трепетомъ.

Посѣтители и посѣтительницы являются толпами, и прогуливаются тутъ съ восхитительною безпечною, точно на какой-нибудь выставкѣ цвѣтовъ и плодовъ.

Не помнято, какъ, при подобномъ замогильномъ зрѣлищѣ, этогоъ

въ высшей степени чувственный народъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго ужасу, ни малѣйшаго смущенія.

Я объѣхалъ весь островъ на мулѣ. Взбираться пѣшкомъ по этимъ крутизнамъ, особливо подъ безпощаднымъ июльскимъ солнцемъ, слишкомъ утомительно. Замѣчу мимоходомъ, что эти работящія, повятливыя, хотя и длинвоухія, животныя отнюдь не заслуживаютъ, чтобъ ими ихъ придавалось каждому тупому или лѣнивому человѣку.

Для женщинъ утверждаютъ на хребтѣ мула или лошака сѣдо въ видѣ кресла — *la sedia spagnola*.

Тѣсный путь, пробитый въ ребрахъ скалъ, болѣе похожъ на лѣстницу, чѣмъ на дорогу. Это чертовски неудобно, зато божественно-живописно. Телѣга на этихъ гористыхъ островахъ—вещь небывалая. Во время моего пребыванія на островѣ Искія, въ четырехъ ея городкахъ существовалъ одинъ экипажъ—это былъ знаменитый двуколесный кабриолетъ, *cozzicolo*, принадлежавшій богатѣйшему изъ обитателей городка Форіо. Бывало, при видѣ двухъ параллельныхъ линій, оттиснутыхъ на пескѣ, всѣ тотчасъ звали, по какому направленію слѣзборъ Х*** совершалъ свое триумфальное шествіе.

Пейзажистъ вы или нѣтъ, — будьте глухи къ коварнымъ внушеніямъ лѣниваго чичероне, который горную прогулку въ Авакапри, не преминетъ представить вамъ едва не восхожденіемъ на Давалагри. Осѣдайте лошака сизаго — и въ путь! Масличныя деревья бросятъ вамъ немощко тѣни; молоденькая островитянка у какого-нибудь саду предложитъ вамъ только-что сорванную кисть винограда. Не изумляйтесь, если виноградъ не совсемъ дозрѣлъ: у добрыхъ Итальянцевъ обыкновеніе употреблять недозрѣвшіе плоды — для леговакаго укрощенія своей пылкой крови. Достигнувъ высшаго пика *monte Solaro*, раскаяваться не будете. Блестательнѣе открывающейся съ этой высоты панорамы, быть-можетъ, вамъ не удастся увидѣть въ цѣлой Италіи.

Въ Неаполѣ, одинъ путешественникъ увѣрялъ меня, что гостепрѣмство острова Капри обошлось ему немощрно дорого. Это меня не испугало. Признаюсь, мнѣ надоѣли прозяческія удобства, находимыя странникомъ подъ всѣми широтами. Гостиница на скалахъ Ніагарскаго водопада, не привела бы меня въ восторгъ, даже и на-тощакъ.

Несказанно обрадовался я, когда услышалъ, что на островѣ Капри придется мнѣ обѣдать на чистомъ воздухѣ, подъ вѣтвя-

ни маслинъ, и стучаться въ окна обвитыя виноградной лозой, прося поцѣла.

Увы! этотъ поэтическій порядокъ вещей давнымъ давно здѣсь неспроверженъ. Идея гостиницы проникла и сюда; у бѣднѣйшаго артвета отнята возможность жить неправильною жизнью Гомера. Живымъ, или по-крайней-мѣрѣ, подвижнымъ доказательствомъ тому можетъ служить германскій живописецъ, вѣскольколѣтъ пробавляющійся здѣсь однимъ лазурнымъ гротомъ. Правда, четыре стѣны его мастерской отъ потолка до полу увѣшаны этими голубыми акварелями; но надо принять въ соображеніе то, что этотъ товаръ сбывается однимъ туристамъ, и то съ большими исключеніями.

Скромная локанда, въ которой я поселился, окружена точно дворецъ, виноградниками, лиловыми горами и яхотовымъ моремъ.

Рыба изъ этихъ магическихъ волнъ, удовлетворявшая прихотливому вѣбу Лукулла, можетъ похвалиться блистательнѣйшею генеалогіей. За обѣдомъ подали мнѣ мурену такой ослѣпительной бѣлизны, что не оставалось ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ прямомъ происхожденіи ея отъ тѣхъ муренъ, которыхъ античные гастрономы откармливали мясомъ своихъ плотовъ.

Триклиніумъ у меня не затѣйливый; но амфора добраго капрейскаго вина и румяные персики и апельсины, коктейль сорванные вѣстѣ съ листьями, разливаютьъ вокругъ меня свои ароматы; а прислуживаютъ мнѣ здѣсь, какъ бывало и сластолюбцу Тверію, улыбающіяся дѣвушки, съ тою только разницею, что пренебрегая античной модой, онѣ уже не являются въ обольстительномъ костюмѣ океанидъ.

Я здѣсь постоянно въ авакреоптическомъ расположеніи духа. Этотъ бальзамическій, полу горный, полу-морской воздухъ острова сообщаетъ баснословную бодрость духу, и мгновенно укрѣпляетъ члены, разслабленные звономъ Неаполя. Ладзаронская лѣнь, которою вы тамъ заразились, покидаетъ васъ радикально.

Отецъ Тасса, тоже поэтъ, говоритъ, будто здѣшній воздухъ надѣляетъ безсмертіемъ. Я полагаю, что гипербола дозволяетъ только поэтамъ; но моя хозяйка, въ свою очередь, тоже стала увѣрять меня, что на ихъ благословенномъ островѣ о недугахъ знаютъ только по-наслышкѣ.

Одинъ Англичанинъ, пріѣхавшій сюда на три дня времени, остался на капрейскихъ холмахъ тридцать-пять лѣтъ. Другой

Англичанинъ называлъ Капри раснъ , въ которомъ недостаетъ только газетъ да портеру.

Въ неходѣ двадцать-третьяго часу мы вышли на террасу дома подышать вѣчною прохладой , по-восточному. Легкій моремой вѣтерокъ былъ напѣтанъ соляными испареніями волнъ и вѣбѣтъ благоуханіемъ померанцовыхъ садовъ. Солнце, опускавшееся въ волны, воспѣтыя Виргиліемъ , освѣщало красноватымъ бенгальскимъ огнемъ и скалы, нагроможденныя надъ моремъ и землѣющую долину, въ которой прятется этотъ полувосточный городокъ, непохожій ни на одинъ итальянскій городъ.

Каждая крыша—терраса; на каждой террасѣ плоскій цементовый куполъ; это сущія мечети , въ миниатюрѣ; недостаетъ только минаретовъ; но, вмѣсто ихъ , хозяинъ мой выставилъ четыре вазы съ разцвѣтшими кактусами.

На сосѣдней террасѣ, подъ звуки тамбурина плясали сальтареллу. Двѣ веселыя фигуры рѣзко отбѣнялись на золотистомъ фонѣ заката.

Поодаль , на другой террасѣ, молодая смуглянка , съ четками въ рукахъ, шептала свою вечернюю молитву Ave Maria.

Между-тѣмъ африканскія тучи медленно загромождали звѣздистую синеву. Небесная канонада торжественно гремѣла вдали. Вмѣсто идиллическаго луннаго вечера, мнѣ довелось увидѣть великолѣпнѣйшую грозу, какую только задаетъ Средиземное Море.

Глубокій мракъ быстро налегъ на сады и скалы. Море далеко освѣтилось молніями. Я остался одинъ на террасѣ. Потoki блага атмосферическаго огня лились съ неба непрерывно , и море, какъ-будто ветрѣчая молнію, ежеминутно загоралось чуднымъ фосфорическимъ блескомъ. Раскаты грома надъ кряжами Аппенинъ—доселѣ грозвы, какъ перуны Юпитера.

Оковтуженный градиной, ростомъ съ добрую пулю , я нашелся вынужденнымъ отступить подъ надежную кровлю.

Гроза продолжалась далеко за полночь. Уголокъ мой непрерывно озарялся какъ-будто трепетнымъ блескомъ тысячи факеловъ. На голосъ неба, каждая скала подавала свой голосъ. Домъ дрожалъ вмѣстѣ со скалой. Но борьба стихій была такъ величественна , что поглощала всякую мысль объ опасности. Грандіозность сцены убивала эгоизмъ. Съ непостижимымъ наслажденіемъ ожидалъ я минуты, когда скала рухнетъ въ блистающее море, и мой духъ соединится съ таинственными дѣятелями природы.

Прелестная пальма, сурово колеблемая вѣтромъ, какъ заноза-лая красавица, стучалась въ мое окошко.

Я заснулъ, убаюканный ревомъ бури.

Я былъ пробужденъ шумѣвшими благоуханіемъ миндаляныхъ деревъ, блескомъ моръ и молодческими шобетаньемъ итальянскихъ молочницъ.

Утро, блистающее свисомъ и золотомъ, было великолѣпно.

Я не проспалъ и трехъ часовъ времени, но чувствовалъ въ себѣ бодрость геркулесовскую.

Хозяйка локанды, глядя на неосвязаемые остатки моего завтраку, юмористически замѣтила: — Наша сторонка надѣляетъ и сномъ и аппетитомъ.

Живописецъ лазурнаго грота, восхищаясь ночью бурей, увѣрялъ меня, что живя въ Пруссіи, подобныя молніи онъ видѣлъ только во владѣніяхъ Эвлиса, въ Алкоранѣ.

Мы вышли въ садъ, погулять по аллеѣ изъ бѣлыхъ шлястръ, обвитыхъ фестонами виноградныхъ лозъ. Зрѣющія грозды, висящія надъ моею соломенной шляпой, похожи на тусклые амстисты.

Все утро просидѣлъ я въ тѣни моей пальмы, читая скандальную хроніку, подъ заглавіемъ: «*C. Svetonii Tranquilli duodecim Cæsares.*»

Наконецъ, маленькій Гаэтано прибѣжалъ напомнить мнѣ, что до полудня остается не больше двухъ часовъ времени — это самая благоприятная пора для посѣщенія лазурнаго грота.

Нельзя было не полюбоваться ребенкомъ, который своимъ огромнымъ колпакомъ и особенно клочкомъ бѣлой рубашонки, вывѣшеннымъ сзади, напоминалъ ребятишекъ картинъ Бассано.

Я спустился къ пристани, къ бѣднымъ жилищамъ капрейскихъ моряковъ. Нѣкоторые изъ этихъ кудрявыхъ молодцовъ, сидя въ лодкѣ, прилежно удили свой обѣдъ; другіе, вѣроятно, удовольствовавшіеся шепоткой макародъ, сладко спали на пескѣ, и такъ близко къ морю, что мѣрно набѣгающія волны поминутно окачивали яркой пѣной эти бронзовыя ноги, отроду незнавшіе стѣснительныхъ сандалій.

Шумныя группы моряковъ атаковали меня съ обѣихъ флаговъ: все это привилегированные чичероне лазурнаго грота. Для одной моей особы предлагалось, круглымъ счетомъ, лодокъ десять.

Когда же я избралъ только одну изъ этихъ плоскодонныхъ лодочекъ, приспособленныхъ къ тѣспому входу въ морскую пещеру, — отвергнутые баркаролы стали рѣшительно утверждать, что невозможность въ гротъ сегодня нѣтъ ни малѣйшей возможности.

День был безоблачный; слабый вѣтерокъ изнемогалъ подъ бременемъ благоуханій, которыя приносили изъ померанцовыхъ садовъ Сорренто; но море волновалось довольно величественно.

Несмотря ни на что, мой баркаролъ, свѣлый надеждой на четыре карлина, геройски вынесъ общую оппозицію, — сдвинулъ съ прибрежныхъ валуновъ свою лодку и, стоя по колѣно въ водѣ, подставилъ скамью, по которой мнѣ слѣдовало пробѣжать, уловивъ моментъ какъ-скоро волны отхлынуть отъ берега.

Плыдемъ. Моряки съ берега провожаютъ насъ зловѣщими восклицаніями.

Мы скользимъ у подножія скалистыхъ громадъ, отвѣсно встающихъ изъ водъ на страшную высоту. Волны, съ ритмическимъ гуломъ разбивающіяся объ эти неприступныя стѣны, мѣняютъ свой колеръ непрерывно: то заблещутъ зеленью, то лазурью, и песокъ на днѣ кажется голубымъ; то отражая въ себѣ желтые утесы, волны раскидываются полосатой тигровой шкурой; выйдя изъ-подъ тѣни скалъ, — солнце разсыпаетъ по морю свои ослѣпительныя, прыгающія искры.

Безъ малаго полчаса лодка плясала вдоль этихъ негостеприимныхъ утесовъ. Наконецъ морякъ возгласилъ побѣднымъ тономъ: — Ecco la grotta, signore!

И гребецъ указалъ мнѣ въ перпендикулярной стѣнѣ утесовъ черноватую лазейку, похожую на верхушку стрѣлчатой двери, полузатопленной моремъ.

Волны тутъ были черны, какъ волны Коцита, скалы грозны и мрачны, какъ скалы Тартара. Кто бы подумалъ, что мы у входа въ волшебный гротъ, гдѣ царствуетъ одинъ голубой цвѣтъ и вѣчное затишье, гротъ, какого не нашлось и въ воображеніи Шехеразеды.

Море еще не успѣло успокоиться послѣ ночной бури. Съ лѣвнымъ рычащемъ волны осаждали незыблемыя основанія каменныхъ громадъ, и помиутно закрывали заповѣдную лазейку.

Между-тѣмъ гребецъ положилъ весла и сталъ дѣлать со мною условія касательно того, что я намѣренъ ему дать свыше положенной таксы.

— Трудненько, эччеленца, попасть сегодня въ этотъ гротъ; ну, да ужъ я приложу все свое стараніе; а эччеленца меня не забудеть....

На случай неудачи, морякъ старался заранѣе утѣшить меня тѣмъ, что знаетъ одного путешественника, который пятнадцать

разъ приплывалъ въ Неаполя на островъ Капри, съ намѣреніемъ видѣть лазурное днво, и — ни разу не видалъ его!

Дѣло въ томъ, что входъ въ морскую пещеру обращенъ къ неаполитанскому заливу, и волны, при малѣйшемъ вѣтеркѣ, набѣгаютъ на отверстіе грота. Надо выжидать или мертвого безвѣтрія или томительнаго широко, дующаго со стороны Сициліи.

— Теперь, эччеленца, ложитесь.

По этой командѣ, я поспѣшно убрался на днвище лодки, подъ поперечныя скамьи, принявъ всѣ мѣры къ отвращенію пагубной встрѣчи моего носу съ роковымъ гвоздемъ, который, какъ нарочно, нависнулъ дамклесовымъ мечомъ надъ моею головою. Широкій валъ двинулъ насъ къ гроту, но морякъ не успѣлъ дать лодкѣ надлежащее направленіе. Упираясь руками о скалы, подымавшіяся на ужасающую высоту, онъ выжидалъ благоприятѣйшей минуты, чтобъ проникнуть въ заповѣдную пещеру. Но набѣгающія волны съ ревомъ врывались подъ этотъ низенькій сводъ и грозились раздробить насъ о камень.

Я между-тѣмъ лежалъ на днѣ лодки, какъ послушное дитя въ колыбели, и глядя на ясное небо, ни мало не думалъ объ опасности. Волны покачивали меня, осыпая брызгами. Вдругъ, нагрянулъ такъ называемый девятый валъ — меня окатило теплой соленой водою, лодку ударило о скалу, и если она не разбилась въ дребезги, то единственно потому, что морякъ принялъ значительную долю удара на свой черепъ.

Я приподнялся съ затопленнаго дна лодки и съ большимъ трудомъ помѣстился на кормѣ, расположивъ ноги по бортамъ.

Ошеломленный морякъ принялся выкачивать изъ лодки воду, между-тѣмъ какъ весла его уплывали...

— Лови весла, кричалъ я. Andiamo via! Назадъ! Теперь я убѣдился, что грота нельзя видѣть даже и при такой погодѣ, которую называютъ прекрасною. Въ самомъ-дѣлѣ, небо было безъ облачка.

Морякъ мой плакалъ, какъ ребенокъ.... но не отъ боли, а изъ опасенія, чтобъ я не пожаловался на него въ полиціи, которая здѣсь бережетъ иностранца пуще своего глаза.

Замѣтивъ мою верѣшность сѣсть на мокрую скамью, бѣднякъ, не смотря на мое сопротивленіе, подложилъ мнѣ свой толстый шерстяной колпакъ вмѣсто подушки, и геройски предалъ свою курчавую голову лучамъ полудня.

Недалеко отъ лазурнаго грота, на развалинахъ Тиверіевыхъ бань, омываемыхъ моремъ, мы остановились сушиться. На те-

длые античные камни я разложилъ мои влажныя одежды и, благодаря здѣшнему солнцу, мнѣ не долго пришлось оставаться въ костюмѣ ладзарена.

А море у ногъ моихъ было такъ обольстительно, что я не устоялъ противъ искушенія — броситься въ теплыя объятія неаполитанской наяды.

Вѣрятся съ трудомъ, чтобъ эта влажная лазурь, разсыпавшаяся яркими перлами, могла, въ то же время, быть такъ горька, солона и безцвѣтна.

Очевидно, Нептунъ также мало благопріятствовалъ мнѣ, какъ и Улиссу.

Мы возвратились на пристань: на память этого несчастнаго плаванія въ лазурный гротъ, у баркарола была голубая шляпка надъ лѣвой бровью, а у меня — блуза, убѣленная арабесками кристаллизацией морской соли.

Расположившись отдохнуть на берегу посреди сунувшихся съѣтъ и одежды рыболововъ, я глядѣлъ на море, какъ глядятъ на измѣнившую, но все еще обожаемую красавицу, — съ досадою и съ любовью.

Кругомъ, суетились канрейскіе моряки, напоминающіе своими живописными позами и нестѣснительнымъ костюмомъ, знаменитыхъ греческихъ моряковъ. Мускулистыя ноги, обнаженныя до колѣно, загорѣлыя руки, обнаженныя по локоть, открытая, почернѣвшая грудь, лоснящіяся кудри, выглядывающія изъ подъ алаго колпака, и необыкновенно одушевленные глаза, — все это такъ и просится на полотно живописца.

Между ними я замѣтилъ сѣдоватаго старика, съ которымъ все обходились почтительно, какъ съ патріархомъ. Овъ рекомендовался мнѣ королемъ лазурнаго грота.

Изъ своего дворца, мебелированнаго веслами, парусами, бутылками и охабками сухихъ оливковыхъ сучьевъ, беззубый морской волкъ, въ подкрѣпленіе своихъ прятаній, вытащилъ крѣпко засмоленный листокъ итальянской иллюстраціи, на которомъ внимательный глазъ могъ еще усмотрѣть три столбца статьи, подъ названіемъ: *La grotta azurra*, и политипажный портретъ, съ подписью: *Angelo Ferrare detto il Riccio*.

Предъявивъ мнѣ этотъ документъ, морякъ пріосанился, оправивъ свой фригійскій колпакъ и, принявъ позу Арестида, торжественно ожидалъ моего сличенія портрета съ подлинникомъ.

Сходство было неоспоримое, особенно въ смолянѣ отношеній, съ тою только разницею, что редація наша приличнымъ

представитъ публикѣ моряка въ формѣномъ сюртукѣ, тогда какъ Коломбъ лазурнаго грота, въ одеждѣ и обуви ниталь презрѣніе, достойное гнигософиста.

Статья свидѣтельствовала, что лазурный гротъ открытъ не раньше какъ 16 мая 1822, случайно, двумя иностранцами, купавшимися около этихъ утесовъ. И радже Angelo — «одинъ изъ первыхъ» сталъ посѣщать любопытную пещеру. Оказалось, что это отнюдь не Коломбъ, а только Америкъ Веспуччи новооткрытаго лазурнаго міра.

Какъ бы то ни было, Риччіо патриотъ прѣвѣрный: онъ столько же восхищался голубымъ гротомъ, сколько и мѣстнымъ красивымъ виномъ; я прослылъ бы невѣждой, еслибъ не отыдалъ лапрейскаго пектару.

Мы ропнули фозетту втроемъ, сидя на опрокинутой лодкѣ, который не разъ видѣла лазурный гротъ, не разъ купалась въ теплыхъ водахъ Средиземнаго Моря. Не правда ли, вы завидуете участи этой жалкой лодченки?

Между тѣмъ баркароль, прикрывая кошакомъ свою контузію отъ вора собратовъ, впрочемъ не безъ соображеній на счетъ того, чтобы какъ можно глубже возбудить мое состраданіе, — поднесъ мнѣ засаленную тетрадку, неизбѣжный альбомъ путешественниковъ.

Морякъ былъ твердо увѣжденъ, что всѣ эти странички написаны восхищеннѣйшими ланетриками его мужественной особы. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ бы рѣдкою моделью для художника. Я могъ замѣтить въ моемъ менторѣ только два недостатка — излишнюю прислужливость и чересчуръ частое спяніе колака.

Я перевернулъ нѣсколько страничекъ, изчерченныхъ каракулями всѣхъ европейскихъ языковъ. Тутъ были аттестаты ибрю, вебу, лазурному гроту, козьему молоку. Путешественники очевидно были слишкомъ заняты записываніемъ своего имени на эту ослепстную сириваль: Бѣдный морякъ былъ забытъ почти всѣми.

Наконецъ я встрѣтилъ двѣ-три русскія фразы, которыми по возможности невпрестительное упущеніе. Я прочелъ вслухъ: «Гротъ просто чудо, а лодочникъ плутъ прельстейственный, и протчемъ добрый малый.»

Морякъ благоговѣнно вынималъ звукамъ загадочнаго языка, гордился аттестатомъ, тѣмъ болѣе, что его до-сихъ-поръ никто не могъ прочесть.

Обрусья внезапно высочайшій пикъ острова Капри, monte

Solara, и тогда эти добрые моряки и рыболовы не обомлѣли бы такъ сильно отъ ужаса, какъ это случилось съ ними въ плачевную минуту, когда я съ точностью дешифровалъ московскіе іероглифы. Озадаченный владѣлецъ альбома поглядывалъ на меня съ недоувѣрчивостью, съ какою обыкновенно смотрятъ на Шанполліона-Фижака; обращался къ своимъ собратамъ, какъ будто ища нравственной опоры или правосудія; наконецъ, убѣдившись, что мой переводъ вѣрепъ: «Bruta gente!» проворчалъ морякъ, и сердитымъ движеніемъ своего смолистаго пальца разомъ уничтожилъ обидный аттестатъ и находившееся подъ нимъ четкое изображеніе ямни, которому судьба сулила многіе годы невозмутимаго благоденствія подъ небомъ Италіи и подъ взорами всего странствующаго міра.

Убѣдившись по опыту, какъ опасно вѣрять свою репутацію попеченіямъ коварныхъ иноземцевъ, островитянинъ принялъ на себя трудъ возстановить свою честь, и явился передо мною собственнымъ своимъ апологистомъ.

Я возвратился въ мою очаровательную локанду. Германскій живописецъ, соболѣзнуя о неудачѣ моей экспедиціи, великодушно предложилъ мнѣ, въ утѣшеніе, прекраснѣйшій изъ своихъ гуашей лазурнаго грота, гуашь, на который, не въ примѣръ другимъ, потратилъ онъ немовѣрное количество кобальту. Однако жъ я не утратилъ надежды видѣть подлинникъ. Лодочники и зычронне ручались, что Богъ дастъ мнѣ увидѣть гротъ не далѣе какъ завтра; но старушка, привесшая мнѣ una samicia, поглядывала на небо какъ свилла и, допуская въкоторое сомнѣніе, приговорила: — Chi lo sa! какъ знать!

Вечеромъ, наединѣ, доброе сердце прислужницы не дозволило ей умолчать насчетъ того обстоятельства, что нерѣдко путешественникамъ приходится прогостить здѣсь недѣли двѣ, и все таки не попасть ни разу въ лазурный гротъ.

Я ждалъ этой вождельвной минуты не болѣе четырехъ дней; но эти дни я хотѣлъ бы, чтобъ они превратились въ годы.

Особенно не забыть мнѣ одинъ прохладный вечеръ, когда хозяйка локанды позвала къ себѣ нѣсколько молоденькихъ подругъ, и объявила имъ желаніе синьора forestiero полюбоваться тарантеллой.

Тарантелла! кто не слышалъ объ этой волканической пляскѣ?

Эта пляска — цѣлая исторія южной страсти, мимическая поэма любви. Каждый жестъ тутъ — мысль, каждая поза — чувство. Сначала всѣ движенія нерѣшительны, принужденны,

стыдливы, это — восхитительнѣйшее изображеніе несозрѣвшей любви, невысказанной внутренней борьбы.... Потому танецъ одушевляется, скромность уступаетъ мѣсто смѣлости, — страсть торжествуетъ. Спротивленіе вызываетъ всю энергію нападенія; отступленіе подстрекаетъ преслѣдованіе; наконецъ страсть рушать всё преграды, позы выражаютъ сладострастіе, танцовщица превращается въ вакханку....

Надо видѣть эту пляску на могучей почвѣ, подъ пламеннымъ небомъ ея родины.

Между дѣвушками, которыя плясали по-очередно, двѣ были чудно хороши: темно-синіе глаза, чистѣйшій греческій профиль, лицо, которое цѣловалъ Фебъ, и только онъ одинъ;

И зрѣющей снѣвы

Румянецъ на щечкахъ пушистыхъ....

все это могло обворожить самое холодное воображеніе. Поступь этихъ южныхъ женщинъ запечатлѣна безсознательнымъ, врожденнымъ благородствомъ, и даже какою-то античною гордостью; ноги совершенно обнажены; изрѣдка развѣ, когда надо подняться по каменистымъ горнымъ ходамъ, съ корзиной винограда или померанцевъ на головѣ, островитянка обуваетъ свою ножку въ простую деревянную сандалію.

Станъ этихъ Итальянокъ, несмотря на роскошь развитія формъ, непообразимо гибокъ и тѣсно заключенъ въ синій или алый корсажъ; плечи обнажены; затылокъ исчезаетъ подъ змѣйками из-синеве-черной косы, приколотой къ макушкѣ съ истинно-античнымъ вкусомъ.

Итальянокъ вообще обвиняютъ (особенно женщины) за небрежность, въ какой оставляютъ онѣ свои косы.... Но надо видѣть, что это за косы! Надо освѣдомиться, можетъ ли всякая мать семейства, или даже работающая дѣвушка, удѣлять ежедневно по-крайней мѣрѣ часа полтора времени на устраненіе лирическаго безнорядку въ этихъ шелковистыхъ каскадахъ. Въ Римѣ, въ Неаполѣ и здѣсь на этомъ мирномъ островкѣ, женщины подъ вечеръ, въ часы досугу, чешутъ одна другой волосы, на улицѣ, передъ своими дверьми: и этотъ трудъ стоитъ всякаго другаго. Коричневый платокъ, повязанный тюрбаномъ, или бѣлый платокъ, кокетливо положенный на голову четырёхугольникомъ и опускающійся однимъ концомъ на затылокъ, чаще всего избавляютъ бѣдныхъ Итальянокъ отъ излишнихъ попеченій объ этой враждебно-длинной, мучительно-густой косѣ.

Я познакомился здѣсь съ дѣвушкой, питающейся резанн. Каждое утро приносила она мнѣ букетъ постумекныхъ розъ, и убѣгала со страху, чтобъ я вторично не вздумалъ предложить ей цѣлый пиастръ, тогда какъ бѣднужка не простирала своихъ на деждь далѣе нѣсколькихъ грановъ.

Бѣдность этого народа, проявляющаяся въ тысячѣ видахъ, составляетъ грустный контрастъ съ богатствомъ здѣшней почвы.

Въ Неаполѣ, на перекресткахъ, я видѣлъ просящихъ милостыню, съ лицомъ завѣщаннымъ, нѣзъ видовъ стыдливости, клѣтчатимъ носовымъ платкомъ.

Здѣсь эта утонченность невѣстна. Здѣсь нищеты не стыдятся.

Молоденькая дѣвушка, завертывающая въ тонкую бумагу апельсины, для отсылки ихъ къ намъ на сѣверъ; ребенокъ, играющій на улицѣ, встрѣчаютъ чужеземца дружескимъ взглядомъ и ласково лепечутъ: «Date mi qualche cosa!»

Обитатель этихъ благословенныхъ острововъ считаетъ вещь весьма естественною, если иностранецъ, тратящій такъ много денегъ на далекое странствіе, убѣдить нѣсколько грановъ (мелкихъ мѣдныхъ монетъ) бѣднужкамъ, которые дѣлятся съ нимъ лучами своего солнца.

Здѣсь только узнаешь всю безполезность часовъ, чиселъ, газетъ, спектаклей.... Жизнь туземца принимаетъ отгѣнокъ мусульманскій: это матеріализмъ съ сильною примѣсью созерцанія.

Онъ итѣ знаешь здѣсь потому, что прохладно; о земѣ — потому, что тепло. Январскіе цвѣты отнюдь не рѣдкость.

Люблю бродить по этимъ гористымъ, молчаливымъ улицамъ, гдѣ надо осторожнѣе развѣ для мула, завьюченнаго двумя корзинами лимонновъ, или перешагнуть черезъ человека, сладко сидящаго посреди гладкой и теплой мостовой, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ обнять Моросемъ.

На каждомъ шагѣ тутъ передъ вами любопытнѣйшія картины восточнаго обихода. Ребятишки рѣзвятся, совершенное шаше и шреасетные какъ амуръ Альбано. Женщины сидятъ у своихъ дверей, съ классическимъ веретеномъ въ рукахъ, точно Гомеровскія героини. Онѣ какъ будто знаютъ, что въ былыя времена пришель не гнушались и царьды, хотя, по всей вѣроятности, не подозреваютъ до какой степени веретено — изобрѣтеніе аристократическое, что Египтяне приписывали его своей богинѣ Мандѣ, Китайцы своему мудрому императору Іао; Греки — Минор-

нѣ , а Перuviaнцы — Маманалгъ, супругъ своего первого монарха , великаго Манке-Капака.

Наконецъ , въ одно божественное утро , усердные моряки разбудили меня порядочно рано , съ радостною вѣстью , что лазурный гротъ сегодня къ намъ услугамъ.

— Il vento è sangiato. Вѣтеръ перемѣнилъ свое направленіе.

На этотъ разъ море чуть дышало у тѣснаго входа въ лазурный гротъ. Я покойно легъ въ лодку , зажмуривъ глаза отъ удовольствія. Теплыя волны обняли лодку и вѣжно двинули насъ подъ узкій сводъ утесовъ.

Когда я открылъ глаза , мы были уже въ новомъ мірѣ. Земной міръ съ его красками и оттѣнками исчезъ. Здѣсь царствовалъ одинъ цвѣтъ — голубой. Лодка моя волшебнo катилась по этому гладкому , кристальному озеру , затаенному внутри горы. Высокія стѣны , великолѣпный куполъ сооружены изъ груды скалъ и покрыты причудливыми арабесками сталактитовъ. Снопъ дневнаго свѣту вторгается въ единственное отверстіе со стороны моря , и , проивкая сквозь волны какъ сквозь призму , окрашиваетъ все лазурью. Скалистыя стѣны , прозрачная вода , песокъ на днѣ и сталактиты на сводахъ — все здѣсь небесно голубаго цвѣту. Эта синева такъ вѣжна , что кажется какъ-будто на все наброшена дымка серебристаго газу. Не это ли сафирная раковина неаполитанской сирены? Я молчалъ какъ околдованный. Гребецъ поднялъ весла , и барка чуть скользила по бирюзовой влагѣ. На водѣ ни малѣйшей зыби , въ воздухѣ ни малѣйшаго дыханія , кругомъ тишина глубокая , торжественная какъ въ безднахъ неба.

Вода такъ прозрачна , что видны на блѣдно золотистомъ днѣ всѣ раковины , всѣ подводныя растенія и кораллы. Я было нагнулся , съ умысломъ выловить одинъ изъ этихъ коралловъ , но для такой операціи понадобилась рука по-крайней мѣрѣ двухсаженная. При каждомъ ударѣ весла , на поверхность воды выстгали міриады серебристыхъ пузырьковъ ; каждая капля , упавшая въ глубь , казалась жемчужнымъ зерномъ.

Въ этомъ волшебномъ теремѣ , ни лодка , ни человѣческія фигуры не отбрасываютъ отъ себя тѣни. Бѣлый дневной лучъ , заглядывающій въ треугольное отверстіе , остается трепетной звѣздой у входа , не вступая въ борьбу съ царствующимъ здѣсь лазурнымъ полусвѣтомъ.

Этотъ единственный въ мірѣ гротъ напоминаетъ о тѣхъ под-

водныхъ теремахъ, гдѣ, по волѣ поэтовъ, обитаютъ морскія нимфы, убирающія свои зеленныя косы водяными растеніями и перлами.

Здѣсь видна даже площадка, гдѣ должно быть мѣсто для трона сладострастной богини, избравшей это очарованное озеро своей купальной.

Но до-сихъ-поръ живописцы, пытавшіеся изобразить этотъ прелестный феноменъ на полотнахъ, слишкомъ неумѣренно тратили лазурь.

Лазурный гротъ не исключительно лазуренъ. Своды являются зеленоватыми, какъ-будто на нихъ падаетъ свѣтъ лампы, проникающій сквозь сосудъ съ жидкостью купоросу. Если долго и внимательно всматриваться, опрокинутыя пирамиды сталактитовъ кажутся почти красноватыми, а задняя часть грота принимаетъ блѣдный мутно-розовый оттѣнокъ.

Въ задней стѣнѣ грота я замѣтилъ темное углубленіе. Лодка подплыла туда: я вышелъ на камни, торчавшіе изъ воды. Это что-то въ родѣ полуразрушенной галлерей; ступени, разрозненные водой, облѣпленные чернымъ мхомъ; камни, съ которыхъ не совершенно стерлись слѣды рукъ гранитщика. Очевидно, лазурный гротъ былъ извѣстенъ въ древности; однако жъ о немъ не упоминаетъ ни одинъ историкъ; ни одинъ поэтъ не поселилъ въ этомъ чародѣйскомъ чертогѣ — божества собственнаго своего изобрѣтенія.

Эта разрушенная лѣстница, конечно, вела на гору; очень можетъ стать, что тутъ былъ потаенный ходъ изъ какого-нибудь тверіева дворца.

На Капреѣ, по свидѣтельству Световія, не существовало ни роши, ни пещеры, которая бы не была посвящена Афродитѣ.

Вѣроятно, и этотъ морской гротъ былъ эротической купальной.

Очень можетъ быть, здѣсь, посреди купающихся няядъ, Тиверій являлся морскимъ божествомъ, въ вѣнкѣ изъ подводныхъ растеній.

Я пытался сдѣлать нѣсколько шаговъ по разрушенной лѣстницѣ... но былъ остановленъ и мракомъ и сыростью и обломками камней.

Мы зажгли два факела, но и при свѣтѣ ихъ не было возможности разсмотрѣть, куда я шелъ: въ пещеру, въ корридоръ или въ бездну.

Набожный гребецъ старался убѣдить меня, что это гнѣздилище змѣй или, что несравненно хуже, притонъ злыхъ духовъ.

Вѣдникъ умолялъ меня не пускаться далѣе, тѣмъ болѣе, что на мнѣ не было никакихъ амулетовъ, вещей первой необходимости въ подобныхъ случаяхъ.

Археологическая попытка мнѣ не удалась; я предался чисто-истеологической: сбросилъ блузу, и въ этихъ прозрачныхъ соевыхъ водахъ принялся искать Амнотрату женщину-рыбу и глухыхъ дочерей Нерей.

Вдругъ морское отверстіе грота на мгновеніе омрачилось. Я едва успѣлъ прыгнуть въ свою барку.

Въ голубой гротъ проникла еще одна лодочка. Два существа, лежавшія на ея днѣ, приподнялись: это были мужчина и дама, оба прелестнѣйшаго голубаго цвѣту.

— Съ какой вы планеты? хотѣлъ я спросить у новоприбывшихъ.

— Very fine! произнесъ голосомъ тономъ лопнувшей квинты.

Минуту спустя, на томъ же языкѣ было прибавлено:

— Все это какъ будто освѣщено голубымъ пламенемъ пуншу.

При этихъ звукахъ, мысленно, неволью я перенесся въ страну, гдѣ туманъ за-одно съ дымомъ образуютъ искусственное небо; въ моемъ воображеніи сгруппировались жужжація машины и гигантскія трубы, кружки портеру и рады циркъ, огромныя газеты и стиснутыя губы....

Въ цѣлой Италіи не знаю уголка, застрахованнаго отъ этихъ воспоминаній.

— Что за блаженство здѣсь покупаться!

Мистеръ поглядѣлъ на мистриссъ съ совѣстливымъ укоромъ. Но мистриссъ была «эманципирована» какъ суцая Діана.

— Послѣ-завтра, рано утромъ, непременно приплывемъ сюда: леди Пиппинсъ и миссъ Пруденція навѣрно не откажутся быть моими внимаемъ.

Мнѣ, въ свою очередь, настоятельно желалось исполнить роль Актеона.

Затѣмъ розовая леди прижалась за эскизъ будущей своей голубой ванны; джентльменъ вынулъ изъ кармана «лажолетъ», и причудливые своды грота наполнились безыскусственными звуками, которые напоминали nocturnы прибрежныхъ тростниковъ, затронутыхъ вѣтромъ.

Между-тѣмъ какъ леди рисовала, джентльменъ предавался своимъ музыкальнымъ фантазіямъ; между-тѣмъ какъ я восхищался гротомъ въ оптическомъ, акустическомъ и зротовическомъ отношеніяхъ, мечтая немножко и о купающихся нинѣахъ, а гребцы дремали.... вѣтеръ поднимался на морѣ.

Когда мы это замѣтили, было уже поздно: мы оказались подъ никами моря. Волны поминутно закрывали отверстіе, единственный нашъ выходъ. Бассейнъ грота, за минуту сонный и явмой, встревожился въ свою очередь. Скалы застонали надъ нашей головой. Лазурный свѣтъ превратился въ мертвенно-свинцовый. Когда валы отступали, въ отдушину грота мы видѣли море, на-боруженное вѣтромъ. Нѣсколько разъ пытались мы вырваться изъ морской темницы вмѣстѣ съ выбѣгающей волной; но едва лодка подходила къ низкому своду, новый валъ съ шумомъ вривался въ пещеру и отбрасывалъ нашу шедущую барку назадъ.

Мы должны были лежать, какъ муміи, на влажномъ днѣщѣ и безпрестанно глотать горько-соленыя брызги; между тѣмъ какъ гребцы наши изнемогали въ борьбѣ съ неподвижнымъ камнемъ и съ бушующимъ моремъ.

Наконецъ лодка моя вырвала въ самомъ устьѣ прохода.... Морякъ только-что успѣлъ убрать свою голову, чтобъ не шаркнуть-ся ею о сводъ; но море поднялось, придавило лодку къ тѣсному своду.... Валъ прошедъ по мнѣ съ головы до пятъ, и увлекъ лодку назадъ въ гротъ, съ досаднѣйшею небрежностью.

Англичанинъ предпочелъ выбраться изъ этой засады иначе; но мы убѣдили его, что капрейскія скалы несравненно тверже лучшаго англійскаго черепа. Надо было рѣшиться перелопачать въ гротъ. При красноватомъ свѣтѣ зажженаго факела мы отыскали скалу, выдающуюся террасой, и расположились тутъ, про-клятая Нептуна и всѣ его причуды.

Этотъ поэтическій ночлеги въ сафирномъ теремѣ незаполтавской свирени, каждый изъ насъ готовъ былъ промѣнять на скромнѣйшую дорожную почивальню, какаѣ всего болѣе заставляла насъ мечтать о предсѣлахъ сна.

Но мы по-веволѣ рѣшились героически выдержать осаду двухъ старинныхъ союзниковъ — Эола и Нептуна. Оставалось изобрѣдовать, какія средства имѣли мы, продержаться въ пещерѣ до-крайней мѣрѣ одну ночь.

Запаснаго провіанту оказалось въ наличности: одинъ апельсинъ, сорванный милою въ саду локанды; огрызокъ кукурузы, найденный въ карманѣ одного изъ гребцовъ, и два кусочка сахару, въ ридикюлѣ Англичанки.

Англичанинъ причислялъ сюда также гомерическій завтракъ, уже часа два времени варившійся у него въ желудкѣ.

Эта послѣдняя статья, конечно, не подлежала дѣлежу, но вса-таки, при распредѣленіи оставащаго, принята въ соображеніе.

Вспомнивъ неоцѣнимыя свойства сахару, который не одного естественнѣйшаго спасалъ отъ голодной смерти посреди песковъ центральной Африки, я потребовалъ на свою долю только пол-кусочка рафинаду и отказался отъ прочаго въ пользу моихъ злополучныхъ товарищей. Проголодавшіеся гребцы начали громко упрекать другъ друга за то, что ни одинъ изъ нихъ не вѣдалъ съ собою сухарей, которыми обыкновенно запасаются при отправленіи въ лазурный гротъ.

Я, въ свою очередь, упрекалъ гребцовъ, зачѣмъ они не предупредили насъ объ опасности заражѣ.

— *Corro di Vasso, signore!* да если бы мы пугали всѣхъ иностранцевъ, то ни одинъ изъ нихъ и не заглянулъ бы сюда: мы же оставались бы въ накладѣ.

Сытый джентльменъ прежде всѣхъ насъ сталъ задыхаться отъ жажды. Но счастью, прѣсная вода каплетъ въ гротъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ, просачиваясь по расщелинамъ камней.

Между-тѣмъ насъ одолевали холодъ и сырость. Потребность въ самомъ скромномъ кострѣ была ощутительна не только для босыхъ ногъ моряковъ, но и для батистоваго пеньюара Англичанин. Въ лодкахъ не нашлось ни малѣйшаго сучка топлива.

У насъ уже завязалось преніе о принесеніи въ жертву одной изъ лодокъ. Сначала мы встрѣтили сильное сопротивленіе въ самихъ владѣльцахъ барокъ. Слѣдовало сдѣлать оцѣнку. Какъ добросовѣстные оцѣнщики, мы назначили за лодку сумму въ десять піастровъ. Моряки были просто въ отчаяніи отъ нашего скряжничества. Наконецъ, когда удалось имъ набить цѣбу до осьмнадцати піастровъ, сцена достигла крайняго одушевленія. Каждый дорожил правомъ сжечь свою лодку, въ полной увѣренности, что можетъ приобрести три новыя. Каждый подносилъ уже факель къ смолистой кормѣ; они спорили, кричали, доказывали жестами, глазами, веслами, колпаками.... Морской экспедиціи нашей угрожала опасность остаться безъ судовъ. Еще нѣсколько минутъ.... и мы увидѣли бы образецъ соревнованія — обѣ лодки, превращенныя въ уголь.

Со стороны моря слышались человѣческіе голоса, сначала смѣшанные съ воплемъ волинь. Моряки острова Капри замѣтили наше продолжительное отсутствіе, и смекнувъ, что мы попались въ лазурную западню, поспѣшили къ намъ на выручку. Съ нечеловѣческими усиліями удалось имъ бросить къ намъ въ гротъ обломокъ весла, съ привязаннымъ къ нему концомъ веревки; но не прежде, какъ когда море начало немного стихать, насъ злополуч-

ныхъ можно было извлечь изъ очаровательнаго грота, къ которому Англичанинъ получилъ пожизненное отвращеніе.

Когда наша экспедиція выползала изъ-подъ скамеекъ плоскодонныхъ лодочекъ и пересаживалась въ парусную барку, на морѣ была уже ночь.

Спасители торжественно, отъ души, поздравили насъ съ благополучнымъ избавленіемъ отъ смерти, и спросили съ насъ по два карлина.

— Кому вы тамъ молились? спросилъ коричій.

— San Giuseppe! отвѣчалъ гребецъ.

— Да этакъ вы могли бы просидѣть тамъ съ недѣлю. Только патронъ острова Капри могъ избавить васъ отъ бѣды.

Между тѣмъ мы плыли мимо чернѣющихъ массъ острова. Ночь была душно-тепла. Волны подъ каждымъ ударомъ весель разсыпались фосфорическими искрами. Я на досугъ тростью выводилъ на поверхности воды вензели, мерцавшіе золотистыми штрихами.

Вдали, въ глубокомъ мракѣ италійской ночи, Везувій отъ времени до времени зажигалъ багровый снопъ вулканическаго огня и служилъ коричему маякомъ.

Въ замѣчаніяхъ Англичанина, касательно капрейскаго грота, проглядывало сильное сожалѣніе о томъ, что мы лишились великолѣпной могилы, каковъ лазурный гротъ, что упустили такое рѣдкое и простое средство обезсмертить себя въ исторіи.... Капри.

Не прежде, какъ два дня спустя, я поплылъ къ развалинамъ Пестума.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

ПОСЛѢДШІЕ ПОТОМКИ ГАЙДАМАГА.

=

УКРАИНСКОЕ ПРЕДАНІЕ.

=

ПРОЛОГЪ.

Преданія украинской старины съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе исчезаютъ въ Малороссіи. Славныя имена: Наливайка, Сагайдачнаго, Дорошенка, Морозенка, Хмельницкаго не шевелятъ уже сердца народа. Они, правда, сохранились въ старинныхъ пѣсняхъ и думахъ украинскихъ; но Украинцы поютъ теперь новыя, порою заунывыя, порою веселыя, молодецкія пѣсни, въ которыхъ не услышите болѣе именъ знаменитыхъ *лыцарей* казачины. Это пѣсни про любовь, про кручину сердечную, про тяжкую разлуку, или про военные подвиги новѣйшаго времени.

Старинныя пѣсни и думы народныя долго сохранялись въ памяти бандуристовъ, которые, въ былое время, сопровождали Запорожцевъ во всѣхъ походахъ и своими пѣснями, подобно скальдамъ, возбуждали вольныхъ сыновъ Днѣпра къ битвѣ и славнымъ подвигамъ *.

Въ двадцатыхъ и даже тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія можно еще было встрѣтить на Украинѣ стариковъ, то шивхъ, то музыкантовъ; они бродили изъ села въ село и привлекали народъ игрою на бандурѣ, разказами про былое и печальныя напѣвами старинныхъ пѣсней и думъ **.

* Срезневскій. Пред. къ Зап. Стар.

** Тамъ же.

Конечно, можно и теперь еще встрѣтить подобных бандуристовъ, но ихъ рассказы становятся болѣе и болѣе сбивчивы, не вѣрны; любимыя пѣсни ихъ — *сочиненія Сковороды, да объ убогомъ Лазарѣ.*

Мнѣ посчастливилось видѣть и слышать настоящаго потомка древнихъ бандуристовъ, быть-можетъ послѣдняго трубадура Украйны.

Давно желалъ я посѣтить извѣстную въ исторіи Малороссіи вотчину Зявонія Хмельницкаго — Сѣботово; остатки его замковъ, гетманскую столицу — Чигиринъ; наконецъ, необъятное кладбище — чигиринское поле, гдѣ сотни тысячъ Украинцевъ погибли въ боихъ за родину и святую вѣру и схоронены, вмѣстѣ съ врагами своими, въ гигантскихъ могилахъ, занимающихъ около пятидесяти квадратныхъ верстъ.

У кого изъ Малороссіянъ не бьется сильнѣе сердце при имени Зявонія Богдана, Сѣботова, Чигиринскаго поля? Кто изъ насъ можетъ оставаться равнодушнымъ къ мѣстамъ, памятнымъ жизнью великаго соотчича, запечатлѣннымъ, на каждомъ шагу, кровью нашихъ родичей?...

Легко понять съ какимъ нетерпѣніемъ и съ какою грустью сѣвшилъ я въ Сѣботово, какъ скоро представилась къ тому возможность.

Сыпучій песокъ, по берегу Тясмины, извурилъ лошадей, и я, волею неволею, остановился на постояломъ дворѣ, близъ знаменитаго поля чигиринскихъ битвъ.

День былъ праздничный. У постоялаго двора, или, правильнѣе шинка, толпился народъ. Два Еврея, со всѣмъ жидовскимъ усердіемъ, *наръзывали на скрипкахъ*; еще съ большимъ усердіемъ плясала молодежь. Старикъ, на-веселѣ, одобрительнымъ говоритъ, чмоканьемъ, или пресвятомъ привѣтствовали бойкихъ пласуновъ. Словомъ, веселье было въ полномъ разгарѣ и проявлялось въ тѣхъ самыхъ картинахъ украинскаго разгуля, описанія которыхъ вамъ уже много разъ встрѣчались въ повѣстяхъ украинскихъ.

Я сидѣлъ у окна, обращеннаго на поле. Музыка и веселье крики поселянъ едва въ половину долетали до меня.

Облокотясь на открытое окно, въ раздумьи, глядѣлъ я то на ручей, протекающій у самой окраины извѣстнаго въ лѣтописяхъ Малороссіи Чутскаго лѣса; то на отдаленное, покатоое возвыше-

ніе, на вершинѣ котораго видѣлась группа высокихъ могилъ Чигринскаго поля.

Видъ могилъ, подъ которыми покоятся сотни-тысячъ героевъ древней казацкнны, пробуждаетъ въ сердцѣ невыразимое *высоко-грустное чувство*.... Воспоминанія грозныхъ чигринскихъ битвъ и всѣхъ несчастій Украйны толпою тѣснились въ головѣ моей.... Проникнутый ими, не сводя глазъ съ группы печальныхъ могилъ, я уже не слышалъ ни музыки, ни крика веселящихся.

Очнувшись отъ смутныхъ мечтаній, перешелъ я въ комнату, окна которой выходили на улицу. Необыкновенная тишина заставила меня подумать, что толпы веселящихся разошлись по домамъ. Подхожу къ окну.... Нѣтъ! улица по прежнему полна народомъ; но то были словно другіе люди. Отдѣльныя группы молодыхъ *парубковъ* и *дивчатъ*, безмолвно стояли въ сторонѣ; изъ стариковъ, иные стояли, опершись на длинныя палки, другіе сидѣли и, молча, потупивъ глаза, ковыряли палками землю.

Среди молчаливой толпы возвышался одинъ голосъ, полный мужества и силы, то былъ голосъ старика лѣтъ шестидесяти, но еще бодрого, свѣжаго. Сѣдые усы его висѣли прядями; длинный *оселедецъ* * огибалъ лѣвое ухо; каріе глаза блистали изъ подъ нависшихъ, сѣдыхъ бровей. Подлѣ старика лежала бандура.

— Такъ вотъ, панове добродійство, какую злую годиву понесла вынесла наша горемычная украинская земля, говорилъ старикъ.— За то, были и другія времена на святой Украйнѣ! красовалась тогда родная земля прямыми рыцарями казаками, славными запорожцами молодцами.... Вотъ хоть бы примѣромъ сказать, Морозенко, либо Печай. О гетманахъ нечего и рѣчь заводить! Хмельницкаго Богдана, да Наливайка, Острианицу, да Сагайдачнаго Петра, что промѣнялъ жонку на тютювъ, на люльку, такихъ гетмановъ во вѣки вѣчные не забудеть Украина.

«Морозенко, мой любый Морозенко! продолжалъ съ увлеченіемъ разскащикъ. То-то былъ казакъ.

И схвативъ, съ быстротою юности, лежавшую подлѣ него бандуру, старикъ заигралъ, припѣвая. И все ожило вмѣстѣ съ бандуристомъ: парубки и дивчата весело переглянулись; старики, будто помолодѣвъ, подняли повуревныя головы; бандуристъ пѣлъ:

Ой зъ-за горы, зъ закручи
Рыпаять возы плучи;

* Чубъ.

Попереду Морозенко

Иде, люльку курюча!... (и прочее).

— Удалий Морозенко былъ хоть куда козакъ, заключилъ бандуристу, окончивъ пѣсню. Въ полѣ съ врагомъ—рубить, рѣзать и Турка и Лаха, словно косою косить, и куда ни проскачетъ на ворономъ конѣ — течеть за нимъ рѣка кровавая.... Вернется въ Украину, съ золотомъ и всякой добычей; ѣдетъ на конѣ и сыплеть въ народъ свѣтлые дукаты, безъ счета, сколько казацкая рука захватитъ изъ *череса*. Любили Морозенка казаки за его молодецкія дѣла, да за рыцарскую щедроту; любили и красавицы-дивчата, глядя, какъ онъ красовался, когда, бывало, пройдетъ верхомъ, либо молодецки пройдетъ, съ люлькой въ зубахъ, въ своихъ кармазинныхъ шальварахъ, заломивъ набекрень высокую шапку, да заложивъ руки въ бока *.

«Вотъ каковъ былъ Морозенко козакъ!..»

Старикъ всталъ.

— Ну, прощайте панове! заговорился я съ вами! припомнилъ онъ и удалился, припѣвая и подыгрывая на бандурѣ:

Пишовъ кобзарь по улиці:

Съ журьбы ** якъ заграс.

Кругомъ хлопцы навприсидки,

А вины вымовляе:

«Нехай буде оттакички!»....

Грае кобзарь, выпивуе,

Ажъ лыхо *** сміється.

Старикъ давно пчезъ на поворотѣ улицы, а народъ, въ прежнемъ безмолвіи, все еще оставался на прежнемъ мѣстѣ, словно вслушиваясь въ недавнія рѣчи бандуриста. Таково было дѣйствіе одушевленнаго разсказа старика и его послѣдней пѣсни, по-видимому веселой; но старикъ умѣлъ придать столь горькое выраженіе первымъ словамъ ся, что даже оковчательный припѣвъ, полный разгула и задумевнаго веселья, ни на мигъ не могъ разсѣять горестнаго впечатлѣнія въ взволнованной душѣ слушателей.

* Такимиъ представляютъ Морозенка украинскія думы и пѣсни.

** Съ печалю, съ грусти.

*** Лыхо — бѣда, горе.

— Кто тутъ пѣлъ? спросилъ я старика, сидѣвшаго подѣ окномъ. Тотъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на меня и помолчавъ приподвинулся:

— Вѣрно ты, панъ, издалека, коли не знаешь старато кобзаря?

— Такъ онъ кобзарь?

— Отъ дѣда-прадѣда.

— Скажи пожалуста: какъ бы мнѣ поговорить съ нимъ?

— Э, выдумалъ! Развѣ не видалъ, куда онъ повернулъ? Теперь вѣрно въ старомъ лѣсу. Гдѣ же искать? Ищи вѣтра — въ полѣ найдешь; а кобзаря не сыщешь ни въ лѣсу, ни въ селѣ, ни въ полѣ. Развѣ самъ къ тебѣ придетъ, тогда увидишь; а искать, — лучше я не думай!

Меня сильно огорчили эти слова. Видѣть только на мигъ кобзаря, статья можетъ послѣдняго на Украинѣ, быть такъ близко и не имѣть возможности наговориться съ нимъ, послушаться его рассказовъ, — все это казалось мнѣ ни чѣмъ не вознагради-
мою потерю.

Черезъ часъ я былъ на Чигиринскомъ полѣ.

Поникнувъ головою, углубясь въ ужасныя, едва вѣроятныя въ наше время подробности страданій Украинны, сидѣлъ я на одной изъ самыхъ высокнхъ могилъ, близъ Мотреннискаго лѣса. Вдругъ слышу звукъ бандуры.... Потомъ, за печальною прелюдіей, раздался дрожащій, полныи грусти голосъ:

Гетманы, гетманы! якъ бы то вы встали,
Встали, подывылись на тоѣ Чигиринѣ,
Що вы збудовали, де вы пановали,
Заплакали бь тяжко: бо вы бь не признали,
Козацкои славы убогихъ рунь.

Пѣвецъ умолкъ; по голосу я тотчасъ узналъ бандуриста. Лебединая, грустная пѣсня старика, среди казацкихъ могилъ, у того самаго Чигиринца, о которомъ пѣлъ онъ, поражала глубиною чувства. Склонивъ голову къ груди, онъ сидѣлъ подѣ дубомъ, синною ко мнѣ; правая рука его отрывисто перебѣгала по струнамъ бандуры.

Неодолимое чувство влекло меня къ старику; но я долго не рѣшался подойти къ нему, сочувствуя его печали. Наконецъ я оставилъ могилу и, незамѣченный кобзаремъ, зашелъ впередъ.

Завидя меня, старикъ угрюмо приподнялся. По движеніямъ его замѣтно было, что онъ располагалъ немедленно удалиться.

Но я рѣшился остановить бандуриста, и во что бы то ни стало, сблизиться съ нимъ.

Я подошелъ къ старику.

— Здравствуй землякъ! сказала я, слегка приподнявъ картузь. Скажи мнѣ пожалуйста, ты здѣшній?

Бандуристъ лѣнливо приподнялъ шапку и медленно проговорилъ:

— Я Запорожець.

— Стало быть, тебѣ незнакома здѣшняя сторона?

— Я родился тутъ, отвѣчалъ онъ неохотно.

— Не поговаривай же, добрый старикъ, на мои разспросы. Скажи, пожалуйста: говорятъ, будто въ здѣшнемъ лѣсу есть старыя укрѣпленія Хмельницкаго. Не знаешь ли ты ихъ?

— Еще бы не знать!

— Такъ не возьмешь ли провести меня къ нимъ?

Старикъ задумался.

— А для чего тебѣ Богданова крѣпость? спросилъ онъ, оглядывая меня пристально.

— Видишь ли что: я нарочно прїѣхалъ сюда вереть за пять сотъ (для эфекта я прибавилъ цѣлую половину). Мнѣ хотѣлось осмотрѣть столицу украинскихъ гетмановъ и Чигиринское поле; а болѣе всего, взглянуть на древнюю вотчину Богдана; на его церковь и на все, что осталось отъ него въ здѣшней сторонѣ.

— Гмъ!

Я замѣтилъ, что по мѣрѣ того, какъ я говорилъ старику о значенностяхъ казачины, онъ смотрѣлъ на меня все пристальнѣе и пристальнѣе.

— Вѣдь я и самъ изъ казаковъ, прибавилъ я, стараясь еще болѣе выиграть въ мнѣніи Запорожца.

Бандуристъ только посмотрѣлъ на меня, не вымолвивъ ни слова.

— Ты по себѣ суди: какому казаку не дорого знать все и про все о своей родинѣ?

Помолчавъ, онъ спросилъ меня отрывисто:

— Такъ ты, панъ, хочешь видѣть Богданову крѣпость?

— Пожалуйста, землякъ!

— Изволь! Во всей этой сторонѣ лучше меня никто тебѣ не укажетъ всего, что ни осталось отъ батька Богдана.

Мы вошли въ обширный Мотренинскій лѣсъ, гдѣ, въ злополучные годы Украйны, казаки сотнями скрывались отъ своихъ го-

дѣтелей Поляковъ. Вѣковые, огромные дубы производили на насъ самое тягостное впечатлѣніе. Каждый изъ нихъ былъ живымъ свидѣтелемъ гоненій, вынесенныхъ Украиною, и не одинъ, въ мрачныхъ вѣтвяхъ своихъ, укрывалъ несчастныхъ казаковъ, терпѣвшихъ голодъ и жажду и не смѣвшихъ, по цѣлымъ недѣлямъ, оставлять таинственное убѣжище, изъ опасенія попасть въ руки мучителей.

Около двухъ часовъ шли мы по узкой тропинкѣ; лѣсъ становился все гуще и мрачнѣе; наконецъ мы достигли старыхъ, полуразрушенныхъ укрѣпленій.

— Немного же осталось отъ Богдана! сказалъ я, осматривая высокой двойной валъ, среди котораго находился еще особый земляной городокъ.

— Въ Суботовѣ старая церковь, продолжалъ я, да старая пущырь, гдѣ виднѣнъ слѣдъ дома Хмелницкаго, да этотъ валъ.

— Не велики остатки! отвѣчалъ бандуристъ печально, и потомъ прибавилъ, возвыся голосъ и выпрямивъ согнутый отъ старости станъ: да велика слава дѣлъ Богдана!... во вѣки вѣчные не умреть она на Украинѣ!

Много и долго говорилъ я съ старикомъ: о Богданѣ, о славныхъ дѣлахъ Запорожцевъ; наконецъ о страданіяхъ Украины.

Воспоминанія послѣднихъ являются еще грознѣе, еще разительнѣе, въ мрачномъ лѣсу, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ злодѣйства совершились во всемъ ихъ ужасѣ.

Замѣтивъ, съ какою увлеченіемъ говорилъ я о минувшихъ дѣлахъ Украины, старикъ првлязывался ко мнѣ болѣе и болѣе.

Мы оставили лѣсъ. Могильное поле снова открылось передъ нами. Влажные оладки и тѣмъ же чувствомъ, взошли мы на ближайшую могилу и въ безмолвіи, полные горестныхъ думъ, долго смотрѣли на пустынное поле.

Старикъ первый прервалъ молчаніе.

— Видишь? сказалъ онъ, указывая на нѣсколько невысокихъ могилъ, у самаго Мотреннискаго лѣса.

— Вижу. А что?

— Что? повторилъ онъ. Охъ, пань, то страшныя могилы! Не въ бою за родину, да за святую вѣру православную положили свои головы тѣ бѣдныя, что лежать подъ ними. Господь судилъ ихъ другую смерть....

— Какая была ихъ кончина? спросилъ я, предугадывая, что исторія могилъ должна быть ужасна.

Старикъ медленно покачалъ головою. Помолчавъ съ минуту онъ приподнялъ:

— Такъ и быть, расскажу: ты добрый панъ; только не поскучай.

— Пожалуйста рассказывай. А ужъ я навѣрно не устану слушать.

— Такъ пойдѣмъ на самыя могилы.

— Видишь ли, говорилъ бандуристъ дорогою. Въ тѣхъ страшныхъ могилахъ Божій судъ, да Божія правда.

I.

По мѣрѣ приближенія къ Мотреянскому лѣсу, передъ нами болѣе и болѣе открывались небольшія могилы, прикрытыя вѣковыми дубами. Видъ могилъ поражаетъ своею угрюмостью. Всѣ онѣ поросли высокою травою; на двухъ торчали еще полусгнившіе остатки деревянныхъ крестовъ.

Мы сѣли въ тѣни стараго, вѣтвистаго дуба въ такомъ разстояніи, что могилы едва были видны.

Старикъ указалъ на одну изъ нихъ, совершенно заросшую травою.

— Вотъ, смотри: тамъ первая, самая страшная! И глѣбютъ, гниютъ въ ней, и ждутъ Божьяго суда кости страшнаго человѣка, помилуй Господи душу его!

Старикъ перекрестился, вздохнувъ печально, и потомъ нѣсколько минутъ говорилъ таинственнымъ полупотомъ, словно боясь громкою рѣчью нарушить покой мертвыхъ.

— То былъ злой, лютой разбойникъ гайдамака, прапрадѣдъ всѣхъ, что лежатъ тутъ подъ другими могилами.

Такими именно словами началъ старикъ свой печальный разсказъ.

Безъ-сомнѣнія, я не буду въ состояніи передать вамъ продолженіе этого разсказа въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ слышалъ изъ устъ бандуриста: живя съ своими воспоминаніями, поэтическими пѣснями и думами Украйны, старикъ умѣлъ сообщить и своему разсказу ту же самую неуловимую, поэтическую форму и силу, которою исполнены украинскія думы. По-временамъ голосъ бандуриста былъ тихъ, строгъ, важенъ; старикъ говорилъ тогда медленно, торжественно; казалось, слышишь не самаго разсказчика, но какой-то замогильный голосъ, передающій дѣла давно

мигнувшихъ вѣковъ; то вдругъ разсказъ его становился пылокъ, кипучъ и глаза бандуриста сверкали, и слова лились потокомъ, облекались въ поэтическія формы.

Какъ теперь гляжу на этого стараго, широкоплечаго атлета, оживленнаго повременамъ пылкимъ огнемъ юности; на эти каріе глаза, сверкающіе подъ сѣдыми бровями; на его длинныя усы и бритую голову, съ повисшимъ оселедцемъ.

— Не давалъ онъ, злой лютой гайдамака ничему и никому пощады. Рѣзалъ, рубилъ онъ и Ляха, и Татарина, и Жида поганнаго, и казака православнаго; всѣхъ рубилъ да грабилъ добро и съ своего и съ чужаго. Подобралъ цѣлую ватагу другихъ гайдамаковъ, все, что ни есть отважнаго, все молодець къ молодцу; и страшнымъ громомъ пошло-загремѣло страшное имя гайдамака Кирила по всей украинской, по всей польской и по всей татарской бусурманской землѣ, и куда бъ ни прошелъ онъ съ своими ястребами—вездѣ течеть за нимъ рѣчка кровавая....

«Много лѣтъ прошло: и казаки, и Поляки, и Татары уже сколько разъ сговаривались, сколько разъ съ-обща хотѣли захватить, перебить разбойниковъ душегубцевъ! Да, нѣтъ! не такыя гайдамаки!.... У гайдамакъ вороныя кони быстры-проворны, какъ черныя тучи летали и какъ ястребы на добычу нападали.

«Минувало много лѣтъ; затихли гайдамаки, затихло, заглохло, какъ травую поросло, и страшное имя старшаго ихъ; да только не затихла въ народѣ не добрая слава объ ихъ злыхъ дѣлахъ.

«Разъ пріѣхалъ въ Чигиринъ одинъ старикъ; купилъ хуторъ подъ Мотрещинскимъ лѣсомъ и сталъ въ немъ жить поживать, да что ни Божій день собиралъ гостей на пиръ на пиrowанье.

«Съѣзжались гости; пып, ѣп у богатаго старика; а все какъ-то имъ и чудно и будто страшно въ его хуторѣ, что среди лѣса дремучаго, былъ дважды окруженъ высокими острыми ча-стоколомъ, да обнесенъ глубокимъ ровомъ.

«Жилъ веселился старый и отъ поры до поры разъѣзжалъ по селамъ, городамъ, да сзывалъ новыхъ гостей на званныя пиры. Вотъ, въ такихъ-то пѣздахъ, разъ и приглявись ему молодая дѣвчина. Не долго думалъ-гадалъ сѣдой и тотчасъ засылаеть старостовъ къ отцу — къ матерп, да съ старостами шлетъ и ей и отцу съ матерью богатые дары-подарки.

«Околдовали старыхъ нечестые дары и сколько ни горевала, какъ ни убивалась бѣдная дѣвчина, — отецъ и мать продали ее не любому, не милому.

«Горькое было житье горемычной жонкѣ у стараго мужа.

День и ночь убивалась она, обливалась горячими слезами; и день и ночь мучилъ ее злой ревнивецъ: держалъ какъ въ острогѣ, въ своемъ страшномъ хуторѣ, и все билъ, да попрекалъ прежнею любовью къ молодому парубку, за котораго была сговорена.

«Родился сынъ у старика. На хуторѣ уже не было прежнихъ пировъ; всё бросили, покинули темное гнѣздо злаго человѣка и страшный слухъ пронесся въ народѣ: стали говорить, что онъ-то и есть тотъ лютой гайдамакъ Кирило, чѣмъ билъ православныхъ и нехристей, да грабилъ и жегъ Украину и Польшу. И правдива была молва! Вскорѣ не было въ Чигиринѣ ни старика и ни одного дитяти, кто бы не зналъ, что старикъ тотъ злой гайдамакъ Кирило.

«Вотъ стали появляться на хуторѣ и прежніе товарищи Кирила, такіе же, какъ онъ, гайдамаки. И зачался на немъ пиръ да гульба съ утра до другаго разсвѣта.

«Веселился старый мужъ съ своими гайдамаками; да билъ, мучилъ молодую жену.

«Прошло два года послѣ женитьбы Кирила, а о бѣдной жонкѣ его давно уже ни слуху, ни послушанія! Что случилось съ нею, куда дѣвалась? никто не зналъ; только въ народѣ стали ходить чудныя, да страшныя рѣчи про тайную смерть горемычной.... Съ той поры близъ хутора народъ и днемъ не смѣлъ ходить, бояся гайдамака.

«Не добрая слава хутора день ёто дня росла выростала; начался тайныя убійства, и народъ во всемъ винылъ стараго куторянина и не даромъ винылъ: убитые, какъ нарочно, все были люди, не любые гайдамаку.

«Вотъ умеръ старый грѣшникъ гайдамакъ Кирило, какъ жилъ: безъ покаянія, безъ святаго причастія. Народъ не допустилъ погребсти его на православномъ кладбищѣ. Его схоронили здѣсь....

Старикъ на минуту умолялъ.

«Не благословилъ Господь ни сына грѣшного гайдамака, ни внуковъ, ни правнуковъ, ни праправнуковъ ёго. Никто изъ нихъ не дожилъ до сѣдыхъ волосъ; самая малая часть умерла своею и то раннею смертию; а всё другіе, кто погибъ въ тяжкомъ татарскомъ плѣну, кто въ лютой пыткѣ лашской; кто сгинулъ въ темницахъ.

«И видѣлъ народъ, что Божій гнѣвъ безсмыслино жаль между правнуками и праправнуками Кирила, словно Господь еще на землѣ каралъ, въ примѣръ народу, потомство убійцы гайдамака.

«Проходили годы за годами, и не вѣсть сколько ихъ прошло,

а все таже кара Господня на потомкахъ Кирила. Вотъ оно размножится душъ въ двадцать, въ тридцать и больше, глядь, въ одинъ годъ, нвой разъ въ одну недѣлю, какъ метлой смело: останется какой-нибудь одинъ, два человѣка, и въ тѣхъ чуть держится душа.

«Лѣтъ за сто до насъ, а можетъ и побольше, жилъ въ Чигиревѣ старый Михайло и было у него три сына,—молодецъ въ молодца.

«Старшій братъ уже и женатъ, уже и двухъ сынковъ послалъ ему Господь; средній братъ тожъ готовъ жениться: нашель дивчину, чтѣ любила, кохала его пуше отца роднаго; у меньшаго только пробивался усь; а уже видно было, что будетъ добрый казакъ.

«Старый Михайло былъ первый *старикъ* въ потомствѣ гайдамака Кирила. Вышло что и послѣдній! Былъ Михайло человѣкъ добрый предобрый, и жонку добрую послалъ ему Господь; по нимъ пошли и всѣ ихъ дѣтки. И думалъ Михайло, что уже прошла-миновала на вѣки кара Господня надъ родомъ грѣшника Кирила; благословлялъ Михайло милосердаго Бога, что укротилъ свой праведный гнѣвъ, и на могилѣ прапрадѣда, разъ по десяти въ годъ, правилъ панихиды за упокой души его.

«Думалъ старый Михайло *такъ*, да было *не такъ*!

«Разъ, всѣ три брата отпросились у отца у матери на заработокъ къ Самарѣ. Передъ тѣмъ Господь посѣтилъ Украинну трехгодичнымъ, тяжкимъ голодомъ; семья Михайлы проѣла весь свой достатокъ и добрые сыны рѣшили поправить дѣло лѣтнимъ заработкомъ на Самарѣ. Вотъ, помолились Богу, поплакали, попрощались, и отправились въ путь...

«Прошло лѣто, настала осень; молодцовъ ждуть-пождуть отъ Самары, а ихъ нѣтъ, да нѣтъ! прошла и осень, и зима прошла, нѣтъ сыновей Михайла!...

«Не на Самарѣ были они! Томидись въ люткомъ, татарскомъ плѣну!...

«И томидись горевали не одинъ мѣсяцъ, не одно и не два лѣта; три года мучались братья въ татарской цѣволѣ.

«Двухъ старшихъ день и ночь стерегутъ татары приставники; тяжка работа ихъ, тяжелы цѣпи, люты побои приставниковъ; а тды—почитай чуть не мрутъ съ голоду.... Вотъ накого життя добыли себѣ молодцы казаки!

«Меньшому, *небораку* * Степану, далась лучшая доля против братьевъ: его назначили на работу къ саду бусурмана и, ради молодости (онъ попался въ неволю по пятнадцатому году), нехристи были съ нимъ ласковѣе, чѣмъ съ другими невольничкини; не заставляли носить цѣпей и не запирали на ночь, какъ всѣхъ прочихъ.

«Лишь за обѣдомъ, да за вечерею видѣлись горемычные братья; да что въ такихъ свиданіяхъ! Они только горѣ тоску поднимали въ сердце!

«Свидятся братья молча, разойдутся молча, болтается языкъ, соглядательства боится и не смѣютъ вымолвить того тайнаго, да горькаго слова, что камнемъ залегло на душѣ.

«Далека родная Украина, безытны, безводны татарскія степи; крѣпка стража вокругъ жилья бусурмана!...

«На одного Бога вся надежда бѣдныхъ братьевъ; никто изъ нихъ не начиналъ рѣчи ни о родной святой землѣ Украинской, ни объ отцѣ-матери; а часто меньшей братъ видѣлъ-подмѣчалъ тоску старшихъ, какъ очи ихъ глядѣли въ ту сторону, гдѣ была Украина. И тяжело становилось на сердцѣ Степана! Тоска братьевъ родныхъ давила его бѣднаго словно земля могильная.

«Проходили дни, ночи, недѣли, и мѣсяцы; годы проходили, а братьямъ все таже недоля!

«Суровы были братья Степана; тутъ стали еще суровѣе.... И все они будто чего ждали, и ждавши надѣялись, что не до конца прогнѣвался на нихъ Господь милосердый; что все, когда ни на есть, Онъ Святой, избавитъ ихъ отъ турецкой неволи.

«Не разъ, не два вспоминалъ каждый и про своего страшнаго прапрадѣда Кирила. Тутъ злая мука мучила давила душу братьевъ, и уже безнадежною была имъ неволя.

Бандуристъ снова замолчалъ, будто собирался съ мыслями, и потѣмъ продолжалъ, измѣнивъ голосъ.

— Бывало ночью, море-океанъ чуть плещеть въ берега. Берегъ-скала крутая, страшнымъ обрывомъ виситъ надъ моремъ океаномъ; на верху скалы сидитъ Степанъ.

«И слушаетъ Степанъ не наслушается, какъ ходитъ-плещеть тихая волна, и думаетъ-гадаетъ Степанъ, слушая волну, о привольномъ Дибирѣ рѣкѣ, о своей родной семьѣ, о святыхъ Храмахъ Христовыхъ.... Да далеко Украина, далеко ты родная козацкая земля!... Запалъ къ тебѣ, на вѣки запалъ, самый сладъ горемычному Степану казаку!...

* Бѣдняку.

Услезшіе собственнымъ разсказомъ, бандуристъ схватилъ бандуру и съ видимою тоскою запѣлъ:

Ой ты земле, земле татарска,
Ты, вѣра бусурманьска,
Разлука христіанска, и проч.

Окончивъ гѣсню, старикъ долго молчалъ.

— На скалу ту каждую ночь приходилъ Степанъ погоревать, потосновать о святой украинской землѣ, да отвести душу тешною христіанскою молитвою.

•Такимъ-то побытомъ проходило все время у молодого казака: днемъ трудится до поту лица, да молится Богу; ночь тоскуеть, да опять молится Геснеду Христу, чтобъ избавилъ его съ братьями отъ долгаго турецкаго плѣна.

•А лукавый уже стоялъ за плечами; позавидовавъ онъ неповинному въ грѣхахъ и уже стронувъ неразумному погибель души.

•Разъ пришелъ Степанъ на работу; беретъ заступъ, заступъ валится изъ рукъ. Сердце бѣднаго кричитъ прежняго загоревало е-даленой Украинѣ. Стоитъ Степанъ, будто ископанный и не слышать, не видитъ, какъ слезы текутъ изъ его казакскихъ очей.

•Долго стоялъ Степанъ, да вздыхалъ тѣжко. Святая молитва была на душѣ его; онъ поднималъ очи къ Богу Небесному и вдругъ смутился: передъ нимъ, у самаго рѣшетчатаго окна что-то забѣгло. Чуть только Степанъ взглянулъ туда, въ окнѣ будто ии чего и не бывало.

•Степанъ протеръ очи.

•На другой день, съ умысла, либо такъ, не нарочно, дьядъ Степанъ въ окно, въ окнѣ бѣлветъ женское покрывало и опять словно въ стѣну ушло.

•На третье утро Степанъ уже поминутно глядѣть на проклятую рѣшетку: не увидѣть ли чего, а покрывало какъ тутъ!

•Осторожнѣе Степанъ, опустилъ очи, глядѣть опять; бѣлая, какъ снѣгъ, рука охватила рѣшетку, и чудится казаку, будто сквозь покрывало свѣтятся черныя очи....

•Стоитъ смутный Степанъ, стоитъ и Турчанка, словно окаменѣлая, можетъ, и она отродясь не видала молодого удалца, съ такими огненными очами, да молодецкимъ усомъ, чернымъ и магкнѣмъ, будто изъ бархату.

•Вдругъ она отскочила; сгнула, пропала съ глазъ.

•Не знаетъ Степанъ: во снѣ ли, на яву ли привидѣлись ему тѣ

очи и рука, а уже не тотъ Степанъ: пришелъ на скалу, думаетъ объ Украинѣ, а уже не прежнія его думы; молится Господу, да уже не та его молитва: думаетъ объ Украинѣ, а передъ очами бѣдетъ рука бусурманки; молится Богу, и въ самой среднѣй молитвы вдругъ мелькнутъ, засвѣтятся грѣшному очи Турчанки.

«Кажись, велико ли дѣло дѣвичье покрывало, да бѣлая рука? а пойдѣ, толкуй съ семнадцати-лѣтнимъ парубкомъ, какъ увидѣть ихъ первый разъ съ роду, да какъ заиграетъ, закипитъ его молодая кровь.

«На другой день спѣшитъ на работу Степанъ, въ головѣ жъ совѣтамъ нныя помыслы. У него теперь одно на умѣ: увидѣть ли снова покрывало, да бѣлую руку....

«Пришелъ, работаетъ; а самъ все глядѣ, да глядѣ на рѣшетчатое окно. Не обманулся казакъ: передъ нимъ оиять мелькнула въ окнѣ Турчанка и снѣгомъ сверкнула рука ея, да такъ сверкнула, что у бѣднаго казака занялось дыханіе.... Погибалъ казакъ, не чуя, не гадаа о своей гибели!

«Съ той поры совѣтамъ измѣнился Степанъ: ночью только и мыслей, что о Турчанкѣ, — родичи и молитва, почитай, и на умѣ нейдуть; да если и помолится, то ужъ такъ, просто, изъ обычая: слово на языкѣ, а душа и не думаетъ о святомъ словѣ.

«Настанетъ утро, чуть заря подыметъ Степанъ; польетъ цвѣты у дома Турка, и притаившись гдѣ-нибудь подъ деревомъ, стоять не шевельнется, очей не сведетъ: все смотритъ на рѣшетчатое окно.

«Вотъ, въ обычный часъ, бѣлое покрывало прильнетъ къ самой рѣшеткѣ.... обомлѣетъ Степанъ и дохнуть ужъ не смѣетъ.

«Бусурманкѣ вѣрно самъ лукавый нашептывалъ, какъ заколдовать молодого казака: сперва, будто робѣя, подойдетъ къ окну и тотчасъ скроется; потомъ остается у окна все больше да больше; а тамъ уже и сама будто не можетъ оторваться отъ рѣшетки, а очи окаинной все жарче да жарче жгутъ душу казака....

«Вотъ, одинъ разъ стоитъ Степанъ подъ деревомъ, и смотритъ, самъ не свой, все на то же проклятое окно, а въ окнѣ бѣдетъ покрывало, и свѣтятъ очи сквозь него, и рука манитъ ласкою. Вдругъ, откуда ни возмись, порывный вѣтеръ, и прямо въ окно; завертѣлось, взвылося бѣлое покрывало; въ окнѣ стоитъ, глядѣть Турчанка, съ открытымъ лицомъ.

«И никогда не было ни видомъ видано, ни слухомъ слышно, чтобы на свѣтѣ была такая неслыханная, невиданная красота!

Вздрыгнулъ казакъ, какъ подстрѣленный соколъ, и въ страхѣ близки потупилъ очи.

«Чуеть-слышитъ Степанъ, какъ у него подступила горячая кровь къ самому сердцу; какъ по всему тѣлу пробѣжалъ морозъ, закружилась, завертѣлась молодая голова.... Погибъ козакъ! Сковажь его нечистый нечистою любовью къ Турчанкѣ-бусурманкѣ на вѣки вѣчны!»

«Степанъ поднялъ огненные очи: Турчанки нѣтъ!.... глядятъ кругомъ и чудится ему, что и самъ онъ и все, что ни есть вокругъ него, зажило-заиграло вдругъ, Богъ знаетъ какимъ чуднымъ, да дивнымъ житемъ; будто и небо привольнѣе и шире, и солнце во сто разъ посвѣтлѣло, и трава ярче зеленѣе, и будто цвѣты, словно живые, глядятъ на него, и глядя усмѣхаются ему.

«Свѣтло, широко на душѣ Степана, совсѣмъ обошла казака нечистая сила! Вѣрилъ онъ до сей поры, что ничего нѣтъ въ свѣтѣ милѣе и краше святой украинской земли.... Теперь, уже бусурманская земля казалась ему лучше всего на свѣтѣ!»

«Настала ночь. Чудная была та ночь! Степанъ лежалъ на той же скалѣ.

«Не спитъ Степанъ; лежитъ, не закрывая очей, и мнится-чудится ему дива невиданныя, рѣчи неслыханныя. То кажется, будто мѣсяцъ и звѣзды, словно живые, глядятъ ему въ очи; глядятъ тѣмъ бѣсовскимъ взглядомъ Турчанки, что навѣки сгубилъ парубка; то вдругъ заплещетъ, заиграетъ морская волна, и слышится казаку, будто въ плескѣ томъ не просто шумъ моря, а тихая, да чудная пѣсня, и будто не простая пѣсня та, а задуманная, зачарованная пѣсня Турчанки-бусурманки!.... То, въ другой разъ, онъ ничего не видитъ и не слышитъ; за то внутри, подъ самую грудь, что-то заговорить вдругъ такую рѣчью, что ее не выскажешь ни какимъ словомъ.

«И теперь еще случалось разъ другой, что совѣсть начинала заговаривать съ Степаномъ. «Турчанка твоя бусурманка, врагъ Христовой вѣры Святой, и твоей Украины врагъ:» говорить совѣсть.

«Встрепадется Степанъ, съ боязнию посмотритъ кругомъ; а черезъ минуту онъ тотъ же снова: лукавый наведетъ на него невидимыя огонь-очи красавицы Турчанки; поманитъ его ея бѣлою рукою; рука и очи бусурманки, словно пожаръ какой, въ нигъ охватятъ бѣдную голову казака, и изъ за нихъ онъ уже ничего не видитъ, кромѣ своей Турчанки.

«На другой, на третій, на четвёртый, на двадцатый день, каждое утро видѣль Степанъ у рѣшетки покрывало и бѣлую руку, и когда они скрывались, въ душу казака залегала такая тоска, такая злая кручина!.... Тоскуеть Степанъ и ждет не дождется полудночнаго часу: все ему чудится, вотъ будто кто нашептываетъ, что ночью снова начнутъ его дивныя видѣнья.

И точно, лишь приближался часъ полуночи, ходуномъ заходить передъ очами Степана ясный мѣсяцъ; вострепетаютъ, заплещутъ по небу яркія звѣзды; заплещетъ море, заиграетъ сладкою пѣвною; и всюду во всеи, днемъ и ночью видится и слышится Степану его Турчанка, ея огненные взгляды, что какъ пламя врываются въ самую что есть глубь души; да голосъ, такой голосъ, что сердце бѣднаго то прыгало отъ веселья, то билось, замирало отъ невѣдомой тоски.

— Совсѣмъ пропадалъ казакъ! прибавилъ со вздохомъ рассказчикъ.

«Разъ ночью лежитъ онъ надъ глубокимъ моремъ-окианомъ, не шевельнется, не дохнетъ: бонется, бѣдный, что лишь двинется, пропадетъ въ мигъ все, что ни видится ему. А не чувствуетъ, не гадаетъ, пропадшій человекъ, что дивныя видѣнья его—злые чары лукаваго, навожденіе нечистой силы, что хочетъ загубить навѣки неповинную христіанскую душу.

Вдругъ вскопчалъ Степанъ, какъ безумный; потеръ рукою горячій лобъ и самъ не свой, не чуя земли подъ собою, бросился со скалы. Не помня, что съ нимъ, вѣтромъ мчится Степанъ, словно несетъ его невѣдомая сила.

«Была полночь; Степанъ стоялъ у окна подъ дубомъ, изъ за котораго каждый день высматривалъ Турчанку. Какъ онъ попалъ туда и для чего? на яву ли это, или сонъ? Не зналъ, не вѣдалъ Степанъ! Горитъ, кружится голова его; трясется, бѣдный, даже колѣна гнутся.... Чшш.... Шорохъ! Глядь! передъ нимъ, у окна, стоятъ его Турчанка, вся съ головы до ногъ, въ свѣтѣ мѣсяца. Огнемъ сверкаютъ ея очи и непокрытое лицо блестятъ ярче самаго мѣсяца.

«Степанъ, какъ взглянулъ, такъ и приросъ къ землѣ.

«Увидя его, Турчанка отшатнулась, будто въ испугѣ, словно и не ждала Степана. А чѣмъ жъ нечестыя чары привели подъ дубъ Степана?

Бендурить, возвыся голосъ, продолжалъ горестно и съ жаромъ:

— Разъ не ея черныя очи столь нестерпимо жгли душу Сте-

наша, и свѣтились передъ нимъ, и махнула бѣднаго подъ дубъ, и вотъ, заколдованный лукавымъ оболъщеньемъ, прилетѣлъ пропавшій казакъ, куда махнула его бѣсовская сила!

«Молчать Степанъ и Турчанка молчать! Долго стояли они потухнувъ очи; напослѣдокъ Турчанка промолвила робкое слово.

«Взглянулъ на нее Степанъ, глядѣть и очей уже свести не можетъ, и чудится ему, что ничего нѣтъ краше въ мірѣ, какъ молчать, и глядѣть на красавицу, окаянную Турчанку, и что такъ молчать, да глядѣть не пересталъ бы до конца вѣка.

«Долго говорила Турчанка, а онъ *хоть бы что!* Въ долгой неволѣ онъ научился говорить по-бусурмански, и не задумался бы надъ бусурманскимъ словомъ, а теперь онъ вѣлъ, будто обошелъ его неясный.

«Какія рѣчи говорила она, Степанъ и пересказать бы не могъ; одно лишь онъ зналъ и помнилъ, что всякое ея слово впивалось къ нему подъ самое сердце.

— Будь тутъ завтра въ полночь, прошептала подъ конецъ Турчанка, и за тѣмъ словомъ будто въ землю ушла.

«Весь день и весь вечеръ, до урочнаго часу, былъ самъ не свой, бѣднякъ Степанъ. Въ глухую полночь невѣдомая сила снова схватила и примчала его на то мѣсто, гдѣ вчера была съ нимъ Турчанка.

«Опять она передъ нимъ въ сіяніи мѣсяца, и все глядѣть, да околдовываетъ казака демовскою сладкою рѣчью.

«Замолкла. Хочетъ говорить Степанъ; нейдутъ слова: вотъ будто что загородило подъ грудью; только молодой глазъ быстрѣе сверкнулъ и опустился съ боязнью.

«Снова говоритъ Турчанка. Дрожить-горить Степанъ и просить-молить ее задать ему что ни есть тяжкую службу, да божится-клянется, бѣдная голова, и родною Украинною, и вѣрою святою, и отцемъ матерью клянется, что за нее, за *бузувѣрку* Турчанку, все отдастъ: и животъ свой, и свою душу; что изъ за нее откажется отъ отца матери, отъ родины и отъ всего, что ни есть дорогаго человѣку на свѣтѣ.

«Погибалъ, пропадалъ казакъ!

«Отчего же вдругъ отшатнулся Степанъ? За чѣмъ пошевели его губы, померкли ясные очи?

«Не требуетъ Турчанка ни тяжелой службы, ни того не просить, чтобы отказался отъ своей Украинны и своихъ родичей; просить-молить она Степана, чтобъ изъ за любви къ ней, пошлунулъ, отрекся онъ отъ своей вѣры святой Христіанской!...

«Страшна была Степану рѣчь окаинной. Трясется онъ какъ листъ, и начинаетъ къ Турчанкѣ слово.

«Слушаетъ, блѣдитъ Турчанка и не вѣритъ слышанному: не совсѣмъ еще отступился Христосъ Спаситель отъ молодого казака; Степанъ не измѣняетъ святой вѣрѣ, и божится и творитъ присягу, что во вѣки вѣчные не оставитъ ее.

— Даю тебѣ три дня сроку, сказала она, и въ одинъ мигъ, будто и не бывала.

«Долго стоялъ Степанъ, будто оледѣнѣлъ на мѣстѣ. Очнулся, и въ страхѣ-боязни, то какъ въ огнѣ, то будто въ ледяной водѣ, бѣжалъ, трепеща, изъ саду.

«Вотъ онъ на скалѣ; припалъ къ ней головою; пылаетъ голова, пылаетъ земля подъ нимъ, а на душѣ бѣднаго такая темень, такая тоска, да боль лютая, будто змій сосетъ за самое сердце.

«Всталъ Степанъ по утру блѣдный-блѣдный, словно вышель изъ могилы. Идетъ на работу. — Вотъ онъ не далеко отъ окна бусурманки. Смутенъ, не смѣетъ поднять очей. Страшно ему, лишь вспомнить, чего домогается отъ него Турчанка. Долго работалъ Степанъ, самъ не смысля и не помня, что дѣлаетъ. Выпалъ онъ у самаго окна. Солнце показалось изъ-за дерева; — то обычный часъ, когда въ окнѣ являлась Турчанка. Не выдержалъ Степанъ, взглянулъ боязно въ окно, — пусто окно! Степанъ зашатался; смотреть часъ, другой, — не видать Турчанки!

«Прошелъ день, прошла ночь.

«На другое утро Степанъ снова у окна, опять ждетъ не дождется Турчанки.

«Мучится Степанъ не видя ея; вспоминаетъ слова окаинной и бѣсовскія слова уже нетакъ страшать его. А лукавый сатана, какъ тутъ! И вотъ онъ кажетъ Степану, какъ-бы на яву, не покрытое, невиданной красоты, лицо бусурманки, и шепчетъ въ самую душу: «во вѣки не увидишь ея.» Припоминаетъ, грѣшному, какъ она говорила ему про любовь свою, и шепчетъ снова въ душу: «не увидишь во вѣки вѣчные, коли не согласишься на мольбу ея.» Опять обомлѣлъ Степанъ отъ страху; но когда невидимыя очи бусурманки, дьявольскимъ навожденіемъ вдились къ нему въ самое сердце, Степанъ, грѣшникъ, снова забылъ про все на свѣтѣ!

«Настала и вторая ночь.

«Опять страшно вспомнить Степану, чего хочетъ отъ него Турчанка. Лежитъ онъ на скалѣ. Вотъ чудится ему, будто все,

что ни есть вокругъ него и надъ нимъ и подъ нимъ, все плачетъ-тоскуетъ по немъ, а сводъ небесный съ темнымъ мѣсяцемъ и померкшими звѣздами, все узится, узится надъ нимъ, словно хочетъ задавить его; вотъ совсѣмъ съузился; заблестѣли звѣзды острыя, какъ конья, и тѣнятся кругомъ его и страшно глядятъ ему въ очи.

«Вдругъ огненный змій прилетѣлъ не вѣсть какъ, не вѣсть откуда; обвился вокругъ стана казацкаго, и мчится бѣжить, улекая казака все выше, выше, дальше, дальше.... Видитъ Степанъ, что погибаетъ, что пропадаетъ на вѣки, что вдругъ чья-то не человѣчья рука, съ силою не человѣческою схватила его за плечи.

— Ни для кого въ свѣтѣ не оставлю! кричитъ казакъ, не своимъ голосомъ и какъ полоумный вскочилъ на ноги.

— Молчи, не кричи, проговорилъ голосъ надъ самымъ ухомъ Степана.

«Отчужденъ Степанъ, долго вслушивался и подъ конецъ только узналъ суровый голосъ старшаго брата.

— Слушай Степанъ, говорилъ старшій братъ, да крѣпко на сердце затверди каждое слово.... Вотъ такъ, говоритъ, и такъ, и то, и то.... Завтра у бусурманъ праздникъ; ночью мы убьемъ отсюда. Слышь Степанъ? прошепталъ старшій братъ, наклонясь къ самому уху меньшаго; — мы уже подкопали сарай, гдѣ насъ запираютъ ночью.... черезъ подкопъ и я къ тебѣ приду.

«Братъ скрылся, а бѣдный Степанъ охватилъ голову обѣими руками, словно боялся, что она распадется-разорвется на его казачьихъ плечахъ.»

II.

День, избранный плѣнниками для побѣга, былъ первый день байрама.

Съ закатомъ солнца началось шумное празднованіе. Турки и Татары предались всей неумѣренности въ вѣдѣ. По наступленіи ночи, таинственно появился и запрещенный Магометомъ напитокъ; заиграла нестройная турецкая музыка; Турки и Татары заширивали не на шутку, плясали до упаду, ѣли и пили, каждый за четверыхъ.

Не были забыты и плѣнники: передъ закатомъ солнца, для праздника, имъ щедрою рукою роздали огромные куски жареной баранины. За то заперли еще крѣпче, и поставили усиленную стражу, опасаясь, чтобы невольники не убѣжали, воспользовавшись шумомъ пиршества; но сторожевые Татары не захотѣли отстать отъ другихъ.

Между-тѣмъ плѣнники, чрезъ тайный подкопъ, по одному выползли изъ сарая. Не смотря на скудость ежедневной порціи, они, тайно отъ надзирателей своихъ, усилили прирывать отъ каждаго обѣда по нѣскольку горстей рyeу; съ этимъ бѣднымъ запасомъ и присланною въ праздничный день бараниною, они надѣялись достигнуть христіанскихъ селеній.

Безпечные сторожа, полагааясь на крѣпость заповровъ, тѣмъ и шли спокойно, въ полной увѣренности, что отверженное Аллахомъ племя спясть наповалъ, а между-тѣмъ изъ невольниковъ уже ни одного не оставалось въ сараѣ; всѣ они, съ надеждою на одного Бога, соблюдая всю возможную осторожность, пробравшись къ оградѣ, въ самое уединенное мѣсто сада.

Море шумѣло въ берегахъ. Порывистый вѣтеръ свисталъ въ ущельяхъ горъ. Ночь была мрачна, какъ могила.

На возвышеніи берега, приклонясь къ скалѣ отягченной головою, сидѣлъ Степанъ. Онъ не слышалъ ни шума волнъ, ни завываній бури: въ груди его свирѣпствовала буря еще болѣе ужасная.

Пожилая женщина не слышно приблизилась къ нему.

— Плѣнникъ! сказала она, взявъ за руку Степана.

Онъ торопливо приподнялся.

— Три дня прошли. Ханымъ * ждетъ тебя.

Степанъ съ отчаяніемъ потеръ пылавшій лобъ дрожащею рукою.

— Идемъ!

— Не можно!

— Не можно? воскликнула удивленная Татарка.

— Не можно!... Я... уже никогда не увижу ханымъ! — едва выговорилъ казакъ.

— Аллахъ керимъ! ты боленъ!.. ты плачешь?

— Слушай, продолжала Татарка, схвативъ руку Степана, — развѣ ты забылъ, какъ хороша моя ханымъ, какъ она любитъ тебя?...

Степанъ встрепенулся. Образъ прекрасной дѣвушки явился

* Госпожа.

вздрогавшей души его во всей силѣ своей чарующей красоты.

— Идемъ же!... нужно спѣшить....

И Татарка силою увлекла Степана.

Не поняв самъ себя, Степанъ шелъ за своею проводницею.

— Степанъ! произнесъ позади голосъ старшаго брата. Кто съ тобою?... Баба!

Татарка вскрикнула и бросилась бѣжать; но слабыя ноги изменили старухѣ; въ тотъ же мигъ рука Панааса тяжело пала на плечо ея и старуха, въ ужасѣ, словно приросла къ землѣ.

— Съ нимъ баба, слышишь Иванъ? продолжалъ Панаасъ, обращаясь къ среднему брату.

Это «слыши» произнесено было голосомъ столь мрачнымъ, что у Степана вздрогнуло сердце, а у Татарки подкосились ноги.

— Ого! — воскликнулъ, въ свою очередь, Иванъ, понявъ грозное слово брата, и съ быстротою молніи бросился на оробѣвшую Татарку; одинъ изъ братьевъ въ мигъ завязалъ ей ротъ ея же покрываломъ; другой, въ тоже время, не смотря на отчаянное сопротивленіе несчастной, связалъ ей ноги; потомъ, прежде чѣмъ Степанъ могъ произнести слово, руки Татарки были скручены назадъ.

— Братья! воскликнулъ въ себя Степанъ; что вы хотите дѣлать?

— Молчи! сказалъ старшій братъ, отталкивая Степана, и въ голосъ его слышалось что-то роковое, потрясшее всю внутренность брата.

— О, Бога ради! Не губите души!

— Молчи! вскрикнулъ Иванъ. Развѣ хочешь своей и нашей смерти?

Степанъ, въ отчаяніи, схватилъ Татарку за платье.

— Не мѣшай! закричалъ съ зѣвствомъ Панаасъ. Не то.... Ой, гляди Степанъ.

Могучею рукою онъ снова оттолкнулъ Степана, вырвалъ изъ рукъ его платье Татарки, напрасно силившейся освободиться. Несчастную раскатали въ воздухъ; еще минута и на бушевавшемъ морѣ едва означился слабый слѣдъ на томъ мѣстѣ, гдѣ изчезла бѣдная жертва.

— Идемъ, Степанъ! Баба ты, баба! говорилъ, съ укоромъ, Панаасъ.

Степанъ, не поняв себя отъ ужаса, бессознательно шелъ за старшими братьями.

Зная твердо расположеніе обширнаго саду, братья, не смотря на глубокой мракъ, вѣрно угадывали настоящую дорогу. Вотъ они въ самой глухой части сада.

— Слышь, Иванъ? спросилъ Панасть.

— За вѣтромъ ничего не услышишь!

Улучивъ мгновеніе, когда порывъ вѣтру сдѣлался слабѣе, Панасть свистнулъ, въ тотъ же мигъ, въ правой сторонѣ, послышался другой свистъ.

— Здѣсь.

И братья поспѣшно пошли къ тому мѣсту, откуда слышался отвѣтный свистъ.

— Гдѣ вы запропастились? спросилъ человекъ, стоявшій впереди всѣхъ.

— Нечего разспрашивать! къ дѣлу!

Двѣнадцать плѣнниковъ подошли къ высокой оградѣ; холщевая веревка съ узлами, приготовленная наканунѣ, брошена вверхъ. Она перелетѣла черезъ высокую ограду, зацѣпившись срединною за высокіе деревянные гвозди, которыми была убита вся вершина ограды. Бѣглецы, одинъ по одному, перебрались на другую сторону ограды, и когда послѣдній спустился внизъ, опросились, желая удостовѣриться, что все на лицо. Потомъ, помолясь Богу, безмолвно шли далѣе за провожатымъ, которому ближе извѣстенъ былъ выходъ въ степи.

Прошло болѣе часу. Уже и разсвѣтъ недалеко.

— Василь! спросилъ одинъ казакъ, шедшаго впереди, туда ли идемъ?

— Кажись туда; а можетъ и не туда! Богъ Святой знаетъ.

— Бѣда, если не попадемъ къ табуну. Пропашее дѣло.

— Богъ знаетъ, какъ оно будетъ. Одинъ Онъ все знаетъ! Молись крѣпче! Спасъ изъ неволи, спасетъ и отъ погони!

Новое молчаніе.

— Коли-бъ только не такой вѣтеръ, какъ разъ бы слышали гдѣ табунъ, сказалъ провожатый.

— Черезъ нѣсколько минутъ онъ припалъ къ землѣ; это было уже въ пятый разъ, по выходѣ изъ сада.

— Грицко, началъ онъ, дергая за шаравары близъ-стоящаго казака. А прилягъ и ты.

Грицко припалъ къ землѣ и внимательно сталъ прислушиваться.

— Кажись, будто топотъ на право.

— И мнѣ тоже кажется. Идемъ направо, братишкн. Да тише, какъ можно тише.

Провожатый чаще и чаще прикладывалъ ухо къ землѣ, и все болѣе удостовѣрялся, что табунъ недалеко. Наконецъ, не оставалось никакого сомнѣнія, что они близъ табуна. Тутъ бѣглецы раздѣлились на три части, чтобы зайти въ обходъ и разомъ напасть на сонныхъ табушниковъ.

Предпріятіе удалось, какъ нельзя успѣшнѣе; бѣглецы перевязали сонныхъ табушниковъ, овладѣли ихъ саблями; коймали лошадей, и съ восходомъ солнца были уже далеко въ степи. Крики кони мчались во весь духъ, не чувствуя усталости.

Къ полудню, опасаясь погони, бѣглецы рѣшились раздѣлиться на четыре части и каждая партія отиравилась по особому направленію. Они разсудили, что въ случаѣ преслѣдованія, вѣхавши порознь, гораздо удобнѣе уходить и укрываться, и если преслѣдователи, по несчастію, догонятъ однихъ, за то изъ остальныхъ кто-нибудь да избѣгнетъ новой неволи.

Три брата скакали вмѣстѣ; по случаю имъ достались изъ табуна лучшіе кони; часа черезъ два братья скрылись совершенно изъ глазъ прочихъ товарищей.

Къ вечеру они остановились отдохнуть. Старшіе вынули изъ широкихъ кармановъ по куску баранины и подѣлились ею съ меньшимъ братомъ, который ни чѣмъ не запасся въ дорогу.

Ночью братья скакали снова.

Разсвѣтало.

— Ты отстаешь, Степанъ! замѣтилъ старшій братъ.

— Конь хрипитъ, говоритъ съ тоскою Степанъ, давно уже замѣтить, что лошадь его съ трудомъ бѣжала за лошадиными братьями.

— Нечего дѣлать, поѣдемъ тише! сказалъ второй братъ.

Но и это не помогло. Молодой конь Степана, не привыкшій къ продолжительной скачкѣ, видимо изнемогалъ.

Братья рѣшились остановиться на отдыхъ; хотя каждый чувствовалъ, какъ необходимо спѣшить далѣе.

Лошади старшихъ братьевъ тотчасъ начали щипать траву; конь Степана печально повѣсилъ голову, стоялъ нетвердо; но времяемъ силится приподнять голову, но тотчасъ опускалъ ее; глаза его чашь отъ часу дѣлались мутнѣе.

Степанъ съ горестью глядѣлъ на изнеможенного коня; братья, закуривъ люльки, безмолвно переглядывались другъ съ другомъ.

— Степанъ! сказалъ старшій братъ. Конь твой тебѣ не подмога.

— Въ эту самую минуту, бѣдный конь потрясенулся и началъ за-
мертво.

— Видишь! моя правда, сказалъ старшій братъ.

Степанъ вспомнилъ о своей Турчанкѣ и еще горло стало на-
дувать бѣдылка.

— Богъ наказываетъ меня за любовь къ бусурманкѣ, сказалъ
онъ, почувствовавъ въ груди что-то скважее: се не выносимою
бѣдою.

— Выслушайте, братики родные, мою грѣшную повѣсть, и
даже Господь не приведетъ меня къ христіанской землѣ, помолитесь
о душѣ меньшаго брата вашего.

Слушая рассказы Степана о любви его къ Турчанкѣ, братья
дально покачивали головами. По окончаніи рассказа старшій братъ
сказалъ:

— Конь твой малъ. Вѣрно такъ Богу угодно! Ну, да бѣда еще
не совершилась велика. У насъ за то кара добрыхъ коней; они не
выдадутъ. Теперь вотъ что, Степанъ; мы съ Иваномъ будемъ вести
тебя даяла манеромъ. Такъ Иванъ?

— Емко бы не такъ.

— Такъ нора!

Братья сказали снова; только далеко уже не съ прежнею бы-
строю.

Степанъ ѣхалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ братомъ, но крѣпкіе
коня ихъ, отъ двойной тяжести и сильного зноя, замѣтно из-
немогали.

Видеть Степанъ, что онъ только конѣхъ братьямъ въ бѣдѣ-
дѣхъ, и что рано ли, поздно ли, коня не вынесутъ дальней до-
роги.

Утомленные коня бѣжали тихою рысью; день былъ удумленно
жарокъ; на раскаленномъ небѣ ни облака.

Старшій братъ, взглянувъ печально, сначала на безпредѣльную
стѣну, потомъ на ѣхавшаго съ нимъ Степана и не сказалъ ни
слова.

Солнце патилось къ западу, но жгучій воздухъ не дѣлался про-
хладѣе. Коня, подкрѣпивъ силы сухою тревою, лѣнливо продол-
жали ципать се.

Старшіе братья взглянули другъ на друга и въ одномъ изгладѣ

попытку выразились для каждого взаимными чувства. Тоска смала сердца ихъ; какъ бы не доверяя себѣ, они, въ этотъ роковой часъ, еще разъ переглянулись и взглядъ каждого выражалъ слово суровое: «Такъ!»

— Степанъ, началъ старшій братъ и въ голосъ его отзывалось непривычное чувство тщетно подавленной жалости.

— Ты видишь, мы все сдѣлали, что могли, Господь не благословляетъ бѣжать вѣсть.

У Степана замерло дыханіе отъ словъ брата.

— Съ тобою и мы погибнемъ и ты не спасешься!

Онъ говорилъ потупивъ голову.

Иванъ отвернулся и, задумавъ тяжкій вздохъ, смутно глядѣлъ въ степную даль.

— Мы только третій день въ пути, это, почитай, всё равно, будто я не начинали его; а взгляни на коней!...

Степанъ понялъ все и съ невыразимою тоскою устремилъ дикій взглядъ на братьевъ; но братья не смѣли глядѣть на него.

— Степанъ! ты знаешь, у меня есть жонка и дѣтки; у брата нашего оставлена невѣста....

Вѣрно ты согрѣшилъ передъ Господомъ, что Онъ посылаетъ намъ такую злую напасть! поминишь бусурманку?... Молись же Христу Спасителю и Онъ, Святый, проведетъ тебя чрезъ степи.

У Степана отнялся голосъ; онъ слышалъ и не понималъ словъ брата; голова бѣдняка занята была одною страшною мыслью, что онъ брошенъ братьями среди безмѣрныхъ степей, гдѣ угрожаетъ ему и дикій звѣрь, и зной, и голодъ, и жажда, и новый тяжкій штыкъ.

Безмолвно, подавленные горестью, оба брата прикоснулись къ изнеможеннымъ устами Степана и чрезъ минуту уже мчались по степи.

Съ дикимъ отчаяніемъ взглянулъ Степанъ на удалявшихся братьевъ и это самое отчаяніе придало ему сверхъ-естественныя силы. Стрѣлою пустился онъ за братьями.

И гонится онъ, — говоритъ бандурнестъ, голосомъ раздраженнымъ сердце, — и колетъ ноги о сухіе коренья, объ острые степные камни, и заливаешь слѣды свои кровью, и догоняешь старшихъ братьевъ, и хватая за отремена, обливаешь ихъ горькими слезами.

Братья бѣгутъ, не смѣя взглянуть на несчастнаго, уже отстающаго Степана.

— Охъ, братики, братики! воскликнулъ Степанъ, — хоть не много подождите, попасите своихъ коней.

Братья бѣгутъ.

— Братья, братья! Усталъ, не могу! хоть на одинъ часокъ примите на коня; хоть не много подвезите къ городу христіанскому.

Братья бѣгутъ и отворачаясь другъ отъ друга, глотаютъ падающія слезы.

— Прощайте же, на вѣки вѣчные! И Степанъ, остановясь въ изнеможеніи, вскрикнулъ голосомъ столь скорбнымъ, столь пронзительнымъ, что оба брата, вздрогнувъ отъ ужаса, остановились.

— Прошу васъ, говорилъ Степанъ, замирающимъ голосомъ, подвезите хоть немного къ городу христіанскому, чтобы я зналъ какъ идти къ отцу, къ матери; либо отрубите мнѣ голову казачкую и по-христіански предайте землѣ мое грѣшное тѣло... Пусть не доставается оно на *потраву* хищной птицѣ, да звѣрю лютому.

— Братнику мой родной! сказалъ Панасъ. Не поднимется на тебя братняя рука, не тронется сабля противъ брата роднаго.

— Господи! Господи! — едва внятно шепталъ Степанъ.

— Братнику, милый Степане! — сказалъ второй братъ, душа котораго отъ природы была мягче закаленной души старшаго брата.—Мы будемъ ѣхать терновниками и байраками, и станемъ оставлять тебѣ признаки по пути; они приведутъ тебя къ святой христіанской землѣ.

— Прощай! произнесъ Панасъ.

— Молись Господу,—сказалъ Иванъ, глядя въ истомѣ на полу-мертвaго Степана.

И снова помчались братья, махнувъ Степану, въ знакъ прощанья, руками.

Бѣдный, оставленный казакъ хотѣлъ бѣжать за ними; но силы измѣнили ему; истерзапныя ноги будто приросли къ землѣ. Степанъ безумными глазами глядѣлъ на удалявшихся братьевъ. Вотъ они все дальше, дальше; вотъ кони исчезли въ степной травѣ и только мелькаютъ въ дали шапки.

Степанъ все стоитъ, словно безумный, одинъ одинокъ онъ въ степи, какъ подстрѣленный соколъ среди бездоннаго моря.

— Господи, Господи! воскликнулъ онъ наконецъ, упавъ, съ рыданіемъ, на колѣни. Праведно ты наказуешь меня за мой тяжкій грѣхъ, за любовь къ бусурманкѣ.

Долго молился Степанъ, обливаясь горючими слезами; молитва

обмечла думу оставившаго несчастливца; онъ приподнялся на ноги. Глядитъ смутно въ ту сторону, куда поскакали братья; а въ нѣмъ слѣды простыль.

Вдвѣ передвигаея ноги, потушивъ голову, пошелъ Степанъ, слѣди бѣгъ братьевъ на свѣже изматой травѣ.

Бѣжали конные братья терновниками и байраками и отъ поры до поры оставили по пути вѣтви терновника, въ знаменіе меньшему брату.

Терновники кончилисъ; и снова отырылась предъ бѣглецами безграничная степь.

— Панасъ! сказалъ Иванъ старшему брату, не въ силахъ будущи скрыть отъ него свою горестъ. — Здѣсь и трава свѣжа, и вода чиста, и камышъ густъ; отдохнемъ, попасемъ коней; хоть не явесе подождомъ Степана.

Панасъ мрачно поглядѣлъ на Ивана.

— Братъ, продолжалъ Иванъ, тоска давить сердце, что ны покинулъ, средь голой степи, нашего родного меньшаго брата. Подождомъ его, Панасъ; придемъ къ себѣ на коня, подвеземъ конь немного къ городишъ христіанскимъ, чтобы зналъ онъ, бѣдный, куда путь его къ отцу и матерѣ.

Панасъ былъ тронутъ и ушыю качая головою, сказалъ:

— Братину, Иване, какъ станемъ поджидать Степана, такъ не позволю я имъ збавной погонѣ; и настигнутъ насъ бусуриани и на коняхъ разнесутъ позанкиа молодечкиа тѣла; либо забросятъ еще въ кудшумъ неволью. Степана же нигъ не найдти въ байракахъ и терновникахъ... Видимъ ли, Иване, оставиши не поможемъ Степану, а толмкъ себи загропастишь наврасно.

Иванъ не отвѣчалъ. Онъ немъ одинъ настанъ, захваченный у Ташаръ, въ ночь бѣгства; — онъ не махветъ шотана, срышисть съ него жемты и черныи суурни и скача по степи, бросаетъ въ по пути въ знаменіе младшему брату.

Гдѣ же горемычный Степанъ? что станеть съ нимъ по разлуки съ братьями?

Одинъ, съ тѣмъ тоскою, бредеть онъ среди знойной степи. Настала ночь, первая, до разлуки съ братьями; — Степанъ все идетъ, да идетъ; наконецъ усталость превозмогла: обезсиленный, почти безъ памяти уналь онъ на траву.

Разсвѣтало. Свѣжость утра привела въ чувство Степана. Онъ юталъ, горестно поглядѣвъ вокругъ — всторонѣ зачернили терновники. Степанъ вдругъ вспомнилъ слова братьевъ и, собравъ

всѣ силы, посильнѣе пошелъ къ терновникамъ. Войдя въ нихъ, онъ видитъ свѣже-изломанную вѣтку и снова вспомнилъ онъ слова средняго брата, что на пути, братья будутъ оставлять знамена, куда идти ему. Степанъ съ жаромъ схватилъ колючую вѣтку и, обливаясь горючими слезами, цѣловалъ ее, какъ драгоценный даръ старшихъ братьевъ. Доброе сердце Степана не могло помнить зла: онъ забылъ уже, какъ безжалостно брошены братья среди нескончаемой пустыни; терновая вѣтка говорила ему, что братья думаютъ и заботятся о немъ, и Степанъ еще горячѣе любилъ братьевъ, вѣря твердо, что самъ Господь наказуетъ его столь тяжкимъ испытаніемъ за его нескучимый грѣхъ, — за любовь къ бусурманкѣ, требовавшей отъ него вѣроотступничества. Отойдя нѣсколько, Степанъ снова нашелъ такую же вѣтку и снова цѣловалъ и обливалъ ее жаркими слезами: сорванныя вѣтки замѣнили ему теперь все на свѣтѣ, онъ съ жадностью искалъ ихъ по пути; найдя прижималъ къ сердцу, и мнилось Степану, будто каждая вѣтка живетъ душою родныхъ братьевъ.

И ожило сердце Степана надеждою. Онъ видѣлъ, какъ братья помнили, заботились о немъ; мысль о нихъ придавала ему и силу и бодрость. Иногда, невольно, приходила ему на память красавица Турчанка. Степанъ вздрагивалъ, крестился и молился; воспоминаніе Турчанки казалось ему дѣломъ врага Христева.

Степанъ, опасаясь погони, часто осматривался назадъ и по сторонамъ; другой день уже шелъ онъ терновниками и байраками.

Однажды, оглянувшись назадъ, ему показалось, будто по веру зеленыхъ кустарниковъ мелькаютъ черныя пятна. Степанъ не безъ страху всматривается въ даль; въ-самомъ дѣлѣ, онъ не обманывается: замѣченныя имъ пятна увеличивались все больше и, мелкая, казалось быстро плыли къ нему поверху кустарниковъ. Согнувшись въ дугу, Степанъ, почти ползкомъ, бросился съ средину терновниковъ, тщательно подымалъ за собою слегка измятую траву. Укрывшись въ самую густую чашу, онъ съ трепетомъ услышалъ подземный гулъ. Привычный слухъ удостовѣрилъ его, что гулъ этотъ происходилъ отъ быстрого лошадиного бѣгу.

Степанъ лежитъ въ кустахъ ни живъ ни мертвъ. Какъ ни утѣрялъ онъ себя, что поднятая трава не могла навести на его слѣды опытнаго врага, но тѣмъ ближе становился гулъ, тѣмъ болѣе въ глазахъ Степана возрастала опасность.

Тонотъ лошадей слышался уже явственнѣе, вотъ Степану кажется, будто скакавшіе вдругъ приостановились.

«Такъ, такъ! думалъ въ сильномъ страхѣ Степанъ: они потеряли вдругъ свѣжій слѣдъ мой; станутъ искать; не найдутъ и будутъ обыскивать всѣ кусты. Пропала бѣдная голова!

Страхъ Степана былъ не напрасенъ: азовская погоня вѣрно пошла на дорогу трехъ братьевъ; въ терновникахъ, опытный глазъ передоваго Татарина вѣрно слѣдилъ траву, измятую лошадями братьевъ и Степаномъ. Татаринъ съ радостью видѣлъ, что слѣдъ на травѣ становился свѣжѣе и свѣжѣе; отъ него не могло укрыться также, что въ томъ мѣстѣ, откуда Степанъ, заидя въ погоню, скрылся, — слѣдъ сдѣлался вдругъ менѣе явственъ.

По знаку передоваго, погоня остановилась; Татары, сойдя съ лошадей, тщательно осмотрѣли всѣ ближайшіе кусты, прастально всматривались въ траву: вѣтъ ли слѣда на ней; осторожность Степана спасла его. Черезъ вѣскольке минутъ, онъ съ радостью услышалъ, что Татары вновь поскакали. Но радость эта была мгновенною, мысль объ опасности братьевъ мучительно жала сердце Степана.

— Татары поймаютъ ихъ... братья погябнутъ! почти вскричалъ онъ, схвативъ себя за голову.

Выждавъ, когда гулъ затихъ совершенно, Степанъ вновь бросился впередъ. Наступившая ночь и усталость принудили его остановиться.

«Господи, Боже Праведный!» думалъ онъ съ глубокимъ сокрушеніемъ, — хоть бы ночь отвела Татаръ отъ пути бѣдныхъ братьевъ моихъ!

Много дней, много ночей шелъ Степанъ глухою степью. Радостно слѣдилъ онъ впередъ; ему казалось, что Татары въ-самомъ-дѣлѣ потеряли слѣдъ бѣглецовъ; — терновыя вѣтви онъ нигде не безпрерывно и по прежнему встрѣчалъ каждую, будто она несла ему вѣсть отъ родныхъ братьевъ.

Терновники и байраки кончились. Передъ Степаномъ открылась необозримая, разгульная степь. Вдругъ онъ съ ужасомъ увидѣлъ желтый суурокъ отъ каѣтана средняго брата; пройдя еще, онъ встрѣчаетъ черныи сууръ.

Степанъ, сплеснувъ обвини руками, схватилъ суурки.

— Подаромъ суурки Ивана розкиданы по дорогѣ; — воскликнулъ онъ. Погоня настигла братьевъ, она изрубилъ ихъ въ куски....

— Когда бъ мнѣ Богъ помогъ хоть тѣло ихъ мертвое найти въ

степи; могъ бы я тѣло ихъ козацкое схоронить въ сырой землѣ; не отдавъ бы его на поправу звѣрямъ и птицамъ.

Идя далѣе, онъ снова находить такіе же сууры.

— Нѣтъ больше на свѣтѣ моихъ родныхъ братьевъ! — говорилъ бѣдный Степанъ; но опавшіе глаза были сухи: онъ вытекалъ о братьяхъ всѣ свои слезы.

— За чѣмъ же мнѣ бѣжать?... За кѣмъ гваться теперь? Пора дать отдыхъ моимъ козацкимъ ногамъ. Уму и я въ безлюдной степи!!! Земля, христіанская земля! Уже мнѣ не видать твоихъ городовъ, да храмовъ Божьихъ. Ни сѣлаго отца, ни старой матери, никого не видать!

Степанъ остановился; жгучая, горькая истома давила ему грудь.... руки опустились въ изнеможеніи; — но неодоливая сила снова влекла его впередъ.

Идетъ Степанъ, но уже нѣтъ въ немъ прежней бодрости: увѣренность въ гибели братьевъ убила его силы.

Небольшой съѣстной запасъ, оставленный братьями, весь истощился; а далеко еще христіанскіе города! Широко, нескончаемой равниной стелется во всѣ стороны предъ унылымъ казкомъ безлюдная степь, и страшна ему безвѣрная пустыня! Изрѣдка, по сѣдымъ вершинамъ ковыля, промчится перекати-поле, или не вѣсть гдѣ въ отдаленіи, прокричитъ дикая птица, и снова все тихо, безжизненно въ знойной пустынѣ!

Палашее солнце жжетъ обнаженную голову казака; раскаленный воздухъ охватываетъ лицо.

Голодъ и жажда мучать его; сорванный вѣтеръ будитъ надежду на изнуреннаго, сшибаетъ съ ногъ бѣднаго Степана....

Онъ изнемогалъ; отяжелѣвшая голова склонилась къ груди; губы запеклись отъ жажды и жара.

«Хоть бы каплю воды! — думалъ Степанъ, терзаемый жаждою.»

Онъ съ трудомъ приподнялъ голову, вдругъ остановился, какъ вкопанный и радостно вскрикнулъ. Мутные глаза его жаждо впились въ отдаленность: передъ нимъ, на краю горизонта, высовалось цѣлое море и среди его темнѣла вершина, допотопъ, она таинственно колебалась вѣстѣ съ блестящими волнами.

Собравъ остатокъ силъ, Степанъ, перовыми шагами, сидеть къ городу, къ водѣ; онъ не разсуждаетъ: христіанскій, или бу- сурманскій городъ; въ головѣ у него одно: утолить невыносимую жажду, и за одинъ глотокъ воды онъ радостно отдастъ бы свою бѣдную жизнь. Бѣжить Степанъ, задыхаясь пошнупто; а

море словно приросло къ поднебесью и все уходитъ въ даль; а солнце жжетъ, вѣтеръ свистеть. Степанъ не имѣетъ силъ отереть потъ съ лица; бѣжить; не сводя глазъ съ отдаленнаго моря; остановится перевести дыханіе и снова бѣжить.

Вотъ солнце скрылось въ мимолетномъ облакѣ; вдругъ море исчезло; Степанъ съ ужасомъ остановился, всматривается и снова, радостнымъ голосомъ произноситъ:

«Городъ есть; городъ тамъ! а въ городѣ и вода и все!

Степанъ, шатаясь, чуть передвигая ноги, бредетъ къ городу.

Но фантастическій образъ домовъ началъ мало-по-малу измѣняться, исчезать; на мѣсто ихъ, тамъ-сямъ, затемнѣли высокія могилы.

Степанъ дико взглянулъ на нихъ; изъ груди несчастнаго вырвался глухой, болѣзненный стонъ.

Вдругъ надъ головою его закаркалъ черный воронъ; въ то же время, въ сторонѣ, прыгая по травѣ,— трижды по три раза жалобно прокричала кукушка.

«Воронъ—воронъ!» прошпенталъ Степанъ, охъ знаю, что ты вѣщуешь! Вѣщуешь ты мнѣ близкій конецъ!

Печальный голосъ кукушки смутно обновилъ въ головѣ Степана всѣ воспоминавія, всѣ повѣрья Украинцевъ о бездомной, вѣщей птицѣ. Онъ зналъ, что и ея крикъ предрекаетъ бѣду неминуемую; но печальный голосъ кукушки выжалъ слезы изъ глазъ казака.

— Зозуленька, * сестра моя! ты чуешь гибель мою; прилетѣла ты изъ далекой стороны и плачешь тужишь о ранней кончинѣ твоего брата козака!

Степанъ у могилы. Съ тоскою глядитъ онъ на высокую ея вершину; онъ увѣренъ, что съ нея видна уже христіанская земля; пытается взойти, но ослабѣвшія ноги, скользя по сухой травѣ, не всходятъ на могилу.

«Тамъ и умереть готовъ! думалъ съ отчаяніемъ Степанъ; — а не взойду!»

Надъ головою Степана съ шумомъ пронесся орелъ и сѣлъ на самой вершинѣ могилы.

— Орелъ, сизый орелъ! Возьми на широкія крылья свои твоего брата-козака, взнеси на могилу, дай ему, въ тяжкій смертный часъ, хоть одинъ разъ взглянуть на святой христіанскій городъ!

* Зозуля — кукушка

Но орелъ сидѣлъ неподвижно. И не взойти казаку на высокую могилу, и уже во вѣки вѣчные не видать святой христіанской земли!

Поникъ головою Степанъ и въ безсиліи припалъ къ травѣ. Еще жалобитѣ затужила надъ нимъ кукушка.

Отяжелѣвшіе вѣки Степана сомкнулись и чудится ему: предъ нимъ роскошный садъ; въ благоухающемъ воздухѣ сладостно поютъ райскія птицы; снѣдые, сочные плоды висятъ надъ его головою; онъ хотеть поднять руку, сорвать плодъ и утолить нѣголодъ и палашую жажду; но непослушна изнеможенная рука!

Вдругъ, среди сада, является Турчанка, — красавица ханымы; она глядитъ на молодого казака все тѣмъ же стремительнымъ, чарующимъ взглядомъ; она говоритъ ему своимъ сребристымъ, обаятельнымъ голосомъ:

— Гляди казакъ! тутъ рай моего Бога; помолнись ему, и будешь всему здѣсь господинъ; все, что видишь, будетъ твое и я на всѣ вѣки буду твоею.... Казакъ, казакъ! Тебя бросили звѣрямъ, дикимъ птицамъ братья родные; тебя оставилъ твой Богъ, можешь ли любить Его, когда Онъ тебя оставилъ?

И Степанъ, качая головою, тихо отвѣчаетъ Турчанкѣ:

— Не хочу твоего рая, не оставлю Бога моего, не поклонюсь твоему. Не заколдуешь меня твоею сладкою рѣчью, твоими черными очами. За очи твои, да за грѣшную любовь къ тебѣ, невѣрной бусурманкѣ, и Господь отъ меня отступился.... И сбили меня съ ногъ буйные вѣтры, истощили голодъ и безводье степное.... Слышь? зозуля кричитъ! Она плачетъ-тужитъ о смерти казака! Слышь? надъ головою каркнулъ воронъ! чуетъ онъ, злой воронъ, свѣжую добычу; хотеть напиться моей козацкой крови, хотеть истерзать мое козацкое тѣло....

Турчанка, поблѣднѣвъ, уныло качаетъ головою.

И чувствуетъ Степанъ (это уже не мечта),—надъ нимъ повѣялъ свѣжій воздухъ; и вотъ что-то тяжелое опустилось ему на правое плечо.

Онъ съ трудомъ открываетъ тусклые глаза: на плечѣ, махая крыломъ, сидитъ черный орелъ и жадно глядитъ ему въ козацкія очи.

Воронъ каркалъ, вертѣсь и прыгая по стени; на могилѣ, на мѣстѣ орла, печально куковала кукушка.

И въ страшиномъ, предсмертномъ томленіи, взмолился казакъ къ ору:

— Черный орелъ, не милый, не любый гость мой! Постой

хоть мало пенного; не вызывай козацкихъ очей! дай душѣ христіанской разлутиться съ тѣломъ и тогда влетай на трупъ, вызывая мои очи.

Встреонулся орелъ, слышавъ голосъ казака и снова взлетѣлъ на высоту.

— Спасителю Господи! Сподоби принять въ рай мою грѣшную душу!

Казакъ вздохнулъ тяжело, горько вздохнулъ. Еще разъ окинулъ печальную степь померкшими очами, взглянулъ на небо.... Не стало казака!

И начали слетаться отовсюду вороны и мелкія птицы, гогорили бандурнеть вѣщимъ голосомъ, слетались в зозули, и садясь въ головахъ у бѣднаго казака и ковали - горевали будто сестры родныя!

«Сбѣгались и сѣрые волки, и разносили желтыя кости по тернамъ и байракамъ и жалобно выли-завывали.»

«То всѣ они отправляли похороны козаку молодому....»

Старикъ замолъ, подавленный глубокою тоскою.

Старшіе братья приближались къ городамъ христіанскимъ и налегла на нихъ тяжкая грусть.

— Братъ! началъ средній, недаромъ тяжкая кручина давить сердце: вѣрно уже нѣтъ на свѣтѣ нашего младшаго брата! И когда прійдемъ къ отцу, къ матери, в будутъ насъ распрашивать о Степанѣ, что станемъ говорить имъ? Скажи, старшій братъ родной!

— Скажемъ, что мы были въ неволѣ у другаго Турка.... и бѣжали изъ неволи ночью порою....

— Братнику, нѣтъ!... коли не скажемъ правды, покараетъ насъ молитва отца и матери!

— Тамъ скажемъ, что скажемъ! угрюмо отвѣчалъ старшій братъ, махнувъ рукою.

И вотъ братья проѣзжаютъ города христіанскіе и крестятся ка святыя храмы, и молятся Богу. Вотъ и родное село; вотъ бывшая дѣдовская хата среди вѣшневаго сада.

Сидяще забилось сердце братьевъ.

Кого-то приведетъ Господь видѣть? думаетъ каждый, вѣщая на дворъ.

Форточка окна быстро отворилась; въ нее выскочило лицо блѣднѣй, краснѣй Украинки. Увидѣвъ прїѣзжихъ, она издрогнулась, помертвѣла.

— Панасъ, Панасъ мой! воскликнула она, съ гронниимъ влечемъ, и прежде чѣмъ Цапасъ, соскочивъ съ коня, успѣлъ подойти къ избѣ, — молодая жена его, въ безшамлетатѣхъ, бросилась къ нему на шею.

Вслѣдъ за нею, торопливо выбѣжала старуха мать. Увида выношей, она горько зарыдала. Радость свиданія соединена была съ столь тяжкимъ воспоминаніемъ разлуки, что старуха утопала въ горячихъ слезахъ, обнимая съ жаромъ то того, то другаго сына.

— А Степанъ! Степанъ гдѣ? воскликнула она, осматриваясь со страхомъ.

— И онъ скоро будетъ! — сказалъ Иванъ, ласкаясь къ матери.

Степанъ былъ любимый сынъ ея.

— Охъ, Иване! ты обманываешь...

Голосъ старухи задушили новыя рыданія.

— Не обманываю, мамо, Богомъ божусь: мы бѣжали вмѣстѣ; да его конь палъ.

— А вы такъ и бросили роднаго брата? воскликнула старуха, всплеснувъ руками.

Братья поблѣнѣли.

— Не бросили, мамо, вотъ послушай...

— Сыны мои, соколы мои! — кричалъ старый отецъ, появившись вдругъ изъ сада.

Лицо старика орошалось сладкими слезами.

— Господь милосердный услышалъ нашу грѣшную молитву. Гдѣ же меньшой? Развѣ его нѣтъ съ вами? продолжалъ старикъ съ безпокойствомъ.

— Тотчасъ все расскажемъ! сказалъ средній братъ.

— А вотъ, Панасъ, сынки твои, говорила молодая казачка, выводя изъ избы двухъ мальчиковъ и, трепеща отъ избытка радости, глядѣла съ нѣжностью въ глаза мужа.

— Ого! такъ повзросли. Онъ съ горячностью поцаловалъ мальчюкъ.

— Добрые будутъ козакъ, ей Богу же такъ! продолжалъ Панасъ, любуясь красивыми мальчиками, которые съ болезнью глядѣли на длинноусаго, незнакомаго человѣка.

— Иванъ! сказала мать, говори же, что Степанъ? гдѣ онъ? гдѣ вы чинили бѣднаго Степанка моего?

Иванъ разсказалъ, какъ палъ конь Степана, какъ они поперѣнице везли брата на коняхъ своихъ; какъ привезли къ христіанскимъ городамъ (Иванъ говорилъ это записываясь), откуда Степанъ пошелъ уже пѣшкомъ, а они поспѣшили обрадовать скорѣе своихъ.

Старуха нѣсколько успокоилась.

— А ты, Иванъ, и не спросишь о своей Ганнѣ? замѣтила жена Панаса.

Иванъ давно желалъ спросить о своей невѣстѣ и не смѣлъ, опасаясь услышать что-нибудь горькое.

— А развѣ Ганна еще не забыла Ивана? сказалъ онъ съ тайною боязнью.

— Ганна забыла? Да развѣ можно забыть такого козака? отвѣчала мать, любуясь, съ гордостью, мужественною красотой сына.

— Итосковалась, изсохла по тебѣ! уже сколько было всякихъ жениховъ, что-же? и слышать не хотѣла...

Иванъ ожилъ.

Вѣсть о возвращеніи братьевъ быстро обѣжала все село. И близкіе и дальніе толпою спѣшили къ счастливой семьѣ.

Ганна едва не умерла отъ радости, узнавъ о возвращеніи Ивана; она летѣла бы къ своему Ивану, но дѣвичій стыдъ удерживалъ порывъ сердца, трепетавшаго отъ избытка радости.

Послѣ взаимныхъ объятій, восклицаній, поцѣлуевъ,— всѣ приступили къ братьямъ-бѣглецамъ, съ просьбами разсказать, что было съ ними во время плѣна.

— Разсказывай ты, Панасъ, сказалъ средній братъ, а я тѣмъ часомъ сбѣгаю, навѣщу Трохима.

Трохимъ былъ отецъ Ганны.

— Ужъ такой, тамъ тебѣ и Трохимъ! замѣтила съ усмѣшкою мать,— Трохимъ у тебя и на умѣ!

— Охъ, колибъ то и Степанъ пріѣхалъ скорѣе!— подумала старуха и добродушное лицо ея снова омрачилось горестью.

Панасъ началъ:

— Мы всѣ три брата работали на самарскихъ плавняхъ.

Лѣто было на исходѣ; заработокъ достался намъ знатный. «То-то думали мы, обрадуемъ нашихъ. Думали такъ, вышло иначе!»

Разъ, ночью, спимъ мы, какъ убитые, послѣ тяжкаго труда; насъ было человекъ тридцать; а тутъ какъ загудитъ, словно земля заходила; очнулись мы, вскочили, какъ полоумные; не успѣли продрать глазъ,—а уже вражья татарская сила окружила насъ, сбила съ ногъ и перевязала назадъ руки.

«Къ разсвѣту мы были далеко въ степяхъ, и гнали насъ, будто какую скотину, понукая нагайками. Три дня и три ночи бѣжали мы въ глубину степи, намъ едва-едва давали отдохнуть; многіе тутъ же и пали; насъ всѣхъ трехъ помилосвалъ Господь.

«На четвертый день, вечеромъ, привгнали насъ въ широкую, да длинную лощину; тутъ были уже другіе Татары, съ многими множествомъ плѣнниковъ и всякой добычи.

«Съ гикомъ, да крикомъ встрѣтили Татары насъ и своихъ товарищей. Начался шумъ, возня, брань, бѣготня. Дѣти плачутъ, скотъ реветъ. Къ разсвѣту все угомонилось, заснуло.

«Проснулись Татары.... Снова шумъ и крикъ. Начался дѣлать добычи: первѣе напервѣе принялись за людей; — плѣнные, кромѣ насъ человекъ до двадцати, всѣ были Поляки, да Полячки. Одному Татарину достался мужъ, другому жена, третьему сынъ ихъ, либо дочь.... И насъ троихъ тоже разлучили!...»

Разсказчикъ внезапно остановился. Ему живо представилась ужасная картина дѣлежа и плачь меньшаго брата, несчастнаго Степана, когда онъ узналъ, что его разлучаютъ съ братьями. И вдругъ Степанъ живьемъ предсталъ предъ нимъ, блѣдный, изнуренный, покінутый братьями въ степи.

Глаза разсказчика дико блуждали, сердце будто льдомъ вдругъ обложило.

— Что же дальше, Панась? сказалъ одинъ изъ слушателей.

— Дальше?—спросилъ опомнившійся Панась, и потирая сильно лобъ, будто стараясь изгнать изъ головы тяжелыя воспоминанія.

— А что бишь я говорилъ?

— Начали дѣлить людей.

— Да! произнесъ Панась, и снова на минуту замолкъ, словно собираясь съ силами;—одному Татарину достался мужъ, другому жена, третьему дочь ихъ, либо сынъ. Вотъ, тутъ-то было страсти! Начался плачь, вой, — плѣнницы ломаютъ руки, просятъ,

да молить : одна — не разлучать съ мужемъ, другая — съ дочкою, третья — съ сыномъ; мало-ль о чемъ просили! и все жонки; мужчины, связанные веревками и ремнями, всѣ, ни-гу-гу.

«Вотъ жонки и дѣвки просить, да молить, а Татары хохочутъ, да колотятъ ихъ, чтобъ кричать перестали.

«Поднялась гульба и тутъ зачалось такое, что при васъ, паняматки, и говорить не приходится.

«Долго бушевали Татары; напоследокъ угомонились; — вотъ все тише, тише; только всю ночь не замолкала плачь и стоны Полеки.

«Черезъ два дня погнали насъ снова.

«Въ Крыму насъ вывели на базаръ. Милосердый Господь вѣрно сжалился надъ нашими молитвами, что насъ тронхъ и еще пять козаковъ, изъ нашихъ же товарищей, купилъ азовскій Турка.»

Остальныя подробности разказа Панаса уже извѣстны.

Проходили дни за днями; миновали двѣ-три недѣли, миновалъ и мѣсяцъ, а Степана все нѣтъ, — нѣтъ о немъ и слуху. Загоревала старуха мать о своемъ любимцѣ; загрустилъ отецъ; на сердцѣ у братьевъ часть отъ часу становилось тяжелѣе.

Жена со страхомъ стала замѣчать, что Панасъ ея съ каждымъ днемъ дѣлается суровѣе; не ласковъ съ нею; часто не слышитъ о чемъ она спрашиваетъ, что говорить; едва замѣчаетъ дѣтей, которыя со всѣмъ дѣтскимъ влеченіемъ привязались къ отцу, и съ любовью глядѣли ему въ глаза.

И затосковала, загоревала бѣдная жена!

Къ свадьбѣ Ивана сдѣланы всѣ приготовленія; ждали только возвращенія Степана; а тамъ бы и пиръ и веселье; но Степана нѣтъ. Женихъ угрюмъ, печаленъ; уже нѣсколько дней вовсе не заводитъ рѣчи о свадьбѣ и не говоритъ своей коханкѣ, какъ горячо любить ее.

И затосковало, загоревало сердце бѣдной невѣсты!

Прошло еще нѣсколько дней. Наконецъ положеніе братьевъ сдѣлалось столь мучительнымъ, что они уже не въ состояніи бы-

ли выносить его. По собственнымъ чувствамъ каждый изъ нихъ ясно понималъ, что чувствовалъ другой.

До сихъ поръ они не только избѣгали разговора о бѣдномъ, избитомъ братѣ, дажѣ не смѣли смотрѣть другъ на друга; но вотъ, подъ могучимъ вліяніемъ одного и того же чувства, братья встрѣтились въ саду.

— Иванъ! — сказалъ Панасъ какъ-то отрывисто и дико.

— Что? — отвѣчалъ Иванъ, не подымая глазъ.

— Все нѣтъ!

Вмѣсто отвѣта Иванъ подымавъ на брата мутные глаза и горестно покачалъ головою.

Нѣсколько мгновеній продолжалась безмолвная сцена.

— Такъ-такъ? — произнесъ Панасъ рѣшительнымъ голосомъ.

— Такъ! поблѣдѣвъ отвѣчалъ Иванъ, словно читая въ глазахъ брата недоговоренную рѣчь.

— Сегодня? Да?

Иванъ утвердительно кивнулъ головою.

— Смотри же, — вечеромъ иди къ своей Ганвѣ, будто ни въ чемъ не бывалъ. Въ полночь услышишь тройной свистъ, — то буду я; выходи на свистъ; коня твоего приведу съ собою.

Жена Панааса весь день замѣчала, что мужъ совсѣмъ измѣнился; онъ уже не суровъ, не угрюмъ; онъ ласкаетъ ее; целуетъ и ласкаетъ дѣтей; любитъ ея — не влюбляется. Обрадовалась Маруся, да не надолго: мнитъ ей, будто въ ласкѣ Панааса скрыто что-то тяжелое, горькое; что онъ хочетъ что-то сказать ей, да не можетъ; начнетъ и не докончивъ рѣчи, взглянетъ на нее такъ пристально, такъ сердечно, в потомъ быстро опуститъ глаза.

Цѣлый день сама не своя Маруся.

Ночь. Панаасъ, ложась спать и не замѣчая, что жена слѣдитъ украдкою за каждымъ движеніемъ его, какъ-то особенно перекрестилъ и поцаловалъ спящихъ дѣтей; какъ-то особенно взглянулъ на иконы, на отца и на мать, потомъ на жену, потомъ еще разъ на иконы и снова на жену. Обмерло сердце Маруси отъ этого взгляда.

Панаасъ вскорѣ притворился спящимъ; но тайное чувство говорило женѣ, что онъ не спалъ; изрѣдка слышала Маруся полузатаенный вздохъ мужа, и Маруся, томясь и страдая, едва въ силахъ задушить рыданіе.

Въ полночь Панаасъ тихо всталъ съ прѣлавка; тихо отворилъ

дверь; казалось, на шагъ остановилась на дорогѣ и вздохнувъ, тихо затворила дверь. Маруся въ ужасѣ вскочила съ постели.

Панасъ вошелъ въ сарай, гдѣ, подлѣ вѣчеръ, все уже пригото-вилъ въ дальнюю дорогу; и осѣдлала двухъ коней; потомъ, горючо помолился, глядя на бывшую въ тебѣотѣ избу; вскочила на коня и тихо ѣхалъ черезъ небольшой дворъ, оглядываясь нѣмноту на бывшую хату.

— Панасъ! вскричала съ плачемъ Маруся, схвативъ за узду коня.

Панасъ смутился.

— Ты покидаешь меня, Панасъ! — продолжала она стона.

— Марусю! Такъ Господь велитъ. Для тебя и дѣтей оставилъ я въ безводной степи меньшаго брата; Господь накажетъ насъ, коли мы, съ Иваномъ, не поѣдемъ, не отыщемъ его и не продадимъ землю къ отцу къ матери.

— Охъ, Панасъ, Панасъ!

— Не плачь Марусенька! говорилъ мужъ, освобождая изъ рукъ жены конскія поводья, за которыя схватилась она съ неостаточ-венною силою. Молись Богу, какъ разъ вернешь!... И уже во шки не разстанусь. Прощай же, береги дѣтокъ нашихъ, и старую мать мою, и старика отца береги.... Прощай!

— Ты уже не любишь меня, какъ прежде любилъ, говорила Ивану его невѣста, едва скрывая слезы.

— Люблю, Ганна; во сто разъ, къ тысяду-тысячъ разъ больше люблю. Да отъ того-то, сердце мое, что такъ крѣпко люблю, оттого и кручина такая.

— Нѣтъ не то, Иванъ.

— То, моя Ганна!

Въ подобныя разговоры время шло до полупоча; Ганна то вѣрила божьѣ и клятвѣ своего Ивана, что онъ любить ее, крѣпко любить и ждетъ не дождется дня свадьбы; то чуть не плакала, замѣчая, какъ Иванъ вдругъ отшатнется отъ нея и долго молчать, не трогаясь съ мѣста.

Протѣли полночные вѣтухи; Иванъ встрепенулся и съ необыкновенною силою прижалъ къ груди свою невѣсту.

— Иванъ! съ трудомъ произнесла Ганна, томимая страшнымъ, неопредѣленнымъ предчувствіемъ.

— Свистъ! — воскликнула она, — Еще.... Еще! Охъ, Иванъ, какой свистъ! будто въ сердце змѣя укусила....

— Ганна! Прощай!

Иванъ съ жаромъ поцаловалъ Ганну. Дѣвушка съ ужасомъ почувствовала на щекѣ своей горячую слезу жениха.

— Прощай, Ганна!

— Охъ, Иванъ, какъ тяжело прощаешься ты!... Вѣдь завтра будешь? не правда ли?

— Завтра? — произнесъ Иванъ, будучи не въ силахъ скрывать болѣе скорби, подавлявшую его. — Нѣтъ, Ганна, не жди ни завтра, ни послѣ-завтра не жди.... Долго, долго ты будешь ждать Ивана!

— Мнѣ страшно, Иванъ, говорила Ганна, замирающимъ голосомъ. Ты покидаешь меня....

— Господь велитъ! Буду съ Панасомъ искать меньшаго брата. Мы бросимъ его одиниъ-одного, среди безводной стѣны.... Что, коли онъ погибъ чрезъ насъ? Охъ, Ганна, тяжело, *важно* на сердцѣ Ивана!

Ганна, въ отчаяніи, припала къ груди жениха.

— Когда жъ вернешься; скажи Иванъ?

— Когда? — повторилъ Иванъ раздражающимъ голосомъ.

Въ груди его, словно говорилъ кто, что никогда уже онъ не увидитъ своей Ганны, и проникнутый этимъ чувствомъ, не владея собою, — Иванъ продолжалъ мрачно:

Возьми, Ганно, пискѹ въ жиѣню, 4
Носиѣ его на канѣню;

Приходи, сердце, зоренькѣми,
Полывай его слѣзонькѣми;

Якъ той псебѣкъ въ гору вѣйде,
Тоди Иванъ до тебе прѣйде!!!

— Иванъ! Иванъ! говорила Ганна, не владея собою.

Та принесе мене не мѣй
воронѣй,

Та принесё кон кости
внтеръ буйный!

.....

— Иванъ! вскрикнула Ганна съ дикимъ воплемъ.
Но Иванъ уже мчался подлѣ брата на быстрого воронкѣ.

Долго ѣхали братья; много миновали христіанскихъ городовъ и селъ, а нигдѣ не встрѣчали брата; разспрашивали о немъ по всѣмъ мѣстамъ, никто не видалъ. Вотъ стени, и братья утонули въ безднрной ихъ пустынѣ.

Ѣхали братья не день, не два, не три и не четыре; и все нѣтъ Стенана!

Завидать могли, спѣшать къ ней, всходить на самую вершину; долго и пристально озирають кругомъ, сколько глазъ завидеть въ стеной равнинѣ, но пуста стень!

Угрюмъ и суровъ Иванъ; еще угрюмѣе, еще суровѣе Панасъ. Тяжко было вспомнить ему, сколько разъ молилъ его Иванъ обождать меньшаго брата; напрасно молилъ!

Живо воскресъ передъ нимъ образъ Стенана въ тѣ тяжкія минуты, когда Стенанъ, покинутый братьями, гнался за ними, обливаясь слезами, обагрля землю кровавымъ слѣдомъ истерзанныхъ ногъ своихъ, умоляя братьевъ подвести его къ городамъ христіанскимъ, или срубить голову, лишь бы не отдать на поправу зѣранъ и дикимъ птицамъ.

Жгучи, томительны были страшныя воспоминанія Панааса; они бичевали его голову, давили камнемъ казацкую грудь.

Прошло еще нѣсколько дней; но пусто все въ дикихъ степяхъ; нѣтъ Стенана, нѣтъ даже малѣйшаго слѣда человѣка.

Потушивъ головы, молча ѣхали братья; утомленные кони шли тихимъ шагомъ; солнце жгло казаковъ; жажда томилъ.

Вотъ Иванъ видитъ въ сторонѣ байракъ; онъ туда, не отъищеть ли хотя горсти воды, для изнуренныхъ коней. Въ байракѣ, завидя всадника, поднялся голодный волкъ, посмотрѣлъ съ минуту на Ивана и выпустивъ изъ пасти сухую кость, бросился въ глубину стени.

При видѣ кости Иванъ невольно надрогнулъ.

— Что, коли это кость погибшаго брата? подумалъ онъ, и сѣмилъ къ Панасу.

— Воды ни капли! сказалъ онъ, и братья снова продолжали путь молча.

Вдали показались три могилы; братья подѣхали къ нимъ, стрепожили коней у одной могилы и взошли на вершину ея.

Окинувъ опытнымъ взглядомъ степную пустыню и снова во видя въ ней живаго существа, кромѣ птицъ поднебесныхъ, вѣрѣдка пролетавшихъ степью, Иванъ взглянулъ къ подошвѣ могилы; дрожь прошибла его насквозь: внизу лежатъ сухія человѣческія кости; но нимъ прыгаетъ чорный воронъ; а подлѣ костей наорванное платье и тѣ самые саури, которые Иванъ сорвалъ съ своего настава и бросалъ по дорогѣ для указанія пути нешному брату.

Въ ту же самую минуту в Панасѣ увидѣлъ и кости и саури. Панасъ страшно встрепоулся.

— Иванъ! Едва выговорилъ онъ, почувствовать въ груди что-то задушающее голосъ.

— Видишь? продолжалъ онъ съ направлеиенъ. Но даромъ выжили! Нашли брата!

И подавленнымъ невыразимымъ чувствомъ, Панасъ, склонивъ голову на руки, припалъ къ землѣ. Первый еще разъ въ жизни суровый казакъ поддался тяжкому горю, безъ борьбы съ нимъ, безъ самой мысли протавиться ему.

Иванъ пораженъ былъ по мѣствѣ старшаго брата.

— Иванъ!.... произнесъ Панасъ, нослѣ долгой, безмолвной тишины.— Видишь мое дѣло?....

Онъ указалъ на кости брата.

— И нослѣ.... сказалъ Иванъ въ помрачающей неволи.

— Не говори, Иванъ!.... Ты былъ добрымъ братомъ. Ты прѣсмыя меня не покидать его.... я не послушалъ ни тебя, ни его.... Такъ видишь ли: Часъ это дѣло!....

Аремающею рукою онъ указалъ на кости:

— Я молилъ и не умолилъ; значить не умѣлъ молить! А коли не умѣлъ, такъ зачѣмъ самъ не остался съ Степаномъ? Видишь, Панасъ! Смерть брата и моя вина!

Панасъ уже не слушалъ брата; онъ съ раздирающею мукою глядѣлъ на пожегшя кости.

— Братъ! сказалъ напоследокъ Иванъ торопливымъ голосомъ

Вѣрно такая уже воля Божія; что Господь судилъ, того человѣкъ не переищетъ.

Панасъ не отвѣчалъ.

— Панасъ, произнесъ Иванъ, строго. Негодитесь козакамъ горевать какъ бабамъ.

Панасъ очнулся и мрачно взглянулъ на брата.

— Долго лежали братнія кости, безъ христіанскаго погребенія, продолжалъ Иванъ: много ихъ расхитилъ звѣрь и птица; отдадимъ же честно землѣ хоть остатки погибшаго брата.

Безмолвно сошли братья съ могилы; они у костей Степана; оба вострепнулись; блѣдный, изнемогшій братъ предсталъ воображенію ихъ въ послѣдней страшной борьбѣ съ смертью. Въ ужасѣ, отъ котораго волосы поднялись на головѣ, мнилось каждому, будто на яву слышатъ послѣдній стонъ погибавшаго, его невнятную мольбу, произносимую запекшимися устами; мнилось, будто земля горитъ, разступается подъ ихъ ногами, готовая поглотить обонхъ.

Братья пали ницъ у костей несчастнаго и, не смѣя коснуться ихъ, жадно, съ глухимъ стономъ, цѣловали землю, на которой глѣли остатки Степана.

Тихо, въ вѣномъ отчаяніи, встали братья, и страшась взглянуть другъ на друга, начали копать сухую землю острыми саблями.

День и ночь, безъ сна и пищи, рыли они глубокую могилу; къ вечеру другаго дня закопали въ нее кости погибшаго.

Въ полночь, по казакскому обычаю, погоревавъ послѣдній разъ на могилѣ, они жарко поцаловали ее; взяли каждый по горсти свѣжей земли; завязали въ узелокъ, помолились и, подавленные жгучею тоскою, съ поникшими головами, отправились въ обратный путь....

Заѣхали братья въ лѣса Самарскіе; пустили пастись коней своихъ, а сами день цѣлый отдыхали на берегу Самары. Здѣсь присоединился къ нимъ еще одинъ казакъ.

— Слышь, Панасъ! закричалъ Иванъ не своимъ голосомъ, толкая спавшаго брата.

Панасъ торопливо вскочилъ на ноги.

— Чтò? спросилъ онъ.

— Гудитъ земля! Слышь?... Да какая сила!

— Бѣжимъ, вскричалъ казакъ, присоединившійся къ братьямъ; укроемся въ перелѣскѣ и переждемъ врага.

— А кони? Гдѣ ихъ укроешь? Кони выдадутъ всѣхъ насъ.

Иванъ, козаче! Бѣги ты, пока время. И потомъ, обращаешь къ Ивану, старшій братъ продолжалъ:

— Мы заслужили смерть! Господь караетъ насъ за брата. Проведи ея кара! Умремъ же, Иване, какъ законъ велитъ! Помогли Милосердому Спасителю, пока время.... Врагъ близко.... Слышь? Дрожитъ, гудитъ земля отъ ихъ страшной силы.

Братъя пламенно молились.... Казакъ убѣжалъ къ дѣсу. Гулъ все ближе и ближе.

Панасъ быстро всталъ.

— Теперь, Иванъ, пора намъ вспомнить, что мы православные козаки; Господь не советѣтъ еще отступить отъ насъ, кои посылаетъ смерть въ бою съ врагомъ за святую Вѣру Христову. То праведная смерть! Умремъ же, братъ, какъ подобаетъ казаку, щита до послѣдняго вздоха православную вѣру *. Такъ, Иванъ?

— Такъ, такъ! отвѣчалъ Иванъ, воспламенаясь. Святое дѣло смерть за Христа и православную вѣру!

Враги ближе и ближе; братья на коняхъ. Еще разъ перекрестились; крѣико обняли и поцаловали другъ друга; поклонились, снявъ шапки, въ ту сторону, гдѣ была Украина, и скрывшись на время въ густотѣ деревь, мужественно ждали, пока Татары приблизились къ самому перелѣску.

Вдругъ съ гикомъ-крикомъ выскочили братья изъ-за деревь. Передовые Татары оторопѣли; братья врѣзались въ средину враговъ, и рубятъ, что есть силы, на право и на лѣво.

— За святую церковь Христову!.... кричалъ Панасъ, разрубивъ съ размаху Татарина на двое.

— За вѣру православную! святую!.... восклицалъ Иванъ, свесивъ голову бусурману и замахнувшись саблею на другаго.

— Братъ, не выдавай! воскликнулъ Панасъ.

— Рѣжь, руби, братъ! кричалъ Иванъ.

Опомнились Татары, увидя, что имѣютъ дѣло только съ двумя казаками и съ звѣрствомъ кинулись на нихъ.

— Иванъ, не выдавай! воскликнулъ Панасъ, смѣртельно пораженный атаганомъ.

— Прощай, братъ, прощай Ганна!.... произнесъ Иванъ, и мертвый цалъ съ коня.

* По понятіямъ Украинцевъ того времени, битъ Турковъ и Татаръ — значило защищать православную вѣру.

— Прощай, цвѣти во вѣки вѣчные, святая православная земля!...
 прощай Панасъ, испуская духъ.

Ожесточенные Татары, мстя за смерть товарищей, привязали мертвые трупы братьевъ къ конямъ своимъ и долго влachten ихъ по степи; потомъ четверговали и бросили въ пустой степи на съѣденіе воронамъ и волкамъ; а головы вѣшали на сабли и ругались надъ ними.

— Вотъ такъ легли въ безводныхъ степяхъ три родные брата, заключивъ бандуристь, да память о нихъ, бѣдныхъ, не умираетъ и во вѣки не умретъ не поляжетъ въ святой украинской землѣ.

Помолчавъ съ минуту, онъ продолжалъ:

«Ждутъ-пождутъ трехъ братьевъ горемычные родичи, понапрасно ждутъ! Вотъ, бѣдная старуха мать выйдетъ съ невѣсткою далеко въ поле и все плачутъ, да выглядываютъ своихъ любимыхъ съ дальней дороги. Мрѣетъ пустая дорога, а ихъ нѣтъ в не будетъ: уже рубили, растерзали Татары-враги сыновей старой матери!...

И въ тотъ же самый день и часъ, какъ погибали они, хорошила она, съ старымъ Михаиломъ, да полумертвою невѣсткою, своихъ малыхъ внучатъ, сыновъ Панаса.

«Долго молился, долго крѣпился Михайло, да горе тоска таки взяла свое, и заплакалъ, зарыдалъ онъ, словно малое дитя, и рыдая тяжело-важно приговаривалъ надъ внуками такія рѣчи:

— Сыны мои, сыны мои! погибли вы въ чужой, далекой сторонѣ; не закрыли мать-отецъ вашихъ козацкихъ очей; выпили ихъ, ваши ясныя очи, орлы-коршуны и разнесли ваши кости по степямъ вѣтры буйныя.... Внуки мои, внуки мои!...

Увлекаясь, съ чувствомъ сокрушительнымъ, изображеніемъ горести старика, бандуристь схватилъ бандуру и сопровождая слова свои отрывистыми потрясающими аккордами, продолжалъ:

Внуки мои, сыны мои!

Все вы повмирали!

А кто жъ менѣ похоронитъ,

Надъ мною заплачетъ?

Доле моя, доле!
 Доле моя несчастлива,
 Що ты паробыла?
 На, що миним дитей дала?
 Чомъ мене не вбыла?
 Не хай воныбъ поховали,
 А то.... я ховаю!....

«Охъ, тяжело мнѣ жить, тяжело плакать, едва выговаривалъ Михайло, крестя и палуя въ очи мертвыхъ внуковъ малютокъ.... Господи! Страшно, праведно покаралъ Ты нечистый родъ Кирилла. Они послѣдніе!!!.... Помилуй же душу его, Христе Спасителю....»

Послѣ долгаго молчанія, старикъ вставъ съ мѣста, промолвилъ съ мрачнымъ видомъ.

«Черезъ недѣлю не осталось ни одной души изъ семьи Михайла. Всѣ скоронены тутъ. Такая была послѣдняя воля умирающаго Михайла, послѣдняго челоуѣка въ потомствѣ страшнаго гайдамака Кирилла.»

А. КУЗЬМИЧЪ.

=

ОЧЕРКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ВОСТОКУ

съ 1842 по 1845.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

КУРДЫ И БЕДРЪ-ХАНЪ-БЕКЪ.

Турки заняты нынѣ, не на шутку, Курдами, принадлежащими Бедръ-Ханъ-Беку. До-сихъ-поръ они какъ-будто ихъ забывали, или не понимали до какой степени опасны Портъ эти хищные горцы, пролившіе столько крови Несторіанъ, подъ предводительствомъ своего хана, чуть ли не втораго Мухаммеда-Али-Паши, только безъ достоинствъ завоевателя Сиріи и паши Египта.

Прежнія тиранства Бедръ-Ханъ-Бека и нынѣшнія его дѣйствія въ Курдистанѣ уже заняли не одну страницу въ современныхъ политическихъ извѣстіяхъ. Каждый политикъ трактуеть объ немъ по своему крайнему разумѣнію, зная его самого столько же, сколько и народъ или племя, изъ котораго онъ происходитъ. Кто-то даже предвидѣлъ, что Бедръ-Ханъ-Бекъ хочетъ бѣжать въ Персію, для спасенія себя отъ ищенія Порты, за прежнія и настоящія нападенія на несчастныхъ Несторіанъ. Извѣстно такъ же, что для усми-

ренія его, Турки отправили войско подъ предводительствомъ Османа-Паши.

Скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что за земли — Курдистанъ, и что за люди его малоизвѣстные обитатели.

Ученый географъ Риттеръ рѣшилъ, что Курдистанъ, какъ для археолога, такъ для историка и географа дѣло темное, или по выраженію его „terra incognita“.

Дикость нравовъ, фанатизмъ, неприступность страны, удерживаютъ всякаго пытливаго путешественника, проникнуть въ дебри Курдистана. Еще за четыреста лѣтъ до Рождества Христова проходили здѣсь десять тысячъ Грековъ, но кажется, что съ тѣхъ поръ никто изъ Европейцевъ не отважился на подобное предпріятіе.

Мы, Русскіе, чуть ли не сосѣди этимъ Курдамъ и сосѣди, съ двухъ сторонъ — со стороны Кавказа и Чернаго моря. Къ Курдамъ мало кто заходилъ, а тѣ изъ путешественниковъ, которые проникали туда, перешли съ высотъ гористаго Курдистана „изъ міра тѣниности въ міръ вѣчности“, какъ выразился бы восточный поэтъ, то есть большею частью погибли. Къ числу ихъ принадлежитъ извѣстный Шульцъ, убитый близъ озера Вана.

Курды заселяютъ огромную полосу между Сирією, Арменією и Тигромъ. Разбѣянные племена ихъ въ Персіи, доходятъ почти до Персидскаго залива. На всемъ этомъ пространствѣ встрѣчался я съ ними во время моихъ странствованій по Востоку.

Народъ этотъ безспорно принадлежитъ къ отдаленнѣйшей древности. Но Кардухи ли они Ксенофонта, или Гордины, Киртіи ли Страбона, или просто Халдеи? Этотъ вопросъ по рѣшенію еще окончательно, хотя породилъ много предположеній.

Вы конечно помните, какъ храбро защищались Кардухи, жившіе въ этомъ географическомъ пространствѣ, когда Александръ шелъ на Вавилонъ. Вспомните, какъ Тимуръ былъ встрѣченъ здѣсь и что потерялъ онъ при Анаданъ въ дѣлѣ съ Курдами; прибавьте нѣсколько походовъ Турковъ, походы почти всегда неудачныхъ, и битвы Курдовъ съ Персіанцами, все это говорить въ пользу храбрости этого народа.

Курды, кажется мнѣ, какъ прежніе непообъднные Арабы, могутъ быть такими же врагами Турковъ, какъ эти вольные жители пустыни, которые хотѣли головою и мечемъ египетскаго паши создать новый халифатъ, новую Арабскую имперію; но египетскій паши, вельчательный и некоторыми вице-королями, до-сихъ-поръ остался владѣтелемъ только своей нилской долины, утративъ все остальное.

Курды одинаково страшны для европейскаго и для туземнаго путешественника, и даже для собственнаго собрата и соотчича. Девизъ Курды — грабежъ. Это его богатство; предметъ ихъ пѣсень, ихъ слава, изъ которой они скрываютъ обручальное кольцо для себя и для невѣсты. Въ одномъ изъ племенъ ихъ — Бахтіари, ни одна дѣвушка не выйдетъ за горца, если онъ не имѣетъ атестата, изъ котораго видно, что женихъ ея, столько-то разъ, — по-крайней-мѣрѣ три раза — напалъ на караванъ; или подрался и обобралъ такого-то хана, или наконецъ участвовалъ въ такихъ-то битвахъ.

Еще на Кавказѣ, я слышалъ о Курдахъ, но зналъ ихъ по одному названію. Не знаю гдѣ именно укрываются тамъ эти племена. Помню однако, что не только въ Закавказьѣ, но даже и въ горахъ попадаются ихъ отдѣльныя семейства, конечно въ самомъ незначительномъ числѣ.

Вступивъ въ Персію, я увидѣлъ Курдовъ, бродящихъ съ своими ставками по широкимъ равнинамъ сѣвернаго Ирана. Народъ этотъ показался мнѣ страннымъ съ перваго взгляда.

Вотъ портретъ Курды: Курдъ хорошо сложенъ; по большей части высокъ и худощавъ, какъ Арабъ. Черные волосы, вьющіеся у некоторыхъ изъ-за ушей; чернѣйшая борода, обыкновенно густая; глаза, блестящіе огнемъ независимости, рвѣнности, зѣрства; орлиный носъ, густая бровь и загорѣлое лицо, даютъ ему дикую, если хотите, страшную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и красивую наружность. Прибавьте къ этому вооруженіе и костюмъ. Нарядъ у Курдовъ различный; одни носятъ длинныя, узкія кафтаны, перетянутыя шалью, другіе — колѣсатыя куртки и такіе же шальвары; на головѣ навѣрочка у нихъ обыкновенно огромная шаль, называемая у насъ чалмой или тюрбаномъ; у каждаго Курды въ рукахъ непре-

мѣнно дубина (чумакъ), которой рукоятка состоитъ изъ деревяннаго или желѣзнаго эллипсоида. Еслибъ вы взглянули на портретъ Надиръ-Шаха или Керимъ-Хана (какъ рисуютъ ихъ нѣкоторые), то вы увидѣли бы ихъ, съ такими чумаками, но въ меньшемъ видѣ. Это были Курды, какъ и знакомый вамъ по крестовымъ походамъ Саладинъ (или правильнѣе Салехъ-Уддинъ). Имена эти, до-сихъ-поръ живутъ въ воспоминаніяхъ Курдовъ.

У Курда за поясомъ всегда ножъ или кинжалъ, необходимое оружіе на Востокъ. На конѣ они вооружаются саблей, ружьемъ, пистолетомъ и длиннымъ копьемъ, на оконечности котораго, близъ острія (копьеца), дѣлается шаръ изъ конскихъ волосъ (въ родѣ щетки), у Арабовъ же тамъ привязываютъ иногда страусовыя перья.

Костюмъ этотъ довольно простъ, но въ Турціи, нѣкоторые курдскія племена носятъ чрезвычайно живописный нарядъ. Это бѣлый, иногда и черныи, тонкій, широкій бурнусъ, украшенный шелковыми кистями и шитьемъ, который накидываютъ они на плеча; на головѣ носятъ огромный тюрбанъ изъ полосатой матеріи, обыкновенно чернаго, краснаго, и бѣлаго цвѣтовъ. Эта матерія или платокъ обшивается длинными шнурками, оканчивающимися кисточками. Такимъ образомъ вся голова драпирована наискось повязаннымъ тюрбаномъ, гдѣ перепутывается множествомъ длинныхъ шелковыхъ кистей.

Я приведу нѣсколько повѣрій и поговорокъ, которыя ходятъ о Курдахъ на Востокъ, это дастъ понятіе о нравственной физиономіи этого народа. Тамъ говорятъ: не страшно попасться въ руки разбойника, но надо знать, что это за разбойникъ? Если попадешься Курдамъ, то тебя ограбятъ дочиста, завяжутъ глаза, скрутятъ руки и ноги, и завезутъ тебя съ дороги въ непроходимыя горы, или просто убьютъ.

У Белуджи (въ Персіи) убійство предшествуетъ грабежу: они встрѣчаютъ караванъ пулями и кинжалами, и прежде перерѣжутъ всѣхъ, или перестрѣляютъ, а потомъ ограбятъ. Тѣ, которые остаются на полѣ сраженія только ранеными, берутся въ плѣнъ и продаются. То же дѣлаютъ и Турки.

Если понадеешься Арабу, тотъ возьметъ только то, что ему понравится. Арабъ обыкновенно оставляетъ путешественнику столько денегъ, сколько нужно, чтобы дойти до ближайшаго города; укажетъ кратчайшую дорогу, и защититъ отъ другихъ воровъ, но никогда не убьетъ безъ причины, и за это спасибо.... Въ-самомъ-дѣлѣ, Арабы не убиваютъ, если не видятъ своей крови, пролитой врагомъ или крови своего брата, изъ-за чего начинается кровомщеніе. Они говорятъ тогда: „между нами кровь, между нами убійство“, и отсюда начинается мщеніе, которое длится многіе годы, часто во многихъ колѣнахъ.

Вообще, Арабъ благоденъ: у Бедуиновъ есть обычай, которые имѣютъ силу закона. На этихъ-то священныхъ обычаяхъ, основана, по моему мнѣнію, и высокая, оригинальная поэзія Бедуиновъ — поэзія пустыни.

Религія Курдовъ мухаммеданская; между ними есть взаимно враждебные Сунниты и Шіиты, то есть они придерживаются и толку Персіянъ и толку Турковъ.

Между ними встрѣчается также множество негнѣпнѣйшихъ сектъ, которыя ненавидятъ всего болѣе мусульманъ.

Курды, вообще плохіе мусульмане. Въ Персіи Курдъ — послѣдній человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ; тамъ не вѣрятъ ни ему, ни его молитвѣ. Если хотятъ сказать, что такое-то общаціе никогда не сдержится, то говорятъ, это молитва Мора (Моръ, одно изъ названій Курдовъ).

Другая поговорка Персіянъ, столь же вѣрно характеризуетъ Курдовъ; они говорятъ: Моръ Казвинскій — хорошій воръ; воръ изъ Кенгавера (деревня Курдовъ близъ Хамадана, съ развалинами храма Діаны) — отличнѣйшій воръ и такъ далѣе. Таково общее мнѣніе о нравственныхъ достоинствахъ этого народа.

Разсказы, которые ходятъ по горамъ Курдовъ, подтверждаютъ презрѣніе народа къ религіи и страсть къ грабежу, какъ главной цѣли жизни. Нѣкоторыя племена считаютъ дѣлохъ постыднымъ, предосудительнымъ умереть своею смертію. Такую смерть они называютъ смертію запрещенною, незаконною, а умереть насильственно, значитъ умереть со славою.

Курды вообще очень храбры, какъ это и доказывается исторически, но жестоки. У нихъ кипитъ вѣчная междоусобная война между ихъ безчисленными племенами.

Говорю безчисленное множество, потому что и само правительство не знаетъ ихъ счета. Когда пробѣждаетъ въ Курдистану и разспрашиваетъ о племенахъ, этой дикой полукочевой братин, те на васъ смотрятъ все подозрительными глазами, полагая, что вы дѣлаете это по порученію султана, который и самъ не знаетъ, что дѣлается въ этой провинціи.

Курды всячески скрываютъ мѣста жилища, а съ ними и имена племенъ своихъ, для того, чтобъ избавиться отъ разныхъ повинностей, какъ то: рекрутства, податей и тому подобнаго.... Тѣ, которые заходятъ на мѣсто въ горы, скрываются по возможности въ непроходимыя ущелія и стараются выбиться или приблизиться къ другому племени для того, чтобы легче ограбить караванъ.

Когда имъ это удастся, они торопятся переменить мѣсто кочевья и убраться подальше. чтобы скрыть концы въ воду; но все не потому, чтобы считалось предосудительнымъ владѣть вещью, отнятою на большой дорогѣ. Правители провинцій, гдѣ произошелъ грабегъ, смотря по настоятельности и важности просьбъ, посылаютъ отыскивать грабителей и изслѣдовать дѣло. Подобныя изслѣдованія тянутся омые годы и потому за давностью забываются; да и какимъ образомъ можно отыскать что-нибудь у народа, половина котораго, что день, то перетаскиваетъ свою ставку, или тгитъ вѣчно на конѣ въ перебрздахъ. Въ Курдистанѣ есть племена, которыхъ даже имени отлжно боятся караваны; и когда разносится слухъ, что племена эти кочуютъ близъ дорогъ, то вожатые каравановъ возлагаютъ въ этомъ случаѣ все упованіе на одного Аллаха и на таблицы предопредѣленія и вѣря, что быть-можетъ, въ таблицахъ деиъ этотъ не обозначенъ бѣдою, безопасно отправляются въ путь. Одни только невѣрующіе гяуры путешественники съ осторожностью высматриваютъ и выбираютъ дни, въ которые можно пускаться въ путь. А жителю Востока нѣтъ рѣшительно до этого дѣла, въ обыкновенныхъ вещахъ онъ долге

обзрѣваетъ календарь свой, наполненный самыми подробными замѣтками о томъ, что можно предпринять въ какой день. Есть дни, въ которые нельзя и бриться, за то нѣтъ дней, въ которые нельзя дѣлать кофея (исключая поста, тогда кофея дѣлается ночью). А что до путешествія — такъ тутъ все зависитъ отъ Аллаха.

Путешественнику необходимо тогда прокрадываться чрезъ проселочныя дороги, несмотря на прочія невыгоды, но случается что и тамъ, онъ бываетъ также хорошо ограбленъ.

Я придерживался этого правила, въ моихъ странствованіяхъ по Курдистану, да и вообще по всему Востоку, и имѣлъ встрѣчи съ Курдами и Арабами, но обходился съ ними довольно.... довольно миролюбиво, если только не надѣлся на своихъ провожатыхъ, которые, какъ мы увидимъ далѣе, плохая надежда для путешественника.

Огромное сеимство Курдовъ, говоря вообще, раздѣляется, какъ замѣчено, на множество племенъ. До-сихъ-поръ Европейцы считали ихъ до семидесяти, я же нашелъ до двухъ сотъ пятидесяти и думаю, что можетъ-быть найдется еще столько же. Намъ не бесполезно знать по-лучше этнографію Курдистана, потому что она имѣетъ связь и съ древнимъ состояніемъ страны этой, неизученной надлежащимъ образомъ. Приведу самое близкое доказательство. Бедръ-Ханъ-Бекъ, о которомъ идетъ рѣчь, воевалъ, или лучше грабилъ Несторіанъ-Тіяри, которые защищались мужественно и пали; истощивъ всѣ средства къ оборонѣ. Древнѣйшія сказанія Грековъ говорятъ, что эти Тіяри были храбрѣйшимъ племенемъ на всемъ пространствѣ, гдѣ теперь живутъ Курды.

Въ Персіи слышите вы имена Луръ, Лекъ, Бактіяри (нѣкоторые видятъ въ этомъ Бактріанъ) и прочія; — все это большія племена Курдовъ, которыя распадаются на меньшія поколѣнія, называемыя, по большей части, или по именамъ своихъ хановъ, или именемъ мѣста, гдѣ живутъ, или напоминаютъ персидскую (парсійскую) древность, какъ Зендъ, Рустемъ, Соранъ (въ которыхъ подозреваютъ Ассиріанъ) и другіе.

Въ Турціи встрѣчаютъ точно тоже, всѣ эти племена и

поколѣнія живутъ обыкновенно группами или въ деревняхъ, или въ кочевьяхъ; но есть нѣкоторыя хотя и живущія зимою въ деревняхъ, но которыя лѣтомъ все-таки разсыпаются по широкимъ долинамъ Курдистана, для своихъ стадъ; и переходятъ съ мѣста на мѣсто, перевоза подобно Бедуинамъ все свое имущество.

Изъ всего этого видно, что племена эти частью живутъ осѣдло, частью постоянно кочуютъ или наконецъ живутъ полу-осѣдло.

Кочующихъ Курдовъ вѣроятно не много. Трудно сказать что-либо положительное о числѣ ихъ, точно такъ же какъ трудно найти на Востокѣ вѣрныя данныя для статистики и географіи. Чтобы говорить, надобно быть очевидцемъ, иначе невозможно приобрести сколько-нибудь положительныхъ свѣдѣній объ этихъ странахъ.

Каждымъ племенемъ по большей части предводительствуетъ или управляетъ ханъ, который дѣйствуетъ совершенно самовластно, дѣлаетъ что хочетъ, налагаетъ извѣстную подать на стада или на юрты (палатки). Званіе хановъ по большей части переходитъ въ потомство.

Но не всѣ племена имѣютъ хановъ; живущіе осѣдло управляются мѣстнымъ начальствомъ. Къ такимъ-то ханамъ принадлежитъ и извѣстный уже отчасти Бедръ-Ханъ-Бекъ. Но этотъ кровожадный и честолюбивый человѣкъ успѣлъ составить совершенно отдѣльное независимое владѣніе. Онъ хорошо понялъ положеніе и характеръ Курдовъ, выгоды удаленнаго ихъ положенія отъ султанской резиденціи и давно уже предписалъ законы своему округу, законы, которыми всѣ охотно подчиняются, предпочитая зависѣть отъ произвола Бедръ-Ханъ-Бека, и находить въ немъ своего защитника, нежели зависѣть отъ безсильнаго турецкаго чиновника.

Курды говорятъ своимъ особеннымъ языкомъ, который мы назовемъ діалектомъ персидскаго. Языкъ этотъ мало изслѣдованъ, мы знаемъ нѣсколько десятковъ словъ, переданныхъ намъ мимоходомъ нѣкоторыми туристами. Желая быть болѣе или менѣе вѣрнымъ своему назначенію, я рѣшился ознакомиться съ этимъ страннымъ нарѣчіемъ народа, намъ мало

знакомаго, и странствуя по разнымъ провинціямъ, собралъ наконецъ множество поэтическихъ произведеній этихъ горцевъ. Безспорно, что устная поэзія — пѣсни, существуетъ почти у всѣхъ народовъ земнаго шара, точно такъ же какъ существуетъ у cadaго народа своя душа, своя природа, изъ которыхъ складывается и поэзія. Но независимо отъ пѣсней, у Курдовъ есть огромныя стихотворныя пѣсы — большею частью историческаго содержания.

Давно ли восклицали мы: „Литература у Оттомановъ“ (или правильнѣе у Османовъ), какъ же не воскликнуть теперь — литература у Курдовъ!

Да — у Курдовъ есть ода «Богы!» и даже превосходно написанная; а между десятками именъ, которыя остались въ исторіи, многія перешли въ поэзію: таковы Фергадъ и Ширакъ (наши Ромео и Джуліетта), Надиръ шахъ, Рустемъ и другія. Эти лица происходятъ отъ Курдовъ — ихъ исторія есть исторія славы Курдистана.

Незнаніе языка ихъ, и чрезвычайное раздробленіе народа на безчисленное множество племенъ не разъ вводило въ ошибки и въ невѣрныя предположенія. Такъ напримѣръ Гаммеръ говорилъ, что Люры, заселяющіе западную часть Персіи почти до Персидскаго залива, происходятъ отъ Арабовъ, и слѣдовательно языкъ ихъ арабскій — къ такому заключенію привела его одна изъ мимолетныхъ замѣтокъ туриста, совершенно незнакомаго съ языкомъ страны.

Всѣ племена Курдовъ говорятъ множествомъ нарѣчій, отличающихся другъ отъ друга болѣе или менѣе замѣтными отбѣнками.

Помнится, я сказалъ уже, что между Курдами — безпрестанныя войны, ссоры, стычки и грабежи и какъ они живутъ группами, то въ войнѣ этой принимаютъ участіе цѣлыя племена. Поводомъ къ враждѣ обыкновенно служитъ покража стада. Племя, которое заходитъ для этого на чужія пастбища — иногда попадаетъ въ руки хозяевъ и тогда начинается драка, а если она кончилась убійствомъ, то обращается въ кровомщеніе, которое не скоро утихаетъ. Тогда они говорятъ — такому-то племени мы истинъ за кровь, или на такое-то племя должны напасть за уведенное отъ насъ стадо — и такъ далѣе.

Правительство рѣдко вмѣшивается въ эти безпрестанные стычки и кровопролитія, потому что въ нихъ не находитъ ничего для себя выгоднаго. Оно напротивъ, если хотѣтъ, радуется, что племена эти истребляютъ другъ друга — для спокойствія Турціи и принимаетъ свои мѣры только въ томъ случаѣ, когда эти побойща переносятся за границу, то есть если турецкіе Курды грабятъ персидскихъ или на оборотъ. Тогда вопросъ дѣлается политическимъ и мѣры, принимаемыя въ подобныхъ обстоятельствахъ правительствомъ, часто ужасны.

Въ бытность мою въ Персіи, въ пограничной части Курдистана, одинъ Курдь былъ подвергнутъ страшной казни за то, что принималъ участіе въ какомъ-то возстаніи — этотъ несчастный былъ живой сваренъ въ котлѣ и вотъ какъ это дѣлается: котель огромнаго размѣра наливается холодною водою, и туда погружается жертва. Котель ставится на огонь и подогревается постепенно до кипѣнія бѣлымъ ключомъ. Процессъ этотъ длится какъ можно долѣе, для того, чтобъ измучить несчастнаго прежде его смерти. Въ продолженіе подогреванія воды, осужденнаго мучать сверхъ-того еще раскаленнымъ желѣзомъ, которое прикладываютъ къ груди и головѣ.

Въ Мосулѣ также совершилась подобная казнь, за нѣсколько дней до моего пріѣзда. Тамъ посреди площади, въ центрѣ города поставленъ былъ длинный, заостренный шестъ, на который посадили Курда, который скончался въ страшныхъ мученіяхъ.

Но, къ чести Турціи и Персіи должно прибавить, что подобныя сцены нынѣ довольно рѣдки; прежде же онѣ повторялись безпрестанно. Впрочемъ въ Египтѣ встрѣчаете вы по временамъ, идя по базару, повѣшеннаго челоуѣка; но за то я не слыхалъ тамъ о подобныхъ безчеловѣчныхъ истязаніяхъ.

Проживши нѣсколько лѣтъ на Востоку я часто предлагалъ себѣ вопросъ: кто болѣе виноватъ въ такихъ тиранствахъ — правительство или народъ? Согласись, что вопросъ рѣшить не легко. Для этого надобно изучить народъ въ его быту, и тогда уже можно отвѣтить положительо. Услылъ ли я въ этомъ, не знаю, но убѣжденъ, что правительство болѣею частью вынуждено на подобныя жестокости, это мѣры необходимости. Не сердись же на это господа моралисты,

разсуждающіе изъ глубины своихъ кабинетовъ. Человѣкъ—и въ особенности человѣкъ полуобразованный, чтобы не скрывать дикій, существо ужасное—это звѣрь страшный. Надобно побывать въ рукахъ его, быть брошеннымъ на произведъ его кровожадныхъ инстинктовъ, видѣть его какъ онъ естъ, чтобы рѣшиться произнести подобное заключеніе.

Повторяю однако, что подобныя жестокости нынѣ гораздо рѣже, чѣмъ онѣ были прежде. На этотъ разъ довольно; я могъ бы вамъ показать цѣлый рядъ истязаній, изобрѣтенныхъ такъ для человѣка, частью сохранившихся только въ памяти народа, но мнѣ жаль и васъ и этихъ мучениковъ. Я боюсь, чтобы не назвали мои строки кровавыми, какъ называлъ ихъ одинъ Англичанинъ путешественникъ по Босфору. Если долгъ путешественника изучать и безпристрастно судить народъ, то въ волю вашей судить и даже осудить путешественника.

Теперь обратимся къ племени, сосѣднему съ Россіей; къ племени Бедръ-Ханъ-Бека и вообще къ турецкимъ Курдамъ. Еще передъ отъѣздомъ изъ Мосуля я имѣлъ случай удостовѣриться въ могущество Бедръ-Ханъ-Бека.—Городъ взволновался, но Бедръ-Ханъ-Бекъ прекратилъ волненіе однимъ могучимъ словомъ. Говорятъ, что услышавъ о востаніи въ городѣ, онъ только прислалъ гонца своего въ Мосуль — съ повелѣніемъ: „Да успокоится; не то я разрушу стѣны города.“ Этими онъ хотѣлъ показать свою братскую дружбу султану. Подвигъ этотъ вовсе невымышленъ; — народъ безпрестанно толковалъ объ немъ, и вилеталъ такимъ образомъ новый лавръ въ вѣнецъ курдскаго хана.

Тиранства этаго варвара противъ Несторіанъ превосходятъ всякое описаніе.

Я слышалъ объ нихъ въ Багдадѣ отъ патриарха Несторіанъ. — Это былъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, съ длинною сѣдою бородою; онъ трогательно жаловался мнѣ, прося написать посланнику, что Курды очень боятся только однихъ *Москоу* (Русскихъ), которые такъ хорошо проучили Турковъ въ послѣднемъ дѣлѣ.

Вотъ что разсказывалъ старикъ:

„Не знаю, какъ Богъ спасъ меня, когда Бедръ-Ханъ-Бекъ влетѣлъ, съ толпою своихъ разбойниковъ на наши горы, началъ грабить, рѣзать и истреблять насъ; женщинами и дѣти

сражались; всякій вооружался чѣмъ могъ. Христіанскіе монастыри, близъ Мосула и далѣе въ горахъ, давно уже привыкли къ грабежамъ, но еще такихъ не слыхивали. Наши горы сражались отчаянно, проливая кровь за святую вѣру; Бедръ-Ханъ-Бекъ хотѣлъ убить меня, но ему не удалось; я спасся въ Мосулъ въ домъ англійскаго консула. — Въ отищеніе за это онъ захватилъ мое семейство и разтерзалъ мать мою. Разрубивши ее на четыре части, онъ бросилъ тѣло въ Заабъ, что впадаетъ въ Тигръ, говоря: пусть она понесетъ добрую вѣсть своему сыну и тому *левтрному*, который скрываетъ его—я скоро доберусь и до нихъ“.

Старикъ плакалъ.

Ты вѣдь христіанинъ, продолжалъ онъ, но ты не знаешь участія въ христіанинѣ къ этой землѣ варваровъ.... и они еще осмѣливаются произносить имя Бога—*Алла!*.... Взгляни на этихъ сиротъ, которые толпами ходятъ по городу, и наполнили здѣсь всѣ опустѣлые дома, всѣ развалившіеся караванъ-серан, это мое семейство, моя паства. Я самъ кормилъ ихъ до-сихъ-поръ, теперь они собираютъ для меня милостыню; сами они мрутъ съ голоду, очередь скоро дойдетъ и до меня“.

Положеніе старика было дѣйствительно ужасно; но кто могъ помочь ему? Надобно сказать, что Несторіане до-сихъ-поръ жили въ горахъ, совершенно независимо, подчиняясь только патриарху. — Онъ былъ ихъ отцомъ и царемъ; а они составляли его семейство, его паству, его народъ. Не признавая ничьей власти, они жили мирно и спокойно по своимъ обычаямъ, не вмѣшиваясь ни въ чьи ссоры, ни въ чьи побоища. Бедръ-Ханъ-Бекъ вознамѣрился покорить Несторіанъ своей власти; потому что земля ихъ врѣзывается въ его владѣнія и притомъ онъ видѣлъ, что Порта смотритъ на нихъ совершенно равнодушно, и какъ будто вовсе забыла о ихъ существованіи. Вотъ съ какими замыслами Бедръ-Ханъ-Бекъ напалъ на Несторіанъ, и хотя на первый разъ онъ испыталъ неудачу, однако это не помѣшало ему сдѣлать вторичную попытку.

Въ Мосулъ по поводу истребленія большей части Несторіанъ и разоренія ихъ страны, основалось филантропическое общество, въ которомъ и я былъ членомъ. Общество это состояло изъ нѣсколькихъ англійскихъ миссіонеровъ, двухъ кон-

судовъ и доктора; мы дѣлились съ голодными и нагими изгнанниками, чѣмъ могли; они по-крайней-мѣрѣ могли приклонить голову въ домахъ немногочисленныхъ членовъ общества, которыхъ дворы, сѣни, чуланы и чердаки были наполнены ранеными, больными, стариками и увѣчными, возбуждавшими болѣе другихъ состраданія; сверхъ-того всѣ каравансерай и развалины, были наполнены этими несчастными. Всѣ они были рѣшительно наги, потому что бѣжали изъ горъ какъ успѣли.

Мосуль представлялъ тогда отвратительную картину. Будучи самъ по себѣ темнымъ, дряннымъ и не красивымъ городишкою, онъ теперь казался еще гаже, потому что улицы его наполнялись толпами нищихъ; одни таскались по улицамъ, другіе валялись на солнцѣ и напрасно умоляли о милостынѣ немилосердныхъ мусульманъ, презирающихъ всякаго гяура не мусульманина. Брань, ругательства и самыя невыносимыя насмѣшки и побои, вотъ что было отвѣтомъ на ихъ просьбы.

Несторіане отличались необыкновенною храбростью, во время нападеній Бедръ-Ханъ-Бека. Страна ихъ, полная красота и чудеса дикой природы, создала ихъ рѣшительными, отважными, сдѣлала равнодушными къ опасностямъ. Женщины ихъ также хорошо сложены и также храбры какъ и мужчины. Мнѣ показывали одну несторіанку, которая убила своею рукою десятерыхъ Курдовъ.

Но пора познакомиться поскорѣй съ Бедръ-Ханъ-Бекемъ.

Вы вѣроятно слышали, что на Востокъ путешествуютъ съ фирманомъ (указомъ, предписаніемъ султана). Вы пріѣзжаете въ городъ и тотчасъ же, или иногда за часъ впередъ отправляется фирманъ, которымъ возвѣщается вашъ пріѣздъ. Тогда вы немедленно получите квартиру или бивуакъ.

Такъ дѣлывалъ я вездѣ. Но въ Багдадѣ Англичанинъ, полковникъ Р. далъ мнѣ замѣтить, что Бедръ-Ханъ-Бекъ не любитъ такихъ фирмановъ, потому что вовсе не жалуетъ распоряженій и власти султана, и хозяйничаетъ на своей землѣ какъ ему угодно, не спрашиваясь никого, и не давая никому отчета. Это испыталъ Англичанинъ самъ на себѣ; вотъ что онъ рассказалъ мнѣ между прочимъ: Бедръ-Ханъ-Бекъ, че-

дерева сиверный, грубый и дерзкій. И, какъ вы знаете, прѣѣхалъ сюда черезъ Мосуль и черезъ Джезиру — тамъ его звали „Эмию“.

„Я такъ же расскажу вамъ, что случилось со мной у Бедръ-Ханъ-Бека — вамъ должно знать это, какъ путешественнику“.

„Я прѣѣхалъ въ Джезиру, продолжалъ Англичанинъ: Джемра, гадкое, грязное мѣсто, тамъ замѣчательны только дребезже остатки. Мнѣ хотѣлось отдохнуть въ этомъ городишкѣ или деревнѣ; я спросилъ: есть ли здѣсь кто-нибудь, у кого бы можно было остановиться? Мнѣ сказали что ханъ здѣсь, и чтобъ я ѣхалъ къ нему. Я поѣхалъ. Посылаю сказать, что его хочетъ видѣть Энглизъ, путешественникъ или врачъ, поеданикъ; я дѣйствительно былъ посланъ тогда по поводу персидско-турецкаго вопроса: обо мнѣ доложили. Я вошелъ къ нему. Онъ сидѣлъ, у меня въ рукѣ былъ фирманъ султана. Приближаюсь къ нему — онъ все такъ сидитъ. Наконецъ грубиянъ рѣшился встать. Я подаю ему фирманъ. Онъ прочиталъ его, посмотрѣлъ на меня, и стоя началъ со мной разсуждать (Замѣтите, что на Востоку заставляютъ стоять только одного раба; самому ничтожному гостю, предлагаютъ свѣсть, потомъ ему даютъ, или кофе и трубку или даже нече, смотря по его значенію и сану). — Послѣ всего Бедръ-Ханъ-Бекъ спросилъ, за чѣмъ я пришелъ? Представьте, какова дерзость?...

— Да, это неприятно, отвѣчалъ я, благодарю, что предупредили.

— „Позвольте, это еще не все, сказалъ противно Англичанинъ: — я говорю ему, что пришелъ просить квартиры. — У меня?... Квартиры?... Съ фирманомъ въ рукахъ?... Трубо продолжалъ ханъ; да, здѣсь развѣ караванъ-сарай? Я развѣ староста? Это что за извѣстіе? Я не знаю никакого султана. И что это за султанъ — кто онъ такой?... Султанъ.... Какое мнѣ дѣло до султана, и его фирмановъ? Я, одинъ я здѣсь хозяинъ и принимаю кого хочу, кто ко мнѣ приходитъ какъ гость, а не съ фирманомъ въ рукахъ!“!...

„Я огланулся кругомъ, продолжалъ разгорячившійся Англичанинъ, и хотѣлъ вынуть изъ кармана пистолетъ, чтобы разозжить ему черепъ. Люди мои (а чѣмъ больше людей

съ званіи, тѣмъ на Востоку важнѣе особа) все слышали. Я не зналъ, что дѣлать. И выдумаете, что этниъ все кончилось, нѣтъ... Представьте себѣ, дерзкій Курдъ заревѣлъ: **убирайся съ каппиъ султаномъ и фирманомъ!**... Схватилъ меня за воротъ и бросилъ мнѣ фирманъ почти прямо въ носъ!...

Да это ужасно, прибавилъ я, я бы не выдержалъ этого.

— „Что же бы вы сдѣлали?“

— А вы что сдѣлали?

Я поднималъ фирманъ и ушелъ.

— А я, я не знаю, что бы сдѣлалъ, но все таки не поднималъ бы фирмана“.

Мы оба разгорячились на дерзкаго Курда, и я далъ Англичанину слово, отстигить ему за оскорбленіе Френга.

Какъ удалось мнѣ отстигить хану, читатель узнаетъ въ послѣдствіи.

Изъ Мосуля я шелъ къ владѣніямъ Бедръ-Ханъ-Бека въ сопровожденіи вооруженныхъ Курдовъ, которые провожали меня нѣсколько станцій. Мы были не далеко отъ Джезиры, резиденціи хана и гдѣ было столкновеніе его съ Англичаниномъ. Я приготовлялся, какъ бы по-мирнѣе обойтись съ дикаремъ и между тѣмъ припряталъ подалше фирманъ и даже запретилъ говорить, что у меня онъ есть. Не доходя двѣ станціи до Джезиры, мои кавалеристы начали поговаривать, что они сдѣлали свое дѣло и хотятъ распрощаться со мной. Это меня удивило, и, если хотите, испугало. — Я не могъ же выразить имъ своей тревоги и невольно вскричалъ: „Это что за извѣстіе?“ Они посмотрѣли на меня также съ удивленіемъ и сказали: — „Развѣ ты не знаешь, что здѣсь ходятъ безъ провожатыхъ.... У насъ поговорка, что черезъ земли Бедръ-Ханъ-Бека посылаютъ ребенка съ золотомъ въ рукахъ, а ты боишься? Они чуть не прибавили: стыдно, стыдно! Воровства и грабежей здѣсь и слухомъ не слышать. Былъ разъ грѣхъ, и тотъ въ другой разъ никогда не будетъ. Владѣнія Бедръ-Ханъ-Бека безопасны, какъ любой уголъ въ твоёмъ сердцѣ.... Не бойся, ступай себѣ вдвоёмъ съ своимъ слугою, а коли хочешь, такъ пожалуй иди одинъ....“ Я едва вѣрилъ.... Слыханное ли дѣло, чтобы въ Курдистанѣ были также совершенно безопасныя мѣста, какъ онѣ бывали въ Сиріи при Египтянахъ, когда путешественникъ проходилъ

совершенно спокойно отъ сѣвера Сиріи до юга Палестины? И можно ли вѣрить, чтобы это было во владѣніяхъ самаго опаснаго врага Турціи.

Я видѣлъ Европейцевъ, живущихъ въ этихъ провинціяхъ; нѣкоторые изъ нихъ прогуливались по всей Сиріи, безъ всякаго провожатаго, даже безъ слуги. Это могло только быть при грозномъ Мухаммедъ-Али, когда путешественникъ, не знавшій даже дороги, могъ рѣшительно одинъ обойти всю Сирію. Теперь можно путешествовать совершенно безопасно только по Египту, гдѣ Мухаммедъ-Али издалъ весьма короткій, но ясный и удобовразумительный фирманъ, слѣдующаго содержанія: „Если какой-нибудь путешественникъ или туземецъ, проходя по Египту, будетъ ограбленъ, то староста деревни или шейбъ, платитъ за него своею головою“. Кажется и коротко и ясно. Былъ только одинъ примѣръ ослушанія, за что былъ казненъ одинъ староста.

Бедръ-Ханъ-Бекъ поступаетъ нѣсколько снисходительнѣе; онъ опредѣляетъ жестокое наказаніе за всякую кражу, произведенную на землѣ его.

Провожатые и другіе Курды рассказали мнѣ, что воровство случилось одинъ только разъ: Курды ограбили проѣзжаго купца, — добыча не превосходила, кажется, пятидесяти червонцевъ. Ограбленный купецъ отправился съ жалобой къ Бедръ-Ханъ-Беку. Тотъ велѣлъ отсчитать ему 50 червонцевъ и пожелалъ благополучнаго пути. Купецъ благословляя разбойника.... Черезъ нѣсколько дней привели изъ горъ одного Курда и доказали, что онъ ограбилъ купца. Бедръ-Ханъ-Бекъ для примѣра велѣлъ отрубить ему, не помню, одну или двѣ руки. Судъ былъ также коротокъ.

Вотъ политика Бедръ-Ханъ-Бека. Мои провожатые продолжали еще нѣсколько времени увѣрять меня въ безопасности, и наконецъ въ самомъ дѣлѣ оставили одного съ человѣкомъ.

Сначала я какъ-то плохо вѣрилъ имъ — по правилу Востока: „вѣрь не многимъ, не вѣрайся никому“; и думалъ, что они просто предпочитаютъ возвратиться во-свои, не желая раздѣлять со мной странствованій по горамъ, ущельямъ, болотамъ, гдѣ неожиданно засверкаетъ въ глаза курдская винтовка; но наконецъ я разстался съ ними, прибавивъ: — „Ну хорошо, если что-нибудь со мной случится, такъ вы

раздѣляетесь за это съ пашей“. Они пожелали мнѣ благополучнаго пути.

Признаюсь, взглянувши на необозримую долину и цѣпь горъ, которая грозно замыкала ее, я вспомнилъ, что я между Курдами; и, первое проснувшееся во мнѣ чувство было нерѣшимость, чтобы не сказать трусость, словомъ, чувство не совсѣмъ для меня выгодное. Но дѣлать нечего, я былъ уже среди Курдовъ и рѣшился идти далѣе съ моимъ вѣрнымъ Давудомъ, раздѣлившимъ мои трех-лѣтнія странствованія, и однимъ провожатымъ Курдомъ.

На пути мы безпрестанно встрѣчали толпы, перекочевывавшія съ мѣста на мѣсто. При этомъ случаѣ мой Курдъ замѣтилъ, что скоро будетъ тѣсно на землѣ Бедръ - Ханъ - Бека, отъ множества народу, который собирается и селится у него. И такъ мы шли по владѣніямъ Бедръ-Ханъ-Бека.

Съ перваго взгляда на эти владѣнія, вы видите, что они многолюдны и заселены. Здѣсь замѣтимъ, что Курды раскидываютъ свои ставки даже на землѣ не совсѣмъ тучной, и потому у Бедръ-Ханъ-Бека почти каждый уголъ заселенъ.

Но къ нему не всякій можетъ приходить и нанимать землю, или носить громкое имя Курда бедръ-ханъ-бекскаго; у него есть свои законы, свои условія, на которыхъ онъ раздаетъ землю; но спокойствіе и безопасность, которыя ручаются за собственность и безопасность каждаго, предпочитаютъ всѣмъ невыгодамъ этихъ условій. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы каждый приходящій къ нему Курдъ, имѣлъ хорошую лошадь, ружье, саблю и пистолеты. Это значитъ, чтобы онъ могъ по востребованію стать въ ряды его воиновъ и готовъ былъ всегда на войну. Изъ этого вы видите, что у Бедръ-Ханъ-Бека нѣтъ собственно земледѣльцевъ; у него всѣ мужчины—воины по призванію и по обязанности, а всѣ до одной женщины—героини по природѣ.

Бедръ-Ханъ-Бекъ даетъ каждому клочекъ земли, за которую Курдъ платитъ нѣсколько піастровъ (четыре рубля и три или четыре постѣва). Сверхъ того, онъ беретъ поголовную плату со стадъ, впрочемъ плата эта также незначительна. За этимъ Курдъ отдаетъ хану третью часть произведеній своей земли.

Курды вообще богаты стадами, это ихъ страсть, главный

источники изъ существованія; барановъ своихъ они перегоняютъ до Сиріи изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, даже сосѣднихъ Кавказу. Земля ихъ тучна и плодородна.

Такииъ образомъ, перекошывающіе изъ горъ, селятся на землю Бедръ-Ханъ-Бека и дѣлаютъ его данниками и вассалами и только потому, что на землѣ этого хана совершенно безопасно, спокойно и есть порядокъ.

Изъ разказовъ о Бедръ-Ханъ-Бекѣ, которыми цѣлая провинція, можно заключить, что намереніи его не ограничивались тѣмъ, чтобъ грабить и раззорять Несторинъ. Я видѣлъ въ немъ будущаго сильнаго врага Порты, чего вовсе не подозрѣвали ковидному саму Турки. Этотъ некорыстный Ханъ основалъ для себя крѣпость недалеко отъ Дмесиры, въ ней онъ можетъ запереться въ случаѣ опасности, и говорятъ, что она весьма хорошо укрѣплена и наполнена мастерскими, гдѣ готовится всякаго рода оружіе.

Бедръ-Ханъ-Бекъ, какъ мы это видѣли изъ собственныхъ его словъ, не признаетъ надъ собою власти султана. Сношенія его ограничиваются только тѣмъ, что онъ посылаетъ иногда подарки, ожидая въ замѣнъ султанскихъ — этимъ онъ доказываетъ свою подчиненность или покорность. Онъ также обходится и съ багдадскимъ пашею, который по административному раздѣленію Турціи, имѣетъ вліяніе на мосульскую и діарбекрскую провинціи, не смотря на то, что обѣ онѣ имѣютъ своихъ пашей. При нѣмъ багдадскій паша послалъ хану богатый халатъ, невольницу, великолѣпное сѣдло и нѣсколько лошадей, за помощь, оказанную ему противъ Бедуиновъ (около Хиле на Евфратѣ). Бедръ-Ханъ принялъ все съ удовольствіемъ, но не заплатилъ даже посланцу за труды, что весьма необходимо на Востоку. Тамъ вещь не дарится — а если хотите продается, потому-что за все присланное въ подарокъ, вы должны съ своей стороны непременно хорошо отдарить посланнаго.

Войска Бедръ-Ханъ-Бека славятся храбростью, которую они неоднократно оказали; самъ я былъ очевидцомъ этого около Багдада. Тамошній паша воевалъ съ Бедуинами. Одна ночь могла рѣшить участь Турковъ, но паша, предвидя давно всю опасность своего положенія, обратился за помощью къ Бедръ-Ханъ-Беку. Тотъ воспользовался случаемъ

показать свою силу, двинулся на Бедуиновъ — роковая ночь кончилась и победа осталась за Курдами, союзниками паши...

Я шелъ въ Джезирѣ безъ конвоя, съ однимъ провожатымъ и вѣрнымъ своимъ Давудомъ, если вы его не забыли.

Последняя станція была такъ утомительна и длинна, что непогода и мракъ ночи загнали насъ въ какую-то мельницу, гдѣ мы просили приставища — и не получали его, потому-что въ сожалѣнію мельница была такъ начинена мѣшками съ мукою, что владѣтель ея, изъяснявшій собственное стѣсненное положеніе, едва самъ могъ выйти и опять въ нее спрятаться. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли кто еще кромѣ постоянныхъ жильцовъ хлѣбныхъ анбаровъ — крысъ и мышей, могъ помѣститься во внутренности этой лачужки. Я предпочелъ провести ночь подъ открытымъ небомъ или лучше подъ небомъ закрытымъ тучами и дождемъ, чѣмъ искать гостеприимства у хана въ Джезирѣ, до которой оставалось еще часа два съ половиною. Мы укрылись подъ бурками съ твердымъ наиреніемъ не оставаться завтра болѣе часу въ Джезирѣ, а взглянуть только на древности, о которыхъ такъ много говорилъ Англичанинъ, и отправиться въ путь.

Добравшись поутру до Джезиры, я вовсе не спрашивалъ о ея владѣтель, осмотрѣлъ только развалины, остатки римскаго владычества и черезъ часъ опять готовъ былъ въ походъ.

Мой верный сопутникъ-слуга приносилъ мнѣ неоднократно жалобы на то, что здѣсь ничего нельзя достать безъ брани, что здѣсь народъ скверный, грубый, и прибавлялъ, что лучше бы оставить это мѣсто, въ которомъ на половину все Жиды. Самого хана здѣсь не было, я съ одной стороны былъ очень весьма доволенъ, потому-что случайно избавился отъ пріятнаго знакомства; а съ другой — жалѣлъ, потому-что насъ притѣсняли безъ пощады, не давая да е и сонной. Мы должны были предаться на волю здѣшнихъ жителей; золото хотъ вездѣ имѣть свою силу, но здѣсь оно теряло свою цѣнность; о просьбахъ или угрозахъ нельзя было и думать. Здѣсь мы сдѣлались самыми кроткими и покорными гостями.

Едва вы успѣли выбраться изъ Джезиры довольные тѣмъ, что ее оставили, какъ черезъ часъ пути, встрѣтили толпу

верховыхъ Курдовъ. Нѣкоторые изъ нихъ джигитовали и пустивъ во всю скачь коней своихъ, перекидывались подъ сѣдло, гонялись другъ за другомъ, легко увертываясь отъ преслѣдованія, стрѣляли, бросали свои палки и ловили ихъ и такъ далѣе. Это было знакомъ, что съ ними есть какая-нибудь важная особа, которую они тѣшили своимъ удовольствіемъ. Мой провожатый, видя эту живую картину, засуетился, повторяя, что это Бедръ-Ханъ-Бекъ, владѣтель здѣшней земли, и что мнѣ надобно бы своротить немного съ дороги или посторониться, потомъ подѣхать къ нему, „дать селямъ“ (привѣтъ: Селямю алей кюмъ), поговорить съ нимъ почтительно и сказать, что такой-то Френкъ; „онъ человекъ сильный, прибавилъ Курдъ, его боятся всѣ, даже султаны!...“ Я былъ тогда въ европейскомъ костюмѣ, а не въ нарядѣ курдскомъ, къ которому часто прѣбѣгалъ, показываясь на ихъ сходбищахъ или собраніяхъ. По этому я проѣхалъ прямо сквозь свиту хана. Оставивъ его безъ селяна, мы неуспѣли отѣхать на двадцать шаговъ другъ отъ друга, какъ онъ подослалъ спросить моего провожатаго, почему онъ не предупредилъ меня, что я встрѣтился съ Бедръ-Ханъ-Бекемъ. Я отвѣчалъ: что я вовсе не зналъ такого хана, и тѣмъ отпистилъ за Англичанина.

Вотъ эскизъ Бедръ-Ханъ-Бека, схваченный мною мноюходомъ.

Съ перваго взгляда наружность его не дѣлаетъ на васъ выгоднаго впечатлѣнія. Кто-то довольно вѣрно сказалъ, что въ лицѣ Курдовъ есть что-то греческое; но къ этому надобно прибавить, что лица этого племени отличаются отъ греческихъ своею дикостью и выраженіемъ жестокости. Лицо Бедръ-Ханъ-Бека, вѣрное типу своей народности, — отъѣнено черною бородою и такими же бровями, подъ которыми сверкаютъ большіе черные глаза, полные огня и отваги. Носъ его греческій, придающій лицу хорошій провъдъ; голова его была драпирована кашемировой шалью, повязанной на-искось и надвинутой на брови, что придавало лицу какую-то таинственность и вмѣстѣ съ тѣмъ строгость и даже суровость.

В ДИПТЕЛЬ

II. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=
РАФАЭЛЬ.

=
СТРАНИЦЫ ИЗЪ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ЖИЗНИ
АЛЬФОНСА ДЕ-ЛАМАРТИНА.

=
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
=

Если бы я прожилъ тысячу тысячелѣтій, я и то не забылъ бы никогда ни этой минуты, ни этого зрѣлища. Юлія стояла облитая свѣтомъ, небрежно облокотившись на бѣлый мраморный камень; гибкій станъ, ноги и профиль отражались и двоились въ зеркалѣ, глаза были устремлены на небольшой темный корридоръ, предшествовавшій гостиной; голова протянута и наклонена какъ у того, кто старается разслушать шумъ приближающихся шаговъ. На ней было траурное черное шелковое платье, обшитое черными кружевами вокругъ шеи, лифа и подола. Кружева эти, сшитыя подушками кресла, гдѣ удерживала ее безпечность и томность, походили на черныя кисти бузны, осыпаншіяся отъ осенняго вѣтра.

Этотъ мрачный нарядъ оставлялъ въ свѣтъ только плечи, шею и лицо. Трауръ платья дополнялся природнымъ трауромъ чер-

ныхъ волосъ, завязанныхъ на головѣ. Однообразіе этого цвѣта еще возвышало высокій и граціозно стройный станъ. Отблескъ огня въ зеркалѣ, свѣтъ лампы, поставленной на углу каминна и ударявшій прямо на щеку, одушевленіе, порождаемое ожиданіемъ, нетерпѣніемъ, любовью, зажигаю на лицѣ ея свѣтозарность юности, окраски и жизни, похожую на преобразование силою любви.

Первый крикъ мой былъ крикъ радости, крикъ увлеченія счастіемъ, когда я увидѣлъ ее болѣе полную жизни, красивѣе, безсмертнѣе на мои глаза чѣмъ когда-нибудь смѣлъ видѣть при отраднѣйшихъ солнцахъ Савои. Чувство обманчивой безопасности и вѣчнаго обладанія видѣрилось въ моемъ сердцѣ, какъ лицо ея видѣрилось въ глазахъ моихъ. Она хотѣла пролетѣть нѣскольکو словъ, увидѣвъ меня, и не могла, губы ея дрожали отъ волненія, я упалъ къ ея ногамъ, прильнулъ устами къ ковру, который подпирали ея стопы; потомъ приподнялъ голову, чтобы еще разъ взглянуть на нее и увѣриться, что присутствіе ея не мечта. Она дотронулась одной рукой до волосъ моихъ, по которымъ пробѣжала дрожь; другою, поддерживаясь за уголъ каминна, тоже упала на колѣна передо мной. Мы издали смотрѣли другъ на друга, искали словъ. Ихъ не было для избытка нашего счастья. Мы оставались безмолвными, безъ всякаго другаго азыка кромѣ этого безмолвія, и этого преклоненія одного передъ другимъ. Преклоненіе, полное обожанія во мнѣ, полное счастья въ ней. Это положеніе говорило ясно: «Они обожаютъ другъ друга; но между ними есть призракъ смерти, и, упиваясь взглядами, они никогда не сожмутъ другъ друга въ объятіяхъ!»

Не знаю сколько минутъ оставались мы такъ, сколько тысячъ вопросовъ и отвѣтовъ, потоковъ слезъ и волнъ радости прошли не выражаясь между ея безмолвными и моими закрытыми губами, между ея и моими омеченными глазами, между ея физиономіей и моею. Счастіе поразило насъ неподвижностью, время не существовало. Это была вѣчность въ одномъ мгновеніи!

Стукъ молотка раздавался у дверей, шаги слышались на лѣстницѣ. Я всталъ. Она, шатаясь, опустилась на диванъ; я смѣлъ съ другой стороны въ тѣни, чтобы скрыть краску щекъ и росу слезъ. Человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, величественнаго роста, съ благороднымъ, остроумнымъ и кроткимъ лицомъ, медленно вошелъ въ комнату, не говоря ни слова, подошелъ къ дивану и отечески поцѣловалъ трепещущую руку Юліи. Это былъ епископъ де-Бональдъ. Несмотря, что восторгъ души былъ разорванъ црѣз-

домъ незнакомаго лица при этомъ ударѣ молотка, я внутренно благословилъ де Бовальда за то, что онъ прервалъ первый взглядъ, при которомъ разсудокъ могъ пасть подъ ушоеніемъ. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда душа требуетъ льду, который гостью мудраго бросаетъ на пожаръ чувствъ, чтобы закалить дружну энергической рѣшимости.

Юлія представила меня де Бовальду, какъ того молодаго человѣка, котораго стихи онъ читалъ. Его удивила моя молодость; онъ прінялъ меня снисходительно, разговаривалъ съ Юліей съ отеческой свободой человѣка, знаменитаго гениемъ и ясномогоднаго лѣтами, который ищетъ возлѣ молодой особы урочнаго луча красоты для своихъ глазъ и тихо говорливыхъ часовъ времени для исходу дня. Голосъ его былъ глубокъ какъ голосъ, который выходитъ изъ души. Разговоръ изливался съ милою и важною небрежностью ума, который ослабляется, чтобы отдохнуть. Отпечатокъ честнаго человѣка былъ видѣнъ на его рѣчи и такого же роду характеръ былъ разлитъ на его челѣ. Разговоръ продолжался; часы показывали полночь; я считалъ нужнымъ уйти первый, чтобы отнять всякую тѣнь подозрѣнія въ излишней короткости отъ друга стариннаго и болѣе меня уважаемаго въ этомъ домѣ. Я унесъ только взглядъ и безмолвіе въ награду за столь жгучее ожиданіе и такое тяжелое путешествіе; но я уносилъ также ея образъ и увѣренность видѣть ее каждый день: этого было довольно, даже слишкомъ. Я долго блуждалъ по парижской набережной, открывъ плащъ воздуху, а губы — вѣтру, чтобы освѣжить грудь и утишить волновавшую меня лихорадку счастья. Когда я воротился В*** уже давно спалъ. Я могъ заснуть только при первомъ утреннемъ свѣтѣ, при крикахъ разносчиковъ на парижскихъ улицахъ....

Время это было самое непоколебимое въ моей жизни, потому что оно состояло изъ единой мысли, скопленной и въ душѣ и въ наружности моей, и хранимой какъ благовоніе, котораго боишься потерять малѣйшую частичку испареніемъ, подвергнувъ банку дѣйствию воздуха.

Я вставалъ при первомъ дневномъ свѣтѣ, запоздаломъ въ темнотѣ альковъ крошечной передней, гдѣ призрѣлъ меня другъ какъ нищаго любан. Я начиналъ день длиннымъ письмомъ къ Юліи. Тамъ я продолжалъ съ освѣженной головой вчерашній разговоръ, изливалъ мысли, пришедшія ко мнѣ послѣ того какъ я ее оставилъ. Нѣжное забвеніе, роскошныя угрызения любви, за которыя

она себя обвиняетъ, мучить, упрекаетъ, и которыя лишаютъ ее всего покою пока она не исправитъ вины; брилліанты, упавшіе съ души или съ губъ любимаго предмета, которые возвращаютъ мысль любовника назадъ, чтобы поднять ихъ и увеличить сокровище его чувствъ! Юлія получала это письмо по пробужденіи, какъ продолженіе вечерняго разговора, который какъ-будто бы продолжался шопотомъ въ ея спальнѣ во время сна. Я получалъ отвѣтъ до полудня.

Успокоивъ сердце послѣ ночнаго волненія, я усиливался укротить нетерпѣніе вечерняго свиданія, начавшее овладѣвать мной; старался развлечь не душу, но мысли и глаза, наложилъ на себя чтеніе, работу, умственные труды впродолженіи долгихъ часовъ, чтобы не замѣтить время между часомъ разлуки и свиданія. Я хотѣлъ усовершенствоваться не для другихъ, но для нея; хотѣлъ, чтобы тотъ, кого она любила, не заставилъ ее краснѣть за предпочтеніе; чтобы люди высокаго достоинства, которые составляли ея общество и встрѣчали меня иногда въ ея гостиной какъ скромнаго сѣнника у угла каминна или статую созерцанія, могли открыть, если бы случайно со мной заговорили, душу, понятія, надежды, будущность, подъ наружностью этого робкаго и молчаливаго незнакомца. И притомъ я опять творилъ какія-то неясныя мечты о блестящемъ кругѣ дѣйствія, о дѣятельномъ предназначеніи, которое, быть-можетъ, увлечетъ меня когда-нибудь, какъ вихрь срываетъ листокъ съ дерева скромнаго садика моего отца, чтобы поднять его высоко на воздухъ, а Юлія съ наслаженіемъ будетъ видѣть изъ-дали какъ я вступаю въ войну съ рокомъ, въ борьбу съ людьми, возвышаюсь въ силѣ, въ величіи, въ добродѣтели и тихо тщеславиться, что разгадала меня прежде толпы и полюбила прежде потомства!

Все это, въ особенности же принужденный досугъ, неотступность всегда одной мысли, презрѣніе къ остальному — недостатокъ въ деньгахъ, не позволявшій мнѣ искать развлеченій, в отшельнической затворѣ, въ который я заключился, присудили меня къ головной работѣ, болѣе напряженной, болѣе страстной чѣмъ все прежнее подобное.

Я проводилъ цѣлый день за рабочимъ столикомъ, освѣщеннымъ слуховымъ окномъ, выходившимъ на дворъ римельевского дому. Фаянсовая печка нагрѣвала комнату; ширмы окружали столъ и стулъ, и скрывали меня отъ взглядовъ молодыхъ свѣтскихъ людей, которые часто посѣщали моего друга. На горизонтѣ этого

обширнаго двора бывали гремящія отраженія стуку колесъ, бывали молчанія, порой случался прекрасный лучъ зимняго солнца въ борьбѣ съ туманомъ, ползающимъ по улицамъ Парижа. Этотъ шумъ и это безмолвіе нѣсколько напоминали мнѣ игру свѣту, шумъ вѣтровъ и прозрачные туманы моихъ горъ.

Я видѣлъ какъ тамъ, время отъ времени, игралъ прелестный осьми или десятилѣтній мальчикъ, сынъ привратника. Его головка скорбящаго ангела, чудесные, вьющіеся по лбу волоски, умная и чувствительная фізіономія напоминали мнѣ невинныя личики ребятишекъ моей родины. Въ самомъ дѣлѣ, родители его были изъ деревни, сосѣдней съ деревней батюшки, разорились и пріѣхали въ Парижъ. Этотъ мальчикъ привязался ко мнѣ; видя меня постоянно у окна надъ комнаткой матери, добровольно и даромъ посвятилъ себя къ моимъ услугамъ, исправлялъ мои порученія, приносилъ кусокъ хлѣба и сыру, плоды для завтраку, каждое утро покупалъ для меня провізію у торговки. Я обѣдалъ на рабочемъ столѣ, среди раскрытыхъ книгъ и неконченныхъ страницъ.

У мальчика была черная собака, забытая въ этомъ домѣ однимъ иностранцемъ. Собака и мальчикъ не разставались; наконецъ и собака привязалась ко мнѣ какъ мальчикъ. Войдя по деревянной лѣсенкѣ, она не хотѣла уже сходить внизъ. Почти цѣлый день они лежали и играли вмѣстѣ на рогожѣ у ногъ моихъ, подъ столомъ. Послѣ я увезъ собаку изъ Парижа и долго держалъ ее при себѣ, какъ вѣрное и любящее воспоминаніе объ этомъ удивительномъ времени. Я потерялъ ее не безъ слезъ въ 1820, проходя лѣсомъ Понтинскихъ Болотъ, между Римомъ и Террачиной. Мальчикъ выросъ, выучился граверному искусству, которымъ даровито занимается въ Ліонѣ. Заслышавъ мое имя, когда оно прогремѣло, онъ приходилъ ко мнѣ и заплакалъ отъ радости, что увидѣлъ меня, и отъ грусти, когда узналъ о пропажѣ собаки. Бѣдное человѣческое сердце! ему необходимо все, что оно разъ полюбило!...

Я перечелъ впродолженіи этихъ тысячъ часовъ, заключенный между печкой, ширмами, окномъ, ребенкомъ и собакой, всю писанную древность, исключая латинскихъ поэтовъ, которыми насъ пресытили въ училищѣ и въ которыхъ наши усталые глаза не видали ничего кромѣ цезуръ, короткихъ и длинныхъ. Грустное дѣйствіе преждевременнаго пресыщенія, отъ котораго блекнетъ для души ребенка самый цвѣтистый и благоуханный цвѣтъ че-

ловѣческой мысли! Но я перечелъ всѣхъ философовъ, ораторовъ и историковъ на ихъ собственномъ языкѣ. Я обожаю въ особенности тѣхъ, которые соединяли въ себѣ эти три мощныя силы разума: преданіе, рѣчь, примѣненіе — фактъ, рассказъ и нравственный выводъ, Фукидида и Тацита болѣе другихъ. Потомъ Макіавелли, этого смышленнаго костоправа по части политическихъ ушибовъ. Потомъ Цицерона, этотъ звонкій сосудъ, содержащій въ себѣ все отъ частныхъ слезъ человѣка, супруга, отца, друга до народныхъ стоновъ, переворотовъ Рима и міра, до трагическихъ предчувствій собственной судьбы. Цицеронъ — словно цѣдильный приборъ, гдѣ всѣ эти воды оставляютъ свои осадки, отстаиваются и свѣтлѣютъ на днѣ изъ философіи и чудныхъ безоблачностей, который потомъ изливаетъ свою душу въ потокахъ краснорѣчія, мудрости, благочестія и гармоніи. Я считалъ его досихъ-поръ великимъ и пустымъ говоруномъ, заключающимъ мало смысла въ длинныхъ періодахъ; я ошибался. Этотъ человѣкъ — глаголь дреяности послѣ Платона; самый высокій слогъ изъ всѣхъ языковъ. Его считаютъ худымъ, потому что онъ великолѣпно драпированъ. Но снимите эту порфиру — останется великая душа, которая все предчувствовала, все поняла и все сказала изъ того, что можно было понять, чувствовать и говорить въ его время въ Римѣ.

Что до Тацита, то я даже не старался оспаривать страсти моей къ нему. Я предпочитаю его даже Фукидиду, этому Демосоеву исторіи. Фукидидъ болѣе излагаетъ: дѣло у него не живетъ, не животрепещетъ. Тацитъ не историкъ, но перечень человѣчества. Рассказъ его — ударъ факта въ сердце гордое, благородное, чувствительное. Холодъ ходитъ по лбу, когда его читаешь, но это не одно ошметивеніе кожи, а вибръ и дрожь души. Чувствительность его болѣе чѣмъ волненіе души: это — жалость; сужденія его болѣе чѣмъ мщеніе: это — справедливость. Негодованіе его болѣе чѣмъ гнѣвъ: это — добродѣтель. Душа сродняется съ душой Тацита, и гордится этимъ родствомъ. Хотите ли преступленіе сдѣлать для сыновъ вашихъ невозможнымъ? питайте ихъ Тацитомъ. Если они не сдѣлаются героями въ этой школѣ, то потому, что природа создала ихъ неспособными къ добродѣтели. Что до меня, то этому писателю обязанъ я не мясными фибрами моего тѣла, но всѣми металлическими фибрами моего существа. Онъ закалялъ ихъ.

Я также страстно любилъ ораторовъ, изучалъ ихъ съ предчув-

ствіемъ чловѣка, которому предстояло говорить глухимъ толпамъ и утѣшаться на клавиатурѣ услышаній чловѣческихъ. Демосеева, Цицерона, Мирабѣ, особенно лорда Четема, котораго краснорѣчіе, совершенно вдохновенное и совершенно лирическое, скорѣе вопль чѣмъ голосъ. Это краснорѣчіе паритъ надъ ограниченнымъ собраніемъ слушателей и надъ современными страстями на высочайшихъ крыльяхъ поэзіи въ несмѣнныя области вѣчной истины и вѣчнаго чувства. Четемъ беретъ истину въ руки создателя истины и дѣлаетъ изъ нея—мало того свѣтъ—громовой ударъ пренія. Къ несчастію отъ него остались какъ отъ Фидіи въ Паренонѣ только обломки отшибленныхъ головъ, увѣчныя руки, и туловища. Но подобравъ мысленно эти обломки одѣвъ ихъ другими, можно воспроизвести изъ нихъ чудеса и божество краснорѣчія. Я представлялъ себѣ времена, обстоятельства, страсти, честолюбіе, *форумы* подобныя тѣмъ, которые взвилъ на высь этихъ великихъ людей, и какъ Демосеевъ волнамъ моря, я внутренно говорилъ призракамъ моего воображенія.

Въ первый разъ прочелъ я въ то время рѣчи Фокса и Питта. Фоксъ показался мнѣ декламаторомъ въ прозѣ, однимъ изъ тѣхъ придирчивыхъ геніевъ сутягъ, которые рождаются противорѣчить, а не рѣшить, адвокатовъ безъ достоинства, и которыхъ совесть только въ голосѣ, и которые размахиваютъ языкомъ преимущественно для своей собственной пользы. Въ Питтѣ я чувствовалъ государственнаго чловѣка, у котораго слова—дѣйствія, и который, при рушеніи Европы, поддерживалъ отечество свое на плечахъ своего здраваго смысла и постоянства характера. Питтъ, это — Мирабѣ съ прибавкою честности и съ убавкою порыва. Мирабѣ и Питтъ стали и остались для меня любимыми государственными разумами. Монтескѣ казался при нихъ диссертаторомъ, начитаннымъ, замысловатымъ, систематическимъ; Фенедомъ чуднымъ но несбыточнымъ; Руссо болѣе яростнымъ чѣмъ вдохновеннымъ; болѣе великимъ инстинктомъ чѣмъ великою истиною; Боссюэ — золотымъ языкомъ рабочей мысли. легкой души.

Я написалъ брошюрку страниць во сто о вопросѣ, живо зашишьте тогда умы. Юлія, которой я отдалъ мою рукопись, чтобы раздѣлить съ нею и труды мои какъ жизнь, дала прочесть ее чловѣку, замѣчательному въ ея дружескомъ обществѣ, сунденіи котораго она очень уважала. Это былъ М^{***}, достойный сынъ знаменитаго члена конституціоннаго собранія, долго былъ

шій домашнимъ секретаремъ императора: это былъ одинъ изъ тѣхъ умовъ, у которыхъ вѣтъ юности, которые родятся зрѣлыми и умираютъ ювыми, оставляя большую пустоту въ своей эпохѣ. М^{***} прочтя трудъ мой, спросилъ у Юліи какой политикъ написалъ эти страницы. Она улыбнулась и призналась, что это произведеніе очень молодаго человѣка, у котораго вѣтъ ни мнени, ни опытности, ни послужныхъ подвиговъ въ дѣлахъ. М^{***} захотѣлъ меня видѣть, чтобы повѣрить. Меня представилъ ему. Онъ почтилъ меня благосклонностью, которая впоследствии стала дружбою и не пошатнулась до самаго смертнаго одра. Я не напечаталъ этого сочиненія; но М^{***} представилъ меня другу своему москѣ де-Реневалю, свѣтлому уму, откровенному сердцу, привлекательному и веселому разуму, хотя трудолюбивому и серьезному. Онъ былъ тогда душою нашихъ иностранныхъ дѣлъ, и умеръ посланникомъ въ Мадридѣ. Москѣ де-Реневаль, прочитавъ трудъ мой, принялъ меня въ своемъ домѣ съ той ободрительной любезностью и съ привѣтливой улыбкой, которыя уничтожаютъ разстояніе и съ перваго взгляду привлекаютъ сердце молодаго человѣка. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ пріятно поучиться, потому что они какъ будто изливаются, а не учатъ, и дарятъ а не налагаютъ свои свѣдѣнія. Лучше можно было въ нѣсколько утръ узнать Европу въ бесѣдѣ съ этимъ милымъ человѣкомъ чѣмъ въ дипломатической библіотекѣ. У него былъ тактъ, этотъ самородный геній переговоровъ. Ему обязанъ и страстью къ этимъ высокимъ дѣламъ, которыми онъ вращался, чувствуя ихъ важность, но не ощущая ихъ тягости. Для его силы все было легко, способность его придавала сердце и грацію дѣламъ. Онъ поддерживалъ во мнѣ желаніе вступить на дипломатическую карьеру, самъ ввелъ меня къ москѣ д'Отриву, директору архивовъ и позволилъ ему открыть мнѣ собраніе переговоровъ. Москѣ д'Отривъ, старикъ, посѣдѣвшій надъ депешами, былъ неизмѣннымъ преданіемъ и живымъ догматомъ нашей дипломатіи. Съ своимъ величественнымъ станомъ, глухимъ голосомъ, густыми и наудрепными волосами, длинными бровями, упавшими на глубокія и тускляя глаза, онъ походилъ на говорящій вѣкъ. Онъ принялъ меня какъ отца, который долго копилъ науку и радъ передать сыну свое богатое наследіе. Заставлялъ меня читать, наводить справки, работать, отмѣчать у себя на глазахъ, въ своемъ кабинетѣ. Два раза въ недѣлю я занимался по нѣскольку часовъ подъ его руководствомъ. Люблю

вспоминать объ этой бодрой и щедрой старости, которая расточала себя для молодаго человѣка, неизвѣстнаго ему даже по имени. Мосье д'Отривъ умеръ во время сраженія въ июлѣ 1830 года.

Таковы были мои ежедневныя занятія, вполне умственныя и вполне трудолюбивыя. Я ничего болѣе не хотѣлъ; даже честолюбивое желаніе мое выступить на поприще было собственно желаніе матушки, а съ моей стороны только горестное опасеніе не держать ея брилліантъ, безъ всякаго вознагражденія ей улучшеніемъ моей судьбы. Если бы мнѣ предложили въ то время посольство, чтобы удалиться изъ Парижа и дворець, чтобы оставить мою переднюю, я бы закрылъ глаза, чтобы не видѣть счастья, и уши, чтобы не слушать. Я былъ слишкомъ счастливъ, въ моей неизвѣстности лучомъ невидимымъ для другихъ, который освѣщалъ и зажигалъ мою ночь.

Счастіе мое начиналось когда день кончался. Обыкновенно я обѣдалъ одинъ въ моей кельѣ. Хлѣбъ, кусокъ вареной говядины, приправленной петрушкой или какимъ нибудь салатомъ изъ кореньевъ, составляли обыкновенно мой обѣдъ. Я пилъ только воду, чтобы сберечь расходъ на вино, столь необходимое для безвкусной и часто сирадной, парижской воды. Двадцати су въ день достаточно было для моего обѣда. Имъ питалась также бѣдная собака, признавшая меня своимъ хозяиномъ. Послѣ обѣда, я бросался на постель, изнуренный уединеніемъ и дневной работой; такимъ образомъ я сокращалъ спомъ долгіе, ночные часы, отдѣлявшіе еще меня отъ единственной минуты, когда настоящее время начиналось для меня: часы, которые молодые люди тратятъ какъ я самъ это дѣлалъ до моего преобразованія, въ театрахъ, въ публичныхъ мѣстахъ, и въ бытовыхъ столичныхъ развлеченіяхъ.

Въ одиннадцать часовъ я вставалъ, одѣвался съ благопристойной простотой молодаго человѣка, которому станомъ, лицомъ и волосами взбитыми гребенкой не щеголять между людьми. Чистая обувь, бѣлое бѣлье, одежда всегда чернаго цвѣту, вычищенная моими собственными руками, застегнутая до подбородка, какъ костюмъ школьникова среднихъ вѣковъ, военный плащъ, брошенный на лѣвое плечо, и предохраняющій платье отъ уличныхъ брызговъ; таковъ былъ однообразный, простой, незамѣтный костюмъ, который не измѣнял моему положенію, не показывалъ ни роскоши, ни нищеты; и позволялъ переходить изъ уединенія въ гостиную, не привлекая, но и не поражая взору равнодушныхъ.

Я выходилъ пѣшкомъ, потому что на одну поѣздку въ наемной каретѣ пришлось бы издержать цѣлый день моей жизни. Я шелъ по троттоарамъ, пробирался вдоль стѣнъ, избѣгалъ колесъ, ступалъ медленно на ципочкахъ, чтобы предохранить платье отъ грязи, которое въ освѣщенной гостиной обнаружило бы смиренно пожаловавшаго пѣшехода. Я не торопился, потому что Юлія принимала каждый вечеръ друзей мужа въ своихъ комнатахъ. Я ждалъ, чтобы послѣдняя карета отѣхала отъ дверей, чтобы постучаться. Я принималъ эту предосторожность, не только для того, чтобы избѣгнуть замѣчаній о частыхъ посѣщеніяхъ неизвѣстнаго молодого человѣка въ домѣ такой молодой и прелестной женщины, но въ особенности, чтобы не раздѣлять ея взглядовъ и словъ съ равнодушными, которыхъ разговоръ она принуждена была поддерживать и оживлять въ это время: мнѣ казалось, что каждый изъ нихъ отнималъ у меня часть ея присутствія и ея души. Видѣть ее, слушать и не обладать ею одному, это было иногда жестоко для меня, чѣмъ вовсе ее не видѣть.

Я ходилъ, чтобы провесть время, съ одного конца до другаго, по мосту черезъ Сену, почти напротивъ Юліина дому. Сколько тысячь разъ сосчиталъ я доски этого моста, звучашія эхомъ подъ моими ногами! Сколько мѣдныхъ грошей бросалъ я мимоходомъ въ жестяную чашку бѣднаго слѣпца, сидящаго на свѣгу или на дождѣ на мосту! Я молился, чтобы моя убогая дельга прозвенѣвъ въ серацѣ бѣдняка, припесла мнѣ въ награду уходъ незнамаго гостя, замедлявшаго мое счастіе и безопасность на длинный предлинныи вечеръ.

Юлія, которая знала какъ мнѣ было неприятно находить у ней несторонникъ, условилась подавать мнѣ знакъ, по которому я могъ бы узнать объ отсутствіи или присутствіи посѣтителей въ ся малешкой гостиной. Когда было много гостей, обѣ внутреннія ставни узкаго окна закрывались: мнѣ видѣлся только слабый свѣтъ восковыхъ свѣчъ сквозь половинки ставней. Когда были только одинъ или двое короткихъ приятелей, готовыхъ уйти, закрывалась только одна половинка ставни. Наконецъ когда всѣ расходились, обѣ половинки растворялись, заваѣски отдергивались, и съ другаго берега я могъ рассмотреть свѣтъ лампы, поставленной на столѣ, передъ которымъ она читала или писала въ ожиданіи меня. Глаза мои не теряли изъ виду этотъ далекій свѣтъ, видный и понятный мнѣ однакъ между тысячи фонарей освѣщенныхъ оконъ, лавокъ, каретъ, кофейныхъ, этихъ подожж-

выхъ или неподвижныхъ огненныхъ аллей, которыя освѣщаютъ ночью фасады и горизонтъ Парижа. Все другое освѣщеніе нечезало для меня. Не было другаго свѣту на землѣ, другихъ звѣздъ на небѣ кромѣ этого круглаго окошечка, похожаго на глазъ выпученный на мою особу, для отысканія тѣни моей во иракѣ, окошко, на которое мой взоръ, мысль, душа были исключительно привлечены! О, неуразумимое могущество этой безиредѣльной сущности человѣческой, которая властна наполнить пространство тысячу міровъ и находить ихъ еще тѣсными для своей всеобъемлемости, и властна также сжаться въ мельчайшую точку свѣта, рдѣющую сквозь мглу рѣчныхъ паровъ, средѣ океана огней огромнаго города и находить еще тутъ мѣсто для безконечности своихъ желаній, чувствъ, разума, любви, тутъ въ этой одной некордѣ, которой не сравнятся даже съ свѣтящимся червячкомъ лѣтней ночи! Сколько разъ я говорилъ себѣ это, расхаживая по темному мосту, закутавшись по уши. Сколько разъ вскрикивалъ смотря на окошечко, блестящее вдали: «Ахъ, если бы потухъ весь свѣтъ на землѣ, загасли всѣ блестящіе шары тверди небесной, во вѣчно блестялъ бы этотъ крошечный свѣтъ, таинственной звѣзды двухъ жизней. И этотъ свѣтъ освѣтитъ весь міръ и его доставитъ на цѣлый мой вѣкъ!»

Ахъ! я увидѣлъ какъ угасла эта звѣзда юности моей, жерло глазъ и сердца! Видѣлъ какъ ставни окна много лѣтъ оставались закрыты надъ погрѣбальной темнотой комнаты. Потомъ я видѣлъ какъ они раскрылись однажды. Потомъ я видѣлъ лѣтомъ у окна, облитая солнцемъ, украшеннаго вазами съ цвѣтами, какъ незнакомая молодая женщина играла и улыбалась съ новорожденнымъ ребенкомъ, не подозревая, что она играла на гробницѣ, что ея улыбки становились слезами въ глазахъ прохожаго, и что эта жизнь была насмѣшкой надъ смертью!... Потомъ я часто приходилъ боязливо къ этой стѣнѣ и теперь еще прихожу каждый годъ, дотрогиваюсь до этой двери, сажусь на каменную скамейку, смотрю на огонь, прислушиваюсь къ шуму наверху, и воображаю съ минутой, что вижу отблескъ ея лампы, слышу звукъ голоса, что стучусь въ дверь, что она ждетъ меня, что я иду!... О память! благодѣлніе ли ты для меня или мученіе ада?...

— Но прости, другъ, продолжаю разсказъ, потому что ты этого хочешь.

На другой день нашего пріѣзда Юлія представила меня старцу, который замѣнялъ ей отца и послѣдніе дни котораго она освѣ-

щала лучезарностью своей души, нѣжности и красоты. Онъ принялъ меня какъ втораго сына. Отъ нея онъ зналъ о встрѣчѣ нашей въ Савой, о нашей братской привязанности, объ ежедневной перепискѣ, о родствѣ нашихъ душъ, открывшемся сходствомъ истиниктовъ, лѣтъ и чувствъ, зналъ о сверхъестественной чистотѣ привязанности, которую природа и общество запрещали намъ измѣнять въ ея сущности. Безпокойство и ревность бывали у него только о славѣ и жизни своей питомицы. Онъ только боялся, чтобы она не обольстилась или не обманулась первыми взглядами, которые иногда служатъ откровеніемъ, но чаще всего обманомъ для молодыхъ женщинъ, и не отдала сердца человѣку, созданному единственно ея воображеніемъ. Она читала ему нѣкоторыя мѣста изъ моихъ писемъ: они нѣсколько успокоили его. Только физиономія моя могла сказать, естественны или искусственны были чувства въ моихъ письмахъ, потому что слогъ можетъ лгать, лицо никогда.

Старикъ разсматривалъ меня съ этимъ немного безпокойнымъ вниманіемъ, которое скрываютъ подъ взоромъ, на мгновеніе потупленнымъ. Но по мѣрѣ того какъ онъ наблюдалъ и спрашивалъ меня, я видѣлъ какъ этотъ взглядъ раскрывался, освѣщался внутреннимъ удовольствіемъ, становился полонъ довѣрчивости и радушнаго пріема и покоился на мнѣ съ этой безпечностью и лаской глазъ, которыя могутъ назваться безмолвными, но лучшими словами перваго разговора. Пламенное желаніе поправиться старнку, робость свойственная молодому человѣку, который чувствуетъ что участь сердца зависитъ отъ сужденія, которое будутъ имѣть объ немъ, боязнь, чтобы это впечатлѣніе не было неблагопріятно, присутствіе Юліи, которое смущало меня ободряя, всѣ отбѣнки мысли, видѣвшіеся въ скромной наружности и въ краскѣ щекъ, конечно говорили за меня лучше чѣмъ я бы самъ могъ сказать. Старикъ взялъ меня за руку съ отеческой нѣжностью и сказалъ:

— Успокойтесь и считайте двухъ друзей въ этомъ домѣ. Юлія не могла бы лучше выбрать брата, а я сына.

Онъ обнялъ меня и мы говорили какъ-будто онъ зналъ меня съ дѣтства, до тѣхъ-поръ, когда старый служитель, приходившій аккуратно каждый вечеръ, въ десять часовъ, подавалъ ему руку, чтобы поддержать на лѣстницѣ и довести до спальни.

Это была прекрасная, премилая старость, которой оставалось только пожелать безопасности въ будущемъ. Эта безкорыстная

и отеческая старость нисколько не уязвила взоръ возлѣ молодой женщины. Это была вечерняя тѣнь на утреннемъ разсвѣтѣ. Но покровительственна была эта тѣнь, она пріютила все, не подвергая увяданію эту юность, невинность, красоту.

Черты этого знаменитаго человѣка были правильны какъ чистыя линіи античныхъ профилей, которыя время можетъ сгладить, но не портить. У голубыхъ глазъ былъ мягкій но пронзительный взглядъ измученнаго зрѣнія, которое смотритъ сквозь легкій туманъ. Ротъ былъ тонокъ какъ полу-слово, веселъ какъ улыбка отца малюткамъ. Волосы, включенные среди занятій и отъ лѣтъ имѣли гнбкость и упругость лебяжяго пуха. Руки были тонки и бѣлы какъ у мраморной статуя умирающаго Сенеки, вращающагося съ Полиной. На худомъ и поблѣднѣвшемъ отъ долгихъ, умственныхъ трудовъ лицѣ не было морщинъ, потому что никогда не было мяса. Нѣсколько синеватыхъ, и безкровныхъ жилъ змѣнились только на плоскихъ вискахъ. Лобъ, этотъ органъ, который мысли ваяютъ и полируютъ какъ послѣднюю красу мужчины, отражалъ мерцавіе внутренняго свѣту. У щекъ была эта нѣжность кожи, эта прозрачность цвѣта, которая состарѣлась въ тѣни стѣнъ и никогда не загарала ни отъ вѣтру ни отъ солнца. Цвѣтъ лица женскій, который женообразитъ при концѣ жизни физиономію стариковъ. Онъ придаетъ имъ что-то воздушное, бѣглое, неосязаемое, какъ тѣнь, которую можетъ унести слишкомъ сильное дуновение. Рѣчи зрѣлыя, обдуманныя, естественно направленные въ отрывистыя, ясныя свѣтлыя фразы, отличались точностью устъ, много упражнявшихся въ выборѣ формъ мысли при диктовкѣ или писаніи. Онъ прерывалъ эти фразы продолжительными безмолвіями, словно, чтобы дать имъ время проникнуть въ уши и разлить пріятный вкусъ въ умъ слушателей. Онъ приправлялъ ихъ всегда веселой, никогда цинической веселостью, какъ легкими крыльями, которыми онъ время отъ времени съ намѣреніемъ оживлялъ разговоръ, чтобы не допустить его пасть подъ непрерывной тяжестью идей.

Черезъ нѣсколько дней я обожалъ этого мудраго и много старика. Если мнѣ суждено состарѣться, я бы хотѣлъ постарѣть какъ онъ. Скоро онъ также до того привязался ко мнѣ, что иногда по утрамъ давалъ мнѣ въ своей библіотекѣ уроки тѣхъ высокихъ наукъ, которыя составили его знаменитость, а теперь служили отдохновеніемъ. Я иногда приходилъ туда утромъ. Юлія тоже часто приходила туда. Трогательно было смотрѣть какъ

этотъ старикъ, сидя среди книгъ — монументовъ человѣческихъ познаній и философій, которыхъ страницы онъ исчерпалъ во всю свою жизнь, открывалъ тайна науки и мысли молодому чело-вѣку стоящему передъ нимъ, между-тѣмъ какъ женщина моло-дая и прелестная подобно Беатриче флорентійскаго поэта, этой идеализированной поэзии, и влюбленной мудрости, служила первой ученицей старикъ и соученицей юному брату. Она приносила книги, перелистывала страницы, указывала прелестнымъ розо-вымъ пальчикомъ на главы, перекладывала между сферъ, глущи-совъ, инструментовъ, груды книгъ въ этой пыли человѣческихъ зааній; она походила на душу природы, которая отдѣлялась отъ этого вещества, чтобы зажечь, заставить ее пылать и полюбить.

Въ нѣсколько дней я больше научился и больше понялъ чѣмъ въ цѣлые годы сухихъ и уединенныхъ наукъ. Частое недоро-вые свойственное возрасту учителя, прерывало слишкомъ часто эти разговоры и утреннїе уроки.

Но я продолжалъ приходить каждый вечеръ, проводить часть ночи въ разговорахъ съ той, которая одна была для меня, днемъ и ночью, временемъ и вѣчностью. Какъ я уже тебѣ ска-залъ, я являлся туда въ ту минуту, когда докучные посетители оставляли ее гостиную. Иногда я оставался впродолженіи дол-гихъ часовъ на мосту или на набережной, то прохаживаясь то останавливаясь въ тщетномъ ожиданіи, чтобы внутренній ставень открылся весь или вполонну для безмолвнаго призыва, усло-вленнаго между нами. За сколькими волнами Сены, уносившими подъ арку моста колеблющійся свѣтъ луны или отраженіе оконъ, слѣдовалъ я такимъ образомъ! Сколько часовъ и полу-часовъ, пробитыхъ на сосѣднихъ или отдаленныхъ церквахъ, пересчи-талъ я, проклиная ихъ за медленность или обвиняя въ пошлосто-сти! Я зналъ звукъ мѣдныхъ голосовъ на всѣхъ парижскихъ башняхъ. Были счастливые и несчастные дни. Иногда я не ждалъ ни минуты и находилъ возлѣ нея только мужа, который тратилъ въ веселыхъ разсказахъ и прїятныхъ разговорахъ часы, приготовлявшїе его ко сну. Иногда я встрѣчалъ одного или двухъ друзей дома. Они входили на минуту, принося дневную новость, отдавали дружбѣ начало вечера, который потомъ оканчивали въ палатическихъ гостинныхъ. Обыкновенно это были люди парла-ментскїе, ораторы обвѣхъ палатъ, Сюрдъ, Муніе, Рейневаль, Ламан-Толлендаль, старикъ съ юношеской душою; Ленѣ, самое чистое подражаніе древней добродѣтели и краснорѣчія, который

когда либо я уважалъ въ новѣйшее время; Римлянинъ по сердцу, по языку, по наружности, которому недоставало только тогда, чтобы быть Цицерономъ или Катономъ своего времени. Я привязался съ восторгомъ и съ болѣе вѣжными уваженіемъ къ этому воплощенію великаго гражданина. Мосей Левѣ самъ отличалъ меня нѣсколькими взглядами и предпочтительными словами. Послѣ онъ былъ моимъ учителемъ. Если мнѣ придется когда-нибудь служить отечеству или говорить на кафедрѣ, воспоминаніе объ его патриотизмѣ и краснорѣчій будетъ всегда передо мною какъ образецъ не для того чтобы съ нимъ сравняться, а подражать ему издали.

Люди эти смѣнялись у рабочаго столика. Юлія сидѣла на диванѣ. Я почтительно и безмолвно стоялъ въ углу комнаты, вдали отъ нея, слушалъ, размышлялъ, удивлялся или порицалъ потихоньку, но рѣдко раскрывая ротъ если меня не спрашивали, и принималъ только нѣсколько робкихъ и осторожныхъ словъ вполголоса къ этимъ разговорамъ. У меня всегда было съ очень сильными убѣжденіями чрезвычайное замѣшательство высказать ихъ передъ людьми. Всѣ они казались мнѣ несравненно выше меня и по лѣтамъ и по достоинствамъ. Уваженіе къ времени, къ генію, къ славѣ, составляетъ принадлежность моего характера. Лучъ славы ослѣпляетъ меня, бѣлые волосы внушаютъ уваженіе, знаменитое имя заставляетъ невольно склоняться. Я очень часто терялъ свое достоинство черезъ эту робость, но никогда однако не сожалѣлъ о томъ. Чувство превосходства другихъ хорошо и въ молодости и во всякомъ возрастѣ. Оно возвышаетъ идеалъ, котораго хочешь достигнуть. Увѣренность въ себя — наглость противъ природы и противъ времени. Если чувство превосходства другихъ одинъ только обманъ воображенія, это по крайней-мѣрѣ обманъ, который возвышаетъ человечество. Это лучше нежели тотъ обманъ, который унижаетъ. Ахъ! ужасно скоро приведешь его къ вѣрнымъ и грустнымъ разсѣрамъ!

Люди эти сначала мало обращали на меня вниманія. Я видѣлъ какъ они наклонялись къ Юліи и спрашивали у ней тихо, кто такой этотъ молодой человекъ. Моя задумчивая физиономія и скромная неподдажность наружности, казалось удивляли и нравились имъ. Незамѣтно приближались они ко мнѣ и съ благосклоннымъ вниманіемъ обращались съ нѣсколькими словами. Это было какъ-будто косвенное поощреніе вѣшаться въ разговоръ. Я произнесла нѣсколько словъ, чтобы выразить имъ мою при-

знательность, но скоро опять впадалъ въ прежній иракъ и безмолвіе, изъ опасенія продолжить разговоръ, ожививъ его. Я смотрѣлъ на нихъ только какъ на рамку картины. Настоящій интересъ заключался для меня въ лицѣ, въ словахъ и въ душѣ той, которую присутствие ихъ отнимало у меня.

И потому что это была за искренняя радость, что за бѣшеніе сердца когда они уходили, когда я слышалъ подъ сводомъ стукъ кареты, уносившей наковецъ послѣдняго изъ нихъ! Мы оставались одни. Было уже поздно. Безопасность нашихъ удивленныхъ часовъ увеличивалась съ каждымъ шагомъ мпнутной стрѣлки, приближавшейся къ полночи. Слышеніе было только стукъ кареты, изрѣдка раздававшійся на набережной, или хрипѣвіе старика привратника, спавшаго на лавочкѣ въ сѣняхъ внизу лѣстницы.

Сначала мы не говоря ни слова глядѣли другъ на друга, какъ бы изумляясь нашему счастью. Я подходилъ къ столу, возлѣ котораго Юлія, при свѣтѣ лампы, занималась жевскимъ рукодѣльемъ. Работа выпадала у ней изъ разсѣянныхъ пальцевъ. Взгляды наши расцвѣтали, губы расклевывались, сердца проливались черезъ край. Слова, тѣсныемыя какъ потоки, удерживаемые слишкомъ узкимъ отверстіемъ, сначала не рѣшались течь, и только капля по каплѣ изливали волны мыслей. Мы не могли скоро выбрать въ смѣшеніи всего, что намъ надо было передать другъ другу, то что нужнѣе было высказать. Иногда наступало долгое безмолвіе въ слѣдствіе замѣшательства и избытія словъ, которыя собирались въ нашихъ сердцахъ не будучи въ состояніи вылиться оттуда. Потомъ они начинали течь медленно, какъ первыя капли, которыя рѣшаютъ облако разразиться дождемъ. Эти первыя слова вызывали другія въ отвѣтъ. Звукъ голоса одного увлекалъ звукъ голоса другаго, какъ бросающійся ребенокъ падая ушекаетъ за собою другаго. На одно мгновеніе слова смѣшивались въ безпорядкѣ, безъ связи, безъ отвѣту, ни одинъ изъ насъ не хотѣлъ предоставить другому счастье опередить его въ выраженіи общаго чувства. Каждый думалъ, что первый испыталъ то, что открывалъ изъ своихъ мыслей, со вчерашняго разговора до утренняго письма. Потомъ это бурное развитіе, которое заставляло насъ краснѣть и смѣяться, утихло наконецъ, уступая мѣсто спокойному изліянію устъ, или вмѣстѣ или попеременно выливавшихъ полноту выраженій. Это было безпрерывное и журчащее переливаніе души одной въ другую. Безпрепятствен-

ная мѣна двумя сущностями. Полное превращеніе ея въ меня и меня въ нее черезъ взаимное сообщеніе всего что жило, чувствовало, думало или горѣло въ насъ. Можетъ-быть никогда два столь безукоризненные въ взглядахъ и даже въ мысляхъ существа, не обпачали болѣе сердце своихъ одинъ передъ другимъ и не открывали болѣе невещественнымъ образомъ самую таинственную глубину чувствъ. Эта невинная нагота чувствъ оставалась цѣломудренной хотя открытой. Она была свѣтомъ, который все показываетъ и ничего не грезитъ. Мы могли только открывать незапятнанную любовь, которая очищала насъ, зажигая.

Любовь эта въ слѣдствіе чистоты своей, безпрестанно возобновлялась съ однимъ и тѣмъ же блескомъ въ душѣ, съ одной и той же росой въ глазахъ, съ однимъ и тѣмъ же дѣвственнымъ благоуханіемъ перваго разцвѣта. Всѣ дни походили на первый день, всѣ минуты на ту неизрѣченную минуту, когда чувствуешь какъ распускается и повторяется въ сердцѣ и во взглядѣ другаго я; всегда цвѣтъ, всегда благоуханіе, всегда упоеніе, потому что плодъ никогда не срывается.

Эта любовь принимала, для выраженія себя, всѣ безконечныя формы, которыми Богъ позволялъ душѣ сообщаться съ другою душою, сквозь прозрачную преграду чувствъ. Отъ взгляда, который содержитъ въ себѣ большую частичку насъ самихъ въ лучѣ, почти безплотномъ, до закрытыхъ вѣкъ, которыя какъ будто представляютъ намъ принятый ими образъ, чтобы помѣшать ему испортиться, отъ томности до безумія, отъ вздоха до крика, отъ продолжительнаго безмолвія до этихъ неслышаемыхъ словъ, которыя текутъ изъ устъ безостановочно и безконечно, отъ которыхъ прерывается дыханіе, устаютъ языкъ, которыя произносишь самъ не слыша ихъ, и которыя въ сущности не имѣютъ другаго значенія кромѣ безсильнаго усилія выказать и повторять то, что не можетъ быть пересказано!...

Мы часто говорили такъ по цѣлымъ часамъ вполголоса, облокотясь о століки, лицо возлѣ лица, съ взорами почти слившимися, воображая что разговоръ продолжался не долѣе одного вздоха и въ изумленіи, что минуты бѣжали скорѣе шаговъ и часы пробіли неумолимый часъ разлуки.

Это были то вопросы то отвѣты о самыхъ неумолимыхъ отвѣткахъ нашихъ характеровъ и мыслей. Разговоры едва внятные голосомъ дыханія, выражавшіе болѣе внятныхъ словъ, слы-

дичая испортѣть самыхъ тайныхъ и самыхъ глухихъ стѣнаний сердца, изумленіе и восклицанія счастья, когда мы открывалиecho другъ и отраженныя другъ въ другъ впечатлѣнія, какъ отраженіе фонаря, какъ ударъ въ отраженномъ ударѣ, какъ лицо въ изображеніи. Мы вскрикивали, вставая по взаимному порыву:

— Намъ не двое! мы одно существо подл двумя обманывающими насъ формами. Кто скажетъ другому *вы!* кто скажетъ *я?* Нѣтъ ни я ни *вы*, есть *мы!*... и мы удалиа уничтоженныя восторгомъ къ этой чудной одинаковости и плакали отъ наслажденія, что чувствовали себя двумя въ одномъ, и что двоими существо отдачею его.

Иногда и чаще всего, это были возвраты точные, внимательные на всѣ мѣста, обстоятельства и часы, которые содѣйствовали или ознаменовали начало нашей любви: подобно дѣвушка, которая разсыпала жемчужины ожерелья и возвращается шагъ за шагомъ, опустивъ глаза на дорогу, чтобы найти и поднять ихъ одну по одной. Мы не хотѣли забыть ни одного мѣстечка, ни одного изъ тѣхъ засовъ, чтобы не потерять съ ними воспоминаніе и жадное наслажденіе нашего блаженства. Савойскія горы, шамберійская долина, каскады, потоки, озеро, моховыя лужайки, черныя или струистыя отъ разбросаннаго сіянія, тѣни подл протянутыми отраслями каштанника; лучи сквозь вѣтви; небо, видѣвшееся въ разблѣнны лиственнаго свода надл нашими головами; лазурная скатерть и бѣлые паруса у нашихъ ногъ; первыя невольныя свиданія издали, въ тропникахъ горъ; догадки наши другъ о другѣ; встрѣчи въ лодкахъ на озерѣ до знакомства; ея черныя волосы, развѣваемые вѣтромъ; моя равнодушная наружность; взоры отвращенныя отъ толпы; двойная загадка, непрерывно предложенная нами другъ другу, и которой отгадка для насъ обомъ должна была быть вѣчная любовь; потомъ роковой день бури и обмороку; ночь въ молитвахъ, въ смерти и въ слезахъ; пробужденіе въ небѣ; возвращеніе по тополевой аллеѣ, при лунномъ сіяніи, моя рука въ ея рукѣ, ея горячія слезы, почувствованныя и вылитыя; первыя слова, черезъ которыя вылетѣли наши души, счастье, разлука... назовецъ все!

Мы не могли насытиться этими подробностями. Какъ-будто мы рассказывали исторію постороннихъ лицъ. Но развѣ было что нибудь во вселенной исключая насъ? О. неистощимое любопытство любви, ты не ребяческое минутное разсѣяніе, ты сама любовь, которая не можетъ наглядѣться на предметъ восторку,

которая не хочет упустить ни впечатлѣнія, ни волоска, ни рѣсницы, ни содроганія, ни краски, ни блѣдности, ни вздоха того, что любить она, чтобы имѣть причину любить болѣе и бросить съ каждымъ изъ этихъ воспоминаній большую пищу въ это жерло восторгу, гдѣ она съ такимъ наслажденіемъ горитъ!..

Иногда Юлія вдругъ начинала плакать отъ странной грусти: зачѣмъ я былъ осужденъ этой скрытной, но всегда присутствующей при насъ смертью, имѣть въ ней только призракъ счастья который улетѣть въ ту минуту, когда я захочу прижать ее къ сердцу. Она стонала, обвиняла себя, зачѣмъ внушила страсть, которая никогда не можетъ сдѣлать меня счастливымъ.

— О! я бы хотѣла умереть, умереть скорѣе, умереть молодою и еще любимою, говорила она. Да! умереть! потому что я могу быть только вмѣстѣ предметомъ и горькой мечтой любви и блаженства для тебя! Ахъ, самое высокое счастье и самое жестокое осужденіе смѣшались въ одной судьбѣ! пусть любовь убьетъ меня! пусть ты переживешь меня, чтобы любить послѣ по твоему характеру и по сердцу! Я буду менѣе несчастна умирая, чѣмъ теперь, когда чувствую, что живу твоимъ горемъ, что обрекаю на непрерывную смерть твою юность и счастье.

— О! преступленіе противъ высочайшаго блаженства, отвѣчала я, положивъ трепещущую руку подъ глаза ея, чтобы слезы упали на мои пальцы. Какую гнусную идею составили вы о томъ, кого Богъ нашель достойнымъ встрѣтить, понять и любить васъ? Не большій ли океанъ вѣжности и счастья заключается въ этой слезѣ, которая падаетъ горячею изъ вашего сердца на мою руку, чѣмъ въ тысячѣ утоленныхъ желаній и въ виновныхъ наслажденіяхъ, гдѣ тонуть пошлая привязанности, о которыхъ вы жалѣете для меня? Развѣ я показалъ когда-нибудь, что завидую чему-нибудь другому кромѣ этого страданія вдвоемъ? Не дѣлаетъ ли оно изъ обонхъ насъ двухъ добровольныхъ и непорочныхъ жертвъ? Не это ли вѣчное жертвоприношеніе любви, которое отъ Элонзы до насъ никогда не было принесено на зрѣлище ангеламъ? Упрекалъ ли я когда-нибудь судьбу, даже въ безумствѣ моихъ уединенныхъ часовъ, что она возвысила меня черезъ васъ и для васъ надъ обыкновенными людьми? Мнѣ суждено было любить въ васъ не женщину, которую можно есть и осквернить въ земныхъ объятіяхъ, но неосязаемое и освященное воплощеніе безплотной красоты? Развѣ небесный огонь, который я горю такъ сладостно, не сожигаетъ во мнѣ весь уголь.

пошлыхъ желаній? Развѣ онъ не превращаетъ меня всего въ пламя? Развѣ это пламя не такъ же чисто и пріятно какъ лучи вашей души, которые зажгли его и вѣчно поддерживаютъ вашими глазами? Ахъ! Юлія! имѣйте о себѣ болѣе достойное васъ самихъ понятіе и не плачьте надъ горестями, которыя будто бы вы причинили мнѣ! Я не страдаю. Жизнь моя безпрерывное изліаніе счастья, она полна одною вами, она — миръ, сонъ, котораго грезы — вы! Вы преобразовали меня совершенно. Я страдаю? Ахъ, я бы хотѣлъ страдать на самомъ дѣлѣ, дабы что-нибудь принести въ жертву судьбѣ, въ вознагражденіе того, что она дала мнѣ въ васъ, хоть бы это было даже чувство лишенія и горечь слезы; потому что страдать за васъ только одно могло бы прибавить лишнюю каплю къ чашѣ счастья, которая обливаетъ меня. Страдать такъ, страдать ли это или наслаждаться? Нѣтъ: такъ жить все-равно что умереть, это правда; но умереть нѣсколькими годами раньше, чтобы жить скорѣе жизнью неба!

Она вѣрила этому. Я самъ это думалъ, когда говорилъ. Складывалъ руки передъ нею. Мы наконецъ разставались послѣ этихъ разговоровъ, она оставляя, я унося, чтобы питаться въ разлуку до завтра, впечатлѣніе послѣдняго взгляду и отголосокъ послѣдняго звука, которые должны были оживлять насъ и помогать ждать цѣлый долгій день.

Я видѣлъ какъ она отворяла окно, когда я переступалъ черезъ порогъ двери, облокачивалась между цвѣтами на желѣзную рѣшетку балкона, слѣдила за мною такъ далеко какъ туманъ. Сены позволялъ рисоваться тѣни моей на мосту. Я оборачивался каждые осемь или десять шаговъ, чтобы отослать къ ней душу вмѣстѣ съ взглядомъ и вздохомъ, которые не могли оторваться отъ нея. Мнѣ казалось, что существо мое раздѣлялось на двое; мысль чтобы летѣть къ ней и обитать съ нею, а тѣло одно какъ машинальное существо достигало медленно въ тѣни пустынныхъ улицъ, до двери дома, куда я шелъ спать.

Такъ протекли безъ всякаго другаго разнообразія, кромѣ моихъ умственныхъ занятій и впечатлѣній, восхитительные зимніе мѣсяцы. Они оканчивались. Уже первое сіяніе весны блистало на вершинахъ кровель, на влажномъ и мрачномъ лабиринтѣ парижскихъ улицъ. Другъ мой В*** уѣхалъ на зовъ матери и оставилъ меня одного въ маленькой комнаткѣ, куда онъ принялъ меня. В*** долженъ былъ возвратиться осенью. Онъ заплатилъ за квартиру за цѣлый годъ. И въ отсутствіи все еще оставалъ мнѣ свое брат-

ское гостепрѣимство. Я проводилъ его съ стѣсненнымъ сердцемъ. Мнѣ не съ кѣмъ уже было говорить объ Юліи. Чувства должны были тяготѣть на сердцѣ гнетомъ тѣмъ болѣе тяжелымъ, что не было другаго сердца куда бы я могъ ихъ передать. Но это была тяжесть счастья: я еще могъ ее поднять. Скоро она сдѣлалась тяжестью томленія, которую я не могъ довѣрить никому, еще мевѣ той, кого любилъ.

Матушка написала мнѣ, что неожиданныя бѣдствія по мнѣвию и домашніе недостатки поразили батюшку съ такой жестокостью, что отеческій домъ, прежде столь радушный, открытый, гостепрѣимный, сдѣлался почти бѣднымъ, что привуждало батюшку убавить на половинну годовое содержаніе мое, чтобы, в то съ трудомъ, содержать и воспитывать шестеро другихъ дѣтей. Необходимо, писала она, или поторопиться найти благородныя средства къ существованію собственными мнѣи стараниями въ Парижѣ, или возвратиться домой и жить въ деревнѣ обширнѣ хлѣбомъ въ умѣренности и безропотности. Нѣжность матушки заранѣе утѣшала меня въ этой грустной необходимости. Она описывала съ какимъ счастьемъ меня увидить, премило выставляла раздвѣченную перспективу сельскихъ работъ и простыхъ удовольствій деревенской жизни. Съ другой стороны, нѣкоторые друзья по игрѣ и удовольствіямъ прежнихъ, беспорядочныхъ лѣтъ моихъ, впавъ въ нищету и встрѣтивъ меня въ Парижѣ, напомнили небольшіе долги и просили помочь имъ. Мало по малу они отняли у меня лучшую часть сокровища, которое собралъ я, чтобы долѣе прожить въ Парижѣ. Я доходилъ до два кошелька моего, и наконецъ рѣшился попытаться счастья путемъ славы.

Разъ утромъ послѣ сильной борьбы робости съ любовью, любовь превозмогла. Я спряталъ въ карманъ небольшую рукопись въ зеленомъ переплетѣ; это были стихотворенія — моя послѣдняя надежда. Я шелъ, нерѣшаясь, и часто колебался въ намѣреніи моемъ, къ дому знаменитаго издателя, котораго имя соединено со славой французской литературы и книжной торговли, мосье Д^{***}. Имя это первое привлекло меня, потому что независимо отъ знаменитости издателя, Д^{***} былъ тогда довольно уважаемымъ писателемъ. Онъ издалъ собственные стихи съ полвой роскошью и всею громогласностью поэта, у котораго трубы его славы въ собственномъ же карманѣ. Дойдя въ улицѣ Іакова до двери Д^{***}, двери обитой славой, мнѣ нужно было удвоить усиліе надъ собою, чтобы переступить порогъ, потомъ чтобы взойти на лѣст-

щипу, и наконецъ всего страшнѣе было мнѣ позвонить у двери его кабинета. Но за мною видѣлось мнѣ обожаемое личико Юліи, оно ободряло меня, а рука ея толкала впередъ. Я рѣшилась на все.

Д*** человекъ пожилой, съ точной и торговой физиономіей, съ жесткими, отрывистыми словами какъ человекъ, который знаетъ цѣну минутамъ, принялъ меня вѣжливо, спросилъ что мнѣ нужно. Я долго запыдался, путался въ оборотахъ двусмысленныхъ фразъ, куда причется мысль, которая хочетъ и не хочетъ присутствовать къ дѣлу. Я думалъ, что выигрывая время умножу шужество. Наконецъ растегнулъ сюртукъ и вытащилъ рукопись. Униженно и трепещущей рукою подавъ я ее Д*** и сказалъ, что я нависалъ эти стихи, что желаю ихъ напечатать, если не для славы, о которой вовсе не воображалъ, то по крайней мѣрѣ, чтобы привлечь вниманіе и благосклонность людей могущественныхъ въ литературѣ; что моя бѣдность не позволяетъ мнѣ напечатать на свой счетъ, что я привнесъ на его судъ сочиненіе мое и прошу его напечатать, если онъ найдетъ его достойнымъ свисходительности и благосклонности образованныхъ умовъ.

Д*** улыбнулся съ ироніей, смѣшанной съ добротой, покачалъ головой, взялъ рукопись между двумя пальцами, привыкшими презрительно мять бумагу, положилъ стихи мои на столъ и отложилъ отвѣтъ на недѣлю. Я ушелъ.

Эти семь дней показались мнѣ семью вѣками. Моя будущность, состояніе, слава, утѣшеніе или отчаяніе бѣдной матушки, моя любовь, наконецъ жизнь и смерть были въ рукахъ Д***. То я воображалъ, что онъ читаетъ эти стихи съ тѣмъ же упоеніемъ, которое внушило мнѣ ихъ на горахъ или на берегу потоковъ родины моей, что онъ находитъ тамъ росу души, слезы глазъ, кровь жилъ моихъ, что онъ собираетъ литературныхъ друзей, чтобы выслушать эти стихи, что я самъ слышу изъ глубины моего алькова громъ ихъ рукопескаій. То мнѣ становилось стыдно, что я предалъ взорамъ незнакомца сочиненіе недостойное явиться въ свѣтъ, что раскрылъ мою слабость и наготу для тщетной надежды на успѣхъ, который вмѣсто радости и золота долженъ превратиться въ поношеніе. Но все-таки надежда столь же упорная какъ нищета брала верхъ въ мечтахъ, и вела меня часъ отъ часу до времени, назначеннаго Д***.

У меня не достало сердца, когда я выходилъ на осьмой день моего лѣтвищя. Долго стоялъ я передъ дверью не смѣя позвонить.

Кто-то вышелъ оттуда, дверь осталась открытою. Надо было пойти. Лицо Д*** было невыразительно и двусмысленно какъ у оракула. Онъ просилъ меня съѣсть и отъислать томикъ заваленной грудой бумагъ.

— Я прочелъ ваши стихи, сказалъ онъ. Они не безъ достоинствъ. Въ нихъ есть дарованіе, но недостаетъ тщательной обработки. Они совсѣмъ не похожи на то, что у нашихъ поэтовъ принято и что отъ нихъ принимаютъ съ восхищеніемъ. Откуда взяли вы языкъ, идеи, образы для этой поэзіи? она не подходитъ ни подъ одинъ извѣстный и опредѣленный разрядъ. А жалъ!... потому что тутъ есть гармонія. Оставьте эти новизны, эти нововведенія, которыя собьютъ французскій разумъ съ толку. Читайте нашихъ наставниковъ Деллая, Сорни, Мишю, Ренуара, Лансвала, Фонтана, вотъ любимые поэты публики. Походите на кого-нибудь изъ нихъ, чтобы васъ узнали и читали! Если я посоветую вамъ напечатать этотъ томъ, то дамъ вамъ дурной совѣтъ; если напечатаетъ на свой счетъ — окажу дурную услугу.

Онъ всталъ и подалъ мнѣ рукопись. Я не хотѣлъ спорить съ судьбою, она говорила мнѣ устами этого оракула. Я спряталъ томикъ въ карманъ, поблагодарилъ Д***, извинился, что отнял у него время, но когда сходилъ по ступенькамъ лѣстницы, то у меня подгибались ноги и глаза были влажны.

Ахъ! еслибы Д***, человекъ добрый, чувствительный, покровитель литературы могъ прочесть въ глубинѣ моего сердца, понять что не состояніе ни славу приходилъ вымалывать у него молодой незнакомецъ съ своими стихами въ рукахъ, если бы онъ зналъ, что я просилъ у него любви и жизни, я увѣренъ что онъ напечаталъ бы этотъ томъ. Небо вознаградило бы его за издержки!

Въ отчаяніи воротился я въ свою комнату. Мальчикъ и собака въ первый разъ изумились мрачности физиономіи и упорству шлтанія. Я затопилъ печку и листокъ по листку бросилъ туда цѣлый томъ, не сохранявъ ни одной страницы.

— Если ты не годишься на то, чтобы купить мнѣ день жизни и любви, вскричалъ я глухо, видя какъ онъ горитъ, что мнѣ до того, если безжертво неюи моего сгоритъ съ тобою! Безжертво для меня не слава, а любовь!

Когда наступила ночь, я пошелъ продать бриллиантъ матушки. До тѣхъ поръ я сберегалъ его въ надеждѣ выкупить его цѣной отъкозъ и возвернуть матушкѣ въ цѣлости. Я цѣловалъ украдкой

и орочалъ слезами этотъ брилліантъ, отдавая его ювелиру. Купецъ самъ растрогался. Онъ понялъ, что я не укралъ этотъ брилліантъ по той горести, которую я не могъ скрыть отдавая ему свою драгоценность. Когда я сталъ считать данныя шитья тридцать лундоровъ, золото выпало у меня изъ рукъ, какъ будто было цѣной святотатства. О! сколько брилліантовъ въ двадцать разъ дороже отдалъ бы я послѣ, чтобы выкупить этотъ самый брилліантъ, брилліантъ единственный для меня! частицу сердца матушки! одну изъ ея послѣднихъ слезъ! свѣтъ любви ея!... На какіе пальцы перешелъ онъ?...

Но настала весна. Утромъ Тюльери покрывали гуляющихъ зеленой тѣнью листьевъ и душистымъ снѣгомъ каштановыхъ деревьевъ. Съ мостовъ мнѣ видѣлось за каменнымъ горизонтомъ Шальо и Пасси, длинныя волнистыя и зеленѣющіяся линіи «лѣрійскихъ, мѣдійскихъ и севъ-класскихъ холмовъ». Холмы эти выходили какъ будто уединенные и свѣжіе островки изъ океана мѣлу. Они посылали мнѣ въ сердце угрызения и ѣдкіе упреки. Это были образы, воспоминанія и жажда природы, которыя я забылъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ. Вечеромъ луна плавала съ брызгами свѣту на тепловатыхъ волнахъ рѣки. Мечтательное свѣтло открывало на оконечности ложе Сены, блестящія аллеи и фантастическія перспективы, гдѣ взглядъ терлется въ пейзажѣ пару и тѣни. Душа невольно слѣдовала за глазами. Лавки, балконы и окна на набережной были покрыты вазами цвѣтовъ. Они проливали благоуханіе даже на голову проходящихъ. По угламъ улицъ и на концахъ мостовъ, цвѣточницы сидя за занавѣской распустившихся растений колыхали вѣтвями сирени, какъ будто для того, чтобы падушить воздухъ. Въ комнатѣ Юліи, на каминѣ, превращенномъ въ гротъ изъ мху, на столикахъ, на этажеркахъ стояли горшки фиалокъ, лавдышей, розъ, бѣлой буквицы. Бѣдные полевые пересаженные цвѣтки! Они похожи на ласточекъ безразсудно влетѣвшихъ въ комнату, которыя трутся крыльями объ стѣну, возвѣщающая бѣглымъ жителямъ чердака наступленіе лсныхъ апрѣльскихъ дней. Запахъ этихъ цвѣтовъ отдавался въ нашемъ сердцѣ. Мысли наши натурально приводили насъ, по впечатлѣнію запаха и образовъ, къ природѣ, въ вѣдрахъ которой мы были такъ одни и такъ счастливы. Мы было забыли эту природу, покамѣстъ дни были мрачны, небо сурово, горизонтъ закрытъ. Заключившись въ тѣсной комнаткѣ, гдѣ мы были одни для другаго всей вселенной, мы уже не думали, чтобы существовало другое небо,

другое солнце, другая природа въ насъ. Ясные дни примѣченные нами сквозь кровель безконечнаго города, напоминали ихъ намъ. Они смутили насъ, огорчили, заставили по невидимому instinctu ближе созерцать, вкушать, уживаться ими въ лѣсахъ и пустыняхъ парижскихъ окрестностей. Намъ казалось, когда это неодолимое желаніе овладѣвало нами, когда мы составляли планы далекихъ прогулокъ въ лѣсахъ венецианскихъ, сенъ-жерменскихъ, версальскихъ, Фонтенебло, что мы опять увидимъ наши лѣса и воды въ альпійскихъ долинахъ. По крайней мѣрѣ мы бы увидали тамъ тоже солнце и тѣже тѣни, встрѣтили бы въ вѣтвяхъ звуковое стenanіе тѣхъ же вѣтровъ.

Весна возвращавшая ясность небу и сокъ растеніямъ, возвращала также Юліи юность болѣе животрепещущую, болѣе полную сердцемъ. Цвѣтъ щекъ сдѣлался живѣе, лучи глазъ голубѣе и проникательнѣе. Въ интонаціи ея выраженій было болѣе душевнаго волненія, въ томности — болѣе вздоховъ, въ походкѣ — болѣе порыву, въ положеніяхъ тѣла болѣе дѣтства. Лихорадка жизни трясла ее даже въ комнатной неподвижности. Эта пріятная лихорадка толпила слова на ея губахъ и сообщала безпокойство ножкамъ на паркетѣ. Вечеромъ Юлія открывала занавѣски и каждую минуту облакачивалась на окно, чтобы вдыхать свѣжесть воды, лучи луны, порывы растительнаго воздуха, которые слѣдуя по мѣдонской долигѣ долетали мягче, нѣжнѣе до комнатъ на набережной. — О! говорилъ я, подаримъ нѣсколько праздничныхъ дней нашимъ думамъ среди всѣхъ этихъ счастливыхъ дней! Мы счастливые и признательные изъ всѣхъ существъ, для которыхъ Богъ оживилъ землю и небеса, не будемъ одни изъ тѣхъ, для кого Онъ понапрасну оживилъ ихъ. Погрузимся въ этотъ воздухъ, въ этотъ блескъ, въ эти травы, вѣтви, въ весь этотъ океанъ растительности и оживленія, который обливаетъ въ эту мнущую землю! Посмотримъ, не состарѣлось ли однимъ сутками что нибудь въ дѣлахъ его творчества? не понизилось ли на одну ноту въ этомъ энтузіазмѣ, который пѣлъ да ревелъ, любилъ да вопилъ въ насъ на горахъ и волнахъ савойскихъ!

— О, да! пойдемъ, сказала она; мы не будемъ чувствовать болѣе, не будемъ любить лучше, благословлять иначе. Но мы сдѣлаемъ лишній уголокъ земли и неба свидѣтелемъ счастья двухъ бѣдныхъ существъ. Храмъ нашей любви, бывшій только на этихъ возлюбленныхъ горахъ, будетъ вездѣ, гдѣ только я стану ходить и дышать съ тобою!

Старик поощрялъ прогулки въ прелестныхъ окрестныхъ парижскихъ лѣсахъ. Онъ надѣлая — донтора подавалъ ему эту выдумку — что растительный воздухъ, сопряженное съ солнцемъ, отъ котораго все умятнется, умирное движеніе въ полѣ укрѣпляетъ болѣзненную долготность Юлиновыхъ нервъ, и придадутъ упругости ея сердцу. Во всѣ лѣсные дни, впродолженіи пяти недѣль первоначальной весны, я въ полдень прѣзжалъ за нею. Карета, въ которую мы сѣли, была закрыта, чтобы избѣжать взглядовъ и легкомысленныхъ замѣчаній, которые прохожіе знакомые или незнакомые ей, могли бы сдѣлать, видя восхитительную молодую [женщину одну съ мужичиной мохъ лѣтъ. Я же довольно походилъ на нее, чтобы меня могли принять за ея брата. Мы выходили изъ кареты у входа въ лѣсъ, у подошвы холмовъ, у воротъ парка парижскихъ окрестностей, отъискивали въ Флѣри, въ Мѣдонѣ, въ Севрѣ, въ Сартори, въ Венсеннѣ, самыя длинныя и удлиненыя аллеи, устланныя цвѣтущими травами, которыхъ ковыта лошадей топчуть только во время королевской охоты. Тамъ мы не встрѣчали ни кого кромѣ дѣтей, или бѣдныхъ женщинъ, выкапывавшихъ изъ земли цикорій. Время отъ времени испуганная лань шумѣла въ листьяхъ и посмотрѣвъ на насъ пробѣгала по аллеѣ, углубляясь въ кусты. Мы шли безмолвно, то впередъ одинъ другаго, то я велъ ее подъ руку. Мы говорили о будущемъ, о счастьи обладать одной десятиною изъ этихъ тысячи необитаемыхъ десятинъ, съ домикомъ сторожа, подъ однимъ изъ этихъ старыхъ дубовъ, мечтали вслухъ, срывали фіалки или барвинки, составляли изъ нихъ іероглифы и разиѣнивались ими другъ съ другомъ, сохраняли эти цвѣточныя буквы въ гладкихъ листьяхъ черемухи и приписывали имъ такое-то воспоминаніе, взглядъ, вздохъ, мольбу, и обѣщались прочесть ихъ въ разлукѣ. Они должны были напоминать намъ всегда то, чего мы не хотѣли потерять изъ нашихъ восхитительныхъ разговоровъ.

Мы сѣли въ тѣни, на краю аллеи, открывали книгу, пробовали читать, но никогда не могли дойти до конца страницы. Мы лучше любили читать въ самихъ себѣ вѣнстошныя страницы собственныхъ ощущеній. Я ходилъ за молокомъ и ситычъ хлѣбомъ въ сосѣднюю мызу. Мы завтракали на травѣ, бросая остатки молока муравьямъ, крошки хлѣба птичкамъ; при заходѣнн солнца возаращались въ бурный океанъ Париза; шумъ и дожда сжимали намъ сердце. Я оставлялъ Юлію, упоенную про-

шестидесять дней у дверей ее и возвращался взнуренный счастьемъ въ пустую комнату, ударялъ въ стѣны, чтобы обрушившіеся они возвратили мнѣ свѣтъ, природу и любовь, которыхъ они меня лишали; обѣдалъ безъ аппетита, читалъ не понимая, зажигалъ лампу, ждалъ, считая часы, чтобы вечеръ пришелъ скорѣе и мнѣ можно было возвратиться къ Юліи и испросить у ночи утѣхныхъ разговоровъ.

На другой день мы принимались за тѣ же прогулки. Ахъ! на столькихъ сучьяхъ деревь, въ этихъ лѣсахъ, на корняхъ, или на корѣ сдѣлалъ я ножомъ знакъ, по которому я всегда узнаю ихъ. Подъ этимъ она наслаждалась тѣнью, возлѣ тѣхъ вдохнула потоки жизни, лучъ солнца, или врывъ лѣснаго запаха! Каждую весну въ годовщину этихъ прогулокъ, я еще прихожу посмотрѣть на нихъ разъ или два. Когда топоръ срубаетъ ихъ, мнѣ кажется, что онъ поражаетъ меня самого, и увозитъ часть моего сердца!

На самой высокой и болѣе другихъ уединенной вершинѣ сень-луискаго парка, въ томъ мѣстѣ, гдѣ хребетъ холма округляется, раздѣляясь на два противоположные ската, одинъ къ севрской долинѣ, другой къ замку, есть перекрестокъ, составленный изъ скрещенія трехъ длинныхъ аллей. Тамъ амен эти встрѣчаются и образуются, встрѣчаясь, широкую пустую лужайку. Глазъ открываетъ издали рѣдкаго посѣтителя, возмущающаго утромъ ихъ безопасность. Этотъ холмъ въ видѣ мыса возвышается надъ севрской долиной, Сеной, и версальской дорогой. Окруженный тремя волосами лѣсу, которыя идутъ треугольникомъ между аллеями, утоная подъ длинными тѣнями окружающихъ его деревь, онъ походитъ на круглый бассейнъ озера съ травой и листьями вмѣсто волвъ. Если смотрѣть къ севрской долинѣ, вмѣсто перспективы видѣется широкая и длинная наклонная лужайка. Она круто спускается къ потоку воды, какъ каскадъ зеленого стѣна волдуемый вѣтромъ на стеблѣ. Эта лужайка теряется въ глубинѣ долины въ черныхъ массахъ лѣсна, населеннаго косулями. Черезъ этотъ лѣсокъ видѣются на другой сторонѣ Сены, высокие кроны и вершины величественныхъ медооныхъ парковъ, отдѣляющихся на лѣтнемъ небѣ. На этомъ-то холмѣ, гдѣ наслаждаешься вдругъ и возвышенностью мыса, и безмолвіемъ и убѣжденіемъ долины, и удивленіемъ пустыни, часто приходилъ мнѣ посидѣть. Грудь тамъ лучше дышитъ, ухо погружается въ бѣду

шее умиление, душа воспаряетъ выше надъ житейскими горизонтами.

Мы пришли туда въ одно майское утро. Это былъ тотъ часъ, когда у безконечнаго лѣса нѣтъ другихъ обитателей кромѣ сериъ, онѣ прыгаютъ въ пустынныхъ аллеяхъ; изрѣдка смотрители надъ дичиною проходятъ какъ черныя точки на оконечности горизонта. Мы сѣли подъ седьмымъ деревомъ, которое образуетъ впадинистый полукругъ перекрестка напротивъ севрской лужайки. Въ живой покрывкѣ и въ швахъ его вѣтвей — цѣлые вѣка. Корни раздувшись отъ соку, чтобы питать и поддерживать стволъ, растрескали подъ нимъ землю и окружаютъ его мхомъ; этотъ мохъ образуетъ природную скамейку, которой спивкой служить самъ дубъ, а нижніе листья балдахиномъ.

Утро было также прозрачно какъ морская вода при восходѣ солнца подъ зеленѣющимъ мысомъ Архипелажскихъ острововъ. Уже жгучіе лучи лѣта падали съ свѣтлаго неба на лѣсистый холмъ. Лучи эти выходили изъ лѣска теплымъ дыханіемъ, какъ волны смоченныя солнцемъ, которыя омываютъ въ тѣни ноги купальщицъ. Не слышно было другаго шума кромѣ паденія нѣсколькихъ сухихъ листьевъ прошлой зимы. Онѣ падали при бивіяхъ соку къ подножію дерева, и уступали мѣсто новымъ листочкамъ, едва распустившимся. Полеты птицъ ломали крылья между вѣтвями около гнѣздъ, и всеобщій рой всеобщаго жужжанія насѣкомыхъ, упоенныхъ свѣтомъ, звывался и исчезалъ какъ пыль при малѣйшемъ волнованіи сѣна въ цвѣту.

Было такое созвучіе между нашей юностью и юностью года и дня, такая совершенная гармонія между этимъ свѣтомъ, зноишь, блескомъ, безмолвіемъ, легкимъ шумомъ, задумчивымъ упоеніемъ природы и нашими собственными ощущеніями; мы чувствовали себя такъ сладостно слитыми и какъ-будто преобразованными въ этомъ воздухѣ, горизонтѣ, жизни, мірѣ, въ этой очевидной непреложности творенія Божія вокругъ насъ; мы такъ совершенно обладали другъ другомъ въ этомъ уединеніи, что наши мысли и ощущенія избыточныя, но сытыя, взаимно удовлетворялись. Онѣ избавлены были отъ внутренняго утомленія искать словъ для выраженія. Мы были словно полный сосудъ, гдѣ самая полнота дѣлаетъ жидкость неподвижною. Ничего болѣе не могло вмѣститься въ нашихъ сердцахъ, но они были такъ велики, что могли все вмѣстить. Ничего не могло оттуда вырваться, едва слышно было наше дыханіе.

Не знаю сколько времени оставались мы безмолвными и неподвижными одинъ возлѣ другаго, сидя на корняхъ дуба, положивъ руки на глаза, опустивъ голову, протянувъ ноги на траву въ лучахъ, съ челомъ закрытымъ тѣнью. Но когда я поднялъ голову, тѣнь отошла уже съ платья Юліи передъ нами на мураву.

Я взглянулъ на нее. Она подняла лицо какъ-бы по тому же побужденію, которое заставило меня поднять мое, взглянула на меня и будучи не въ состояніи выговорить слова, вдругъ замлась слезами.

— Отчего вы плачете? сказалъ я съ безпокойнымъ волненіемъ, но вполголоса, боясь смутить и отвлечь ея безмолвныя мысли.

— Отъ счастья! отвѣчала она, и улыбулась, между тѣмъ какъ крупныя слезы текли и блистали какъ весенняя роса на ея щекахъ. О! да отъ счастья, продолжала она; этотъ день, часть, это небо, мѣсто, міръ, безмолвіе, удивленіе съ вами! Это полное уподобленіе нашихъ душъ, которымъ не нужно говорить, чтобы понимать другъ-друга, которыя дышуть за двухъ въ одномъ дыханіи, этого уже слишкомъ! слишкомъ для смертной природы, которую избытокъ радости можетъ заглушить какъ горе, и который не имѣя даже крика въ груди стонетъ оттого, что не можетъ стонать и плачетъ потому, что не въ состояніи довольно возблагодарить!

Она остановилась на минуту. Щеки ея покрылись румянцемъ, мы встали и медленно сошли по клускому спуску, чтобы возвратиться въ парижскій шумъ.

Скоро издержки, которыя я принужденъ былъ дѣлать, чтобы соуществовать Юліи каждый день въ прогулкахъ, и которыхъ тягость скрывалъ отъ Юліи, до того истощили сумму, полученную отъ продажи послѣдняго брилліанта матушки, что у меня оставалось уже не болѣе десяти лундоровъ. Со мной сдѣлался припадокъ отчаянія, когда я вечеромъ пересчиталъ тѣ немногіе дни, которые представляла мнѣ эта небольшая сумма. Мнѣ было стыдно признаться въ бѣдности той, кого я любилъ. Будучи небогата сама, она захотѣла бы отдать мнѣ все что имѣла, но мои сношенія съ ней унизились бы черезъ это въ глазахъ моихъ. Любовь была мнѣ дороже жизни, но я бы лучше желалъ умереть чѣмъ унижить любовь.

Сидячая жизнь впродолженіи всей зимы, въ мрачномъ альковѣ,

прилѣжные труды днемъ, напряженіе одной мысли, отсутствіе сна ночью и болѣе всего нравственное истощеніе отъ безпрерывнаго изліянія душевныхъ силъ сердца, слишкомъ слабого для выдержанія десятилѣтняго безпрерывнаго восторгу, подрывлю мою организацію. Подъ лицомъ блѣднымъ и исхудавшимъ, я былъ только пламя, пылающее безъ питавія. Юлія заклинала меня подышать роднымъ воздухомъ и сохранить жизнь на счетъ счастья, прислала мнѣ доктора, чтобы подарить власть искусства моленія любви. Этотъ врачъ или скорѣе этотъ другъ, докторъ Алень, былъ однимъ изъ тѣхъ благословенныхъ людей, фizioноміи которыхъ приносятъ отблескъ неба на чердакъ бѣдняка. Страдая самъ болѣзвью сердца — слѣдствіе таинственной и непорочной страсти къ одной изъ прелестивѣйшихъ парижскихъ женщннъ — владѣя небольшимъ состояніемъ, достаточнымъ для его воздержной жизни и благотвореній, онъ лечилъ только друзей и бѣдныхъ. Медицина его заключалась въ дружбѣ или въ благодѣяніяхъ. Званіе врача такъ прекрасно, когда оно не сопряжено съ жадностью! Оно даетъ упражненіе всей человѣческой чувствительности, такъ что, начавшись званіемъ, оно можетъ вконецъ стать добродѣтелью. Для доктора Алена медицина сдѣлалась болѣе чѣмъ добродѣтель — страстью облегчать немощи души и тѣла; они часто такъ тѣсно связаны между собою!

Я видѣлъ какъ онъ умеръ самъ черезъ нѣсколько лѣтъ, смертью добрыхъ и праведныхъ: онъ научился этому у изголовья столькихъ умирающихъ! Въ продолженіе шестилѣтняго смертнаго томленія, пригвожденный къ постели безъ движенія, онъ считалъ глазами часы, отдѣлявшіе его отъ вѣчности. Небольшіе часы висѣли у ногъ кровати. Въ рукахъ, сложенныхъ на груди, онъ держалъ распятіе. — Взгляды не разставались съ небомъ, какъ будто онъ разговаривалъ съ нимъ. Когда страданія превышали его силы, онъ просилъ, чтобы приложили распятіе къ его губамъ и жалобы его смѣшивались съ благословеніями. Онъ заслужилъ наконецъ среди надеждъ своихъ, среди сдѣланнаго добра. Бѣднымъ и больнымъ поручилъ онъ нести передъ нимъ скопленное сокровище добрыхъ дѣлъ къ Богу милосердныхъ и умеръ въ комнатѣ на чердакѣ. Бѣдные несли гробъ его, и въ свою очередь доставили ему благотворительное погребеніе въ общей землѣ!

Докторъ привязался ко мнѣ съ нѣжнымъ участіемъ. Слово Юлія сообщила ему часть своей нѣжности. Онъ понималъ хорошо болѣзнь мою, не показывая, что понимаетъ. Онъ былъ слишкомъ

хорошей знатокъ въ нравственной страсти, чтобы не замѣтить въ насъ ея признаки, приказалъ мнѣ ѣхать подъ опасеніемъ смерти черезъ Юлію передать мнѣ свой приговоръ; ообщилъ ей свои намеренія, воспользовался властью любви, чтобы оторвать меня отъ любви, смягчилъ разлуку надеждою, сначала приказалъ стараться къ роднымъ, потомъ на савойскія воды, куда Юлія придетъ ко мнѣ по его предписанію въ началѣ осени. Благочестіе его не пугалось признаковъ взаимной страсти, которыхъ онъ не могъ не замѣчать въ насъ. Этотъ непорочный огонь казался ему проступкомъ, но очищеніемъ. Физиономія его показывала намъ снисхожденіе челоуѣка и состраданіе ангела. Чтобы спасти насъ обоихъ, онъ развязалъ узелъ, который могъ задавить насъ до смерти. Наконецъ я согласился уѣхать первый. Юлія клялась, что скоро послѣдуетъ за мною, и ея слезы, блѣдность, трепеть губъ, клялись больше словъ. Мы условились, что я оставлю Парижъ какъ только силы позволятъ мнѣ отправиться въ дорогу. Осмнадцатое мая былъ день назначенный для моего отъѣзда.

Какъ только эта близкая разлука была рѣшена, мы считали минуты за часы, а часы за дни. Намъ бы хотѣлось скопить и сосредоточить годы въ одну секунду, чтобы оспорить и похитить заранѣе у времени то счастье, котораго мы должны были лишиться на столько мѣсяцевъ. Эти дни были днями наслажденій, но также и тоски и томленія. Мы чувствовали при каждомъ свиданіи, при каждомъ взглядѣ, при каждомъ словѣ, при каждомъ пожатіи руки холодъ приближающейся разлуки. Такое счастье не можетъ назваться счастьемъ: это мука сердца, пытка любви!

Мы посвятили прощанію цѣлый день, предшествовавшій дню отъѣзда. Мы хотѣли проститься не въ тѣни стѣнъ, которыя задушуютъ душу, не на глазахъ у докучныхъ, которые сжимаютъ сердце, но подъ небомъ на открытомъ воздухѣ, при свѣтѣ, въ уединеніи, въ безмолвіи. Природа присоединяется ко всѣмъ ощущеніямъ челоуѣка, повиноватъ ихъ и какъ-будто раздѣляетъ какъ величавая повѣренная.

Утромъ карета, нанятая до вечера, мчала насъ. Стекла были опущены, сторы закрыты. Мы проѣхали нѣтъ пустынные улицы верхнихъ парижскихъ кварталовъ, которые соединяются съ паркомъ, описаннымъ высокими стѣнами Муссѣ. Въ садъ этотъ, исключительно назначенный для прогулокъ королевской фамиліи, пускали только по билетамъ, которые раздавали съ чрезвычай-

вой разборчивостью иностранцамъ или путешественникамъ, любопытствующимъ посмотреть это образцовое произведеніе растительности. Я успѣлъ достать билетъ черезъ матушкинаго старшаго друга, служащаго при дворѣ. Я выбралъ это уединеніе, потому что королевской фамиліи тогда не было въ Парижѣ, что въ это время туда никого не пускали и что садовники отправились куда-то, пользуясь праздничнымъ и свободнымъ днемъ.

Въ этой великолѣпной пустынѣ, усѣянной рошцами, пересѣкаемой лужками, орошаемой ручейками, стоящими прудами, поэтизированной монументами, колоннами, развалинами, изображеніемъ времени, гдѣ искусство подражало древности камней, не было въ тотъ день другихъ обитателей кромѣ лучей, насѣкомыхъ, птицъ и насъ! Ахъ! эта мурава и эти листья уже не оросятся болѣе слезами!

Чѣмъ болѣе небо было тепло и блестяще, тѣмъ восхитительнѣе тѣнь и свѣтъ боролись на травѣ, при дунушеніи лѣтняго неба, какъ тѣнь крыльевъ птицы, преслѣдующей другую; чѣмъ болѣе соловьи бросали упительныя и бормочашія нотки въ звучный воздухъ, чѣмъ ясныя воды отражали въ своемъ гладкомъ зеркалѣ ландыши, маргаритки и синій барвинокъ, разстилавшіяся по скату своего ложа, тѣмъ болѣе веселость эта насъ огорчала, тѣмъ болѣе эта свѣтлая ясность весенняго утра противорѣчила мрачному облаку, тяготѣвшему на нашихъ сердцахъ. Напрасно пытались мы сами обмануться, восхищаясь красотой ландшафта, блескомъ цвѣтовъ, благоуханіемъ воздуха, густотою тѣни, удивленіемъ этого мѣстоположенія, котораго доставить на то, чтобы погребсти блаженство цѣлаго міра любви. По временамъ бросали мы на все это разсѣянные взгляды, но взгляды эти тотчасъ же опускались на землю. Голоса наши, отвѣчая пустыни формулами радости и восторгу, обнаруживали пустоту словъ и отсутствіе мыслей: они были не тутъ!

Напрасно также сажались мы то подъ самой душистой сиренью, то подъ самыми зелеными отраслями самыхъ красивыхъ кедровъ, на желобчатыхъ отрубкахъ колоннъ, болѣе другихъ закрытыхъ пикетей, на берегу самыхъ уединенныхъ водъ, чтобы провести продолжительные часы послѣдняго свиданія. Едва мы выбирали одно изъ этихъ мѣстъ, какъ смертное безпокойство принудило насъ искать другое. Здѣсь тѣнь, тамъ свѣтъ; далѣе мрачный шумъ каскада, гдѣ упорность пѣсни соловья надъ нашими головами, наполняло намъ это наслажденіе горечью, и дѣлало все это

зрѣлище ненавистнымъ. Когда сердце болитъ въ груди, природа загоняетъ тоску!

Наконецъ , уставъ блуждать , не находя убѣжища противъ самихъ себя впродолженіи двухъ часовъ , мы сѣли возлѣ мостика черезъ ручеекъ , недалеко одинъ отъ другаго , какъ будто самый шумъ нашихъ дыханій былъ намъ непріятенъ , или какъ будто мы хотѣли по истиннѣму затанць другъ отъ другъ шопотъ внутреннихъ рыданій , которыя готовы были разразиться въ нашей груди. Мы долго и разсѣянно смотрѣли на зеленую и маслянистую воду. Она медленно вливалась подъ арку мостика, увлекающая то бѣлый листокъ ландышу, упавшаго съ берега, то пустое пушистое гнѣздо птички , сброшенное вѣтромъ съ дерева. Вдругъ мы увидѣли на поверхности воды неподвижныя крылья, тѣло бѣдной весенней ласточки. Она вѣрно утонула когда плала изъ этой рѣчки, прежде чѣмъ крылышки ея были довольно сильны, чтобы поддержать ее. Она напоминала намъ ласточку, которая когда-то упала мертвая къ нашимъ ногамъ съ высоты разрушенной башни стараго замка, на берегу озера, и огорчила насъ какъ печальное предзнаменованіе. Мертвая птичка медленно проскользнула передъ нами, и лазоревая скатерть, не сдѣлавъ ни одной складки, вкатила ее мало-по-малу подъ глубокой мракъ арки. Когда тѣло птички исчезло, мы увидѣли какъ другая ласточка разъ сто пролетала мимо арки, испуская тоскливые крики и терлась крыльями о полукруглую перекладину. Мы невольно посмотрѣли другъ на друга. Не знаю, что сказали наши встрѣтившіеся взгляды, но при отчаяніи бѣдной птвички, вѣки наши такъ наполнились, сердца такъ надорвались, что мы оба въ ту же минуту отворотились и зарыдали. Слеза увлекла другую слезу, мысль другую мысль, предзнаменованіе другое предзнаменованіе, рыданіе другое рыданіе. Мы пытались нѣсколько разъ заговорить, но разбитый звукъ голосу одного болѣе разбивалъ другаго; наконецъ мы уступили природѣ и впродолженіи часовъ, которые только тѣмъ одна измѣряла, мы пролили безмолвно всѣ слезы, какія были въ нашемъ внутреннемъ источникѣ. Трава смочилась ими, вѣтеръ вытеръ, земля выпила, Богъ сосчиталъ, лучи солнца унесли. Въ нашихъ душахъ не осталось уже ни капли томленія, когда мы встали другъ передъ другомъ, почти не видя одинъ другаго сквозь облако глазъ. Таково было наше прощаніе: изображеніе смерти, океанъ слезъ, вѣчное молчаніе. Мы разстались такимъ образомъ, несмотря другъ на друга, изъ опасенія упасть навзничь

подъ отраженнымъ ударомъ этого взгляду. Этотъ садъ разочаранія и прощанія никогда не увидитъ слѣда моихъ ногъ.

На другой день я катился уничтоженный и безмолвный, обернувъ голову плащомъ, между пятью или шестью незнакомцами, которые весело разговаривали о качествахъ вина, о цвѣтѣ трапезного обѣда, — въ одной изъ тѣхъ пошлыхъ каретъ, гдѣ тѣснятся путешествующіе по горамъ южной дороги. Я ни разу не раскрылъ рта въ продолженіи этого долгаго и мрачнаго путешествія.

Матушка приняла меня съ этой ясной и покорной вѣжливостью, отъ которой несчастіе становилось счастьемъ возлѣ нея. Я принесъ къ ней большое тѣло, угаснувшія надежды, бриллиантъ, истраченный понапрасну, грустное расположеніе духа, которое она приписывала празднои юности, воображенію безъ пищи, но котораго настоящую причину я старательно отъ нея скрылъ, въ опасенія прибавить къ ея горестямъ еще лишнюю и неизлечимую горестъ.

Я провелъ гдѣто одинъ въ пустынной долинѣ, въ двѣхъ горяхъ, гдѣ у батюшки была мыза, наняемая семействомъ земледѣльца. Матушка послала меня туда, ввѣривъ попеченію этихъ добрыхъ людей, чтобы дышать чистымъ воздухомъ и пить молоко: Моимъ единственнѣмъ занятіемъ было — считать дни, раздѣлявшіе меня отъ той минуты, когда я долженъ буду отправиться ожидать Юлію въ нашей милой альпійской долинѣ. Письма, которыя получалъ я, и на которыя отвѣчалъ каждый день, поддерживали во мнѣ чувство безопасности, разсѣвали веселостью и ласковыми словами, облако мрачныхъ предчувствій, оставленныхъ прощаніемъ въ нашихъ душахъ. Время отъ времени какаибудь отчаянная и грустная фраза, брошенная или невольнио забытая между перспективой счастья, какъ увидѣшій листъ среди зеленыхъ весеннихъ листьевъ, казалась мнѣ какъ будто несогласными съ спокойствіемъ и цвѣтомъ здоровья, о которыхъ она говорила. Но я приписывалъ эти рѣдкіе диссонансы какой-нибудь тѣни воспоминанія или нетерпѣнію на медленность дней, тѣни, вѣроятно пробѣжавшей по страницѣ, когда она писалась.

Эластическій воздухъ горъ, сонъ ночью, прогулки днемъ, тѣлесныя упражненія въ саду и на лугахъ батюшкиной мызы, а болѣе всего — приближеніе осени и увѣренность увидѣть скороту, которая носила жизнь мою въ своемъ взглядѣ, скоро воспита-

повали мое здоровье. У меня не оставалось других слѣдовъ страданія, кромѣ тихой и задумчивой меланхолиі, разлитой на чертахъ; это былъ, словно, утренній туманъ на лѣтнемъ небѣ, безмолвіе, заключавшее въ себѣ тайну, истинникъ уединенія, заставлявшій думать суевѣрныхъ горныхъ крестьянъ, что я разговариваю съ лѣсными духами.

Любовь истребила во мнѣ все честолюбіе. Я покорился безвозвратно бѣдности и неизвѣстности на цѣлую жизнь. Благочестивая и лаская безропотность матушки вѣдрилась въ мои мысли съ ея сватыши и кроткими словами. Я мечталъ только о томъ, чтобы трудиться вродолженіи десяти или одиннадцати мѣсяцевъ въ году, руками или перомъ, скопить небольшую сумму и проводить мѣсяць или два съ Юліей каждый годъ; потому, если она лѣжится старика, посвятить себя невольникомъ на ея услуги, какъ Руссо мадамъ Варенсъ; укрыться въ уединенной хижинѣ этихъ горъ, или въ знакомыхъ избушкахъ нашей Савоіи, жить тамъ ею, какъ она будетъ жить мной, не оборачиваясь назадъ, не сожалея о пустомъ мірѣ, не испрашивая у любви другой награды кромѣ счастья любить!...

Одно, что извлекало меня иногда изъ области моихъ мечтаній, это — стѣсненное домашнее положеніе, въ которое впало мое семейство вслѣдствіе сдѣланныхъ для меня напрасныхъ издержекъ. Жатва была дурна нѣсколько лѣтъ сряду, неудачи по имѣнію измѣнили почти въ крайнюю бѣдность скромную безбѣдность моихъ родителей. Каждое воскресенье, когда я приходилъ къ матушкѣ, она открывала мнѣ свое затруднительное положеніе и проливала передо мною слезы, скрывая ихъ отъ батюшки и отъ сестеръ. Я самъ впалъ въ чрезвычайную бѣдность, пытался на мизѣ только чернымъ хлѣбомъ, молокомъ и яйцами. Тайно и постепенно продавалъ въ городѣ всѣ пожитки и книги, привезенные изъ Парижа, чтобы платить за Юліины письма, для которыхъ продавалъ бы капли крови.

Между тѣмъ сентябрь приходилъ къ концу. Юлія писала, что безпокойство о здоровьи мужа, которое слабѣло день ото дня (о! глѣзный обманъ любви, чтобы скрыть свои собственныя страданія и избавить меня отъ заботъ!) удержать ее въ Парижѣ болѣе, тѣмъ она думала сначала. Однако она уговаривала меня тотчасъ отправиться ждать ее въ Савоію и общала непремѣнно туда пріѣхать къ концу октября. Письмо это было наполнено просьбами

самой въжной сестры къ любимому брату. Она заклинала меня, приказывала могущественной властью любви не пренебрегать болѣзнию, которая таилась иногда подѣ цвѣтущей наружностью юности и часто сушила и даже вдругъ обрывала въ то самое мгновеніе, когда воображала, что восторжествовала надъ нею. Въ этомъ письмѣ заключались также совѣты и предписанія ея и моего врача, сострадательнаго доктора Алена. Предписанія эти приказывали мнѣ въ самыхъ повелительныхъ выраженіяхъ, подѣ самыми страшными угрозами, оставаться какъ можно долѣе на эскихъ водахъ. Я показалъ предписаніе доктора Алена матушкѣ, чтобы найти предлогъ отъѣзду. Сердце ея такъ наполнилось смятеніемъ, что она не переставала присоединять просьбы къ предписаніямъ доктора, чтобы принудить меня уѣхать. Но, ахъ! напрасно обращался я къ нѣсколькимъ друзьямъ, столь же бѣднымъ какъ я; къ нѣсколькимъ жестокимъ ростовщикамъ, чтобы найти двѣдцать лундоровъ, необходимыхъ для моего путешествія. Батюшка уже полгода былъ въ отсутствіи, матушка ни за что не хотѣла еще увеличить его затруднительное положеніе и безпокойство, обратившись къ нему за деньгами. Онъ не могъ сдѣлать займа, не открывъ свои стѣсенныя обстоятельства, которыхъ и безъ того уже стыдился. Я приготовился уѣхать съ двумя или тремя лундорами въ кошелькѣ, надѣясь найти остальное у друга моего Людовика ***, въ Шамбери. Но за нѣсколько дней до моего отъѣзду, матушка, подумавъ одну ночь, нашла пособіе, которое могло найти одно только материнское сердце.

Въ углу садика, окружавшаго съ обѣихъ сторонъ домъ отца моего, находился небольшой букетъ деревъ, составленныхъ изъ двухъ или трехъ липъ, каменныхъ дубовъ, семи или осьми извилистыхъ грабинъ, остатокъ лѣсу, насаженнаго за нѣсколько лѣтъ, который пощадилъ конечно какъ тамошняго духа, когда расчищали холмъ, выстроили домъ, загоразивали садъ. Эти красивые деревья были нашей семейной гостиницей въ лѣтніе дни. Весной почки, осенью отѣнки, зимой сухіе листья, замѣтные ишемъ на старыхъ вѣтвяхъ подобно бѣлымъ волосамъ, показывали намъ времена года. Тѣнь, укорачивалась подѣ ними, растягивалась на муравѣ вокругъ нихъ, показывала намъ часы лучшаго солнечнаго. Матушка вскормила, убаюкивала, научила насъ ходить подѣ ихъ вѣтвями. Батюшка садился тутъ съ книгой въ рукѣ, возвратясь съ охоты, повѣсивъ блестящее ружье на вѣт-

ку; запыхавшіяся собаки ложились у скамейки. Я самъ провелъ тамъ лучшіе часы юности съ Гомеромъ или Телемакомъ, открытымъ передо мною на травѣ, любилъ растягиваться на теплой муравѣ, облокотившись на книгу, которой строчки скрывали отъ меня иногда мошки или ящерицы. Соловьи тамъ пѣли, а ихъ глѣздъ ихъ никогда не могли открыть, ни вѣтки, съ которой раздавались ихъ голоса. Эта роща была славой, воспоминаніемъ, любовью всѣхъ. Мысль превратить ее въ мѣшечекъ съ деньгами, который не даетъ ни памяти сердцу, ни радости, ни тѣни, уже никогда не могла притти никому кромѣ матери, умирающей отъ безпокойства за жизнь единственного сына: эта мысль пришла матушкѣ. Съ быстротою инстинкта и съ твердой рѣшительностью, которыми она отличалась, опасаясь, чтобы ея не омадѣло угрызеніе, или чтобы мое вѣжное сопротивление не остановило ее, она тотчасъ призвала дровосѣковъ, смотрѣла со слезами, какъ подрубали корни и отвернувшись, чтобы не слышать стога и паденія стариннаго крова своей юности на звучную и обнаженную почву сада.

Когда въ слѣдующее воскресенье, возвращаясь въ М^{***}, я искалъ взоромъ съ вершины горъ, группу деревьевъ, которая такъ пріятно пятнала долину и укрывала отъ солнца часть сѣвровой стѣны домика, мнѣ показалось, что я вижу во снѣ на мѣстѣ ихъ груду срубленныхъ стволовъ, сломанныхъ вѣтвей и подмокшии пилящика досокъ, подобные орудіямъ пытки, гдѣ пила визжала, разгрызая деревья зубами. Я бросился, протанувъ руки, къ наружной стѣнѣ, дрожа отворилъ калитку сада.... увы! оставался только одинъ каменный дубъ, одна липа и самая старая грабина, подъ которую подвинули скамью.

— Этого довольно, сказала матушка, идя ко мнѣ на встрѣчу, и бросилась въ объятія, скрывъ слезы; тѣнь одного дерева стоитъ тѣни цѣлаго лѣсу. Да и какая тѣнь замѣнить для меня твою? Не упрекай меня ни въ чемъ. Я написала твоему отцу, что верхушка деревъ стала засыхать, что деревья слишкомъ разрослись и вредятъ огороду. Не будемъ говорить объ этомъ!...

Потомъ она увлекла меня въ домъ, открыла бюро и вынула башмачекъ, вполнину наполненный.

— Возьми, сказала она в поѣздѣ! Я буду вознаграждена за потерю этихъ деревьевъ, если ты возвратишься здоровымъ и счастливымъ!

Я взял кошелекъ красвѣя и рыдал. Въ немъ было шесть-сотъ франковъ. Но я рѣшился возратить его въ цѣлости бѣдой матушкѣ.

Я пошелъ пѣшкомъ, съ кожаными штиблетами на ногахъ, съ ружьемъ на плечѣ какъ охотникъ. Я взялъ изъ кошелька только сто франковъ, чтобы прибавить къ той небольшой суммѣ, которая у меня оставалась и къ тому, что получалъ я отъ продажи моихъ послѣднихъ работъ, чтобы ничего не стоить матушкѣ. Я тайно оставилъ его на мызѣ, чтобы отдать по возвращеніи той, которая такъ героически вырвала у себя сердце для меня. Я обѣдалъ и ночевалъ въ самыхъ дешевыхъ деревенскихъ харчевняхъ. Меня принимали за бѣднаго швейцарскаго студента, возвращающагося изъ страсбургскаго университета, и брали съ меня только то, что стоилъ сѣдненный хлѣбъ и сожженная свѣча. Я взялъ только одну книгу и читалъ ее по вечерамъ на скамейкѣ, передъ дверьми. Это былъ Вертеръ въ оригиналѣ. Незвѣстныя буквы утверждали хозяевъ въ той мысли, что я точно былъ иностранецъ.

Такимъ образомъ я прошелъ длинныя и живописныя бюжескія ущелья, перешолъ Рову у подошвы скалы Pierre-Chatel. Эта рѣка, закрытая горами, вѣчно омываетъ подножіе скалы волною, столь же быстрою какъ жерновъ, столь же острою какъ ножъ, словно хочетъ разрушить эту государственную темницу, которая печалитъ ея ложе своей тѣнью. Медленно поднялся я на Гору Кота по тропинкамъ охотниковъ за сайгами. Дойдя до вершины, я увидѣлъ вдали эзскую, шанберійскую, ансіюскую долину, а у ногъ моихъ озеро, испещренное розоватыми оттѣнками отъ колеблющихся лучей вечерняго солнца. Мнѣ показалось, что одно лицо наполнило для меня безграничность этого горизонта. Оно поднималось отъ избушекъ, гдѣ мы встрѣчались; изъ сада стараго доктора, котораго остроконечную кровлю я различалъ изъ за городского дыму; съ фиговыхъ деревьевъ башенки Bon-Port; съ каштановъ трессервской долины; съ дубравы святаго Иннокентія, съ шатильонскаго острова; съ лодокъ, возвращавшихся въ гавани, со всей этой земли, съ этого неба, съ этихъ водъ. Я уналъ на колѣна передъ этимъ горизонтомъ, полнымъ одной тѣнью; раскрылъ руки, сложилъ ихъ, словно обнялъ ея душу, обнявъ воздухъ, пронесшійся надъ всѣми этими сценами нашего счастья, надъ всѣми слѣдами ея ногъ; потомъ сѣлъ за скалой, по-

крытой буксень, который не допускалъ даже пастуховъ замѣтить меня, когда они проходили по тропинкѣ.

Я оставался тутъ въ созерцаніи и въ воспоминаніи, до тѣхъ-поръ какъ солнце дошло почти до свѣжныхъ вершинъ Ниволе. Я не хотѣлъ ни переѣхать озера, ни войти въ городъ днемъ. Грубая простота одежды, бѣдность кошелька, утѣренная жизнь, къ которой принуждала меня необходимость, чтобы прожить нѣсколько времени съ Юліей, показались бы слишкомъ странными жильцамъ и хозяевамъ въ домѣ стараго доктора. Все это слишкомъ противорѣчло изяществу одежды, привычкамъ и жизни моей въ прошломъ году. Я бы заставилъ краснѣть ту, къ которой подошелъ, являсь на улицѣ какъ человекъ, которому не на что занять комнату въ порядочной гостинницѣ этого обиталища роскоши. Я принялъ намѣреніе проскользнуть ночью въ предмѣстье съ соломенными кровлями, находящееся на берегу рѣчки между садами нижней части города.

Я зналъ тамъ бѣдную служанку по имени Фаншету. Въ прошломъ году она вышла замужъ за лодочника и отдавала въ наемъ двѣ кровати на чердакѣ бѣднымъ больнымъ, вмѣстѣ съ пищею, за семьдесятъ пять мѣдныхъ копѣекъ въ сутки. Я заранѣе завилъ одну кровать и мѣсто за этимъ бѣднымъ столомъ у доброй служанки, съ просьбою никому о томъ не говорить. Другой Л^и, которому я написалъ, назначивъ день пріѣзду на берегъ озера, самъ пріѣхалъ изъ Шамбери за нѣсколько дней передъ тѣмъ предупредить Фаншету и нанять мнѣ квартиру. Сверхъ-того я просилъ его еще получать въ Шамбери мои письма изъ Парижа, адресованныя на его имя, и пересылать ихъ мнѣ черезъ кондукторовъ одноколокъ, которые безпрестанно ходятъ тутъ изъ одного города въ другой. Я долженъ былъ сидѣть въ Дѣѣ, въ заперти, въ моей комнаткѣ, въ предмѣстьѣ или въ сосѣднихъ садахъ, пока продолжался дневной свѣтъ, и при наступленіи ночи обойти кругомъ города до домика стараго доктора, войти въ калитку сада, открытую въ поле и провести удивленные вечерніе часы въ восхитительныхъ разговорахъ. Мнѣ бы весело было претерпѣвать этотъ недостатокъ и униженіе, потому что они въ тысячу разъ вознаградились бы часами полными любовью. Такимъ образомъ я соглашу, думалъ я, и уваженіе, которымъ обязанъ бѣдной матушкѣ и поклоненіе обожаемому образу.

По благоговѣйному суетврѣю любви я такъ разитѣрилъ шагъ мой по дорогѣ, чтобы дойти на другую сторону Горы Кота въ Отъ-конбское аббатство, въ тотъ самый день, когда совершилась первая встрѣча и откровеніе нашихъ двухъ сердецъ въ бѣдномъ трактирѣ рыбакова на берегу озера. Миѣ казалось, что у дней есть судьба какъ и у всего другаго, что очутившись подъ тѣмъ же солнцемъ, въ томъ же мѣстѣ, въ тотъ мѣсяцъ и въ тотъ день, я найду частицу той, о которой сожалѣлъ. Это было бы хорошимъ предвѣщаніемъ нашего близкаго и долгаго соединенія.

Съ отвѣснаго скату Горы Кота къ озеру, я уже примѣчалъ на лѣво старинныя развалины и длинныя тѣни аббатства, по-мрачавшія обширное пространство водъ. Черезъ нѣсколько минутъ я дошелъ туда. Солнце погружалось за Альпы. Продолжительныя осенніе сумерки обвивали горы, берега и волны. Я не остановился у развалинъ, быстро прошелъ садъ, гдѣ мы сидѣли у сѣннаго скирда возлѣ ульевъ. Ульи и сѣно еще находились на прежнихъ мѣстахъ, но не видно было ни огня сквозь стекла трактира, ни дыму надъ кровлей, ни сѣтей развѣшенныхъ для сушки на садовомъ полисадникѣ.

Я постучался, миѣ не отвѣчали; потрясъ деревянную заставку, дверь сама отворилась. Я вошелъ въ комнату съ закопченными стѣнами: печка была вычищена до пеплу, стола и скамеекъ не было. Каменный полъ покрывали соломенки и перья, улавншія съ пяти или шести ласточкиныхъ гнѣздъ, повѣшенныхъ какъ карнизъ на черныхъ балкахъ потолка. Я вошелъ по деревянной лѣсенкѣ, прибитой къ стѣнѣ желѣзнымъ гвоздемъ: она вела въ верхнюю комнату, гдѣ Юлія пробудилась отъ обморока, положивъ руку на мой лобъ; я вошелъ туда какъ входять въ святилище или въ погребальный склепъ, обвелъ кругомъ глазами. Деревянныя кровати, шкафы, скамейки все исчезло. Ночная птица тяжело хлопнула крыльями при шумѣ моихъ шаговъ, ударила объ стѣну и съ крикомъ вылетѣла въ открытое окно въ садъ. Я едва узналъ мѣсто, гдѣ становился на колѣна въ эту страшную и восхитительную ночь у кровати или гроба юной умершей, поцѣловалъ полъ и долго сидѣлъ на закраинѣ окна, стараясь возстановить по воспоминанію мѣсто, мебель, кровать, лампу, часы, оставшіеся на своихъ мѣстахъ во миѣ, когда все перемѣстилось въ одинъ годъ отсутствія. Въ пустынныхъ окрестностяхъ хи-

даны не было никого, отъ кого бы я могъ узнать зачѣмъ оставленъ этотъ домъ. Я догадывался по вѣзанкамъ хворосту, оставшимся на дворѣ, по курамъ и голубямъ, которые перекинулись въ комнату, или по кровлѣ, по скирдамъ сѣна и соломы, не тронутымъ въ саду, что хозяева пошли на позднюю жатву къ верхнимъ горнымъ избушкамъ, и еще не возвратились отъ туда.

Это удивленіе хотя казалось мнѣ грустно, однако печалило меня тѣмъ присутствіе и шаги равнодушныхъ въ этомъ священномъ для меня мѣстѣ. При нихъ я бы долженъ былъ приневольтъ глаза, голосъ, движенія и впечатлѣнія, овладѣвшія мною. Я рѣшился провести тутъ ночь, принесъ свѣжей соломы, разложилъ ее на полу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Юлія спала сномъ смерти, поставилъ ружье у стѣны, вынулъ изъ сумки кусокъ хлѣба и козлянаго сыру, купленнаго въ Сейселѣ, чтобы подкрѣпить себя въ дорогѣ, поужиналъ на берегу источника, который то течетъ, то останавливается, какъ прерывистое дыханіе горы, по зеленой площадкѣ подъ развалинами аббатства.

Въ вечерніе часы съ этой площадки и съ разрушенныхъ террасъ стараго монастыря развивается самый упительный горизонтъ, которымъ только можетъ насладиться взоръ пустыинника, созерцателя или любовника: зеленая и влажная тѣнь горы съ журчаньемъ источника и шелестомъ листьевъ; развалины, обломки стѣны, обвитыя плющемъ, своды, полные мраку и таинственности; озеро съ волнами, катящими медленно одна по одной бахрому пѣны, какъ складки простыни своего ложа, чтобы смягчить сонъ на мелкомъ пескѣ, у подошвы скалъ. На противоположномъ берегу, снѣга горы, облеченныя прозрачными тѣнями; на правой оконечности, необозримая свѣтлая аллея, которую проводятъ и окрашиваютъ пурпуромъ на водѣ и на небѣ солнце, отнимая у земли свой блескъ. Я погружался въ эту тѣнь и въ этотъ свѣтъ, въ эти облака и въ эти волны, сливался съ этой природой и воображалъ, что сливаюсь съ образомъ той, которая для меня была всею природой. Я говорилъ себѣ: «Здѣсь видѣлъ я ее! Вотъ въ этомъ разстояніи былъ я отъ лодки, когда увидѣлъ, что она борется съ бурей. Вотъ, гдѣ она пристала къ берегу! Вотъ садъ, гдѣ мы признавались другъ другу на солнцѣ, гдѣ она возвратилась къ жизни, чтобы подарить мнѣ двѣ жизни другъ! Вотъ вдалѣ вершины тополей длинной аллеи, которая

развивается какъ зеленая шпѣя, выходящая изъ воды! Вотъ и бушня, лужайка, каштановая дуброва, глубоко прорытая дорожкою послѣднемъ платъ горы, гдѣ я собиралъ цвѣты, землянику, каштаны и бросалъ ихъ въ ея передникъ! Здѣсь она мнѣ сказала это; тамъ я отираю ей теплую-то тайну души; тамъ мы сидѣли безмолвно цѣлый вечеръ, съ глазами, устремленными на заходящее солнце, съ сердцемъ, полнымъ энтузіазма, съ устамъ безгласными. На этой волнѣ она хотѣла умереть; на этомъ берегу вѣдалась мнѣ жить. Подъ этой группой орѣховыхъ деревекъ тогда безлиственныхъ, она простилась со мною и общала увидѣться прежде чѣмъ пожелтѣютъ новые листья! Они начинаютъ желтѣть, но любовь также вѣрна какъ природа; черезъ нѣскольکو дней я ее увижу... я уже вижу ее, потому-что жду ее здѣсь, а такъ ждать — не значить ли видѣть?»

Потомъ я воображалъ ту минуту, когда прогуливаясь за садомъ, отбѣненными орѣховыми деревьями, которые спускаются съ горы за садкомъ стараго доктора, я наконецъ увижу, какъ окно закрытой комнаты, гдѣ ее ожидали, откроется въ первый разъ, и женщина, съ головой, облитой длинными черными волосами, облокотится между занавѣсокъ, мечтая о братѣ, котораго станетъ искать глазами въ этой природѣ, гдѣ и она также видѣть только его одного... И сердце мое при этомъ образѣ билось съ такой пылкостью въ груди, что я былъ принужденъ удалитъ на минуту этотъ образъ, чтобы свободно вздохнуть.

Между тѣмъ ночь почти совершенно спустилась съ горы на озеро. Воды видѣлись только сквозь туманъ свѣто-тѣни, отъ котораго потускиѣла ихъ помрачавшаяся скатерть. Въ глубокое и всеобщее безмолвіе, предшествовавшемъ мраку, правильный шумъ двухъ веселъ, какъ будто приближавшихся къ берегу поразилъ мой слухъ. Я увидѣлъ скоро, какъ подвижное пятнышко на водѣ замѣтно увеличивается и проскользаетъ, бросая легкую бахрому пѣны съ каждой стороны, въ бухту, смежную съ домикомъ рыбака. Подумавъ, что, можетъ быть, самъ рыбакъ возвратился съ савойскаго берега въ оставленное жилище, я поспѣшно сошелъ съ развалинъ на берегъ и ожидалъ на пескѣ пола рыбака причалить.

— Барниъ, закричалъ онъ тотчасъ, какъ меня увидѣлъ, не вы ли тотъ молодой Французъ, котораго ждутъ у Фаджетты, и которому я долженъ отдать вотъ эту бушагу?

Говоря такимъ образомъ, онъ бросилъ въ воду по колѣна, и подождя ко мнѣ, подалъ толстое письмо. Я почувствовала по тяжести, что въ этомъ письмѣ было нѣсколько писемъ, послѣднее разодрала конвертъ и съ трудомъ прочла при лунномъ свѣтѣ записку отъ друга моего А***, написанную утромъ изъ Шамбери. А*** писалъ мнѣ, что квартира моя нанята и готова у бѣдной служанки въ предмѣстьи, что никто еще не прѣзжалъ къ нашему другу доктору, что зная черезъ меня, что я вечеромъ буду въ Отъ-Ковбъ, и проведу тамъ ночь и часть слѣдующаго дня, онъ воспользовался отъѣздомъ надежнаго лодочника, который ѣдетъ мимо аббатства, и послалъ мнѣ пакетъ съ письмами, полученными уже два дня на мое имя, которыхъ я вѣрно жду съ нетерпѣніемъ, что онъ самъ прѣдетъ за мною на другой день вечеромъ въ Отъ-Ковбъ; что мы переедемъ озеро и войдемъ въ городъ при ночномъ мракѣ.

Пробѣгая эту записку, я держала конвертъ дрожащею рукою. Онъ казался мнѣ тяжелъ какъ моя судьба. Я послѣдилъ заплатитъ и отпустить лодочника, который торопился выѣхать изъ озера и войти въ Рову до темноты, спросилъ у него только огарокъ свѣчки, чтобы прочесть письма; онъ далъ мнѣ его. Я услышала, какъ весла снова зашумѣли по глубокой скатерти. Прыгая отъ радости, возвратился я въ верхнюю комнату, гдѣ разостлалъ для себя солому на ночь. Я долженъ былъ увидѣть милый почеркъ этого ангела въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ явился мнѣ во всемъ своемъ сіяніи, во всей своей любви. Я не сомнѣвался, чтобы одно изъ ея писемъ не увѣдомляло меня, что она выѣхала изъ Парижа и приближается ко мнѣ.

Я сѣлъ на солому, зажегъ свѣчу на запалѣ своего ружья, распечаталъ конвертъ. Только теперь я замѣтилъ, что печать перваго конверта была черная и адресъ былъ написанъ рукою доктора Алена. Этотъ трауръ вмѣсто ожидаемой радости, заставилъ меня вздрогнуть. Другія письма, завернутыя въ особой бумажѣ, выпали у меня изъ рукъ на колѣна. Я не смѣлъ прочесть ни одного слова, изъ опасенія найтн.... увы! то что ни рука, ни глаза, ни кровь, ни слезы, ни земля, ни небо, не могли стереть.... смерть!.... Однако я прочла, сквозь душевную дрожь, отъ которой буквы прыгали на бумагѣ, слѣдующія слова:

« Будьте мужественны! покоритесь волѣ Того, чьи намѣренія не всегда согласуются съ нашими; не ждите никого!.... Не

« ищите ея на землѣ; она возвратилась на небо, произнося ваше
 « имя.... въ четвергъ, при восходѣ солнца.... она все сказала мнѣ
 « до смерти.... поручила отправить къ вамъ ея послѣднія мысли,
 « которыя она писала до той минуты, когда ея рука охладѣла
 « подъ вашимъ вѣнцемъ.... Любите ее какъ ангела на небесахъ
 « и живите для вашей матери!.... *«Алень».*

Я безъ чувствъ упалъ на солому. Когда ледяная свѣжесть пол-
 ночнаго вѣтра коснулась моей головы, только тогда я пришелъ
 въ себя. Свѣча еще горѣла. Письмо доктора было судорожно сжа-
 то въ моихъ рукахъ. Нераспечатанный конвертъ скатился съ
 груди моей на полъ. Я открылъ его губами, какъ бы боясь
 осквернить, дотронувшись пальцами до печати. На мои колѣ-
 на упало нѣсколько писемъ Юліиной руки. Письма эти были
 разложены по порядку.

Въ первомъ было: «Рафаэль! о мой Рафаэль, о братъ мой! про-
 «стите сестру, которая обманывала васъ такъ долго!... Я никогда
 «не надѣялась увидѣть васъ въ Савойѣ!... Я знала, что дни мои со-
 «чтены, что я не доживу до этого счастья!... Когда я вамъ ска-
 «зала: до свиданія, Рафаэль, у калитки сада Муссó, вы не появ-
 «ли меня, но Богъ меня понялъ. Я хотѣла сказать до свиданія!
 «до благословенія! до вѣчной любви на небесахъ!... Дитя! Я про-
 «сила Алена также обмануть васъ и помочь мнѣ выпроводить
 «васъ изъ Париза. Я хотѣла, я должна была удалить отъ васъ
 «этотъ ударъ, который могъ оторвать часть вашего сердца и
 «всѣ ваши силы!... И притомъ, послушайте!... простите меня, я
 «вамъ все скажу.... я хотѣла набросить покрывало между вами
 «и мной за нѣсколько времени передъ смертью!... Ахъ! смерть
 «такъ холодна!... Я это чувствую, вижу, она меня не ужасаетъ
 «самой!... Рафаэль! я хотѣла оставить въ глазахъ вашихъ образъ
 «красоты, которой бы вы могли любоваться и обожать!... Но те-
 «перь, не уѣзжайте!... Не отправляйтесь ждать меня въ Савойѣ!
 «Еще нѣсколько дней.... два, три дня, можетъ-быть.... и вамъ не-
 «гдѣ будетъ ждать меня! Я буду тамъ, Рафаэль! Буду вездѣ и
 «всегда тамъ, гдѣ будете вы!...»

Письмо это было все смочено крупными каплями слезъ. Отъ
 смысла лоскъ съ бумаги и придала ей жесткость.

Въ другомъ письмѣ, написанномъ черезъ день, заключалось слѣ-
 дующее:

Полночь.

«Рафаэль! я цѣловала крестъ!... я никогда съ нимъ не расста-
 нусь! О! какъ хорошо подъ этой кровью, подъ этими слезами,
 которыя домыываютъ и очищаютъ насъ!... Вчера я призывала свя-
 щенника, о которомъ говорилъ мнѣ Аленъ. Этотъ старецъ знаетъ
 все и все прощаетъ!... Я открыла ему мою душу, онъ пролилъ
 туда свѣтъ Господень!... о какъ милосердъ Господь! Онъ позво-
 ляетъ мнѣ любить васъ какъ брата! позволяетъ мнѣ быть ва-
 шей сестрой здѣсь, если я останусь жива, вашимъ ангеломъ тамъ,
 если умру!... О, Рафаэль! покоритесь Его Святой волѣ, когда Онъ
 позволяетъ намъ любить другъ друга, такъ какъ мы любимъ!...»
 Внизу былъ небольшой крестъ и какъ-будто слѣдъ поцѣлуя.

Другое письмо, написанное совершенно измѣнившимся почер-
 комъ, и вкось и вкривь, говорило:

«Рафаэль! я хочу сказать вамъ еще одно слово. Завтра можетъ
 быть я буду уже не въ силахъ! Когда я умру, вы не умирай-
 те. Я буду пещись о васъ тамъ. Любите другую послѣ меня....
 Богъ пошлетъ вамъ еще сестру, которая сверхъ того будетъ
 святой подругой вашей жизни.... Я сама буду просить ее объ
 этомъ.... не бойтесь огорчать мою душу, Рафаэль!... развѣ я на
 небѣ буду ревновать къ вашему счастью?... Мнѣ лучше послѣ
 этихъ словъ. Аленъ передастъ вамъ эти мысли и прядь моихъ
 волосъ. Я хочу заснуть!...»

Еще одно письмо, которое едва-едва можно было разобрать, за-
 ключало эти несвязныя строчки: «Рафаэль! Рафаэль! гдѣ вы?
 У нея нашлось довольно силъ, чтобы встать съ постели.... Я
 сказала горничной, что хочу отдохнуть одна, дотащила при
 свѣтѣ лампы до стола, на которомъ пишу.... но ничего уже не
 вижу.... глаза мои утопаютъ во мракѣ.... черныя точки носятся
 передо мной на бумагѣ.... Рафаэль! я не могу болѣе писать.... О!
 по-крайней-мѣрѣ еще одно слово!...»

Потомъ было написано крупными буквами, какъ ребенкомъ,
 который въ первый разъ взялъ въ руки перо, эти два слова, зани-
 мавшія почти всю строчку внизу страницы: «Рафаэль! прощай!»

Всѣ эти письма выпали у меня изъ рукъ. Я рыдалъ безъ слезъ
 какъ вдругъ зашѣтилъ еще письмецо, написанное рукою старика,
 ея мужа. Записка эта выпала въ то время, какъ я распечатывалъ
 второй конвертъ.

Въ ней заключались только эти слова: «Она угасла на моихъ рукахъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ написала мнѣ послѣднее прощаніе. Я лишился дочери.... будьте мнѣ сыномъ въ тѣ остальные немногіе дни, которые осталось мнѣ прожить. Она тутъ, какъ будто спитъ на постели съ отпечаткомъ на чертахъ существа, которому послѣдняя мысль улыбнулась, увидать что-то позади насъ. Никогда не выдалъ я ея прелести. Я любилъ васъ черезъ нее, любите меня нѣ-за нея!»

Невозможность вдругъ повѣрять совершенному исчезновенію любимаго существа — чувство страшное, но счастливое для человѣческой сущности. Окруженный свидѣтельствами ея смерти, я не могъ повѣрять, что навсегда разлученъ съ ней. Ея мысль, образъ, черты, звукъ голоса, прелести лица, до того были передо мною, что мнѣ казалось будто она тутъ болѣе чѣмъ когда-нибудь, что она обвивала меня, разговаривала со мною, звала меня по имени, и что если я встану, я тотчасъ встрѣчусь съ нею и увижу ее. Это разстояніе между увѣренностью въ потерю и чувствомъ дѣйствительности полагаетъ намъ небо; такъ какъ чувства полагаютъ разстояніе между топоромъ, котораго видятъ глаза падающимъ на стволъ древесный, и ударомъ, который раздается въ ухѣ долго спустя. Это разстояніе смягчаетъ избытокъ горести, обманывая его. Черезъ нѣсколько времени послѣ потери любимаго предмета, его еще не совсѣмъ лишаешься, потому что живешь продолженіемъ этого бытія въ себѣ самомъ. Испытываешь что-то похожее на то, что испытываетъ глазъ, когда долго смотрѣлъ на заходящее солнце. Хотя свѣтло исчезло съ горизонта, лучи его однако не скрылись отъ нашихъ глазъ, они еще долго блестятъ въ нашей душѣ. Только мало-по-малу и по нѣрѣ-того какъ впечатлѣнія угасаютъ и обозначаются охладѣніемъ, доходишь наконецъ до понятной и совершенной разлуки, и можешь себѣ сказать: «Она умерла во мнѣ!» потому что смерть — не смерть, а забвеніе!

Я испыталъ этотъ феноменъ горести на себѣ, въ продолженіи этой ночи во всей его силѣ. Небу не угодно было, чтобы я испыталъ всю горестъ вдругъ, потому что душа моя могла утонуть въ ней. Оно дало мнѣ и надолго обманчивое убѣжденіе присутствія во мнѣ, возлѣ меня, передо мною, небснаго существа, посланнаго мнѣ на одинъ годъ для того конечно, чтобы обратить

ни! все живы! мои! глаза и мысли мои! къ тебѣ, откуда вылезла
она! ну! все! блестя своей весной, своей любовью!

Когда свѣчка бѣднаго лодочника угасла, я спряталъ письма на груди, тысячу разъ поцѣловалъ полъ комнаты, которая была колыбелью нашей любви и сдѣлалась ея гробницей, взялъ ружье и бросился машинально какъ безумный въ ущелья горъ. Ночь была темна, поднялся вѣтеръ, волны озера, гонимыя къ подножію скалъ, ударили такъ глухо, издавали голосъ такъ похожій на человѣческій, что я останавливался нѣсколько разъ запыхавшись и оборачивался какъ будто меня звали по имени. О! да, меня звали, я не ошибался, но съ небесъ!

Ты знаешь, другъ, кто меня встрѣтилъ, на слѣдующее утро, блуждающаго на краю пропасти, среди ронскихъ тумановъ, знаешь, кто меня подвигалъ, поддержалъ, кто привелъ въ объятія бѣдой матушки....

Десять лѣтъ протекло съ-тѣхъ-поръ, не унеся ни одного изъ воспоминаній этого великаго года моей юности. Согласно обѣщанію Юліи прислать мнѣ *оттуда* ангела для утѣшенія, Господь только измѣнилъ свой даръ, но не отнялъ его у меня. Я часто возвращаюсь съ той, которая умѣла сдѣлать мнѣ надежду терпимою и сладостною какъ блаженство, въ шамберійскую долину и на Эзское озеро. Когда я сажусь на вершинѣ трессервскаго холма, у подошвы каштановыхъ деревьевъ, которыхъ кора чувствовала бѣшеніе ея сердца; когда смотрю какъ это озеро, эти горы, свѣга, луга, деревья, зубчатыя скалы плаваютъ въ теплой атмосферѣ, словно омывающей цѣлую землю въ жидкомъ, янтарномъ благоуханіи; когда слышу какъ шелестятъ листья, жужжатъ на свѣкомыя, вздыхаетъ вѣтеръ, какъ волны озера тихо шумятъ у береговъ подобно шелковой матеріи, развертываемой складка за складкой; когда вижу какъ тѣнь той, которую Господь далъ мнѣ въ подруги до конца дней моихъ, рисуется возлѣ меня на пескѣ или на травѣ; когда чувствую въ себѣ полноту, не желающую ничего до смерти, и миръ, не волнуемый ни однимъ вздохомъ, мнѣ кажется, что я вижу какъ блаженная душа той, что явилась мнѣ когда-то въ этихъ мѣстахъ, поднимается свѣтлая и безсмертная со всѣхъ сторонъ горизонта и наполняетъ собой это небо, эти воды, блеститъ въ этомъ сіяніи, сливается съ этимъ эфиромъ, горитъ въ этомъ огнѣ, проникаетъ въ эти волны, ды-

шетъ въ этомъ жужжаніи, молится, славословить, поеть въ этомъ жизненномъ гимнѣ, который льется съ каскадами съ этихъ ледниковъ въ озеро, и проливается на эту долину и на тѣхъ, кто о ней помнитъ, какое-то благословеніе, которое видится глазами, слышится умомъ и чувствуется сердцемъ.

(Здѣсь окончилась рукопись Рафаэля).

ИМПРОВИЗАТОРЪ.

=

РОМАНЪ АНДЕРСЕНА.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

I.

Фридерикъ легъ спать, а я остался на балконѣ, выходящемъ на улицу. Новый мѣръ, нѣтъ открывшійся и мое неопредѣленное положеніе откинул у меня сонъ. Постепенно шумъ на улицахъ утихалъ; тушились огни; наступила полночь. Надъ кратеромъ поднимался огненный столпъ до громады, красныхъ какъ кровь, облаковъ. Волкъъ походилъ на огромнѣйшее дерево изъ багрового пламени; потоки лавы казались его корнями.

То была одна изъ минутъ, когда духъ находится какъ будто лицомъ къ лицу съ Создателемъ. Я невольно почувствовалъ всемогущество, мудрость и безконечную благость Того, кто посылаетъ удары и молніи; безъ воли котораго не исчезнетъ пыльникъ. Невидимая благотворительная рука постоянно веетъ и направляетъ меня; даже скорби и несчастія обращала мнѣ въ благо. Бѣдная мать моя отдала свою жизнь для моего счастья. Не потому ли ярица взяла на себя обязанность меня воспитывать, что быть великой причиной моего слѣпотства? И еслибъ я не

попалъ въ бѣдное жилище Доминики, вниманіе принца не остановилось бы на мнѣ?

О, конечно, высочайшая мудрость и благость связала цѣпь происшествій моей жизни; только теперь, на послѣднемъ кольцѣ, эта цѣпь разорвалась. Первая встрѣча моя съ Анунциатой была для меня прекраснымъ весеннимъ утромъ; она начала развивать всѣ цвѣточныя почки души моей. Вблизи, подъ влияніемъ этой очаровательной дѣвушки я могъ достигнуть многого. Любовь ея была необходимымъ дополненіемъ моего счастья. Моя привязанность къ ней конечно была чище привязанности Бергарда. Можетъ-быть онъ пострадалъ бы, но не на долго и вѣрно нашелъ бы чѣмъ утѣшиться, а меня, безотвѣтная любовь ея сдѣлала несчастнымъ на всю жизнь. Только въ этомъ одномъ я не могъ понять воли Провидѣнія, и съ горестью видѣлъ уничтоженіе всѣхъ моихъ свѣтлыхъ надеждъ и мечтаній. Въ ту минуту подъ балкономъ раздались звуки гитары; кто-то, закутанный въ плащъ, извлекалъ изъ этого инструмента дрожашіе акорды любви. Немного спустя, дверь въ сосѣднемъ домѣ тихонько открылась, и человекъ въ плащѣ скользнулъ внутрь.

Эфирный сводъ блестялъ звѣздами; темно голубое море окрасилось отраженіемъ волкана.

«Ты одна, прекрасная природа, будешь моей любовницею! Твое небо открыто для меня; ты ласкала меня твоимъ дыханіемъ. Я буду воспѣвать твою красоту, великолѣпіе.... передамъ торжественныя мелодіи, которыя слышитъ въ тебѣ душа моя! Пусть сердце мое обливается кровью; вѣрно такова должна быть жизнь поэта; притомъ же, наша жизнь не есть ли продолжительный сонъ. Когда, на томъ свѣтѣ, мы встрѣтимся съ Анунциатой, она меня полюбитъ; чистыя души должны любить другъ друга; они сплетаются руками, летятъ къ престолу Всемогущаго.

Такъ я теперь войду въ свѣтъ нинировизаторомъ.... мысль эта утѣшала меня. Но, что скажутъ Франческа и принцъ, когда узнаютъ о моемъ бѣгствѣ, о вступленіи моемъ на новое поприще? Они думаютъ, что я до-сихъ-поръ въ Римѣ, преданъ наукамъ. Надобно ихъ увѣдомить; я сѣлъ тогда же писать.

Съ дѣтскою довѣрчивостію я рассказалъ имъ о всемъ, что со мною случилось. Признался въ любви къ Анунциатѣ, безотвѣтность которой сильно потрясла меня; намекнулъ что надѣюсь найти утѣшеніе своимъ печаламъ только въ созерцаніи природы и въ изученіи искусствъ, и окончивъ, прося ихъ совѣта, и обѣщая до полученія отвѣта не предпринимать ничего рѣшительнаго.

Слезы капали изъ глазъ, когда я писалъ; однако на душѣ стало легче, я заснулъ и такъ покойно спалъ, какъ давно не случалось.

На другой день мы съ Фридерикомъ разстались. Онъ пріискалъ себѣ квартиру, а я остался въ Каза Тедеска; мнѣ не хотѣлось разстаться съ моремъ и волканомъ, двумя новыми для меня чудесами природы. Я посѣщалъ музеумъ, театры, бродилъ по любимымъ народнымъ гульбищамъ, и въ три дня успѣлъ довольно хорошо узнать Неаполь.

Въ то время я получилъ пригласительный билетъ отъ имени профессора il signor Маретти, и супруги его la signora Санта. Не зная ни того ни другой, я считъ сначала приглашеніе это какой-нибудь ошибкой; но оно было такъ опредѣлительно, что удаляло всякое сомнѣніе; мнѣ поручали привести съ собой на вечеръ Фридерика. Наведя справки, я узналъ что синьоръ Маретти — ученый, антикварій, а синьора Санта недавно возвратилась изъ Рима, куда ѣздила на короткое время. Я догадывался, что то была наша спутница.

Мы отправились къ нимъ съ Фридерикомъ часу въ девятомъ и застали тамъ многолюдное общество. Зала была прекрасно освѣщена, полъ состоялъ изъ мраморныхъ, гладко полированныхъ плитъ; посреди комнаты стояла scaldino, родъ жаровни, издающая вокругъ пріятную теплоту.

Синьора Санта была дѣйствительно дама, которая съ нами путешествовала; она приняла насъ очень ласково. Къ ней очень шло блѣдно палевое шелковое платье; и еслибъ она не была слишкомъ кругла, могла бы назваться очаровательною. Она представила насъ всему обществу и просила быть какъ дома.

— У насъ, сказала она, бываютъ только друзья; вы скоро познакомитесь со всѣми.

— Мы говоримъ, танцуемъ, поемъ по немногу.... такъ время и проходитъ.

Какая-то молоденькая дамочка сѣла за піано, и запѣла ту самую арію, которую пѣла Аунциата въ оперѣ Дидонѣ. Но, потому ли что голосъ ея былъ не совершенно чистъ, или по недостатку выраженія, только ея пѣніе нисколько меня не тронуло. Взявши нѣсколько акордовъ, она перешла къ танцу. Молодые люди пригласили дамъ и полетѣли по гладкимъ плитамъ. Ко мнѣ подошелъ маленькаго роста сухой человѣкъ, съ сѣрозелеными глазами и пренебрежительно поклонился. Я завелъ разговоръ о настоящемъ изверженіи Везувія.

— Что это, отвѣчалъ онъ, за изверженіе всравненіи съ тѣмъ, которое было въ 96 году и описано Плиніемъ; тогда пещель долеталъ до Константинополя. Въ мое время было одно изверженіе довольно значительное; мы спасались подъ зонтиками отъ пещельнаго дождя.... но, можете судить, какое разстояніе между Неаполемъ и Константинополемъ!.... Древность во всемъ выше насъ.

Я упомянулъ о театрѣ Санъ Карло; во мой собесѣдникъ заговорилъ о колесницѣ Оесписа и принялся пересчитывать всѣхъ коническихъ и трагическихъ музъ. Я перешолъ къ предстоящему смотру королевскихъ войскъ, онъ вдался въ длинное разсужденіе о стратегіи древнихъ. Одинъ только вопросъ онъ самъ предложилъ мнѣ: изучаю ли я исторію искусствъ, и люблю ли антики? Я ему отвѣчалъ, что все, связанное съ исторіей природы и міра меня очень занимаетъ, потому что призваніе мое есть, какъ я внутренно чувствую, поэзія. Онъ съ одобрительнымъ выраженіемъ хлопнулъ руками и началъ декламировать:

« O decus Phoebi. et depibus supremi.

« Grata sestudo Jovis: »

— Онъ рѣшительно завладѣлъ вами, сказала съ улыбкой Санта: въ этомъ случаѣ вы вѣрно перенеслись въ вѣкъ Сезостриса.... но вашъ вѣкъ имѣетъ свои требованія. Вотъ тамъ сидятъ дамы, пригласите ихъ танцовать.

— Я не танцую, никогда не танцую, отвѣчалъ я.

— Однако, если хозяйка дома васъ пригласитъ, неужели вы откажетесь?

— О, да; я такъ дурно танцую, что мы оба можемъ упасть.

— Прекрасная перспектива! вскричала она; подпрыгивая направилась къ Фридеріку и вскорѣ они пустились кружиться по залѣ.

— Какая милая женщина! сказалъ мужъ ея, — особа, съ которою я говорилъ. Это дѣйствительно былъ снѣдьоръ Маретти.

— И притомъ крашевая! прибавилъ онъ. Не правда ли, господинъ аббатъ, она очень хороша?

— О, конечно, отвѣчалъ я, и мы, не знаю почему, заговорили объ этрусскихъ вазахъ. Онъ предложилъ быть мнѣ сисегоне въ бурбонскій музей, и поставилъ на видъ достоинства великихъ художниковъ; разрисовывавшихъ хранящіяся тамъ ломкія драгоценности, объяснивъ, что на глинѣ рисовать можно пока она

тепла, что нельзя стереть ни одной черты, а между прочимъ ни одной черты не упущено къ довершенію красоты фигуръ.

Въ эту минуту подошла Санта, и увлекла меня отъ ученаго профессора, сказавъ вполголоса : Вы отклоняйтесь отъ преслѣдованій моего мужа ; вамъ надобно веселиться.... Сидите тамъ.... вы мнѣ расскажете, что вы видѣли въ нашемъ городѣ, что случилось съ вами....

Я ей рассказала обо всемъ, что меня заняло, и особенно остановилась на маленькой прогулкѣ своей въ тотъ же день послѣ обѣда, до грота Позиллипо, около котораго развалившаяся церковь обращена въ сельскій домикъ ; что милыя дѣти и прелестная молодая женщина, подавшая мнѣ тамъ вина, увеличили красоту пейзажа.

— Такъ вы составляете уже знакомства ? сказала она смѣясь и грозя пальцемъ. Но, не красѣйте ... въ ваши лѣта на однихъ пѣсняхъ не останавливаются....

Вотъ все, что я узналъ въ тотъ вечеръ о сеньорѣ Маретти, и объ ея мужѣ. Въ обращеніи Санты была любезная развязность, виввость, искренность, свойственная Неаполитанкамъ ; мужъ ея былъ въ полномъ смыслѣ ученый ; конечно этого нельзя назвать недостаткомъ ; онъ могъ быть для меня въ музеумѣ отличнымъ чичероне. Я сталъ ~~то~~ посѣщать Санту, и со дня на день привязывался къ ней болѣе. Меня обворожила ея предупредительность ; сердце невольно открывалось ея дружескому участию. Въ то время я понималъ еще свѣтъ какъ ребенокъ ; пожатіе рукъ считалъ расположеніемъ ; за нѣжную улыбку готовъ былъ платить безграничною довѣренностью.

Одинъ разъ сеньора Маретти въ разговорѣ коснулась важнаго для меня обстоятельства, разлуки съ Анувиатой. Говорить съ этой чувствительной женщиной, о той, которую я любилъ, было для меня истинною отрадой. Она оуждала поступки и характеръ Бернарда ; это меня утѣшало ; но я не могъ ей простить, что она находила въ Анувиатѣ недостатки.

— Она слишкомъ мала и сублильна для сцены, такъ выразилась объ ней Санта, по-крайней мѣрѣ въ этомъ вы согласитесь со мною. Я очень знаю, что здѣсь, въ Неаполѣ, она увлекла всю молодежь. Ея голосъ, неподобный голосъ, переносилъ ихъ въ тотъ духовный міръ, которому казалось принадлежало ея тѣло. Но если бъ я была мужчиной, я бы никогда не влюбилась въ такое слабое существо ; я боялась бы раздавить его въ объятіяхъ.

Я засмѣялся, увѣренный, что она хочетъ меня разсмѣшить

Впрочемъ, отдавала полную справедливость уму, благородству и характеру Авунциаты.

Наканунѣ того дня, одушевленный красотой окружающей природы и восторженнымъ настроеніемъ чувствъ, я написалъ двѣ маленькія поэмы: «Заключеніе Тасса», «Нищенствующій братъ», и еще нѣсколько другихъ лирическихъ піесъ, въ которыхъ вылилась моя несчастная любовь. Я взялъ ихъ съ собою, съ намѣреніемъ прочесть ихъ Сантѣ; началъ читать, и недочитавъ первую до половины, залился слезами. Она взяла меня за руку и плакала вмѣстѣ со мною.

Эти слезы очень сблизили насъ. Съ нетерпѣніемъ каждый день я ждалъ времени, когда можно было идти къ ней. Ея веселость, искры ея насмѣшливаго ума заставляли меня смѣяться. Хотя умъ и веселость Авунциаты были выше и чище, но такъ какъ Авунциата для меня уже не существовала, то я не могъ быть благодаренъ Сантѣ.

Она меня спросила одинъ разъ, посѣщалъ ли я романтическое жилище, бывшее нѣкогда церковью, и видѣлъ ли прекрасную его хозяйку?

— Я отвѣчалъ, что это случилось одинъ только разъ.

— Чтѣ же, она конечно показалась вамъ милѣе прежняго? Дети вѣрно пошли удить рыбу, мужъ повелъ путешественниковъ въ гротъ Позиллиппо? Берегитесь, синьоръ! Въ той сторонѣ Неаполя — входы въ адъ.

Я увѣрялъ ее съ совершеннымъ чистосердечіемъ, что меня то мѣсто привлекало прелестью вида, но ничѣмъ другимъ.

— Милый другъ, отвѣчала она, въ этихъ дѣлахъ я понимаю гораздо больше васъ. Сердце ваше горѣло къ той, которую я не назову недостойною вашей любви, но поступившею съ вами не слишкомъ откровенно. Не старайтесь убѣдить меня въ противномъ, это бесполезно. Теперь, вы сами признались, что вырвали ее изъ вашей души, но съ этимъ вмѣстѣ въ сердцѣ вашемъ должна остаться пустота. Прежде, жизнь ваша проходила въ занятіяхъ и мечтахъ, вы были ею довольны; прекрасная пѣвица показала вамъ новую жизнь; изъ духовнаго существа вы сдѣлались матеріальнымъ, какъ и всѣ мы, и почувствовали особенныя желанія? Какъ же могло быть иначе?... О, я никогда не сужу строго о молодомъ человѣкѣ; притомъ же всякій свободенъ вести себя какъ хочетъ!

Я возражалъ на послѣднее ея мнѣніе, и вашель справедливымъ, что потеря Авунциаты оставила въ моемъ сердцѣ пустоту; но

какой же образъ можетъ сравниться съ Анунциатой, которыхъ я могъ бы замѣнить ее.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы человекъ необыкновенный, не похожій на другихъ людей! вскричала она. Вы существо поэтическое, но, вѣрите мнѣ, даже идеальная Анунциата не осталась довольна платоническою любовью, которую вамъ внушила; можетъ-быть потому она предпочла Бернардо, хотя онъ стоитъ ниже васъ въ нравственномъ отношеніи! Однако, прибавила она, вы вовлекли меня въ разговоръ, неприличный для женщины!

Она засмѣялась и потрепала меня по щекѣ.

Тотъ вечеръ я провелъ наединѣ съ Фридерикомъ, который былъ особенно веселъ и разговорчивъ. Онъ разсказалъ мнѣ о своихъ счастливыхъ минутахъ въ Римѣ, когда сердце его билось сильнѣе обыкновеннаго. Въ его похожденіяхъ Маріюча занимала важное мѣсто.

Уже цѣлый мѣсяцъ я жилъ въ Неаполѣ, но никакихъ извѣстій не имѣлъ ни объ Анунциатѣ, ни о Бернардо. Наконецъ римская почта привезла мнѣ письмо; еще не-развертывая, съ трепетомъ я осмотрѣлъ печать и подпись. Гербъ Боргезе! Рука стараго принца! Боже мой, думалъ я, пусть будетъ воля твоя, она все направляетъ къ лучшему!

Вотъ что прочелъ я въ письмѣ:

«Синьоръ, я думалъ, что вы пользуетесь случаемъ, мною вамъ доставленнымъ, чему-нибудь научиться и сдѣлаться полезнымъ и уважаемымъ членомъ общества, но вмѣсто того, вы иначе проводите время, иначе, какъ я могъ надѣяться. Будучи невинною причиною смерти вашей матери, я долгомъ счелъ заглазить свою вину, дѣлая для васъ все, что было въ моихъ силахъ. Теперь вы съ вами квиты».

«Дебютируйте какъ импровизаторъ, какъ поэтъ, когда, гдѣ и какъ хотите, я прошу у васъ одного доказательства расположенія, которое вы такъ часто выражали на словахъ, никогда не опираясь на мое имя и на прежнее мое о васъ попеченіе, на избираемомъ вами поприщѣ. Вамъ показалась очень тягостною услуга для меня — отдаться занятіямъ, наукѣ; я надѣюсь, что вамъ не трудно покажется забыть, что я вашъ благодѣтель».

Сердце мое облилось кровью при этомъ чтеніи, руки опустились на колѣна, я не могъ даже плакать.

Боже мой, Боже мой! шепталъ я.

Голова моя упала на столъ, возлѣ котораго я сидѣлъ; я не

могъ ни думать, ни страдать, ни молиться. И небо и мѣръ, кажется, оставили меня.

Въ такомъ положеніи засталъ меня Фридерикъ.

— Не боленъ ли ты, Антонио? спросилъ онъ съ беззаботствомъ. Не надобно черезчуръ предаваться печали. И кто знаетъ, былъ ли бы ты несчастливъ съ Анунциатой? Вѣрь, что все къ лучшему, я не одинъ разъ замѣчалъ это!

Я подалъ ему письмо принца, и слезы обдали меня; я не зналъ, куда спрятаться отъ Фридерика.

Замѣтивъ, что я начинаю успокоиваться, онъ спросилъ, на что я рѣшаюсь. При этомъ вопросѣ въ головѣ моей мелькнула мысль примириться съ Мадонной, служенію которой я посвященъ былъ съ дѣтства. Она была моею покровительницей, ей должно было принадлежать мое будущее.

— Я сдѣлаюсь отшельникомъ, отвѣчалъ я, того хочеть моя судьба. Мнѣ уже не на что надѣяться въ этомъ мѣрѣ. Притомъ же я существо духовное, не похожее на прочихъ людей! Конечно, въ нѣдрахъ вѣры я найду убѣжище и спокойствіе!

— Будь благоразуменъ, Антонио, возразилъ Фридерикъ. Докажи его свѣтлости и цѣлому міру, что ты не лишаешь душевной силы, что несчастія тебя не унижаютъ, а возносятъ. Я надѣюсь, что ты будешь монахомъ только на сегодняшній вечеръ; а завтра ты раздумаешь, когда теплые лучи солнца согрѣютъ тебя. Безъ сомнѣнія, ты поэтъ, импровизаторъ... у тебя есть и знаніе и вдохновеніе. Завтра мы поѣдемъ посмотрѣть Геркуланумъ и Помпею; взойдемъ на Везувій. Сначала надобно тебѣ развлечься, оживить духъ; а когда черные пары, омрачающіе твой мозгъ разѣются, мы спокойно поговоримъ о будущемъ. Теперь же пойдёмъ гулять на Толедо; эта прогулка займетъ насъ. Жизнь быстро бѣжитъ, а мы всё, до послѣдняго, какъ улитки на спилѣ: раковину, тащамъ ношу свою иной изъ свинцу, другой изъ пуху, а все равно, онѣ одинаково тяготеютъ насъ.

Участіе Фридерика утѣшало меня. Имѣть опору въ другѣ — много значить; я взялъ шляпу и послѣдовалъ за нимъ.

Весело играла музыка въ небольшихъ балаганахъ. Мы остановились передъ однимъ изъ нихъ, который привлекъ большое число зрителей. На сценѣ было семейство артистовъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ я видѣлъ въ день пріѣзда въ Неаполь. Мужъ и жена, разодранные въ мишуру, кричали какъ сумасшедшіе; мальчикъ, съ блѣднымъ, печальнымъ лицомъ, стоя, игралъ на скрипкѣ; дѣ

меньшія его сестры вертѣлись, танцуютъ. Все это мнѣ показалось печальнымъ.

— Несчастныя созданія! думалъ я; моя участь теперь также совнѣтельна, какъ и ваша.

Я взялъ Фридерика за руку, какъ-будто надѣясь въ немъ най-ти себѣ опору; онъ замѣтилъ, что я опять задумался.

— Полно, будь благоразуменъ, успокойся, сказалъ онъ. На воздухѣ пройдетъ краснота твоихъ глазъ; мы еще погуляемъ и потомъ отправимся къ Сантѣ. Она смѣхомъ пробудитъ твою веселость, или будетъ плакать вмѣстѣ, пока не изсякнетъ источникъ слезъ; во всякомъ случаѣ успѣеть, скорѣе моего, утѣшить тебя.

Мы долго бродили взадъ и впередъ по большой улицѣ, и потомъ пошли къ Сантѣ.

— Наконецъ-то, сказала Санта видя насъ, рѣшились вы вмѣстѣ прійти къ намъ, не въ назначенный вечеръ!

— Антоніо, въ самомъ элегическомъ настроивѣ духа, сказалъ Фридерикъ. Его нужно развеселить, какъ можно поскорѣе. Кто же лучше васъ можетъ въ этомъ успѣть! Завтра мы пойдѣмъ въ Геркуланумъ, въ Помпею, взойдемъ на Везувій; можетъ-быть небо будетъ къ намъ милостиво и позволитъ быть свидѣтелями маленькаго изверженія.

— *Sagre diem!* подхватилъ Маретти. Мнѣ очень пріятно вамъ сопутствовать, но не на верхушку Везувія, а до Помпей только, чтобъ посмотреть, на чемъ тамъ остановилась работы. Я наканунѣ получилъ нѣсколько кусковъ разноцвѣтныхъ стеколъ; расположилъ ихъ по оттѣнкамъ, и собираюсь написать объ нихъ сочиненьяще. Пойдите, сказалъ онъ обращаясь къ Фридерiku: посмотримъ эти сокровища; мнѣ нужно ваше мнѣніе насчетъ цвѣтовъ. А вы, продолжалъ онъ, ударивъ меня по плечу, постарайтесь развеселиться; мы разопьемъ вмѣстѣ бутылку фалерискаго, и споемъ съ Гораціемъ:

*«Ornatus viridi tempora rampino
Liber vota bonos ducit ad exitus».*

Мы остались съ Сантой наединѣ.

— Не написали ли вы чего-нибудь новенькаго? спросила она. Вы такъ теперь важны, какъ-будто только что окончили одну изъ тѣхъ поэтическихъ пьесъ, которыя такъ очаровательно говорятъ сердцу. Со времени вашего послѣдняго чтенія, я много разъ думала и задумывалась о васъ и о Тассо, хотя, вы знае-

те, я не принадлежу къ слезливому братству. Будьте повеселѣе. Посмотрите на меня. Вы еще не сказали мнѣ ни одного милого слова. Вы не замѣтили даже, что на мнѣ новенькое платье. Поэтъ долженъ все видѣть и замѣчать. Посмотрите, какъ это платье идетъ ко мнѣ, какъ оно сжало мою талю. Не правда ли, я теперь также стройна, какъ тополь.

— Это я замѣтилъ съ перваго взгляда, отвѣчалъ я.

— И совсѣмъ тѣмъ, я нисколько не стянута. Платье какъ-будто летаетъ вокругъ меня. Зачѣмъ же вы покраснѣли? Вы мужична. Вамъ еще нужно образоваться въ обществѣ женщинъ. Въ дѣлѣ образованія мы стоимъ выше мужчинъ. Садитесь. Мы выпьемъ съ вами по стакану фалерискаго; а потомъ вы съ мужемъ моимъ и Фридерикомъ еще выпьете.

Я отказался, и старался заговорить о чемъ-нибудь; но слова мои не клеились; убитый духъ отнималъ у меня всякую возможность войти въ разговоръ.

— Я васъ тягошу собой, сказалъ я, взявъ шляпу: извините меня, я страдаю, я....

— Не позволю вамъ уйти, отвѣчала Санта, и снова усадила меня на прежнее мѣсто. Что же случилось съ вами? Скажите, имѣйте ко мнѣ довѣренность, и не оскорбляйтесь моею природной живостью. Расскажите, что случилось съ вами? Не пришло ли дурное извѣстіе изъ Рима? Не умеръ ли Бернардо?

— Нѣтъ, благодаря Бога! возразилъ я; и хотъ не хотѣлъ ей рассказывать о письмѣ привца, однако не удержался. Со слезами на глазахъ она выслушала меня, и умоляла не огорчаться.

— Я отвергнуть обществомъ, оставленъ тѣмъ, кто былъ ко мнѣ расположенъ. Теперь никто меня не любитъ!

— Не говорите этого, Антоніо! вскричала она: вы любимы, вы прекрасны, добры! Мой мужъ васъ любитъ, и я также люблю васъ!

Я почувствовалъ на шеѣ пламенный поцѣлуй; она обвила рукой мою шею и прикоснулась лицомъ къ моему лицу.

Кровь моя закипѣла; я задрожалъ; дыханіе какъ будто пресѣклось; никогда еще я не испытывалъ подобнаго сотрясенія. Въ ту минуту дверь отворилась и Фридерикъ съ Маретти вошелъ въ комнату.

— Вашъ другъ боленъ, сказала Санта обыкновеннымъ тономъ. Онъ меня испугалъ. То блѣднѣеть, то краснѣеть.... Я боялась, что онъ обомлетъ на моихъ рукахъ; но теперь ему лучше, не такъ ли, Антоніо?

И какъ-будто между нами не случилось ничего особеннаго; она шутила, смѣялась по прежнему. Сердце мое сильно билось; на душѣ было чувство стыда и негодованія. Я отвортился отъ прекрасной искусительницы.

— *Quae sit hiems Veliae, quod coelum, vale Salerni!* сказалъ Маретти. Въ какомъ же положеніи теперь ваше сердце и голова, сеньоръ?

Въ стаканахъ заискрилось фалернское вино. Санта, поднявъ свой стаканъ, сказала:

— Выпьемъ за лучшее будущее!

— Да, за лучшее будущее! повторилъ Фридерикъ. Отчаяваться не должно.

Маретти также стукнулъ своимъ стаканомъ объ мой, говоря: за лучшее будущее!

Санта засмѣялась, и ударила меня легонько по щекѣ.

II.

На другой день рано утромъ Фридерикъ зашелъ за мною, къ намъ присоединился Маретти. Съ моря прилеталъ свѣжій вѣтерокъ. Экипажъ нашъ поѣхалъ по дорогѣ въ Геркуланумъ, вдоль залива.

— Какъ клубится дымъ надъ Везувіемъ, замѣтилъ Фридерикъ. Сегодня будетъ прекрасный вечеръ.

— Не такъ клубился дымъ, сказалъ Маретти, *anno 79 post Christum*. Дымъ покрылъ тогда все окрестности. Я говорю о томъ времени, когда были погребены подъ пепломъ и лавой, города, которые мы намѣрены посѣтить.

Тамъ гдѣ оканчивается предмѣстье Неаполя, начинаются города Сан-Джіованни, Портичи и Резина, которые такъ близки одинъ къ другому, что составляютъ повидному одинъ городъ. Едва мы успѣли замѣтить, что оставили Неаполь, уже были въ Резинѣ и остановились тамъ у воротъ одного дома. Подъ этимъ городомъ погребенъ Геркуланумъ; онъ былъ покрытъ лавою и пепломъ въ нѣсколько часовъ. Потомъ втеченіи многихъ вѣковъ со всемъ забыли о его существованіи, и надъ нимъ-то выстроилась Резина. Мы вошли въ домъ, въ саду котораго вырытъ широкій колодезь, по спиральной лѣстницѣ котораго сходятъ въ глубину.

— Видите ли, господа, сказалъ Маретти, этотъ колодезь былъ вырытъ въ 1720 году *post Christum*, по повелѣнію герцога Эльбеа. Едва углубились на нѣсколько футовъ, какъ нашли тамъ

статуи; за этимъ послѣдовало запрещеніе продолжать работы *mirabile dictu!* на тридцать лѣтъ онѣ были оставлены в начаты со вступленія на тронъ Карла Испанскаго. При второй попыткѣ отрули каменную лѣстницу, которую вы теперь видите!

Дневной свѣтъ весьма не глубоко проникалъ въ отверстіе; мы были надъ огромнымъ театромъ Геркуланума. Проводники дали каждому изъ насъ по зажженному факелу; мы спустились вглубь и сидѣли на тѣхъ самыхъ, амфитеатромъ построенныхъ скамьяхъ, на которыхъ 1700 лѣтъ назадъ сидѣло многочисленное общество, которое смѣялось, плакало, хлопало руками, смотря и сцены жизни, представляемыя въ ихъ присутствіи.

Небольшая низкая дверь вела въ широкій проходъ. Мы сошли въ оркестръ, оттуда въ гардеробную и на сцену. Меня поразила огромность театра; его иначе нельзя было видѣть какъ почтаемъ, но онъ показался мнѣ обширнѣе театра Санъ-Карло. Все вокругъ насъ было мрачно и тихо; а надъ нашими головами шѣла городская жизнь. Я чувствовалъ себя очень счастливымъ вышедши на свѣтъ Божій, и вдыхая чистый, свѣжій воздухъ.

Мы снова отправились впередъ по улицѣ въ Резинѣ, и скоро остановились у другаго колодца, не такъ значительнаго какъ первый. Намъ представилась улица; дома съ узкими, низкими окнами; стѣны окрашенныя голубымъ и краснымъ цвѣтомъ....

Оставивши Резину, мы вѣхали въ долину, которую можно было принять за море растопленныхъ металловъ, внезапно застывшее. Однако, на этой почвѣ, уже строились жилища, разрастались виноградники. Церковь осталась полупогребенною.

— Я былъ свидѣтелемъ этого ужаснаго разрушенія, сказалъ Маретти, еще дитятею, то есть, лучше сказать я достигъ возраста между *lacteus* и *puer*. Трудно забыть подобный день. Эти черныя окалны, по которымъ мы теперь ѣдемъ, бѣжали тогда огненными рѣками, съ вершины горы, даже до Торре-дель-Греко. Отецъ мой, *beati sunt mortui*, часто въ этихъ мѣстахъ реалъ для меня спѣлый виноградъ. Отъ ужаснаго свѣта, стѣны церкви казались раскаленными. Старые виноградники были погребены; одна церковь видѣлась на огненномъ морѣ, какъ Ноевъ ковчегъ.

Какъ виноградныя лозы, соединяющія часто одно дерево съ другимъ—длинными гирляндами, бываютъ устьяны тяжелыми виноградными кистями, такъ наполнена городами дорога, идущая вдоль Неаполитанскаго Залива. Вся она, исключая описанной

опустошенной равнины, похожа на Толедскую улицу. Корриолы, наполненные сѣдоками, верховые, одни на небольшихъ кабрскихъ лошадяхъ, другіе на сильныхъ ослахъ, встрѣчались безпрерывно; караваны путешественниковъ, мужчинъ и женщинъ дополняли картину.

Я представлялъ себѣ Помпею, также какъ Геркуланумъ, погребенною во внутренности земли, и ошибся. Помпея стоятъ выше богатыхъ виноградниковъ, простирающихся до самаго берега Средиземнаго Моря. Входя на верхъ мы дошли до отверстія, въ стѣнѣ темносѣраго цвѣта, образовавшейся изъ отвердѣвшаго пепла. При этомъ входѣ въ предмѣстья Помпей стояла стража.

— Читали вы письма Тацита и Плинія Младшаго? спросилъ у меня Маретти. Вы здѣсь найдете такіе на нихъ комментаріи, какіхъ не имѣетъ ни одинъ авторъ.

Длинная улица, по которой мы шли, называлась улицею гробницъ. На ней погребальные памятники попадаются на каждомъ шагѣ. Возлѣ многихъ гробницъ устроены скамьи. Въ древности это мѣсто было гуляньемъ для жителей Помпей обоюго пола. Отсюда гуляющимъ открывался прекрасный видъ, на оживленную дорогу и на заливъ. Потомъ мы вышли на улицу съ двумя по сторонамъ рядами домовъ, изъ которыхъ въ каждомъ были лавки для продажи разныхъ товаровъ. На всемъ замѣтны были слѣды землетрясенія, потрясшаго городъ, до наступленія опустошительнаго изверженія. Многіе изъ домовъ строились въ то время, когда потоки лавы и пепла поглотили ихъ. Около нихъ лежали неоконченные мраморные карнизы и глиняныя модели, одинаковой съ карнизами формы.

Мы достигли городскихъ стѣнъ; широкая лѣстница привела насъ къ амфитеатру. Передъ нами разстилалась узкая и длинная улица, устланная, какъ въ Неаполѣ, плитами лавы, слѣдами изверженія, гораздо раньше бывшаго, чѣмъ то, которое разрушило Геркуланумъ и Помпею. На этихъ плитахъ замѣтны были слѣды колесъ; на фронтисписахъ домовъ начертаны имена тѣхъ, кому они принадлежали; на нѣкоторыхъ приделаны вывѣски, на одной изъ нихъ было означено, что въ домѣ томъ занималась мозаическими работами.

Комнаты малы; свѣтъ проникаетъ въ нихъ черезъ крышу или черезъ отверстіе, продѣланное надъ дверью; квадратные дворы, окруженные портіками, обыкновенно такъ не велики, что могутъ помѣстить только небольшой цвѣтникъ, лужекъ или бассейнъ. Дворы и бассейны украшены мозаикой; а стѣны яркою живо-

писью, въ которой главными цвѣтами были: темнокрасный, голубой и бѣлый. На нихъ представлены танцовщицы, гении и другія легкія фигуры. Все это чрезвычайной отдѣлки, а цвѣта такъ свѣжи, какъ-будто только вчера нарисованы. Фридерикъ съ Маретти вдались въ ученое разсужденіе объ удивительномъ составленіи красокъ, которыя такъ упорно выдерживали разрушительное дѣйствіе времени, и коментировали сочиненіе Бажардѣ, о древнихъ памятникахъ Геркуланума, въ десяти томахъ in folio. Подобно многимъ другимъ они, занимаясь критикой и написанными о томъ сочиненіями, забывали предстоящее имъ зрѣлище. Я не былъ посвященъ въ таинства этихъ знаній; и предметы, меня окружающіе представлялись мнѣ фантастическимъ міромъ, въ который погружалась душа.

Мы остановились передъ домомъ Саллюстія.

— Саллюстіи! вскричалъ Маретти, приподнимая почтительно свою шляпу. *Cogrus sine animo!* Не осталось его духа въ этихъ мѣстахъ, но мы должны уважать его безжизненные остатки....

На противоположной стѣнѣ этого дома написана большая картина, представляющая Диану и Актеона. Въ ту минуту раздался радостные крики рабочихъ: они откопали великолѣпный мраморный столъ, поддерживаемый двумя колоннами; а мое вниманіе грустно остановилось на другомъ: на пещельной стѣнѣ я замѣтилъ оттискъ женскаго тѣла, рѣдкой красоты формъ.

Перейдя форумъ, мы подошли къ храму Юпитера. Солнце блестяло на гладкихъ колоннахъ изъ бѣлаго мрамора; вдали дымился Везувій; черные облака вихремъ вылетали изъ кратера, бѣлый какъ снѣгъ паръ носился надъ потокомъ лавы, сбывшимъ по отлогости горы.

Мы зашли въ театръ. Сцена, со столбами, стѣны, двери, такъ сохранились, какъ будто еще наканунѣ было тамъ представленіе. Но музыка уже не разольется по обширному пространству театра; не будетъ пѣть Россій передъ восторженною толпою! Все было мертво вокругъ насъ; большой театръ природы оставался полнымъ жизни. Близъ веселыхъ виноградниковъ и набитой народомъ дороги въ Салерно, въ виду темно-голубой горы, резко обозначающейся на горизонтѣ, стояла Помпея, безмолвной возвѣстительницей могущества ангела смерти. Мнѣ представлялся онъ съ черными крыльями, съ которыхъ сыпался пепельный дождь.

Мы рѣшили подняться на Везувій вечеромъ; при свѣтѣ лунныхъ

воспламененная лава, и все окружающее представляется занимательнѣе.

Нанявъ ослонъ въ Резинѣ, мы стали всходить на гору; дорога вилась мимо виноградниковъ и одинокихъ фермъ; скоро прозябленіе начало бѣднѣть, и постепенно дошло до изрѣдка стоящихъ худощавыхъ кустовъ и пучковъ сухой травы. Вечеръ былъ бы прекрасенъ, еслибъ не было холоднаго и рѣзкаго вѣтра. Солнце при закатѣ представлялось большимъ огненнымъ шаромъ; отъ него тянулись до полъ-неба золотистые лучи; море приняло индиговый оттѣнокъ, а многочисленные острова казались легкими облаками. Я перенесся въ волшебный міръ. На краю залива едва видѣлся Неаполь; вдали видны были снѣговыя горы, не уступающія ослѣпительной бѣлизною ледникамъ альпійскимъ, а близъ насъ свѣтилась огненная лава.

Мы достигли площадки, совершенно покрытой черною лавой; тамъ уже не было замѣтно ни слѣдовъ человѣка, ни малѣйшей тропинки. Ослы осторожно пробовали землю, прежде чѣмъ становились, такъ что мы очень медленно поднимались впередъ по той части горы, которая возвышалась мысомъ на этомъ окаменѣломъ морѣ. Такъ дошли мы до жилища пустынника, гдѣ уже небыло никакого прозябанія. У воротъ обители вокругъ зажженного костра сидѣла команда солдатъ, и пила *Lucyua Christi*. Она конвоировала чужестранцевъ, боящихся нападеній горныхъ разбойниковъ. Тамъ мы зажгли наши факелы, но вѣтеръ сильно колебаль пламя, и можно было каждую минуту ждать, что онъ потушитъ ихъ. При такомъ невѣрномъ и колеблющемся освѣщеніи мы продолжали подниматься по крутой тропинкѣ, забросанной кусками лавы. Наконецъ передъ нами поднялся пикъ изъ пеплостой лавы; на него можно было всходить только пѣшкомъ.

Проводникъ нашъ шелъ впереди съ факелами; а мы съ Фридерикомъ слѣдовали за нимъ, дѣлая безпрерывныя зигзаги; потому что шли уже по рыхлому пеплу, въ которомъ ноги вязли почти до колѣнъ, а куски лавы, закрытые пепломъ, скользили и катились подъ нашими ногами.

— Снѣгъ! кричалъ намъ проводникъ: мы скоро взойдемъ на верхъ.... Но вершина казалась для насъ на такой же высотѣ, какъ и прежде. Нетерпѣливое ожиданіе придало крыльямъ моиѣ ногамъ; часъ спустя мы достигли вершины; я взошелъ первый. Обширная площадка, на которой были тамъ и сямъ набросаны одни на другія груды лавы, разстилалась передъ моими глазами. Въ среднѣ ея возвышалась гора пеплу: то былъ конусъ

глубокого кратера; луна какъ будто вѣсѣла надъ нами. До той минуты она была не видна за горою; но мы не долго наслаждались ея сіяніемъ. Почти внезапно, съ быстротою мысли, облако чернаго какъ уголь дыма вылетѣло крутясь изъ кратера: нѣсть объяла тьма. Во внутренности волкана раздавался шумъ, подобный грому; земля подъ ногами нашими задрожала; чтобы не упасть, мы схватились руками другъ за друга. Вдругъ раздался выстрѣлъ такой ужасный, что сто пушекъ не могли бы произвести подобнаго. Дымъ разбѣялся и передъ нами стояла колонна огня, высотой не меньше мѣли. Съ этой массой огня изъ кратера вылетѣли красныя, блестящіе камни, подобные огромнымъ рубинамъ. Они падали вокругъ насъ глыбами, но по счастью или снова падали въ кратеръ или катились по отлогостямъ горы.

— Боже Всемогущій! произнесъ я.

— Везувій сегодня веселъ, сказалъ проводникъ.

Я думалъ, что путешествіе наше окончилось; но проводникъ указалъ намъ рукою по другую сторону площадки мѣсто на горизонтѣ, сильно освѣщенное, гдѣ гигантскія фигуры людей двигались, какъ черныя тѣни на багряномъ полѣ. То были иностранцы, находившіеся между нами и потокомъ лавы, который мы обошли, поднимаясь на гору. Мы вошли съ восточной стороны, противоположной той, по которой бѣжалъ ручей лавы. Тогда и думать нельзя было подойти къ жерлу; оно было неприступно; намъ оставалось посмотреть на горящую лаву. Оставивъ жерло, мы пошли по плато, карабкаясь по глыбамъ лавы. Блѣдный свѣтъ луны и красноватый отъ факеловъ, падал на эту ровную мѣстность, представлялъ каждую тѣнь или углубленіе, пропастью.

Снова загремѣлъ внутри волкана громъ; все около насъ потемнѣло, и новое изверженіе ослѣпило наши глаза.

Медленно, осторожно пробирались мы къ цѣли. Все къ чему мы ни касались было тепло, а изъ промежутковъ лавныхъ выходилъ такой горячій паръ какъ изъ печи.

Наконецъ мы вышли на ровную поляну; — на озеро лавы, которому было не болѣе двухъ дней отъ роду. Поверхность его отъ воздуха почернѣла и отвердѣла на глубину болѣе фута, а подъ этой корой, похожей на ледъ, лежала въ глубину на нѣсколько сажень раскаленная и расплавленная лава. Намъ было необходимо перейти это озеро, чтобы попасть на то мѣсто, гдѣ путешественники смотрѣли на потокъ лавы.

Однѣ за другими, съ проводникомъ впереди, пошли мы по

этой корѣ. Подошвы сапоговъ почти накалились; мѣстами гдѣ внутренній жаръ не допустилъ отвердѣть лавѣ, мы ее видѣли огненнаго цвѣта. Если бѣ эта кора подломилась подъ нами, мы бы потонули въ огненномъ озерѣ. Пробуя, и не останавливаясь шли мы по этому помосту, похожему на раскаленное, и спаружи охладѣвшее желѣзо; при ударѣ палкой, изъ него летѣли искры. Слѣды ногъ на снѣгу червы, а на этомъ каменномъ льду они красны. Мы всѣ молчали. Поднимаясь на гору, мы не воображали встрѣтить такіа опасности.

На встрѣчу къ намъ шелъ съ проводникомъ Англичанинъ.

— Есть ли между вами кто изъ Англичанъ? спросилъ онъ.

— Одинъ изъ насъ Итальянецъ, другой Датчанинъ, сказалъ я.

— The Devil! отвѣчалъ онъ и повернулся.

Наковецъ мы достигли холмовъ, на которыхъ стояли иностранцы; и остановились смотрѣть свѣжій потокъ. Никакой языкъ, ни какая картина не можетъ изобразить этого величественнаго, поразительнаго зрѣлища. Воздухъ былъ удушливый, раскаленный. Надъ текущей лавой стоялъ густой паръ, краснаго цвѣта, а вокругъ насъ совершенная тьма. Громъ не переставалъ гремѣть, и надъ нами по прежнему стоялъ огненный столбъ. Никогда еще не было во мнѣ такого сильнаго ощущенія близости Божества. Передо мною открывался Его всемогущество и величіе. Все что было во мнѣ матеріей, казалось сгарало; я почувствовалъ въ себѣ и силу и бодрость; бессмертій духъ расширилъ свои крылья.

Боже всемогущій, думалъ я, сдѣлаюсь твоимъ пѣвцомъ. Посреди мірскихъ бурь буду пѣть твое имя, могущество, величіе. Пѣсни мои будутъ раздаваться какъ молитвы отшельника въ его кельѣ.

Дай мнѣ силу, сохрани духъ мой въ чистотѣ, необходимой принадлежности твоего служителя, который славословитъ тебя въ красотахъ природы!

Мы сошли съ утеса лавы и едва успѣли отойти нѣсколько шаговъ, онъ съ трескомъ погрузился въ широкую рашелнну внезапно образовавшуюся на корѣ отвердѣвающей лавы. Облако искръ разсыпалось въ воздухъ; но я не дрогнулъ... Со мною былъ Богъ. То была одна изъ тѣхъ минутъ, когда духъ, познавая напѣтиемъ блаженство безсмертія, не можетъ чувствовать ни страха, ни печали.

Около насъ почти непрерывно сыпались искры изъ маленькихъ кратеровъ. Фридерикъ былъ взволнованъ не меньше мое-

го. Это выразилося тогда, какъ мы спускались съ Везувія. Мы ползли, бѣжали, летѣли. Пепелъ былъ такъ мягокъ какъ снѣгъ снѣгъ. Въ десять минутъ мы спустились до того мѣста, съ котораго поднимались больше часу. Вѣтеръ утихъ; мы сѣли на оселокъ, и въ жилищѣ пустынника нашли нашего аптекаря.

Я безпрестанно оборачивался назадъ. Луна блещеа, снѣгъ было какъ дымъ. Мы подошли по берегу залива; отраженіе луны и горящей лавы породило двѣ струи свѣта: одну голубоватаго, другую красноватаго цвѣта, которыя дрожали на кристаллическомъ морѣ. Я чувствовалъ себя перерожденнымъ. Душа получила энергію, разумъ проникаемость. Ужасное и величественное зрѣлище возстановило мой унавіи духъ, удалило безнадежность.

Маретти пригласилъ насъ провести вечеръ у него. Въ первую минуту я хотѣлъ отказаться; мнѣ неприятно было увидѣть Санта, послѣ вчерашней сцены; но я побѣдилъ свое чувство.

Санта приняла меня очень мило; она приказала подать чашку вина, и казалась такъ весела и натуральна, что я утѣшалъ себя за строгое объ ней сужденіе. Вѣрно мнѣ вошла въ голову нечистая мысль, такъ что движеніе симпатіи, участія, я принялъ за страсть. Я старался заглядить мое странное поведеніе. Она, казалось, поняла мое намѣреніе, и я читалъ въ ея глазахъ чувство и живаго родственнаго расположенія.

Ни Маретти, ни жена его не слышала моихъ импровизацій; они упростили меня показать свой талантъ. Я пѣлъ имъ восхожденіе на Везувій. Акундіата выражала удивленіе со вниманіемъ, Санта выразила его словами, которыя показали мнѣ губки ея двойнѣ очаровательными; а глаза ея жгли мое сердце.

III.

Такъ рѣшено было, что я долженъ дебютировать въ театрѣ Санта-Карло какъ импровизаторъ. Моя смѣлость съ каждымъ днемъ увеличивалась. На вечерахъ у Маретти, и у нѣкоторыхъ друзей его, съ которыми онъ меня познакомилъ, я утѣшалъ своимъ дарованіемъ общество, которое осыпало меня похвалами и поощреніями. Эти успѣхи были для моей страдающей души утѣченіемъ, за которое я признательно благодарилъ Провидѣніе. Есаясь, кто прочелъ мои мысли, тотъ не придумалъ бы чувству гордости огнемъ, блестящимъ въ глазахъ моихъ. Нѣтъ, то была чистѣйшая радость. Похвалы наводили на меня тоску, отъ болѣзни не заслу-

жить ихъ, или перестать быть достойнымъ ихъ. Конечно похвалы и поощренія лучшіе двигатели душъ благородныхъ, въ которыхъ излишняя строгость или несправедливое осужденіе заглушаютъ талантъ и рождаютъ недовѣріе. Это узналъ я по опыту.

Маретти много помогалъ мнѣ; желаніе услужить мнѣ заставило его отказаться на время отъ обыкновенныхъ привычекъ. Онъ представилъ меня всѣмъ, кто могъ быть мнѣ полезенъ въ избранной мною карьерѣ. Санта была со мной очень любезна, но какое то тайное, неопредѣлимое предчувствіе удаляло меня отъ нея. Я приходилъ къ ней или съ Фридерикомъ, или когда зналъ, что у нея гости, боясь повторенія сцены, бывшей между нами, вечеромъ, когда мы оставались наединѣ. Несмотря на то, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее, когда она не могла изгнать моего вниманья; она мнѣ казалась прекрасною. Со мною, въ этомъ случаѣ, было то, что бываетъ со многими. Если шутя скажутъ, что вы любите кого нибудь, о которой прежде вы и не думали, на кого не обращали вниманья, желаніе узнать что это за особа, и почему на нее указали вамъ, какъ на предметъ избранный, остановитъ на ней вниманье. Часто за любопытствомъ слѣдуетъ нѣжное участіе, которое измѣняется въ любовь. Я не дошелъ ни до чего подобнаго. Вниманіе, съ которымъ я разсматривалъ Санту, сопровождалось внутреннимъ смущеніемъ, заставлявшимъ безпокойно биться сердце; пораждало во мнѣ тоску, отдалявшую меня отъ нее.

Уже два мѣсяца я былъ въ Неаполѣ.... Въ слѣдующее воскресенье я долженъ былъ дебютировать въ театрѣ Сан-Карло. Въ тотъ вечеръ давали оперу: Севильскій цирюльникъ; а потомъ назначено было мнѣ импровизировать на задаваемые темы. Я принялъ названіе Ченчи; не имѣя смѣлости выставить мою фамилию на афишкахъ.

Съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ я ждалъ дня, который долженъ былъ установить меня поэтомъ; но въ то же время чувствовалъ нервное волненіе, похожее на страхъ. Фридерикъ успокоивалъ меня, говоря, что непобѣдимое безпокойство было слѣдствіемъ жаркаго воздуха, что онъ, и многіе другіе испытывали подобное нездоровье, провзшедшее отъ непрерывныхъ изверженій Везувія. Потокъ лавы спустился съ горы и направился къ Торре-дель-Анунціата. Вечеромъ въ Неаполѣ слышенъ былъ взрывъ волкана; воздухъ наполнился пепельною пылью, которая замѣтнымъ слоемъ садилась на листья и цвѣты. Верхушка Везувія была покрыта чернымъ облакомъ, похожимъ на громо-

выя; при каждомъ изверженіи огненные, блѣдно желтаго цвѣта зигзаги, разсѣкали это облако. Санта страдала не менѣе другихъ... У меня лихорадка, сказала она. Глаза ея необыкновенно блестящи; щеки поблѣднѣли; она боялась слечь, и не имѣть возможности быть въ Сан-Карло, при моемъ дебютѣ.

— Впрочемъ, говорила она, я пойду хоть бы лихорадка была втрое сильнѣе.

Я проводилъ большую часть времени въ кофейняхъ, на публичныхъ гульбищахъ и въ театрѣ. Часто, состояніе моего духа выскло меня въ церковь, къ подножію Мадонны. Я исповѣдывалъ ей мои преступныя мысли, испрашивалъ у нея силы и бодрости слѣдовать внушеніямъ моего духа. «Прекрасная дѣвушка», шепталъ мнѣ на ухо искуситель, и я выбѣгалъ изъ святаго мѣста, съ пламенными щеками. Духъ мой боролся съ кровью. Все существо мое казалось въ переходномъ состояніи, которое должно было окончиться въ вечеръ, назначенный для импровизаціи.

— Намъ нужно хоть одинъ разъ побывать въ игорномъ домѣ, сказалъ мнѣ Фридерикъ. Поэтъ долженъ получить понятіе о всемъ.

Я никогда не входилъ въ подобныя мѣста, и стыдился это дѣлать. Конечно не безъ причины говорилъ обо мнѣ Бернардо, что мое воспитаніе у доброй Доминики и въ училищѣ Іезуитовъ, подбавило въ мою кровь немного козлянаго молока, или трусости, какъ несправедливо выражался Бернардо.

Если я хочу описывать міръ, мнѣ нужно знать общество! говорилъ я самъ себѣ, чтобъ поощрить рѣшимость, идя позднимъ вечеромъ въ знаменитый игорный домъ въ Неаполѣ.

— Пойду туда, сказалъ я вслухъ, только потому, что не играю. Мнѣ нѣтъ необходимости играть. Фридерикъ и друзья мои находили, что я дѣйствую разсудительно.

Но, такъ велика слабость моего характера, сердце сильно билось во все продолженіе дорога, какъ будто я готовъ былъ совершить грѣхъ, хоть умъ говорилъ, что въ этомъ нѣтъ большой бѣды. Швейцарская гвардія стояла на часахъ у входа. Лѣстница была блистательно освѣщена. Въ передней толпились лакеи, одинъ взялъ мою шапку, другой палку, третій отворилъ дверь; и мнѣ представился рядъ освѣщенныхъ комнатъ. Тамъ было многочисленное собраніе мужчинъ и женщинъ. Не желая показать смущенія, я смѣло, скоро прошелъ первую залу, гдѣ никто не обратилъ на меня вниманья. Много людей сидѣло вокругъ игорнаго стола, на которомъ въ разныхъ мѣстахъ лежали ку-

чи золота и пiастровъ. Между ними я замѣтилъ пожилыхъ лѣтъ даму, которая была когда-то очень хороша собой. Она была разряжена, граціозно держала въ рукахъ карты и ястребиннымъ взглядомъ посматривала на кучи монеты. Нѣсколько молодыхъ, свѣженькихъ грѣшницъ разговаривали дружески съ мужчинами.

Въ сосѣдней комнатѣ былъ столъ, съ красными и зелеными квадратами. Ставили сколько-нибудь пiастровъ на одинъ изъ квадратовъ, и катили шаръ; если онъ оставался на избранномъ цвѣтѣ, ставка удваивалась. Золото и серебро заискрилось въ моихъ глазахъ. Я вынулъ кошелекъ, бросилъ на столъ пiастръ; онъ упалъ на красный квадратикъ. Наблюдавшій за игрою, спросилъ меня взглядомъ, долженъ ли тамъ оставаться пiастръ; я утвердительно покачалъ головою; шаръ покатился, остановился на красномъ; не зная на что рѣшиться, я не перемѣнилъ мѣста пiастра; черезъ нѣсколько минутъ вмѣсто одного лежала куча пiастровъ. Еще разъ покатился шаръ и банкиръ самымъ равнодушнымъ видомъ, придвинулъ кучу къ себѣ, какимъ-то, похожимъ на грабли орудіемъ. Мой золотой сонъ окончился. Я не сталъ играть болѣе, и потерявъ одинъ только пiастръ.... перешелъ въ третью залу.

Между молодыми дамами одна привлекла мое вниманіе замѣчательнымъ сходствомъ съ Анунциатой; только она была выше ростомъ и сильнѣе прекрасной пѣвицы. Она замѣтила мое вниманіе, и подойдя ко мнѣ спросила, не желаю ли я сдѣлать съ нею партію. Я извинился и вышелъ въ ту залу, гдѣ былъ прежде.

Въ самой отдаленной изъ залъ, куда я проникнулъ впоследствии, нѣсколько молодыхъ людей играли на бильярдѣ; они скинули верхнія платья, нисколько не стѣняясь присутствіемъ дамъ. Между играющими одинъ молодой человѣкъ, прекрасно сложенный, сдѣлалъ мастерской ударъ, заслужившій всеобщее одобреніе. Молодая дама, портретъ Анунциаты, пришедшая также посмотреть на игру, сказала что то молодому человѣку съ видомъ одобренія; тотъ оборотился и поцѣловалъ у нея руку. Сердце мое сильно билось. Молодой человѣкъ былъ Бернардо.

Я не имѣлъ бодрости идти далѣе, но желая получить хотя поверхностное понятіе о собраніяхъ этого рода, рѣшился остаться еще, и проскользнулъ вдоль стѣны въ открытую дверь обширной малоосвѣщенной залы, откуда могъ наблюдать за всѣмъ, не бывши замѣченнымъ. Эта зала сообщалась съ искусственнымъ садомъ, имѣющимъ нѣсколько зеленыхъ бесѣдокъ. Зеленъ ихъ

состояла из окрашеннаго холста; а вокругъ всего сада стояли померанцовыя деревья, на которыхъ сидѣли тучелы разноцвѣтныхъ попугаевъ; невидимый оркестръ игралъ, *sofia chose*, пріятныя мелодіи. Искусственная свѣжесть была поддерживаема въ этомъ саду вентиляторомъ, отворяющимся на аркадѣ двора.

Едва успѣлъ я обойти и осмотрѣть это воспитательное убижище, туда вошелъ Бернардо; я почти неровно пошелъ въ одну изъ описанныхъ бесѣдокъ; проходя мимо, онъ замѣтлалъ меня, улыбнулся и дружески кивнулъ головою. Потомъ войдя въ соседнюю бесѣдку, бросился на скамью, и запылъ въ полголоса пѣсню. Тысячи различныхъ ощущеній тѣснились въ груди моей. Онъ здѣсь!... такъ близко отъ меня! Трепетъ во всѣхъ членахъ заставлялъ меня сѣсть. Запахъ цвѣтовъ, полуслышная музыка, подувать и роскошная софа, перенесли меня въ міръ волшебствъ, въ которомъ только я могъ надѣяться встрѣтить Бернардо. Молодая дама, похожая на Анунциату, вошла въ залу, и приближалась къ бесѣдкѣ, въ которой я сидѣлъ; но Бернардо, замѣтивъ это, запылъ громче, и она направилась по его голосу. Я услышалъ звукъ поцѣлуя; онъ разорвалъ мое сердце.

Такъ этому неостоянному, вѣтренному, невѣрному Бервардо Анунциата предпочла меня! Такъ мало насладившись блаженствомъ ея любви, онъ забывалъ объ ней въ объятіяхъ безразличной женщины. Я выбѣжалъ изъ залы, изъ дому, дрожа отъ негодованія и горя; я едва успѣлъ заснуть къ утру.

То былъ день назначенный для моего дебюта въ театрѣ Сан-Карло. Мысль объ этомъ, и воспоминаніе прошедшаго вечера сильно взволновали меня. Я молился Мадоннѣ съ такою теплотой, какъ давно не молился. Потомъ пошелъ въ церковь и причастился; я надѣялся, что причастіе подкрѣпитъ меня, очиститъ, поддержитъ. Однако заботливость все еще возмущала спокойствіе духа, такъ необходимое въ подобномъ случаѣ; я желалъ знать, вѣтъ ли Анунциаты въ Неаполѣ, не съ нею ли, или за нею, пріѣхалъ сюда Бернардо. Фридерикъ взялъ на себя трудъ узнать; и увидѣлъ меня что Анунциаты вѣтъ, а Бернардо, четыре дня назадъ пріѣхалъ одинъ; объ этомъ можно было справиться по объявленію пріѣзжающихъ. Сапта была больна, но непремѣнно хотѣла быть въ тотъ вечеръ въ театрѣ. Фридерикъ старался развлечь меня разсказами. Везувій сильнѣе обыкновеннаго извергалъ огонь и пепель.

Опера уже началась, когда я пріѣхалъ въ театрѣ. Еслибъ тог-

да около меня сидели Парки, и жизнь моя могла забвѣннѣ отъ ихъ страшныхъ пожатій, я сказалъ бы имъ: рѣжьте. Въ душѣ послалъ одна молитва: «Боже, устрой все къ лучшему».

Въ центральный залъ я встрѣтилъ много актеровъ, литераторовъ, импровизаторовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ профессора французскаго языка, Салтинни, съ которымъ меня познакомилъ Маретти. Разговоръ былъ веселый; шутили, смѣялись. Актеры, игравшіе въ Цирюльнигѣ, шли на сцену безъ малѣйшаго волненія. Сцена была имъ хорошо знакома.

Темы, которыя дадутъ намъ, сказала мнѣ Салтинни, покажутся орехомъ съ твердою скорлупой, но вы будете имѣть успѣхъ. Я также дрожалъ, выходя въ первый разъ на сцену, и совсѣмъ тѣмъ имѣлъ успѣхъ. Безъ маленькихъ хитростей, спаровокъ въ этомъ дѣлѣ нельзя обойтись, и конечно они позволительны. У меня было много ставсовъ готовыхъ, на любовь, древность, красоту Италіи, на поэзію и искусство вообще, и всѣ такія вещи, которыя можно вставить вездѣ.

Я увѣрялъ его, что и не думалъ о такихъ приготовленіяхъ.

— Да, такъ всегда говорятъ! возразилъ онъ смѣясь. Но это ничего не значить, вы умный молодой человекъ, вы будете имѣть успѣхъ!

Пьеса была окончена, я остался одинъ на сценѣ.

— Эшафотъ готовъ, сказалъ мнѣ смѣясь режиссеръ; и подалъ знакъ машинисту.

Зававѣсъ подвнялся.

Передо мною была мрачная пропасть. Я могъ только различать нѣсколько головъ въ оркестрѣ, и въ ложахъ, примыкающихъ къ сценѣ. На меня подулъ теплый воздухъ. Я почувствовалъ силу и бодрость, которой самъ удивился. Душа моя была сильно пробуждена, но не потеряла ни свѣтлаго взгляда, ни гибкости мысли. Всѣ мои умственные способности были пробуждены, что было необходимо въ предстоящемъ случаѣ.

Каждый имѣлъ право дать мнѣ тему для импровизаціи, написанную на клочкѣ бумаги, которыя прежде всего попадались въ руки секретаря полиціи: для разсмотрѣнія, вѣтъ ли въ темахъ противнаго законамъ или правамъ.

Изъ предложенныхъ пьесъ я могъ выбирать. На первой бумагѣ я прочелъ: «*Il cavalere sergente*», но я не имѣлъ яснаго понятія объ обязанностяхъ и правахъ чинасбел, какъ иначе его называютъ. Я зналъ только, что онъ заступилъ мѣсто рыцаря древнихъ временъ, и потерялъ старинное право защищать честь или

прославлять красоту своей дамы, онъ могъ, какъ вѣрный слуга, сопровождать ее повсюду, исполняя, въ этомъ отношеніи, должность мужа. Я вспомнилъ извѣстный совѣтъ: «*Femmina di costume, di maniere.*» Но ни одной мысли для украшенія этой темы, мнѣ не пришло въ голову, въ ту минуту. Съ нетерпѣніемъ я открылъ другую бумажку; на ней было написано: «Капри». Этотъ предметъ былъ для меня чрезвычайно затруднителенъ; а никогда не былъ на этомъ островѣ; я только издали видѣлъ прекрасныя его горы, на горизонтѣ моря. Я могъ пѣть о предметахъ мнѣ извѣстныхъ; въ этомъ случаѣ, «*il cavaliere serpente*» казалось мнѣ легчайшею темой.

На третьей бумажкѣ я прочелъ: «Неаполитанскія Катакомбы»; я въ нихъ не бывалъ, но со словомъ катакомбы соединилась замѣчательная минута моей жизни. Я настроилъ гитару и съ первыхъ аккордовъ стихи полились свободно. Я разсказалъ, что случилось со мною, что я почувствовалъ, съ тою разницею, что помѣстилъ себя въ неаполитанскихъ катакомбахъ. Начало было удачно, меня встрѣтили рукоплесканіями. Не такъ возбуждало бы меня пѣнистое шампанское, какъ эти похвалы и одобренія; кровь быстро стала переливаться въ моихъ жилахъ. Потомъ мнѣ дали сюжетомъ: «*Fata Morgana*». Я никогда не былъ свидѣтелемъ этого небеснаго явленія, свойственнаго небу Неаполя и Сициліи; но я хорошо былъ знакомъ съ прекрасной волшебницей, воображеніемъ, которое живетъ въ великолѣпныхъ воздушныхъ замкахъ. Я могъ описывать волшебный міръ, созданный мною, въ которомъ были и дворцы и сады.

Подумавъ вѣскольکو минутъ о предметѣ, я составилъ исторію, и во время импровизаціи дополнялъ ее новыми картинками, являвшимися мнѣ. Я началъ описаніемъ развалинъ церкви Позилдской, не обозначивъ ея совершенно. Эта церковь была жильемъ стараго рыбака. Ребенокъ спалъ на кровати передъ ишею, на которой былъ нарисованъ Святой Апостолъ Іоаннъ. При луномъ свѣтѣ ему представилась маленькая хорошенькая дѣвочка, легкая какъ воздухъ, съ пестрыми, яркоцвѣтными крыльями.

Она повела его въ бесѣдку изъ виноградныхъ лозъ, гдѣ показала множество, неизвѣстныхъ ему цвѣтовъ; повела въ горы, великолѣпные храмы съ алтарями и картинками; они поплыли по голубому морю мимо дымящагося Везувія; потомъ проникли во внутренность земли, въ города, за много вѣковъ назадъ погребенные, которыхъ богатство и пышность превосходитъ идею о нихъ, составленную въ наше время; полетѣли въ эфирныхъ про-

странствахъ, надъ померанцовыми лѣсами, надъ горами, бѣлѣющими домиками, надъ римской степью, и надъ моремъ, далеко за островъ Капри, и уставши остановились отдыхать на шурпурномъ, съ золотыми краями облакѣ, на которомъ построены изъ солнечныхъ лучей дворецъ матери этой малютки. Они тамъ долго играли, и потомъ полетѣли назадъ въ жилие отца мальчика, куда послѣ того много разъ она къ нему приходила; но чѣмъ больше онъ становился, тѣмъ рѣже она стала посѣщать его; немного свуета онъ могъ ее видѣть только при лунномъ свѣтѣ, между блестящими померанцовыми листьями.

Ребенокъ сталъ грустить и скучать, но раздѣлялъ съ отцемъ труды его, научился двигать весломъ, управлять лодкой во время бури, и прикрѣплять ее къ берегу. Съ лѣтами росла грусть его, онъ не могъ забыть подруги своего дѣтства. Часто, въ прекрасныя лунныя ночи, сидѣлъ онъ въ своей лодкѣ и положивши весла, смотрѣлъ на дно Средиземнаго Моря, сквозь прозрачную воду.

Въ одно утро собрались на берегу рыбаки смотрѣть на новый островъ, со скалами, башнями, деревьями, окрашенными всѣми радужными цвѣтами, образовавшійся къ сторонѣ Капри. Молодой мальчикъ вспомнилъ про дворецъ, видѣнный въ дѣтствѣ и хотѣлъ туда ѣхать, но островъ исчезъ.

Въ вечеру снова собрались рыбаки на берегу смотрѣть на Fata Morgana, и увидѣли, какъ съ берега лодка стрѣлой понеслась къ этому острову, и тамъ скрылась. Молодаго рыбака никто не видалъ съ тѣхъ-поръ.

Эта импровизація заслужила точно такое же одобреніе, какъ и первая; потомъ я пѣлъ еще о Торквато Тассо и о смерти Саю. Слушатели остались довольны, хлопали, и два раза вызвали.

Такъ окончился *мой первый публичный дебютъ*.

IV.

Фридерикъ, встрѣтившись со мной на другой день, замѣтилъ во мнѣ большую переиъву. Я въ состояніи былъ радоваться и выражать свою радость, къ чему на-канунѣ, казался вовсе не способенъ. Одобренія, какъ роса, освѣжили дерево моего таланта; подлхъ влияніемъ жизнь представила мнѣ новую занимательность, умъ получилъ большую зрѣлость, все существо мое облагородилось.

Свиданіе съ Сантой меня очень занимало. Она, безъ сомнѣнія, была свидѣтельницей моего вчерашняго дебюта; мнѣ пріятно было услышать ея похвалы; я въ этомъ былъ увѣренъ.

Господина Маретти встрѣтилъ меня съ изъявленіемъ радости. Она знала, что Санта, возвратившись ночью изъ театра Силь-Карло, почувствовала сильный припадокъ лихорадки, и теперь только что заснула. Она ввѣла съ меня слова, что я приду въ тотъ же день вечеромъ.

Мы обѣдали вмѣстѣ съ Фридерикомъ и новыми моими пріятельми. Не обошлось безъ нѣсколькихъ тостовъ. Я отказывался пить, потому что кровь моя и безъ того была сильно изволнована, но меня увѣрили, что шампанское охлаждаетъ ее.

Выходя изъ оперныя, совершенно довольные, мы замѣтили, что на дворѣ необыкновенно свѣтло. Хотя ночь давно уже наступила, всѣ предметы были ясно видны, какъ днемъ, такъ ярко было отраженіе горящей лавы, извергаемой Везувіемъ. Большая часть моихъ товарищей отправились по направленію къ вокзалу, ближнему насладиться ужаснымъ и удивительнымъ зрѣищемъ, а я направилъ шагъ въ Сантѣ. Слуга сказалъ, что она дома, одна, чувствуетъ себя послѣ сна гораздо лучше, и не приказала никого не принимать, исключая меня.

Меня ввела въ небольшую, но великолѣпно убранную комнату. Диванныя завѣсы изъ узорчатой камки были опущены; алебастровая лампа освѣщала магическимъ свѣтомъ этотъ будуаръ; ида я замѣтилъ прелестную мраморную статую купидона, который точитъ стрѣлу. Санта въ легкомъ капотѣ лежала на мягкой атласной софѣ. Она приподнялась, когда я взошелъ, и поддерживая одной рукой на груди широкій шарфъ, другую съ лаской протянула ко мнѣ.

— «Антоніо, сказала она, вы имѣли чрезвычайный успѣхъ! Счастливый молодой человѣкъ! Вы очаровали публику. О! если бъ вы знали, какъ я за васъ боялась, какъ сжималось мое сердце, и съ какой свободой я вздохнула, когда успѣхъ вашъ превзошелъ мои ожиданія.»

Я поклонился и спросилъ объ ея здоровьи. Она увѣрила, что чувствуетъ себя лучше.

— Да, гораздо лучше.... и потому прибавила: можно подумать, что вы переродились. Вы были истинно прекрасны. Когда вы увлекались вдохновеніемъ, вы казались мнѣ идеаломъ! Я васъ видѣла даже въ поэмахъ нашей. Маленькой мальчикъ съ живописцемъ въ катакомбахъ, казалось мнѣ, были вы съ Фридерикомъ!

— Это действительно была мы; я могу описывать только то, что видѣлъ и чувствовалъ, слышалъ я.

— Да, вскорѣе она, вы все испытали, переживали, даже наслажденія и печали любви.... Будьте счастливы, вы этого заслуживаете.

Она взяла меня за руку и устремила свои выразительные глаза, какъ будто хотѣла проникнуть въ глубь души моей. Она была къ эту минуту млада, чѣмъ когда нибудь; розовый лепкій румянецъ оживлялъ ея щеки; ея черные, блестящіе волосы были причесаны гладко, и спускались двумя косами по бокамъ шеи. Она была похожа на Юнону, ту прекрасную Юнону, которую представлялъ Фидій.

— Да, сказала она, вы должны жить для свѣта; вы ему принадлежите.... Вы въ состояніи восхищать миллионы слушателей... Не допускайте только воспоминанію прежней любви омрачать ваше счастье! Вы стоите быть любимымъ; можете оковать сердца вашихъ гениемъ, вашимъ талантомъ, вашимъ....

Она остановилась, трепещущая; привлекла меня къ себѣ, и продолжила:

— Поговоримте откровенно.... мы давно съ вами не имѣли случая говорить, съ того дня, какъ вами овладѣла тоска... Тогда, видѣ показавшись, я не знаю какъ сказать, мнѣ показалось, что вы меня не поняли.

— Ваша чрезвычайная доброта смутила меня, сказалъ я, почитательно цѣлуя ея руку, и смотря на нее съ выраженіемъ саниго невиннаго чувства. Глаза ея горѣли; она ихъ не спускала съ меня. Посторонній свидѣтель нашего разговора замѣтилъ бы вѣрно темныя пятна, тамъ, гдѣ я не видѣлъ ничего кромѣ свѣта. Я сказалъ бы тогда, какъ передъ совѣстью, что мы не имѣли, однакъ къ другому иного чувства, кромѣ святой братской любви.

Санта была сильно взволнована; грудь ея поднималась; она предвуждена была сжать шарфъ, чтобъ дышать свободнѣе.

— Вы стоите быть любимымъ, повторила она, положивъ руку на мое плечо, и съ непередаваемымъ выраженіемъ прибавила:

— Я знаю, что мысли ваши летаютъ въ идеальномъ мірѣ; вы видите рѣдкой тонокостью ума и вѣжностью чувства; вотъ почему вы для меня, выше всѣхъ другихъ людей, вотъ почему вы для меня дороги, Агонию.... Ваша любовь—мечта моя.

Она привлекла меня къ себѣ. Отъ прикосновенія ея губъ кровь задрожала въ моихъ жилахъ.

Въ эту минуту Мадонна, вкѣсившая на стѣнѣ, прямо надъ моею головою, упала. То не былъ простой случай, нѣтъ. Мадонна хотѣла удержать меня на краю пропасти, въ которую увлекали меня пошл. страсти.

— Пустите меня, вскричалъ я, отстороняясь. Моя кровь кипѣтъ, какъ лава вулкана.

— Антонио, сказала она, убей меня, убей, но не оставляй. Ея щеки, глаза, взгляды, голосъ дышали страстью... она была безподобна

Боясь увлеченія, я выбѣжалъ изъ комнаты, и спустился съ лѣстницы, какъ-будто преслѣдуемый демономъ.

Когда я вышелъ на улицу, все представлялось мнѣ такимъ же огненнымъ, какъ моя кровь. Воздухъ былъ жаркій; Везувій подходилъ на массу огня; изверженія быстро слѣдовали одно-за-другимъ, и освѣщали все окружающее. Чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, я вышелъ на гавань, и сѣлъ на берегу залива. Соленая вода, которою я смочилъ свою голову, не охладила ея жара; изъ нетерпѣнія открыть грудь свѣжему вѣтру, я изорвалъ платье. Само море горѣло какъ лава, текущая съ вершины Везувія. Куда не обращались глаза, вездѣ видѣлъ я Савту, которая призвала меня своими пылающими и умоляющими взглядами, какъ огненными лучами. Слова «убей, но не оставляй» раздавались въ ушахъ моихъ. Напрасно закрывалъ я глаза, напрасно силился вознести мысли къ небу. Пламя грѣха обожгло крылья моего духа. Какъ же дѣйствуетъ виновная совѣсть, если одна дурная мысль можетъ такъ сильно ослабить и духъ и тѣло.

— Не желаетъ ли его сѣятельство переѣхать въ Торре дель-Авунциата, произнесъ кто-то около меня.

Имя Авунциаты привело меня въ себя.

— Потокъ лавы подвигается впередъ по трѣ метра въ минуту, продолжалъ Неаполитанецъ, который поддерживалъ весломъ у берега свою лодку. Въ полчаса мы можемъ быть тамъ.

— Море меня освѣжить, подумалъ я, — и бросился въ лодку. Морякъ толкнулъ ее, распустилъ парусъ, и мы полетѣли по поверхности одвѣченныхъ пурпуромъ водъ. Свѣжій воздухъ дулъ въ лицо; дыханіе облегчилось, я сталъ успокоиваться.

Я не долженъ видѣть Савты. Убѣгу отъ зѣтя красоты, который показываетъ мнѣ плодъ знанія. Тысячи людей посмѣются надъ моею нерѣшимостью, но легче вытерпѣть ихъ насмѣшки, чѣмъ голосъ моей совѣсти.

Эта рѣшимость навела на меня пріятное ощущеніе. Всѣ мои

благородныя и высокія чувства заплѣли внутри меня гимнъ побѣды; душа и мысль приобрѣли снова потерянную силу. Отче, шепталъ я, думая о Подателѣ всѣхъ благъ, укажи мнѣ путь мой; и спокойный, обнадеженный, шелъ черезъ городъ, къ которому мы пристали, чтобъ выдти на большую дорогу.

Тамъ было необычайное волненіе. Экипажи, наполненные любовитными, безпрестанно проѣзжали мимо. Потокъ лавы уже близокъ былъ отъ деревни, лежащей на покатости горы. Изъ нея всѣ убѣгали. Женщины съ узами въ обѣихъ рукахъ, поддерживая грудныхъ младенцевъ, шли мимо рыдая. Я подбѣллся съ первой изъ нихъ встрѣчною кошелькомъ своимъ, и шелъ впередъ, за толпою, къ ручью, который отдѣлился отъ насъ однимъ виноградникомъ.

Этотъ горячій ручей подвигался впередъ, разрушая стѣны и дома, находившіеся на пути его. Крики отчаянія бѣгущихъ, восклицанія иностранцевъ, созерцавшихъ это необыкновенное явленіе, и извожиковъ, слились въ одинъ страшный, оглушающій шумъ; группы пьяныхъ поселенъ, столпившихся около продавца вина, верховые и экипажи образовали картину поразительнаго дѣйствія, которой не можетъ передать перо. Можно было идти по самому краю потока лавы, прорывавшему себѣ дорогу впередъ. Многие возили въ него свои палки, и вынимали ихъ съ нависшими кусками лавы. На одномъ деревѣ повѣсили образъ Мадонны, въ надеждѣ, что это изображеніе остановитъ путь потока; но онъ продолжалъ свое однообразное движеніе. Сильный жаръ сушилъ листья самыхъ высокихъ деревьевъ, невольно наклонявшихъ свои увѣчанные верхушки къ пылающему врагу, какъ-будто испрашивая пощады. Не одинъ тоскливый взглядъ обращался на дерево, которое подобно другимъ наклонило къ огненному ручью свои вѣтви; потокъ былъ отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ. Вдругъ одинъ капуцинъ, стоявшій около меня, поднимая руки вверхъ, закричалъ, что дерево начинаетъ горѣть.

— Спасите Мадонну! кричалъ капуцинъ: она спасетъ васъ за это отъ адскаго пламени!

Всѣ съ ужасомъ отступили, когда изъ толпы вышла женщина и, взывая къ Мадоннѣ, бросилась навстрѣчу разрушительному потоку. Едва успѣлъ остановить ее молодой офицеръ, выѣхавшій впередъ верхомъ.

— Безумная! закричалъ онъ: Мадонна не нуждается въ твоей помощи.

Въ это время дерево упало на лежащій въблизи большой камень, и Мадонна осталась невредима.

То былъ Бернардо: я узналъ его по голосу. Его быстрая рѣшимость спасти жизнь человека и разумныя слова оставили несчастную жертву. Я не могъ не уважать его за такой поступокъ и печалась, что потерялъ его дружбу; но ни бодрости, ни жадности не видалъ встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, потому что при взглядѣ на него сердце мое сильно билось.

Потокъ лавы поглотилъ дерево оставивъ образъ Мадонны. Я отступилъ на нѣсколько шаговъ всторону и прислонился къ стѣнѣ, возлѣ которой сидѣло нѣсколько иностранцевъ вокругъ стола.

— Это вы, Антонио? сказала мнѣ кто-то на ухо.

Сначала я подумалъ, что то былъ Бернардо. Меня схватили за руку; я обернулся и увидѣлъ Фабіано, мужа Франческа, племянницы моего покровителя принца Фабіано, который зналъ меня ребенкомъ; я думалъ, судя по письму принца, что онъ раздраженъ противъ меня, подобно прочимъ членамъ этого семейства.

— Меня удивляетъ встрѣча съ вами въ этомъ мѣстѣ, сказалъ онъ. Франческа очень рада будетъ васъ видѣть! Какъ вы досихъ-поръ у насъ не были? мы уже семь дней живемъ въ Каstellамаре.

— Я объ этомъ не зналъ, отвѣчалъ я: притомъ же...

— Да, прервалъ онъ меня веселымъ тономъ, вы сдѣлались теперь важною особою. Вы были влюблены, дрались на дуэли и бѣжали изъ Рима! Этого я не могу одобрить. Принцъ разсказалъ намъ, что съ вами случилось; мы были удивлены. Однако онъ писалъ же къ вамъ?

Я чувствовалъ, что впадаю въ прежнюю зависимость, въ которую поставилъ меня съ самаго ранняго дѣтства благодѣянія этой благородной фамилии. Несмотря на то, я высказалъ какъ мнѣ тяжело показалось быть оставленнымъ ею.

— Ну, Антонио, сказалъ Фабіано, все еще не такъ худо, чтобы можно было отчаяваться. Садитесь въ карету; Франческа будетъ рада васъ видѣть. Прибавивъ въ Каstellамаре, мы найдемъ для васъ въ гостинницѣ комнату. Отчаяваться грѣшно; принцъ говорить, вы это знаете, не все уладится само собою.

— Нѣтъ! этого не можетъ быть! бормоталъ я въполголоса.

— Это можетъ и должно быть! возразилъ Фабіано утѣшительно.

Онъ заставилъ меня сѣсть въ карету, и дорогой просилъ разсказать все, что со мною случилось.

— Кажется, вы импровизируете? сказалъ онъ съ улыбкою, когда я пересказалъ ему бѣготу мое изъ Рима и житье въ разбойничьемъ вертепѣ. Вашъ рассказъ больше походитъ на выдумку, чѣмъ на дѣйствительность.

Я показалъ ему письмо приица, которое было со мною въ портфель.

— Слѣшкомъ строго, сказалъ онъ, прочтя письмо. Но не можете вы можете судить о степени расположенія къ вамъ приица. Вы еще не показывались на сценѣ?

— Вчера вечеромъ, отбѣчалъ я.

— Это слишкомъ сдѣло, прервалъ онъ. Какъ же кончился вашъ дебютъ?

— Прекрасно! очень счастливо! отбѣчалъ я съ радостью. Меня пригласили единодушными похвалами и два раза вызвали.

— Возможно ли! вы имѣли успѣхъ?

Удивленіе и сомнѣніе, выраженныя этими словами, оскорбили меня; но чувство благодарности заставило промолчать, и даже потушить внутреннее неудовольствіе.

Встрѣча съ Франческой меня тяготила: я предвидѣлъ ея холодный пріемъ. Фабіано ободрялъ меня, говоря полужутливо, полужабно, что въ настоящемъ случаѣ не будетъ ни совѣда, ни проповѣди, хотя я заслуживаю быть осужденнымъ на то и на другое.

Когда мы выходили изъ кареты у гостиницы, въ Кастелинаре, къ намъ подошелъ молодой человекъ, прекрасно одѣтый и тщательно причесанный.

— Ахъ, Фабіано! вскричалъ онъ: вы здѣсь! Сеньора Франческа вѣрно уже объ васъ безноконтел. Что это? сказалъ онъ, занытя меня: вы привели къ намъ молодого импровизатора Чечча? Не такъ ли?

— Чечча! повторилъ Фабіано, посмотрѣвъ на меня съ удивленіемъ.

— Подъ этимъ именемъ я представилъ публикѣ, сказалъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ? Прекрасно, благоразумно!

— Онъ умѣетъ обворожительно воспѣвать любовь, прервалъ мажоранецъ. Вы могли его слышать вчера въ театрѣ Санъ Карло. Вотъ дарованіе!

Онъ ласково протянулъ ко мнѣ руку и изъявилъ удовольствіе познакомиться со мною.

— Я сегодня буду умирать у васъ, сказалъ онъ Фабіану, чтобъ

быть вмѣстѣ съ этимъ прекраснымъ пѣвцомъ. Я увѣренъ, что ни вы, ни жена ваша не откажетесь меня принять.

— Вы знаете, что всегда для насъ будете пріятнымъ гостемъ, отвѣчалъ Фабіано.

— Представьте же меня этому молодому иностранцу.

— К чему эти церемоніи? мы съ Франческа давно съ нимъ знакомы.... Мои друзья не должны беспокоиться быть ему представленными. Знакомство съ вами онъ долженъ считать для себя счастіемъ.

Я поклонился, хоть вовсе не былъ доволенъ словами Фабіано.

— Если такъ, то я самъ представляюсь, сказалъ незнакомецъ. Я уже имѣю честь знать васъ, мое имя.... Дженнаро, я служу въ гвардіи короля Фердинанда и, прибавилъ смѣясь, происхожу отъ хорошей неаполитанской фамиліи.... многіе говорятъ — изъ первой! Очень можетъ быть.... по-крайней мѣрѣ мои тѣтушки находятъ въ этомъ большую славу. Очень радъ знакомству съ молодымъ человѣкомъ, съ такимъ талантомъ....

— Довольно, довольно! прервалъ Фабіано. Онъ не привыкъ къ подобнымъ любезностямъ; теперь вы знаете другъ друга. Франческа ждетъ насъ.... У нее съ импровизаторомъ выйдетъ пріятельная сцена, которая доставитъ вамъ случай употребить краснорѣчіе въ его пользу.

Я желалъ бы, чтобъ Фабіано выражался иначе, но.... они съ Дженнаро были друзьями; притомъ, могъ ли Фабіано понимать мое положеніе. Онъ проводилъ насъ къ Франческѣ. Я невольно остался позади ихъ.

— Наконецъ вы воротились, мой добрый Фабіано, сказала она.

— Наконецъ, отвѣчалъ онъ, и привелъ вамъ двухъ гостей.

— Автовіо! сказала она, увидавъ меня, и потомъ повторила холоднымъ тономъ: сеньоръ Автовіо!

Я поклонился и хотѣлъ поцѣловать ея руку; она показала мнѣ, что не замѣтила моего движенія и подала руку Дженнаро, изъявляя желаніе видѣть его за ужинкомъ.

— Расскажите мнѣ объ изверженіи? спросила она у мужа. Какое направленіе принялъ потокъ лавы?

Фабіано, отвѣтивъ на вопросъ, прибавилъ, что тамъ встрѣтилъ меня, что я теперь у него гость, и что вмѣсто наказанія нужно меня помиловать.

— Я не знаю въ чемъ онъ провинился, но думаю, что гевію можно все простить, сказалъ Дженнаро.

— Вы сегодня въ прекрасномъ расположеніи духа, замѣтила

Франческа. Потому, живушь мнѣ дружески головою, стала увѣрять Дженнaro, что я противъ нея ни въ чемъ не виноватъ. Что нового? спросила она у него. Что говорятъ французскія газеты? Гдѣ вы вчера проводили вечеръ?

— Я былъ въ театрѣ, отвѣчалъ онъ: слушалъ послѣднее дѣйствіе del Barbieri. Джузеппа пѣла какъ соловей, но тому, кто слушалъ Анунціату, другія пѣвицы покажутся, слабыми. Я былъ въ Санъ-Карло особенно для того, чтобы слышать новаго импровизатора,

— Что же? Вы остались имъ довольны? спросила Франческа.

— Онъ превзошелъ ожиданія мои и всей публики. Я это говорю не изъ желанія ему польстить, что значить для него моя критика? Но, то была настоящая импровизація; онъ прекрасно показалъ свое искусство. Мы все остались имъ очарованы. Въ немъ замѣтно много чувства и богатое воображеніе. Онъ пѣлъ про Тасса, про Сафо, про катэкомбы.... Поэмы его стѣютъ быть замѣчательными.

— Богатый талант! сказала Франческа; такому нельзя не удивляться. Очень жалѣю, что не была тамъ.

— Поэтъ здѣсь, сказалъ Дженнaro, указывая на меня.

— Антонио! сказала она недоувѣрчиво. Такъ онъ импровизировалъ вчера?

— Да, и какъ настоящій художникъ, отвѣчалъ Дженнaro. Кому же вы его знаете и вѣрно слышали его.

— Да, очень часто, отвѣчала она улыбаясь. Мы удивлялись ему, когда онъ былъ еще ребенкомъ.

— Я видѣлъ на него первый лавровый вѣнокъ, сказалъ шутливо Фабиано. Онъ пѣлъ про красоту Франчески, когда мы еще не были женою; какъ женихъ и влюбленный, я долженъ былъ applaudовать тому, кто ее хвалилъ. Пойдите уживать; вы, Дженнaro, ведите жену мою, а я за недостаткомъ дамъ, поведу нашего молодого импровизатора. Синьоръ Антонио, дайте мнѣ вашу руку.

Мы перешли въ другую комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ.

— Вы никогда не говорили мнѣ о Ченчи, Фабиано, сказалъ Дженнaro: я подъ этимъ именемъ знаю молодого человѣка.

— Мы его называемъ Антонио, отвѣчалъ Фабиано; и ничего не знали объ его вчерашнемъ дебютѣ. Надобно вамъ сказать, что онъ хотѣлъ дати нашего дома. Не такъ ли, Антонио?

Я поклономъ выразилъ свою признательность; Фабіано продолжалъ:

— Онъ былъ чудесный мальчикъ, съ прекраснымъ характеромъ, одна бѣда.... онъ не хотѣлъ учиться.

— Если онъ нашелъ лучшимъ изучать великую книгу природы, почему же не такъ? замѣтилъ Дженваро.

— Не портите его своими похвалами, прибавила шутивно Франческа. Мы думали, что онъ преданъ исторіи, философіи, математикѣ, а онъ, вмѣсто-того, мечталъ о молодой неаполитанской пѣвицѣ, и, наконецъ, рѣшительно влюбился въ нее.

— Это показываетъ развитіе чувства. Хороша ли она? Какъ ее зовутъ.

— Вы ее знаете, это Анунціата, сказалъ Фабіано, женщина дѣйствительно замѣчательная и съ необыкновеннымъ талантомъ.

— Я тоже былъ влюбленъ въ нее, сказалъ Дженваро. У него прекрасный вкусъ. За здоровье Анунціаты, синьоръ импровизаторъ.

Онъ коснулся своимъ стаканомъ моего. Я молчалъ и страдалъ; прежняя моя рана была такъ безжалостно раскрыта Фабіано.

— Да, продолжалъ онъ, за любовь слѣдовала дуэль съ племянникомъ сенатора, онъ его ранилъ и долженъ былъ бѣжать изъ Рима. Какъ то ему удалось пробраться черезъ границу. А теперь вздумалъ явиться на сценѣ.... Такой смѣлости я отъ него не ожидалъ.

— Племянникъ сенатора! повторилъ Дженваро. Я его знаю, онъ здѣсь; онъ опредѣлился въ королевскую гвардію. Мы съ нимъ сослуживцы. Я сегодня даже видѣлъ его, онъ очень милый молодой человекъ. Теперь я скажу впередъ: Анунціата не замедлитъ сюда пріѣхать, и мы скоро прочтемъ на театральныхъ афишкахъ, что прекрасная пѣвица покажется на сценѣ въ послѣдній разъ.

— Неужели онъ на ней женится? спросила Франческа. Это положить пятно на его фамилію.

— Есть много примѣровъ подобныхъ браковъ дворянъ, которые считали себя счастливыми получить руку знаменитой пѣвицы, и даже гордились этимъ, замѣтилъ я.

— Считали себя счастливыми, быть-можетъ, но едва ли гордились этимъ, возразила Франческа.

— Да, быть-можетъ, прелестная синьора, подтвердилъ Дженна-

ро. Я бы самъ гордился любовью такой женщины; и вѣрно, многіе найдутся, которые тоже самое думаютъ.

Они продолжали говорить объ Анунціатѣ и Бернардо, не замѣчая, что каждое слово ихъ тяжело падало на мое сердце.

— Вы намъ споете что-нибудь, сказалъ наконецъ Дженнаро, обращаясь ко мнѣ. Синьора Франческа выберетъ вамъ сюжетъ.

— Спойте намъ о любви, сказала Франческа: этотъ предметъ, какъ вы могли замѣтить, очень занимаетъ Дженнаро.

— Да, сказалъ Неаполитанецъ, споите про любовь и Анунціату.

— Въ другой разъ, я сдѣлаю все, что вы отъ меня потребуете, отвѣчалъ я, но сегодня рѣшительно не могу. Я чувствую себя несовершенно здоровымъ. Перевѣзшая черезъ заливъ безъ плаща, я былъ въ слишкомъ жаркомъ состояствѣ ручья лавы, и потомъ возвращался сюда позднимъ холоднымъ вечеромъ.

— У него уже манеры художника, сказалъ Фабіано. Онъ уже любить заставлять себя просить. Хотите вы, или нѣтъ ѣхать съ нами завтра въ Пестумъ. Тамъ вы будете имѣть много сюжетовъ для поэзіи. Васъ не должно, кажется, ничто удерживать въ Неаполѣ.

Я поклонился, смущенный, потому что не видѣлъ средствъ отказатьсь.

— Да, онъ съ нами поѣдетъ, сказалъ Дженнаро, и когда будетъ въ огромномъ храмѣ, гений и вдохновеніе навѣютъ на него; онъ споетъ намъ что-нибудь какъ Пиндаръ.

— Мы отправимся завтра утромъ, сказалъ Фабіано. Въ дорогѣ пробудемъ дня четыре; возвращаясь заѣдемъ въ Амальфи и въ Капри. Такъ рѣшено? Вы ѣдете съ нами?

Слово *нѣтъ* измѣнило бы мою участь. Эти четыре дня отняли у меня шесть лѣтъ жизни. И еще говорятъ, что человѣкъ имѣетъ свободный произволь.... Конечно, мы можемъ выбрать одну изъ нитей, которыя намъ представляются, но рѣшительно не знаемъ какъ они переплетутся между собою.

Сказавши *да*, я схватилъ за такую нить, которая дала настоящее направленіе моей жизни.

— Завтра мы съ вами поговоримъ, сказала Франческа, прощаась.

— А я сегодня же напишу принцу, сказалъ Фабіано, и приготовлю мировую.

— А я буду мечтать объ Анунціатѣ, если вы не вызовете меня за это на дуэль, сказалъ пожимая мнѣ руку Дженнаро.

V.

Ни по римской степи (сапрагна), ни по городу Риму нельзя составить вѣрнаго понятія о красотахъ Италіи. Это понятіе начало образоваться въ моей головѣ сперва во время прогулки къ Немецкому Озеру, а потомъ при путешествіи изъ Рима въ Неаполь. Иностранецъ, посѣщавшій Италію судить о красотахъ ея по сравненію съ другими странами; мы Итальянцы, можемъ ни только восхищаться. Такъ мѣста, видѣнные мною втеченіи трехъ дней настоящаго путешествія вѣзались въ моей памяти, какъ волшебный міръ, который я зналъ, или лучше сказать, въ которомъ жилъ мечтами.

Какъ же опишу я впечатлѣнія, полученныя моею душою въ это время. Простое описаніе не достаточно изобразить богатство природы. Слова размѣщаются какъ мозаическія кусочки, одні около другихъ. Изъ нихъ можно составить разнообразныя картины и не составить никакой. Хоть бы каждая черта лица была вѣрно передана, по нимъ нельзя составить понятіе о выраженіи его.

Если бъ мнѣ пришлось импровизировать о красотахъ Гесдеріи, я опишу совершенно вѣрно, дѣйствительныя сцены, видѣнные мною, не прибѣгая къ вымысламъ. Для меня идеаль природы выше идеала челоуѣка.

Утромъ, на другой день мы оставили Каstellамаре. Я посмотрѣлъ еще разъ на дымящійся Везувій, на каменную долину, покрытую обширными виноградниками, на сѣрые земли, сидящія на утесистыхъ скалахъ, на бѣлые домики, полуспрятанные въ оливковыхъ лѣсахъ. Еще разъ взглянулъ на храмъ Весты, съ его мраморными колоннами и куполомъ, который обращенъ теперь въ храмъ Святой Маріи Маджоре. Часть стѣны его развалилась; изъ этаго отверстія торчатъ скелеты и кости. Виноградныя вѣтви, обвившись около нихъ, какъ будто съ намѣреніемъ, скрываютъ отъ людей страшное могущество смерти. Еще разъ взглянулъ на смѣлые контуры горъ, на уединенныя башни, на верху которыхъ устроены тевета для ловли морскихъ птицъ. Подъ нами у синеватаго моря видѣлся городъ Салерно. Подъ самымъ городомъ встрѣтилась съ нами повозка, запряженная парой бѣлыхъ, длиннорогихъ быковъ. Въ ней сидѣли четыре закованныхъ бандита; на ихъ мрачныхъ физиономіяхъ видна была

презрительная улыбка. Ихъ конвоировалъ отрядъ красивыхъ калабрійскихъ солдатъ.

Городъ Салерно, ядро учености въ средніе вѣка, былъ назначенъ первымъ нашимъ приваломъ.

— Старинные *in folio* обратились въ прахъ, вскричалъ Дженнаро; померкла ученая слава Салерно. А книга природы остается всегда открытою для насъ. Каждый годъ является она новымъ изданіемъ. Я согласенъ съ нашимъ Антоніо, что этотъ великодушный томъ можетъ научить столько же и болѣе чѣмъ старыя и заплесявшія книги ученыхъ.

— Можно находить предметы изученія и въ томъ и въ другомъ, отвѣчалъ я.

Франческа объявила, что я благо разумно рассуждаю.

— Благо разумными разсужденіями онъ всегда былъ богатъ, сказалъ Фабіано. Посмотримъ такъ ли будетъ онъ дѣйствовать, какъ говорить, возвратившись въ Римъ.

Въ Римъ! Такъ я долженъ воротиться туда! Объ этомъ я еще не думалъ. Я ничего не отвѣтилъ Фабіано; но внутренній голосъ не совѣтовалъ налагать на себя прежнія цѣпи.

По прибытіи въ Салерно мы тотчасъ отправились въ тамошнюю церковь. «Я могу здѣсь служить для васъ какъ чичероне, сказалъ Дженнаро. Эта капелла построена папой Григоріемъ Седьмымъ, умершимъ въ Салерно. Вотъ на олтарѣ передъ нами стоитъ его мраморная статуя.

Намъ указали потомъ на гробницу, на которой представлено шествіе Вакха. Она была сюда перенесена изъ пестумскаго храма, чтобъ служить навзлосемъ принцу салернскому. Мы остановились посмотреть на статую этого принца, въ ростъ человѣческой. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ возобновить разговоръ о гробницѣ Александра. Обрадованный своей вронциательностью, я сказалъ цѣлую диссертацию о древнихъ памятникахъ, на которую Дженнаро отвѣчалъ коротко: быть можетъ; а Франческа сказала мнѣ на ухо, что неприлично стараться высказывать превосходство знаній.

Вечеромъ Фабіано и Дженнаро пошли прогуливаться, а я остался съ Франческой на балконѣ гостиницы.

— Какая прекрасная игра свѣта, сказалъ я, указывая на море блѣдноблѣннаго цвѣта, которое разстилалось передъ нашими глазами, съ набережной, вымощеной лѣвой, отъ скалистаго берега, туманно голубаго цвѣта, вдаль, до оконечности розоваго небо-

склона. Въ Римѣ никогда не видалъ я подобной роскоши цвѣтовъ.

Франческа въ свою очередь указала на облако, озлащенное лучами заходящаго солнца, остановившееся надъ виллами и оливковыми рощами и надъ стариннымъ замкомъ.

— Вотъ тамъ бы я хотѣлъ жить, тамъ надъ этимъ облакомъ, откуда можно было бы любоваться безпрестанно извивающимся моремъ.

— Тамъ вы могли бы импровизировать, возразила она смѣясь; только тамъ никто бы васъ не слушалъ, а это было бы большое несчастье, Антонио.

— Да, да, отвѣчалъ я шутя, откровенно сказать, талантъ безъ рукоплекскавій тоже, что дерево безъ живительныхъ лучей солнца. Конечно, червь унынія, можетъ быть, не меньше чѣмъ несчастная любовь, преждевременно засушилъ цвѣтъ жизни Тасса, во время его неволи.

— Другъ мой, прервала она меня, съ важнымъ видомъ, я говорю теперь о васъ, а не объ Тассо. Зачѣмъ вы его вспоминаете въ нашъ разговоръ?

— Я выставляю его примѣромъ, отвѣчалъ я. Торквато Тассо былъ поэтъ и....

— И вы себя также считаете поэтомъ, окончила она. Но, ради самого неба, мой другъ, мой добрый Антонио, остерегайтесь ставить имя безсмертное на ряду съ вашимъ.... Не воображайте, что вы поэтъ, импровизаторъ, потому только, что сердце ваше способно къ восторгамъ, потому что вы довольно легко схватываете идеи. Есть тысячи людей съ подобными дарованіями.

— Но есть также тысячи людей, которые недавно мнѣ рукоплескали, покраснѣвъ возразилъ я. Очень естественно, если подобная мысль, или убѣжденіе, войдетъ мнѣ въ голову; и вы вѣрно порадуетесь моимъ успѣхамъ и счастію, которое они мнѣ доставятъ.

— Конечно болѣе чѣмъ кто-нибудь изъ вашихъ друзей, сказала она. Мы понимаемъ вашъ благородный характеръ, и доброе сердце, потому-то я надѣюсь на прошеніе принца. Вы одарены замѣчательнымъ умомъ, но онъ еще требуетъ развитія, Антонио. Ничто не вырастаетъ вдругъ. Всякій долженъ работать. Вашъ талантъ пріятенъ для общества, вы можете имъ забавлять своихъ друзей, но не очаровывать публику.

— Однако, замѣтилъ я, Джованно, который не зналъ меня, былъ восхищенъ моимъ публичнымъ дебютомъ.

— Дженаро! повторила она; не смотря на мое къ нему уваженіе, я не слишкомъ цѣню его сужденіе въ дѣлѣ искусствъ. Что касается до публики, она очень непостоянна, и въ большихъ городахъ, мнѣнія о знаменитыхъ даже артистахъ часто измѣняются. Хорошо еще, что васъ не осмѣили, это было бы для меня очень непріятно. Теперь можно надъ всѣмъ этимъ посмѣяться и быть увѣренными, что скоро забудутъ и васъ, и вашу импровизацію. Я одобряю, что вы явились въ публичку не подъ своимъ именемъ. Для черезъ три мы воротимся въ Неаполь, и оттуда на другой день въ Римъ. Смотрите на все прошедшее, какъ на сонъ, и докажите вашимъ постоянствомъ, даже упорствомъ въ трудѣ, что вы пробудились. А теперь не противорѣчьте мнѣ. Повѣрьте, что я расположена къ вамъ какъ мать, и можетъ быть одна я только высказываю вамъ правду въ глаза.

Въ заключеніе она дала мнѣ поцѣловать свою ручку.

На другой день утромъ съ зарею мы отправились въ Пестумъ. Нужно было пріѣхать туда пораньше, успѣть пробыть тамъ нѣсколько часовъ, и къ вечеру возвратиться въ Салерно. Иностранцы опасаются оставаться на ночь въ этомъ городѣ, даже дорога туда не считается надежною, такъ что мы взяли въ конвой нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ.

Съ обѣихъ сторонъ дороги разстилаются сады, или лучше сказать, лѣса померанцевъ. Мы переѣхали черезъ рѣку Селлу, въ прозрачныхъ водахъ которой, отражаются лавровыя рощи и группы плакучихъ ивъ. Обширныя поля желтымъ рожью; алоэ, кактусы росли по сторонамъ дороги. Мы подъѣхали къ древнему храму, которому считаютъ двѣ тысячи лѣтъ существованія. Онъ построенъ въ чистѣйшемъ и благороднѣйшемъ стилѣ. Кромѣ этого храма, бѣдная гостиница, нѣсколько полуразвалившихся домовъ и тростникомъ покрытыхъ хижинъ, составляютъ этотъ знаменитый городъ. Мы не встрѣтили ни одного розоваго куста, и между-тѣмъ красотою и множествомъ розъ Пестумъ приобрѣлъ свою первоначальную знаменитость. Въ ту старинную эпоху розовый цвѣтъ господствовалъ на поляхъ этого города; а теперь господствуетъ цвѣтъ голубой: пахучія фіалки растутъ тамъ въ изобиліи.

Тамъ на каждомъ шагу встрѣчаются характеристическія черты Сициліи: плодородіе, греческіе храмы и бѣдность. Толпы вѣщихъ насъ обступили съ самого прибытія. Мужчины въ овечьихъ шкурахъ, съ голыми колѣнами, съ длинными волосами, безпорядочно повисшими на загорѣлыхъ лицахъ. Женщи-

ны замѣчательны красотю формъ, блескомъ глазъ и роскошной косой, закрученной на верхушкѣ головы кружкомъ. Одежда ихъ состояла изъ рубашки и плаща темнаго грубаго сукна, наброшеннаго на голыя плечи. Недалеко отъ вѣщихъ стояла молодая дѣвушка, лѣтъ одиннадцати; она была такъ хороша, какъ богиня красоты, хотя не была похожа ни на Ануциату, ни на Санту. Смотря на нее, я вспомнилъ о Медансейской Венерѣ, которую мнѣ такъ живо описала Ануциата. Я не способенъ былъ любить, но не могъ не удивляться и не поклоняться красотѣ. Это дѣтя было едва одѣто. Большой кусокъ нечистаго колета лежалъ на одномъ плечѣ; другое плечо, руки и ноги оставались не прикрытыми; волосы, приглаженные, изъ которыхъ нѣкоторыя концами упали на лице, и букетъ фиалокъ, приколотый съ боку головы, обличали любовь къ паряду. На лицѣ было замѣтно выраженіе скромности, чувствительности и страданія; глаза были опущены, какъ-будто она чего-то искала на землѣ.

Дженнаро первый ее замѣтилъ, и хотя она не просила милостыни, онъ сунулъ ей въ руку монету, приласкалъ, говоря, что она слишкомъ хороша, для того общества, въ которомъ была. Франческа и Фабіано были съ нимъ въ этомъ согласны. Легкій румянецъ покрылъ немного загорѣвшее лице дѣвушки. Когда она подняла глаза, я замѣтилъ, что она слѣпа.

При другихъ мнѣ совѣстно было дать ей денегъ. Однако, когда мои спутники направились въ гостиницу, я возвратился и далъ эки этому прекрасному дѣтяти. По прикосновенію она узнала, что монета, которую я далъ ей, была серебряная; покраснѣла, наклонилась, и приложила къ рукѣ моей свои губки, дышавшія здоровьемъ и свѣжестью. Я убѣждалъ и присоединился къ Фабіано и Дженнаро.

Дымъ изъ кухни гостиницы выгвалъ насъ на свѣжій воздухъ. Въ то время, когда приготовляли намъ завтракъ подъ тѣнью плакучей ивы, мы пошли къ храму. Дорога къ нему была необработанная, покрытая камнями и кустарниками.

— Теперь еще дорога хороша, сказалъ намъ проводникъ, а три года назадъ почти невозможно было пробраться между терновникомъ; когда же я былъ ребенкомъ, колонны храма были едва видны.

Мы подвигались потихоньку впередъ, преслѣдуемые на вѣнтеронѣ разстояніи среди толпою вѣщихъ. Слѣдше дѣтя сидѣла блѣда, дорога.

Пройдя мимо развалинъ театра и храма Мира, мы достигли краевъ Цереры и Нептуна, таковы же замѣчательныхъ и достойныхъ удивленія развалинъ, какъ и остатки Помпеи. Закрытые шебени, они оставались забытыми въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, пока одинъ чужеземный художникъ, волею судьбы предметъ для своей кисти, не намелъ одной изъ этихъ колоннъ. По сдѣланному имъ эскизу, они стали нефетны; ихъ очистили отъ шибени и другихъ растѣній, почти совершенно ихъ прикрывавшихъ, и снова можно ходить по обширнымъ заламъ, окруженнымъ, поросшимъ мхомъ колонадамъ изъ желтого мрамору.

Мы сѣли на pedestalъ полуразбитой колонны. Джениаро отогналъ вѣщихъ, чтобъ дать возможность насладиться на этомъ мѣстѣ представляющеюся картиною.

— Теперь, Антонио, вы должны намъ дирижировать, сказалъ Фабиано.

Я всталъ, прислонился къ колоннѣ и запѣлъ на голосъ, много разъ мною слышанный въ дѣтствѣ, про всё насъ окружающіе предметы, про красоту природы, про знаменитые остатки памятниковъ искусства, и сожалѣлъ о бѣдномъ слѣпомъ дитяти, лишенномъ удовольствія наслаждаться этими благами. Я представлялъ ей двойное несчастье, и сиротство на землѣ. Мысль о ея несчастіи вызвала у меня слезы. Джениаро аплодировалъ; Фабиано и Франческа сказали: у него есть чувство.

Мы поднялись по ступенямъ храма; я шелъ сзади. Незаметно оборотившись назадъ, я замѣтилъ позади той колонны, на которую опирался во время пѣнія, человека. Онъ полулежалъ на землѣ, руки его были сложены, какъ для молитвы, голова опущена на колѣни. То была слѣпая дѣвушка. Она слышала, какъ я описывалъ ея участь, ея лишения! Эта мысль меня огорчила. Я наклонился къ ней; шумъ листьевъ привлекъ ея вниманіе, она подняла голову: лицо ея, мнѣ показалось, блѣднѣе прежняго. «Анжелино» сказала она тихо. Я удержалъ дыханіе, для чего и самъ не знаю. Молодая дѣвушка замолчала. Она представлялась мнѣ гротеской слѣпою богиней, которую описывала мнѣ Ануэціата. Слепая прижавъ къ губамъ что то, улыбнулась. То былъ эску, который я ей далъ. Я невольно наклонился къ ней и поцѣловалъ.

Она продолжительно вскрикнула и убѣжала, какъ испуганная лань. Обезумѣвъ я побѣждалъ самъ не зная куда, перескакивая черезъ канавы и кусты, попадавшіеся на дорогѣ.

— Антонио! Антонио! кричалъ Фабиано.

Голосъ его заставилъ меня придти въ себя.

— Не зайца ли вы подняли, спросилъ онъ, или какъ поэтъ стараетесь принять поэтическій полетъ.

— Онъ хочетъ доказать, сказалъ Дженнаро, что можеть летать тамъ, гдѣ мы ходимъ шагомъ; однако я отъ него не отстану.

Говоря это, онъ побѣжалъ и присоединился ко мнѣ.

— Вы забыли, что вы съ Франческой не можемъ за вами слѣдовать, кричалъ Фабіано.

Дженнаро остановился. Мы возвратились въ гостиницу; я всадѣ кругомъ искалъ глазами слѣпую, но ея не было видно. Ея произвольный крикъ раздавался въ ухахъ моихъ и въ сердцахъ. Я былъ очень виноватъ въ отношеніи къ ней. Не я ли посѣялъ, хотя безъ намѣренія, въ ея душѣ сознаніе своего несчастнаго положенія, не испугалъ ли ее своимъ поцѣлуемъ. Если бъ она не была слѣпа, я не смѣлъ бы этого сдѣлать. Меня ободрили ея слѣпота и несчастія. Мнѣ хотѣлось стать передъ ней на колѣна, и вымолить себѣ прошеніе:

Садясь въ экипажъ, Дженнаро спросилъ:

— Гдѣ же слѣпая дѣвушка?

— Лара! спросилъ проводникъ; вѣрно въ храмѣ Нептуна, тамъ ея всегдашнее мѣсто.

— *Bella Diva*, сказалъ Дженнаро, посылая поцѣлуй къ сторонѣ развалинъ.

— Такъ ее звали Ларой!

Я не спускалъ глазъ съ развалинъ, пока онѣ были видны, и внутри меня все еще раздавался произвольный крикъ Лары.

Мы встрѣтили группу цыганъ, которые расположились таборомъ около дороги, и во рву разложили огонь. Старая цыганка ударила въ тамбуринъ и предлагала намъ погадать. Мы проѣхали мимо, но не смотря на то двѣ молодые дѣвушки долго насъ провожали. Онѣ были очень хороши. Дженнаро любовался прелестью ихъ движеній, блескомъ ихъ глазъ. Лара была выше ихъ по красотѣ; у нихъ не доставало благороднаго выраженія и чистоты чертаний.

Къ вечеру мы возвратились въ Салерно, а на другой день было положено посѣтить Амальфи и Капри.

— Мы воротимся въ Неаполь, не болѣе какъ на одинъ день, и къ концу недѣли должны пріѣхать въ Римъ. Вы постараетесь, Антоніо, привести поскорѣе въ порядокъ дѣла свои въ Неаполѣ, чтобъ насъ не задержать.

Я не хотѣлъ воротиться въ Римъ, но не смѣлъ прямо выразить свое желаніе; чувство боязни и страха сильно вкоренилось въ душѣ моей; я сказалъ только, что гибель принца меня пугаетъ, что я не смѣю показаться ему на глаза.

— Объ этомъ не беспокойтесь, мы все устроимъ, сказалъ Фабиано.

— Простите, если я не приму вашего великодушнаго предложенія, сказалъ я цѣлуя руку Франчески; я глубоко чувствую, чѣмъ вамъ обязанъ, но....

— Не говорите объ этомъ, Антонію, сказала она закрывая мой ротъ рукою.

Въ эту минуту извѣстали о пріѣздѣ иностранцевъ, и я удалился въ уголокъ комнаты, подавленный чувствомъ своей собственной слабости.

Два дня назадъ я былъ свободенъ и независимъ, какъ птица, а теперь допустилъ связать себя простою ниткой, такъ крѣпко, какъ цѣпями.

И въ Римѣ и въ Неаполѣ будутъ у меня доброжелательные, искренніе друзья. Я вспомнилъ о Сантѣ, о намѣреніи своемъ не видаться съ нею никогда, вспомнилъ о Бернардо, котораго могъ каждый день встрѣчать, объ Анунціатѣ, туда ожидаемой, объ ихъ любви и счастья. Нѣтъ! Въ Римѣ, въ Римѣ, тамъ будетъ мнѣ лучше, чѣмъ въ Неаполѣ, сказала мое сердце, между-тѣмъ какъ душа силилась сохранить свою независимость.

VI.

Какъ великолѣпно Салерно со стороны моря; мы любовались имъ отъѣзжая. Шесть сильныхъ гребцовъ подвигали впередъ наше судно; молодой мальчикъ, такой красивый, что могъ служить моделью артисту, правилъ рулемъ; вода была прозрачна и зеленовата. Весь берегъ на право представлялся волшебнымъ садомъ. Обширныя пещеры, внутрь которыхъ забѣгали волны, уподобляли этотъ берегъ неправильному портику.

На одномъ мысѣ стоитъ замокъ; у подножія его зубчатыхъ стѣнъ летѣло легкое облако. Мы проѣхали мимо острововъ. Вотъ и Амальфи, отъизна Мазаньело и Флавія Джіо! Я былъ очарованъ избыткомъ богатствъ природы.

Никогда суровое дыханіе сѣвернаго вѣтра не дуетъ на цвѣтушія сады, которые стелются у подножія Амальфи; жаркіе

вѣтры, врѣзающіе туда съ того вѣйнаго цоуса, гдѣ зрѣют вомеранцы, охлаждаются моремъ. На некатости стоитъ городъ, не далеко отъ берега, хоть довольно высоко. Надъ его бѣлыми домами съ террасами на крышахъ видѣются вездѣше андредиччи.

Уединенная темнозеленая сосна рисуется на голубомъ небѣ, стоя на вершинѣ горы, утѣчанной старой крѣпостцей съ каменными стѣнами. Рыбаки повели наше судно къ берегу, между подводными камнями. Пещеры береговья подходят къ самому городу; въ нѣкоторыя изъ нихъ проникаютъ морскіе валы; у одной играли рѣзвые дѣти, въ одной рубашкѣ и курточкѣ. Получагіе ладарони съ надвинутыми на уши алмажами свали на тепловатомъ пескѣ. Колокола звонятъ, мимо насъ проходитъ процессія; молодые священники въ лиловыхъ рясахъ поютъ гимны; одна изъ нихъ несетъ херугвь, вокругъ которой востонами развѣвается гирлянда изъ свѣжнхъ цвѣтовъ.

На лѣво, выше города, въ монастырѣ есть для иностранцевъ гостявица. Франческу понесли на гору въ носилкахъ, а мы повалились пѣшкомъ по высѣченной въ скалы дорогѣ. Наконецъ мы достигли воротъ монастырскихъ. Противъ насъ входятъ въ обширную пещеру, внутри которой стоятъ три креста. На среднемъ изъ нихъ распятый Искупитель, по бокамъ его на другихъ крестахъ два разбойника. Надъ нами ангелы съ большими бѣлыми крыльями, въ яркоцвѣтныхъ одеждахъ.

Нельзя назвать это произведеніемъ высокаго искусства; это простая, раскрашенная деревянная рѣзная работа, но благочестіе и вѣра на этихъ просто сдѣланныхъ изображеніяхъ напечатлѣли красоту величественную, божественную.

Мы вошли въ назначенныя для насъ комнаты. Изъ окна моей видво было лазурное море къ сторонѣ Сициліи, усѣянное тысячами судовъ, изъ которыхъ самыя дальнія, представлялись бѣлыми серебристыми точками.

— Сньюоръ импровизаторъ, сказалъ Дженнаро, входа ко мнѣ, не хотите ли сопутствовать мнѣ?

Я согласился; спустившись по скалистой тропинкѣ мы дошли до города, въ которомъ дома почти сидѣли одинъ на другомъ. Узкая улица проходитъ между, иногда даже подъ домами. Черезъ ворота вышли на длинную площадку, по сторонамъ которой отверстія ведутъ въ низкія, мрачныя комнаты. Потомъ вошли мы въ аллею, ограниченную съ одной стороны наметной стѣной, а съ другой скалою; то всходили, то спускались по каменнымъ лѣст-

никуда, блуждал въ лабиринтѣ грязныхъ улицъ, часто не зная гдѣ мы, на улицѣ или въ комнатѣ. Во многихъ проходахъ горѣли лампы; безъ нихъ въ полдень было бы такъ темно, какъ по закатѣ солнца.

Наконецъ мы выбрались на свѣжій воздухъ и подошли къ мосту, перекинутому съ одной скалы на другую. Маленькая площадка подъ нами, была самая большая въ Амальфи. На ней двѣ дѣвочки танцевали салтареллу, а ребенокъ почти нагой, загораемый, смотрѣлъ на нихъ. Въ Амальфи, мнѣ сказали, никогда не бываетъ свѣгу; и холодъ не превосходитъ семи градусовъ тепла.

Близъ небольшой башни на скалѣ, съ которой видѣть заливъ Минорскій, мы нашли тропинку внизъ, которая называлась между муромъ и аловъ долина вѣтъ до виноградниковъ, гдѣ лозы переброшенныя съ дерева на дерево, образовали изъ зелени арки. Желаніе выпить насъ въ небольшому домику, въ концѣ виноградника. Воздухъ былъ теплый, захвативъ; вокругъ насъ рожки летали блестящія насекомыя.

Въ стѣнахъ домика, вѣрно для красоты, вѣшлены были куски клеевой мадонны, а также рука и нога превосходной скульптурной работы. На крышѣ росъ садъ изъ ползучихъ растений, которые перешагивая въ густую сѣтку, спускались внизъ по стѣнамъ, образуя покрывало изъ зеленого бархату. Недалеко отъ дома двѣ дѣвочки, лѣтъ шести или семи, играли цѣтани. У одной стояла молодая женщина, голова которой была покрыта кускомъ бѣлаго полотна. Она пошла къ намъ на встрѣчу. Умный взглядъ изъ подъ длинныхъ рѣсницъ придавалъ особенное выраженіе ея чистымъ, нѣжнымъ чертамъ.

— Эта прекрасная дѣвушка — вѣрно хозяйка дома, сказала Джениаро. Не можете ли вы намъ, двумъ усталымъ путешественникамъ, дать выпить?

— Хозяйка дома сдѣлаетъ это для васъ съ удовольствіемъ, отвѣтила она съ улыбкой, которая выказала, между двумя коралловыми губками, два ряда бѣлыхъ какъ свѣтъ зубовъ. Я принесу вамъ вина, если угодно, только впередъ скажу, оно не слишкомъ хорошо.

— Изъ вашихъ рукъ оно покажется намъ безподобнымъ, сказалъ Джениаро. Я всегда охотно пью вино, которое подносятъ, такая милая дѣвушка, какъ вы.

— Если Святельство будете такъ добры и примете сегодня вино изъ рукъ замужней женщины, возразила она тихо.

— Неужели вы замужем? спросилъ Дженнaro улыбаясь; мы такъ молоды!

— О я уже стара, сказала она смѣясь.

— Сколько же вамъ лѣтъ, спросилъ я.

Она посмотрѣла на меня лукаво и отвѣчала:

— Двадцать восемь.

Ей было вѣрно не болѣе пятнадцати, хотъ она вполне разернулась. То была настоящая Геба.

— Двадцать осемь лѣтъ — прекрасный возрастъ; онъ вамъ очень къ лицу. Давно ли вы замужемъ?

— Осемь лѣтъ. Если не вѣрите, спросите у дѣтей моихъ. Въ это время къ намъ подходили дѣвушки, которыя играли цыганами.

— Это мать ваша? спросилъ я, хотя зналъ, что этого быть не могло.

Они взглянули на молодую женщину, захохотали и кивнули утвердительно головою.

Наконецъ Геба наша принесла вина, которое мы съ удовольствіемъ пили за ея здоровье.

— Этотъ молодой человѣкъ поэтъ, импровизаторъ, сказалъ Дженнaro, указывая на меня. Онъ вскружилъ головы всѣмъ неполитавскимъ дамамъ, а самъ какъ-будто каменный, ненавидитъ женщинъ и до-сихъ-поръ еще ни одной не цѣловалъ.

— Не можетъ быть, смѣясь возразила она.

— Я, напротивъ того, продолжалъ Дженнaro, я, совершенно другой комплекціи. Я цѣлую всѣ прекрасныя ротки, которые подходятъ ко мнѣ, и всегдашній слуга всѣхъ знакомыхъ женщинъ. Такъ что цѣловать хорошенькихъ женщинъ привыкъ считать я своимъ неотъемлемымъ правомъ; и теперь не отказываюсь отъ этого права.

— Говоря это, онъ взялъ ее за руку.

— Я не хочу осуждать ни васъ, ни вашего товарища, отвѣчала она, однако вашего права на себя ни сколько не признаю. Одинъ только мужъ мой имѣетъ надо мной такое право.

— Гдѣ же мужъ вашъ?

— Недалеко.

— Я во всемъ Неаполѣ не встрѣчалъ такой хорошенькой ручки. Сколько нужно заплатить за позволеніе поцѣловать ее.

— Экую.

— И вдвое, не такъ ли, за то, чтобъ поцѣловать въ ротикъ?

— Этого нельзя получить ни за какую цѣну; это собствен-

ность моего мужа, возразила молодая женщина, наполнив снова благороднымъ виномъ наши стаканы, и продолжая разговаривать съ нами и смѣяться.

Между шутками она призналась, что ей въ самомъ дѣлѣ пять-надцать лѣтъ, что она годъ какъ замужемъ, за молодымъ человекомъ, который уѣхалъ въ Неаполь и на завтра долженъ возвратиться назадъ. Маленькія дѣвушки были ея сестры и пришли навѣстить ее. Дженнаро попросилъ ихъ нарвать ему цвѣтовъ, общая за то карлино.

Напрасно расточалъ онъ вѣжности и ласки, даже обвилъ рукою ея талью, она его не поцѣловала. Разсердилась на него, убѣжала, но скоро воротилась назадъ, потому что игра занимала ее. Онъ ей показалъ золотую монету, говоря, что на эти деньги она можетъ купить себѣ прекрасныхъ лентъ, которыми украситъ свою прическу, и все это за одинъ поцѣлуй.

— Вашъ товарищъ лучше васъ, сказала она.

Моя кровь загорѣлась; я взялъ ее за руку и сказалъ, что Дженнаро человекъ ненадежный, лукавый, что его не надобно ни слушать, ни смотрѣть на его золото, и даже отмстить ему, за стараніе обольстить, подаривши мнѣ поцѣлуй, котораго онъ такъ усильно добивается.

Она посмотрѣла на меня внимательно.

— Изъ всего, что сказалъ онъ, одно только справедливо, что я не цѣловалъ еще ни одной женщины, потому только, чтобъ сохранить первый поцѣлуй для такого ротика, которымъ я теперь люблю, и надѣюсь, что меня наградятъ за долгое ожиданіе.

— О, да онъ совершенный искуситель, сказалъ Дженнаро.

— Вы ненадежный человекъ, сказала она ему. Чтобъ наказать васъ за предложеніе денегъ, о которыхъ я столько же забочусь, сколько о вашихъ поцѣлуяхъ....

Она обвила мою голову, коснулась моихъ губъ и убѣжала.

Въ тотъ же день, когда солнце садилось, я сидѣлъ одна въ своей комнатѣ у окна и смотрѣлъ на море. Оно было темно розовое. Большіе валы разбивались о берегъ; рыбаки вытаскивали на берегъ свои лодки; по мѣрѣ увеличенія темноты ясиѣлъ свѣтъ отъ фонарей ихъ, а море синѣло. Вдругъ раздалась пѣсня рыбаковъ, къ которымъ присоединились голоса ихъ женъ и дѣтей. Она привела меня въ забытіе. По небу полетѣла звѣзда и скрылась въ той сторонѣ, гдѣ жила та веселая женщина, у которой мы были утромъ. Я вспомнилъ объ ней, и о той слѣпой дѣвочкѣ, которую видѣлъ на развалинахъ храма. Съ ними виѣстѣ представи-

дась мнѣ Анувціата, прекрасная и лицомъ и душою. Неперотное пламя, зажженное ею въ моемъ сердцѣ, еще не погасло, хоть она, жрица его, оставила меня. Огонь этотъ готовъ былъ сжечь меня.

— О небо! Сердце мое, истомленное любовью, желаніемъ и сожалѣніемъ о прошломъ готово разбиться.

Взявъ самую лучшую розу, изъ букета, который стоялъ въ шкапѣ на окнѣ моей комнаты, я прижалъ ее къ губамъ своимъ, шепча имя Анувціаты.

Не въ силахъ будучи выдержать тягостнаго состоянія своихъ чувствъ, я вышелъ на берегъ моря, посмотрѣть на валы, послушать пѣсенъ рыбацкихъ и подышать свѣжимъ воздухомъ. Потомъ вошелъ на каменный мостъ, черезъ который мы проходили съ Джениаро утромъ, и остановился на немъ. Кто-то закутанный въ плащъ, прошелъ мимо меня. Я узналъ Джениаро. Онъ направился по той тропинкѣ, которая привела насъ къ винограднику и большому домику. Невольно я шелъ за нимъ слѣдомъ. Онъ тихо прошелъ подъ окномъ, въ которомъ видѣлся стонъ; и я спрятался въ виноградныхъ вѣтвяхъ, свисавшихъ съ крыши; оттуда мнѣ было все видно, что дѣлается въ комнатѣ. Съ противной стороны дома было другое окно, какъ разъ напротивъ того окна, у котораго я остановился. Двѣ дѣвочки, полураздѣтыя, стояли на полънахъ, около старшей сестры, хозяйки дома, близь стола, на которомъ стояла свѣча и расклатіе. Они читали вѣсть новѣйшую на сонъ грядущій. Мнѣ казалось, что я стою передъ картиной Рафаэля. Черные глаза молодой женщины были опущены въ землю; ея волосы вились по обнаженнымъ плечамъ; руки были сложены на полу: закрытой груди.

Сердце мое затрепетало; я удерживалъ дыханіе, боясь, чтобы меня не замѣтили. Скоро три сестры встали; старшая проводила меньшихъ въ соседнюю комнату, и затворя за ними дверь, воротилась въ переднюю комнату, и занялась по хозяйству. Потомъ вынула изъ стола маленькой красный портфель, осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ и улыбнулась. Казалось, у нея было желаніе открыть его, но она не рѣшилась и опять спрятана въ столъ.

Спустя минуту, кто-то постучался въ противоположную окнѣ. Испуганная, она обернулась въ ту сторону и прислушивалась. Слова стукнули, кто-то заговорилъ, но я не могъ разбратъ ни слова.

— Ваше сіятельство, сказала громко молодая женщина, что вамъ угодно? Зачѣмъ вы пришли сюда, такъ поздно?

Посѣтитель что-то отвѣчалъ.

— Да, да, сказала она, вы забыли вашъ портфель; сестра моя носила его въ трактиръ, но не нашла васъ тамъ; вы вѣрно остановились въ монастырѣ. Завтра утромъ она принесетъ вамъ портфель. Онъ у меня спрятанъ.

Она вынула портфель изъ ящика. Дженнаро что-то ей сказалъ; она покачала головою, и отвѣчала:

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не отворю двери; не приму васъ теперь. Она отворила окно, подала портфель. Незнакомецъ хотѣлъ схватить ее руку, но не успѣлъ. Она бросила портфель, и отвѣжала къ другой уголъ, къ тому окну, гдѣ я стоялъ. Я могъ слышать все, что говорилъ ей Дженнаро, который въ ту минуту высунулъ въ окно голову.

— Такъ вы не хотите позволить мнѣ поцѣловать вашу руку! Вы отказываетесь отъ благодарности! Дайте же мнѣ по крайней-мѣрѣ стаканъ вина; я чувствую страшную жажду. Въ этомъ ничего нѣтъ худаго. И почему же вы не позволяете войти къ вамъ?

— Теперь — не время. Возьмите, что забыли, и позвольте мнѣ закрыть окно.

— Я не пойду отсюда, возразилъ Дженнаро, пока вы меня не поцѣлуете, какъ поцѣловали поутру глупаго мальчишку.

— Нѣтъ, нѣтъ, повторяла она сердитымъ тономъ, едва удерживаясь отъ смѣху. Вы хотите получить силой? Потому-то я и не дамъ.

— Но неужели вы откажитесь дать мнѣ руку, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ. Я ничего больше не прошу у васъ. Мадонна не запрещаетъ намъ, бѣднымъ смертнымъ, любить другъ-друга, и дѣлиться тѣми богатствами, которыя мы имѣемъ. Вы могли бы наряжаться, и быть вдвое прекраснѣе, тѣмъ теперь.... Всѣ ваши подружки вамъ бы позавидовали....

Говоря это, онъ вскочилъ въ комнату.

— Боже мой! воскликнула въ испугѣ молодая женщина.

Въ это время я такъ сильно толкнулъ въ окно, у котораго стоялъ, что задребезжали стекла, и побѣжалъ къ открытому окну, кругомъ дома, вырвавъ на дорогѣ палку, на всякій случай.

Дженнаро бросился вонъ изъ окна, вѣтеръ потушилъ свѣчу; въ комнату стало совершенно темно.

— Николо! произнесла молодая женщина дрожащимъ голосомъ. Ты уже воротился! Благодарю Бога!

— Сеньора! произнесъ я шепотомъ.

Она вскрикнула, подбѣжала къ окну и поспѣшно закрыла его. Я остался, какъ прикованный къ мѣсту. Нѣсколько минутъ спустя, мнѣ слышно было, что она прошла черезъ комнату, и ушла туда, гдѣ спали ея сестры. Два раза щелкнула замѣкъ и засунулась задвижка.

— Теперь она безопасна, думалъ я, мнѣ можно уйти. Я былъ доволенъ, заплативши за поцѣлуй, который она мнѣ подарила; если бѣ она знала, что я буду ея защитникомъ. въ тотъ же вечеръ, она дала бы мнѣ два поцѣлуя, вмѣсто одного.

Когда я возвратился въ монастырь — подавали ужина. Никто не замѣтилъ моего отсутствія. Дженнаро еще не былъ. Франческа безпокоилась объ немъ; послали людей отыскивать его. Наконецъ онъ явился и разсказалъ, что гулялъ по горамъ, заблудился, и если бѣ одинъ добрый поселенецъ не указалъ ему дорогу, то онъ разиѣ къ утру воротился бы.

— Ваше платье изорвано, замѣтила Франческа.

— Да, кусокъ плаща моего остался въ терновыхъ кустахъ, сказалъ Дженнаро. Одинъ Богъ знаетъ, какъ я заблудился. Вечеръ былъ прекрасный, я ходилъ далеко; стало темно; я хотѣлъ идти ближайшей дорогой и сбился съ пути.

Мы много смѣялись надъ его походеженіемъ, особенно я, зная гдѣ онъ былъ. Когда мы расходились по комнатамъ ко сну, онъ положилъ мнѣ на плечо свою руку и совѣтовалъ не слишкомъ мечтать о молодой женщинѣ, которую мы видѣли утромъ.

— Отчего же? спросилъ я, шутливо, кажется я имѣю на это право, получивши поцѣлуй?

— Да, вы получили поцѣлуй, отвѣчалъ онъ. Но не думайте ли вы, что я былъ лишенъ ея милостей?

— Думаю, что такъ, возразилъ я.

— Тѣмъ то и есть что вы ошибаетесь, сказалъ онъ отрывисто и съ замѣтной досадою. Но легкая улыбка показалась у него на губахъ, когда онъ прибавилъ:

— Если бѣ вы умѣли хранить тайны, я разсказалъ бы вамъ что нибудь.

— Скажите, отвѣчалъ я, ваша тайна будетъ сохранена, и думалъ что онъ разскажетъ о своей неудачѣ. Вотъ что сказалъ онъ:

— Я съ намереніемъ забылъ сегодня въ бѣдномъ домикѣ свою записную книжку, чтобъ имѣть поводъ воротиться туда рано.

ромъ, когда женщины не бываютъ слишкомъ жестоки. Я былъ у нея.

— Что же? спросилъ я.

— Она была вечеромъ вдвое милѣе, чѣмъ утромъ, сказалъ онъ, и вдвое уступчивѣе. Мы разстались друзьями, я васъ увѣряю. Она васъ поцѣловала одинъ разъ, меня сто разъ, и въ добавокъ подарила свое сердце. Я буду мечтать о своемъ счастьи цѣлую ночь, бѣдный Антонио !

Говоря это, онъ цѣловалъ концы своихъ пальцевъ и ушелъ въ свою комнату.

На завтра, утромъ, когда мы оставляли монастырь, небо покрыто было сѣровой пеленой. Наши сильные гребцы ждали насъ на набережной, и перенесли на судно, какъ вчера изъ судна на берегъ. Мы направились къ острову Капри. Скоро туманъ сталъ собираться въ легкія облачка и воздухъ сталъ прозрачнымъ. Ни одной волны не поднималось. Когда Амальфи скрывался за горою, Джениаро послалъ къ нему поцѣлуй, сказавъ мнѣ шолголоса:

Тамъ мы рвали розы.

— По-крайней-мѣрѣ почувствовали шипы, подумалъ я, и кивнулъ утвердительно головою.

Обширное море, омывающее берега Сициліи и Африки, стало передъ нами. На-лѣво открывался скалистый берегъ Италіи съ чудными пещерами. Передъ нѣкоторыми изъ нихъ стояли хижины; въ иныхъ рыбаки разложили огни и готовили ужинъ.

Море казалось было подернуто масломъ; опущенная въ него рука представлялась голубою; тѣнь отъ весель походила на голубыхъ движущихся змѣй.

— Удивительное море, вскричалъ я: во всей природѣ ничто кромѣ неба не смѣетъ съ тобою соперничать.

Мы проѣхали мимо трехъ бесплодныхъ островковъ: i Galli. То были огромные каменные утесы, наваленные одинъ на другіе. Съ вѣчнымъ шумомъ разбивались валы объ эти каменные громады, а во время бури съ такимъ визгомъ, какъ воющіе псы Сициліи.

Вокругъ голой скалы, называемой мысомъ Минервы, гдѣ некогда обитали сирены, море было совершенно спокойно. Передъ нами рисовался уже романтической Капри, мѣсто оргій Тиверіа. Подъ распушенными парусами мы быстро подвигались къ этому острову. Вода тамъ была также прозрачна, какъ воздухъ, глубоко подъ нами на днѣ морскомъ видѣлись тростники и камни.

Голова кружилась, когда кто долго смотрѣлъ въ эту лазоревую глубь.

Островъ Капри доступенъ съ одной только стороны; со всѣхъ остальныхъ оканчивается почти отвѣсными скалами. Напротивъ того сторона, обращенная къ Неаполю представляетъ амфитеатръ, покрытый виноградниками, оливковыми и померанцевыми деревьями. На берегу стоитъ маякъ и нѣсколько рыбацкихъ жилищъ. На покатоcти, въ зеленыхъ садахъ, лежитъ городъ Ана Капри. Мы остановились въ гостинницѣ Пагани. Послѣ обѣда положено было, посѣтить верхомъ на ослахъ, развалины загороднаго дворца Тиверія; до обѣда же Фабиано и Франческа желали отдохнуть, а мы съ Дженнаро вздумали объѣхать кругомъ острова. По незначительной его величинѣ объездъ можно совершить въ нѣсколько часовъ.

Мы взяли двухъ-весельную лодку. Море начинало шумно биться о подводные камни, между которыми рыбаки разставляютъ свои сѣти. Вѣтеръ не позволялъ распустить парусъ. Скоро показались высокія скалы, подвигающіяся отвѣсно изъ моря; въ ихъ расщелинахъ видѣ росли алоэ и пучки левкоевъ; но эти мѣста были такъ неприступны, что даже дикія козы не забирались туда. Внизу, на выдавшихся утесахъ блестялъ коралловый мохъ, ярко-пурпуроваго цвѣта.

Вправо отъ насъ было открытое море, влево — берегъ острова, устѣянный пещерами, въ которыхъ жили сирены. Веселый Капри былъ только крышей той крѣпости, въ которой они жили.

— Тамъ живутъ злые духи, сказалъ одинъ изъ гребцовъ, съдовласый старикъ. Они не выпускаютъ своихъ жертвъ; если же кому и удастся выйти оттуда, то съ потерей разсудка.

Онъ указалъ на одну пещеру въ недалекомъ разстояніи, которая была больше другихъ; но въ нее не могла пройти наша лодка, хоть бы снять парусъ и лечь на дно.

— То пещера волшебницъ, сказалъ басомъ младшій изъ гребцовъ, удаляясь отъ скалъ. Внутри золото и алмазы, но сгоритъ тотъ кто войдетъ туда. Святая Люція, молись за насъ!

— Я желалъ бы видѣть одну изъ сиренъ здѣсь въ нашей лодкѣ, сказалъ Дженнаро: они должны быть красавицы.

Въ эту минуту одинъ изъ моряковъ закричалъ:

— Тромбъ идетъ!

Къ намъ приближался, скользя по водамъ, косой столпъ, изъ черныхъ паровъ; вода вокругъ него кипѣла. Наши гребцы свернули парусъ.

— Куда же гребете вы? спросилъ Дженнaro.

— Назадъ, отвѣчалъ молодой морякъ.

— Неужели мы опять объѣдемъ островъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, мы пристанемъ къ скалѣ; трюмъ не ходитъ близко скалъ.

— Бурувъ бросить нашу лодку на подводные камни! закричалъ старикъ, схвативъ весло.

— Боже! прошепталъ я.

Черный столбъ приближался къ намъ съ быстротою вихря; онъ почти касался скалы, подъ которой мы находились. Онъ могъ захватить насъ или бросить въ какую-нибудь пропасть. Я схватилъ весло, чтобъ помочь гребти старику; Дженнaro помогалъ молодому; уже слышенъ былъ вой вѣтра и кипѣніе воды около трюмба. Онъ гналъ насъ впередъ собою.

— Святая Люція, спаси насъ! сказалъ одинъ изъ моряковъ, бросивъ весло и упавъ на колѣна.

— Возьмите весло! кричалъ мнѣ Дженнaro, поблѣднѣвшій какъ смерть.

Почти въ то же мгновеніе налетѣлъ на насъ вихрь: все потемнѣло, наша лодка наполнилась пѣной. Въ моемъ сознаніи была одна мысль, что море насъ поглотитъ, что мы добыча его, уже не можемъ избѣжать смерти.

Когда я раскрылъ глаза, положеніе мое мнѣ представилось страшнѣе силы волкана, ужаснѣе разлуки съ Анунциатой. Надо мною и подо мною была голубая жидкость. Я поднялъ руку: изъ нее посыпались мириады искръ. Меня несъ воздушный потокъ. Я невольно протянулъ руку, чтобъ схватиться за что нибудь и уцѣпился за что-то твердое. Мнѣ представлялось, что я уже умеръ, что тѣло мое лежитъ въ глубинѣ морской, а душа летитъ въ небо.

Я вспомнилъ объ Анунциатѣ. Силы снова воротились: я дышалъ и чувствовалъ все, что происходило вокругъ меня. Я лежалъ на твердой, холодной массѣ какъ-будто на скалѣ, въ эфирной свѣтящейся жидкости и видѣлъ надъ собою круглое голубое небо, усеянное темно-голубыми круглыми облаками. Голубое пламя исходило изъ моего платья, руки мои блестѣли какъ серебряныя. Я погрузилъ руку въ жидкость, необыкновенно свѣтящуюся, которая была подо мною: то была голубая холодная вода. Около меня поднимался голубой блестящій столбъ, похожій формою на трюмъ, но меньшаго размѣра. Я протянулъ къ нему руку и ощущалъ камень. То что представлялось мнѣ небомъ — былъ

каменный сводъ. Гдѣ же я? внутри блестящей сферы, или въ обители смерти? Это мѣсто не походило на земное жилище. Всѣ предметы лаяхуся голубыми, разныхъ оттѣнковъ; я самъ былъ мокрытъ какою-то зерною, свѣтящеюся, голубою жидкостью.

Въ томъ гротѣ я замѣтилъ лѣстницу, ступени которой были изъ сафира. Я взошелъ нѣсколько ступеней и, остановившись отъ вѣсной стѣной, воротился назадъ. Гдѣ Дженнеро? гдѣ два моряка, бывшіе съ нами? Я вспомнилъ о матери, о Деминкѣ, о Франческѣ, о нѣкихъ друзьяхъ моихъ; я убрелъ былъ, что я не могу, что умъ не оставилъ меня.

Въ углубленіи сферы что-то лежало, формы чего я не могъ опредѣлять; я всмотрѣлся ближе: то была мѣдная чаша, наполненная золотыми и серебряными монетами. Положеніе мое становилось чашъ отъ часу непостояннѣе. Въ недалекомъ разстояніи, на водѣ, отражалась свѣтлая звѣзда. Она померкла какъ луна за облакомъ. Я замѣтилъ что-то темное: то плыла лодка по лазурнымъ волнамъ; ею правилъ старикъ; вода, подъ каждымъ ударомъ весла, становилась багряною; на другомъ концѣ лодки сидѣла дѣвушка. Знакомый вздохъ достигъ до моего слуха. Лодка подходила къ мѣсту, гдѣ я былъ. Старикъ положилъ весла въ лодку; молодая дѣвушка подняла вверхъ руки и произнесла печально:

— Не оставь меня, Мадонна. Я пришла сюда по твоему приказанію.

— Лара! вскрикнулъ я.

То была она, я узналъ ея голосъ, ея черты, то была Лара, свѣтлая дѣвушка изъ Пестуна.

— Дай мнѣ способность видѣть, продолжала она, позволяй любоваться мнѣ великолѣпнымъ міромъ, который созданъ Богомъ.

— Я дрожалъ, мнѣ казалось, что я слышу мертвецовъ.

— Дай мнѣ, продолжала она и упала въ лодку; огненными канлами блеснула около нее вода. Старикъ на минуту наклонился къ ней, вышелъ изъ барки, и направилъ свои шаги ко мнѣ. Онъ остановилъ на мнѣ взглядъ свой, сотворилъ крестное знаменіе; потомъ воднялъ мѣдную чашу и повесъ въ лодку; я слѣдовалъ за нимъ. Онъ не спускалъ съ меня глазъ, однако схватилъ весла и мы полетѣли къ блестящей звѣздѣ. Проѣхавъ черезъ узкій проходъ мы выѣхали на чистое море; свадн насъ возвышались высокоя скалы; вблизи — песчаная мѣль, на которой росло нѣсколько кустовъ темнокрасныхъ цвѣтовъ. Ихъ лико было видно при свѣтѣ восходящей луны.

Лара сдѣлала движеніе. Она казалась мнѣ духомъ.

— Дай мнѣ расчесаній, сказала она, протягивая впередъ руки. Я считалъ это приказаніемъ, вышелъ изъ лодки, нарвалъ красныя цвѣты, и протянулъ ихъ къ Ларѣ. Въ это время, силы стали оставлять меня, я упалъ на колѣна. Помню, что старшій перекрестившись вырвалъ изъ моихъ рукъ цвѣты, взялъ на руки Лару, перенесъ въ большую лодку; маленькую привязалъ къ берегу, развернулъ парусъ, и уѣхалъ.

Я протягивалъ къ нимъ руки, но смерть снова сжала мое сердце, я лишился чувствъ.

— Онъ живъ — было первымъ словомъ, поразившимъ слухъ мой. Я открылъ глаза и увидѣлъ близъ себя Франческа, Фабиано, и еще третье лицо, мнѣ неизвѣстное. Послѣдній держалъ меня за руку, и съ задумчивымъ и важнымъ видомъ смотрѣлъ мнѣ въ лице.

Былъ день; я лежалъ въ большой прекрасной комнатѣ. Гдѣ же я? Горячка жгла мою внутренность; не скоро я понялъ, какъ попалъ въ эту комнату, какъ былъ спасенъ.

Фабиано и Франческа очень беспокоились о нашемъ долгомъ отсутствіи. Они почти были увѣрены, что мы погибли, когда узнали, что гребцы не возвратились, и что по нашей дорогѣ прошелъ тромбъ. Двѣ рыбацкія лодки были посланы отыскивать насъ, и воротились безъ успѣху. Франческа плакала обо мнѣ. Фабиано рѣшился самъ лично осмотрѣть всѣ мѣста, всѣ пещеры и углубленія. Съ ранняго утра взялъ онъ четырехъ-весельную лодку. Гребцы не хотѣли приставать къ гроту волшебницъ; Фабиано приказалъ пристать къ островку, близъ грота, и мнѣ намѣреніе одинъ пробраться въ него. На этомъ островкѣ замѣтилъ онъ тѣло, распростертое на землѣ, то былъ я. Вѣтеръ почти высушилъ мое платье. Меня перенесли на лодку. При помощи лекаря я остался живъ, но ни Дженнаро, ни гребцовъ не отыскали.

Когда я поправился, меня просили рассказать все, что со мною случилось. Я имъ описалъ блестящій гротъ, явленіе лодки со старикомъ и слѣбною дѣвушкой. Фабиано и Франческа считали рассказъ мой бредомъ горячки.

— Такъ вы были недалеко отъ грота волшебницъ? спросилъ лекарь.

— Неужели вы вѣрите, что это мѣсто можетъ имѣть вліяніе на человѣка? спросила Франческа.

— Природа представляетъ цѣль загадокъ, изъ которыхъ объяснены самыя легкія, отвѣчалъ лекарь.

Какъ бы то ни было, я спасенъ, меня спасла Мадонна; мысли мои остановились на моемъ геніи-покровителѣ, которую звали Ларой.

Въ послѣдствіи времени открылось, что я не бредилъ; узналъ про существованіе грота, названнаго лазурнымъ, и сдѣлавшагося однимъ изъ самыхъ любопытныхъ предметовъ острова Капри. Дѣвушка, которую я тамъ видѣлъ, была, дѣйствительно, слѣшая изъ Пестума.

=

ИМПРОВИЗАТОРЪ.

=

РОМАНЪ АНДЕРСЕНА.

=

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

=

I.

Ожидая моего выздоровленія, Фабіано съ Франческой остались на два дня въ Капри. Хотя они не разъ обижали меня и словами и обращеніемъ, однако за ихъ нѣжную заботливость, я привязался къ нимъ всѣми силами души моей.

— Ты долженъ воротиться въ Римъ, говорили они. Ты не будешь тамъ сожалѣть о Неаполѣ.

Неизъяснимое видѣніе въ гротѣ, и чудесное избавленіе отъ смерти сильно на меня подѣйствовали. Вѣра моя въ невидимаго руководителя усилилась; случаи судьбы представлялись мнѣ опредѣленіями Провидѣнія; я готовъ былъ безусловно имъ покоряться. Когда Франческа спросила меня въ другой разъ, что я предпочитаю: остаться ли въ Неаполѣ съ Бернардо, или ѣхать въ Римъ, я отвѣчалъ утвердительно, что желаю ѣхать въ Римъ.

— Мы о тебѣ много плакали, Антоніо, сказала Франческа, скиная дружески мою руку: ты наше милое, дорогое дитя. Мадонна тебя не оставитъ.

Т. ХСV. — Отд. II.

8

— Князь узнаеть, что Антонио, на котораго онъ сердить, утонулъ въ Средиземномъ Морѣ, сказалъ Фабіано; мы привеземъ къ нему прежняго добраго Антонио.

— Бѣдный Дженаро! сказала Франческа со вздохомъ. У него было благородное сердце и огненный умъ. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ чловѣкъ превосходный.

Лекарь просидѣлъ нѣсколько часовъ у моей кровати; онъ жилъ въ Неаполѣ и пріѣхалъ въ Капри, подобно намъ, изъ любопытства. На третій день мы съ нимъ вмѣстѣ отправились въ Неаполь. Онъ увѣрялъ, что мое положеніе теперь удовлетворительно, что я былъ близокъ къ смерти, но молодость превозмогла.

Когда мы сѣли въ судно, и я снова увидѣлъ прозрачныя морскія воды, всѣ предшествовашія приключенія пришли мнѣ на память. Жизнь представилась мнѣ высокимъ благомъ. Во время плаванія спутники мои исключительно занимались мною; Франческа хвалила мое дарованіе и называла меня поэтомъ. Лекарь, узнавъ, что я подъ именемъ Ченчи импровизировалъ въ театрѣ Санъ-Карло, сказалъ, что меня слышалъ, и что публика осталась мною очень довольна.

Вѣтеръ намъ благопріятствовалъ; не заѣзжая въ Салерно, мы могли плыть прямо въ Неаполь.

Возвратившись на квартиру я нашелъ тамъ три письма. Одно отъ Фридерика. Онъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Искію. Это меня огорчило. На слѣдующій день назначенъ былъ нашъ отъѣздъ, и я не могъ проститься съ другомъ.

Второе письмо получено въ тотъ день, когда я уѣхалъ. Вотъ его содержаніе:

«Васъ ожидаетъ сегодня вечеромъ существо къ вамъ расположенное». За этимъ слѣдовало указаніе улицы и дома, но подписи не было.

Третье письмо, написанное тою же рукою, заключало слѣдующее:

«Приходите, Антонио. Впечатлѣніе, произведенное на васъ въ несчастную минуту нашей разлуки, должно быть изглажено.... Приходите скорѣе.... Между нами вышло недоумѣніе.... не откладывайте свиданія.

И эта записочка также не была подписана. Я навѣрное думалъ, что эти два письма были отъ Санты, хотя указанъ былъ не тотъ домъ, въ которомъ она жила. Я рѣшился ее не видѣть, и написалъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ мужу ея. Увѣдомивши его, что оставляю Неаполь, я просилъ извинить меня, что

не успѣлъ быть у него передъ отъѣздомъ, и передать также своей женѣ, мою искреннюю благодарность за ласковый пріемъ, и сохранить меня въ своей памяти. Фридерика также увѣдомилъ я о своемъ отъѣздѣ, и общалъ по первой почтѣ изъ Рима описать все, что случилось со мною въ послѣднее время. Не желая встрѣтиться съ Бернардо, я даже не выходилъ гулять и только сдѣлалъ визитъ, вмѣстѣ съ Фабіано, тому лекарю, который лечилъ меня въ Капри. Старшая его сестра, незамужняя, управляла хозяйствомъ. Мнѣ очень понравилась эта добрая, ласковая, пріятливая женщина. Я сравнивалъ ее съ Доминикой, не смотря на разность образованія и положенія ихъ въ свѣтѣ.

На другое утро, послѣднее, которое я провелъ въ Неаполѣ, долго, съ грустью смотрѣлъ я на Везувій. Его вершина покрыта была густымъ туманомъ. Море было совершенно спокойно. Прощай, Неаполь, скоро пребываніе мое здѣсь останется для меня однимъ сновидѣніемъ.

Трактирный слуга подалъ мнѣ газету: «*Il diario di Napoli*». Тамъ говорили о Ченчи, и критиковали мой первый дебютъ. Изъ любопытства я прочелъ всю статью. Хвалили мое блестящее воображеніе и владѣніе стихомъ; говорили, что я замѣтно ученикъ Пангетти, и упрекали именно въ томъ, что я слишкомъ подражаю методу учителя. Мнѣ Пангетти вовсе неизвѣстенъ; какъ же я могу подражать ему? Природа и собственное чувство были единственными моими руководителями. Публика была ко мнѣ свисходительнѣе критики, хотя эта послѣдняя замѣтила во мнѣ талантъ, богатое воображеніе, чувство, вдохновеніе, и обнадеживала, что со временемъ я могу сдѣлаться художникомъ. Я свернулъ листъ газеты и рѣшился сохранить его у себя на память моей жизни въ Неаполѣ, гдѣ я много узналъ, много пріобрѣлъ и много потерялъ.

Остановится ли на этойъ пророчество Фульвіи?...

Мы, въ четыре дня совершили путь въ Римъ, по той же дорогѣ, по которой, два мѣсяца назадъ, я путешествовалъ съ Фридерикомъ и Сантою. Снова увидѣлъ я Моло ди Газта съ его пирамидовыми садами; деревья покрыты были благоухающими цвѣтами; я прошелся по той самой дорожкѣ, гдѣ сидѣла Санта, когда подслушивала разсказъ моихъ похожденій. Мы проѣхали грязное Итрия, я вспомнилъ о Фридерикѣ. На границѣ; гдѣ визировали паспорта, я увидѣлъ тѣхъ самыхъ овецъ, которыхъ срисовывалъ Фридерикъ; съ ними уже не было прежняго, маленькаго пастуха. На ночь мы пріѣхали въ Террачину.

На другой день утро было прекрасное. Я сказалъ прости морю, лелѣвшему меня на груди своей; вдаль на горизонтѣ видѣтъ былъ Везувій съ блѣдно-оранжевою колонною дыма; онъ казался созданнымъ изъ массы паровъ.

— Прощай, прощай! въ Римъ! Предчувствую, что онъ будетъ гробницей моего ума.

Карета наша быстро пронеслась черезъ болота къ Веллетри. Я поклонился горамъ, по которымъ мы странствовали съ Фульвиою; снова увидѣлъ Дженсано, и то мѣсто, гдѣ была убита мать моя, гдѣ ребенкомъ я потерялъ единственное благо въ мирѣ.

Вотъ и римская степь представилась намъ за горою Альбано. У дороги, по прежнему, стоитъ гробница Асканія, поросшая мохомъ; дальше, длинный водопроводъ; а вотъ и Римъ съ куполомъ святаго Петра.

— Ну, Антонио, будь веселѣ! сказалъ мнѣ Фабиано, когда мы вѣзжали въ Римъ черезъ ворота Санъ-Джованни.

Вотъ церковь святаго Іоанна-Латранскаго, высокой обелискъ, колонны, Траянова площадь. Да, я въ Римѣ. Какъ показался онъ мнѣ неодушевленнымъ въ сравненіи съ Неаполемъ. Длинное Корсо не похоже на Толедскую улицу. Я встрѣтилъ многихъ знакомыхъ. Габбасъ Дада прошелъ мимо нашей кареты и поклонился. На углу Кантадинской улицы сидѣлъ Пеппо, съ подножками въ рукахъ.

— Вотъ мы и дома, сказала Франческа.

— Да, отвѣчалъ я.

Тысячи различныхъ ощущеній волновали мою грудь. Нѣсколько минутъ спустя представу я передъ князя, смиреннымъ школьникомъ. Мнѣ хотѣлось бы избѣжать этой встрѣчи, и казалось, что экипажъ слишкомъ тихо подвигается впередъ.

Наконецъ мы пріѣхали во дворецъ Боргезе. Мнѣ назначили двѣ комнаты въ верхнемъ этажѣ. Князя увидѣлъ я только передъ обѣдомъ и съ глубочайшимъ уваженіемъ поклонился ему.

— Антонио сядетъ между мной и Франческой. То было его первое слово, обращенное ко мнѣ.

Завязался разговоръ. Ежеминутно я ждалъ, что мнѣ скажутъ какое-нибудь строгое замѣчаніе; но и помину не было объ отсутствіи моемъ, объ неудовольствіи князя.

Такая снисходительность тронула меня. Я вдвойнѣ цѣнилъ подобное снисходительное расположеніе; но были минуты, когда гордость моя была оскорблена тѣмъ, что мнѣ не дѣлаютъ упрековъ.

II.

Дворецъ Боргезе сталъ съ-тѣхъ-поръ моимъ жилищемъ. Мнѣ показывали самое доброе расположеніе; по временамъ возвращалось прежнее оскорбительное, отталкивающее обращеніе; но, понимая, что все это дѣлается изъ любви ко мнѣ, я не огорчался.

Въ лѣтніе мѣсяцы все семейство обыкновенно уѣзжало изъ Рима, и я оставался одинъ въ этомъ огромномъ дворцѣ. На зиму покровители мои возвращались въ городъ, нисколько не измѣняясь въ отношеніи ко мнѣ. Они, кажется, не замѣчали, что для меня года проходятъ также, какъ для всего міра, что я уже не тотъ мальчикъ, взятый изъ римской стени, который всякое сказанное ему слово считалъ членомъ символа, забывали что я уже не ученикъ іезуитской школы, котораго нужно останавливать на каждомъ шагу.

Теперь этотъ шестилѣтній промежутокъ кажется мнѣ похожимъ на обширное море, на которомъ однообразно бѣгутъ валы одинъ за другимъ. Я пережилъ это время и слава Богу. Читатель! ты, который благосклонно сопутствовалъ мнѣ въ теченіи моей юности, пройди еще нѣсколько безцвѣтную часть моей жизни.

На меня смотрѣли какъ на молодаго человѣка способнаго, отъ котораго можно ожидать чего-нибудь хорошаго, и потому каждый старался образовать меня по своему. Со стороны тѣхъ, отъ которыхъ я зависѣлъ, это желаніе было естественнымъ. Живо и глубоко чувствовалъ я всю горечь и непріятность моего положенія, и сносилъ терпѣливо.

Его сіятельство непрерывно сожалѣлъ о незнаніи моемъ основныхъ началъ науки. Друзья дома, подражая моему благодѣтелю, судили обо мнѣ, по собственному идеалу, на который я не подходилъ. Математикъ говорилъ, что у меня слишкомъ много воображенія, и мало развита способность размышлять; филологъ — что я недостаточно знаю латинскій языкъ. Молодой дворянинъ не могъ простить мнѣ равнодушія къ гнѣиатрику, потому что самъ всю жизнь сосредоточилъ на своей лошади. Габбасъ Дада смотрѣлъ на меня, какъ на человѣка, подававшаго надежды, но не оправдавшаго ихъ; танцоръ говорилъ со мной съ пренебреженіемъ, потому что я не умѣлъ красоваться на балѣ; грамматикъ, потому что я ставилъ тамъ точку, гдѣ онъ ставилъ точку

съ запятою; а Франческа говорила въ добавокъ, что меня портятъ излишнимъ вниманіемъ, и считала нужнымъ обращаться со мною, какъ можно строже.

Такъ, каждый подливалъ каплю яду въ мое сердце, которое отъ того должно было или облиться кровью, или отвердѣть.

И между-тѣмъ, все что было благородно и прекрасно поражадо мой умъ. Когда я обдумывалъ свое положеніе, мнѣ казалось, что природа и свѣтъ были бы для меня самыми лучшими наставниками. Свѣтъ представлялся мнѣ прекрасною, юною дѣвужкой, которая могла привлечь вниманіе, и по красотѣ, и по уму, и по убранству; но башмачникъ увѣрялъ меня, что нужно прежде всего обратить вниманіе на башмаки, какъ на вещь самую необходимую.

Способъ выраженія—важнѣе всего, говорилъ учитель грамматикъ. А умѣнье держать себя, развѣ неважно?

Боже мой, думалъ я, меня чаруетъ ансамбль; я готовъ удивляться всему прекрасному, не бывши башмачникомъ, грамматикомъ и учителемъ танцованья.

Часто слышалъ я, что говорили насмѣшливо: его поэтический умъ не можетъ унизиться до такихъ мелочей; мы не можемъ понять его возвышенныхъ идей.

Человѣкъ жесточе всякаго изъ животныхъ. Еслибъ я былъ богатъ и независимъ, все бы для меня измѣнилось. Въ сущности, тѣ которые меня тревожили, были правы. Я старался снѣяться, когда мнѣ хотѣлось плакать; я съ уваженіемъ обходился съ людьми, которыхъ не уважалъ, и внимательно слушалъ болтовню пустомелей. Разсѣянность, неудовольствіе и скука, вотъ плоды воспитанія, доставленнаго мнѣ обстоятельствами, больше чѣмъ людьми.

Во мнѣ замѣчали одни недостатки, но не видали ничего хорошаго и достойнаго похвалы. Никто, кромѣ меня самого, не зналъ моихъ качествъ; этимъ заставляли меня сосредоточиться на самомъ себѣ, на своихъ мысляхъ, чувствахъ, и потомъ меня же упрекали за то, что я слишкомъ занятъ собою.

Такъ я, по характеру, готовый считать всѣхъ людей братьями, преобразился, подобно женѣ Лота, въ соляной столбъ. Были минуты когда сознаніе своего достоинства разрывало связывавшія его цѣпи и демонъ гордости шепталъ мнѣ: плати пренебреженіемъ за оскорбленія твоихъ мудрыхъ наставниковъ. Ты будешь жить еще, когда они умрутъ, когда ихъ забудутъ, или ихъ вспомнятъ

потому, что твое имя станетъ безсмертнымъ, потому что они тебя не позабыли, и жизнь твою наполнили горечью.

Въ тѣ минуты я думалъ о Тассо, о гордой Элеонорѣ, о герцогѣ феррарскомъ, которыхъ обезсмертилъ великій поэтъ. Замокъ этого герцога теперь въ развалинахъ, а гробница Тасса сдѣлалась мѣстомъ поклоненія. Я самъ понималъ, что сердце мое было полно тщеславія, но иначе выйти не могло изъ того какъ со мной поступали, или я былъ бы раздавленъ тяжестью мученій. Небольшою снисходительностью и незначительнымъ одобреніемъ они помогли бы мнѣ сохранить чистоту сердца и любовь къ людямъ. Улыбка и ласковое слово, какъ солнечные лучи могли растопить мое тщеславіе; по несчастью на мое сердце падало больше капель яду, чѣмъ солнечныхъ лучей.

При все этомъ требовали отъ меня, чтобъ я былъ добрымъ; и хоть я неутомимо изучалъ хорошихъ писателей, природу и свѣтъ, говорили, что я вичему не учусь.

Я былъ аббатомъ, и въ Римѣ извѣстенъ какъ импровизаторъ, потому что Тиберинская Академія, передъ которою я читалъ стихи, аплодировала мнѣ; но Франческа увѣрила, и справедливо, что эта академія аплодируетъ всему, что ей читаютъ. Габбасъ Дада былъ одинъ изъ замѣчательныхъ членовъ ея, потому что говорилъ и писалъ больше другихъ. Всѣ его сочлены признавались, что онъ былъ несправедливъ, пристрастенъ, недоброжелателемъ, и не смотря на то, онъ оставался въ ихъ кругу и продолжалъ писать.

Габбасъ прочелъ мои поэмы, піэсы, скроенныя на живую нитку, какъ онъ выражался, и не замѣтилъ въ нихъ даже вскрыя таланта, который замѣчалъ во мнѣ прежде, когда бывши ученикомъ іезуитской школы, я по необходимости держался его мнѣнія. Талантъ мой, говорилъ онъ, погибъ безвозвратно: и друзья мои хорошо дѣлаютъ, что запрещаютъ мнѣ печатать свои поэтическіе грѣхи.

Объ Анунциатѣ я ничего не зналъ и не слышалъ. Она позвала сердце мое со всѣми болѣзненными ощущеніями... и скрылась. Таково было, кажется, ея названіе для моей жизни. Жизнь въ Неаполѣ, воспоминаніе всего тамъ со мною случившагося, имѣло на меня такое же оцѣняющее дѣйствіе, какъ прекрасная голова Медузы. Когда дулъ широко, я думалъ о прохладныхъ вѣтеркахъ Пестума, о Ларѣ, о блестящемъ голубомъ гротѣ; когда стоялъ почтительнымъ школьникомъ передъ своими наставниками, вспоминалъ о рукоплесканіяхъ въ пещерѣ разбой-

нниковъ и въ театрѣ Санъ-Карло; когда, незамѣченный, удался въ уголокъ, наполненный посѣтителями залы; вспоминалъ о Сантѣ, когда она протянувъ ко мнѣ руки, говорила: убей меня, но не оставляй.

Повторю еще разъ: то были шесть долгихъ, мучительныхъ, назидательныхъ лѣтъ.

Мнѣ было двадцать шесть лѣтъ, когда Фламинія, дочь Франческа и Фабиано, назначенная съ равнаго возраста быть монахиней, должна была возвратиться въ замокъ Боргезе. Я не видалъ ея съ тѣхъ поръ, какъ бывало ребенкомъ носилъ на рукахъ, и рисовалъ ей смѣшныя картинки. Она никуда не выходила изъ монастыря, въ которомъ была воспитана; никто не посѣщалъ ея, Фабиано даже не имѣлъ на это права; одна Франческа, какъ женщина и мать, имъ пользовалась. Говорили, что она сдѣлалась дѣвицей, красоты совершенной, и монахини заботливо пеклись объ ея воспитаніи. По обычаю, будущая монахиня, передъ произнесеніемъ обѣта, должна была нѣсколько мѣсяцевъ провести въ родительскомъ домѣ, чтобъ насладиться всѣми радостями и удовольствіями свѣта, отъ котораго отказывалась на вѣкъ. Увѣряли, что она могла остаться въ свѣтѣ, если того пожелаетъ; но этого не могло случиться; съ самаго дѣтства воспитаніе ея было направлено къ уединенной, безмятежной жизни.

Часто, проходя площадь Quattro Fontane, я останавливался передъ монастыремъ, въ которомъ она воспитывалась, и вспоминалъ о прелестномъ ребенкѣ, съ которымъ игралъ въ дѣтствѣ.

— Въ будущей понедѣльникъ пріѣдетъ къ намъ наша маленькая игуменья, сказалъ однажды князь за обѣдомъ.

Я нетерпѣливо желалъ видѣть ее. Мнѣ казалось, что она, подобно мнѣ, была птичка въ клеткѣ, которой не даютъ свободы насладиться видомъ божьяго творенія.

Я увидѣлъ ее въ первый разъ за обѣдомъ. Она была блѣдна, высокаго росту. Нельзя назвать ее красавицей, но доброта и чувствительность придавали ея лицу привлекательность.

За обѣдомъ въ тотъ день были только близкіе родственники князя. Никто не говорилъ Фламиніи, кто я такой. Она ласково отвѣчала, на нѣсколько словъ, мною ей сказанныхъ. Къ подробной ласкѣ я совсѣмъ не привыкъ; Фламинія не дѣлала различія между мной и другими.

— Она не узнаетъ меня, подумалъ я. И между-тѣмъ она знала уже, ей сказали, она назвала меня Антошемъ.

Сколько разъ потомъ, это милое дитя, вѣжностью и лаской старалось заставить меня забыть оскорбительное для меня предпочтеніе другимъ, которое оказывали ей родственники.

О, конечно, если бъ я былъ независимъ, все бы для меня измѣнилось.

Къ тому времени я окончилъ большую поэму *Давидъ*, въ которой отразилась вся душа моя. Въ послѣдній годъ, скука отъ нескончаемыхъ увѣщаній и совѣтовъ, воспоминаніе жизни въ Неаполѣ, разлука съ первымъ предметомъ моей любви, увеличили значительно поэтическое направленіе моего воображенія. Нѣкоторые обстоятельства моей жизни представлялись мнѣ отдѣльными драмами, въ которыхъ я былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Даже страданія мои отъ несправедливости другихъ имѣли для меня поэтическую сторону. Сердце мое чувствовало потребность излиться; въ образѣ Давида, въ жизни, и въ страданіяхъ его, я нашелъ много сходства съ собою. Поэма доставляла мнѣ наслажденіе. Я думалъ: почитавши моего Давида, они поймутъ, что были со мной несправедливы, и перемѣнятъ свое обращеніе.

Поэма моя была кончена, но никто не зналъ объ этомъ. Съ радостью ждалъ я времени, когда прочту ее въ Тиберинской Академіи; а до тѣхъ поръ не хотѣлъ никому ее показывать. Однако, въ первые дни по пріѣздѣ Фламиніи, когда Фабіано и Франческа были со мной особенно ласковы, я упрекнулъ себя въ скрытности, и признался, что написалъ поэму.

— Намъ первымъ принадлежитъ право ее выслушать, отвѣчали они.

Хотя этого мнѣ самому очень хотѣлось, но, не знаю почему, сердце мое сжалось, мнѣ стало грустно. Когда я готовился начинать чтеніе, вошелъ Габбасъ-Дада.

Его просили остаться слушать мою поэму. Это мнѣ было очень непріятно. Я боялся его злаго, насмѣшливаго ума; зналъ, что другіе также не расположены извинять меня. Одна Фламинія выразила непритворное желаніе меня слушать.

Передъ дебютомъ въ Санъ-Карло сердце мое не билось такъ сильно, какъ передъ этимъ собраніемъ.

Сцена пастушеской жизни Давида, которою начиналась моя поэма, была снимкомъ пребыванія моего, въ дѣтствѣ, въ хижинѣ Доминики.

— Вы самого себя представляете, замѣтила Франческа.

— Да, прибавилъ князь, это бросается въ глаза съ перваго

взгляду. Онъ не можетъ обойтись, не выставивъ себя, и готовъ воспользоваться каждымъ случаемъ, чтобъ слѣдовать своей наклонности.

— Стихосложеніе не чисто, сказалъ Габбасъ-Дада. Я въ этомъ случаѣ держусь правилъ Горациа. Не выдавай творенія въ свѣтъ, пока оно еще не зрѣло.

У моей прекрасной статуи отбили руку. Однако я прочелъ еще нѣсколько стансовъ, заслужившихъ нѣсколько холодныхъ и презрительныхъ замѣчаній. Когда сердце мое выражало собственные ощущенія, они говорили, что я себя считаю героемъ пѣсы; когда я читалъ строки, внушенные теплымъ восторгомъ, они ихъ не замѣчали. При концѣ второй пѣсни, я не въ силахъ былъ выдержать, и оставилъ чтеніе, извиваясь слабостью.

Мой Аполловъ Ватиканскій представился мнѣ безобразной куклой, съ надутымъ лицомъ и стеклянными глазами.

— Давидъ не разбилъ Филлистимлянъ, сказалъ Габбасъ-Дада. Впрочемъ, прибавилъ, что въ моей поэмѣ есть нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ; что я очень мило описалъ дѣтство и всѣ обстоятельства, съ нимъ соединенныя.

Я молчалъ и склонился какъ преступникъ, который благодарить судей за нестрогое осужденіе.

— Правило Горациа, повторилъ мнѣ на ухо Габбасъ-Дада, пожимая дружески мнѣ руку и называя поэтомъ.

Когда я ушелъ, они призвали мое сочиненіе наборомъ предметовъ, грубо связанныхъ между собою.

Я получилъ страшный ударъ; всѣ мои надежды и мечты разлетѣлись въ одно мгновеніе. Я подошелъ къ камину, и бросилъ въ него мою рукопись, которую прижималъ часто къ губамъ, въ которой старался выразить свою душу.

— Антонио, сказала позади меня Фламинія, и хотѣла выхватить изъ огня загорѣвшіеся листки; но поскользнулась, и почти упала на огонь. На крикъ ея все семейство прибѣжало въ залу.

— Боже мой, вскрикнула Франческа.

Я держалъ на рукахъ помертвующую Фламинію.

Услыхавъ голосъ матери, она подняла голову и улыбаясь сказала:

— Я поскользнулась, и немного обожгла себѣ руку. Безъ Антонио, мнѣ было бы очень худо.

Я стоялъ молча, какъ преступникъ, понимающій вину свою. Фламинія сильно обожгла лѣвую руку; это обстоятельство встревожило весь домъ. Никто не догадывался, что я бросилъ въ

огонь мою поэму; я думалъ, что объ ней когда-нибудь вспомнятъ; но объ ней совершенно забыли. Одна Фламинія не забыла.

Она была настоящимъ семейнымъ добрымъ гениемъ. Ея кротость и вниманіе привели меня скоро въ веселое расположеніе духа; рука ея болѣла двѣ недѣли.

— Я виноватъ передъ вами, Фламинія. Вы изъ за меня пострадали, сказалъ я ей однажды, когда мы остались одни.

— Не напоминайте объ этомъ, Антоніо. Напротивъ, я вамъ обязана. Отецъ мой и мать вамъ за это благодарны. Они любить васъ, больше чѣмъ вы полагаете.

— Каждый день увеличиваетъ долгъ моей благодарности.

— Не говорите такъ, возразила она. Они смотрятъ на все по-своему. Мать моя часто хвалитъ васъ. Мы всё вмѣемъ недостатокъ, и вы также, Антоніо.

Фламинія остановилась на минуту и потомъ продолжала:

— Какъ вы могли такъ увлечься гдѣвомъ, что рѣшились бросить въ огонь вашу прекрасную поэму.

— Она не стоитъ лучшей участи, отвѣчалъ я; мнѣ бы слѣдовало сжечь ее гораздо прежде.

Фламинія опустила голову.

— Въ свѣтѣ легко портятся люди, замѣтила она. Жизнь идетъ гораздо тише въ моемъ монастырѣ.

— У меня недостаетъ вашей невинности и доброты, отвѣчалъ я. Сердце мое легче сохраняетъ воспоминавіе о горькихъ капляхъ чѣмъ объ освѣжительныхъ.

— Хотя всё вы меня любите, однако мнѣ лучше въ монастырѣ.

Душа моя непреодолимо влеклась къ Фламиніи. Она была для меня гениемъ, который заботился о моемъ счастьи; все семейство стало обходиться со мной лучше; и за это конечно я былъ обязанъ Фламиніи.

— Она всегда старалась завести разговоръ о томъ, что мнѣ нравилось. Такъ мы часто съ ней говорили о божественной поэзіи. Я рассказывалъ ей о художникахъ, о бессмертныхъ твореніяхъ. Она слушала, сложивъ руки, сидя напротивъ меня и смотря на меня, какъ ангелъ невинности.

— Какъ вы счастливы, Антоніо, сказала она мнѣ однажды. Вы счастливѣе другихъ людей; но слова ваши, какъ всякаго поэта, могутъ сдѣлать много зла и много пользы: ихъ надобно употребить съ большою осторожностью.

Ее удивляло, отчего поэты чаще пишутъ о своихъ страда-

ніяхъ ; она думала , что поэтъ долженъ преимущественно воспѣвать хвалу Создателю....

Я отвѣчалъ ей , что поэтъ славить Бога въ Его твореніяхъ , воспѣвая то , что Богъ создалъ для своей славы.

— Я этого не понимаю ; мысль моя для меня ясна , но выразить ее не могу . Поэтъ , мнѣ казалось бы , долженъ говорить о Богѣ , объ Его могуществѣ , направлять насъ къ нему , а не вводить въ ложный свѣтъ.

Потомъ она спросила : какъ можно сдѣлаться поэтомъ , и что внутри себя чувствуетъ тотъ , кто импровизируетъ.

Я объявилъ ей , какъ умѣлъ , эту душевную операцію.

— Мысли , идеи , повторила она , я понимаю , что они рождаются въ душѣ , истекають отъ Бога.... Мы всѣ это знаемъ.... Я не понимаю того внутренняго чувства , которое помогаетъ перелагать мысли , идеи , въ гармоническіе стихи.

— Не случилось ли вамъ изучать въ монастырѣ какую-нибудь кантату или поэтическую легенду.... Впослѣдствіи , когда вы объ ней забыли , какое-нибудь случайное обстоятельство напоминаетъ вамъ о ней , и вы въ состояніи тогда проговорить ее или написать . Такъ точно поэтъ или импровизаторъ передаетъ все , что его поражаетъ , такъ , по крайней-мѣрѣ , я дѣлаю . Рвеновольно влечетъ за собою другую , а предметъ остается рѣзко начертаннымъ въ памяти . Мнѣ часто казалось , что гармоническія выраженія , приходившія на умъ , были воспоминаніемъ слышанной мною пѣсни , въ иномъ мірѣ , какъ-будто таинственная сила пробудила ее во мнѣ , и заставляетъ повторять .

— Я не разъ испытывала подобное чувство , сказала Фланиннѣ , но не сознавала его . Часто я имѣла неопредѣленное желаніе , жажду чего-то мнѣ неизвѣстнаго , которое когда-то и гдѣ-то было со мной . Въ тѣ минуты мнѣ казалось , что я принадлежу не къ этому міру , что въ немъ только продолжительно грежу . Какъ давно я не была въ монастырѣ , въ моей кельѣ ! Не знаю , чему приписать , Антоніо , но тамъ мнѣ ясно представлялся Спаситель и Святая Дѣва , а здѣсь это случается рѣдко . Я уже не такъ набожна , какъ была между сестрами . Зачѣмъ меня не отправляютъ туда ? Признаюсь вамъ , Антоніо , я уже потеряла невинность , меня занимають наряды ; мнѣ пріятно слышать , что я хорошепъкая . Въ монастырѣ говорятъ , что такъ думаютъ только дѣти вѣка .

— О , если бъ сердце мое было также невинно , какъ ваше ? вскричалъ я , цѣлуя ея руку .

Она рассказала, что помнитъ, когда у меня на рукахъ танцовала, когда я рисовалъ ей картинки.

— Которыя вы рвали, посмотрѣвши на нихъ.

— Это я очень дурно дѣлала, но вы на меня не сердились за это?

— Съ того времени, отвѣчалъ я, много дорогихъ разорвано изображеній моего сердца, и я простилъ тѣхъ, кто это сдѣлалъ.

Фламинія дружески потрепала меня по щекѣ.

Со дня на день она становилась мнѣ дороже. Она одна была со мной нѣжна, одна мнѣ сочувствовала.

Семейство Боргезе намѣревалось провести въ Тиволи два самые жаркіе мѣсяца; меня также взяли туда съ собой, вѣрно по просьбѣ Фламиніи.

Пѣнистый каскадъ, окруженный великолѣпными видами, удивилъ меня также, какъ море, когда я увидѣлъ его въ первый разъ въ Террачинѣ. Я былъ очень радъ вырваться изъ Рима, во время страшныхъ, томительныхъ жаровъ.

Фламинія нашла особенное удовольствіе прогуливаться на ослѣ, съ горничной, въ долинахъ, пересѣкающихъ тиволийскія горы. Я получилъ позволеніе ей сопутствовать. Она любила смотрѣть на картинные виды природы. Я рисовалъ ей окрестности Тиволи, необозримую римскую степь, съ куполомъ святаго Петра, видѣющимся вдали, покатоности горъ, покрытыя виноградниками и оливковыми деревьями, и самый городъ Тиволи на скалѣ, съ которой нѣсколькими ступенями низвергаются каскады въ глубокую пропасть.

— Кажется, что скоро сползуть туда горы съ городомъ. А жители объ этомъ и не думаютъ, и беззаботно ходятъ близъ открытой могилы.

— Не всѣ ли мы каждую минуту жизни въ опасности? отвѣчалъ я. Хорошо еще, что опасность скрыта отъ насъ. Страшны эти каскады, но страшнѣе въ Неаполѣ видъ огненныхъ массъ, которыя также низвергаются съ горы, какъ здѣсь воды.

Я рассказалъ ей путешествіе въ Неаполь, на Везувій, въ Геркуланумъ и Помпѣю; она слушала меня съ жадностью; когда же мы воротились въ видлу, она просила рассказать все, что я видѣлъ по ту сторону Понтійскихъ болотъ.

Фламинія не имѣла яснаго понятія о морѣ. Съ вершины горы оно представлялось ей широкой серебряной лентой, и когда я сказалъ, что оно похоже на распростертое по землѣ небо, она воскликнула:

— Безгранична красота Божія творенья!

— Потому-то человекъ не имѣетъ права отвращать отъ него взглядовъ, отказываться отъ него, хотѣлъ сказать я, но удержался.

Однажды мы остановились у древняго храма Сивиллы, и любовались оттуда двумя водопадами, отъ которыхъ столбъ пѣны поднимался до голубаго неба. Охваченный солнечными лучами онъ горѣлъ всѣми радужными цвѣтами. Подъ водопадомъ, въ углубленіи, свили гвѣзда водяныя птицы. Онѣ летали надъ нами и надъ пѣнящейся массой воды.

— Теперь, Антоніо, вы импровизируйте мнѣ, о красотахъ, насъ окружающихъ.

Въ ту минуту я думалъ о мечтахъ своихъ, которые также обращались въ пѣну, какъ воды потока. Я запѣлъ; сюжетомъ моимъ было сходство человѣческой жизни съ потокомъ, съ тою разницею, что первая не всегда отражаетъ въ себѣ лучи солнца; слава и счастье не одинаково разливаются на человѣческое племя.

— Я не хочу слышать такихъ печальныхъ пѣсень, сказала Фламинія. Не пойте, если не чувствуете влеченія, и помолчите прибавила: не знаю, почему я съ вами не такъ стѣснена, какъ съ другими людьми; я могу открывать вамъ всѣ свои мысли, какъ отцу и матери.

Такъ и она подарила меня довѣренностью, въ замѣнъ моей. По тогдашнему состоянію моего взволнованнаго сердца, тихая прилечь была высокимъ благомъ. Я рассказалъ Фламиніи мою дѣтскую жизнь, прогулку въ катакомбахъ, о праздникѣ цвѣтовъ въ Дженсано, о смерти моей матери отъ лошадей князя.

Фламинія не знала объ этомъ обстоятельствѣ.

— Святая мадонна, вскричала она, такъ мы были причиной вашего несчастья, Антоніо. Она взяла меня за руку и долго на меня смотрѣла съ печальнымъ выраженіемъ. Я продолжалъ рассказъ. Добрая старушка Доминика повравилась ей. Она спросила у меня, часто ли я посѣщаю мою приемную мать. Я смущенный признался, что въ прошломъ году былъ у нея только два раза. Она приходила ко мнѣ въ Римъ, я дѣлился съ нею деньгами, получаемыми отъ князя; объ этомъ я не считалъ нужнымъ упомянуть. Въ рассказѣ я невольно коснулся Авунциаты и Бернардо. Страхъ оскорбить ея невинность не допускалъ меня говорить подробно. Я рассказалъ ей о жизни моей въ Неаполѣ, лег-

ко упомянувъ о Сантѣ. Однако она задрожала отъ идеи змѣя красоты, который вошелъ въ мой эдемъ.

— Нѣтъ, я не хочу видѣть Неаполь. Ни море, ни огненная гора не въ состояніи очистить его пятая. Вы добры и благочестивы, Антонио, зато мадонна васъ покровительствуетъ.

Это восклицаніе напомнило мнѣ случай, когда образъ упалъ со стѣны въ ту минуту, какъ губы мои касались губъ Санты. Я не могъ рассказать объ этомъ Фламинію. Она меня называла благочестивымъ и добрымъ, а я былъ такой же грѣшникъ, какъ и всѣ люди; только непредвидимыя обстоятельства и состраданіе мадонны не допустили меня до паденія. Въ минуту искушенія, я былъ слабъ, какъ и всякой другой на моемъ мѣстѣ.

Портретъ Лары, очень понравился Фламинію. Только она могла притти къ вамъ, когда вы были въ небѣ, сказала она: я представляю себѣ ясно голубой, свѣтящейся гротъ, гдѣ вы ее видѣли въ послѣдній разъ.

Авунціата ей не нравилась. Какъ могла она полюбить злаго Бернарда, замѣтила Фламинія. Женщина, которая рѣшилась позазаться передъ публикой, такая женщина... я не умѣю выразить своей мысли: она могла быть прекрасна, умна, имѣть больше прелестей, чѣмъ другія женщины, однако не стоила васъ. Лара была вашимъ гениемъ-хранителемъ.

Разсказавши о дебютѣ моемъ въ театрѣ Санъ-Карло, я показалъ ей листокъ *Diario di Napoli*, въ которомъ меня критиковали.

Она прочла весь листокъ, и посмотрѣвъ на меня пристально, сказала:

— Вы не сказали, что Авунціата была въ Неаполѣ, въ одно съ вами время. Здѣсь объявляютъ, что она явится на сценѣ, на другой день послѣ вашего дебюта, въ тотъ день, когда вы уѣхали.

— Авунціата! Я схватилъ листокъ, который часто держалъ въ рукахъ, но читалъ въ немъ только то, что до меня относилось.

— Этого я не замѣтилъ. Мы смотрѣли молча другъ на друга.

— Слава Богу, что я не встрѣтился съ нею, сказалъ я, она меня не любила.

— Но, теперь, встрѣча съ нею была ли бы для васъ пріятна? спросила Фламинія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я; той Анунціаты, которая и теперь остается идоломъ души моей, я никогда не встрѣчу; я увижу другое созданіе, которое пробудитъ во мнѣ горькое воспоминаніе о прошломъ, потерянномъ для меня навсегда.

Въ одинъ изъ теплыхъ іюльскихъ вечеровъ, я вошелъ въ залу, окна которой были покрыты плющемъ. Въ углу сидѣла Фламинія; опершись на руку, она дремала; грудь ея поднималась, на полуоткрытомъ рту сіяла улыбка. Ей что-то грезилось.

— Лара! произнесла она, и черезъ минуту проснулась.

— Антонио! я спала и мечтала, угадайте о комъ?

— О Ларѣ, отвѣчалъ я.

— Да, именно объ ней, сказала Фламинія. Мы вмѣстѣ съ нею летали надъ обширнымъ и прекраснымъ моремъ, которое вы мнѣ описали. По срединѣ водъ, мнѣ представился утесъ, на которомъ вы сидѣли, и, по обыкновенію, были печальны. Лара сказала мнѣ, полетимъ утѣшить его. Я хотѣла слѣдовать за ней, но не могла, воздухъ не допускалъ меня опуститься, какъ я ни двигала крылья; напротивъ поднималась все выше и выше, и когда была на страшной высотѣ, вы были съ нею, возлѣ меня.

— Такъ, всѣхъ насъ соединитъ смерть, сказалъ я. Смерть богата, она беретъ все дорогое нашему сердцу.

Мы долго съ нею говорили о предметахъ любви моей, которые перестали уже существовать для меня.

Она спросила меня: буду ли я о ней также вспоминать, когда мы разлучимся на вѣкъ? Приближалось время, что она должна была возвратиться въ монастырь для произнесенія обѣта.

Прогуливаясь съ нею и съ ея матерью въ садахъ виллы д'Эсте, по той дорожкѣ, которая ведетъ къ фонтану, мы встрѣтили нищаго, въ рубищѣ. Онъ вырывалъ на дорогѣ дурныя травы и увидѣвши насъ попросилъ баюкко; мы дали ему съ Фламиніей по паоло.

— Да наградитъ мадонна ваше сіятельство съ прекрасной вашей супругой, кричалъ онъ намъ въ слѣдъ.

Франческа засмѣялась; я вспыхнулъ и боялся взглянуть на Фламинію. Пробѣжавшую въ то мгновеніе въ моей головѣ мысль я не смѣлъ открыть даже самому себѣ. Тихо и сильно овладѣла Фламинія моимъ сердцемъ; разлука съ нею не могла обойтись мнѣ безъ страданій. Къ ней одной теперь я былъ привязанъ вѣчно. Она, съ участіемъ и лаской принимала въ себя мои мысли и ощущенія. Неужели чувство мое—любовь? спрашивалъ

и самъ себя. Чувство, впущенное Анунциатой и Ларой, вовсе не походило на расположеніе мое къ Фламиніи. Красота и умъ плѣнили меня въ Анунциатѣ; идеальность Лары заставляла биться мое сердце. Нѣтъ! не любовь влекла меня къ Фламиніи, то была дружба, святая, братская дружба. Я понималъ это, и приходилъ въ отчаяніе. Я не имѣлъ желанія поцѣловать ее, прижать къ сердцу, и между тѣмъ она была для меня безцѣнна, я не могъ безъ нея обойтись.

Слова нишаго раздавались въ ухахъ монахъ. Стараться угадывать ея желанія, слѣдовать за нею вездѣ, было для меня потребностью.

— Антонио, сказала Фламинія, или вы пездоровы, или огорчены чѣмъ-нибудь? Скажите, что съ вами?

Она была ко мнѣ безпрядѣльно довѣрчива, я желалъ быть для нея только преданнымъ братомъ, и между тѣмъ, въ разговорахъ старался заставить ее полюбить свѣтъ. — Я сказалъ ей, что самъ одно время думалъ сдѣлаться отшельникомъ, и еслибъ сдѣлался, то упрекалъ бы себя, потому что сердце раньше или позже требуетъ своего.

— А я такъ тогда только буду счастлива, когда возвращусь къ своимъ милымъ сестрамъ. Тамъ я буду вспоминать о времени, проведенномъ въ свѣтѣ, о всемъ, что вы мнѣ рассказывали. Жизнь свѣта будетъ для меня пріятнымъ свидѣніемъ. Тамъ я буду молиться о вашемъ счастьи, Антонио, чтобъ лукавый міръ не испортилъ васъ.

Я рыдалъ, слушая эти слова, и говорилъ ей: мы никогда, никогда уже не увидимся.

— Мы увидимся на небѣ, близъ Бога и мадонны, отвѣчала она со свѣтлой улыбкой. Вы покажете мнѣ Лару, тамъ она возвратитъ зрѣніе. О, да, только близъ мадонны можно найти счастье.

Мы воротились въ Римъ. Черезъ вѣскольکو недѣль Фламинія должна воротиться въ монастырь, я останусь одинъ, опять начнутся мои униженія, новыя печали, — и теперь я долженъ казаться неселымъ, когда на сердцѣ у меня вовсе не весело.

При мнѣ говорилъ о великолѣпной церемоніи принатія инокескаго некрывала. — Я этому какъ-будто не хотѣлъ вѣрить. И зачѣмъ насильно довели до монашества, запутавши ваше собственное сужденіе и волю? Ваша великолѣпная прическа будетъ срѣ-

зана; такую прелестную дѣвушку положить въ гробъ, покрывъ саваномъ! Я говорилъ все это Фламиніи, просилъ обдумать на что она рѣшается, и не слишкомъ торопиться.

— Никому не повторяйте того, что вы мнѣ сейчасъ сказали, отвѣчала она мнѣ важнымъ тономъ. Вы слишкомъ пристрастились къ свѣту; надобно думать иногда о небѣ.

Она покраснѣла, жалѣя какъ-будто, что сказала мнѣ такъ сурово, потомъ взяла меня за руку и прибавила:

— Вы не будете больше огорчать меня такими словами?

Я упалъ передъ ней на колѣна и смотрѣлъ какъ на святую. Сколько слезъ въ ту ночь было пролито мною! Расположеніе мое къ ней казалось мнѣ грѣхомъ. Вѣдь она уже и теперь почти монахиня. Чрезвычайное усиліе помогло мнѣ скрыть отъ постороннихъ состояніе моихъ чувствъ; а при такихъ скрытыхъ страданіяхъ смерть можетъ казаться благодѣяніемъ.

Минута разлуки не выходила у меня изъ памяти. Духъ тьмы шепталъ мнѣ: скажи ей, что ты ее любишь, что не можешь безъ нея жить. Князь и все семейство осудятъ тебя за это, прогонятъ; но теряя Фламинію, не все ли равно, ты теряешь все свое счастье.

Сколько разъ признаніе готово было вырваться, но сердце мое дрожало, я не смѣлъ сказать.

По случаю принесенія въ жертву дочери, въ замкѣ Боргезе данъ балъ. Фламинія была пышно одѣта.

— Будьте веселы, сказала она мнѣ тихо; ваша тоска меня огорчаетъ. Я увѣрена, что въ монастырѣ буду думать о свѣтѣ, о васъ, это грѣхъ. Общайтесь же не печалиться обо мнѣ, общайтесь прощать моему отцу и матери за ихъ строгость. Общайтесь быть всегда добрымъ, благочестивымъ, я позволю себѣ думать о васъ и молиться о вашемъ счастьи.

Цѣлуя отца и мать она была весела и спокойна, какъ-будто разставалась съ ними на нѣсколько дней.

— Простись съ Антонію, сказалъ Фабіано, видяко тронутый сценой, на которую другіе смотрѣли совершенно равнодушно. Я поцѣловалъ ея руку. — Будьте счастливы, Антонію, сказалъ она.

Прощайте, прибавила она, почти не слышно. Потомъ поцѣловала меня въ лобъ и сказала:

— Благодарю за твое доброе расположеніе, братъ мой, милый Антонію.

Я выбѣжалъ, чтобъ на свободѣ поплакать.

Солнце жгло. Фламинію въ пышныхъ одеждахъ проводили

отца и мать къ алтарю. — Загнѣи духовные гимны. Въ стала на колѣна. Она блѣдная и спокойная стояла на колѣнахъ передъ главнымъ алтаремъ.

Слова вѣлы потрясавшій ее; и рослезные болези разсыпались по плечамъ. Ихъ не стало. Ее раздѣли, положили на гробъ, накрыли саваномъ. Раздалась погребальная пѣсня. Она уже умерла, погребена.

Поднялась черная завѣса, прикрывающая входъ въ монастырскія комнаты, оттуда показались монахини въ бѣлыхъ одеждахъ. Епископъ благословилъ ее; изъ гроба вышла во Фламинія, а сестра Елизавета. — Ее увела. Черная завѣса упала. Прощай мой ангелъ, для тебя все кончилось.

III.

На другой день во дворцѣ Боргезе собралась многочисленная толпа посѣтителей съ поздравленіемъ отца и матери, въ томъ, что Богъ удостоилъ принять дочь ихъ въ свою святую общину. Франческа старалась скрыть печаль свою подъ веселой улыбкой. Едва ли ей сердце было также покойно, какъ ее лице.

— Вы потеряли свою благодѣтельницу, сказалъ мнѣ Фабиано, а понимаю вашу печаль. Она поручила мнѣ передать вамъ письмо экию для Доминики; вы вѣрно говорили съ ней о вашей вѣрной матери. Отдайте ей эти деньги, подарокъ Фламинія.

Жизнь мнѣ опротивѣла; печальными воспоминаніями камнемъ лежала на моемъ сердцѣ; самоубійство не казалась мнѣ страданіемъ.

Я съ радостью пошелъ въ то мѣсто, гдѣ провелъ дѣтство, гдѣ игралъ в мотыль близъ доброй Доминики.

Смерть была жертва; ни одна трагедія не зеленѣла на ней, ни одна надежда не веселила моего будущего. Слова увидѣть и покрытый плющемъ памятникъ, печальное и поэтическое мѣсто, которое привыкъ считать своимъ собственнымъ домомъ. Дверь была растворена. Я думалъ о любви ко мнѣ Доминики, о томъ съ какою радостью она меня встрѣтитъ. Уже больше года я не былъ у нея; больше осьми мѣсяцевъ не видѣлъ ее у себя въ Римѣ. — Путешествіе въ Тиволи, и потомъ непрерывное движение, по возвращеніи въ Римъ отдалали наше свиданіе.

Посреди бѣднаго жилища стояла желтая печь; передъ го-

равнинъ троещникомъ сидѣлъ молодой мальчикъ. То былъ Пьетро, котораго ребенкомъ я качалъ въ люльки. Онъ оборотился, узналъ меня и вскрикнулъ:

— Святой Господь. Это вы, ваше сіятельство, какъ давно мы здѣсь не были!

— Нѣтъ, Пьетро, можно подумать, что я забылъ своихъ друзей, но я не забывалъ ихъ, сказалъ я.

— То самое говорила старушка. Святая Дѣва, какъ бы она была рада, если бъ васъ увидѣла.

— Гдѣ же Доминика? спросилъ я.

— Ахъ, отвѣчалъ Пьетро, уже шесть мѣсяцевъ какъ она умерла, послѣ недолгой болѣзни. Передъ смертью она говорила о васъ, называла васъ, извините меня, своимъ добрымъ Антоніемъ.

— Если бъ я могла его видѣть еще разъ, сказала она.

Послѣ обѣда, я замѣтилъ, что ей очень худо, что она не доживетъ до утра, и пошелъ въ Римъ, за вами. Я вполне былъ уверенъ, что вы не откажетесь исполнить послѣднее ея желаніе; но по несчастію, не засталъ васъ, вы уѣхали въ Тиволи. Вернувшись назадъ, я не засталъ ее въ живыхъ.

Говора это, бѣдный мальчикъ рыдалъ.

Каждое слово его было для меня мучительно. Я былъ послѣднимъ воспоминаніемъ этой доброй женщины, а самъ забывалъ ее. Если бъ передъ отъездомъ въ Тиволи я сходилъ къ ней, успѣлъ бы присутствіемъ съ нею. Я былъ виноватъ противъ нея.

Деньги, полученныя отъ Фламиніи, я свои, сколько было ихъ въ кошалькѣ моихъ, я отдалъ Пьетро. Мальчикъ уналъ къ ногамъ моихъ, называя меня своимъ ангеломъ, благодѣтелемъ. Благодарность его казалась мнѣ насмѣшкой. Вдвойнѣ огорченный и убитый я ушелъ изъ стѣн, и не знаю, какъ добрался до Рима.

Въ теченіе трехъ дней послѣ того я лежалъ безъ чувствъ, въ сильной горячкѣ. Богъ знаетъ, какія тогда тайны открыло мое сердце. Пробудившись я замѣтилъ у постели глухую старуху; Фабиано посѣщалъ меня во время болѣзни. Мнѣ рассказывали, что воротившись отъ Доминики, я заболѣлъ.

Медленно возвращались мои силы; шесть недѣль прошло послѣ постражденія Фламиніи, когда докторъ позволилъ мнѣ выходить. Несколько направился я въ улицу Porta Pia, и остановился посмотришь на Quattro Fontane, не имѣя бодрости пройти мимо. Нѣсколько дней спустя, въ одну лунную ночь я уступилъ своему влеченію сердца и пошелъ туда же, издали посмотреть на стѣны стѣны и заложеныя окна монастыря, гробницы Фламиніи.

— Отчего же я не сию минуту иду къ месту, гдѣ погребена она? подумалъ я.

И потомъ въсколько дней сряду я возобновлялъ прогулку въ ту сторону.

— Что жъ изъ этого будетъ, думалъ я въ отчаяніи. Подобное состояніе не можетъ долго продолжаться.

Стоя одинъ разъ вечеромъ на томъ же мѣстѣ, смотря на монастырь и думая о Фламиніи, я услышалъ шаги и голосъ:

— Антоніо! что вы здѣсь дѣлаете.

То былъ Фабіано.

— Вернитесь домой, прибавилъ онъ.

— Мы пошли, и ни слова не сказали другъ другу во время дороги. Онъ догадался, что занимало меня; считая себя неблагоприятнымъ, я не смѣлъ смотрѣть на него. Онъ проводилъ меня до комнаты, и когда мы остались одни, сказалъ такъ важно, какъ давно не говорилъ со мной.

— Вы все еще больны, Антоніо. Вамъ нужно ѣхать куда-нибудь, развлечься. Уже одинъ разъ вы испытали свободу; можетъ-быть я жестоко поступилъ тогда, отпавши у васъ ее. Лучшее если люди слѣдуютъ своимъ склонностямъ, тогда они по крайшему не имѣютъ права жаловаться; притомъ, теперь вы въ такихъ лѣтахъ, что можете сами управлять собой. Путешествіе будетъ полезно для вашего здоровья; такъ и докторъ думаетъ. Вы уже знаете Неаполь; поѣзжайте на сѣверъ Италіи, я дамъ вамъ для этого средства, и прибавилъ строгимъ тономъ: я увѣренъ, что вы не забудете нашихъ заботъ о васъ, не позволите себѣ увлечься какою нибудь слѣпою, безразсудною страстью, и не доведете насъ до стыда или до огорченія. Человѣкъ можетъ имѣть свободу, если надѣется не потерять доброты и честности.

Я упалъ передъ нимъ на колѣна, и поцѣловалъ его руку.

— Можетъ-быть мы ошибались, были несправедливы къ вамъ, слышномъ зыскательны, но будьте увѣрены, что никто больше насъ не желалъ вамъ добра. Вы услышите, поживши въ свѣтѣ, много лестныхъ, ласковыхъ словъ, но не услышите искреннихъ. Путешествуйте въ продолженіи года; тогда увидимъ, что будетъ. Фабіано меня оставилъ.

Что же готовить мнѣ жизнь? Не новыя ли горести? Теперь даже свободѣ, то благо, котораго я такъ жадно прежде искалъ, отравляло мои раны. Я долженъ переѣхать Анненаны, промѣнять Римъ и югъ Италіи, мѣста моихъ воспоминаній, на сѣверъ, гдѣ горы вѣчно покрыты снѣгами.

Что же! Навсегда на Северъ, въ Венецію, къ этой царницѣ Адриатическаго Моря. И не желалъ бы я никогда возвращаться въ Римъ, въ мавзолей погребено все, что было дорого моему сердцу. Прощай, моя отчизна.

Быстро перенесъ меня экипажъ черезъ бесплодную римскую степь; скоро и куполъ святаго Петра скрылся за холмами. Мы проехали въ горы и остановились въ Нови. Былъ вечеръ; луна только что поднималась. Монахъ у дверей гостиницы говорилъ проповѣдь; слушатели повторяли за нимъ Viva Santa Maria, и слѣдовали за нимъ по улицамъ, съ псаломнымъ пѣвшемъ. Невольно я вѣшался въ эту толпу. Окруженный столѣтними ольховыми деревьями, водопроездъ казался мнѣ необыкновенно мрачнымъ.

Я вышелъ изъ города, тою же дорогою, по которой въѣхалъ въ него. Недалеко отъ воротъ стоятъ развалины замка или монастыря; къ нему отдѣляется тропинка отъ большой дороги. Стѣны его еще цѣлы, увиты плющемъ и кашляриями. Я вошелъ въ большую залу, заросшую густою, высокою травою; изъ подъ нея едва видѣлись разбитыя капители и обрушенныя колонны; изъ высокихъ готическихъ оконъ, въ которыхъ оставалось нѣсколько цѣтныхъ стеколъ, спускались внутрь виноградныя вѣтви; на развалившихся крышахъ росли деревья и кустарники; луна освѣтила фреску, представляющій святаго Себастіана, пораженнаго стрѣлою. Густой звукъ, похожій на звѣкъ органа, раздавался въ залѣ; слѣдуя по направленію его, я прошелъ черезъ узкую дверь въ миртовую рощу, по окраинѣ крутаго оврага, по которому съ шумомъ бѣжалъ потокъ.

Это мѣсто, по особенному случаю, осталось рѣзко начертаннымъ въ моей памяти. Я пошелъ по тропинкѣ вдоль оврага и на вершинѣ стѣны, окружающей городъ, замѣтилъ за рѣшеткой, три блѣдныя лица. То были головы трехъ разбойниковъ, недавно казненныхъ, которыхъ выставили на показъ народу въ желѣзныхъ кѣткахъ, такъ точно, какъ это дѣлаютъ въ Римѣ, на воротахъ Анджео. Теперь это отвратительное зрѣлище, которое въ дѣтствѣ заставило бы меня убѣжать, не поразило меня. Страданія дѣлаютъ человѣка равнодушнымъ. Эти смѣлыя головы, замышлявшія грабежи и убійства, сдѣлались теперь молчаливыми штицами, запертыми въ кѣткѣ. Я подошелъ къ нимъ поближе; они были недавно положены, черты ихъ не искажались. Средняя голова заставила меня вздрогнуть; то была голова старухи; кожа на ней мѣднаго цвѣта; длинныя, серебристыя волосы развѣвались съвозъ рѣшетку отъ вѣтру. На стѣнѣ прибиты были до-

счета, и на ней, по обычаю, начертаны имена виновныхъ, и преступленія. Я прочелъ на ней имя Фульвіа, Фраскати, и отключилъ съ ужасомъ.

Фульвіа, которая снасла мою жизнь, и дала средства пройти въ Неаполь, была здѣсь. Вотъ гдѣ привелось мнѣ увидѣть ее въ послѣдній разъ! Эти блѣдныя губы цѣловали меня, и произносили предсказаніе жизни и смерти, а теперь они нѣмы. Она пророчила мнѣ славу и счастье, но у молодого орленка подрѣзаны крылья, онъ не достигъ солнца, изнемогъ въ борьбѣ съ несчастіемъ и низвергнулся въ глубокое Немецкое озеро жизни. Теперь уже не можетъ летать.

Я зарыдалъ, и повторяя имя Фульвіа, ускореннымъ шагомъ возвращался въ городъ, снова проходя по развалинамъ. Никогда не забуду этого вечера въ Неапи.

На другое утро мы были въ Терни, передъ величественнѣйшимъ во всей Италіи водопадомъ. Проводникъ повелъ меня съ пошутчиками за городъ, гдѣ мы гуляли въ тѣнистыхъ оливковыхъ рощахъ. На сѣверѣ отъ Рима все мнѣ казалось мрачнымъ; тамъ не встрѣчались такіе богатые и веселые виды, какъ въ Понтійскихъ болотахъ, и въ окрестностяхъ Террачины; не встрѣчались рощи оливковыхъ и померанцевыхъ деревьевъ.

Проводникъ повелъ насъ въ садъ. Тамъ аллея померанцевыхъ деревьевъ вилась близъ быстрой рѣки. Изъ нѣдръ скалъ поднималось облако пѣны, на которомъ играла радуга. Мы взошли на гору, покатоств которой усеяны миртовыми и розмариновыми кустами; съ нея низвергается масса воды на куски скалъ, какъ будто изсѣченныя рукой человѣка. Другой рукавъ рѣки катился тихо длинной серебряной лентой. Внизу скалъ они соединялись в широкій каскадомъ падали въ пропасть. Шумный потокъ представился мнѣ инструментомъ, ноты котораго пѣли мнѣ о потерѣ, когда я вспомнилъ о тиволійскихъ водопадахъ, гдѣ я импровизировалъ Фламиніи. Страдать, умирать — наша общая участь.

— Здѣсь, сказалъ проводникъ, недавно разбойники убили одного Англичанина. Они принадлежали къ шайкѣ, которая имѣетъ главный притонъ въ сабинскихъ горахъ, а скрывается по всему хребту отъ Рима до Терни. Теперь правительства бдительны. Трехъ изъ этихъ несчастныхъ поймали; я видѣлъ, когда ихъ везли въ городъ, прикованныхъ на повозкѣ. Спереди сидѣла мудрая Фульвіа изъ Фраскати. Не смотря на старость, она казалась молодою; умѣла предрѣкать и знала поболѣе тѣхъ, которые до

бываются кардинальской шапки. Теперь голова строит гримасы на воротах Непи.

Кажется, и природа и люди согласились опрочать мой путь.— Я жаль бы сдѣлаться вѣтромъ, чтобъ ни минуты не оставаться въ Терни.

— Скорѣй, подумалъ я, къ морю, гдѣ будетъ свѣжій вѣтерокъ, къ прозрачному морю, голубому какъ небо, которое оно отражаетъ, къ морю, открывшему мнѣ новый мѣръ, скорѣе въ Венецію, зтогъ пловучій городъ, эту царяцу Адриатики.

Сначала я располагалъ ѣхать въ Венецію, черезъ Флоренцію, Болонью и Феррару, но потомъ измѣнилъ свой планъ, и оставивши ветурино въ Сполетто, взялъ мѣсто въ почтовой каретѣ; ночью проѣхалъ Аппенины и городъ Лоретту, не постыжамши тамъ даже Santa Casa, да простить мнѣ Святая Дѣва.

Вотъ и море передъ моими глазами, море усѣянное тысячами кораблей съ національнымъ флагомъ. Эта картина напомнила мнѣ Неаполь; здѣсь не доставало только Везувія съ колонною дыма и острова Капри, съ его скалистыми берегами.

Заснулъ въ Лоретто, я видѣлъ во снѣ Фульвию и Фламинию. Дерево твоего счастья скоро покроется зеленью, сказали они мнѣ, съ улыбкой.

— Сильоръ, сказалъ мальчикъ изъ гостиницы, входя ко мнѣ въ комнату, въ гавани стоитъ корабль, готовый отплыть въ Венецію; но вы, можетъ-быть хотите остаться у насъ въ городѣ, осмотрѣть его?

— Пѣтъ, въ Венецію, сказалъ я, скорѣе, скорѣе!

Непзъяснимое чувство толкало меня впередъ; немедля я перелезъ на корабль, и смотрѣлъ съ него на безграничное море. Венеціискій крылатый левъ на флагѣ развѣвался надъ моей головой. Скоро, выполненные вѣтромъ паруса скрыли отъ глазъ берегъ. Я сѣлъ у края корабля и смотрѣлъ на разстилающуюся передо мной водяную равнину. Недалеко отъ меня молодой мальчикъ запѣлъ венеціискую баркаролу, о счастья быть любимымъ, о кратковременности жизни.

— Насладимся удовольствіями любви, пока сердце юно и кровь горяча, можетъ-быть завтра навѣститъ насъ смерть. Сѣдые волосы—цвѣты старости; тогда кровь холодна, жаръ остынетъ. Приди, любовь моя, въ мою гондолу; мы слеземъ другъ возлѣ друга. Никто насъ не увидитъ, никто не узнаетъ, какъ мы были счастливы. Намъ будутъ нѣжно убаюкивать волны, которыя некогда не перестаютъ цѣловаться.

Насладившись удовольствиями любви, пока сердце горячо и кровь горяча: Старость принесетъ холодъ и смерть.

Во время пѣнья Молодой человекъ улыбался, кивая головою товарищамъ, его окружавшимъ, и всѣ они хоромъ повторяли шрифтъ.—То была веселая пѣсня, а мнѣ казалась похоронною. Да, быстро текутъ годы, скоро улетаетъ молодость. Я проливалъ по дорогѣ драгоценный елей любви, безъ огня и пламени. Однако же, никакой обѣтъ не связываетъ меня. Почему же не омочить мнѣ губы своихъ прохладительнымъ питьемъ, если онѣ такъ долго чувствуютъ жажду. Я былъ недоволенъ собою за потерянное прошлое. — Пламя, зажженное въ моемъ сердцѣ, дало естественное направленіе разсудку. Я жалѣлъ, что оставилъ Санту. Святой образъ мадонны могъ упасть, потому что гвоздь не крѣпко держался, а монастырская чинность училища Іезуитовъ, козливое молоко, смѣшанное съ моей кровью, заставило меня убѣжать. И какъ хороша была Санта! Мнѣ представился ея жгучій взглядъ. Я разозлился на себя. Зачѣмъ не похожу я на Бернарда, и на другихъ молодыхъ людей.—Кто же другой такъ глупо поступилъ бы на моемъ мѣстѣ? Сердце мое вздыхало о наслажденіяхъ любви, которую завѣщалъ Богъ своимъ твореніямъ. Впрочемъ, я еще молодъ, Венеція—городъ удовольствій, гдѣ много прекрасныхъ женщинъ. И что же дастъ мнѣ смѣтъ за добродѣтель, за ребяческую осторожность? Моей наградою будетъ насмѣшка; а между тѣмъ время принесетъ сожалѣнія и сѣдые волосы.

Вотъ что пришло мнѣ въ голову, когда я слушалъ пѣсню, и вѣсть съ другими повторялъ припѣвъ баркароллы. Эти мысли принесла мнѣ горячка печали. Тотъ, кто далъ мнѣ душу, тотъ мнѣ дастъ предметъ для любви.

Есть таинвыя мысли, которыя не смѣетъ высказать самый слабый изъ смертныхъ, потому что ангелъ непорочности, обитающій въ сердцѣ, говоритъ что онѣ порочны. Я чувствовалъ, что дурны были внушенія моей испорченной природы; не могъ молиться, а крѣпко заснулъ, когда корабль несъ меня къ сѣверу, къ богатой Венеціи.

На слѣдующее утро показались высокія зданія и башни этого города; на лѣво развернулся плоскій берегъ Ломбардіи; а на сѣверѣ голубоватымъ туманомъ обозначались на горизонтѣ Альпы. Нигдѣ я не видѣлъ еще такого обширнаго небосклона.

Свѣжій утренній воздухъ разогналъ мои черныя мысли и печаль моя стала разсѣиваться. Исторія республики, ея богатство,

ширшность, независимость, первенство, могущество дождей, брызги съ моремъ, ожившия въ моей памяти. Скоро можно былъ, въ-за лагувъ, различать частыя домики, которыхъ строготелый цвѣтъ не показался мнѣ прелекательнымъ. Башню сн-таго Марка я воображалъ выше, чѣмъ она была дѣйствительна. Мы плыли между материкомъ и лагунами, далеко выдающимися въ заливъ. Берегъ, по видимому, не былъ выше одного фута надъ водою. Группа низкихъ и бѣдныхъ домовъ составляютъ то, что называютъ Fusina. Я думалъ, что мы уже въ Венеціи, а до насъ было еще съ добрую милю. Мы плыли по мутной поверхности воды, усѣянной грязными островами, на которыхъ птица не видѣть мѣста свить гнѣзда, гдѣ никакой корень растенія не укоренится. На этомъ озерѣ прорыты въ различныхъ направленіяхъ каналы, обозначенные столбами. Тамъ я увидѣлъ въ первый разъ гондолу. Она длинна, узка, легка, и обыкновенно окрашена въ черный цвѣтъ; по срединѣ стоитъ маленькая каюта, также черная; это дѣлаетъ ее похожею на плавающіе погребальные носилки. Мы проѣхали мимо острова, на которомъ построеныя дома казалось выходили изъ волнъ. Мѣстами вода походила на зеленую волнистую равнину, то была гнилая стоячая лужа, отдѣляющая тинистые острова отъ моря. Хотя солнце было высоко, и всѣ колокола звонили, однако городъ казался погруженнымъ въ сонъ; на морской веревѣ стояло одно судно, на которомъ не было видно живой души.

Я перешелъ въ черную гондолу и поѣхалъ по большой водной улицѣ. Высокія зданія примыкаютъ къ ней съ обѣихъ сторонъ; вода доходить до лѣстницъ подъѣздовъ.

Дворъ замка казался обширнымъ квадратнымъ колодецъ, гдѣ гондолы едва поворачивались. Стѣны большаго мраморнаго дворца, готоваго утонуть, были покрыты зеленою, вязкою плѣснью; къ древнимъ позолоченнымъ, волусогнившимъ перекладинамъ оконъ были прибиты грубыя доски. Грустно смотрѣть на эти зданія ветхія, оставленныя, разрушающіяся.

Колокола перестали звонить, и не было слышно ничего кромѣ плеска весель. Я не видалъ еще человѣка; гордая Венеція представлялась мнѣ мертвымъ лебедемъ, поддерживаемымъ водою.

Мы проѣхали нѣсколько улицъ или каваловъ, пересѣченныхъ узкими каменными мостами, и наконецъ я увидѣлъ людей; движущихся назадъ и впередъ, исчезающихъ и являющихся, такъ-что нельзя было разобрать откуда они выходили, куда входили. Можно было подумать, что они проходятъ съвозъ дома и стѣны; но-

тому что не было видно других улицъ, промѣ каналовъ, на которыхъ вездѣ и впередъ шмыгаютъ гондолы.

— Гдѣ же у васъ ходятъ пѣшеходы? спросилъ я у гондольщика.

Онъ указалъ на узкіе проходы между домами, такіе узкіе, что живущіе въ домахъ, могутъ черезъ эти улицы подавать руку сосѣдамъ, что напротивъ. Въ этихъ улицахъ съ трудомъ могутъ идти три человѣка рядомъ; солнца въ нихъ никогда не видно.

— Такъ это-то Венеція, богатая супруга моря, владѣтельница міра! подумалъ я, и велѣлъ остановить гондолу у площади святаго Марка; тамъ, сказали мнѣ, настоящая жизнь Венеціи, сердце ея. Но какъ не похожа эта жизнь, на жизнь въ Цезольтъ, или даже на Корсо въ Римѣ. Книжныя и картинныя лавки украшаютъ длиныя колоннады, въ которыхъ вовсе нѣтъ одушевленія. Греки и Турки, пышно одѣтые, сидятъ покойно близъ кофеиныхъ, покуривая изъ длинныхъ трубокъ. Солнце горѣло на позлащенномъ куполѣ церкви святаго Марка, и на удивительныхъ бронзовыхъ лошадяхъ, стоящихъ надъ главнымъ входомъ. Тысячи голубей прыгали по широкимъ плитамъ, которыми вымощена площадь; на красныхъ мачтахъ, гдѣ прежде вывѣшивались штандарты Кипра, Камдіи, Морей, видѣлись австрійскіе флаги.

Я взшелъ на мостъ Ріальто, артерію Венеціи, откуда увидѣлъ картину пловучаго города; картину печальную. Мнѣ казалось, что я еще на морѣ, только съ маленькаго судна перешелъ на большое. Наступилъ вечеръ. Мнѣ стало легче, когда луна веселымъ мерцаніемъ освѣтила всѣ предметы; въ то время, когда блуждаютъ духи, я закатѣлъ познакомиться съ прекрасной царницей Адриатическаго Моря. Я смотрѣлъ изъ открытаго окна на гондолы, скользящія по темнымъ водамъ, едва освѣщеннымъ свѣтлостію ночи, и вспомнилъ о пѣснѣ моряка, объ Авуциатѣ, которая предпочла мнѣ непостояннаго Бернарда. За что? Можетъ-быть именно за его непостоянство. Таковы всѣ женщины. Я сердился на невинную Флампию зато, что тишина уединенія была ей дороже моей глубокой, братской любви. Я не хотѣлъ ни любить ни ту, ни другую, ни вспоминать даже о нихъ; воображеніе мое, похожее на безпокойный призракъ, летало надъ Ларой, образомъ красоты и Сантой, дочерью Евы.

Я снова вошелъ въ гондолу, и прогуливался по каналамъ въ этотъ тихій вечеръ. Два гондольщика, по обыкновенію, шли попеременно; но стансы ихъ не были изъ *Gerusalemme liberata*. Венеціане забыли старинныя мелодіи.

«Я хочу наслаждаться жизнью, хочу пить радости полной чашей, подулалъ я, когда гондола остановилась. Ушелъ въ свою комнату и легъ спать.

Таковъ былъ первый день, проведенный мною въ Венеціи, печальный день, оставившій во мнѣ грустное воспоминаніе.

IV.

Рекомендательныя письма, которыми снабдилъ меня Фабиано, доставили мнѣ много хорошихъ знакомствъ. Меня называли просто сеньоромъ аббатомъ; никто не предлагалъ мнѣ совѣтовъ и наставленій, напротивъ, нашли во мнѣ любезность, умъ и дарованія.

Я посѣтилъ знаменитый дворецъ дожей, бродилъ по его великолѣпнымъ, опустѣлымъ комнатамъ; видѣлъ въ залѣ инквизиціи страшную картину мученій ада; прошелся по узкой галереѣ, построенной надъ каналомъ. То проходъ изъ дворца въ тюрьмы инквизиціи; то Мостъ Вздоховъ. Сколько вздоховъ и стонахъ слышали эти черныя стѣны, на которыхъ несчастные узники писали свои имена.

Измученный страшнымъ видомъ этихъ мѣстъ, я посѣтилъ выйти, сѣлъ въ гондолу, и оставилъ далеко за собой этотъ старый дворецъ, колонны святаго Феодора и венеціанскаго льва, и направлялся къ лагунамъ, къ Лидо, остановился на кладбищѣ.

На узкомъ мысѣ земли погребены, далеко отъ родины, иностранцы протестанты; одиѣ волны ежедневно посѣщаютъ это мѣсто; иногда слытъ тамъ жена или невѣста моряка, ожидая возвращенія любовника или мужа. Начинается буря; гремитъ, утихаетъ. Венеціянка постъ строфу изъ *Gerusalemme liberata*; ждетъ, прислушивается, не отвѣчаетъ ли ей издали знакомый голосъ. Ничего не слышно, не видно, кромѣ глухаго шума волъ, кромѣ костей человѣческихъ, торчавшихъ изъ песку. Ночь спустилась на безжизненный городъ.

Эта печальная картина живо рисовалась въ умѣ моемъ. Я припомнилъ слова Фламиніи, что поэтъ — пророкъ Божій, долженъ преимущественно носить Создателя. Душа безсмертная можетъ величать только безсмертную силу. Внутри меня пробудилось вдохновеніе и черезъ минуту снова заснуло. Я вошелъ въ гондолу, чтобъ переѣхать въ Лидо. Моемъ глазамъ представилось отъ

крытое море, оно длиннее валы катилось къ ногамъ монаха. Я вспомнилъ Анальонъ.

Не далеко, на груди каменьевъ, обросшихъ морскою травою, сидѣлъ молодой человекъ и рисовалъ. Какъ-будто гдѣ-то я видѣлъ его. Я подошелъ къ нему, онъ обернулся, и мы узнали другъ друга. То былъ молодой венеціанскій дворянинъ, по имени Поджіо. Мы часто встрѣчались съ нимъ у многихъ нашихъ общихъ знакомыхъ, въ Римѣ.

— Сеньоръ! вы здѣсь, на Лядо! спросилъ онъ меня съ удивленіемъ. Красота ли мѣсть, или что другое привлекло васъ на берега Адриатикки?

Мы пожали другъ другу руки.

Я много слышалъ подробностей объ его характерѣ, странностяхъ, и давно чувствовалъ къ нему особенное влеченіе. Мнѣ сказали, что онъ не имѣетъ состоянія, но съ прекраснымъ талантомъ къ живописи; что онъ меланхоликъ и даже мизантропъ. Судя по наружной его веселости, его можно было назвать олицетвореннымъ развлеченіемъ, и между-тѣмъ трудно найти молодого человека, который велъ бы такую правильную жизнь, какъ онъ. Изъ словъ его можно было заключить, что онъ взялъ для себя образецомъ Донъ-Жуана, и между-тѣмъ онъ жилъ, какъ блаженный Антоній. Иные думали, что причиной его странностей была глубокая сердечная грусть, другіе приписывали ихъ недостатку состоянія, а положительно никто ничего не зналъ. Казалось, что онъ говоритъ обо всемъ съ совершенною откровенностью, и никто не зналъ его внутреннихъ мыслей; обращеніе Поджіо было просто, какъ обращеніе ребенка и никто не могъ понять его характера. Какъ бы то ни было, онъ мнѣ очень нравился и встрѣчу съ нимъ я считалъ, въ настоящемъ положеніи, особеннымъ счастьемъ.

— Такой голубой, волнистой равнины, сказалъ онъ указывая на море, — нѣтъ въ Римѣ. Нѣтъ на землѣ предмета прекраснѣе моря! И притомъ, оно мать Венеры, прибавилъ онъ смѣясь, едова всѣхъ могущественныхъ дождей Венеціи.

— Венеціане должны любить море, какъ свою бабушку; оно ихъ носитъ и забавляетъ, изъ любви къ своей дочери, прекрасной Венеціи.

— О, теперь она уже не прекрасна, она потеряла свою красоту; я стараюсь понимать красоту, отъ этого кажется и вы не отказываетесь; и потому посмотрите, вонъ идетъ къ намъ дочь содержателя гостиницы, съ предложеніемъ обѣдать.

Мы вошли въ маленькую гостиницу, близъ самаго берега. Намъ подали къ обѣду прекрасное вино; Поджіо была такъ любезна и весела, что ничто не подумала бы, что у него есть тайныя горести.

Уже нѣсколько часовъ провели мы вмѣстѣ съ Поджіо, почти не замѣтно, когда пришелъ гондолашникъ спросить меня, не думаю ли я возвратиться въ городъ. Начиналась буря, море волновалось, и между Лидо и Венеціей валы текъ высочайше поднимались, что самая легкая гондола могла опрокинуться.

— Буря вскричала Поджіо: я давно ее жду и думаю, вы также не откажетесь посмотреть на нее, продолжала она оборачивая ко мнѣ. Къ закату солнца она утихаетъ и мы ворочаемся въ городъ, а если вѣтъ, то проведемъ здѣсь ночь, послушаемъ какъ она будетъ бушевать, и заснемъ подъ шумъ валовъ.

— Такъ ты ступай, сказалъ я гондолашнику: мнѣ ты не нуженъ; а когда я задумаю воротиться, то найду здѣсь гондолу.

Ураганъ сильно потрясъ окна нашей комнаты. Мы вышли изъ дому; заходящее солнце освѣщало возмущенное море; покрывътея бѣлой пѣною волны то поднимались, то опускались. Вдали на горизонтѣ, гдѣ облака показались намъ разбитыми колѣиою свиньями, видно было нѣсколько лодокъ. Все выше и выше поднимались волны и разбиваясь о берегъ, покрывали насъ солеными брызгами. А Поджіо, смѣясь, хлопалъ руками и кричалъ: браво.

Когда стихнуло, мы вернулись въ комнату и приказали хозяинѣ подать намъ самаго лучшаго вина. Выпивши нѣсколькою стоповъ въ честь моря и бури, Поджіо зашла ту самую барбароллу, которую слышала я на кораблѣ.

— За здоровье дамъ Венеціи, сказалъ я.

— И за прекрасныхъ Римлянокъ, отвѣчалъ Поджіо, чокнувшись со мной стаканомъ.

Если бы кто посторонній посмотрѣлъ на насъ въ ту минуту, подумалъ бы, что мы самые счастливые люди на свѣтѣ.

— Римлянокъ считаютъ самыми прелестьными женщинами во всей Италіи, продолжалъ Поджіо. Согласна ли вы съ этимъ?

— Я думаю, что они не напрасно пользуются этой славою, сказалъ я.

— Хорошо, возражалъ онъ, я готовъ согласиться съ вами, только царица красоты живетъ теперь въ Венеціи. Я говорю о знаменитѣйшей нашего подесты. Едва ли найдется женщина, которая была бы такъ идеальнее хороша, какъ Марія. Я уѣзжаю,

то Канова, если бы зналъ ее, — взялъ бы моделью для модели въ трехъ градій. Я видѣлъ ее всего два раза: въ церкви, а другой азъ въ театрѣ. Въ этомъ согласна со мной вся венеціанская одежда; только она въ нее влюблена, а я обожаю Марію. Такое духовное существо не годится для моей матеріальной организаціи; но обожать.... другое дѣло; мы должны обожать все не-іесное, не такъ ли, снѣгоръ аббатъ?

— Я вспомнилъ о Фламиніи и задумался.

— Вамъ скучно, замѣтилъ онъ; а между тѣмъ вино — прекрасно, а волны поютъ и скачутъ усердно, чтобъ всегдѣ сдѣлать наше пиршество.

— Весело ли живетъ вашъ подеста? спросилъ я, чтобъ сказать что-нибудь.

— Нельзя сказать весело; принимается рѣдко, но избранное, лучшее общество. Я нигдѣ не встрѣчалъ женщины такой робкой и стыдливой, какъ его прелестная племянница. Настоящая гажель; впрочемъ быть-можетъ, она съ намѣреніемъ такой представляется, чтобъ быть привлекательнѣе, прибавилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой. У нашего подесты были двѣ сестры, которыя много лѣтъ жили отъ него далеко. Младшая изъ нихъ была замужемъ въ Греціи, она то мать прелестной Маріи; другая сестра осталась дѣвушкой, и привезла сюда племянницу назадъ тому года четыре.

Въ эту минуту небо потемнѣло, и сквозь тьму сверкнула молнія, сопровождаемая страшнымъ громовымъ ударомъ, который напомнилъ мнѣ изверженіе Везувія.

Мы невольно нагнули головы и перекрестились.

— Боже мой, сказала хозяйка, входя въ нашу комнату, теперь на морѣ наши четыре лучшихъ рыбака. Да спасетъ ихъ мадонна! Бѣдная Аврора ждетъ мужа на берегу съ пятью дѣтми. Что съ нею будетъ!

На берегу, о который бились огромные валы, стояла куча дѣтей съ преставъ и шѣши пеламы. Недалеко отъ нихъ сидѣла молодая женщина, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, а другой, во старше двухъ лѣтъ, стоялъ возлѣ, положивъ ей голову на колѣно. Послѣдній сильный громовой ударъ разогналъ тучи и горадыть сталь продолжаться.

— Вотъ они, вскричала молодая женщина, поджавшись и смотря за черную точку, которая стала ясно видна.

— Да спасетъ ихъ мадонна, сказалъ старый рыбакъ, который сложилъ руки смотрѣлъ, не спуская глазъ, съ барки.

Въ то мгновеніе она была поглощена водоворотомъ. Старикъ предвидѣлъ опасность и гибель. Зарыдали сироты и вдовы. Буря стала утихать, небо прояснѣло; ихъ несчастіе стало несомнѣннѣе. Дѣти оставили крестъ и подбѣжали къ матерямъ.

Къ полночи, небо совершенно очистилось, море утихло и полная луна освѣтила заливъ между островомъ и Венеціею. Мы съ Поджіо вошли въ гондолу, оставивъ несчастныхъ, которымъ не могли дать ни помощи, ни утѣшенія.

На слѣдующій вечеръ мы встрѣтились съ нимъ у моего банкира. Общество было многочисленное, но я не виѣлъ ни одной знакомой дамы.

Въ гостиной зашелъ разговоръ о вчерашней бурѣ. Поджіо выѣшался въ него, рассказалъ про смерть рыбаковъ, о несчастномъ положеніи оставленныхъ ими семействъ и намекнулъ, что ихъ участь можно было облегчить, хоть на первое время, еслибъ каждый изъ собранія что-нибудь для нихъ пожертвовалъ; но никто не хотѣлъ его понять, всѣ жалѣли объ ихъ участи и заговорили о другомъ. Потомъ всякій, кто владѣлъ какимъ-нибудь общественнымъ талантомъ, долженъ былъ его выказать для общаго удовольствія. Поджіо сѣлъ веселую баркаролу, но не смотря на пріятную улыбку, съ которой онъ принималъ изъявленіе благодарности общества, замѣтно было въ немъ неудовольствіе за то, что не обратили вниманіе на его благородное краснорѣчіе.

— Не поете ли вы? спросила меня хозяйка дома.

— Если вы позволите, я буду импровизировать, отвѣчалъ я.

Мысль мелькнула въ умѣ моемъ.

— Это импровизаторъ, шептали вокругъ.

Женщины собрались въ кружокъ и устремили на меня глаза; мужчины кланялись. Я взялъ гитару и просилъ общество выдать мнѣ сюжетъ.

— Венеція, сказала одна дама, бросивъ на меня огненный взглядъ.

— Да, Венеція, повторили молодые люди, потому что въ ней прелестныя женщины.

Я взялъ нѣсколько аккордовъ, потомъ представилъ Венецію, во время ея славы и могущества, какъ являлась она моему воображенію. У всѣхъ заблестали глаза; они думали что великолѣпная картина, нарисованная мной, была теперешняя Венеція. Потомъ пѣлъ я о красавицѣ, которая стоитъ вечеромъ, при свѣтѣ луны,

опершись на балконы. Каждая из дам, составлявших кружок, думала, что я снялъ съ нея портретъ, всё было восхищены и единодушно мнѣ аплодировали. Самъ Сгринци не могъ имѣть большаго успѣха.

— Здѣсь племянница педесеты, сказала мнѣ на ухо Поджіо.

Я не имѣлъ времени отвѣчать ему, потому что ко мнѣ подошла депутація молодыхъ дамъ и старыхъ превосходительствъ съ просьбой, чтобы я импровизировалъ. Я съ удовольствіемъ согласился исполнить ихъ просьбу, тѣмъ болѣе, что надѣялся воспользоваться предстоящимъ случаемъ, описать габель моряковъ, состояніе ихъ семействъ, и попробовать, не достигнетъ ли того гармоніи, чего не могъ получить краснорѣчіе.

Мнѣ дали сюжетомъ Тиціана. Еслибъ опъ былъ морякъ, я могъ бы одѣзать его факторомъ, который выразилъ бы мысль, меня занимающую; но живописецъ мнѣ не могъ быть полезенъ въ этомъ отношеніи. Впрочемъ сюжетъ былъ обильный, я раздалъ его довольно удачно. Похваляемъ и восторгамъ, не было конца.

— Трудно быть счастливымъ вѣкъ, сказала мнѣ хозяйка дома. Созданіе такого таланта, какъ вашъ, который можетъ очаровывать публику, должно вамъ самимъ доставлять наслажденіе.

— Это правда, отвѣчалъ я.

— Опидните вамъ это наслажденіе въ прекрасной поэмѣ, сказала она. Можетъ быть неприлично обременять васъ столькими просьбами, но импровизація для васъ такъ замѣтно легка, что довольно забываешь неприличіе.

Цѣль, которую я предположилъ достигъ, придала мнѣ бодрости.

— Я знаю наслажденіе, отвѣчалъ я, знаю движеніе душевное, ни съ чѣмъ не сравнимое, которое можетъ всякаго сдѣлать поэтомъ, которое можетъ пробудить въ душѣ чувство непзьяснимаго блаженства, и надѣюсь имѣть сплу возбудить его въ душахъ слушателей, но его нельзя получить безъ жертвъ, его можно купить.

— Какъ же, какъ же можно получить его? закричали со всѣхъ сторонъ.

— На этомъ столѣ я буду собирать жертвы: кто больше дастъ, тотъ легче пріобрѣтетъ это чувство.

— Вотъ моя золотая цѣпь, сказала одна молодая дама, сѣясь, и вкладя ее на столъ.

— Я даю, сказала старушка, всё мои карточныя деньги.

Примѣру двухъ дамъ послѣдовали другія, но смотрѣли на это, какъ на шутку.

— Это безъ шутокъ, сказалъ я: подарки уже не могутъ-быть возвращены.

— Ничего, что за бѣда! рѣшительно отвѣчали тѣ, кто помилъ на столъ золото, кольца, цѣпи, разные драгоценности, хотя внутренне сомнѣвались въ моей волшебной силѣ.

Всѣ смѣялись, ожидая съ нетерпѣніемъ, чѣмъ окончится эта странная операція. Я началъ импровизировать, проникнутый сильнымъ чувствомъ любви, воспѣлъ горделивое море и дѣтей его, безстрашныхъ моряковъ, отважныхъ рыбаковъ; описалъ бурю и страшную картину, которой недавно былъ свидѣтелемъ, мучительное, тоскливое ожиданіе жены и невесты, безутѣшность дѣтей, прижимавшихся къ матерямъ своимъ, и заботливость старика, цѣловавшаго ноги Искупицѣй. Миѣ казалось, что Богъ самъ говорилъ черезъ меня, что я былъ только орудіемъ его могущественнаго слова.

Въ комнатѣ затихло, у многихъ навернулись слезы.

Я привелъ потомъ слушателей въ хижину вдовы, представилъ отчаянное, безнадежное ея положеніе, и радость, когда она получила наши подарки. Но можетъ ли благодарная радость того, кто получаетъ, сравниться со святою радостью благодѣтеля, со свѣтлою радостью того, кто отказывая себя, услаждаетъ несчастя себя подобныхъ. Съ этимъ то внутреннимъ, высокимъ чувствомъ никакое другое чувство не можетъ сравниться; это чувство есть отголосокъ божественнаго голоса, который можетъ облачить святостью наши души, и возвысить ихъ до поэзіи.

Голосъ мой постепенно приобрѣталъ большую силу и звучность... цѣль моя была достигнута. Когда кончилъ я импровизацію, раздался восторженныя «браво». Въ ту минуту внутреннее чувство радости было миѣ дороже всѣхъ браво; всѣ подарки, разложенныя на столѣ, я передалъ Поджіо.

Вдругъ молодая дама упала передо мной на колѣна; взяла меня за руку, и устремивъ на меня свои темные, омоченные слезами глаза, сказала:

— Да наградитъ васъ Матерь Божія! и щеки ея покрылись румянцемъ. Потомъ, закрывъ лице руками, удалилась, сущенная своимъ увлеченіемъ.

Такой побѣды искусства я никогда не ждалъ, но меня осо-

бенино завало то, что выраженіе этой дамы, черты ея были мнѣ знакомы; я видѣлъ ея, если не на землѣ, то въ мечтахъ своихъ.

Я боялся за нее, боялся, чтобъ ея благородное побужденіе не заслужило насмѣшки. Но я боялся напрасно. Всѣ столпились около меня, разспрашивали о несчастныхъ жертвахъ бури и считали меня благодѣтелемъ этого семейства.

Поджіо сказалъ меня въ объятіяхъ.

— Благородный молодой человекъ! сказалъ онъ; я васъ душевно уважаю. Вы получили заслуженное. Существо, которое однимъ взглядомъ доставляетъ счастье, стало передъ вами на колѣна.

— Кто же она? спросилъ я.

— Прелестнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ Венеціи, племянница подесты, отвѣчалъ онъ.

— Вы не узнаете меня, сеньоръ? сказала подходя ко мнѣ одна пожилая дама. Это очень простиительно, уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я имѣла удовольствіе съ вами познакомиться.

Она улыбаясь протянула мнѣ руку, и благодарила за импровизацію.

Я поклонился; лицо ея было мнѣ знакомо, но гдѣ я видѣлъ ее, никакъ не могъ вспомнить, и долженъ былъ въ этомъ признаться.

— Мы видѣлись одинъ только разъ, въ Неаполѣ. Братъ мой былъ лекаръ. Вы были у него съ однимъ изъ членовъ семейства Боргезе.

— О, теперь я вспоминаю, вскричалъ я; но я никакъ не могъ думать найти васъ въ Венеціи.

— Братъ мой, у котораго я жила въ Неаполѣ, умеръ назадъ четыре года, и теперь я живу у старшаго брата. Я пришлю вамъ свой адресъ и надѣюсь, что вы насъ посѣтите. Племянница моя престранное дитя... она непремѣнно желаетъ уѣхать; я должна за нею слѣдовать.

Пожилая дама еще разъ пожала мнѣ руку и оставила залу.

— Счастливецъ! сказалъ Поджіо; это сестра подесты. Вы знакомы съ нею. Она васъ пригласила къ себѣ; половина Венеціи будетъ вамъ завидовать. Однако, когда пойдете къ ней, спрячьте подалеже свое сердце, чтобъ оно не было смертельно ранено.

Сознаніе добраго дѣла освѣтило иракъ души моея; импровизаторскій даръ, которымъ наградила меня Богъ, доставилъ мнѣ большое счастье. Сила души моея, послѣ временнаго упадка, сдѣ-

жалаю и тверже и выше, чѣмъ была прежде. То были одни изъ счастливейшихъ вѣтеровъ моей жизни. Въ Поджію я приобрѣлъ себѣ друга, и эту новую связь скрѣпили мы братскими ты.

Было уже поздно, когда я возвратился домой. Луна блистала въ водахъ канала; небо было чисто; я сложилъ руки и помолился съ набожностью и вѣрой дитяти.

Молитва совершенно облегчила мое сердце. Опустѣлые каналы и старыя дворцы дождей показались мнѣ величественными. Мнѣ представлялось, что я въ какомъ-то волшебномъ мірѣ сновъ.

Проснувшись на другой день, я чувствовалъ себя веселымъ и довольнымъ. Въ то утро я сѣлалъ визитъ сестрѣ Подесты и съ нетерпѣніемъ желалъ увидѣть дѣвушку, которую называли Венеціане царницей красоты, которая отдала такія лестныя почести моему таланту.

«Al palazzo d'Ottello, сказалъ гондольщикъ и повезъ меня вдоль большаго канала къ старинному зданію, рассказавъ дорогой, что въ немъ Венеціанскій Мавръ убилъ свою молодую и прекрасную супругу Дездемону, что Англичане пріѣзжая въ Венецію, посѣщаютъ этотъ дворецъ, съ такимъ же любопытствомъ, какъ церковь св. Марка или арсеналь.

У подесты меня приняли съ родственнымъ радушіемъ. Сестра подесты, Роза, много говорила мнѣ объ умершемъ братѣ и о Неаполѣ, котораго она не видала четыре года.

— Марія также очень желаетъ туда воротиться, прибавила она, и можетъ быть мы поведемъ туда скорѣе, чѣмъ думаете. Я еще разъ хочу взглянуть на Везувій и на прекрасный Капри.

Въ эту минуту вошла Марія и съ родственнымъ, дружескимъ, видомъ протянула мнѣ руку. Она показалась мнѣ лучше, чѣмъ вѣтеранъ, у моего банкира. Поджію былъ правъ: такова должна быть младшая изъ трехъ грацій. Ни одна женщина не можетъ быть прекраснѣе Маріи... развѣ только Лара. Да, Лара, слѣвая, бѣдно одѣтая, украшенная только букетомъ фіалокъ, была не хуже Маріи съ богатымъ нарядѣ. Ея закрытые глаза сильнѣе тронули мое сердце, чѣмъ олушевевшій взглядъ Маріи.... У обоихъ впрочемъ было одинаковое выраженіе задумчивости.... только въ чертахъ Маріи блистало счастье, котораго Лара никогда не знала. Между этими двумя дѣвушками было большое сходство; смотря на Марію, я несколько вспоминалъ о слѣпой Ларѣ.

Въ Маріи любовь Фламиніи и красота Дары отражались какъ въ зеркалѣ. Мнѣ казалось, что мы давно уже знаемъ другъ друга.

У.

Уже не далеко самое важное происшествіе моей жизни, передъ которымъ всѣ другія одновременныя совершенно исчезаютъ изъ моей памяти, какъ въ лѣсу передъ высокой сосной незамѣтныя мелкіе кусты. По этому я расскажу только то, что тѣсно связано съ развязкой моей жизни.

Время большею частью я проводилъ въ домѣ подесты. Мы часто говорили съ Розой о Неаполѣ, любимомъ ея городѣ. Я читалъ ей вслухъ *Divina Commedia* и трагедіи Альфьера; но больше очарованъ былъ умомъ и чувствомъ Маріи, чѣмъ красотами твореній.

Кромѣ этого семейства, лучшимъ момъ другомъ былъ Поджіо котораго я познакомилъ съ подестой.

Моему импровизаторскому дару не переставали удивляться, и не проходило собранія, въ которомъ позволили бы мнѣ не заплатить поэтической дани обществу. Лучшіе артисты считали меня своимъ товарищемъ и неоднократно побуждали импровизировать публично. Я отчасти послѣдовалъ ихъ совѣту и передъ академиками *dell'Arte* пѣлъ въ одинъ вечеръ объ осадѣ Константинополя дожемъ Дондоло, и о бронзовыхъ коняхъ церкви св. Марка, за что эта Академія поднесла мнѣ дипломъ члена; и приняла въ свое общество.

Но самую лучшую награду получилъ мой талантъ у подесты. Марія дала мнѣ коробочку съ ожерельемъ изъ мелкихъ, разноцвѣтныхъ блестящихъ раковинъ, навязанныхъ на шелковомъ шуркѣ. То былъ подарокъ несчастныхъ семействъ рыбаковъ съ Лидо, которымъ я помогъ своимъ дарованіемъ.

— Это очень мило, сказала Марія.

— Вы должны сохранить этотъ подарокъ для вашей невѣсты, прибавила Роза.

— Для невѣсты, повторилъ я, у меня нѣтъ ея.

— Но, можете вытъ, возразила Роза, и вѣрно будетъ хорошею.

— Никогда, отвѣчалъ я, потупивъ глаза, и погруженный въ воспоминаніе того, что потерялъ.

Мое внезапное ушибіе изумило Марію. Она думала доставить мнѣ удовольствіе этимъ подаркомъ, полученнымъ отъ Поджіо, для передачи мнѣ, и увидѣла меня смущеннымъ, унылымъ, почти убитымъ. Ожерелье оставалось въ рукахъ монахъ и я не зналъ, что съ нимъ дѣлать, очень желалъ бы отдать его Маріи, но слова сказанныя Розой, остановили меня. Кажется и Марія угадала мою мысль, она покрасѣла.

— Вы теперь очень рѣдко бываете у насъ, сказала жена моего банкира, когда я былъ у нея съ визитомъ, и очень часто — у подесты. Очень не мудро, если вы находите тамъ больше удовольствія. Марія первая красавица въ Венеціи, а вы первый импровизаторъ. Ваша партія будетъ прекрасна. Она имѣетъ богатое помѣстье въ Калабріи. Будьте посмѣлѣе, вы успѣете, и вся Венеція позавидуетъ вашему счастью.

— Какъ можете вы предполагать во мнѣ такую самонадѣянность, возразилъ я. Я также влюбленъ въ Марію, какъ и всякой другой. Ея красота меня восхищаетъ, какъ все прекрасное; а то, что она богата, нисколько не измѣнитъ моихъ чувствъ.

— Я готова вамъ повѣрить, сказала она; только богатство никогда не мѣшаетъ любви.

Она засмѣялась и дружески протянула мнѣ руку.

Предположенія, выводимыя изъ моихъ частыхъ посѣщеній дома подесты, огорчали меня. Я рѣшился бывать у нихъ рѣже, хотя бы это отняло у меня много удовольствій. Въ тотъ же вечеръ я обѣщалъ быть тамъ, и нашелъ нужнымъ отказаться.

Однако, о чемъ печалиться, подумалъ я. Нужно развлечься. Жизнь хороша для того, кто желаетъ наслаждаться ею. Теперь я свободенъ, ни отъ кого не завишу, и хочу пользоваться этой свободой.

При наступленіи вечера я пошелъ прогуливаться по узкимъ улицамъ. Гопдолы быстро пересѣкались подъ единственной аркой моста Риальто. Огни ихъ бросали длинные отраженія на Большой каналъ. Я остановился послушать гондольщиковъ; они пѣли ту же баркаролу, которую слышалъ я на кораблѣ. Въ одномъ изъ переулковъ замѣтилъ я освѣщенное зданіе, къ которому направлялось много народу. То былъ одинъ изъ маленькихъ театровъ, который, помнится, имѣлъ названіе Святаго Луки. Труппа актеровъ давала на этомъ театрѣ каждый день по два представленія одной и той-же пьесы; первое отъ 4-хъ часовъ до 6-ти; а второе отъ 8-ми часовъ. Судя по умѣренной цѣнѣ, нельзя

было ждать чего нибудь особеннаго; однако страсть низшаго класса венеціанскаго народонаселенія и любопытство иностранцевъ привлекали туда большое число посѣтителей, такъ что театръ всегда былъ полонъ.

Я прочелъ на афишѣ: *Dona Caritea, regina di Spagna*, музыка Меркаданте.

— Почему не войти, подумалъ я; наскучить — уйду.

Я вошелъ въ театральную кассу; тамъ дали мнѣ маленькій измаранный билетъ и проводили въ ложу около аван-сцены. Въ театрѣ этомъ было два яруса ложъ. Мѣста для зрителей были довольно просторны, но самая сцена показалась мнѣ яслими; на ней едва могло поворачиваться вѣсколько человѣкъ, однако же тамъ давали конную оперу, съ турниромъ и военнымъ маршемъ. Ложи внутри были оборваны, вѣсны, потолокъ готовъ былъ обрушиться на зрителей; человѣкъ, съ выпущенными рукавами рубашки зажигалъ кенкеты; въ партерѣ говорили громко. Наконецъ музыканты заняли свои мѣста, ихъ было четыре. Въ это время въ сосѣднюю ложу вошелъ молодой человѣкъ; я встрѣчалъ его въ свѣтѣ. Онъ поклонился мнѣ и сказалъ съ улыбкой:

— Кто бы думалъ встрѣтить васъ здѣсь? Впрочемъ, въ этихъ мѣстахъ можно заводить пріятныя интриги.... Темнота благопріятствуетъ имъ.

Онъ продолжалъ говорить громко, но свистки заставили его замолчать, потому что начиналась увертюра. Она была исполнена страшно дурно. Поднялся занавѣсъ. На сценѣ было пять хористовъ: трое мужчинъ и двѣ женщины. Первые, казалось, только что оставили полевые работы и нарядились въ костюмъ рыцарей.

— Впрочемъ, сказалъ сосѣдъ мой, здѣсь иногда изрядно поютъ соло; а комическій актеръ могъ бы занять мѣсто на лучшемъ театрѣ.

— Ахъ, Боже мой, это она играетъ сегодня роль королевы! Пол-бѣиокко нѣ далъ бы я за удовольствіе слушать ее. Джіанина гораздо лучше.

На сценѣ показалась женщина худая, блѣдная, со впалыми глазами, бѣдно и дурно одѣтая; то была нищая въ роли королевы. Меня поразила ловкость и пріятность ея походки, не соответствующая всему остальному. Она подошла къ аван-сценѣ; сердце мое сильно забилось; я не смѣлъ спросить кто она.... я не вѣрнулъ глазамъ своимъ.

— Какъ ее зовутъ?

— Анунциата, отъвѣчала собесѣда мой. Она плохо поетъ; это можно угадать по виду. Настоящій окулеть!

Я остался прикованнымъ на мѣстѣ и не могъ свести съ нея взгляда.

Она запѣла слабымъ, шипящимъ голосомъ.... То не была голосъ Анунциаты.

— Она не похожа на Анунциату, молодую Ионанну, которая пѣла въ Римѣ и въ Невномѣ блестящій усѣтъкъ, сказала я.

— И между-тѣмъ, возразилъ онъ, это она самая. Шестъ или семь лѣтъ назадъ она была въ славѣ; тогда она была молода, хороша, пѣла какъ Малибранъ; теперь потеряла и свѣжесть и голосъ. Это судьба всѣхъ талантовъ такого рода. Слава ихъ продолжается нѣсколько лѣтъ, а въ то время, ослѣпленные своимъ блескомъ и всеобщимъ удивленіемъ, они не думаютъ, что рано или поздно придетъ время упадка, и не позаботятся заблаговременно оставить сцену, и приобрести что-нибудь для старости. Публика первая замѣтитъ перемену; это печальная сторона подобной карьеры. Они сначала живутъ пышно, издерживаютъ все, что получаютъ, и а въ послѣдствіи терпятъ страшную бѣдность. Вы ее видѣли въ Римѣ? спросилъ онъ.

— Да, отъвѣчалъ я, много разъ.

— Васъ поразило, какъ она измѣнилась! Да, ее очень жалко; говорятъ, что она потеряла голосъ послѣ тяжелой, продолжительной болѣзни, лѣтъ пять назадъ. Но публикѣ что за дѣло до этого! Захлопаемъ ей, въ память прежняго ея таланту. Это доставитъ ей удовольствіе; я поддержу васъ....

Онъ захопалъ; нѣкоторые зрители въ партера послѣдовали его примѣру; но эти рукоплесканія заглушены были шиканьемъ и свистомъ; королева гордо ушла со сцены. То была Анунциата.

— *Finitus Tres*, прошепталъ собесѣда мой.

Тогда показалась геронья пьесы, молодая хорватская особа, затянутая въ богатый спенсеръ, съ пылающимъ взглядомъ и встрѣчена была единодушными восклицаніями. Я вспомнилъ, съ какимъ восторгомъ Римляне встрѣчали Анунциату, вспомнилъ объ ея торжествахъ, о моей глупой любви.... Такъ Бернардо ее оставилъ! Или она не любитъ его? Но не собственными ли глазами я видѣлъ, какъ она его цѣловала. Онъ ее оставилъ! Она заболѣла, потеряла красоту, то что онъ любилъ въ ней.

Анунциата показалась въ другомъ явленіи. Какъ она пострадала.

да! Те былъ трутъ, растерянный, приведенный въ движенію. Я ужаснулся. И Бернардо былъ такъ жестокъ, что оскандаля ея, когда она потеряла физическую красоту. А развѣ когда она потеряла красоту нравственную, душевную, которая такъ дѣлала меня.

— Вашъ дурно? спросила молодой Венеціанецъ.

Смертная блѣдность покрывала лицо мое.

— Здѣсь опасно жарко, отвѣчалъ я подвигаясь.

Я вышелъ изъ ложи, изъ театра на свѣжій воздухъ. Я бродилъ по узкимъ улицамъ, взволнованный прошлыми воспомина-ніями, самъ не зная куда иду, и снова подошелъ къ дверямъ театра, гдѣ мальчикъ прибывалъ аэишу на завтрашнее представ-леніе.

— Гдѣ живетъ Анунциата, спросилъ я его на-ухо.

Онъ оборотился, посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и повторилъ: Ану-нциата! Вы вѣрно хотите сказать, Аврелія, которая сегодня пред-ставляла мужчину. Я могу показать вамъ ея квартиру, только она занята.... не свободна.

— Нѣтъ, возразилъ я, Анунциата, которая исполняла сегодня роль королевы.

Мальчикъ осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ.

— Маленькая худощавая женщина? спросилъ онъ. Я думалъ, что она не принимаетъ посѣтителей. Я покажу вамъ, спиворъ, домъ, гдѣ она живетъ. Вы мнѣ дадите чтѣ-нибудь за труды. Но теперь вы ее не можете застать дома; она играетъ въ оперѣ.

— Ты подожди меня здѣсь, сказалъ я.

Я сѣлъ въ гондолу и приказалъ гондольщику плыть, куда онъ хочетъ. Я долженъ еще разъ видѣть Анунциату, говорить съ нею. Она несчастна. Но чтѣмъ же я могу помочь ей?

Черезъ часъ я былъ у театра, гдѣ ждалъ меня проводникъ. Онъ провелъ меня узкими и грязными улицами къ полуразвалив-шемуся дому, въ верхнемъ этажѣ котораго сквозъ окно видѣлся сѣтъ.

— Она живетъ на верху? спросилъ я.

— Я васъ провожу, отвѣчалъ онъ, дергая за шнурокъ.

— Кто тамъ? спросилъ женскій голосъ.

— Марко Лугано, отвѣчалъ мальчикъ, и дверь отворилась.

Внутри дома было темно; надъ образомъ Богоматери тускло горѣла лампада. Слѣдуя за проводникомъ шагъ за шагомъ, я во-

шелъ на лѣстницу. Дверь отворилась и слабый свѣтъ изъ комнаты проникъ въ окружающую вѣсь тьму.

— Вотъ она идетъ, сказалъ мальчикъ, благодаря за монету которую я далъ ему, и ушелъ; между-тѣмъ я выходилъ на верхній ступени лѣстницы.

— Развѣ есть какая-нибудь порочѣна въ представленіи на завтра, Марко Лугано?

То былъ голосъ Анунциаты; она стояла на площадкѣ. Шелковая сѣтка прикрывала ея волосы, на плечахъ была небрежно брошена большая шаль.

— Смотри, не упади Марко, сказала она, входя въ комнату; я слѣдовалъ за нею.

— Кто вы, что вамъ угодно? вскрикнула она съ испугомъ, когда увидала меня. Боже мой! прибавила она, закрывая руками лицо свое.

— Я другъ, старый другъ, которому вы нѣкогда доставляли много радостей. Пришелъ навѣстать васъ и дружески пожать вамъ руку.

Она открыла лицо, и молча, неподвижно смотрѣла на меня. Ея черные глаза не перестали блестѣть умомъ и проникательностью. Она постарѣла, на всемъ существѣ ея видна была печать страданій, однако оставались еще слѣды прежней, лучезарной красоты.

— Антонио, произнесла она со слезами на глазахъ.... такъ ли мы должны были встрѣтиться! Оставьте меня. Наши пути не сходятся. Вы на дорогѣ къ счастью, я также на дорогѣ къ неизмѣнному счастью, прибавила она вздохнувъ.

— Не отталкивайте меня, я пришелъ къ вамъ какъ другъ, какъ братъ, уступивъ невольному влеченію сердца. Такъ вы несчастны, Анунциата, а давно ли тысячамъ людей доставляли счастье?

— Колесо счастья повернулось, сказала она. Счастіе сопрождаетъ красоту и молодость. Умъ и сердце самые пагубные дары природы. (Свѣтъ забываетъ ихъ для красоты и молодости, и правъ.

— Вы были больны, Анунциата, возразилъ я. Губы мои дрожали.

— Да, очень больна, цѣлый годъ, но не умерла, отвѣчала она съ горькою улыбкой. Молодость моя увяла, голосъ пропалъ. Публика онѣмѣла, видя два трупа въ одномъ тѣлѣ. Доктора увѣ-

рши, что можно возвратить и то и другое, — я повѣрила. А въ ожиданіи я должна была издержать на одежду и на пищу все что имѣла; когда же средства мои истощились, нужно было взойти на сцену изъ-за куска насущнаго хлѣба; я не рѣшилась пугать публику на большихъ театрахъ, потому-то показалась въ бѣдномъ, полутемномъ театрѣ. Но, в тамъ замѣтили, что погибли моя молодость и голосъ. Да, Анунціата уже перестала жить; отъ нея остался одинъ портретъ.

Она указала на стѣну.

Въ этой бѣдной комнатѣ висѣлъ на стѣнѣ въ богатой рамѣ портретъ Анунціаты въ роли Дидоны, такой точно, какой былъ начертанъ въ моемъ воспоминаніи.

— Я взглянулъ на Анунціату.... опустившись на стулъ, она плакала.

— Оставьте меня, забудьте, что я существую, какъ свѣтъ давно уже забылъ меня, сказала она, дѣлая мнѣ знакъ удалиться.

— Нѣтъ, я не могу васъ оставить въ такомъ положеніи. Мадонна сострадательна, она намъ поможетъ.

— Антонію, сказала она, неужели вы также, подобно другимъ, хотите смѣяться надо мной и надъ моимъ несчастьемъ. Нѣтъ, это невозможно; я васъ не понимаю. Когда я была предметомъ похвалъ, ласкательствъ, удивленія, вы оставили меня, а теперь ко мнѣ возвращаетесь.

— Вы сами изгнали меня отъ себя, и втокнули въ вихрь свѣта, отвѣчалъ я, или лучше сказать, обстоятельства толкнули меня, судьба моя.

Она молчала и смотрѣла на меня испытующимъ взглядомъ, какъ-будто хотѣла что-то сказать; губы ея шевелились, но не могли произнести звука. Она глубоко вздохнула, подняла глаза съ выраженіемъ полной, безропотной покорности Провидѣнію, потомъ опустила ихъ, провела рукой по лбу, какъ-будто въ ея головѣ мелькнула какая мысль, которую звалъ Богъ и она.

— Я увидѣла васъ, еще одинъ разъ увидѣла на этомъ свѣтѣ. Вы благородны и добры. Будьте счастливы; мое счастье было нимолетно; лебедь прошѣлъ послѣднюю пѣснь; красота увяла; прежней Анунціаты нѣтъ уже. Но ея именемъ я попрошу у васъ одной милости, не откажите исполнить ее.

— Обѣщаю вамъ! вскричалъ я, прижимая ея руку къ губамъ своимъ.

— Смотрите на наше сегодняшнее свиданіе, какъ на сонъ, и

вѣ бы мы не встрѣтились, мы должны были чужими, какъ будто некогда не зная другъ друга. Теперь разстались, до свиданія въ лучшемъ мѣстѣ; а въ этомъ наши души не склдутся. Прощайте, Антонио, прощайте!

Подавленный горемъ, я усталъ на колѣнахъ; но помню, что было послѣ, знаю только, что я плакалъ какъ ребенокъ.

— Я приду, приду опять, повторилъ я, оставая ее.

— Прощайте, сказала она, когда уже я не могъ ее видѣть.

Боже мой! какъ несчастны были твои созданія! Я не могъ сомкнуть глазъ. То была бессонная мучительная ночь.

На другое утро я пошелъ въ домъ Анунциаты, съ тысячами неисполнимыхъ предположеній. У меня дѣтъ состоянія. Я бѣдный мальчикъ, котораго благодѣтельная рука излекла изъ римской степи. Дарованія мои могли бы открыть мнѣ блестящую карьеру; но какая же карьера могла быть блистательнѣе карьеры Анунциаты? А до чего доведется бѣдняжка? Прозрачная рѣка, низвергающаяся съ горы великолѣпными каскадами, въ которыхъ радугой играютъ лучи сіяющаго солнца, течетъ теперь по Понтинскимъ Болотамъ.

Однако я хотѣлъ еще разъ видѣть Анунциату. Я снова взомель на темную лѣстницу и постучался въ запертую дверь. Изъ противной стороны вышла старуха и спросила, не желаю ли я нать ту комнату.

— Только она для васъ будетъ мала, прибавила старуха.

— Гдѣ же пѣвица? спросилъ я.

— Она уѣхала утромъ, вѣрно путешествовать, потому что очень торопилась.

— Куда же? не знаете ли вы?

— Нѣтъ, она не сказала мнѣ. Труппа поѣхала, я предполагаю, въ Падуу или въ Триестъ, а можетъ-быть и въ Феррару.

— Говоря это, она отворила пустыя комнаты, чтобъ я осмотрѣлъ ихъ.

Я побѣжалъ въ театръ; кочующая труппа оставила гореть на другой день послѣ представленія.

Такъ несчастная Анунциата уѣхала.

— Это Бернардо, думалъ я, причина ея несчастій и моего уединенія. Она любила бы меня; ея любовь помогла бы высоко развиться и окрѣпить моему духу. Мои успѣха подкрѣпляли бы ее, и заботы не сморщили бы прелестнаго лба ея.

VI.

Поджію, посетивъ меня, старался вывѣдать причину упадка моего духа. Этого я не могъ открыть ни ему, ни кому-либо другому.

— Взглянувъ на тебя, можно подумать, что на тебя подулъ нездоровый широкко; но я догадываюсь, что расслабляющій воздухъ выходитъ изъ глубины твоего сердца. Маленькая птичка, которая живетъ тамъ, можетъ задохнуться. Надобно дать ей свободу полетать, поклевать въ поляхъ красныхъ ягодъ, а на балконахъ — прекрасныхъ розъ. Моя птичка такъ дѣлаетъ и ей хорошо; она всегда весела, и духъ мой не падаетъ. Послѣдуй моему примѣру. Поэтъ долженъ имѣть въ себѣ веселую птичку, которая бы знала въ поляхъ красныя ягоды, въ садахъ розы, облачное небо и чистѣйшій эфиръ.

— Ты, кажется, имѣешь прекрасное мнѣніе о поэтѣ, сказалъ я.

— Все божественное должно соединяться съ земнымъ, возразилъ Поджію. Однако, скажи пожалуйста, отчего ты вдругъ оставилъ всѣхъ друзей своихъ? Вотъ уже три дни ты не былъ у подесты. Это непростительно дурно! Все семейство на тебя сердится. Ты, сегодня же, долженъ туда идти, и на колѣнахъ, какъ Фридерикъ Барбаросса, просить прошенія... Три дни не быть у подесты! Это узналъ я отъ синьоры Розы. Чтѣ же ты дѣлалъ въ это время?

— Я нездоровъ былъ, и никуда не выходилъ.

— Нѣтъ, извини, другъ мой, это не правда. Уже знаютъ, гдѣ ты былъ въ это время. Ты ходилъ слушать оперу Regina di Spagna, въ которой маленькая Аврелія играла роль рыцаря кроваваго Orlando furioso. Только отъ ея побѣдъ, кажется, ни у кого волоса не посѣдѣютъ. Какъ бы то ни было, мы пойдемъ сегодня вмѣстѣ обѣдать къ подестѣ; онъ пригласилъ насъ обоихъ, и я обѣщала, что приведу тебя.

— Поджію, отвѣчала я важнымъ тономъ, я готовъ тебѣ открыть причину того, что я не былъ нѣсколько дней у подесты, и того, что я не долженъ теперь бывать у нихъ такъ часто, какъ бы мнѣ хотѣлось.

Я разсказалъ ему, что слышалъ отъ жены банкира, то есть,

что вся Венеція считаетъ меня женихомъ Маріи, у которой есть въ Калабріи прекрасное помѣстье.

— Право?! вскричалъ Поджіо. Такъ вотъ что! Я бы очень былъ радъ, если бы о мнѣ также говорили. И отъ этого отказываться бывать въ домѣ? Ну, что же, люди могутъ такъ думать, и я тоже, что же изъ этого выходитъ? Правы ли мы или нѣтъ, это не можетъ быть причиной, чтобы ты былъ невѣжливъ къ этому семейству. Марія хороша, даже очень хороша; умна, чувствительна, притомъ ты ее любишь, я это замѣтилъ давно.

— Нѣтъ, сказалъ я, ты ошибаешься, я вовсе не думаю о любви; если же я часто и съ удовольствіемъ смотрю на Марію, то это не по любви, а потому что она очень похожа на одно слѣпое дитя, которое я видѣлъ одинъ разъ и почувствовалъ къ нему особенное влеченіе.

— Марія была также слѣпа, сказалъ Поджіо задумчиво. Ея возвратилъ зрѣніе, посредствомъ операциі, дядя ея неаполитанскій докторъ.

— Мое слѣпое дитя не Марія.

— Его слѣпое дитя! повторилъ смѣясь Поджіо. Оно должно быть очень занимательно, если только сходство съ нимъ Маріи, влечетъ тебя на послѣднюю смотрѣть не спуская глазъ. Ты говоришь аллегорически. Очень вѣрю, что маленькій слѣпой божокъ указалъ тебѣ на Марію. Признайся, вѣрно такъ скоро, какъ никто не думаетъ, вы отпразднуете свадьбу и уйдете изъ Венеціи.

— Ты меня обижаешь, Поджіо, этими словами. Я никогда не женюсь. Мои мечты о любви разлетѣлись, и о свадьбѣ не думаю, и клянусь небомъ и всѣми святыми, что никогда и не могу жениться.

— Тихе, тихе, не клянись.... о такихъ предметахъ не клянутся. Пожалуй, я тебѣ вѣрю, и если кто теперь меня спроситъ, влюбленъ ли ты въ Марію, и женишься ли, я скажу, что это не правда, но не клянись, что никогда не женишься; твоя свадьба ближе, чѣмъ ты предполагаешь, можетъ-быть раньше года.

— Твоя, можетъ-быть, возразилъ я, а не моя.

— Что, неужели ты думаешь, что я когда-нибудь женюсь? вскричалъ онъ въ свою очередь. Милый другъ, я не такъ бо-

ать, чтобъ связывать себя оковами брака. Это удовольствіе для меня убыточно.

— Разумѣется, ты женился прежде меня, возразилъ я; и можетъ-быть на Маріи: вся Венеція будетъ отдавать мнѣ ея руку, она отдастъ ее тебѣ.

— Это будетъ очень дурно, сказалъ онъ смѣясь. Нѣтъ, я дамъ и супруга достойнѣе меня, продолжалъ онъ. Не хочешь ли итти объ закладъ на двѣ бутылки шампанскаго, что ты скоро женишься. Мы выпьемъ въ день твоей свадьбы.

— Принимаю, отвѣчалъ я, также со смѣхомъ.

— Я долженъ былъ итти вмѣстѣ съ нимъ къ подестѣ обѣщать. Синьора Роза бранила меня, и братъ ея также. Марія молчала. Глаза мои оставались на ней прикованными.... Венеція суитъ ее мнѣ въ жены....

— За ваше здоровье, сказала Роза, поднявъ стаканъ и смотря на меня.

— Ни одна женщина не должна пить за здоровье импровизатора, прервалъ Поджіо. Онъ клялся въ вѣчной ненависти къ прекрасному полу, клялся, что никогда не женится.

— Не женится! вскричалъ подеста. Какъ могла вамъ прийти такая странная мысль въ голову! и прибавилъ шутливо, оборотаясь къ Поджіо: открывать ее другимъ незначить дѣйствовать по-дружески.

— Мнѣ хочется заставить его покраснѣть, и заставить его отказаться отъ этой мысли. Я боюсь, чтобъ онъ не увлекся ею, по пылкости воображенія.

Они продолжали шутить со мной и надо мной, такъ что я поневогѣ развеселился. Столъ былъ уставленъ превосходными блюдами и винами. Мнѣ пришла на память Анунціата, которая теперь можетъ-быть умираетъ съ-голоду.

— Вы намъ обѣщали прислать сочиненія Сильвіо Пеллико, сказала мнѣ Роза, когда я уходилъ. Не забудьте и приходите къ намъ каждый день; мы привыкли васъ видѣть, и можетъ-быть никто въ цѣлой Венеціи не будетъ вамъ такъ благодаренъ, какъ мы, за ваше вниманіе.

Такъ я опять началъ ходить къ нимъ часто. Я не могъ не замѣтить, что они очень любятъ меня.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ нашего разговора съ Поджіо, а ничего не могъ узнать объ Анунціатѣ, и предоставилъ все случаю, который часто связываетъ разорванныя нити.

Въ одинъ вечеръ Марія была особенно задумчива и печальна. Я читалъ имъ Сильвіо Пеллико, и во время чтенія замѣтилъ ея разсѣянность. Роза вышла изъ гостиной; я ожидалъ какого-нибудь несчастія, старался заговорить съ Маріей о чемънибудь.

— Сильвора аббата, сказала она не слушая меня, — всѣ ея мысли были заняты однимъ предметомъ, — Антонию, продолжала она твердымъ голосомъ, и щеки ея загорѣлись; я имѣю съ вами поговорить особенно... я общалась это одной умирающей.

— Мы не чужіе съ вами, прибавила она, и между-тѣмъ ты мнѣ минуты тяготеютъ меня.

— Что же съ вами, что такое? сказалъ я.

— Воля Божія открыла мнѣ обстоятельства вашей жизни и дала участницей тайны, которую никто знать не долженъ; но имѣю молчать, я не сказала объ этомъ никому, даже тетѣ моей.

Марія подала мнѣ небольшой пакетъ.

— Онъ вамъ назначенъ, продолжала она; изъ него вы узнаете все. Онъ лежитъ у меня два дня, и я не знала, какъ передать вамъ, какъ исполнить свое обещаніе. Теперь исполнила, будьте же скромны.

— Отъ чего же это? спросилъ я.

Марія не отвѣчала и вышла изъ комнаты.

Возвратившись домой, я развернулъ пакетъ, въ немъ было нѣсколько отдѣльныхъ бумажекъ. Первая, остановившая мое вниманіе была написана карандашомъ, моею рукою. То были стихи, брошенные мною къ ногамъ Анунціаты въ первый разъ, когда я увидѣлъ ее въ театрѣ. Снизу было начертано перомъ три строки, какъ-будто стихи мои сдѣлались эпиграфомъ.

Такъ это Анунціата прислала мнѣ!

Между бумагами было запечатанное письмо съ надписью: Антонию. Можно было замѣтить, что половина письма написана въ тотъ самый вечеръ, когда я видѣлся съ Анунціатою въ послѣдній разъ; другая половина написана недавно, дрожащею рукою.

Я прочелъ:

«Я тебя видѣла, Антонию, видѣла еще одинъ разъ. Это было моимъ единственнымъ желаніемъ, и между-тѣмъ я боялась этой минуты, какъ смерти, предѣла нашихъ несчастій. Еще не прошло часу, какъ я тебя видѣла.... Когда ты будешь читать эти строки, пройдутъ мѣсяцы, а можетъ-быть и больше.... Говорятъ, что люди передъ смертью видятъ тѣнь свою.... Ты половина души моей, и я тебя видѣла. Ты зналъ меня счастливою, и теперь

нашелъ въ бѣдности. Одинъ ты вспомнилъ объ Авуниатѣ, бѣдной, оставленной, но я стояла этого.

Теперь я могу говорить съ тобой откровенно; когда ты будешь читать это письмо, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Я любила тебя, съ-тѣхъ-поръ, какъ узнала, до послѣдняго часу. Богъ не хотѣлъ насъ соединить, для того и разлучилъ.

Я угадала любовь твою, прежде признанія твоего, въ тотъ несчастный вечеръ, когда былъ рапецъ Бернардо. Горестъ моя о гибели Бернардо, о твоёмъ опасномъ положеніи лишила меня языка. Чтобъ скрыть лице мое отъ взглядовъ, насъ окружающихъ, я наклонилась къ тѣлу, которое считала мертвымъ. Ты уѣхалъ... я не видѣла тебя больше.

Бернардо не былъ смертельно раненъ; я его оставила, когда докторъ поручился въ безопасности его жизни. Этотъ случай заставлялъ тебя сомнѣваться въ любви моей. Нѣсколько дней спустя какая-то старуха привнесла ко мнѣ записку твоей руки: «Я ѣду въ Неаполь»: и просила паспорта и денегъ для тебя. Бернардо досталъ паспортъ: тогда онъ исполнялъ мои малѣйшія желанія; слова мои были для него закономъ.

Онъ скоро поправился и любилъ меня, какъ мнѣ казалось, искренно; но я думала только о васъ. Скоро онъ оставилъ Римъ, а мнѣ нужно было ѣхать въ Неаполь. Болѣзнь моей старой подруги остановила васъ на цѣлый мѣсяцъ въ Моле ди Газта. Приблизивъ въ Неаполь, я узнала, что накануне въ театрѣ Сантъ-Карло дебютировалъ молодой импровизаторъ Ченчи; я подумала, что то были вы, и не ошиблась въ догадкѣ. Подруга моя написала къ вамъ записочку безъ подписи, означая только домъ, въ которомъ мы остановились. Вы не пришли. Она послала другое письмо, также безъ подписи, но по содержанію его вы должны были угадать отъ кого оно. Въ немъ было написано: «Приходите, Антонио, впечатлѣніе, произведенное на васъ въ минуту несчастной нашей разлуки должно быть изглажено; приходите скорее, между нами вышло недоумѣніе; не откладывайте свиданія.»

Я въ этотъ разъ вы не пришли. Я знала навѣрное, что вы получили объ записочки и на другой день уѣхали въ Римъ. Какъ могла я принять это? Что вы раздвобили меня. Я была горда, Антонио! Свѣтъ сдѣлалъ меня тщеславною; я не забыла васъ, но отказалась, хотя страдала.

Старая подруга моя умерла, братъ ея также, я осталась въ ни-

рѣ совершенной сиротою; но свѣтъ еще любилъ меня; я была молода, хороша; голосъ мой былъ еще въ полномъ блескѣ.

Во время поѣздки въ Болонью я заболѣла; сердце мое страдало; я не думала, что вы, Антоніо, еще помните меня. Цѣлый годъ почти я не сходила съ кровати; все что прежде сберегла, изтратила въ это время; и въ добавокъ потеряла силы и голосъ. Черезъ семь лѣтъ мы опять встрѣтились; вы были свидѣлемъ моей нищеты, слышали, какъ освистали ту Анунціату, которую прежде съ торжествомъ возили по улицамъ Рима. Горю меня убило.

Вы пришли ко мнѣ, тогда только я догадалась, что вы не преставали любить меня. Вы сказали, что я бросила васъ въ вихрь свѣта.... вы не знали, какъ я любила васъ. Вы ушли, и я осталась одна въ моей комнаткѣ. Завтра оставлю ее, и можетъ-быть и Венецію. Не тревожьте себя воспоминаніемъ моей участи. Антоніо, Богъ милосердъ, сострадательнъ! Не думайте обо мнѣ дурно; объ этомъ просить васъ умирающая.... Анунціата, которая васъ любила на землѣ, и будетъ молиться за васъ на небесахъ.

Слезы ручьемъ текли у меня во время чтенія этого письма. Остальное было написано нѣсколько недѣль позже. То было послѣднее прощанье.

«Несчастія мои оканчиваются. Благодарю Бога, за каждую радость, посланную мнѣ, и за каждую испытанную печаль. Смерть въ груди моей; къ губамъ приливается кровь. Скоро все будетъ кончено....»

«Я слышала, что самая лучшая дѣвушка въ Неаполѣ будетъ вашей женою. Будьте счастливы! Это послѣднее желаніе умирающей. Ей только довѣрю я эти строки, и увѣрена, что она придетъ ко мнѣ, не откажетъ въ послѣднемъ утѣшеніи той, которая переступаетъ послѣднюю ступень въ иной міръ. Она придетъ.»

«Прощай, Антоніо! Моя послѣдняя молитва на землѣ и на небѣ, будетъ за тебя и за ту, которая будетъ твоей женою. Я тщеславна, свѣтъ испортилъ меня похвалами.... можетъ-быть ты не былъ бы счастливъ со мною, если Богъ разлучилъ насъ.»

«Прощай, прощай! Сердце мое успокоивается; страданія оканчиваются; смерть близка.»

«Помолитесь съ Маріей за Анунціату.»

Сильныя горести не выражаются словами. Пораженный, униженный, неподвижно смотрѣлъ я на письмо, омоченное слезами

лезани. Анунциата любила меня! Ей обаявъ я, что пробрался въ Неаполь. Записки, полученные мною передъ отъѣздомъ въ Римъ, были отъ нея, а не отъ Сниты, какъ я тогда предполагалъ. Анунциата была больна, въ страшной нуждѣ, и теперь уже не существуетъ! Въ конвертѣ я нашелъ еще мою записочку: ѣду въ Неаполь, и письмо Берварда, въ которомъ онъ прощался съ Анунциатой, и уведомлялъ ее, что ѣдетъ изъ Рима, служить за границей, не опредѣляя впрочемъ, гдѣ именно.

Она отдала этотъ пакетъ Маріи, думая, что та уже моя невеста. До нея дошли эти слухи, она позвала къ себѣ Марію! Что же она сказала ей?... Я вспомнилъ, съ какимъ смущеніемъ Марія исполнила ея порученіе. Она уже знала о томъ, что говорить насчетъ насъ въ городѣ! Я долженъ былъ съ нею объ этомъ объясниться, но не имѣлъ силъ. Она была добрымъ гениемъ для меня и для Анунциаты.

Нѣсколько минутъ спустя я уже былъ въ залѣ подесты, въ которой сестра его и племянница сидѣли за работой. Марія была смущена. На вопросы Розы я отиѣчалъ кое-какъ, не въ-попадъ. Она замѣтила мою грусть, взяла меня за руку и спросила:

— Что у васъ за горе? Откройте его; если мы не въ силахъ будемъ утѣшить васъ, то раздѣлимъ его съ вами.

— Вы все уже знаете, сказалъ я.

— Можетъ-быть Марія, но не я.

— Тетушка, не спрашивайте его, ради Бога.

— Я не могу ни въ передъ вамъ секретовъ, и все расскажу.

Я описалъ имъ мое бѣдное дѣтство, о томъ, что касалось до Анунциаты, о бѣгствѣ моемъ изъ Рима. Но, замѣтя, что Марія и Роза сидятъ со сложенными руками, какъ прежде слушая рассказъ мой сидѣли Фламинія и Лара, я замолчалъ. О Ларѣ и вѣщахъ въ гротѣ, я не считалъ нужнымъ рассказывать при Маріи, тѣмъ болѣе, что это не относилось къ исторіи жизни Анунциаты, и потому перешелъ къ послѣдней встрѣчѣ моей съ Анунциатой. Марія, закрывъ лицо руками, плакала; Роза молчала.

— Я этого ничего не знала, сказала она, когда я окончилъ рассказъ. Изъ больницы Сестеръ Милосердія принесли къ Маріи письмо, въ которомъ одна умирающая умоляла навѣстить ее. Я проводила племянницу, но такъ какъ не меня, а ее звали, то оставалась съ сестрами, пока она была у постели умирающей.

— Я была у нея, сказала Марія, и получила пакетъ для передачи вамъ.

— Что же она сказала вам? спросилъ я.

— Отдайте это Антонию, импровизатору, но скрытно, чтобъ никто объ этомъ не зналъ. Она потому говорила объ васъ, какъ сестра, какъ добрый другъ. Я видѣла, какъ у нея на губахъ показались слезы, она подняла глаза къ небу и.... Марія зарыдала. Я молча поцѣлевалъ ея руку, за состраданіе къ несчастной Анунциатѣ.

И оттуда пошелъ въ церковь, помолиться объ умершей.

Съ тѣхъ-поръ семейство подесты обращалось со мною, съ большей противъ прежняго лаской. Роза и Марія старались угадывать мои малѣйшія желанія; въ самыхъ мелочахъ они ушли утѣшить меня вниманіемъ и предупрежденіемъ.

Я ходилъ на могилу Анунциаты. Кладбище было обнесено высокими каменными стѣнами и представлялось зеленымъ островомъ. Между множествомъ черныхъ крестовъ я едва могъ найти одинъ, на которомъ была надпись: Анунциата. Свѣжая лавровая гирлянда висѣла на немъ. Кто бы это сдѣлалъ, кромѣ Марія и Розы?

Меня удивляло сходство Марія съ Ларой; когда она опускала глаза, мнѣ казалось, что я вижу слѣпую Лару.

Около того времени я получилъ письмо отъ Фабиано. Уже четыре мѣсяца я жилъ въ Венеціи. Это удивило его. Онъ изъявлялъ желаніе, чтобъ я посетилъ Миланъ и Геную; впрочемъ оставлялъ путешествіе на мой собственный произволъ.

Въ Венеціи видѣлъ я много моей печали; притомъ жизнь моя тамъ приходила, между слезами, къ развязкѣ. Марія и Роза были для меня какъ-будто близкія родственницы; Поджіо былъ другомъ, стоящимъ доверенности. Ничего не могъ замѣнить ихъ, и однако нужно было разлучиться. Что же! поѣдемъ, сказалъ я себѣ.

О моемъ намѣреніи я долженъ былъ предупредить Марію и Розу. Въ одинъ вечеръ сидѣлъ я съ ними въ залѣ, изъ которой балкономъ выходила на каналъ. Марія хотѣла приказать принести свѣчки, но Роза вышла пріятнѣе разговаривать при лунномъ свѣтѣ.

— Марія знаетъ вамъ пѣсню о пощери Трогодитовъ. Спой, Марія, пусть послушаетъ ее Антоніо.

Марія зашла въ полголоса пріятную и необыкновенную мелодію. Голова и слова открывали души необыкновенной красоты подводнаго міра.

— Есть что-то зыбкое, фантастическое, въ этой мелодіи, замѣтила Роза.

— Такъ должны прощалься духи, оставшіе бренину облочку, сказалъ я.

— Такъ представляется свѣтъ и міръ воображенію слѣпой, вздохнувъ сказала Марія.

— Но развѣ глазамъ міръ представляется лучшимъ, чѣмъ воображенію.

— И лучше и хуже, отвѣчала Марія.

Роза рассказала мнѣ, о томъ что я уже слышалъ отъ Поджію, объ излеченіи Маріи отъ слѣпоты, братомъ ея.

Марія сохранила къ доброму доктору чувство благодарности и глубокаго уваженія. Она представила мнѣ свои ребяческія мысли о мірѣ, пока не увидала его, о живительномъ солнцѣ, о людяхъ, о кактусахъ съ широкими листьями и развалившихся храмахъ.

— Въ Греціи ихъ гораздо больше, чѣмъ здѣсь, прибавила она; и помолчавъ сказала:

— Цвѣты давали мнѣ понятіе о красотахъ природы. Мнѣ сказали, что фіалка голубаго цвѣта, море и небо также. Запахъ фіалокъ опредѣлялъ для меня красоту моря и неба.

Я вспомнилъ о Ларѣ съ букетомъ фіалокъ, въ темныхъ волосахъ, и о Пестумѣ съ его храмами. Мы долго говорили о красотахъ моря и горъ; а Роза вздыхала, думая о своемъ миломъ Неаполѣ.

Я объявилъ, что уѣзжаю изъ Венеціи.

— Вы насъ оставляете! сказала удивленная Роза.

— И не воротитесь увидѣться съ друзьями своими? спросила Марія.

— О, конечно, ворочусь, вскричалъ я, и увѣрялъ ихъ, что изъ Милана пройду въ Римъ черезъ Венецію.

Я былъ на могилѣ Анунциаты, и сорвалъ на память листокъ лавровой гирлянды, какъ будто былъ тамъ въ послѣдній разъ.

— Дай Богъ вамъ жениться на благородной и доброй женщинѣ, которая бы утѣшала васъ въ потерю Анунциаты, сказала Роза при прощаньи. Привезите ее въ Венецію, я буду ее также любить, какъ вы научили меня любить Анунциату.

— Возвратитесь счастливымъ, прибавила Марія.

Я поцѣловалъ ея руку, и замѣтилъ, что глаза ея остановились на мнѣ съ особенной изъясностью. Подеста предложилъ мнѣ ста-

канъ пѣнистаго шампанскаго. Поджію сѣлѣ пѣсню веселаго путешественника. Онъ проводилъ меня почти до Фузины. Сестра и племянница подосты, стоя на балконѣ, махали мнѣ бѣлыми платками.

Поджію былъ веселъ до-крайности, но ясно было замѣтно, что онъ себя принуждаетъ. Онъ прижалъ меня къ груди, и общалъ писать постоянно.

— Ты пришелъ мнѣ портретъ своей невѣсты, и не забудь нашего пари.

— Перестань шутить! Ты знаешь мое рѣшеніе.

Такъ мы разстались.

VII.

Карета покатила. Я увидѣлъ зеленую, обсаженную ивами Бренту, и вдали горы. Къ вечеру пріѣхалъ въ Падуу. При блѣдномъ свѣтѣ луны представилась глазамъ моимъ церковь Святаго Антонія съ семью пышными куполами. Подъ аркадами улицъ все было оживлено и весело; а мнѣ грустно.

Днемъ городъ показался мнѣ еще менѣе привлекательнымъ.

— Такъ впередъ, подумалъ я, еще впередъ и опять покати- лась карета.

— Окрестность была однообразная зеленая равнина, какъ Понтійскія болота. Высокія плакучія ивы опустили свои вѣтви на сады, около которыхъ возвышались олтари Божьей Матери.

Я проѣхалъ Виценцу, въ которой искусство Палладіо не могло разбѣять моего смущенія и остановился въ Веровѣ. Верона привлекла мое вниманіе больше другихъ городовъ. Ея амфитеатръ напомнилъ мнѣ Римъ, Колизей. Веронскій амфитеатръ меньше римскаго, за то не былъ опустошенъ варварами. Обширныя его колоннады наполнены магазинами; а посреди арены стоитъ маленькій театръ, слѣбленный изъ холста и досокъ, въ которомъ, мнѣ сказали, даютъ представленія. Я пошелъ туда вечеромъ. Веронцы сидятъ на тѣхъ же скамьяхъ, на которыхъ сидѣли ихъ предки. Давали Ченерентолу. Здѣсь была та самая труппа, въ которой участвовала Авунциата. Аврелія выполняла главную роль этой оперы. Все это было оскорбительно ничтожно. Древній театръ казался гигантомъ передъ этимъ жалкимъ деревяннымъ строеніемъ. Публика болѣе всего осталась довольна французскою

кадрилю, которую протавцовали въ концѣ пьесы. Аврелію вызвали, рукоплескали ей. Я выбѣжалъ изъ театра. Кругомъ было тихо; исполнское зданіе бросало отъ себя огромную тѣнь.

Я вспомнилъ про двѣ знаменитыя веронскія фамиліи: Капулетти и Монтеки, которыхъ семейныя ссоры разлучили, а смерть соединила двухъ любовниковъ. Кто не знаетъ исторіи Ромео и Юліи? Я ходилъ во дворецъ Капулетти, гдѣ Ромео въ первый разъ увидѣлъ Юлію и танцовалъ съ нею. Дворецъ этотъ теперь обращенъ въ гостиницу. Еще и теперь существуетъ большая танцевальная зала, съ раскрашенными стѣнами и высокими окнами. Въ ней теперь складываютъ овесъ и сѣно. Въ углу лежала груда садовничьихъ инструментовъ и ковской збруи. Тамъ то гордое веронское дворянство танцовало при звукахъ блестящей музыки; тамъ начались для Ромео и Юліи грезы любви, такъ скоро разстроеныя. Какъ ничтожны людскія величія! Фламинія избрала лучшую дорогу, Анувціата кончила свои счеты. Право, обѣ эти мертвыя — счастливѣе насъ.

Огонь горячки палилъ мое сердце, волненіе увеличивалось.

— Нѣтъ, не хочу оставаться здѣсь; въ Миланъ, скорѣе въ Миланъ.

И въ концѣ мѣсяца я былъ уже въ Миланъ. Но и тамъ, точно также какъ въ Веронѣ, въ Падуѣ, въ Виченцѣ, я жалѣлъ о Венеціи. Меня тяготило одиночество, и при всемъ томъ, я не знакомился, не отдавалъ бывшихъ у меня рекомендательныхъ писемъ. Обширная зала театра съ шестью ярусами закрытыхъ ложъ и необозримымъ партеромъ, рѣдко наполняющимся, показалась мнѣ печальною. Я былъ тамъ на представленіи Торквато Тассо; и готовъ былъ предсказать любимой публикой пѣвицѣ, жалкую будущиость; пожелать ей умереть посреда побѣдъ, красоты и таланта, чтобъ не она плакала о свѣтѣ, а свѣтъ объ ней. Видя прелесть дѣтей, танцовавшихъ балетъ, сердце мое облилось кровью. И послѣ этого я не хотѣлъ посѣщать La Scala.

Одинокій бродилъ я по городу, одинокій сидѣлъ въ своей комнатѣ. Подобное состояніе было невыносимо; чтобъ развлечься и началъ писать трагедію: Леонардо да-Винчи. Этотъ художникъ долго жилъ въ Миланѣ и оставилъ ему свое безсмертное твореніе: «Послѣдній вздохъ». Легенда его несчастной любви къ молодой дѣвушкѣ, заключенной въ монастырь, была эхомъ моей собственной жизни. Я думалъ о Фламиніи, объ Анувціатѣ и писалъ сочиненію по внушенію сердца. Мнѣ недоставало Поджіо, особенно

Марія и Розы. Душа моя нуждалась въ ихъ милыхъ заботахъ. Я писалъ къ нимъ, но отвѣта не получалъ. Поджіо не сдержалъ обѣщанія переписываться постоянно; его дружба была также постоянна, какъ и всякаго другаго.

Каждый день посѣщаль аоедральный соборъ, чудесную груду мрамора, оторванную отъ каррарскихъ скалъ. При лунномъ свѣтѣ, верхняя часть его кажется ослѣпительной близизы въ голубой атмосферѣ. Безчисленныя башенки, помѣщенные на немъ казались мнѣ мраморными статуями. Внутренность церкви показала мнѣ великолѣпнѣ Святаго Петра въ Римѣ. Темнота и блѣдный свѣтъ, проникающій сквозь разноцвѣтныя стекла, пробуждали въ душѣ моей мистическій міръ. То былъ настоящій храмъ Божества.

Я всходилъ на вершину собора. Солнце блестяло на его каменныхъ, гладкихъ, бѣлыхъ стѣнахъ; многочисленныя башни казались отдѣльными храмами на огромной глыбѣ мрамору. Оттуда я могъ разсмотрѣть статуи святыхъ и мучениковъ, которыхъ съ улыбки глазъ не можеть различить. Я стоялъ подлѣ превосходной статуи Спасителя. Внизу подъ ногами видѣвъ былъ весь Миланъ; къ сѣверу примыкали высокія, темныя Альпы, къ югу синеватыя Аппенины, а между ними разстилалась неизмѣримая зеленѣющая долина. Можно было подумать, что это бесплодная римская степь, превращенная въ цвѣтущій садъ. Я посмотрѣлъ на востокъ, въ ту сторону, гдѣ лежитъ Венеція. Стая перелетныхъ птицъ, вытянувшись въ длинную вереницу, летѣла по тому направленію. Я вспомнилъ о тѣхъ, кого любилъ, о Поджіо, о Розѣ и Маріи, и сердце мое сжалось. Вспомнилъ исторію, которую слышалъ въ дѣтствѣ, въ тотъ вечеръ, когда съ матерью и Маручей возвращались отъ Немейскаго озера, гдѣ встрѣтили Фульвію; какъ бѣдная Тереза Долявано умирала съ тоски по прекрасномъ Джузеппе, который пошелъ на сѣверъ, за горы; какъ Фульвія варила травы въ мѣдномъ сосудѣ и потомъ кипятила ихъ на слабomъ огнѣ съ локонами молодого мужчины и дѣвушки, до-тѣхъ-поръ, пока Джузеппе, старая ветерпнѣиъ, не пошелъ на родину, день и ночь безъ остановки.

Я также чувствовалъ въ груди моей вліяніе магической силы, которую называютъ тоской по родинѣ. Она теперь заставила меня грустить о Венеціи, хотя лагуны не были моимъ отечествомъ. Въ самомъ грустномъ расположеніи спустился я съ верхушки церкви.

Возвратившись домой, я нашелъ тамъ письмо отъ Поджіо.

Наконецъ! По этому письму можно было подумать, что онъ писалъ еще одно, которое не дошло до меня. Марія была очень больна; беспокоилась объ ея жизни, но опасность миновалась, она встаетъ уже, но выходить еще не позволяютъ. Конецъ письма былъ веселый; Поджіо спрашивалъ меня, не поправилась ли мнѣ какая-нибудь Милавиа, и просилъ не забывать заклада.

Одважды пошелъ я гулять за городъ, по ту сторону оружейной площади до триумфальной арки Панамеона, или до Симплекскихъ воротъ, какъ ее называютъ. Работы тамъ производились съ большою дѣятельностью. Черезъ узкое отверстіе лѣсовъ я проникъ во внутренность. На землѣ стояли двѣ большія, только что высѣченные мраморныя лошади, лежали куски мрамору и изваяныя капители.

Какой-то иностранецъ съ чичероне стоялъ тутъ и записывалъ что-то въ свою памятную книжку. Ему было лѣтъ тридцать; на срукѣ его были навшены два неаполитанскіе ордена. Я узналъ его. То былъ Бернардо. Увидѣвши меня, онъ бросился со мной цѣловаться съ громкимъ смѣхомъ.

— Какъ мы давно не встрѣчались съ тобой, Автоніо! Ты со мной прекрасно простился, уѣзжая изъ Рима. Я тогда это очень чувствовалъ, но оно не мѣшало мнѣ считать тебя другомъ.

Ледяная дрожь пробѣжала по моимъ жиламъ.

— Да, Бернардо, мы встрѣтились на сѣверѣ Италіи, почти у подножія Альпъ.

— Боже мой, да, я только что пріѣхалъ съ Альпъ, страны ледяниковъ и лавинъ.

Онъ рассказалъ мнѣ, что все лѣто провелъ въ Швейцаріи.

— Офицеры національной гвардіи короля неаполитанскаго, изъ Нѣмцевъ, такъ расхвалили мнѣ Швейцарію, что я захотѣлъ посѣтить ее до заключенія въ Генуѣ.

Онъ пробѣжалъ долину Шамуни, всходилъ на Монбланъ и Юнгфрау. «Это самая холодная дѣвушка изъ тѣхъ, которыхъ я знаю, прибавилъ онъ».

Мы пошли вмѣстѣ съ нимъ къ новому амфитеатру, и воротились оттуда въ городъ. Онъ сказалъ, что ѣдетъ въ Геную, гдѣ живетъ его невѣста. Пригласивъ меня ѣхать съ нимъ, онъ шепнулъ на ухо:

— Ты конечно ничего не скажешь тамъ о моей ручной птичкѣ, о нашей маленькой пѣвушкѣ и о другихъ приключеніяхъ.

Теперь вѣрно уже по опыту ты знаешь, что они составляютъ исторію всѣхъ молодыхъ людей.

Я не въ силахъ былъ напомнить ему объ Анунціатѣ; любовь его не была похожа на мою.

— Поѣдемъ со мною, сказалъ онъ. Въ Генуѣ много молодыхъ, хорошенькихъ дѣвушекъ. Теперь это должно привлекать тебя. Неаполь тебя образовалъ, не такъ ли? Я ѣду отсюда черезъ три дня.

— Я думаю завтра оставить Миланъ. Я и не думалъ объ этомъ прежде, но вѣрно такъ рѣшила сама судьба.

Куда же? спросилъ Бернардо.

— Въ Венецію.

— Развѣ нельзя перемѣнить этого намѣренія?

Я такъ утвердительно говорилъ о необходимости этой поѣздки, что самъ наконецъ убѣдился въ ней.

И въ-самомъ-дѣлѣ приготовился къ отъѣзду. Цѣлую ночь не могъ сомкнуть глазъ. Внутренній голосъ неумолкаемо повторялъ мнѣ: въ Венецію.

Простившись съ Бернардо, я полетѣлъ туда, откуда назадъ тому два мѣсяца такъ старался уѣхать.

Броня моя была въ полномъ броженіи, мнѣ казалось что я проглотилъ яду. Странная тоска толкала меня впередъ. Какое же несчастіе грозило мнѣ?

Вотъ Фузина, сѣрыя стѣны Венеціи, колокольня святого Марка и лагуны. Тогда нетерпѣніе мое исчезло внезапно, и мѣсто его заступило неудовольствіе на самого себя и стыдъ. Я самъ не понималъ, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Венецію? Чувствовалъ, что сдѣлалъ глупо, мнѣ казалось, что каждый подумаетъ или сиропитъ меня. «Зачѣмъ вы воротились въ Венецію?» Что же я на это отвѣчу?

Я занялъ прежнюю мою квартиру. Одѣвшись на-скоро поѣхалъ къ подестѣ, хотя чувствовалъ себя слабымъ и встревоженнымъ.

— Что же подумаютъ они о моемъ неожиданномъ возвращеніи? Гондола приближалась къ дворцу Отелло.

Можетъ-быть я встрѣчу тамъ торжество или праздникъ! Можетъ быть празднуютъ сегодня свадьбу Маріи! Ну, что за бѣда! Я не люблю ея! Не увѣрялъ ли я и себя и Поджіо въ этомъ сто разъ!

Входя въ домъ подесты, сердце мое сильно билось. Слуга, ко-

горый отворилъ мнѣ дверь, имѣлъ озабоченный видъ. Онъ не удивился моему прїѣзду; онъ тѣмъ-то былъ очень занятъ.

— Синьоръ подеста всегда готовъ принять васъ, отвѣчалъ мнѣ, когда я спросилъ у него, могу ли видѣть его господина.

Въ большой залѣ, черезъ которую я проходилъ, было тихо, завѣсы опущены. Здѣсь жила Дездемона; здѣсь можетъ-быть она страдала! Но Отелло страдалъ больше нея! И почему эта старая исторія пришла мнѣ на память?

Я вошелъ въ гостиную Розы, тамъ также завѣсы были опущены. Въ полутемнотѣ снова овладѣло мною неизъяснимое безпокойство, которое не оставляло меня во время дороги и привело въ Венецію. Лихорадочная дрожь пробѣжала по тѣлу; я долженъ былъ опереться на стулъ, чтобъ не упасть.

Вошелъ подеста, обнялъ меня и, казалось, очень былъ радъ видѣть меня. Я спросилъ, гдѣ Марія и Роза. При этомъ вопросѣ онъ задумался.

— Ихъ нѣтъ здѣсь. Они уѣхали съ однимъ семействомъ не-долго въ Падуу, и завтра или послѣ завтра должны возвра-титься.

Не знаю почему, я сомнѣвался въ истинѣ этаго отвѣта. Мо-жетъ-быть странная недоувѣрчивость моя была слѣдствіемъ го-рячки, которая палила мою внутренность, смущала духъ мой; она вѣрно воротила меня въ Венецію.

За ужиномъ отсутствіе Маріи и Розы давило меня. Въ обра-щеніи подесты было что-то особенное. Онъ сказалъ мнѣ, что истонился разсматриваніемъ одного очень запутаннаго процесса.

И Поджіо вѣгдѣ не видно, прибавилъ онъ. Правду говорятъ, что вѣскольکو неудачъ случается разомъ, одна за другою. И вы кажется страдаете. Сегодняшній вечеръ очень печаленъ. Попро-буемъ, не развеселить ли васъ немного вппо.

— Но вы блѣдны! вскричалъ онъ.

Я почувствовалъ, что силы меня оставляютъ и упалъ безъ па-мяти. Открылась жестокая нервическая горячка. Я помнилъ, что лежу въ покойной, чистой комнатѣ. Подеста сидѣлъ у изголовья. Онъ мнѣ сказалъ, что нашелъ лучшимъ оставить меня въ своемъ домѣ, что я скоро выздоровѣю, что обо мнѣ будетъ заботиться Роза, но про Марію ни слова. Я былъ въ дремотѣ, не похожей ни на сонъ, ни на бодрствованіе. Потомъ сказали мнѣ, что дамы воротились, что скоро я ихъ увижу. Въ-самомъ-дѣлѣ я увидѣлъ

Розу; она была очень встревожена; мнѣ показалось, что она плакала, но о мнѣ только, потому что я выдерживалъ.

Быль вечеръ; никто не говорилъ ни слова, а двигались, сутались. На вопросы мои отвѣчали какъ-то неженно. Между-тѣмъ слухъ мой сдѣлался тоньше, я слышалъ шумъ веселья, слышалъ что подо мною въ залѣ ходитъ много народу. Думали, что я сплю, а я все понималъ, что дѣлалось вокругъ, но вѣсть я тѣмъ и спалъ.

Марія умерла. Поджіо вносилъ мнѣ объ ея болѣзни, прибавилъ что она выздоравливаетъ; но переломъ былъ причиною ея смерти. Сегодня вечеромъ она должна быть погребена, и это старается скрыть отъ меня. Смерть Маріи, какъ невидимая сила тяготѣла надъ моимъ существомъ; ей приписывалъ я мое желаніе. Увы! я пріѣхалъ поздно; я не увижу ея. Теперь она въ мірѣ духовъ, къ которому всегда принадлежала. Роза, безъ сомнѣнія, украсила гробъ ея пахучими фіалками. Марія ихъ такъ любила. Теперь она покоится на цвѣточномъ ложѣ.

Я былъ совершенно неподвиженъ, какъ передъ вѣчнымъ светомъ; но слышалъ, что Роза молилась Богу и ушла. Комната моя была пуста; я почувствовалъ въ себѣ необыкновенную силу. Я зналъ, что склепъ подесты — въ церкви Dei Fgari, и что ночью гробъ Маріи поставятъ въ церкви передъ алтаремъ. Желая видѣть ее, хоть мертвую, я всталъ, горячка прошла, силы воротились. Я набросилъ на себя плащъ, сѣлъ въ гондолу, и меня никто не замѣтилъ. Дверь въ церковь была заперта; потому что Ave Maria давно кончилась. Я постучалъ въ окно, гдѣ жилъ ключарь, который меня зналъ, и самъ водилъ показывать мнѣ мавзолей Кановы и Тиціана.

— Вы хотите видѣть мертвую? спросилъ онъ. Какъ угадалъ онъ мое желаніе? Она лежитъ въ открытомъ гробѣ передъ алтаремъ, продолжалъ онъ: а завтра опустятъ въ склепъ. Зажегши факелы и взявъ ключи, онъ отперъ боковую дверь. Шаги наши раздавались подъ высокими, звучными сводами. Я пошелъ впередъ къ алтарю, на которомъ горѣла лампада. Бѣлыя вранорныя статуи, окружающія мавзолей Кановы, казались мертвецкими въ бѣлыхъ саванахъ. Передъ главнымъ алтаремъ горѣли три лампады. Я не чувствовалъ ни скорби, ни смущенія, какъ будто самъ принадлежалъ къ числу мертвыхъ и входилъ въ собственное жилище. Я подошелъ къ алтарю; вокругъ слышенъ былъ запахъ фіалокъ. Отъ лампады лучи свѣта падали на мертвую, лежащую

из ступитомъ гробѣ. То была Марія. Она назалась снѣшею; се можно было принять за статую красеты. Русые волосы были приклеты букетомъ филомъ. То была Лара, какъ видѣлъ я се юсреди развалнѣ крама; только теперь она уже бездушная статуя.

— Лара! вскричалъ я: твои закрытые глаза и безжизненные губы обличили тебя; я узналъ тебя въ Маріи, и желаю умереть съ тобой!

Сердце мое облеглося слезами, которые падали на лицо Маріи.

— Все меня оставляютъ, шепталъ я: и ты также, послѣдняя любимица моего сердца. Я тебя любилъ чисто, искренно, какъ негала, и потому-то не вѣрилъ, не понималъ любви своей. Прощай, невѣста моего сердца! Я поцѣловалъ ее въ лобъ. Никакая кевчанка не получитъ руки моей. Прощай, прощай! Я снялъ кольцо и надѣлъ его на палецъ Лары, но чувство страха овладѣло мною; мнѣ показалось, что мертвая рука пошала мою. Это не была мечта: я посмотрѣлъ на нее пристально и увидѣлъ, что губы ее шевелятся. Волосы мои стали дыбомъ, страхъ оковалъ руки и ноги, я не могъ бѣжать.

— Мнѣ холодно, шепталъ кто-то зади меня.

— Лара, Лара!

Глаза мои потускнѣли; мнѣ слышалась трогательная и приятная мелодія. Кто-то тихо положилъ руку на мою голову. Глаза мои снова промовѣли.

— Автою! сказала Роза.

Она стояла подлѣ меня; на столѣ герѣла лампа; съ боку кровати стояла на колѣнкахъ женщина и плакала.... Я догадался, что предъидущія сцены видѣлъ я въ бреду горячки.

— Лара, Лара! сказалъ я.

Она закрыла руками лицо свое.

— Что же я говорилъ въ бреду?

Эта мысль тотчасъ пришла мнѣ въ голову; она слышала все обѣты моего сердца.

— Ну, слава Богу, горячка шновалась! сказала Роза.

— Да, мнѣ лучше, гореде лучше.

Марія встала и хотѣла выйдти изъ комнаты; но я, протянувъ къ ней руки, сказалъ:

— Ради Бога, не уходите!

Мечта, смущенная, она остановилась передо мною.

— У васъ сильный бредъ, сказала Роза, подавая лекарство.

— Лара, Марія, прервалъ я, выслушайте меня. Теперь я не въ бреду, чувствую, что жизнь возвратилась ко мнѣ.... или жизнь моя была одинъ странный сонъ, или мы съ вами видѣлись.... Вы помните мой голосъ въ Пестумѣ, въ Капри.. Не правда ли, вы узнали меня, Лара? Жизнь такъ коротка, почему намъ не принадлежать другъ другу съ этой минуты?..

Я протянулъ къ ней руку; она прижала ее къ губамъ своимъ.

— Я люблю тебя, продолжалъ я: всегда любилъ.

Она упала на колѣна подлѣ моей кровати.

По аллегоріи древнихъ, любовь обратила хаосъ въ порядокъ и создала міръ. Созданіе возобновляется для всѣхъ влюбленныхъ. Я черпалъ жизнь и здоровье въ глазахъ Маріи. Нѣсколько дней спустя мы сидѣли уже въ той залѣ, гдѣ она спѣла мнѣ мелодію троглодитовъ; но голосъ ея мнѣ показался гораздо гармоничнѣе. Когда она раскрывала мнѣ внутреннія мысли своего чистаго, благороднаго сердца.... Я не обманулся: Марія и Лара были одно и то же лицо.

— Я тебя давно люблю, сказала она: твои пѣсни пробудили во мнѣ сильное желаніе увидѣть свѣтъ Божій; прежній міръ мой былъ очень бѣденъ; я знала свои мечты, запахъ фіалокъ и живительную теплоту солнца. Слѣпая должна по необходимости создавать для себя міръ фантазій, и въ немъ я тебя видѣла. На слѣдующую ночь, послѣ того какъ я слышала въ Пестумѣ твою импровизацію, мнѣ явилась во снѣ Цыганка, которая въ дѣтствѣ предсказывала, что я получу зрѣніе. Она сказала мнѣ: «Поѣзжай въ Капри; тамъ ты получишь отъ генія жизни травы, которыя возвратятъ тебѣ зрѣніе.» Этотъ сонъ повторился два раза сряду. Я рассказала его Анджею, но онъ мнѣ не повѣрилъ.

На слѣдующій день, передъ утромъ, и ему также приснилось.

— Пусть будетъ благословенна сила Святой Дѣвы, и духи тѣми ей повинуются.

Мы поѣхали; я услышалъ какъ геній жизни произвѣсь моею; голосъ похожъ былъ на твой. Онъ далъ намъ травъ и сосудъ съ деньгами. Травы эти мы варили, но сокъ изъ нихъ не помогъ моимъ глазамъ. Случай привелъ въ Капри брата Ресы, доктора. Осмотрѣвъ глаза мои, онъ обѣщалъ возвратить мнѣ зрѣніе, и взялъ съ собой въ Неаполь. Наконецъ я увидѣла свѣтъ. Добрый докторъ и сестра его оставили меня у себя, и позвако-

или съ другинъ міромъ, духовнымъ. Такъ я жила у нихъ; и на память любимой сестры ихъ, умершей въ Греціи, меня назвали Маріей.

Въ одинъ день пришелъ ко мнѣ Анджемо, больной, разслабленный, и сказалъ, что онъ чувствуетъ приближеніе смерти; что, не имѣя кому передать сокровище, полученное въ гротъ, онъ отдастъ его мнѣ въ наслѣдство. Я была при его послѣднемъ вздохѣ. Бѣдный Анджемо! онъ былъ единственнымъ моимъ покровителемъ во время моего дѣтства.

Докторъ былъ изумленъ, что сокровище, принесенное Анджемо, состояло изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ разныхъ чужеземныхъ народовъ. Онъ думалъ, что пріемный отецъ мой былъ вѣртомъ; разспрашивалъ меня о жизни его. Я ничего не знала, кромѣ того, что слышала отъ него же, то есть, что это сокровище далъ ему добрый геній въ гротѣ. Я знала, что онъ былъ бѣденъ, что со мной дѣлился во всемъ, что имѣлъ; жилъ благочестиво; а потому нельзя было предполагать, чтобъ онъ когда-нибудь занимался разбоемъ.

Когда Марія замолчала, я объяснилъ ей какъ происшествіе это связывается съ однимъ происшествіемъ въ моей жизни, какъ я видѣлъ ее вмѣстѣ со старикомъ въ чудномъ гротѣ; что я далъ старику травы; но не сказалъ, что далъ сокровище, потому что старикъ самъ взялъ его оттуда.

— Анджемо рассказывалъ, что подавъ травы, духъ исчезъ.

— Такъ ему показалось, отвѣчалъ я. Въ ту минуту я ослабѣлъ, и упалъ въ густую траву.

— Я узнала твой голосъ, продолжала Марія, когда услышала въ Венеціи, на вечерѣ у банкира, и кажется, даже въ Божию храму упала бы къ ногамъ твоимъ. Съ того времени я привязывалась къ тебѣ болѣе и болѣе, и когда Анунціата позвала меня къ своему смертному ложу, какъ твою невісту, я не нашла это страннымъ. Но ты меня отталкивалъ отъ себя, говоря, что никого не будешь любить, и не женишься. Отчего же ты не упоминаешь никогда въ твоихъ рассказахъ о Ларѣ, о Пестумѣ, о Капри? Это меня огорчало; мнѣ казалось, что ты меня не любишь, и забылъ то, что запечатлѣлось въ моемъ сердцѣ.

Никто, кромѣ подесты и Розы, не зналъ о нашемъ счастьи. Поджіо часто посѣщалъ меня во время болѣзни; я замѣтилъ, что онъ сталъ блѣднѣе обыкновеннаго.

— Поджіо, приходите къ намъ сегодня вечеромъ, непременно, сказалъ ему подеста.

Къ вечеру все было приготовлено для торжества. Пришелъ Поджіо и нѣсколько изъ лучшихъ знакомыхъ.

Насъ повели въ маленькую домовую церковь, гдѣ дали намъ съ Ларой брачное благословеніе. Она была одѣта просто; букетъ фіалокъ приколотъ былъ къ ея русымъ волосамъ.

Церемонія кончилась, всѣ меня поздравляли. Вечеръ былъ веселый. Поджіо пѣлъ и повторялъ тостъ за тостомъ.

— Я проигралъ закладъ и выигралъ счастье, сказалъ я, целуя въ лобъ мою милую Лару.

Удовольствіе другихъ выражалось смѣхомъ; криво съ Ларой было безмолвно. Да, думалъ я, илюзія — не сонъ, и я боюсь не выдумка.

Два дня послѣ нашей свадьбы, мы отправились, вмѣстѣ съ Розой, въ купленное для Маріи помѣстье, въ Кальбріи. Поджіо не было видно; передъ отъѣздомъ онъ написалъ мнѣ записочку: «Я выигралъ закладъ и много проигралъ.» Скоро догадки мои оправдались: онъ любилъ Лару. Бѣдный Поджіо! онъ весело пѣлъ, когда на сердцѣ было не весело.

Лара очень понравилась Франческѣ; сказали, что путешествіе принесло мнѣ много хорошаго. Его сіятельство и Фабіано также одобрили мой выборъ. Даже Габбасъ-Дада улыбнулся, поздравляя меня.

Дядя Пеппо жилъ еще, и теперь живетъ; по обыкновенію сидитъ на испанскомъ крыльцѣ, и говоритъ проходившимъ: «Ванн гіогно.»

Шестаго марта 1834 года много иностранцевъ собралось въ гостиницѣ Пагани, на островѣ Капри, въ томъ числѣ были мы съ Ларой. Передъ отъѣздомъ въ Венецію намъ вздумалось посетить этотъ островъ. Уже три счастливые года прошло, съ дня нашего соединенія.

Въ углу сидѣла пожилая дама съ ребенкомъ на рукахъ. Иностранецъ, высокаго роста, съ рѣзкими чертами, блѣдный, подошелъ къ дитяти, игралъ съ нимъ, и кажется, былъ обвороженъ его ласковостью. Онъ говорилъ по-французски, а къ дитяти

взглядъ и въсколко словъ по-итальянски. Онъ спросилъ у пожилой дамы, нашей доброй Розы, какъ зовутъ ребенка? Анунциата, вѣчала она. Дитя это была наша дочь.

— Я подожду къ нему. Онъ былъ датчанинъ; съ нимъ былъ угой маленькаго роста, важнаго вида, съ умнымъ взглядомъ; въ ихъ узналъ я, что Фридерикъ воротился на родину.

Мы сошли на берегъ, взяли одну изъ маленькихъ лодокъ, нарочно устроенныхъ для прогулки путешественниковъ вокругъ острова. Въ ней садятся по концамъ, а гребецъ по срединѣ.

Опять увидѣлъ я воды, прозрачныя какъ зѣфиръ. Лодка наша мѣтла съ быстротою стрѣлы. — Скоро скрылся изъ глазъ моихъ вологий, амфитеатромъ возвышающійся берегъ, и передъ мной возвышалась отвѣсная скала. Мы пробѣжали на противоположную сторону острова къ отверстію, въ которое едва могла войти наша маленькая лодка.

— Это пещера волшебницъ, вскричалъ я.

— Да, отвѣчалъ гребецъ, такъ ее прежде называли, пока не знала, что это такое.

Онъ разсказалъ намъ, что два Нѣнца живописца Фрисъ и Коинскъ, назадъ тому три года, вплавь пробрались въ этотъ гротъ, и съ тѣхъ поръ его посѣщаютъ всѣ путешественники.

Мы съ Ларой присѣли на дно лодки, гребецъ положилъ весла и, управляя руками, провелъ насъ черезъ узкое отверстіе. Лара тяжело дышала; ей было страшно. Черезъ минуту мы были подъ огромнымъ сводомъ, наполненнымъ свѣтящимся голубымъ зѣвромъ. Единственное отверстіе, черезъ которое мы вошли, было глубиною до 40 футовъ. Солнечные лучи, преломляясь черезъ массу воды, отражались въ гротѣ голубымъ цвѣтомъ, похожимъ на сѣрое пламя. Брызги отъ веселъ, напротивъ, казались красными каплями.

То былъ настоящій, безъ преувеличенія, волшебный міръ. Лара сложила руки и задумалась. Мысли наши были одиѣ и тѣже.

Тамъ мы встрѣтились съ нею; тамъ пираты оставили вѣрно сокровище, въ то время, когда никто не смѣлъ приближаться къ этой пещерѣ. Все сверхъестественное обратилось тамъ въ дѣйствительное. Да, сущность завладѣла этимъ духовнымъ міромъ, точно такъ, какъ все на землѣ тайна и чудо, начиная отъ прозябанія самаго простаго цвѣтка до существованія нашихъ безсмертныхъ душъ. И все-таки человѣкъ не хочетъ вѣрять чудесамъ.

Вдруг отверстіе потемнѣло, и другія лодки выплыли къ намъ какъ-будто изъ глубины водъ. Все мы погружены были въ бо-
молвное созерцаніе. И протестанты и католики въ ту минуту од-
наково вѣрили что міръ полонъ чудесъ.

— Приливъ поднимается, сказалъ гребецъ нашъ. Надобно вы-
йти; а иначе отверстіе закроется, и намъ придется здѣсь дож-
даться отлива.

Мы оставили эту необыкновенную пещеру. Скоро открылось
передъ нами безграничное море, и мы потеряли изъ виду прѣ-
сное отверстіе голубаго грота.

Г Н Ъ В Ъ.

=

РОМАНЪ ЭВГЕНІЯ СЮ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

ПРОЛОГЪ.

=

I.

Въ 1801 году, въ половинѣ масляницы, очень одушевленной извѣстіемъ мира, подписаннаго въ Люневиль, когда Наполеонъ былъ первымъ консуломъ французской республики, — въ одномъ отдаленномъ мѣстѣ, окруженномъ полуразвалившимися укрѣпленіями города Орлеана, происходило слѣдующіе событіе:

Было семь часовъ утра, свѣтало; человекъ въ свѣтломъ кастанѣ ходилъ взадъ и впередъ; холодъ былъ пронзительный, утро туманное; по временамъ, чтобъ согрѣться, онъ дулъ въ пальцы, тесалъ объ землю ногами и поглядывалъ на трюнику, окружающую бастионы.

Минутъ десять спустя, второе лицо, закутанное плащомъ и сирывавшееся до-тѣхъ-поръ за выдавшимся бастиономъ, явилось на трюникѣ и почтино подошло къ человеку въ темномъ кастанѣ.

— Я боялся опоздать, сказалъ человекъ въ плащѣ.

— Намъ остается еще четверть часа времени, отвѣчалъ другой; взяли вы съ собой шнаги?

— Вотъ онъ.... это именно и задержало меня, мнѣ было очень трудно достать ихъ. А Ивонъ, видѣли вы его сегодня?

— Нѣтъ, не видалъ; вчера вечеромъ онъ сказалъ мнѣ, что явится прямо сюда. Онъ боялся, и былъ совершенно правъ, что присутствіе мое въ его домѣ, и въ такое раннее время, можетъ обезпокоить жену его и дать ей нѣкоторое подозрѣніе.

— Ахъ, да, любезнѣйшій! пока не пришелъ Ивонъ, расскажите мнѣ порядкомъ причину этой ссоры. Вы сами знаете, что вчера вечеромъ онъ такъ торопился, что я ничего не могъ отъ него узнать....

— Очень простая причина.... Въ послѣднемъ засѣданіи суда, какой-то адвокатъ, по имени Лоренъ, въ рѣчи своей очень замѣтно намекнулъ на личное пристрастіе нашего друга, который былъ въ числѣ судей, рѣшавшихъ это дѣло....

— Какъ это низко, и тѣмъ болѣе, что британская честность Ивона Кларека всѣмъ извѣстна....

— Еще бы!... но вамъ извѣстна тоже немовѣрная вспыльчивость нашего друга; за то, не будучи въ состояніи преодолѣть себя, онъ вскочилъ со стула; перебилъ на лету адвоката и вскричалъ: «Вы безчестный клеветникъ, мосѣе Лоренъ, я вамъ говорю это не какъ судья, но какъ человѣкъ съ душой, и повторю это даже послѣ засѣданія». Можете судить, въ какомъ волненіи были всѣ присутствующіе.

— Дѣло въ томъ, что такая живость не идетъ къ важности званія савонника.

— «Извольте, милостивый государь, отвѣчалъ холодно адвокатъ Ивону; и всегда готовъ къ вашимъ услугамъ».

Засѣданіе кончается, присутствующіе употребляютъ всѣ средства, чтобъ прекратить ссору.... но вы знаете жизненную волю нашего друга. Адвокатъ Лоренъ, человѣкъ впрочемъ очень рѣшительный, требовалъ извиненій; услышавъ такое притязаніе, Ивонъ чуть было не захохоталъ отъ гнѣва.... Наконецъ назначено сегодняшнее свиданіе; для котораго выбрали шпату....

— Мнѣ нравится эта щекотливость въ Ивонѣ.... только боюсь, чтобъ такая исторія не повредила ему по службѣ....

— Я тоже этого боюсь, хотя такой благородный, энергическій поступокъ выставилъ званіе судьи съ хорошей стороны. Но вотъ что не хорошо въ этомъ дѣлѣ, что Ивонъ уже нѣсколько разъ имѣлъ довольно жаркіе споры съ президентомъ суда, который, какъ говорятъ, не совсемъ безпристрастный человѣкъ.... Еще довольно неприятно то, что другъ нашъ по вспыльчивому своему характеру уже два раза перемѣнилъ мѣсто своей службы.

— Такое доброе, любящее сердце...

— Да, и такой бешенный характеръ, такая бушующая голова! ~~Иде~~ какъ я самъ этому не радъ....

— И съ такими характеромъ сдѣлаться судьбою!...

— Что жъ было ему дѣлать? Отецъ его былъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ сановниковъ, и требовалъ, чтобъ Ивонъ тоже избралъ эту карьеру. Онъ обожалъ отца и повиновался его волѣ. Когда впоследствии онъ потерялъ отца, то было уже поздно переменить службу; ктому жъ, наконецъ, у него кѣтъ состоянія; главный доходъ онъ получаетъ отъ мѣста, а у него жена и ребенокъ.... Следовательно, онъ принужденъ, какъ видите, вѣсти свое иго.

— Это правда... какъ жаль!...

— Ахъ да! скажите, хорошо Ивонъ стрѣляетъ?

— Очень хорошо.... потому что въ первой молодости онъ страстно любилъ всѣ тѣлесныя упражненія; только я боюсь, чтобъ онъ не увлекся храбростью и гнѣвомъ, и самъ не бросился въ опасность ...

— Лучше бъ было еслибъ онъ былъ по-хладнокровнѣе.... А противникъ его?

— Говорятъ, что онъ довольно мѣтко стрѣляетъ.

— На всякій случай я оставилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда карету, въ которой пріѣхалъ.... Къ счастью Ивонъ живетъ почти у самой заставы...

— А я такъ вовсе не хочу думать о несчастьи.... смерть Ивонда сразитъ однимъ ударомъ и жену его!... Если бъ вы знали, какъ она его любитъ!... это ангелъ красоты и доброты!... Онъ же съ своей стороны... такъ милъ и такъ предупредителенъ къ ней.... Они просто обожаютъ другъ друга.... И если року уже угодно будетъ.... чтобъ....

— Кажется, кто-то говоритъ?...

— И въ-самомъ-дѣлѣ.... вѣрно наши противники.... Какъ жаль, что Ивонъ не предупредилъ ихъ.

— Его вѣрно задержали предосторожности на счетъ жены....

— Вѣроятно, что такъ.... но это очень жаль.

Вскорѣ три человека явились изъ-за угла бастіона и приближались къ тому мѣсту, гдѣ разговаривали друзья Ивонда; это были противникъ Кларека и его два секунданта, которые подошли къ челоѣку въ плащѣ и его собесѣднику, и вѣжливо имъ поклонившись, извинившись, что заставили, можетъ быть, ждать себя;

на что первые отвѣчали, что Кларекъ еще не явился, но вѣроятно скоро будетъ.

Одинъ изъ секундантовъ адвоката, не теряя времени, предложилъ выбрать, въ ожиданіи Кларена, мѣсто недвѣтника; предложеніе было принято, и только что успѣли выбрать мѣсто — прѣехалъ Ивонъ. Потъ крупными каплями выступалъ на лицѣ его; грудь колыхалась, что ясно доказывало испѣшность его; онъ пожалъ дружески руку своимъ секундантамъ и сказалъ въ пол-голоса:

— Если бъ вы знали, какъ мнѣ трудно было уйти изъ дому... я такъ опасался подозрѣній жены.

Обращаясь тогда къ противнику, онъ сказалъ стараясь казаться спокойнымъ:

— Прошу извинить меня, милостивый государь, что заставилъ васъ ждать; но это не моя вина.

Адвокатъ поклонился и сталъ снимать съ себя платье; Кларекъ послѣдовалъ его примѣру.

Секунданты же въ это время мѣрили шпаги.

По мѣрѣ того какъ приближалась минута сраженія, видно было, если можно только такъ выразиться, какъ гнѣвъ Ивона подымался и кипѣлъ. Все тѣло его дрожало; кровь бросалась то въ руки, то въ лицо, блестящіе глаза его наливались постепенно кровью, между тѣмъ какъ толстыя жилы его могучихъ рукъ натягивались какъ веревки; всѣ черты его дышали какою-то дикою радостью; казалось, что при видѣ опасности онъ былъ въ своей сферѣ и дышалъ свободно. Этотъ сангвиническій темпераментъ, эта бурная, необузданная натура, почти всегда подавленная, стѣсненная всѣми свѣтскими приличіями, не могла достигъ до полноты своего развитія, до своей всемогущей дѣятельности какъ только посреди пылу борьбы, опасности и гнѣву.

Ивонъ былъ дотога не терпѣливъ, дотога пылокъ, что раздѣвшись скорѣе адвоката бросился было на негръ; но секунданты схватили его за обѣ руки.

Наконецъ противники стали на мѣста.

Одинъ изъ секундантовъ произнесъ торжественное слово:

— Начинайте!

Кларекъ съ такимъ пыломъ, съ такою необузданною яростью бросился на своего противника, который, не ожидая столь внезапнаго нападенія, пошатнулся, и предупреждая ударъ, перегнулся назадъ; но послѣ двухъ-минутнаго бою, онъ по неволѣ выронилъ шпагу, потому что былъ насквозь раненъ въ руку.

— Довольно! вскричали въ одинъ голосъ секунданты, видя одного изъ противниковъ обезоруженнымъ.

Къ несчастью, гивъ Бретонца дошелъ до того, что онъ не слышалъ этихъ примирительныхъ словъ: *Довольно, оставались!* и еще сильнѣе напалъ на своего противника, который дрался храбро, но видя себя обезоруженнымъ и не въ состояніи защищаться отъ ударовъ такого бѣшенаго, отскочилъ назадъ, поспѣшно обернулся и побѣжалъ куда глаза глядятъ.

Неистовый Ивонъ бросился за нимъ, но секунданты схватили и не безъ труда обезоружили его, подвергаясь сами большой опасности; между тѣмъ, какъ одинъ изъ пріятелей адвоката обвивалъ платкомъ его рану, не очень впрочемъ опасую.

Секундантъ Кларека предложилъ раненому экипажъ свой: тотъ принялъ его съ благодарностью, и враги помирившись разошлись.

Подходя къ заставѣ, одинъ изъ пріятелей Ивона сказалъ:

— Объ чемъ ты думаешь? Развѣ можно нападать на обезоруженнаго врага?

— Я не могъ думать, чтобъ это былъ уже конецъ, отвѣчалъ Ивонъ съ печальною улыбкой.

— Еще бы не быть концу!... ты такъ торопишься, что это не могло продолжаться!

— Ахъ!... мнѣ надо бъ было цѣлый часъ борьбы, тогда, мнѣ кажется, я надолго былъ бы спокоенъ, сказалъ Кларекъ. Я чувствую какъ кровь все еще клокочетъ во мнѣ, пылъ гивва пожираетъ меня... А я-то думалъ удовлетворить сердце свое, порадоваться!

Ивонъ сказалъ это съ такою досадою и такъ простосердечно, что сдѣлалось даже смѣшно, и пріятели его не могли не разсмѣяться.

— Чортъ возьми!... вскричалъ Кларекъ, бросая гиввный взглядъ на смѣющихся.

Но вскорѣ пришедъ въ смущеніе отъ такой запальчивости, опустилъ голову и замолчалъ.

Одинъ изъ секундантовъ продолжалъ весело:

— Не вздумай и съ нами ссориться, любезный Ивонъ... Это не стоитъ труда... потому что мы оба вмѣстѣ, не можемъ доставить тебѣ болѣе десяти минутъ... упражненія... да и того не будетъ.

— Перестань и будь разсудителемъ, любезный Кларекъ, орп-

дѣлать другой секундантъ. Вмѣсто того, чтобы досадовать, ты напротивъ долженъ благодарить судьбу, что все это такъ счастливо кончилось....

— Ты, вѣрно не раненъ, а противникъ твой только слегка раненъ.... Чего жъ тебѣ еще больше?

— Охъ совершенно правъ, Ивонъ, ну посуди сама, каково бы даже было, если бы мы привезли тебя домой долумертваго?... Подумай хоть о женѣ своей.... о дочери....

— О женѣ!... о дочери!... вскричала вздрагивая Кларекъ.... Ты ны правъ, друзья мои.

Слова выступили на глазахъ его.

— Экой я безумный, бѣщевый, прибавилъ онъ; но это, какъ видите, не моя вина; потому что у насъ въ Бретани говорятъ: у кого слишкомъ много крови, тотъ слишкомъ много дѣйствуетъ.

— Въ такомъ случаѣ ставь ноги въ воду съ горчицей и пускай себя кровь, пріятель! но вмѣсто ланцета не хватайся за шпагу, особенно же не пускай крови другимъ потому только, что у тебя ее много, сказалъ шутя одинъ изъ пріятелей.

— Или читай философъ, любезнѣйшій, прибавилъ другой, а главное не забывай, что ты сановникъ, блюститель мира и тишины.

— Да, вамъ легко это говорить, отвѣчалъ вздыхая бѣдный Ивонъ, потому что не знаете, каково сидѣть въ судейскомъ нарядѣ и чувствовать, что въ жилахъ течетъ слишкомъ много крови.

Доблагодаривъ дружески секундантовъ своихъ, Кларекъ хотѣлъ идти домой, какъ вдругъ одинъ изъ пріятелей, прощаясь съ нимъ, сказалъ:

— Вѣдь мы увидимся съ тобой на сегодняшнемъ маскарадѣ у тѣстя твоего президента.... Говорать, что по этому случаю суду вашему разрѣшено отложить глубокомысліе въ сторону. Рана твоего, противника вовсе не опасна, слѣдовательно тебѣ нѣтъ причины не ѣхать на балъ, который, какъ говорятъ, будетъ очень занимателенъ.

— Сначала я не хотѣлъ ѣхать, потому что жена моя не совсемъ здорова, отвѣчалъ Ивонъ; но она такъ упрашивала меня, чтобы я поѣхалъ разсвѣтаться, что я наконецъ рѣшился, и думаю ѣхать на минуту, посмотреть каковъ будетъ эффектъ.

— Такъ до свиданья!

— До свиданья.

Ивонъ, возвратясь домой, чувствовалъ, что обвинить нѣжнѣе обвиняющаго жѣну свою и дочь.

На порогѣ его встрѣтила служанка и сказала, что какой-то человекъ пришелъ за очень важнымъ дѣломъ и дожидается въ кабинетѣ.

— Хорошо.... а пока меня не было дома, жена не спрашивала обо мнѣ?

— Нѣтъ не спрашивала, сударь.... Мамушка Робертъ сейчасъ приходила отъ барыни и сказала, что она не велѣла входить къ себѣ, пока не изволитъ позвонить.... потому что хочетъ заснуть немного.

— Исполните же приказаніе ея.... сказалъ Кларекъ.

И вошелъ въ кабинетъ, гдѣ ожидалъ его какой-то незнакомый человекъ.

Это былъ толстый и высокій, лѣтъ около сорока, съ простымъ, ничего не выражающимъ лицомъ, геркулесовской наружности и одѣтый какъ помѣщикъ.

Кланяясь довольно вежливо Ивону, онъ сказалъ ему самымъ ласковымъ тономъ :

— Вы господинъ Кларекъ, судья ?...

— Точно такъ, милостивый государь.

— Я, господинъ судья, друженъ съ Леланъ, который знакомъ съ вами.

— Правда, я дѣлалъ ему нѣкоторыя одолженія ; онъ достойный человекъ; какъ онъ теперь поживаетъ?

— Очень хорошо; онъ-то и сказалъ мнѣ: «Ты въ горѣ, такъ обратись къ господину Клареку; онъ любитъ помогать бѣднымъ людямъ....»

— Что могу я сдѣлать для васъ ?

— Сынъ мой кутила, господинъ судья, и дѣло его должно скоро поступить въ вашу судъ....

— О какомъ дѣлѣ говорите вы ?

— О дѣлѣ Жозефа Рато, отвѣчалъ толстякъ мигая значительно глазами, ложная подпись.... больше ничего какъ ложная подпись....

Кларекъ удивленный и недовольный грубымъ языкомъ, какимъ выражался этотъ отецъ, говоря о постыдномъ обвиненіи тяготившемъ на его сынѣ, отвѣчалъ строго :

— Жозефъ Рато обвиненъ въ фальшивой подписи, и его скоро будутъ судить.

— Послушайте, господинъ судья, я не люблю говорить оби-

никаки; между нами будь сказано, дѣтина мой накуралоселъ, и попался какъ дуракъ...

— Берегитесь.... будьте осторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ... онѣ могутъ быть уликюю.

— Отъ подписи этой нельзя отречься.... господниъ судья... это ясно какъ день.... А если бѣ не то, сами можете судить, сталъ ли бы я стараться....

— Говорите яснѣе, милостивый государь, сказалъ Ивоу, все болѣе и болѣе выходя изъ себя отъ такихъ чувствъ и намеръ, какія были у этого человѣка.

— Ну, такъ вотъ въ чемъ дѣло, господниъ судья; еслибѣ не причины, которыхъ я не могу вамъ сказать, то мнѣ было бѣ все равно осудить или нѣтъ моего дѣтину. «Ты не смѣлъ обдѣлать своего дѣла, сказалъ бы я ему, попался братъ, значитъ что ты глупъ, и потому получилъ то, что заслужилъ....» Но мнѣ необходимо, видите ли, чтобъ его оправдали....

— Ни слова болѣе!... вскричалъ Ивоу, чувствуя какъ кровь бросилась ему въ голову и какъ негодованіе его перешло въ страшный гнѣвъ.

— Таково мое мнѣніе, господниъ судья, что мнѣ за дѣло ю словъ, надо думать не о словахъ, а о дѣйствіяхъ! отвѣчалъ просветель.

Потомъ снова мигнувъ значительно глазомъ, опустилъ руку въ карманъ длиннаго своего жилета, вытащилъ оттуда какой-то свертокъ, и держа его между большимъ и указательнымъ пальцами, показалъ его Ивоу и сказалъ съ улыбкою :

— Тутъ завернуто пятьдесятъ добрыхъ и старыхъ червопцевъ.... Это задатокъ оправданья.... а послѣ я заплачу вамъ еще пятьдесятъ такихъ же червопцевъ.

Многія обстоятельства оправдывали это недостойное покушеніе на подкупъ, потому что послѣ первыхъ годовъ республики въ народѣ настало ужасное разслабленіе нравовъ; и потому нашъ просветель, будучи увѣренъ, что поступилъ хорошо, положилъ торжественно свертокъ червопцевъ на уголъ стоящей подлѣ него конторки.

Кларекъ, выведенный изъ себя такимъ оскорбленіемъ, чуть было не увлекся порывомъ страшнаго гнѣва, какъ вдругъ взоръ его остановился на портретѣ жены, спальня которой находилась надъ кабинетомъ его. Онъ вспомнилъ, что она почивала и что шумъ этотъ можетъ разбудить и напугать ее. Сдѣлавъ тогда сверхъестественное усиліе надъ самимъ собою, онъ удержалъ

жался, схватилъ шляпу и сказалъ поспѣтелю дрожащимъ голо-
сомъ:

— Возьмите деньги.... мы поговоримъ объ этомъ.... тамъ....

И дѣлая ему знакъ слѣдовать за собою, онъ вышелъ поспѣш-
но на улицу.

Провинціалъ, воображая, что судья, вѣроятно изъ осто-
рожности, захочетъ скорѣй обдѣлать эту дѣлку въ другомъ на-
комъ либо мѣстѣ, чѣмъ у себя дома, спряталъ свертокъ въ кар-
манъ, взялъ свою толстую узловатую палку, и пошелъ вслѣдъ за
Кларекомъ, на лицо котораго ему некогда было смотрѣть, а не
то онъ испугался бы его выраженія, или догадался бы въ чемъ
дѣло.

— Да куда жъ мы это идемъ, господинъ судья? спросилъ онъ
Кларека, за которымъ ему трудно было слѣдовать, потому что
тотъ не шелъ, а бѣжалъ.

— Сюда, отвѣчалъ Ивонъ задыхающимся голосомъ и повора-
чивая за уголъ, сюда....

Улица, въ которую они вошли, копчалась площадью, называе-
мою *Новою Площадью*, гдѣ находился рынокъ, и гдѣ въ это вре-
мя такъ и кипѣлъ народъ.

Когда Кларекъ, у котораго было свое на умѣ, вошелъ въ се-
редину толпы, то внезапно обернулся къ провинціалу, который
слѣдовалъ за нимъ поспѣшно, и схвативъ его желѣзною рукою за
воротъ, закричалъ громовымъ голосомъ:

— Народъ!.... смотри на этого негодяя и присутствуй при
его казни.... это будетъ тебѣ примѣромъ....

Время народныхъ волненій не совсѣмъ еще тогда прошло,
воззванія къ правосудію и чувствамъ народа, пренія и рѣчи на
площадяхъ были слишкомъ обыкновенны; и потому толпа, не
столько была удивлена, сколько ей хотѣлось знать, въ чемъ дѣ-
ло; привлеченная громкимъ голосомъ Ивона, она обвружила скоро
и судью и просителя.

Послѣдній, не смотря на свои усилія и геркулесовское тѣло-
сложеніе, не могъ выбиться изъ могучихъ рукъ Кларека, который
тряса его за воротъ, продолжалъ съ большою яростью:

— Я судья.... здѣшняго города.... а подлець этотъ предлага-
етъ мнѣ золото, чтобъ я оправдалъ преступника; какова низость,
таково будетъ наказанье.

Сказавъ это, судья приготовился уже осыпать ударами дере-
венскаго атлета; но онъ вырвался отъ Кларека, и въ такой же
ярости, какъ и судья, отступилъ на шагъ, поднялъ палку, на-

стоящую дубину и хотѣлъ было нанести смертельный ударъ самому Бретонцу; но тотъ по примѣру своихъ соотечественниковъ, которые во время борьбы нагибаются и бросаются головою впередъ на своего противника, напалъ на деревенскаго геркулеса съ такою яростью, что попалъ головою прямо въ грудь и переломилъ ему оба ребра; кровь хлынула, и проситель упалъ безъ чувствъ.

Пользуясь тогда смятеніемъ толпы, окружающей побѣжденнаго и превозносящей побѣдителя, Кларекъ немного успокоился и спѣшилъ скрыться отъ торжества своего; онъ перешелъ черезъ площадь, и увидавъ порошнй фiakръ, бросился въ него и велѣлъ вѣхать въ судъ, потому что уже была пора засѣданія.

Пусть Кларекъ вѣдетъ себя въ судъ и занимается послѣ такихъ подвиговъ, которые бѣ сдѣлали честь самому опытному гладиатору; мы же въ это время скажемъ нѣсколько словъ о маскарадѣ, о которомъ упоминали секунданты Ивона.

Это смѣлое для провинціи нововведеніе приготовлялось въ дѣнь мосье Бонневала, одного богатаго негодянта и тестя президента того суда, въ которомъ служилъ Кларекъ; всѣ члены этого присутственнаго мѣста были приглашены; а какъ всѣ должны были быть замаскированы, то рѣшено было, чтобъ не унизить судейской важности, надѣть величественное черное домино или какой другой важный костюмъ.

Кларекъ, какъ мы уже сказали, былъ въ числѣ приглашенныхъ; хотя слухъ о дуэли его и казни, свершенной имъ надъ арендаторомъ уже носился по городу, однако не достигъ еще до ушей мадамъ Кларекъ.

И потому въ домѣ судьи все было совершенно спокойно; тамъ занимались, какъ и во многихъ другихъ домахъ, приготовленіями къ вечеру, потому что въ то время въ провинціи почти нельзя было достать костюмовъ. Столовая Кларека походила въ этотъ день на швальну портнаго: тамъ и сямъ были разбросаны обрѣзки матерій разныхъ цвѣтовъ, остатки агрантанту, шелку и серебра.

Три молоденькія болтливыя, какъ канарейки, швед, разговаривали и работали подъ присмотромъ мамушки Роберъ, женщины лѣтъ тридцати, ловкой, привѣтливой, съ открытымъ и веселымъ лицомъ; она выкормила дочь Кларека, которой минуло недавно пять лѣтъ и теперь занимала должность горничной, или скорѣе, повѣренной особы мадамъ Кларекъ, которая видя услуги мамуш-

Робертъ, и зная ея преданность, позволяла ей обходиться съ нею съ нѣкоторою фамильярностью.

Дѣвушки называли ее почтительно *мадамъ Робертъ*.

— Еще одинъ стежокъ.... остается только прикрѣпить ленту.... и шляпа готова, сказала одна изъ швей.

— А я ужъ обрubiла шарфъ, подхватила другая.

— Мнѣ тоже не много работы.... только пришить къ жилету нѣсколько серебряныхъ пуговицъ, прибавила третья.

— Ай да умницы! сказала мамушка Робертъ, я увѣрена, что бариновъ нарядъ будетъ одинъ изъ лучшихъ.

— Все такъ.... мадамъ Робертъ, это довольно смѣшно....

— Что такое смѣшно?

— Наряженный судья.

— Да развѣ они не каждый день наряжаются.... въ свои мантии?.... прибавила другая.

— Такъ знайте, дѣвушки, что судейская мантия не нарядъ, а сорочничья одежда, сказала строго мамушка Робертъ.

— Извините, мадамъ Робертъ, сказала дѣвушка, до утра поглядѣть, а не душала ничего дурнаго....

— Какъ жаль, что мадамъ Кларекъ упускаетъ такой чудесный случай повеселиться! прибавила другая швея, чтобъ переимѣнить такой несприятный разговоръ.

— Ахъ, сказала со вздохомъ сожалѣнія и зависти одна изъ дѣвушекъ, если бъ я была на мѣстѣ мадамъ Кларекъ, то ужъ никакъ бы не упустила такого случая. Что можетъ быть лучше маскарада! Только однажды въ жизни можетъ случиться такое счастье.... и то не навѣрно.

— Если бъ вы знали, по какой причинѣ барыня наша лишаетъ себя этого удовольствія, сказала мадамъ Робертъ, то не стали бъ долге удивляться.

— Что жъ можетъ помѣшать ей веселиться, мадамъ Робертъ?

— Этого нельзя сказать молоденькимъ дѣвушкамъ, отвѣчала съ торжественнымъ видомъ довѣренная особа барыни.

Между-тѣмъ, дѣвушки кончивъ работу, собирались домой, потому что начинало уже смеркаться.

Въ ту минуту, когда онѣ выходили, новое лицо вошло въ столовую.

— А! мосье Сегофенъ! вскричали дѣвушки насмѣшливымъ и фамильярнымъ видомъ. Здравствуйте, мосье Сегофенъ, какъ ваше драгоценное здоровье?

Сегофену давали лѣтъ около сорока, онъ былъ высокаго росту

и очень худъ; кончикъ презиѣрно длиннаго его носу загнулся къверху, что придавало странное выраженіе его совершенно безстрастному лицу, на которомъ не было ни одного волоска; впрочемъ онъ былъ такъ блѣденъ, что его можно было принять за выпачканнаго мукою Пьерро; только одни глаза, маленькіе, черные, провицательные, оживляли насмѣшливымъ добросердечіемъ это блѣдное лицо; коротенькій, круглый и черный парикъ, издали походившій на шелковую вѣтку, еще болѣе придавалъ ему маслячнаго сходства; длинный сѣрый сюртукъ съ серебряными пуговицами, орѣховаго цвѣту панталоны, подвязанные подъ голѣнами, полосатые, бѣлые съ голубымъ чулки и черные кожаные съ большими серебряными пряжками башмаки, составляли ежесдневный нарядъ Сегоѣна, который держалъ подъ мышкою большой красный зонтикъ, а въ рукахъ старую трехуголку.

Прослуживъ двадцать лѣтъ старикъ Клареку, Сегоѣнъ, послѣ смерти его, съ тою же преданностью сталъ служить сыну его.

Мы уже сказали, что Сегоѣнъ въходя въ комнату, встрѣчанъ былъ злыми словами, сказанными насмѣшливымъ тономъ:

— А, мосьё Сегоѣнъ!.... здравствуйте, мосьё Сегоѣнъ, какъ ваше здоровье?

Блѣдная эта особа, на минуту не расставаясь съ своимъ обыкновеннымъ хладнокровіемъ, положила на стулъ зонтикъ и шляпу, потомъ, не говоря ни слова, подошла къ самой хорошенькой изъ насмѣшницъ, обхватила ее длинными своими руками и, не смотря на ея крики и отчаянное сопротивленіе, гребно поцѣловала въ розовыя ея щеки. Очень довольный такой вразумлѣній, онъ собирался даже повторить ее, какъ вдругъ мамушка Робѣра, схвативъ его за фалду сюртука, вскричала въ негодованіи:

— Сегоѣнъ! Сегоѣнъ! это право невѣроятно!.... такая свѣлость.... такое неприличное обхожденіе!....

— Что сдѣлано, того не переищишь, отвѣчалъ хладнокровно Сегоѣнъ, отирая съ наслажденіемъ свои губы, пока дѣвушки выходили изъ комнаты; всѣ онъ свѣтался и говорилъ въ одной голосъ:

— Прощайте, прощайте, мосьё Сегоѣнъ!

Оставшись съ ними одна, мамушка Робѣръ вскричала:

— Только ты одинъ способенъ на такія извѣсти.... да еще въ почтенномъ домѣ такого важнаго сановника.

— А? что такое? спросилъ протосердечно Сегоѣнъ.

— Какъ? что такое! Цѣлуйшь при нихъ эту дѣвушку!.... въ те

рени, когда преслѣдуешь меня своими любовными объясненіями!

— Ревнивая!

— Я! ревнивая? избави меня Боже! Если бъ я пошла когда-нибудь замужъ, отъ чего да сохранить меня пресвятая Богородица, такъ ужъ вѣрно не за тебя.

— Это еще не извѣстно.

— Какъ неизвѣстно? мнѣ-то по-крайней-мѣрѣ должно быть извѣстно.

— Что будетъ.... то будетъ, милая.

— Но....

— Перестань, перестань, продолжалъ самымъ самоувереннымъ тономъ хладнокровный камердинеръ перебивая Сусанну Роберъ, гдѣ я вижу, какъ тебѣ хочется за меня, и желаніе твое исполнится. Что будетъ.... то будетъ, не про что и говорить.

— Ахъ ты Господи Боже мой! вскричала ключница, выведенная изъ себя самонадеянною камердинера.

Потомъ какъ будто досадуя на самого себя за такую всмысленность, продолжала съ сардоническимъ спокойствіемъ.

— Ты правъ, Сегофенъ.... нечего говорить о такихъ глупостяхъ.... лучше этого мы ничего не можемъ сдѣлать.... Поговорить-ка о баринѣ.... нарядъ его уже конченъ.... такъ споспеша его къ нему въ кабинетъ.... онъ вѣрно скоро вернется изъ канцеляріи.

— Ахъ! сказала Сегофенъ, тяжело вздыхая и печально качая головою.

Человѣкъ этотъ былъ такъ хладнокровенъ и такъ рѣдко вздыхалъ, что мамушка Роберъ испугалась и спросила съ безпокойствомъ:

— Что это ты такъ вздыхаешь; это право удивительно.... и ты болѣе, что тебя ничто въ мірѣ не можетъ тронуть.

— Я ожидалъ этого, продолжалъ Сегофенъ, слова покачавъ головою. Это непремѣнно должно было случиться.... раньше.... или позже....

— Да что такое?.... скажи ради Бога!

— Баринъ нашъ, продолжалъ Сегофенъ снова вздыхая, выбросилъ изъ окна своего президента....

— Ахъ! Боже мой!

— Что сдѣлано, того не перемѣнишь.

— Возможно ли?

— Впрочемъ тутъ нѣтъ еще большой бѣды, потому-что онъ

выбросилъ его изъ нижняго этажа.... Прыжокъ былъ не труденъ.... прибавилъ Сегофенъ съ такимъ выраженiемъ, какъ будто ужъ покорился несчастiю, а президентъ какъ изворотливый человекъ, всталъ по обыкновенiю своему прямо на ноги; вѣдь онъ умѣетъ вертѣться во всѣ стороны.

— Послушай Сегофенъ, я не вѣрю тебѣ ни въ одномъ словѣ.... Ты опять выдумалъ какую-то сказку, и меня право удивляешь какъ у тебя хватаетъ духу смѣть шутить.... такимъ образомъ.... да надъ кѣмъ же еще?... надъ бариниою!.... докторо ты знавалъ ребенкомъ.... и который такъ постоянно милостивъ къ тебѣ! это просто нязко!

— Хорошо, пусть будетъ по твоему, что я шучу, отвѣчалъ хладнокровно Сегофенъ, а пока дай мнѣ нарядъ барина; онъ приказалъ снести его въ кабинетъ....

— Такъ это правда? вскричала Сусанна не сомнѣваясь болѣе въ истинѣ словъ Сегофена; такъ баринъ снова воссорился съ президентомъ?

— Если выбросилъ его изъ окна, такъ разумеется, что воссорился, отвѣчалъ простосердечно камердинеръ.

— Ахъ, Господи.... какое несчастiе!.... Такъ баринъ вѣрно отставать отъ должности.

— Почему?

— Какъ, почему? послѣ такого скандалу.... развѣ онъ можетъ занимать мѣсто судьи; а бѣдная барыня? что будетъ съ нею? да еще въ такомъ положенiи.... Ахъ Боже мой! развѣ это здать жить?.. да это не жизнь, а мученье.... Обождать мужа и бѣдѣть за него каждую минузу,.... быть вѣчно въ волненiи.... въ постоянной тревогѣ за его бѣшеный характеръ.

— Не забывай, милая, нашу старинную бретанскую поговорку, продолжалъ Сегофенъ значительнымъ видомъ: *Волку лъсть.... а голубю голубятня*. А нашъ баринъ....

— Да ты съ ума меня сведешь своими загадками и хладнокровiемъ! вскричала Сусанна. Расскажи по-крайней-мѣрѣ, какъ случилось это несчастiе.

— Такъ слушай же. Часъ тому назадъ я ходилъ къ барину въ присутствiе съ отвѣтомъ на одно письмо, и засталъ тамъ всѣхъ въ большихъ попыхахъ.

— Ахъ, Господи! вѣрно баринъ опять что-нибудь надѣлалъ.

— Да слушай же! Адвокаты и всѣ члены ходили то туда, то сюда и спрашивали другъ друга: «Слышали вы? — Нѣтъ! а что такое? — Кажется, президентъ, послѣ засѣданiя призываетъ Кла-

рока къ себѣ въ кабинетъ. — Да, чтобъ сдѣлать ему выговоръ за дуэль....»

— За дуэль!.... вскричала мамушка Робертъ. Какая дуэль?

— Да та, что была сегодня утромъ, отвѣчалъ равнодушно Сегоднѣ.

И продолжалъ, пользуясь остолебенѣемъ ключницы:

— Другіе же говорили: «Нѣтъ, президентъ ему не за то хотѣлъ сдѣлать выговоръ, а за арендатора, которому онъ пролозилъ головой два ребра.... такъ что его должны были внести въ сосѣдную лавку.»

— Какаго арендатора? спросила Сусанна въ ужасномъ волненіи.

— Да того.... что давеча приходилъ, отвѣчалъ преспокойно Сегоднѣ. «Наконецъ, говорили въ судѣ, онъ пошелъ къ президенту, оба они разгорячились и баринъ нашъ выбросилъ его изъ окна.»

— Ахъ Господи! вскричала Сусанна всплеснувъ руками.

— Тогда я, который такъ хорошо знаю барина, прибавилъ Сегоднѣ съ улыбкою внутренней радости, и подумалъ самъ про себя: если котораго-нибудь изъ двоиныхъ и выбросили за окно, такъ ужъ вѣрно не барина. Какъ я сказалъ, такъ и случилось; наконецъ, что сдѣлано, того не перемѣнишь. Теперь я спешу къ барину въ комнату.

— Что сдѣлано, того не перемѣнишь! У тебя вѣчно на языкѣ этотъ несносный прищѣвъ; развѣ ты не знаешь, какія это мечеть за собою слѣдствія?

— Что будетъ.... то будетъ.

— Нечего сказать, прекрасное утѣшеніе! вотъ ужъ третій разъ, что онъ рискуетъ потерять мѣсто, и все за свой вспыльчивый характеръ; и потому, знаешь ли что къ несчастью ожидать теперь барина?.... На этотъ разъ его навѣрно отставятъ.

— Ну что жъ!.... отставятъ, такъ отставятъ.

— Очень можетъ быть, что отставятъ, а онъ живетъ этимъ мѣстомъ, вѣдь у него жена да ребенокъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ и другой.... что жъ будутъ они тогда дѣлать?.... Отвѣчай на это.... своими пословицами.

— Я отвѣчу на это, милая, тѣмъ же, что сейчасъ сказалъ: «Волку лѣсъ.... а голубю голубятня.»

— Ну!.... опять эту глупую пословицу!.... вскричала Сусанна. Да какое жъ тутъ отношеніе къ барину?

— А вотъ какое: онъ почти при мнѣ родился, потому что, когда я пришелъ, онъ былъ воцѣ такой крошка и помню, какъ бѣгалъ по пенхѣтскимъ берегамъ, гдѣ славно дрался съ рыбацкими мальчишками; вѣдь онъ былъ пресердитый, настоящій альблендскій пѣтухъ, или лучше сказать, настоящій чертовски-бретаствующій Бретонецъ, какъ говорится у нихъ на родинѣ; за-то, если ужъ взбѣситя, такъ ему надо драться.... этому доброму баряву.... къ несчастью, онъ всегда былъ таковъ.... но тогда онъ не бросалъ еще изъ окна президентовъ. Наконецъ.... что сдѣлаю.... того не перемѣнишь....

Потомъ взявъ костюмъ и обратясь къ Сусаннѣ прибавилъ:

— Всѣ ли тутъ.... лохмотья?

— Да ты, кажется, совѣмиъ съ ума сошелъ?.... Развѣ баряву можно думать теперь о балахъ?....

— А почему бѣ и не думать? Онъ приказалъ мнѣ все приготовить, потому что намѣренъ пораньше одѣться.

— Какъ! ѣхать на балъ!.... послѣ того, что было?

— А почему и не ѣхать?

— Это невозможно!

— Увидишь, что возможно.

— ѣхать на балъ къ тестю президента, съ которыми онъ поссорился....

— Потому то именно и поѣдетъ.

— Говорю тебѣ, что этого не можетъ быть.... Послѣ такого скандалу онъ не посмѣетъ ѣхать на этотъ балъ.... Если онъ это сдѣлаетъ, то весь городъ противъ него возстанетъ.

— Онъ ждетъ этого.

— Ждетъ?

— Разумѣется; вѣдь онъ этого не боится.... а напротивъ.... прибавилъ сегодня торжествующимъ видомъ. Я видѣлъ его послѣ разговору съ президентомъ, — ахъ, добрый барявъ, сказалъ я ему, развѣ вы не боитесь быть арестованнымъ.

— Никто не имѣетъ права вмешиваться въ частныя дѣла мои съ президентомъ, пока онъ самъ не подастъ на меня просьбу, отвѣчалъ барявъ, а я увѣренъ, что онъ этого не сдѣлаетъ, потому что ему надо будетъ объявить причину моего противъ него негодованья.... а если онъ объявитъ ее, то ему придется умереть со стыда.

Вотъ собственные слова барява.

— А изволите вы ѣхать на балъ? спросилъ я его.

— Разумѣется.... я хочу приѣхать первый, а уѣхать послѣдній.

А не то.... пожалуй, еще подумаютъ, что я сожалѣю о томъ, что сдѣлалъ или что боюсь.... Если же я замѣчу, что присутствіе мое на этомъ балѣ скандализуетъ общество и оно мнѣ это покажетъ.... то будь спокоенъ.... я буду умѣть отвѣчать и дѣйствовать; такъ иди же домой, и когда я вернусь, чтобъ все было готово одѣваться.

— Что за человекъ! что за характеръ! сказала вздыхая Сусанна. Все такъ же: а бѣдная барыня.... даже ничего и не подозреваетъ!

— Я беру костюмъ, Сусанна, и иду ожидать барина.... прибавилъ Сегофенъ.... потому что онъ поѣдетъ на балъ.... и это такъ же вѣрно, какъ то, что ты будешь когда-нибудь моею женою, помни это, милая.

— Если бъ такое несчастье должно было случиться, отвѣчала раздосадованная Сусанна, то я напротивъ буду стараться никогда не думать о немъ.

Сказавъ это, мамушка Роберъ, въ ужасномъ волненіи отправилась къ госпожѣ своей.

Первымъ движеніемъ Сусанны было предупредить о всемъ случившемся мадамъ Кларекъ; но размысливъ о слѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ такого открытія, она остановилась, и рѣшилась употребить только всѣ средства, чтобъ удержать Ивона дома, и потому намѣревалась уговорить госпожу свою найти какой-нибудь предлогъ, чтобъ помѣшать мужу ѣхать на балъ, потому что смѣлое это хвастовство могло имѣть самую ужасную развязку.

Сусанна была въ большомъ смущеніи, въ большомъ недоумѣніи: съ одной стороны ей надо было скрыть отъ барыни роковыя событія того дня, а между-тѣмъ надо было, чтобъ она употребила все свое вліяніе на мужа и помѣшала ему уѣхать на балъ.

Таковы были размышленія мамушки Роберъ, когда она вошла къ госпожѣ своей.

Женни Кларекъ нельзя было назвать красавицей, но въ благородныхъ чертахъ ея лица было столько прелести, столько кротости, что можно было заглядѣться; блѣдность и худоба ея доказывали слабое здоровье, а беременность еще больше ослабляла его.

Женни, сѣдя у колыбели, закрытой шелковою занавѣскою, занималась вышиваньемъ, и качала по временамъ кончикомъ ножки спящую пятилѣтнюю дочь свою.

Стоящая на столѣ лампа освѣщала эту прелестную картину. Когда Сусанна вошла, Женни махнула рукою и сказала шопотомъ: — Тихе.... тихо, Сусанна, Сабина засыпаетъ.

Мамушка Робертъ подошла потихоньку.

Женни продолжала:

— Дома Ивонъ?

— Нѣтъ еще, сударыня.

— Онъ ушелъ сегодня такъ рано и тѣмъ разстроилъ мнѣ весь день.... потому что я спала, когда онъ возвратился, а я не при- выкла такъ долго не видаться съ нимъ. А костюмъ его? копченъ? прибавила она улыбаясь.

Да, копченъ, сударыня.

— Посмотри, Сусанна, какъ я скромна и послушна.... Ивонъ, чтобъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ, просилъ не смотрѣть костюмъ пока онъ не надѣнетъ его.... и у меня хватило духу не ходить въ столовую.... Однако ты можешь сказать, милая Сусанна, хорошъ онъ или нѣтъ.

— Очень хорошъ, сударыня.

— И не слишкомъ.... замѣтенъ? потому что положеніе мужа моего подчиняетъ его нѣкоторымъ приличіямъ.

— Нельзя было выбрать лучшаго наряда.... онъ простъ, а между тѣмъ богатъ и благороденъ.

— И ты думаешь, что онъ будетъ идти Ивону?

— Какъ не идти, сударыня!....

— Право, Сусанна.... ты подстрекаешь, какъ нельзя болѣе, мое любопытство!... Но у меня до конца хватить духу; только мнѣ жаль.... если костюмъ Ивона такъ хорошъ.... что я отказалась отъ этого бала.... и тѣмъ болѣе, что никогда не была въ маскарадѣ; я думаю, что это бы меня очень заняло.... Но я точно такъ же буду веселиться, когда Ивонъ, возвратясь съ бала станетъ мнѣ рассказывать.... если только это не будетъ слишкомъ поздно.... потому что сегодня я слабѣе обыкновеннаго....

Спокойствіе Женни все болѣе и болѣе беспокоило Сусанну, которая не знала какимъ образомъ навести разговоръ на тотъ предметъ, на который желала, а между тѣмъ боялась испугать ее, что было очень опасно въ ея положеніи.

— Такъ вы себя не такъ хорошо чувствуете? спросила она ее.

— Да, мнѣ что-то не хорошо, отвѣчала Женни; но я не ропщу; потому что знаю свою болѣзнь, прибавила она съ милою улыбкою, намекая на беременность. Страданія эти пророчать мнѣ новыя радости.

Сказавъ это, она встала съ кресель, и наклонясь къ колыбели отдернула занавѣсы.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ чуднаго созерданія, она снова сѣла и продолжала въ пол-голоса:

— Милая малютка!... она спитъ ангельскимъ сномъ.... Ахъ, добрая Сусанна, продолжала она, у кого такой мужъ какъ Ивонъ и такая дочь какъ у меня, чего можно еще желать!... развѣ только немного побольше здоровья, чтобъ кормить другаго моего ребенка?... А знаешь ли Сусанна, что я ревную тебя немножко къ Сабанѣ, мнѣ досадно, что ты почти можешь называться ея матерью?... Наконецъ.... если Богъ дастъ мнѣ только здоровья, то я буду самая счастливая женщина.... Разумѣется, прибавила она улыбаясь, что я только мимоходомъ говорю о вспыльчивости моего милаго Ивона, характеръ котораго такъ часто пугалъ меня.... Однако.... съ нѣкотораго времени онъ сталъ какъ будто спокойнѣе.... Бѣдный!... Какъ часто я была свидѣтельницей его усній.... какъ часто онъ боролся самъ съ собою и хотѣлъ побѣдить въ себѣ не порокъ.... но темпераментъ. Если бъ это былъ порокъ, то онъ поборолъ бы его энергіей.... Наконецъ.... онъ теперь, слава Богу, гораздо спокойнѣе....

— Разумѣется, сударыня, отвѣчала Сусанна приходя все болѣе и болѣе въ смущеніе; разумѣется, баринъ теперь не такъ вспыльчивъ какъ прежде....

— А между-тѣмъ, когда я вспоминаю... какъ онъ всегда былъ кротокъ и добръ со мною.... прибавила Женни съ умиленіемъ, что я никогда не была ни предлогомъ ни предметомъ его гнѣву.... который велъ иногда за собою такіа страшныя послѣдствія.... то....

— Да надо быть помѣшаннымъ, чтобъ сердиться на васъ, сударыня, вскричала Сусанна перебивая Женни; что можетъ быть добрѣе васъ?... Настоящая Божья овечка....

— Ты ошибаешься, я вовсе не похожу на овечку, отвѣчала улыбаясь Женни; тутъ не кротость моя, а любовь ко мнѣ перерождаетъ его и дѣлаетъ такимъ прелестнымъ, когда онъ бываетъ со мною.... Да, если надо ужъ признаться.... хотя это очень дурно съ моей стороны.... но я горжусь сравнывая обхожденіе его со мною и съ другими, ва которыхъ такъ страшно онъ сердится, а мнѣ... всегда улыбается....

— Въ какомъ-дѣлѣ, сударыня, нельзя быть добрѣе барина, и вы, я думаю, правду говорите, что это не онъ, а темпераментъ его виновать.... люди съ такимъ характеромъ часто ни за что

сердится.... малѣйшая бездѣлица: выводитъ ихъ изъ себя и подымаетъ страшную бурю. . . .

— Это совершенная правда, Сусанна, такъ что бѣдный Ивонъ.... чтобъ не подвергаться такого рода опасностямъ, проводить со мною все свободное отъ занятій своёе время, вмѣсто того чтобъ вскакъ, какъ многіе, удовольствія или разсѣянія въ публичныхъ собраніяхъ.... гдѣ раздражительность его можетъ сыграть надъ нимъ очень плохую шутку.... и я признаюсь что всѣми силами поддерживаю въ немъ эту осторожность.

— Послушайте, сударыня, сказала Сусанна, найдя наконецъ случай упросить барыню уговорить мужа не ѣхать на балъ, гдѣ присутствіе его можетъ надѣлать столько шуму, я тоже думаю, что для вашего и его спокойствія.... ему слѣдуетъ избѣгать всѣхъ случаевъ.... сердиться.... Такъ если.... вы хотите меня послушаться.... то я посоветовала бы вамъ.... сударыня....

— Ну, продолжай, Сусанна.... зачѣмъ ты останавливаешься?... что съ тобою?

— Видите ли.... сударыня....

— Да ну, говори.

— Я боюсь чтобъ на сегодняшнемъ маскарадѣ....

— Ну?...

— ....Ему не представился случай разсердиться на что нибудь....

— Что за мысль!

— Тамъ будетъ много народу, сударыня....

— Это правда.... но все люди образованные, лучшаго круга....

— Ваша правда, сударыня.... но мнѣ кажется, что въ маскарадахъ часто шутятъ другъ надъ другомъ.... а если баринъ неравно разсердится?...

— Въ-самомъ-дѣлѣ, Сусанна.... а я объ этомъ и не подумала.

— Мнѣ бы не хотѣлось васъ беспокоить, а между-тѣмъ....

— Съ другой же стороны мужъ мой слишкомъ хорошо знаетъ общежитіе, чтобъ не понимать пристойныхъ шутокъ.... кому жъ по положенію своему ему нельзя отказаться отъ балу, потому-что это будетъ невниманіе къ президенту, а онъ все же нѣкоторымъ образомъ начальникъ Ивона.

— Бѣдная барыня, думала Сусанна, если бы она знала, какимъ образомъ онъ уважаетъ президента!

— Такъ не безпокойся, Сусанна, продолжала Женни, присутствіе президента.... уваженіе, которымъ Ивонъ ему обязанъ, удержатъ его въ границахъ приличія.... Кому жъ, въ провинціи все

замѣчаютъ, и если онъ не прїѣдетъ, то начнутся разные заключенія....

— Однако, сударыня....

— Я накажу Ивону быть умникомъ, прибавила улыбаясь Женн; пусть онъ разлечется немного.... мы ведемъ такую удивительную жизнь.

Сусанна, боясь послѣдствій такого ослѣпленія госпожи своей, сказала ей рѣшительно:

— Барину не надо ѣхать на балъ, сударыня.

— Я не повинжаю тебя, Сусанна.

— Ужъ повѣрьте словамъ моимъ.

— Да что же такое наконецъ?....

— Ахъ, добрая моя барыня, продолжала, сложивъ руки, Сусанна, умоляю васъ.... ради ребенка вашего.... ради самихъ себя, не пускайте его на балъ.

— Ты пугаешь меня, Сусанна, что тамъ такое случилось?

— Вы знаете какъ я люблю васъ.... знаете мою къ вамъ преданность....

— Знаю, знаю.... но объяснись ради Бога.

— Вы должны быть увѣрены, что я не стала бы пугать васъ, если бъ тутъ не было опасности. Такъ повѣрьте же моему слову, если баринъ поѣдетъ туда, то можетъ случиться большое несчастье....

— Сусанна не могла продолжать.

Дверь отворилась; въ комнату вошелъ Кларекъ.

Сусанна не смѣла оставаться; она вышла, бросивъ на госпожу свою умоляющій взглядъ.

Ивону Клареку было около тридцати лѣтъ; онъ былъ высокаго роста и хорошо сложенъ; а бретонскіи костюмъ еще больше выставлялъ красоту его стана.

Благородный и вмѣстѣ съ тѣмъ красивый этотъ нарядъ состоялъ изъ длиннаго чернаго бархатнаго кафтана, вышитаго на воротникѣ и рукавахъ оранжевыми шнурами и застѣгнутаго серебряными пуговицами, очень близко нашитыми одна подле другой, изъ точно такого же жилета, сверхъ котораго надѣтъ былъ шелковый оранжевый поясъ; широкіе бѣлые шальвары точно такіе какъ юбка греческихъ Поликаровъ падали до колѣнъ, а высокие изъ оленьей кожи щитибеты обхватывали ногу. На головѣ у Ивона была надѣта круглая, почти плоская и съ очень широкими полями шляпа, окаймленная оранжевою, вышитою серебромъ лентою, концы которой развѣивались по широкимъ плечамъ его.

Благодаря длиннымъ , густымъ , золотисто-бѣлокурымъ волосамъ его, свѣжему цвѣту лица, голубымъ , морскаго цвѣта глазамъ его, смѣлымъ и мужественнымъ чертамъ, и стройному стану, Кларекъ представлялъ собою поразительный типъ воинственнаго племени этихъ *бретанствующихъ Бретонцевъ*, *отихъ смѣлыхъ и могучихъ сыновъ Арморики*, какъ называютъ ихъ народныя хроникки.

Когда Ивонъ вошелъ къ женѣ, то лицо его всё-еще было немного озабочено, и хотя онъ дѣлалъ всевозможныя усилія скрыть различныя волновавшія его чувствованія, жена его, уже предупрежденная Сусанною, была поражена выраженіемъ лица его.

Ивонъ взявъ всевозможныя предосторожности, чтобъ скрыть отъ жены происшествія того роковаго дня и думалъ, что она ничего не знаетъ, вошелъ въ комнату, и остановясь отъ нея въ нѣсколькихъ шагахъ, спросилъ улыбаясь:

— Ну, Женни, какъ нравится тебѣ костюмъ мой? Кажется, я остался вѣренъ стариннымъ преданіямъ моей родины... и буду достойнымъ ея представителемъ.

— Разумѣется, другъ мой, отвѣчала въ смущеніи Женни.... Какъ идетъ тебѣ этотъ нарядъ!

— Право?... ну, такъ я въ восторгѣ, сказалъ Ивонъ, обнимая съ чувствомъ Женни и стараясь забыть свое горе. Ты знаешь, душа моя, что я дорожу твоими похвалами.... даже въ бездѣлкахъ.

— Да, отвѣчала съ чувствомъ Женни, да, я знаю какъ нѣжно ты меня любишь.... какъ стараешься предупредить малѣйшія мои желанія....

— Тутъ нѣтъ кажется большаго достоинства! Если бъ ты знала какое счастье, какое блаженство преклонять передъ моею Женни эту буйную и упрямую бретанскую голову и говорить ей: «Возьми мою волю, для тебя я отъ нея отказываюсь.... приказывай, я повинюсь!»

— Добрый, милый Ивонъ, какъ я счастлива слушаю тебя... особенно сегодня!

Кларекъ не обратилъ вниманія на послѣднія слова Женни и продолжалъ:

— Твое счастье ничто.... всравненіи съ тѣмъ блаженствомъ, которымъ я тебѣ обязанъ?.. Да вотъ, посмотри.... прибавилъ онъ подходя къ колыбели, посмотри на этого ангела.... на радость моей жизни.... кто далъ мнѣ его?

Сказавъ это, Кларекъ хотѣлъ приподнять занавѣсъ, но Женни остановила его, сказавъ шопотомъ:

— Она спитъ.... тихо.... Ивовъ.

— Дай мнѣ только посмотрѣть на нее.... вѣдь я цѣлый день не видалъ ея....

— Свѣтъ можетъ разбудить ее, душа моя.... а она и безъ того все плакала и металась....

— Ахъ! Боже мой! вскричалъ Кларекъ отходя отъ колыбели, ужъ не больна-ли она?

— Нѣтъ, не больна.... только бѣдная эта малютка такая нервная.... точно я сама.... Въ этомъ отношеніи она слишкомъ на меня похожа, прибавила Женни съ грустною улыбкою.

— Я вовсе не сожалѣю объ этомъ.... а напротивъ.... радуюсь; это значить, что она будетъ одарена изящною чувствительностью.

Молодая женщина покачавъ головою, продолжала:

— Наконецъ, вотъ что случилось: большая тервѣвская наша собака вбѣжала сюда недавно, а Сабина дотога испугалась, что я съ большимъ трудомъ могла успокоить и укачать ее.

— Ну, слава Богу! тутъ вѣтъ ничего опаснаго. Но ты сама, Женни, какъ провела сегодняшній день? Ты спала поутру?... я болѣе разбудить тебя, бѣдная, кроткая моя Женни, прибавилъ Ивовъ голосомъ самой вѣжной заботливости. Ты знаешь какъ драгоценно мнѣ твое здоровье; а теперь и подавно, потому что въ эту минуту, прибавилъ Ивовъ улыбаясь, въ тебѣ заключаются два милыхъ сердцу существа.

Вмѣсто отвѣту, Женни протянула мужу свою бѣленькую и худенькую ручку и сказала со взоромъ полнымъ умиленія:

— Какую бодрость придаетъ мнѣ любовь твоя! благодаря ей я могу переносить самую ужасную боль.

— Такъ ты была больна сегодня? вскричалъ въ испугѣ Ивовъ. Ради Бога.... отвѣчай, Женни.... Зачѣмъ не послать было за докторомъ?

— Не такъ громко.... другъ мой, сказала Женни показывая глазами на колыбель, ты разбудишь этого милого ребенка.

И принуждая себя улыбаться, прибавила:

— Мнѣ не надо посылать за докторомъ; у меня есть свой дома, величайшій и ученѣйшій изъ всѣхъ докторовъ, къ которому я имѣю большое довѣріе.... онъ окружаетъ меня самыми вѣжными попеченіями.... и я вполне убѣждена.... что и сегодня онъ мнѣ въ нихъ не откажетъ, если только попрошу его.

Сказавъ это, Женни взяла за руку мужа.

— Понимаю, сказалъ Ивонъ улыбаясь въ свою очередь, этотъ знаменитый докторъ.... я....

— Могла ли я выбрать врача преданнѣе, заботливѣе тебя?....

— Разумѣется, что нѣтъ..... такъ совѣтуйся же со мною, Женни.....

— Я не могу сказать положительное, добрый мой Ивонъ, чтобъ была больна сегодня.... но я чувствовала.... и до сихъ-поръ еще чувствую какой-то недугъ.... какое-то грустное, неясное томленье.... О! не пугайся, душа моя.... тутъ нѣтъ ничего опаснаго.... ктому жъ ты согласишься можешь меня вылечить, милый, возлюбленный мой докторъ.

— Какимъ образомъ? говори скорѣе.

— Прежде надо знать, захочешь-ли ты?

— Женни!....

— Потому что.... видишь ли?.... повторяю тебѣ, что здоровье мое рѣшительно отъ тебя зависитъ....

— Тѣмъ лучше.... это значить, что ты уже выздоровѣла....

Ну, говори же.... возлюбленная моя больная.

— Останься со мною!....

— Да развѣ я ухожу?

— Я говорю.... о балѣ, сказала Женни колеблясь и съ сильнымъ бѣшенствомъ сердца!....

— Ты видишь.... я одѣлся нарочно пораньше, чтобъ сидѣть съ тобою до самаго отъѣзда на балъ.

Лицо Ивона, сначала веселое, снова нахмурилось.

Это не ускользнуло отъ провинцательныхъ глазъ Женни; въ эту минуту больше чѣмъ когда-нибудь она чувствовала необходимость удержать мужа, и чтобъ исполнить свое намѣреніе рѣшилась на всѣ средства.

И потому продолжала:

— Ивонъ.... не оставляй меня.... останься дома.

— Чтò это значить?

— Пожертвуй мнѣ.... этимъ баломъ.

— Чтò такое?

— Останься со мною.

— Да не сама-ли ты умолила меня, Женни, чтобъ....

— Чтòбъ ты ѣхалъ на балъ?... это правда.... и сегодня еще я рада.... что, у тебя будетъ хоть какое-нибудь разсѣяніе.... мы ведемъ такую тихую.... такую одинокую жизнь....

— Такъ отчего жъ такая внезапная перемена?

— Что отвѣчать тебѣ? не знаю, сказала Женни въ тѣгостномъ смущеніи.... Можетъ-быть.... съ моей стороны.... это не-благоразумно.... странно.... только я знаю, что буду самая счастливая женщина.... буду на верху блаженства.... если ты принесешь мнѣ эту жертву.... какъ ни кажется она тебѣ смѣшною.... а можетъ-быть.... и глуною.

Ивонъ задумался.

— Бѣдный другъ, сказалъ онъ, я понимаю тебя; въ твоемъ положеніи и съ твоими нервами, очень натурально, что ты поддаешься нѣкоторымъ противорѣчіямъ.... чего хотѣла вчера, того не хочешь сегодня.... Развѣ можно смѣть упрекать тебя въ этомъ.

— Какъ добръ ты Ивонъ.... да можетъ ли быть что-нибудь лучше.... возвышеннѣе тебя въ мірѣ, сказала Женни, глаза которой наполнились слезами радости и умиленія; она была увѣрена, что мужъ просидитъ съ нею цѣлый вечеръ; ты сжался надъ больною женщиною, которая сама не знаетъ, чего хочетъ.... и что съ нею дѣлается.

— А я, какъ докторъ.... такъ знаю.... отвѣчалъ Ивонъ цѣлуя Женни. Теперь девять часовъ, прибавилъ онъ глядя на часы.... десять минутъ ѣзды туда, десять назадъ, много что четверть часа побыть на балѣ.... такъ что всего-на-все это составитъ три четверти часа времени.... Такъ что я даю тебѣ слово быть дома прежде десяти часовъ.

— Такъ ты не оставилъ своего намѣренія.... все еще хочешь ѣхать.... Когда я прошу тебя?...

— Только на минуту, душа моя.

— Умоляю тебя....

— Что это съ тобою?

— Не ѣзди туда.

— Совсѣмъ не ѣхать?

— Да, совсѣмъ.... Прошу тебя, не оставляй меня, другъ мой.

— Да будь же благоразумна Женни....

— Сдѣлай это для меня....

— Послушай, Женни.... вѣдь это просто ребячество; увѣрю тебя, что я тамъ и часу не пробуду....

— Ну да, пусть будетъ это ребячество, капризь.... безуміе.... все что ты хочешь.... только я еще разъ умоляю тебя, не оставь меня сегодня.... ни на минуту.

— Я въ отчаяніи.... другъ мой.... что ты такъ неблагоразумна.... потому что заставляешь меня отказывать твоей просьбѣ.

— Ивонъ!...

— Говорю тебѣ, что мнѣ невозможно не ѣхать на этотъ балъ.

— Другъ мой!...

Кларекъ вспыхнулъ отъ нетерпѣнья; однако удержался отъ гнѣва и сказалъ съ нѣжнымъ упрекомъ:

— Такая настойчивость.... съ твоей стороны, Женни.... удручаетъ и огорчаетъ меня.... Ты знаешь, у меня нѣтъ привычки заставлять просить себя; я всегда старался предупреждать твои желанія; такъ избавь же меня отъ горя сказать тебѣ первый разъ въ жизни моей, *нѣтъ*.

— Ахъ! Боже мой, Боже мой! вскричала съ отчаяніемъ молодая женщина, дорожить такъ удовольствіемъ, когда....

— Удовольствіемъ!... вскричалъ съ горестью Ивонъ, глаза котораго вдругъ засверкали.

Но онъ снова удержался отъ гнѣва и продолжалъ:

— Если бъ тутъ дѣло шло объ удовольствіи.... такъ не ужали ты думаешь, Женни, что я бы не отказался для тебя?

— Да вѣдь ты ѣдешь изъ удовольствія?

— Нѣтъ, не изъ удовольствія, а изъ приличій, отвѣчалъ Кларекъ.

— Да развѣ ты не можешь отказаться одинъ разъ отъ приличій?

— Перестань, Женни, сказалъ Ивонъ, лицо котораго побагровѣло, кончимъ этотъ разговоръ, онъ несносенъ.... Я долженъ ѣхать.... и поѣду....

— А я говорю, что не поѣдешь! вскричала Женни не будучи въ состояніи долѣе скрывать своей болзни и удерживать слезъ; нѣтъ.... тутъ должна быть какая-нибудь другія причина.... Ты былъ ко мнѣ всегда такъ добръ.... такъ нѣженъ.... а теперь.... такъ настойчиво отказываешь.... тутъ вѣрно скрывается что-то страшное....

— Женни!... вскричалъ Кларекъ топая ногою, ни слова болѣе!

Противорѣчіе выводило изъ себя этотъ вспыльчивый и настойчивый характеръ.

— Послушай Ивонъ, сказала Женни съ достоинствомъ, я не стану долѣе притворяться, это недостойно ни тебя, ни меня.... Ну да, я боюсь, боюсь за тебя и за себя.... Маѣ сказали, что если ты поѣдешь на балъ, то можетъ случиться большое несчастье.

— Кто это тебѣ сказалъ? Отвѣчай! вскричалъ Кларекъ все бо-

лѣ и болѣе сердитымъ, раздраженнымъ голосомъ, и такъ громко, что ребенокъ проснулся. Чего ты боишься?... Развѣ знаешь что-нибудь?...

— Видишь ли Ивонъ, что тутъ есть что-то.... вскричала бѣдная женщина, все болѣе и болѣе врихода въ ужасъ, тутъ есть что-то.... можетъ быть страшное!...

Ивонъ стоялъ неподвиженъ, въ немъ происходила внутренняя борьба; разумокъ бралъ еще верхъ надъ гнѣвомъ; онъ подошелъ къ женѣ, чтобъ проститься съ нею и поцѣловать.

— До свиданья, Женни, сказалъ онъ.... Я скоро буду назадъ....

Молодая женщина встала поспѣшно, и прежде чѣмъ Ивонъ ногъ остановить ее, подбѣжала къ дверямъ, заперла ихъ на замокъ и сказала съ энергіей отчаянія :

— Ты не выдешь отсюда.... посмотримъ, осмѣлишься ли ты вырвать у меня ключъ.

Кларекъ сначала удивился, потомъ выведенный изъ себя рѣшительностью Женни, дошелъ до послѣдняго пароксизму гнѣва и впалъ въ совершенное самозабвеніе; смертная блѣдность покрывала лицо его, глаза налились кровью, ротъ до того изказился, что трудно было узнать прежняго Ивона; подходя къ Женни онъ вскричалъ страшнымъ голосомъ :

— Ключъ!

— Нѣтъ, не дамъ, отвѣчала неустрашимо Женни, я спасу тебя протѣвъ твоей собственной воли....

— Опомнись!... вскричалъ Кларекъ громовымъ голосомъ, подходя къ Женни и смотря на нее похѣшанными глазами.

Молодая женщина никогда не была еще предметомъ гнѣва своего мужа; за то, невозможно описать ея ужаса, когда она увидѣла его готовымъ броситься на нее. Прикованная, пораженная этимъ кровавымъ, яростнымъ взоромъ, который казалось не узнавалъ ея болѣе, она стояла въ оцѣпенѣніи, оиѣмѣніи, чувствуя, что силы покидаютъ ее.

Ребенокъ, разбуженный громкимъ голосомъ Кларека, всталъ и раздвинулъ занавѣсы колыбели. Не узнавая отца своего, въ такомъ нарядѣ и принимая его за посторонняго человѣка, онъ сталъ кричать и звать мать свою:

— Мама!... я боюсь этого чернаго.

— Ключъ! ключъ! повторялъ Кларекъ громовымъ голосомъ, подходя все ближе и ближе къ женѣ.

Женни, покоряясь внезапной мысли, сунула ключъ за корсетъ, подбѣжала къ люлькѣ и выхватила изъ нея ребенка, который виѣ

себя от испуга кричалъ, метался, пряталъ голову на грудь матери и лепеталъ про себя :

— Этотъ черный...., хочетъ убить маму....

Слабая, но неустранимая женщина, собравъ свои уже почти совсѣмъ истощенныя силы, вскричала съ надрывомъ сердца:

— Ты можешь взять ключъ; но долженъ прежде вырвать изъ моихъ объятій этого ребенка !

— Такъ ты еще не знаешь на что я способенъ бываю въ гнѣвѣ?... вскричалъ Ивонъ дойдя до той точки ярости, когда человекъ не видитъ ничего, когда онъ не внимаетъ самымъ священнымъ чувствамъ.

Въ неистовствѣ своемъ онъ бросился на жену; Ивонъ былъ такъ разъяренъ, такъ страшенъ въ эту минуту, что жена его, думая что уже погибаетъ, прижала къ себѣ ребенка, и преклонивъ голову вскричала :

— Пощади дочь мою!

— Этотъ вопль отчаянія, вопль матери отозвался въ сердцѣ Ивона.

Онъ остановился.

Потомъ съ быстротою молніи бросился къ дверямъ замкнутымъ на замокъ, и сдѣлавъ сверхъестественное усиліе, которому гнѣвъ придавалъ необыкновенную мощь, проломилъ ихъ своимъ широкимъ плечомъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Услыхавъ трескъ, Женни въ ужасѣ приподняла голову.... дочь ея лежала въ спазмахъ, безъ жизни, безъ дыханія и казалось умирала въ страшныхъ конвульсіяхъ.

— Помогите ! помогите, кричала Женни изнемогающимъ голосомъ; Ивонъ!... сюда! ребенокъ вашъ умираетъ....

Раздирающій крикъ отвѣтилъ на вопль несчастной матери, которая уже чувствовала приближеніе смерти. Въ ея болѣзненномъ и критическомъ положеніи такое волненіе убивало ее.

Кларекъ, который былъ не далеко отъ дому, услышалъ эти страшныя слова жены своей: «Ивонъ, ребенокъ нашъ умираетъ!...»

При этой мысли оцѣпѣніе гнѣва вдругъ исчезло.... Онъ бросился къ женѣ.... она стояла еще на ногахъ, но уже блѣдная какъ смерть.

Тогда дѣлая нечеловѣческое усиліе, Женни желая передать мужу ребенка, протянула къ нему обѣ руки и сказала:

— Возьми его.... я умираю....

Потомъ упала безъ чувствъ къ ногамъ Кларека.

Ивонъ прижалъ машинально къ груди дочь свою; онъ ничего больше и не видѣлъ и не слышалъ....

Смерть Женни сразила его....

Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ описанныхъ нами происшествій, въ концѣ марта 1812 года, въ два часа по полудни, какой-то пѣшеходъ вошелъ въ гостиницу *Императорскаго Орла*; это была единственная гостиница Сорвильскаго предмѣстья, гдѣ находилась тогда вторая станція по дорогѣ въ Діэпа въ Парижъ.

Пѣшеходъ этотъ былъ во всемъ цвѣтѣ лѣтъ, въ клеенчатой шляпѣ и въ толстой голубой курткѣ съ мѣдными пуговицами, на которыхъ изображенъ былъ якорь; по наружности его можно было принять за матроса или боцмана торговаго корабля. Волосы какъ и бакенбарды у него были рыжіе, лицо блѣдное, выражающее безстрастіе и жестокость; хотя онъ былъ Англичанинъ, однако говорилъ по-французски самымъ чистымъ, правильнымъ языкомъ.

Послѣ минутнаго колебанья, онъ вошелъ въ общую залу гостиницы, и обращаясь къ хозяину, котораго легко можно было узнать по бумажному колпаку и бѣлому переднику, сказалъ:

— Не приходилъ сюда сегодня человекъ одѣтый почти какъ я, очень смуглый и въ выговорѣ котораго слышно, что онъ Итальянецъ. Его зовутъ Пиетръ.

— Нѣтъ, не видалъ я никого, кто былъ бы похожъ на ваше описаніе.

— Точно вы увѣрены?

— Да, увѣренъ....

— Развѣ есть другой трактиръ въ этомъ предмѣстіи?

— Нѣтъ, нѣтъ, милостивый государь.... и слава Богу, что нѣтъ!... только мой одинъ.... За то у меня останавливаются всѣ господа, приѣзжающіе въ делижансахъ и почтовыхъ каретахъ; это очень спокойно для путешественниковъ, потому что станція въ двухъ шагахъ отсюда.

— Можете вы мнѣ дать комнату и приготовить завтракъ на двѣ персоны? Я ожидаю одного человека, который если придетъ сюда и спроситъ Дюпона, проводите его въ мою комнату; фамилія моя Дюпднъ.

— Очень хорошо, милостивый государь.

— Когда онъ придетъ, принесите завтракъ въ мою комнату....

— Извольте, сударь.... А чемоданы ваши?... куда прикажет за ними послать?

— У меня нѣтъ чемодановъ. Я живу въ окрестностяхъ Діэпа и зашелъ сюда такъ.... гуляя....

— Такъ знаете-ли.... для моряка.... потому что вы морякъ, въ томъ увѣренъ.... и угадалъ это съ перваго взгляду....

— Да, я и то морякъ.

— Такъ я говорилъ, что для моряка у васъ препрытки вѣдь Діэпъ довольно далеко отъ сюда.

Судя по виду, Англичанинъ былъ вовсе не разговорчивъ; видъ сто того, чтобъ отвѣчать на любезности трактирщика, онъ продолжалъ:

— А много ли проѣхало сегодня почтовыхъ каретъ?

— Ни одной.

— Ни изъ Діэпа, ни изъ Парижа?

— Ни откуда, сударь. Но къ слову о Діэпѣ, позвольте спросить.... вѣдь вы оттуда.... слѣдовательно вѣрно видѣли знамена таго героя, о которомъ всѣ говорятъ..

— Какаго героя?

— Да вотъ того знаменитаго корсара.... котораго боялся Англичане какъ смерти! неустрашимаго атамана по имени *Отчеллинаго* (вотъ настоящее разбойничье названье); онъ плыветъ какъ рыба, и ни одинъ англійскій корабль не ускользнетъ изъ рукъ его; онъ всѣхъ ихъ проглотитъ.... доказательствомъ тому можетъ служить послѣднее отправленіе хлѣба, который онъ опять отнялъ у нихъ послѣ яростнаго боя.... какое счастье! хлѣбъ былъ такъ дорогъ; а теперь онъ спадетъ съ цѣны, и вмѣсто голоду у насъ будетъ изобиліе.... Храбрый корсаръ!... какая благодать, что есть еще люди, которые ускаютъ этихъ поганыхъ Англичанъ! какъ вы думаете? Говорятъ что въ Діэпѣ его носили на рукахъ, кричали ура.... Впрочемъ онъ родился подъ счастливою планетою; увѣряютъ, будто онъ никогда не былъ раненъ, хотя дерется какъ левъ! Правда-ли это? Знаете вы его? Какаго онъ виду? Я не могу представить себѣ лица его; оно должно быть самое свирѣпое. Говорятъ тоже, что онъ престрaвно одѣвается. Вы морякъ, слѣдовательно видѣли этого героя?

— Никогда, отвѣчалъ сухо путешественникъ, который казалось не раздѣлялъ восторга трактирщика на счетъ корсара; потомъ прибавилъ: Отведите мнѣ комнату, и приведите туда особу, которая спроситъ *Дюпона*.... Смотрите не забудьте....

— Будьте спокойны.... не забуду.

— Какъ только особа эта лѣится, несите завтракъ.

— Слушаю....

— А куда выходить моя комната, на улицу или на дворъ?

— Разумѣется, на улицу....

— Дайте намъ самаго лучшаго вина.

— Ужъ будете довольны, сударь, отвѣчалъ трактирщикъ. Проводивъ незнакомца до назначенной ему комнаты и возвращаясь назадъ, онъ думалъ про себя:

— Странно.... моряку этому кажется было досадно, что я хвалилъ знаменитаго нашего корсара, а между-тѣмъ, они одинакаго сословія.... потому что оба моряки.... Но.... впрочемъ.... экой я дуракъ!... вѣдь потому-то именно ему и досадно, что я хвалилъ не его, а другаго; все равно какъ я.... мнѣ тоже было бѣ досадно.... если бѣ кто-нибудь сказалъ, что сюда поселяется другой трактирщикъ.... ужъ я бѣ доказалъ ему дружбу....

Въ то время какъ трактирщикъ предавался этимъ человѣколюбивымъ мыслямъ, доказывающимъ какое мнѣніе имѣлъ онъ о сердцѣ себѣ подобныхъ, второе лицо вошло въ главную комнату гостиницы.

Онъ былъ такъ же одѣтъ какъ и его предшественникъ. Смуглый цвѣтъ лица, черные густые волосы, такія же брови и борода; грубая, почти отталкивающая черта лица придавали ему врачный, даже страшный видъ. Онъ былъ Мальтїецъ, а выговоромъ своимъ походилъ на Италїанца. Осмотрѣвъ любопытнымъ взоромъ комнату, онъ сказалъ на дурномъ французскомъ языкѣ:

— Приходилъ сюда путешественникъ?...

— Котораго зовутъ *Дюпономъ*?

— Да.

— Извольте идти за мною.

— Трактирщикъ, сведя Мальтїйца съ Англичаниномъ и подавъ имъ завтракъ, получилъ приказаніе не беспокоить себя свидниковъ, развѣ только когда они позвонятъ.

Какъ только чужеземцы остались вдвоемъ, Мальтїецъ, удаля кулакомъ по столу, вскричалъ съ яростью по-англїйски:

— Эта собака контрабандистъ отступаетъ; все погибло!

— Что говоришь ты?

— Правду.... такую же какъ и теперь.... что съ радостью возмилъ бы этотъ ножъ трусу, предателю, который измѣняетъ намъ.

Сказавъ это, Мальтїецъ поблѣднѣлъ отъ бѣшенства и возмилъ въ столъ ножъ свой.

— Проклятіе! вскричалъ Англичанинъ выходя изъ своего обыкновеннаго усыпленія. Онъ отказался!... а между-тѣмъ сегодня вечеромъ.... къ ночи корсаръ долженъ прѣхать по этой дорогѣ...

— Увѣренъ ты?

— Сегодня утромъ, когда я выходилъ изъ Діона... эвессаръ нашъ увѣрилъ меня, будто корсаръ требовалъ почтовыхъ къ четырешъ часамъ вечера; слѣдовательно онъ долженъ быть здѣсь отъ пяти до шести.... а туда прѣхать въ ночь.

— Проклятый!... все по-видимому намъ благопріятствовало... а теперь.... благодаря этому подлецу контрабандисту....

— Послушай, Пьетри.... сказалъ усномощившій Англичанинъ, еще не все погибло; живишь ничего не возмешь, поговоришь хладнокровно.

— Говорить хладнокровно! когда я задыхаюсь отъ злости! когда глаза мои лопаются отъ бѣшенства....

— Слѣпой не видитъ дороги.

— Не понимаю, какъ можешь ты говорить такъ хладнокровно, слѣдовательно, ты его не ненавидишь?

— Я?!

Нельзя передать выраженія, съ какимъ Англичанинъ выговорилъ это слово, я.

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ глухимъ голосомъ:

— Я ненавижу его больше чѣмъ ты, Пьетри, потому что вѣ хочу лишать его жизни.

— Раздавленная змѣя не жалитъ.

— За то и не страдаетъ! а я хочу, чтобы онъ страдалъ, страдалъ всѣми муками.... худшими самой смерти, я хочу, чтобы онъ былъ униженъ въ своей гордости; чтобы онъ искупилъ то ужасное зло, которое онъ сдѣлалъ моему отечеству; хочу, чтобы онъ искупилъ дерзкое свое торжество, наводящее стыдъ и ужасъ на нашихъ крейсеровъ; онъ дважды поразилъ меня и долженъ искупить то послѣднее оскорбленіе, котораго я никогда не забуду.... онъ оскорбилъ меня своимъ унижительнымъ великодушіемъ.... миловать меня!... слѣдовательно я ему вовсе не страшень.... видно онъ считаетъ меня самымъ безсильнымъ, ничтожнымъ врагомъ, что возвращаетъ мнѣ свободу?... Послѣ послѣдняго бою, который стоялъ намъ столько золота и столько провианта.... между-тѣмъ какъ изъ него не вытекло ни одной капли.... онъ мѣняетъ пѣвниковъ.... и меня въ числѣ ихъ?... но клянусь адомъ!... что я отищу за себя.... отищу за Англію!

— Кажется.... капитанъ Русселъ упрекалъ меня недавно въ за-

мальтвѣсти.... сказалъ Мальтвѣцъ съ сардоническою улыбкою, говорилъ, что гнѣвомъ ничего не возмѣшишь.... а теперь призываетъ мщение.... и призываетъ его тогда, когда уже поздно.

— Ты правъ, отвѣчалъ успокоиваясь Русселъ; пылать не хорошо.... да и отчаяваться не надо... Но прежде всего раскажи, что такое случилось между тобой и контрабандистомъ?

— Вчера, въ ночь, я выѣхалъ на рыбацкой лодкѣ изъ Дюна, и прѣехалъ къ утру, придерживаясь берега, на Хозейскую бухту, гдѣ взявъ проводника пошелъ къ хижинѣ контрабандиста, находящейся на берегу бухты.

— Тебя зовутъ Безелекомъ? сказалъ я ему.

— Да, Безелекомъ; отвѣчалъ контрабандистъ.

— Я пришелъ отъ Келлера.

— А пароль?

— *Всюду и вездѣ проходливый.*

— Хорошо.... Я ожидалъ тебя; лодка моя къ твоимъ услугамъ. Сегодня въ десять часовъ вечера будетъ приливъ, и вѣтеръ, если только онъ не переменится, поможетъ намъ переплыть въ Англiю.

— А сказалъ тебѣ Келлеръ въ чемъ дѣло?

— Да, сказалъ.... что надо перевести кого-то въ Фольк-тогъ.

— Волею или неволею....

— Да; но здоровымъ и невреднымъ, не подвергая его жизни опасности. Я контрабандистъ.... но не душегубецъ. Такъ приведите мнѣ сегодня вечеромъ вашего пассажира, и я отвѣчаю вамъ, что завтра до восхода солнца онъ будетъ уже въ Англiю.

— А сказалъ ли тебѣ Келлеръ, чтобы ты далъ въ мое распоряженiе человѣкъ пять или шесть самыхъ отважныхъ матросовъ?

— Для чего?

— Чтобы помочь мнѣ.... схватить этого человѣка, и похитить его съ большой дороги, въ трехъ льѣ отсюда.

— Келлеръ не говорилъ мнѣ ничего такого.... а я и матросы мои не подставляемъ такихъ ловушекъ! Это плохая игра! Привезите сюда вашего пассажира, и я беру на себя посадить его въ мое судно, вотъ и все. Если онъ станетъ сопротивляться, я могу принять его за пьянаго, и показать, что его укладываютъ для его же пользы; это я могу еще сдѣлать; но помогать насильству на большой дорогѣ.... не хочу!

Вотъ послѣднiя слова этого труса; ничто не могло переменить

его рѣшенія: ни убѣжденія, ни обѣщанія, ни угрозы; все было напрасно, онъ остался непоколебимъ.

— Это нехорошо! даже очень нехорошо!

— Надо отказаться отъ этихъ средствъ, ты самъ это видишь, Руссель; какъ бы мы ни были рѣшительны, а намъ вдвоемъ невозможно покушаться на такой подвигъ.... Положимъ даже, что ямщикъ, который повезетъ его, останется въ бездѣйствіи.... то и на это обстоятельство намъ нечего надѣяться.... потому что по справкамъ нашимъ, онъ побѣдетъ съ своимъ каванеромъ, этихъ неустрашимымъ и преданнымъ человѣкомъ, который никогда съ нимъ не расстаётся, ни на сушѣ ни на морѣ; оба они сильны, и ужъ вѣрно хорошо вооружены.... На что же послѣ этого можемъ мы покушаться.... особенно съ открытыми силами? Ни на что, если только не сойдемъ съ ума.

— Это правда, отвѣчалъ съ уныніемъ Англичанинъ.

— Но гдѣ нельзя взять.... силой.... тамъ можно покорить хитростью, продолжалъ Мальтїецъ задумываясь, и можно бѣ было...

— Что такое можно?...

— Слушай.... Идучи сюда.... я внимательно осмотрѣлъ дорогу и замѣтилъ, что на большой дорогѣ.... [въ двухъ лѣ отсюда находится превысокая гора, продолжающаяся очень крутымъ скатомъ.... На этомъ мѣстѣ.... для предостереженія путешественниковъ.... стоитъ каменный крестъ.

— Что жъ далѣе?

— Проѣхавъ здѣшнее предмѣстье и перемѣнивъ здѣсь лошадей, корсара непремѣнно задержитъ гора, гдѣ надо будетъ ѣхать потише....

— Хорошо....

— Мы спрячемся за гору.... когда настанетъ ночь.... и лошади, утомясь, будутъ принуждены тащить медленно экипажъ.... тогда, по условному знаку, мы подойдемъ къ каретѣ.... ты съ одной стороны, а я съ другой.... Чтобъ занять корсара и выиграть по больше времени, мы, выдавая себя за моряковъ.... возвращающихся въ портъ свой.... станемъ просить у него какой-нибудь помощи.... Онъ и товарищъ его будутъ въ совершенной безопасности.... Между тѣмъ двухствольные пистолеты наши будутъ заряжены.... кинжалы за поясомъ.... и....

— Никогда! вскричалъ Руссель; я не убійца, не хочу его смерти.... это запятнало бѣ Англїю.... а между-тѣмъ не удовлетвори-ло бѣ мести моей! Нѣтъ, нѣтъ, я хочу наслаждаться, упиваться яростью, стыдомъ этого непреклоннаго человѣка.... Когда сдѣла-

живъ и живинокъ, и прежде чѣмъ его сошлютъ на понтоны, онъ будетъ предавъ на позорище, на посмѣшище и ругательства этой самой толпы, которая дрожала при одномъ его имени.... О, еслибъ мѣсть моя совершилась!.... никогда бы тигръ.... въ желѣзной пѣткѣ своей.... не рычалъ такъ страшно.... и не рвался съ такою дикою и немощною яростью, какъ этотъ злодѣй!..

Да, вотъ чего я хотѣлъ, и будь увѣренъ, что пытка эта и ужасное заточеніе на понтонахъ было бѣ для него страшнѣйшей самой смерти.... Но отказъ этого проклятаго контрабандиста разрушаетъ всѣ мои планы.... Какъ только онъ пройдетъ эту станцію, мы не можемъ больше надѣяться на близость моря.... и на судно, готовое принять насъ.... Похищеніе становится тогда невозможнымъ.... На что рѣшиться теперь?... какъ быть? и что дѣлать?

— Слѣдовать моимъ совѣтамъ, продолжалъ упорно Мальтіецъ; повѣрь, что смерть вѣрнѣе ищенья.... Ктому жъ.... оно становится теперь невозможнымъ.... между-тѣмъ какъ жизнь его въ нашихъ рукахъ.

— Молчи.... отвѣчалъ съ мрачнымъ видомъ Руссель, молчи.... искуситель....

— Что за дѣло до средствъ.... только бѣ избавить Англію отъ ея самаго смертельнаго врага?

— Молчи, говорю тебѣ!

— Подумай только сколько было захвачено и сожжено англійскихъ кораблей.... сколько кровопролитныхъ сраженій.... изъ которыхъ онъ всегда выходилъ побѣдителемъ, несмотря, что военными силами онъ гораздо слабѣе....

— Оставь меня.

— Вспомни только какой ужасъ внушаетъ морякамъ нашимъ, первымъ въ мірѣ.... одно его имя, а во время послѣдняго нашего крейсера.... развѣ ты не слышалъ, какъ они говорили съ суевѣрнымъ страхомъ.... что побѣды этого неуязвимаго и непобѣдимаго человѣка предсказываютъ можетъ-быть уничтоженіе морскихъ силъ Англій, и что на морѣ, какъ и на сушѣ, явится свой Наполеонъ?... Подумай о раззорительныхъ дѣйствіяхъ такого убѣжденія, если оно распространится теперь, когда Англія пытается на послѣднее усиліе, чтобъ низпровергнуть Наполеона и раздавить Францію.

— Но останавливать на большой дорогѣ.... убивать!... нѣтъ, это близкое смертоубійство!

— Смертоубійство? яичу не бывало.... Англія съ Франціей

возмогу; воспользоваться случаемъ и поразить врага желая нанести смертоубійствомъ, это военное право.

Русель не отвѣчалъ; онъ закрылъ лицо руками и долго стоялъ въ задумчивости.

Мальтиецъ тоже по-видимому погрузился въ глубокія размышленія.

Оба они молчали, пока не вздрогнули, услышавъ отдаленный стукъ колесъ, свистъ кнута и все болѣе и болѣе приближающійся звонъ колокольчиковъ.

Посмотрѣвъ на часы, Англичанинъ вскричалъ:

— Это онъ!... пять часовъ.... карета ѣдетъ съ дѣпской створы....

И оба бросаясь къ окну, стали глядѣть изъ-за занавѣсокъ, чтобы не быть узнаваемыми.

Они увидѣли старую, запыленную, запряженную парю, желтую карету, которая оставалась у станціоннаго крыльца, съ другой стороны улицы, почти напротивъ самаго трактира.

Англичанинъ помертвѣлъ отъ ярости, и пронзая стекло взоромъ неполновѣрнымъ неумолимой ненависти, вскричалъ:

— Это онъ!... точно онъ!...

— Да еще одинъ!... прабавилъ Мальтиецъ.

— Входить въ трактиръ.

— Все намъ благопріятствуетъ.... сказалъ Мальтиецъ, канонеръ его вѣрно остался въ Діэпѣ. Насъ двое, а онъ одинъ.

Вдругъ Русель ударилъ себя по лбу, какъ будто былъ пораженъ внезапною мыслью; легкая краска освѣтила его холодное и блѣдное лицо, искра дѣвольской радости заблестала въ сѣрыхъ глазахъ его, и онъ сказалъ трепещущимъ отъ ярости и иррациональной надежды голосомъ:

— Можемъ ли мы еще надѣяться эту ночь на контрабандиста?

— Да, можемъ.... потому что желая сохранить возможность къ бѣгству.... я велѣлъ ему на всякій случай ожидать насъ.

— Твѣ еще не все погибло! вскричалъ Русель, зазвонивъ послѣшнее; не унывай и надѣйся!

— Что это значитъ? спросилъ Мальтиецъ, что хочешь ты дѣлать?

— Узнаешь послѣ.... но теперь молчи; кто-то идетъ.

Въ комнату вошелъ трактирщикъ.

— Завтракъ твой, хозяинъ, былъ чудесно приготовленъ, сколько же я тебѣ долженъ?

— Видѣть съ комнатою... шесть франковъ.

— Вотъ они.... а это на водку мальчику.

— Вы очень милостивы.... благодарю васъ, сударь.... надѣюсь, что и другой разъ къ намъ пожалуете.

— Разумѣется; но скажи сдѣлай милость, мнѣ послышалось какъ-будто кто-то подъѣхалъ?...

— Да сударь.... прѣхалъ кто-то.... но не знаю кто именно; я поспѣшилъ его въ самой лучшей комнатѣ, выходящей окнами въ садъ.

— Вѣрно кто-нибудь изъ старинныхъ твоихъ знакомыхъ? потому что кто разъ здѣсь останавливался, тотъ захочетъ и въ другой и въ третій.

— Какъ вы милостивы, сударь.... но я не знаю этого проѣзжаго, онъ первый разъ у меня останавливается.

— А много у него съ собой людей, поклажи?.... Долго онъ здѣсь пробудеть?

— Нѣтъ, сударь, не долго, только пообѣдаетъ; кому жъ, кажется, онъ не изъ большихъ господъ.... даже и человекъ нѣтъ при себѣ.... онъ мурлыкаетъ про себя, бряцать по окнамъ, и веселъ, по-видимому, какъ птичка.... Кажется, премилый человекъ.

— А ты, хозяинъ, пречудесный фэзиономистъ, сказалъ пастбиливо Англичанинъ.

Потомъ дѣлая знакъ товарищу, онъ всталъ и сказалъ трактирщику:

— До свиданья! мы пройдемся по предмѣстью и вернемся въ Дювъ.

— Если вамъ угодно подождать, то парижскій дилижансъ пройдетъ здѣсь въ осамъ часовъ вечера.

— Нѣтъ, благодарю, любезный. Не смотря, что мы моряки, а не скоро устаемъ.... кому жъ погода чудесная.

— До свиданья, господа, сказалъ трактирщикъ, и поклонясь гостямъ своимъ вышелъ въ другую комнату.

Простясь съ трактирщикомъ, моряки скрылись для совѣщанія на четверть часа, потомъ, какъ праздные и любопытные люди, подошли къ станціи, у крыльца которой стояла желтая карета; вѣроятно путешественникъ собирался въ дорогу, потому что ямщикъ уже закладывалъ лошадей.

Русель съ товарищемъ подошли къ каретѣ, которая, находясь между ними и трактиромъ, совершенно загорожала ихъ отъ оконъ гостиницы.

Съшли на одну изъ лавокъ, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ

станціоннаго крыльца, чужеземцы, стали всматриваться въ запрягаемыхъ лошадей.

— Подслушай-ка, пріятель, сказалъ наконецъ Руссель, вѣдь у тебя славная лошадь, я рѣдко видывалъ такихъ сильныхъ животныхъ.

— Это правда, отвѣчалъ ямщикъ съ самодовольнымъ видомъ и радуясь заслуженнымъ похваламъ, возвышающимъ достоинства его лошади; какова есть, такова и кажется.... за то я и прозвалъ ее *Соколомъ*.... и увѣренъ, что никто болѣе его не достоинъ этого названія....

— Удивительно.... право.... какое прекрасное животное! продолжалъ Руссель: что за грудь! что за бока!.... а загрявокъ-то каковъ!

— А голова-то!.... подхватилъ Пьетръ, широкая, тонкая, какъ у арабской лошади.

— По всему видно, что вы знатоки, сказалъ ямщикъ, и потому, безъ сомнѣнія, повѣрите, когда я скажу вамъ, что съ *Соколомъ* и *Молодцомъ*.... (такъ зовутъ мою вторую) мы срываемъ галопомъ гору.... въ четверть лѣтъ пространствомъ.

— Тутъ ничего нѣтъ удивительнаго.... любезнѣйшій! какъ весело, я думаю, скакать на такой лошади?....

— Еще бы!.... сказалъ ямщикъ съ самодовольною улыбкою: какъ не весело?!.... не чувствуешь ее подъ собою.... ѣдешь.... точно въ лодкѣ!

— Хотя я и морякъ, однако часто ѣздилъ верхомъ; но мнѣ никогда не удавалось гарцовать на такой лошади.

— Вѣрю! отвѣчалъ ямщикъ, и могу утвердительно сказать, что вамъ никогда этого не удастся....

— Жаль!

— Какъ быть? нечего дѣлать!

Помолчавъ немного, Англичанинъ сказалъ:

— Слушай.... не хочешь ли заработать сорокъ франковъ?

— Сорокъ франковъ! вскричалъ изумленный ямщикъ: заработать сорокъ франковъ?.... мнѣ?

— Ну, да.... тебѣ.

— Да какимъ же образомъ?

— Очень простымъ.

— Посмотримъ.

Англичанинъ хотѣлъ было отвѣчать, какъ трактирный мальчикъ, перешедъ лицу, сказалъ ямщику:

— Не торонись закладывать, Жанъ-Пьеръ, проѣзжающій еще не такъ скоро выйдеть.

— Да чѣмъ же забавляется этотъ итшоукъ? сказала ямщикъ; итшукъ было ему такъ равно спрашивать лошадей?

— Почему мнѣ знать? отвѣчалъ мальчикъ; точно мокрая му- рша.... вмѣсто вина онъ пьетъ молоко, а вмѣсто обѣда потребо- валъ хлѣбной похлебки и яицъ въ сметку....

— Бѣтъ похлебку.... и не пить вина!

— По этому можно судить, что онъ за человѣкъ! сказалъ глу- бокомысленно Жанъ-Пьеръ.

Потомъ обращаясь къ мальчику, продолжалъ:

— Послушай, пріятель! ты заставляешь меня болтать, а я ме- жду-тѣмъ забываю....

Ямщикъ остановился, посмотрѣлъ на Руссея и сказалъ:

— Вы предлагали мнѣ сейчасъ....

Англичанинъ мигнулъ ему значительно, и показывая глазами на мальчика, сказалъ въ пол-голоса.

— Пойдемъ на дворъ, почтеннѣйшій, я хочу перемолвить съ тобою словечко.

— Нельзя оставить Сокола, баринъ, онъ еще напроказить здѣсь съ Молодцомъ.... Да вотъ.... посмотрите!.... экой плутъ ка- кой! онъ ужъ начинаетъ, прибавилъ Жанъ-Пьеръ, подходя къ ло- шадямъ, которыя ржали и становились на дыбы. Ой ты! кри- чалъ ямщикъ, экой разбойникъ!.... смотри, Соколъ!.... если ты не уймешься, то я тебя!

— Такъ слушай же, продолжалъ Англичанинъ, наклонясь на- уху ямщику и говоря ему что-то шопотомъ.

— Хорошо! отвѣчалъ со смѣхомъ ямщикъ: вотъ странная мысль!

— Ну, что, пріятель, согласенъ?

— Не знаю....

— Если согласенъ, то вотъ тебѣ двадцать франковъ.... въ за- дтокъ, а остальное послѣ.... Ктому жъ, чѣмъ ты тутъ рискуешь? тутъ ничего нѣтъ такого....

— Разумѣется! но это пресмѣшная мысль, настоящая морская выдумка!.... Мнѣ это извѣстно.... вѣдь я прежде былъ на діэпской станціи.... надо только посмотрѣть на корсаровъ.... когда бывало получать часть свою изъ добычи.... что за народъ!.... за одно слово, за «да» или за «нѣтъ» такъ и забрасаютъ золотомъ! Я види- валъ и такихъ, которые предлагали одному старому горбатому понамарю двадцать-пять наполеоновъ, за то только, чтобъ онъ

позволять паридить себя старухом, надѣть на себя платье съ салбаранн, шляпу съ перьями, согласился прокатиться съ ними и ребятиами изъ до городу....

— Какъ же быть, любезнѣйшій, сказалъ улыбаелъ Русселъ. Бѣднымъ морнамъ такъ рѣдко случается быть на воляхъ, что очень протитательно, если они позволяютъ себѣ нѣкоторыи азтатин.... когда это можно.... не время друглять!

— Еще бы!

— Такъ рѣшено?

— Да, рѣшено!.... Съ такимъ барномъ, какъ этотъ.... нечего перемониться.... слыханное ли дѣло?.... не пить вина?.... Ктому жъ онъ увидать только огонь.... Да, рѣшено сударь, я согласенъ.

— Такъ вотъ тебѣ двадцать франковъ, сказалъ Русселъ, суя золотую монету въ руку ямщику: остальное послѣ.

— Благодарю. Только поторопитесь, потому что отсюда туда будетъ около полтора льѣ.... Все равно, я дамъ вамъ время дойти.... Если мой охотникъ до похлебокъ найдетъ, что я ѣду слишкомъ тихо, то я ему скажу, что у Молодца сдѣлались мозоли на ногахъ. Идите скорѣй.... Поверните въ улицу, на-дѣво, и очутитесь на самой большой дорогѣ.

Авгличанинъ и Мальтиецъ исчезли.

Четверть часа спустя, въ дверяхъ *Императорскаго Орла* явился трактирщикъ и закричалъ ямщику:

— Садись, приятель!.... барниъ готовъ.

— Чортъ возьми, проводилъ Жанъ-Пьеръ, садясь медленню на лошади, какъ скоро суетовился!.... этакое молочное горло! пить бы себѣ молоко.... а не то и, ятели мои не успѣютъ добѣжать до горы.

Сказавъ это, ямщикъ подѣхалъ къ дверямъ гостиницы, трактирщикъ подѣхалъ къ каретѣ, спустилъ подножку, и когда незнакомецъ сѣлъ въ экипажъ, онъ затворилъ дверцы, снялъ почтительно колпакъ, поклонился проѣзжему и сказалъ ямщику:

— Какъ можно скорѣй! барниъ очень торонится.

— Ужъ будете довольны, отвѣчалъ Жанъ-Пьеръ, полетитъ какъ птицы!

Махнувъ кнутомъ, онъ помчался во всю мочь, пролетѣлъ черезъ предмѣстье и очутился скоро на большой дорогѣ; но проѣхавъ шаговъ двѣсти, онъ вдругъ остановилъ лошадей своихъ, обернулся и сталъ ждать.

Удивленный путешественник опустилъ стекло, и выслунавъ голову, сказалъ:

— Что тамъ такое, любезный?

— Что тамъ такое?

— Ну, да.

— Не знаю.

— Какъ, не знаешь?

— Нѣтъ, не знаю.

— Затѣмъ ты остановился?

— Вы же велѣли.

— Я?

— Да! вы закричали мнѣ: стой! я и остановился.

— Ты ошибся, любезный, я не звалъ тебя.

— Звали, баринъ.

— Говорю тебѣ, что не звалъ....

— Звали, баринъ, клянусь честью, что звали! только нежеть-быть не замѣтили.

— Еще разъ повторю тебѣ, что не звалъ.... Ну кончишь этотъ споръ.... ступай, любезный, и постарайся наверстать потерянное время....

— Будьте спокойны, я прокачу васъ такъ, что когда придѣмъ на слѣдующую станцію, изъ кареты вашей не останется ни одной щепочки.

Сказавъ это, ящикъ покатился какъ стрѣла.

Но пройдя еще двѣсти шаговъ, онъ снова остановился.

— Ну, что тамъ опять такое? спросилъ путешественникъ.

— Эка напасть какая! проклятая лошадь!... вскричалъ Жанъ-Пьеръ, слезая съ лошади, и притворяясь, будто распутываетъ ремень.

— Развѣ что-нибудь порвалось?

— Экая гадина!

— Расковалась что ли лошадь?

— Куда залѣзла!

— Скажи, по-крайней-мѣрѣ, любезный, что тамъ такое случилось?

— Ничего.... не беспокойтесь, сударь.... промятая эта корзинка звунталась въ постромкахъ.... а распутывать ее.... возьметъ много времени....

— Нечего дѣлать, это маленькое несчастье, сказалъ спокойно путешественникъ; постарайся по-крайней-мѣрѣ, чтобы этого больше не было.

— Топоръ, барнигъ, мыг полетнигъ вангъ ласточни, отвѣчалъ Жанъ-Пьеръ, взглянувъ на сѣдло.

Потомъ прибавилъ самъ про себя:

— Не лакомиться бы тебѣ похлебками, да пить побольше вина!.. точно канарейка.... пьетъ молоко! это, право, жалость такая.

Сказавъ это, ямщикъ размахнулся кнутомъ, и помчался, что ни есть духу.

Смеркалось....

Звѣзды начинали загараться на востокѣ, и солнце, уже съ четверть часа закатившееся, отбрасывало только слабый свѣтъ на дорогу, съ обѣихъ сторонъ которой стояли высокія деревья съ своими темными, лишенными листьевъ вѣтвями.

Въ-далекѣ.... между горизонтомъ и дорогою возвышалась крутая гора, обсаженная огромными тополями, маковки которыхъ еще не покрытыя листьями сплетались между собою навѣсомъ; все это можно было видѣть довольно ясно, благодаря блѣловатому отраженію мѣловой почвы.

А надъ самобытнымъ этимъ сводомъ, посреди яснаго и голубаго неба обрисовывалась первая половина луны.

Коляска быстро катилась по дорогѣ, а ямщикъ такъ громко хлысталъ кнутомъ своимъ, какъ-будто хотѣлъ чтобъ эхо разнесло свистъ его.

Лошади, бѣжавшія до той минуты во весь опоръ, по-немногу стали укрощать бѣгъ свой; сначала онѣ мчались галономъ, потомъ побѣжали рысью, потомъ пошли шагомъ и наконецъ совсѣмъ остановились.

Жанъ-Пьеръ сошелъ съ лошади, и осмотрѣвъ копыто, вскричалъ:

— Экая напасть какая, лошадь моя хромаетъ!

— Хромаетъ? спросилъ спокойнымъ голосомъ путешественникъ, хотя безпрестанныя эти остановки могли вывести изъ терпѣнія самаго терпѣливаго человѣка, хромаетъ!...

— Да какъ еще!... отвѣчалъ Жанъ-Пьеръ, держа обѣими руками копыто лошади.

— Да отчего жъ она такъ вдругъ захромала, любезный?

— Чортъ ее знаетъ!...

— Такъ намъ придется сидѣть на большой дорогѣ?...

— Не беспокойтесь барнигъ.... если бъ я могъ только видѣть отчего она хромаетъ.... да ночь-то такая темная, что зги не видать....

— Не забудь смотри, когда прїѣдемъ на станцію, зажечь фонари.

— А!... теперь я вижу что такое... ощущалъ пальцемъ, продолжалъ лишикъ, это камень... попалъ между подковою и крюкомъ.... Если бь удалось вытащить..... такъ ничего бь не было....

— Постарайся любезный; не въ упрекъ будь тебь сказано.... а намъ что-то сегодня не удается.... отвѣчалъ все еще спокойне вутешественникъ.

Жанъ-Пьеръ продолжалъ ворчать и проклипать, что не можетъ вытащить камня, а между-тѣмъ забавляясь своею хитростью рассчитывалъ, что далъ довольно времени Англичанину и Мальтійцу дойти до назначеннаго мѣста; и потому онъ вдругъ испустилъ торжествующій крикъ:

— Наконецъ!... вотъ онъ.... этотъ проклятый камень! теперь мы полетимъ какъ птицы.

И карета покатила съ новою быстротою.

Виредолженіи этого времени ночь совершенно воцарилась.... Но прозрачность неба и сіянье звѣздъ отбрасывали слабый свѣтъ на землю.

На этотъ разъ, Жанъ-Пьеръ не останавливался, однимъ духомъ домчался до подошвы горы.

Тутъ онъ остановилъ своихъ измученныхъ лошадей, слѣзъ на землю, подошелъ къ каретѣ и сказалъ незнакомцу.

— Тутъ опасная дорога, барниъ, знаменитый косогоръ; я пойду теперь пѣшкомъ, чтобъ облегчить лошадей... и быть въ готовности, когда взѣдемъ на гору, затормазить колеса для спуска, который не совѣмъ-то ловокъ.

— Хорошо, любезный, отвѣчалъ голосъ изъ кареты.

Жанъ-Пьеръ и въ-самомъ-дѣлѣ шелъ нѣсколько минутъ подлѣ лошадей своихъ, потомъ началъ приостанавливаться и наконецъ, оставивъ карету медленно взбираться на гору, остался позади.

Въ эту минуту Руссель и Пьетри вышли изъ за деревъ, опущающихъ дорогу и подошли поспѣшно къ ямщику, который продолжая идти, снималъ съ себя попеременно камзолъ съ краснымъ воротникомъ, шляпу съ галуномъ и ботфорты; Англичанинъ, въ свою очередь, снявъ съ себя морскую куртку и клеенчатую шляпу, надѣлъ платье, шляпу и ботфорты ямщика.

Жанъ-Пьеръ, принимая все это за шутку, за морскую выдумку, какъ самъ выразился, глядѣлъ на Англичанина съ самодовольною улыбкою, и отдавая ему кнутъ, сказалъ:

— Не могу надивиться вашей выдумкѣ.... пресмѣшная.. пресвесаая, хотя вы сами вовсе не веселы.

— Чтѣ жѣ дѣлать, любезнѣйшій!.. Я обожаю лошадей, и съ большимъ удовольствіемъ покатаюсь на твоей красной и смѣлой лошади.... Неправда-ли, вѣдь это преневняный капризъ?..

— Разумѣется!... какой вредъ можетъ это одѣлать охотнику до поклебовъ?

Вотъ ужѣ терпѣливый!... нечего сказать.... такой что его терпѣнье меня вывело изъ терпѣнья.... вѣрне у него въ шпалакъ не прова, а вода.

— Ты думаешь? сказалъ Руссель, подходя къ каретѣ.

— Я думаю, что это какой-нибудь разжившійся пріятеликъ.... предобрый и вовсе не злой. Ну, баринъ, садись теперь на шее шѣсто.... ночь претемная, такъ что этеть лакомка до молока и не замѣтить.... а я сляду съ товарищемъ твоимъ на запятки.... Въ полу-льѣ отъ станціи будетъ другая гора....

— Тутъ я сойду.... сказалъ Руссель, мы перемѣнились платьями.... и дѣле съ концемъ. Теперь, любезнѣйшій, вотъ оставшимъ обѣщанныя тебѣ деньги.

Всузувъ монету въ руку Жанъ-Пьеру, Руссель догналъ лошадей въ двадцата шагахъ отъ вершины горы и пошелъ подѣтъ кареты.

Ночь была такъ темна, что путешественникъ не могъ замѣтить подлога; итому жѣ онъ нисколько не удивлялся, видя, какъ это часто случается, что ямщикъ оставлялъ на вѣсколько минутъ лошадей своихъ; только когда карета была уже почти на вершинѣ горы, онъ сказалъ ямщику:

— Послушай, любезный, не забудь, когда будешь тормазить.... хорошенько прикрѣпить башмакъ.

— Сейчасъ, отвѣчалъ въ пол-голоса подложный ямщикъ.

Потомъ, зайдя за карету, сказалъ Мальтійцу и Жанъ-Пьеру шопотомъ:

— Садитесь на запятки и держитесь крѣпче, а начинаю тормазить.

Оба сѣли на указанное мѣсто и ухватились обѣими руками за рессоры, между-тѣмъ какъ Руссель, отвинчивая башмакъ и бряцая цѣпью, притворялся будто тормазитъ, но вмѣсто того чтобъ надѣтъ башмакъ, онъ оставилъ его въ сторонѣ.

Англичанинъ вскочилъ тогда на сѣдло, возмалъ шпоры въ бока лошади и помчался съ горы съ страшною быстротою.

— Господи!... мы погибли.... и охотникъ до поклебовъ тоже.... вскричалъ Жанъ-Пьеръ услыжавъ какъ башмакъ и цѣпь забряцали по шоссе, товарищъ вашъ не хорошо затормазилъ.

Възвѣстивъ отъѣзду Мальтиску, прикладомъ виставлена такъ омыло удриль по головѣ Жанъ-Пьера, что онъ выдустиль изъ руки ресору и уналь на землю, между тѣмъ какъ карета потечала въ облакахъ были катилась съ горы съ страшною быстротою.

Нѣсколько дней прошло съ той поры какъ путешественникъ, о которомъ мы говорили, попалъ въ западную, недоставленную ему Русселюмъ и его товарищомъ.

Теперь мы сведемъ читателя въ милое, уютное жилище, находящееся на концѣ маленькаго люневильскаго предмѣстья, въ двухъ ми отъ Гавра. Съ этого мѣста, очень близкаго отъ берега, вѣсрѣ далеко простирается на море.

Глубокая тишина, свѣжій и здоровый воздухъ, богатая, изобильная, а между тѣмъ живописная страна, прохладныя тѣнистыя рощи, плодоносныя поля и видъ океана превращали Лювиль и его окрестности въ настоящій эдемъ для людей, влюбленныхъ въ миръ, тишину, мечты, уединеніе и созерцаніе.

Что особенно придавало этому предмѣстью, какъ и столбикимъ другимъ маленькимъ или большимъ городамъ, споконный и молчау-тѣмъ странный видъ, это совершенное отсутствіе *молодыхъ людей*. Послѣднія войны Имперіи призвали вездѣ знамена свои все что было только юно, здорово, способно носить оружіе, а сенатусъ-консултъ марта мѣсяца 1812 года вооружилъ часть резерва національной гвардіи, раздѣленной на первый, второй и задній-эшелоны, вѣщаая въ это число всѣхъ гражданъ, начиная съ осемнадцати до шестидесяти лѣтъ.

И вотому въ эту эпоху, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, живущій въ бездѣйствіи и не имѣющій пріятнаго изаніенія быть горбатымъ, безрукимъ или хромымъ, считался *февекомъ* или ужъ по-крайней-мѣрѣ рѣдкимъ чудомъ.

Лювильское предмѣстье обладало однимъ изъ такихъ чудесъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ; ему было много что двадцать четыре года отроду; онъ никуда не показывался, велъ самую уединенную жизнь, какъ по вкусу, такъ и по обязанности своей, или лучше сказать, по положенію своему въ свѣтѣ и нисколько не думалъ пользоваться выгодами своего *единства*.

Молодой человѣкъ этотъ былъ однимъ изъ обитателей мирнаго и уютнаго жилища, о которомъ мы уже упоминали.

И такъ повторяемъ, что нѣсколько дней спустя послѣ того какъ путешественникъ нашъ былъ схваченъ на діанской дорогѣ, — въ хорошеющей, обставленной споконною мебелью гостинной сидѣли: женщина средняхъ лѣтъ, молодая дѣвушка лѣтъ шест-

нацпати и молодой человекъ.... то есть, фениксъ о которомъ мы говорили: въ камелькѣ трещалъ огонь, а на столѣ горѣла лампа съ алебастровымъ колпакомъ и разливала въ комнату тихій уютельный свѣтъ; между тѣмъ какъ самоваръ, стоявшій на чайномъ столѣ передъ самымъ каминномъ, издавалъ самое пріятное (въ это время) для уха журчанье, потому что на дворѣ было еще довольно холодно.

Внимательный наблюдатель замѣтилъ бы можетъ-быть, что между предметами роскоши и убранства, находящимися въ этой комнатѣ, большая часть изъ нихъ была *англійскаго* произведенія, несмотря, что континентальная система разлила тогда всѣ произведенія Англій. Однимъ словомъ, въ этомъ домѣ было все англійское, начиная съ глиняныхъ годвудскихъ вазъ, свѣтло-зеленаго или свѣтло-голубаго цвѣту съ бѣлыми выпуклыми фигурами, до самыхъ дорогихъ прозрачныхъ фарфоровъ. Тоже самое можно было сказать и о чайномъ серебряномъ сервизѣ издѣлціи работы; только всѣ вещи были болѣею частью разрознены: какъ напримѣръ, на масивномъ самоварѣ была изображена герцогская корона, на чайникѣ рыцарскій шлемъ, а на сахарницѣ просто вензель. Несмотря на такую несообразность, серебро такъ и блистало и отражало въ впадинахъ своихъ свѣтъ камня и лампы.

У женщины среднихъ лѣтъ было умное, открытое и веселое лицо; ей можно было дать сорокъ два года; но волосы ея были еще совершенно черны, цвѣтъ лица свѣжъ, зубы бѣлы, глаза живы и веселая улыбка дышала добродушіемъ; несмотря на немного излишнюю толщину свою, она была очень стройна, и талія ея, теряя въ отношеніи красоты, выигрывала въ отношеніи величія; однимъ словомъ, почтенная особа эта обращала на себя всеобщее вниманіе, когда одѣтая съ ногъ до головы въ *англійскія* произведенія, она сопровождала въ церковь молодую дѣвушку, которой была скорѣй другомъ, чѣмъ няней или какъ называли ее нѣкоторые, *губернанткою*.

Дѣвушкѣ этой только-что минуло семнадцать лѣтъ; она была высокаго росту, очень тонка, глбака и надѣлена или скорѣе поражена нервическимъ организмомъ, чрезмѣрною чувствительностью, которая иногда болѣзненно отзывалась въ ея сердцѣ.

Одно страшное, уже давно случившееся событіе, было причиною такой раздражительной чувствительности. Вслѣдствіе этого она была дотога пуглива, что малѣйшій стукъ, малѣйшая неожиданность или какой-нибудь страшный разговоръ наводили на нее

такой невыразимый невольный страхъ, что какъ ни старалась она исправиться, однако не могла побѣдить этого почти врожденнаго недостатка.

Впрочемъ, трудно было встрѣтить милѣе, интереснѣе дѣвушку, особенно когда находишься подъ вліяніемъ страха или безпокойства, происходившаго иногда отъ самой простой причины, она вздрагивала.... приподнимала вдругъ хорошенькую свою головку.... устремляла на что-нибудь свои кроткіе голубые испуганные глаза.... и дрожа всѣмъ тѣломъ прислушивалась.... въ такомъ граціозномъ положеніи она напоминала бѣдную, трепещущую лань.

Эта молодая дѣвушка была постоянно блѣдна; но отъ малѣйшаго волненія, томное это лицо вспыхивало живымъ румянцемъ; тогда обрамленное густыми русыми косами, оно сіяло всѣмъ блескомъ цвѣтущей молодости.

Если бъ она была свѣжѣе и полнѣе, если бъ въ формахъ ея было больше округлости, то разумѣется, она выиграла бъ въ матеріальномъ отношеніи, но зато выраженіе лица ея потеряло бъ ту идеальную, трогательную прелесть, когда вся одѣтая въ бѣломъ (она любила и обыкновенно носила этотъ цвѣтъ), и покрытая легкимъ покрываломъ, гуляла по берегу или гуляла въ аллеяхъ своего тѣнистаго сада.

Послѣднее и третье лицо, находившееся въ комнатѣ было тотъ самый *Фениксъ*, о которомъ мы уже говорили, то есть, *очень хорошенькій юноша, не призванный подъ знамена имперіи.*

Фениксу этому было двадцать-пять лѣтъ; онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ, тонокъ; имѣлъ правильное и выразительное лицо, на которомъ замѣтно было какое-то грустное смущеніе, происходившее отъ недостатка, исключившаго его изъ службы; однимъ словомъ, онъ былъ дотога близорукъ, что насилу видѣлъ куда шель; и тѣмъ болѣе оторчался, что во странности организаціи своего не могъ извлечь никакой пользы изъ очковъ; хотя каріе глаза его были свѣтлы, прозрачны, однако во взглядѣ было что-то темное, томное, а иногда онъ принималъ раздражающее выраженіе, когда молодой человѣкъ, желая поглядѣть на него или на что-нибудь, обращался въ ту сторону и вдругъ вспоминалъ съ горечью, что въ трехъ шагахъ отъ него всякая вещь принимала смутную форму и становилась почти несозвучной.

Между тѣмъ надо признаться, что несмотря на все сострада-

ніе къ недостатку молодого человѣка, нельзя было тоже не разсѣяться, потому что молодой человѣкъ дѣлалъ иногда презабавныя промахи.

Надо-ли говорить, что женщина ерединхъ лѣтъ замѣчала болѣе смѣшную сторону близорукаго своего племянника, между тѣмъ какъ молодая дѣвушка, напротивъ, чувствовала къ нему состраданіе и была тронута тѣмъ, что было интереснаго въ положеніи, положеніи часто тягостномъ, полу-слѣпнаго?

Наконецъ, молодая дѣвушка тоже страдала чрезмѣрною чувствительностью, или лучше сказать, нервною *трусостью*, которую почти можно было назвать болѣзнію, и отъ которой она не могла вылечиться, не могла побѣдить ее.... слѣдовательно, она и близорукій, эти два робкія существа должны были глубоко сочувствовать другъ другу и находить таинственную связь въ самой этой слабости, которая попеременно вызывала то улыбку на лицо, то слезы на глаза.

Опредѣливъ такимъ образомъ этихъ трехъ особъ, послушаемъ разговоръ ихъ.

Молодая дѣвушка вышивала, *губернантка* вязала красный шерстяной шарфъ, а молодой человѣкъ, держа подъ самымъ носомъ только что принесенный съ почты «Journal de l'Empire», читалъ вслухъ послѣднія новости и сообщалъ своимъ слушательницамъ отъѣздъ маршала и герцога Реджіо въ армию, которому долженъ былъ командовать.

Губернантка услыжавъ, что самоваръ уже кипитъ, сказала племяннику:

— Погоди читать, Онезимъ; вода кипитъ, налей въ чайникъ, только сдѣлай милость не опрокинь чего-нибудь.

Онезимъ, положивъ журналъ на столъ, всталъ и пошелъ съ нѣкоторымъ страхомъ къ чайному столу; потому что несчастный собирался на трудное предпріятіе, опасность и пренятствіе котораго онъ предчувствовалъ; во-первыхъ ему надо было отставить кресло, стоявшее съ лѣвой стороны, потомъ столъ, находившійся съ правой. Избавясь отъ этихъ Харибды и Сциллы, ему слѣдовало перешагнуть черезъ табуретъ, поставленный подлѣ самаго каміна и взять наконецъ чайникъ.

Повторяемъ, что молодая дѣвушка никогда не сѣялась надъ неволностью Онезима; но иногда промахи его бывали такъ смѣшны и такъ неожиданны, что она противъ воли сѣялась; а мо-

людей человекъ ничего такъ не боялся какъ ея смѣху, и хотя первый смѣлся надъ своею неловкостью, однако страдалъ въ глубинѣ сердца.

Судя поэтому, легко понять, съ какимъ вниманіемъ, съ какииъ безпокойствомъ и осторожностью Онезимъ рѣшился идти отъискивать самоваръ: лѣвая, протянута впередъ рука, предупредила его о присутствіи креселъ; онъ обошелъ ихъ; однако чуть было не наткнулся на столикъ, но правая рука указала ему эту пучину. Онъ уже радовался, что достигъ безъ особенныхъ приключеній до каминна, какъ вдругъ неожиданная встрѣча съ табуретомъ заставила его пошатнуться; чтобы сохранить равновѣсіе, онъ отступилъ на два шага и наткнулся на столъ, который пошатнулся и съ шумомъ и съ трескомъ упалъ на полъ.

Молодая дѣвушка, оставивъ вышиванье, была погружена въ то время въ глубокия думы.... Услыхавъ внезапный стукъ, такъ неожиданно выведшій ее изъ задумчивости, она вскрикнула, поблѣднѣла, затряслась и упала въ изнеможеніи, не зная еще причины этого стуку и не будучи въ состояніи побѣдить своего страха.

— Успокойся.... дитя мое.... вскричала гувернантка, это ничего.... Ахъ какъ ты неловокъ, Онезимъ.

Узнавъ причину своего испуга, молодая дѣвушка душевно сожалѣла, что крикомъ своимъ привела въ смущеніе бѣднаго юношу, который ужъ и безъ того былъ робокъ, и потому, стараясь остановить нервную дрожь, которая трясла ее въ эту минуту, она сказала съ улыбкою:

— Извини, мой другъ.... Я напугала тебя.... но ты знаешь.... что я не могу преодолѣть этого безумнаго страха.

— Да развѣ это ваша вина? Ахъ Боже мой!... бѣдное дитя!... вѣдь это невольнo.... вы и сами тому не рады? Вамъ ли извиняться... за неловкость моего племянника....

— Молчи сдѣлай милость; мосьё Онезимъ вовсе не виноватъ; не ему, а мнѣ надо краснѣть, что въ мои лѣта я подвержена еще такимъ слабостямъ!... это просто стыдъ.

Бѣдный юноша, ставя на ноги столъ и приводя все въ прежній порядокъ, конфузился, приходилъ въ отчаяніе, извинялся, и бормotalъ что-то про себя.

Между-тѣмъ мадамъ Робертъ оттирала дѣвушку и дала ей нюхать соли.

Наконецъ, Онезима подошелъ къ чайному столу и взялъ чайникъ.

Но тётка его, увидавъ, что онъ располагаетя дѣлать чай, сказала :

— Радъ Бога.... не трогай.... ты слишкомъ неологовъ.... опять надѣлаешь какихъ-нибудь глупостей.

Онезиму стало досадно, итому-жъ ему хотѣлось заглядить свою неловкость, и потому не отвѣчая ни слова, онъ воспользовался невниманьемъ тетки, которая въ это время суетилась около молодой дѣвушки и сталъ дѣйствовать противно ея приказаниямъ.

Поставивъ чайникъ подъ самоваръ, онъ отворилъ кранъ, но вода полилась не въ чайникъ, а мимо....

Жесточкая боль въ лѣвой рукѣ извѣстила Онезиму о его неловкости.

Но онъ не закричалъ.... даже не вздохнулъ.... а только вздрогнулъ, и не смотря на страшныя страданія доиелъ чайникъ, подождалъ немного и черезъ нѣсколько секундъ сказалъ тихимъ голосомъ:

— Тётушка.... чай готовъ.... потомъ обратясь къ дѣвушкѣ прибавилъ: можетъ быть и вамъ угодно будетъ ?

— Какъ—чай готовъ!... сказала няня оборачиваясь къ Онезиму. Вообразите.... вѣдь это правда.... какъ это тебѣ удалось.... любезный другъ?...

— Какая ты жестокая, несправедливая, сказала съ кроткимъ упрекомъ дѣвушка....

И обращаясь къ молодому человѣку прибавила :

— Не слушайте эту злую тётку.... она только и думаетъ какъ бы помучить васъ.... но я тутъ.... и не дамъ васъ въ обиду.... А пока потрудитесь дать мнѣ чаю....

— Праведный Боже!... вскричала со смѣхомъ няня, онъ сейчасъ опрокинетъ столъ и перебьетъ всѣ чашки....

Но предсказанія мадамъ Роберъ не сбылись. Онезима безъ особенныхъ приключеній подалъ чашку дѣвушкѣ, которая сказала ему съ пріятливою улыбкою :

— Благодарю васъ, мосьё Онезима.... извините, что я васъ беспокою.

Въ эту минуту глаза ея встрѣтились съ большими темными глазами Онезима, которые къ ней машинально обращались и ка-

заплаканные глаза... Этот грустный, почти умоляющий взор тронул молодую девушку.

— Видневский! подумала она, он даже не заметил, что я ему улыбалась... Милый и кроткий взор его как будто выманивает пошлословья и соннохождения...

Мысли эти до того ее растрогали, что няня спросила у нея:

— Что это съ вами, дитя мое? отчего вы так грустны?

Онезимъ, услыхавъ это, посмотрѣлъ съ безпокойствомъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла дѣвушка, какъ будто по выраженію лица ея хотѣлъ узнать причину ея грусти... Но вспомнивъ, что для него это невозможно, онъ опустилъ голову и закрылъ платкомъ обожженную руку, отъ которой ужасно страдалъ.

Смущенная няиннымъ замѣчаніемъ дѣвушка отвѣчала:

— Ты ошибаешься, душа моя, я и не думаю грустить... Только ты говорила сейчасъ объ отцѣ моемъ, и напомнила мнѣ... чего впрочемъ я никогда не забываю... что теперь ему уже слѣдовало быть съ нами, а его все еще нѣтъ.

— Есть о чемъ безпокоиться?... развѣ это съ нимъ въ первый разъ случается?... Назначить одинъ день, а пріѣдетъ въ другой?...

— Разумѣется, тутъ не о чемъ безпокоиться... а между тѣмъ... это безпокоитъ меня.

— Ахъ Боже мой, какъ это можно быть такой неблагоразумной... вѣдь его могли тоже задержать и коммерческія дѣла... Когда занимаешься торговлею, тогда нельзя назначать ерока своего пріѣзда или отъѣзда. Часто, въ ту самую минуту, когда хочешь ѣхать, завязывается какое-нибудь новое дѣло... тогда не ведаешь остаешься.

— Тѣтушка права, коммерческія дѣла такъ непредвидимы!...

— Это правда, мосѣ Онезимъ.

— Ты забываешь еще, дитя мое, продолжала няня, что баринъ никогда не возвращается домой съ пустыми руками, вѣчно навезетъ обновокъ, подарковъ, разныхъ дорогихъ бездѣлицъ и все англійскаго произведенія... а почему онъ это дѣлаетъ?... Потому, что англійскія вещи какъ запретный плодъ... лучше, дороже и изящнѣе...

— Да, добрый и нѣжный отецъ этотъ осыпаетъ меня всѣми

своими мнестями, и каждый разъ, когда разстается со мною... плачетъ столько же сколько и я....

— Но за то *баринъ* разсудителемъ!... и если отлучается часто, такъ для твоей же пользы, дитя мое.... «Я хочу, чтобъ дочь моя была богата, говорилъ онъ мнѣ передъ своимъ отъѣздомъ, два мѣсяца тому назадъ. Еще двѣ или три поѣздки, и приданое ея готово; тогда я брошу эту проклятую торговлю и ужъ больше не разстанусь съ моею ненаглядною.»

— Дай Богъ, чтобъ это поскорѣ случилось, сказала вздыхая дѣвушка; только тогда я и буду спокойна, когда добрый и нѣжный этотъ отецъ будетъ вотъ тутъ.... подлѣ меня.... Сколько страху, сколько страданій во время отсутствія!

— Страху?... страданій?... экая несносная трусиха!... сказала съ любовью нянюшка, чего тутъ страшиться, спрашиваю я васъ. Отчего страдать? Чѣмъ можетъ рисковать такой честный негодянтъ какъ нашъ *баринъ*, который занимается только своими дѣлами, ѣздить въ преспокойной каретѣ, останавливается гдѣ хочетъ и остается тамъ сколько хочетъ? Еще разъ спрашиваю я васъ, чѣмъ онъ тутъ рискуетъ? Во-первыхъ онъ никогда не ѣздитъ ночью, во-вторыхъ при немъ всегда бываетъ его прикащикъ; а ты сама знаешь, ангелъ мой, что старый этотъ слуга, не смотря на всю несчастную планету, хоть въ огонь полѣзетъ за *баринномъ*....

— Это правда.... бѣдный!... съ нимъ каждый разъ случается какое-нибудь несчастье....

— А отчего это происходитъ? Оттого, что старый этотъ пустословъ суется туда, куда его не просятъ, всюду вмѣшивается.... а самъ такъ неловокъ, что не приведи Боже!... (я говорю это не на твой счетъ, любезный племянникъ): однако это не мѣшаетъ ему быть преданнымъ *барину*, и я увѣрена, что еслибъ.... *баринъ* и захворалъ въ дорогѣ.... чего не дай Богъ.... то не могъ бы найти лучшей сидѣлки.... Ну теперь я спрашиваю у васъ.... чего жъ вамъ бояться, сударыни?

— Ровно ничего.... ты правду говоришь....

— Подумайте только.... чтобъ это было, если бъ отецъ вашъ былъ военный?... если бъ ему пришлось идти на войну?...

— Переставь, переставь!... что это ты говоришь?... страшно вспомнить!... Я думаю, что я не имѣла бъ ни одной минуты покою; я бы измучилась, изныла при мысли, что отецъ мой под-

вергается величайшимъ опасностямъ!... а можетъ быть.... и смер-
ти!... Нѣтъ, нѣтъ.... это ужасно....

— Бѣдное дитя!... при одной только мысли она уже блѣд-
нѣетъ.... и трясется. Это меня нисколько не удивляетъ.... потому
что я знаю, какъ вы нѣжно любите достойнаго вашего отца....
Но нечего толковать объ этомъ.... Отгонимъ отъ себя мрачныя
эти мысли.... и займемся чтеніемъ; Онезимъ прочтетъ намъ жур-
налъ.... Это разсвѣтъ васъ, душа моя.... хотите?

— Разумѣется хочу.... только боюсь.... не усталъ ли носѣ Оне-
зимъ?

— Нѣтъ, нисколько, отвѣчалъ молодой человѣкъ, дѣлая сверхъ-
естественныя усилія, чтобъ скрыть свои жестокия страданія.

Онъ взявъ журналъ, поднесъ его къ самымъ глазамъ и при-
готовился уже къ чтенію, какъ вдругъ сказалъ дѣвушка:

— Я думаю, что статья эта займетъ васъ.

— О чемъ же тутъ пишутъ?

— О новомъ геройскомъ подвигѣ знаменитаго дѣпскаго кор-
сара, о которомъ такъ много говорятъ и котораго прозвали би-
чель Англичанъ.

— Я боюсь, чтобъ это не слишкомъ взволновало васъ, ангель
мой, вы такъ сегодня раздражительны.

— Да развѣ это такъ страшно, такъ ужасно, носѣ Онезимъ?
спросила улыбаясь дѣвушка.

— Не думаю, потому что тутъ говорятъ о бѣгствѣ, о спасе-
ніи. Вотъ по-крайней-мѣрѣ заглавіе статьи: *Бѣгство неустраши-
маго корсара Отчаяннаго, который сдѣлавшись жертвой адскихъ
козней, былъ похищенъ изъ Франціи англійскими эмиссарами.*

— Это и въ-самомъ-дѣлѣ должно быть любопытно. Потруди-
тесь продолжать, носѣ Онезимъ.... А когда это будетъ слиш-
комъ страшно, то я васъ попрошу остановиться.

— Я же стану слушать обѣими ушами, сказала облизываясь
звиза, потому что обожаю рассказы о корсарахъ.

— Что про тебя и говорить.... ты такая храбрая, такая не-
устрашенная.... точно самъ корсаръ, сказала улыбаясь дѣвушка.

— Когда въ журналахъ я нахожу описаніе баталій, сты-
чекъ.... то это для меня настоящее лакомство; по кожѣ пробѣ-
гаютъ мурашки.... а между-тѣмъ не могу остановиться.... не мо-
гу оторваться отъ такого занимательнаго чтенія. О! въ этомъ
случаѣ между нами нѣтъ никакого сходства, милая моя труси-
ха... в мнѣ кажется, что нѣтъ лучше военнаго сословія.... Ну,

Онезимъ, прочти намъ это хорошенько, внятно.... а если будетъ что нибудь ужъ слишкомъ страшное.... то оставьсь.... или пропусти.

— Не беспокойтесь, отвѣчалъ Онезимъ, и взявъ со стола Journal de l'Empire началъ читать вслухъ рассказъ о бѣгствѣ корсара *Отчалинаго*.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ЕЛИСАВЕТА КУЛЬМАНЪ

И ЕЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Одиннадцатый и двѣнадцатый годы Елисаветы Кульманъ были очень обильны поэтическими произведеніями. Изученіе англійскаго языка и чтеніе французскихъ и итальянскихъ классиковъ не мѣшали ей заниматься также любимымъ искусствомъ. Въ началѣ же тринадцатаго года нашлось для нея новое занятіе, которое не стоило ей труда болѣе вѣдѣдущихъ, но за то отняло у нея часть времени, которое она прежде употребляла на сочиненіе стиховъ. Всякій разъ, когда добрый священникъ, у котораго она и мать ея жили, бывалъ вмѣстѣ съ наставникомъ ея, оба обыкновенно начинали разговаривать между собою по-латыни, на любимомъ языкѣ священника, который отлично зналъ его. Елисавета давно уже помышляла о томъ, какъ бы изъявить свою благодарность этому новому благодѣтелю ея матери. — «Я придумала чудесную вещь, сказала она однажды наставнику; скажите, многимъ ли латинскій языкъ труднѣе живыхъ языковъ?» — «Для васъ ни

одинъ языкъ не трудеешь,—отвѣчалъ хитрый наставникъ, мастеръ ловить на лету всякій представлявшійся случай къ умноженію познаній ученицы, — черезъ четыре, а много черезъ пять мѣсяцевъ вы будете знать по латыни также хорошо, какъ знаете прочіе языки». — «Нашъ добрый священникъ такъ любитъ латинскій языкъ; можетъ-быть, ему пріятно будетъ, если я ко дню его рожденія, черезъ полгода, скажу ему на любимомъ его языкѣ поздравленіе». — «Чудесная мысль! воскликнулъ наставникъ; на будущей же недѣлѣ начнемъ учиться по-латыни. Къ счастью, я купилъ недавно латинскій переводъ Робинсона Кампе. Но впереди, такъ, для забавы вашей, пришлю вамъ завтра латинскую грамматику, которую напишу для васъ,—въ три четверти листа, по старому,—а вы на досугѣ выучите ее наизусть, хотя бы я и не успѣлъ растолковать вамъ ея, потому что, то чего безумно было бы требовать отъ другихъ, отъ васъ можно, не правда ли?» — Елисавета улыбнулась, и потомъ сказала: «Я ужъ управлюсь.» — «Я знаю, отвѣчалъ наставникъ, отъ того и предложилъ вамъ это. И такъ, да здравствуютъ тѣмъ древяго Рима, и да будетъ вамъ пріятно наше вступленіе въ кругъ вашъ! Цицеронъ, Корнелій Непотъ, и ты, бывшій владыка свѣта, Цесарь! примите съ благоволеніемъ первую жертву, приносимую вамъ дочерью сѣвера!

Елисавета, полагая, что латинскій языкъ труднѣе всякаго другаго, удвоила прилежаніе, и естественнымъ слѣдствіемъ того было, что она выучилась этому языку скорѣе, чѣмъ другимъ. Причина ясная. Она не встрѣчала ни одного почти латинскаго слова, котораго не могла бы отгадать тотчасъ по сходству его съ французскимъ, италіанскимъ или англійскимъ словомъ. Согласованіе словъ также не могло затруднять ея, такъ какъ въ этомъ отношеніи она уже привыкла примѣчать большую разницу въ каждомъ новомъ языкѣ. Словомъ, черезъ три мѣсяца первая цѣль ея была достигнута: поздравленіе ея было готово. Но чтобы въ этомъ торжественномъ случаѣ не походить на попугая, она прилежно выучила наизусть множество латинскихъ разговоровъ, дабы въ случаѣ надобности умѣть завязать разговоръ съ своими благодѣтелями. Не говоримъ уже, что Корнелія Непота, собраніе нѣкоторыхъ Цицероновыхъ писемъ и Цезареву «Галльскую войну» читала она съ прилежаніемъ, которое было бы похвалой даже въ гимназистѣ.

Есть пословица: «За одной бѣдой, другая бѣда»; но это, по-видимому, справедливо и наоборотъ, хоть и не вошло въ пословицу; по-крайней-мѣрѣ, въ этомъ случаѣ можно было сказать: «За одною прибылью, другая прибыль». У господина Медера праздновали день рожденія его старшей дочери. Елисавета была приглашена съ матерью на этотъ праздникъ, а вмѣстѣ съ ними и наставникъ, черезъ нихъ познакомившійся съ этимъ семействомъ. Послѣ обѣда, нѣкоторые изъ мужчинъ собрались въ комнату возлѣ столовой, и разговорились о литературѣ. Вдругъ возникъ вопросъ: «Не

лучше ли оставить теперь изученіе древнихъ языковъ, когда у насъ столько хорошихъ переводовъ латинскихъ и греческихъ классиковъ? Только одинъ голосъ возсталъ противъ этого мнѣнія, а наставникъ Елисаветы до тѣхъ поръ молчалъ. Но, ободренный первымъ, онъ присоединился къ нему, сталъ подкрѣплять его основательными доводами, наконецъ, какъ это иногда случается, заступилъ его мѣсто, и съ такимъ жаромъ защищалъ правое дѣло, что большая часть противниковъ мало-по-малу перешла на его сторону, и только нѣсколько гостей по-моложе, упорно оставшихся при своемъ однажды принятомъ мнѣніи, не соглашались съ наставникомъ. Шумъ разговора привлекъ также нѣсколько дамъ, между прочимъ и Елисавету, которая уже не трогалась съ мѣста, коль скоро увидала наставника въ борьбѣ, и когда рѣчь зашла о твореніяхъ Гомера, откуда онъ преимущественно заимствовалъ доказательства и примѣры въ защиту древности. Наконецъ, онъ изумилъ все собраніе слѣдующими словами: «Гѣте и Байронъ, герои нашего времени и которыхъ имена перейдутъ въ грядущіе вѣка, не осуждайте одного изъ усерднѣйшихъ вашихъ почитателей, если онъ осмѣлится сказать: Какъ ни ослабительно далеко простирающееся сіяніе вашей славы, все-таки вы не въ состояніи затмить блеска того лучезарнаго образа, который уже третье тысячелѣтіе освѣщаетъ міръ; все еще вы не превзошли Гомера!»

Слова эти сдѣлали впечатлѣніе на присутствовавшихъ, но преимущественно на Елисавету, воображенію которой согласно съ признаніемъ ея послѣ въ это мгновеніе Гомеръ представился повелѣвающимъ богами и людьми Юпитеромъ, застѣвающимъ на тронѣ, съ ослабительною для глазъ, лучезарною діадемою на главѣ. Ни присутствіе Елисаветы во время спора, ни впечатлѣніе, произведенное на нее всемъ происходившимъ, не укрылись отъ наставника; и онъ вѣроятно съ намѣреніемъ далъ этому дѣлу такой оборотъ, дабы произвести сильное впечатлѣніе на умъ и воображеніе Елисаветы.

Онъ достигъ своей цѣли. Оставляя общество, онъ подошелъ къ Елисаветѣ и сказалъ: «Завтра надѣюсь придти къ вамъ на часочекъ, потому что въ домѣ у насъ праздникъ». — Онъ сдержалъ слово, и пришелъ Елисавету въ необыкновенномъ расположеніи духа. За урокомъ она была внимательна, какъ всегда, но какая-то задумчивость легла на ясное чело ея. По окончаніи урока, наставникъ сказалъ: — «Вы нездоровы, или что-нибудь беспокоитъ васъ?» Слезы навернулись на глазахъ ея. — «Если это печаль, откройте мнѣ ее». — «Нѣтъ! Слава Богу, маменька и я здоровы, мы не имѣемъ нужды ни въ чемъ». — «Ба! подумалъ наставникъ, теперь я угадываю!» — И продолжалъ: — «Какъ крипко спорилъ со мною вчера одинъ гость?» — «Кажется, это одинъ, подхватывала Елисавета, котораго вы не убѣдили». — «А вы согласны съ моимъ мнѣніемъ?» — «Несвѣдущая въ такихъ ве-

щахъ, я въ этомъ случаѣ не имѣю голоса, но что касается до моего убѣжденія, то оно самое полное». — «Не хотите ли учиться по гречески?» — Елисавета улыбнулась сквозь слезы. — «Вы уже читаете вашего Цицерона и Цезаря; греческій языкъ не труднѣе латинскаго; были женщины (конечно, старѣе васъ), которыя матерски знали по-гречески, а знаменитая Дасье даже перевода Гомера». — Елисавета все молчала. Наставникъ угадывалъ причину этого: она боялась, если приметъ его предложеніе, стать въ тягость ему, потому что онъ и безъ того обремененъ былъ дѣломъ. — У меня кстати есть съ собою греческая книга»; — и онъ вынулъ ее изъ кармана; то было прекрасное изданіе Гомера съ его изображеніемъ. Нельзя описать выраженія, съ какими Елисавета смотрѣла на это изображеніе. — «Вижу, сказалъ наставникъ, что мнѣ слѣдуетъ прервать молчаніе: на будущей недѣлѣ начнемъ учиться по гречески, и Гомеръ будетъ служить вамъ азбукою. Помѣстите его въ вашу маленькую бібліотеку возлѣ Цицерона, который также былъ великимъ поклонникомъ Гомера». — Рыдая, схватила Елисавета обѣ руки наставника, и цѣловала ихъ со слезами на глазахъ.

Должно замѣтить, что Елисавета Кульманъ училась греческому языку не по принятой методѣ. Въ то время были еще въ употребленіи двѣ системы обученія этому языку, которыя очень отличались одна отъ другой. Одна сохраняла произношеніе, существовавшее исконно въ западной Европѣ, не взирая новее: на означенныя въ греческихъ книгахъ ударенія на каждомъ словѣ, и принимала крайнимъ числомъ шесть спряженій. Наставникъ Елисаветы слѣдовалъ произношенію новыхъ Грековъ и принималъ только одно спряженіе. Дѣло въ томъ, что когда онъ переселился въ Россію, и познакомился здѣсь съ нѣсколькими учеными Греками, онъ бросилъ тогдашнее западно-европейское произношеніе, примѣтивъ съ перваго раза, что произношеніе новыхъ Грековъ совершенно согласовалось съ удареніями, означенными на всѣхъ греческихъ словахъ; а въ послѣдствіи, когда ему случайно попалась въ руки первая часть греческихъ классиковъ, изданія Корая, и онъ прочелъ въ предисловіи объ одномъ только спряженіи, тогда принялъ и это нововведеніе, которое было новостью даже для знакомыхъ ему Грековъ, такъ какъ большая часть изъ нихъ привыкла къ четырнадцати, и только не многіе къ шести спряженіямъ. Раздѣливъ буквы по совѣту Корая, на различныя роды, онъ началъ ученіе съ преподаванія правилъ благозвучія и измѣненій, требуемыхъ иногда для удовлетворенія нѣжнаго слуха Грековъ. Послѣ нѣкоторыхъ усилій, внушить ученицѣ своей объ этомъ предметѣ самыя ясныя понятія, онъ сталъ приучать ее къ произношенію новыхъ Грековъ, и составилъ для нея грамматику по идее Корая. Однако наставникъ не вспомнилъ того, что общалъ было Елисаветѣ въ первую минуту, то есть, что Гомеръ будетъ служить ей азбукою; отъ того, что уже въ первомъ сти-

къ Гомера находятся уклоненія отъ обыкновенной (прозаической) грамматики, которыхъ могли бы спутать ученицу. И такъ, вмѣсто Гомера, онъ взялъ Новый Заветъ, за неимѣніемъ на греческомъ языкѣ Ветхаго, и ученіе пошло успѣшно. Черезъ три дня Елисавета бѣгло читала, а черезъ недѣлю, съ помощію вытверженной ею грамматики, собственно для нея составленной, она уже начинала понимать читаемое. Месяце, чѣмъ въ три мѣсяца, она знала все Евангеліе отъ Св. Матвея. Тогда можно было безъ препятствія перейти къ нарѣчіямъ греческаго языка, которыя нѣсколько затрудняютъ его. Такъ и сдѣлаво. Наставникъ составилъ для нея новую грамматику, съ означеніемъ четырехъ главныхъ нарѣчій, которыя рѣзко другъ отъ друга отдѣлялись. И эту грамматику Елисавета выучила въ нѣсколько дней; но все еще наставникъ не трогалъ Гомера, а предпочелъ Анакреона, по краткости его пѣсней; къ тому же у этого поэта не все нарѣчія встрѣчаются вдругъ, а только кое-гдѣ влады ихъ признаки. Но въ то самое время, когда Елисавета болѣе чѣмъ когда-либо имѣла надобность въ наставникѣ, онъ, по обязанности своего званія, принужденъ былъ лишиться ее всѣхъ тѣхъ часовъ, которые прежде жертвовалъ для нея, смотря по времени и обстоятельствамъ, и все ученіе ограничилось теперь воскресными и праздничными днями.

Лишившись уроковъ своего наставника въ будни, Елисавета занималась за то у другаго учителя. Мы уже говорили, что она шедла принести священнику, благодѣтелю ея, въ день его рожденія, поздравленіе на латинскомъ языкѣ. Этотъ день насталъ, и въстрѣвіе ея исполнилось наилучшимъ образомъ и къ крайнему удивленію священника, который такъ былъ тронутъ этимъ выраженіемъ благодарности, что хотѣлъ тоже сколько-нибудь содѣйствовать умноженію ея познаній. Онъ предложилъ ей учиться славянскому языку, и Елисавета съ радостью приняла это предложеніе.

Священникъ въ молодые годы былъ отличнымъ пѣвцомъ; чистый и обширный голосъ его не измѣнилъ ему и въ старости. — Для отдыха послѣ трудовъ, говаривалъ онъ Елисаветѣ, станемъ пѣть. Трөгательно было слушать, когда этотъ почтенный старецъ, съ своимъ звучнымъ басомъ, Елисавета съ чудеснымъ сопрано, и по временамъ, родственникъ священника съ своимъ теноромъ — пѣли втроемъ церковный пѣснь! Еще поразительнѣе должно быть это воспоминаніе объ этихъ торжественныхъ часахъ для того, кто слышалъ и звалъ этихъ трехъ пѣвцовъ, при мысли, что они одинъ за другимъ, въ короткое время (полтора года) перешли въ лучшей ширь.

Елисаветѣ Кульмаевъ исполнилось теперь тринадцать лѣтъ. Она уже перевела Анакреона, въ прозѣ на пяти языкахъ, а бывши стихами на трехъ любимыхъ ею языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ; прочла уже много изъ Гомера, знала отъ начала

до конца путешествіе Анахарсиса Младшаго, Бартеlemi, и Павзаніево описаніе Греціи; когда въ первый разъ возникъ вопросъ: чѣмъ должна быть Елисавета со временемъ?

Мать ея, съ нѣкоторыхъ поръ не могла принять никакого твердаго намѣренія, въ отношеніи будущаго назначенія своей дочери. Принявъ за правило, что человѣкъ обязанъ жертвовать для общества своею долею необходимыхъ или, по-крайней мѣрѣ, полезныхъ услугъ, чтобы имѣть право пользоваться даруемыми имъ выгодами, госпожа Кульманъ при каждомъ случаѣ обращала мысли Елисаветы на необходимость пріискать занятіе, которымъ бы она могла со временемъ снискивать себѣ необходимый кусокъ хлѣба. Но при этомъ материнское сердце ея страдало, что она должна была дѣйствовать противъ склонностей, которыя природа какъ будто нарочно влила въ существо дочери ея. Елисавета, казалось, была рождена для искусства, и, не смотря на то, мать ея считала обязанностью твердить ей только о способахъ снисканія себѣ необходимаго въ жизни. Елисавета была искренно убѣждена въ неизбѣжности всего, что внушала ей мать, безъ сопротивленія подчинилась этому образу мыслей и съ рѣшимостью ступила на предписанный ей путь.

Наставникъ тоже соглашался съ этимъ, но съ тою разницею, что тамъ, гдѣ мать и дочь видѣли только безусловную нужду, онъ усматривалъ еще среднюю дорогу, по которой требованія жизни и польза искусства могли идти вмѣстѣ и не мѣшать другъ другу. По его мнѣнію, на какой бы высокой или низкой степени мы ни находились въ обществѣ, достаточно десяти часовъ въ сутки для совѣстливаго исполненія всѣхъ нашихъ обязанностей. Остальными четырнадцатью часами мы можемъ располагать по собственному произволу. Отъ насъ зависитъ опредѣлить сколько мы хотимъ времени для отдыха, сколько для обѣда, ужина и сна. Если мы подвижны какую нибудь преобладающею склонностью, то, для удовлетворенія ея, убавимъ времени отъ обѣда, удовольствія и отдыха! У кого есть сила воли, тотъ всегда найдетъ шесть часовъ въ сутки, для удовлетворенія своихъ любимыхъ склонностей, и этого достаточно для художника,—живописецъ-ли онъ, или музыкантъ, или поэтъ и такъ далѣе, чтобы пріобрѣсть нѣкоторое совершенство. Такимъ образомъ, труды для насущнаго хлѣба и занятія любимымъ предметомъ весьма удобно могутъ идти рука объ руку. Но какъ наставникъ, при всей своей готовности руководствовать и учить Елисавету, считалъ себя не въ правѣ прекословить видамъ матери, и не приписывалъ себѣ столько знанія, чтобы безусловно объявить, что Елисавета Кульманъ рождена быть поэтомъ, то ему хотѣлось спросить совѣта у другихъ и для того онъ обратился къ посредникамъ, которые казались ему непогрѣшительными.

Однѣ изъ товарищей его находился въ то время врачомъ въ Веймарѣ, и, по семейнымъ связямъ былъ вхожъ къ Гѣте. На-

ставникъ, просмотрѣвъ всѣ написанныя въ то время нѣмецкія стихотворенія Елисаветы, выбралъ изъ нихъ тридцать, отличавшихся содержаніемъ или отдѣлкою, присовокупилъ къ нимъ шесть итальянскихъ и четыре французскихъ, составилъ изъ всего родъ альбома, и отослалъ его къ своему другу съ просьбою показать ихъ Гёте. Такое же собраніе онъ отослалъ къ одной родственницѣ въ Байрейтъ, чтобы она при случаѣ показала его Жанъ-Полу Рихтеру. Ответъ изъ Веймара не заставилъ долго ждать себя, но какъ ужъ не далеко было до именинъ Елисаветы, то до тѣхъ поръ все хранилось въ тайнѣ.

За нѣсколько дней до именинъ, наставникъ сказалъ своей ученицѣ: «Вы вѣрно сочините что-нибудь ко дню вашего ангела; я также намѣреваюсь сдѣлать вамъ этотъ день памятнымъ надолго.» Онъ сказалъ эти слова невольно голосомъ болѣе важнымъ, чѣмъ обыкновенно, что весьма удивило Елисавету, которая тотчасъ ему отвѣчала:— «Вы вѣрно замышляете что-нибудь великое; это обнаруживаетъ голосъ вашъ». Въ промежуткѣ времени онъ видѣлся съ нею еще разъ, и когда она попросила навѣстить ихъ въ ея именины, хоть послѣ обѣда, если ему нельзя раньше, и обѣщала дожидаться его съ матерью къ обѣду даже до пяти часовъ, онъ далъ слово быть и шутя прибавилъ: «Похлопочите сами объ обѣдѣ, но только безъ лишнихъ издержекъ; а я позабочусь о десертѣ».

Одна изъ ученицъ наставника, дочь богатыхъ родителей и самой доброй души, слышала о дарованіяхъ и бѣдности Елисаветы. Прочитавъ не задолго передъ тѣмъ одно ея стихотвореніе, она попросила наставника доставить Елисаветѣ при случаѣ въ подарокъ одно изъ своихъ платьевъ, шляпку и нѣсколько другихъ туалетныхъ вещей.

Наступило 5 сентября. Наставникъ съ узелкомъ въ рукѣ, ровнехонько въ три часа по полудни является въ Горный Корпусъ, тогдашнее жилище Елисаветы. Всѣ знакомые уже перебивали тамъ по утру, но только одна бѣдная вдова, подполковница, старинная знакомая, осталась обѣдать.

Елисавета, уже издали увидала изъ оконъ священника, идущаго наставника и пошла встрѣчать его на лѣстницѣ. Въ бѣломъ платьѣ съ голубымъ поясомъ, съ бусами на шеѣ и въ волосахъ, она съ перваго взгляда являлась царицею праздника. Проводивъ наставника въ комнату и принявъ его поздравленія, она посѣтшию подвязала себѣ черныя передникъ, раскрыла столъ, постлала чистую, хоть и не тонкую скатерть, принесла тарелки, приборы и салфетки, устала стулья, и потомъ поторопилась въ кухню. Она ни какъ не соглашалась, чтобы мать ей помогала; сама накладывала кушанья и сама привосила ихъ на столъ; потомъ садилась къ гостямъ, но ѣла скоро, чтобы не мѣшкать прислуживаніемъ.

Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, изъ которыхъ каждое было приготовлено по вкусу одного гостя, который долго жилъ въ Баваріи.

На столѣ стояли вода да квасъ.— «Теперь моя очередь» сказала наставникъ, попросила двѣ тарелки, и на одной принесъ персики, а на другой виноградъ, и поставила это на столъ говоря: «Послѣ баварскаго обѣда, рейнскій десертъ!»

Когда отвѣдали плодовъ, и положили въ сторону для священника два лучшіе персика и самую большую кисть винограда, Елисавета встала, вынула изъ ящика своего письменнаго столика листокъ бумаги и подала его наставнику, говоря:— «Извольте, маленькое прибавленіе къ вашему поэтическому десерту. Наставникъ прочелъ вслухъ слѣдующіе стихи:

МАРІА МОНБЛАНЪ *.

Какъ ты ни воздымаешься
Высоко надъ земляни,
Изъ великановъ высшій,
Монбланъ, а девъ настанеть,
Что на тебя взойду я,
Не облаковъ сынъ токмо,
Орелъ, любимецъ солнца,
Гордится что на царской
Главѣ твоей покояль
Овъ крылья; и въ малыхъ
Сниренныхъ итвѣ иная,
Съ высотъ твоихъ внизъ глядя
На край родной, дивилась,
Не видя больше горств
Земли передъ собою,
Прорѣзанной сребристой,
Извилистою нитью.
Такъ отъ чего-бы дѣвъ..
У стопъ твоихъ рожденной,
И чадо не послѣднихъ
Сыновъ твоихъ, по правдѣ,
Мнѣ отъ чего не смѣть бы
Итатъ въ душѣ желанье,
Со временемъ на темя
Отпа, а послѣ также
Почтенное и дѣла
Взойти съ трудовъ великихъ,
И на невзвѣрнкой
Сей высотѣ мгновенья
Мечтать себя царицей
Лежашаго во глубя
У ногъ земнаго шара?...
Отвагу заплатили
Иные даже жизнью..

* Дѣвушка изъ Шамуни, первая меншина, которая взлезла на вершину горы Монбланъ, и потому получила это прозваніе.

Миръ праху ихъ! Не можетъ
 Живущій ни одинъ
 Винить ихъ въ малодушья.
 Одинъ стяжаетъ славу
 За п едріятыи подвигъ;
 Другой стяжаетъ славу
 За подвигъ совершенный.
 Я не страшусь ниъ жребья....
 Да если бѣ я, блавъ цѣли,
 Пришлось мнѣ оступитъся,
 Такъ Ангелъ мой простеръ бы
 Сквозь облако ниѣ руни,
 И доблестную дѣву
 Повелъ. или повесъ бы
 Усердно на вершину.

«Писатели, сказала подполковница, съ улыбкою глядя на Елисавету, часто изображаютъ несколько собственную душу въ своихъ сочиненіяхъ».

«Здѣсь это вышло съ необыкновенною силою и очень удачно, возразилъ наставникъ, и теперь, Елисавета, пора показать вамъ содержаніе письма, полученнаго мною недавно изъ Веймара отъ друга, которому я отослалъ тотъ загадочный сборникъ стиховъ вашихъ, о которомъ я послѣ, около трехъ мѣсяцевъ, не упоминалъ вамъ ни слова. Читайте отсюда».

«Я исполнилъ твое порученіе въ точности. Когда, съ извѣстною тетрадюю въ карманѣ, въ первый разъ пришелъ я къ Гёте, онъ былъ занятъ, и я могъ только засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, и тотчасъ же удалился. При выходѣ моемъ подошелъ ко мнѣ вожилой слуга и сказалъ: — «Если у васъ есть какая-нибудь надобность или дѣло, то приходите часомъ раньше, тогда баринъ мой, для отдыха, прохаживается по комнатамъ». Я пришелъ въ другой разъ черезъ три дня; старый слуга, который вѣрво ждалъ меня, тотчасъ пошелъ доложить обо мнѣ и, возвращаясь, сказалъ: — «Въ добрый часъ, сударь».

«Гёте былъ очень веселъ, и я, не медля, приступилъ къ дѣлу. Вѣсто введенія, я слово въ слово пересказалъ все то, что ты писалъ ко мнѣ о твоей удивительной ученицѣ, а, между-тѣмъ, вынулъ изъ кармана рукопись и подалъ Гёте, который взялъ ее съ улыбкою. Онъ бѣгло просмотрѣлъ всю тетрадь не читая, потому отдалъ ее мнѣ, и, садясь и меня пригласивъ сѣсть нагдѣ себя, сказалъ: — «Пожалуйста, читайте вслухъ!»

«Читая, я нѣсколько разъ уирадно на него поглядывалъ, чтобы видѣть выраженіе лица. Онъ очень внимательно слушалъ, и во временахъ дѣлалъ маленькое движеніе губами въ мѣстахъ, которыя поражали его, вамъ мнѣ показавось. Потому, къ этимъ движеніямъ присоединилась улыбка, которая часто долго не сходила у него съ лица. При чтеніи «Журавля» у него вырвалось вслухъ-всклицаніе, но безъ словъ: когда я читалъ «Петокъ», онъ

слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и тутъ, когда я кончилъ, онъ сказалъ: «Смѣло придумано и смѣло исполнено!» Послѣ «Пещеры» онъ вскричалъ: «Превосходно!», взявъ у меня изъ рукъ тетрадь и самъ сталъ читать. «Молвія» заслужила всю его похвалу, киваніе головой и повторенное восклицаніе: «Превосходно!»

«Теперь очередь пришла италіанскимъ стихамъ. Онъ прочелъ ихъ громкимъ голосомъ и съ особеннымъ удареніемъ.—«Сколько лѣтъ сочинительницѣ?»—Тринадцать, отвѣчалъ я. — «Жаль, что она бѣдна, сказалъ онъ съ чувствомъ, а, можетъ-быть, и это ей полезно!» Послѣ нѣкотораго молчанія: — «Есть и французскіе стихи?» Первые три стихотворенія онъ прочелъ про себя, послѣднее громко.

«Тогда, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ: «Объявите молодой писательницѣ отъ моего имени, отъ имени Гёте, что я пророчу ей со временемъ почетное мѣсто въ литературѣ, на какомъ бы изъ извѣстныхъ ей языковъ она ни вздумала писать».

Тутъ голосъ Елисаветы, не разъ измѣнявшійся во время чтенія, былъ прерванъ ручьемъ слезъ: она зарыдала.

Всѣ три свидѣтеля понимали, что въ ней происходило. Она ощущала смѣсь радости съ печалью; радость о томъ, что ея талантъ былъ признанъ и заслужилъ похвалы перваго поэта Европы, и печаль объ очевидной невозможности посвятить себя исключительно поэзіи.

Тогда мать, взявъ ее за руку, сказала:—«Милое дитя, выслушай отъ матери твоей утѣшительное слово! Если, я до сихъ поръ не переставала напоминать тебѣ о вуждахъ житейскихъ, то дѣлала это потому, что для материнскаго сердца не можетъ-быть все-равно, спокойная ли, или печальная ожидаетъ тебя будущность. Но теперь, какъ-будто вдохновленіемъ съ неба, приходитъ мнѣ мысль, которая устраниваетъ всѣ затрудненія. Для снисканія себѣ пропитанія приготовляйся къ званію воспитательницы: свободное же отъ трудовъ время посвящай своей любимой поэзіи». Елисавета улыбнулась сквозь слезы.

«Вы сказали мою мысль, подхватилъ наставникъ. Правда, что воспитатель не разживается, но все-таки онъ имѣетъ необходимое. Даже поэзія, которая такъ обильна примѣрами бѣдности, иногда, хоть немножко прибыльна. Явное тому доказательство, этотъ узелокъ. Одна изъ моихъ ученицъ, добрѣйшей души, въ такомъ была восторгѣ отъ вашихъ стиховъ, что попросила меня доставить вамъ небольшою подаркомъ». Сказавъ это, онъ всталъ, развязалъ узелъ и сталъ раскладывать передъ Елисаветою находившіяся въ немъ разныя вещи. Видъ ихъ заставилъ ее улыбнуться, сердечное волненіе утихло, и весь вечеръ только и было рѣчи, что о первомъ поэтѣ Германіи.

Спустя три дня послѣ этого замѣчательнаго для Елисаветы событія, наставникъ тотчасъ при входѣ къ ней примѣтилъ боль-

жую перемѣну въ ея наружности и обращеніи. Все ея существо было проникнуто такою веселостію, и разговоръ ея былъ такой развѣсннй. что для наставника, знавшаго и наблюдавшаго за нею такъ коротко, это было явнымъ доказательствомъ происшедшаго внутри ея совершеннаго переворота. Такъ и было:— «Всѣ эти дни, сказала она, я прилѣжно размышляла о моемъ будущемъ назначеніи. Я разсмотрѣла званіе воспитательницы со всѣхъ сторонъ, ишла, что я могу безъ большаго труда приобрести необходимыя для того качества. Языкъ, исторія, географія, естественная исторія, физика, математика, литература главнѣйшихъ европейскихъ народовъ, вотъ, мнѣ кажется, главные предметы, которые требуются отъ учительницы, и это тѣ самые предметы, которыми я до сихъ-поръ преимущественно занималась; я также знаю музыку, рисованіе и рукодѣлія; а сколько я примѣтила, часто и того не требуютъ». — «Скажите лучше, прервалъ ее наставникъ, они никогда столько не требуютъ. Если бы не ваша молодость, то вы уже теперь могли бы быть воспитательницею». Елисавета улыбнулась и молчала. Наставникъ продолжалъ: — «Не написали ли вы чегонибудь новаго, или не придумали ли чего для сочиненія? — «Сочинять, я ничего не сочиняла, но за то сдѣлала сто плановъ. Я эти дни была не спокойна, и потому не могла писать; но надѣюсь, тѣмъ болѣе написать, когда приведу въ порядокъ свои мысли, и когда вы одобрите мои планы». — «Я васъ слушаю». — «Вы говорили мнѣ разъ о чудесной книгѣ, которая вышла въ свѣтъ при Людовикѣ-Четырнадцатомъ, и содержитъ въ себѣ изображенія цвѣтковъ, писанныя лучшими живописцами, съ стихами въ четыре строчки подъ каждымъ цвѣткомъ, тоже сочиненія лучшихъ поэтовъ, и которая называлась «Вѣнкомъ Юлія». Вы знаете, какъ страстно я люблю цвѣты. Только что я вспомнила объ этой прекрасной книгѣ, какъ тотчасъ подумала:— «Что, если бы и я составила подобную книгу, по крайней мѣрѣ литературную ея часть! Разумѣется, вѣсто четырехстрочныхъ стиховъ, какъ въ французской книгѣ, у меня были бы стихотворенія нѣсколько длиннѣе. Но какіе взять цвѣты для моего вѣнка? Розу, ужъ конечно; какой вѣнокъ, безъ розы? Потомъ фиалку, гвоздику, макъ, нарциссъ, анемонъ; изъ деревьевъ же лавръ, безъ котораго я, по-крайней-мѣрѣ въ теперешнемъ моемъ духѣ, не могу представить себѣ прекраснаго вѣнка. Сообщаю вамъ мои мысли въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ возникали у меня». Наставникъ, съ выраженіемъ изумленія на лицѣ, кивнулъ головою въ знакъ одобренія, и молчалъ. — «Вы не побраните меня, если я для этого сочиненія наберу другой родъ писанія, вѣсто прежняго?» — «Что вы хотите этимъ сказать? — «До сихъ-поръ я давала полную волю мыслямъ въ моихъ сочиненіяхъ, или, если вы мнѣ простите горделивое названіе, въ моихъ стихахъ; часто начавъ съ предмета, означеннаго въ заглавіи, я подъ конецъ удалялась отъ него на тысячу верстъ. Греки такъ не сочиняли, по-крайней мѣрѣ не Гомеръ». При

этомъ имени румянецъ покрывае все лицо ея. Наставникъ, улыбаясь, сказалъ: — «Вы хотите идти по слѣдамъ Гомера? — Елисавета еще пуще покраснѣла. — «Смѣлѣе Богъ владѣетъ, говоритъ посылница; дѣло не легкое, но, можетъ быть, отъ того именно, что оно не легкое, вамъ удастся. Попробуйте». — «Я рѣшима, на первый случай соблюдать краткость и простоту въ выраженіи, однако не безъ поэтическаго содержанія». — «Понимаю, вамъ хочется писать, какъ писалъ Гомеръ, и я повторяю вамъ слова: Попробуйте; и предуготовую, что вамъ это удастся».

Послѣ того наставникъ и ученица прочитали вдвоемъ сѣтъ дѣтъ стиховъ изъ Гомера, что они уже дѣлали съ нѣкотораго времени, потомъ перешли къ другимъ предметамъ.

Въ то время какъ наставникъ, по обязанности своего званія, не могъ посѣщать Елисавету въ другіе дни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ, между обоими завязалась переписка, которая была полезна для ученицы въ двухъ отношеніяхъ: упражнялась въ сочиненіи на известныя уже ей языкахъ (потому что переписка эта происходила по очереди на французскомъ, итальянскомъ, англійскомъ, и даже на латинскомъ языкѣ), и доставляла возможность, въ сомнительныхъ случаяхъ, саранивать у наставника совѣта, или мнѣнія его, какъ о задуманныхъ только, такъ и оконченныхъ уже сочиненіяхъ. Предметы, относящіяся до наукъ или искусствъ, всего чаще излагались на нѣмецкомъ языкѣ, и письма эти не рѣдко бывали очень длинны. Теперь, когда мы упомянули о первой части ея «Поэтическихъ Опытовъ» (а именно о *Вилькѣ*;) то, для разнообразія разсказа, включимъ сюда рядъ писемъ, которыми ученица писала къ своему наставнику во время сочиненія ею этой піесы; вмѣстѣ съ тѣмъ читатель будетъ имѣть образчикъ прозаическаго слога Елисаветы, и случай заглянуть внутрь души этой необыкновенной дѣвушки, чтобы короче съ нею познакомиться.

1.

(При послѣдкѣ стихотворенія: *Лавра*).

Прилагаю при этомъ первое мое стихотвореніе, которое, — если когда нибудь буду писательницею, — я включу въ собраніе моихъ сочиненій. Особенно цѣню я въ немъ, если не ошибаюсь, его выраженіе древности. Теперь, спустя только немногое часовъ, какъ оно окончено, мнѣ кажется будто самъ Гомеръ, мой великій и единственный образецъ, не выразился бы иначе, если бы только онъ захотѣлъ приняться за такую бездѣлку. Такъ я разсуждаю сегодня, и можетъ-быть, еще завтра буду разсуждать; но черезъ недѣлю я, вѣроятно, буду другаго мнѣнія: по-крайней-мѣрѣ, это случается не въ первый разъ, что я имѣю очень невыгодное

повятіе о томъ изъ моихъ произведеній, которое сначала казалося мнѣ дивомъ.

2.

Недавно мнѣ подарили два розана, а какъ вы тоже охотникъ до розъ, то я посылаю вамъ лучшей розанъ и при этомъ стихи, которые стоили мнѣ цѣлыхъ двѣнадцать часовъ размышленія. Не смотря на то, что происхожденіе розы всячески и тысячу разъ было воспѣваемо другими, я видно нашла таки способъ, объяснить ея происхожденіе новымъ образомъ. Въ этихъ стихахъ я хотѣла быть оригинальною; ваше дѣло рѣшить, достигла ли я цѣли, или промахнулась.

3.

На этотъ разъ посылаю вамъ нѣчто похожее на восточную сказку. Нуще всего вы удивитесь длинѣ этого стихотворенія, также какъ я этому изумилась, когда окончила его. Сочиняя его, я мѣтла на нѣчто совсѣмъ новое. Я хотѣла испытать, въ состоян ли я представить болѣе двухъ человекъ говорящими и дѣйствующими. Потомъ я хотѣла въ лицѣ фялки высказать мои собственныя понятія о счастіи и жизни, или мою философію, если это выраженіе не слишкомъ смѣшно въ устахъ тринадцатилѣтней дѣвочки. По обыкновенію, мнѣ кажется, что для перваго раза попытка порядочно удалась; если же я ошибюсь, такъ въ другой разъ, надѣюсь, сдѣлаю что-нибудь по-лучше.

4.

(При послыкѣ стихотворенія: *Ирисъ*).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вы мнѣ рассказывали, что когда вы были еще мальчикомъ, то однажды, въ Люневилѣ, находясь на большомъ лугу возлѣ сада вашей бабушки, увидѣли на небѣ радугу; а какъ васъ увѣрили, что тамъ, гдѣ радуга будто бы спускается на землю, вы найдете, какъ бывало съ другими счастливыми, или золотую чашечку, или красивую раковину, вы и побѣжали къ тому мѣсту. Посмотрите же, что я изъ этого составила. Но неправда ли, что вы больше всего удивитесь куплетамъ, которые я здѣсь въ первый разъ включила въ свои бѣлые стихи?

5.

Тысячу разъ благодарю васъ за прелестное собраніе раскрашенныхъ цвѣтовъ, которые вы дарите мнѣ, и которые вѣрно стоили вамъ порядочныхъ денегъ. Вы сами приучили меня къ

мысли, что для васъ лучшая благодарность, это хорошее употребленіе вашего подарка. Случилось, что въ тотъ самый день, когда я по ошибкѣ принимала виргинію за амарантъ и безпрестанно ею любовалась, я прочла въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ Маттисова то мѣсто, гдѣ онъ, по свидѣтельству Павзанія, говоритъ, что на могилѣ Орфея соловьи пѣли слаще, чѣмъ гдѣ-либо. Съ той минуты я только и думала объ амарантѣ, объ Орфее и о соловьѣ; точно, будто изъ этихъ трехъ предметовъ я должна была непременно произвести что-нибудь на ваше и мое удивленіе. Не помню, чтобы я когда-нибудь находилась въ такомъ странномъ расположеніи духа, впрочемъ, очень пріятномъ и богатомъ мыслями. Какихъ плановъ я не дѣлала въ головѣ, но ни одинъ изъ нихъ не годился. Тогда я взяла атласъ отъ путешествія Анахарсиса, шагомъ прошла всю Фракію и двадцать разъ возвращалась къ берегамъ Гебра, не обращая вниманія на лежащій въ устьѣ его островъ. Но напрасно искала я мѣста, куда бы пріютить свой вымысль. Наконецъ, почти съ досадою, я подумала: — «Ну, если нельзя на твердой землѣ, такъ попытаюсь на морѣ!» Тутъ я примѣтила островъ, и весь планъ мой объяснился. — «Здѣсь могила Орфея, сказала я про себя, здѣсь родился первый соловей, здѣсь расцвѣлъ первый амарантъ». Что вышло изъ этихъ трехъ главныхъ мыслей, это вы увидите изъ прилагаемыхъ стиховъ, которые посвящаю вамъ съ выраженіемъ искреннѣйшей моей благодарности за вашъ подарокъ.

Ежели Елисавета хотѣла удивить своего наставника, то она въ этомъ совершенно успѣла. Прочитавъ ея стихотвореніе, онъ въ первый разъ предвидѣлъ, на какую высоту поднимется нѣкогда этотъ развивавшійся гений! Отвѣтъ его былъ слѣдующій:

Дочь Гомера! Духъ отца твоего покоится на тебѣ. Еще четыре или пять такихъ стихотвореній; какъ твой амарантъ, и твое имя будетъ бессмертно.

6.

Извините, что я въ прошедшее воскресенье знала урокъ свой только въ половину. Вы слишкомъ меня любите, чтобы бранить; а я не въ состояніи была сказать вамъ неправду, потому что я тогда лишилась бы удовольствія изумить васъ. И такъ я поневолѣ заставила васъ думать, что я погѣнилась; а вы, съ вашею безпримѣрною добротою, вмѣсто того, чтобы сдѣлать мнѣ выговоръ, сказали: — «Ужели вы думаете, что я въ молодости своей, при всемъ томъ, что былъ однимъ изъ первыхъ въ Баваріи студентовъ, также нкогда не зналъ урока своего въ половину, или вовсе не зналъ его, чего съ вами еще нкогда не бывало. Можетъ быть, вы были нездоровы. Въ такомъ случаѣ, я и не требую отъ васъ большихъ усилій».

Мой Нарциссъ рѣшить вамъ загадку. Помните, я говорила вамъ однажды, что мнѣ не нравится басня о превращеніи Нарцисса, отъ того, что она не правдоподобна. Чтобы можно было отъ роду не видать себя, не узнавать себя, и такъ влюбиться въ самого себя, все это, съ позволенія Овидія, кажется мнѣ бессмыслицею. Я попыталась передѣлать эту басню, и шепну вамъ на ухо, мнѣ кажется, что моя выдумка лучше Овидіевой и древнихъ, разумѣется въ этомъ только случаѣ. Это мое первое художественное произведеніе, потому-что я обработала только известный предметъ, ничего не придумывая новаго, развѣ одну правдоподобность всѣхъ слѣдующихъ другъ за другомъ обстоятельствъ. Я буду рада, если вы похвалите мой опытъ.

7.

(При посылкѣ: *Анемона*).

Недѣли двѣ тому назадъ я была въ крайнемъ замѣшательствѣ. У Петра Ивановича, гдѣ мы провели вечеръ, много говорили о классической и романтической поэзіи. Пожилыя особы отдавали предпочтеніе классической поэзіи, молодыя же романтической, и отзывались о древнихъ, будто они далеко отстали отъ новѣйшихъ. Такъ какъ уже знаютъ, что я читаю Гомера, то Дмитрій Ивановичъ вздумалъ обратиться ко мнѣ, и хотѣлъ знать мое мнѣніе. Тогда я повторила все, что слышала отъ васъ о классической и романтической поэзіи, и прибавила, что развѣ только великими поэтами можно избрать романтизмъ, потому что они одни въ состояніи идти по такому новому и нетвердому поприщу; а что меньшіе таланты поступать благоразумнѣе, когда заключать себя въ границахъ классицизма. Дмитрій Ивановичъ остался очень доволенъ моимъ отвѣтомъ, и не называя меня, — чему я очень была рада, — сообщилъ его собранію, какъ самое справедливое рѣшеніе спорнаго вопроса.

По нѣкоторымъ еще темнымъ для меня повятіямъ, я заключаю, что романтизмъ отличается отъ классицизма не по сущности только, но нѣкоторымъ образомъ, и формѣ. Романтизмъ очень свободенъ въ своихъ движеніяхъ: онъ, то порхаётъ около вѣншей стороны предметовъ, то, съ факеломъ въ рукѣ, пытается освѣтить тайны ихъ внутренности. словомъ, онъ часто по произволу смѣшиваетъ всѣ три главные роды поэзіи: эпическій, драматическій и лирический. Въ сравненіи съ Гомеромъ, Оссианъ кажется мнѣ романтикомъ. Вѣроятно я во всемъ этомъ заблуждаюсь, и можетъ-быть, еще болѣе въ томъ предположеніи, что можно дать романтическую форму классическому содержанію. Какъ бы то ни было, но я не могла противостать искушенію, сдѣлать классико романтическое (по моему распредѣленію) сочиненіе. Чтобы представить его такимъ съ самаго начала, я и начинаю его такъ, какъ не

вчиняла еще ни одного моего сочиненія. Забавно будетъ, если я сдѣлала впадать, хотя, по настоящему, я не знаю, что дѣлаю; я такъ точно сдѣлала бы съ романтическою поэзіею, какъ въ Моллеровомъ «Мѣщанинъ въ дворянствѣ», Журдєвъ двадцать лѣтъ говоритъ прозою, и совсѣмъ не подозрѣвалъ этого.

8.

(При послыскѣ: *Мака.*)

Рѣшено; я присвокуплю еще нѣсколько стихотвореній о цвѣтахъ, къ тѣмъ, которыя уже написаны у меня, и заключу свой *Впнокъ*. Теперь вотъ осьмое. Тутъ цвѣтокъ посторонняя вещь, что однако по моему есть погрѣшность; но предметъ такъ былъ привлекателенъ, такъ трогателенъ, что я обрабатывала его невольно, стараясь всячески разукрасить его. Но, скажите мнѣ, какъ нравится вамъ форма? Алѳей и Аретуза служатъ, такъ сказать, рамкою къ картинѣ похищенія Прозерпины. Не скрою отъ васъ, что я не съ малымъ удовольствіемъ обрабатывала это двойное дѣйствіе. «Недобно одѣлать прекрасную раину, сказала я про себя, для прекрасной картины!» Больше всего радуется меня то, что наконецъ пришлось мнѣ описать предметъ, который грустиво-трогательнымъ своимъ содержаніемъ съ дѣтства производилъ на меня сильное впечатлѣніе.

9.

(При послыскѣ: *Незабудки.*)

Вотъ моя Золота арка. Не знаю, какъ я придумала это сочиненіе. Оно есть плодъ пятичасоваго труда (за исключеніемъ окончательной отдѣлки), когда маменька ходила навѣстить одну болную знакомую, и я оставалась дома одна одиноконька. Певодъ къ этому стихотворенію подалъ мнѣ Петръ Ивановичъ, утѣряя, будто «игра словъ не можетъ служить основой серьезному стихотворенію.» Вы знаете, что со мною бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: не изъ страсти противорѣчить, а подстрепаемая трудностію вещь; я люблю испытывать свои силы, чтобы увидѣть, удастся ли мнѣ одѣлать то, что другіе считаютъ невозможнымъ. На этотъ разъ успѣхъ даже слишкомъ явный: стихотвореніе вышло не только серьезное, но даже печальное и грустное.

Я не суетѣря, въ это знаете; но вотъ первый трудъ, который не веселилъ меня, не смотря на то, что я почитаю его однимъ изъ самыхъ удачныхъ; онъ стоилъ мнѣ, признаюсь вамъ, даже слезъ, потому что я невольно подумала: «ты воевѣаешь свой собственный жребій!»— Однако прошу васъ, не сказываете объ этомъ ни слова доброй моей маменькѣ. Вы сами мнѣ часто говорили: «не въ томъ сила, коротка-ли, или долга наша жизнь, была-бы она только полезна.»

10.

(При посылкѣ: *Гвоздики.*)

Наставникъ и благодѣтель мой! Примите эти малозначущіе, но съ признательною любовью начатые и оконченныя труды рукъ моихъ и разума! Въ этотъ любезный вамъ день * я хотѣла окружить васъ всѣми сладостными воспоминаніями о вашемъ дѣтствѣ и вашихъ родственникахъ, для того я написала прилагаемую при семъ идиллію. Вы конечно узнаете себя въ юномъ Мевалкѣ, такъ какъ и вашу знакомую въ молоденькой Климентъ, которой вы простите, что она втерлась въ вашу родню. Я, и не видавъ вашей матушки, дзобразила ее въ бабушкѣ Климентъ. Миѣ кажется, что событіе въ пещерѣ самымъ приличнымъ образомъ заключаетъ мое первое поэтическое твореніе, и соответствуетъ извѣстному вамъ названію его. Если вы будете одинаковаго мнѣнія, то можно считать мой трудъ оконченнымъ.

Кромѣ этихъ, для печати назначенныхъ, произведешій, Елисавета, во-первыхъ, каждое воскресенье имѣла въ готовности для читанія одно или два небольшія сочиненія въ стихахъ, и въ этомъ числѣ есть много не безъ значительныхъ достоинствъ, сколько намъ кажется.

Но въ продолженіе всего этого времени, главнымъ занятіемъ Елисаветы была Гомеръ. Трудно составить себѣ понятіе о томъ, какъ она читала творенія отца поэзіи. Даже тотъ, кто притомъ имѣла-бы открыты публичныя чтенія объ Илиадѣ и Одиссее, не могла бы употребить на это большае прилежанія. Она не довольствовалась свѣденіями о жизни и твореніяхъ Гомера, и хотѣла знать еще подробности всѣхъ воспѣтыхъ, или слегка тронутыхъ имъ предметовъ. Чтобы ознакомиться хорошенько съ Гомеромъ, звать ее какъ свой домъ, какъ она говорила, она всегда имѣла у себя на столѣ Павзаніева «Описаніе Греціи» и Анахариса Барталеми. Безъ преувеличенія можно сказать, что она, какъ одно, такъ и другое знала почти наизусть. Для жаренія, знаточникъ читалъ съ нею также Гомера, котораго слогъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Гомеровымъ. А чтобы приучить ее къ такимъ поэтамъ, чтеніе которыхъ гораздо труднѣе Гомера, и Гомера, съ нею читалъ въ ней также Феокрита и Пиндара. Несомнѣнно она уважала и ставила непосредственно послѣ Гомера Гошору, же она, какъ мы думаемъ, отъ того дала предпочтеніе, что она болѣе подходила къ той склонности, которую она сама влучила отъ природы, то есть что Елисавета еще болѣе

* День ангела его матери.

была расположена къ эпической поэзіи нежели къ лирической. Впрочемъ, она изучала Пиндара также, какъ и Гомера. Она доискивалась малѣйшаго обстоятельства, касавшагося или жизни или сочиненій Пиндара. Нельзя было, чтобы она рано или поздно не узнала про Коринну, и чтобы эта не сдѣлала на Елисавету глубокаго впечатлѣнія. Женщина, которая составлялась въ первенствѣ съ величайшимъ лирикомъ Греціи! и пять разъ одерживала побѣду надъ нимъ! Правда, сначала это показалась ей невѣроятнымъ; но потомъ она разсудила, что должно быть основаніе этому чрезмѣрному пристрастію, которое дѣлало его правдоподобнымъ. Вотъ какъ она разсуждала: Коринна должна была обладать необыкновеннымъ талантомъ, и, подъ руководствомъ Мирта, ея и Пиндара учительницы, сдѣлать необычайные успѣхи, чтобы она могла составить съ великимъ лирикомъ. Видя такое необыкновенное участіе Елисаветы къ Кориннѣ, наставникъ вздумалъ возбудить въ ученицѣ желаніе, возобновить въ наше время роль Коринны. Онъ и себя слишкомъ хорошо зналъ, чтобы не быть увѣрену, что какъ только эта мысль вкоренится въ ея волю, онъ можетъ уговорить Елисавету, чтобы она осуществила это желаніе, вопреки всѣмъ трудностямъ. При первомъ порывѣ удивленія ея къ Кориннѣ, наставникъ прервалъ ее словами: «Вы такъ искренно сожалѣете о потерѣ сочиненій Коринны; а отъ васъ зависить, возвратитъ міру Коринну». — «Что вы хотите этимъ сказать?» — «Отъ васъ зависить воскресить Коринну». — «Этого я совсѣмъ не понимаю». — «Вы довольно знакомы съ характеромъ, жизнью, вѣкомъ и современниками Коринны, чтобы умѣть написать какіе нибудь стихи, которые вы потомъ издадите въ свѣтъ за вѣрный и прекрасный переводъ собственныхъ сочиненій Коринны, которыя были найдены случайно между рукописями греческаго монастыря и какъ нибудь вамъ достались». Елисавета засмѣялась. — «Тоже самое сдѣлали съ твореніями Оссіана, которымъ вы такъ удивляетесь. Наставникъ говорилъ это противъ собственнаго своего убѣжденія, пользовался противорѣчащими мнѣніями объ Оссіанѣ Макерсона; потому-что онъ признаетъ негодность Оссіановыхъ твореній. Макерсонъ, обладая нѣсколькими отрывками подлинныхъ сочиненій Оссіана, освоился съ духомъ старинныхъ народныхъ пѣсней своей родины, и, благодаря своему природному, по истинѣ удивительному дарованію, сочинилъ эти стихотворенія и потомъ выдалъ ихъ за собственные произведенія Оссіана». — «Что, ничего не осталось отъ сочиненій Коринны?» — «Ни строчки, но тѣмъ лучше. Если-бы осталось что нибудь, какъ отъ Сафо, то вы были-бы связаны господствующимъ въ нихъ духомъ; но такъ, вы совершенно свободны; вы можете придать Кориннѣ собственный вашъ характеръ, ваши мысли, вашъ образъ дѣйствія, только, разумѣется, переиначивъ себя во времена, отчизну и положеніе Коринны». — Елисавета усмѣхнулась. — «Вы имѣете еще ту выгоду, что мо-

жете безболезненно взять въ образецъ Гомера. Если другіе поэты, какъ напримѣръ Софокль, смѣли подражать слогу Гомера, то почему вамъ не идти по его слѣдамъ. Впрочемъ можно подражать образцу, не заимствуя отъ него ни малѣйшей черты. Спрашивайте только себя: Какъ обработалъ-бы этотъ предметъ Гомеръ? И потомъ, поступайте такъ, какъ вы полагаете, что онъ поступилъ-бы. Такимъ образомъ вы останетесь оригинальною, не взирая на гомерическую форму вашихъ сочиненій. Лучшаго образца я не умѣю вамъ предложить; Виргилій, Тассо, Милтонъ, Клопштокъ, всё шли этимъ путемъ, и не краснѣвъ, что въ сочиненіяхъ ихъ остались видимые слѣды того. Въ этомъ отношеніи я совѣтую вамъ сдѣлать исключеніе. Обращайтесь всегда внутри границъ Гомера; но не берите у него ни одного слова и ни одной мысли; тогда нельзя будетъ обвинять васъ въ подражаніи, всё слѣды этого исчезнутъ, и такъ подражать Гомеру, значитъ, по моему, не что иное, какъ оставаться въ предѣлахъ самой природы: потому что въ томъ-то и состоятъ все превосходство Гомера, что онъ болѣе всѣхъ поэтовъ остался вѣрнее природѣ, такъ что границы, въ которыхъ былъ заключенъ его гевій, сливаются въ одно съ границами природы. Но чтобы приготовить къ такому важному предпріятію, мы завтрашній день пустимся на могилу Гомера, которая вѣроятно не мало прибавитъ вамъ вдохновенія, нужнаго для исполненія вашего намѣренія.— На могилу Гомера, гдѣ это?— Въ Строгоновомъ саду. Туда полтора часа ходьбы; но какъ вы еще никогда не бывали въ той сторонѣ, то вы не останете отъ этой прогулки. Насъ будетъ четверо: маленька, вы, ванъ рисовальный учитель, да я; мы возьмемъ съ собою на дорогу провизію на полдня, такъ что на ступеняхъ Гомерово памятника подкрѣпимъ въ одно время и тѣло и духъ. Завтра такой день, когда мало гуляющихъ въ саду, стало-быть тѣмъ покойнѣе будетъ для насъ. Эта прогулка состоялась, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, сообщить здѣсь стихи, которые Елисавета написала у могилы, въ бумажникѣ наставника, и которые, по нашему мнѣнію, содержатъ въ себѣ самое лучшее объясненіе четырехъ барельефовъ, украшающихъ этотъ памятникъ.

Какая бъ ни гостила
 Пора у насъ, всегда
 Гомерова могила
 Звала бъ меня сюда.
 Духъ шквій здѣсь витаетъ,
 Рѣки слышатъ токъ,
 Жизнь въ лицахъ выступаетъ
 Изъ мраморныхъ досокъ.
 Охоты слышны кланки
 Въ Фессалии поляхъ.
 Волъ, левъ стремится дикій
 Сразить центавра въ прахъ!..
 Хирона гротъ средь лѣса!

Онъ съ кротостью отсалъ
 Малютку Ахиллеса
 Стрѣляную учить въ цѣль....
 ..Здѣсь торговецъ желаетъ
 Уборами привлечь....
 Но дѣвочка хватаетъ.
 О, сынъ Фетиды! нечь....
 Не Демодаха ль пѣвье
 И дму слышу я,
 Улицу изъ угожденье,
 Въ палатахъ короля?

Наставникъ и прочіе сопутники истопились въ похвалахъ Елисаветѣ, а первый, всегда немножко пристрастный къ римовазнымъ стихамъ, захотѣвъ при этомъ случаѣ опять замолвить словечко въ пользу ихъ: — «Я думаю, сказалъ онъ Елисаветѣ, что вы сами довольны своимъ стихотвореніемъ; а я тѣмъ болѣе имъ доволенъ. Да, что ни говорите, а рима чудесная вещь, особенно для слуха Нѣмцевъ». — «Да, отвѣчала Елисавета, когда сердце и воображеніе особенно настроены, тогда конечно они увлекаютъ съ собою и языкъ, который позволяетъ имъ дѣлать изъ себя, что только они хотятъ; однако это, такъ сказать, сверхъестественное состояніе непродолжительно. Такъ точно лебедь вспархиваетъ на воздухъ съ помощью благоприятнаго порыва вѣтра; но не можетъ полагаться на этотъ вѣтеръ; онъ, мгновенный, скорѣй ослабѣваетъ, и лебедь снова опускается въ воду. — Немножко досадуя на эту неудачу, наставникъ долго ломалъ себѣ голову, думая о томъ, какъ-бы получить осязаемый образчикъ силы и объема поэтическаго таланта своей ученицы, чтобы онъ послѣ этого никогда не могъ требовать отъ нея больше, но и не меньше того, что она въ силахъ была сдѣлать. Размышленіямъ его былъ положенъ конецъ дюжиною англійскихъ карандашей, которые онъ получалъ въ подарокъ спустя нѣсколько дней. Они внушили ему мысль, которую онъ и готовился привести въ исполненіе. У него былъ порядочный запасъ бумажныхъ обрѣзковъ. Тогдашній его ученикъ, узнавъ, что Елисавета Кульманъ обходится съ бумагою очень бережливо, и тогда только пишетъ на большихъ листахъ, когда списываетъ для когонибудь свои стихотворенія, а обыкновенно, особенно на чернѣ, пишетъ на обрѣзкахъ, — нарочно изрѣзалъ нѣсколько листовъ тонкой бумаги на такіе обрѣзки, на которыхъ коротенькіе стихи Елисаветы очень удобно могли уписаться, и потомъ попросилъ своего воспитателя доставить этотъ запасъ Елисаветѣ. И такъ, обладая уже дюжиною англійскихъ карандашей и пукомъ бумаги, наставникъ очинилъ одиннадцать карандашей (оставивъ двѣнадцатый для себя), и все это — принесъ къ своей ученицѣ съ просьбою: чтобы она, первый разъ, какъ почувствуетъ себя восторженною, сѣла и какъ можно скорѣй писала-бы на бумагѣ мысли одну за другою въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ будутъ возни-

кать у нея въ умѣ, и, если силы позволяютъ, продолжать это полчаса; что для этого онъ приготовилъ матеріалы, устраниющіе въ этомъ отношеніи малѣйшее препятствіе: потому что когда наступитъ одинъ карандашъ, она тотчасъ имѣетъ подъ рукою другой; а какъ и обрѣзки нумерованы, то и съ этой стороны не можетъ произойти ни помѣха, ни сбивчивость». Елисавета дала слово и сдержала его. Вручая наставнику свой оконченный трудъ, она сказала: «Вотъ занятіе, которое имѣетъ свою пріятность и свое неудобство. Пріятность заключается въ томъ, что мысли самыя разнородныя представляются передъ глазами то врознь, то рядомъ, то впереди, то позади другъ друга, то всё въ одно время, то очень быстро одна за другою, точно тѣма призраковъ, возникающихъ непрерывно изъ ночнаго мрака. Неудобство же то, что никакъ нельзя выразить мыслей даже самыми простыми словами: первое уже, что не принишь словъ, а второе, если-бы и нашлись слова, то все таки, мнѣ кажется, самый проворный скорописецъ не успѣвалъ-бы излагать ихъ на бумагѣ. Я облегчала себя тѣмъ, что записывала только главный предметъ, какъ напримѣръ: башня — рушится, облачко — лебеди, Квито, толпа вокругъ пѣвца, водопадъ, мостъ, и т. д. Такъ дѣлала я, когда картины слишкомъ быстро слѣдовали одна за другою, надѣясь, что при списываніи память поможетъ мнѣ припомнить остальное. Еще то непріятно въ этомъ занятіи, что не рѣдко представляются уму такія мысли и картины, передъ которыми хотѣлось-бы остановиться и которыя вѣрно послужили-бы предметомъ для прекраснаго сочиненія; но давъ слово, должно противъ воли идти мимо, все дальше, да дальше. Когда я кончила это записываніе, мы сѣли за ужинъ, и я попросила у маменьки позволенія, списать ночью все то, что я написала днемъ, потому что на другой день я не вспомнила-бы и половины. Такъ-то я дала своему труду заглавіе «Введеніе», сочинила его почти все по метрическимъ правиламъ и ввела въ немъ столько порядка, сколько можетъ быть порядка въ хаосѣ». Включаемъ сюда весь этотъ хаосъ, какъ она сама его называетъ. Тутъ то каждый будетъ имѣть случай заглянуть въ душу Елисаветы до глубины ея.

ВЕЧЕРЪ.

Я провела день цѣлый
 Въ печали и заботахъ.
 Не сжалась ли надъ мною
 И чтобъ меня потѣшить,
 Вы, облака на небѣ,
 Такъ чудно разостлались?
 Вотъ рядъ какой прелестный
 Холмовъ волнообразныхъ,
 Вверху солнцесквозящихъ
 Кустарничкомъ вѣчанныхъ,

У ногъ же вокругъ обвитыхъ,
 Гдѣ мелкии, гдѣ широкии,
 Ручьяни голубыи....
 Вотъ на доли, что съ края,
 Гдѣ солнце свѣтитъ ярко,
 Олень сталь, и нагнувшись
 Вѣтвистою главою
 На рѣчку голубую,
 Пьетъ жадно... Тутъ подходитъ
 Коварно — тихии шагони
 Къ нему медвѣдь... Но только,
 Что сей свирѣпой лапой
 Схватитъ оленя хочетъ,
 Какъ тотъ безстрашно въ волны
 Прыгнулъ, поплылъ, и тихо
 Сталь погружаться въ воду,
 Какъ бы надъ нимъ свѣтася...
 Махъ вѣтра, и приятныхъ
 Холмовъ цѣпь проломилась;
 На мѣсто ихъ, вонъ, стадо
 Овечекъ среброрунныхъ
 Разсыпалось по лугу,
 Покрытому цвѣтами,
 Межъ-тѣи какъ на утесъ
 Пастухъ въ тѣи безопасно
 Подъ кленомъ отдыхаетъ....
 За полеи въ отдаленъ
 Идетъ, я вижу, ловчій,
 Неся ружье съ собою,
 И цаплино на шапкѣ
 Его перо трясется,
 Предъ нимъ бегутъ борзыи
 Собаки двѣ на сворѣ...
 Вотъ дѣвочка рѣзвущка,
 Пустиаъ волосы по вѣтру,
 За шотылькомъ погналась,
 Но тцество, не поймаетъ....
 Часть холмиковъ сравнялась,
 Въ корабль преобразившись
 Съ распушенными вѣтриломъ.
 О, диво! обезьяна
 За руль взялась, и хочетъ
 Имъ коричаго на мѣсто
 Испытаннаго править...
 Вотъ тебѣ-на! Знать на мѣлъ
 Корабль сталь, что ни съ мѣста...
 Вѣтъ, видно, онъ о камни
 Подводные ударилъ,
 Что ломится на части...
 Исчезъ невѣжа — коричій...
 Глядь! это что за башня
 Высокая такая,
 Подземлюющая гордо
 Главу надъ всей страной!...

Непрочна величавость!
 Она или подземный
 Ударомъ, или громомъ
 Поражена жестоко,
 Что на бокъ пошатнулась
 И падать ужъ готова....
 Вотъ, вотъ она, какою
 Себѣ я представляла
 Цѣль Авловъ близко Квито:
 (За облакомъ не вижу
 Я города подъ нши).
 Вотъ эти горы въ полной
 Красѣ незырѣченной,
 Природою ншъ давной.
 Верхи, другъ друга выше,
 Цѣлительные доли,
 Громадные утесы,
 Все явственно я вижу,
 Какъ чисто выдаются
 На синемъ полѣ неба
 Горы свѣжныя верушки!...
 Но надобно жъ, чтобъ радость
 Мою одинъ разстроилъ,
 Чудовище ты злое!
 Брось ненавистный хищникъ,
 Кондоръ, свою добычу!
 Ну, чѣмъ бѣдняжка льяма,
 Бродя по тучной паствѣ
 Безопасно, одиноко,
 Тебя чѣмъ оскорбила?...
 На дальнемъ морѣ тамо
 За облакомъ другое,
 И третье идутъ слѣдомъ,
 Тѣмъ шарикамъ прозрачнымъ
 Подобно, что изъ пѣны
 Шипящей мыльной часто
 На воздухъ я пускаю.
 Какъ лебеди покорно
 Вслѣдъ идутъ за вожакомъ,
 Такъ длинными рядами
 Въ различныхъ направленьяхъ
 Текуть они по небу....
 Но вотъ, межъ облакамъ,
 Скопившимся въ кучу,
 Внезапно возникаетъ
 Одно, всѣхъ прочихъ выше,
 Какъ царь среди народа,
 Или какъ пѣвецъ въ собраньи!
 Оно серебру подобно
 Чистѣйшему сіяеть,
 Кругомъ парятъ другія
 Въ отлвахъ постепенныхъ,
 Что ниже, то темнѣ...
 Вся груда превратилась

Въ огромнѣйшаго сѣнника
 Съ повязкой королевской
 На тении высокомъ.
 Величественно-гордо
 Покоится онъ, глядя
 Съ весельемъ предъ собою,
 Какъ будто родовое
 Его наслѣдство небо....
 О, дивная прелесть!
 Да, это ты, могучій,
 Ты, водопадъ, столь чудно
 Державиннымъ воспитанъ,
 Великолѣпный, громкій,
 Который къ намъ поближе
 Имѣть я такъ желала бѣ!
 Четырени ручьяма
 Алмазными искрсяся,
 Онъ съ грохотомъ далекихъ
 Стремительно сбѣгаетъ
 Съ горы, изытой ими!
 Паръ серебряный восходитъ
 Изъ глубины кипучей....
 Но вотъ ужъ исчезаетъ
 Громада водяная,
 Въ другое превращаясь....
 Гора! На серединѣ,
 Межъ ледниковъ двухъ брошена
 Мостъ сѣлою дугою;
 Подъ нимъ стрѣлою мчится
 Потокъ въ руслѣ широкомъ,
 Но, на утесъ наткнувшись,
 Съ высотъ его впадаетъ
 Въ бездонную пучину,
 Равно столбу тумана
 Огромному, вѣтому....
 Все разступилось, что же?
 Обломки образуютъ
 Орлиныя вдругъ крылья,
 Сокрывшія край неба
 На западѣ, какъ нѣжныхъ
 Цыплятъ своихъ насѣдка....
 Смотрите, помогите
 Мнѣ вашими глазами
 Снизъ чудомъ любоваться.
 Дворецъ великолѣпный,
 Достоинъ ты индійскихъ
 Царей вѣковъ минувшихъ!
 Вычурные карнизы
 Поддержаны столбами
 До тысячи, а сверху
 Возносятся на каждомъ
 Углу по башнѣ стройной,
 Острокопечной, легкой,
 Съ верхушкой золотою.

Сто иранорныхъ ступенекъ,
 Широко распростертыхъ,
 Ведуть на верхъ. и купно
 Огромныя четыре
 Слова тамъ отдыхаютъ,
 Служа опорой тропу...
 Словы преобразились
 Во львовъ, а тропя въ просторный
 Бассейнъ порфирный, въ косы,
 Колеблесь, стройно, вѣжно,
 Какъ стебель глацинта,
 Струя воды восходитъ,
 Все выше подымаясь...
 Бассейнъ переходитъ въ куполь;
 Львы, на куски разбились,
 Въ колонны превратились,
 Все вмѣстѣ образуетъ
 Восточную гробницу,
 Равно той безподобной,
 Что Аврагасбъ воздвигнулъ
 Своей любимой дщери...
 Три сѣбяныя большія
 Горы кеглеобразной
 Главою гордо смотреть.
 Межъ этихъ великановъ
 Пространство наполняютъ
 Хоть низенькія горы,
 Но, какъ-бы дѣти первыхъ,
 Подобныя имъ видомъ
 Отъ верха-же до верха
 Тѣхъ горъ высокихъ идутъ
 Волнистыя полосы
 Изъ облаковъ, подобно
 Мосткамъ не твердымъ, плохо
 Наброшеннымъ чрезъ пропасть
 Безстрашно сѣбяныя горцемъ!
 Тѣ полосы же значать,
 Что будетъ вѣтръ на утро,
 Какъ то вѣщунъ крестьянинъ,
 Природы сынъ, привѣтилъ.
 Два мальчика руками
 Надъ головою вздымаютъ
 Шаръ облачный спѣсиво,
 Гигантскому Алкида
 И Атласа дѣянью
 По дѣтски подражая....
 Водопроводъ я вижу!
 Мѣстами ненасытныя
 Онъ временемъ ужъ сгложенъ,
 Покоясь на высокихъ
 Столбахъ базальтобурыхъ,
 Символъ своды конхъ солнце,
 Къ закату приближался,
 Горящими глазами

Глядитъ....

Отколь, взялись вы, брусья,
И лѣстницы широкой
Порфирной черной въ видѣ
Легли горизонтально!
Зачѣмъ вы заслонили
Мнѣ солнце на прощаньи?
Прочь, облака, ступайте,
Неважно, отседѣ!...

О, какъ я ошибалась!
Я и не вижу солнца,
Межъ тѣмъ какъ несказанно
Оно лучами красить
Рядъ облачковъ, парящихъ
По воздуха пространству!
Какими ужъ цвѣтами
Они не отливаютъ!

То перлаутомъ илечнымъ,
Опадомъ то двуличнымъ,
То чуднымъ лабрадоромъ.
Они рѣзбой искусной
Камесъ разноцвѣтныхъ
На ясномъ небѣ кажутъ...

Вотъ знаменье трофея:
Шлемъ съ перьями густыми
Щитъ круглый оствѣяетъ,
На сѣть крестообразно
Копье и мечъ блистаютъ!
Тамъ на лугу подъ тѣнью,
На муравь цвѣтистой,

Дитя уснуло, возгъ
Собачка, сторожъ вѣрный!
Вотъ фавнъ, рога мнѣя
Чуть видные, дерется
Съ козломъ брадатымъ. Далѣй

Журавль съ единорогомъ
Насупротивъ другъ друга
Стоять, дваясь собою!
Тамъ левъ разлегся борски,
Предъ нимъ же для забавы
Его, зайчонокъ служить,
Какъ шутъ его придворный!
Взгляните-ка на дивный
Коралловый кустарникъ
Со тѣною тѣмущей сучьею!

Но посмотри на пальму,
На стройную, звѣсю
Обвитую, какъ плющомъ!
Широкрылый коршунъ,
А у него на тылѣ
Стоитъ дитя на ножкѣ
Одной!....

Равно звѣздѣ полночной,
Выглядываетъ сол це

Изъ-подъ сноянной тучи,
 И снова озаряеть
 Плънительнымъ сияньемъ
 Небесныя пространства....
 Не долго жъ любовалася
 Я милою картиной.
 Опять сокрылось солнце
 За ненавистнымъ чернымъ
 Смыъ облакомъ, какъ-будто
 Пожратое дракономъ...
 Нтъ, облако, прости мнѣ
 Возможно-ли, о, Боже!
 Увидѣть, что на свѣтъ
 Плънительнѣй, чудеснѣй?
 Не ангелъ, не святой-ли
 То близъ меня витаеть!
 Вотъ ликъ свой лучезарный
 Ко мнѣ онъ наклоняеть,
 Но взорами такими,
 Что глазъ мой не выноситъ!..
 Прозрачная завѣса,
 Изъ серебряныхъ какъ-будто
 Вся вытканная нитей,
 Спускается на землю.
 Я вижу, какъ сивозъ дынку,
 Что солнце постепенно
 За небосклонъ уходитъ;
 Ужъ нижней половины
 Не видно. Вдругъ въ зѣнрѣ
 Огромнымъ полукружьемъ
 Лучи вверхъ потянулись,
 Длины необычайной,
 Подобно опахалу,
 Или алмазнымъ спицамъ
 Колеснымъ, мль большому
 Полкруглому окошку
 Изъ разноцвѣтныхъ стеколъ,
 Что на столѣтней башнѣ
 Красуется рѣзбою
 И живописью разной....
 Не долго остается
 Вѣнецъ сей лучезарный,
 Вотъ онъ уже блѣднѣеть,
 Все больше упадаетъ,
 Мутится, въ дымъ переходитъ.
 Ужъ новая картина.
 Волканъ! На правомъ скатѣ
 Ручьи остывшей лавы
 Еще зашѣны. Вѣтво
 Страшнѣйшее изъ зрѣлищъ
 Передъ глазами вижу,
 Съ высотъ небесъ сорвалася
 Огромнѣйшая туча,
 Въ паденнѣ зацѣпившися

За небосклонъ за самыя.
 О, чудо! какъ живая
 Она насквозь трепещеть!
 То не простая туча,
 А лицами живыми
 Живое представленья
 Ужаснаго паденья
 Небесныхъ духовъ влостныхъ:
 Гдѣ кучамя, гдѣ порознь,
 Кто съ цѣлыми крылами,
 Кто съ сложенными, или
 Совсѣмъ почти безъ крыльевъ,
 Кто въ шлемѣ и съ оружьемъ,
 Кто безъ всего; гдѣ видѣтъ
 Еще на колесницѣ
 Стоящій предводитель,
 Все скопаче, со смѣсью
 Знаменъ, копьевъ, орудій,
 Лукавыхъ вымышленъ,
 Валить, валить, не кончить
 Свой путь неизвѣрный,
 Съ небесъ до глубн ада.
 До самой прешподней!...
 Средь моря голубаго
 Покоится недвижно
 Царь волъ, китъ богатырскій,
 Приплылъ корабль; матросы,
 Принявъ кита за островъ,
 Спѣшатъ къ нему причалить,
 Пока еще не смеркось...
 Но волны разступилсь,
 И шествіе Нептуна
 Открылось въ полночь блескъ:
 Съ трудомъ Тритоны правятъ
 Четверкой бѣлоснѣжной,
 Влекущей колесницу
 Изъ раковины цѣльной.
 Нептувъ, съ осанкой важной
 Въ среднѣи стоя, держитъ
 Одной рукою поводъ
 Златой, другою къ верху
 Трезубецъ свой всесильный:
 Съ нимъ ядомъ возсѣдаетъ
 Царица Амфитрита
 Съ веселыми очами,
 Какъ вѣреница
 Тутъ Нерендъ прелестныхъ,
 Дельфинами несомыхъ;
 Морскихъ чудовищъ разныхъ,
 Однѣхъ другаго дивнѣи!

Это стихотвореніе — плодъ двѣнадцати-часовой работы. Вѣрно
 всякій примѣтитъ, какимъ уже искусствомъ владѣла Елисавета
 Кульманъ въ выраженіи и стихосложеніи, чтобы въ столь корот-

кое проиш сочинить безъ малаго четьреста стиховъ, между которыми очень много благозвучныхъ, и притомъ такъ оказать однимъ почёркомъ пера. Въ лежащей передъ нами рукописи насчитываемъ только двадцать семь стиховъ, въ которыхъ Елисавета кое-что измѣнила. Что же касается до находящихся тамъ двухъ неоконченныхъ стиховъ, то она сама говорила, что это случилось собственно по ея желанью, такъ какъ въ приводимыхъ мѣстахъ она съ намѣреніемъ хотѣла приостановить рѣчь свою.

Также легко можно примѣтить, что у Елисаветы каждая зарождавшаяся мысль мгновенно и невольно представлялась въ образѣ. Въ этомъ пространномъ стихотвореніи подлинно нѣтъ ни одной мысли, которая не была-бы выражена вносказательно, и тотчасъ втомъ не послушила бы предметомъ для живописнаго представленія.

Сверхъ этихъ собственныхъ нашихъ примѣчаній, мы сообщимъ читателямъ еще одинъ разговоръ, который происходилъ между наставникомъ и ученикомъ по поводу этого сочиненія.

— Развѣ вы въ самомъ дѣлѣ видите передъ собою предметы такъ явственно и опредѣленно, какъ вы ихъ описываете?»

— Чтобы не солгать, отвѣчу, что я вижу только главную черту; все же прочее обыкновенно игра или дѣйствіе воображенія. Объясню это примѣромъ. Я вижу вдали пишу, и въ ней колоссальное изображеніе какого нибудь божества. Если я вреде всего вспомню о Геркулесѣ, мнѣ тотчасъ-же представляется и его палица, на которую онъ упирается. Но если-бы я вспомнила вреде о вооруженной Минервѣ, то, вмѣсто палицы, мнѣ почудилось-бы, что богиня упирается на свой шпиль. Чѣмъ далѣе остаюсь при главной мысли, тѣмъ въ большемъ множествѣ возникаютъ побочныя. Тамъ, гдѣ сомнѣнія, что я, при дальнѣйшемъ размышленіи, увидѣла-бы у ногъ Геркулеса чудовище, льва или вола; а у Минервы трутъ побѣжденнаго Титана: то есть, всегда, что-нибудь такое, что имѣетъ связь съ главнымъ понятіемъ, что прилично главному изображенію. Если же къ этому образу незначай присоединится еще мысль нравственная, что нерѣдко случается, то у меня готово сочиненіе. Я уже сказывала вамъ, что во время моего занятія нѣсколько разъ случалось, что нравственная мысль присоединялась къ представлявшемуся образу, и что я должна была преодолевать себя, чтобы не воспользоваться этимъ, и не сдѣлать изъ обихъ мыслей одного сочиненія, потому что спустя нѣсколько времени, ни поэтическая, ни нравственная мысль не представляется воображенію въ первоначальной ясности и зачаточности, и сочиненіе все равно что вытерто».

— Но когда вы начинаете сочиненіе съ нравственной мысли, то какъ скоро является тогда поэтический образъ, или поэтическая мысль? или они вовсе не являются?»

— Являются; но только медленно; хотя въ воображеніи могутъ явиться картины, но рѣдко бываютъ такія, какія мнѣ нужны.»

— Положимъ однако, что вы остановились на нравственной мысли въ то самое время, какъ она столкнулась бы съ живущею уже у васъ поэтическою мыслью; чтобы изъ этого вышло?

— Я объясню это примѣромъ. Положимъ, что въ той книгѣ и видѣла бы Минерву, а у ногъ ея вообразила бы себѣ сраженнаго Титана; и что къ этому присоединилась бы нравственная мысль: «Мудрость преодолеваетъ всякое препятствіе». Тогда, можетъ быть, изъ этихъ двухъ мыслей вышло - бы слѣдующее сочиненіе:

Возстаютъ еонины Титановъ, чтобы свергнуть Зевеса съ престола его. Съ прискорбіемъ мыслить владыка вселенной о томъ, какъ одержать побѣду надъ многочисленными своими врагами. Тутъ свѣтлокая Минерва приближается къ сокрушенному повелителю, и говоритъ: «Родитель, чтобы достигнуть до этой высоты, возмутители принуждены будутъ взгромоздить другъ на друга цѣлыя горы земныя; можетъ быть, они поставятъ Пеліонъ на Оссу, чтобы сравняться съ нами, воюющими на облачной вершинѣ Олимпа. Что-же тогда воспрепятствуетъ тебѣ, родитель, такъ долго громить Оссу молніями, покуда она не распадется на части, и наконецъ неспособна будетъ поддерживать поставленный на нее Пеліонъ. Пеліонъ опрокинется, и подъ тяжестью своею погребетъ всѣхъ низвергнутыхъ съ нимъ Титановъ». Зевесъ, сознавая мудрый совѣтъ Минервы, улыбается, и всѣхъ боговъ созываетъ на битву.

Послѣ этого послѣдняго опыта, наставникъ никогда болѣе не заводилъ рѣчи о рѣшѣ и прочихъ мелочныхъ требованіяхъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и когда первое стихотвореніе втораго труда Елисаветы уже было окончено, случились два происшествія, которыя сильно подѣйствовали на ея послѣдующую дѣятельность.

Послѣ многихъ тщетныхъ стараній, наставникъ наконецъ нашелъ случай, доставить къ мѣсту назначенія переводъ Анакреона Елисаветы, готовый у нея съ давняго времени. Одна знатная дама взялась довести этотъ трудъ до свѣдѣнія господина статъ-секретаря Лонгинова, въ то время секретаря Ея Величества Императрицы Елисаветы Алексѣевны, а этотъ послѣдній, по своей собственной ему готовности помогать ближнему, поднесъ переводъ Ея Величеству, наканунѣ дня Ея рожденія. Черезъ недѣлю потомъ, въ 9-ть часовъ вечера, къ упомянутой дамѣ явился придворный служитель съ письмомъ на имя Елисаветы Кульманъ, по которому, со вложеніемъ чего-то, и вручилъ дамѣ другое письмо отъ господина Лонгинова, въ которомъ онъ проситъ ее, указать вручено мѣсто жительства Елисаветы, для доставленія ей посылки. Велѣвъ посланному подождать немного, дама поспѣшно послала за наставникомъ Елисаветы. Онъ, увидавъ придворнаго служителя и письмо къ Елисаветѣ, чрезвычайно обрадовался. — Я хотѣла, сказала дама, чтобы вы имѣли удовольствіе быть свидѣ-

теменъ при полученіи вашею ученицею этого знака Монаршей милости. И такъ потрудитесь проводить посланнаго на квартиру Елисаветы Кульманъ.» Наставникъ и ѣздовой прибыли въ Горный Корпусъ въ походѣ одинадцатаго часу. На лѣстницѣ, у квартиры священника, наставникъ попросилъ ѣздоваго подождать немного, покуда онъ не предваритъ о немъ мать и дочь. Вошедши въ горницу, онъ засталъ обихъ за работою; госпожа Кульманъ взяла, а Елисавета писала. — «Со мною пріѣхалъ посланный отъ господина Лонгинова придворный служитель, который долженъ вручить вамъ письмо,» сказалъ наставникъ, вышелъ въ сѣни и воротился въ сопровожденіи ѣздоваго. Елисавета ожидала его, стоя у своего письменнаго столика. — «Честь имѣю поздравить васъ со Всемилостивѣйшимъ Ея Величества подаркомъ», сказалъ ѣздовой, сдѣлавъ поклонъ и вручилъ Елисаветѣ пакетъ, видимо пораженный молодостію, красотою, и простою одеждою Елисаветы. — «Извольте сами распечатать пакетъ, продолжалъ онъ, это собственно до васъ касается.» Елисавета прочла бумагу; крупныя слезы поматывались по щекамъ. — «Извольте открыть также приложенный футляръ,» сказалъ ѣздовой. Въ футлярѣ были тронуты пришедъ бриллиантоваго фермуара, лежавшаго въ черномъ бархатномъ футлярѣ, и глядя на выраженіе глубочайшаго удивленія на лицѣ Елисаветы. Наконецъ она поднесла ящичекъ къ губамъ и поцѣловала его какъ святыню. Между-тѣмъ, наставникъ украдкою вышелъ изъ комнаты, чтобы обо всемъ разсказать священнику, и этотъ взявъ съ собою немного денегъ, пошелъ велѣдъ за наставникомъ къ Елисаветѣ, чтобы разделить общую радость. Неплохой погоды, священникъ тихонько всунулъ ей въ руку двѣ ассигнаціи, сказавъ по-латыни, что съ ними сдѣлать. Ѣздовой хотѣлъ идти. Елисавета остановила его, и въ трогательнѣйшихъ выраженіяхъ излила свои чувства благодарности къ господину Лонгинову, прибавивъ, что она лично, или, если ей нельзя будетъ, такъ непременно исполнитъ этотъ священный долгъ. Потомъ она дала ему ассигнаціи, и продолжала: «Прошу васъ, выпейте рюмку вина за здоровье моихъ благодѣтелей, указывая на священника и на наставника, и за здоровье маленькіи и мое, и да неспомолютъ вамъ Богъ много такихъ счастливыхъ часовъ, какими я наслаждаюсь теперь.» Тутъ и у ѣздоваго, уже пожилаго человѣка, навернулись слезы на глазахъ, и онъ сказалъ: — «Я въ точности исполню ваше порученіе, и доведу господину Лонгинову обо всемъ, что я видѣлъ и слышалъ. Дай вамъ Господи долгую жизнь, и еще много знаковъ Монаршаго благоволенія.» Очень вѣроятно, что Елисавета была обязана, какъ донесенію, сдѣланному ѣздовымъ, такъ и отъѣтному письму своему къ господину Лонгинову, что съ того времени, въ послѣдніе три года своей жизни, она ежегодно получала по двѣсти рублей.

Случилось, что Елисавета Кульманъ получила этотъ почетный знакъ отличія наканунѣ храмоваго праздника церкви Горнаго

Корпуса. На другое утро, по окончании богослуженія, всѣ начальники по обыкновенію собрались у овищенника для завтрака. А какъ случившееся наканунѣ уже было извѣстно по всему Корпусу, то всѣ гости священника, начиная отъ директора (сенатора Мечникова) до послѣдняго чиновника, пошли въ Елисаветъ съ поздравленіемъ. Въ этотъ то день, въ кругу ея знакомыхъ, вырвались у нея слова: «Теперь и я считаюсь въ числѣ людей.» Надобно объяснить читателямъ значеніе этого довольно страннаго восклицанія. Однажды Елисавета была въ обществѣ знакомыхъ ей молодыхъ дѣвицъ. Говорили о будущности, Елисавета съ своей стороны сказала, что она, для обезпеченія своей будущности, готовится къ званію воспитательницы, и тутъ-то въ первый разъ испытала, до какихъ глупостей доводить людей нѣкоторую преразсудил. Съ тѣхъ поръ многія ея знакомыя смѣла стали пренебрегать ею, а потомъ показывать ей даже явное презрѣніе. Она собственными ушами слышала однажды, какъ ее въ полголоса назвали гувернанткою, и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорили о служавкѣ. Еще за недѣлю до того торжественнаго дня Елисаветы Кульманъ дня, двѣ искреннѣйшія ея подруги не могли довольно хвалиться одними новыми ея стихами, которые она имъ показала, когда одна молоденькая, богатая дѣвушка, гордившаяся своею красотою, не всѣми однако признанною, вскричала:— «Клянись, эта бѣдная дѣвченка вздумала писать стихи? Я совѣтовала бы ей лучше вязать чулки и шить, чтобы достать себѣ кусокъ хлѣба.» Эти слова были пересказаны Елисаветѣ. Вообразите-же, что должно было происходить въ душѣ этой дѣвушки, насколько же честолюбивой, это правда, но тѣмъ не менѣе приваживой уже Гѣте, потому! «Не понимаю; сказала она своей искреннѣйшей подругѣ, какъ можно шить столько духу, чтобы шьюю, — потому что по моему бѣдному состоянію, я подлинно нищая, — назвать нищею! Послѣ уже, вѣроятно въ такую минуту, когда она неволью почувствовала все свое достоинство, Елисавета написала подъ заглавіемъ: *Утѣшеніе*, тѣ пророческіе стихи, которые она показала наставнику только послѣ услышаныхъ просьбъ его, потому что окончивъ ихъ, ей показалось, будто она выказала въ нихъ санишкомъ много гордости. Вотъ они:

У Т Ъ Ш Е Н І Е .

Я слышу кахоть твой обидный!
Но, звуки струнъ моихъ браня,
Знай, я избрала путь завидный,
И не догнать тебя меня!

Надменна! съ тобою въ землю
И память о тебѣ сойдетъ;
Моя же смерть, я слыше нищюю,
Слѣдуетъ славы ободеть!

Мои пѣсняи утѣшитъ
 Страдалецъ свой печальный духъ,
 И ни жъ гости будутъ тѣшить
 На празднествахъ сердца и слухъ!

Если этотъ случай глубоко оскорбилъ самолюбіе Елисаветы, потому что гордости она никогда не знала, то недѣли двѣ спустя другое событіе заровняло въ душу ея сѣмя печали. Пусть читатели припомнятъ слова, приведенныя нами въ началѣ этой статьи и сказанныя бабкою при осмотрѣ головы поворожденной Елисаветы: «что она будетъ дѣвочка съ большими дарованіями, но не долговѣчна.» Не смотря на то, что эти слова были извѣстны многимъ знакомымъ Елисаветы, но всѣ какъ будто сговорились, и никогда не поминали о нихъ. Однажды пришла навѣстить госпожу Кульманъ пожилая, добрая, но вовсе не дальняго ума женщина; посмотрѣвъ на ожерелье Елисаветы, она сказала: «Ахъ, милая Елисавета, эта драгоценность не перемѣнитъ предсказанія бабки! Я желала бы, чтобы вы лучше меньше получали отличій, но долше-бы прожили!» Мать, наставникъ, всѣ тутъ бывшіе испугались, услышавъ эти слова, потому что всѣ слишкомъ хорошо знали проницательность ума Елисаветы, и были увѣрены, что она угадала тайну еще прежде, нежели неосторожная старуха перестала говорить. И точно, внезапное изумленіе, съ примѣсю печали, открыло всѣмъ, что она узнала то, что такъ долго отъ нея скрывали. Она не отвѣчала ни слова, и почти весь вечеръ разговаривала съ наставникомъ, который, наблюдая за нею, не могъ не примѣтить, какая горькая и мучительная борьба происходила внутри ея, тогда какъ всякой другой пашель бы ее, если и не такую живою, какъ обыкновенно, то все таки совершенно спокойною.

Нѣсколько недѣль спустя оказалось, что она проникла смыслъ этихъ неосторожно произнесенныхъ словъ. Наставникъ и ученица въ первый разъ услышали отъ одного путешественника имя Меццофанти. «Тридцать осемь языковъ!» произнесла Елисавета нѣсколько разъ (такъ увѣрялъ ихъ путешественникъ, и не было причины сомнѣваться въ истинѣ его словъ); и по голосу, съ какимъ она произносила эти слова, примѣтно было, что она высказывала свои мысли только вполонину. Все обнаруживало, что у нея сильно пробудилась страсть къ языкамъ. Наставникъ же, никогда не пропускавшій подобныхъ случаевъ, сказалъ съ своимъ обыкновеннымъ добродушіемъ: «еще три языка къ вашимъ услугамъ: испанскій, португальскій и новогреческій.— «Труднѣ-ли они тѣхъ, которые я уже знаю?» спросила Елисавета.— «Нѣтъ, не труднѣ; испанскій и португальскій имѣютъ много сходства съ итальянскимъ, и между собою; а новогреческій это тотъ-же греческій, только проще и легче.» Вы мнѣ простите нескромность? Обѣщаю вамъ, что другой я не сдѣлаю въ моей жизни.» И слезы навернулись на глазахъ ея.— «Вы плачете?»— «Богъ знаетъ, сколь-

ко я еще проживу на свѣтѣ! вѣдь вы, присовокупила она, печально улыбаувшись, слышали, что мнѣ не долго суждено жить.» — «Пустяки!» вскричалъ наставникъ, бредни старыхъ бабъ! какъ можете вы этому вѣрить?» — «Это меня поразило, и впечатлѣніе, которое произвели на меня эти слова, не скоро изгладится.» — «Ну, вотъ! а если бы ебылось то, что предсказала мнѣ въ дѣтствѣ моею полуишая Жидовка, то я въ жизнь мою не видалъ бы ни Россіи, ни Елисаветы Кульманъ.» — Эти слова ее успокоили. — «Теперь, пожалъ наставникъ, я желалъ-бы знать, въ чемъ состоитъ нескромность.» Елисавета запнулась. — «Вы знаете, что я всегда готовъ угождать вамъ, и такъ говорите безъ окличностей. Я знаю, что вы не потребуете отъ меня чего нибудь сверхъ силъ моихъ; а если желаемое вами въ моей власти, то я напередъ даю вамъ слово, исполнить ваше желаніе.» — «Могу ли я», сказала Елисавета, и опять запнулась. — «Для васъ, сказалъ наставникъ съ добродушною улыбкою, возможны тысячи вещей, не возможны для другихъ. Говорите же! даю вамъ напередъ мое согласіе.» — «Нельзя ли мнѣ учиться всѣмъ тремъ языкамъ вмѣстѣ? вы говорите, что испанскій и португальскій языки имѣютъ большое сходство съ итальянскимъ, и между собою, стало быть главное въ томъ, чтобы хорошенько примѣчать, какая между ними разница; а новогреческій языкъ въ сравненіи съ древнегреческимъ то-же, мнѣ кажется, что итальянскій въ сравненіи съ латинскимъ.» — «Съ тѣхъ-поръ, какъ учатся языкамъ, это, можетъ быть, первый случай, что ученикъ начинаетъ три языка въ одно время. Я уже давно вижу, что вы сотворены для необыкновенныхъ вещей, и для васъ это предпріятіе будетъ легко; впрочемъ, ваше нѣвіе объ этихъ трехъ языкахъ совершенно вѣрно. Да здравствуютъ языки и молодая Россіянка, которая первая вздумала и первая отваживается учиться тремъ языкамъ вдругъ! Черезъ недѣлю примемся за это богатырское дѣло.»

Елисавета Кульманъ отважилась на эти два истинно геркулесовскіе подвиги: воскресить Коринну, и идти по слѣдамъ славнѣйшаго изъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ многоязычника, находясь подъ вліяніемъ двухъ совершенно различныхъ, но въ ней одинаково сильныхъ чувствъ, съ одной стороны—заманчивой надежды на будущую славу, съ другой-же—тайнаго предчувствія въ краткости своихъ дней. Усвѣхи въ первомъ отношеніи видны уже изъ многихъ стиховъ подъ заглавіемъ: *Къ Мирто*, которые наставникъ назвалъ предисловіемъ къ твореніямъ Коринны. Жизнь поэта, — его творенія. Это совершенно оправдалось у Елисаветы Кульманъ.

ПИСЬМА, СВѢДѢНІЯ и ЗАПИСКИ
О МАРИИ СТЮАРТЪ,
КОРОЛЕВЪ ШОТЛАНДСКОЙ,

ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ ОРИГИНАЛОВЪ и РУКОПИСЕЙ ЛОНДОНСКАГО СТАТЪ
PAPER OFFICE и ГЛАВНѢЙШИХЪ АРХИВОВЪ и БИБЛИОТЕКЪ ЕВРОПЫ,
Княземъ Александромъ Лобановымъ.

==
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.
==

Родъ сочиненій, болѣе приличный настоящему времени, есть исторія. Мы владѣемъ извѣстною способностью ума, которая даетъ намъ возможность хорошо обнимать этотъ предметъ, и любопытствомъ къ изысканію и собранію матеріаловъ, которые лучше всего могутъ раскрыть все, что заключается въ исторіи дѣйствительнаго и сокровеннаго. Но вѣтъ интереснѣе и поучительнѣе матеріала, какъ переписка знаменитѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ исторіи. Переписка гораздо предпочтительнѣе манускриптовъ. Эти послѣдніе рѣдко составляютъ въ самое время событій: невѣжество, забывчивость, тщеславіе, неискренность и страсть, отнимають у нихъ много правды. — Если то, что онѣ утверждаютъ, станешь соображать съ достовѣрными источниками, находишь, что оно или ложно, или же перепищено. Очень часто онѣ содержатъ въ себѣ анекдоты, неимѣющіе никакого основанія, факты искаженные, побудительныя причины вымышленныя. Этотъ-то послѣдній, столь важный предметъ исторіи, переписки особенно озаряють своимъ яркимъ свѣтомъ: писанныя

во время самаго дѣйствія тѣмъ, которые замыслили его или управляли имъ, онѣ явственно показываютъ въ событіяхъ участіе каждаго. Благодаря имъ, исторія не вынуждена извлекать заключенія о побудительныхъ причинахъ изъ актовъ, о намѣреніяхъ изъ результатовъ: ея сужденія перестаютъ уже быть предположеніями. Поэтому наше время заслуживаетъ благодарность, за стараніе, съ какими оно собираетъ и издаетъ въ свѣтъ переписки той эпохи, когда начали писать о всемъ томъ, что намѣрены были привести въ дѣйствіе. Возьмемъ въ примѣръ одинъ вѣкъ и въ этомъ вѣкѣ одинъ только предметъ: чего не узнаемъ мы съ ихъ помощью о шестнадцатомъ вѣкѣ и о реформаціи. Въ Германіи, во Франціи, въ Англіи, Бельгіи и даже въ Испаніи, непрерывно печатаютъ письма религиозныхъ начальниковъ или политическихъ защитниковъ двухъ вѣрованій, которые съ такими различными превратностями, боролись одинъ съ другимъ, въ продолженіе этого обширнаго періода, взволнованнаго множествомъ новыхъ идей, исполненнаго страстей, многихъ трагическихъ событій и столь обильнаго великими людьми. Всѣ переписки Карла Пятаго *, Фердинанда **, Филиппа Втораго ***, искусныхъ, благоразумныхъ или неуиѣренныхъ защитниковъ католицизма въ Европѣ; также Ландграфа Гессенскаго Филиппа-Великодушнаго, одного изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ германскаго протестантизма †; запальчиваго и мятежнаго Генриха-Осьмаго ††, который къ перемѣнѣ государственной религіи побужденъ былъ не одними политическими интересами, но и личными видами; славной Елисаветы †††, которая такъ твердо поддерживала дѣло от-

* Ларцъ, «Correspondenz des Kaisers Karl des Fünften», 1844 года, Лейпцигъ, 8. Того же издателя; «Staats Papiere zur Geschichte des Kaisers Karl des Fünften», 1845 года, Штутгартъ, 8. Эти оба сочиненія извлечены изъ королевскихъ архивовъ Бельгіи и Бургундской бібліотеки, въ Брюсселѣ

** Бухгольцъ, «Geschichte der Regierung Ferdinand des Ersten, 1831 года, Вѣна, 8.

*** «Collection de documents inedits para la historia de Espana-1842—1846, Мадридъ, 4°. Большая часть документовъ, заключающихся въ осьми уже вышедшихъ томахъ, относится къ царствованію Филиппа-Втораго.

† Ронмель, «Philipp der Grossmüthige, въ 8 д., Гейсенъ, 1830. Къ этой исторіи, изданъ томъ документовъ.

†† «State papers published under the authority of His Majesty's Commission», 4°, Лондонъ, 1831; Th. Wright, Letters relating to the suppression of monasteries» 4°, Лондонъ, 1843.

††† Того же, «Elizabeth and her times», 8°, Лондонъ, 1844.

да своего и побѣдоносно противопоставила вліянію Филиппа-Второго, свое вліяніе; принца Оранскаго *, этого мудраго основателя протестантской республики въ соединенныхъ штатахъ; искуснаго и остроумнаго Генриха Четвертаго **, дѣятельной и ловкой Екатерины Медичисъ, честолюбивыхъ и блистательныхъ принцевъ лотарингскаго дома ***, которые по различному своему положенію, различно участвовали въ религіозныхъ смутахъ Франціи: всѣ эти переписки, изъ которыхъ исторія почерпнетъ изобильныя точныя свѣдѣнія и вѣрныя заключенія, уже вышли или выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

Князь Александръ Лобановъ, много прибавилъ къ этимъ полезнымъ изданіямъ. Движимый чувствомъ, внушеннымъ ему прекрасными качествами и трогательными несчастіями Маріи Стюартъ, онъ собралъ, въ продолженіи болѣе десяти лѣтъ, изъ всѣхъ архивовъ и библиотекъ Европы, документы, касающіеся до этой королевы, которой роль была такъ важна, жизнь полна безпокойствъ, конецъ такой трагической, и которая до сихъ поръ окружена такою таинственностью. При постоянномъ и успѣшномъ стараніи, ему удалось соединить въ собраніи, изданномъ имъ въ 1846 году, въ семи томахъ, семьсотъ-тридцать шесть писемъ или записокъ, писанныхъ самою Маріею Стюартъ. Болѣе четырехъ сотъ изъ этихъ драгоценныхъ документовъ оставались неизданными до настоящаго времени. Около двухъ-сотъ извлечены изъ лондонскаго State paper office, куда ихъ сдало недовѣрчивое правительство Елисаветы, перехвативъ ихъ при отправленіи. Они оставались недоступными историкамъ до 1840 года, когда безъ всякихъ затрудненій сообщены были князю Лобанову. Собраніе, которое они обогатили и дополнили, начинается съ 1550 и оканчивается 1587 годомъ. Оно обнимаетъ тридцать-семь лѣтъ жизни этой королевы, скончавшейся въ цвѣтѣ лѣтъ. Первое письмо писано ею на осьмомъ году отъ роду, въ бытность ея при французскомъ дворѣ, гдѣ она воспитывалась, къ королеви ея матери; послѣднее писано изъ замка Фотрингей, гдѣ долгое время она

* «Graen van Prinsterer, Archives ou correspondance inédite de la maison d'Orange de Nassau», первая серия I—VII, 8°, Лейденъ, 1835—1839.

** Берже-де-Кенвре, «Recueil de lettres missives de Henri IV», 4°, Парижъ 1843—1846, заключающаяся въ собраніи неизданныхъ документовъ исторія Франціи.

*** Эти двѣ переписки войдутъ въ составъ ненапечатанныхъ документовъ, издаваемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія.

находилась въ заключеніи, къ Генриху-Третьему, которому извѣляла послѣднюю волю, за нѣсколько часовъ до казни. Можно судить до какой степени оно интересно, сколько должно объяснить неразгаданнаго, сколько можетъ пополнить пробѣловъ въ жизни, которая связана съ важнѣйшими въ исторіи и трогательнѣйшими для человѣчества событіями. Марія Стюартъ была женщина молодая, умная, образованная, милая, неосторожная, игривое лицо своихъ собственныхъ чувствъ и чувствъ другихъ, и которой краткое поприще, на каждомъ шагу, усѣбно было привлечательными или ужасными приключеніями; вмѣстѣ съ тѣмъ, она была заботливою королевою, поставленною въ главѣ многочисленныхъ приверженцевъ, опорю католической вѣры въ Шотландіи, ея надеждою въ Англіи; Гюнзы подкрѣпляли ее совѣтами, Филиппъ-Второй поддерживалъ ее, Пана поощрялъ; она упорно, но несчастливо боролась съ другою женщиною, которая умѣла владѣть собою въ своихъ слабостяхъ, съ другою королевою, которая съ твердостью и искусствомъ защищала дѣло протестантовъ. Страсти выдали, а вѣрованія погубили ее. Съ этихъ двухъ сторонъ выставляетъ ее князь Лобановъ въ ея перепискѣ.

«Невозможно, говоритъ онъ, чтобы такія неоспоримыя свидѣтельства, какъ письма самой Маріи Стюартъ, не озарили бы новымъ свѣтомъ тѣ важныя событія, которыя ознаменовали ея печальное существованіе и особенно эту великую борьбу католицизма и реформаціи, которой она сдѣлалась одною изъ славнѣйшихъ жертвъ. И точно, главную причину несчастій и трагической кончины этой принцессы не столько слѣдуетъ искать въ этомъ низкомъ чувствѣ ревности Елисаветы къ Маріи Стюартъ, сколько въ необходимости, которая какъ бы вынуждала реформатовъ въ Англіи, разрушить въ этой королеви послѣднюю надежду католиковъ Великобританіи и утвердить престолъ Елисаветы за протестантскимъ принцемъ. Если бы королева шотландская согласилась перемѣнить религію, то Елисавета, не смотря на всю свою къ ней ненависть, обязана бы была возстановить власть ея въ государствѣ и даже объявить ее наследницею англійскаго престола.»

«И такъ достоверно, что Марія Стюартъ пала жертвою привязанности къ вѣрѣ своихъ отцовъ; всѣ ея письма объ этомъ предметѣ наполнены энергическими протестами, и ея злѣйшіе враги не осмѣливались никогда усомниться на счетъ ея искренней преданности католической религіи. Въ этомъ отношеніи всѣ

отдаютъ ей должную справедливость. Къ несчастію, нельзя того же сказать относительно обще-распространеннаго мнѣнія, о поведеніи этой принцессы въ продолженіи самой критической эпохи ея жизни, съ замужества ея съ Дарвлеемъ до бѣгства въ Англію. Много писали объ этомъ краткомъ промежуткѣ времени; много разсуждали о томъ, была ли виновна или нѣтъ Марія Стюартъ въ смерти своего мужа; но для многихъ вопросъ этотъ остается еще нерѣшеннымъ. Его потемняли страсти и предрасудки, возникшіе при этихъ спорахъ, и при томъ незначительное число документовъ, заслуживающихъ вѣры, предъявленныхъ въ пользу Маріи Стюартъ, не могли подтвердить ея невиновность. Дѣйствительно, самые достойные довѣрія историки принуждены были ограничиваться одними доведеніями и перепискою министровъ и агентовъ Елисаветы, то есть отъявленныхъ враговъ Маріи Стюартъ и религіи, которую она исповѣдывала.

Они не могли основываться ни на одномъ современномъ свидѣтельствѣ, потому что не имѣли ихъ. Только въ перепискѣ пословъ французскаго двора, можно было ихъ найти, но въ то время переписка эта совершенно была неизвѣстна, и до-сихъ-поръ еще, за исключеніемъ *Correspondance de la Motte Fénelon* (бывшаго съ 1568 по 1575 годъ посломъ въ Англію), изданной Куперомъ въ 1838, нѣтъ ни одной обнародованной дипломатической переписки, относящейся къ эпохѣ Маріи Стюартъ: я долго дѣлалъ по этому предмету разысканія, и успѣлъ собрать только весьма малое число депешъ Поля де Фoa, Дюкрока и Бошентеля де-ла-Форѣ. Хотя эти депеши не болѣе какъ отрывки, написанные въ разное время и поэтому безъ послѣдовательной связи, я считалъ однако жъ долгомъ издать ихъ, равно какъ и важные документы, собранные мною въ архивахъ Медичисовъ во Флоренціи. Эти акты въ числѣ пятидесяти-трехъ, всѣ почти не напечатаны и до сихъ-поръ были неизвѣстны историкамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ документы эти, такъ и самыя письма королевы шотландской, послужатъ къ оправданію ея въ этихъ ужасныхъ обвиненіяхъ, которыхъ она была жертвою въ продолженіи жизни, и отъ которыхъ до сихъ-поръ еще не избавилась *.

Ясно видно, что князь Лобановъ рѣшительный почитатель Маріи Стюартъ. Мы должны прибавить, что его почитаніе не слѣпо и нисколько не подозрительно. Лобановъ ни Шотландецъ, ни католикъ; по этому сужденія его не могутъ быть увлеченіемъ

* Лобановъ, предисловіе, страницы 9 и 11.

патріотизма или излишняго благоговѣнія къ королевѣ и мученицѣ. Это должно быть принято во вниманіе, а тѣмъ болѣе, что благородный издатель соединяетъ съ свойственнымъ ему безпристрастіемъ учевую провицательность. Я воспользуюсь, какъ пьсами изданными княземъ Лобановымъ, такъ и изысканіями, произведенными также въ архивахъ Англіи, послѣднимъ и лучшимъ шотландскимъ историкомъ, М. П. Ф. Тейтнеромъ, а равно и другими ненапечатанными документами, которые я собралъ съ тою цѣлю, чтобы оцѣнить самыя темныя и спорныя событія этой страдалицы. Но для того, чтобы отличить проступки и несчастія Маріи Стюартъ, происшедшія отъ нея самой, отъ тѣхъ которые были слѣдствіемъ положенія, въ какое она ввергнута была противъ воли и какое должна была испытать, надо знать, въ какомъ состояніи находились въ Шотландіи партіи политическія и секты религіозныя въ 1561 году, въ то время, когда она оставила Францію, съ тѣмъ, чтобы отправиться управлять непокойною странюю и пресвитеріанскою церковью.

Первые годы ея жизни были столь же скорбныя какъ и послѣдніе. Она родилась 8 декабря 1542 года и, нѣсколько дней спустя, лишилась отца Іакова-Пятаго, оставившаго ее наслѣдницею шотландскаго королевства. Убитый несчастіями, испытанными въ войнахъ съ Генрихомъ-Осьмымъ, Іаковъ-Пятый, узнавъ о рожденіи Маріи, вспомнилъ, что это королевство перешло въ домъ Стюартовъ въ лицѣ дочери Роберта Брюса, и грустно сказалъ: — «Оно пришло съ дочерью и уйдетъ съ дочерью». Едва онъ умеръ, какъ возникли безпорядки. Несчастное шотландское королевство, находясь съ одной стороны подъ политическимъ вліяніемъ Франціи, старинной ея союзницы, содѣйствовавшей ей къ защищенію независимости отъ Англіи; съ другой стороны подвергаясь вліянію Англіи, съ давняго времени стремившейся овладѣть имъ или уничтожить его, было по-очередно добычею двухъ партій въ продолжительное малолѣтство юной королевы. Іаковъ-Пятый постоянно оставался вѣренъ дружбѣ Франциска-Перваго, на старшей дочери котораго Магдалинѣ онъ былъ женатъ первымъ бракомъ и который по смерти Магдалины выдавалъ за него Марію де-Гюизъ, вдову герцога Лонгвильскаго. Англійская партія, дерзнувшая въ 1542 году оставить Іакова Пятаго въ ту самую минуту, когда онъ готовился къ битвѣ съ арміею Генриха-Осьмаго, достигла по смерти этого государя такой силы, что удалила отъ регенства вдовствующую королеву и заставила парламентъ вручить регенство Джемсу Гамильтону, гра-

ю Арранскому, потому старшей дочери Іакова-Второго. Главою этой партіи были Дугласы, которые не остались чуждыми реформатскаго ученія. Во главѣ противной партіи былъ кардиналъ Битонъ, архіепископъ святаго Андрея. Этотъ прелать, который по богатству своему, силѣ, твердости ума, предприимчивости характера, былъ самымъ страшнымъ врагомъ нововводителей, съ одинаковою ревностью придерживался католицизма и Франціи. Онъ искалъ у послѣдней опоры противъ регента, покровительствовавшаго протестантамъ и Англичанамъ и былъ заключенъ въ тюрьму. Генрихъ Осьмой воспользовался этими обстоятельствами и потребовалъ, чтобы молодая Марія была обручена съ Эдуардомъ и выдана ему съ одною изъ важнѣйшихъ крѣпостей королевства. Но по заключенному, вслѣдствіе этого, договору, опредѣлено было отправить Марію Стюартъ на десятомъ году въ Англію, и тамъ выдать за принца Валлійскаго. Бракъ этотъ, искусно придуманный, имѣлъ цѣлю — полувѣкомъ прежде осуществить соединеніе Англіи и Шотландіи. Марія, воспитанная сначала на глазахъ матери, въ замкѣ Ливтлайтго, короновавшая въ 1541 году въ Стирлингѣ, была потомъ ввѣрена попеченію лордовъ Эркина и Ливингстона, назначенныхъ ей въ дядьки.

Излишнія требованія англійскаго короля, побудили шотландскаго регента искать союза съ Франціею, какъ въ желаніи независимости, такъ и по необходимости въ помощи. Графъ Арранскій примирился съ кардиналомъ Битономъ. Тринадцатаго декабря онъ подтвердилъ всѣ прежніе трактаты съ Франціею. Съ этой минуты снова открылась война съ Англіею и возобновились мѣры строгости противъ протестантовъ, которые изъ собственной выгоды были союзниками этой державы.

Протестантская партія, игравшая такую важную роль въ бѣдствіяхъ Маріи Стюартъ, медленно утверждалась въ Шотландіи, гдѣ она терпѣла такіа жестока гоненія при жизни Іакова Пятаго. Этотъ король ненавидѣлъ протестантовъ какъ еретиковъ, и боялся ихъ какъ противниковъ народности: онъ видѣлъ въ нихъ враговъ старинной Церкви и помощниковъ Англіи. Шотландскій протестантизмъ, прежде чѣмъ позаимствовалъ у Женевы церковное устройство, получилъ первыя свои вѣрованія изъ Германіи: онъ былъ возбужденъ Лютеромъ. Съ 1525 года актомъ парламента запрещенъ былъ въпускъ въ королевство сочиненій этого могущественнаго нововводителя и уничтожено его ученіе. Но ни законы, ни казни не могли остановить успѣховъ смѣлаго и твер-

даго намѣренія, клонившагося къ переобразованію шотландской Церкви, одной изъ самыхъ невѣжественныхъ и самыхъ испорченныхъ. Аббаты, священники, бенедиктинскіе монахи, каноники святаго Андрея, дворяне, увлеклись этою благочестивою и преобразовательною мыслью и безжалостно были сожжены. Даже духовникъ короля, Ситонъ, который оказалъ въ этомъ случаѣ слишкомъ много благорасположенія, долженъ былъ бѣжать въ Англію, чтобы не подвергнуться той же участи. Въ одинъ 1539 годъ семь мучениковъ протестантизма погибли на кострахъ, а въ 1541 году парламентскимъ актомъ запрещено было, подъ опасеніемъ конфискаціи и смертной казни, оспаривать въ чемъ бы ни было власть папы.

Но вскорѣ все перемѣнилось, когда по кончинѣ короля Якова Пятаго, ему наследовалъ, въ качествѣ временнаго правителя королевства и опекуна юной королевы, графъ Арравскій. Последний, котораго собственные выгоды сблизали съ Англіею и оппозиція ревностныхъ католиковъ, благопріятныхъ для Франціи и Маріи де-Гюизъ, заставляла поддерживать протестантовъ, разрѣшилъ, съ согласія лордовъ артикуловъ * чтеніе библіи на престонародномъ языкѣ, и открыто покровительствовалъ двумъ доминиканскимъ монахамъ, Томасу Вильяму и Джону Ро, которые служили при его домѣ и съ строгостью проповѣдывали противъ испорченности римской церкви. Онъ просилъ Садлера, посла изъ Генриха-Осьмаго, достать ему переведенныя библіи и всѣ религиозныя сочиненія, официально изданныя въ Англіи, чтобы воспользоваться ими въ Шотландіи.

Когда Садлеръ убѣждалъ его дѣйствовать рѣшительнѣе и уничтожить монастыри, подобно Генриху-Осьмому, онъ отвѣчалъ, что не желалъ бы лучшаго. Но, прибавилъ онъ, дѣло это, мнѣ кажется, очень трудно. Между людьми сильными такъ много папистовъ, что я не нахожу средствъ заставить ихъ согласиться на это, развѣ только соблазнить ихъ корысть и желаніе завладѣть имуществами аббатствъ.

Впродолженіи этой-то эпохи, онъ велъ переговоры о супружествѣ своей царственной питомицы съ сыномъ Генриха-Осьмаго, а Джорджъ Уиншартъ, одинъ изъ нововодителей, скрывавшихся въ Англію, возвратился въ Шотландію, гдѣ сдѣлался учителемъ

* Комитетъ лордовъ, вѣствующій засѣданія въ промежутки сессій парламента.

Нокса и его истиннымъ предшественникомъ въ проповѣдываніи и установленіи реформы.

Это былъ человѣкъ возвышеннаго ума, иѣжной души, набожности нѣсколько отшельнической, соединившій съ сильными убѣжденіями чрезвычайную кротость. Онъ съ большимъ усердіемъ проповѣдывалъ въ Монрозѣ, въ Донди, Пертѣ, Эрѣ, противъ догматовъ римской церкви и жизни римскаго духовенства. Онъ нашелъ крѣпкую опору въ графахъ Кассилійскомъ и Гленкерискомъ, въ графѣ Маршалѣ, сэрѣ Джорджѣ Дугласѣ, въ лордахъ Брунстонѣ, Ормистонѣ и Кадерѣ. Примиреніе графа Арраискаго съ кардиналомъ Битономъ, происшедшее въ концѣ 1543 года, нисколько не остановило его усердія, не смотря, что распускавшійся правитель государства ему болѣе уже не покровительствовалъ, и что вошедшій въ силу начальникъ католической церкви, вслѣдствіе старался ихъ пресѣчь. Даже было покушеніе на жизнь Уишарта; но оно не удалось, и съ тѣхъ поръ онъ проповѣдывалъ окруженный баронами, одѣтыми въ военные знамѣни, и въ сопровожденіи вооруженныхъ слугъ. Даже предъ нимъ носили обнаженную шпагу.

Обѣ партіи, равно ожесточенныя и равно неразборчивыя въ средствахъ, замыслили погубить обоихъ начальниковъ. Главные протестанты сговорились съ министрами Генриха Осьмаго умертвить кардинала, а кардиналъ съ своей стороны старался овладѣть Уишартомъ, чтобы погубить его. Уишартъ первый палъ жертвою; онъ былъ захваченъ въ мѣстечкѣ Ормистонѣ, графомъ Батвелемъ, начальствовавшимъ отрядомъ солдатъ. Ожидая того, что съ нимъ случилось, и не желая, чтобы его вѣрный ученикъ Ноксъ раздѣлилъ его участь и шелъ бы предъ нимъ съ обнаженною шпагою, онъ сказалъ ему дружески: «Отправляйтесь, для жертвы довольно одного». Онъ былъ выданъ Батвелемъ кардиналу Битону, приговоренъ съ сожженіемъ, и 28 марта 1546 года умеръ, съ удивительною твердостью и трогательнымъ спокойствіемъ, не показавъ при этомъ нисколько злобы своимъ судьямъ и обнявъ даже бросившагося къ его ногамъ, палача, сказавъ ему: «Исполни твою обязанность, ты получишь приказаніе, которое я тебѣ прощаю».

Смерть его произвела необыкновенное дѣйствіе на народъ, котораго онъ былъ проповѣдникомъ. Два мѣсяца спустя, послѣдовала смерть кардинала; онъ былъ захваченъ врагами, посреди своей стражи, въ укрѣпленномъ замкѣ святаго Андрея и безжалостно умерщвленъ. Послѣ первыхъ нанесенныхъ ему ударовъ,

однѣ изъ заговорщиковъ, Мельвилъ, который увѣрялъ, что онъ убиваетъ не по страсти, а по долгу религій, сказалъ ему съ фанатическимъ зѣвствомъ, устремляя на него конецъ шага: «Вспомните, что смертельный ударъ, который нанесу тебѣ, не подкупное дѣйствіе наемнаго убійцы, но правосудное мщеніе, разражающееся надъ упорнымъ и злѣйшимъ врагомъ Иисуса Христа и святаго Евангелія».

Эти двѣ насильственныя смерти не принесли обѣимъ партиямъ никакой пользы. Съ той поры противникомъ партіи французской католической вмѣсто кроткаго и великодушнаго Уиншарта сдѣлался пылкій, непреклонный ученикъ его Джонъ Ноксъ, которому въ послѣдствіи предстояло положить основаніе шотландской церкви по образцу церкви реформатской, установленной Кальвиномъ въ Женевѣ. Партіи же англійской протестанской, приходилось бороться не съ внутренними силами шотландскаго правительства, но съ солдатами Франціи. Однакожъ первая партія сначала восторжествовала, регентъ долженъ былъ соединиться съ Франціею. Онъ разорвалъ союзъ, заключенный съ Англіею, и вмѣсто того чтобы выдать наследницу шотландскаго престола за Эдуарда-Шестаго, который послѣ смерти отца своего Генриха-Осмаго требовалъ ее съ оружіемъ въ рукахъ, онъ назначилъ ее доину, старшему сыну Генриха-Второго. Войска французскія высадились въ Шотландію, овладѣли замкомъ святаго Андрея, занятымъ диссидентами, въ числѣ которыхъ находился и Ноксъ, и разставили гарнизоны въ главныхъ крѣпостяхъ. Плѣнники перевезены были во Францію почти въ тоже время, какъ Марія Стюартъ отправилась ко двору Генриха-Второго. Она воспитывалась тамъ вмѣстѣ съ дѣтьми этого государя и Екатерины Медичисъ, на глазахъ своихъ дядей герцога Франциска да-Гюиза и кардинала Лотарингскаго. Съ раннихъ лѣтъ въ ней замѣтны были непринужденная прелесть и рѣдкія достоинства, которыя сдѣлали самое дѣтство ея привлекательнымъ. Переписка, издаваемая княземъ Лобановымъ, представляетъ объ этомъ весьма интересныя подробности.

На десятомъ году, она удивляетъ зрѣлыми сужденіями: въ одномъ довольно длинномъ письмѣ, писанномъ ею въ 1552 году къ королевѣ ея матери, она говоритъ о дѣлахъ Шотландіи тонко и основательно; даже умѣла въ случаѣ надобности быть скрытною: «Я видѣла, говоритъ она ей, вы рады, что я сохраняю въ тайнѣ то, о чемъ вы писали мнѣ: будьте увѣрены, что все, что ни сообщите мнѣ, буду знать только я одна».

Она была иѣжно и безусловно покорна матери, и когда послѣдняя прислала къ ней письмо въ видѣ просьбы, то Марія отвѣчала ей: «Всеижайше прошу васъ, не изъясняйтесь со мною иначе, какъ приказаніями всеижайшей и покорнѣйшей дочери вашей и слугѣ, въ противномъ случаѣ я буду думать, что лишмаю вашего добраго ко мнѣ расположенія» *.

Около этого же времени, кардиналъ лотарингскій писалъ объ ней къ сестрѣ своей: «Означенная государыня, дочь ваша, такъ выросла и растетъ ео дня на день добротой, красотой, мудростью и добродѣтелями, что она истинное совершенство во всемъ добромъ и честномъ, и во всемъ королевствѣ нѣтъ ни благородной, ни другой какой дѣвицы низкаго или средняго сословія, ей подобной; и я вынужденъ сказать вамъ, государыня, что королю она такъ нравится, что нерѣдко разговариваетъ онъ съ нею по часамъ, а она умѣетъ занимать его добрыми и умными рѣчами, какъ будто двадцати-пяти-лѣтняя» **.

Тщательное воспитаніе увеличило ея природныя прелести разнообразными талантами. Она отличалась въ музыкѣ, хорошо знала исторію, которую преподавалъ ей знаменитый Бухананъ, очень хорошо говорила по-латыни, писала стихи, которымъ удивлялись Ронсаръ и дю-Белле ***); обладала живымъ и свободнымъ умомъ,

* Лобановъ, 5, 6 и 7.

** Лобановъ, письмо кардинала Лотарингскаго къ вдовствующей королеви, отъ 25 февраля 1553 году, страница 9.

*** «Она стала совершенною Француженкою, и была, можно сказать, не только самою прекрасною, но и самою образованною изъ женщинъ, какъ въ языкѣ, такъ и въ обращеніи... (Записки Кастально, Брюссель, 1731 fol. году стр. 528). Она очень любила поэзію и поэтовъ, въ особенности Ронсара, дю-Белле и Мезофелера, которые написали къ ней много стихотвореній и азетій. Она сама занималась поэзіею, сочиняла стихи, между которыми я нашелъ много прекрасныхъ и очень хорошо написанныхъ. Сверхъ того она писала хорошо и прозою... Говорила она шло и пріятно, съ истиннымъ величіемъ и вѣстѣ съ тѣмъ съ скромною простотою»: Брантонъ, Парижъ, 1823. in-8°. «*Vie des femmes illustres*». Т. V. стр. 84. «*Negociations relatives au règne de François II*», Извлеченіе изъ исторіи дома лотарингскаго, Лакура, стр. 755. Вотъ нѣкоторые изъ стиховъ, оставленныхъ намъ объ ней Ронсаромъ и дю-Белле.

Au milieu du printemps entre les liz naquit
Son corps qui de blancheur des liz mesme voinquit,
Et les roses, qui sont du sang d'Adonis teintes,

милымъ и расположившимъ къ себѣ характеромъ, и была украшеніемъ двора. Кардиналъ Лотарингскій, въ слѣдующихъ выраженіяхъ отзывался о вліяніи, которое она имѣла при дворѣ. «Свѣю увѣрить васъ, государыня, что нѣтъ прекраснѣе и добрѣе королевы вашей дочери и болѣе ея набожной; она управляетъ королемъ и королевою» *.

Когда эта обворожительная принцесса достигла пятнадцати лѣтъ, Генрихъ-Второй выдалъ ее за своего сына дофина Франциска. Съ этого времени начинаются событія, которыя должны играть роль въ числѣ главныхъ причинъ ея послѣдующихъ несчастій. Генрихъ Второй, съ согласія дядей Маріи Стюартъ, слишкомъ честолюбивыхъ, чтобы не раздѣлять съ нимъ его непомѣрныхъ замысловъ, недовольный тѣмъ, что сынъ его вступилъ въ бракъ съ наследницею только шотландскаго престола, хотѣлъ видѣть съ тѣмъ видѣть ее и наследницею короны Англии, и въ случаѣ ея бездѣтности, утвердить наследство этими двумя королевствами, за каковыя бы те ни было обладателемъ французскаго престола. Эти нескуюно замысленные и неудоумосолннныя планы, вклю-

*Furent par sa couleur de leur vermeil dépeintes;
Amour de ses beaux traits luy composa ces yeux.
Ex les grâces, qui sont les trois filles des cieux,
De leurs dons les plus beaux cette princesse ornèrent.
Et pour mieux la servir les cieux abandonnèrent.*

(Ronsard, «Oeuvres complètes» Парижъ 1587 году
in 12°. T. VIII страница 19).

*En vostre esprit le ciel s'est surmonté,
Nature et l'art on ten vostre beauté
Mis tout le beau dont la beauté s'assemble.*

(J. du Bellay, «Oeuvres françaises», Парижъ 1673
году in 8°, страница 507).

Смотри также примѣчаніе 1, страница 403. Всѣ современники единогласно говорятъ объ умѣ и красотѣ Маріи Стюартъ. Венеціанецъ Джованни Капелло такъ писалъ объ ней въ 1553 году «Gli (au diaphin) fu data a per moglie la regina di Scozia, che già altre fiato fu condotta in Francia, e la quale bellissima e di maniera tale costumata, che parge maraviglia a chiunque considera le qualità sue. E anco il delirino molto se ne contenta; e prende gran piacere nel ragionare e ritrovarsi con esso lei». («Relations des ambassadeurs Vénètiens», Томмазо, Парижъ, 1636, in 4°. T. I, стр. 374).

* Лобановъ, 36.

чены въ собраніе князя Лобанова *, который первый издалъ грамматы Маринъ Стюартъ, писанныя 16 марта 1558 года, по случаю вступленія ея въ бракъ съ дошномъ. Но самый важный изъ этихъ документовъ, есть предварительная даровая запись отъ 4 апрѣля 1558 года, составленная юною и поморною супругою, по безразсуднымъ наущеніямъ **, въ пользу Генриха Втораго и его преемниковъ. Главная статья въ этомъ актѣ, слѣдующаго содержанія: «Державнѣйшая и славнѣйшая ариндесса, Маринъ королева шотландская... этимъ объявляетъ, что если въ случаѣ смерти не оставитъ по себѣ наследника отъ своей утробы (да не будетъ на то воля Божія), она отдала и отдастъ по силѣ этого акта, въ даръ по случаю смерти, королю французскому настоящему или будущему, королевство шотландское, какъ оно есть, со всѣми правами, какія могутъ вынѣ или съ послѣдствіемъ принадлежать ей на королевство англійское и другія земли и владѣнія, по какому-бы то ни было случаю ***».

Правда, что этотъ документъ долженъ былъ оставаться тайною. Онъ былъ запечатанъ въ первый разъ, такъ какъ онъ есть, въ 1838 году, въ концѣ перваго тома переизданнаго французскаго посланника при англійскомъ дворѣ ла Мотъ-Фенелона, (1568 — 1575) †, вмѣстѣ съ двумя другими столь же важными документами: однимъ изъ нихъ предоставляется королю французскому право на владѣніе шотландскимъ королевствомъ, за пощоныя имъ значительныя издержки, во время защищенія этого королевства отъ нападенія Англичанъ ††, а другимъ актомъ уничтожались всякія возрѣженія, какія могли бы сдѣлать шотландскіе чины относительно наследованія этимъ королевствомъ. Этотъ

* Тамъ же, 46, 60.

** Какъ по этимъ, такъ и по другимъ причинамъ, по совѣту ея лучшихъ и избраннѣйшихъ друзей, дядей ея потентнѣйшаго и знаменитѣйшаго министра маршала Лотериттскаго и герцога де-Гюиза. Тамъ же, стр. 53.

*** Тамъ же, 51.

† «Svensk-romansk diplomatique de Bertrand de Salignac de la Mothe-Fenelon», издавшая по рукопислямъ, хранящимся въ королевскихъ архивахъ, Парижъ и Лондонъ, 1838 1840, in 8., томъ I, стр. 425.

†† Такъ, что безъ означенныхъ издержекъ и расходовъ, уже сдѣланныхъ и предстоящихъ, королевство шотландское находилось бы въ явной опасности быть совершенно раззореннымъ, и что сохраненіемъ своимъ оно обязано истинъ королямъ французскимъ, которыхъ, какъ говорила государыня, она не въ состояніи вознаградить. Тамъ же стр. 53.

последній документъ одинъ только былъ включенъ въ собраніе договоровъ Леонара, которому онъ сообщенъ былъ господиною Годфроа и въ собраніе Дюмона. Ни Юмъ, ни Робертсонъ, не упоминають объ этомъ условномъ присоединеніи Шотландіи къ Франціи, и ни одному изъ свѣдущихъ историковъ Англій и Шотландіи, какъ надримѣръ Кейту и Карту, неизвестна была статья объ уступкѣ Англій. Это, сама по себѣ пустая статья, — потому что невозможно было исполненіе, — имѣла однакожъ для Маріи Стюартъ пагубныя послѣдствія. Спустя семь мѣсяцевъ послѣ ея бракосочетанія съ дофинномъ Францискомъ, совершеннаго двадцать четвертаго апрѣля, королева Марія Тюдоръ умерла не оставивъ дѣтей; тогда Генрихъ-Второй присоединилъ къ титламъ, которые носилъ его сынъ и невѣстка, титулы короля и королевы Англій и Ирландіи. Это значило подготовитъ исполненіе статьи и не признавать правъ Елисаветы, которая вступила уже на тронъ, — не смотря, что объявлена была незаконною въ то время, когда былъ утвержденъ разводъ между ея отцемъ Генрихомъ-Осьмымъ и ея матерью Анною де-Болень. Это было началомъ соперничества двухъ королевъ, которое окончилось только на эшафотѣ. Марія Стюартъ смертельно вооружила противъ себя опасную дочь Генриха Осьмага, надменная и истинная душа которой, съ той минуты, наполнилась неукротимыми чувствами ревности и ненависти.

Между тѣмъ, какъ она носила пустой титулъ королевы англійской, и внезапная смерть Генриха-Второго предоставила ей, правда на весьма короткое время, корону Франціи, мать ея Марія де Гюизъ подрывала наслѣдственную власть дочери въ Шотландіи. Принявъ регенство послѣ герцога Штельро, она оказывала довѣріе только своимъ соотечественникамъ Французамъ, и ихъ оныхъ допускала къ участію въ дѣлахъ управленія. Она поручала имъ самыя важныя должности въ государствѣ и тѣмъ самымъ возбудила въ высшей степени неудовольствіе Шотландцевъ. Англійская партія, къ которой скоро пристали герцогъ Шательро и сынъ его графъ Арранскій, увеличилась всѣми недовольными этимъ неполитическимъ поведеніемъ. Партія эта, соединившаяся, и почти смѣшавшаяся съ партіею протестантскою, которая дѣйствовала, съ прежнимъ успѣхомъ, готова была живо возстать. Пылкій Ноксъ снова появился, и одушевлялъ ее своимъ умомъ и смѣлостью. Два года пробывъ плѣнникомъ Франціи, онъ снова отправился въ Англію, чтобы дѣйствовать за одно съ Піеромъ, Мартиромъ и Бюсеромъ въ религиозной реформѣ, произведенной

въ царствованіе Эдуарда Шестаго; потомъ оставилъ ему страну въ ту эпоху, когда Марія Стюартъ такъ насильственно утвердила въ ней католицизмъ; онъ переѣхалъ на твердую землю, управляетъ церковью бѣжавшихъ во Франкфуртъ реформатовъ, былъ въ Женевѣ ревностнѣйшимъ ученикомъ и другомъ Кальвина, съ которымъ равнялся онъ въ непреклонности и котораго превосходилъ въ силѣ, и наконецъ послѣ всего этого, снова возвратился въ Шотландію, чтобы утвердить тамъ господство своего ученія.

Правительница, уstraшенная усиленіемъ протестантизма, повѣла указомъ, чтобы всѣ исповѣдывали религію католическую. Послѣдователи новыхъ идей, въ главѣ которыхъ были графъ Аргильскій и Яковъ Стюартъ, побочный братъ королевы Марин, отказались отъ этого.

Видя неуспѣхъ мирныхъ возраженій, они составили мятежное собраніе, подъ названіемъ «Конгрегаціи», взяли за оружіе, разбивали образа, опустошали церкви и овладѣли городомъ Пертомъ. Они некали покровительства Елисаветы, которая столько же сколько и они хотѣла утвердить протестантизмъ въ Шотландіи, и выгнать изъ этой страны Французовъ, сосѣдство которыхъ грозило опасностью ея собственной коронѣ, потому что они не признавали ея правъ. Ноксъ отъ пятнадцатаго августа 1559 года писалъ къ Сесалию, искусному министру королевы англійской, и давалъ ему чувствовать крайнюю необходимость въ рѣшительной помощи: Военныя силы лордовъ конгрегаціи были незначительны, и они терпѣли недостатокъ въ деньгахъ для содержанія войска.

«Я увѣренъ, писалъ Ноксъ, что многіе скорѣе рѣшатся отказаться себѣ даже въ необходимомъ, чѣмъ войти въ мирные переговоры съ королевою правительницею или съ Франціею; но я не за всѣхъ ручаюсь, развѣ только въ томъ случаѣ, если вы окажете больше рвенія къ доставленію вспомошествованія. Я надѣюсь, вы согласитесь, что наше наденіе будетъ вашею гибелью. Графъ Аргильскій отправился въ свои владѣнія, и скоро думаетъ возвратиться съ набранными силами, если только прислано будетъ отъ васъ подтверженіе. Дворяне южныхъ округовъ, также готовы употребить всѣ средства, если вы поможете имъ; поэтому я заклинаю васъ самымъ Иисусомъ Христомъ, извѣстите немедленно о помощи, какую они могутъ ожидать отъ васъ *».

* Письмо Нокса къ Сесалию, у Тайтлера. Томъ VII. стр. 159.

Сесиль былъ такого мѣнѣя, которое безъ затрудненій принимало предусмотрительная королева. За нѣсколько дней до письма Нокса, онъ составилъ, со всею глубиностью полтика изучившаго этотъ предметъ въ продолженіи сорока-лѣтней службы при Елисаветѣ, ноту о томъ, какія необходимы мѣры къ окончательному возвращенію Шотландіи. «Шотландія, говоритъ онъ въ этой нотѣ, вѣнначе можетъ достигнуть полнаго благоденствія, какъ только двумя способами, или посредствомъ соединенія съ Англіею вѣчными узами дружбы, или же чрезъ слияніе съ нею въ одну державу. Однимъ словомъ, чтобы утвердить вѣчную дружбу, нужно освободить Шотландію отъ вліянія Франціи, старинной непріятельницы Англии. До-тѣхъ-же поръ, пока Шотландія будетъ находится подъ французскимъ вліяніемъ, эта связь невозможна». Чтобы избѣгнуть этого, Сесиль указывалъ мѣры, какія должно принять шотландское правительство; мѣры, которыхъ цѣлью было изгнаніе французскихъ войскъ, вѣреніе административной власти въ Шотландіи исключительно Шотландцамъ, устраненіе отъ государственныхъ должностей и командованія войсками всѣхъ иностранцевъ, составленіе правительственнаго совѣта, независимаго отъ королевы, въ случаѣ несогласія ея на эти условія, предоставленіе верховной власти ближайшему наследнику престола. Онъ оканчивалъ словами: «Освободись только Шотландія, она найдетъ средства къ соединенію двухъ королевствъ въ одно» *.

Въ концѣ августа 1559 года, Елисавета согласилась войти въ переговоры съ вельможами-инсургентами. Сначала она дѣйствовала скрытно. Четыре съ половиною мѣсяца до этого, подписанъ былъ втораго апрѣля шатокамбрейскій договоръ между Испаніею, Франціею, Англіею, въ который включена и Шотландія. Казалось добрыя отношенія между Елисаветою и Маріею Стюартъ утвердился, что доказываютъ два слѣдующія письма, отъ двадцати перваго апрѣля и двадцати пятаго мая, извлеченныя княземъ Лобановымъ изъ британскаго музеума и изъ State paper office: ** «Державнѣйшая и славнѣйшая принцесса, висала Марія къ Елисаветѣ въ первомъ, намъ пріятно было слышать, прелюбезнѣйшая и много любимая сестра и кузина, о томъ что, по возвращеніи депутатовъ нашего прелюбезнѣйшаго и препочтен-

* Кейтъ, «The history of the affairs of Church and state in Scotland», Эдинбургъ, 1734, in fol. Appendix, стр. 23.

** Томъ I, стр. 61.

вѣйшаго государя и отца короля *, и нашихъ, положено было съ вами, касательно добраго мира, дружбы и примиренія, котораго мы желали, и который былъ заключенъ между нами, нашими королевствами, владѣніями и подданными, равно какъ и нашимъ означеннымъ государемъ и отцемъ, и который миръ послужить къ общему благу трехъ королевствъ, спокойствію и тишинѣ ихъ и народовъ, которыхъ угодно было Богу подчинить нашимъ властямъ; съ такимъ добрымъ и дружественнымъ между нами согласіемъ, что мы вѣчно будемъ имъ довольны. **

Съ ратификаціею договора она послала къ ней сэра Летингтона, которому поручила сверхъ того, прибавляетъ она: «Сообщить добрыя о насъ вѣсти и увѣрить въ желаніи оставаться вѣчно добрымъ братомъ и сестрою и искренними друзьями; и такими мы будемъ всегда, и дадимъ доказательства этому на дѣлѣ, когда намъ представится случай сдѣлать вамъ что либо пріятное, равно мы просимъ васъ усерднѣйше вѣрить всему, что скажетъ онъ вамъ подробнѣе отъ имени нашего точно также, какъ бы вы слышали это отъ насъ самихъ». ***

Елисавета, съ своей стороны отправила къ ней, по тому же предмету, посланниковъ, и Марія Стюартъ, во второмъ письмѣ, благодарила ее такъ усердно и искренно, что казалось эти изліянія выказывали опасность въ какой находились дѣла Шотландіи, и сильное желаніе не допустить королеву англійскую до внимательства. «Намъ было весьма пріятно, говорила она, слышать отъ нашего любезнаго и любимаго кузена, сэра Говарда, вашего оберъ-каммергера и сэра Воттона, вашихъ посланниковъ, добрыя объ васъ вѣсти, и увѣренія въ дружбѣ, которыя вы поручили имъ передать отъ васъ, черезъ что мы еще болѣе узнали ваше къ намъ расположеніе; прося васъ преусерднѣйше вѣрить въ подобныя же наши чувства къ вамъ, и что мы ничего не желаемъ столько, какъ видѣть каждый день усиленіе и увеличеніе ихъ, къ чему мы будемъ съ своей стороны употреблять всѣ средства чрезъ лучшія услуги, которыя мы въ состояніи оказать, какъ мы уже объявили вашимъ сказаннымъ депутатамъ». †

Не смотря на эти оффиціальныя и недавнія изъясненія, Ели-

* Генриха Второго, умершаго десятаго іюля того же года.

** Лобановъ 62, 63.

*** Лобановъ, 63, 64.

† Лобановъ, 63, 64.

савета воспользовалась представившимся ей случаемъ отмстить похитительницѣ ея титла и дать перевѣсъ своимъ политическимъ интересамъ въ Шотландіи. Свободивъ сара Ральфа Садлера деньгами, она отправила его въ Бервикъ, чтобы тайно содѣйствовать нисургентамъ, и когда лорды конгрегации, ободренные несомнѣнною опорой, свергли правительницу, Елисавета перешла отъ скрытнаго виѣшательства къ явному участию. Герцогу норфолькскому повелѣно было заключить въ концѣ января 1569 года, договоръ съ шотландскими вельможами, собравшимися въ Бервикъ. По этому договору, Елисавета принимала подъ свое покровительство королевство шотландское, герцога Шатальро и его приверженцевъ. Она обязывалась помогать имъ войскомъ, пока Французы не будутъ изгнаны изъ страны, и не оставлять лордовъ конфедератовъ до тѣхъ поръ, пока они будутъ признавать Марію королевою и постоянно поддерживать права престола.

Эта статья имѣла цѣлью придать дѣйствіямъ болѣе благовидности и казалось обращала только заключенный между королевою и нисургентами союзъ, противъ свергнутой правительницы и Французовъ, принимавшихъ ея сторону.

Во исполненіе бервикскаго договора, англійская армія подъ предводительствомъ лорда Греема, вторглась 2 апрѣля 1560 года въ Шотландію, и соединилась съ войсками нисургантовъ; это случилось въ то самое время, когда король Францискъ Второй, королева Марія Стюартъ и дяди ихъ герцогъ де Гюизъ и кардиналъ Лотарингскій открыли во Франціи альбузекій заговоръ, и когда затруднительное положеніе внутреннихъ дѣлъ, не позволяло имъ силою прекратить смуты Шотландіи. Они ограничились отправленіемъ Жана де Монмокъ, епископа валеискаго, Николаде-Пельве, епископа ашвейскаго и кавалера де ла Броссъ, поручивъ имъ миролюбиво переговорить съ нисургентами и съ самою королевою англійскою. Въ данной имъ инструкціи, изданной княземъ Лобановымъ, было сказано: «Увѣрьте нашихъ сказанныхъ подданныхъ помянутаго королевства шотландскаго, что хотя они и совершили важный проступокъ, забывъ свой долгъ, не смотря на это, если они сознаются въ винѣ своей и возвратятся къ должному намъ повинновенію, мы простимъ ихъ и забудемъ прошедшее, съ тѣмъ, чтобы они впередъ не помышляли о подобномъ, и что мы ничего такъ не желаемъ, какъ видѣть ихъ покорными, въ спокойствіи, согласіи и тишинѣ».*

* Лобановъ, Т. I, стр. 73 и 74. Порученіе данное Монмоку де-Пельве и де-ла-Броссе въ Ашбуувъ. 1 апрѣля 1560 года.

Въ этомъ заключалась вся помощь, которую оказывали правительнице, не смотря, что дочь ея, тронутая жалкимъ положеніемъ, въ какомъ она находилась, за нѣсколько времени до этого писала ей: «Утѣрю васъ, что король столько заботится о помощи вамъ, что вы будете довольствованы, какъ онъ нѣтъ обѣщалъ, чего я не дамъ забыть ни ему, ни королеви,* которая была такъ милостива, что горько плакала, когда рассказывала ей о вашихъ несчастіяхъ**».

Правительница умерла въ Лейтѣ, гдѣ она была въ безопасности отъ соединенныхъ войскъ лордовъ конгрегаціи и королевы Елизаветы. Начались переговоры, но она не видѣла ихъ окончанія. Она умерла 15 юня, а договоръ между переговорщиками французскими и англійскими, подписанъ въ Эдинбургѣ 6 юня 1560. Договоръ этотъ былъ выгоденъ для одной Елизаветы и инсургентовъ. Въ главныхъ статьяхъ постановлено, что Францискъ и Марія отказываются отъ англійскаго престола, что даруется всепрощеніе за всѣ дѣйствія, совершенныя съ 6 марта 1558 по 1 августа 1560 года; что партіи примиряются; что королевство будетъ управляемо совѣтомъ, составленнымъ изъ двѣнадцати членовъ, изъ которыхъ семь назначены будутъ королевою, а пять государственными чинами, и что на нихъ возлагается распоряженіе дѣлами, въ отсутствіе королевы; что не можетъ быть ни заключенъ миръ, ни объявлена война безъ согласія чиновъ; что на будущее время администрація въ королевствѣ принадлежитъ только Шотландцамъ; что въ Шотландію не могутъ быть введены ни какія иностранныя войска и что вслѣдъ за отплытіемъ французской арміи, англійская армія очиститъ шотландскую территорію.

За этимъ торжествомъ англійской политики надъ французскою, въ Шотландіи вскорѣ послѣдовало еще болѣе рѣшительное торжество партіи протестантской надъ католическою. Въ парламентѣ, собранномъ въ августѣ, по силѣ эдинбургскаго договора, преобладали лорды конгрегаціи. Однимъ изъ первыхъ актовъ этого парламента было признаніе, совершившагося въ умахъ религіознаго переворота.* Получивъ отъ ревностѣйшихъ реформаторовъ настойчивое прошеніе, если не написанное, то по крайней мѣрѣ одобренное Ноксомъ, объ отиѣнѣ правилъ римской церкви, парламентъ поручилъ протестантскому духовенству начертать *исповѣданіе вѣры*. Оно окончило это дѣло въ четыре дня, и парла-

* Королева мать Екатерина Медичи.

** Лобановъ, Т. 1, стр. 71.

ментъ утвердилъ его 17 августа 'почти единогласно; потомъ, слѣдовавшими одинъ за другимъ актами уничтожилъ миссу, вѣру католическую и папскую юрисдикцію въ королевствѣ. Реформаты, которыхъ вѣрованія доходили до фанатизма, сдѣлались, какъ это часто случается, изъ гонимыхъ гонителями. Они опредѣлили жестокія наказанія тѣмъ, которые вздумали бы нарушить установленный ими религіозный законъ. Ученіе Нокса, преобладавшее въ шотландскомъ исповѣданіи *вѣры*, почти во всемъ сходствовало съ ученіемъ Кальвина. Въ этомъ же духѣ была написана книга *о благочиніи*, которая дала шотландской Церкви демократическое устройство, и по утвержденію актомъ тайнаго совѣта 17 января 1561 года, послужила дополненіемъ *исповѣданія вѣры*. Эдинбургскій договоръ и религіозные акты парламента сдѣлали изъ Шотландіи родъ протестантской республики, управляемой вельможами и пресвитерами, подъ протекторствомъ Англіи. Лорды конгрегациі открыто говорили: «что королева Елисавета обезпечила безопасность и свободу Шотландіи, и потому королевство обязано ей болѣе чѣмъ своей государынѣ».*

Вотъ какое положеніе дѣлъ ожидало Марію Стюартъ, если бы ей пришлось возвратиться въ свое королевство. Скоро у нея ничего не осталось, кромѣ этого взволновавшаго государства. Пятаго декабря 1560, на осемнадцатомъ году жизни, она лишилась мужа, Франциска-Второго, и печально сошла съ престола Франціи. Трогательными стихами выразила она грусть объ этой великой потерѣ, которая должна была повлечь за собою столько другихъ несчастій **. Филиппъ-Второй задумалъ играть въ Шот-

* Тайтлеръ, 201.

** *Faut-il un tel malheur
De dure destinée,
Ny si triste douleur,
De dame fortunée.
.....
Qui, en mon doux printems
Et fleur de ma jeunesse,
Toutes les peines sens,
D'une extreme tristesse,
Et en rien n'ay plaisir
Qu'en regret et désir.
.....
Si en quelque séjour,*

ландія ту же роль, какую игралъ некогда во Франціи, соединивъ молодую вдовствующую королеву съ сыномъ своимъ, дошъ-Карлосомъ. Въ первыхъ уже числахъ января, 1561 года, кардиналъ Лотарингскій открыто велъ объ этомъ переговоры съ нсванскимъ посланникомъ Шантоизэ, который о послѣдствіяхъ ихъ донесъ Филиппу-Второму въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Кардиналъ, сожалѣя о несчастіи своей племянницы, и мало надѣясь найти для нея выгодную партію, ясно сказалъ мнѣ, что единственный для нея женихъ — его высочество.» Я отвѣчалъ ему только, что королева такъ мила и прекрасна, что не можетъ не найти мужа достойнаго ея. Съ другой стороны королева мать догадывается объ этомъ предположеніи, которое ей не нравится, потому что она всегда желала выдать за его высочество государыню Маргериту *. Я увѣренъ, что, если бы кардиналъ Лотарингскій могъ начать переговоры о бракѣ государыни Маргериты съ М. де-Вандомомъ (Vendosme) **, то охотно бы началъ, чтобы устранить тѣмъ единственное, по его мнѣнію, препятствіе. ***

Но предположенію этому, безпоконвшему Елисавету и не согласовавшемуся съ политическими видами Екатерины Медичи, вос-

Soit en bois, ou en pré,
Soit sur l'aube du jour,
Ou soit sur la vesprée,
Sans cesse, mon cœur sent
Le regret d'un absent.

(Brautôme, «Vies des dames illustres», discours III.)

* Третью ея дочь.

** Вслѣдствіи Генрихъ-Четвертый, который женился на ней въ 1572 году.

*** «El mismo cardenal, quequando se de la desgracia de sa sobrina, y del poco remedio que tiene de hallar, partido igual, me dixo claramente, que no le avia sino era casandase con su altesso, yo no quise responderle sino que siendo ella tan hermosa y gentil princessa, no podia dexar de hallar marido conuiiente a su grandesa, por otra parte, la reyno madre entiendo este designo y tieneçe los por lo que ha siempre desseado casar a madame Margarita con el principe nuestro senor. Ben creo que siel cardinal de Sorena faessee parte para negociar que madame Margarita se casasse con el dicho de Vendome, lo procuraria por quitarse este estorvo, porque le pareca que no ay otro.» Шантоизэ къ Филиппу-Второму, 28 декабря, 1560. Arch. Sim. A du R, серия В, связка 12, 116.

присутствовали та и другая. Отправляя къ Маріи посланника для извѣщенія ей соболѣзнованія о смерти Франциска-Второго и побужденія къ скорѣйшему подписанію эдинбургскаго договора, отъ чего Марія до-тѣхъ поръ утѣшилась и потомъ продолжала отказываться, Елисавета поручила послу объявить ей, что, въ случаѣ дальнѣйшихъ переговоровъ Гюнзовъ о ея супружествѣ съ принцемъ испанскаго дома, она склонитъ къ противодѣіствію королю Наваррскому и протестантскую партію во Франціи, такъ какъ бракъ этотъ противенъ собственному ихъ возвышенію взаимнѣйшимъ интересамъ христіанскаго міра. *

Съ своей стороны Екатерина Медичи, негодовавшая на дѣтей Маріи, бывшихъ въ такой силѣ въ царствованіе Франциска-Второго, старалась не дать имъ воспользоваться опаснымъ для нея союзомъ съ Филиппомъ-Вторымъ. Она рѣзко объяснилась по этому предмету съ кардиналомъ Лотарингскимъ **, и сдѣлала попытку выдать Марію за шотландскаго принца крови, графа Арранскаго, сына герцога Шатальро ***. Кроме того, она поручила посланнику своему въ Испаніи, епископу лиможскому, и дочери своей Елисаветѣ употребить всѣ средства, чтобы помѣшать браку Маріи съ доузъ-Карлосомъ. Она писала къ первому изъ Фонтенябло, 5 марта 1561 года: «Чтобы уничтожить этотъ замыселъ, я готова тайкомъ прибѣгнуть ко всевозможнымъ способамъ.... Одинъ изъ дадей отправился въ Шампань, и она (Марія Стюартъ) должна была ѣхать черезъ три дня по возвращеніи нашемъ сюда; но этотъ срокъ отдаленъ и она оказываетъ мнѣ столько пол-

* Тайтлеръ, стр. 245.

** «La reyna tiene grandes celos del casamiento del principe d'España con la regna Maria y he sabido que ha passado algunas palabras sobre ello entre elle y el cardenal queixandose la reyna de que todo el mundo hablare en este casamiento, y diziendo que le parecia que salien muy temprano estas bozes.» Тотъ же къ тому же, 12 января, 1561. Тамъ же, документъ 118.

*** «Mons. de Vandome y el condestable juntas con la reyna troteo mucho con el conde de Harau por personas interpositas para que se hares el casamiento del y de la regna Maria.... Tambien piensan por aquella via estar var el casamiento del principe con la viuda de que tienen estrano miedo pensando por la misma via venir al de madama Margarita pero no cae en esto Vandome que piensa tener la cierta para su hijo.» Шастонъ къ королю, 13 января, 1561. Arch. de Sim. A du R, серия B, сессия 12, 123.

служивости какъ никогда. О намѣреніи я не сомнѣваюсь, и по вашему доброму совѣту буду, не говоря о томъ ни слова, поднѣчать, надѣясь, что вы съ своей стороны не упустите ничего^{*}. Далѣе, въ письмѣ отъ 1 апрѣля, она говоритъ: «Изъ собственноручнаго моего письма, которое покажетъ вамъ государыня, дочь моя, вы увидите, что я хочу и желаю, чтобы она и вы всѣми силами старались уничтожить этотъ замыселъ, или отложить его до времени, если нельзя сдѣлать лучшаго. Я скорѣе рѣшусь на все, чѣмъ соглашусь видѣть непріятное для меня, и вредное какъ ей и мнѣ, такъ и этому королевству»^{**}.

Предположеніе тянулось и не осуществилось. Марія Стюартъ, которую Екатерина не любила за ея вліяніе на мужа въ пользу Лотарингскаго дому, и за то еще, что Марія, увлеченная гордостью и минутною вспылчивостью, неосторожно назвала ее однажды «Флорентинскою купчихою», принуждена была оставить дворъ. Пробывъ нѣсколько времени въ Реймсѣ, въ монастырѣ Saint-Pierre les Dames, гдѣ тѣтка ея была игуменьей, она приготовилась къ отъѣзду въ Шотландію^{***}, и просила у Елисаветы паспорта для безопаснаго проѣзда мимо береговъ Англіи. Но въ этомъ паспортѣ было ей отказано †. Это обстоятельство глубоко оскорбилó Марію, и она съ полнымъ достоинствомъ огорченіемъ извѣстила о томъ англійскаго посланника Трокмортона: «Милостивый государь, писала она къ нему, мнѣ крайне прискорбно, что я забылась до того, что просила у королевы, государыни вашей, милости, въ которой не нуждалась» ††. Потомъ, упомянувъ объ обидахъ, нанесенныхъ ей Елисаветою, она прибавила съ благодарствомъ и съ видомъ нѣкоторой угрозы: «Скажите вашей государыни, что государямъ и государствамъ христіанскаго міра покажется страннымъ, что она первая вздумала возбуждать молъ подданныхъ противъ меня, и когда я оговѣла, препятствовать мнѣ къ возвращенію въ Шотландію. Я ничего не желаю кромѣ дружбы ея; не сѣю смуть въ ея владѣніяхъ, не веду тайныхъ сношеній съ ея подданными, хотя и знаю, что въ королев-

* «Négociations relatives au règne de François II». Въ собраніи немзданныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Франціи, стр. 819.

** Тамъ же, стр. 844.²

*** Négociations, и проч., стр. 750—755.

† У Клейта, стр. 171, и у Тайтлера, стр. 269.

†† Клейтъ, стр. 172, и Тайтлеръ, стр. 270.

ствѣ ея есть люди, готовые принять предложеніи, которыя имъ сдѣлають. Не всё одного съ нею мнѣніи въ дѣлахъ вѣры и другихъ. Королева, государыня ваша, говорить, что я молода и неопытна: я до того не молода и опытна, что умѣю вести себя дружно и честно съ своими родными и союзниками. Надѣюсь, что у меня стаетъ благоразумія для того, чтобы не увлечься гнѣвомъ и не дозволить себѣ говорить иначе, какъ прилично королевы и ближайшей моей родственницѣ» *.

На другой день, 21 іюля, при вторичномъ свиданіи Трокмортона передъ отъѣздомъ, она сказала ему слѣдующія прекрасныя слова, запечатлѣнныя мрачнымъ предчувствіемъ, которое должно было сбыться позже: «Надѣюсь, что вѣтеръ мнѣ будетъ благопріятель, и не заставитъ меня пристать къ англійскому берегу; если же пристану, то королева ваша, господинъ посланникъ, будутъ имѣть меня въ своихъ рукахъ и ей можно будетъ сдѣлать со мною, что она захочетъ. Если она такъ безчеловѣчна, что желаетъ моей смерти, пусть такъ, пусть я буду жертвою. Можетъ быть эта участь будетъ для меня лучше жизни. Да будетъ воля Божія» **.

Проведя нѣсколько дней въ Сентъ-Жерменѣ съ королевскою фамиліей, она простилась съ ней и отправилась въ Калаз, въ сопровожденіи герцога де Гюиза, кардинала Лотарингскаго и де-Гюиза, и нѣкоторыхъ придворныхъ особъ. 14 августа она сѣла на корабль, съ дядями, герцогами Омальскимъ и д'Эльбёвъ, мосьё де Дамвилемъ и многими дворянами. Брантомъ, одинъ изъ дворянъ, сопутствовавшихъ ей до Шотландіи, оставилъ трогательный рассказъ объ ея отъѣздѣ. Вотъ нѣкоторыя черты изъ этого рассказа: «Галера вышла изъ гавани, подулъ свѣжій вѣтерокъ, и подняли паруса.... Она, ни о чемъ другомъ не думая, облокотилась обѣими руками на корму галеры со стороны румпеля, и принялась плакать крупными слезами, устремляя прекрасныя глаза къ гавани и мѣсту, откуда плыла, безпрестанно произнося грустныя слова: прости Франція... пока не стемнѣло... Она захотѣла лечь спать, безъ ужина, и не соглашалась сойти въ кормовую комнату: на кораблѣ приготовили ей постель. Она приказала рулевому, чтобы онъ, при разсвѣтѣ, если видѣнъ еще будетъ берегъ Франціи, разбудилъ ее, безъ всякаго опасенія: счастье ей въ этомъ благо-

* Дешеша Трокмортонъ къ королевы, отъ 26 іюля 1561 года; у Клейта стр. 173, и у Тайтлера, стр. 270—272.

** Кейтъ, стр. 176 и Тайтлеръ стр. 273.

пріятствовало, потому что вѣтеръ стихъ, галера шла на веслахъ, и въ продолженіе ночи очень мало отплыла; такъ съ помыслиемъ дядя, появился опять и берегъ Франціи; рулевой не преминулъ исполнить данное ему приказаніе, и она, приподнявшись съ постели, начала смотрѣть на Францію, шока могла видѣть ее... тогда еще разъ повторила эти слова: прости, Франція! прости, Франція! Думаю, что больше не увижу тебя *.

Грусть, которую она чувствовала, оставила по себѣ и въ душѣ другихъ: Ронсаръ съ печальною прелестью выразилъ ее въ слѣдующихъ стихахъ:

Le jour que votre voile aux vents se recourba
Et de nos yeux pleureux les vôtres déroba,
Ce jour-là même voile emporta loin de France
Les muses qui soloient y faire demourance. **

Хотя Марія ожидала попасть въ руки крейсеровъ Елисаветы,

* Брантомъ, *ibid.*

** Но менѣе заслуживаютъ вниманія и слѣдующіи стихи:

Quand cet yvoire blanc qui enfle vostre sein,
Quand vostre langue, gresle ex délicate main,
Quand vostre belle taille et vostre beau corsage
Qui ressemble au portrait d'uneceleste image,
Quand vos sages propos, quand vostre douce voix
Qui pourroit esmouvoir les rochers et les bois,
Las ne sont plus ici, quand tons de beautés rares,
Dont les graces des cieux ne vous furent avares,
Abandonnant la France, ont, d'un autre costé,
L'agreable sujet de nos vers emporté,
Comment pourraient chanter les bouches des poëtes,
Quand par votre départ les muses sont muettes.
Tout ce qui est de beau ne se garde longtemps,
Les roses et les lyz ne régner qu'un printemps.
Ainsi votre beauté seulement apparue
Quinze ans en notre France, est soudain disparue,
Comme on voit d'un éclair s'évanouir le trait,
Et d'elle n'a laissè sinon que le regret.
Sinon le déplaisir qui me remets sans cesse
Au coeur le souvenir d'une telle princesse.

(Ronsard t. VIII. p. 6 et 7).

однако жъ она прибыла въ Шотландію благополучно и, послѣ пятнедневнаго плаванія, вошла въ Лейтенскій портъ. Проживъ въ Шотландіи двѣнадцать лѣтъ, она по своимъ понятіямъ, чувствованіямъ и привычкамъ стала почти чужда странѣ, которою должна была управлять. Она королева, исповѣдовавшая католическую вѣру, нашла Шотландію преданною духу независимости и церкви реформатской.

Мы послѣдуемъ за нею въ Шотландію при помощи изданныхъ объ ней новыхъ документовъ.

ЕЛИСАВЕТА КУЛЬМАНЪ

И ЕЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

==

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

==

Елисавета считала однимъ изъ прекраснѣйшихъ своихъ произведеній: *Природа и искусство или Копайскій Рыбарь* *, и надобно сознаться, что это стихотвореніе содержитъ въ себѣ постепенное возвышеніе мыслей, которое должно поражать каждого читателя. Между тѣмъ, это еще не самое важное въ этомъ сочиненіи. Главнѣйшее заключается въ томъ, что оно содержитъ въ себѣ поэтическое вѣрованіе Елисаветы. «Три вещи, говорила она, характеризуютъ поэта: природное дарованіе, со дня на день увеличивающіяся познанія въ языкѣ и наукахъ, и вѣчное стремленіе какъ проникнуть въ таинства искусства, такъ и удовлетворять его неотступнымъ требованіямъ.... «Всего лучше выражаетъ это мой Копайскій Рыбарь, прибавляла она иногда съ самодовольною улыбкою.... Не довольно читать, по совѣту Горация, цѣлыя сутки, Гомера и Виргилія, Данта, Петрарку, Аріоста и Тасса, этотъ четверолестный трилистникъ Итали, Мильтона и Клопштока; но, когда они сидятъ за холстомъ и живописуютъ, надобно стать позади ихъ на цыпочки, и смотрѣть имъ черезъ плечо, наблюдая за каждымъ махомъ ихъ кисти; пособлять имъ растирать краски, будто бы изъ угожденія, а по-настоящему для того, чтобы узнать количество всѣхъ составовъ красокъ; и такъ должно трудиться вѣкъ свой. Тогда только можно надѣяться, произвести что нибудь такое, что, по примѣру этихъ образцовъ, перейдетъ въ потомство.... Я

* См. *Психическіе опыты* Елисаветы Кульманъ. Второе изданіе. С. Петербургъ, 1830 года. Часть 2-я, стр. 58.

уже такъ знакома съ привычками Гомера, что часто за нѣсколько сотъ стиховъ впередъ угадываю, за чѣмъ онъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ включилъ одно или два словечка, которыя могли бы быть и упущены безъ нарушенія смысла. Гомеръ великій искусникъ въ приготовленіи, и, по мнѣ, приготовленіе есть одна изъ самыхъ необходимыхъ и самыхъ трудныхъ уловокъ искусства. Самохвальство не годится, но я могла бы сказать, что уже перевела эту уловку у Гомера.... У прочихъ же эпическихъ поэтовъ я учусь какъ перенимать у Гомера его искусство, потому что, говоря безъ нарушенія должнаго имъ почтенія, всѣ они вѣдь ученики Гомера.... Но можно многому поучиться и кромѣ школы Гомера: Оссианъ, великій мастеръ въ переходахъ; у него они быстрые, чѣмъ у Гомера. Кажется, я и у него кое-что переняла. Воспользовавшись случаемъ, мы передали здѣсь нѣкоторыя правила искусства Елисаветы, собственными ея словами, изъ чего видно, какую великую пользу принесло ей чтеніе древнихъ и новыхъ классиковъ, и что въ это время она была уже довольно опытна въ искусствѣ.

Приступая къ стихотвореніямъ Коринны, мы, частью, желая прервать однообразіе разсказа, частью, чтобы доставить удовольствіе читателямъ, заставляя говорить саму Елисавету, сдѣлаемъ то же, что сдѣлали прежде при *Вилькѣ*: будемъ приводить лучшее собственныя ея примѣчанія, какія сохранились, предоставляя себѣ право, прибавить иногда и свои.

Вотъ, что она писала по окончаніи *Гелики*.—«Въ Копайскомъ Рыбарѣ господствуетъ движеніе; здѣсь почти все спокойно. Независимо отъ содержанія обонхъ стихотвореній, изъ которыхъ одно содержитъ въ себѣ мои вѣрованія относительно искусства, а другое часть моей морали, они потому соотвѣтствуютъ моимъ желаніямъ, что противоположны другъ другу. Видно, это ужь у меня въ природѣ, дѣйствовать контрастами. Помните, ваши двѣ картинки».

Прервемъ письмо Елисаветы, чтобы объяснить читателямъ, о какихъ картинкахъ она говоритъ. Наставникъ получилъ въ подарокъ отъ одного своего воспитанника двѣ картинки, одну англійскую, а другую нѣмецкую. Гравировка первой была нѣжна; вторая же отличалась резко обозначенными свѣтомъ и тѣнями. Наставникъ, любя дѣлиться всѣмъ съ другими, повесилъ показать картинки своей ученицѣ, и принудилъ ее выбрать одну изъ нихъ для себя.—«Англійская картинка красивѣе, сказала она, но нѣмецкая нравится мнѣ еще болѣе по своему контрасту», и взяла нѣмецкую. Теперь будемъ продолжать прерванное письмо.

«Это зрѣлище потопленнаго города, развалины котораго доселѣ видны въ прозрачныхъ водахъ, поразило меня еще при первомъ моемъ чтеніи Анахарсиса, и уже тогда я назначила его предметомъ для будущаго сочиненія. Вы знаете также мою салонность, доказывать, гдѣ только можно, что всякое добро дѣло само себѣ

пограждаетъ, также какъ злое само себя наказываетъ. Если бы дитяи Геллики во небреженію не запустили Нентунова храма, который служилъ имъ тоже оплотомъ противъ ярости моря, то городъ нкъ никогда не навлекъ бы на себя печальнаго жребія, и не былъ поглощенъ волнами».

Происхожденіе овиръли. «Вотъ еще полуморская, полурѣчная картина. Это не удивительно съ-тѣхъ-поръ, какъ я читаю почти все морскія путешествія. Вы видите также, какое я дѣлаю употребленіе изъ нашей карты Беотіи. Я всегда какъ можно болѣе стараюсь опредѣлять въ моихъ стихотвореніяхъ мѣсто дѣйствія, и думаю, что это придаетъ имъ болѣе вѣроятія, болѣе заманчивости. Со временемъ, если Богъ дастъ, въ Беотіи не останется уголка, котораго я не означила бы въ сочиненіяхъ Коринны. Я прирѣчу каждую гору, каждую рѣку, каждый храмъ, даже каждую развалину. Мысль же этого сочиненія внушила мнѣ одно замѣчаніе во французскомъ переводѣ Пиндара, гдѣ говорится, что на празднествахъ Грацій священное пѣніе сопровождалось, вмѣсто лиры, смѣрлью».

Дельфиніонъ. Вотъ, скажете вы, порядочный скачекъ, отъ устья Меласа до лежащаго у моря Дельфиніона!» Это такая же случайность, какъ и происхожденіе этого стихотворенія. Въ моихъ путешествіяхъ я читала описаніе дельфиновъ. Дельфинъ, сказано тамъ, не имѣетъ вовсе ничего общаго ни съ тѣмъ, что рассказываютъ про него древніе, ни съ варужностью, которую дало ему искусство. Немножко досадуя, что должна буду отказаться отъ мысли, которую до-тѣхъ-поръ о немъ имѣла, я поспѣшила воздвигнуть ему еще небольшой памятникъ, прежде нежели поэтическое его существованіе исчезнетъ у меня изъ памяти. Моя услужливая карта тотчасъ пособила мнѣ, указавъ на границѣ Беотіи и близъ моря мѣстечко этого имени; тутъ родилась у меня множество другихъ пріятныхъ мыслей, между прочимъ, одно воспоминаніе вашего дѣтства, какъ будучи въ Люцвиль вы однажды купались съ вашими школьными товарищами въ протекающей тамъ Мэртъ, и по неумѣнію плавать, ухватились, подобно многимъ другимъ, за нукъ тростнику, едва не сдѣлавшись жертвою вашей смѣлости. Вы видите, у меня ничего не пропадетъ: въ кладовой моей памяти накоплено множество сокровищъ, которыя при случаѣ стоитъ мнѣ только достать, чтобы обогатить ими мои вымыслы. А что вы скажете о моемъ нентуновомъ дворцѣ?»

Еарваскій пастухъ. «Находясь такъ близко отъ лежащей на-супротивъ Эвбеи, было съ моей стороны несправедливо, не переѣхать туда на рыбацкой лодкѣ и не ознаменоватъ моего пребыванія на островѣ небольшимъ стихотвореніемъ для грядущихъ временъ. Я воспользовалась находившимися тутъ кстаті развалинами бывшаго города, котораго названіе позабыто, и сдѣлала изъ всего идиллію. Вы найдете здѣсь также мысль,

которою я не мало горжусь. А именно, я полагаю, что человек подражалъ природѣ въ построеніи своихъ жилищъ; можетъ-быть, пещера подала ему мысль о домѣ, или храмѣ; а дерево, или толстый тростникъ, о колоннѣ. Кромѣ того, вы увидите, что въ сочиненіяхъ моихъ всегда заключается сколько нибудь и нравственія: такъ предъидущее учить осторожности и благодарности, а настоящее благочестію и умѣренности*.

Островъ Чолна. «Вы воскликнете: Еще морское стихотвореніе!— О, пощадите это любимое дитя моего воображенія! Выслушайте напередъ, какъ оно произошло. Оно обязано существованіемъ своимъ чтенію Бельцони. Но не надобно идти далеко, чтобы отыскать мѣсто, которое подало поводъ его происхожденію. Оно находится въ самомъ предисловіи. Бельцони, во время плаванія своего по Инду, упоминаетъ объ одномъ мѣстѣ этой рѣки, гдѣ не задолго передъ тѣмъ, по сказанію кормчаго судна, погибла египетская джерма*, на обломкахъ которой, какъ они свидѣлствуютъ, образовался островокъ. Я еще не дочитала до конца рѣчи кормчаго, а уже задумала это мое стихотвореніе. Надобно, сказала я про себя, перенести дѣйствіе въ Беотію, къ Копайскому озеру, или по моему къ Віотійскому морю. Передо мною лежала карта; я разсматривала ее съ величайшимъ вниманіемъ, но не находила нигдѣ острова въ устьѣ копайскихъ или прочихъ водъ. У меня привычка въ такихъ случаяхъ, всегда держать въ рукахъ карандашъ; онъ былъ къ несчастію, изломанъ, а починить его было не тѣмъ, потому-что братъ мой, уходя изъ дому, взялъ съ собою мой перочинный ножикъ. Нечего дѣлать, я взяла перо. Смотрю на Кефизъ, впадающій въ копайское озеро; мнѣ никакъ не хотѣлось оставить этого озера, гдѣ я помѣстила уже моего *Рыбаря*. Для поэтическихъ сценъ оно очень просторно; сколько хочешь разместить ихъ по берегамъ. Погруженная въ мысли, я обмакнула перо въ чернила, которыя у насъ довольно жидки, потому-что ихъ басто надобно дополнять водою. Я все таки брожу на копайскихъ берегахъ. Все хочется мнѣ, какъ-нибудь, поселить вблизи ихъ новаго пришельца, дитя моего воображенія. Вдругъ падаетъ съ пера моего на карту большая капля чернила. Я вздрогнула, мнѣ стало очень жаль карты: другой не на что было бы купить.... Но, я неожиданно нашла то, чего мнѣ хотѣлось. Капля чернилъ упала почти въ самомъ устьѣ Кефиза. «О чемъ же тутъ думать еще?» сказала я самой себѣ: «вотъ островъ! Создадимъ его здѣсь». Лишь только эта мысль утвердилась въ моемъ умѣ, я увидѣла на лѣвомъ берегу озера и развалины, которыхъ прежде не замѣчала. За тѣмъ явилась и другія части моего сочиненія, и планъ его въ нѣсколько минутъ былъ совершенно готовъ».

Коринна. «Исторія говоритъ, что Мирто преподавала Пиндару и Кориннѣ поэзію, но не означаетъ лѣтъ ни Мирто, ни Коринны;

* Названіе большихъ барокъ.

въ показаніяхъ же лѣтъ Пиндара есть разница, состоящая изъ цѣлыхъ двадцати годовъ, такъ какъ одни даютъ ему шестьдесятъ, другіе семьдесятъ, а третіе даже осемьдесятъ лѣтъ. Такимъ-образомъ я, кажется, свободна въ расположеніи моего плана. Я полагаю, что въ то время, когда Коринна выступила въ первый разъ на поприще, Мирто было шестьдесятъ, а Пиндару пятьдесятъ-четыре года. Шестидесятилѣтняя Мирто могла за тридцатисемь лѣтъ назадъ давать уроки семнадцатилѣтнему Пиндару, и на пятьдесятъ-пятомъ году могла также учить десятилѣтнюю Коринну стихотворству и игрѣ на лирѣ. Когда Коринна, будучи пятнадцати лѣтъ, въ первый разъ явилась въ Дельфахъ, Пиндаръ уже съ осемь лѣтъ до того оставилъ свое поприще, и тогда во второй разъ, дельфійскія игры праздновались безъ него. Это относительно хронологіи. Такъ какъ я недавно читала небольшое сочиненіе о значеніи слова *прибавленіе* * въ изящныхъ искусствахъ, то здѣсь въ первый разъ попыталась воспользоваться читательнымъ. Я, какъ всѣмъ моимъ первымъ опытамъ, очень довольна и моимъ прибавленіемъ, освѣщеніемъ Гомерова бюста послѣдними лучами заходящаго солнца. Не знаю, будете ли вы также судить, какъ я. Но что мнѣ болѣе всего правится въ моемъ трудѣ, это, вачиная отъ прибытія Пиндара, до конца, в туть я предчувствую, что вы согласитесь съ мною».

Письмъ Лодочника. Это одно изъ небольшихъ стихотвореній, которыми Елисавета Кульмапъ чрезвычайно была довольна. Первую мысль къ этому сочиненію подалъ ей снимокъ съ древняго рѣзнаго камня, который опа, если не ошибаемся, видѣла въ Маттисоновои лирической автологіи, и который представлялъ Амура, плывущаго по морю въ раковинѣ. Мы догадываемся, почему это сочиненіе такъ ей нравилось. Оно содержитъ въ себѣ много противоположностей, которыя, сказать по правдѣ, не лишены эскта. Елисавета любила контрасты; они составляли одну изъ стпій ея творческаго духа.

Послѣдняя пснь Гомера. «Вы помните подробное описаніе, сдѣланное господиномъ Скотти о представленіяхъ, которыя извѣстное время давались при дворѣ въ зимніе вечера, подъ названіемъ *говорящихъ картинъ и романсовъ въ дѣйствіи*. Теперь я читаю въ Гомерѣ о пребываніи Улиса у Феакіянъ, и именно то мѣсто, гдѣ поетъ Демодокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ происходятъ паптомныя пляски. Эти воспоминація и это чтеніе возбудили во мнѣ желаніе сочинить что-нибудь подобное. Съ давняго-времени не выходила у меня изъ головы та скала на островѣ Хиосѣ, которая называется *Гомеровою школою*, и давно я говорила самой себѣ: «Надобно воспѣть Гомерову школу!» Но должно, чтобы все, что касается моего родителя по поэзи (названіе, очень пристрастное съ вашей стороны, но сладостное для моего уха) всег-

* Beiwerk.

да дѣлалось въ свѣтѣ достоинствъ этого имени. Вы сами признѣтѣ, безъ моего указанія, что дѣ всѣми силами старалась удовлетворить этому требованію. Половину одного изъ моихъ любимыхъ контрастовъ, который я нахожу здѣсь очень у мѣста, я потеряла изъ путешествій Маріера. Почти увѣрена, что вы похвалите меня за то, какъ я представила Амура въ концѣ сценарія».

Коробликъ. Слуста долгое время послѣ смерти Елисаветы Кульманъ, попался намъ въ руки французскій переводъ Теоокрита, въ введеніи котораго упоминаютъ объ одномъ сицилійскомъ стихотворцѣ, и, для образчина его дарованія, приводятъ небольшое стихотвореніе, имѣющее разительное сходство съ настоящей пьесой Елисаветы Кульманъ. Если бы мы не были увѣрены, что она не знала объ этомъ переводѣ Теоокрита, а еще менѣе о сужденіяхъ сицилійскаго поэта, подумали бы, что ея сочиненіе—подражаніе. Она же сказывала намъ, что мысль кораблика внушила ей великолѣпный корабль Клеопатры. Стало-быть случается иногда, что одна и та же мысль возникаетъ въ однихъ-жъ видѣ въ головѣ людей, обитающихъ на совершенно противоположныхъ концахъ свѣта.

Праздникъ Гезіода. «Могу вамъ признаться, что я невольно горжусь этимъ сочиненіемъ, и предвижу, что оно и другимъ понравится. На этотъ разъ не могу сказать о немъ того же, что сказала про одно изъ прежнихъ моихъ стихотвореній, будто имѣешь шестизыбие, какъ оно родилось. Напротивъ я знаю съ точностью происхожденіе каждой мысли этого стихотворенія. Почти все однимъ изъ самыхъ удачныхъ; по крайней мѣрѣ, оно лучше всѣхъ обработано. Я еще не довольно начитана, чтобы утверждать это безусловно, но точно чувствую, что въ немъ есть черта, которая до-сихъ-поръ единственна въ своемъ родѣ. Мое сочиненіе должно содержать въ себѣ, по имени своему, по характеру и изложенію, необыкновенную похвалу Гезіоду; а я, я осмѣлилась опервергнуть ту самую черту (его побѣду надъ Гомеромъ), по причинѣ которой большая часть читателей считаетъ его какинготе полюбому. Не смотря на то, я выставила Гезіода и великое его дарованіе въ такомъ свѣтѣ, что если бы онъ былъ живъ и встрѣтился со мною, то не только не осердился бы на меня, но еще похвалилъ бы. Признаюсь вамъ, что я страшилась за свиданіе Гезіода съ музами; не смотря на то, кажется, что я съ честью вышла изъ затрудненія. Какъ вамъ нравится лѣсной храмъ, который мой Гезіодъ соорудилъ музамъ?»

Мать въ Темпейской долинь. «Посылаю вамъ плодъ отчасти удовольствія, которое причинилъ мнѣ ландшафтъ съ подписью, *En vallée de Tempe*, отчасти нѣкоторыхъ прикоробныхъ мыслей, нѣсколько родившихся посреди этого веселаго расположенія дуа, вѣроятно, въ слѣдствіе маленькаго нездоровья, которое не знаю отчего постигло меня».

Собо. Наставникъ Елисаветы читалъ однажды въ обществѣ знакомыхъ Ламартиноу Сафо, и не сомнамался съ мнѣніемъ другихъ, которые превозносили до небесъ эту древнюю балладу, какъ называетъ ее авторъ. Когда спросенъ, почему чтешь не соединяется съ этимъ мнѣніемъ, онъ отвѣчалъ, что находить въ ней балладъ недостатокъ молдыны въ изложеніи, географическія нецѣлостн, и заимствованныя изъ италійскаго стиха, и, какъ порядко случается въ жаркіи споры, наставникъ отважился даже утверждать, будто одна изъ его ученицъ въ состояніи обработать этотъ предметъ гораздо удовлетворительнѣе. Всѣ молчали, рожь онъ говоритъ, но не смотря на то помогали, что молодая дѣвушка, при всемъ своемъ необыкновенномъ дарованіи, все таки не въ силахъ состязаться съ такимъ поэтомъ, какъ Ламартинъ. Сдѣвъ наставникъ примѣтилъ, что онъ слышкомъ сѣбѣ поручился за Елисавету; но чтобы съ одной стороны не брать слова своею обратно, съ другой же, не причинить Елисаветѣ слышкомъ тяжелаго труда, онъ послѣ нѣсколькихъ некуеныхъ оборотовъ объявилъ, яго по крайней мѣрѣ ученица его можетъ сдѣлать болѣе оригинальное сочиненіе, нежели Ламартинъ. Но этому еще меньше хотѣли вѣрить. Однако наставникъ такъ хорошо зналъ всю ширю способностей своей ученицы, что не отступилъ ужъ ни на шагъ и повторилъ свои слова: «Трудъ ея будетъ оригинальнѣе Ламартинова; если она выиграетъ, то каждый изъ насъ платитъ ей десятокъ авельяновъ; если же проиграетъ, вы получите отъ насъ каждый по стоцѣку же. Я прошу только мѣсяць сроку». Назовьте хоть два, три мѣсяца, возражали единодушно противники; и мы объявляемъ заранѣе, что мы и тогда съ удовольствіемъ заманимъ нашу дань ученицъ вашей, когда она сдѣлаетъ только половину того, что общаетъ черезчуръ пристрастнѣи наставникъ ея.

Хотя Елисавета Кульманъ была уже увѣрена въ своихъ силахъ, однако предложеніе наставника заставило ее призадуматься. Она имѣла высокое мнѣніе о Ламартинѣ, не читала его Сафо, не хотѣла, чтобы наставникъ потерялъ закладъ, и не видѣла никакой возможности исполнить обѣщанное. За всемъ тѣмъ ученица обладала не только необыкновенными способностями, но и необыкновенною, можно сказать, желѣзною волею. Когда наконецъ наставникъ сообщилъ ей и тѣ уступки, которыя знакомые его сдѣлали сами отъ себя, требуя только оригинальности, и сверхъ-того и срокъ былъ довольно отдаленный, она отвѣчала: «Когда-бы хоть въ этотъ разъ воображеніе мое было соразмѣрно съ моимъ желаніемъ содѣйствовать вашей побѣдѣ! Прошли двѣ недѣли, а Елисавета не написала еще ни строчки. Но послушаемъ ее самую.

«Вотъ вамъ отчетъ о томъ, какъ я рѣшила задачу. Сафо, недобро рокъ, сто разъ была воспѣваема. Я сама читала девять сочиненій подъ этимъ названіемъ, безъ Ламартинова. Отъ того я сама отъ себя вѣроятно никогда не избрала-бы этого предмета, пото-

му что чуть нечаянно столкнемся въ чемъ либо съ своими предшественниками, какъ тотчасъ прослышешь подражателемъ, и никто не побеспокоится изслѣдовать, были-ли извѣстны творения предшественниковъ современному писателю? Познакомившись съ этими девятью, а теперь и десятью сочиненіями о Сафо, я выиграла то, что знаю, чего я не должна дѣлать, то есть мнѣ надобно идти совсѣмъ другимъ путемъ. Между-тѣмъ, это не бездѣлица, послѣ десяти къ одной и той-же цѣли ведущихъ путей, отыскать еще одиннадцатый. День за день уходилъ, а я еще не придумала ничего новаго». Куда не запрятывается честность, воскликнулъ Французъ, давшій ошибкою бѣдному мальчику, вмѣсто маленькой серебряной монеты, лундоръ, который тотъ немедленно возвратилъ ему, сказавъ: «Вы сударь, ошиблись; вмѣсто серебра дали мнѣ золото!» И я могу теперь сказать: Гдѣ нюгда не отыщешь того, чего по цѣлымъ днямъ ищешь по напрасну! «Что мы будемъ обѣдать сегодня?» спросила меня маменька по утру. — Хотите, маменька, я спекѣ блины: у насъ есть мука и масло, и два яйца, которыя намъ вчера принесли. — Покуда я пекла блины, я нашла то, что напрасно силалась въ продолженіе двухъ недѣль отыскать. Правда, что при этомъ у меня чуть было не пропалъ блинъ, но я успѣла спасти его заблаговременно. Къ этой находкѣ, можетъ-быть, не мало способствовало и то, что я наканунѣ читала въ *Krasotaxъ Italіи** примѣчаніе, гдѣ явленіе *Fata Morgana* описано съ гораздо большею подробностью, нежели гдѣ либо, и съ присо-вокупленіемъ вѣроятной причины этого явленія. Но не менѣе того и то правда, что при прочтеніи этого примѣчанія мнѣ вовсе не приходило въ голову воспользоваться имъ для исполненія моего намѣренія. Словомъ, я вдругъ увидала, что мнѣ слѣдуетъ, какъ говорится, начать дѣло съ хвоста, о чемъ, къ счастью моему, никто не думалъ изъ моихъ предшественниковъ. Изъ этого вышло, что все мое сочиненіе отъ начала до конца разсчитано на одно заключеніе. А какъ всѣ искусники должны, подобно фокусникамъ, скрывать отъ зрителей, какимъ образомъ они выдѣлываютъ свои штуки, то я въ нѣкихъ мѣстахъ начинаю выпрепную рѣчь, чтобы читатель, обративъ на нее вниманіе, нѣкоторымъ образомъ отвлекся отъ главнаго предмета: потому-что въ эти-то промежутки фокусникъ и обманываетъ публику и достигаетъ своей цѣли. Кромѣ того я выгребла всю свою ученость, приводя событія, о которыхъ не упоминалъ ни одинъ изъ моихъ предшественниковъ. Вы видите, что я со вниманіемъ прочла моего Анахарсиса. Если мои судьи требуютъ отъ меня того, что находится во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ сочиненіяхъ о Сафо, болѣе или менѣе, а именно выраженія всѣхъ степеней страстной любви, тогда я потеряла закладъ; въ этомъ отношеніи всѣ мои предшественники сдѣлали бо-

* Beautés de l'Italie, par Nogent.

лве моего; но если они будутъ довольны новыиъ взглядомъ на предметъ, что, по моему мнѣнiю, составляетъ одну возможную въ такихъ случаяхъ оригинальность, тогда я достигла своей цѣли, — не смотря на мое глубокое и неизмѣнное почтенiе къ таланту Ламартина».

Къ великому удовольствию наставника, каждый судья прислалъ его гениальной ученицѣ, сверхъ назначеннаго числа апельсиновъ, еще по другойму подарку.

Пермесскiй Соловей. Это стихотворенiе написано Елисаветою въ часть унынiя, причиненнаго нездоровьемъ. Впрочемъ, она и здѣсь слѣдуетъ своей привычкѣ, опредѣлять мѣстность въ своихъ стихотворенiяхъ. Возьмите въ руки карту, и вы увидите, что пермесская горная цѣпь возвышается по близости Фивъ, и на одномъ склонѣ горы есть развалины.

Праздникъ Пиндира. «Сколько Сафо стоила мнѣ труда, столько праздникъ Пиндара былъ для меня легокъ! Здѣсь мысли точно сами собою слѣдовали другъ за другомъ, и только одно предстоило затрудненiе, сдѣлать изъ нихъ строгiй выборъ, потому что, употребивъ всѣ, я сдѣлала бы свои стихи втрое длиннѣе, нежели они теперь. Воспѣвъ память Гезиода въ простомъ сельскомъ праздникѣ, я захотѣла прославить память Пиндара со всею пышностью городского празднества. Я въ особенноти довольна моею подвижною розовою рощею и мыслью, заставить Коринну шествовать одну, подобно царицѣ. Надобно вамъ сказать, что я не отъ забывчивости, а съ намѣренiемъ представляю Коринну сперва гражданкою Танагры, а потомъ гражданкою столицы Фивъ; я хотѣла такимъ образомъ согласить различныя мнѣнiя толкователей Пиндара. Я также не вижу причины, почему Коринда не могла родиться въ Танагрѣ, а за отличiе своего поэтическаго дарованiя получить право гражданства въ Фивахъ? Надѣюсь, что мои читатели не пощеляютъ за перенесенiе священнаго огня изъ Дельфовъ въ Фивы, такъ какъ это подаетъ поводъ къ сильной рѣчи Аполлона и ведетъ къ апофеозу Пиндара, содержащейся въ собственномъ изрѣченiи бога поэзии. По мнѣ, съ удачнѣйшимъ стихамъ этого сочиненiя принадлежатъ слѣдующiе:

Скажи, что ощущалъ ты,
Когда, предъ всей Гелладой,
Главою жрецовъ отъ Феа
Ты призванъ былъ къ трапезѣ
Безсмертнаго — сынъ смертный? *

«Но я чуть не позабыла упомянуть о моемъ сравненiи Азона съ Пиндаромъ, не бѣдномъ ни словами, ни содержанiемъ, такъ что, сказать вамъ на ухо, самъ Державинъ, можетъ быть, не препобрегъ бы мнѣ на моемъ мѣстѣ. Впрочемъ, я обязана была ввести

* См. *Питтигескiе опыты Елисаветы Кульманъ*. Второе изданiе, С. Петербургъ, 1839 года. Часть вторая, стр. 93.

Азона достойнымъ образомъ, послѣ того, что я такъ много напередъ, и вѣроятно еще буду говорить, о Кескѣ, хотя все достоинство этой рѣки то, что она впадаетъ въ Колламетъ. Вы не будете осуждать Коринну за употребленіе, какое она сдѣлала изъ названнаго ей вѣнка? Въ крайнемъ случаѣ извинить ее то, что она хотѣла выразить Пиндару свою благодарность, за обращеніе его съ нею, когда она въ первый разъ выступила въ Демфакъ».

Дитя и Листъ. «Вамъ извѣстно, что когда я между двумя длинными стихотвореніями включаю одно небольшое, то замѣренье мое, или дать отдыхъ читателю, или чрезъ краткое чудство приготовить его къ впечатлѣнію, которое я хочу произвести слѣдующимъ сочиненіемъ; однако на этотъ разъ мнѣ нужно было болѣе, нежели простое приготовительное впечатлѣніе. Вы знаете, какъ важно въ моей пяткѣ всякое приготовленіе вообще, а именно приготовленіе къ главному эффекту. Для этого довольно иногда предварительно набросать въ сочиненіи отдѣльныя слова или мысли; но бывають случаи, гдѣ подобное приготовленіе требуетъ введенія цѣлаго дѣйствія, и тогда это не бездѣлица. Тутъ, или нечаянно проговорившись, или включенное дѣйствіе нарушаетъ соразмѣрность существенныхъ и необходимыхъ частей сочиненія. Я находилась въ этомъ положеніи при сочиненіи моего *Геройскаго памлеттика*. Въ твореніяхъ древнихъ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда привидѣній. Я ужъ видно такъ рождена, чтобы всегда хотѣть сдѣлать то, чего еще никто не пытался сдѣлать. Обработывая этотъ любозытный для меня предметъ (моя собственная чистая выдумка), я задумала представить привидѣніе, или, лучше сказать, сдѣлать первый опытъ введенія духовъ въ область *классической поэзіи*. Однако, по мнѣнію моему, привидѣнія эти должны существовать развитыя отъ нашихъ сказокъ о духахъ. Вселенность составляетъ характеристическую черту поэзіи древнихъ; въ особенности греческая поэзія унодобляется южному небу, которое или совершенно ясно, или слегка модернуто тонкими облаками. Въ такомъ родѣ хотѣла я сдѣлать и свое привидѣніе. Чтобы не включать приготовленія къ нему въ самое сочиненіе, я нашла, что удобнѣе будетъ назначить для него особое введеніе. Въ *моей* естественной исторіи фѣникоптеръ принадлежить къ породѣ лебедей, отличаясь отъ нихъ только прекраснымъ алымъ цвѣтомъ шеи и крыльевъ. Если эта птица подлинно водится на берегахъ нѣкоторыхъ греческихъ рѣкъ, то почему не быть ей также на берегахъ Азона? Теперь, если увидѣть издали раненаго лебеда, съ окровавленною шею и перьями, роста болѣе обыкновеннаго, не правда ли, что его можно принять за фѣникоптера? И наоборотъ, почему нельзя мнѣ также принять раненаго лебеда (разумѣется издали) за фѣникоптера? Вотъ вамъ и ключъ къ моему сочиненію: *Дитя и Листъ*. Собственно дитя и антъ встрѣчаются тутъ не для чего другаго, какъ

для «Виннопитера, и для того, чтобы приготовить и одѣлать вѣроятнымъ явленіе Андрократа у его намятника въ видѣ равсанаго *дебада*».

Гривидскій намятникъ. «Едва ли найдъ какимъ стихотвореніемъ трудилась я съ большимъ усердіемъ, какъ найдъ отнимъ. Причина тому: я воображала себе въ Андрократѣ моего отца; по крайней мѣрѣ, судя по тому, что я слышала про него отъ вѣстныхъ и законныхъ, онъ обнаружилъ бы такой же образъ мысленной, какъ Андрократъ, если бы онъ находился въ одинаковыхъ обстоятельствахъ. Я лишилась его слыхномъ рано, и помню только, что онъ былъ нѣжливѣйшій и добрѣйшій отецъ. Характеръ Астора я списала съ известнаго Али-Паши-Янническаго. Многіе показываютъ неудовольствіе, когда я отзываюсь невыгодно объ этомъ очень известномъ мужѣ; но я не могу любить человека, который съ остолпѣніемъ пожертвовать всемъ для своего честолюбія. Однако я всегда отдаю справедливость великимъ предпріятіямъ даже такого человека, если они дѣйствительно полезны, какъ увидите вы эту описанію широкой и удобной дороги черезъ негостеприимную гору Кисеронъ, гдѣ прелазяущій дорогу долженъ былъ бороться съ безчисленными затрудненіями. Эти стихи моя сокращенная *Иліада*. Тамъ вы найдете въ уменьшенномъ видѣ все, что есть въ Гомерѣ: народное сборище, враздѣльное шествіе, оракула, посольство, требованіе сдачи, вызовъ на единоборство, принятіе оного, предзнаменованія, измѣреніе поля сраженія, выдача жеребья, сраженіе, исполненіе оракула. Въ заключеніе великолѣпное торжество и записанъ приготовленное явленіе тѣни Андрократа».

Привидніе. Известно, какъ водится въ человѣческой жизни. Чуть намъ что нибудь удалось, какъ мы тотчасъ затѣваемъ другое, еще болѣе смѣлое. Сочинительница, гордясь похвалою своего наставника, объявилъ безъ обиняковъ, съ самаго заглавія, о привидніи. Правда, что, перенося насъ въ вступленія въ толпу веселыхъ и пляшущихъ дѣвушекъ, она старается вызолотить и подсластить этотъ классическій расколъ, какъ врачъ свои плачущіе, а мы вѣрно проглотимъ ихъ, не пикнувъ ни слова.

Праздникъ доброй царицы. «Какими бы прекрасными стихами увѣнчать стихотворенія Коринны? сказала я самой себѣ. Во всякомъ случаѣ заглавіе его будетъ: *Праздникъ доброй царицы*. Я почти рассказывалась, что уже прежде сдѣлала два описанія сраженій: сельскаго и городского, потому что они отнимали у меня возможность одѣлать третье. Но иногда, чѣмъ болѣе раздумъ прижать въ тиски, тѣмъ болѣе онъ наврывается сами, чтобы вырваться изъ нихъ съ честью. Цѣлаясь на свое счастье, я сказала себѣ: Праздники Гезіода и Пандара уже существуютъ, я сама отецъ довольна, и вовсе не намѣрена приносить ихъ въ жертву третьему празднику... Что, если бы описать сельскогородской, или городкосельскій праздникъ?... Въ-самомъ-дѣлѣ не дурно, осо-

Оснво по контрасту.... Рѣшено: написать сельскогородской праздни-
къ!

«Къ отважнымъ счастье благосклонно! говоритъ добрый Вар-
вѣлій, и онъ правъ. Не задолго передъ тѣмъ вы мнѣ прислали
Дюшшигово описаніе Греціи, но я еще не успѣла прочесть его. Я
увидѣла объ книжечки». Кстати, мои милыя; у васъ должно быть
нѣтъ чего сдѣлать съ полдюжины праздниковъ*. Къ ночи я уже
нашла, что мнѣ нужно было для сельской части моего праздника.
Въ описаніи острова Крита, Дюшшигъ приводитъ одно мѣсто изъ
Саваря, гдѣ этотъ упоминаетъ о рошѣ, въ которой растетъ
виноградъ всѣхъ цвѣтовъ, а именно онъ говоритъ о желтомъ, ге-
лубомъ, розовомъ, зеленомъ, фіалковомъ и красномъ. Тутъ всеоп-
дѣла я сельское мѣстопребываніе *Аюдмиллы**, и лѣсной дворецъ
Елисы представился глазамъ моимъ во всемъ своемъ великолѣ-
піи. «Больше мнѣ не надобно», сказала я, и закрыла книгу; «ве-
добнаго дворца не пзобрѣталъ и не описывалъ еще ни одинъ
поэтъ. То-то удивятся мои читатели, когда они ступятъ въ мой
золотой и въ вѣрочіе чертоги!». — Я помолилась Богу и легла
спать. И что жъ! Какъ я ожидала, мнѣ приснился весь дворецъ.
Но теперь въ какомъ мѣстѣ на нашей картѣ Віотинъ быть нашему
празднику? — Это мы сейчасъ увидимъ. — Карту! говоривалъ
Наполеонъ, когда онъ замышлялъ что-нибудь великое. — Не лю-
ба его, все-таки можно подражать ему. Ума у него бьмо доволь-
но, но жаль, что сердце онъ имѣлъ холодное! По примѣру На-
полеона беремъ карту, ищемъ, ищемъ, но не находимъ приличнаго
мѣстечка для нашего праздника. — Ба! да вотъ здѣсь у моря
что-то пусто.... Что намъ мѣшаетъ назвать эту долину безъимен-
ную, но такъ прекрасно разстилающуюся у подошвы горы Месса-
пы, долиною доброй царицы? А если это ея долина, то разумѣет-
ся здѣсь же долженъ быть и праздникъ ея. Главная трудность
преодолѣна; у насъ есть основаніе, можно приняться за построй-
ку. — А, здорово, милый Копансъ, и ты здѣсь! Прекрасно! Мы
тебя не забудемъ.... Сколько городовъ на твоихъ берегахъ, о кото-
рыхъ мы не сказали еще ни слова, а это уже послѣднее наше со-
чиненіе. Это несправедливо. Воды твои омывають стѣны мно-
жества городовъ, упоминаемыхъ отцемъ Гомеромъ, а мы (повто-
ряю вамъ на ухо то, что вы однажды сказали мнѣ на вѣсьмъ: а
мы, его дочь!!!), чтобы мы ихъ не примѣтили, не упомянули о
нихъ въ твореніяхъ Коринны? О нѣтъ! Вотъ былъ бы неспре-
стительный поэтический грѣхъ, которымъ мы не хотимъ обременя-
вать нашу совѣсть.... Милый Копансъ! я помѣшу тебя цѣлкомъ въ
мое стихотвореніе.... Да, да! какъ упустить этотъ Катабаэронъ*.
Какая картина! какое райское зрѣлище!... Пускай наша царица
прокатится по водѣ! Я еще не описывала такого рода прогулки,

* Одна изъ ея сказокъ, написанная по-русски.

* Бездонная пропасть, въ которую вливается и гдѣ теряется Копайское озеро.

по-крайней-мѣрѣ не тихую; въ *Пьски Модочника* катанье было слишкомъ бурное. Именно такъ, мнѣ нужна прогулка по водѣ. Это стихотвореніе должно быть богатѣйшее, прекраснѣйшее изъ всѣхъ произведеній Коривны. Помышляя туда все озеро, я не истошусь въ предметахъ, и могу описывать сколько хочу картинъ и дѣйствій на сушѣ и на морѣ! Да здравствуетъ изобрѣтательность! Озеро будетъ моимъ входомъ. Вотъ чудныя сѣни!... Но не слишкомъ ли онѣ великолѣпны? Внутренность дворца будетъ ли имъ соответствовать? — Вздоръ! Когда воображеніе разгорячено, оно найдетъ все, что ему нужно, и чего оно хочетъ... Ну, вотъ! Не моя ли правда? Царица прогуливается по озеру отъ начала до конца, и достигаетъ того мѣста, гдѣ озеро теряется... Что значатъ эти три ряда точекъ отъ озера до моря? Это не что иное, какъ три ручья, рѣчки или рѣки. — Прекрасно: по одной изъ этихъ рѣчекъ царица ѣдетъ къ морю. А что ей тамъ дѣлать? — Да развѣ вы позабыли отливъ и приливъ, который случается въ Европѣ? Это стоитъ осмотрѣть? Она продолжаетъ поѣздки до Анеодона и самымъ естественнымъ порядкомъ пристаеъ у своей долины, долины доброй царицы. Ура! Да здравствуетъ изобрѣтательность! Чего намъ еще не достаетъ? — Беадьянды, городской части праздника. И то найдемъ; это несколько меня не безпокоитъ....

«Въ долинѣ возвышается храмъ съ прекрасными іоническими колоннами, посвященный Церерѣ. Но здѣсь Церера является въ лихѣ Елисы. Природа же въ этой долинѣ такъ роскошна, что колонны храма съ теченіемъ времени являются обвитыми съ низу до верху вьющимися растеніями, которыя, такъ какъ у этого храма нѣтъ кровли, по примѣру всѣхъ греческихъ храмовъ древнѣйшихъ временъ, образуютъ цвѣточную кровлю надъ сѣдалищемъ богини. По мнѣ, этотъ союзъ природы съ искусствомъ придаетъ святилищу новую прелесть. Такъ, со-временемъ, при описаніи лиснаго дворца Елисы, я надѣюсь соединить искусство съ природою, и успѣхъ будетъ тотъ-же....

«Мнѣ пришла на умъ прекрасная мысль! Я полагаю, что сначала долина не имѣла настоящаго вида, а что она созданіе Елисы. — Какъ такъ? — Это очень просто. — Будучи окружена со всѣхъ сторонъ высокими скалами и открыта только со стороны моря, она сначала, то есть до прибытія туда Елисы, была сущемо пустынею. Если и обитали тамъ люди, то какіе-нибудь несчастные, которые скрывались тамъ прежде, влача самую горькую и бѣдственную жизнь. Въ долинѣ не было воды, а безъ воды никакія усилія не заставятъ землю производить что либо. Да! непременно, долина въ теперешнемъ ея состояніи должна быть созданіемъ Елисы. — Но можетъ-ли Елиса создать воду такъ, гдѣ ея нѣтъ? Это мое дѣло. Я отыщу средство достать воду. Теперь за работу!

«Все шло какъ нельзя лучше. Конайское озеро точно станови-

лось прекраснѣе по мѣрѣ того, какъ пораблѣвъ шеей Царицы шель впередъ вдоль береговъ Кееиза, начиная отъ устья его. Притоки, водопады, далекіе виды города, развалины, все соединилось, чтобы возбудить удивленіе Царицы.... А что такое Кееизское озеро? — Коемансь, гласитъ древнее преданіе, есть созданіе Кееиза. Это и не могло быть иначе, судя по окружающей его на западѣ цѣпи горъ. Если же оно теперь соединяется съ моремъ, то вѣроятно это произошло отъ какого-нибудь переворота въ природѣ.... Да, ужъ мы найдемъ средство пояснить это.... Словомъ, я дошла до описанія лѣснаго дворца, какъ вдругъ стала. — Отчего? Отъ того, что я попала въ-просакъ. — Какъ такъ? — Я думала, что для убранства дворца довольно будетъ шести или семи разныхъ цвѣтовъ моего винограда; но ошиблась. Для живописца, это возможно-бы было; но не для поэта. Гораций, и всѣ, которые повторяютъ его слова, какъ-будто самыя справедливыя, провели меня, утверждая, что:

Поэзія и живопись одно.

Положимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но не всегда. Здѣсь, напримеръ, для живописца довольно было бы выдумки, изобразить семь чертоговъ, убранныхъ виноградомъ семи различныхъ цвѣтовъ; но мнѣ, послѣ описанія моего золотого чертога, то есть чертога съ янтарнымъ мускатнымъ виноградомъ, ничего больше не оставалось бы дѣлать; потому что о прочихъ шести чертогахъ сдѣловало бы только сказать: Здѣсь виноградъ былъ розоваго, тамъ голубаго цвѣту; и это скудное описаніе очень странно отличалось бы отъ перваго. Въ такихъ случаяхъ конечно удивляешься немножко самому себѣ и легковѣрности, съ какою общаешься себѣ богатую добычу отъ одной выдумки; даже подсмѣиваешься надъ собою, когда становишь такъ въ тупикъ. Но зачѣмъ унывать! Я этого и не сдѣлала, и, кажется, я нашла средство пособить мнѣшутному горю, и сдѣлать такое описаніе моего дворца, которое ужъ не наскучитъ.

«Если на сей разъ отчетъ мой пространнѣе прежнякъ, то это отъ того, что я хочу оправдать себя и трудъ мой, чтобы меня не обвинили въ большой расточительности въ описаніяхъ. Впрочемъ, вѣдомо Богу, станеть-ли у меня времени на другое произведеніе такого рода. Мысль о ранней смерти является непроницаемъ въ глубинѣ почти всѣхъ моихъ картинъ; и здѣсь она предстала; доказательство тому: памятникъ Хариклонъ и надъ Евбейскими горами.

«Вы и безъ моего указаанія замѣтите, что я и сюда втиснула немного запрещеннаго товару. Не смотря на то, что я дамъ рыцарю Роденштейну азычское имя Актеона, однако велѣли не узнавать его въ дикомъ охотникѣ; и я сожалѣю, что не могла включить въ мой трудъ именно прекраснѣйшую часть этого славнаго преданія, дикую охоту. Дворецъ волшебника, томущій въ

образуемомъ на его ивѣстѣ озерѣ, съ негодною для пштыя водою, также новѣйшаго изобрѣтенія, но тѣмъ не менѣе, если не ошибаюсь, оно не вредитъ предшествовавшимъ и слѣдующимъ за тѣмъ подинно классическимъ описаніямъ. За то духъ Копайскаго Озера имѣетъ характеръ совершенно классическій, отъ чего и начала съ него. По моему ивѣстію, нововведенія нисколько не запрещены; надобно только стараться, чтобы они не были слишкомъ рѣзки. Прежде, нежели употребить ихъ, должно разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ, чтобы отыскать въ нихъ какое-нибудь сходство съ тѣмъ, что уже стало обыкновенно, что уже принято всею. Если откроется такое сходство, то, какъ бы оно ни было мало важно, можно употребить его въ нововведенія для связи стараго съ новымъ, и можно быть увѣрену, что читатели дадутъ ему пропускъ, по-крайней-мѣрѣ безъ громкихъ возраженій.

«Дважды, одинъ разъ въ седьмомъ чертогѣ, иносказательно, другой разъ въ концѣ стихотворенія, я назвала почти по имени двухъ особъ, изъ которыхъ первой я столько обязана, что всякій читатель, знающій про это, осердился бы на меня, если бы я сбывала о нихъ. Кажется, что я довольно ясно означила разницу между ними, такъ какъ и безъ моего указанія всякій замѣтитъ, что вторая изъ упомянутыхъ особъ поставлена тутъ только для исполненія прочаго. Что же касается до главнаго лица, то я радуюсь, что такимъ образомъ я открыто могла принести слабую жертву благодарности моимъ двумъ величайшимъ благодѣтелямъ — моему Монархинѣ и моему наставнику.»

Мы слѣдовали за Елисаветою Кульманъ безостановочно до исхода ея шестнадцатилѣтняго возраста, чтобы не прерывать ея разсужденій и прииѣчаній о второмъ ея творенія. Теперь справедливость требуетъ нагнать и тѣ успѣхи, которые Елисавета сдѣлала въ прочихъ занятіяхъ въ промежуткѣ полутора года, въ которые она начала и окончила *Стихотворенія Коринны*.

Предварительно замѣтимъ, что она раздѣляла сочиненія свои на три рода. Все, что началось для составленія нѣкогда части большаго, пространнаго творенія, она называла своимъ масляными картинами; небольшія отдѣльныя стихотворенія, безъ рюмъ, назывались акварельными, а самыя маленькія, въ рюмахъ, миниатюрными. Послѣднихъ, она сочиняла иногда по два и по три въ день. Превосходнѣйшими изъ нихъ, принадлежащими къ этому времени, кажутся намъ тѣ, предметы которыхъ: Гомеръ, исторія и землеописаніе, и которыя составляютъ какъ-бы особый классъ. Между акварелями отличаются своею оригинальностью тѣ, которыя приближаются къ области преданій, какъ-то: *Собака и Мышь*, *Старецъ и Мяслицъ*, *Волшебный Миръ*, *Водяные Духи*, *Сотвореніе Земли и Неба*. Но тѣ и другія не болѣе, какъ произведенія ея досуговъ.

Между тѣмъ, она со всѣмъ прилежаніемъ предавалась одво-

временному изученію трехъ новыхъ для нея языковъ. Она успѣла въ нихъ также какъ и въ прежнихъ: спустя три мѣсяца она преодолѣла всѣ трудности, понимала прозаиковъ, а потомъ и поэтовъ, которыми снабжалъ ее наставникъ изъ своей екудиной библіотеки, или которые доставалъ ей счастливей случай; послѣ она начала переводить съ какаго нибудь прежняго извѣстнаго ей языка на новые, разумѣется, помня всегда при этомъ своего милаго Анакреона; учила наизусть всевозможные разговоры, какіе только попадались ей въ руки, чтобы освоиться съ разговорнымъ языкомъ; и не пропускала ни одного случая, говорить на вновь изученныхъ языкахъ. Около этого времени она поставила себѣ за правило, заниматься каждымъ изъ трехъ послѣднихъ языковъ по крайней мѣрѣ по часу въ день.

Елисавета Кульманъ написала свое первое сочиненіе *Вѣнокъ* сперва на нѣмецкомъ языкѣ, а потомъ уже перевела его на русскій и итальянскій языки. Причина тому была слѣдующая. Наставникъ Елисаветы, не будучи въ то время столько свѣдущъ въ русскомъ языкѣ, чтобы судить о слогахъ въ ея сочиненіяхъ, попросилъ ее, сначала писать по-нѣмецки, такъ какъ для нея все равно было, на какомъ-бы изъ обоехъ языковъ она ни писала. Когда-же она приступила къ своему второму сочиненію, къ *Стихотвореніямъ Коринны*, тогда онъ самъ посоветовалъ ей сперва писать по-русски, а послѣ перевести на нѣмецкій и на итальянскій. «Если вы повидимому и желаете выступить со временемъ въ троякомъ видѣ: русскою, нѣмецкою и итальянскою писательницею, все-таки вы прежде всего обязаны быть русскою. Къ тому-же духъ этихъ трехъ языковъ слишкомъ различенъ, чтобы достаточно было простаго перевода съ одного языка на другой. При переводѣ на нѣмецкій или итальянскій языкъ вамъ часто придется или выпустить, или прибавить что-нибудь, смотря по тому бесполезно-ли это, или выгодно будетъ для вашихъ нѣмецкихъ или итальянскихъ сочиненій. Какъ ни легки для васъ эти два языка, а я увѣренъ, что вы мыслите по-русски, то есть, что вы облачаете ваши поэтическія мысли прежде всего въ русскія выраженія. Отъ того, совѣтую вамъ писать всегда на томъ языкѣ, на какомъ вы задумали вашъ предметъ. Это правда, что я, ученикъ вашъ, не много дѣлаю вамъ чести моими не весьма быстрыми успѣхами въ русскомъ языкѣ, но я столько знаю, чтобы понимать ваши сочиненія; судить же о вашемъ слогахъ, я мнѣ кажется, не осмѣлюсь, и при большихъ успѣхахъ.

Между-тѣмъ, чѣмъ болѣе подвигался трудъ Елисаветы, тѣмъ болѣе она убѣждалась, что если такого роду сочиненія и доставятъ ей литературную славу, то все-таки не сдѣлаютъ ее народною; а она видимо стремилась къ этой цѣли. «Вижу, сказала она однажды, что стихотворенія мои могутъ нравиться только тѣмъ, которые знаютъ сколько нибудь Грецію и греческую словесность, но я желала бы, чтобы и неученые могли читать меня.» —

— Ну, такъ придется для тѣхъ и для другихъ, отвѣчать наставничку. Конечно, вы понимаете, что нельзя этого достигнуть посредствомъ одного и того же сочиненія. Вы никакъ не можете почитать много вашихъ классическихъ сочиненій до такой степени, чтобы они могли нравиться и быть понятны даже и тѣмъ читателямъ, которые низколько не имѣютъ понятія о Греціи и греческой словесности. Но, написать для васъ ученыхъ, помнящихъ еще своего Гомера и Виргилія, что вамъ мѣшаетъ, въ угожденіе преподавателю, приняться за дѣло, въ которомъ вы уже показали свое умѣнье, если не перомъ, то словомъ и звукомъ? Вы сами вѣроятно замѣтили, что когда скоро вы начинали говорить сказку, всѣ, и старые и молодые, обступали васъ и слушали. Не смотря на то, что я глаухъ на одно ухо, я слышать не разъ довольно внятно, какъ въ подобныхъ случаяхъ свѣдущие люди, бросая карты, говорили: «Пойдемте-ка послушать соловушка!» — Слѣдуйте же и здѣсь вашему обыкновенію. Соглашайте всегда ваши сказки съ духомъ всѣхъ вашихъ слушателей; сегодня скажите сказку для дѣтей, завтра сказку для юношества, а тамъ сказку для взрослыхъ. Всякій возрастъ любитъ сказки. Предметовъ у васъ довольно; нуженъ только приличный выборъ.»

Это предложеніе понравилось Елисаветѣ, которая тутъ же рѣшила, что она станетъ писать сказки. «Сочиненіе сказокъ имѣетъ для меня еще ту выгоду, что оно будетъ служить мнѣ упражненіемъ въ словѣ, и я сообщу имъ ту легкость разсказа, которая, какъ вы говорите, есть главная потребность во всякаго рода прозаическихъ и поэтическихъ сочиненіяхъ».

Елисавета еще не окончила сочиненій Коринны, какъ уже первая часть ея сказокъ подъ названіемъ *Заморскихъ* была готова, такъ какъ и дѣлѣ первая сказка второй части, подъ названіемъ *Русскихъ Сказокъ*. Трудъ этотъ такъ сталъ для нея легокъ, что можно было бы сказать про нея почти то же, что сказалъ Гораций про Луцілію: что она вшитъ сто стиховъ, стоя на одной ногѣ. И то правда, что Елисавета тогда только бралась за перо, писать сказку, когда вся сказка была придумана и готова у нея въ умѣ. Не смотря на то, наставничку считалъ себя въ правѣ заключить, что эта необычайная легкость происходитъ отъ особенной склонности таланта ея къ поэтическому роду. Однажды онъ сказалъ ей это и получалъ слѣдующій отвѣтъ: «Вы сказали то, что я уже не разъ сама думала. А такъ какъ трудно удержатъ свои мысли, коль скоро они пришли въ движеніе, то я вознаграждаю себя три воздушные замка, которые, если Богъ прощаетъ мою жадность, рано или поздно, могутъ осуществиться. Я желала бы подарить моему отечеству три эпохи, а именно: Владиміра, Иоанна, покорителя Казани, и Петра Великаго. Времена Владиміровы имѣютъ разительное сходство съ временами Гомеровыхъ эпохъ; для покоренія Казани можетъ служить образцомъ завоеваніе Сиддига Гроба; времена Петра Великаго не имѣютъ

равныхъ себѣ, но тѣмъ не менѣе они способны къ эпическому изложенію. Но всѣ три, и каждая отдѣльно, требуютъ обширныхъ познаній мѣстности и исторія, такъ что покажеться я не смѣю помышлять даже о планѣ этихъ эпопей. Миѣ надобно сперва видѣть Кіевъ, Казань и Москву. Но я уже теперь могу приготовиться къ предпріятію со временемъ столь великихъ трудовъ; потому что главное все такъ слогъ. Миѣ могутъ возразить, что уже есть двѣ эпопеи, описывающія намъ первую и вторую эпоху, но на это я отвѣчу почти также, какъ отвѣчалъ Клопштокъ по прочтеніи «Утраченнаго Рая»: въ моемъ воображеніи герои времени Владиміра и покоренія Казани представляются гораздо величественнѣе, нежели въ эпопеяхъ Хераскова».

Однажды, когда третья русская сказка Елисаветы: *Василій Богуславичъ* не была еще окончена, она сказала своему наставнику: «нѣкоторыя русскія сказки соединяють въ себѣ всѣ необходимыя для эпопеи качества. Такова наша сказка *Добрыня Никитичъ*. «Что за бѣда, если я дамъ этой сказкѣ эпическую форму?»—«Это не только не повредитъ содержанію, возразилъ наставникъ, но оно еще выиграетъ. — «Я раздѣлю сказку на шесть вечеровъ, согласно съ пятью главными отдѣлами, на которыя раздѣлена сказка вообще». — И такъ, вотъ уже исполнено одно изъ важнѣйшихъ условій всякой эпопеи, и безъ ущерба сказкѣ. — «Мой герой *Добрыня новгородскій*, характеръ, который сдѣлалъ бы честь любому рыцарю. Добрыня готовъ сражаться съ цѣлымъ свѣтомъ, если это нужно для чести или для блага человечества. Его щитоосецъ *Таронъ*—чужакъ. Главное дѣйствіе происходитъ при *Владимірѣ Великомъ* и супругѣ его *Милолицкѣ*, и состоитъ въ освобожденіи *Кіева* отъ опустошеній великана *Тугарина*. Сказка начинается пиршествомъ во дворцѣ Владиміра; вдругъ слышится вдали звукъ бравной трубы. *Святоградъ*, намѣстникъ кіевскій, превосходный характеръ, видитъ смущеніе Владиміра и спрашиваетъ у него о причинѣ. Тутъ совѣщаются и рѣшаютъ послать въ окрестности двухъ испытанныхъ воиновъ, дабы они освѣдомились, что значить этотъ вызовъ. Они встрѣчаютъ *Тугарина*, который дерзко принимаетъ ихъ и велитъ сказать Владиміру, что онъ пришелъ отмстить ему за (мнимое) похищеніе *Милолицки*. Войско *Кіевлянъ* выступаетъ противъ него, но было побѣждено. *Тугаринъ* зѣрски опустошаетъ окрестности *Кіева*. Вдругъ является къ Владиміру незнакомый витязь; его радушно принимаютъ; онъ рассказываетъ свои приключенія и вызывается одинъ вступить въ бой съ *Тугаринымъ*. Сначала Владиміръ не хочетъ подвергать молодого витязя такой опасности; но какъ послѣ краткаго объясненія обнаруживается, что *Добрыня* тотъ самый обѣщанный оракуломъ витязь, то и назначаютъ день и часъ единоборства. *Таронъ*, какъ обыкновенно, сопровождаетъ своего господина. Послѣ разныхъ приключеній, *Тугаринъ* сраженъ. Посредствомъ особеннаго чуда, всѣ воины, которыхъ прежде побѣдилъ и поглотилъ *Ту-*

ривъ, оживаютъ, и спокойствіе Кіева снова восстановлено.— Это сушая эпопея.— Я не рассказала вамъ приключеній самого Добрыни, но они предлюбовытны.— Тѣмъ лучше. Вы имѣете такимъ образомъ предметъ, при обработываніи котораго вы можете взять въ примѣръ Гомерову Одисею.— «Точно будто вы имѣете даръ предвидѣнія! Въ приключеніяхъ Добрыни дѣйствительно есть событіе въ адъ, но гораздо страшнѣе Гомерова. Есть также одно событіе, похожее на приключеніе Улисса съ циклопомъ Полифомомъ, съ тою разницею, что оканчивается благороднѣе и величественнѣе. Вообще же сказка дышетъ чистѣйшимъ правдоученіемъ».

Видя, что наставникъ одобряетъ всѣ ея выводы безусловно, Елисавета рѣшилась приняться за работу тотчасъ же послѣ дня своего рожденія. Между-тѣмъ, мы не можемъ удержаться, чтобы не описать подробно маленькаго праздника, который былъ приготовленъ нарочно для нея.

На томъ мѣстѣ горнаго корпуса, гдѣ нынѣ возвышается огромное зданіе, служащее продолженіемъ стараго корпуснаго зданія, въ двадцать первой линіи, стоялъ въ то время деревянный домикъ. Тутъ жилъ по-сю-пору памятный его знакомымъ бывшій балетмейстеръ Леопольдо де-Росси, человекъ гениальный, остроумный и веселый и замѣчательный по искусству своему. Возлѣ его домика ему отвели еще мѣсто такого же пространства для складки дровъ; но онъ, вмѣсто того, чтобы взять весь назначенный для него запасъ дровъ, выпросилъ позволеніе получать ихъ понемногу, и на мѣстѣ дровъ развелъ садикъ, который не смотря на миниатюрность свою, плѣнилъ и душу и чувства. Зрѣніе и обоняніе могли тутъ вдоволь наслаждаться цвѣтами, насаженными, какъ вдоль дорожекъ, усыпанныхъ краснымъ пескомъ, такъ и въ трехъ куртинахъ, возвышавшихся подобно оазисамъ посреди окружающаго ихъ песку; и для защиты отъ дневнаго зноя садикъ доставлялъ тѣни вдоволь; потому-что былъ расположенъ такъ, что можно было шестерымъ и болѣе сидѣть вмѣстѣ покойно и подъ тѣнью, и, не смотря на то, всегда имѣть другъ друга въ виду. Въ саду считалось не менѣе сотни деревъ разныхъ родовъ, но половина этого числа состояла изъ широколиственнаго клѣна.

Де-Росси училъ прежде Елисавету Кульманъ декламировать, по обычаю импровизаторовъ своего отечества, а потомъ просилъ ее давать уроки въ итальянскомъ языкѣ одной молодой своей родственницѣ, такъ какъ онъ самъ будто не имѣлъ на то довольно терпѣнія. Чтобы похвастать обѣими, и вмѣстѣ съ тѣмъ сберечь Елисаветѣ расходы для празднованія дня своего рожденія у себя дома, онъ пригласилъ къ себѣ на весь день Елисавету, мать ея и братьевъ, священника, у котораго они жили, наставника ея, учителя рисованія и музыки, ея стараго хозяина дома, Англичанина, и одного изъ друзей своихъ, морскаго офицера, родомъ Испанца, съ супругою, природною Француженкою. Послѣ стола при-

ещё еще уроченекъ Корсу, тройшлгавшій свчнзавн, и проразн вечеръ.

Девъ былъ прелестный, какіе обыкновенно бывають въ юной ивощи; хозяйнъ лично распорядился всёмъ, что было нужно для стола и для десерта; этотъ человекъ былъ шестеръ угоотить и занять се: нль гостей. После обѣда всѣ вышла въ садъ, алы кесе. Между тёмъ учитель музыки велѣлъ принести изъ далекой своей квартиры въ корпусъ «лягель, и приготовилъ всѣ нужныя на тотъ вечеръ ноты. При первыхъ звукахъ фортепiana, всѣ опять воротились въ домъ; сыгравъ увертюру новой во то время оперы, учитель сперва заставлялъ играть свою младшую ученицу, потомъ Елисавету, а послѣ обѣ выветѣ сыиграли шесту въ четыре руки, тёмъ заслужили громкія похвалы слушателей. Когда всѣ снова вышли на чистый воздухъ, а потомъ по позже воротились въ комнату, де Росси задалъ гостямъ своимъ наслаждение, половину достоинства котораго онъ съ самодовольствіемъ приписывалъ самому себѣ. Сперва родственница его, потомъ Елисавета продекламировали по-русски избранныя мѣста изъ Дматріева и Державина, по-французски изъ Делла и Расина; по-италіянски изъ Метастазіо. Когда умолкли рукоплесканія, хозяйнъ извѣстилъ гостей о предстоящемъ имъ повомъ зрѣлищѣ, и попросилъ Елисавету продекламировать нѣсколько строчекъ изъ Освобожденнаго Иерусалима Тасса, по примѣру италіянскихъ импровизаторовъ. Елисавета исполнила эту полудекламацию и полуиѣвие къ высшему удовольствію не только всѣхъ гостей, для которыхъ это было диковиною, но и самаго де Росси. «Ахъ! какое горе, что вы не хотите посвятить себя театру!» восклицалъ онъ нѣсколько разъ. «Въ васъ есть все, что составляетъ превосходную актрису: станъ, ловкость, умѣнье выразить всякое чувство и движеніемъ и звукомъ, и голосъ, какого я отроду не слыхивалъ, извѣднвъ всю Европу».

Англичанинъ не уступаетъ никакой націи, а Елисавета слишкомъ хорошо помнила прежнія благодѣянія, чтобы при этомъ случаѣ не выразить при всѣхъ своей благодарности старому своему хозяину дома и товарищу по ботаникѣ, и продекламировала по-англійски изъ Мильтонова «Утраченнаго Раа» нѣсколько превосходныхъ мѣстъ, послѣ чего для уразумѣнія прочихъ слушателей, она сказала то же самое въ переводѣ Делла. Добрый Антанчанинъ, понимая ея побужденія и цѣня этотъ знакъ вниманія, протселовалъ, всталъ, подошелъ къ ней, и съ обычною светею короткостнъ, оказалъ: «Другъ мой, ты выросла и умомъ и тѣломъ, но сержное все то же, что бывало въ тѣ дни, когда мы вдвоемъ ухаживали въ моемъ саду за цвѣтами и растеніями». Всѣ присутствующіе были этимъ тронуты.

«Но угодно ли мнѣмъ гостямъ помаловать въ садъ цнть чай, прервалъ хозяйнъ разговоръ гостей, касавшійся болышею частью Елисаветы, такъ что она начинала уже иршнть. Когда

сей, пришедши въ садъ, уѣлились къ полукруглой бесѣдкѣ, рисовальнѣй учитель и братья Елисаветы помѣстившись въ другой бесѣдкѣ по мѣнѣе, куда они, отпивъ чай, велѣли подать себѣ два стакана воды. Тутъ, съ помощью всѣхъ нужныхъ для рисованія припасовъ, которые рисовальнѣй учитель носилъ всегда съ собою въ довольно объемистомъ бумажникѣ, началъ списывать одну изъ трехъ цвѣточныхъ куртиазъ сада, которая подлинно заслуживала этой чести. Занятый этимъ, онъ не пошелъ потому вслѣдъ за другими гостями въ домъ, а де Росси, который въ своемъ вѣну довольно сдѣлалъ сюрпризовъ, притворился, будто не принимаетъ отсутствія одного гостя. Между тѣмъ, въ домѣ пришла уже очередь пѣвню. Мало того, что обѣ молодыя дѣвицы, да еще два другіе гостя, и наконецъ самъ учитель музыки пропѣли избранныя піесы съ аккомпаниментомъ фортепіано для удовольствія другихъ, по охота пѣть пришла и тѣмъ, которые не имѣли никакихъ притязаній на музыкальное дарованіе, а хотѣли только потѣшить самихъ себя и общество веселымъ и шуточнымъ пѣніемъ. Тутъ пошли ростонародныя пѣсни всѣхъ націй, которыхъ только представителі находились на лпцо. Даже упомянутый нами пожилій морскою офицеръ, Испанецъ, пропѣлъ старинный испанскій романсъ. Въ это время пристрастіе добраго священника къ молодой его жлицѣ Елисаветѣ не вытерпѣло. «Я могу, сказалъ онъ моряку, отплатить вамъ тѣмъ же. Если угодно собранію, то эта молодая дѣвица (указывая на Елисавету) будетъ пѣть и говорить по испански и по португальски». Всѣ съ возрастающимъ удивленіемъ обратили взоры на Елисавету Кульманъ, и почти всѣ сказали вдругъ: «Хоть мы и ни слова не поймемъ изъ вашего пѣвня, все таки мы просимъ васъ удовлетворить общему желанію». Елисавета съла за фортепіано и сперва пропѣла испанскій, а потомъ и португальскій романсъ. Морскою офицеръ былъ точно въ себя, слыша свой родной языкъ въ чужихъ устахъ. Онъ заговорилъ съ нею по испански, и она отвѣчала ему не запинаясь, дѣлая въ свою очередь вопросы.

Когда Елисавета, оставивъ фортепіано, проходила мимо своего наставника, послѣдній сказалъ ей по-новогречески: «Жаль, что вы не знаете мелодіи какой нибудь греческой народной пѣсни, чтобы удивить гостей!» — Какъ? воскликнулъ, вскочивъ съ мѣста, Корфусецъ, котораго всѣ принимали за Италиянца: такъ эта молодая дѣвица въ самомъ дѣлѣ Гречанка, за которую я принялъ ее съ перваго взгляду? — Именно, отвѣчалъ въ ту жъ минуту забавникъ де-Росси; поговорите-ка съ нею? — Грекъ обратился къ Елисаветѣ, и она отвѣчала. — Отецъ вашъ? — Уже давно скончался. — А матушка ваша? — Она Пѣмка, вотъ она! (указывая на свою мать). — Давно вы въ Россію? — Я слишкомъ васъ уважаю, чтобы смѣть долѣе оставлять васъ въ заблужденіи: пѣтъ, ни я, ни отецъ мой не Греки, а Русскіе. Все, что я знаю, я обязана вотъ этому почтенному человѣку (указывая на наставника). — Въ-

ликій Боже! возможно-ли соединять въ себѣ столько талантовъ! Да вы цвѣтъ вашего пола! — Всѣ присутствующіе были одного мнѣнія, что греческій языкъ благозвучнѣйшій въ свѣтъ.

Тутъ хозяинъ позвалъ гостей къ ужину, который былъ пригото-
вленъ въ саду. Всѣ пошли туда.

Елисавета поотстала отъ другихъ и заставила немного подождать себя. Покуда гости одинъ за другимъ удалялись, рисовальный учитель вошелъ украдкою въ комнату и сунулъ Елисаветѣ въ руку какую-то бумагу въ видѣ письма, послѣ чего она пришла въ садъ, и, отдавая бумагу хозяину, сказала: «вотъ, что меня просили вручить вамъ». Де-Росси развертываетъ бумагу, и какова была его радость, когда онъ увидѣлъ на бѣгломъ рисункѣ самую красивую часть своего сада, всѣхъ своихъ гостей и самого себя; всѣ были удивительно похожи. Картинка переходила изъ рукъ въ руки, всякій радовался, видя въ ней свое изображеніе, а де-Росси не находилъ словъ, чтобы поблагодарить художника, который попросилъ его взять себѣ это маленькое произведеніе въ память такого прекраснаго дня.

Прежде нежели сѣли за столъ, наставникъ шепнулъ на ухо Елисаветѣ: «вѣрно будутъ пить за ваше здоровье. Такъ если вы не устали отъ всѣхъ вашихъ сегодняшнихъ подвиговъ, то приготовьте въ умѣ маленькую импровизацію, въ родѣ поздравленія вашему угощателю, и подайте мнѣ знакъ, когда она будетъ у васъ готова». Ужинъ былъ веселый. Вскорѣ послѣ подавнаго знака, и въ то самое время, когда разливали гостямъ настоящее фалернское вино, наставникъ всталъ съ своего мѣста и выпилъ за здоровье Императора и всего Его дома, и всѣ последовали его примѣру. Когда рюмки снова наполнились, морской офицеръ выпилъ за здоровье молодой родственницы своего пріятели и за здоровье Елисаветы. Тутъ Елисавета встала, поблагодарила за себя и за свою ученицу, поднесла рюмку къ губамъ, едва ихъ омочила, и въ сочиненной ею импровизаціи, сперва на итальянскомъ, а потомъ и на русскомъ языкѣ, отъ имени сада рассказала собственную его исторію, которую и заключила желаніемъ, чтобы основатель его, прожилъ столько же лѣтъ весело и въ цвѣтущемъ здоровьи, какъ цвѣты его и растенія, сколько считалось въ саду деревьевъ. А какъ мы уже сказали, ихъ было сто.

Спустя нѣсколько минутъ раздались въ домѣ мощные звуки отвореннаго флугеля, и всѣ гости безъ исключенія запѣли извѣстную въ то время народную пѣсню, которую они три раза повторили. На небѣ свѣтилъ мѣсяцъ, а подъ окнами дома собралось порядочное число слушателей.

На другой день Елисавета Кульманъ, какъ дала себѣ слово, принялась за свою сказку — эпопею Добрыня Никитичъ, и въ исходѣ октября окончила ее. Но она окончила бы ее еще раньше, если бы не постигла ее болѣзнь, которая продолжалась съ мѣсяцъ, и принудила ее прервать обычные занятія.

Но вот наступило ужасное для нея и для всѣхъ обывателей петербургскихъ событіе, — наводненіе 7 ноября 1824 года. За недѣлю передъ тѣмъ, братъ Елисаветы женился, и переѣхалъ въ домъ своего тестя у церкви Покрова. Еще въ день свадьбы Елисавета схватила сильную простуду, которая вскорѣ и обнаружилась, потому что послѣ вѣнчанія, она, при ненастной погодѣ, долго стояла на паперти церкви, дожидаясь кареты, которая должна была отвезти ее къ молодымъ. Послѣдніе упрасивали ее остаться у нихъ нѣсколько дней. Она согласилась, но неохотно, а мать ея воротилась домой на Васильевскій островъ. Находясь въ чужомъ домѣ, страшась кому-либо быть въ тягость, скромная Елисавета надѣялась, что недугъ пройдетъ самъ собою. Вдругъ грянула ужасный ударъ. Представьте себѣ эту чувствительную дѣвушку, въ первый разъ разлученною съ матерью и окруженною кучею бѣдныхъ ребятшекъ, которые бѣжали спасаться въ квартиру ея брата, когда вода начала проникать въ нижнее жильѣ и ежеминутно прибывала. Вскорѣ разнесся слухъ, что вода еще пуще стала прибывать. Тутъ Елисавета, какъ сказывалъ одинъ служитель, видѣвшій ее въ этомъ положеніи, бросилась на колѣни въ углу другой комнаты, и въ страхѣ громко молила Бога о спасеніи матери и всѣхъ несчастныхъ. Всякій былъ слишкомъ озабоченъ о самомъ себѣ, чтобы обращать вниманіе на другихъ. Но слѣдствіе этого всеобщаго бѣдствія было то, что Елисавета потеряла голосъ. На другой день, какъ только мосты на каналахъ стали нѣсколько проходимы, наставникъ, жившій въ то время въ Коломнѣ, поспѣшилъ къ Елисаветѣ, осведомиться о ея здоровьи. Онъ ужаснулся, когда долженъ былъ подойти къ ней совсемъ близко, чтобы слышать, что она говорила! При всемъ желаніи отвезти ее домой къ матери, это было невозможно, потому что Исакиевскій мостъ не только не былъ наведенъ, но находился въ такомъ состояніи, что его даже вовсе нельзя было навести; перевозить же ее больную, одержимую сильною лихорадкою, въ лодкѣ, при наступившей вдругъ стужѣ, было слишкомъ опасно и могло увеличить ея болѣзненное состояніе. Сколько всѣ около нея заботились, столько она сама была спокойна и покорна. Только при уходѣ наставника она сказала ему съ улыбкою и со слезами на глазахъ: «кажется, что предсказаніе повивальной бабки все такъ сбудется!» Наставникъ уотребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы изгнать изъ головы ея мысль эту, и въ самомъ дѣлѣ наконецъ успокоилъ ее, благодаря неограниченной довѣренности, которую она къ нему имѣла; однако внутренно, по крайней мѣрѣ на ту пору, онъ думалъ противное тому, что говорилъ.

Около полудня пришелъ съ Васильевского острова меньшой братъ Елисаветы, а ввечеру и сама встревоженная мать. Не прежде, какъ черезъ недѣлю, можно было отвезти ее домой. Болѣзнь ея продолжалась почти до новаго года. Этотъ новый годъ вѣроятно навсегда останется памятнымъ наставнику ея. Врачъ объя-

Видъ господину Медеру, что болѣзнь Елисаветы насадо чаючки, и что ее трудно спасти. Господинъ Медеръ передать это извѣстие наставнику, и оба рѣшились не сказывать о томъ семейству Кульманъ. Благодаря этой благодарной мѣрѣ, страданія слышала около себя однѣ утѣшенія. Но со дня на день усиливавшееся въ ней предчувствіе открыло ей тайну, которую такъ тщательно отъ нея скрывали. Однажды она сказала наставнику: «это моя вторая и послѣдняя болѣзнь; я это предчувствую. Но, ради Бога, не сказывайте объ этомъ ни слова мамеицк! — Бѣдная мамеица! какъ бы я желала ухаживать за тобою въ твоей старости, и заплатить тебѣ хоть сколько-нибудь за все то, чѣмъ и тебѣ обязана!»

Но вмѣсто того, чтобы упасть духомъ отъ этой мысли, Елисавета, напротивъ, стала выказывать еще большую нравственную силу, чѣмъ какую прежде въ ней примѣчали. Улыбаясь и повторяя вѣскольکو стиховъ изъ Клопштока, она въ другой разъ сказала наставнику:—«теперь, когда смерть вкрадывается во всѣ шожилы, минуты становятся дороже и священнѣе. Будемъ пользоваться временемъ, которое намъ остается еще пожить, и употребимъ его на дѣла, которыя, можетъ-быть, передадутъ пня дѣвушка потомству!» Можетъ-быть, въ то самое время, какъ прачъ отчаялася въ ея жизни, возникла въ умѣ ея мысль къ третьему ея сочиненію; по крайней мѣрѣ, она пачала надъ нимъ трудиться 12 января 1825 года. «Если мнѣ удалось, сказала она улыбаясь, отыскать творенія Коринны, то я хочу испытать, могу ли я также извлечь изъ мрака какіе-нибудь отрывки другихъ древнихъ поэтовъ».

Правда около этого времени случилось довольно замѣчательное событіе, которое не мало способствовало этому героическому расположенію духа Елисаветы, неизмѣнившемуся по самую смерть ея. Въ первыхъ числахъ января наставникъ получилъ письмо, которое, судя по числу, слѣдовало бы ему получать по крайней мѣрѣ двумя годами ранѣе, если бы оно, безъ всякихъ околнчностей, было доставлено къ нему прямо по почтѣ. Дѣло въ томъ, что письмо это было передано одному путешественнику, котораго однако не привелось видѣть наставнику, но который хотъ тѣмъ обязалъ послѣдняго, что, по перемѣнѣ своего плана путешествія, наконецъ, спустя столько времени, слѣлалъ то, что должна была бы сдѣлать родственница наставника тотчасъ по напечатаніи письма Читатели помнятъ, что наставникъ, желая знать мнѣніе верховныхъ судей, отправилъ одинъ сборникъ лучшихъ стиховъ Елисаветы Кульманъ къ Гете, другой такой же сборникъ къ Жанъ-Полю Рихтеру. Какъ отвѣтъ Гете не замедлилъ, такъ и отвѣтъ Жанъ-Поля не заставилъ бы долго ждать себя, если бы родственницѣ наставника не вздумалось сберечь своему петербургскому корреспонденту какіе-нибудь два рубля всо-выхъ денегъ. Но все къ лучшему, говорить пословица, и здѣсь

это оправдалось. Если бы сужденія, и Гёте и Жанъ-Поля, пришли въ одно время, кто знаетъ, не вскружилъ ли бы этотъ огромный голокъ Елисаветы, подобно многимъ другимъ гениямъ? Теперь же, такъ сказать, на пути ея къ могилѣ, слова Жанъ-Поля раздавались въ ушахъ ея подобно рѣчамъ ангела-подкрѣпителя, который внушалъ ей твердость и терпѣніе, предвѣщая, что труды ея увѣнчаются слава! Наставникъ и ученица узнали изъ письма, что почтенный старецъ, по слабости своего здоровья, заставилъ другихъ прочесть всю тетрадь отъ начала до конца, и послѣ каждаго стихотворенія выражалъ или удовольствіе, или похвалы. Изъ большихъ нѣсъ три: *Потокъ*, *Пещера* и *Молнія* заслужили много похвалъ; не менѣе былъ онъ доволенъ ея французскими и италіанскими стихами, а въ послѣдовавшемъ за тѣмъ разговорѣ онъ сказалъ: «мы, жители юга, доселѣ мало заботились о сѣверныхъ литературахъ, но я предчувствую, что эта сѣверная звѣздочка рано или поздно принудитъ насъ обратить на нее взоры».

Елисавета плакала и рыдала. «При сужденіи Гёте обо мнѣ, сказала она, я плакала отъ страху, что бѣдность моя не позволитъ сбыться его предсказаніямъ, а теперь, при сужденіи Жанъ-Поля, я плачу отъ предчувствія близкой моей смерти». Однако, помолчавъ немного и вдругъ урѣвнившись духомъ, она продолжала: «Отецъ Гомеръ! такова, видно, участь твоихъ дѣтей: сынъ твой Ахиллъ, хотя по матери и родственникъ богамъ, долженъ былъ преждевременною смертью купить свою трехтысячелѣтнюю славу, и дочери твоей, второй сѣвѣрой Кориннѣ, предстоитъ подобная участь». «Геній Германіи! Геній міра! повиновусь вашему приказанію, а въ остальномъ полагаюсь на небо!» — Именно! подхватилъ наставникъ, и небо устроитъ все къ лучшему.

Мы поступимъ теперь также, какъ при двухъ предвѣдущихъ стихотвореніяхъ Елисаветы, то есть, сообщимъ читателямъ, какія сохранились на письмѣ собственныя ея сужденія и замѣчанія о послѣднихъ произведеніяхъ ума ея.

Геликонъ. «Я помню, что будучи еще ребенкомъ, я видѣла гдѣ-то расписанный потолокъ съ изображеніемъ Геликона, и по одной его сторонѣ крылатаго Пегаса. Эта картина дала мнѣ первое понятіе о горахъ и оставила по себѣ неизгладимое впечатлѣніе. Не знаю правда ли это, но мнѣ кажется, что изъ Халкиды, бывшей столицы острова Эвбеи, на лазуревомъ полѣ неба должны быть ясно видны вершины Геликоча, такъ точно, какъ, по словамъ вашихъ, изъ Мюнхена видны снѣговыя вершины Тироля. Пускай воспользуется этимъ справедливымъ или ложнымъ предположеніемъ мой милый Ликофровъ Халкидскій, отъ котораго, не знаю, сохранились ли отрывки его сочиненій или нѣтъ. Но мнѣ, одно похвальное дѣло воскрешаетъ нѣкогда знаменитое имя. Когда бы и мнѣ, конечно не только не знаменитой, но даже едва извѣстной, спустя нѣсколько столѣтій оказали подобную услугу!»

Вотъ собственныя замѣчанія Елисаветы о приведенномъ сочиненіи. Между тѣмъ, мы, желая угодить читателямъ, объяснимъ, отъ чего произошла такая разниця въ объемъ этого стихотворенія на русскомъ и на италіянскомъ языкѣ. Италіянское втрое длиннѣе русскаго и нѣмецкаго. — Первый поводъ къ этому различію подала картинка, представлявшая развалины города Эдфу въ Египтѣ. «За тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, всѣ мои сочиненія должны имѣть одинъ и тотъ же однообразный видъ. На этотъ разъ возьму въ примѣръ врата города Эдфу. Вотъ двѣ стоящія отдѣльно громадныя постройки, а между нихъ вдали видны остатки прежняго города, которому онѣ служили главными вратами. Пускай же и у меня начало и конецъ будутъ также величественны, какъ эти отдѣльныя стѣны, а все въ серединѣ находящееся будетъ исполнено въ меньшемъ размѣрѣ». Видно съ какимъ удовольствіемъ она описывала весь этотъ рядъ горныхъ верховъ; но съ особенною любовью трудилась надъ пещерою, въ сумрачной глубинѣ которой она воздвигала свою собственную скромную гробницу.

Асторъ и Ида. «Приключеніе любящейся четы не моя выдумка, а, говорятъ, оно происходило во Франціи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теряется изъ глазъ Рона. По старой привычкѣ, я перенесла дѣйствіе въ Грецію, какъ сдѣлала и съ *Островомъ Чолна.*»

Изобрѣтеніе Пляски. «Однажды мнѣ пришло на умъ, изобразить въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ происхожденіе всѣхъ взящныхъ искусствъ; но желаніе мое, вѣроятно, ограничится однимъ описаніемъ изобрѣтенія пляски. Любимое мое мѣсто въ этой піесѣ появленіе богини въ храмѣ ея, между тѣмъ какъ все вокругъ ея погружено во мракъ. Я полагаю, что можно представить тоже самое очень легко и на дѣлѣ. Но я могу и ошибаться, потому что мои познанія въ физикѣ ограничиваеются поэтическими. Для поэзии многое возможно, что въ природѣ несбыточно.»

Пѣсни. «По мнѣ пѣть ничего труднѣе какъ сочинить пѣсни въ греческомъ духѣ. Всѣ мы, Европейцы, можетъ-быть, не доволно на то способны, исключая Французовъ, которые за то портятъ дѣло излишнимъ остроуміемъ. Но, прошу васъ, не пересказывайте никакому Французу моего мнѣнія, чтобы онъ не отозвался колко о вашей учености!»

Корезъ. «Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ я общалась Корезу мѣстечко въ моихъ стихотвореніяхъ, но все какъ-то не удавалось. Однажды я хотѣла сочинить для него небольшую драму, но мало содержаія, а чтобы я ни прибавила, оно только обезсмыслило бы главный предметъ. Корезъ, если не ошибаюсь, годится только для баллады. Для меня труднѣе заключалась въ послѣднихъ строкахъ, но я очень ими довольна. Всѣ, кому я показывала мое сочиненіе, были обмануты; изъ мрачнаго вида и горькой улыбки Кореза они заключили, что мщеніе его пробуждается; къ тому же и слова его еще болѣе утверждаютъ слушателя въ этомъ

миѣнія; но я такимъ образомъ достигла своей цѣли: сверхъ ожиданія читателя, Корезъ жертвуетъ собою, хотя нельзя сказать, чтобы эта печальность не была вовсе подготовлена. Нѣтъ, она подготовлена прежде: когда Корезъ обнаруживаетъ свою безграничную печаль, безъ малѣйшей прѣдъси гнѣва и мщенія, надобно ожидать, что онъ окажется это рѣдкое великодушіе. Но, признаюсь, я взяла всё мѣры, чтобы читатели не примѣтили моей уловки; напротивъ, я всячески старалась мало-по-малу отвлечь ихъ вниманіе отъ этого главнаго пункта. Не знаю, согласитесь-ли вы со мною; но, сказать откровенно, я очень довольна своимъ Корезомъ.»

Гомеръ Младшій. «Все, что является подъ этимъ именемъ, принадлежитъ мнѣ, это мое созданіе. Къ великой моей радости вездѣ упоминается только объ одномъ имени этого младшаго Гомера, но нигдѣ не приведены слова изъ сочиненій его; по этому я имѣю полное право сказать: поэтъ и стихотворенія дѣти моей фантазіи. Надѣюсь, что характеръ поэта понравится; онъ не достоинъ прародителя Гомера. Однако не могу смолчать о томъ, о причинѣ этого поэтического *Приглашенія и Отказа*. Въ одинъ день на прошедшей недѣлѣ мы съ маменькою должны были довольствоваться холодною пищею, по весьма незагадочной причинѣ. На ту пору насъ навѣстилъ нѣкто. Не смотря на то, что мы угостили его тѣмъ, что имѣли, онъ вѣрно примѣтилъ состояніе нашего хозяйства. Тогда онъ, хоть и съ добрымъ намѣреніемъ, но довольно неловко, намекулъ мнѣ на то, что я могла-бы приличнымъ образомъ постучаться у дверей какого-нибудь милліонщика, и что, вѣроятно, просьба моя не осталась-бы тщетною. Вы, мой благодѣтель, отдадите мнѣ справедливость, что гордость не принадлежитъ къ моимъ порокамъ. Покуда я въ состояніи работать, — не пойду просить милостыни; если-же бы у меня руки и ноги были изувѣчены, тогда я не находила-бы ничего безчестнаго въ добываніи насущнаго хлѣба подаеніемъ, такъ какъ Богъ повелѣлъ человѣку, сохранять жизнь свою сколько можно долѣе. Но я не понимаю, почему я должна, по совѣту нашего знакомаго, взвалить на плеча моей музы котомку и поставить ее у порога милліонщика, для того только, чтобы не оставаться день другой безъ кофе и чаю? Елисавета Кульманъ, лишившись отца въ младенствѣ, ставитъ себя на ряду съ каждою нищею, по весьма простой причинѣ, что она ничего не имѣетъ, и существуетъ благодѣянiami чужихъ; но Елисавета Кульманъ, которой Русская Царица пожаловала ожерелье въ знакъ отличія ея развивающагося таланта, и которой два величайшіе мужа Германіи, по прочтеніи первыхъ ея сочиненій, дали почетное названіе писательницы, — эта Елисавета Кульманъ не можетъ торговать своею поэзіею. Средство получить что-нибудь отъ богачей, которые сами не любители изыскаваго, состоитъ обыкновенно въ возданіи имъ незаслуженныхъ

похвалъ; на подобное-же оскорбленіе поэзія я и тогда не поношуе, когда буду принуждена терпѣть голодъ.»

Гомеръ - Отецъ Поэзіи. «Посылаю вамъ при этомъ виѣстѣ и рисунки и стихи. Напередъ скажу вамъ, что это за рисункъ. Г. Медеръ подарилъ мнѣ картинку, изображающую спящаго Оссіана, и видящаго во снѣ жену свою. Наружность Оссіана напоминаетъ нѣсколько Гомерову, а видъ Агандеки возбудилъ во мнѣ понятіе о Минервѣ, исходящей изъ главы Юпитера. Тотчасъ все это превратилось для меня въ спящаго Гомера, изъ главы котораго исходить поэзія. Я списала картинку, но перемѣнила по своему фигуре. Во всякомъ сочиненіи необходима главная мысль; какъ скоро она найдена, прочія мысли приходятъ сами собою.»

Рассодъ. «Хвала наукъ! Часто довольны одного во-время пришедшаго на память событія, чтобы сдѣлать изъ него завязку или развязку въ драмѣ. Известно, что Пелопонезская война, хоть и описанная Оуклидомъ, не самая увлекательная часть греческой исторіи; но безъ нея я, во-первыхъ, не знала-бы, что и Афиняне, взятые по пораженіи Никіи въ плѣнъ, во время пребыванія своего въ Спидліи, утѣшали себя тѣмъ, что распѣвали лучшія мѣста изъ трагедій Эврипида; а во-вторыхъ, не могла-бы воспользоваться этимъ свѣдѣніемъ для моей теперешней баллады. Она на томъ только и вертится, что Даресъ, попавъ въ плѣнъ къ Фракіяцамъ, самъ сдѣлалъ себѣ лиру, выучился языку страны, перевелъ на него греческія пѣсни, которыя и пѣлъ, и тѣмъ расположилъ къ себѣ сперва своего господина, а потомъ и короля и дочь его. Знаю, что вы и безъ моего указанія останетесь довольны началомъ моихъ стиховъ, то есть, описаніемъ событія, а все таки, когда намъ что-нибудь удается и мы этимъ довольны, не можемъ удержаться, чтобы не показать нашего самодовольствія и не обратить на это вниманія другихъ.»

Гомеридъ къ Сыну. «Не смотря на краткость этой піесы, я позволю себѣ сдѣлать на нее три примѣчанія.—Доказательство, скажете вы, что сочинительница очень довольна собою и своимъ трудомъ. — Я и не отрицаюсь. Во второй строфѣ находится, можетъ быть, прекраснѣйшее изъ всѣхъ прилагательныхъ, какія я только употребила въ моихъ сочиненіяхъ, а именно *гордая бѣдность*, что по-русски еще лучше выходитъ, относясь къ слову *наследство*; *гордое наследство*. Во-вторыхъ, мнѣ кажется, что характеръ Гомера изображенъ мною въ благородныхъ и рѣзкихъ чертахъ. Равно слѣдующая за тѣмъ рѣчь введена, кажется, безъ примѣрно, то есть, безъ всякаго указанія, о чемъ говоритъ самъ Гомеръ, однако же такъ, что при первомъ словѣ (особливо на нѣмецкомъ) угадываешь, что это говорятъ никто иной какъ Гомеръ. Наконецъ, также недурно изображенъ въ послѣднихъ строкахъ характеръ дочери Гомера: на русскомъ онъ выказываетъ гордость, простительную для дѣвушки столь высокаго происхожденія.»

Слава Мир. «Скажите, когда Несторъ у Гомера становится словоохотенъ, или, просто сказать, болтливъ? Когда онъ рассказываетъ намъ про свое молодость. Если же эта многорѣчивость, или самокшество позволено было мчдрѣйшему изъ Грековъ, что станеть осуждать за это дѣвушку, имѣющую едва семнадцать лѣтъ? Снажу вамъ откровенно, что ни одно мое сужденіе не можетъ сравниться съ настоящимъ. По-крайней-мѣрѣ, въ числѣ небольшихъ моихъ сочиненій это самое удачное, оно же и самое мое любимое. Видите-ли какъ ваша ученица, послѣ шкочольныхъ робкихъ опытовъ ввести привидѣнія, эту собственность романтической поэзіи, въ классическую, наконецъ, вѣроятно создаетъ уже приобретенное ею искусство, и осмѣливается среди благолея выставить мертвеца рядомъ съ живыми, и такимъ еще образомъ, что живой тоже считаетъ его живымъ, и такимъ страшно вѣка. Вы видите, какъ я по своей похвальной привычкѣ, означила самое мѣсто дѣйствія: довольно взглянуть на Анахарсискія карты Бонапа, чтобы представить себѣ весь планъ дѣйствія. На обоихъ мысахъ, образующихъ гавань Ахейнъ, находятся гробницы Ахилла и Аякса, а вдали развалины Трои; иа-право, на возвышеніи, читатель можетъ вообразить себѣ храмъ Аполлона, неозначенный на картѣ, также какъ и самое возвышеніе, потому что Г. Бокжъ не могъ знать, что по прошествіи шкочольныхъ лѣтъ, то и другое понадобится одной русскои дѣвицѣ. За то Симонъ и Скандръ изображены тутъ въ настоящемъ ихъ видѣ. Вы видите, что Гомеръ не говоритъ безъ обвиненія; онъ напередъ справляется о названіяхъ рѣкъ; потомъ выражаетъ свое удивленіе въ томъ, что на онопечностяхъ мыслить не видать болѣе надгробныхъ памятниковъ обоихъ героевъ. Изумленный невѣжествомъ человѣка, съ которымъ онъ говоритъ, и который не знаетъ даже именъ героевъ, онъ старается поощрить его заманя и указываетъ на развалины Трои. Но опять изумленный и опечаленный забвеніемъ и этикой великихъ событій, онъ робко дѣлаетъ послѣдній вопросъ, и произноситъ свое собственное нѣмъ. Извиняте мое чистосердечіе, если снажу вамъ, что во написаніи этой послѣдней черты, я, не смотря на мою слабость, пустилась прыгать по компатъ, словно дурочка, и наконецъ тотчасъ угадала причину.» Вѣрно, ты придумала что-нибудь такое, что тебѣ очень нравится? — Ахъ, и очень, отвѣчала я, кълуга маленьку; вы сегодня-же узнаете въ чемъ дѣло.

Многие поэты, никогда не пропускайте случая разсмотрѣть какое-бы то ни было явленіе въ природѣ. Вы не можете знать, къ чему вамъ могутъ послужить подобныя познанія. Благодаря одному появленію лошаго болыа, которое я чудесно разсмагивала отъ начала до конца, представится мнѣ ярлычный для приключеннаго случая конецъ. •

Но я говорю о концѣ прежде, нежели о серединѣ. Этотъ безпорядокъ доказываетъ вамъ, какъ я довольна моею работою. Не

правда-ли, что никто не обвинить меня въ воровствѣ за то, что я включила въ мои стихи нѣсколько стиховъ Гомера изъ гимна его къ Дельфійскому Аполлону? О, скажите да. Знаете-ли, это самое включеніе стиховъ болѣе всего и нравится мнѣ въ моемъ сочиненіи.»

Бой съ духомъ Темесскимъ. «Какъ драгоценная руда чистаго золота, въсомъ не въ нѣсколько грановъ, а, можетъ, быть, пудъ, лежала подъ тонкимъ слоемъ земли въ продолженіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, прежде нежели случай вывелъ ее на свѣтъ, такъ точно и этотъ драгоценный для составленія привидѣнія матеріалъ болѣе двухъ съ половиною тысячелѣтій находился въ греческой исторіи, и никому не приходило въ голову вынуть это сокровище и обработать его въ прекрасную балладу. Вы можете себѣ вообразить мою радость при этой чудной находкѣ. Большаго восторга не ощутилъ бы какой нибудь бѣдный пахарь, который, не зная гдѣ достать семьѣ своей хлѣба, съ помощью своей изнуренной голодомъ скотины пахалъ бы свое поле, какъ вдругъ плугъ его вткнулся бы въ землѣ на нѣчто твердое; пахарь остановился бы, воткнулъ бы свой ломъ разъ, другой въ землю и попалъ бы наконецъ на твердое тѣло. Это не каменная глыба, подумалъ бы онъ, а много, что камень, величиною съ обыкновенный булыжникъ; во всякомъ случаѣ надобно вырыть его изъ земли. Онъ сталъ бы копать землю, какъ умѣлъ, безъ лопаты, и, о чудо! нашелъ бы въ глубинѣ обитый желѣзомъ сундукъ. Онъ выломалъ бы его концемъ своего лома, по негодности заржавленнаго замка, и что представилось бы глазамъ его: все золото, да серебро! Монеты, кубки, лампада, образъ!... Я почти то же ощущала, что ощутилъ бы голодной крестьянинъ при видѣ клада, благодаря которому онъ и дѣти его сдѣлались бы счастливыми.... Ничто такъ не вдохновляетъ, какъ радость; кровь кипитъ въ жилахъ и мысли рождаются въ избыткѣ; не знаешь, который выбрать. Въ этомъ сочиненіи все мое: приводимые несчастные случаи, родъ битвы, хитрость Евтима, а въ заключеніе красивая радуга, служащая какъ бы рамкою для прекрасной картины; ничего этого нѣтъ въ книгѣ. Иной, пожалуй, скажетъ: «видно по этому единоборству Евтима съ духомъ, что оно написано женскою рукою». — Какъ ни похоже подобное замѣчаніе на порицаніе, но оно будетъ мнѣ пріятно и послужитъ доказательствомъ, что сочинительница изобразила отчасти и самой себя. Поединокъ дѣло мужское, а не женское; въ такихъ случаяхъ, женщина, мнѣ кажется, всегда должна оставаться при своихъ склонностяхъ, и, говоря о вещахъ, несвойственныхъ ея полу, никогда не выражаться по-мужски. Разъ только мнѣ случилось слышать, какъ одна, впрочемъ весьма любезная, дама говорила о предметахъ, то же незнакомыхъ женскому полу, съ слишкомъ большимъ знаніемъ дѣла; за то, какъ немилосердно стали ее осуждать мужчины, когда она оставила собраніе; а за нее красѣла. Кстати, сдѣлаю еще одно замѣчаніе. Не смотря

на то, что музыка свойственна намъ также, какъ и мужчинамъ, но если когда-нибудь женщины вздумаютъ издавать въ свѣтъ музыкальныя сочиненія свои, то я совѣтовала бы имъ, не сочинять для большого оркестра и распорядить имъ подобно какому-нибудь Моцарту или Гайдну. Женщины - композиторки должны довольствоваться произведеніемъ пріятныхъ, нѣжныхъ, усладительныхъ пѣсень, но никогда не стараться возбуждать бурныя движенія оркестра, хотя бы онѣ и были въ силахъ это сдѣлать, по той простой причинѣ, что подобное произведеніе противорѣчило бы данному природою и уже принятому вообще характеру женщины. Женщина всегда должна оставаться женщиною, даже когда она состязается съ мужчинами.

Антигенидъ къ Тимофею. «Хвала книгамъ, какимъ бы то ни было, новымъ и старымъ, съ заглавнымъ листомъ, и безъ него! На дняхъ, кухарка нашего священника, пришедши изъ гостей, принесла съ собою книгу. Ей сказали, что это латинская книга; а какъ она была свидѣтельницею въ день именинъ священника, когда я говорила ему мое латинское привѣтствіе, то и вообразила, что очень меня обрадуетъ, если принесетъ мнѣ эту книгу. Я оставила ее при этой мысли, и поблагодарила за доброе ея намѣреніе. Эта книга была не что иное, какъ небольшой мнѣологическій словарь, безъ начала и конца. Не смотря на этотъ недостатокъ, я нашла въ ней жемчужину, которую не промѣняла бы ни на какое золото. Находка моя заключалась только въ пяти строкахъ, гдѣ говорилось о какомъ-то музыкантѣ Евномѣ, изъ Локри, у котораго однажды на играхъ лопнула струна на лютнѣ, но тотчасъ подлетѣла кобылка (насъкомое), и своимъ пѣніемъ замѣнила звуки недостававшей струны. Этотъ родъ чудеснаго показанія мнѣ самымъ прелестнымъ, и въ ту жъ минуту мнѣ захотѣлось обработать этотъ предметъ самымъ достойнымъ образомъ. Вы видите, какъ я исполнила мое намѣреніе. Но я должна еще пояснить, почему я избрала темою именно *Сотвореніе Мира*. Недѣли четыре тому назадъ, я съ маленькою была въ гостяхъ у дяденьки. Къ счастью моему, въ этотъ день дяденька съ пріятелями своими вздумали сыграть въ квинтетахъ одну часть изъ *Сотворенія Мира* Гайдна. Когда дяденька замѣтилъ мое безмолвное удивленіе во время игры увертюры, то есть хаоса, онъ попросилъ повторить пѣсню, вѣроятно, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ наградить за поднесенный мною ему и тетенькѣ подарокъ моей работы. Звуки этой музыки нѣсколько дней сряду раздавались въ ушахъ моихъ, и я рада была случаю дать волю моему уваженію къ Гайдну. Правда, я позволила себѣ довольно важный анахронизмъ, присвоивъ Терпандру чудесное произведеніе Гайдна; но я приписала бы его даже самому Орфею, славившемуся за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ, только бы не смолчать о немъ, не смотря ни на какія нареканія критики. По охотѣ моей удивлять иногда моихъ читателей введеніемъ какой-нибудь вещи, кажущейся съ перваго взгля-

да невозможную, я и тутъ сделала, это въ одномъ мѣстѣ. Я говорю о какомъ-то шестизвучномъ аккордѣ, который съ перваго взгляда, кажется, неудобноисполнимымъ съ нашими пятью пальцами, но я видѣла какъ мой родной дядя (Яковъ Богдановичъ Резибергъ) бралъ подобныя шестизвучные аккорды на гитарѣ двумя руками. Онъ бралъ ширшую ноту лѣвой рукой, а большимъ пальцемъ лѣвой руки, или, посредствомъ особеннаго движенія, большимъ пальцемъ правой руки. Посредствомъ этого движенія, онъ, какъ сказывалъ, а послѣ и на дѣлѣ показалъ, могъ производить даже сочизвучные аккорды, разумеется на гитарѣ съ семью струнами. Въ такомъ случаѣ онъ бралъ ширшую седьмую ноту большимъ пальцемъ лѣвой руки, а шесть высшихъ нотъ разъсѣривалъ пятью пальцами правой руки*.

Эпитафия пещера. - Хотѣю, чтобы сегодняшнее письмо мое не было такое же длинное, какъ прилагаемое стихотвореніе. Причиной же этой длины та, что я въ настоящемъ трудѣ положила себѣ нѣсколько различныхъ цѣлей, которыя и старалась достигнуть въ одно время и въ одинаковой степени. Вы знаете, въ какомъ почтеніи у меня Каллимахъ; это явно доказываетъ мѣсто, которое я опредѣляла въ этомъ сочиненіи, или, если смѣю такъ выразиться, въ этой художественной выставкѣ: онъ стоитъ непосредственно надъ Теокрыта. Стихотворенія Каллимаха имѣютъ, по крайней мѣрѣ для меня, особенную прелесть, особенную грацію, и я, начертывая свой планъ, желала создать нѣчто достойное его, но тоже остререгалаеь впасть въ малѣйшее подражаніе; нѣчто такое, что, въ переводѣ на греческіе гексаметры, даже знатоковъ заставило бы почитать стихами Каллимаха*. И такъ первое дѣло прелесть, — я давно уже замѣтила, что почти все мои стихотворенія серьезны, но я знаю, отъ чего это происходитъ. Я имѣю такое высокое понятіе о значеніи поэзіи, что рѣдко позволю себѣ цонижать свой слогъ и согласовать его съ пачинимъ бытомъ. Съ другой стороны, мнѣ не хотѣлось бы показать себя наюу, нежели я въ самомъ дѣлѣ. Я не такъ серьезна, какъ кажусь въ моихъ произведеніяхъ, по крайней мѣрѣ, я не всегда такая. Я могла бы призвать въ свидѣтели десятка два человекъ, которые все безъ исключенія подтвердили бы, что я и жидка, и весела, и охотница до шутокъ всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ: простыхъ, цорвинныхъ, задорныхъ, цоркихъ и цорючыхъ (но и эти послѣднія не съ тѣмъ, чтобы оскорбить), отъ того что всякій изъ нихъ болѣе или менѣе быдалъ предметомъ моихъ шутокъ, и все вмѣстѣ быдали свидѣтелями мой веселости. Следовательно и шутка надобно было, даваться въ моемъ стихотвореніи, чтобы Елисавета Кульманъ не прислыда угрюмымъ, мелодичнымъ, для удранымъ создани-

* Желаніе ея исполнилось. Многие ученые, знакомые съ греческою словесностью нѣтъ, нежели съ латинскою, принимали за переводы съ греческаго не только настоящее стихотвореніе, но и тѣ, которыя существуютъ подъ заглавіями: *Дикотъ, Аполлоній Родосскій, Овакритъ* и другія.

емъ. Но прелесть и шутка не исключили за то правоученія. Въ этомъ сочиненіи я мѣтила на нѣкоторыхъ изъ моихъ подругъ, у которыхъ нравъ слишкомъ безпеченъ, а сердце слишкомъ раздражительно, и которымъ я, отъ искренней любви хочу дать добрый совѣтъ. Будучи еще очень неопытна, я не могу думать, чтобы взглядъ мой на свѣтъ былъ вѣренъ; но полагаю, что не худо взирать на будущность свою всегда строгимъ взглядомъ, и приготовить себя къ встрѣчѣ съ тысячею случаевъ, въ которые она можетъ насъ запутать, часто безъ нашего содѣйствія. Безпечность, граничащая съ легкомысліемъ, ни для кого, мнѣ кажется, не прилична, а тѣмъ менѣе для дѣвушки, такъ точно какъ склонность къ преждевременной и неумѣренной вѣжности, близкой къ ложной чувствительности и влюбчивости. Я не знаю другихъ родовъ любви, кромѣ любви къ матери, къ своимъ роднымъ, ко всемъ людямъ вообще, которая къ нѣкоторымъ превращается въ дружбу; любовь же въ другомъ значеніи, которой, по мнѣнію нинѣшнихъ пожилыхъ людей, такъ же нельзя избѣгать, какъ многихъ болѣзней, которымъ каждый человѣкъ, хоть однажды въ жизни, долженъ подвергнуться, той любви я не знаю, и, по всему вѣроятію, я столько не проживу, чтобы узнать ее. Если же это болѣзнь душевная, то всего лучше, мнѣ кажется, беречься ея всѣми силами, и какъ можно долѣе. Вотъ это-то я и хотѣла шепнуть на ухо моимъ подругамъ. Лучшее предохранительное отъ злого средство, какъ говорятъ, трудолюбіе: стало быть, говоря безъ ватяжкы, трудитесь и работайте, мои милыя!

Теперь я должна вамъ сказать, откуда я взяла предметъ моего сочиненія. Я видѣла картинку, хоть и плохой отдѣлки, представляющую пещеру въ холмѣ, входъ въ которую почти былъ загражденъ множествомъ ниспадающихъ водяныхъ струекъ. Этотъ видъ удивительно мнѣ понравился, вопреки дурному исполненію и вы видите, что я изъ этого слѣдала. Если упоминаемая тутъ триптича ийца напомнятъ вамъ одну изъ одъ Анакреона, то это докажетъ вамъ, что я никогда не позабываю своихъ друзей. Первый и самый близкій моему сердцу, между Греками, это Гомеръ, и я не пропустила ни одного случая, гдѣ могла сказать о немъ слово. Второй же Анакреонъ. Грѣшно было бы смолчать о его стихихъ, или Эротовыхъ айцахъ, когда случай къ тому представился самъ собою.

Мать и Дочь. Вѣроятно, что такіе случаи часто происходили между Елисаветою Кульманъ и ея матерью, и также бывали печальны, какъ этотъ. Мы помнимъ, что нерѣдко заставляли обѣихъ съ заплаканными глазами, вѣроятно, въ слѣдствіе столь же грустныхъ разговоровъ. Впрочемъ, это небольшое стихотвореніе не что иное, какъ введсвіе къ слѣдующему, потому что мѣстность и главное лице въ обѣихъ одѣ и тѣ же.

Посвященіе. «Послѣ всѣхъ этихъ празднествъ: сельскаго Гелода, городского Пиндара, и доброй Царицы, гдѣ природа и не-

куство идутъ рука объ руку; послѣ этого не отважно-ли предпринимать описаніе еще четвертаго праздника? Но видно въ моей поэтической природѣ кроется нѣчто похожее на отвагу. Вотъ-же вамъ и четвертый праздникъ, но, я надѣюсь, всякій отдастъ мнѣ ту справедливость, что этотъ послѣдній праздникъ не имѣетъ ничего общаго съ предъидущими. Искусства и науки взяли на себя всѣ расходы. По-крайней-мѣрѣ, меня не обвиняютъ въ повтореніяхъ, хотя въ подобныхъ предпріятіяхъ это такъ легко можетъ случиться. Къ тому-жъ здѣсь выказано болѣе теоретическаго искусства, нежели въ прочихъ праздникахъ; все приготовлено самымъ естественнымъ образомъ, какъ видимо каждому. Планъ состоитъ изъ большихъ, ясно другъ отъ друга отдѣляющихся частей, въ которыхъ нѣтъ недостатка ни въ согласіи, ни въ соразмѣрности. Также, думаю, не пренебрежено постепенное увеличеніе интереса. Если-же я выказала здѣсь болѣе учености, чѣмъ гдѣ-либо, то причина тому находится въ самой вещи. Я полагаю также, что многое покажется новымъ для моихъ читателей; по-крайней-мѣрѣ, память моя, которая не изъ худшихъ, не укоряетъ меня ни въ похищеніи у кого-либо даже бездѣлицы, ни въ малѣйшемъ подражаніи. Вотъ, что касается до моего сочиненія вообще; теперь перейду къ подробностямъ. Вы видите здѣсь двойное введеніе, одно въ разговорѣ *Матери съ Дочерью*, другое въ разговорѣ *Странника съ Туземцемъ*; первое служитъ къ тому, чтобы выставить въ надлежащемъ свѣтѣ характеръ Береники, для которой готовится весь этотъ праздникъ; а второе, чтобы объяснить, что подало поводъ къ этому сочиненію. Въ этомъ послѣднемъ введеніи отъ вашего зоркаго взгляда не укроется, какъ я приготовила читателя къ послѣдному дѣйствию, сравнивъ посвящаемый храмъ съ древнимъ храмомъ солнца въ Гелиополѣ, и упомянувъ довольно ловко и кстати объ исторіи феникса: это одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыми я наиболѣе довольна.

«Для чего перевесла я дѣйствіе въ Александрію, въ Египтъ? Мѣстоположеніе Александріи имѣетъ разительное сходство съ мѣстоположеніемъ моего роднаго города; тотъ и другой находится по близости моря; тотъ и другой построены у устья рѣки; тотъ и другой обязаны существованіемъ своимъ существу необычайному, и случай еще хочетъ, чтобы потомокъ великаго основателя одного города назывался по имени основателя другаго города, и чтобы этотъ потомокъ обладалъ всѣми достохвальными качествами, которыми преемникъ основателя египетскаго города заслужилъ прекрасное прозваніе *Зверета*, благодѣтеля. Странникъ издали могъ видѣть дивныя зданія Серапіона, дворца и гробницы Алѣксандра; такъ и у насъ путникъ, плывущій вверхъ по Финскому заливу, видѣть блестящій куполъ нашей прекраснѣйшей церкви*, дворецъ царей и мѣсто ихъ погребенія.

* Казаискаго Собора.

Еще одно сходство: мать Птолемея также покровительствовала искусствамъ и наукамъ, какъ Родительница нашего Императора Александра.

«Хорошо-ли я сдѣлала, или дурно, что дала посвящаемому храму видъ, въ которомъ египетское величіе смѣшано съ греческою прелестью? Я думаю, что хорошо, потому что во всѣхъ путешествіяхъ, которыя читала, я усматриваю, что храмы и прочіе памятники временъ Птолемеевъ можно съ перваго взгляда отличить отъ храмовъ временъ Фараоновъ, по причинѣ особенныхъ свойствъ, которыя имѣютъ первые и которыя свидѣлствуютъ о греческомъ искусствѣ.

«Близъ морскаго берега путникъ примѣчаетъ искусственную въ видѣ полумѣсяца гору, другими словами каменный валь (mole). И у насъ, бѣдныхъ обитателей Васильевскаго Острова, наиболѣе потерявшихъ отъ наводненія, что-то много поговариваютъ объ устройствѣ какого-то высокаго каменнаго вала кругомъ той части вашего острова, которая обращена къ заливу, для огражденія насъ впредь отъ наводненій. Отъ этого обстоятельства описаніе тѣхъ претерпѣнныхъ бѣдствій, на которыхъ основанъ весь вымысль, тоже становится непринужденно.

«Вы помните еще ту книгу, которую однажды показалъ намъ Г. М. («Изслѣдованія египетскихъ празднествъ и таинствъ»), и ту прекрасную картину, представляющую Изидино шествіе, о которомъ такъ много говорили и такъ разное судили? Изида является тамъ въ различныхъ видахъ. Сія-то книга внушила мнѣ первую мысль къ сочиненію моему. Вы увидите здѣсь Изиду все одну и ту-же, во съ четырьмя знаменіями: основательницы общественаго быта, изобрѣтательницы изящныхъ искусствъ, покровительницы науки земной и покровительницы науки небесной. Вотъ и четыре отдѣленія моего сочиненія: сначала картина челоуѣческаго общества въ его первоначальномъ видѣ; потомъ картина того-же, по изобрѣтеніи изящныхъ искусствъ; за тѣмъ та-же картина, по водворившихся сношеніяхъ народовъ между собою; наконецъ четвертая по достиженіи высшей степени просвѣщенія. Въ первомъ случаѣ Изида называется Миріонимую, во второмъ Мнемозиную, въ третьемъ Цибелю, а въ четвертомъ Уранію.

«Я должна объяснить одну часть второй картины, а именно театральное представленіе одного комическаго и одного трагическаго дѣйствія. Можетъ-быть, вы еще не позабыли замѣчанія, которое сдѣлалъ кто-то, разсматривая вышеупомянутую картинку, что во время этихъ религіозныхъ шествій происходило полное представленіе о томъ, какъ Озирисъ былъ убитъ жестокомъ Тифономъ. Помните, какъ невѣжливо отвѣчалъ на это другой: «Какой вздоръ! возможно ли дѣлать представленія на подвижномъ и ходячемъ помостѣ?» — Эта мысль, или сомнѣніе, сдѣлала на меня впечатлѣніе, какъ все вообще странное. Когда-же къ

этому присоединилась еще моя вышесказанная склонность къ от-
важности (разумѣется въ искусствѣ:), тогда я стала обдумывать,
какимъ бы образомъ привести въ исполненіе то, что неученый
критикъ, по моему, напрасно призналъ невозможнымъ. И я нашла
средство. Должно предпологать, что всѣ дѣйствующія лица
подвигаются вмѣстѣ съ подвижнымъ помостомъ и въ одинаковомъ
направленіи, покуда имъ слѣдуетъ тутъ быть. Когда же имъ на-
добно уходить, то они, или останавливаются (разумѣется, на од-
ной изъ двухъ линій, которыя ведутъ къ обоямъ выходамъ, нахо-
дящимся на концѣ помоста), или идутъ по направленію, противо-
положному прежнему ихъ ходу. Чтобы показать моимъ читате-
лямъ мое умѣнье, я сдѣлала два представленія, комическое и
трагическое. Впрочемъ, я вмѣстѣ съ нѣкоторыми моими подру-
гами уже сдѣлала очевидный опытъ въ огромнѣйшей залѣ, передъ
публикою, состоявшею изъ четырехъ дамъ, представленіемъ ко-
медіи подъ названіемъ «Прерванная Свадьба».

«Каждый изъ четырехъ отдѣловъ моего сочиненія, или каждое
изъ четырехъ дѣйствій заключается хорами, выражающими вся-
кій разъ значеніе дѣйствія. Я думаю, что эти хоры удались мнѣ.
Надѣюсь, съ меня не взыщутъ за моего слѣпаго пѣвца; это, мо-
жетъ быть, послѣдній разъ, что я могу громко воздать мое глубо-
кое почтеніе къ царю поэтовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ,
которое я буду питать къ нему по самую смерть мою, можетъ
статься, уже близкую.

«За этими четырьмя картинами общественнаго быта, слѣдуетъ
пятая, самое праздничное шествіе, съ завѣшеннымъ изображені-
емъ Пизиды. Оно ведетъ къ развязкѣ посредствомъ вопроса вер-
ховнаго жреца и слѣдующаго за тѣмъ отвѣта одного изъ жре-
цовъ. — Какъ вамъ нравится мое изображеніе Петра Великаго въ
лицѣ его Македонскаго предшественника? Явленіе же Феникса
на верхушкѣ храма, въ знакъ божественнаго благоволенія, при-
ведено, какъ вы видите, не безъ пригетовленія.»

ПИСЬМА, СВѢДѢНІЯ и ЗАПИСКИ
О МАРИИ СТЮАРТЪ,
КОРОЛЕВЪ ШОТЛАНДСКОЙ.

ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ ОРИГИНАЛОВЪ И РУКОПИСЕЙ ЛОНДОНСКАГО STATE
PAPER OFFICE И ГЛАВНѢЙШИХЪ АРХИВОВЪ И БИБЛИОТЕКЪ ЕВРОПЫ,¹

Княземъ Александромъ Лобановымъ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Марія Стюартъ встрѣтила въ Шотландіи не одного рода затрудненія и всѣ большой важности. Въ какихъ отношеніяхъ держать ей себя къ торжествующему протестантизму? Какъ ужиться ей съ королевой Елисаветой, могущественною сосѣдкой, враждебною ей по душѣ? Какъ вступить ей въ бракъ не ослабивъ королевства, если выйдетъ замужъ за иностраннаго принца, и не раздѣливъ его, если изберетъ мужа изъ собственныхъ подданныхъ? Чтобы выпутаться изъ этихъ затрудненій, ей надобно было имѣть осторожность выше лѣтъ ея, и притомъ не соответственную страстному и подвижному характеру. Хитрость въ ней соединялась съ недостаткомъ осмотрительности; она была склонна къ интригамъ, но не способна къ искусному, выдержанному выполненію своихъ намѣреній; умная и не разсудительная, она управлялась прихотями, которыя дѣлали изъ нея женщину обольстительную, но помѣшали быть королевою, уважаемою. Самая красота должна была вредить ей.

Со всѣмъ тѣмъ, она сначала очень ловко дѣйствовала съ протестантами, прежде нежели задумала о возстановленіи изгнаннаго католицизма, какъ это сдѣлала пять лѣтъ позже. Понимая какъ для нея важно не вооружать противъ себя этой страшной партіи, она, за нѣсколько времени до отъѣзда во Францію, говори-

ла Трокмортону: «Я рѣшилась не употребить поудительныхъ мѣръ ни противъ кого изъ моихъ подданныхъ; но должно желать, чтобы всѣ они были единодушны ко мнѣ, и я увѣрена, что никто не станетъ побуждать ихъ къ поудительнымъ мѣрамъ противъ меня». Въ томъ же смыслѣ объяснялась она съ побочнымъ братомъ, лордомъ Джемсомъ Стюартъ, ревностнымъ приверженцемъ реформатской вѣры, которой онъ былъ политическимъ главою въ Шотландіи, когда прїѣзжалъ къ ней въ апрѣлѣ 1561 года. Сначала она пыталась склонить его къ прежней вѣрѣ. Съ согласія племянницы, герцога де Гюнзъ и кардинала лотарингскій общали исходатайствовать ему кардинальскую шапку, если перейдетъ къ католичеству *; но онъ отказался. Передъ отъѣздомъ въ Парижъ, онъ видѣлся въ Лондонѣ съ Елисаветою, и положилъ основаніе той связи съ нею, которая должна была погубить сестру его. Трокмортонъ, котораго онъ посѣтилъ во Франціи, не преминулъ дать своей государыни совѣтъ, привлечь его на свою сторону, «какъ одного, говорилъ онъ, изъ самыхъ могущественныхъ и самыхъ мудрыхъ и честныхъ во всемъ шотландскомъ королевствѣ» **. Къ этому онъ присовокупилъ, что для достиженія такой цѣли стоитъ употребить двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Лордъ Джемсъ Стюартъ, который скоро возведенъ былъ сестрою въ достоинство графа Муррей, и игралъ такую значительную роль въ продолженіе этого смутнаго и несчастнаго царствованія, былъ ревностный пресвитеріанецъ и приверженецъ уніи съ Англіей. Онъ полагалъ, что безъ содѣйствія этого государства, сблизеннаго съ Шотландією и мѣстоположеніемъ и религіозными чувствованіями, реформатской вѣрѣ угрожаютъ большія опасности, и что для шотландскаго королевства гораздо выгоднѣе находится подъ покровительствомъ протестантской Англіи, чѣмъ быть католическимъ вассаломъ Франціи. Сначала онъ пытался было согласить обязанности свои къ вѣрѣ, которую желалъ утвердить и оградить, съ сердечнымъ повиновеніемъ сестрѣ королевѣ, которой онъ обязанъ былъ мудрыми совѣтами. Въ первое воспресеніе по прибытіи Маріи Стюартъ, онъ доставилъ ей возможность, отправлять богослуженіе по обряду католическому, что нѣсколько уже времени было воспрещено, и въ продолженіе богослуженія самъ стоялъ у дверей церкви, чтобы возбужден-

* Тайтлеръ, томъ VI, страница 257.

** Письмо къ Елисаветѣ, отъ 29 апрѣля 1561, которое въ первый разъ привелъ Тайтлеръ, томъ VI, страница 258.

ный фанатизмомъ народъ не помѣшалъ священнодѣйствию *. По въ то же время, онъ убѣждалъ ее жить въ добромъ согласіи съ королевою Елисаветою, и стараться пріобрѣсти благорасположеніе протестантовъ такими мѣрами, которыя могли бы внушить имъ довѣріе. Она это и сдѣлала: отправила государственнаго секретаря Литингтона къ Елисаветѣ, съ изъясненіемъ дружественнаго къ ней расположенія **, и составила совѣтъ изъ двѣнадцати членовъ, въ числѣ которыхъ семь были приверженцы къ новаго ученія ***.

Протестантизмъ утвердился въ Шотландіи на самыхъ демократическихъ началахъ. Королевская власть совершенно устранилась отъ управленія Церковью. Она не принимала участія въ назначеніи священнослужителей или пасторовъ, и не имѣла на нихъ никакого вліянія. Они избирались непосредственно народомъ. Выборъ христіанской общины утверждалъ ихъ въ санѣ священнослужителя, и духовнаго рукоплексанія не требовалось, какъ это соблюдалось въ другихъ протестантскихъ церквяхъ. Избранный въ санъ, прежде вступленія въ отправленіе обязанности своей, подвергался только испытанію, чрезъ другихъ священнослужителей и старшинъ, по предметамъ, спорнымъ между римскою церковью и шотландскою конгрегаціею, для убѣжденія въ правильности его ученія и для сохраненія религіознаго единства. По оковчаніи испытанія, избранный представленъ былъ священнослужителями, собратами его, членамъ прихода, и считался принявшимъ рукоположеніе ****.

Вся Шотландія раздѣлена была на шесть округовъ, управляемыхъ шестью священнослужителями, носившими званіе суперинтендентовъ. Въ этихъ шести округахъ находилось еще множество приходовъ, въ завѣдываніи священнослужителей, кругъ дѣйствія которыхъ былъ сграииченъ. Рядомъ съ ними стояли: *наставники* или *teachers*, которые учили священному писанію и толковали его; *старшины* и *діаконы*, наблюдавшіе за благочиніемъ и распредѣлявшіе подаянія, а ниже ихъ были *чтецы*, которыхъ обязанность состояла въ одномъ чтеніи общественныхъ молитвъ и библіи. При каждомъ приходѣ учреждена была шко-

* Тайтлеръ, томъ VI, страница 277.

** Инструкція Уилліаму Майтленду (лорду Литингтону), помощнику государственнаго секретаря. Лобановъ, томъ VI, страница 104; Кейтъ, томъ I, страница 185.

*** Тайтлеръ, томъ VI, страница 289.

**** The Book of policy или first Book of discipline.

ла, и за руководством для ученія принять женевскій кѣтихизисъ. Священнослужители, соединенные въ общемъ собраніи, самовластно управляли шотландскою Церковью и предписывали ей законы, безъ всякаго вмѣшательства, повѣрки или согласія властей гражданскихъ. При такомъ демократическомъ устройствѣ и восторженныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, Церковь не только стала независимою отъ королевской власти, но вздумала ее руководствовать и, наконецъ, должна была подчинить ее себѣ. О притязаніяхъ и власти Церкви можно судить изъ разговора Нокса (Кнох), избраннаго въ священнослужители въ Единбургѣ, съ Маріею Стюартъ, въ голландскомъ дворцѣ, въ первыхъ числахъ сентября *, недѣля черезъ двѣ по возвращеніи этой государыни въ Шотландію. Она приняла его въ присутствіи брата своего лорда Джемса Стюартъ, и стала выговаривать ему за изданную имъ въ 1558 году книгу, — когда въ Англіи царствовала еще Марія Тюдоръ, а въ Шотландіи была правительницею Марія де-Гюизъ, которая чрезвычайно не нравилась и Елисаветѣ. Она укорила его въ томъ, что этимъ сочиненіемъ онъ поколебалъ ея власть. — «Но вы говорите о женщинахъ вообще, возразила королева». — «Правда, государыня, но я убѣжденъ, что руководствуясь мудростью, ваше величество не станете огорчаться изъ за такихъ предметовъ, которые до-сихъ-поръ не уменьшили уваженія къ особѣ вашей, и не обращались къ ущербу вашей власти.»

Марія Стюартъ, выслушавъ его, нѣсколько времени, оставалась безмолвною, какъ будто поглощенная размышленіями, и предвидя мрачную и страшную будущность; какую готовить ей эти угрожающія ученія, сказала наконецъ: — «Хорошо! я вижу, что мои подданные обязаны повиноваться вамъ, а не мнѣ, дѣлать то, что имъ заблагоразсудится, а не то, что я велю... **

Разговоръ сталъ еще горячѣе, когда коснулся самой сущности христіанской вѣры. Марія Стюартъ пыталась защищать римскую Церковь.... Наконецъ она сослалась на свою совѣсть; Ноксъ

* M'erie, Life of Knox. Томъ I, страница 31.

** «The historie of the reformation, of religion within, the realm of Scotland, etc., together with the life of Johnie Knoxe, the author of several curious pieces wrote by him, etc. Taken from the original manuscript in the university library of Glasgow, and compared within other ancient copies». Единбургъ, 1732, in fol, стр. 287 — 292 и M'erie life of Knox, томъ II, страница 32.

возражалъ, что это не иное что какъ невѣжество. Споръ принялъ бы характеръ еще менѣе почтительный, если бы королева благоразумно не прекратила его» *.

Реформаторы, явптаяные чтеніемъ Библіи, подражали грубымъ нравамъ Израильтянъ. Въ-особенности этимъ отличался Ноксъ, котораго порицали за это даже сами протестанты.

«Вамъ извѣстна, писалъ Литингтонъ къ Сесію, заносчивость господина Нокса; она не знаетъ предѣловъ и внушаетъ ему иногда такіа слова, которыхъ не переварить слабому желудку. Я желалъ бы, чтобъ онъ говорилъ съ королевою съ большимъ смиреніемъ и любезностью, потому что у юной государыни убѣжденія еще не совсѣмъ утвердились. Что касается до нея, то въ разговорахъ съ нимъ она обнаруживаетъ мудрость выше своихъ силъ» **.

Марія Стюартъ не покидала однако же надеждъ на восстановление религіи, хотя и откладывала до времени осуществленіе ихъ. Она не могла послать ни одного католическаго епископа на тридентинскій соборъ, возобновившій свои совѣщанія, послѣ продолжительнаго бездѣйствія, и поручила присутствовать на немъ кардиналу лотарингскому. Латинскія ея грамоты, по этому предмету къ тридентинскому собору, и итальянскія письма ея къ дядѣ и папѣ, помѣщены въ собраніи князя Лобанова ***. Она просила кардинала изъяснить папѣ повновѣпіе, которымъ она ему обязана: «Я рѣшила, присвокупляя она, лучше жить и умереть въ древней католической и римской церкви, чѣмъ отдѣлиться отъ нея. Я считаю папу главою ея и пастыремъ, и прошу его вѣрить въ мою преданность. Выразите ему,—вы къ этому способны,—какъ неприятно мнѣ смотрѣть на бѣдственное положеніе этой страны, и какъ бы я почла себя счастливою, если бы могла помочь сколько-нибудь, даже съ пожертвованіемъ собственной жизни, которой готова лишиться скорѣе чѣмъ отреченіемъ отъ моей вѣры, принять малѣйшую часть ихъ ереси ****.

* Тамъ же.

** Тайтлеръ, томъ VI, страница 281.

*** Лобановъ, томъ I, стр. 175—177—179

**** «Facendogli testi monianza del dispiacere che ho di questo miserabile pacto et credere ch'io mi stimerò felice di poter rimediare se ben bisognasse con la propria vita, la piùle io perderò qua tosto che, cambiando mia fede, approvar in parte alcuna le loro heresie». Лобановъ, томъ I, стр. 176. «Il quale habbiamo con nostro grandissimo dispiacere trovato fuori della buona via et sommerso nella nuove opinioni ⁴¹ dannabili errori».

Льшу себя надеждою, что онъ васъ выслушаетъ; это заставляетъ меня умолять васъ, испросить у него извиненіе за все, чѣмъ я могла преступить обязанности мои къ вѣрѣ; вамъ извѣстны больше чѣмъ кому другому воля моя и мое безсиліе. Дѣйствительно, она давала повяты святому отцу всю скорбь, какую она испытывала, что не могла освободить свой народъ отъ новыхъ мнѣвій и *пагубныхъ заблужденій*, которыми онъ увлекся *, несмотря, что по возвращеніи своемъ, она употребляла всѣ свои старанія, мысли, всю власть, чтобы навести его на путь истины.

Пока, она вѣрила себя искуснымъ, но пристрастнымъ дѣйствіямъ своего брата, и хотя оставалась вѣрною католической религіи, но всё-таки католическая партія много потеряла: графы де Гунтли и Ботвэлла, считавшіеся ея главами, устранены были отъ дѣлъ. Джемсъ Стюартъ, сдѣлавшійся съ 10 сентября 1562 года графомъ Муррей, распорядился всѣмъ; онъ приказалъ преслѣдовать, какъ заговорщиковъ, Гунтли, который впоследствии погивъ съ кланомъ Гордоновъ, и заключить въ тюрьму Ботвэлла, котораго страсть и благосклонность, пять лѣтъ спустя, были такъ пагубны для Маріи Стюартъ. Муррей выхлопоталъ для своего брата, графа Мортонна, званіе канцлера на мѣсто Гунтли, и старался убѣдить сестру въ притворномъ согласіи съ партіей протестантскою и въ тѣсной дружбѣ съ Елисаветою.

Впродолженіе четырехъ лѣтъ, отношенія обѣихъ королевъ были какъ-пельзя лучше. Марія Стюартъ, съ большимъ усердіемъ и искусствомъ завскивала благорасположеніе своей недовѣрчивой сосѣдки. Переписка изданная княземъ Лобановымъ, служитъ этому подтвержденіемъ. Она заключаетъ множество писемъ этой государыни къ ея *любезнѣйшей сестрѣ* о различныхъ предметахъ, въ нѣкоторыхъ говорится объ отношеніяхъ подданныхъ ея къ Англіи, или о ихъ проѣздѣ черезъ это королевство; другіе же гораздо важнѣе по содержанію своему. Въ этихъ послѣднихъ письмахъ, Марія Стюартъ выказываетъ свои права на престолъ Англіи, какъ ближайшая родственница и наслѣдница Елисаветы. Она препоручаетъ Елисаветѣ принять участіе въ дѣлахъ ея привахъ Лотарингскаго дома съ тѣмъ, чтобы она вступилась за нихъ во время немилости ихъ при французскомъ дворѣ, потомъ она предлагаетъ ей свое посредничество между ею и нимъ,

* Тамъ же, страница 177.

когда Гюизы въ главѣ партіи католической борются съ протестантскою, которую поддерживаетъ Елисавета. Чтобы придать союзу съ Елисаветою болѣе искренности, она предлагаетъ свиданіе съ нею въ Йоркѣ, настаивая на этомъ неоднократно. Предусмотрительный Муррей играетъ въ этой хорошо замышленной политикѣ, роль совѣтника; ловкій Литингтонъ, часто посылаемый въ Лондонъ, служитъ переговорщикомъ; а для того, чтобы онъ имѣлъ болѣе успѣха, обольстительная Марія, пишетъ къ Роберту Дудлею, любимцу Елисаветы и къ Сесалию, первому ея министру, письма, исполненные любезностей.

Подробности этого дѣла находятся въ собраніи князя Лобанова *, гдѣ помѣщены любопытныя условія насчетъ этого свиданія, часто обѣщаннаго и не осуществившагося **. Князь Лобановъ думаетъ, что Елисавета никогда не помышляла о свиданіи съ Марією Стюартъ. Однако жъ вотъ что пишетъ Поль де-Фoa, французскій посланникъ въ Лондонѣ, къ Екатеринѣ Медичи, о расположеніи Елисаветы въ этомъ отношеніи:

«Монсеньоръ де Ладитонъ (Летингтонъ) хлопочетъ, чтобы королева англійская направила путь свой на сѣверъ, въ намѣреніи свести обѣихъ королевъ. Онъ встрѣчаетъ къ тому много затрудненій со стороны совѣта означенной государыни, который всѣчески старается устранить это предположеніе; однакожъ по видимому она не соглашается съ нимъ и очень желаетъ ѣхать туда, и если рѣшится на это, то предприметъ поѣздку въ началѣ будущаго мѣсяца. Она отправляетъ въ поведѣльникъ къ посланнику своему Тролемонтову (Трокмортопу) гонца Дерзунга частью для того, чтобы звать его миѣніе о статьяхъ, представленныхъ помянутымъ Ладитономъ, относительно условій и обезпеченій, при которыхъ означенная королева шотландская согласна прибыть въ Англію, частью, чтобы звать о положеніи дѣлъ во Франціи; лишь только сказанный гонецъ возвратится, она должна будетъ рѣшить свою поѣздку» ***.

Онъ прибавлялъ въ своей депешѣ отъ 22 іюня: «Королева англійская положила ѣхать на сѣверъ и держать путь на Йоркъ, который отсюда въ двухъ-стахъ миляхъ, чтобы вести тамъ переговоры съ королевою шотландскою»; но это намѣреніе, отложенное на время междусобныхъ войнъ по случаю протестантовъ во

* Лобановъ, томъ I, стр. 137—239.

** Тамъ же, страница 150

*** Незаданное письмо Поля де-Фoa, французскаго посланника при англійскомъ дворѣ, къ Екатеринѣ Медичи отъ 13 Іюня 1562 года.

Франціи, въ которыхъ принимала участіе и Елисавета, никогда не исполнялось.

Приняло ли бы это намѣреніе такой оборотъ, какой ожидала Марія Стюартъ? сомнительно. Ревность женщины вѣроятно отразилась бы въ надменной Елисаветѣ, политику королевы. Впрочемъ Елисавета всегда готова была обѣщать то, чего ненамѣрена была исполнить.

Какъ бы то ни было, все шло хорошо между ними, до того дня, когда въ Маріи Стюартъ страсть подавила внутреннюю ей осторожность. Она была слишкомъ пылка, чтобы согласить свои склонности съ политическими интересами, какъ дѣлала это, съ такимъ выдержаннымъ искусствомъ, хитрая соперница ея. Необходимость, оставить послѣ себя наследника шотландскаго престола, заставляла ее думать о замужствѣ. Къ тому подстрекала ее молодость; подданные изъявляли желаніе, и многіе принцы Европы искали руки ея. Мы видѣли, что вскорѣ послѣ смерти перваго ея мужа, между прочими искателями, былъ и донъ-Карлосъ сынъ Филиппа-Втораго. Это предположеніе о бракѣ, было возобновлено старшіими кардинала Гранвельскаго и герцогини Армотской, къ которымъ Марія Стюартъ отправляла своего секретаря Ролле, пользовавшагося ея довѣріемъ *. Другіе важнѣйшіе женихи были: одинъ изъ эрцгерцоговъ сыпозей Фердинанда-Перваго **; донъ Овервскій, сынъ герцога Монпасьерскаго ***; принцъ

* Князь Лобановъ напечаталъ объ этихъ переговорахъ много весьма любопытныхъ писемъ Маріи Стюартъ къ кардиналу Гранвелю и герцогинѣ Армо, Томъ I, стр. 197, 200, 202, 204, 206, 207, 209, 210, 211, 212, 213 и въ особенной части, стр. 244 — 248.

** .... А что касается до слуховъ, писала Марія Стюартъ къ герцогинѣ Армо, о помолвкѣ между сыномъ Императора и мною, то слухи эти ложны; была рѣчь объ этомъ болѣе года назадъ между нимъ и кардиналомъ Лотарингскимъ, мнѣмъ дядею; но съ-тѣхъ-поръ я ничего уже не слыхала; и я увѣрю васъ откровенно, что объ этой партіи я всего менѣе думала, не потому, чтобы я не признавала ее блистательною и почетною; но по причинѣ неудобства въ отношеніи дѣлъ монхъ, сколько въ этой странѣ столько же и въ той, на которую нѣтъ нѣкоторыхъ правъ. Лобановъ, Томъ I, стр. 249. Позже однакожъ разрывъ переговоровъ съ Испанією о бракѣ съ Донъ-Карлосомъ, она приписываетъ настояніямъ дядей своихъ въ пользу эрцгерцога Карла.

*** Францискъ-Бурбонскій, родившійся въ 1542, сынъ Людовика-Втораго, герцога Монпасьерскаго. Вотъ что говоритъ Поль де-Фоз, о брачномъ его предложеніи, въ письмѣ къ Екатеринѣ Медичи отъ января 1565 года: «Вру-

Конде *, герцогъ Феррарскій и прочіе. Выбери мужа была для нея труднѣе; онъ интересовалъ равномѣрно и партію протестантскую и королеву англійскую: одна боялась, чтобы она не вышла за мужа за принца католической вѣры, другая за иностраннаго государя.

Ноксъ снова появился на сценѣ, чтобы выказать угрожающія тревоги своихъ приверженцевъ; уже нѣсколько времени до этого онъ виѣшался въ дѣло съ свойственною ему наглостью, и принудилъ Марію Стуртъ пресѣчь покушенія несчастныхъ католиковъ, отправлявшихъ миссу въ неприступныхъ мѣстахъ горы и въ чащѣ лѣсовъ.....

Боясь, чтобы не посягнули на ея права, Марія Стуртъ принуждена была сама отдать на судъ начальнику правосудія Аржиль, многихъ бѣдныхъ католическихъ священниковъ, которые служили миссу, воспрещенную законами, за что и были приговорены къ временному заключенію въ тюрьму.

Будущій бракъ государыни столько же занималъ суроваго реформатора Нокса, сколько раздражало открытіе его воспрещеннаго богослуженія. Онъ выражается объ этомъ, по обыкновенію, открыто и дерзко. Королева призвала его къ себѣ и сказала ему: «Вы са-

читель сего — Руларъ, тотъ самый, который, какъ уже я писалъ вашему величеству, посланъ былъ въ Шотландію, по дѣлу о бракѣ графа дофина и привезъ къ государю отцу его письмо королевы шотландской, которое, сказалъ онъ мнѣ, имѣетъ выраженія ея лица въ ту минуту, когда онъ ей говорилъ о бракѣ; означенныя письма, какъ я отъ него же слышалъ, были рассмотрѣны въ совѣтѣ помянутой королевы, и содержать въ себѣ учтивый отказъ. Означенный Руларъ расскажетъ вамъ, какую веселую жизнь ведетъ королева, проводя утро на охотѣ, а вечеръ въ танцахъ и маскарадахъ, что вашему величеству кажется страшнымъ, какъ изволите сообщать мнѣ въ письмахъ отъ пятого числа прошедшаго мѣсяца». Королевская бібліотека, рукопись Гарлея 218.

* Она пишетъ 6 ноября 1564 года къ герцогинѣ Армо: «Я слышу, что принцъ Конде ищетъ руки моеѣ черезъ бабушку мою и дядю моего кардинала, которымъ онъ сдѣлалъ всевозможныя предложенія, какъ относительно религіи, такъ и другихъ предметовъ; онъ готовъ даже отдать дѣтей своихъ въ заложники, въ удостовѣреніе того, что обезпечитъ монахъ отъ всѣхъ ихъ вратовъ, предоставивъ мнѣ торжественную вѣдь ними расправу, и для этой цѣли долженъ прислать ко мнѣ таиннаго дворянина большаго прощолу, который такъ поступитъ съ здѣшними вельможами, исповѣдующими протестантскую вѣру, что они поневолѣ мнѣ послушаются». Лобановъ. Томъ I стр. 245.

ни говорите, что вамъ не слѣдуетъ находиться при дворѣ государей и въ обществахъ дамъ, и что я хорошо понимаю, вся наша обязанность заключается въ одномъ проповѣдываніи Слова Божія: для чего же вы вмѣшиваетесь въ мой бракъ, и что вы такое въ государствѣ?». Наконецъ, приведенная въ негодованіе, приказала ему удалиться.

Въ этомъ отношеніи интересы англійскаго правительства, были одинаковы съ интересами протестантской партіи въ Шотландіи. Поэтому-то Елисавета употребила все средства, чтобы воспрепятствовать Маріи Стюартъ вступать въ бракъ съ принцемъ, который могъ бы быть опасенъ собственному ея королевству и когда-нибудь произвести въ немъ смуты. Они хотѣли бы дать ей въ мужья такого человѣка, которымъ бы она вполне располагала. и предложили ей лорда Роберта Дудлея, ея любимца, получившаго вскорѣ титулъ графа Лейчестерскаго. Это щекотливое предложеніе поручено было сдѣлать Рандольфу, отправленному къ Маріи Стюартъ въ качествѣ посланника. Какъ можно было ожидать, оно было принято вначалѣ съ большимъ удовольствіемъ.

«— Думаете ли вы, мосьё Рандольфъ, сказала Марія Стюартъ посланнику Елисаветы, что прилично королеви англійской, которая обѣщала поступать со мною какъ съ сестрою или дочерью, предлагать мнѣ бракъ съ милордомъ Робертомъ, бракъ съ однимъ изъ ея подданныхъ **?»

Другой женихъ, полу-англичанинъ, полу-шотландецъ, привалявавшій по женской линіи въ фамиліи, которая царствовала въ Англіи и Шотландіи, и владѣвшій собственностью въ обѣихъ земляхъ, былъ молодой лордъ Дартлей, сынъ графа Леннокскаго. Дартлей находился въ это время въ Лондонѣ, вмѣстѣ съ отцемъ, изгнаннымъ за преступленіе; тотъ и другой подозрѣвались въ иновѣдываніи католической вѣры. Это обстоятельство, которое должно бы было заставить Елисавету принять мѣры предосторожности, не помѣшало ей ходатайствовать у Маріи Стюартъ за

* What have you to do with my marriage, or, what are you within the commonwealth?—A subject born within the same, said the reformer. and albeit, Madam, neither baron, lord, nor belted earl, yet hath God made me how subject so ever in your eyes, a useful and profitable member... и прочее Ноксъ, у Тайтлера, Томъ IV, стр. 331.

** Денеша Рандольфа къ Сесью, отъ 30 марта 1564 года, у Тайтлера, Томъ VI, стр. 338.

графа Леннокскаго, чтобы она позволила ему возвратиться въ Шотландію, и даровавъ ему прощеніе, снова поставила бы его на ту высокую степень, на какую онъ имѣлъ право по своему происхожденію. Она желала безъ сомнѣнія, хитрою и предусмотрительною политикою, вмѣсто Роберта Дудлея, употребить въ свою пользу, сына графа Леннокскаго, чтобы устроить притязанія на ея руку принцевъ континентальныхъ, которыхъ очень опасалась, предоставляя себѣ въ послѣдствіи употребить все средства для удаленія самаго Даррлея. Сесиль предварительно совѣтовалась съ Мурреемъ Литольтономъ, на счетъ неудобствъ, какія могъ встрѣтить протестантизмъ, въ возвращеніи Леннокса. Муррей отвѣчалъ ему отъ 13 іюля 1564: «Наше учрежденіе, благодаря Бога, не такъ слабо, чтобы мы могли бояться за него, потому что мы пользуемся благорасположеніемъ нашей государыни и свободою совѣсти, сколько этого можно желать.... Приѣдетъ онъ или не приѣдетъ, это не будетъ имѣть большаго дѣйствія на дѣла религій» *.

Елисавета снабдила графа рекомендательными письмами и отпустила его въ Эдинбургъ, куда онъ и приѣхалъ 23 сентября. Марія Стюартъ приняла его весьма благосклонно и возвращала ему прежнія званія. Ленноксъ горячо принялся за осуществленіе предположенія о бракѣ сына его съ юною королевою. У него были даже ходатаи предъ Елисаветою, которые умоляли ее содѣйствовать ему. «Но, писалъ Сесиль къ Томасу Смиту, бывшему англійскимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ, вмѣсто Трокмортона, я не вижу, чтобы ея величество была къ тому расположена. Она скорѣе продолжаетъ желать, чтобы ему былъ предпочтенъ милордъ Лейчестеръ. Даже, по этому случаю, было въ прошедшемъ мѣсяцѣ, въ Бервикѣ, совѣщаніе между милордомъ Мурреемъ и лордомъ Летингтономъ. Недавно только что были возобновлены переговоры, относительно условій при какихъ ея величество сдѣлаетъ предложеніе, но до-сихъ поръ нѣтъ еще на счетъ этого положительнаго отвѣту. Но, по правдѣ, судя о перемѣнчивости этихъ дѣлъ, я не могу ничего сказать утвердительнаго о послѣдствіяхъ.... Хотя ея величество королева очень желаетъ, чтобы милордъ Лейчестеръ достигъ чести быть мужемъ королевы шотландской; однако жъ когда дѣло коснется до предлагаемыхъ условій, то вижу, что желаніе ея охладѣ-

* Тайтлеръ, Томъ VI, стр. 346.

васть» *. Нерѣшительную Елисавету волновали противоположныя чувства. Политика понуждала ее женить Лейчестера на королеви шотландской, сердце же убѣждало сохранить его своимъ наперстникомъ.

Въ началѣ февраля 1565, Марія Стюартъ показала себя не менѣ нерѣшительною. Она отправилась въ замокъ Святаго Андрея, куда послѣдовалъ за нею англійскій посланникъ Рандольфъ. Тамъ, свободная отъ стѣснительнаго этикета, она бесѣдовала съ нимъ остроумно и дружественно, во время стола, гдѣ садла его возлѣ себя, или во время прогулокъ верхомъ, въ которыхъ онъ сопровождалъ ее. Она говорила ему о самыхъ задушевныхъ предметахъ, и какъ она сильно желала быть признаною законною наследницею престола Англии, то въ уваженіе этого, соглашалась на бракъ, котораго хотѣла Елисавета и отказывалась отъ всѣхъ предложеній, какія ей дѣлали континентальные государи. Потомъ, когда она сказала Рандольфу о Франціи, о привязанности ея къ этой странѣ, гдѣ она получила воспитаніе, и гдѣ она стала женою могущественнаго короля, о друзьяхъ, которыхъ она оставила тамъ, и о новыхъ сдѣланныхъ ей предложеніяхъ, королева прибавила: «Вы понимаете, что я непременно должна выйти замужъ, откладывая далѣе вступленіе въ бракъ значило бы подвергнуться многимъ неудобствамъ. Вашей государынѣ извѣстны были мысли мои на счетъ этого предмета: во многихъ случаяхъ я доказала сколько расположена была слѣдовать ея внушеніямъ и между тѣмъ я не вижу съ ея стороны положительнаго рѣшенія.... Если она хочетъ, какъ сама говоритъ, поступать со мною какъ съ своей родной сестрою или дочерью, то я сочту себя за ту и другую и нисколько не затруднюсь повиноваться ей и почитать ее, какъ свою старшую сестру или какъ мать; но, если она хочетъ смотрѣть на меня какъ на свою сосѣдку, королеву шотландскую, то при всемъ моемъ расположеніи жить съ нею въ дружбѣ и сохранить миръ, она не должна ожидать, чтобы я согласилась на тѣ уступки, которыя бы охотно сдѣлала при другихъ обстоятельствахъ. Другъ не посовѣтовалъ бы мнѣ отвергнуть предложенный союзъ и существенныя выгоды, предпочтя мнѣ неизвѣстное; и если бы я такъ поступила, то сама бы ваша государыня не одобрила бы меня.» Въ концѣ этого разговора, столь искреннаго и веселаго, Рандольфъ просилъ ее сказать, что она думаетъ на счетъ предлагаемаго брака съ лордомъ Ро-

* Томасъ Урайтъ, *Elisabeth and her times*, томъ I, стр. 187.

бертомъ, графомъ Лейчестерскимъ, чтобы онъ могъ передать это Елисаветъ. «Я думаю, отвѣчала Марія, что онъ долженъ быть, судя по словамъ многихъ, настоящій дворянинъ, и такой человекъ, котораго королева, государыня ваша и моя добрая сестра готова бы была избрать себѣ въ супруги, если бы онъ не былъ ея подданнымъ, не можетъ не быть достойнымъ меня. Увы! все что я сдѣлаю, зависить отъ воли вашей государыни, съ которою я буду совершенно сообразоваться *.

Но колебаніе Маріи Стюартъ и ея уступчивость прекратились вскорѣ послѣ этого разговора. 12 Февраля пріѣхалъ въ Шотландію лордъ Дарнлей, и сильная привязанность къ нему овладѣла сердцемъ царственной его кузины. Онъ не былъ красавецъ, но былъ молодъ. Сначала онъ поступилъ искуснѣе, чѣмъ въ послѣдствіи: онъ избралъ руководителемъ своимъ Муррея, и утромъ присутствовалъ на проповѣди Нокса, вечеромъ танцевалъ съ королевою гальарду **. Это значило, разувѣрить недовѣрчивую церковь шотландскую и искать расположеніе двора. Марія Стюартъ остановила свой выборъ на немъ; въ мартѣ мѣсяцѣ, можетъ быть съ мыслию, что ей будетъ отказано, она отправила въ Англію Летингтона, съ повтореніемъ предложенія вступить въ бракъ по волѣ Елисаветы, если она согласится объявить ее, черезъ парламентъ, своею наслѣдницею. Дѣйствительно, въ одной изъ неизданныхъ депешъ Поля де Фoa, читаемъ: «Помянутый Сесиль, сказалъ мнѣ, что мосье де Летингтонъ долженъ прибыть сюда (въ Лондонъ) чрезъ десять или двѣнадцать дней, чтобы потомъ направить путь во Францію, и что причина его путешествія та, чтобы передать королевѣ англійской, что если она соберетъ парламентъ къ тому времени, до котораго она его распустила, т. е. къ будущему апрѣлю, и заставитъ его объявить ее своею наслѣдницею, то она выйдетъ за мужъ согласно ея волѣ и желанію, и за *такаго вельможу этой страны, за котораго она назначитъ, при чемъ увѣрена, что она не избретъ ей такого, который бы не происходилъ*

* «My mind towards him is such as it ought to be of a very noble man, as I hear say, by very many. And such one, as the queen, your mistress, my good sister, doth so well like to be her husband, if he were not her subject, ought not to mislike me to be mine. Marry what I shall do, it lieth in your mistriss will, wo shall wholly guide me and rule me.»
Депеша Равдольфа напечатана у Чельмерса, *The life of Mary q. of Scotts.* Лондонъ, 1822, in-8., стр. 190, 197.

** Тайтлеръ Т. VI. стр. 369.

изъ благородной фамилии и не обладалъ бы приличными качествами; въ случаѣ же, что она отъ этого откажется, онъ отправится во Францію, для совѣщанія о бракѣ ея съ дядями и съ ихъ согласія испросить намѣреніе и волю короля *.

Елисавета не хотѣла признать Марію Стюартъ своею наследницею и ей весьма неприятно было предположеніе о бракѣ съ Дарилеемъ. Хотя Марія Стюартъ не объявила на счетъ этого ничего положительнаго, однако же она ясно выказывала свою страсть къ нему. Ея поступки были не приличны не только королеви, но даже всякой жевщинѣ; когда Дарилей заболѣлъ, она не оставила его ни днемъ, ни ночью.

«Она, писалъ Поль де-Фоа къ Екатеринѣ Медичи, также внимательна къ сыну графа Леннокса, какъ бы къ мужу своему, она просиживала у него, во время его болѣзни, цѣлыя ночи и заботилась и грустила о его болѣзни, когда въ продолженіи нѣсколькихъ дней у него была сильная лихорадка, которая теперь прошла» **.

Трудно было помѣшать союзу, который родственныя приличія и увлеченія любви дѣлали неизбежнымъ. Елисавета попыталась.

Она приказала задержать графиню Ленноксъ, какъ будто подозрѣваемую въ тайныхъ сношеніяхъ съ графомъ Нортумберландскимъ и католиками англійскими. Она требовала, чтобы мужъ ея и Дарилей сынъ его, возвратились въ Англію, подъ оубсеніемъ конфискаціи всего имущества, которыми они владѣли въ этой странѣ. Ея совѣтъ, по разсужденіи объ этомъ бракѣ, объявилъ его опаснымъ. Въ досадѣ она говорила Полю де-Фоа: «что никогда не думала, чтобы королева шотландская была такъ низка, что согласилась бы выйти за мужъ за сына графа Леннокса ***, вассала ея ****.» Въ то же время она послала въ Шотландію искуснаго Трокмортонна, которому поручила употребить противъ этаго брака все вліяніе Муррея и всю ловкость Летингтона, который виѣето того, чтобы отправиться къ французскому двору, возвратился къ своей государынѣ. Онъ долженъ былъ сдѣлать Маріи Стюартъ еще другія предложенія. «Мосей Трокмортонъ, говорилъ Поль де Фоа, посланъ, чтобы узнать настоящее положеніе дѣла о бракѣ сына Леннокса, и если не заключать,

* Отъ 31 марта 1565. Королевская библіотека, Гарлей, 218.

** Письмо отъ 2 мая 1565 г., Манускриптъ.

*** Рукописная депеша отъ 10 мая, и помѣщенія у Гарлея, 218.

**** Депеша Поль де Фоа къ королеви матерн отъ 26 апрѣля 1565. Тамъ же.

то воспрепятствовать этому, предложивъ королевѣ шотландской отъ имени королевы авглійской выборъ жениха изъ тронхъ: герцога Норфолькскаго, графовъ Арундельскаго или Лейчестерскаго.*

Муррей, который въ прошедшемъ году не противился возвращенію Ленноксовъ въ Шотландію, сталъ теперь опасаться, чтобы союзъ ихъ съ королевою не обратился во вредъ протестантизму и собственному его могуществу. Поэтому онъ объявлялъ себя не въ пользу предположенія, и причиною своего отступленія представлялъ недостатокъ любви избраннаго жениха, къ истинной Христовой вѣрѣ**. Но его возраженія и неудовольствія не оставили его сестры, и Марія Стюартъ, желая, безъ сомнѣнія, удалить протестантскую партію, которая ее подавляла, вызвала къ себѣ кромѣ Ленноксовъ, графа Кетвеса, лорда Юма, лорда Рутвена, лорда Роберта (Кетвеса) и другія старинныя фамиліи, тайно привязанныя къ католической вѣрѣ; она позволила даже вскорѣ послѣ того (5 августа) отважившему главѣ протестантовъ, графу Ботвеллю, возвратиться изъ Франціи, куда онъ скрылся. Это непопулярное королевство скоро должно было снова подвергнуться сильнымъ волненіямъ. Въ то самое время когда Трокмортонъ отправился туда, Марія Стюартъ созвала въ Стирмолѣ собраніе дворянства, для объявленія ему о намѣреніи ея вступить въ бракъ съ Дарилеемъ. Она получила уже его согласіе, какъ явился къ ней Трокмортонъ, и отъ имени своей государыни, горько сталъ жаловаться на поведеніе Леннокса и Дарилея, не скрывъ важныхъ неудобствъ, которыя могли бы послѣдовать для обоихъ Королевствъ отъ предположеннаго брака. Марія Стюартъ, которая только что возвела Дарилея въ достоинства графа Розскаго и лорда Ардманакскаго, пожаловавъ ему большія владѣнія въ Шотландіи, отвѣчала Трокмортону: «Неудовольствія моей доброй сестры, истинно удивительны, потому что выборъ, который она порицаетъ, сдѣлавъ сообразно ея желаніямъ, сообщеннымъ Рандольфомъ. Я отвергла всѣхъ чужеземныхъ искателей; я предпочла Англичанина, происходящаго отъ королевской крови обоихъ государствъ и перваго принца крови въ Англіи, человека, который, думаю, по этому причиняю, будетъ пріятель подданнымъ обоихъ королевствъ»***.

* Другая неизданная депеша отъ 10 мая, которая не находится въ рукописи Гарлея

** У Тайтлера Т. VI. Стр. 390.

*** Тайтлеръ Т. VI. стр. 395.

Трокмортонъ возвратился въ Англію безъ успѣха. Это раздражило и обезпокоило королеву Елисавету. Французскій посланникъ Поль де-Фоа пріѣхалъ въ это самое время, навѣститъ ее, и нашелъ означенную государыню во внутреннихъ комнатахъ, за шахматною игрою; слышавъ, что она очень недовольна бракомъ королевы шотландской съ сыномъ графа Леннокса, вздумалъ воспользоваться случаемъ и сказалъ ей, что шахматная игра представляетъ образъ сужденій, предусмотрительности и послѣдствій дѣйствій человѣческихъ; теряя въ ней пѣшку, думаешь, что это ничего не значитъ, а между-тѣмъ отъ нея часто зависить проигрышъ.— На что означенная государыня отвѣчала, что она понимаетъ, что сынъ графа Леннокса не болѣе пѣшки, но что онъ можетъ сдѣлать ей мать, если она не остережется.—Послѣ этихъ словъ, оставивъ игру и отвѣда означеннаго посланника въ сторону, она очень жаловалась на неблагородные поступки графа Леннокса и его сына, при чемъ показывала намѣреніе сдѣлать имъ всевозможное зло.— На это означенный посланникъ сказалъ, что дѣйствительно бракъ этотъ внушаетъ опасенія, тѣмъ болѣе, что всѣ католики и вмѣстѣ съ ними и недовольные въ этомъ королевствѣ, сильно расположены въ пользу означеннаго сына графа Леннокса, не говоря уже о томъ, что люди обыкновенно больше ожидаютъ отъ будущаго, чѣмъ отъ настоящаго, и что притомъ люди самые благоразумные и благонамѣренные очень довольны этимъ бракомъ, какъ средствомъ къ соединенію этихъ двухъ королевствъ, что, по ихъ мнѣнію, полезно и выгодно для безопасности и блага подданныхъ *.

Марія Стюартъ попыталась предупредить послѣдствія неудовольствій Елисаветы; она отправила къ ней посломъ Джона Гей **, которому поручено было представить, что королева государыня его полагала сдѣлать ей угодное, избирая себѣ въ супруги туземца, подданнаго и родственника Елисаветы, и устранивъ, согласно ея желанію жениховъ, предложенныхъ ей дворами французскимъ, испанскимъ и австрійскимъ ***, доказать ей свое уваженіе, за-

* Деша отъ 6-го іюня 1565 года, королевская бібліотека, Гарсей, 218.

** Лобановъ, томъ I, стр. 266 и слѣдующія. Кейтъ, томъ I, стр. 283.

*** «Ane mater quhilk at the first to ws maist strange and uncouth, thinkand rather to haif ressavit gude will and approbatioun of oure intentit purposis, principallie in consideratioun that the space of ane haill zeir past, or thairby, be the declaratioun of maister Randolp hir agent in this coure realme, shawin in maner of advyse, we haif allways undirstand, и проч. Тамъ же, стр. 267.

медливъ совершеніе этого брака. Но какъ она сама не отказывалась отъ своего намѣренія, такъ не могла склонить и Елисавету, которая вошла уже въ сношеніе съ партією недовольныхъ, чтобы возбудить опасныя для нея затрудненія. Общее собраніе шотландской реформатской церкви, встревоженное положеніемъ дѣлъ, представило Марію Стюартъ, черезъ графа Глинкеркокаго просьбу, объ уничтоженіи миссы не только во всемъ королевствѣ, но и въ королевскомъ домѣ. Въ то же время Муррей, герцогъ Шателъро, графъ аргильскій и росекій, полагаясь на содѣйствіе Елисаветы, рѣшились воспрепятствовать Дарилею вступить въ бракъ съ Марією Стюартъ и предоставить управленіе государственными дѣлами Муррею. Для этой цѣли, они составили заговоръ схватить Леннокса и сына его, чтобы выдать ихъ потомъ бервикскому губернатору, а Марію Стюартъ заключить въ Лохъ-Левенъ. Но прежде чѣмъ они выѣхали на дорогу изъ Перта въ Календеръ, задержать королеву, она, предупрежденная о дерзкомъ ихъ замыслѣ, успѣла проѣхать и такимъ-образомъ избѣгнуть ихъ рукъ.

Чтобы отнять у противниковъ этого брака, всякую надежду къ воспрепятствованію, она спѣшила совершеніемъ его. Она уже считала Дарилея своимъ мужемъ. Я слышалъ, писалъ Поль де-Фоа къ Екатеринѣ Медичи, что обхожденіе королевы съ графомъ Розскимъ (de Rose), со дня на день становится вольнѣе и до такой степени, что говорятъ, это не дѣлаетъ ей чести. Онъ часто обѣдаетъ вмѣстѣ съ нею и возлѣ нея. Она отдала ему часть своей прислуги, столъ его содержится на ея счетъ и кушанья приготавливаются на ея собственной кухнѣ, и ожидаютъ, что торжество бракосочетанія совершенно будетъ въ августѣ. Она просила дворянство собраться десятаго числа этого мѣсяца въ Сентъ-Жеглиссомъ (Сентъ-Джонсъ-Тазнъ); но какъ я слышалъ, большая часть отказалась отъ этого, такъ-что это собраніе не состоится. Много различныхъ мнѣній относительно брака помянутаго графа Розкаго (de Rose), къ которому кажется не расположены протестанты, потому что онъ католикъ, и графъ де-Муръ (Муррей), который старался отклонить этотъ бракъ, недовольный удаленіемъ въ свои владѣнія, такъ что можно опасаться возмущенія *.

Поль де-Фоа не ошибался, возстаніе недовольныхъ, разстроенное нѣсколько дней спустя открытіемъ ихъ низкаго замысла, было

* Незамыная депеша Поля де-Фоа къ королевѣ матери, отъ 18 іюня 1565 года.

только удержано. Двадцать-первого іюля Маріи Стюартъ возвел Даршлея въ достоинство герцога албанскаго, и получивъ 22 числа разрѣшеніе папы, присвоенное епископомъ дублинскимъ, общѣталась съ нимъ 29 іюля въ домашней церкви въ Голлрудѣ, предоставивъ ему предварительно грамотою отъ 28 числа титулъ марала шотландскаго.

Этотъ бракъ никому не нравился; онъ раздражилъ протестантовъ, которые отъ недовѣрчивости перешли къ враждѣ, онъ удаль Муррея, который сдѣлался изъ некуснаго министра, опаснымъ ея противникомъ, возбуждлъ безнокоиства и оживилъ ненависть Елисаветы, которая поддерживала смуты въ Шотландіи, съ цѣлью, чтобы не видать ихъ въ Англіи; онъ охладилъ Филиппа-Второго, обидѣлъ Гюизовъ, * и французскій дворъ, ко-

* Поль де Фоа формально говорить объ этомъ въ депешѣ къ королеви матери, отъ 20 мая: Означенная государыня (Маріа Стюартъ) не выѣзжала изъ Лисльбурга (Эдинбургъ) по случаю болзани означеннаго Даршлея, котораго она посѣщаетъ постоянно, чего не одобряетъ для ея, добрый кардиналъ Лотарингскій, какъ мнѣ сказалъ Руляръ... Онъ пишетъ къ нему, что это для нея не партія, и поручилъ ему передать ей отъ его имени, что Даршлей ветропрахъ. Королевская бібліотека, манускриптъ Гарлея, 218.

По словамъ Маріи Стюартъ, принцы, дяди ея, объявляли себя въ пользу эрцгерцога Карла, послѣдняго сына императора Фердинанда-Перваго, и брата императора Максимилиана-Второго. Этииъ они разстроили бракъ съ довь-Калосомъ, сыномъ Филиппа-Второго. «Она постоянно желала брака между ею и Испанскимъ принцемъ и вела уже объ немъ переговоры, что могутъ засвидѣтельствовать кардиналъ Гранвельскій, герцогиня Аршотская, многіе вельможи и даже вѣкторые изъ ея подданныхъ; видя бракъ этотъ противъ воли ея и безъ вѣдома ея разстроеныиъ родственниками во Франціи, и проч.» (Occasions mouvants contre la légèreté du mariage, записка Маріи Стюартъ, извлеченная изъ State paper office, княземъ Лобановымъ. Т. 1. Стр. 296). Принцъ Конде, одинъ изъ искателей руки Маріи Стюартъ, надѣялся на кардинала, который общалъ ему содѣйствіе, но никогда не оказывалъ. «Я также слышалъ, что одинъ Шотландецъ отправился въ свое отечество отъ имени принца Конде для предложенія означенной королеви брака съ нимъ, и что означенный Шотландецъ разговаривалъ съ графомъ Муръ (Муррей) сказалъ ему, что помянутый кардиналъ общалъ объ этомъ писать и просить содѣйствія означеннаго графа. На что Муррей отвѣчалъ ему, что помянутый кардиналъ обманываетъ означеннаго принца, потому что никогда не писалъ въ пользу его, но скорѣе дѣйствовалъ во вредъ ему.» Депеша Поля де Фоа къ Екаторинѣ Медичи отъ 20 мая, королевская бібліотека, манускриптъ Гарлея, 218.

торый давъ на него свое согласіе, внутренно порицалъ его. Между тѣмъ несчастная Марія находилась въ такомъ положеніи, въ которомъ трудно было ей поступить иначе. Ее понуждали и вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяли ей выйти за-мужъ. Желанія континентальныхъ державъ не соответствовали видамъ Елисаветы, женихи предлагаемые Елисаветой, не нравились ей. Затруненія Маринъ Стюартъ и причины почему она предпочла Даррлея, изложены въ любопытномъ отрывкѣ мемуара, писаннаго собственною ея рукою и заданнаго княземъ Лобановымъ *. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ о событіи самомъ рѣшительномъ и почти самомъ гибельномъ въ ея жизни, она сначала упоминаетъ о бракѣ, болѣе всего ей нравившемся, о бракѣ съ дономъ Карлосомъ, сыномъ Филиппа-Второго, о которомъ вели переговоры кардиналъ гравельскій и герцогиня аршотская; она говоритъ, что бракъ этотъ разстроенъ противъ ея воли, родственникомъ ея во Франціи, желавшимъ соединить ее съ эрцгерцогомъ Карломъ, сыномъ Фердинанда-Перваго. Но прибавляетъ «кромя того, что ей жаль было разстроить первое предложеніе о бракѣ, не находя въ эрцгерцогѣ никакой пользы для своего королевства, такъ какъ онъ былъ бѣдный далекій иностранный принцъ, младшій изъ братьевъ, не нравился, ея подданнымъ и повидному не имѣлъ ни средствъ, ни силъ содѣйствовать ей къ утверженію права ея на наслѣдство острова **». Не предвидя выгодъ отъ подобнаго брака, она не хотѣла оскорблять своихъ подданныхъ, у которыхъ была какъ бы въ опекѣ, развѣ бы представился ей случай выйти за челоуѣка, способнаго принудить ихъ къ повиновенію. «Размысливъ, она продолжаетъ, что рѣшилась вступить въ бракъ съ туземцемъ, къ чему и католики и протестанты настойчиво ее побуждали, угрожая не потерпѣть противнаго» ***.

Потомъ она рассказываетъ какъ графиня Ленноксъ уговаривала ее избрать мужемъ сына ея, и происходящаго отъ королевской англійской и шотландской крови и ближайшаго, говоритъ она, послѣ меня наслѣдника, Стюарта именемъ, чтобы на вѣчныя времена сохранить это столь пріятное Шотландцамъ наименованіе, одной со мною вѣры, который будетъ уважать меня, сколько къ тому его обяжетъ честь, какую я ему сдѣлаю. На

* Лобановъ Т. I. Стр. 295—299.

** Тамъ же. Стр. 296 и 297.

*** Лобановъ. Т. I. Стр. 297.

этомъ настаивали графъ Атольскій, Стюарты и Католики. Протестанты указывали на Лейчестера, который съ своей стороны писалъ ко мнѣ и заискивалъ черезъ Рандоля (Рандольфъ); на что Муррей по-видимому соглашался, зная, что, если королева и говорила мнѣ въ его пользу, то для того только, чтобы обмануть меня и удалить другихъ; о чемъ (о согласіи королевы и Муррея) самъ Лейчестеръ извѣщалъ меня, черезъ посредство Рандоля*.

Она съ большою провицательностью объясняетъ поведеніе и намѣренія Муррея, которому пожертвовала Гордонами, и который стремился къ владычеству: «онъ старался, говорить Марію, заставить признать себя законнымъ правителемъ, и притворяясь, будто любить меня, отнималъ у меня всякую власть; хотѣлъ распоряжаться всѣми должностями, крѣпостями, и всѣмъ управленіемъ королевства, и въ качествѣ моего намѣстника, приобрѣлъ такую силу, что держалъ меня въ опекѣ, и наконецъ предложилъ мнѣ уступить корону ему и графу Аргильскому, и устроить Гамильтоновъ, какъ я устроила Гонтлея, что заставило меня подумать о супружествѣ, и этимъ сдѣлать угодное, если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ людямъ благонамѣреннымъ, католикамъ, и однофамильцамъ**.

Выборъ ея былъ довольно благоразуменъ. Въ царственныхъ домахъ, она не могла найти мужа болѣе приличнаго ей и по рожденію и по положенію. Но этотъ бракъ, который долженъ былъ соединить Англію и Шотландію въ одну державу, требовалъ со стороны Маріи Стюартъ благоразумія, со стороны Даррлея искусной политики, чего имъ не доставало. Вотъ почему бракъ этотъ скоро сталъ гвбеленъ для нихъ обоихъ.

=

* Тамъ же. Стр. 299.

** Тамъ же. Стр. 298. V. Стр. 296 — 298. Этотъ отрывокъ неоправданно къ несчастію не полный, носитъ заглавіе: *Occasions mouvants contre la légèreté du mariage.*

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЕЛИКОРОССИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

ТВЕРСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Мы уже виѣли случай говорить о выгодномъ положеніи тверской губерніи для развитія ея промышленности; хотя жители и не успѣли еще извлечь всѣхъ выгодъ изъ этого положенія, однако и теперь губернія по промышленности, занимаетъ почетное мѣсто въ кругу другихъ великороссійскихъ губерній. Купечество ея производятъ огромные обороты, помѣщики получаютъ большія выгоды отъ сбыта лѣсу, ломки камня, кожевенныхъ заводовъ: вообще, такъ какъ губернія обезпечена на счетъ вѣрнаго сбыта своихъ произведеній, то трудъ каждаго получаетъ болѣе или менѣе обильное вознагражденіе. Разсмотримъ каждую отрасль народной промышленности особо и постараемся показать отношеніе дѣятельности народа къ его благосостоянію. Начнемъ съ сельскаго хозяйства, основной промышленности большей части Россіи, представляющей здѣсь много выгодъ, если считать выгоды на деньги, но поддерживающей существованіе народа.

Въ кругу разнородныхъ отраслей сельскаго хозяйства, земледѣлія, или хлѣбопашества, занимаетъ первое мѣсто; на него обращено главное вниманіе и дѣятельность жителей, не смотря на то, что почва земли неблагоприятна и далеко не вознаграждаетъ потовые труды поселявъ. Всей пахатной земли въ губерніи, до 1,666,105 десятинъ. Изъ этого числа казеннымъ крестьянамъ принадлежитъ 488,500, удѣльнымъ до 67,850, помѣщичьимъ 1,094,000 десятинъ. Эти цифры нельзя считать положительно вѣрными, потому что если трудно исчислить съ достовѣрностью простую величину поверхности земли, то тѣмъ труднѣе опредѣлить дѣйствительное хозяйственное распределеніе на земли пахатныя, сѣнные покосы и тому подобное. Свѣдѣнія о хозяйственномъ распределеніи земли или остаются у насъ неизмѣнными часто по полустолѣтію, или исправляются *примѣрно*, по мѣстнымъ справкамъ. Последнія исправленія, съ какой бы добросовѣстностью онѣ не производились, не могутъ быть вѣрны уже и потому, что полевые наши мѣры не вездѣ одинаковы. Мѣстами десятины хозяйственныя: въ 80 сажень длины и 40 ширины; мѣстами казенныя въ 60 сажень длины и 40 ширины; мѣстами въ 80 и 30 сажень; есть полевые мѣры по кругамъ, сотенникамъ и другія. Вѣрности въ цифрахъ угодій нельзя и требовать, но тѣмъ не менѣе эти цифры необходимы для приближительнаго опредѣленія отношеній между различными хозяйственными угодыми. Земледѣльцевъ въ губерніи 555,903; слѣдовательно, на каждую мужскую душу приходится по три десятины. Количество пахатной земли относится ко всему пространству губерніи (5,635,763 десятины) какъ 1: 3,9. Хотя на мужскую душу приходится и по три десятины, однако на каждого работника пахатной земли придется не менѣе 4½ или 5 десятинъ; во-первыхъ, потому, что дѣйствительное количество пахатной земли, болѣе показаннаго; во-вторыхъ и потому, что въ число земледѣльцевъ нельзя включать стариковъ и дѣтей. Впрочемъ, этотъ расчетъ мѣняется сообразно большей или меньшей населенности. Въ ржевскомъ уѣздѣ пахатной земли до 195,000 десятинъ, земледѣльцевъ мужскаго пола 39,750 человекъ; слѣдовательно, на каждую душу приходится по 4,9 десятины; въ вышневолоцкомъ пахатной земли 221,000 десятинъ, земледѣльцевъ 46,400 человекъ, слѣдовательно, на каждого мужчину по 4,7 десятины; въ ошашковскомъ пахатной земли 151,400, земледѣльцевъ 36,260, на душу 4,1 десятины; въ весьеговскомъ земли 178,958 десятинъ, земледѣльцевъ 48,259, на душу 3,7; въ

зубцовскомъ земли 108,467 десятинъ, земледѣльцевъ 36,506, на душу 2,9; въ колязинскомъ земли 118,709 десятинъ, земледѣльцевъ 41,631, на душу по 2,8 десятины; въ корчевскомъ земли 105,000 десятинъ, земледѣльцевъ 40,491, на душу 2,6 десятины; въ бѣжецкомъ земли 195,175, земледѣльцевъ 73,840, на душу по 2,6 десятины; въ новоторжскомъ земли 113,457 десятинъ, земледѣльцевъ 45,743, на душу по 2,4 десятины; въ старицкомъ земли 112,058, земледѣльцевъ 50,658, на душу по 2,2 десятины; въ тверскомъ земли 93,641, земледѣльцевъ 43,902, на душу по 2,1 десятины; въ кашинскомъ земли 77,109, земледѣльцевъ 52,455 на душу по 1,4 десятины. Изъ этого видно, что наибольшее число десятинъ пахатной земли на земледѣльческую мужскую душу приходится въ ржевскомъ уѣздѣ, а наименьшее — въ кашинскомъ. Впрочемъ, количество пахатной земли на работника зависитъ не только отъ числа десятинъ этой земли и числа самыхъ работниковъ, но и отъ удобства почвы для обработанія. Бесплодная земля, нуждаясь въ большомъ уходѣ, требуетъ для обработанія или болѣе рукъ, или болѣе времени, а такъ какъ въ сѣльскомъ хозяйствѣ для каждаго рода работъ есть свое природою определенное время, то слѣдовательно при худшей почвѣ, нужно, для выигранія времени, на данное пространство, большее число рукъ нежели при лучшей. Стало быть по отношенію числа земледѣльцевъ къ пахатной землѣ, можно отчасти, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, судить и о почвѣ. И дѣйствительно, въ кашинскомъ уѣздѣ, гдѣ глинистый грунтъ, отношеніе между земледѣльцами и пахатной землей наименьшее, а въ вышневолоцкомъ и оставшковскомъ, гдѣ иловатый грунтъ, наибольшее. Впрочемъ, отношеніе между пахатной землей и земледѣльцами можетъ также зависеть и отъ количества земли удобной для полей. Въ тверской губерніи почва земли вообще трудна для обработки, неудобна для земледѣлія и весьма мало плодородна. Господствующій грунтъ глинисто-песчаный: почти чисто песчаный находится по берегамъ Волги, по теченію Тверды и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Мологѣ. Глинистый грунтъ въ особенности замѣтенъ въ кашинскомъ и частью въ бѣжецкомъ уѣздахъ; иловатый вообще въ мѣстахъ низкихъ, преимущественно въ оставшковскомъ и вышневолоцкомъ. По теченію нѣкоторыхъ рѣкъ, какъ-то: Большой и Малой Коши, Молодаго Тура и мѣстами по Медвѣдицѣ, поверхность земли усылана мелкимъ булыжнымъ камнемъ, который однако не препятствуетъ произрастенію, и даже до нѣкоторой степени приноситъ пользу, удерживая въ сухія лѣта въ землѣ сырость. Естествен-

наго червозема почти нигдѣ цѣтъ, а мѣстами есть странная земля, которая считается самою хлѣбородною. Изъ этого общаго описанія грунта земли оказывается, что почти нигдѣ нельзя подняться на успѣшное земледѣліе безъ обильнаго удобренія полей; между-тѣмъ какъ умноженіе скота, для увеличенія позома, встречается въ тверской губерніи весьма важныя и почти непреодолимыя препятствія, о которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить при описаніи луговодства и скотоводства губерніи. Всѣ же другія искусственныя удобренія (пудреть, верескъ, в прочее) употребляются сельскими жителями весьма рѣдко, и не распространяются между ними. Но въ некоторыхъ большихъ торговыхъ дорогахъ, особенно же по линіи московскаго шоссе, хлѣбъ родится отлично хорошо, именно по множеству позома, собираемаго отъ обозныхъ лошадей. Вообще, тамъ гдѣ народонаселеніе больше, хлѣбъ родится лучше, потому что жители, имѣя меньшее количество пахатной земли, лучше ее удобряютъ.

Кромѣ почвы, самый климатъ губерніи не благоприятствуетъ земледѣлію. Но чрезвычайному изобилію текущихъ и стоячихъ водъ, въ губерніи почти всегда воздухъ сырой и весны холодныя, съ частыми дождями, которые при низкомъ состояніи температуры, губительны для яровыхъ всходовъ и для озими. Летомъ сельскіе жители почти всегда жалуются на засуху или на дожди. Первая особенно вредна для овса, который, не успѣвъ укрѣпиться въ холодную весну, сгараетъ совершенно во время жаровъ, какъ то случилось въ 1846 году. Вообще надобно сказать, что въ тверской губерніи, рѣдко бываетъ погода, благоприятствующая хлѣборожденію, то есть теплая съ частымъ, но непродолжительнымъ дождемъ. Иногда засуха продолжается недѣлю до шести; иногда дождь идетъ по нѣсколькимъ дней спялку, почти непрерывно, при чемъ обыкновенно температура значительно понижается. Осенніе холодные проливные дожди также весьма вредны для всходовъ озими. Кромѣ того, осевью чрезвычайными опустошеніями по застѣваннымъ полямъ производитъ червь, происходящій отъ почной бабочки, называемой восклицательною сумеречницею. Эта бабочка кладетъ яички въ листья травы, растущей на межахъ; изъ яичекъ двѣ черезъ 10 образуются червячки, длиною около $1\frac{1}{2}$ дюйма, а толщиною съ гусиное перо, которые иногда поѣдаютъ только озимые всходы, иногда же самыя зерна въ землѣ. Дождь и холодъ не истребляютъ червяковъ; но если земля распустится отъ влажности, то они не могутъ въ ней ползать, и опустошеніе прекращается. Въ 1846 году, въ сѣ-

верных и северо-восточных уездах губернии, червь повыводилъ въ весьма большомъ количествѣ, и почти повсемѣстно истребилъ озимь. Иногда крестьяне вторично засеваютъ опустошенныя поля; иногда же сѣютъ на нихъ на слѣдующую весну овесъ или яровую рожь; потому что въ весеннее время черви, превратившись въ куколки, не причиняютъ болѣе вреда. Изъ всего сказаннаго видно, что урожай въ Тверской губернии рѣдко хорошъ. Хлѣбороднѣйшимъ уездомъ въ сравненіи съ другими считается бѣжецкій, въ особенности же пространство между Еськами, Чижовымъ и Алабузнымъ, что впрочемъ можно приписать малому количеству засеваемой земли, и слѣдовательно гораздо лучше-удобряемой. Въ всеюгоскомъ уездѣ считаются хлѣбородными окрестности Краснаго Холма; въ вышневолоцкомъ и новоторжскомъ части, пограничныя съ бѣжецкимъ уездомъ; въ морчевскомъ мѣста на Волгѣ, вонругъ села Единовова. Наиболѣе же бѣдную почву имѣютъ части оставшковскаго уезда, прилежащія къ псковской и новгородской губерніямъ, приходы отоловскій, видбицскій и добровскій, также въ новоторжскомъ уездѣ, по теченію Тверцы, и въ всеюгоскомъ вся замоложская часть уезда.

Система хлѣбопашества въ тверской губернии вообще трехпольная. Плодопеременное полеводство находится у насъ весьма немногихъ помѣщиковъ, и то въ самомъ небольшомъ размѣрѣ, можно сказать въ видѣ опытовъ. Введеніе его встрѣчаетъ большія затрудненія со стороны климата и закоренѣлыхъ предубѣжденій болѣею части хозяевъ. Поля, предназначенныя подъ рожь, удобряются навозомъ и перепахиваются три раза; а поля, засеваемые яровымъ, почти вездѣ совсѣмъ не удобряются. Обработка полей производится орудіями, употребляемыми повсемѣстно въ средней полосѣ Россіи, то есть обыкновенною сохою и бороною. Зане до сихъ поръ еще въ употребленіи способъ разчищенія и образованія полей, входящійся въ большомъ ходу въ сѣверныхъ, лѣсныхъ губерніяхъ. Это состоитъ на сулахъ или на лядинахъ, заключающійся въ томъ, что срубивъ лѣсъ, оставляютъ его сохнуть слѣдующую весну и лѣто, а осенью сожигаютъ. Пепель служитъ весьма хорошимъ удобреніемъ для земель, и весною, на слѣдующій за тѣмъ годъ, выжженное пространство пахаютъ граблями и засеваютъ пшеницей, которая обыкновенно родится не менше какъ самъ-одеи; потомъ сѣютъ рожь и даже яровое, доставляющее также хорошій урожай. Пепель дѣйствуетъ не болѣе трехъ лѣтъ, затѣмъ земля совершенно истощается. Поесть въ видѣхъ въ наибольшемъ употребленіи въ вышневолоцкомъ,

твесьеговскомъ и особенно въ осташковскомъ уѣздѣ. Впрочемъ, система эта, способствующая истребленію лѣса, запрещена въ государственныхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ, и въ употребленіи только у помѣщиковъ, тамъ гдѣ лѣсъ растетъ въ изобиліи.

Въ тверской губерніи сѣются хлѣба: рожь обыкновенная и ваза, овесъ русскій и англійскій многоплодный, ячмень, пшеница, горохъ и гречиха. Послѣдніе три рода хлѣба сѣются въ небольшомъ количествѣ и не вездѣ; въ твесьеговскомъ уѣздѣ гороху вовсе не сѣютъ. На одну десятина полагаются сѣмья: ржи 8 мѣръ, овса обыкновеннаго 17 мѣръ, англійскаго 16, жита 8. Впрочемъ, это содержаніе часто измѣняется по свойству грунта и по принятымъ мѣстнымъ обыкновеніямъ. Мѣстами, сѣютъ ржи по $1\frac{1}{2}$ четверти на десятину, и овса отъ 3 до 4 четвертей. Разнообразіе посѣва увеличивается разнообразіемъ десятинъ (хозяйственной и казенной). Если принять этотъ расчетъ за основаніе и вычислить по данному количеству пахатной земли въ губерніи, сколько въ ней засѣвается хлѣба, то выйдетъ, что озимаго въ трехпольномъ хозяйствѣ сѣется до 556,000 четвертей, яроваго до 1,225,000 четвертей. Дѣйствительно же сѣется среднимъ числомъ (отъ 1842 по 1846 годъ) 705,020 четвертей озимаго, 1,415,944 яроваго и до 322,000 картофеля, то есть почти въ полтора раза болѣе приходящагося по вычисленію. — Конечно и на эту цифру полагаться нельзя: она тоже, навѣрное, менѣе дѣйствительной, потому что помѣщики рѣдко показывают полные урожаи; но судя даже по ней, количество пахатной земли въ дѣйствительности должно быть болѣе, нежели сколько числится по свидѣніямъ гражданскаго вѣдомства. Самымъ же убѣдительнымъ доказательствомъ того, что дѣйствительное количество пахатной земли болѣе показываемаго гражданскимъ начальствомъ, служить сравненіе поземельныхъ цифръ временъ межеванія съ настоящими. Тогда въ губерніи считалось полей 1,604,794 десятины, луговъ 268,666 десятины, лѣсовъ 3,410,811 десятины. Теперь количество луговъ увеличилось до 1,277,083 десятины, а лѣсовъ уменьшилось до 1,773,405 десятины; слѣдовательно, если положить пространство подъ селѣтнями, выгонами, рѣками, дорогами и болотами мало измѣнившимся, то выйдетъ, что количество пашень должно теперь увеличиться, противъ межеванія, около 370,000 десятины, то есть простираться до 1,975,000 десятины. — Это тѣмъ вѣроятнѣе, что и народонаселеніе со временъ межеванія увеличилось почти на 40 процентовъ, слѣдовательно не могла не измѣниться и аршина мѣра надѣленія хозяйственными

угодьями. Въ 1790 году было въ губерніи жителей 903,600 душъ, а теперь до 1,339,670 душъ. Чтобы вспахать, засеять и заборонить, одну казенную десятину, полагается 2 человѣка и 3 лошади, которые могутъ кончить работу въ 1 съ половиною рабочій день, или въ 18 часовъ. Десятина хлѣба можетъ быть сжата въ одинъ день 16-ю женщинами. Шесть человѣкъ могутъ въ 7 часовъ (считая время отдыха и завтрака) обмолотить овинъ въ 500 сноповъ. Цѣны рабочихъ разнообразны, по мѣстностямъ и времени года. Мы возьмемъ чернорабочіа цѣны въ городахъ, какъ болѣе опредѣленные и болѣе постоянныя. Цѣны мастеровыхъ зависятъ отъ рода и достоинства мастерства. Въ соответствующихъ уѣздахъ, эти цѣны нѣсколько менѣе, но отношенія между цѣнами различныхъ мѣстностей и различныхъ временъ года одинаковы какъ для городовъ, такъ и для уѣздовъ. *Весною* самая дорогая поденщина человѣку въ Весьегонскѣ, Торжкѣ и Кашинѣ (отъ 45 до 47 копѣекъ серебромъ), а человѣку съ лошадыю въ Твери, Торжкѣ и Калазинѣ (отъ 1 рубля 50 до 1 рубля 15 копѣекъ серебромъ); самая дешевая — человѣку въ Корчевѣ, Бѣжецкѣ и Ржевѣ (отъ 24 до 30 копѣекъ серебромъ); человѣку съ лошадыю въ Корчевѣ, Зубцовѣ и Бѣжецкѣ (отъ 48 до 60 копѣекъ серебромъ). *Лѣтомъ* самая дорогая поденщина человѣку въ Весьегонскѣ, Торжкѣ и Кашинѣ (отъ 45 до 47 копѣекъ серебромъ), человѣку съ лошадыю въ Твери, Торжкѣ и Калазинѣ (отъ 1 рубля 50 до 1 рубля 2 копѣекъ серебромъ); самая дешевая поденщина человѣку въ Калазинѣ, Бѣжецкѣ и Ржевѣ (около 29 и 30 копѣекъ серебромъ), человѣку съ лошадыю въ Бѣжецкѣ и Зубцовѣ (отъ 60 до 55 копѣекъ серебромъ). *Осенью* самая дорогая поденщина человѣку въ Торжкѣ, Весьегонскѣ и Кашинѣ (отъ 62 до 47 копѣекъ серебромъ), человѣку съ лошадыю въ Твери и Торжкѣ (отъ 1 рубля 50 до 1 рубля 20 копѣекъ серебромъ); самая дешевая въ Калазинѣ и Волочкѣ (24 и 25 копѣекъ серебромъ), человѣку съ лошадыю въ Бѣжецкѣ, Калазинѣ и Ржевѣ (отъ 60 до 70 копѣекъ серебромъ). *Зимою* самая дорогая поденщина человѣку въ Кашинѣ и Весьегонскѣ (отъ 27 до 45 копѣекъ серебромъ), человѣку съ лошадыю въ Твери и Торжкѣ (отъ 1 рубля 50 до 1 рубля 25 копѣекъ серебромъ); самая дешевая человѣку въ Корчевѣ и Волочкѣ (около 20 копѣекъ серебромъ), человѣку съ лошадыю въ Корчевѣ, Зубцовѣ и Ржевѣ (отъ 45 до 60 копѣекъ серебромъ).

Урожай въ губерніи зависитъ частью отъ почвы, частью отъ

качества хозяйства; первая зависимость частная и услѣдить ее довольно трудно, потому что даже на самыхъ небольшихъ пространствахъ почва бываетъ чрезвычайно разнообразна, неравномерно разнообразіе степеней доброкачественности хозяйства; поэтому и опредѣленіе урожаевъ правильнѣе вычислить по хозяйствамъ.—Если не обращать вниманія на частности, мало имѣющія валовыя числа урожаевъ, то въ губерніи три главные отдѣла хозяйства: у помѣщиковъ, въ государственныхъ имѣностяхъ и въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Разность урожаевъ въ этихъ хозяйствахъ зависитъ, при одинаковой почвѣ, не отъ системы земледѣлія, а отъ ухода за полемъ: система, какъ мы уже сказали, почти вездѣ въ губерніи трехпольная. Хозяйство удѣльныхъ имѣній, по урожаю, занимаетъ первое мѣсто въ кругу другихъ. Здѣсь на общественной запашкѣ озимый хлѣбъ даетъ 3 съ половиною зерна (4,410 четвертей), на крестьянской запашкѣ 2 три четверти зерна (48,300 четвертей), тогда какъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и на господской запашкѣ (235,000 четвертей) и на крестьянской (685,000 четвертей) урожай, среднимъ числомъ, рѣдко бываютъ болѣе какъ самъ другъ.

У государственныхъ крестьянъ озимый хлѣбъ родится въ 2 съ половиною зерна (323,160 четвертей).—Здѣсь принять въ соображеніе урожай 1844 года, ближе другихъ подходящій къ среднему, когда не было въ тверской губерніи ни голода, ни особеннаго плодородія; иногда пропорція урожаевъ различныхъ хозяйствъ измѣняется; такъ на-примѣръ въ 1845 году, въ удѣльныхъ имѣніяхъ урожай были даже слабѣе, нежели въ помѣщичьихъ.

Впрочемъ, цифра урожаевъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ едва ли вѣрная, сколько по неблагонадежности источниковъ, откуда она получается, столько и потому, что сами помѣщики всегда почти показываютъ урожай менѣе, нежели они въ дѣйствительности. Въ камеральномъ описаніи тверской губерніи, составленномъ во время генеральнаго межеванія, говорится, что, въ губерніи урожай озимаго бываютъ самъ-четверть, даже самъ-пять. Эта разность прежнихъ урожаевъ съ нынѣшними можетъ зависетьъ частью отъ невѣрности фактовъ, а болѣе оттого, что во время межеванія земли были свѣжѣе, запашки чаще дѣлались на новяхъ и потому урожай былъ сильнѣе. Урожай ярового по камеральному описанію самъ-третьей и самъ-четверть, а теперь, по свѣдѣніямъ за 1844 годъ, они въ удѣльныхъ имѣніяхъ на обще-

ственныхъ запашняхъ три съ четвертью зерна (8,978 четвертей), на крестьянскихъ двѣ съ четвертью (118,408 четвертей); у государственныхъ крестьянъ безъ малаго самъ-другъ съ половиною (727,590 четвертей); у помѣщиковъ на господской запашкѣ съ небольшимъ самъ-другъ (510,000 четвертей), на крестьянской самъ-другъ съ половиною (1,756,150 четвертей). Урожай картофеля почти вездѣ ошашкомъ самъ-третей. И такъ, полный урожай во всѣхъ хозяйствахъ, за 1844 годъ, былъ: озимаго 1,295,950 четвертей, яроваго 3,121,120 четвертей, картофеля 1,143.350 четвертей. Всѣ эти цифры вѣроятны только въ нѣкоторой степени, приблизительно, годны не болѣе какъ для общей идеи о состояніи земледѣлія и для общихъ приблизительныхъ расчетовъ продовольствія; полагаться же на нихъ для какихъ-нибудь частныхъ или государственныхъ операцій, требующихъ точности, невозможно. У насъ, при расчетахъ чистой прибыли отъ земледѣлія, рѣдко берется въ соображеніе цѣнность поденной платы работнику, потому что въ большихъ хозяйствахъ обработка полей производится крестьянами обязанными работать для общества или помѣщика за право владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли; есть однако же въ губерніи поземельная собственность, гдѣ земля обрабатывается и наймомъ, такъ напримѣръ у купцовъ и мѣщанъ. Въ этихъ хозяйствахъ основаніемъ расчетовъ служатъ слѣдующія заработныя платы.

Въ заключеніе обзора о земледѣліи губерніи остается опредѣлить, хотя приблизительно, достаточно ли произрастаетъ въ губерніи хлѣба на продовольствіе жителей, и какія берутся мѣры въ случаѣ неурожаявъ. Принимая въ расчетъ все народонаселеніе тверской губерніи, и полагая въ годъ на мужчину двѣ съ половиною, а на женщину двѣ четверти ржи, оказывается, что губернія, для своего продовольствія, должна закупать около двухъ милліоновъ четвертей; эта потребность не уменьшается отправкою части жителей для заработковъ, потому что выбывшее число замѣняется значительнымъ стеченіемъ прибылаго народа для работъ на доходныхъ путяхъ. Впрочемъ, весьма выгодное положеніе губерніи для транзитной торговли покрываетъ значительную часть этой издержки. Хлѣбъ закупается въ большомъ количествѣ въ низовыхъ губерніяхъ; провозная цѣна отъ Рыбинска до Твери за пудъ водянымъ путемъ, отъ трехъ три четверти до пяти копѣекъ серебромъ. Такъ какъ большая часть потребляемаго хлѣба покупная, то цѣны зависятъ преимущественно отъ степени урожая въ низовыхъ губерніяхъ и требованій въ Петербургъ.

Кромѣ того на цѣны хлѣба имѣютъ вліяніе время года и отдѣленіе мѣстъ потребленія отъ пунктовъ склада в хорошихъ общеній. Въ то время, когда въ Ржевѣ, Твери, Зубцовѣ, Корчевѣ девяти пудовый кулъ ржаной муки стоитъ отъ 3 рублей 36 до 3 рублей 65 копѣекъ серебромъ (въ январѣ), въ Осташковѣ цѣна его 4 рубля 40, а въ Весьегонскѣ 4 рубля 50 копѣекъ 5 рублей серебромъ. Послѣ весеннихъ снѣговъ, цѣны, смотря по мѣстностямъ, мѣняются; напримѣръ въ Весьегонскѣ, въ юлѣ, цѣнность кула ржаной муки понижается до 4 рублей серебромъ, въ то время когда въ Осташковѣ она, напротивъ нѣсколько поднимается, именно до 4 рублей 50 копѣекъ серебромъ и остается въ этой цѣнѣ до зимней дороги. Цѣны на яровой хлѣбъ переходятъ за четверть (осьми четвериковой мѣры, съ подеѣвомъ) отъ 1 рубля 65 (въ Старицѣ, въ январѣ) до 2 рублей 60 копѣекъ серебромъ (въ Вышнемъ Волочкѣ, въ октябрѣ).

Въ Вышнемъ Волочкѣ цѣны на хлѣбъ стоятъ постоянно выше, нежели въ другихъ мѣстахъ губерніи.

Мѣры правительства для обезпеченія продовольствія, на случай неурожаевъ, заключаются въ учрежденіи запасныхъ магазиновъ, число которыхъ въ губерніи для казенныхъ, помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ соразмѣрно по мѣстностямъ съ потребностями. Всѣхъ помѣщичьихъ магазиновъ въ губерніи 2,402, казенныхъ 329, удѣльныхъ 92; всего 2,823. Въ магазинахъ, къ 1 января 1845 года, находилось на лицо: озимаго хлѣба 258,925 четвертей, и яроваго 190,961. Роздано въ ссуду: озимаго 242,152 четверти, яроваго 66,588. Въ педовикѣ: озимаго 416,657 четвертей, яроваго 49,266. Въ недоборѣ, считая по одной четверти ржаного и по половинѣ четверти яроваго на душу: 1,278 озимаго и 45,261 четверть яроваго.

Сверхъ того, для помѣщичьихъ крестьянъ и мѣщанъ хранится въ сохранной казнѣ и въ тверскомъ уѣздномъ казначействѣ запасный капиталъ, сдѣлавшійся изъ ежегоднаго сбора съ каждой души по три копѣйки серебромъ. Къ 1 января 1845 года этого капитала было на лицо въ сохранной казнѣ 67,093 рубля серебромъ, въ тверскомъ уѣздномъ казначействѣ и въ прочихъ казначействахъ 16,356 рублей серебромъ, въ долгу по ссудамъ 11,709 рублей серебромъ, въ недомикѣ по сбору 1,356 рублей серебромъ. Кромѣ исчисленныхъ мѣръ для обезпеченія продовольствія жителей, оно много облегчается тѣмъ, что значительная часть крестьянъ всѣхъ вѣдомствъ ежегодно, постоянно и

особенно въ неурожан, ходитъ на заработки, по паспортамъ, въ обѣ столицы, преимущественно въ Петербургъ и нѣкоторые другіе города, гдѣ занимаются извозомъ, плотничествомъ, рыбною ловлею, каменною работою и прочая.

Кромѣ хлѣбныхъ растеній, въ губерніи сѣютъ немного льну и конопля.

Льну сѣется на ревизскую душу около полъ-четвертки. Урожай его рѣдко хорошъ; притомъ ленъ слишкомъ истощаетъ землю. Посѣвъ конопля еще незначительнѣе льна и производится исключительно только по огородамъ, и то въ весьма небольшомъ количествѣ.

Цѣна льнянаго сѣмени простирается отъ 5 до 5 рублей 50 копѣекъ серебромъ. Тѣмъ неменѣе пеньковыя и льняныя издѣлія весьма значительны. Стоимость пеньки въ тверской губерніи за пудъ слѣдующая: трепанная зимнякъ 2 рубля 43, веснякъ 2 рубля 14, сырецъ отъ 1 рубля 43 до 1 рубля 71 $\frac{3}{4}$ копѣекъ серебромъ. За выдѣлку одного пуда платятся около 25 копѣекъ серебромъ. Пудъ пеньковой пряжи стоитъ отъ 2 82 $\frac{3}{4}$ до 3 рублей 85 копѣекъ серебромъ. Бичевы барочныя 3 рубля 85 копѣекъ, лодочныя 4 рубля за пудъ. Пахла простая 1 рубль 15 копѣекъ серебромъ, чесанная 1 рубль 28 $\frac{3}{4}$, шукша 71 $\frac{3}{4}$ копѣйки. Въ Петербургѣ цѣна на берковецъ пеньки измѣняется отъ 14 рублей 28 $\frac{3}{4}$ до 19 рублей 15 копѣекъ серебромъ. Главнымъ пунктомъ для пеньковой промышленности служитъ городъ Ржевъ, куда свозится въ зимнее время, сухимъ путемъ, пенька изъ губерній: орловской, курской, калужской и смоленской. Цѣна за провозъ, среднимъ числомъ, обходится по 20 копѣекъ съ пуда. Въ Ржевѣ привозится ежегодно до 350,000 пудовъ пеньки и до 250,000 пудовъ канатной пряжи. Кромѣ значительнаго количества пеньки, служащаго предметомъ транзитной торговли въ губерніи, для разработки ея находится 47 пенькопрядиленъ; въ одномъ Ржевѣ 40 пенькопрядиленъ. Часть пеньки отвозится также въ остафковскій уѣздъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ деревняхъ (особенно въ Ельцѣ), производится вязка рыболовныхъ сѣтей. Степень развитія этого рода промышленности не можетъ быть опредѣлена, даже приблизительно. Цѣна издѣлій различна; но можно положить, что не принимая въ расчетъ времени, чистаго барыша получается до двадцати пяти процентовъ. Плотно ткуть по деревнямъ въ зимнее время не только для собственнаго потребленія, но и для сбыта купцамъ, обыкновенно вымѣнивающимъ на него красный

товаръ на сельскихъ ярмаркахъ. Самый большой торгъ шолоховомъ производится купцами новоторжскими, бѣжецкими и тверскими, которые закупаютъ его вмѣстѣ миллионъ до шести аршинъ. Цѣна аршину отъ двухъ съ половиной до десяти копѣекъ серебромъ. Сбытъ преимущественно производится въ Петербургъ. Кромѣ того, въ бѣжецкомъ и частью весьегошскомъ уѣздѣ главное занятіе жителей состоитъ въ приготовленіи грубаго холста, изъ котораго они шьютъ значительное количество мѣшковъ, для перевозки хлѣба. Главное производство этихъ мѣшковъ и главный пунктъ склада въ Бѣжецкѣ, откуда отправляютъ ихъ въ Рыбинскъ до 500,000 штукъ (цѣна за сотню отъ 10 до 15 рублей серебромъ, доставка отъ 10 до 15 копѣекъ серебромъ съ пуда), и въ Москву до 200,000 штукъ (доставка отъ 20 до 40 копѣекъ серебромъ съ пуда). Охлопки получаютъ преимущественно изъ угличскаго уѣзда; пудъ охлопковъ стоитъ до 75 копѣекъ серебромъ; изъ пуда можно выткать 7 стѣвъ холста; каждая стѣва въ 14 аршинъ и стоитъ 28 копѣекъ серебромъ. Слѣдовательно, изъ пуда охлопковъ получается полотно почти на 2 рубля серебромъ. Хорошая ткачиха въ день можетъ выткать до 30 аршинъ.

Огородничество въ тверской губерніи, встрѣчая весьма значительныя препятствія со стороны климата и скудной производительности почвы, заключено въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. По деревнямъ вездѣ находятся огороды, въ которыхъ крестьяне сдѣлать капусту, картофель, рѣдьку, брюкву, лукъ, огурцы и въ иныхъ мѣстахъ свеклу; но урожай этихъ овощей вообще весьма скуденъ и едва достаетъ на собственное потребленіе поселенцевъ, вѣдѣ почти не доставляя выгодъ сбыта. Лучше всего родятся эти овощи въ огородахъ, находящихся подлѣ городовъ и у харчевенъ на большихъ дорогахъ, гдѣ обиліе поземы способствуетъ хорошему урожаю. Рѣпа сбѣтается преимущественно въ лѣсу, на недавно выжженныхъ мѣстахъ, гдѣ она родится весьма хорошо; но по удаленности отъ жилья, присмотръ за нею затруднителенъ, и она обыкновенно растаскивается сосѣдями, что отнимаетъ охоту къ большимъ посѣвамъ. Предубѣжденіе противъ картофеля давно уже совершенно исчезло. Употребленіе его весьма распространилось между крестьянами, такъ что теперь посѣвъ картофеля не принадлежитъ уже къ огородничеству. Однакоже главное назначеніе картофеля только въ пищу; не многіе помѣщики сѣютъ его для корму въ зимнее время скота. Трудность сохраненія во время морозовъ и медленность, съ которою производится его вы-

кашываніе, до-сихъ-поръ не позволяютъ распространять въ большіяхъ размѣрахъ посѣвъ этого полезнаго растенія. Въ калужскомъ уѣздѣ, на заводѣ помѣщицы Веллимицовой-Зерновой, выдѣлывается изъ картофеля крахмалъ; сверхъ того картофельная патока вырабатывается на заводахъ въ Калужнѣ, Ржевѣ и Торжкѣ. Въ тверскомъ уѣздѣ, на заводѣ барона Бухгольца, гондятся изъ картофеля вино.

Садоводство, не существуетъ въ большой части губерніи. Исключеніе составляетъ Ржевъ и его уѣздъ, гдѣ разводятся въ большомъ количествѣ яблонныя деревья. Нѣкоторые, даже высокія сорта яблонь, успѣли акклиматизироваться въ этомъ краю. Сбытъ яблокъ производится помелочно въ разныхъ мѣстахъ; значительное количество идетъ также на изготовленіе яблочной пастилы, которую Ржевъ славится въ цѣлой Россіи. Кромѣ того, многіе ржевскіе промышленники развозятъ въ продажу по губерніи яблочные прививки. Въ прочихъ уѣздахъ, весьма у не многихъ помѣщиковъ, садоводство составляетъ вѣтвь промышленности; но сады заведены почти у всѣхъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, смотря по состоянію каждаго. Изобиліе и дешевизна дровъ позволяютъ, даже небогатымъ людямъ, устроить въ своихъ усадьбахъ оранжереи и теплицы; ананасы, виноградъ, персики и абрикосы весьма обильны. Лучшія оранжереи находятся: въ новоторжскомъ уѣздѣ, въ имѣніяхъ господъ Полтарацкаго и Львова; въ кашинскомъ уѣздѣ у Пономарева въ селѣ Кой; въ зубцовскомъ въ Лагунинѣ у князя Мещерскаго, въ ржевскомъ у господина Есипова. Для предохраненія отъ морозовъ фруктовыя деревья садятся обыкновенно въ сараяхъ, немѣющихся крыши и называемыхъ грунтами; на зиму покрываются они соломенной постллкой. Акклиматизированы, кромѣ яблонь, нѣкоторыя породы вишневыхъ деревьевъ, требующія теперь никакихъ предохранительныхъ мѣръ на зимнее время.

Луговодство въ тверской губерніи, по множеству болотъ и боровыхъ мѣстъ, не пересѣкающихся, ограничено. Число десятинъ, занятыхъ лугами, простирается до 1,277,088; следовательно, отношение луговъ къ пахатной землѣ будетъ какъ 1: 1,3, а ко всему пространству губерніи какъ 1: 4,4. Большая часть сѣнокосовъ производится въ лѣсныхъ пустошахъ, гдѣ грунтъ землѣ довольно сырой, и способствуетъ произрастанію травы. Лучшіе сѣнокосы обыкновенно находятся въ рѣчныхъ долинахъ или по берегамъ ручейковъ, имѣющихъ подогія берега; но да этихъ же

мѣстахъ всегда почти растутъ въ изобиліи кустарники, затрудняющій кошеніе. Расчистка такихъ мѣстъ сопряжена съ большими трудностями, и тверскіе поселяне такъ нескусны въ этомъ дѣлѣ, что помѣщики, для расчистки луговъ, обыкновенно нанимаютъ рабочихъ изъ бѣлорусскихъ губерній, что сопряжено съ большими издержками. Несмотря на постепенное увеличеніе расчищенныхъ сѣнокосныхъ мѣстъ, тверская губернія далеко еще не производитъ того количества сѣна, которое бы вполне удовлетворяло ея потребностямъ. Сѣна не привозится изъ другихъ губерній,—кромѣ небольшого количества изъ сосѣднихъ уѣздовъ,—и не отпускается его никуда; но жители, довольствуясь собственнымъ сѣномъ, должны ограничивать скотоводство, что имѣетъ весьма невыгодное вліаніе на земледѣліе. Въ случаѣ поздняго наступленія весны, скотъ, до появленія травы, приходитъ во многихъ мѣстахъ въ совершенное истощеніе отъ недостатка корма, и помѣщики бываютъ вынуждены уменьшать число головъ скота продажей его за ничтожную цѣну. Лучшіе сѣнокосы находятся: въ оstashковскомъ уѣздѣ по берегамъ нѣкоторыхъ рѣчекъ, впадающихъ съ правой стороны въ Волгу, между озеромъ Пено и устьемъ Селижаровки; въ вышневолоцкомъ по нѣкоторымъ частямъ Цны, по Волчицѣ и частью по Мологѣ; въ новоторжскомъ по Тымѣ и въ окрестностяхъ селеній: Спаса Пиногощи, Поторочина и Старчухи, близъ границы бѣжецкаго уѣзда; въ весьегонскомъ: у самого Весьегонска, на лѣвомъ берегу Мологи къ череповскому уѣзду, гдѣ есть лучшіе сѣнокосы въ цѣлой губерніи; въ бѣжецкомъ, въ повизовской удѣльной волости; въ кашинскомъ небольшія сѣнокосныя мѣста по берегамъ Волги и Медвѣдицы; въ корчевскомъ при селѣ Единовоѣ, на Волгѣ; въ тверскомъ по берегамъ Шоши, Вязмы, Лоби и Инюхи, въ особенности при селѣ Тургиновѣ и деревняхъ Хвостовой, Жуковой, Борциной и Образовой; въ старицкомъ по рѣкѣ Тымѣ, въ особенности въ имѣніяхъ Ермолаева, Шѣмцова, въ пустошахъ Козлова и Вульфа, и вообще вся сѣверная часть уѣзда изобилуетъ сѣномъ; въ ржевскомъ въ приходахъ осуйскомъ и воскресенскомъ. Большая часть означенныхъ мѣстъ состоитъ изъ поенныхъ луговъ. Среднимъ количествомъ можно положить, что на десятины луговой земли ставится отъ 8 до 15 копейъ сѣна, 4 пудоваго вѣса; но это содержаніе измѣняется съ каждымъ годомъ. На самыхъ лучшихъ сѣнокосахъ, что впрочемъ бываетъ въ весьма немногихъ мѣстахъ, ставится около 50 копейъ. Цѣны на сѣно подлежатъ большому измѣненію, но рѣдко бываютъ ниже 10 ко-

пѣкъ серебромъ и выше 25. Впрочемъ, въ уѣздахъ, гдѣ производится большое потребленіе сѣна, цѣны нерѣдко переходятъ за 30 копѣекъ серебромъ. Полагая, среднимъ числомъ, сборъ съ десятины до 40 пудовъ, а цѣну за пудъ 15 копѣекъ серебромъ выходитъ, что одна луговая десятина можетъ приносить дохода 6 рублей серебромъ. Травосѣянія въ Тверской губерніи почти нѣтъ. Въ самомъ небольшомъ размѣрѣ оно производится въ корчевскомъ уѣздѣ, старицкомъ и кашинскомъ. Преимущественно сѣются клеверъ и тимофеева трава. Сѣмена обѣихъ этихъ травъ закупаются по дорогой цѣнѣ въ Москвѣ; на мѣстѣ же онѣ рѣдко высѣваются до того, чтобы могли всходить. Это главная причина, почему искусственное луговоеводство не распространяется въ тверской губерніи. Всего ощутительнѣе недостатокъ сѣнокосовъ въ западной части оstashковского уѣзда, гдѣ разливомъ Волги и ея притоковъ, по устройствѣ верхневолжскаго бейшлота, затоплены почти всея хорошія луговыя мѣста.

Трава показывается обыкновенно въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая; сѣнокосъ начинается передъ Петровымъ днемъ. Уборка сѣна требуетъ много времени, и поселане дорожатъ каждымъ часомъ хорошей погоды для этой работы, на которую помѣщики высылаютъ даже всея своихъ дворовыхъ людей.

По недостатку луговъ, *скотоводство* въ тверской губерніи не можетъ достигнуть значительнаго развитія. Всегда, число содержамаго скота находится въ совершенной зависимости отъ болѣе или менѣе обильнаго сбора сѣна. Эта невозможность развитія скотоводства въ тверской губерніи особенно важна потому, что здѣсь по неплодородію почвы большая или меньшая надежда на урожай въ прямомъ отношеніи съ большимъ или меньшимъ количествомъ скота; умноженію скотоводства въ губерніи также весьма много препятствуютъ частые скотскіе падежи. Причинами ихъ полагаютъ отчасти, многочисленный прогонъ черезъ губернію скота въ Петербургъ, а еще болѣе производящуюся значительную торговлю кожами, между которыми многія, привозимыя въ сыромъ видѣ, распространяютъ заразу. Кроме того разными скотскія болѣзни бываютъ отъ дурнаго корма, недостатка удобнаго помѣщенія и изнуренія работою. Во многихъ мѣстахъ помѣщенія для скота устроены такъ, что почти нисколько не защищаютъ его отъ вліянія погоды. Притомъ мало обращается вниманія на устройство водопосѣвъ и на выгоны скота въ поляхъ. Во многихъ мѣстахъ продолжаютъ выгонять скотъ въ самую

глубокую осень, когда трава пострадала уже отъ мороза и не можетъ доставлять хорошаго корма.

Въ 1846 году въ губерніи считалось лошадей 494,540 головъ, рогатаго скота 563,400, овецъ простыхъ 753,760, тонкорунныхъ всего 340 (въ зубцовскомъ и старинскомъ уѣздахъ), свиней 88,050, козъ до 5,000. Тамъ, гдѣ болѣе луговъ, и скотоводство обширнѣе. Поэтому, и тѣмъ и другимъ богаче уѣзды старинскій, бѣжецкій, повоторжскій, тверской; бѣдѣе колѣзневскій, зубцовскій.

Изъ общаго числа скота, находящагося въ губерніи, нельзя вывести какого-нибудь заключенія на счетъ богатства сельскихъ жителей, потому что 1) нельзя быть совершенно увѣренными въ справедливости итога; 2) большая часть этого скота принадлежитъ помѣщикамъ и городскимъ жителямъ. Собственно же на крестьянскій дворъ въ тверской губерніи можно положить отъ 1 до 2 головъ, какъ рогатаго скота, такъ и лошадей.

Здѣшняя порода рогатаго скота мелка, и доставляетъ весьма мало молока. Улучшеніемъ скотоводства посредствомъ иностранныхъ породъ занимаются въ немногихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и то въ небольшихъ размѣрахъ, въ видѣ опыта. Въ бѣжецкомъ уѣздѣ въ имѣніяхъ: князя Хилкова, Татищева и Загрязнаго заведены тирольской породы быки и коровы. Крупный рогатый скотъ разводится также въ повоторжскомъ уѣздѣ въ имѣніяхъ: Фовъ-Дребуша, Львова и Чевачинскаго, въ селеніяхъ Вешкаль, Черепичахъ и Новомъ; въ зубцовскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Лодыженскаго.

По незначительности скотоводства, еще болѣе отъ дурнаго корма и часто отъ недостатка его, молочные промыслы у крестьянъ едва удовлетворяютъ собственному ихъ требованію. Помѣщики сбываютъ масло въ уѣздныхъ городахъ, откуда оно отправляется въ Петербургъ; нельзя даже приблизительно опредѣлить, какъ великъ этотъ сбытъ; но можно сказать, что онъ вообще весьма незначителенъ. Пудъ масла стѣитъ отъ 4 до 5 рублей 50 копѣекъ серебромъ; круглымъ числомъ корова даетъ въ годъ скопу не болѣе двадцати или двадцати-пяти фунтовъ масла, слѣдовательно она приноситъ доходу менѣе 3 рублей серебромъ. Изъ этого видно, что даже, при средней цѣнѣ на сѣно, ея содержаніе обходится гораздо дороже корму; по этому, рогатый скотъ содержится здѣсь не для молочныхъ промысловъ, а преимущественно

ственно для полученія позема, столь необходимаго по малому плодородію почвы.

Кромѣ масла, въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ занимаются изготовленіемъ сыра; для того устроено въ губерніи шестидцать заводовъ, о которыхъ мы будемъ говорить при описаніи мѣстной заводской промышленности.

Конскихъ заводовъ въ губерніи всего 23. На нихъ разводятся великороссійскія лошади хорошей породы; но всѣ эти заводы незначительны. Изъ трехъ заводовъ колязинскаго уѣзда одинъ, господъ Кожуховыхъ, успѣшно разводитъ лошадей орловской породы.

Къ домашнему сельскому хозяйству, кромѣ земледѣлія, луговодства и скотоводства можно отнести *пчеловодство* и *птицеводство*. Первое въ тверской губерніи заключено въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ, и встрѣчается у немногихъ только помѣщиковъ и крестьянъ совершенно отдѣльно, не составляя нигдѣ общаго мѣстнаго промысла. На шести воскобойняхъ, устроенныхъ въ губерніи, очищается воскъ ежегодно до 435 пудовъ. Весь онъ идетъ на выдѣлку церковныхъ свѣчь.

Второе также нигдѣ не достигло большаго развитія, кромѣ бѣжецкаго и части весьегонскаго уѣзда. Въ бѣжецкомъ уѣздѣ, особенно вокругъ самого города, поселяне держатъ много куръ; торговля яйцами составляетъ промыселъ нѣкоторыхъ тамошнихъ купцовъ, которые отправляютъ ихъ въ большомъ количествѣ въ Петербургъ. Возятся они обыкновенно сухимъ путемъ, въ лѣтнее время, по бѣжецко-вышневолоцкой дорогѣ и по шоссе. На телѣгу, запряженную одною лошадыю, укладывается отъ 7 до 8,000 яицъ. Тысяча стоитъ въ Бѣжецкѣ отъ 4 до 6 рублей серебромъ. Около Краснаго Холма разводится по деревнямъ много гусей, которые битые, вмѣстѣ съ другою дворовою птицею, отправляются зимнимъ путемъ въ Петербургъ. Крестьяне сукромевской и никхайлгорской волостей занимаются разсортировкою гусиного чуха, стоящаго на мѣстѣ отъ 12 до 17 рублей серебромъ за пудъ.

Если не главнымъ, то повсемѣтнымъ подспоріемъ сельскому хозяйству служатъ *лѣсные промыслы*. Не смотря на плохое состояніе лѣснаго хозяйства, на огромное и неблагоприятное употребленіе лѣсовъ, они до сихъ поръ доставляютъ много выгоды

жителей губерніи. И теперь тверская губернія богата лѣсами; въ ней, по свѣдѣніямъ гражданскаго начальства за 1845 годъ 1,773,406 десятинъ; но назадъ тому лѣтъ 70, во время генеральнаго межеванія (начавшагося 1776 и кончившагося 1781 года), лѣсовъ считалось здѣсь до 3,410,811 десятинъ; такъ что болѣе половины губерніи было сплошь покрыто лѣсомъ. Дороги представлялись тогда въ видѣ непрерывныхъ дефле; селенія съ окружающими ихъ пашнями составляли какъ бы небольшіе острова. Съ увеличеніемъ народонаселенія увеличилась съ одной стороны потребность въ поляхъ и лугахъ, съ другой въ лѣсныхъ матеріалахъ; и то и другое повело къ порубкамъ лѣсовъ; но главной причиной уничтоженія богатыхъ лѣсныхъ дачъ было неблагоустроенное хозяйство, лѣсные пожары, продажа частными владѣльцами цѣлыхъ участковъ на вырубку, переселенія крестьянъ и наконецъ заведеніе фабрикъ и заводовъ. Въ настоящее время сохранили первоначальный характеръ лѣснаго края, части уѣздовъ: бѣжецкаго, вышневолоцкаго и весьеговскаго по теченію Мологи, и части уѣздовъ: осташковскаго, вышневолоцкаго и новоторжскаго по верховьямъ рѣкъ: Цны, Осуги, Большой Коши и Крапивки. Въ прочихъ мѣстахъ хотя есть части весьма лѣсистыя, но, по многочисленности селеній, лѣса не занимаютъ сплошь значительнаго протяженія. Въ уѣздахъ: новоторжскомъ, старицкомъ, частью въ ржевскомъ, зубцовскомъ и кашинскомъ, лѣса, болѣею частью, представляются въ видѣ разбѣянныхъ небольшихъ и совершенно отдѣльныхъ рощъ, образуя собою островки на открытой мѣстности, въ противоположность виду, представляемому лѣснымъ краемъ. Лѣса въ тверской губерніи относятся ко всему пространству, какъ 1 къ 3, 5.

Такъ какъ здѣшніе лѣса имѣютъ важное вліяніе на благосостояніе жителей, то мы опишемъ замѣчательнѣйшія лѣсныя мѣстности по уѣздамъ.

Въ осташковскомъ уѣздѣ, не смотря на большое уменьшеніе лѣса, все еще остается его большое количество — до 182,767 десятинъ; особенно много дровянаго лѣсу, котораго можно полемить четвертою частью болѣе противъ строеваго.

Самыя лѣсистыя части уѣзда находятся около Цны; по восточную сторону Салгера, къ валдайскому уѣзду, въ юго-западной части, близъ границы торопецкаго уѣзда; въ сѣверо-западной части, въ хвошевскомъ приходѣ. Безлѣсная часть, оковецкій и хотицкий приходы, прилегаетъ къ ржевскому и бѣльскому уѣз-

дакъ. Почва подъ лѣсами глинисто-песчаная, песчаная и шловатая, смѣшанная съ известковымъ хрящемъ. Господствующая порода лѣса еловая, за нею слѣдуетъ сосновая. Впрочемъ, много также лиственнаго лѣсу, особенно березы и осины, которыя достигаютъ высокоствольнаго возраста дровянаго лѣса. Кромѣ вышеозначенныхъ породъ, есть ольховый и разный кустарникъ, явовой, можжевеловый и въ нѣкоторыхъ дачахъ липовый лутонникъ. Изъ лѣсныхъ дачъ, по большому сбыту лѣса, особенно замѣчательна дача, принадлежащая господину Жеребцову, которая находится между озеромъ Охватомъ и рѣкою Жуковою; она занимаетъ пространства 28,663 десятины. Лѣсъ преимущественно хвойный; лиственнаго мало; мачтоваго вовсе нѣтъ.

Въ вышеозначенномъ уѣздѣ, не смотря на чрезвычайное истребленіе лѣса, до сихъ-поръ еще во многихъ мѣстахъ находятся огромные запасы его. Всего лѣсу въ уѣздѣ 473,145 десятинъ. Это самый лѣсистый уѣздъ въ губерніи. Наиболѣе лѣсныя части уѣзда: западная, сопредѣльная съ осташковскимъ и валдайскимъ уѣздами и сѣверо-восточная, подходящая къ теченію Мологи и всегодскому уѣзду. Наиболѣе обнажена отъ лѣса часть, прилежащая къ повоторжскому уѣзду, около Выдропуска. Деревья преимущественно хвойныя; сосна встрѣчается чаще ели, которой впрочемъ также весьма много. Количествомъ лиственнаго кустарника вышеозначенный уѣздъ уступаетъ осташковскому. Почва близъ Цны болѣе шловатая и болотистая, а близъ Мологи боровая, то есть, сѣро песчаная верхка на 4, а подъ нею красноватый песокъ, смѣшанный съ глиною. Въ среднѣмъ уѣздѣ находится большая лѣсная дача, которая по своей обширности, выгодамъ, положенію и количеству сбыта, занимаетъ первое мѣсто въ губерніи. Эта дача принадлежитъ наследникамъ господина Ермолова, заключается въ себя 30,528 десятинъ, тянется отъ деревни Солны, находящейся на рѣкѣ Мствѣ, до села Библя, на рѣкѣ Тверцѣ, между Холохольней и Выдропускомъ, и отъ Бѣлага Омута до Алекнова; такимъ образомъ, прикасается на судходномъ пути къ водамъ, текущимъ къ Петербургу и — въ Волгу. Эту лѣсъ заключаетъ въ себя обширныя болотистыя пространства и нѣсколько небольшихъ озеръ. Въ казенныхъ дачахъ Моки и Краица есть 6 корабельныхъ рощъ, находящихся въ завѣданіи балтійскаго округа корабельныхъ лѣсовъ.

Повоторжскій уѣздъ весьма лѣсистъ только въ той части, которая принадлежитъ къ осташковскому. Всего лѣсу въ немъ

118,800 десятинъ. Почва лѣсовъ здѣсь почти сплошь болотистая; господствующая порода ель. По направленію дороги изъ Останкова въ Торжокъ тянутся на 12 верстъ по лѣсу горы, называемыя Свинными хребтами, имѣющія глубокіе овраги и, посреди себя, непроходимыя моховыя болота. За тѣмъ, весь уѣздъ представляетъ открытую мѣстность, усѣянную впрочемъ множествомъ небольшихъ отдѣльныхъ лѣсовъ, содержимыхъ въ порядкѣ и имѣющихъ видъ рощи. Здѣсь господствующая порода лиственная. Въ сѣверо-восточной части уѣзда разстилаются обширныя луга, покрытыя густымъ лиственнымъ кустарникомъ. Въ самыхъ лучшихъ лѣсахъ строеваго лѣса $\frac{1}{3}$, дровянаго $\frac{2}{3}$.

Бѣжецкій уѣздъ состоитъ изъ двухъ частей, лѣсной и малолѣсной. Западная часть, составляющая болѣе половины всего уѣзда, сплошь покрыта лѣсомъ, который по своему огромному протяженію занимаетъ одно цѣлое съ лѣсами сопредѣльныхъ къ нему частей вышеволоцкаго и весьеговскаго уѣздовъ. Этотъ лѣсъ, продолжаясь правымъ берегомъ верхней части Мологи, доходитъ почти до границы бѣжецкаго уѣзда, составляетъ восточныя и южныя его части, сопредѣльная съ кашинскимъ и весьеговскимъ. Народонаселеніе тамъ значительное; въ дровяномъ матеріалѣ жители не терпятъ нужды, но недостатокъ строеваго весьма ощутителенъ. Лучшій и въ большемъ количествѣ строевой лѣсъ находится въ Чернолѣсной казенной дачѣ (до 27,000 десятинъ) на правомъ берегу Мологи, отъ города Федорцова къ Гостианицамъ, Житнякамъ, Мокшицамъ и къ Рыбинскому. Всего лѣсу въ бѣжецкомъ уѣздѣ 245,265 десятинъ.

Весьеговскій уѣздъ, подобно бѣжецкому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сплошь покрытъ лѣсомъ, въ другихъ же очень мало. Наиболѣе находится лѣсу по берегамъ рѣки Мологи, въ соединеніи съ лѣсами бѣжецкими и вышеволоцкими, также въ восточной части уѣзда, на границѣ съ усть-мологскимъ уѣздомъ. Срединя уѣзда, особенно же вокругъ Краснаго Холма, малолѣсна. Между казенными дачами есть корабельныя рощи: Федайковская, Сырогожская и Желѣзницкая. Вообще всего лѣсу въ уѣздѣ 264,861 десятина, изъ числа котораго можно положить строеваго и корабельнаго $\frac{1}{10}$, а жердянаго и дровянаго $\frac{9}{10}$ частей. Почва болѣе песчаная и суглинисто-песчаная. Между помѣщичьими дачами въ особенности замѣчательна, принадлежащая господину Ережѣву; она имѣетъ до 12,000 десятинъ; расположена по обоимъ берегамъ рѣки Мологи вокругъ Борисова и деревни Верхнихъ

Пороговъ; почва чисто песчаная; лѣсъ сосновый, и есть много настовыхъ деревь большихъ размѣровъ. Кашинскій уѣздъ—одинъ изъ малолѣсныхъ въ губерніи; здѣсь всего 18,987 десятинъ лѣсу; особенно ощутителенъ недостатокъ въ строевомъ лѣсѣ. Лѣса въ калужскомъ уѣздѣ болѣе хвойные, чѣмъ лиственные, строеваго лѣсу здѣсь немного, а въ дровяномъ нѣтъ недостатка; наибольшія лѣсныя дачи находятся по рѣкамъ Дубиѣ и Хотчѣ. Всего лѣсу въ уѣздѣ 164,344 десятины. Лѣса въ корчевскомъ уѣздѣ болѣе еловые, вообще и строеваго и дровянаго лѣсу до 96,000 десятинъ. Въ тверскомъ уѣздѣ нѣтъ недостатка въ лѣсѣ; здѣсь его до 163,288 десятинъ. Въ старицкомъ уѣздѣ лѣсовъ не много, всего 16,020 десятинъ. Самая большая лѣсная дача въ уѣздѣ принадлежитъ казеннымъ крестьянамъ и называется Мологинской; она тянется вдоль по торговой дорогѣ изъ Ржева въ Торжокъ отъ села Залькова черезъ село Мологино до торговой дороги изъ Старицы въ Осташковъ, ограничиваясь съ сѣверной стороны деревнями: Бояришковой и Никиткиной, съ южной, Зальковой, и Березки, съ Великою Кузнецовской, Большой и Малой Дарьшиной, а съ запада Описининой, Городищемъ и Вороновой, имѣя такимъ образомъ почти ровное протяженіе, какъ отъ сѣвера къ югу, такъ и отъ запада къ востоку. Она заключаетъ въ себѣ до 15,000 десятинъ лѣсу, на половину строеваго, и прерывается селеніями, которыхъ на этомъ пространствѣ до 40. Мологинскій лѣсъ преимущественно хвойный (рѣдкій еловый), почва земли въ немъ средне-тяжелая съ холодною подпочвою. Въ сѣверо-западной части уѣзда по берегамъ Большой и Малой Коши, и на пространствѣ между ними, мѣстность также покрыта лѣсомъ, частью сосновымъ и березовымъ, а болѣе еловымъ; здѣсь есть строевой, барочный и дровяной лѣсъ. Вообще въ сѣверной части уѣзда мѣстность лѣсистѣе, нежели въ южной.

Въ зубцовскомъ уѣздѣ лѣсовъ вообще немного, до 66,163 десятинъ, и замѣчательныхъ въ какомъ-либо отношеніи нѣтъ; лѣсъ болѣе хвойный и частью лиственный.

Въ ржевскомъ уѣздѣ еще менѣе лѣсовъ, до 34,762 десятинъ; тамъ лѣсъ преимущественно еловый и частью березовый.

Изъ всего сказаннаго видно, что тверская губернія, особенно сѣверная ея часть, имѣетъ такое изобиліе въ лѣсѣ, что кромѣ собственнаго потребленія, можетъ производить имъ значительную торговлю. Множество славныхъ рѣкъ, протекающихъ по лѣсамъ и близъ нихъ, доставляя удобства сбыта, способствуютъ развитію

этой торговли. Въ настоящее время, кромѣ того, обширныя работы, производимыя на устраниваемой желѣзной дорогѣ, усилили требованія на лѣсъ, и сильно возвысили на него цѣны.

Выше было замѣчено, что большая часть помѣщичьихъ имѣній находятся въ разстроенномъ состояніи, и недостатокъ денежныхъ капиталовъ весьма ощутителенъ между владѣльцами. Большую часть изъ нихъ, не принимая въ соображеніе, что лѣсъ есть также капиталъ, доставляющій вѣрные проценты, и что увеличеніемъ цѣны на него должно пользоваться только, какъ увеличеніемъ получаемыхъ процентовъ, уничтожаютъ самый капиталъ, продавая свои лѣса на срубъ промышленникамъ цѣлыми десятинами, за совершенно ничтожную цѣну. Въ уѣздахъ, тверскомъ, новоторжскомъ и вышневолоцкомъ, цѣны хотя далеко не соотвѣтствуютъ выгодамъ, извлекаемымъ изъ этой торговли промышленниками, но все еще довольно высоки; потому что помѣщики, по близости мѣстъ склада, могутъ отчасти принимать личное участіе въ торговлѣ, не нуждаясь въ посредникахъ. Цѣны за десятину строеваго лѣса измѣняются отъ 43 до 143, а дроваваго отъ 17 до 85 рублей серебромъ, и существуютъ только для лѣсовъ, находящихся въ близкомъ разстояніи отъ водяныхъ путей, и линіи желѣзной дороги. Въ прочихъ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ, нельзя даже положить никакихъ предѣловъ цѣнамъ за лѣсныя дачи, что всего болѣе зависитъ отъ степени нужды въ деньгахъ, ощущаемой владѣльцомъ, и совершеннаго отсутствія лѣсныхъ понятій о лѣсной торговлѣ. Нельзя также сказать, чтобы эта торговля была простымъ перемѣщеніемъ лѣсныхъ капиталовъ, изъ однихъ рукъ въ другія; продавая свои дачи на срубъ, помѣщики оставляютъ большую частью землю за собою, и находятъ выгоднымъ, чтобы вырубка была произведена не постепенно, а вдругъ. Перѣдко помѣщики дѣлаютъ съ промышленниками условіе, чтобы въ ихъ лѣсныхъ дачахъ была произведена вырубка только деревьевъ извѣстныхъ размѣровъ; но это влечетъ обыкновенно истребленіе цѣлыхъ лѣсовъ; потому что при срубкѣ каждаго дерева неминуемо повреждаются растущія подлѣ, и кромѣ того образуется большое количество сухаго валежника, который, при малѣйшей неосторожности, способствуетъ распространенію огня, такъ что такіе лѣса рано или поздно окончательно истребляются пожарами. Вредныя послѣдствія неосторожной и неразсчетливой торговли лѣсомъ уже начинаютъ обнаруживаться; въ особенности чувствуется недостатокъ строеваго лѣса во многихъ даже лѣсныхъ уѣздахъ. Въ кашинскомъ уѣздѣ нуждаются даже въ дре-

дахъ. Казенныя лѣсныя дачи несравненно въ лучшемъ положеніи. Изъ нихъ до сихъ поръ, при настоящемъ состояніи лѣсной торговли, продажа лѣса производилась самая ничтожная; но, безъ сомнѣнія, въ непродолжительномъ времени, для этихъ дачъ готовится большія выгоды. Проѣзжая черезъ село Николу Кава, новоторжскаго уѣзда, мы любовались огромной деревянной церковью, построенной въ 1712-году. Какого качества долженъ быть лѣсъ, выдерживающій, въ теченіе почти полутора ста лѣтъ, непостоянство вашего климата!.... А этотъ лѣсъ, по достовѣрному преданію, весь вырубленъ въ полуверстѣ отъ селенія; теперь же, въ окрестности, по крайней мѣрѣ на 30 верстѣ, вовсе нѣтъ лѣса, годнаго на постройки. Гибельныя послѣдствія истребленія строевыхъ лѣсовъ въ особенности ощутительны послѣ частыхъ деревенскихъ пожаровъ.

Строевой матеріалъ сбывается въ тверской губерніи сплавомъ по рѣчкамъ, на берега которыхъ срубленные деревья свозятся въ зимнее время гужемъ. Сухопутная же перевозка бревенъ, съ одного мѣста на другое, происходитъ на недалекое разстояніе, и составляетъ взаимную торговлю сельскихъ жителей, которая производится по мелочи. Лѣсъ сплавляется къ рижскому порту, на Волгу, Мологою и вышневолоцкимъ судоходнымъ путемъ.

1. Къ рижскому порту бревна сплавляются изъ обширныхъ лѣсовъ, находящихся въ юго-западной части осташковскаго уѣзда, по рѣкѣ Волкотѣ, озеру Охватъ Жадевью, и рѣкѣ Западной Двины. На послѣдней, по причинѣ пороговъ, сплавъ производится только весною. Ежегодно сбывается къ рижскому порту до 8,000 сосновыхъ бревенъ (изъ одной дачи генералъ-маіора Жеребцова 6,000), длиною отъ 3 до 3½ сажень, въ отрубкѣ 11 и 12 дюймовъ; цѣною каждое бревно отъ 1 рубля 5 копѣекъ до 1 рубля 15 копѣекъ серебромъ со сплавомъ, всего на сумму до 8,700 рублей серебромъ.

2. На Волгу сгоняемый лѣсъ частью распродается по самому теченію рѣки въ малолѣсныхъ мѣстахъ тверской губерніи, частью же прогоняется далѣе въ низовыя губерніи. Сплавъ производится: а) по рѣкамъ Куды, Жукопѣ и Дубенкѣ, впадающимъ въ Волгу, съ правой ея стороны, выше верхневолжскаго бейшлота: отсюда, въ 1845 году, прогнано 367 лѣсныхъ плотовъ, на сумму до 21,903 рублей серебромъ; б) по рѣкѣ Песочкѣ въ томъ же году прогнано 26 плотовъ, на сумму 1,756 рублей серебромъ; в) по рѣкѣ Селажаровкѣ и соединяющимся съ нею сплавнымъ рѣ-

камъ Дѣдушнѣ, Тихвинѣ, в Крапивнѣ; 239 плотовъ, на сумму 18,539 рублей серебромъ; d) по рѣкамъ Большой и Малой Кошѣ и рѣкѣ Ворчалѣ изъ разныхъ лѣсныхъ дачъ остатшковскаго и новоторжскаго уѣзда, 231 плотъ, на 13,953 рубля серебромъ. Почти весь этотъ лѣсъ изъ помѣщичьихъ дачъ; изъ казенныхъ продано всего на 562 рубля серебромъ. Въ каждомъ плоту можно положить среднимъ числомъ до 120 бревенъ, длиною отъ 3 до 7 сажень, въ отрубѣ отъ 4 до 10 вершковъ. Сверхъ того, много кокоръ, жердей или, по простонародному названію, подтоварника. Дровъ изъ остатшковскаго уѣзда сплавляется въ Тверь и Калазинъ до 40,000 сажень, примѣрно на сумму до 11,000 рублей серебромъ. e) Въ зубцовскомъ уѣздѣ по Асугѣ и Вазузѣ, около 8,000 деревъ и до 750 сажень дровъ; f) Въ тверскомъ уѣздѣ по Тверцѣ тысячь до 25 бревенъ; g) въ корчевскомъ и калазинскомъ до 12,000 деревъ; по рѣкамъ Созн, Дубнѣ, Хотѣ до 15,000 сажень дровъ. Всего можно положить, что по Волгѣ изъ разныхъ уѣздовъ сплавляется лѣсу ежегодно на сумму болѣе 85,000 рублей серебромъ, но это содержаніе можетъ измѣняться по обстоятельствамъ.

3. По Мологѣ лѣсъ гонится въ значительномъ количествѣ изъ уѣздовъ бѣжецкаго, вышневолоцкаго и весьегонскаго, въ ярославскую губернію, къ городу Усть-Мологѣ. Въ бѣжецкомъ уѣздѣ наиболѣе лѣсу сбывается изъ дачъ Воейкова, близъ деревни Клеймихи, который сплавляется по рѣкѣ Бережѣ въ Мологу; изъ дачъ Корвинъ-Литвицкаго близъ деревни Клевище и Мельницкихъ около села Рыбинскаго. Въ вышневолоцкомъ уѣздѣ кромѣ самой Мологи, сплавъ особенно производится по рѣкѣ Волчинѣ, по которой, въ 1846 году, сплавлено до 7,000 деревъ, отъ 4 до 8 саженной длины, и отъ 4 до 12 вершковъ въ отрубѣ. Въ Весьегонскомъ уѣздѣ наибольшій сбытъ производится изъ лѣсной дачи Еремѣева, гдѣ рубятся много мачтовыхъ деревъ, отъ 8 до 12 сажень длины и отъ 8 до 13 вершковъ въ верхнемъ отрубѣ; цѣна такому дереву на корнѣ не болѣе какъ отъ 6 до 14 рублей серебромъ. Сверхъ того, изъ одной дачи Андреева рубятся ежегодно до 10,000 деревъ. — Мимо Весьегонска въ 1845 году прогнано бревенъ сосновыхъ и еловыхъ 107,963, копаней еловыхъ, счетовъ 116,883 штукъ; всего на сумму 120,830 рублей серебромъ. Въ 1846 году бревенъ сосновыхъ и еловыхъ 161,756, копаней еловыхъ 148,398, тесу сосноваго и еловаго 21,104; всего на сумму 147,647 рублей серебромъ. Въ это количество входитъ также лѣсъ, сплавляемый изъ устюжскаго уѣзда; но на тверскую губер-

нню можно положить, по крайней мѣрѣ, $\frac{3}{2}$ всего количества, что дастъ для нея сбыта лѣсу по Мологѣ на сумму около 90,000 рублей серебромъ.

4. Важнѣйшій сплавъ по вышневолоцкому судоходному пути производится на рѣкѣ Цаѣ, гдѣ въ одномъ вышневолоцкомъ уѣздѣ сплавляется ежегодно до 45,000 деревъ. Также по рѣкѣ Съжѣ, впадающей въ Мсту въ боровицкомъ уѣздѣ, сплавляется до 33,000 деревъ разнаго рода. — Въ числѣ этого лѣса много потесей.

Изъ вышневолоцкаго уѣзда сплавляется также по Тверцѣ значительное количество дровъ въ новоторжскій, преимущественно изъ дачи Ермолова, въ которой лѣсное хозяйство устроено весьма хорошо. — Изъ этой дачи, отъ 1841 по 1846 годъ продано строеваго и дровянаго лѣса, на сумму 39,510 рублей серебромъ. Всего, можно положить примѣрно по рѣкѣ Цаѣ, Мстѣ и Съжѣ прогоняется ежегодно лѣсу на сумму до 76,000 рублей серебромъ.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что въ тверской губерніи сплавляется лѣсу ежегодно на сумму до 250,000 рублей серебромъ. Кромѣ того должно принять въ соображеніе большое количество перевозимаго гужемъ съ мѣста на мѣсто, и составляющаго предметъ внутренней лѣсной торговли.

Не имѣя положительныхъ данныхъ для опредѣленія съ должною точностію всей оборотной суммы по лѣсной торговлѣ, можно однако предположить, что она никакъ не менѣе 400,000 рублей серебромъ и по всей вѣроятности даже болѣе.

Цѣны на лѣсъ весьма разнообразны; притомъ, большею частью, доставка его на мѣсто работы обходится гораздо дороже, чѣмъ стоило само дерево на корню. Чтобы имѣть нѣкоторое понятіе объ этомъ предметѣ, возьмемъ существующую казенную таксу деревьямъ на корню и бревнамъ на желѣзной дорогѣ, привозимымъ съ разстоянія отъ 10 до 45 верстъ. Сосновыя бревна длиною 3 сажени, толщиною 4 вершка стоятъ на мѣстѣ 15 копѣекъ серебромъ, съ доставкою 140 копѣекъ серебромъ. Еловыя на мѣстѣ 12 копѣекъ серебромъ, съ доставкою 98 $\frac{1}{2}$ копѣекъ серебромъ. Сосновыя бревна длиною 4 сажени, толщиною 4 вершка стоятъ на мѣстѣ 20 копѣекъ серебромъ, съ доставкою 148 $\frac{1}{2}$ копѣекъ серебромъ. Еловыя на мѣстѣ 16 копѣекъ серебромъ, съ доставкою 145 копѣекъ серебромъ.

Судостроеніе въ тверской губерніи производится весьма дѣятельно. Обиліе въ лѣсѣ и выгодное положеніе для транзитной

торговли по судоходному пути сообщенія способствуют развитію этой вѣтви промышленности. Судостроителями обыкновенно бывают мѣстные купцы, покупающіе матеріалы у помѣщичьихъ владѣющихъ лѣсными дачами, а рабочіе берутся изъ прибрежныхъ жителей. Въ уѣздахъ безлѣсныхъ, матеріалъ пригоняется на пунктъ постройки изъ мѣстъ облюющащихъ лѣсомъ, особенно же изъ оставковскаго уѣзда.

Въ тверской губерніи строятся суда слѣдующихъ наименованій и размѣровъ: 1) барки длиною 17 сажень, шириною 4 сажени, высотой 2 аршина; 2) полубарки, сходныя, по конструкціи, съ барками и весьма разнообразныя въ размѣрѣ; 3) вышневолоцкія лодки длиною 15 сажень, шириною 4, высотой 2 аршина; 4) тихвинки длиною $12\frac{1}{2}$ сажень, шириною 3, вышиною 11 четвертей; 5) огнбѣжныя лодки размѣромъ одинаковыя съ вышневолоцкими; 6) какавыя лодки длиною 8 сажень 2 аршина, шириною 1 сажень 2 аршина 10 вершковъ; 7) сомки длиною $9\frac{1}{2}$ сажень, шириною 1 сажень $2\frac{1}{2}$ аршина; 8) водовики оставковскіе длиною 8, шириною 2 сажени. Сверхъ того, строятся много маломѣрныхъ лодокъ, употребляемыхъ для прислугъ при большихъ судахъ.

Чтобы показать, гдѣ въ губерніи наиболѣе развито судостроеніе, рассмотримъ эту отрасль промышленности по уѣздамъ.

Въ оставковскомъ уѣздѣ отъ судостроенія выручается ежегодно до 10,000 рублей серебромъ. По свидѣніямъ, за 1845 годъ здѣсь построено, въ разныхъ мѣстахъ по Волгѣ и по впадающимъ въ нее рѣкамъ: барокъ 36, водовиковъ 17, вышневолоцкихъ 7. Цѣна баркѣ 143 рубля, водовику 85, лодкѣ 127. Всего построено на сумму 9,397 рублей серебромъ. Сверхъ того, маломѣрныхъ лодокъ, изъ помѣщичьихъ лѣсовъ, строится ежегодно до 1,000, которыя сплавляются по рѣкѣ Селыжаронкѣ и Волгѣ, и продаются отъ 1 рубля 50 копѣекъ до 3 рублей серебромъ. Въ вышневолоцкомъ уѣздѣ въ томъ же году построено на Мстѣ 8 барокъ, на Тверцѣ 16 вышневолоцкихъ лодокъ, на Волчавѣ 10 барокъ и 51 лодка, на Мологѣ 24 барки и 16 лодокъ. Барка стоитъ средней цѣною 150 рублей, лодка около 100. Всего построено на сумму 14,600 рублей серебромъ. Сверхъ того, въ самомъ городѣ Вышнемъ-Волочкѣ строится ежегодно до 100 барокъ и лодокъ, на сумму 15,000 рублей серебромъ, что вмѣстѣ съ уѣздами представляетъ сумму до 30,000 рублей серебромъ.

Въ бѣжецкомъ уѣздѣ судостроеніе незначительно. Въ 1845 го-

ду построено на Мологѣ 6 канавныхъ лодокъ, цѣною отъ 86 до 114 рублей серебромъ. Всего, примѣрно, на сумму 600 рублей серебромъ.

Въ весегонскомъ уѣздѣ судостроеніе производится на Мологѣ, при селѣ Верхнихъ Порогахъ и при деревняхъ Самсоновыхъ и Противѣ. Въ 1846 году построено лодокъ — огибежныхъ 5, канавныхъ 6, сошниковъ 3, тихвинокъ 4, выше-волоцкихъ 4. Всего, примѣрно, на сумму 2,000 рублей серебромъ.

Въ новоторжскомъ ежегодно строятся по берегамъ рѣки Тверцы отъ 100 до 120 барокъ; цѣна барки отъ 128 до 171 рубля серебромъ. Всего строятся на сумму болѣе 15,000 рублей серебромъ. Въ ржевскомъ уѣздѣ, въ самомъ городѣ, строятся до 100, а въ уѣздѣ до 150 барокъ; средняя цѣна барки около 200 рублей серебромъ, откуда выходитъ ежегодная цѣнность постройки до 50,000 рублей серебромъ.

Въ зубцовскомъ уѣздѣ, вмѣстѣ съ городомъ, строятся до 450 барокъ, на сумму до 90,000 рублей серебромъ.

Въ тверскомъ уѣздѣ строятся барокъ и полубарокъ на сумму до 18,000 рублей серебромъ. Изъ этого числа отъ 70 до 100 на могольцовской пристани, около 20 барокъ близъ деревни Низовки на Шошѣ, а до 10 на рѣкѣ Тьмакѣ.

Въ морчевскомъ уѣздѣ судостроеніе производится на рѣкѣ Соши; ежегодно спускается около 50 барокъ, на сумму до 10,000 рублей серебромъ.

Въ кашинскомъ уѣздѣ строятся, при деревнѣ Перетрясовѣ, изъ лѣса, пригоняемаго изъ верхнихъ частей Волги, ежегодно не болѣе 10 барокъ, на сумму до 2,000 рублей серебромъ.

Въ калазинскомъ уѣздѣ строятся около 50 барокъ, при деревнѣ Песѣ, на Волгѣ, въ четверти верстѣ ниже города, на сумму до 10,000 рублей серебромъ.

Выходитъ, что наибольшее производство по судостроенію въ зубцовскомъ и ржевскомъ уѣздахъ, потомъ въ городѣ Вышнемъ-Волоцкѣ и его уѣздѣ. Всего въ тверской губерніи ежегодно строятся судовъ на сумму до 240,000 рублей серебромъ.

Въ городѣ Вышнемъ-Волоцкѣ, гдѣ проходящія суда переснащаются, потому что судоходство изъ подъемнаго дѣлается сплавнымъ, производится значительный торгъ, необходимымъ для судостроенія лѣснымъ матеріаломъ.

Предполагая число судовъ, проходящихъ черезъ Волочекъ до 4000, оказывается, что однихъ потесей нужно до 16,000, цѣною каждая отъ 3 до 5 рублей серебромъ. Потеси добываются изъ помѣщичьихъ лѣсовъ, лежащихъ на Цѣ и по теченію Волчины, онѣ изъ еловаго дерева, длиною 9 сажень, а толщиною по срединѣ отъ 6 до 14 вершковъ. Сверхъ-того, каждое судно снабжается мелкимъ лѣснымъ матеріаломъ, какъ то: полатнымъ тесомъ, веслами, шестами, подгребникомъ, стягами, ведрами, плещами и кормовыми лодками, всего для каждаго судна на 13 рублей серебромъ. Такимъ образомъ означенныхъ матеріаловъ отпускается изъ Волочка на сумму до 116,000 рублей серебромъ.

Прочіе лѣсные промыслы распространены по цѣлой губерніи, особенно же въ лѣсистыхъ ея частяхъ; но всѣ они производятся наиболѣе по-мелочно, частью для собственнаго употребленія, частью же для продажи на ярмаркахъ въ близъ лежащихъ селеніяхъ. Мы означимъ только тѣ пункты, гдѣ лѣсные промыслы особенно развиты.

Въ *вышне-волоцкомъ уездѣ*, въ селѣ Спасѣ Есиповичахъ и окрестностяхъ производится большая выдѣлка деревянной посуды, которая, кромѣ распродажи на мѣстѣ, отправляется частью въ Петербургъ на баркахъ. Въ 1843 году отправлено изъ Волочка кадокъ, ведеръ, боченковъ, грабель, лопать, коромыселъ, лукошекъ и прочаго на сумму 1,005 рублей серебромъ; въ 1844 на 945 рублей, а въ 1845 на 1,607 рублей серебромъ. Въ томъ же уездѣ посуда дѣлается въ селеніяхъ, прибрежныхъ къ Мологѣ, и продается на Никола-Теребенской ярмаркѣ, куда привозится также изъ окрестностей большое количество дровней. Въ *блужецкомъ уездѣ* деревянная посуда вырабатывается въ небольшомъ количествѣ въ Кіовѣ, житниковской волости, и довольно въ значительномъ въ Малаковѣ; дровни — въ Чижевѣ, веретена — въ выдумерскомъ обществѣ, колеса — въ михайлогорскомъ. Въ *вессегогонскомъ уездѣ*, въ брацковскомъ обществѣ, ежегодно дѣлается деревянной посуды на сумму до 300 рублей серебромъ. Въ *калязинскомъ*, въ виалицкой волости, дѣлаютъ колеса. Въ *тверскомъ*, въ селѣ Кушалнпѣ, деревняхъ Найденовской и Вельшиной, вырабатываютъ берда, которыя отправляются для сбыта въ Валдай и псковскую губернію; въ *старицкомъ* деревянная посуда дѣлается въ Бабнѣ, колеса и телѣги — въ Молошнѣ.

Средняя цѣна этимъ издѣліямъ въ губерніи слѣдующая: кадки отъ 25 до 50 копѣекъ серебромъ, корыта отъ 8 до 15 копѣекъ,

лукошки осиновыя 5 и 6 копѣекъ, лохани 10, 15 и 20 копѣекъ, ушаты отъ 20 до 40 копѣекъ, бочки отъ 50 коп. до 1 рубля 50 копѣекъ, тачки безъ колесъ 25 и 30 копѣекъ, водоносныя ведра 10 копѣекъ, 4 колеса для телѣгъ: дубовыя 3 рубля 50 копѣекъ, бредовыя 1 рубль 20 копѣекъ, коробъ телѣжный лучшій 4 рубля 28 копѣекъ, дровни березовыя 40 копѣекъ, берда 20 копѣекъ штука, сотня отъ 15 до 20 рублей серебромъ.

Дегтярныхъ заводовъ въ губерніи 6, въ уѣздахъ: старицкомъ 2, ржевскомъ 3 и оставшковскомъ 1, которые изготовляютъ дегтя изъ бересты до 4,400 пудовъ. Сверхъ-того, по деревнямъ крестьяне занимаются выстѣкою дегтя въ ямахъ въ большомъ количествѣ, котораго, впрочемъ, по дробности этого промысла опредѣлить невозможно. Наибольшее количество приготавливается въ оставшковскомъ уѣздѣ, которое, кромѣ сбыта въ другіе смежныя уѣзды, идетъ на кожевенные оставшковскіе заводы, вмѣстѣ съ бредовой корою (рактою) на сумму до 40,000 рублей серебромъ. Въ бѣжецкомъ уѣздѣ гонкою дегтя преимущественно занимаются крестьяне господъ Воейкова и Бырдина, около Успенья и Дрюцкова. Также значительная выдѣлка соснового дегтя производится въ житниковской волости, бѣжецкаго уѣзда и въ замолужской части весьеговскаго. Въ этихъ же мѣстахъ добывается смолы до 4000 пудовъ въ годъ. Сверхъ-того крестьяне, около Толмачей и Тресны, гонятъ канифоль и варятъ сѣру, которую соскребаютъ съ коры. Последній промыселъ запрещенъ въ казенныхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ, потому что до чрезвычайности губитъ деревья. Въ калезинскомъ уѣздѣ, въ деревняхъ Згудовъ и Осиновкѣ, жители занимаются гонкою скипидару изъ щепы сосновыхъ пней, котораго приготавливается до 100 пудовъ. Цѣна за пудъ дегтя отъ 46 до 70 копѣекъ серебромъ, смолы 23 копѣйки, черной канифоли или гарпіусу 35 и 43 копѣйки, явовой и еловой коры отъ 17 до 20 копѣекъ серебромъ.

Мочального промысла нѣтъ въ губерніи нѣтъ. Для рогожной фабрики, находящейся въ Ржевѣ, мочала привозится изъ Нижняго-Новгорода.

Къ лѣснымъ промысламъ можно еще отнести *охотничій промыселъ*. Онъ распространенъ во всей губерніи, но большею частію между немногими сельскими жителями. Въ каждой почти деревнѣ есть по одному или по два крестьянина, которые имѣютъ ружья и занимаются охотою, продавая дичь собѣдникамъ. Собственно промыселъ охота существуетъ между

крестьянами, живущими вокруг Пухтинной Горки, на границѣ осташиковского и вышне-волоцкого уѣздовъ; въ бѣженскомъ уѣздѣ, около Тресны, и въ весьегонскомъ, въ деревняхъ Заболотъ и Васѣтинъ, гдѣ особенно много стрѣляютъ глухарей и рябчиковъ. Дичь въ этихъ мѣстахъ закупается обыкновенно у поселенъ промышленниками, и отправляется въ зимнее время въ Петербургъ. Такъ какъ вся эта торговля производится мелочью, то ни количества, ни цѣнности опредѣлить невозможно. Изъ птицъ всего болѣе попадаются рябчики, глухаря, тетерева, куропатки, дикіи утки по рѣкамъ, и весьма много бекасовыхъ породъ по болотамъ; зайцовъ множество; крестьяне не употребляютъ ихъ ни въ пищу, а бьютъ ихъ и ловятъ зимою клещами для шкуръ, тѣмъ болѣе, что зайцы наносятъ чувствительный вредъ поѣдая овесъ, и въ зимнее время обгрызаютъ фруктовыхъ деревья въ садахъ. Медвѣдей и волковъ также много въ лѣсныхъ странахъ; первыхъ бьютъ преимущественно зимою рогатниками, топорами и изъ ружей, обкладывая ихъ берлоги; а за волками охоты не существуетъ иначе, какъ только для обороны отъ нихъ стадъ. Въ уѣздахъ осташиковскомъ, вышне-волоцкомъ, и въ особенности въ замоложской части весьегонскаго водятся лоси и олени, но за ними крестьяне не охотятся. Старинныхъ принадлежностей русской помѣщичьей охоты: большого числа царей и дорого стоящихъ своръ и прочаго. въ тверской губерніи нигдѣ уже почти нельзя найти.

Рыбная ловля не приноситъ жителямъ той выгоды, которой должно бы отъ нея ожидать, судя по множеству озеръ и рѣкъ, находящихся въ губерніи. Это происходитъ частію отъ соседства новгородской губерніи, превосходящей обиліемъ рыбы тверскую, и не дозволяющей ей извлекать какія-нибудь выгоды отъ отправки рыбы въ Петербургъ; частію же отъ близости ярославской губерніи, изобилующей лучшими породами рыбы; вообще оттого, что рыбные промыслы губерніи не живутъ вишняго сбыта, за исключеніемъ самаго небольшого количества, отправляемаго въ Москву, смоленскую и калужскую губерніи. Въ наибольшемъ размѣрѣ рыболовство производится въ осташиковскомъ уѣздѣ, особенно же на озерѣ Селигерѣ. Въ самомъ Осташиковѣ находится до семидесяти человекъ, постоянно занимающихся рыболовствомъ, и до ста занимающихся временно. Выгоды, получаемыя рыбаками, самыя ничтожныя и едва достаточны для доставленія имъ дневнаго пропитанія. Часть озера, принадлежащая городу, отдается въ аренду; въ 1847 году откупная сумма была

2,456 рублей серебромъ. Ловъ производится во всякое время года, но преимущественно зимою въ прорубахъ, при чемъ употребляются невода; сѣти и мережи. Сверхъ-того, рыбу глушатъ и улятъ. Ловомъ, весною и осенью, кромѣ упомянутыхъ способовъ, ловятъ одними, бреднями, оборомъ и на лучину. Въ Селитеръ всего больше попадаетъ мелкая рыба: сятки, гарюха, ерши и плотва; въ меньшемъ количествѣ: судажи, лещи, щуки, окуни, лав и налимы. Перваго сорта вылавливается, на части озера, принадлежащей городу, въ годъ до 3000 пудовъ, а втораго до 1,200. Сверхъ-того ловится много крупныхъ раковъ. Лучшія мѣста для рыбной ловли принадлежатъ монастырю Святаго Нила Столбенскаго, гдѣ большая часть добычи идетъ не въ продажу, а въ пищу многочисленнымъ богомольцамъ, стекающимся въ монастырь. Цѣна на рыбу въ Осташковѣ измѣняется по времени года и по количеству улова. Мелкая рыба продается отъ 45 до 60 копѣекъ серебромъ за пудъ, средняя отъ 1 до 2 рублей, а самая лучшая и крупная отъ 2 до 4 рублей серебромъ. При распродажѣ въ другіе города торгаши получаютъ выгоды отъ 3 и не болѣе 12 копѣекъ серебромъ на пудъ, иногда же продаютъ безъ всякаго для себя барыша.

Въ прочихъ озерахъ осташковскаго уѣзда рыба ловится та же, что и въ Селитеръ, за исключеніемъ сятковъ, которые, кромѣ Селитера, попадаютъ только въ озеръ Сабрѣ. Помѣщики отдають свои озера въ аренду промышленникамъ, большею частію за весьма незначительную сумму; изъ озеръ, приносящихъ наибольшую выгоду, замѣчательны: Вселугское, отдающееся на аренду за 3,800 рублей серебромъ, Пено за 1,500 рублей, Стержъ за 2,400 рублей, Ширковское за 2,050 рублей, Сабровское за 2,400 рублей, Глыботское за 1000 рублей серебромъ. Замѣтимъ еще, какъ любопытное явленіе природы, что въ небольшой рѣчкѣ Рувѣ,падающей въ Волгу, нерѣдко попадаетъ жемчугъ, впрочемъ мелкій и тусклый. Въ вышне-волоцкомъ уѣздѣ жители, имѣя много другихъ гораздо прибыльнѣйшихъ промысловъ, мало занимаются рыболовствомъ. Рыбы не только не вывозятся въ другіе уѣзды, но даже она получается изъ разныхъ мѣстъ. Замѣчательнѣйшія изъ озеръ, въ рыболовномъ отношеніи, суть: Имоложи, Метнио, Удомельское и Магское; весь ловъ идетъ на потребленіе самихъ прибрежныхъ жителей.

Большія рѣки, орошающія губернію, почти всѣ принадлежатъ ей, только верхнія ея части, а потому рыболовство въ

нихъ, какъ напримеръ, въ Волгѣ, самое незначительное. Болѣе другихъ ловится рыбы въ Мологѣ, но и то почти вездѣ для собственнаго потребленія, а не для продажи. Рыба въ Мологѣ попадаетъ: щука, азъ, черешперъ, лещъ, карась; ниже — есегъ, сомы, нерѣдко значительной величины; въ Весьегонскѣ сторадь въ весьма небольшомъ количествѣ. Главная рыбная ловля производится въ селеніи Еськахъ, гдѣ впрочемъ вылавливается не болѣе 400 пудовъ; пудъ на мѣстѣ стоитъ около 1 рубля 50 копѣекъ. Между Еськами и Бѣжецкомъ, на каждомъ почти шагѣ, устроены по рѣкѣ для рыбной ловли, езы или перегородки, которые приносятъ мало пользы для рыбной промышленности, сильно вредятъ судоходству, способствуя обмелѣнію рѣки.

Металлическія издѣлія въ губерніи достигли большаго развитія. Особенно замѣчательна выдѣлка гвоздей въ тверскомъ уѣздѣ, въ имѣніи графини Лаваль, въ селахъ Васильевскомъ и Михайловскомъ, гдѣ до 2,270 душъ занимаются ковкою гвоздей, начиная отъ штукатурнаго до самой мелкой шпильки.

Въ Твери и тверскомъ уѣздѣ выдѣлываются конскихъ и одностенныхъ гвоздей до 100,000 пудовъ, на сумму болѣе 500,000 рублей серебромъ. Главный сбытъ производится въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Ригѣ, и по разнымъ городамъ губерніи. Небольшое число штукатурныхъ гвоздей выдѣлывается также въ селахъ Никольскомъ и Замостьѣ, бѣжецкаго уѣзда. Въ Осташковѣ производится весьма дѣятельная фабрикація топоровъ, косъ, серповъ и овечьихъ ножницъ. На 48 городскихъ кузницахъ ежегодно выдѣлывается до 85,000 топоровъ, 110,000 косъ, 47,000 серповъ и наконецъ до 10,000 овечьихъ ножницъ, на сумму болѣе 125,000 рублей серебромъ. Въ особенности, замѣчательны превосходствомъ своихъ издѣлій кузницы купца Мосягина, который поставляетъ топоры въ адмиралтейство и американскую компанію. Косы добротой почти ничѣмъ не уступаютъ извѣстнымъ австрійскимъ. Въ ржевскомъ уѣздѣ, въ деревняхъ Муравьевой и Хорошовъ, выдѣлывается до 50,000 топоровъ, на сумму около 25,000 рублей серебромъ, которые сбываются большею частью въ С.-Петербургъ.

Въ Старицѣ находится до 30 кузницъ, гдѣ готовится много лемешей, сошниковъ и другихъ мелочей для крестьянскаго употребленія, сбываемыхъ на мѣстѣ. Въ Калезинѣ изготовляется до 75,000 желѣзныхъ лопатъ, на сумму около 35,000 рублей серебромъ, а сверхъ того много личинъ. Желѣзо и сталь на вы-

дѣлку всѣхъ помянутыхъ издѣлій приобрѣтаются въ Нижнемъ-Новгородѣ. Вообще можно положить, что въ тверской губерніи разныхъ желѣзныхъ издѣлій выработывается на сумму до 700,000 рублей серебромъ.

Кожевенныя издѣлія также занимаютъ много рукъ; и распространенію ихъ особенно способствуетъ обиліе кожевенныхъ заводовъ въ губерніи. Въ Осташковѣ шьется ежегодно изъ конскихъ кожъ до 125,000 паръ крестьянскихъ сапоговъ, на сумму около 75,000 рублей серебромъ, кромѣ того тамъ изготовляется множество рукавицъ; послѣднія шьются и въ Торжкѣ, который сверхъ того, извѣстенъ вышиваніемъ по сафьяну золотомъ, серебромъ и шелками. Дорогія цѣны, которыя мы платимъ за торжковскіе сапоги, башмаки, туфли, сумки и прочее, зависятъ отъ лавочниковъ, а не отъ рабочихъ рукъ. Башмаки, стоящіе въ лавкѣ 2 и 3 рубля серебромъ, обходятся фабриканту не болѣе 70 коп. и 1 рубля 15 коп. серебромъ. Фабриканты, накроивъ башмаковъ и сапоговъ, отдають кожу для шитья на домъ. Кожа на пару башмаковъ стоитъ 30 копѣекъ серебромъ; золота идетъ кругомъ не много менѣе золотника, стоящаго 35 и 51 копѣйку серебромъ; за работу платится отъ 10, 15 и до 30 копѣекъ серебромъ съ пары, смотря по большей или меньшей трудности рисунка. Стало быть фабриканты и купцы берутъ рубль и два рубля барыша. Но и мастерицы довольны своимъ ремесломъ, потому что женщина или дѣвушка золотошвейка можетъ заработать 30 и 60 копѣекъ серебромъ въ день. Торжковскіе товары собственно не русскаго происхожденія. Русскіе переняли этотъ родъ издѣлія у Татаръ, но далеко превзошли ихъ. Въ доказательство татарскаго происхожденія, сапоги здѣсь называются до сихъ поръ казанскими сапогами. Матеріалы для торжковскихъ издѣлій получаютъ большею частью изъ Москвы, а сбытъ производится въ Нижнемъ-Новгородѣ, Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. Въ корчевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кимрѣ и въ окрестныхъ деревняхъ, жители заняты шитьемъ выростковыхъ и опойковыхъ сапоговъ и калошъ; издѣлія ихъ развозятся по всей Россіи, и сами жители разносятъ ихъ въ разные мѣста, такъ что вслѣдъ съ давняго уже времени всякаго простаго сапожника называютъ цырякомъ. Въ 1807 и 1812 годахъ они поставляли сапоги на всю русскую армію. Въ калазинскомъ уѣздѣ сельскіе жители преимущественно шьютъ башмаки. Сапогъ, калошъ и башмаковъ изготовляется въ обоихъ уѣздахъ до 200,000 паръ.

Сапожничествомъ, хотя и гораздо въ меньшемъ видѣ, занимаютъ также крестьяне села Есекъ, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ. Вообще можно положить, что въ цѣлой губерніи выдѣлывается рукавицъ, сапоговъ, башмаковъ и другой обуви на 550,000 рублей серебромъ.

Выдѣлкою глиняной посуды занимаются преимущественно въ зимнее время въ вышневолоцкомъ и новоторжскомъ уѣздахъ крестьяне села Оедова и деревень Прямыка, Нивы и Черной Грязи (госпожи Крекшиной). Эта промышленность такъ развилась между ними, что въ 1845 году отправлено на баркахъ въ Петербургъ и Новгородъ: муравленой посуды 242,000 штуки, на сумму 7,440 рублей серебромъ и простыхъ горшковъ 193,000 на 18,970 рублей серебромъ, всего на 26,410 рублей серебромъ. Довольно значительное количество этого издѣлія производится также въ деревнѣ Тѣстовѣ (Афросимова); и въ небольшомъ видѣ занимаются тѣмъ же крестьяне нѣкоторыхъ деревень кашинскаго уѣзда.

Ломка камня производится въ большомъ видѣ по берегамъ Волги, въ старичскомъ уѣздѣ, выше и ниже города, отъ села Малакова до села Большаго Спаса, на протяженіи 30 верстъ, гдѣ находится бѣлый камень известковой породы. Онъ ломается большими и малыми пилатами, мягокъ до того, что можетъ разбитися топоромъ и даже распилываться пилою, но твердеетъ въ водѣ, и потому употребляется преимущественно въ подводныхъ строеніяхъ. Частью жгутъ изъ него известь; наиболѣе же отправляютъ его, въ видѣ обдѣланныхъ плитъ, внизъ по Волгѣ до Нижняго-Новгорода. Цѣна за сотню такихъ плитъ бываетъ отъ 2 рублей 85 копѣекъ до 16 рублей серебромъ, смотря по величинѣ ихъ и отдѣлкѣ. Самыя большія плиты имѣютъ $1\frac{1}{4}$ аршина длины, 5 вершковъ вышины и 7 ширины. Въ 1845 году отправлено съ этимъ камнемъ изъ Старичы, 211 барокъ съ грузомъ, на сумму 50,000 рублей серебромъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ добычаніе его продолжается и зимою. Кромѣ того, ломка известковаго плитняку производится въ большомъ видѣ по лѣвому берегу Тверцы, въ новоторжскомъ уѣздѣ, между деревнями Внуковой и Паникой, гдѣ онъ обтесывается, и идетъ на разныя постройки. Жители якововскаго прихода, въ томъ же уѣздѣ, считаются лучшими каменотесцами въ цѣлой губерніи. Ломка плитняку производится сверхъ того: на Волгѣ, близъ Верхневолжскаго бейшлота и въ окрестностяхъ Ржева, на Мологѣ, въ

весьегономскомъ уѣздѣ, отъ верхнихъ пороговъ до Борисова, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ въ небольшомъ видѣ.

Кромѣ описанныхъ мѣстныхъ промысловъ, есть множество общихъ, которыми занимаются частью по деревнямъ, частью на заработкахъ, въ разныхъ городахъ Россіи. Эти повсемѣстные промыслы наиболѣе распространены въ слѣдующихъ приходахъ и селеніяхъ. Корчевской уѣздѣ въ особенности извѣстны множествомъ искуснаго рабочаго народа: лучшіе плотники въ приходахъ Николы Ямскаго и Николы Невѣрскаго, печники въ красносельскомъ, красильщики въ горицкомъ и быковскомъ. Въ кашинскомъ уѣздѣ наибольшее число плотниковъ находится вокругъ села Шарина; многіе поселане занимаются выработкою кожъ и овчинъ; въ селѣ Кесовѣ крестьяне выдѣлываютъ черепаховые и роговые гребешки. Въ бѣжецкомъ уѣздѣ, около села Замытья до 2,000 душъ занимаются коповальствомъ, расходясь для этого промысла по всей Россіи; въ селѣ Ивановскомъ, князя Мещерскаго, всѣ поселане штукатурщики; въ Алабузинѣ бабы вяжутъ во множествѣ шерстяные чулки; въ Вороньей Ногѣ и Чижовѣ дѣлаются сальныя свѣчи. Въ старицкомъ уѣздѣ, въ деревняхъ пограничныхъ съ тверскимъ, занимаются выдѣлкою заячьихъ шкуръ; въ зубцовскомъ, въ посадѣ Погорѣломъ Городищѣ, дѣлаются полярковыя шляпы и валеные сапоги, которыхъ готовится въ годъ на сумму до 1,000 рублей серебромъ. Коровья и овечья шерсть покупаются въ окрестностяхъ, сбытъ издѣлій производится преимущественно въ Ржевѣ. Десятокъ шляпъ стоитъ 1 рубль 70 копѣекъ, а сапоги отъ 50 до 60 копѣекъ серебромъ за пару.

Въ новоторжскомъ уѣздѣ крестьянки расходятся въ разные мѣста для дѣланія подпятнаго кирпича.

Изъ описанія промысловъ губерніи видно, что они здѣсь производятся общинами, такъ что, не только въ деревняхъ, даже въ цѣлыхъ волостяхъ и мужчины и женщины, изъ рода въ родъ, занимаются однимъ какимъ-нибудь дѣломъ, по возможности совершенствуя его. Одна, или нѣсколько семей работаютъ по фабричному, распредѣляя между собою работу. Общины имѣютъ свои складочныя мѣста въ большихъ городахъ, или на ярмаркахъ. Этотъ способъ труда—коренной русской и встрѣчается повсюду въ великороссійскихъ губерніяхъ. Сильное развитіе въ губерніи общинныхъ промысловъ, доказываетъ способность тверскихъ мужиковъ къ фабричной и заводской дѣятельности; въ

смѣтливыхъ, искусныхъ рабочихъ недостатка быть не можетъ, сбытъ удобенъ; нужны только дѣтели, капиталисты-фабриканты. Даже въ настоящее время губернія, по мануфактурной промышленности, занимаетъ почетное мѣсто въ имперіи, между тѣмъ какъ богатый запасъ фабричныхъ рабочихъ изъ мужиковъ почти еще не тронуть, потому-что большая часть фабрикъ въ городахъ и обходится мѣщанами. Въ слѣдующей статьѣ мы поговоримъ о мануфактурной дѣятельности тверской губерніи.

=

О ТОРГОВЛѢ СОЛЮ.

По изобилію соляныхъ источниковъ и озеръ въ Россіи, она превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣ другія европейскія государства; но добываніе въ ней соли не вполне удовлетворяетъ внутреннимъ потребностямъ, единственно по недостатку средствъ къ удобной и дешевой перевозкѣ этаго продукта изъ главныхъ соляныхъ запасовъ въ отдаленныя отъ нихъ губерніи. Богатѣйшіе соляные источники и озера находятся въ южной и восточной части Европейской Россіи; отсюда продовольствуются солью всѣ внутреннія ея губерніи, а сѣверозападный край снабжается этимъ продуктомъ изъ за границы.

Годичное потребленіе соли въ Россіи простирается до тридцати четырехъ милліоновъ пудовъ, въ томъ числѣ собственной 87 процентовъ и привозной 13 процентовъ. По количеству добываемой въ ней соли, Россія занимаетъ первое мѣсто послѣ Великобританіи. Новѣйшія свѣдѣнія о состояніи солянаго промысла въ Европѣ, показываютъ, что значительнѣйшее количество соли добывается въ Великобританіи, около сорока милліоновъ пудовъ, въ Россіи отъ двадцати-пяти до тридцати милліоновъ, въ Испаніи двадцать-четыре милліона, во Франціи двадцать-два милліона, въ Австрійской Имперіи семнадцать милліоновъ, въ Италиіи четырнадцать милліоновъ, въ Португаліи двѣнадцать милліоновъ, въ Пруссіи шесть милліоновъ пудовъ. Въ привозѣ иностранной соли нуждаются всѣ государства сѣверной Европы:

Россія получаетъ около	4,500,000 пуд.
Пруссія	3,500,000 —
Норвегія	3,000,000 —
Швеція	2,000,000 —
Голландія	2,000,000 —
Бельгія	1,500,000 —
Данія	1,200,000 —

Все эти государства снабжаются солью изъ Великобританіи, Франціи, Испаніи, Италіи и Португаліи. Великобританія отпускаетъ въ Европу и Америку ежегодно около двадцати милліоновъ пудовъ соли, и десятая доля этого количества привозится въ наши Балтійскіе порты.

Соль добывается въ Россіи большею частью изъ казенныхъ источниковъ, состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи казны, либо отданныхъ казною въ частное содержаніе. * Подъ казеннымъ вѣдѣніемъ, добываніе соли производится: 1) изъ самосадочныхъ озеръ крымскихъ, бессарабскихъ, астраханскихъ, кавказскихъ, сибирскихъ и Элтона, въ саратовской губерніи; 2) на соловаренныхъ заводахъ, Дедюхинскомъ въ пермской губерніи, Старорусскомъ — въ новгородской, Леденгскомъ — въ вологодской, Владыченскомъ, кулойскомъ и увскомъ — въ архангельской губерніи, и на другихъ соловаренныхъ заведеніяхъ, находящихся въ казенномъ управленіи въ трехъ послѣднихъ губерніяхъ, также въ Сибири, на заводахъ иркутскомъ, селенгинскомъ, усть-кутскомъ и тронцкомъ; 3) при Илецкой заштатѣ, за рѣкою Ураломъ, въ оренбургской губерніи, гдѣ добывается каменная соль; и 4) на закавказскихъ промыслахъ, изъ бакинскихъ и ширванскихъ соляныхъ озеръ и изъ кульпинскихъ и нахичеванскихъ копей каменной соли. Въ земляхъ войска донскаго и черноморскаго, добываніе соли изъ тамошнихъ озеръ, предоставлено исключительно мѣстнымъ обывателямъ, съ платежемъ незначительнаго акциза въ казну, и потому запрещено продавать и вывозить соль за войсковые предѣлы. — Для продовольствія уральскаго казачьяго войска предоставлены озера Индерское и Грязное, лежащія въ Киргизской степи.

Соляные источники, частнымъ лицамъ принадлежащіе, находятся въ Крыму и въ губерніяхъ: пермской, вологодской и архангельской. Владѣльцы имѣютъ право обращать соль на вольную продажу съ платежемъ установленнаго акциза или поставятъ ее въ казенные магазины за цѣну, опредѣляемую по взаимнымъ условіямъ съ казною. Изъ этого правила изъимается только владѣльцы пермскихъ заводовъ, которые обязаны вываривать соль и поставятъ ее для казны въ опредѣленномъ количествѣ, не обращая ни сколько на вольную продажу. Содержатели источниковъ, находящихся на казенныхъ земляхъ, также обязаны доставлять

* Въ 1847 году добыто соли: казенной 19,415,218 пудовъ, частной — 5,317,990, всего 24,733,208 пудовъ (Вѣд. Москов. Пол.).

соль въ казенные магазины за установленныя цѣны; и въ такомъ только случаѣ, когда казна признаетъ эту соль для себя неужною, или когда сверхъ потребнаго для казны количества окажется остатокъ, владѣльцу дозволяется обращать такую соль на вольную продажу съ платежемъ установленнаго акциза.

Соль пріобрѣтается промышленниками на вольную продажу изъ штowychъ казенныхъ магазиновъ по цѣнамъ ежегодно установленнымъ, или отъ частныхъ владѣльцевъ, съ платежемъ определеннаго акциза, или же наконецъ, изъ привоза иностранной соли, обложенной таможенною пошлиною. Вместе съ вольнымъ промысломъ, для умѣренія цѣнъ на этотъ предметъ, необходимый въ народномъ продовольствіи и хозяйствѣ, всегда открыта мелочная продажа соли, по таксѣ, въ магазинахъ мѣстнаго продовольствія, учрежденныхъ по городамъ тѣхъ губерній, которыя снабжаются солью изъ казенныхъ запасовъ.

Собственною солью продовольствуются: Сибирь, Кавказскій край, земля Донскаго и Черноморскаго войска, Бессарабія и губерніи: таврическая, астраханская, саратовская, пермская, отчасти также вологодская, новгородская и архангельская.

На вольную продажу и для наполненія соляныхъ магазиновъ въ другихъ губерніяхъ, соль вывозится въ наибольшемъ количествѣ изъ крымскихъ и бессарабскихъ озеръ, съ Эльтонскаго озера въ саратовской губерніи, и съ пермскихъ соловаренныхъ заводовъ.

Крымскою озерною солью снабжаются губерніи: таврическая, херсонская, екатеринославская, кіевская, полтавская, харьковская, черниговская, могилевская, курская и орловская. Кременчугъ есть главное складочное мѣсто для соли, отправляемой вверхъ по Днѣпру.* На каботажныхъ судахъ перевозится крымская соль изъ Керчи, Бердянска и Евпаторіи въ разные черноморскіе порты, также въ Маріуполь, Ростовъ, Таганрогъ, Анапу и въ Миагрелію. Сухопутная развозка этой соли производится на

* Съ кременчугской пристани отправлено соли въ верхнія мѣста по Днѣпру:

Въ 1837 год.	1,464,084	пуд.
— 1838 —	1,801,632	—
— 1839 —	2,133,654	—
— 1840 —	2,405,621	—

чумацких подводяхъ, доставляющихъ сельскіе продукты въ внутреннихъ губерній въ южнымъ портамъ. Въ обыкновенное время провозъ обходится очень дешево: чумаки довольствуются низкою платою за доставку хлѣба и другихъ произведеній, будучи увѣрены въ полученіи соли на возвратный путь. Стеченіе ихъ подводъ уменьшаетъ провозныя цѣны также для иностранныхъ товаровъ, отправляемыхъ изъ южныхъ портовъ во внутренніе мѣста.

Бессарабская соль вывозится отъ озеръ на распродажу въ бессарабской области и въ югозападныхъ губерніяхъ: подольской, вольнской и другихъ, а изъ аккерманскаго запаснаго магазина отправляется большою частью въ Одессу.

Соль, добываемая изъ озера Элтона (въ саратовской губерніи) складывается тамъ въ бугри для отпуска промышленникамъ, и перевозится въ магазины: николаевскіе, противъ Камышина, и въ покровскіе, противъ Саратова. Элтонскою солью снабжаются преимущественно низовыя губерніи; она доставляется также воднымъ путемъ въ нижегородскіе и рыбнискіе запасные магазины, по распоряженіямъ казны.

Пермская соль перевозится въ магазины мѣстнаго продовольствія пермской, вятской и частью архангельской губерній, а большею частью поступаетъ въ нижегородскіе запасные магазины, откуда доставляется въ обѣ столицы и въ разныя внутреннія губерніи, по водной коммуникаціи.

По отдаленности сѣверозападныхъ и ближайшихъ къ нимъ губерній отъ главныхъ источниковъ снабженія солью внутренняго произведенія, весь этотъ край продовольствуется иностранною солью, привозъ которой дозволенъ къ бѣломорскимъ и балтійскимъ портамъ и по всей западной границѣ; но въ портахъ черноморскихъ, азовскихъ и дунайскихъ запрещенъ, для охраненія выгодъ крымскаго и бессарабскаго солянаго промысла. Изъятіе изъ этаго запрещенія было допущено только на 1840 годъ по случаю недостаточной садки соли на озерахъ въ южной Россіи.*

Въ-теченіе двадцати лѣтъ съ 1827 по 1846 годъ включительно, привозъ соли въ Россію по европейской ея торговлѣ составлялъ слѣдующія количества:

* Въ этомъ году разрѣшенъ былъ привозъ иностранной соли къ черноморскимъ, азовскимъ и дунайскимъ портамъ, съ пошлиною въ 23 к., а въ то же время сбавлена пошлина за соль, привозимую къ бессарабскимъ таможеннымъ.

Въ 1827 г. . . . . 3,225,368 пуд.	Въ 1837 г. . . . . 3,149,036 пуд.
— 1828 — . . . . . 3,060,773 —	— 1838 — . . . . . 3,577,136 —
— 1829 — . . . . . 3,599,386 —	— 1839 — . . . . . 3,909,171 —
— 1830 — . . . . . 3,837,314 —	— 1840 — . . . . . 5,273,957 —
— 1831 — . . . . . 3,896,937 —	— 1841 — . . . . . 4,651,191 —
Средняя сумма. 3,423,955	Средняя сумма. 4,171,878
Въ 1832 г. . . . . 3,112,574 пуд.	Въ 1842 г. . . . . 4,042,431 пуд.
— 1833 — . . . . . 3,185,351 —	— 1843 — . . . . . 4,465,442 —
— 1834 — . . . . . 3,066,390 —	— 1844 — . . . . . 4,705,392 —
— 1835 — . . . . . 3,450,082 —	— 1845 — . . . . . 4,994,707 —
— 1836 — . . . . . 3,306,619 —	— 1846 — . . . . . 5,131,247 —
Средняя сумма. 3,284,203	Средняя сумма. 4,667,844 —

Привозъ иностранной соли въ оба первые періода былъ почти одинаковъ, а въ послѣднее десятилѣтіе значительно увеличился: съ 1827 по 1836 годъ средній привозъ составлялъ 3,354,069 пудовъ, а съ 1837 по 1846 годъ 4,419,861 пудовъ въ годъ, то есть на 31 процентъ болѣе.

Россия получаетъ иностранную соль большею частью прямо изъ мѣстъ ея происхожденія, а именно: изъ Великобританіи, Испаніи, Португаліи, Франціи, Италіи, Турціи и австрійской Галиціи. Соль, доставляемая чрезъ сухопутную границу изъ Пруссіи, привозится къ тамошнимъ портамъ наиболѣе изъ Великобританіи. Сверхъ того, небольшое количество соли получается чрезъ Швецію, Норвегію, Давію и изъ другихъ мѣстъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ средній привозъ составлялъ слѣдующія количества.

	Въ 1827—31.	1832—36.	1837—41.	1842—46.
Изъ Великобританіи	1,692,685	1,626,078	1,839,085	2,327,361 пуд.
— Испаніи и Португаліи	811,434	904,050	1,209,646	1,459,500 —
— Франціи	227,605	235,082	323,552	228,011 —
— Италіи	52,413	47,288	241,658	67,593 —
— Турціи	85,728	123,049	174,960	51,568 —
— Австріи	1,230	383	872	237 —
— Пруссіи	180,372	175,384	233,686	446,045 —
— Давіи	124,622	49,001	28,733	23,623 —
— Швеціи и Норвегіи	190,125	60,097	24,545	22,405 —
— прочихъ мѣсть	53,741	63,793	95,141	41,496 —
Итого	3,423,955	3,284,203	4,171,878	4,667,844 пуд.

Примѣчанія.

1) Количество соли, полученной изъ Великобританіи, составля-

до въ каждый періодъ около половины всего привоза, и въ последнее пятилѣтіе увеличилось противъ перваго на 37 процентовъ.

2) Привозъ соли изъ Испаніи и Португаліи съ каждымъ періодомъ возрасталъ: въ первое пятилѣтіе онъ составлялъ 23 процента, во второе 27 процентовъ, въ третье около 29 процентовъ, а въ четвертое 31 процентъ всего привоза; въ послѣдній періодъ привезено почти на 80 процентовъ болѣе, нежели въ первый.

3) Пропорція соли, привезенной изъ Франціи, въ оба крайніе періода, была почти одинакова, и составляла въ послѣднее пятилѣтіе около 5 процентовъ всего привоза.

4) Привозъ соли изъ Италіи незначителенъ. Самое большое количество ея привезено отсюда, въ 1840 году, 806,928 пудовъ, по случаю временнаго допущенія иностранной соли къ южнымъ портамъ, и оттого средній привозъ соли изъ Италіи въ 1837—1841 годахъ выходитъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другіе періоды.

5) Привозъ соли изъ Турціи представляетъ, въ первые три періода, постоянное приращеніе, которое, однако, произошло только отъ большой пропорціи его въ вѣкоторые годы по особеннымъ причинамъ, напримѣръ въ слѣдствіе разрѣшенія привоза соли къ южнымъ портамъ и сбавки пошлины съ нея въ бессарабскихъ таможахъ на 1840 годъ, очищено пошлиною соли, привезенной изъ Турціи, въ 1840 году 399,491 пудъ и въ 1841 году 253,224 пуда. Если исключить эти два года по необыкновенному ея привозу, то за послѣднія 15 лѣтъ получимъ слѣдующій выводъ:

Въ 1829—1834 годахъ средній привозъ	121,257	пудовъ.
— 1835—1839 —————	74,970	—————
— 1842—1846 —————	51,568	—————

По этимъ среднимъ числамъ видно, что привозъ соли изъ Турціи уменьшился на 135 процентовъ.

6) Изъ австрійской Галиціи всегда получалось незначительное количество соли, и въ новѣйшее время, привозъ ея замѣтно уменьшился.

7) Черезъ прусскую границу привезется иностранная соль изъ Кенигсберга и Мемеля. Привозъ ея сталъ увеличиваться въ послѣднее десятилѣтіе; въ 1842—1846 годахъ среднее количество соли, привезенной изъ Пруссіи, было на 147 процентовъ болѣе, чѣмъ въ 1827—1831 годы.

8) Съ умноженіемъ привоза этого продукта непосредственно изъ главныхъ мѣстъ его происхожденія, Великобритавіи, Испаніи и Португаліи, уменьшился привозъ его черезъ другія страны, которыя сами снабжаются иностранною солью, и въ прежнее время удѣляли немаловажную пропорцію ея для отпуска въ наши балтійскіе порты.

Исчисливъ главные источники привоза соли въ Россію, и показавъ сравнительное ихъ значеніе во внѣшней ея торговлѣ, рассмотримъ теперь, какимъ образомъ распределяется у насъ привозъ иностранной соли въ отношеніи къ внутреннему сбыту.

1) Сѣверный край Европейской Россіи продовольствуется собственной солью, а иностранная привозится туда въ небольшомъ количествѣ, къ бѣломорскимъ портамъ, преимущественно для соленія рыбы, отъ того, что соль, добываемая на мѣстныхъ варницахъ, не годится на это употребленіе. Съ иностранной соли, привозимой къ бѣломорскимъ портамъ, взималось по тарифу 1822 года 35 копѣекъ серебромъ, а въ 1835 году пошлина эта уменьшена до 20 копѣекъ серебромъ съ пуда, наконецъ въ 1847 году, для поощренія бѣломорскихъ рыбныхъ промысловъ, разрѣшенъ въ видѣ опыта на десять лѣтъ, беспошлинный привозъ иностранной соли во всея рыбопромышленныя становища по Мурманскому берегу архангельской губерніи, отъ границъ Норвегіи до устья рѣки Поноя, съ тѣмъ, чтобы количество этого привоза ограничивалось дѣйствительною потребностью въ немъ для промышленниковъ того края, а съ иностранной соли, привозимой въ другія мѣста архангельской губерніи, положено взимать прежнюю пошлину, то есть, по 20 копѣекъ серебромъ съ пуда.

Средній привозъ соли къ бѣломорскимъ портамъ составлялъ слѣдующія количества:

Въ 1827—1831 годахъ	6,557 пудовъ.
— 1832—1836 ———	2,552 ———
— 1837—1841 ———	5,728 ———
— 1842—1846 ———	15,625 ———

II. Въ балтійскихъ портахъ иностранная соль обложена различною пошлиною: по тарифу 1822 гсда взималось въ Санктпетербургѣ 35 копѣекъ, а въ прочихъ портахъ 25 копѣекъ серебромъ; по росписи 11-го ноября 1831 года, эта пошлина увеличена на $12\frac{1}{2}$ процентовъ, и по нынѣ дѣйствующему тарифу 28-го ноября 1841 года взимается: въ Санктпетербургѣ 40 копѣекъ, а въ Ригѣ и другякъ оцзейскихъ портахъ 29 копѣекъ серебромъ

съ пуда *. Средній привозъ соли распредѣлялся слѣдующимъ образомъ.

Привезено:	Въ С. Петербургъ.	Въ Ругу.	Въ другіе балтійскіе порты.
Въ 1827—1831 г. . .	517,636	1,581,927	1,057,416 пуд
— 1832—1836 — . .	421,287	1,312,406	1,250,974 —
— 1837—1841 — . .	484,953	1,703,144	1,356,774 —
— 1842—1846 — . .	734,099	1,992,860	1,425,242 —

Примѣчанія.

1) Иностранная соль, привозимая въ Санктпетербургъ, поступаетъ здѣсь на мѣстное производство и сбывается отсюда въ губерніяхъ: санктпетербургской, олонецкой, новгородской, псковской и тверской. Для отвращенія дороговизны на соль, утреждены въ Санктпетербургѣ и другихъ городахъ упомянутыхъ губерній соляные магазины, наполняемые изъ казенныхъ запасовъ соли, которая продается по установленнымъ цѣнамъ.

Привозъ иностранной соли къ санктпетербургскому порту, уменьшившійся послѣ возвышенія таможенной пошлины (по росписи 11 ноября 1831 года), во второй періодъ около 23 процентовъ, хотя увеличился въ слѣдующее пятилѣтіе, однако всё-еще былъ на семь процентовъ меньше, чѣмъ въ первый періодъ. Значительнѣйшее приращеніе въ привозѣ соли къ этому порту оказалось въ послѣднее пятилѣтіе: сбытъ ея усилился противъ перваго періода на 42 процента, несмотря на то, что пошлина во все это время оставалась безъ измѣненія.

2) Самое большое количество иностранной соли доставляется къ портамъ, лежащимъ при Балтійскомъ Морѣ отъ Нарвы до Либавы включительно. Средній привозъ въ первое пятилѣтіе простирается до 2,639,343, а въ послѣднее до 3,418,102 пуда, слѣдовательно увеличился около 30 процентовъ. Болѣе половины этого количества соли поступаетъ къ рижскому порту; отсюда она развозится по губерніямъ ливонской, курляндской, витебской, виленской, гродненской и далѣе. Ливонская губернія довольствуется солью также чрезъ Перновъ и частью чрезъ Ревель; въ Арнсбургъ она привозится для острова Эзеля. Эстляндская и псковская губерніи получаютъ соль изъ Пернова и Ревеля, сверхъ-того, первая снабжается ею чрезъ Гапсаль, а послѣдняя

* Высочайше утвержденнымъ въ 11-й день января 1849 года положеніемъ комитета господъ министровъ, разрѣшенъ, въ видѣ опыта, безпошлинный привозъ къ рижскому, либавскому и ревельскому портамъ кореновой соли, для поощренія скотоводства въ остзейскихъ губерніяхъ.

через Нарву, откуда соль сбывается также въ ближайшія мѣста санктпетербургской губерніи. Въ курляндскую и виленскую губерніи иностранная соль идетъ черезъ Либаву и Виндаву.

Въ этихъ портовыхъ мѣстахъ торгъ солью облегчаетъ денежные обороты между купцами, помѣщиками и крестьянами. Она замѣняетъ наличныя деньги въ платежѣ за сельскіе продукты. Сверхъ того, привозъ соли, въ видѣ баласта, привлекаетъ къ остзейскимъ портамъ много кораблей и тѣмъ облегчается отпускъ товаровъ.

Изъ таблицы, помѣщенной выше, оказывается, что привозъ соли въ Ригу, по возвышенію пошлины (по росписи 11 ноября 1831 года) уменьшился во второй періодъ на 20 процентовъ, но потомъ возрасталъ въ каждое пятилѣтіе такъ, что въ послѣдній періодъ привезено уже на 26 процентовъ болѣе, нежели въ первый.

Въ другихъ остзейскихъ портахъ привозъ соли представляетъ постоянное превращеніе: оно составляло въ послѣднее пятилѣтіе сравнительно съ первымъ около 35 процентовъ.

3) По западной сухопутной границѣ, соль привозится болѣею частью изъ прусскихъ портовъ: Кенигсберга и Мемеля, черезъ юрбургскую, полангевскую и таурогенскую таможи для отправления въ губерніи виленскую, гродненскую и минскую. По тарифу 1822 года соль, привозимая черезъ прусскую границу, была обложена пошлиною по 35 копѣекъ серебромъ съ пуда, съ 1826 по 1842 годъ платила такую же пошлину, какая взималась въ остзейскихъ портахъ (то есть, по 25 копѣекъ серебромъ съ пуда и съ прибавкою двѣнадцати процентовъ по росписи 11 ноября 1831); наконецъ, по тарифу, дѣйствующему съ 1842 года, платить 35 копѣекъ серебромъ съ пуда. Въ прочихъ сухопутныхъ таможахъ на австрійской и молдавской границахъ взималось по тарифу 1822 года 35 копѣекъ серебромъ съ пуда; по росписи 11 ноября 1831 года, эта пошлина возвышена на двѣнадцать съ половиною процентовъ, а по нынѣшнему тарифу взимается 40 копѣекъ серебромъ съ пуда. Средній привозъ соли черезъ сухопутную границу составлялъ слѣдующія количества:

	Черезъ Пруссію.	Изъ австр. Галиціи.	Изъ Молдавіи.
Въ 1827—1831 г. . . .	180,372	1,230	85,728 пуд.
— 1832—1836 — . . .	175,384	393	123,049 пуд.
— 1837—1841 — . . .	233,686	872	106,530 —
— 1842—1846 — . . .	446,045	237	51,568 —

Примѣчанія.

- 1) Количество соли, привезенной черезъ прусскую границу, по Т. ХCV. — Отд. IV.

слѣдъ возвышенія таможенной пошлины по росписи 11 ноября 1831 года, уменьшилось во второй періодъ (1832—1836 года) около трехъ процентовъ; но если изъ перваго пятилѣтія исключить 1831 годъ, когда по случаю польскаго мятежа, привозъ соли черезъ прусскую границу былъ весьма маловаженъ (21,776 пудовъ), то средній привозъ въ 1827—1830 году составитъ 220,022 пудовъ и поэтому уменьшеніе привоза во второй періодъ простиралось до 25 процентовъ; въ слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе привозъ увеличился противъ перваго періода только на шесть процентовъ и, наконецъ, въ послѣдній періодъ привезено вдвое болѣе: это доказываетъ, что существующая разница въ пошлинѣ съ соли, привозимой черезъ прусскую границу и къ остзейскимъ портамъ (въ первомъ случаѣ взимается 32 копѣйки, а въ послѣднемъ 29 копѣекъ серебромъ съ пуда) отнюдь не послужила къ стѣсненію этой отрасли торговл.

2) Соль доставляется изъ австрійской Галиціи въ маловажномъ количествѣ для пограничныхъ мѣстъ: самый большой привозъ (до 3,000 пудъ) былъ въ 1840 году по случаю сбавки только на этотъ годъ таможенной пошлины за соль при ввозѣ изъ австрійскихъ владѣній въ Бессарабскую область черезъ Новоселъцкую таможену.

3) Привозъ молдавской соли, усилившійся во второй періодъ противъ перваго на 43 процента, уменьшился въ третій періодъ на 15 процентовъ; но упадокъ привоза въ это пятилѣтіе былъ бы еще значительнѣе, если бы не послѣдовала на 1840 годъ сбавка пошлины съ молдавской соли, привозимой къ бессарабскимъ таможеннымъ: въ 1840—1841 годахъ очищено пошлиною, въ сложности 313,139 пудовъ, а въ предъидущее трехлѣтіе (1837, 1838 и 1839 годовъ) 219,506 или 73,168 пудовъ, въ годъ, то есть, на 45 процентовъ менѣе. Въ послѣдній періодъ (1842—1846) привозъ былъ вдвое менѣе предъидущаго. Молдавская (каменная) соль, при таможенной пошлинѣ, превышающей продажную цѣну бессарабской озерной соли, * не можетъ соперничать съ нею во внутреннемъ сбытѣ, но покупается преимущественно гуртовщиками для употребленія въ кормъ рогатому скоту. Уменьшеніе прогона скота за границу изъ бессарабской области по случаю бывшихъ

* Пошлина съ молдавской соли составляетъ 40 копѣекъ серебромъ съ пуда, тогда какъ бессарабская соль отпускается съ тамошнихъ озеръ по 27 копѣекъ серебромъ за пудъ.

тамъ надежей, въ послѣдніе годы, было одною изъ главнѣйшихъ причинъ упадка сбыта молдавской соли въ этомъ краѣ.

Весь привозъ соли къ бѣломорскимъ и балтійскимъ портамъ и по западной сухопутной границѣ составлялъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ слѣдующія количества.

				Средняя цѣна за пудъ.
Въ 1832—1836 годахъ	3,284,203 пудовъ	на	1,408,827 руб. сер.	43 коп.
— 1837—1841 ———	3,891,691 ———	—	1,725,319 — —	44 —
— 1842—1846 ———	4,665,364 ———	—	2,212,550 — —	47 —

И такъ среднимъ числомъ привозъ увеличился на 42 процента, а по цѣнности почти на 57 процентовъ. — Средняя цѣна въ послѣдній періодъ, была на 9 процентовъ выше нежели въ первый.

По азіатской границѣ привозится въ Россію соль русскими промышленниками изъ озеръ, находящихся въ киргизскихъ степяхъ; она расходуется по сибирской и оренбургской линіямъ и въ сосѣдственномъ краѣ. Средній привозъ соли изъ степныхъ озеръ составлялъ въ 1837—1841 годахъ * 130,011 пудовъ, а въ 1842—1846 годахъ 139,098 пудовъ. Эта соль обложена пошлиною въ 18 копѣекъ серебромъ съ пуда.

Для огражденія астраханскаго солянаго промысла отъ подрыва иностранною солью, пошлина съ нея увеличена (Высочайшимъ указомъ 25 марта 1838 года) отъ 10 до 20 копѣекъ серебромъ съ пуда.

Заграничный отпускъ соли изъ Россіи весьма незначителенъ. Въ прежніе годы немаловажное количество соли вывозилось изъ крымскихъ портовъ въ сѣверный край Азіатской Турціи, именно въ Анатолю; но высокая цѣна крымской озерной соли, въ сравненіи съ морской солью, добываемою близъ Смирны, и привозимою изъ Италіи, была причиною постепеннаго уменьшенія сбыта крымской соли, такъ, что ея привозъ туда почти совсѣмъ прекратился.—Вывозъ соли изъ каспійскихъ портовъ въ Персію также уменьшился, съ тѣхъ поръ какъ Трухменцы начали добывать каменную соль на островѣ Челекенѣ и полуостровѣ Дармѣ: тамошняя соль обходится гораздо дешевле русской и оттого послѣдняя требуется менѣе.

* Въ «Видлахъ Торговли» за предъидущіе годы, привозъ соли чрезъ азіатскую границу показанъ, по объявленнымъ цѣнамъ, безъ означенія количества.

Средній отпускъ соли:

		Изъ портовъ.		
		Чернаго моря.	Каспій- скаго.	Прочихъ мѣстъ.
Въ 1827	1831 годахъ	68,900	70,714	1,577 пудовъ.
— 1832	1836 ———	54,768	29,486	661 ———
— 1837	1841 ———	17,090	30,230	3,471 ———
— 1842	1846 ———	*	23,183	1,828 ———

Весь отпускъ соли изъ Россіи въ послѣдній періодъ былъ не нѣе пятой доли того количества, какое отпущено въ 1827—1831 годахъ. Сбытъ ея по Каспійскому Морю уменьшился на 200 процентовъ, а вывозъ изъ черноморскихъ портовъ, съ 1827 — 1831 годовъ по 1837—1841 годовъ, уменьшившійся на 300 процентовъ, въ послѣдній періодъ совершенно прекратился.

По вывѣшенному тарифу отпускъ соли дозволенъ безъ пошлины, кромѣ крымской, съ которой взимается таможенной пошлины по 1 съ половинною копейки серебромъ съ пуда, сверхъ 23 копѣекъ серебромъ акциза за соль, продаваемую съ владѣльческихъ промысловъ.

Россія, удѣляющая въ заграничный отпускъ ничтожную часть изъ добываемаго въ ней количества соли, могла бы усилить вывозъ этого продукта только изъ черноморскихъ портовъ по близости къ нимъ крымскихъ и бессарабскихъ соляныхъ озеръ; но недостатокъ истоковъ для заграничнаго сбыта препятствуетъ развитію этой отрасли торговли въ южной Россіи. Ближайшіе къ тамошнимъ портамъ европейскія государства не нуждаются въ привозѣ соли: во всѣхъ странахъ, прилежащихъ къ Средиземному Морю, добываніе ея изъ морскаго рассола составляетъ общій промыселъ береговыхъ жителей и въ нѣкоторыхъ краяхъ морская соль добывается въ столь значительномъ количествѣ, что принадлежитъ тамъ къ важнымъ статьямъ отпускной торговли. Италия, Франція, Испанія, Португалія снабжаютъ солью порты Нѣмецкаго и Балтійскаго морей.

Г Н — Ъ.

* Въ это пятилѣтіе былъ отпускъ соли только въ 1873 году: 2,484 пуда.

V.

КРИТИКА.

СКАЗАНИЯ РУССКАГО НАРОДА, собранныя Н. Сахаровымъ.
Томъ второй: книги 5, 6, 7 и 8. Санктпетербургъ, 1849.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Еще одно последнее сказаніе о книгѣ господина Сахарова. Обратимся къ путешествіямъ Русскихъ людей.

Если въ легкихъ произведеніяхъ народной литературы — пѣснѣ, сказкѣ, пословицѣ — самобытность народа, односторонность его духовнаго направленія, особенности жизни, дѣтская простота и свѣжесть чувства, придаютъ особый колоритъ каждому остатку старины, то наоборотъ, тамъ, гдѣ нужны не минутное вдохновеніе, а долгій трудъ, наблюдательность, знанія, взглядъ на жизнь болѣе общій, тамъ, при подобныхъ же условіяхъ, мы увидимъ либо юношескія попытки судить о томъ, чего не понимаютъ, — и потому судить превратно, либо невѣжественный взглядъ на природу и общество.

Таковы, по нашему мнѣнію почти всѣ путешествія Русскихъ, предпринятыя не съ религіозною цѣлью; они со-

храняютъ свою безцѣлность до-тѣхъ-поръ, пока просвѣщеніе не сдѣлало насъ членами общеевропейской образованной семьи: оно разширило кругъ нашихъ познаній, познакомило съ историческими воспоминаніями всѣхъ временъ и народовъ, и, такимъ образомъ, каждый уголокъ земли можетъ сдѣлаться для насъ любопытнымъ и поучительнымъ. Симеонъ Суздальскій, сопутствовавшій въ 1438 году митрополиту Исидору на соборъ флорентійскій, объѣхалъ почти всю образованную Европу—видѣлъ Любекъ, Амбергъ (Гамбургъ), Лейпцигъ, Эрфуртъ, Бамбергъ, Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Флоренцію, Болонью, Венецію; переѣхалъ Тирольскія и Альпійскія горы, познакомился на соборѣ съ духовными и свѣтскими знаменитостями того времени, и при такомъ богатствѣ случаевъ для ума образованнаго и наблюдательнаго, составилъ самое незанимательное и сухое описаніе своего путешествія: боевые часы съ курантами, дома, крытые аспидными досками, вмѣсто теса и соломы, дешевизна или дороговизна съѣстныхъ припасовъ, и, мѣстами, весьма поверхностныя замѣтки о промышленности и естественныхъ произведеніяхъ — вотъ что исключительно обращало на себя его вниманіе.

Скажемъ однако, что путешествія съ цѣлью религіозною, и въ особенности путешествія въ Палестину, невполнѣ подходятъ подъ это правило. Священное писаніе познакомило насъ съ страной, прославленною жизнью и страданіями Спасителя, гдѣ обиталъ народъ любимый Богомъ, и сошедшій навсегда съ той высокой чреды, на которую былъ поставленъ. — Иерусалимъ, Вифлеемъ, Голгова, Иорданъ, Геосимація — въ комъ имена эти, знакомыя каждому съ дѣтства, не пробуждали самыхъ святыхъ и высокихъ воспоминаній?... И потому, слѣдя за набожнымъ путешествіемъ, мы требуемъ отъ него не историческихъ изысканій, не описанія произведеній природы и искусствъ, еще менѣе какихъ-нибудь ученыхъ наблюденій надъ полукочевыми жителями нынѣшней Палестины; мы хотимъ только обновить въ памяти нашей святое прошедшее, и, какъ говоритъ Даніилъ Паломникъ «слышавъ о святыхъ мѣстахъ, перенестись

туда душою и мыслью, и принять равную мзду съ ходившимъ до святыхъ мѣстъ».

Слѣдовательно, чѣмъ оригинальнѣе и безъискусственнѣе будетъ описаніе, чѣмъ менѣе будетъ въ немъ притязаній на ученость, тѣмъ болѣе оно соотвѣтствуетъ своему назначенію — но это скорѣе «впечатлѣнія путешествія», чѣмъ «путешествіе» въ принятомъ смыслѣ слова.

Вотъ причина, почему религиозныя путешествія Русскихъ людей имѣютъ нѣкоторую цѣну до-сихъ поръ, а изъ всѣхъ ихъ — первое есть безспорно и самое лучшее.

Указавъ на мѣсто, занимаемое русскими старинными путешествіями въ исторіи нашей грамотности, обращаемся къ сборнику господина Сахарова.

Трудолюбивый собиратель въ заглавномъ листѣ, обѣщаетъ сообщить намъ: 1) *Путешествія въ Иерусалимъ* — Игумена Давида, игуменьи Евфросиніи, іеродіакона Зосимы, Трифона Коробейникова и Юлія Грекова, Василия Гогары, инока Іоны, іеромонаха Арсенія Суханова, діакона Арсенія Селунскаго; 2) *Путешествія въ Царьградъ* Новгородца Стефана, діакона Игнатія, дьяка Александра; 3) *Путешествіе въ Италію* Симеона Суздальскаго; 4) *Путешествіе въ Индію* Афонасія Никитина, и 5) *Путешествія въ Китай* казаковъ Ивана Петрова и Бурнаша Елычева, Ѳедора Байкова.... Мы сказали «обѣщаетъ»; но въ нашъ вѣроломный вѣкъ нельзя положить даже и на оглавленіе самой положительной книги. Размѣщеніе путешествій въ «Сказаніяхъ» довольно странно; напрасно мы пытались угадать причину, по которой книга не отвѣчаетъ заглавію, и наконецъ рѣшили, что здѣсь вѣроятно судьба хотѣла, чтобы «Сказанія» высказали собою самую рѣзкую черту нашей народности — дѣлать все на авось и какъ-нибудь — путешествія печатались по мѣрѣ доставленія въ типографію, и расположены въ слѣдующемъ пріятномъ безпорядкѣ: Давидъ (1113 года); Стефанъ (1347); Зосима (1420); Александръ (1387 — 1396); Арсеній; Симеонъ Суздальскій (1438); Евфросинія (1172); Игнатій (1398); Гогара (1634); Байковъ (1654); Коробейниковъ (1582); Иона (1651); Никитинъ (1486); Козацкіе ата-

маны (1567) и наконецъ Арсеній Сухановъ (1651 года). Слѣдовательно, только начало и конецъ остались благополучно на своихъ мѣстахъ, при общей перетасовкѣ.

Изъ числа этихъ, такъ называемыхъ путешествій, слѣдуетъ исключить одно *непутешествіе* святой игуменьи Евфросиніи. — Эта выписка изъ Четьи-Миней, заключаетъ жизнеописаніе святой, гдѣ между прочимъ говорится: «И приде
« въ Константинъ-градъ, и пріята бысть честно отъ царя
« патріарха; идѣ-же поклонившеса святымъ мощамъ, поиде
« въ Іерусалимъ; его-же достигши поклонися живодавному
« (живодатному) Христову гробу, и златое кандило на немъ
« постави, и многія дары даде церквѣ іерусалимстей и па-
« триарху. Обыде же и вся святая іерусалимская мѣста, со
« многимъ умиленіемъ поклоняющихся и молящихся, и обита
« въ монастырѣ русскомъ, при церкви Пресвятыя Богоро-
« дицы» и т. д. — Въ концѣ описывается кончина преподобной и ея погребеніе. — Спрашиваемъ: гдѣ же тутъ путешествіе? — Въ Миней-Четьи и Прологѣ находится такъ же житіе преподобной княгини Ольги — она такъ же была въ Царь-градѣ: почему же господинъ Сахаровъ не помѣстилъ легенды объ ея путешествіи — это было бы оригинальнѣе. Господинъ Сахаровъ объясняетъ свой выборъ слѣдующимъ образомъ: «Современныхъ записокъ о путешествіи преподобной Евфросиніи мы не отыскали. Легенда объ ея странствованіи находится въ описаніи ея житія, помѣщенномъ въ Миней-Четьи, Прологѣ и Степенной книгѣ. Мы буквально списали эту легенду изъ Миней-Четьи изданной въ Москвѣ въ 1829 году».... Спрашиваемъ еще разъ — зачѣмъ? Нелучше ли было не обезображивать сокращеніями лучшаго русскаго путешествія Арсенія Суханова и помѣстить въ «Сказаніяхъ» равное ему по достоинству, дѣйствительное путешествіе Василія Григорьевича Барскаго (родился 1702 года января 11), который былъ въ Венгріи, Австріи, Италіи, Греціи, Палестинѣ, Египтѣ, Аравіи; изучилъ греческій языкъ; пробылъ шесть лѣтъ на островѣ Патмосѣ и годъ на Аѳонской горѣ, и возвратясь въ отечество, принесъ съ собою записки о всемъ, что видѣлъ и всныталъ. — Книга Барскаго

сдѣлалась любимымъ чтеніемъ нашего народа; шесть ея изданій съ 1778 до 1819 года служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Біографъ Барскаго, митрополитъ Евгеній, говоритъ о немъ между прочимъ: «Къ чести его можно сказать, что онъ ничего не искажалъ пристрастіемъ, и нескрывалъ ни добродѣтелей иновѣрцевъ, ни собственныхъ своихъ слабостей. Его описанія многихъ мѣстъ столь подробны, что простираются даже до мѣлочей; однакожь довольно вѣрны.... Будучи самъ греческаго исповѣданія, и при томъ просвѣщенъ науками, онъ могъ тѣмъ лучше въ самыхъ источникахъ понимать заведенія, обряды и уставы восточныхъ святыхъ мѣстъ, которыя описываютъ иновѣрныя путешественники, и наши, прежде его путешествовавшіе россійскіе простолюдины, *по большой части въ превратномъ видѣ отъ непониманія своего.* Всѣ описанія свои подтверждаетъ онъ не однимъ простымъ сказаніемъ, но весьма часто ссылкою на древнихъ и средняго вѣка писателей греческихъ, которыхъ онъ, какъ видно, прилѣжно читалъ, и любопытство свое простеръ даже до сокровеннѣйшихъ монастырскихъ архивовъ. Кромѣ описаній, онъ вездѣ снималъ виды, планы и фасады съ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ и зданій, и собралъ ихъ около ста пятидесяти». Прибавимъ, что путешествіе Барскаго было пѣшеходное, и что все «измѣрилъ онъ своимъ ступаніемъ и пядію», какъ говоритъ велерѣчивый составитель его эпитафій.... Жаль, что господинъ Сахаровъ, выписывая отзывъ митрополита Евгенія объ Арсеніѣ Сухановѣ, не обратилъ вниманія на этотъ отзывъ его о замѣчательнѣйшемъ путешественникѣ нашего?... Не потому ли онъ сдѣлалъ это, что Барскій былъ археологомъ, а господинъ Сахаровъ, какъ мы увидимъ послѣ, не жалуетъ археологовъ....

Обращаясь снова къ осьмой книгѣ «Сказаній», замѣтимъ, что не всѣ путешественники пользовались одинаковымъ расположеніемъ и покровительствомъ издателя; изъ числа пят-

* Барскій похороненъ за алтаремъ соборной церкви Кіевообратскаго монастыря. Любопытное его надгробіе сохранилось до сихъ поръ.

надцати путешествій, осемь имѣютъ заглавные листы съ означеніемъ времени путешествій; шесть — безъ означенія времени; а дякъ Александръ не удостоенъ даже заглавнаго листа, хотя время его путешествія приблизительно известно; эту немилость, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы обратити на Арсенія Селунскаго, который путешествовалъ невѣдомо когда, и на двухъ страницахъ написалъ столько неправды, сколько умѣстилось; напримѣръ ему одному удалось видѣть въ Іерусалимѣ «пропастъ велику, гдѣ шедъ Христосъ во адъ, стоитъ весь годъ запечатана, только въ Воскресеніе Христова отпадаютъ печати и приходивъ Патріархъ съ діаконъ, и приклонивъ свою главу надъ пропастью, и діаконъ также свою главу, и слышать *чвекомъ въ пропасти....*» Объ этомъ чудѣ не упоминаютъ ни Зосима, ни Василій Гогара, которые любили коѣ-что и поприбавить.... Описывая Іорданъ, тотъ же Арсеній говоритъ: «на брезѣ Іордана (лежатъ) камень, а подъ тѣмъ каменіемъ кости зміевы видѣти, что блюлъ рукописаніе Адамово».... Какъ послѣ этого не оставитъ Арсенія хоть безъ заглавнаго листа.

Изъ религиозныхъ путешествій, самыми лучшими по простотѣ, чистосердечію и естественности, мы считаемъ путешествія Игумена Данила въ Палестину и Стефана Новгородца въ Царьградъ. Искреннее, живое религиозное чувство свѣтится въ каждомъ словѣ благочестивыхъ странниковъ и увлекаетъ сердце; всѣ же остальные путешествія въ Палестину и Царьградъ, имѣя нѣкоторыя частныя достоинства, не болѣе какъ подражанія; они занимательны скорѣе какъ замѣтки пытливыхъ и часто легковѣрныхъ путешественниковъ, чѣмъ сказанія благочестивыхъ, вѣрующихъ поклонниковъ.

Путешествіе Данила переноситъ насъ въ XII вѣкъ, когда русскій умъ и чувство, подъ вліяніемъ христіанской религіи, сознали впервые свою силу и выразились въ тѣхъ самобытныхъ произведеніяхъ, которыя до-сихъ-поръ составляютъ драгоцѣннѣйшее достояніе нашей народной литературы. Иго татарское еще не тяготѣло надъ дѣвственною жизнью русскаго народа, который живо сочувствовалъ самымъ возвы-

шеннымъ божественнымъ откровеніямъ, не омрачая ихъ ни суевѣрнымъ невѣжествомъ, ни чисто-восточною страстью къ преувеличеніямъ.

Въ предисловіи къ путешествію Данила издатель спрашиваетъ: кто былъ этотъ Данилъ? Приводитъ догадки Карамзина, митрополита Евгенія, Муравьева и отвѣчаетъ: «Одно только вѣроятно: Данилъ былъ русской человѣкъ. Это доказываетъ намъ его путешествіе, объ этомъ онъ самъ говоритъ, что видѣлъ тамъ своихъ, Русскихъ что онъ повѣсилъ у гроба Господня кандило за всю Русскую землю, что самый рассказъ его путешествія есть русскій, современный Нестору. Вотъ все, что объ немъ можно сказать»?... Послѣ этого открытія, издатель спрашиваетъ: когда путешествовалъ Данилъ? и снова отвѣчаетъ: «Вопросъ во времени его путешествія остается не рѣшеннымъ....» Но кажется, что Данилъ говоритъ ясно и опредѣлительно: «ходилъ есьми тамо въ княженіе Русскаго великаго князя «Святополка Изяславича, внука Ярослава Владиміровича «Кіевскаго».... Потомъ Данилъ рассказываетъ о свиданіи съ Балдуиномъ, королемъ іерусалимскимъ.... Пора бы нашимъ изыскателямъ древностей перестать заниматься гаданіями, которыхъ нельзя считать совѣстливымъ критическимъ изслѣдованіемъ фактовъ.

Данилъ Паломникъ хотѣлъ видѣть своими глазами «ту землю обѣтованную, гдѣ же Христосъ Богъ нашъ походи «своими ногами, и многія чудеса показа», и потомъ описалъ все это «любы ради святыхъ мѣсть сихъ списахъ все, еже «видѣхъ очима своими грѣшными, дабы не забыто было то, еже ми показа Богъ недостойному видѣти».... Не имѣя образцовъ для подражанія, онъ писалъ, что видѣлъ, съ тѣмъ чистосердечіемъ и христіанскимъ смиреніемъ, которыя отличали первыхъ поклонниковъ и это-то придадо его путешествію характеръ простоты и правдивости. Ему вѣришь и сочувствуешь, потому-что въ его сказаніи повсюду вѣтъ стариную и истиную. — Данилъ видѣлъ Балдуина, брата Готфридова—представителя тогдашняго рыцарства, сопутствовалъ ему въ Дамаскъ, вѣроятно видѣлъ не одну стычку

христіанъ съ невѣрыми, но считая все это ничтожнымъ, въ сравненіи съ окружающими его святыми воспоминаніями, которыя повсюду говорили «о Богѣ и его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ», только слегка упомянулъ объ этомъ, отдавая справедливость душевнымъ качествамъ Балдуина, который «бѣяше мужъ благъ и смиренъ велими, и не гордится ни мало».... Путешествіе же свое описалъ онъ «странныхъ ради человѣкъ, дабы се кто слышавъ о мѣстѣхъ «сихъ святыхъ, потщася душею и мыслію ко святымъ снѣ мѣстомъ, и равну мѣду симъ приметъ съ ходившими до святыхъ мѣстъ».

Данилъ пробылъ въ Іерусалимѣ шестнадцать мѣсяцевъ, и имѣя пристанище въ метохіи святаго Саввы, ходилъ по ближнимъ и дальнимъ окрестностямъ города; не одинъ разъ жалуется онъ на невозможность узнать и осмотрѣть все безъ хорошаго провожатаго, но въ началѣ онъ нанималъ знающихъ окрестности, пока не познакомился въ лаврѣ святаго Саввы съ старымъ и книжнымъ мужемъ, который полюбилъ нашего странника и путешествовалъ съ нимъ къ Тиверіадскому морю, на Фаворъ, въ Назаретъ, Хевронъ и на Іорданъ. — Эта любознательность была причиною, почему въ сочиненіи Данила вовсе нѣтъ сказокъ и преувеличеній.

Путевыя замѣтки паломника во время плаванія его по Мраморному морю и Архипелату мало занимательны. Кромѣ религіозныхъ воспоминаній, тутъ встрѣчаются замѣтки объ историческихъ воспоминаніяхъ и естественныхъ произведеніяхъ: такъ въ Хіосѣ, по его словамъ «рождается смастика и вина добрая и овощи всяки.... Родосъ великъ «велими и богатъ всѣмъ; въ томъ островѣ былъ Олегъ, князь «русскій, два лѣта и двѣ зимы; въ Накринѣ (Макрин) дѣлаютъ особый родъ ладону—темьявъ готфинъ чермный, составляемый изъ смолы деревъ—зигія (аки ольха образомъ) и «стурика (образомъ аки сосна); на Кипрѣ добываютъ ладонъ «темьянъ».

Описаніе перваго взгляда на Іерусалимъ трогательно и живописно: «И есть же св. градъ Іерусалимъ въ дебрьхъ, «около его горы каменны высоки и олны пришедъ бланъ

« къ городу, то видѣти градъ. Первое видѣнъ домъ Давы-
 « домъ, а потомъ мало подошедъ, видати Елеонскую гору и
 « Святая Святыхъ, а потомъ весь градъ видѣти. И ту есть
 « пера ровна, близъ пути града Іерусалима, яко версты
 « одной вдалѣе, и на той горѣ сѣдають людіе съ коней и
 « вѣнши вси людіе ходять и поклоняются христіане Свѣтому
 « Воскресенію. Бываетъ же тогда радость веякому христіа-
 « нину велика, увидѣвшему градъ свѣтій Іерусалимъ; ни-
 « кто же бо можетъ не прѣслезитись, видѣвши землю же-
 « ланную, и мѣста свѣтая, идѣ же Христосъ Богъ нашего
 « ради спасенія походи?»..... Этотъ благочестивый восторгъ
 путешественника переноситъ насъ въ тѣ времена, когда
 сила вѣры вела людей черезъ моря и пустыни, дабы про-
 лить слезу умилевія на гробъ Богочеловѣка.

Приступая къ описанію церкви Воскресенія Христова,
 Давидъ занимается не архитектурою ея и не смѣлостью
 постройки — онъ пересчитываетъ колонны и обрѣза, нѣмѣ-
 раетъ все шагами и только прибавляетъ мѣстами, «а хитро и
 дивно зѣло!»... Всѣ достопримѣчательныя свѣтыни храма
 описаны съ большею подробностью; прежде всего Давидъ
 говоритъ о земномъ пупѣ: «и ту, возмѣ стѣны за алтаремъ
 пупъ земный. Создана жъ надъ нимъ камора, а горѣ напи-
 санъ Христосъ мусією. И глаголетъ грамота «се падью
 « моею нешѣрихъ небо, а дланью землю», объ этой рѣд-
 кости говорятъ всѣ позднѣйшіе путешественники; господинъ
 Норовъ назвалъ ее средоточіемъ земли (Часть I, стр. 193,
 «Путешествія ко св. мѣстамъ»).

За тѣмъ благочестивый путешественникъ опредѣляетъ
 (шагами, считая отъ свѣтаго гроба) мѣсто Голговы, опи-
 сываетъ достопримѣчательности этого мѣста, и пересчиты-
 ваетъ всѣ свѣтыни храма, припоминая относящіяся къ нимъ
 слова священнаго писанія.

Описавъ главную свѣтыню — цѣль его благочестиваго
 подвига, Давидъ осматриваетъ замѣчательнѣйшія зданія и
 урочища въ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ —
 столпъ Давидовъ, притворъ Соломона, Святая Святыхъ,
 домъ Соломона, Геесиманію, Елеонскую гору, и окончивъ

этотъ обзоръ общимъ описаніемъ положенія Іерусалима, прибавляетъ нѣсколько замѣтокъ о плодородіи окрестностей, главныхъ естественныхъ произведеній, маломъ количествѣ ключей и колодезь и всеобщемъ употребленіи дождевой воды. Всѣ эти описанія, не смотря на краткость, отличаются опредѣлительностью и показываютъ здравый умъ наблюдателя.

Послѣ этого русскій паломникъ начинаетъ свое путешествіе по отдаленнымъ окрестностямъ города — направясь первоначально на востокъ, къ Іордану, онъ посѣтилъ Ерланскую гору, присутствовалъ при водокрещеніи Іордана и описываетъ все это слѣдующимъ образомъ: «Іорданъ рѣка, «течетъ быстро, берега жъ имать обонъ полъ прекрутые, «отселѣ пологи. Вода жъ его мутна, и сладка весьма пить, «и нѣсть сыто піющимъ воду ту святую.... Всѣмъ есть Іорданъ Сосновѣ рѣцѣ, и въ ширину, и въ глубину, лукарево жъ (излучисто) вельми и быстро течеть..... въ глубинѣ есть четырехъ сажень среди самая купѣли. Яко самъ собою искусихъ, измѣрихъ, пребрадихъ на ону страну Іордана и много походихъ по берегу тому Іорданову любовно..... Сподоби жъ мя Богъ трижды быть на Іорданѣ, и въ самый праздникъ водокрещенія быхъ на Іорданѣ, со всею дружиною моею, видѣхомъ благодать Божию, приходившую на воду іорданскую. И множество народа безъ числа тогда приходятъ къ водѣ, со свѣщамъ, и всю ту ночь бываетъ пѣніе изрядно, свѣщемъ безъ числа горяще. Въ полунощи жъ бываетъ крещеніе воды. Тогда бо Духъ Святой исходитъ на воды іорданскія. *Достойнѣе жъ человецы видятъ добръ: како выходитъ духъ Святой, а вси народы невидятъ, но токмо радость и веселіе всякому человеку бываетъ тогда въ сердце, егда погружатъ Крестъ честный, и егда рекутъ: «Во Іорданѣ крещающуся «ти Господи» — тогда вси людие вскочатъ въ воду Іордана, «крестящеса во Іорданстей рѣцѣ, яко же Христосъ въ полунощи крестился есть отъ Іоанна»....*

Отъ Іордана Даніилъ пошелъ на западъ, южнѣе Іерусалима, черезъ Іерихонъ, лавру святаго Саввы Хевронъ и

черезъ Внолеемъ возвратился въ Иерусалимъ. Послѣ Иордана, лавра святаго Саввы всего болѣе поразила нашего путешественника: «Есть бо потокъ нѣкакъ, говоритъ онъ, страшенъ и глубокъ вельми, безводенъ, стѣны имѣя каменныя, высоки вельми; на стѣнахъ каменныхъ, суть кельи прилѣплены, Богомъ утверждены; нѣкако дивно и страшно на высотѣ той, пять кельи тѣ по объѣма странама потока того страшнаго стоятъ на скалахъ, яко звѣзды на небеси утверждены суть....»

Здѣсь даже есть поэзія; но поэзія истины.... какъ мѣсто это напоминаетъ намъ «Монастырь на Казбекѣ» Пушкина:

«Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рвущій ковчегъ,
Парить, чуть видный, надъ горами.»

Во второй разъ Даніилъ идетъ на западъ черезъ Раму, Эммаусъ до Рамбли. Эти три мѣста описаны съ большею подробностью, извѣстія же о Яффѣ, Кесаріи, Капернаумѣ, Кармилѣ, Акрѣ и прочее, очевидно основаны на разсказахъ, потому-что въ нихъ говорится только о разстояніи одного города отъ другаго, и къ нѣкоторымъ названіямъ прибавлены библейскія воспоминанія.

До сихъ поръ Даніилъ не осмѣливался проникнуть на сѣверъ Палестины, обитаемой кочевыми, разбойничьими племенами. Въ это время король іерусалимскій Балдуинъ шелъ съ войскомъ къ Дамаску. Даніилъ выпросилъ позволеніе быть при арміи, и отправляясь вмѣстѣ съ нею къ верховьямъ Иордана, снова описалъ Иорданъ и Тиверіадское озеро. Не обращая никакого вниманія на подвиги рыцарей, паломникъ нашъ оставался десять дней въ Тиверіадѣ, обошелъ въ это время вокругъ озера, былъ въ Капернаумѣ, на Фаворской горѣ, въ Назаретѣ, Акрѣ; всходилъ на Кармильскую гору, и черезъ Капернаумъ, Кесарію и Самарію возвратился въ Иерусалимъ. Здѣсь собственно оканчивается хожденіе Даніила, которое отличается рѣдкою правдивостью; онъ не скрываетъ, что именно видѣлъ самъ, и что писалъ по слухамъ: такъ напри-

мѣрь, описывая мертвое море, Данилъ говоритъ: «А отъ жены
« Лотова до Содома двѣ версты. То все видѣлъ очами сво-
« мя, но ногами своими не могахъ доидти до Содомскаго те-
« го моря, боязни ради поганныхъ....» Въ другомъ мѣстѣ: «го-
« ры жъ тая Ливанскія не могахомъ дойти, страха ради по-
« ганныхъ, но сказаша ны о горѣ той добръ свѣдующи; ны
« же грѣшныѣ токмо очами своими видѣхомъ ту гору въ
« вся мѣста около озера того Генисаретскаго.».... Хожденіе
свое Данилъ заключаетъ слѣдующимъ обращеніемъ къ ча-
тателямъ: «Да простите мя, братіе и отцы и господіе
« мнѣши! не зарите моему худоумію и грубости моей, сие
« написахъ не хитро, но просто о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, и
« о градѣ Іерусалимѣ, и о всѣй земли обѣтованной, обаче аще
« не мудро, но бжево лжи, и яко-же видѣхъ очима своими, та-
« ко и написахъ и.»

Послѣдняя глава содержитъ разсказъ о схожденіи свѣта
на гробъ Господень. Разсказъ этотъ проникнутъ искреннею
теплотою чувства: еще въ великую субботу русскій мгу-
мень испросилъ у Балдуина позволеніе: «поставить кандило на
« гробѣ святѣмъ Господнемъ отъ всея русскія земли, и за вся
« князя наша и за вся христіане русскія земли», и къ ра-
дости своей узналъ впоследствии, что русское кандило за-
жглось отъ небеснаго огня съ двумя греческими, тогда какъ
три французскія вовсе не зажглись. Вотъ безспорно самая
лучшая страница во всѣхъ «Сказаніяхъ русскаго народа!»
Этотъ Данилъ родня намъ по любви къ Русской землѣ.
Какъ великъ кажется этотъ смиренный инокъ, который на
далекой чужбинѣ молится за всю русскую землю и ставитъ
отъ нея кандило, въ то время, когда дѣти этой русской зем-
ли рвали члены своей матери. — Въ особенности поражаетъ
правдивость Данила. «И се ми показа Богъ видѣти худому и
« недостойному рабу своему, Данилу иноку: видѣхъ бо очима
« своими грѣшными но истинѣ, како сходитъ Свѣтъ святыи
« ко гробу животворящему Господа нашего Іисуса Христа.
« Мнози бо ини странници не право глаголють: яко Духъ
« Святыи голубемъ сходитъ ко Гробу Господню; а другии бо
« глаголють: яко молнія сходитъ съ небеси, и тако вни-

« гаютя кандила надъ Гробомъ Господнимъ. То есть ложь и неправда; ни что же бо тогда видѣти ни голубя, ни молніи, а но тако не видимо сходитъ съ небеси благодать Божія, и а вжигаются кандила надъ Гробомъ Господнимъ. Да о томъ а скажу, яко жъ видѣхъ по истинѣ....» Разсказъ о явленіи свѣта, не смотря на простоту, увлекателенъ.... Народъ со слезами и умилениемъ взываетъ: Господи помилуй!.... Безстрашный князь Балдуинъ стоитъ со страхомъ и смиреніемъ великимъ, источникъ слезъ проливается изъ очей его, и даже люди съ окаменѣлыми сердцами невольно задумываются и спрашиваютъ: «не ужели отъ моихъ грѣховъ не свидеть свѣтъ святой?....» Во храмѣ раздается греческое и иновѣрное пѣніе.... Нѣсколько разъ епископъ и діакопъ, съ вѣрою и ожиданіемъ вривадають къ замечательнымъ дверямъ гроба; почти вопль отчаянія излетаетъ изъ груди вѣрующихъ, въ это время, «яко бысть девятому часу минующу, начаша а вѣсти прокодную: «Господеви поемъ», тогда внезапно пришеде туча шала отъ востокъ лицъ, и ста надъ верхомъ шенокрытымъ воя церкви, и одожди надъ Гробомъ святымъ, и а смочи ны добрѣ, стоящихъ надъ Гробомъ Господнимъ. И а тогда внезапно возсія Свѣтъ во Гробѣ святымъ, и изыде а блистаніе страшно и свѣтло изъ Гроба святого Господня...» На четвертый день праздника Даниилъ приходитъ проститься съ святымъ Гробомъ, снимаетъ свое кандило, измѣрлетъ святой Гробъ, и, получивъ часть его, идетъ съ радостью на родину, «просвѣщая имъ вся мѣста».

Послѣсловіе заключаетъ извѣстіе о времени хожденія Даниила, и именахъ князей, которыхъ записалъ онъ въ синодикъ святаго Саввы для вѣчнаго поминанія. Записывая и умершихъ и живыхъ, какъ это дѣлають и теперь, русскій путешественникъ не зналъ, что приведетъ этимъ въ отчаяніе своихъ комментаторовъ и издателей.

Мы разсказали вкратцѣ содержаніе путешествія Даниилова. Принадлежка къ чисто-религіознымъ, оно и до сихъ поръ сохранило свою цѣну; не пустое тщеславіе или суемудріе заставляетъ нашего шюка измѣрять и описывать каждое замѣчательное мѣсто—онъ дѣлалъ это «вѣрныхъ ради человекъ....»

И окончивъ свое хожденіе прощаніемъ съ Гробомъ Христовымъ, даже не счелъ нужнымъ описать, по примѣру другихъ, свой обратный путь въ отечество. По всѣмъ этимъ неотъемлемымъ достоинствамъ, путешествіе игумена Данила справедливо обратило на себя вниманіе и ближайшихъ современниковъ, и нашихъ ученыхъ критиковъ и археологовъ. Ему неудачно подражалъ Зосима (1420 года) и завистуя у Данила многое, старался украсить его простыя сказанія вымыслами и обрывками греческой учености, которую онъ щеголялъ кстати и не кстати.— Въ наше время о Данилѣ писалъ Карамзинъ въ своей исторіи; митрополитъ Евгений (Слов. Истор. томъ I, стр. 111); Полевой два раза упоминалъ о Данилѣ, въ «Исторіи Русскаго народа», и въ «Телеграфѣ» по случаю разбора путешествія Муравьева; ученый нашъ путешественникъ Норовъ написалъ замѣчанія на хожденія Данила (часть II, стр. 325—338); Шевыревъ критически разобралъ его въ своей «Исторіи русской словесности» (часть II, лекція 8, стр. 159—176 и 182—184); и наконецъ господннъ Сахаровъ издалъ его отдѣльною книжкою въ 1836 и 1837 году, а теперь помѣстилъ въ «Сказаніяхъ русскаго народа», не воспользовавшись, при этомъ случаѣ, ни однимъ предшествовавшимъ замѣчаніемъ, не приложивъ карты, безъ которой все путешествіе теряетъ свою занимательность, но еще украсивъ его нѣкоторыми важными ошибками, напримѣръ въ текстѣ путешествія 480 ссылокъ, а вариантовъ оказалось 482; по этой причинѣ, начиная съ 303 варианта, надобно вѣрить не тому, что читаешь, а написанному подъ слѣдующею цифрою; а съ 372 варианта надобно пропустить два замѣчанія и читать треть.... Это, впрочемъ, бездѣлица, и дѣло уживается почти само собою.

Второе по времени путешествіе Стефана Новгородца (около 1350 года) въ Царьградъ. Будучи гораздо слабѣе Данилова въ художественномъ отношеніи, оно отличается почти одинаковою правдивостью. Не ограничиваясь только поклоненіемъ святымъ мѣстамъ, Стефанъ обозрѣвалъ историческія достопримѣчательности Царьграда, но вѣроятно многого не понимая, все толковалъ по своему.... «А въ Царьградѣ

« бо, говоритъ онъ въ концѣ путешествія, аки въ дубраву
« вшити, и безъ добра вожа не возможно ходити, а скуно или
« убого не можетъ видѣти, ни цѣловати единого святаго, раз-
« вѣ на праздникъ, котораго святаго будетъ и тогда видѣти
« и цѣловати.»

Путешествіе Стефана наполнено по большей части назва-
ніями церквей и монастырей, и исчисленіемъ святынь, тамъ
находящихся; при каждомъ названіи прибавлено: «и ту цѣ-
ловахомъ».... Кажется, что любопытство играло и въ этомъ
случаѣ не послѣднюю роль.

За то описанія предметовъ не религиозныхъ въ высшей
степени любопытны. Вотъ памятникъ Юстиніана: «ту сто-
« ятъ столпъ чуденъ вельми, толстотою и высотой и кра-
« сотою издавеча смотря видѣти его, и на верху его си-
« дитъ Юстиніанъ Великій на конѣ, вельми чуденъ, аки
« живъ, въ доспѣсѣ одѣянъ срацинскомъ; грозно видѣти
« его, а въ руцѣ держитъ яблоко злато велико, а на ябл-
« цѣ крестъ, а правую руку отъ себя простре буйно на
« полдни, на Срацинскую землю къ Іерусалиму»....

Стефанъ упоминаетъ и о другихъ памятникахъ и удив-
ляется, какъ это не сглаживаются на нихъ надписи?....
« Много же на нихъ писанія отъ верха и до долу, писа-
« но рытією великою, и словеси всѣ позлащенны быша,
« а ивнѣ черны. Много бо есть дивитися и умъ сказати
« не можетъ: како бо толико лѣтъ камня того ничто
« не иметь».

Въ числѣ достопримѣчательностей Софійскаго храма, лю-
бознательный Новгородецъ описываетъ столбы: «А ту сто-
« ятъ столпове отъ камени багряна, красны вельми, про-
« пестріе аспиду подобно, видѣти челоуѣку лица своего
« образъ, аки въ зеркало, отъ великаго Рима привезены
« бо суть».... Потомъ, сосчитавши число колодцевъ, дверей
и престоловъ, Стефанъ прибавляетъ: «А о святой Со-
фїи премудрости Божіей умъ челоуѣчъ не можетъ ни ска-
зати, ни вычести, и что видѣхомъ, то и написахомъ»....

Дьякъ Александръ былъ въ Царьградѣ между 1387 и
1396 годами; путешествіе его есть не болѣе какъ отрывокъ,

въ которомъ весьма поверхностно повторены извѣстія Стефана, а отъ себя авторъ прибавилъ, что близъ игрища (гипподрама) ядъ змиинъ запечатлѣнъ въ трехъ мѣдяныхъ змиахъ — такъ объясняетъ онъ назначеніе змѣевидной гипподромской колонны.

О путешествіи Арсенія Селунскаго мы уже высказали наше мнѣніе — это смѣсь самаго грубаго вымысла съ заимствованными у другихъ описаніями святыхъ мѣстъ.

Діаконъ Игнатій находился при митрополитѣ Пименѣ во время путешествія его въ Царьградъ и Иерусалимъ въ 1398 году. — Путешествіе его раздѣляется на четыре отдѣла: путевыя записки отъ Москвы до Царяграда; рассказъ объ Амуратѣ; церемоніаль коронаванія императора Мануила, и дневникъ по Святой Землѣ. — Въ первомъ отдѣлѣ включено путешествіе по Россіи, и хотя большая часть его состоитъ въ описаніи почетныхъ встрѣчъ митрополиту; но рассказы о плаваніи по Дону и путешествіе по Азовскому морю отличаются поразительною вѣрностью.

Хотя слѣдующая глава и гласитъ: о Амуратѣ царѣ; но Амуратъ царь занимаетъ здѣсь немного мѣста, главное — описаніе Царьграда, неизвѣстно почему приклеенное къ полуфантастическому рассказу объ Амуратѣ. Въ Царьградѣ Игнатій увидѣлъ, между прочимъ, слѣдующія диковники: «Ту есть игрище царское, еже глаголется Иа-« подромъ. И тамо стоитъ столбъ мѣдянъ, аки въ три « пряди свить, въ верху раздѣлены быша тыя пряди и ва « коемъ же концѣ тѣхъ прядей по змиевѣ главѣ съ ка- « меніемъ и бисеромъ утварены. Въ томъ же столпѣ за- « клепанъ ядъ змиинъ».

Нельзя безъ улыбки читать, какъ простодушный инокъ выражаетъ свой восторгъ при видѣ полированныхъ столбовъ въ Девяточинной церкви: объ нихъ упоминаетъ Стефанъ, ииъ восхищается Игнатій: «идохоми въ церковь при Константино- « въ дворѣ, еже глаголется Девяточинная церковь, въ ней же « суть столпи чуднѣ вѣло и недомысленни, зрѣти убо есть « сущихъ при нихъ челоуѣкъъ всѣхъ приходящихъ, аки

« въ зеркаль чисте видлицихъ свои образи, и сему много « дивихомся».

При коронованіи Мануила Игнатія удивляло все: онъ называется дивнымъ и любомудрымъ и то, что женщины сидѣли на хорахъ, за плотными занавѣсами, и одѣяніе пѣвчихъ, и пѣніе ихъ «пречудно и странно и песказанно, «умъ превосходяще», но какъ путешественникъ былъ діаконъ, то его въ особенности восхитили два архидіакона. — Въ четырехъ мѣстахъ своего, весьма недлиннаго, описанія повторяетъ онъ слѣдующую фразу «и пришедшіе два « великіе архидіакона къ царю, и сотвориша поклонъ малъ, « точно главы своя къ персемъ своимъ мало приклоняша, « благочинно зѣло и уставно».... Этотъ «зѣло благочинный и уставный поклонъ» повторивши при облаченіи царя, при вѣнчаніи его, при херувимской пѣсни и передъ приращеніемъ Мануила.

Хожденіе Игнатія въ Іерусалимъ мы считаемъ лучшимъ описаніемъ святыхъ мѣстъ послѣ Даніила — оно проще всѣхъ остальныхъ. Игнатій не сообщаетъ однако ничего новаго; единственная его прибавка противъ Даніила состоитъ въ томъ, что пупъ земли размѣрилъ царь Невродасъ.

Раздѣляя вѣроятно во всемъ судьбу Даніила, Игнатій получалъ такъ же на свою долю одинъ ошибочный варіантъ: въ главѣ объ Амуратѣ царѣ читаемъ: «бысть же « сей царь Турскій Амуратъ отъ роду христіанскаго, об- « ладая странами посреда Персиды, послѣди же нарица- « тель Ачемія».... и подъ варіантомъ читаемъ: « Теодоръ « архимандритъ Симоновскій былъ племянникъ и про- « чая».... но это ошибка, издатель желалъ загладить свою ошибку передъ Даниломъ, и, обсчитавъ его двумя варіантами, подарилъ Игнатію одинъ лишній. Варіантъ о Теодорѣ относится къ 102 стр.

Здѣсь собственно оканчиваются сказанія тѣхъ русскихъ людей, которые посѣщали святые мѣста по душевному влеченію, а не изъ любопытства, и передавали свои впечатлѣнія «не мудрствуя лукаво». — Нашествіе Татаръ, оста-

новивъ на долго развитіе русской народной мысли, породило множество полуграмотныхъ писателей, которые видя общее невѣжество, и случайно узнавъ больше другихъ, начали щеголять своею ученостію. Полуграмотные ученые всегда и вездѣ были самыми ревностными гасителями просвѣщенія. — У насъ они выказали свою силу въ мѣлочныхъ религіозныхъ спорахъ; подъ ихъ вліяніемъ былъ созданъ Стоглавъ; они замучили бѣднаго Максима Грека за то, что онъ осмѣлился обличить ихъ невѣжество; и если путешествія русскихъ людей могутъ высказать жизнь народа, то путешествіе Зосимы рисуетъ этотъ печальный періодъ нашего образованія.

Іеродіаконъ Зосима, путешествовавшій въ Царьградъ и Палестину въ 1420 году, былъ не только грамотѣй, прочитавшій путешествія Данила и Стефана, но на бѣду свою онъ зналъ немного по гречески, и потому находя прежнія сказанія слишкомъ простыми и неучеными, рѣшился передѣлать ихъ на свой ладъ. Данилъ назвалъ свое путешествіе — Странникъ, Зосима называетъ свое — Ксенось, сирѣчь странникъ.

Потомъ Зосима списываетъ у Данила начало путешествія, переименовавъ его по своему, и прибавляетъ: «И аще ли суть « етери воздушнии, чтуще книги сія, и высотѣ и словеса « моему дивящеса, и нехотяще вѣровати, ино буди имъ милость Божія; ти бо немощь челоувческу помышляюще, « неприяство намъ творять!»... Не считая нужнымъ слѣдить за Зосимою въ его странствіяхъ, которыхъ описаніе по большей части заимствовано у Данила и Стефана, остановивши надъ его собственными наблюденіями и прибавками. Стефанъ, описывая Юстиніановъ памятникъ, дивился въ простотѣ сердца—отъ чего буквы, высѣченныя на камнѣ, не сглаживаются отъ времени; посмотрите, какъ Зосима малюетъ туже картину: «Передъ дверьми же святой Софїи столпъ « стоитъ, на немъ же царь Юстиніанъ стоитъ на конѣ: конь « мѣдянь, и самъ мѣдянь вылить, правую же руку держитъ « распростерту, а зритъ на востокъ, а самъ хвалится на срацинскіе цари; а срацинскіе цари противъ ему стоятъ,

« всѣ болваны мѣдяны, держатъ въ рукакъ своихъ дань, и
 « глаголють ему: «а не хвалися на насъ, Господине, мы бо
 « ся тебѣ ради, и потягнемъ противу ти не единожды, но
 « многократно». Въ друзей руцѣ держитъ яко яблоко злато,
 « а на яблоцѣхъ крестъ».

А вотъ ипподромъ: «А оттуда есть, яко съ стрѣловище,
 « еже ся мѣсто зоветъ: Подорожье, урыставіе конское, и
 « туту поставленъ столпъ на спѣ, а сощъ есть вишины чело-
 « вѣка съ три, а на спѣ томъ лодыги четыре мраморяны, а
 « на лодыгахъ тѣхъ поставленъ столпъ, а высота его шесть
 « сажень, а ширина его одна сажень, единъ камень безъ
 « става (состава). И ты бо человекъ, читавый хоженъ се,
 « не моги тому подивитися: кто тое бо есть ставилъ? какіе
 « бо се были людіе? И возгѣ стоитъ столпъ, три главы
 « аспидовы мѣдяны сплетены вмѣсто одной главы, а въ
 « нихъ запечатлѣнъ ядъ змиинъ: тотъ, кого охобитъ змія
 « внутрь града, и тѣи прикасають бо ся и исцѣлевають;
 « аще ли внѣ града, то нѣсть исцѣленья».... Дьякъ Алек-
 « сандръ и діаконъ Игнатій рассказывали только о змѣ-
 « яхъ, въ которыхъ запечатлѣнъ ядъ змиинъ, а Зосима, какъ
 « видите, придумалъ зачѣмъ они сдѣланы.

Далѣе, вѣроятно для большей учености, Зосима называетъ
 всѣ монастыри, вмѣсто русскихъ, греческими именами, и
 въ нихъ дѣлаетъ такія открытія, о которыхъ не знали ни
 Стефанъ ни Игнатій: въ монастырѣ Аполиканти онъ нашелъ
 каменную жабу, которая, при царѣ Львѣ-Премудромъ, хо-
 дила по улицамъ и пожирала смертію людей; близъ мона-
 стыря Перепта онъ видѣлъ два каменные болвана «иже
 « были при Львѣ-Премудромъ правосудіи».... вѣроятно древ-
 ніе боги или богини превратились у Зосимы въ болва-
 новъ....

Во время плаванія къ Іерусалиму, Зосима посѣтилъ Аеон-
 скую гору, сосчиталъ тамъ всѣ монастыри, и передалъ лю-
 бопытнымъ соотечественникамъ двадцать-два греческія на-
 званія.

Описаніе Іерусалима буквально списано съ Данила, мѣ-
 стами съ большими пропусками. Зосима прибавилъ только

извѣстіе о стражѣ египетскаго султана, которая собирала подать съ поклонниковъ, блеснулъ знаніемъ арабскаго языка и придумалъ кое-какіе чудеса. Напримѣръ онъ оливъ только говорить о кладязѣ святаго Іоанна, вода котораго служить для испытанія непорочности: «Если дѣвѣ испіе ютъ тоя воды, а не сохранили дѣвства своего, иво итъ уста позлатѣютъ»...; въ другомъ мѣстѣ, онъ вовсе не кстата говорить «и се десятокъ греческій», и исчисляеть названія десяти цифръ; потомъ «а се десятокъ арабскій» — и снова десять испорченныхъ словъ; наконецъ приводитъ слово Богъ на еврейскомъ, арабскомъ, греческомъ, армянскомъ и татарскомъ языкахъ.

Обратное путешествіе Зосимы не обошлось безъ приключеній: между Критомъ и Митиленомъ, на корабль его напали разбойники, сбили мачты корабля, овладѣли имъ, убили кормчаго и доставили Зосимѣ случай вернуть еще три непонятныя слова — они ударили его копейнымъ ратовищемъ и закричали: «калугере, поне дуката кърса — еже зовется «деньга золотая»... Обобравъ всѣхъ до нага, разбойники удалились, а корабль поплылъ къ Митилену и Константинополю, гдѣ Зосима остался зимовать.

Спрашиваемъ: стоило ли для двухъ, трехъ нелѣпыхъ приключеній и двадцати непонятныхъ словъ помѣщать этотъ плохой списокъ съ Давида и Стефана? Но издатель думалъ иначе, и отличая ошибками любимыхъ авторовъ, подарилъ Зосимѣ пятьдесятъ—пятый варіантъ, испомѣщенный въ текстѣ.

Хожденія къ святымъ мѣстамъ Трифона Коробейникова и Юлія Грекова, Василя Гогары, іеродіакона Іоны, даже учено-археологическое путешествіе Арсенія Суханова, принадлежатъ скорѣе къ обыкновеннымъ путешествіямъ, по влеченію любопытства, а не религіознаго чувства и сердечнаго стремленія къ главнѣйшей святымъ христіанства — гробу Христову.

Коробейниковъ и Грековъ, которыхъ путешествіе издано нѣсколько разъ, посланы въ 1582 году царемъ Іоан-

номъ Васильевичемъ для поминовенія умершаго сына его Іоанна Іоанновича въ извѣстѣйшихъ монастыряхъ на Востоку. Лучшее мѣсто разсказа русскихъ паломниковъ — это притѣсненія Турковъ, и горестъ христіанъ, которые не будучи въ состояніи заплатить за входъ въ храмъ Воскресенія, поочередно смотрятъ въ маленькое окошечко, обливаясь горькими слезами.... Видно, что поруганіе святынъ сильно поразило нашихъ благочестивыхъ путешественниковъ, но еще почти всѣ храмы были цѣлы, и рука нечестивыхъ не коснулась ихъ.

Коробейниковъ и Грековъ, оставаясь въ Іерусалимѣ только семь недѣль, успѣли обозрѣть ближайшія окрестности: гору Сіонъ, село Скудельничье, Геосиманію, Виоинію и были на Іорданѣ почти въ томъ же мѣстѣ куда въ первый разъ ходилъ Давидъ. Изъ Іерусалима они прибыли въ Египетъ: здѣсь патріархъ Сильверстъ разсказалъ имъ трогательное преданіе о спорѣ патріарха Іоакима съ Жидовиномъ — врачомъ египетскаго султана — сила вѣры спасла патріарха — онъ выпилъ чашу яда, поднесенную ему врачомъ, и остался невредимъ, а Жидъ умеръ въ страшныхъ мукахъ, хлебнувъ только воды, которою ополоснута была эта чаша.

Путники отправились вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Софроніемъ на Синайскую гору, они ѣхали на верблюдахъ черезъ пустыню, въ которой «не какъ на Руси, въ « тѣхъ пустыняхъ нѣтъ ни лѣсу, ни травы, ни людей.... то « чію единъ песокъ да камень». — Дорогою они видѣли издали Черное Море, потомъ осмотрѣли и описали достопримѣчательности Синая, въ томъ числѣ египетскихъ куръ и строфокамила; дали пятьсотъ рублей на сооруженіе въ монастырѣ церкви святой великомученицѣ Екатерины; сами присутствовали при заложеніи храма и возвратились изъ Синая по Черному Морю, на корабляхъ безъ желѣзныхъ гвоздей, по причинѣ большаго числа магнита, тамъ находящагося. Во время плаванія они встрѣтили корабль, шедшій изъ Индіи, гдѣ видѣли двухъ огромныхъ буйволовъ. Распростившись въ Рамѣ съ гостепріимнымъ патріархомъ, путники прибыли черезъ Царьградъ въ Россію «здрави безъ пакости».

Путешествіе это, по характеру своему, имѣеть большое сходство съ Даниловымъ; въ немъ таже незатѣйливая простота и правдивость. Царскіе посланцы объѣхали по указу государеву всѣ монастыри, служили панихиды по молодомъ царевичѣ, отдавали вклады, заложили церковь и потомъ какъ-будто отдали краткій отчетъ въ своей поѣздкѣ.

Не таково путешествіе Казанца, убогаго Василія, по прозванію Гогары; этотъ проказникъ отправился въ 1634 году въ Палестину черезъ Тифлисъ. Здѣсь теплые ключи и бани прежде всего обратили на себя его вниманіе; въ этихъ баняхъ онъ даже замѣтилъ, что вмѣсто мочалки моютъ рукавицею; а когда дѣло дошло до Тифлискаго монастыря, то Гогара «пропамятовалъ» его названіе. Далѣе узналъ онъ, что «въ Грузинской землѣ, межъ Батечюйскою и Дадіанскою «землею, межъ горами высокими и снѣжными, въ непроходимыхъ мѣстѣхъ есть щели земныя и въ нихъ загнаны «двѣ звѣри Гогъ и Магогъ; и загналъ тѣхъ звѣрей въ древнѣмъ законѣ царь Александръ Македонскій. И мнози имѣю «о тѣхъ звѣряхъ повѣдаша, что де недавно тѣ звѣри были «пойманы, изъ щелей вонъ выдралися. И Дадіанскій-де «царь приходилъ со всею Грузинскою землею, и тѣ щели «велѣлъ каменіемъ завалити съ верху горы, а кон-де были «у тѣхъ щелей двери желѣзныя, и тѣ двери въ землю ушли».... Близъ турецкаго города Ардагана, продолжаетъ Гогара «на день ходу, стоитъ гора Араратская, а на ней «лежить все снѣгъ, а поверхъ тоя горы видѣти стоитъ Ноевъ ковчегъ, а потому его знаютъ, что концами стоитъ на «друхъ горахъ, промежъ тѣхъ горъ щель великая, изъ тоя «щели только того у ковчега дно видѣти, понеже у ковчега «дно черно»...

Посмотрѣвъ издали на Араратъ, Василій пошелъ на Карсъ, Арзрумъ, Севастъ, Кесарію, Едессу и прибылъ въ Іерусалимъ, подѣзжая къ которому замѣтилъ: «что какъ «увидишь градъ Іерусалимъ и около его горы и холмы: покажутся всѣ кроваво, аки кровь, и какъ въ Іерусалимѣ пока будешь дни съ два, и горы и холмы явятся аки прочая «земля».

Въ Іерусалимѣ еще помнили щедрого Коробейникова, и считая новаго гостя такъ же царскимъ посланцемъ, приняли и угостили его какъ могли лучше, упросили подождать покуда прїѣдетъ изъ Вилеема митрополитъ Аѳонасій и даже послали за нимъ нарочнаго. Хитрый Василій пилъ, ѣлъ и молчалъ.... но прїѣздъ митрополита разрѣшилъ загадку.

Заплативъ четырнадцать ефимковъ на кадія «еже есть по-« словенскому митрополитъ» замѣчаетъ Гогара, онъ былъ впущенъ въ храмъ Воскресенія Господня; но главнѣйшая святыня — цѣль путешествій прежнихъ странниковъ, едва обратила на себя его вниманіе; онъ занялся большимъ паникадилломъ, пупомъ земнымъ, и главное щелью въ адъ: «щель, говоритъ онъ, величиною, какъ можно человѣческой « головѣ пройти, и въ той щели шумно весьма: шумъ аки « ось шумить.... А глубина той щели никому невѣдома; « мнози было покушались на испытаніе тоя пропасти и « опускали внизъ камень по веревкѣ не едину тысящу саже- « ней, а домѣряться не могли. И называютъ тую щель — « бездною»....

Василій, какъ видно, торопился изъ Іерусалима. Пробывъ тамъ три дня, онъ описалъ по слухамъ домъ Давидовъ, Силоамскую купель, Геосиманію, Елеонскую гору, Вилеанію, лавру святаго Саввы; вѣроятно ему хотѣлось осмотрѣть до Пасхи достопримѣчательности Египта и возвратиться къ празднику въ Іерусалимъ. — Въ египетскомъ его путешествіи, что шагъ, то замѣтка, одна другой забавнѣе. Вотъ описаніе пирамидъ и воздѣлываніе сахарнаго тростника: «Да во Егип-« тѣ за Ниломъ рѣкою подѣланы палаты вельми зѣло вели-« ки, аки сильныя горы; а отъ рѣки двадцать пять поприщъ. « А стоятъ на горѣ, а дѣланы на четыре углы, а верхи у « нихъ шаровые, а входы у тѣхъ палатъ сдѣланы по стѣн-« камъ, можно человѣку идти со пшеницею, одному сверхъ « идти, а другому-де напротивъ».... Каждый, конечно, догадается, что это пирамиды. Описаніе сахарнаго тростника гораздо яснѣе—это: «Камышь, кой родится возлѣ мо-« ря и въ езерахъ, и по тѣ камыши ѣдятъ далече; а во Егип-« тѣ мало его родится, понеже около Египта все песокъ.

«И какъ его привезутъ, и садятъ тѣ камыши въ осень. Въ кое время вода сольетъ, подѣ тотъ камышь сыплютъ навозъ и обольютъ тотъ корень патокою, и до коихъ мѣстъ «отпрянетъ, и до тѣхъ мѣстъ все поливають сытою медо-вою».... сказываютъ, что-де нѣтъ такихъ людей затѣй-выхъ, что Аравляне: ко всякимъ составамъ смышлены».... Какъ должны были удивляться добрые Русскіе люди хитрости поганыхъ Аравлянъ, которые изъ простаго тростника дѣлаютъ сахарный.

При посѣщеніи Синайской горы Василій, подобно Коробейникову, рассказываетъ о иритѣсненіяхъ Арабовъ, и необходимости, въ которую поставлены отшельники — собирать дань съ богомольцевъ.

За полторы недѣли до Свѣтлаго праздника Гогара возвратился въ Іерусалимъ; и хотя Данилъ и даже Зосима говорили, что тѣ, которые увѣряютъ будто свѣтъ сходить ко гробу Господню въ видѣ голубя, говорятъ неправду, но Гогара пишетъ: «и абіе громъ бысть трижды, и по семъ прилетятъ три голубя, сизы видѣнемъ, и сядутъ на прагъ церковномъ»....

Не отличаясь, какъ видно, религіозностью, Василій усомнился въ божественности святаго огня. Вотъ рассказъ объ этомъ, въ его путешествіи: «Азъ же, Василій, у митрополита зажегъ въ едину руку двадцать свѣчъ, и нача браду свою палити тѣмъ огнемъ, и ни единъ отъ власъ брады моя погиге, и не сгорѣ; и азъ грѣшный токмо увѣриль, что небесный огонь есть, како не сожгло брады моея отъ огня, како же бываетъ отъ естественнаго огня, что многія вещи пожигаетъ, тако же и въ другой разъ и въ третій палилъ браду свою, а никако же прикоснуса огнь власомъ моимъ. Азъ же, Василій, прощеніе у митрополита просилъ въ томъ, что невѣрованіемъ одержимъ бысть, чаяхъ, что Греки той огонь составляютъ своимъ умышленіемъ, а не небесный огонь сходитъ»....

Василій пошелъ въ отечество черезъ Самарію, Дамаскъ, Едессу, Галлиполи, Варну, Базарджикъ, Мачинъ; потомъ черезъ Молдавію и Валахію прибылъ въ Польшу, но былъ

задержанъ четырнадцать недѣль въ Вильно — его приняли за царскаго посланника Василья Букова; только въ 1637 году Гогара возвратился черезъ Кіевъ въ Москву. Всѣ его путевыя замѣтки ограничиваются однимъ исчисленіемъ городовъ и земель; между прочимъ онъ упоминаетъ о современномъ землетрясеніи въ Валахіи; о кровавомъ и каменномъ дождѣ и о какомъ-то небесномъ видѣніи, случившемся тогда въ Вѣнѣ.

Іона и Арсеній Сухановъ отправились изъ Москвы съ іерусалимскимъ патріархомъ въ 1651 году, но разстались въ Молдавіи, въ Терговицкомъ монастырѣ, гдѣ Іона пробылъ два года, а Сухановъ возвратился въ Москву и въ послѣдствіи путешествовалъ одинъ. Іона успѣлъ наконецъ упросить Паисія отпустить его въ Іерусалимъ и отправилъсь черезъ Силистрію въ Варну, а оттуда черезъ Царьградъ, Митилень, прибылъ въ египетскій городъ Решидъ. Путевыя замѣтки Іоны показываютъ уже нѣкоторую наблюдательность. Не ограничиваясь исчисленіемъ названій острововъ и городовъ, онъ говоритъ объ естественныхъ произведеніяхъ, напримеръ: «Митилень изобилень вельми всѣмъ: лимоны и кабраджи и виноградъ и масличныхъ дровъ много, и мушкатное питіе тамо строить.... и въ томъ островѣ есть устроенны двѣ палаты, а въ нихъ вода течетъ изъ горы вельми тепла, и люди въ тѣхъ палатахъ мыются подобно бани»; въ Решидѣ, по словамъ Іоны, родится финиковъ много и «пшено срацинское, и сахаръ, и овощи сладкіе»; онъ говоритъ такъ же объ отпускной торговлѣ Решиды и главныхъ предметахъ вывоза; здѣсь же описываетъ строфокамила и объявляетъ смыслъ греческаго названія этой птицы.—Перѣхавъ моремъ изъ Даміэтты въ Яффу, Іона начинаетъ свое путешествіе по Святой Землѣ, которое, какъ видно, описано подъ вліяніемъ Даниила; но Іона не списываетъ его буквально, подобно Зосимѣ; онъ осматриваетъ тѣ же мѣста, и къ крайней горести видитъ, что большая часть святыхъ стоитъ въ развалинахъ и запустѣніи, а уцѣлѣвшія находятъ на откупѣ у Турковъ, которые берутъ дань, чуть не за каждыи взглядъ поклонника на святыню, съ которою

обходятся съ неслыханнымъ кощунствомъ и пренебреженіемъ. Иона говоритъ, что иконы въ главномъ храмѣ Воскресенія были присланы въ даръ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ; онъ упоминаетъ такъ же о библиотекѣ греческихъ и старыхъ сербскихъ книгъ въ іерусалимской метохіи святаго Саввы, и не сообщая много новаго, отличается простою разсказа — несомнѣннымъ признакомъ правдивости. По всему видно, что это былъ человекъ съ чувствомъ, здравымъ умомъ, наблюдательностью и даже нѣкоторою начитанностью.

Арсеvій Сухановъ, іеромонахъ, былъ строителемъ Троицкаго въ Москвѣ Сергіева Богоявленскаго монастыря и келаремъ большаго Троицко-Сергіевскаго Радонежскаго монастыря, странствовалъ по Востоку два раза; въ первый разъ онъ былъ посланъ въ 1649 году для описанія обрядовъ греческой церкви, потому-что въ то время начались споры о различіи нашихъ обрядовъ съ греческими. — Сухановъ два раза возвращался въ Москву по дѣламъ іерусалимскаго патріарха Пасія и только въ 1650 году отправился черезъ Молдавію и Валахію въ Константинополь, а оттуда моремъ въ Александрію; по пути заѣзжалъ онъ въ Хіосъ и Родосъ, и, по прибытіи въ Александрію, бесѣдовалъ съ тамошнимъ патріархомъ Іоанникіемъ, относительно церковныхъ уставовъ, обычаевъ и мнѣній о вѣрѣ. Изъ Александріи онъ отправился въ Іерусалимъ, гдѣ оставался съ седьмаго октября 1650 по двадцать седьмое апрѣля 1651 года; наблюдалъ все и старался обо всемъ разузнать, и потомъ возвратился въ Москву черезъ Грузію и Кавказскія горы.

Во время своего путешествія Сухановъ велъ дневныя записки и назвалъ ихъ *Проскинитарій*, т. е. поклонникъ. Записки эти раздѣляются на три части: въ первой находится статейный списокъ или роспись о его посольствѣ; во второй описаніе Іерусалима; третья называется *Тактиконъ*, ежесть чиновникъ, и содержитъ извѣстіе о церковномъ чинѣ и пѣніи Грековъ.

Передавъ съ нескромностью современныхъ путешественниковъ свой частный разговоръ съ патріархомъ Іоанникіемъ,

изобразивъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ поведеніе іерусалимскихъ христіанъ, ихъ равнодушіе къ святынѣ, пошеніе иновѣрческихъ одеждъ, небрежность въ исполненіи обрядовъ и службъ, и, главное, частые пиры ихъ съ иновѣрцами, Арсеній, можетъ быть противъ воли, далъ новое оружіе раскольникамъ на патріарха Никона; онъ не хотѣлъ отличить частнаго злоупотребленія отъ общей испорченности, не хотѣлъ понять, что несчастныя обстоятельства и магометанское иго были причиною временнаго упадка греческой церкви, и, по словамъ митрополита Евгенія, произвелъ великій соблазнъ въ русской церкви.—Раскольники схватились за его «Тактиконъ», передѣлали его по своему, прибавивъ небывалыя пренія Арсенія о вѣрѣ съ цереградскимъ патріархомъ; Поморяне сдѣлали даже «Тактиконъ» своею догматическою книгою и размножили его списки. Іерусалимскій патріархъ Паисій жаловался Алексѣю Михайловичу на нескромность Арсенія; но кажется, что эти жалобы остались безъ послѣдствій, потому что въ 1654 году патріархъ Никонъ, по свѣту Епифанія Славинецкаго, послалъ опять Суханова на Востокъ для пріобрѣтенія греческихъ и славянскихъ рукописей. Возвратясь въ 1655 году, Арсеній привезъ съ собою пять сотъ рукописей, составляющихъ нынѣ драгоцѣнность московской синодальной библіотеки, и модель большой іерусалимской церкви Воскресенія Христова, хранящуюся такъ же въ Москвѣ при патріаршей палатѣ.— По этой модели Никонъ построилъ большую церковь въ Воскресенскомъ монастырѣ, назвавъ ее Новымъ-Іерусалимомъ.

Кажется, что подобныя заслуги на дѣло просвѣщенія должны бы были заглазить вѣкоторыя ошибки этого русскаго археолога и оградить память его отъ нарѣканія; но господинъ Сахаровъ судилъ иначе: выписавъ въ предисловіи (см. оборотъ заглавнаго листа къ путешествію Арсенія Суханова) статью объ Арсеніѣ изъ словаря митрополита Евгенія (часть 1, стр. 50—55), выпустивъ изъ нея все, написанное въ похвалу Суханова, не упомянувъ даже о заглавіи, подъ которымъ профессоръ Маттеи издалъ въ 1805 году описаніе гре-

чeskихъ рукописей Суханова (*Accurata Codicum Graecorum Mss. Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimæ Synodi notitie et recensio*), господи́нъ Сахаровъ прибавилъ отъ себя «ворять и такъ полагаютъ многіе, что подлинныя записки «Суханова хранятся въ московской синодальной библиотекѣ».... Но зачѣмъ же не сказать, что это говорить и полагаетъ въ той же статьѣ своего словаря митрополитъ Евгений (*ibid.* стр. 51) и даже выписываетъ заглавный листъ рукописи.

Путешествіе Суханова, помѣщенное въ сборникѣ господина Сахарова, сокращено и обрѣзано до невозможности. Избравъ изъ всего Проскинитарія только статейный списокъ, господи́нъ Сахаровъ выпустилъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ Арсеній разсуждаетъ объ обрядахъ. Спрашиваемъ—съ какою цѣлю? Развѣ жизнь русскаго человѣка не имѣетъ своихъ темныхъ сторонъ? Можетъ быть превратныя сужденія Суханова лучше обрисовываютъ фizioномію тогдашняго русскаго человѣка, чѣмъ всѣ старинныя путешествія вмѣстѣ?... По нашему мнѣнію лучше было вовсе не издавать этого путешествія, чѣмъ издать его въ обрѣзкахъ и сокращеніяхъ.

Но даже судя по тому, что издано, мы считаемъ путешествіе Суханова *первымъ ученымъ русскимъ путешествіемъ*, чрезвычайно любопытнымъ. Въ каждой его замѣткѣ виднѣнъ человѣкъ съ многостороннимъ образованіемъ, мыслящій и наблюдательный; посмотрите, какъ онъ описываетъ крѣпости: Килию (стр. 190); Дарданеллы (стр. 192); стѣны, дворецъ и вервь въ Константинополь (стр. 193—194); церковь св. Софій, обращенную въ мечеть (стр. 194), кр. Галлиполи (стр. 195); Неокастро (*ibid.*); въ Хиосѣ описалъ онъ крѣпость и портъ (стр. 197), тутъ же помѣщено описаніе галеры (стр. 198). Читая эти описанія, забываешь, что ихъ писалъ монахъ; а не инженеръ—строитель, такъ они хороши, вѣрны и основаны на знаніи строительнаго и военнаго дѣла.

Самый разсказъ о путешествіи отличается одушевленіемъ, мѣстами даже юморомъ; въ особенности забавно описаніе о смотрѣ Турками корабля, на которомъ плылъ Арсеній. Бѣдный инокъ, чтобы избавиться отъ поборовъ и прятѣ-

енней, переодѣлся въ турецкое платье, и нахлобучивъ чалму, сѣлъ на мѣстѣ кормчаго, подогнувъ подъ себя ноги по турецки; но каковъ былъ его ужасъ, когда досмотрщики обратились къ нему съ привѣтствіемъ «селямъ алей кюмъ» и ушли, не дождавшись отвѣта.

Во время плаванія по Дунаю, Арсеній замѣтилъ, что фарватеръ рѣки былъ обозначенъ вѣхами, значить и въ Турціи было уже въ то время устроенное судоходство; при посѣщеніи же городовъ оны не слушалъ всего, что ни вздумалось наговорить туземцамъ, но самъ замѣчалъ и записывалъ какъ человѣкъ просвѣщенный. Вотъ для образчика нѣсколько замѣтокъ Суханова:

«На островѣ Хіо живутъ Турки и Фрянки и Греки и Жидовъ немного; а Грекъ съ Фрянками не узнаешь ни женъ, ни самихъ; носятъ платье Греки мало не все Фрянческое черное. Капелюшъ, и плюндръ, и плащъ, и саногы, и ожерелье платна бѣлаго; а индѣ въ церковь входить за одно со Фрянками... Въ Хіо монастырь отъ града верстъ съ десять, на высокихъ горахъ, зовется. Акалюна, зданіе Константиана Мономаха. Церковь чудная, внутри все мраморомъ—и стѣны, и столбы, и помость выкладены мраморомъ отъ разныхъ цвѣтовъ узорами: на церкви крестъ не великъ, и есть и колоколъ невеликъ на колокольніцѣ, есть братій сказываютъ 60. Въ томъ монастырѣ живетъ патриархъ бывшій Царяграда Неофитъ. Около монастыря по горамъ все винограды и сады всякіе; около монастыря у всякаго старца свой виноградъ, а какъ кой старецъ похочетъ, такъ отдастъ третъ, иной половину, а иной весь садъ отдастъ въ монастырь. А подъ тѣмъ садомъ съ кельями и старцы живутъ, и сады свои строятъ, и продаютъ, и тѣмъ на себя и платье покупаютъ и про себя оставляютъ вина, чѣмъ въ годъ жить ему, и хлѣбъ изъ монастыря берутъ... Въ томъ островѣ сказываютъ 60 селъ и деревень, инныя со многими церквами. Аптекъ много, вино сильно и хорошо и дешево, а иное все дорого. Городъ крѣпокъ гораздо, и ровъ каменной со стѣнами каменными, и глубокъ и широкъ добръ; по немъ и стѣна ка-

«менная пущена; а отъ моря ровно двѣ стѣны. Корабельное
 «пристанище добрѣ хорошо. Анатольская сторона близко,
 «и видятъ все изъ города, а какъ огни горять въ ночи
 «на Анатольской сторонѣ хорошо видѣть. Островъ Митали-
 «скій видѣнъ весь отъ Хіо. Въ Хіо родится мастика не во
 «всемъ островѣ, но на одномъ краю; и ту мастику собира-
 «ютъ на турскаго царя, написано по дворамъ оброкъ, сколь-
 «ко кому платить, а у кого нѣтъ деревъ и они у тѣхъ купить
 «платить, у кого за оброкомъ останется. А сказываютъ тѣ
 «мастика родится только на томъ мѣстѣ, а индѣ нигдѣ ма-
 «стики нѣтъ окромѣ того мѣста; а много есть деревъ безъ
 «мастика... Тутъ же родится шелкъ, рожки, лимоны безъ
 «числа много и маслицы, изъ нихъ же масло деревянное дѣла-
 «ютъ; и хлѣбъ сѣютъ по мѣстамъ; а вода приводная.... Въ
 «Хіо церквей много, всѣ безъ крестовъ, стоятъ внѣ града;
 «а иныя разорены. Фрянскіе кляшторы чудно устроены, и
 «сады чудно устроены, и школа фрянская, учатся Фрянки
 «по-латыни. Попы греческіе богаты, палаты хороши и
 «платье чистое носятъ. Жены греческія ходятъ по фрянски.
 «рубашки не застегаютъ, шея и груди все голые; и же-
 «нятся Греки у Фрянковъ, и Фрянки у Грековъ...»

«Островъ Родось и всѣ на морѣ острова всегда въ нихъ
 «небо чисто, во дни и въ ночи, паче же Родось, понеже
 «Родось стоитъ съ краю отъ большаго моря. Какъ поѣха-
 «ли изъ Царяграда и стояли на морѣ по островамъ, не бы-
 «ло ни одинаго дождя, ни затмѣнія облачнаго, но всегда
 «чисто; а сказываютъ на полуденную сторону и на востокъ
 «также чисто и зимою. И того ради въ старину тамо зѣ-
 «здочетіе началось, да и нынѣ есть въ тѣхъ странахъ; и отъ
 «нихъ Елліны, живущіе по Бѣлому морю (Архипелагу)
 «приняли; понеже всегда въ нихъ въ ночь и въ день небо
 «чисто и могутъ разсматривать. Въ сѣверныхъ странахъ той
 «наука быть не мочно, понеже рѣдкое время небо бываетъ
 «чисто, но всегда дождь, и туманъ, и облака....»

Въ Александріи Сухановъ описалъ колонны и обелиски, и
 даже, говоря объ іероглифахъ, умѣлъ, какъ умный чело-
 вѣкъ, объяснить ихъ значеніе.... «а на немъ (на столбѣ)

« письма вырѣзаны кругомъ отъ низа и до верха, невѣдомо какія: сабли, луки, рыбы, голѣвы человѣчьи, руки, ноги, топорки, а много и знать нельзя, видимая и невидимая. А сказываютъ нѣкая мудрость учинена».... Зосима, Арсеній Селунскій и Гогара непремѣнно бы растолковали по своему эту мудрость.

Въ Египтѣ, Арсеній обратилъ вниманіе на искусство жителей въ земледѣліи, орошеніи полей и разведеніи домашнихъ животныхъ, въ особенности овецъ. Говоря о Нилѣ, онъ разсказалъ о движеніи судоходства, и размѣрахъ судовъ, ходящихъ по Нилу, и упомянувъ мимоходомъ о пирамидахъ, занялся топографическимъ описаніемъ русла рѣки, и заключилъ это описаніе слѣдующимъ образомъ: «А прибываетъ вода (въ Нилѣ) отъ Рождества Предтечева до Воздвиженья ева дни, все то полая вода, стоитъ и напояетъ по объѣму страны себя. Капусту починаютъ садить сентябрь въ 4 день; мы ядохомъ лимоны, а финики только поспѣли, а прочее поспѣваетъ, а иное поливаютъ, якоже мы видѣхомъ. Дыни добрыя отошли, а много ихъ было. Сахаръ въ декабрѣ поспѣваетъ». Эти наблюденія приобрѣтаютъ особую цѣну, если сравнимъ ихъ съ нелѣпыми разсказами убогаго Василія Гогары, упредившаго Арсенія только семнадцатью годами.

Въ Канрѣ Сухановъ осмотрѣлъ колодезь, обращающій на себя и до-сихъ-поръ вниманіе путешественниковъ и водомѣръ для разлитій Нила: «А какъ полая вода и рѣка по течетъ сквозь градъ, нарочно сдѣланъ ровъ великой каменной, выкладенъ, якобы рѣка великая течетъ. И на той рѣкѣ на берегу, на каменной стѣнѣ сдѣланы у нихъ мѣста, а на нихъ смотрятъ, сколько воды прибудетъ, или сколько будетъ, а потому уразумѣваютъ того года хлѣбъ дорогъ или дешевъ будетъ»....

Записывая въ Египтѣ все достойное примѣчанія, Арсеній упоминаетъ о крокодилѣ, объ искусственномъ выводѣ цыплятъ, дешевизнѣ сахару, нашатырю, индійскихъ товаровъ и дороговизнѣ дровъ и лѣснаго матеріала. Изъ разсказа же его узнаемъ, что онъ имѣлъ порученіе закупать матеріалы

для царской аптеки: онъ купилъ 130 золотниковъ андагрызу(?) и заплатилъ 130 рублей. Вообще описаніе Египта отличается, какъ мы видимъ, большимъ разнообразіемъ.

Святые мѣста Арсеній описалъ весьма недостаточно, болѣе занимаясь разсказомъ о жизни и обычаяхъ тамошняго греческаго духовенства; вѣроятно, Греки скоро разгадали, что этого гостя нельзя занимать сказками, и неохотно ему все показывали; самъ Арсеній мѣстами намѣкаетъ на это: «Тогожъ дня, говоритъ онъ, діаконъ сказывалъ: слышалъ я де онъ, какъ говорилъ чашникъ: Арсеній—де сидитъ въ скельѣ, все пишетъ про насъ чернцовъ, и ту-де книгу ю-четъ царю подать; добро бы де тѣ его книги патріархъ изалъ да сожегъ».

Нельзя однако не признаться, что извѣстія Арсенія о тогдашнемъ положеніи христіанства на Востокъ, наводятъ истинно-грустное чувство. Въ словахъ его высказывается скорѣе ѣдкій сарказмъ, чѣмъ христіанское состраданіе къ заблудшимъ. Здѣсь уже вы встрѣчаете не простодушный восторгъ Даниила, не поддѣльное восхищеніе Зосимы и Гогары — это хладнокровный приговоръ строгаго мыслителя, который видѣлъ, что представители греческой религіи на Востокъ не понимали своего высокаго призванія.

Путешествіе Суханова, даже въ настоящемъ обезображенномъ видѣ, можетъ быть поставлено на ряду съ лучшими тогдашними путешествіями Европейцевъ; желательно, чтобы нѣмать перваго русскаго археолога была почтена полнымъ, и по возможности исправленнымъ изданіемъ его сочиненій, къ которому необходимо приложить каталогъ пятисотъ рукописей, собранныхъ и привезенныхъ Арсеніемъ въ Москву.

Путешествіемъ Суханова оканчивается господинъ Сахаровъ хожденія русскихъ людей ко святымъ мѣстамъ, и хотя здѣсь самый предметъ, по его вѣчной и святой занимательности для каждаго христіанина, могъ одинъ наполнить собою цѣлое путешествіе; но мы видѣли, что изъ одиннадцати козленій русскихъ людей, только хожденіе Даниила Паловникова, Стефана Новгородца и Арсенія Суханова заслуживаютъ

право на особое вниманіе; какую же послѣ этого цѣну могутъ имѣть тѣ путешествія, гдѣ необразованному русскому человѣку приходилось описывать міръ, вовсе ему чуждый. Что сказать напримѣръ о путешествіяхъ: Симеона Суздальскаго въ Италію, тверскаго купца Аѳонасія Никитина въ Индію, казацкихъ атамановъ Ивана Петрова и Бурнаша Ельшева и боярскаго сына Ѳедора Исакіевича Байкова въ Китай?

Спрашиваемъ: можно ли назвать путешествіемъ списокъ однихъ только городовъ и рѣкъ, съ гадательнымъ обозначеніемъ разстояній между ними. Все это могло быть любопытно за четыреста, и даже за сто лѣтъ; но теперь.... что общаго имѣютъ эти, такъ называемыя, путешествія съ современною и даже прошедшею жизнью русскаго народа?

Мы уже говорили о путешествіи Симеона Суздальскаго (въ 1438 году), но это еще самое лучшее изъ четырехъ, въ немъ, по-крайней-мѣрѣ, встрѣчаются слѣдующія замѣтки: « Той убо градъ (Люнебургъ) величествомъ подобенъ есть « Любеку, и среди града того суть столпы устроены, въ « мѣди позлащенны, весьма чудны, треть сажени вышины; « и у тѣхъ столповъ, у коегождо, люди приряжены около « тою же мѣдію, и истекають изъ тѣхъ людей изъ всѣхъ « воды сладки в студены, у инаго изъ усть, а у инаго изъ « уха, а у инаго изъ локтя, а у инаго изъ ноздрію. Воды « истекають прытко, яко вода течеть изъ бочекъ. Тіи бо « люди напояють весь градъ той и скоты. Приведенъе водъ « тѣхъ вельми хитро, и стеканіе несказанно».

Или:

«Градъ Флоренція великъ вельми, и таковаго не обрѣто- « хомъ во преждеисанныхъ градѣхъ. Божницы въ немъ « вельми красны и велици, и палаты тѣ устроены бѣлымъ « каменіемъ вельми высоки и хитры. А посреди града того « течеть рѣка велика и быстра вельми, и съ обѣ стороны « устроены палаты.... И ту во градѣ же сукна скорлатныя « дѣлають. Ту же видѣхомъ древніе кедры и кипарисы: « кедръ какъ русская паша сосна много походитъ, а кипа-

Т. ХСV. — Отд. V.

« рись корою яко липа, а хвоею яко ель, по мало хвоею,
 « кудрявая, мягка, а шишки походили на сосновыя.... Въ
 « томъ градѣ видѣхомъ лютыхъ звѣрей двадцать-два. А
 « около того града стѣна потянулась на шесть большихъ
 « поприщъ. Въ томъ же градѣ видѣхомъ черви шелковые;
 « да и то видѣхомъ, какъ червь емлютъ съ нихъ».

Путешествіе тверскаго купца Аѳанасія Никитина въ Индію (въ 1486 году), замѣчательно развѣ только по одной своей рѣдкости; и мы не понимаемъ, почему это русское а не индѣйское путешествіе?.... Гдѣ только Никитину хочется сказать что-нибудь особенное, онъ тотчасъ и понесетъ поиндѣйски. Господинъ Сахаровъ, помѣстившій цѣлый словарь для объясненія предисловія Беринды, не подаетъ здѣсь вовсе руку помощи.

Въ Индіи Никитинъ обратилъ особенное вниманіе на весьма легкій уборъ тамошнихъ обитателей и обитательницъ и принимается описывать его пять разъ. Замѣтки его не отличаются особою важностью; самыми лучшими должно конечно считать — что на войнѣ, слонамъ «вяжутъ къ рылу и « къ зубамъ по два меча».... или: «Есть въ томъ Аляндѣ « птица гукукъ, летаетъ ночи, а кличетъ кукъ кукъ; а на « которой хороминѣ сидитъ, то тутъ человѣкъ умретъ, и « кто ея хочетъ убить, ино у ней изо рта огонь выйдеть»... Но лучше всего извѣстіе объ обезьянахъ:

«А обезьяны, что тѣ живутъ по лѣсу, а есть у нихъ князь « обезьянный, да ходитъ ратью своею, да кто ихъ занимаетъ, « а оны ся жалуютъ князю своему, и оны пришедъ на градъ « дворы развалиютъ и людей побьютъ; а рати ихъ, сказывають, вельми много, а языкъ есть у нихъ свой, а дѣтей « родятъ много: да который родится ни въ отца, ни въ мать, и они тѣхъ мечутъ по дорогамъ, ино Гундустанци « тѣхъ имають да учатъ ихъ всякому рукодѣлю, а иныхъ « учатъ безымежанетъ»....

Не лучше ли было русскому человѣку, въ простодушномъ невѣденіи, вовсе не слышать объ Индіи, чѣмъ прочтати какую-то тарабарскую грамоту, и узнать изъ нея о сло-

махъ, съ привязанными къ рылу мечами, птицѣ гукукъ и обезьянномъ королѣ?...

Казацкіе атаманы Иванъ Петровъ и Бурнашъ Емычевъ были посланы въ 1567 году отъ царя Іоанна Васильевича, съ грамотами къ неизвѣстнымъ народамъ. Они прошли отъ Каменнаго пояса до Пекина, были въ улусахъ Черной (западной) и Желтой (восточной) Мунгаліи, и получили, отъ царствовавшей здѣсь женщины, грамоту, съ которою прошли черезъ Желѣзные ворота китайской стѣны.

Въ весьма короткомъ разсказѣ объ ихъ долгомъ путешествіи обращаютъ на себя вниманіе: описаніе монгольскаго капища (стр. 183); китайскаго города Широкалги (стр. 185), гдѣ княжилъ китайскій воевода князь Шубимъ; хорошо также описаніе города Потоля. Не считаемъ нужнымъ говорить, что во всемъ этомъ путешествіи — имена городовъ, вовсе не китайскія, и составлены нашими путешественниками.

Хотя Байковъ и былъ царскимъ посланникомъ въ Китаѣ (въ 1654 году), но описаніе его путешествія едва ли не неудачнѣе его посольства. Мы однако будемъ вѣжливѣе китайскихъ министровъ, которые напрямки объявили ему: «что больно-де онъ не совсѣмъ уменъ, что такъ дѣлаетъ; а сказывается-де посланъ отъ великаго государя, отъ благовѣрнаго царя, а царскаго-де достоянія править ни въ чемъ не умѣетъ».... Мы только замѣтимъ — вѣрно злая судьба рѣшилась не давать Байкову покоя и за гробомъ: при жизни онъ надоѣдалъ безтолковымъ упрямствомъ, по смерти надоѣдаетъ пустою болтовнею; и неужели необходимо было перепечатать это скучное путешествіе, потому-что тамъ есть нѣсколько словъ о Кокотанѣ (стр. 128), китайской стѣнѣ (стр. 129), или что *Китайки носятъ волосы по-нѣмецки* (стр. 132). Если издатель сократилъ путешествіе Суханова, то отчего же не приложилъ онъ руки къ многословному и вовсе незанимательному путешествію Байкова?

Какое же окончательное заключеніе выведемъ мы о путешествіяхъ русскихъ людей?....

Хотя изданіе ихъ доказываетъ просвѣщенную и истинно

похвальную любовь господина Сахарова къ отечественнымъ древностямъ, но вмѣсто пятнадцати, можно было издать не болѣе четырехъ путешествій, присовокупивъ къ нимъ выдержки изъ остальныхъ, или наконецъ вовсе выпустить ихъ, какъ сдѣлалъ это господинъ Сахаровъ съ путешествіями: Митяя и митрополита Пимена въ Царьградъ и казака Ивана Петлина въ Китай, которые всѣ были обѣщаны намъ еще въ 1837 году («Путешествія русскихъ людей», изданіе второе, и невключены однако въ осьмую книгу Сказаній русскаго народа?

Вотъ все, что мы могли и должны были сказать о трудѣ господина Сахарова, трудѣ, заслуживающемъ полное уваженіе каждаго изъ насъ. Нѣкоторыя, приведенныя здѣсь упущенія, происшедшія при изданіи весьма незначительны въ сравненіи съ тѣми достоинствами, которыми преисполнены «Сказанія русскаго народа».

Изданіе это дѣлаетъ честь господину Сахарову, а намъ даетъ полное право и надежду ожидать отъ него слѣдующихъ томовъ.

1. АКТЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ РОССІИ, *извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ. Томъ первый. Санктпетербургъ 1841. Томъ второй. Санктпетербургъ 1842.*

2. ДОПОЛНЕНІЯ КЪ АКТАМЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ РОССІИ, *собранныя въ иностранныхъ архивахъ и библіотекахъ. Санктпетербургъ 1848.*

Наши историки-романисты, историки-прагматики, историки-критики, историки-философы — кто почіетъ на лаврахъ или отдыхаетъ отъ усталости, кто собираетъ силы или спитъ еще въ колыбели; а между-тѣмъ для нихъ во всѣхъ концахъ Россіи работаютъ общества, комиссіи, комитеты, вольные любители старины, не принадлежащіе ни къ какимъ обществамъ, комиссіямъ и комитетамъ, работаютъ не зная устали, ищутъ, собираютъ, печатаютъ матеріялы — лѣтописи, акты, записки, сказанія, сказки, пѣсни, пословицы, словари, указатели, печатаютъ не заботясь о томъ, кто и какъ ихъ оцѣнитъ и воспользуется ихъ трудами, съ увѣренностью, что придетъ же наконецъ время, когда понемногу воспользуются ихъ трудами всѣ. Одесса, Кіевъ, Вильна, Москва, Петербургъ пересылаются цѣлыми кипами новыхъ историческихъ матеріяловъ.... И тогда какъ въ продолженіе цѣлаго года не выдетъ ни одной порядочной книги для общаго чтенія, собраній матеріяловъ выдетъ на худой конецъ томовъ десятокъ.

Между всѣми, трудящимися на этомъ славномъ поприщѣ собранія и печатанія матеріаловъ, высится величавою главою археографическая комиссія какъ царица, окруженная своимъ синклитомъ. Ей обязана будетъ русская исторія и филологія самымъ богатымъ собраніемъ матеріаловъ; къ ея исторіи примкнутъ исторіи всѣхъ другихъ учрежденій этого рода, какъ эпизоды: такъ поставлена она правительствомъ по ученымъ средствамъ, которыми можетъ располагать; такъ поставили ее и члены ея своей дѣятельностью и ученостью.

Едва прошло пятнадцать лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ археографическая комиссія открыла свои засѣданія (8-го января 835 года) и начала свои работы, — и вотъ уже огромная масса памятниковъ, ею разобранныхъ, издана въ тридцати слишкомъ томахъ. Въ этой громадѣ матеріаловъ, любитель древности и старичы найдеть:

- четыре тома полного собранія лѣтописей,
- четыре тома актовъ археографической экспедиціи, в томъ указателя къ нимъ,
- пять томовъ актовъ историческихъ и томъ указателя,
- три тома дополненій къ актамъ историческимъ,
- три тома актовъ иностранныхъ,
- томъ актовъ юридическихъ и указатель,
- томъ записокъ Котошихина,
- томъ выходовъ царей,
- томъ писемъ госуларей,
- тетрадь медальоновъ графа Толстаго,
- пять тетрадей русскихъ медалей.

Есть надъ чѣмъ работать филологамъ, историкамъ, юристамъ. Не пятнадцать лѣтъ пройдетъ еще, пока этотъ запасъ будетъ выработанъ такъ, что изъ него выдетъ что-нибудь заслуживающее быть общимъ достояніемъ любознательности; а между-тѣмъ каждые пятнадцать лѣтъ археографическая комиссія будетъ дарить новой такою же грудой матеріаловъ.

Дѣятельность археографической комиссіи, въ самомъ лѣтъ, служить примѣромъ для всѣхъ другихъ подобныхъ

учрежденій и для отдѣльныхъ ученыхъ, посвящающихъ труды свои древности и старинѣ русской; по-крайней-мѣрѣ всѣ, теперь трудящіяся надъ этимъ, начали работы свои уже послѣ изданія первыхъ трудовъ комиссіи. Послѣ 1835 года возобновило свою дѣятельность и московское общество древностей, передъ тѣмъ совсѣмъ было уснувшее; послѣ 1835 года начали свои занятія и одесское общество, и кievская комиссія, и виленская комиссія, и оружейная палата....

Между прочимъ нельзя также не быть благодарными археологической комиссіи за то, что она заботится объ изданіи памятниковъ иностранныхъ. Ихъ множество, множество неизвѣстныхъ, и въ томъ числѣ одни чрезвычайно важны для объясненія нашихъ домашнихъ сказаній, другіе же ничѣмъ не замѣнимы, какъ раскрывающіе новыя стороны нашего древняго быта, не отмѣченные вовсе въ памятникахъ русскихъ.

Памятники византийскіе собраны и переведены на латинскій языкъ еще въ прошломъ столѣтіи неутомимымъ Стриттеромъ, въ его «*Memoriae populorum*»: собраніи не полнымъ; въ немъ не только нѣтъ никакихъ актовъ, но и сказанія летописцевъ далеко не всѣ. Стриттеръ собралъ только то, что было прежде напечатано въ изданіяхъ византийскихъ писателей, венеціанскомъ и парижскомъ.

Памятники восточные едва только теперь становятся извѣстны: открытыя извѣстія арабскія, турецкія, еврейскія заставляютъ предполагать, что за счастливымъ началомъ будетъ такое же счастливое продолженіе, и вѣроятно потеряются въ массѣ новыхъ открытій.

Памятники западные германскіе и романскіе извѣстны болѣе всѣхъ другихъ; но изъ нихъ одни совсѣмъ еще не изданы, а другіе напечатаны очень давно и скрываются изъ виду самыхъ усердныхъ изслѣдователей, потому-что старинныя изданія очень рѣдки, и не многимъ доступны; а между-тѣмъ въ этихъ памятникахъ обнимаются всѣ вѣка нашей исторіи.

Такъ, памятники скандинавскіе касаются даже того туманнаго времени, которое гелертеры нѣмецкіе такъ добро-

совѣстно и остроумно называютъ до-историческимъ, времени, съ котораго ни одинъ историкъ русской еще не осмѣливался начинать бытописаніе русскаго народа. Разверните напримѣръ сагу о Герфорѣ, этой неукротимой набѣдницѣ древняго сѣвера, въ ней найдете исторію Новгорода съ именами его владѣтелей, ихъ подвигами и ихъ миѳической политикой того вѣка, который чуть ли не также относится къ вѣку трехъ братьевъ варягоруССовъ, какъ вѣкъ этихъ братьевъ къ нашему. Въ сагахъ скандинавскихъ пересказаны многія событія древней нашей исторіи до двѣнадцатаго вѣка. Сага объ Олофѣ Тригвесонѣ говоритъ о Владимирѣ, сага объ Эймундѣ — о Ярославѣ, и прочая. Копенгагенскіе антикваріи собираютъ не напрасно эти извѣстія, вотъ уже десятокъ лѣтъ, все болѣе возбуждая любопытство ученыхъ, надеждами на извѣстія о новыхъ невиданныхъ чудесахъ древней Руси. Собравъ руническія надписи, приготовивъ нѣсколько исландскихъ сагъ вполнѣ, изъ пятидесяти-пяти сдѣлали извлеченія, снабдили все это всевозможными вариантами, историческими и географическими изслѣдованіями и картами, многими снимками, рисунками съ древнѣйшихъ мало извѣстныхъ или еще совсѣмъ неизвѣстныхъ бракетектовъ, и все это скоро передастъ намъ въ вѣчное владѣніе въ двухъ или трехъ томахъ въ большую четвертку. Секретарь Общества Антикваріевъ, господинъ Рафнъ, недавно ѣздилъ нарочно по Германіи, чтобы сравнить нѣкоторые изъ извлеченій, сдѣланныхъ обществомъ съ рукописными исландскими кодексами, находящимися въ германскихъ библіотекахъ. Это изданіе заставляетъ себя ждать уже довольно долго: когда-нибудь наконецъ и утѣшить ожидающихъ.

Не законченъ былъ еще циклъ сказаній скандинавскихъ, какъ обратили на Русь вниманіе летописцы германскіе. Прежде другихъ, Лютпрандъ сообщилъ нѣсколько извѣстій объ Игорѣ. Потомъ Титмаръ, почтенный епископъ мерзебургскій, въ своей саксонской хроникѣ, не поскупился передать нѣсколько добрыхъ вѣстей о Руси его времени, конца десятаго и начала одиннадцатаго вѣка, будто могъ интересоваться ею, какъ сосѣдкой. Онъ вспомнилъ и о красномъ

солицѣ Владимѣрѣ, зная какъ онъ любилъ пожить до крещенія, и какъ перемѣнился послѣ принятія вѣры христіанской,—и о борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ и Поляками, и о «большомъ городѣ Кіевѣ, столицѣ Руси», гдѣ насчиталъ осемь рынковъ и болѣе сорока церквей, а жителей видимо-не-видимо—*ignota manu*. Адамъ Бременскій современникъ Ярослава зналъ также Русь и Кіевъ. Кіевъ называлъ онъ соперникомъ Константинополя, чудеснымъ украшеніемъ православнаго Востока, а Новгородъ — Острогардомъ, и говорилъ, что онъ отстоитъ на сорокъ-три дни пути отъ Юлина.... Цикль германскихъ лѣтописцевъ тянется до самаго исхода пятнадцатаго вѣка, до того времени, когда въ слѣдъ за изобрѣтеніемъ книгопечатанія, мѣсто лѣтописей заступили записки путешественниковъ: во всѣхъ лѣтописцахъ порядочныхъ, знавшихъ свою современность, есть упоминанія о Руси, очень любопытныя. Трудюбивый дерптскій профессоръ Крузе уже издавна трудится надъ сводомъ лѣтописей германскихъ о Руси и западныхъ Славянахъ, — и вѣрно помѣститъ въ этомъ сводѣ много новаго, что до-сихъ-поръ было невѣдомо нашимъ историкамъ. Главнымъ и, нельзя не согласиться, превосходнымъ пособіемъ трудюбивый профессоръ избралъ Перцево собраніе *Monimentum Germaniae*, котораго вышло уже восемь фоліантовъ. Каждая Лѣтопись печатается здѣсь по лучшимъ спискамъ съ варіантами, искусно-выбранными и съ объяснительными примѣчаніями, хотя и краткими, но тщательно провѣренными по другимъ источникамъ. Надобно ожидать, что начало сборника господина Крузе скоро появится въ свѣтъ. Какъ бы хорошо было, если бы онъ довелъ свой сводъ хоть до начала четырнадцатаго вѣка.

Почти рядомъ съ германскими лѣтописцами шли лѣтописцы западныхъ Славянъ съ ихъ главами Козьмою Пращскимъ у Чеховъ и Мартыномъ Пѣвнемъ у Поляковъ. Оба они, также какъ и ихъ послѣдователи, знали Русь, и одинъ изъ этихъ послѣдователей Матѣй епископъ краковскій (въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка) выхваляя нашу Русь, говоритъ: эта Русь—цѣлый міръ (*Ruthenia-quasi est alter orbis*);

народу Русскаго тамъ несмѣтное множество какъ звѣздъ на небѣ (*gens ruthenica, multitudine innumerabili ceu sideribus adequata*). Въ тринадцатомъ вѣкѣ эти лѣтописцы смотрѣли на Русь уже не такимъ веселымъ взглядомъ; имъ мѣшала близкая сила Галича. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ этотъ взглядъ потускнѣлъ еще больше, когда Русь, исторгшись изъ подъ ярма Татаръ, возстала сильнымъ царствомъ съ правами на то, на что прежде, раздробленная на удѣлы, не чувствовала никакого права.—Стоитъ собрать изъ всѣхъ лѣтописцевъ западно-славянскихъ и венгерскихъ то, что касается Руси: тамъ скрывается много данныхъ для того времени, о которомъ всякое данное дорого.

Между-тѣмъ, какъ лѣтописцы писали свои страницы все лѣнивейше, особенно если писали ихъ сами, а не списывали, раскрывалась все болѣе охота къ запискамъ. Страсть къ путешествіямъ началась вслѣдъ за Крестовыми Походами. Въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ вѣкѣ она обуевала даже порядочныхъ ученыхъ. Кто не знаетъ Платона Карпини, Аскеллина, Марко Поло, Рубруквиса, и другихъ, которыхъ увлекали въ даль Востока столько же ревность распространенія христіанской вѣры, сколько и любознательность. Записки путешественниковъ все болѣе умножались,—и цѣкъ ихъ развернулся въ полномъ блескѣ тогда, когда вслѣдъ за книгопечатаніемъ, явилась возможность удовлетворять ими охоту къ чтенію. Ревность папъ къ распространенію своего слабѣющаго могущества умѣла отыскивать людей для странствій, въ земли, гдѣ можно было сѣять сѣмена католицизма, и для ихъ описанія, ученые типографы братья Эльзевирь, а за ними и другіе не жалѣли денегъ и трудовъ для собиранія и печатанія этихъ записокъ. Они посылали даже на свой счетъ путешественниковъ въ тѣ страны, которыя не были еще описаны, или нанимали для описанія ихъ свѣдущихъ ученыхъ. Тогда-то между прочихъ являются столь важныя для насъ записки барона Сигизмунда Геберштейна: «*Regum Moscovitarum Commentarii*», которыя вмѣстѣ съ записками Контарини и Ювія начинаютъ рядъ современныхъ описаній Русскаго царства. Никто еще не думалъ о собраніи въ

одномъ отдѣльномъ изданіи записокъ о Россіи въ двѣнадцатомъ—пятнадцатомъ вѣкѣ. Почти столько же думали о систематическомъ изданіи записокъ шестнадцатаго вѣка и слѣдующихъ. Одно только предпріятіе удалось у насъ: это Устрялова «Сказанія современниковъ о Самозванцахъ», съ которыми въ одно время изъ тѣхъ же рукъ вышло и «Описаніе Украины Левассера де-Боплана». Прекрасное предпріятіе начато было Калистратовымъ; но «Библіотеки иностранныхъ писателей о Россіи» вышелъ еъ 1836 года до-сихъ-поръ только одинъ томъ, заключающій въ себѣ записки Барбара, Контарини, Кампензе, и Павла Іовія. Какъ не жалѣть, что этотъ сборникъ, готовившійся быть драгоценнымъ пособіемъ для историка, и вмѣстѣ любопытнымъ чтеніемъ для тѣхъ читателей, которые не привыкли услаждать свою душу одними романами и фельетонами, сборникъ, такъ хорошо начавшійся трудами Семенова, остановленъ бурей обстоятельствъ, при самомъ появленіи! Другое подобное предпріятіе, хотя и не столько же привноровленное къ нуждамъ Русскихъ читателей, было начато однимъ изъ нашихъ современныхъ литераторовъ А. В. Старчевскимъ, въ Берлинѣ. Это: «*Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI.*», (Berolini 1842). Вышли два огромныхъ тома: въ первомъ комментаріи Герберштейна, записки Павла Іовія, «О религіи русской» Іоанна Фабри и Клавдія Гвизана, комментаріи Іоанна Левенклавія, Записки Клементя Адама, описаніе Московія Александра Гваньини, записки Матвѣя Мѣховиты, ливонская война Тилемана Бреденбаха и Филиппа Ольмена, записки Якова Ульфельда. Во второмъ не изданныя посланія Кардинала Іоны Морони, письмо Іоанна Кобенцеля, записки Даниила Бухава, Павла Одерборна, переговоры пословъ короля польскаго и царя московскаго 1581, комментаріи Рейнгольда Геиденштейна, комментаріи Антонія Поссевица, записки архіепископа Арсенія Элассонскаго. Но на двухъ томахъ и остановилось это собраніе, тѣмъ болѣе удивительное, что за него взялся молодой двадцати двухъ-лѣтній ученый. Издатель думалъ кончить прежде изданіе текстовъ, которыхъ у него собраны были огромныя коллекціи, а потомъ уже заняться указателемъ именъ и предметовъ

и включить въ него подробное объясненіе всего, что должно быть комментировано, для правильнаго уразумѣнія писателей, — и заключить свой сборникъ систематическимъ и критическимъ сводомъ сказаній о Россіи въ XVI вѣкѣ; но обстоятельства до сихъ поръ останавливаютъ его отъ продолженія этого дѣла. Старчевскій успѣлъ послѣ этого написать обзоръ исторической дѣятельности въ Россіи до Карамзина, біографію Карамзина, много ученыхъ статей въ журналахъ, издать шесть томовъ Справочнаго Энциклопедическаго Словаря; — а его «Scriptores» лежатъ и ждутъ, вѣрно, погоды. Они у насъ даже мало кому извѣстны.

Таже мгла неизвѣстности долго еще лежала бы на множествѣ актовъ дипломатическихъ, еслибъ не обратила на нихъ вниманіе Археографическая Коммиссія. Благодаря ея дѣятельности, два тома этихъ актовъ изданы въ 1841 и 1842 году; а теперь изданъ еще одинъ томъ дополненій.

Первымъ началомъ этому собранію, заключающему теперь въ трехъ изданныхъ томахъ *семь сотъ семьдесятъ четыре* акта, послужили выписки, сдѣланныя аббатомъ Альбертранди изъ римскихъ бібліотекъ, особенно изъ ватиканской, для Адама Нарушевича, знаменитаго сочинителя «Исторіи Польскаго народа», по волѣ польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго. Экземпляръ этихъ выписокъ, писанный рукою Альбертранди, подаренъ былъ королемъ тогдашнему руссійскому посланнику въ Варшавѣ Я. И. Булгакову, а Булгаковымъ — А. И. Тургеневу. Тургеневъ предполагалъ издать эти выписки, какъ свидѣтельствуемъ Карамзинъ, который пользовался ими при сочиненіи своей Исторіи; но разныя обстоятельства постоянно отвлекали его отъ исполненія этого намѣренія. Между тѣмъ Тургеневу самому открылась возможность собрать въ иностранныхъ бібліотекахъ и архивахъ жатву еще болѣе обильную. Въ одномъ Римѣ удалось ему составить коллекцію, богаче Албертрандіевой: при содѣйствіи начальника Вятканскаго тайнаго архива, Графа Марини Марини, онъ извлекъ болѣе 400 актовъ, изъ этой сокровищницы, въ которой хранится болѣе двухъ милліоновъ однѣхъ папскихъ буллъ и всѣ дѣла по сношеніямъ Рима съ

другими народами и государствами, донесенія павскихъ пословъ изъ мѣста ихъ пребыванія, «Res gestae» или современные описанія событій всего міра и пр. и пр. Много важныхъ актовъ касательно исторіи Германіи извлечено отсюда для напечатанія въ Перцовыхъ «Monumenta historica Germaniae»; много, относящагося къ исторіи Богеміи Палацкимъ. Тургеневъ былъ не менѣе счастливъ... Коллекція Тургенева еще болѣе увеличилась выписками, сдѣланными имъ въ библиотекѣ парижской, въ архивѣ Французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, въ королевской туринской библиотекѣ, въ архивахъ англійскихъ и пр.

Всѣ эти выписки вмѣстѣ со сборникомъ Альбертранди поднесены Тургеневымъ Государю Императору; потомъ по Высочайшему повелѣнію, переданы для изданія въ Археографическую Коммисію, и изданы въ двухъ томахъ. Изъ нихъ 431 выписаны изъ римскихъ библиотекъ и 30 изъ библиотекъ и архивовъ французскихъ и англійскихъ.

Два изъ этихъ актовъ относятся къ одиннадцатому вѣку: это два посланія папы Григорія-Седьмого, 1075 года: одно къ великому князю Изъяславу съ выраженіемъ согласія на призаніе сына его великимъ княземъ и съ извѣстіемъ о посольствѣ, другое къ Болеславу королю польскому съ увѣщаніемъ возвратитъ князю русскому земли, у него отнятыя.

Къ тринадцатому вѣку относится 102 акта. Одни изъ нихъ касаются событій Балтійскаго побережья, другіе, для насъ болѣе любопытные, обрисовываютъ всякаго рода старанія папъ обратитъ Русь къ вѣрѣ латинской. Замѣчательны: письма Иннокентія Четвертаго къ Данилау Галицкому и брату его Василью Владимірскому, которыхъ навываль оны королями: оны говорили съ ними какъ съ исповѣдующими Латинство. Нѣкоторыя изъ посланій папскихъ имѣли цѣлю обезпечитъ христіанскія земли отъ нападеній Татаръ. Въ посланіи 1231 года папа Григорій Девятатыи воспрещаетъ браки между римскими католиками и православными Русскими, мѣра которую и теперь употребляютъ на южно-славянскихъ земляхъ. Въ 1232 году тотъ же папа увѣщевалъ польскихъ князей не употреблять Русскихъ въ помощь на

воинъ, какъ иновѣрецъ. Въ то же время, тотъ же Григорій Девятый писалъ «Георгію Всеволодовичу Королю Русскому» о томъ чтобъ онъ отвергъ греческіе и русскіе обычаи и обряды, а принялъ бы латинскіе, такъ же точно какъ послѣ него, Папа Иннокентій Четвертый уговаривалъ о томъ же Александра Невского.

Къ четырнадцатому вѣку относятся только 24 акта а къ пятнадцатому всего на все 3, любопытные въ тѣхъ же отношеніяхъ. Между ними замѣчательны письма папъ къ Гедемину Литовскому, къ митрополиту Исидору о назначеніи его легатомъ въ Россію, къ великому князю Василю Іоанновичу, съ приглашеніемъ прислать пословъ на триентскій, соборъ наставленіе папы Герберштейну и пр.

За то событія шестнадцатаго вѣка, обьясняются въ 283 актахъ, а событія семнадцатаго вѣка въ 113-ти. Между ними замѣчательны извѣстія о Русскомъ народѣ гнѣзненскаго архіепископа Іоанна Ласкаго, извѣстія о Россіи венеціанскаго посла Фоскарини, описаніе Россіи Венеціанца Тіепола, сказаніе о Россіи Пернштейна, акты касательно посольства и дѣйствій Антонія Поссевина, акты о Лжедмитріи, «описаніе Славянъ и Московіи», аббата Гради, акты о сношеніяхъ Англійи и Россіи.

Остальные акты первыхъ двадцать лѣтъ осмнадцатаго вѣка.

Два эти тома вышли назадъ тому вотъ уже чуть не семь лѣтъ, и до сихъ поръ ничто изъ нихъ неизвѣстно читателямъ, которые считаютъ себя въ-правѣ не читать матеріаловъ историческихъ и тѣмъ менѣе на языкахъ иностранныхъ; а нѣкоторые изъ актовъ такъ и просятся въ передѣлку, достойную любопытства читателей. Иные были бы прочтены съ удовольствіемъ, даже въ простомъ переводѣ, и оставили бы собою впечатлѣніе о старой Руси болѣе живописное и иѣрное, чѣмъ многія прагматико-историческіе очерки. О время, время! Еслибъ можно было умѣть имъ пользоваться такъ же, какъ можно умѣть его тратить безъ пользы и удовольствія себѣ и другимъ, какъ бы хорошо было его у-

потребить на эти акты: не одно спасибо сказали бы за это добрые читатели.

Между тѣмъ, послѣ изданія двухъ томовъ иностранныхъ актовъ, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, въ бытность свою въ Римѣ въ 1844 году, при содѣйствіи начальника ватиканскаго архива, Графа Марино-Марини, приобрѣлъ списки съ собственноручныхъ дипломатическихъ бумагъ Поссевина, подлинность которыхъ засвидѣтельствована собственноручною подписью графа Марино-Марини и печатью тайнаго ватиканскаго архива.

Эти акты дали матеріалъ для семнадцати печатныхъ листовъ третьяго тома, теперь изданнаго комиссіей.

Въ дополненіе къ этой коллекціи Археографическая Комиссія извлекла изъ бібліотеки Императорской публичной и эрмитажной нѣкоторые акты, относительно посольской переписки Поссевина. Одинъ изъ нихъ былъ поднесенъ покойному Императору Павлу Петровичу, когда онъ посѣтилъ Римъ въ 1782 году, будучи еще наследникомъ престола.

Кромѣ того Археографическая Комиссія приобрѣла значительное число актовъ изъ архивовъ торунскаго, висмарскаго, бременскаго, гамбургскаго, кенигсбергскаго, — изъ лебередѣйской бібліотеки графа Делагарди и изъ архивовъ Галиціи, отъ корреспондентовъ комиссіи Мацѣевского и Зубрицкаго.

Такимъ образомъ составила коллекція двухъ сотъ девятнадцати актовъ, занявшая почти 70 печатныхъ листовъ.

Изъ актовъ, помѣщенныхъ въ этомъ дополнительномъ томѣ, первое мѣсто по древности занимаетъ булла папы Климента Четвертаго духовенству своему о проповѣдываніи Крестоваго похода въ помощь Нѣмецкому ордену противъ язычниковъ балтійскоморскихъ въ Ливоніи, Курляндіи и Пруссіи — 17 апрѣля 1265 года.

Изъ актовъ четырнадцатаго вѣка помѣщено тутъ двѣнадцать; одни изъ нихъ касаются Исторіи Балтійскаго Поморья, другіе Галицкой Руси.

Актовъ пятнадцатаго вѣка—двадцать пять. Большая часть ихъ также принадлежитъ къ Исторіи Балтійскаго поморья

и Исторіи Галицкой Руси. Болѣ другихъ замѣчательна выписка изъ ганзейскаго мирнаго приглашенія, бывшаго въ Любекѣ въ 1422 году, о причинахъ несогласія между Ганзейскими городами и Любекомъ.

Остальные акты принадлежать шестнадцатому, семнадцатому и осьмнадцатому вѣку, заключаая въ себѣ матеріалы для исторіи ганзейской торговли, исторіи Ордена Прускаго, исторіи Галиціи и Малороссіи, переговоровъ между царями русскими и королями польскими, дѣлъ уніи.

При изданіи актовъ были до сихъ поръ употребляемы двѣ различныя методы. Правила одной очень несложны: тщательно долженъ быть приготовленъ текстъ, отмѣчены въ немъ очевидныя и неочевидныя ошибки; если актъ открытъ въ нѣсколькихъ спискахъ, то списки должны быть свѣрены, и лучшій текстъ изданъ съ приложеніемъ варіантовъ по другимъ спискамъ; содержаніе акта должно быть описано коротко, но вѣрно; при немъ указывается время, къ которому онъ относится, а если нѣтъ данныхъ, въ самомъ актѣ, то время опредѣляется соображеніемъ содержанія акта съ другими актами и съ извѣстіями исторіи; при актѣ отмѣчается, какъ онъ написанъ, на чемъ, въ какой формѣ, съ печатью ли онъ и гдѣ онъ хранится.

Таковыми изданіями текста могутъ пользоваться съ полнымъ успѣхомъ только опытные изслѣдователи.

Издателями-же бывали иногда люди вовсе незнакомые съ тѣмъ временемъ, къ которому акты относятся, ни съ другими актами, относящимися къ тому же времени.

Ученые изслѣдователи и комментаторы, принимаясь за изданіе актовъ, не могутъ довольствоваться трудами, требуемыми этой методой. Имъ одолжены историческіе памятники и любители исторіи другой методой, несравненно болѣе сложной, неразлучной съ трудностями, стоящими заботы и работы, головоломной и тягостной. Метода эта предполагаетъ основательное знаніе подробностей исторіи, географіи и памятниковъ историческихъ того времени, къ которому относятся памятники, приготовляемые къ изданію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основательное знаніе языка памятни-

ковъ. Каждый актъ долженъ быть оцѣненъ критически въ отношеніи палеографическомъ, дипломатическомъ, филологическомъ и историческомъ; каждому указано то мѣсто, которое ему принадлежитъ по праву между другими подобными; все, что можетъ быть въ немъ не ясно читателю, должно быть объяснено: имена, лица, и мѣста, въ немъ упоминаемая, термины юридическіе, другія слова, употребленныя не въ обыкновенномъ значеніи, странныя выраженія, и намеки на событія; показанія памятника должны быть провѣрены по другимъ памятникамъ. Чѣмъ болѣе всего этого приложится къ памятнику, тѣмъ лучше. Независимо отъ всей этой массы пояснительныхъ и критическихъ примѣчаній, ученый издатель потребуеть отъ себя, въ силу правилъ методы, цѣлыя громады введеній и указателей — историческіе очерки времени географіи страны, и описанія архивовъ, гдѣ хранятся памятники, индексы собственныхъ именъ и предметовъ, словари непонятныхъ и рѣдкихъ словъ и выраженій, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Съ такими претензіями стали издавать свой «Codex Pomeraniae diplomaticus» господа Гассельбахъ, Козегартенъ и баронъ Медемъ, — и на 400 огромныхъ страницахъ напечатано только сто сорокъ небольшихъ актовъ: на строку текста приходится въ этомъ изданіи по десяти, по двадцати, а въ иномъ мѣстѣ и по пятидесяти строкъ приложеній, объясненій, выписокъ, цитатъ.

Охотниковъ слѣдовать этой требовательной, придиричвой методѣ безъ сомнѣнія много быть не можетъ. Трудовъ гибель, а слава...! Много, много, что нѣсколько спеціалистовъ скажутъ, болѣе даже про себя, въ тихомолку: «славное изданіе!» и потомъ останется ученому и его потомкамъ утѣшеніе видѣть, что изъ его книги выбираютъ въ разныя другія книги, понемногу, всю ученость, не рѣдко даже не упоминаая, откуда она выбирается.

Такой методы впрочемъ и трудно, почти не возможно, держаться при первомъ изданіи памятниковъ. Первые издатели старались всегда только объ одномъ — о сохраненіи

памятниковъ,—и простыя перепечатки текста иногда повторялись по вѣскольку разъ, пока наконецъ не брались за эти тексты изыскатели и комментаторы. Даже Германія, испокон вѣка трудолюбивая, только съ недавняго времени стала заводить у себя изданія актовъ, обогащаемыя ученой роскошью.

Археографическая Комиссія не могла не слѣдовать первой методѣ. Огромная масса матеріаловъ поступавшихъ въ ея распоряженіе для изданія, сама собою предполагала необходимость методы, которая бы облегчала трудъ изданія и ускоряла печатаніе памятниковъ, столь важныхъ. Комиссія должна была заботиться только о томъ, чтобы вѣрно были изданы эти памятники, и ограничила ученую постановку изданія только въ кругу внѣшней исторіи памятниковъ.

Не всѣ акты, напечатанные въ этомъ изданіи Археографической Комиссіи появляются здѣсь печатно въ первый разъ, не говоря уже о томъ, что возможность приобрести одинъ и тотъ же актъ въ двухъ спискахъ могла быть причиною напечатанія акта два раза, какъ это и случилось съ письмомъ Поссевина къ Іоанну Грозному отъ 16 Ноября 1581 года: перепечатанное въ первомъ томѣ памятниковъ, прежде изданныхъ по списку Тургенева (ССXL. стр. 369), оно опять напечатано въ томѣ дополненій (XIX стр. 53). Нѣкоторые акты были извѣстны прежде въ спискахъ Русскихъ: таково посланіе царя Іоанна Грознаго къ королю польскому Стефану Баторію о заключеніи мира 1 81 года 29 іюля (Supl. III.), внесенное впрочемъ совершенно въ другомъ видѣ въ книгу посольской метрики княжества латовскаго, изданной Даниловичемъ (I. стр. 140 и слѣд. N 68); такова и договорная грамота польскаго короля Іоанна Собѣскаго съ царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ 1678 года (Supl. CCV), которой русскій текстъ напечатанъ во второмъ томѣ Полнаго собранія законовъ (стр. 168 и слѣд. N 730). Нѣкоторые акты были напечатаны въ старинныхъ собраніяхъ записокъ; таковы между прочимъ очень многія изъ тѣхъ, которые касаются переговоровъ между царемъ Іоанномъ Грознымъ, королемъ Стефаномъ Баторіемъ и па-

пой. Внесенныя въ комментарий Поссевина (*Moscovia et alia orera. Colonia 1595*) и въ *Acta legatorum*, они были недавно напечатаны у Старчевскаго въ его *Historiae Ruthenicae Scriptores* (Томъ II-й стр. 45, 84 и 269—366). Не изданныхъ Коммиссией въ сравненіи съ изданными и вновь открытыми очень немного: какъ бы хорошо было, если бы всѣ они были вмѣстѣ, чтобы не требовалось искать ихъ по другимъ мѣстамъ, иногда не зная гдѣ, иногда не зная какъ.

Чтобы хоть сколько нибудь ближе познакомить нашихъ читателей съ богатствомъ матеріаловъ, заключающихся въ этомъ изданіи, мы хотимъ представить перечень бумагъ Поссевина. Попробуемъ,—и кстати припомнимъ событія 1581—1582 года, пересказывая ихъ по-русскимъ сказаніямъ и по самымъ актамъ.

Успѣхи Іоанна Грознаго въ Ливоніи въ 1578 году дали Стефану Баторію случай расторгнуть съ нимъ миръ, давно уже для него тягостный. Стефанъ вошелъ въ мирныя переговоры съ Шведами, императоромъ, султаномъ турецкимъ, и повелъ свои войска въ русскіе предѣлы.

— *Supplementum* записка Поссевина о пособіяхъ доставленныхъ турецкимъ султаномъ Стефану Баторію Апрѣля 21-го 1581 года: I. стр. 1.

Осада и взятіе Полоцка и потомъ Сокола придали ему столько же бодрости, сколько смутили Іоанна, который не ожидая такъ скоро войны, нуждался въ деньгахъ и войскѣ. Іоаннъ созвалъ соборъ въ Москвѣ, вызвалъ на немъ духовенство помочь ему своимъ достояніемъ, успѣлъ собрать денегъ, вооружилъ новое войско, а между тѣмъ велъ переговоры о мирѣ. Баторій и не думалъ о перемиріи; но осень и зима (1580 года) остановили его блестящіе успѣхи. Расположивъ войско близъ границы, онъ поѣхалъ въ Варшаву присутствовать на сеймѣ и собирать войска и деньги для новыхъ побѣдъ. Въ Вильнѣ его ожидали съ громогласными благословеніями, въ Варшавѣ многіе

чавы—съ ропотомъ неудовольствія. Баторій явился на сеймъ, объявилъ, что сдѣлалъ и что намѣренъ дѣлать, и помощью новыхъ налоговъ сталъ собирать войска, между тѣмъ какъ Іоаннъ продолжалъ домогаться мира. Переговоры длились до августа; Баторій требовалъ отъ Іоанна Пскова, Новгорода, Великихъ Лукъ, со всѣми областями витебскими и полоцкими, и всей Ливоніи; Іоаннъ не соглашался, — и войско Баторія двинулось опять на русскую землю. Тогда, въ слѣдствіе совѣщаній съ боярами, Іоаннъ послѣдствовалъ отправить гонца Истому (Томи) Шверигина къ императору и къ папѣ, убѣждая ихъ вступить за него. Въ грамотѣ къ Рудольфу Іоаннъ говорилъ, что Баторій воюетъ Русь за ея вѣчную дружбу съ Максимілианомъ, требовалъ, чтобы Рудольфъ исполнилъ свое обѣщаніе и прислалъ уполномоченныхъ въ Москву для возобновленія союза противъ общихъ враговъ христіанскихъ. Папѣ Іоаннъ жаловался на злобу и вѣроломство Баторія, предлагалъ усовѣститъ его, отвести отъ себя съ Турками; утверждалъ, что редиостно желаетъ, вступить со всѣми европейскими государями, оподчиниться на судъ папы и быти для этого въ восточныхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ Римомъ. Папскій нунцій въ Польшѣ, слѣдя за всѣми дѣйствіями Баторія и Іоанна, дѣлательно дѣйствовалъ правительствомъ римское въ дѣлахъ Россіи, — и предсудилъ дрізль Шверигина въ Римѣ. А между тѣмъ Баторій велъ свое войско впередъ, черезъ болота и дикіе лѣса дошелъ до Велижа и Усвята, взялъ ихъ, потомъ взялъ Великія Луки, разбилъ Хилкова близъ Торонца, угнѣшилъ себя въ шеудачѣ Кемиты подъ Смоленскомъ своими удачами подъ Невелемъ, Озернцемъ, еще болѣе взятиомъ Заводочья. Осеню король воротился въ Варшаву за деньгами и новымъ войскомъ; но военныя дѣйствія не прекращались: взять бѣль Холмъ, выжжена Старая Руса, опустошена часть дерптскихъ и нековскихъ владѣній. Шведы завоевали Кексгольмъ, Подисъ, Вишенбургъ. Іоаннъ оставался въ Александровской Слободѣ, предоставляя князю Симеону Тверскому и князю Мстиславскому «пробышмать дѣломъ государевымъ и земскимъ,

какъ изъ Богъ разумить и какъ будетъ пригожа и ожидалъ вѣстей изъ Вѣны и Рима.

Намонецъ двадцать-четвертаго февраля 1584 года Шверигинъ явился въ Римъ, и на третій день приглашенъ былъ къ папѣ.

Монашество (серый тонъ), ССЛІ. Выписка изъ двенадцатипятки о посольствѣхъ московскихъ, стр. 388—389.

Съ ногъ до головы, какъ чудную повиладь, осматривали посла русскаго, и какъ важное обстоятельство вписали въ государственный дневникъ, даже описаніе одежды его, въ полномъ смыслѣ съ ногъ до головы красной, кромѣ жемчуга на груди и бѣловой шапки на головѣ, замѣтивъ, что и дворянинъ Шверигина, несшій за нямъ бумаги царскіе, былъ также одѣтъ какъ и посолъ, а отрокъ, несшій царскіе подарки былъ въ одеждѣ другаго цвѣта. Его позвали въ тайный покой папы, куда никто не смѣлъ войти кромѣ епископа Борскаго, шведшаго его во дворецъ, и научили исполнить обычныя церемоніи. Съ удовольствіемъ выслушалъ папа грамоту царя, съ удовольствіемъ принялъ подарки царскіе. Ему хотѣлось почтить посла русскаго какъ бывало прежде; онъ спрашивалъ, нѣтъ ли чего въ дневникахъ о пріѣздѣ и пріемѣ такихъ пословъ русскихъ, и какъ они были принимаемы; но ничего не нашлось. На другой день папа объявилъ о пріѣздѣ московскаго посла консисторіи, какъ объ особенной Божіей милости, и потомъ обѣщалъ Шверигину исполнить желаніе царя, какъ посредникъ-примиритель между нимъ и Баторіемъ. Шверигинъ пробылъ въ Римѣ цѣлый мѣсяцъ, всѣми ласкаемый, и двадцать-седьмаго марта на другой день Пасхи уѣхалъ вмѣстѣ съ папскимъ вунциемъ. Въ эту должность избранъ былъ пресвитеръ ордена іезуитовъ, Антоній Поссевинъ, обращавшій на себя вниманіе ученостію, умомъ и ловкостію, и уже совершившій по вѣрученію папы путешествіе въ Швецію для отклоненія короля шведскаго отъ протестантства. Еще до отъѣзда Шверигина, пятнадцатаго марта, папа написалъ грамоты къ Баторію, Іоанну Грешому, къ обоимъ царевичамъ и къ царю.

Старчевскій, «Historiae Ruthenicae Scriptorum». II, стр. 339—342.

Папа извѣщалъ Баторія только о посылкѣ Поссевина, въ слѣдствіе желанія Іоанна Грознаго; царю же говорилъ о многомъ, и болѣе всего о томъ, что церковь Христова одна, и что пастырь стада Христова — самъ онъ, Григорій Тринадцатый, что онъ желаетъ соединенія Русскихъ съ другими народами, признающими его верховнымъ пастыремъ. Въ день отъѣзда Поссевина, ему выдана папой тайная инструкция, какъ долженъ онъ дѣйствовать съ царемъ и съ Баторіемъ.

Monumenta, ССХII. Тайная инструкция А. Поссевину, 27 Марта, 1581. стр. 299.

Поссевинъ долженъ былъ при проѣздѣ черезъ Венецію трактовать тамъ о торговлѣ Венеціанъ съ Русью, сношеній которой очень хотѣлось папѣ, видѣвшему въ этомъ благо для религіи и выгоды общественныя. Съ эрцгерцогомъ Карломъ онъ долженъ былъ поговорить о дѣлахъ «еретиковъ» шведскихъ; эрцгерцогинѣ отвезти благословенную розу и просьбу о принятіи ею участія въ «еретическихъ дѣлахъ» въ пользу церкви; императору объявить о порученномъ ему дѣлѣ, по отношеніямъ польскаго короля съ московскимъ государемъ, и поговорить о дѣлахъ еретическихъ. Стефана Баторія вразумить о цѣли посольства въ Москву, внушить ему, чтобъ онъ заставилъ московскаго государя смотрѣть на ожидаемый миръ съ собою, какъ на слѣдствіе участія папы, чтобъ этимъ помочь въ дѣлѣ религіи. При этомъ замѣчено, что хорошо было бы, чтобы мысль объ участіи папы была передана Іоанну письменно, и передана даже и въ томъ случаѣ, когда бъ Поссевинъ не успѣлъ явиться до заключенія мира. Государю московскому Поссевинъ долженъ былъ выразить почтительно, какъ слѣдуетъ сильному государю, что папа съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе объ участіи въ его дѣлѣ съ королемъ польскимъ и соединеніи съ другими государями христіанскими противъ общихъ враговъ, Турковъ. Нужно было восхвалять силу, мужество, воинскій духъ Іоанна, чтобъ

этой лестью помочь сближенію съ нимъ для пользы религіи. Нужно было объяснить, что папа въ дѣлѣ примиренія его съ королемъ польскимъ, воспользуется всею своею силою, и надѣется на успѣхъ, а черезъ это и на соединеніе всѣхъ государей. Если же миръ былъ уже заключенъ до пріѣзда Поссевина, то Поссевинъ тѣмъ болѣе долженъ былъ стараться понравиться Іоанну и показать значеніе папы. Положивъ это основаніе (*dopo che V. R. avra gettato questo fondamento*), можно будетъ строить выше (*potra poi andare sopraedificando*), то есть заговаривать о религіи, сначала о соединеніи государей христіанскихъ противъ Турковъ, а потомъ о святомъ союзѣ духа въ лонѣ одной Церкви, подъ властью одного пастыря, и такъ далѣе, ругать Грековъ, ихъ обряды. Поссевинъ обязанъ былъ сблизиться съ русскимъ духовенствомъ, разузнавать обычаи и вѣрованія русскія, силу военную. Въ случаяхъ нужныхъ относиться въ Римъ за объясненіями; по отъѣздѣ изъ Москвы оставить тамъ одного изъ товарищей для продолженія дѣла, выхлопотать позволеніе на построеніе церкви подъ предлогомъ связей съ Венеціанами, съ Римомъ и съ другими западными державами, потому де, что ни кто не захочетъ долго оставаться въ землѣ, гдѣ не можетъ безопасно и покойно исполнять обрядовъ своей религіи. Позволено было Поссевину стараться и о примиреніи царя съ королемъ шведскимъ, но такъ, чтобы не подать поводу, что это дѣлается изъ желанія повиноваться и угождать королю шведскому.

Баторій узналъ о переговорахъ Царя съ папой и о посольствѣ Поссевина черезъ мѣсяць послѣ этого, извѣщенный польскимъ нунціемъ Калигари.

Monumenta. ССХІІІ. Письмо нунція І. А. Калигари къ королю польскому изъ Варшавы 29 апрѣля 1581, страница 305—307.

При посредствѣ этого же нунція испрошена у Стефана Баторія пропускная грамота Поссевину, а вмѣстѣ съ нимъ и Шевригину для проѣзда черезъ Польшу.

Monumenta. ССХІV. Письмо Калигари къ кардиналу Комскому.

изъ Острова отъ 9 мая 1581, съ уведомленіемъ объ испрошеніи паспорта, страница 307.

Monumenta. ССХVII. Письмо Каллигари къ кардиналу Конскому, 20 мая, страница 310.

Monumenta. ССХV. Отвѣтное письмо Стефана Баторія къ Каллигари изъ Вильны, 12 мая, съ выраженіемъ готовности дать Поссевиу паспортъ, страница 308.

Monumenta. ССХVI. Пропускная грамота Поссевиу вмѣстѣ съ посланникомъ русскимъ, 12 мая, страница 309.

Поссевинъ пріѣхалъ изъ Вратислави черезъ Польшу къ Вильну, свидѣлся тутъ съ Баторіемъ, и былъ имъ облаканъ. Но не столько обрадовали его ласки короля, сколько то, что его примиреніе съ царемъ Іоанномъ, не только не было близко, а напротивъ встрѣчало все большія затрудненія: ему представлялся случай поострить и выказать въ полномъ блескѣ лезвее своихъ дарованій, если можно еще болѣе запутать дѣло, держа въ своихъ рукахъ вязи узловъ, и потомъ выпустить ихъ распутанными къ чести своей и въ пользу папы. Впрочемъ дѣло было и безъ него довольно запутано.

Monumenta. ССХVII и ССХXI. Письмо вунція Каллигари къ кардиналу комскому, 20 мая—22 іюня, страница 310 и слѣд. 318.

Царь продолжалъ домогаться мира, высылалъ пословъ своихъ въ Польшу, писалъ къ королю мирныя грамоты, упрекалъ его въ напрасномъ пролитіи христіанской крови; увѣрялъ его, что не видитъ препятствій къ заключенію мира или перемирія съ своей стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ упорно держался своихъ выгодъ въ мирныхъ условіяхъ, хотѣлъ остаться почти въ такомъ же положеніи какъ былъ послѣ успѣховъ своихъ войскъ въ Ливоніи, до начатія войны съ Баторіемъ, не выдавалъ своимъ посланцъ полномочія, надѣялся помочь дѣлу замедленіемъ, возбуждая имъ неудовольствіе пановъ противъ Баторія; слѣдилъ за ходомъ инѣннїи и дѣлъ въ Польшѣ, старался направлять ихъ въ свою пользу. Стефанъ Баторій былъ не прочь отъ мира, но гордливый до мелочи въ сохраненіи своей рыцарской славы, могъ себѣ позволить согласиться только на такой миръ,

который могъ бы ее поддержать и упрочить; желалъ бы прекратить войну по крайней мѣрѣ на время, чтобы поправить свои дѣла, ведя войну большею частью войсками чуждыми и на деньги, выпрошенные у паповъ; но и думать не смѣлъ о мирѣ, который бы могъ хоть сколько-нибудь унизить его передъ панами и сосѣдними державами, хитрилъ съ царемъ и его послами, такъ какъ и со своими вельможами, но не съ тѣмъ, чтобы дешево продавать свое униженье и двоесловіе; двоесловилъ передъ русскими послами, принималъ ихъ передъ своими панами «будто сиротъ какихъ незнаемыхъ», какъ выражался Іоаннъ, оскорбленный этимъ; говорилъ, что желаетъ мира, но требовалъ всей Ливоніи, часть русскаго края и 400,000 червонцевъ за военный «выходъ» или «подъемъ». Сохраняя свое рыцарское достоинство, Баторій написалъ Іоанну грамоту, въ началѣ іюня, въ которой предлагалъ ему выслать посламъ своимъ полномочіе для заключенія мира, и назначалъ срокъ окончательному переговору. Царь не замедлилъ отвѣтомъ.

Supplementum. III. Грамота царя Іоанна королю Стефану Баторію, 29 іюня, страница 2—6. Срав. въ книгѣ посольской Метрики великаго князя литовскаго, лѣ 68, страница 140. Очень замѣчательна разниця между этими двумя списками одного акта: Русскому списку, вѣроятно, надо довѣрять болѣе.

Monumenta. CCXXIV. Письмо нунція Калигарі къ кардиналу объ этой грамотѣ, 1 августа, страница 321.

Не отвѣтъ этотъ былъ не таковъ, чтобы ему могъ порадоваться Стефанъ Баторій: Іоаннъ упорно держался своихъ правъ на Ливонію, доказывалъ неправоту домогательствъ на нее Польши, упрекалъ Баторія въ любви къ кровопролитію, въ хитростяхъ и обманахъ. Поссевинъ пожималъ плечами, слушая рассказы объ этой грамотѣ, послалъ ей сокращеніе павъ, увѣрялъ паповъ польскихъ, что съ помощью папы и его личнаго вмѣшательства, дѣло можно уладить чудесно, лавировалъ между подводными камнями ихъ характеровъ и убѣжденій, радъ былъ спѣшить въ Москву, и написалъ къ царю

письмо, прося у него «опасной» грамоты на провѣдъ для себя и для одиннадцати своихъ товарищей.

Письмо А. Поссевина къ царю Иоанну, 9 июля 1581, у Старчевскаго, страница 342.

А между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались за одно съ переговорами пословъ.

Monumenta. ССХVIII. Письмо вувція Боловѣтта къ вице-канцлеру, 15 июля, страница 315.

Monumenta. ССХIX. Письмо Стефана къ вувцію, 19 июля, страница 316.

Monumenta. ССХХ. Письмо Ресерендарія къ вувцію, 20 июля, страница 317.

Monumenta. ССХХII. Письмо вувція Калигаря къ кардиналу Комскому, 27 июля, страница 319.

Monumenta. ССХХIII. Письмо вувція Боловѣтта къ кардиналу, 27 июля, страница 320.

Стефанъ, полагая нужнымъ осадить Новгородъ или Псковъ, двигалъ свои войска по тому направленію, ждалъ однако грамоты царя; получилъ ее (25 июля) и недолго думавши отвѣчалъ ему изъ Заволочья такой огромной книгой, которую написать и переписать, конечно, нельзя было безъ усилія для головы и рукъ, въ ту одну недѣлю, послѣ которой (2 августа) она была отправлена къ царю: двѣсти писанныхъ страницъ ея едва умѣстились на пятидесяти шести большихъ столбцахъ печати.

Monumenta. ССХХV. Грамота Стефана Баторія царю Иоанну, отъ 2 августа, страница 323—350.

На каждый упрекъ Царя отвѣчено десятью, за каждый текстъ изъ священнаго писанія, внесенный въ грамоту Иоанномъ отплачено цѣлыми десятками страницъ текстовъ. Баторій готовъ былъ выйти съ царемъ на поединокъ и предложилъ ему выбрать мѣсто и время: *«arma suma, atque equum ascende, conveni atque utrique nostrum de certo etiam loco ita congregiendi tempore, et ostende quis vir sis, et quantopere justitiæ causæ tuæ confidas, duo nos ferro decernamus, hoc modo minus christiani sanguinis effundetur: quam conditionem si accipis, fac nos certiores, nos enim tecum promptissime manum conseremus»*:—«Узсядь на коня своего, а по-

разумѣмъ мы ся межъ собою о часѣхъ и мѣстцѣхъ. Тамъ покажися духомъ. Сами собою учинимъ два, такъ меньше крови христьянскія будетъ пролито. Если до того дашься привезти ознаймуи намъ, бо мы съ тобою ради вчинимъ». Трудно было надѣяться Стефану, чтобы царь, «отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ своихъ земель по Божью наволенью а не но многомятежному челоувѣчества хотѣнью» ему «пришлецу» отвѣчалъ на этотъ трансильванскій вызовъ согласіемъ; да и ждать было долго. Приближалась осень; до зимы надо было сдѣлать что-нибудь рѣшительное: Стефанъ взялъ Красный-Городъ и Островъ, похвалился этимъ, и подвигаясь далѣе въ твердомъ намѣреніи приступить ко Пскову, надѣясь вслѣдъ за взятіемъ Пскова овладѣть и всей Ливоніей.

Monumenta. ССХХVI. Письмо Стефана къ вице-канцлеру, 14 августа. стр. 351.

Monumenta ССХХVII. Письмо Калигаря къ кардиналу. 15 августа. стр. 353.

Monumenta. ССХХVIII. Письмо патера Латерны къ ректору виленаго университета. 21 августа стр. 354.

Іоаннъ зналъ намѣреніе Баторія и ввѣрилъ защиту Пскова надежнымъ воеводамъ, князю Ивану Шуйскому, князю Василию Шуйскому-Скопину, князю Андрею Хворостинину, Осипу Плещееву, Бахтеярову, Лобанову-Ростовскому; далъ имъ наказъ какъ вести дѣло; и взялъ съ нихъ присягу, что не сдадутъ города прежде своей смерти. Воеводы взяли такую же клятву съ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и горожанъ псковскихъ. Войска Русскаго въ полѣ было много, хотя и не триста-тысячъ, какъ могло показаться издали; но войска отчасти утомленнаго, отчасти худо вооруженнаго, вызваннаго къ битвамъ на скоро, притомъ разбитаго на части для охраненія земли отъ враговъ со всѣхъ сторонъ, и безъ вождя, который бы умѣлъ искусно пользоваться обстоятельствами. Лучшее войско и лучшіе воеводы были въ Псковѣ: тамъ считали до 40,000. Нельзя было оставить безъ сильной защиты и Новгорода, которому одинаково угрожали и Баторій и Шведы. Нельзя было также не обезпечить ни границы Ливонской, откуда были безпрестанныя набѣги, ни дорогъ

на югъ, откуда ожидали Хаана. Остальное было подъ Ржевицею и въ Волокъ какъ запасное. Иоаннъ выѣхалъ самъ къ войску изъ Александровской Слободы, со всѣмъ дворомъ, и остановился въ Старицѣ, неподалеку отъ Ржева.

И въ тотъ же день, 18 августа, какъ войска Батерія увидѣли бѣлокаменные стѣны Пскова, и честной навѣрь іезуитъ Антоній Поссевинъ увидѣлъ свѣтлое лице русскаго Царя. На писемъ Поссевина, въ которомъ просилъ онъ опасной грамоты, царь отвѣчалъ такимъ привѣтомъ, который не могъ не взумить, не порадовать, не потѣшить самолюбія патера. Царь велѣлъ его встрѣтить у самой границы. Изъ Смоленска посланъ къ нему на встрѣчу добрый смѣль боярскій съ десятию провожатыми и вмѣстѣ съ приставомъ выборный голова изъ дворянъ, съ сотней дѣтей боярскихъ, съ тѣмъ, чтобы ему на пути «было честно и покойно въ ту версту, какъ литовскіе большіе посламъ.» На Лубну долженъ былъ выѣхать къ нему изъ Смоленска воевода Морозовъ съ шестію или семью ѣтами дворянъ и дѣтей боярскихъ, «людно, конно и нарядно», и пропустить его, идти въ слѣдъ за нимъ съ полкомъ неподалеку, «а въ кое время смоленскимъ посадомъ пойдетъ, и въ то время около посаду и по посаду было бѣ добрѣ людно». Приказано было давать Поссевину и то, чего онъ «сверхъ рядовъ» попроситъ; а въ Смоленскѣ взять у владыки и у дьяковъ великихъ покровъ бѣлыхъ и красныхъ, вишневаго, малиноваго, боярскаго, на случай если онъ пожелаетъ: Царю, вѣрво, повѣстна была очень естественная любовь патера хорошо вѣсть и поить. И Поссевину показалось, что на Руси не оказывали до него такихъ почестей никому, никакимъ королевскимъ посланцъ, ни императорскимъ. Черезъ два дни, давши честному патеру на отдохновение отъ пути, онъ съ четырьмя братьями своего ордена былъ представленъ царю. Удивило ихъ великолѣпіе двора, множество царедворцевъ, блескъ драгоценныхъ камней и металловъ, порадокъ, тишина, звнкетъ и величавая важность царя, гордаго, грознаго и вмѣстѣ привѣтливаго, передъ котораго восприницающими глазами совѣстно было не потупить іезуитамъ свои лука-

вые глаза, увлажненные чувством удовлетвореннаго самолюбія. Царь и старшій царевичъ встали при имени папы—дасково привяли дары мапскіе, крестъ, четки и книгу о флорентинскомъ соборѣ, со вниманіемъ разсматривали ихъ, и дасково отпустили въ надеждѣ увидѣть за брашнымъ столомъ, который приготавлился для іезуитовъ вмѣстѣ съ самыми почетными изъ царедворцевъ, и приготовленъ былъ такъ на славу, что молва объ этомъ почетномъ ихъ столованіи во дворцѣ «Московиты» разнеслась по всему латинскому поддунью. Поссевинъ объявилъ на словахъ, думнымъ дворянамъ и дьяку Щелкалову, что исполняя волю папы, онъ готовъ отдать всю душу свою за царя ихъ, что склонилъ уже короля Баторія не требовать денегъ за убытки войны, что Баторій согласился довольствоваться одной Ливоніей по всею, что царь, заключивъ миръ съ королями польскимъ и шведскимъ, облегчилъ себѣ этимъ вступленіе въ союзъ съ Римомъ, съ императоромъ германскимъ, съ королемъ испанскимъ и французскимъ, съ Венеціей, и съ другими державами европейскими, противъ общихъ враговъ Оттомановъ; что господинъ его папа даетъ отъ себя 50,000 войска, а по надобности и болѣе, для этого христіанскаго ополченія. Всячески старался Поссевинъ передать царю мысль о необходимости соединиться христіанской Руси съ христіанствомъ западной Европы, въ одно цѣлое. Не забылъ онъ просить и о венеціянскихъ купцахъ, о дозволеніи имъ свободно торговать въ Россіи и строить церкви. Царь отвѣчалъ дасково, однако же съ твердостью, благодарилъ папу за доброжелательство, хвалилъ мысль объ ополченіи противъ Турковъ, не отвергалъ мира съ Швеціей, но прежде хотѣлъ мира съ Баторіемъ, и поручая это дѣло Поссевину, объявилъ ему, что согласенъ уступить Баторію 66 городовъ ливонскихъ, и сверхъ того Ведикіе-Луки, съ окрестными городами, но не болѣе. Принялъ отъ Поссевина записку о торговлѣ венеціанской, согласился дать Венеціанцамъ право торговать въ Россіи, изъявилъ желаніе принять ихъ пословъ, выдалъ для нихъ опасную грамоту, позволяя имъ имѣть съ собою латинскихъ овященниковъ и молился по своему

обряду, но церковей латинскихъ, прибавилъ онъ, у насъ не было и не будетъ.

Supplementum XII. Записка Поссевина Царю объ учрежденіи сношеній съ Венеціей, стр. 41—42.

Supplementum VI. Записка Поссевина папѣ о готовности царя заключить торговый союзъ съ Венеціанами и его ожиданіе послать отъ нихъ, стр. 7.

Supplementum, VII. Выписка изъ царской опасной грамоты къ папѣ и купцовъ венеціянскихъ, стр. 8.

О приѣздѣ Поссевина царь увѣдомилъ папу дружескимъ письмомъ, жаловался ему между прочимъ на нежеланіе Баторія заключить съ нимъ миръ, а черезъ царевича извѣщалъ папу, что онъ не прочь отъ союза съ нимъ и съ императоромъ; что желаетъ быть съ ними въ дружбѣ и помогать имъ противъ язычниковъ (*contra ethnicos*). О томъ же писалъ царь и къ Рудольфу, благодаря за грамоту, присланную черезъ Поссевина, и сверхъ-того просилъ его дозволить изъ своей имперіи въ Россію привозъ оружія и пороку.

Supplementum IV и V. Выписка изъ писемъ къ папѣ царя и царевича, отъ сентября 1581, стр. 6—7.

Supplementum XIII. Грамота царя императору Рудольфу, 10 сентября, стр. 43—44.

Поссевинъ умѣлъ пользоваться ласками царя и приобрѣталъ все большее къ себѣ довѣріе; а между тѣмъ изучалъ Русь, ея положеніе въ отношеніи къ вѣроисповѣданію, и въ это время написалъ свой знаменитый первый комментарий о религіи московской, разбиралъ въ немъ ея исторію, трудности сближенія Русскихъ съ Римскою Церковью, не отвергалъ однако возможности его и представлялъ средства удобныя, по его мнѣнію, для достиженія этой цѣли.

Supplementum X и XI. Введеніе въ комментарий и самый комментарий, стр. 275 и слѣдующія. Сравнить у Старчевскаго, стр. 275—286. Любопытно введеніе, не бывшее до-сихъ-поръ извѣстнымъ: въ немъ Поссевинъ обозначаетъ источники, изъ которыхъ почерпалъ онъ свѣдѣнія о Россіи.

Онъ пробылъ у царя до четырнадцатаго сентября, перелъ отъѣздомъ поручилъ продолженіе начатыхъ связей съ ца-

ремъ, боярами и духовенствомъ, одному изъ товарищей своихъ, патеру Стефану Дреноцкому, и далъ ему для этого особенный наказъ, любопытный не менѣе комментарія, какъ рисунокъ понятій о поведеніи іезуита для того, чтобы дѣйствовать въ пользу уни.

Supplementum IX. Наказъ Поссевина патеру Дреноцкому, стр. 9—19.

Поссевинъ засталъ Баторія среди огней военныхъ. Онъ зналъ о ходѣ дѣлъ Баторія еще въ Старицѣ, и по вѣстьямъ, приходившимъ къ царю, и по тому набѣгу войска Баторія на Старицу, когда и онъ вмѣстѣ съ царемъ долженъ былъ бѣжать отъ грабежа и пожара.

Monumenta ССХІХ. Письмо кастеляна троцкаго изъ лагера подъ Псковомъ, 7 сентября 1581, стр. 356.

Говорили уже, что Псковъ, окруженный врагами сдается, что Псковъ сдался Баторію; но только говорили, а самъ Баторій и его осадники знали и говорили не то.

Было осьмнадцатое августа, когда — какъ говорить нашъ старый лѣтописецъ-витія, оставившій на память о себѣ длинную «Повѣсть о прихоженіи литовскаго короля Стефана съ великимъ и гордымъ вопиствомъ на великій и славный и богоспасаемый градъ Псковъ» и прочее *, — войска Баторія какъ черный дымъ понеслися съ полудня на бѣлокаменныя твердыя стѣны Пскова, которыхъ бѣлизну не смогла бы очернить и вся земля литовская. Вѣсть о ихъ приближеніи подали Пскову царскіе и боярскіе дѣти, стоявшіе сторожевой заставой на рѣкѣ Черехѣ. Завидя враговъ, они спѣшили увѣдомить воеводъ. Въ Псковѣ ударили въ осадный колоколь, призывая народъ посадскій изъ-за рѣки Великой въ стѣны города; зажгли посадъ, чтобъ онъ не былъ убѣжищемъ непріятелю, этимъ пламенемъ пожара привѣтствуя его, по давнему русскому обычаю, повторившемуся не разъ и въ новое время, и вооружили стѣны. Недѣля прошла, пока Баторій собралъ всѣ свои войска къ Пскову: съ нимъ было ихъ до ста тысячъ, своихъ и наемныхъ, пан-

* Повѣсть эта напечатана въ собраніяхъ московскаго общества древностей, 1847 года, М 7.

скихъ и нѣмецкихъ и турецкихъ. Другія войска вытягивались между тѣмъ на русскія земли изъ-за границы литовской. Августа двадцать-шестого ставъ Баторіи ставилъ станы вокругъ города подъ громомъ нашихъ пушекъ; въ продолженіи пяти дней укрѣплялъ станъ по берегу Великой; а перваго сентября дванадцать отъ своихъ становъ и по большой смоленской дорогѣ «копать борозды» (вести траншеи) къ великимъ воротамъ, къ свиновскимъ и къ покровскимъ. Въ три дни выкопали пять бороздъ продольныхъ и семь поперечныхъ, болѣе тѣмъ съ тысячею «избушекъ» для житья и сходбищъ солдатъ, и прикрывая подкопы валами; подкопались такъ близко къ городу, что отъ стѣны городской до ихъ подкопа было пространства не болѣе какъ въ одну ширину обыкновеннаго городского рва. Ночью перваго сентября подкатили въ трехъ мѣстахъ туры, обсыпали землю, а нѣкаго приволокли и поставили въ нихъ «нарядъ». Русскіе, сколько могли мѣшали непріятелю, били его, тревожили вылазками; но дѣло продолжалось успѣшно и быстро. Въ угрожаемомъ мѣстѣ они заложили новыя, внутреннія укрѣпленія, деревянную стѣну съ раскатами; вѣдать ихъ поручено Хворостинину съ лучшими дѣтьми боярскими и стрѣльцами. Сентября 7 непріатели начали наконецъ бить изъ наряда на городъ. Стѣны не выстояли; двадцать четыре сажени стѣны разбито до земли; а проломъ въ стѣнѣ тянулся на шестьдесятъ девять сажень. Пируя послѣ этого у короля въ обозѣ за обѣдомъ, начальники его войска, обѣщали ему поужинать у него вечеромъ въ псковской крѣпости; но обѣдали долго, и возобновили осаду уже на другой день. Густыми толпами они направились къ пролому. Русскіе, завидѣвъ ихъ, зазвонили въ осадный колоколъ, помолились Богу въ Троицкомъ соборѣ, простились съ женами и дѣтьми и отправились на проломъ «умирать другъ съ другомъ за Псковъ городъ, за дома свои, за женъ и дѣтей.» Въ осьмомъ часу дня, «будто сильная вода зашумѣла, будто громъ загрохоталъ, ударили враги на проломное мѣсто, на городскую стѣну, покрываясь какъ кровлею ручницами и копьями и щитами. Русскіе, развѣявъ на стѣнѣ свое цар-

ское знамя, бросились на нихъ, не подпуская на стѣну; но не могли удержать напора: нѣкоторые успѣли влѣзть на стѣны и развить свои знамена на башняхъ Свиновской и Покровской. Какъ не радоваться было Ваторію, глядя на эту удачу своихъ—съ церкви св. Никиты въ полуверстѣ отъ города. Но этимъ дѣломъ не кончилось. Не смотря на жаръ дымъ и огонь вражескихъ пушекъ и пищалей, Русскіе стояли крѣпко, и во прежнемъ метали на враговъ ядра, пули, стрѣлы, камни; между тѣмъ какъ отъ собора, изъ улицъ, изъ домовъ, раздавались вопли женъ и дѣтей, молящихся и теряющихъ надежду на спасеніе. Съ похвальскаго раската изъ великой пищали Барсы ударили по Свиновской башнѣ, занятой неприятелемъ, не погрѣшили; а кто изъ бывшихъ въ ней не палъ отъ Барсы, тотъ палъ вмѣстѣ съ башней, подорванной «зельемъ», по повелѣнію бояръ и воеводъ.—«Въ городѣ мои дворяне? спросилъ король». — «Подъ городомъ отвѣчали ему». — «За стѣною ли городской, по городу ходятъ, русскую силу избиваютъ?»—«Въ Свиновской башнѣ убиты, сожжены лежатъ». — И отъ этихъ отвѣтовъ король чуть не упалъ на острие своего меча, чуть сердце его не надорвалось отъ злости. Онъ послалъ подмогу къ занятой его людьми Покровской башнѣ, наказывая взять Псковъ во чтобы то ни стало... Русскіе ослабѣвали. Но три мюка—келарь Арсеій Хвостовъ, казначей Леонъ Наумовъ и врумель Маргарій, личною храбростію одушевили ихъ, шепчутъ: «не бойтесь, станемъ крѣпко, умремъ вмѣстѣ за вѣру Христову, за православнаго царя, но не продадимъ господина нашего города Пскова Степану». Между тѣмъ вынесены были къ стѣнамъ изъ собора святыни: изнемогавшіе утвердили сердца свои крѣпче адаманта, стали биться упорнѣе прежняго, бились отчаянно до вечера, и наконецъ прѣгнали враговъ сначала отъ пролома, потомъ изъ Покровской башни, гнались за врагами пока они не скрылись въ своихъ укрѣпленіяхъ, и неуспѣвшихъ скрыться кого положили на мѣстѣ, кого взяли въ плѣнъ. Ободренные, они вторглись даже за осадныя укрѣпленія. Завидя успѣхъ своихъ, вышли и жены на вражескій «парядъ», кто съ оружіемъ, кто съ камнемъ, кто съ веревкой, кто съ водой для из-

немогавшихъ отъ жажды. Была уже ночь когда съ множествомъ плѣнныхъ и съ богатой добычей подъ громъ набата и трубъ, воротились Русскіе въ городъ молиться Богу за за одолѣнье «поганой Литвы». Слишкомъ осьми сотъ шестидесяти своихъ не досчиталсь они между живыми; а раненныхъ лежало болѣе шести тысячъ. Короля смутила неудача. Онъ и его воеводы до сихъ поръ говорили и писали только объ удачахъ своихъ; хвалили силу укрѣпленій и храбрость защитниковъ Пскова, жаловались на трудности осады, но были полны надежды превозмочь всѣ препятствія и не скрывали своихъ похвалъ. Теперь надобно было думать, говорить и писать иначе: правда не могла укрыться; оставалось только оправдывать себя, еще болѣе хвалить Псковъ и псковскихъ осажденныхъ, и льстить надеждою на лучший успѣхъ въ будущемъ.

Supplementum. X. Письмо Баторія къ папѣ изъ лагеря подъ Псковомъ. 13 Сентября стр. 8-9. Тоже письмо въ Monumenta названо письмомъ къ вице-канцлеру. ССXXX. стр. 357. Въ немъ описаніе Пскова.

Monumenta. ССXXXI. Письмо нунція Болоньетти къ Кардиналу Комскому, изъ Варшавы 15 Сентября. стр. 358.

Monumenta. ССXXXII. Письмо X. Дзѣржка къ гошнейстеру польской королевы изъ Вильны, 22 Сентября стр. 358. Въ немъ описаніе дѣла 8-го Сентября.

Monumenta. ССXXXIII. Письмо нунція Болоньетти къ Кардиналу. 25 Сентября стр. 360. Въ немъ описаніе Пскова.

Monumenta. ССXXXVIII. Письмо Каллигари къ кардиналу, Ноября 11-го стр. 366.

Псковитянамъ, хоть и побѣдителямъ, было не лучше чѣмъ ихъ врагамъ: защитниковъ стало меньше, а подмоги не было. Царь Іоаннъ не забывалъ о Псковѣ, посылалъ къ нему подмоги, но войско Баторія не подпускало къ Пскову никого; однихъ отгоняло, другихъ брало въ плѣнъ или оставляло на мѣстѣ. А между тѣмъ ни одного дня не проходило безъ нападенія; въ иныя сутки онѣ возобновлялись по два и по три раза днемъ и ночью. Русскіе успѣли однако достроить внутреннее укрѣпленіе, проломъ и башни защитили дубовымъ «чеснокомъ» и счастливо отражали нападавшихъ столько же

оружіемъ, сколько и зажженной смолой, кипяткомъ, сѣян-
ной известью, камнями, «кувшинами съ зельемъ». Стефанъ
писалъ къ воеводамъ русскимъ, уговаривая ихъ сдать:—
«Знайте, бояре и воеводы, что не за тѣмъ я пришелъ подъ
городъ вашъ Псковъ, чтобъ не взявши отойти отъ него:
сколько я ни взялъ городовъ въ прошедшіе два года, ни
отъ одного не отходилъ не взявши. Теперь же пишу вамъ,
жалѣя васъ: помилуйте сами себя и покоритесь. Отворите
городъ мнѣ безъ пролитія крови, и я васъ награжу такъ,
какъ ни одного изъ васъ не награждалъ вашъ государь, и
всѣхъ въ городѣ помилую. Если же не покоритесь, то мило-
сти не будетъ ни одному изъ осажденныхъ. Такія грамоты
прилетали въ Псковъ на стрѣлахъ, не одинъ разъ (объ одной
подобной писалъ и Боловѣтти къ кардиналу въ Римъ); но
отвѣтъ на нихъ былъ всегда одинъ и тотъ же: «Если Богъ
за насъ, ни кто противъ насъ; всѣ готовы умереть за вѣру и
царя, а Пскова живые не сдадимъ».

Стефанъ рѣшился взять городъ подкопомъ; но Русскіе
поймали «языка», одного и другаго, узнали отъ нихъ, что 16
Сентября начато рыть девять подкоповъ, узнали куда они
направлены, смекнули какъ поправиться, и стали копать
противъ нихъ «слухи». Сентября 23 слухи эти сошлись
съ подкопами и переняли нѣкоторые, а другіе рушились сами
собою.

Монументъ. ССXXXVII. Письмо Боловѣтти къ кардиналу, 3
ноября, при которомъ приложено другое письмо съ описаніемъ
подкоповъ и слуховъ. Стр. 365—366.

Нападенія на городъ продолжались и не удавались по пре-
жнему. Къ этимъ неудачамъ прибавилась еще новая: одинъ
изъ отрядовъ, посланныхъ Царемъ Іоанномъ на подмогу
Пскову, отрядъ стрѣльцовъ съ Мясоѣдовымъ прорвался
храбро въ городъ сквозь станъ войска Баторія. Къ тому же
приближалась зима; тощала казна Баторія, тощали надежды
на добрый конецъ; ждали его въ Варшаву... и ему чаще и
чаще западала мысль о примиреніи съ царемъ.

Не безъ радости, вѣрно, прочелъ Баторій письмо патера
Поссевиана, въ которомъ онъ писалъ королю, что ѣдетъ къ

нему, что уже близко, что Царя поручилъ ему отъ своего царскаго имени поклониться его величеству. Хотя Поссевинъ не дописалъ многого, но далъ ему понять, что есть хорошія надежды. Коротко но весело отвѣчалъ Баторій Поссевицу, высылая ему пропускную грамоту.

Письмо Поссевина къ Стефану Баторію, 26 сент. у Старчевскаго, стр. 343.

Письмо Стефана Баторія Поссевицу, 29 сент. у Старчевскаго, стр. 343.

Поссевинъ прибылъ въ лагерь къ Баторію. 15 октября проповѣдывалъ передъ его войскомъ, что Богъ знает, но, какъ самъ говорить, иначе чѣмъ другіе. Безъ намековъ о покорности Стефану, о терпѣніи въ предпринятомъ дѣлѣ, конечно, не обошлось. Для Баторія это было пока всего нужнѣе: неудачи, стужа и голодъ ослабили въ его войскѣ рѣшимость, породили ропотъ; надо было утѣшить недовольныхъ.

Monumenta. ССХХХVI. Письмо Поссевина къ Болоньетти, 16 окт. стр. 364.

Потомъ, надо было помочь Баторію и себѣ, въ отношеніи мира съ царемъ. Поссевинъ могъ сказать Баторію чистую правду, говоря что царь желаетъ мира; но Баторій не желалъ такого мира, какого желалъ царь.

Monumenta. ССХХХIX. Письмо Болоньетти къ кардиналу. 13 нояб. стр. 368.

Возможноже казалось Поссевицу поколебать волю Царя, чѣмъ волю Баторія, и въ слѣдствіе переговоровъ съ Баторіемъ Поссевинъ написалъ царю письмо....

Письмо Поссевина къ царю Іоанну, писанное въ октябрѣ, безъ означенія числа; у Старчевскаго, стр. 343 — 345.

Онъ увѣрялъ Іоанна, что первой его заботой по пріѣздѣ въ лагерь было хлопотать о склоненіи Баторія къ миру, къ отклоненію его отъ кровопролитія, что Баторій не совѣмъ прочь отъ этого, но удивляется, какъ не хочетъ царь уступить ему тѣ города ливонскіе, на которыхъ уступку соглашались царскіе послы въ Вильнѣ, и что ему, честному патеру, остается молить Бога. и, какъ совѣтуютъ ему король и наны его, послать какъ можно скорѣе къ царю одного изъ своихъ

людей съ откровеннымъ увѣдомленіемъ о положеніи дѣлъ. Это положеніе ни въ какомъ случаѣ не должно было быть представлено утѣшительнымъ для царя, и Поссевинъ писалъ: «Король непоколебимъ въ условіяхъ, прежде назначенныхъ; крѣпости, въ которыхъ царь ему отказывалъ, были уже въ рукахъ короля, что Пскову грозитъ бѣда неминуемая, другимъ областямъ русскимъ отъ силы королевской — тоже; у короля всего вдоволь, и храбрости въ войскѣ, и оружія, и пороху, и хлѣба, и тепла (хоть и платили за четверть ржи по десяти рублей серебромъ, за корову по двадцати пяти, а на дворѣ былъ октябрь), и силы воли и воли силъ воевать съ царемъ до тѣхъ поръ, пока не настоятъ на своемъ; а у царя вперед одно худое. Какъ было не одушевиться честному патеру чувствомъ состраданія къ царю, его царству и всему человѣчеству, тѣмъ болѣе, что средства поправить дѣло есть: король готовъ повиноваться всецѣльной волѣ папы и исполнить благостынные желанія этого миротворца христіанскихъ народовъ; патерь, просилъ именемъ своего господина, назначить отъ себя пословъ для послѣднихъ переговоровъ о мирѣ, просилъ именемъ того же господина своего о томъ же и царя, — и пусть только послы эти сойдутся, разсмотрятъ дѣло и съ помощью его, патера, рѣшатъ, — тогда все пойдетъ хорошо. А потому медлить нечего: скорѣе назначить пословъ и мѣсто собранія, — и вѣрить, что патерь все сдѣлаетъ, такъ какъ Царю лучше, о чемъ и господинъ его папа и самъ онъ патерь рады хлопотать отъ всей души. Два раза повторилъ Поссевинъ въ письмѣ своемъ о высылкѣ пословъ; два раза напоминалъ царю и о томъ, что у него, кромѣ Баторія есть и другой опасный врагъ, шведскій король, котораго войско идетъ все дальше въ глубь царства, и который овладѣлъ уже Нарвой, Иванъ-городомъ, Бѣлымъ-Камнемъ, и другими городами.

Успѣхи Шведовъ были въ самомъ дѣлѣ печальны для Іоанна, столько же какъ радостны для Баторія. Поговаривали даже, что Баторіи и король шведскій готовы заключить мирный договоръ между собою.

Monumenta. ССХХХІV и ССХХХV. Письма вѣстия Боловѣстѣ къ кардиналу, 9 окт. стр. 362 — 363.

Въ ожиданіи отвѣта царскаго, Баторій, сколько могъ, продолжалъ битися со Псковомъ, а такъ какъ Псковъ держался крѣпко, то войско Баторія жгло и грабило окрестности. Между прочимъ сдѣлано нападеніе на Печерскій монастырь, котораго слобожане вмѣстѣ съ стрѣльцами безпрестанно тревожили обозы Баторія. Къ монастырю сдѣланъ приступъ: часть стѣнъ разбита пушками, Нѣмцы полѣзли на стѣны; но лѣстницы подломились. Нѣмцы—одни погибли или взяты въ плѣнъ, другіе отступили. Приступъ съ новою подмогой повторился, и опять неудачно. Замоискій думалъ напугать монастырь приступомъ всего литовскаго войска, но іеромонахъ Тернуфій отвѣчалъ на это изъ окна башни, что осажденные скорѣе всѣ умрутъ, чѣмъ сладутъ монастырь. Въ другихъ мѣстахъ, повторялись для Баторія въ стычкахъ съ Русскими тѣ же неудачи, и нетерпѣливый король понукалъ Поссевина не ожидая царскаго отвѣта, писать къ нему другое письмо. Поссевинъ написалъ и другое.

Supplementum. XV. Письмо Поссевина къ царю Іоанну, 22 октяб. стр. 47. У Старчевскаго, стр. 348.

Онъ просилъ царя не медлить высылкой пословъ, и страшилъ его, и самъ рисовался озабоченнымъ возможностью возбудить сомнѣнія и къ царю и къ себѣ. Не забылъ между прочимъ объявить, что старается о примиреніи съ царемъ короля шведскаго. Къ королю шведскому, Поссевинъ въ самомъ дѣлѣ писалъ письмо, склоняя его на миръ съ царемъ; но это участіе въ царскомъ дѣлѣ было только предложомъ, изъ за котораго ясно выдавалась другая цѣль — миръ его съ папой и съ императоромъ. На него Поссевинъ не получилъ отвѣта или скрылъ его, не считая приличнымъ вложить въ портфель своей славы.

Supplementum. XIV. Письмо Поссевина къ королю шведскому: стр. 45. У Старчевскаго, стр. 345 — 347.

Царь между тѣмъ не медлилъ отвѣтомъ, не ожидая другаго письма и отвѣчалъ на первое тотчасъ по полученіи.

Supplementum. XVI. Письмо царя къ Поссевишу, 23 октября. стр. 49 — 50. У Старчевскаго, стр. 347 — 348.

Царь отвѣчалъ, что онъ всегда желалъ прекращенія войны, какъ объ этомъ и лично говорилъ Поссевишу; и посылаетъ своихъ уполномоченныхъ въ Запольскій ямъ, между Порковомъ и Заволныи; что велитъ своимъ войскамъ прекратить военныя дѣйствія съ тѣмъ, чтобы и Баторій снялъ осаду со Пскова, и хочетъ чтобъ во время мирныхъ переговоровъ не продолжались никакія военныя дѣйствія; что посылаетъ для Баторіевыхъ пословъ опасныя грамоты, съ тѣмъ, чтобъ и Баторій прислалъ такія же грамоты его посламъ; что ждетъ прихода его, Поссевина, вмѣстѣ съ этими послами для переговоровъ съ царскими послами, и надѣется на добрый миръ.

Царь вполне надѣялся на миръ и писалъ Баторію о томъ какъ устроить его; а Баторій все еще старался овладѣть Псковомъ и Печерскимъ монастыремъ, по попрежнему только неудачи склоняли его къ миру.

Monumenta. CCXXXVII. Письмо вунція Боловьетти къ кардиналу, 3 нояб. стр. 365.

Supplementum. XVII. Письмо Поссевина къ кардиналу, 9 нояб. стр. 51.

Но вотъ Болтинъ привезъ Баторію царское письмо съ условіями мира. Баторій былъ имъ доволенъ; морозы ноября, нужды войска и собственная нужда ѣхать въ Варшаву, заставили бы его быть довольнымъ и не такимъ письмомъ, и Баторію, будто изъ милости, снялъ осаду со Пскова, вывезъ пушки и туры изъ укрѣпленій, довольствовался только ожиданіемъ, что Псковитяне могутъ еще быть принуждены къ сдачѣ голодомъ,—и ласково, хотъ и сохраняя трансилванскую рыцарскую важность, написалъ царю отвѣтъ.

Supplementum. XVIII. Грамота Баторія къ царю. 14 ноября: стр. 51. У Старчевскаго, стр. 350.

Онъ писалъ, что согласенъ на миръ и на снятіе осады Пскова изъ желанія угодить папѣ (*ad intercessionem S. pastoris, romani pontificis id faciamus*), и высылаетъ своихъ павовъ въ Запольскій ямъ, а съ ними опасныя грамоты для

царскіхъ пословъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы и царскіе послы поспѣшили явиться въ назначенное мѣсто съ полномочіемъ и съ такими условіями, которыя бы могли быть исполнены.

Вслѣдъ за письмомъ Баторія пошло къ царю и письмо Поссевина о томъ же, вторичное письмо его къ королю шведскому, и увѣдомленіе въ Римъ о хорошемъ ходѣ дѣл.

Supplementum. XIX. Письмо Поссевина царю Іоанну, 16 ноября: стр. 53. Оно же въ Monumenta. ССХІ. стр. 369. У Старчевскаго, стр. 349.

Supplementum. XX. Письмо Поссевина къ кардиналу, 20 ноября: стр. 54.

Monumenta. ССХІІ. Письмо Болоньетти къ кардиналу, 22 ноября: стр. 370.

Monumenta. ССХІІІ. Письмо Фулинью къ Болоньетти, 26 ноября: стр. 371.

Supplementum. XXI. Письмо Поссевина кардиналу, 28 нояб. стр. 56.

Письма писались, Баторій объявлялъ, что хочетъ мира, Поссевинъ увѣрялъ царя въ томъ же и собирался ѣхать въ Запольскій лѣсъ; а въ то же самое время войска Баторія, облекая Псковъ, нападая на русскіе отряды, шли новымъ приступомъ подъ Печерскій монастырь,

Наконецъ Поссевинъ, въ концѣ ноября, выѣхалъ по пути къ мѣсту сбора пословъ. Увѣдомляя объ этомъ Римъ, онъ извѣстилъ и нѣкоторыхъ изъ пановъ польскихихъ, и царя. Всѣхъ увѣрялъ, что не жалѣеть силъ, чтобы устроить дѣло, всѣхъ заставлялъ довѣрять себѣ, всѣхъ льстилъ надеждою, что онъ все устроитъ какъ нельзя лучше, обладая такимъ могучимъ рычагомъ, каково участіе папы — и былъ факторомъ полезнымъ: дѣла сами собою шли къ концу, терпѣніе нетерпѣливыхъ сходилось съ ожиданіемъ терпѣливыхъ; зима, неудачи, хлопоты по другимъ дѣламъ обуздывали характеры; патерь слѣдилъ за всѣмъ, говорилъ и писалъ много, — и какъ же было не думать, что не будь патера, не было бы ничего. Поссевинъ умѣлъ пользоваться своимъ безопаснымъ положеніемъ какъ нельзя лучше: ничего не проигрывая, онъ только выигрывалъ; молчалъ, гдѣ нельзя было говорить, хвалилъ, гдѣ нельзя было бранить, просилъ,

гдѣ нельзя было требовать; не вредя себѣ пользовался слабостями человѣческой природы; ни въ чемъ не нуждался, — и дѣло, столь близкое сердцу папы, двигалось впередъ.... Какъ двигалось?..

Письмо Поссевина къ Замоискому, 5 декабря. У Старчевскаго стр. 350.

Supplementum. XXII. Письмо Поссевина къ Царю, 7 декабря: стр. 57. У Старчевскаго, стр. 351.

Supplementum. XXIII. Письмо Поссевина къ Баторію, 11 декабря: стр. 59. У Старчевскаго стр. 352.

Письмо Поссевина къ посламъ Польскимъ, 11 декабря. У Старчевскаго, стр. 354.

Supplementum. XXV. Письмо Поссевина къ Баторію, 11 дек. У Старчевскаго, стр. 355.

Supplementum. XXIV. Письма Поссевина къ кардиналу, 12 дек. стр. 61.

Посылая письма свои къ статсъ-секретарю папы, кардиналу Комскому, Поссевинъ не усумнился сказать, что они заключаютъ въ себѣ весь ходъ этого дѣла — *tutto l'indirizzo et maneggio di questo negozio*. И въ самомъ дѣлѣ изъ нихъ видно стараніе и вмѣстѣ умѣніе Поссевина приобретать къ себѣ довѣренность и пользоваться ею такъ, какъ могли желать люди, у которыхъ онъ находилъ ее. Ему ли было не замѣтить буйную непреклонность и самолюбіе въ характерѣ Баторія и его магнатовъ, съ которыми онъ дѣйствовалъ осторожно, льстилъ имъ, потакалъ. Въ Іоаннѣ видѣлъ онъ горячность, выходившую изъ мѣры, самостоятельность государя, сознающаго права свои, гордость рода и положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ мягкость сердца, болѣзненность тѣла, благочестіе души, желаніе довѣрять, не погашенное долгими годами испытаній, и старался овладѣть имъ совершенно, такъ, чтобы получить отъ него право дѣйствовать за него безотчетно, но не принимая на себя никакой отвѣтственности, позволялъ себѣ и обманывать его, лишь бы не возбудить сомнѣній, и силой хитросплетеній успѣлъ заставлять его соглашаться съ собою, вѣрить себѣ. Довѣряя Поссевину, Іоаннъ поручилъ ему дѣло заключенія мира съ Баторіемъ вполнѣ; послы должны были бы во всякомъ случаѣ при-

говорить то, что сказалъ прежде ихъ Поссевинъ, а не приговорили бы этого, Поссевинъ поставилъ бы все-таки на своемъ, и оболгалъ бы ихъ предъ Иоанномъ такъ, что всякое оправданіе ихъ могло остаться бесполезнымъ: это понималъ Поссевинъ, и только старался предупредить царя, чего тотъ долженъ ожидать. Такъ и въ письмѣ своемъ седьмого декабря, онъ писалъ Иоанну, что въ потѣ лица трудится въ пользу его, надѣется успѣть и страшится, потому-что Стефанъ Баторій готовъ по завладѣніи Псковомъ, повернуть и на Новгородъ и далѣе, между-тѣмъ, какъ Шведы грозятъ съ другой стороны. И что будетъ, если это случится. Храмы будутъ разрушены или обращены въ хлѣва, святые образа сожжены; трупы людей и дѣтей лежатъ грудями и попираются; дѣвицы растлѣны; пожары широко разстилаютъ свое зарево; края опустошены, безъ паствъ и пахарей. Надо уступить королю Баторію. Поводъ къ продолженію войны будетъ всегда, если Ливонія не останется въ рукахъ одного государя: надо отдать ее Баторію, если нельзя будетъ обойтись безъ этого; а обойтись будетъ трудно, невозможно. Да это и справедливо. Притомъ же надобно положить конецъ кровопролитію, вовсе не христіанскому, и такъ далѣе. Разными путями дошелъ онъ наконецъ до заключенія, что Иоаннъ долженъ, не жалѣя Ливоніи, безусловно предаться его мудрости; и каковъ бы ни былъ конецъ переговоровъ, между послами, не отказать ему по возвращеніи въ Москву въ такомъ приѣмѣ, какой можетъ онъ ожидать себѣ, какъ легатъ и нунцій великаго понтифекса Рима. О Ливоніи же Поссевинъ заговаривалъ не напрасно; онъ не могъ не понимать, что укрѣпивши ее за Баторіемъ, онъ откроетъ своей пропагандѣ поприще болѣе надежное, чѣмъ Русь православная, что тамъ его краснорѣчію можетъ помогать и сила оружія. Успѣхи Шведовъ, увѣренность въ силѣ Баторія, неувѣренность въ своихъ силахъ, желаніе прекратить войну, столь гибельную для Россіи и столь худо веденную, за неимѣніемъ искуснаго полководца, все заставило царя рѣшить съ боярами, что надо уступить Баторію, разумѣется сколько можно менѣе, отдать ему «въ конечной неволѣ» города ливонскіе,

лишь бы онъ воротилъ завоеванное и не думалъ о «выходѣ». Князь Елецкій и печатникъ Олферьевъ выбраны послами, и отправлены къ Запольскому яму. Такое дѣйствіе произвело на Іоанна письмо Поссевина. Батерію въ тоже время писалъ Поссевинъ, что онъ радъ стараться за него всею душою, и будетъ настаивать, чтобы Ливонія досталась ему, хотя у него и безъ Ливоніи много хлопотъ и заботъ. Поссевинъ описалъ хорошо и споръ свой съ послами московскими о Ливоніи. Чудесный разговоръ, въ которомъ ярко рисуются и послы рускіе и честный патеръ — онъ со всѣмъ своимъ подкупнымъ желаніемъ стоять за короля и его пановъ, изъ-за пользы пропаганды; они со всею своей свободной рѣшимостью стоять за своего государя и за Русь. Батерій тоже поручилъ свое дѣло Поссевину, надѣясь на него, и оставивъ подъ Псковомъ канцлера Замойскаго, самъ уѣхалъ въ Варшаву.

Наконецъ, послы рускіе и польскіе съѣхались въ Киверову горку, въ пятнадцати верстахъ отъ яма Запольскаго, и тринадцатаго декабря было ихъ первое засѣданіе. Засѣданія продолжались цѣлый мѣсяцъ, послѣднее двадцать-первое, было четырнадцатаго января.

Supplementum XXXII. Дневникъ совѣщаній. Acta in conventu legatorum; стр. 74—100. У Старчевскаго, стр. 16—64.

Послы собирались у Поссевина: онъ былъ предсѣдателемъ, вождемъ ихъ, примирителемъ, хоть иногда такимъ, что позволялъ себѣ надѣяться на силу мышцъ своихъ и доводилъ дѣло чуть не до драки. Во все это время онъ не забывалъ о дѣйствіяхъ пословъ и своихъ увѣдомлять царя, короля, Римъ, всѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежало. Нѣкоторые изъ этихъ писемъ внесены Поссевинымъ въ дневникъ совѣщаній; иныя приложены имъ послѣ къ дневнику и сохранились отдѣльно.

Письмо Поссевина къ царю Іоанну, декабря осьмнадцатаго: у Старчевскаго, стр. 358—359, декабря 21: у Старчевскаго, стр. 359—361.

Письма Поссевина къ Стефану Батерію: декабря 13: Supplementum XXV, стр. 62; у Старчевскаго, стр. 355, декабря 14:

у Старчевскаго, стр. 77. Декабря 17, Supplementum XXVII, стр. 67; у Старчевскаго, стр. 328. Января 6, Supplementum XXVIII, стр. 69; у Старчевскаго, стр. 365. Января 14 и 15 у Старчевскаго, стр. 17.

Письмо Поссевина къ королеви польской: декабря 13; у Старчевскаго, стр. 76. Декабря 23: Supplementum XXXI, стр. 73. Письмо королевы къ Поссевишу, марта 3; у Старчевскаго, стр. 72.

Переписка Поссевина съ канцлеромъ Замоискимъ: декабря 13: 3. къ П. Supplementum XXXII, стр. 82; декабря 15: П. къ 3. Supplementum XXVI, стр. 65; у Старчевскаго, стр. 356. Декабря 17; 3. къ П. Supplementum XXXII, стр. 83. Декабря 18: 3. къ П. у Старчевскаго, стр. 77. Декабря 19: 3. къ П. Supplementum XXXII, стр. 85. Декабря 20: П. къ 3. Supplementum XXXII, стр. 83. Декабря 24—26, 31: П. къ 3., у Старчевскаго, стр. 361—365. Января 18: 3. къ П. у Старчевскаго, стр. 77. Января 21: П. къ 3., у Старчевскаго, стр. 77—78. Января 23: 3. къ П., у Старчевскаго, стр. 79. Января 29: П. къ 3., у Старчевскаго, стр. 78.

Письма Поссевина къ кардиналу Комскому, января 6: Supplementum XXIX, стр. 70. Января 13: Supplementum XXX, стр. 71.

Обрядъ совѣщаній начался молитвой Поссевина, потомъ прочтены полномочія царя и короля посламъ, и на слѣдующій день начались совѣщанія. Полномочіе царское оказалось недостаточнымъ; послали просить подтвержденія его, а между тѣмъ, по манію Поссевина, совѣщанія имѣли желанный ходъ. Подтвердительное полномочіе получено отъ царя Юанна, и прочтено въ пятнадцатомъ засѣданіи, въ день Крещенія, шестаго января. Дѣло пошло потомъ скорѣе, и споръ былъ прекращенъ. Ведя дневникъ переговоровъ, Поссевинъ составилъ и записку о слѣдствіяхъ ихъ.

Monumenta CXLV. Условія мира запольскаго, 15 января 1582, стр. 373—4; у Старчевскаго, стр. 65—66. За тѣмъ слѣдуетъ еще протестанція пословъ королевскихъ, статьи русскія, статьи польскія, у Старчевскаго, стр. 66—76.

Королевскія войска должны быть изъ Россіи выведены. Пожары и грабежи запрещаются. Военныя дѣйствія прекращаются на десять лѣтъ. Города русскіе, взыатыя Поляками

въ прошломъ году, возвращаются царю съ «парядомъ» военнымъ. Въ замѣнъ за это царь отдастъ королю всѣ города и владѣнія Ливонскіе, не требуя городовъ полевскихъ. Для клятвеннаго подтвержденія условій мира, польскіе послы должны явиться въ Россію къ десятому іюню, а русскіе въ Польшу къ пятнадцатому августу.

Января четырнадцатаго было послѣднее совѣщаніе, а семнадцатаго Псковъ узналъ о замиреніи. Осадники стали пировать на радости, звали на пиръ и осажденныхъ, и пировали братски.

Не ожидали, не надѣялись такого окончанія совѣщаній. Само панство Баторія было изумлено, что послы русскіе согласились уступить ливонскіе города, и какъ же имъ не благодарить было Поссевина, какъ не понять, что они обязаны этимъ ему! Какъ не хвалиться было самимъ собою Поссевину! Онъ былъ въ таномъ состояніи самодовольствія, что надѣясь на постоянный ходъ успѣховъ своихъ во всѣхъ отношеніяхъ, уже обдумывалъ планъ устроенія русской семинаріи въ Рымѣ, и писалъ объ этомъ статсъ-секретарю паны.

Поссевинъ поѣхалъ въ Москву къ царю, по прежнему честимый на дорогѣ, и пріѣхалъ пятнадцатаго февраля.

Supplementum CLX. Письмо Поссевина къ Баторію, 18 февраля 1582, стр. 385. Другое письмо, марта 4: у Старчевскаго, стр. 81.

Supplementum CLXI. Письмо Поссевина къ Замойскому, стр. 386: у Старчевскаго, стр. 80.

Искусно велъ себя Поссевинъ за Баторія и пановъ его на маршахъ совѣщанійхъ; искусно обманывалъ царя Іоанна, и принять былъ имъ такъ ласково, какъ ожидать не могъ. Почти цѣлый мѣсяць оставался онъ въ Москвѣ, два раза былъ удостоенъ царскаго стола, довольно часто напрашивался на свиданіе съ государемъ, и какъ пaterъ съ характеромъ, домогся бесѣдъ съ царемъ и его боярами о вѣрѣ. Изъ этихъ бесѣдъ три были торжественныя и записаны Поссевиномъ въ его дневникъ.

Supplementum. XXXIII, XXXIV, XXXV: Бесѣды Поссевина

съ царемъ февраля 21, 23 и марта 1-го стр. 100—110; у Старчевскаго, стр. 308—316.

За день до третьей бесѣды Поссевинъ поднесъ царю Иоанну свою записку о вѣрѣ.

Supplementum. XXXVI. Записка, поднесенная Поссевиномъ царю Иоанну: 3-го марта стр. 111. Другая записка о вѣрѣ Русской: Supplementum. XXXVII; стр. 120. Обѣ у Старчевскаго видѣть, стр. 316—325. За тѣмъ еще слѣдуетъ записка Поссевина англійскимъ купцамъ, доказывающая, что папа не Антихристъ; у Старчевскаго, стр. 326, а потомъ вопросы и отвѣты о происхожденіи святаго Духа: у Старчевскаго, стр. 330 и слѣд.

Домогаясь бесѣдъ, Поссевинъ домогался и права говорить о своей вѣрѣ, защищать свои убѣжденія; но царь Иоаннъ и бояре удерживали пылъ его краснорѣчія. Поссевинъ убѣждалъ себя слушать даже тѣмъ, что въ слѣдствіе полнаго союза царя съ папою, императоромъ, и съ другимъ государями Европы, ему царю легко можно будетъ достигнуть и императорской короны Царяграда; но государь отвѣчалъ патеру: «Антоніи! Намъ съ вами не сойтися. Мы въ своей вѣрѣ родились, состарѣлись, и некогда и не к чему перемѣняться. Обѣ обладаніи вселенною мы не думаемъ». Не смотря на всѣ свои старанія, Поссевинъ не слѣлалъ ничего: царь былъ не прочь отъ позволенія пріѣзжать купцамъ латинскимъ съ ихъ священниками; позволялъ имъ жить и молиться въ своихъ домахъ: «Кто въ которой вѣрѣ, тотъ въ своей вѣрѣ пусть и остается, и зазору имъ и укоризны въ томъ не живеть. Въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и мы у нихъ воли не отнимаемъ; живутъ всѣ по своей волѣ, какъ кто хочетъ; а церковей еще по се время ни которой вѣры въ нашемъ государствѣ не ставливали, и что до насъ прежде того обычая не бывало, и мы то хотимъ по старинѣ держати, а вновь тому быти не пригоже.»

Съэтимъ царь отпустилъ честнаго патера, довольствовавшася тѣмъ, что ласково былъ принимаемъ. Царь написалъ папѣ, что радъ дружбѣ съ нимъ, радъ за одно стоять со всѣми христіанскими государями противъ «невѣрныхъ» (infideles). Онъ похвалялъ посла и Поссевина за его старанія о мирѣ между

нимъ и королемъ Баторіемъ, изъявилъ готовность принимать и другихъ пословъ панскихъ, равно какъ и императорскихъ, готовность и къ нимъ посылать своихъ пословъ, и готовность не медля приступить къ общему христіанскому союзу противъ невѣрныхъ. Посылая съ письмомъ своего посла Молвянина къ папѣ, ожидалъ и отъ него посла. «А на другія предложенія твои, пастырь и докторъ церкви латинской, отвѣчали мы послу твоему Антонію и сами лично, и черезъ бояръ нашихъ Никиту Романовича Захарына, и другихъ.» Такую же грамоту послалъ царь и императору Рудольфу.

Грамота царя Іоанна папѣ Григорію XIII (вѣроятно) 10 марта 1582: у Старчевскаго, стр. 81.

Monumenta. ССЛ. Грамота Іоанна царя Рудольфу императору 10 марта 1582, стр. 386.

Еще разъ прощаясь съ царемъ, Поссевинъ написалъ ему письмо изъ Вильны.

Письмо Поссевина къ царю, 14 мая: у Старчевскаго, стр. 82.

Передъ этимъ былъ онъ въ Ливоніи, чтобы посмотрѣть, не можетъ ли уже тамъ чего успѣть въ пользу пропаганды, и изъ Риги далъ отчетъ о своемъ посольствѣ магистру своего ордена. Ему очень хотѣлось оправдать на дѣлѣ тайную свою цѣль, съ которою въ головѣ онъ велъ совѣщанія въ Киверовой горкѣ такъ, чтобъ Ливонія досталась не царю, а Баторію, однако не удалось.

Supplementum. CLXII: Отчетъ Поссевина магистру іезуитовъ, 28 апрѣля: стр. 388 и слѣд.

Къ папѣ явился онъ (13 сентября 1582 года) со вторымъ своимъ комментариемъ, въ которомъ представлялъ свои понятія о состояніи Россіи; сообщалъ замѣчанія о томъ, какъ должно вести дипломатическіе переговоры съ русскимъ царемъ, объ обрядахъ, о формахъ, и т. д.

Commentarius alter: у Старчевскаго, стр. 287—308.

Такъ кончилъ свой подвигъ Поссевинъ: лучшее въ немъ было то, что всѣ имъ остались довольны. Менѣе всѣхъ могъ быть доволенъ царь, принужденный лишиться Ливоніи; но онъ заранѣе предвидѣлъ, что не можетъ удержать Ливонію за собою, хотѣлъ прекратить кровопролитіе и опусто-

шеніе Россіи, въ самомъ дѣлѣ ужасное, хотя бы съ уронкомъ жалѣлъ, что лишился портовъ балтійскихъ, — и все таки былъ доволенъ. Болѣе всѣхъ доволенъ былъ папа, хотя онъ могъ быть доволенъ менѣе всѣхъ, если бы зналъ что всѣ надежды его и увѣренія Поссевиана въ возможность невозможнаго останутся напрасны. Не говоря уже о Россіи, и Ливонія не захотѣла признать его власти, сдѣлавшись протестантской.

Изъ представленнаго перечня Поссевиновыхъ актовъ видно, что коммисія не имала только нѣкоторыхъ оцѣнокъ не многихъ. Тѣмъ легче было бы ей додать ихъ какъ дополненіе.

Въ статьѣ, ограничивающейя перечнемъ актовъ, невозможно было представить ни содержанія ихъ всѣхъ воцннѣ, ни подробностей хода событій, о которыхъ осталось столько извѣстій у Гейденштейна, Одерборна, Кельха, Флечера, Гадебуша, Гванини: статья выросла бы въ цѣлый томъ. Тѣмъ менѣе возможно было въ этой статьѣ представить въ такихъ перечняхъ обзорнѣе всѣхъ семисотъ пятидесяти актовъ, заключающихся въ трехъ томахъ, изданныхъ коммиссіей. Можетъ-быть, мы воротимся къ нимъ когда нибудь опять.... Въ нихъ такъ много любопытнаго.... Въ нихъ между прочимъ есть прекрасные матеріалы для исторіи Руси Галицкой, для рисунка ея быта въ средніе вѣки; это предметъ прекрасный и можно сказать, мало у насъ извѣстный. Въ нихъ также много матеріаловъ для исторіи связей Россіи съ Западомъ шестнадцатаго вѣка и исторіи ея просвѣщенія подъ вліяніемъ Запада: предметъ также интересный, тѣмъ болѣе теперь, когда любятъ, не позволяющимъ себѣ онускаться въ шахты историческихъ рудниковъ, кажется все болѣе несомнѣннымъ, что до осьмнадцатаго вѣка связей Россіи съ Западомъ не было никакихъ, когда вслѣдъ за ними утверждаютъ тоже и ученые, изучающие древнюю и старую Русь по источникамъ.... Кромѣ Записокъ

Посевина есть въ этихъ томахъ и другія записки о Русн шестнадцатаго вѣка, времени Юанна Грознаго, съ фактами о самомъ Грозномъ. Много писали о характерѣ Грознаго и современники и политикн. Тѣхъ изъ современниковъ, которые хвалили его, озадалось менѣе чѣмъ его унижавшихъ; дурная сторона его отразилась ярче, чѣмъ хорошая. Проникнуть въ тайники этого характера со свѣточемъ не повзботился никто; и вотъ Юанну Грозному дали чуть не единогласно такое мѣсто въ памяти, которое никогда еще не давалось людямъ подобно ему великимъ. «Исторія злопамятнѣе народа», сказалъ Карамзинъ, заключая свою послѣднюю главу о Грозномъ, и будто оправдываясь въ томъ, что повѣрилъ всему дурному что сохранилось о немъ. Исторія должна быть правдива, но не злопамятна; должна помнить болѣе доброе чѣмъ злое, и въ воспоминаніяхъ о людяхъ великихъ всегда легко можетъ избѣгать преувеличенныхъ упрековъ слабости человѣческой природы. Юаннъ Грозный самъ зналъ темную сторону своего нрава, упрекалъ себя въ ней и каялся: этого одного довольно, чтобы догадываться, что сильна была въ немъ и свѣтлая сторона. Исторія обязана хладнокровно вышкнуть въ ту и другую, и болѣе въ свѣтлую, чѣмъ въ темную, также какъ это она дѣлала и дѣлаетъ всегда при описаніи людей, которыхъ дѣятельность была направлена къ благимъ цѣлямъ и достигала ихъ. Дайте исторіи право глядѣть на людей съ темной ихъ стороны, — не оглядываясь къ свѣтлой, — и она станетъ сплетеніемъ такихъ невинныхъ обвиненій, которыя будутъ виновнѣе всякихъ преднамѣренныхъ клеветъ.

Между современными описаніями старой Руси, помѣщенными въ иностранныхъ актахъ, замѣчательны записки Венеціанцевъ Фоскарино и Тіеполо. Записки Тіеполо (1559 г.) — очевидная компиляція: онъ самъ въ этомъ сознается, говоря, что собралъ въ нихъ то, что подмѣтилъ въ исторіяхъ и въ разсказахъ людей, бывшихъ въ военной службѣ у Юанна Грознаго, и оканчиваетъ обѣщаніемъ дополнить свое повѣствованіе, когда найдетъ это возможнымъ. Записки Фоскарино (1557 г.) кажутся замѣчаніями самовидца; но при срав-

ненія ихъ съ записками Ювія, очарованіе исчезаетъ: Фоскарини почти дословно переводилъ Ювія, вездѣ, гдѣ находилъ это возможнымъ, и находилъ это возможнымъ очень часто. Такъ пропущено все, что Ювій говоритъ о посольствѣ Клементя-Седьмаго и о Царѣ Василии, а вмѣсто этого вставлены общія разсужденія о томъ и о семъ, свѣденія о сытѣ Василия, Іоаннѣ-Грозномъ, и такъ далѣе. Словомъ, тутъ повторяется почти то же, что у арабскихъ историковъ, позволявшихъ себѣ въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкѣ пересказывать отъ себя дословно какъ современное то, что говорили предки ихъ десятаго вѣка. Легко можетъ быть, что такихъ повтореній между современными сказанія и западныхъ Европейцевъ о Руси и болѣе чѣмъ кажется, что со времени Гельмольда, повторявшаго дословно Адама Бременскаго, тянется ихъ цѣлый рядъ. Не дурно было бы отмѣчать ихъ въ изданіяхъ, подобныхъ изданіямъ археографической комиссіи.

Еще бы надобнѣе было отмѣчать явныя безсмыслицы въ такихъ сказаніяхъ. Наконецъ необходимо было бы прилагать къ каждому тому указатель. Перцъ въ своихъ «*Monumenta Germaniæ*», Паяцкій въ «*Архивѣ Чешскомъ*», Ридель въ «*Кодексъ Бранденбургскомъ*» и всѣ хорошія издатели исполняютъ это какъ необходимый долгъ. Да и когда же лучше, удобнѣе, легче составлять указатель, если не тогда, какъ читается послѣдняя корректура.

И. С.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВО ВНУТРЕННЮЮ АФРИКУ Е. Ковалевскаго.
Часть I и II. Санктпетербургъ, 1849.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Еще странствіе по сушѣ и морямъ! Сколько пріятныхъ воспоминаній связано у каждаго изъ насъ съ этимъ даже слишкомъ удачно избраннымъ заглавіемъ, заключающимъ въ себѣ цѣлое море приключеній! И всѣмъ этимъ обязаны мы нашему любимому автору-страннику, господину Ковалевскому.

Есть люди, или лучше сказать пираты счастья, какъ выражается «Путешествіе по Африкѣ», которымъ суждено употребить всю свою жизнь, для приведенія въ исполненіе своей идеи. Такіе счастливыцы спятъ, имъ и во снѣ видится путешествіе, они гуляютъ, ѣдятъ, пьютъ, курятъ сигару, дремлютъ въ креслахъ, играютъ въ вистъ и между-тѣмъ всегда, и вѣчно думаютъ только о путешествіи. Путешествіе элементъ ихъ жизни. Безъ путешествія они, что рыба безъ воды, что птица безъ крыльевъ; они не живутъ, а прозябаютъ. Скажите такому странствователю, что онъ болѣе никогда не будетъ странствовать и это, навѣрно, такъ поразило бы его

что пожалуй онъ получилъ бы медленную лихорадку, да и прощайте.

Впрочемъ дѣло вотъ въ чемъ: кому бы изъ насъ не хотѣлось путешествовать и видить Югъ, Востокъ, пожалуй Сѣверъ и наконецъ даже самый заглохшій Западъ; но какъ исполнить свое желаніе? Вотъ тутъ-то исчезаетъ наша твердая воля, и мы встрѣтивъ нѣсколько препятствій, ощутивъ недостатокъ въ карманѣ, легко убѣждаемъ себя, что наше желаніе не исполнимо, не возможно; стараемся убѣдить себя, что оно выше нашихъ силъ и для утѣшенія въ горѣ отправляемся по нашей желѣзной въ Павловскъ, послушать музыку. Совсѣмъ не такъ бываетъ съ такимъ странствователемъ. Онъ задумался; ему пришла мысль взглянуть на Кашмиръ, изучить эту страну во всѣхъ отношеніяхъ, и онъ уже рѣшился исполнить свое желаніе. Вы пришли навѣстить вашего друга, котораго не видали три дня; спрашиваете, что онъ намѣренъ дѣлать на этой недѣлѣ, и онъ преспокойно отвѣчаетъ вамъ, что послѣ-завтра ѣдетъ въ Кашмиръ. — Какъ, въ Кашмиръ? послѣ-завтра? — Да, въ Кашмиръ и послѣ-завтра, отвѣчаетъ авторъ «Странствованій по сушѣ и морямъ». — Помните, какъ же это такъ скоро у васъ сдѣлалось?

— Все сдѣлалось само собою, отвѣчаетъ онъ вамъ съ флегмой, и между-тѣмъ собираетъ въ путь, укладываетъ бумаги, планы и такъ далѣе.

Спустя два дня вы приходите проститься съ странникомъ. Но увы! ваши часы отстали и вы опоздали. Странникъ уѣхалъ ровно въ 12 часовъ, прямо въ Кашмиръ.

Какимъ образомъ эти господа умѣютъ приводить въ исполненіе всѣ свои замыслы — вещь совершенно для насъ непонятная. Аллахъ ихъ знаетъ, какъ они устраиваетъ всѣ свои предпріятія.

Много уже странствовалъ господинъ Ковалевскій по бѣлу свѣту, много видѣлъ онъ всякой всячины, многое описалъ; но нѣтъ сомнѣнія, что съ его твердою волей онъ проведетъ всю свою жизнь въ странствованіяхъ по сушѣ и морямъ.

Канал, право, зашедная жизнь, которой девизъ: «суша, море, пароходъ и верблюдъ». Многие жалуютъ, что человѣку не даны крылья, чтобъ онъ могъ летѣть куда хочетъ. Но господинъ Ковалевскій—лучшее тому доказательство, что человѣкъ не имѣетъ надобности въ ирмыяхъ. Какая птица въ состоянн пролетѣтъ столько странъ, сколько ихъ пролетѣлъ господинъ Ковалевскій? Да и куда еще онъ не залѣталъ. Туда, вѣрно, не попала бы ни какая птица!

Мы русскіе доживемъ до того, что вся вселенная будетъ въ карманѣ господина Ковалевскаго. Это нашъ аббатъ де-ла-Портъ.

Господинъ Ковалевскій имѣетъ особенную способность не только путешествовать, но и мастерски передавать другимъ свои наблюденія, замѣчанія, впечатлѣнія. У него все оригинально; все имѣетъ свой особенный колоритъ, чѣмъ его путешествія отличаются отъ описаній путешествій другихъ странниковъ. И мы должны сознаться отъ чистаго сердца, что путешествіе господина Ковалевскаго читаютъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Правда иногда во время чтенія вамъ становится невыносимо скучно; но это ничего — напротивъ это доказываетъ, что авторъ чрезвычайно вѣрно передаетъ свои впечатлѣнія. Представьте себѣ, что странникъ четверо сутокъ ѣдетъ на верблюдѣ въ песчаной степи подъ гнетомъ африканскаго зноя. Что онъ перечувствовалъ въ это время, то и васъ заставляетъ перечувствовать при чтеніи его путевыхъ записокъ, гдѣ невыносимо вѣрно описаны эти четверо сутокъ его странствія.

Зато въ путевомъ дневникѣ его есть мѣста, которыя тронутъ васъ до глубины сердца, которыя разтерзаютъ вамъ сердце какъ тряпку, которыя тисками сдавятъ вашу грудь, опять небесною радостью обольютъ вашу душу; сердечнымъ смѣхомъ разсмѣшатъ васъ; такъ что вы готовы бы обнять и прижать какъ можно крѣпче къ своему сердцу странствателя по сушѣ и морямъ.

Чудный человѣкъ этотъ странствователь, онъ весь виднѣтъ въ своихъ запискахъ, со всею своею добротою, безопасностью,

оригинальностью и душевной теплотой—настоящій путешественникъ.

Господинъ Ковалевскій, знакомый уже съ южной Европой и отчасти съ Востокомъ, отправился въ Африку. То о чемъ мы можемъ только мечтать, о чемъ можемъ читать только въ книгахъ, да при томъ и въ чужихъ, все это господинъ Ковалевскій видѣлъ собственными глазами; видѣлъ хорошо, явственно и основательно; потому-что глаза у него отлично зорки и всѣ африканскіе миражи и степные и морскіе для нихъ ни почемъ.

Такъ какъ это послѣднее путешествіе его очень важно для нашей литературы, потому-что онъ первый изъ русскихъ описалъ свои странствованія въ этой части свѣта, то мы и познакомимъ читателей съ трудомъ его, какъ можно ближе.

Многіе уже путешествовали по Африкѣ; многіе описали свои путешествія; но никто не писалъ такъ, какъ пишетъ господинъ Ковалевскій. Одни странствовали по разнымъ странамъ Африки для изученія ея въ геологическомъ отношеніи, другіе—въ отношеніи царства животнаго и растительнаго; третіе въ этнографическомъ отношеніи; наконецъ четвертые странствовали для изученія древнихъ ея памятниковъ. Словомъ, отъ Геродота до Коковцова, Европа имѣетъ тысячи томовъ объ Африкѣ, и не смотря на то Европа такъ еще мало знаетъ эту часть свѣта. Всѣ описывали Африку для науки; но никто не описалъ ее для большинства читающей братіи, кимъ-то описаніемъ мы и эта обязаны «странствователю по сушѣ и морямъ».

Возьмите любую книгу объ африкѣ и прочтите ее до конца. Нѣтъ, это никакъ не возможно; васъ одолѣютъ уже на десятой страницѣ разныя ученныя изысканія, изслѣдованія путешественника: тамъ покажутся философскіе выводы, барометрическія наблюденія, астрономическія примѣты, разграниченіе и разборка разныхъ африканскихъ племенъ и такъ далѣе; между-тѣмъ какъ читателю все это ни къ чему не нужно. Оцъ хочетъ познакомиться съ Африкою такъ, какъ онъ

знакомится съ семействомъ г. N. N. живущаго въ 60 верстахъ отъ его имѣнiя.

Въ этомъ отношенiи сочиненiе господина Ковалевскаго единственно; никто лучше. испыте его, не умѣте представить предъ вашими глазами, на бумагѣ, страны, въ которой онъ имѣлъ удовольствiе путешествовать. Читая его описанiе забываешь, что живешь въ Петербургѣ на берегахъ прелестной Невы; нѣтъ, кажется, что въ-самомъ-дѣлѣ въ гостяхъ у Мегмета-Али. На всякой страницѣ живо ощущаете, что вы въ Африкѣ, что вамъ безпокойно на верблюдѣ, что васъ одолеваетъ невыносимая жара и угрожаетъ хамснѣ. Наконецъ, прочитавъ первую часть путешествiя по Африкѣ, вы уже совершенно оклиматизируетесь, совсѣмъ забываете Европу, какъ будто ея и не существовало; изгоняете отъ себя всѣ френгскiя приличiя и дѣлаетесь настоящимъ потомкомъ Хама, или яснѣе сказать, сыномъ черномазой Африки. И такъ еще разъ повторяемъ, что никто изъ писавшихъ объ Африкѣ не въ состоянiи познакомить васъ съ этой частью такъ наглядно и осязательно, какъ васъ знакомить съ нею господинъ Ковалевскiй.

Впрочемъ неуждно ли вамъ скинуть свои френгскiя одежды и преобразиться въ пилигрима — вотъ вамъ странническiй посохъ да и съ Богомъ по слѣдамъ господина Ковалевскаго; наслаждайтесь его африканскими похождениями столько сколько и мы насладились ими.

Но прежде чѣмъ вы оставите просвѣщенную Европу, позвольте еще сказать вамъ по-европейски, что прибывъ на мѣсто вашего странствованiя, въ Африку, не разыскивайте происхожденiя разныхъ племенъ, населяющихъ Египеть, Нубiю и Суданъ; въ противномъ случаѣ туземцы сочтутъ, что вы посланы отъ Мегмета-Али перенумеровать ихъ головы, чтобы потомъ паложить дань, и они васъ непременно убьютъ. Вотъ почему и странствователь по сушѣ и морямъ поступилъ отлично хорошо, оставивъ этотъ вопросъ совершенно въ-сторонѣ.

Передъ вами Египетъ и Нубія. Ступайте же во имя Аллаха на почву Фараоновъ. Приближаясь къ Александріи, вы увидите прекрасный ея минаретъ съ флагомъ, на котором начертана русская буква П. Вы уже теряетесь въ заключеніяхъ, что-бы это значило и думаете не здѣсь ли начинаются африканскіе миражи; но къ вамъ подходитъ чичероне и объясняетъ, что эта буква принадлежитъ къ близъ-отдыхающимъ *утешественникамъ*, достигшимъ Александріи... Чувствуете ли, благорасположенный читатель, какъ уже прозрѣваетъ африканская природа!..

Впрочемъ Александрія не произведетъ на васъ особеннаго впечатлѣнія, «хотя этотъ городъ самъ по себѣ имѣетъ весьма приличный видъ даже для запада не только для востока. Тутъ надобно разумѣть заходженіе и восходженіе солнца, какъ извольте видить; но отнюдь не Азію и Европу. Здѣсь главную роль играетъ солнце, да еще африканское.

Но видите ли направо косу, далеко выдавшуюся въ море; эта коса предвѣщаетъ о пустыняхъ, страшныхъ для путника; лачуги расплзшіяся по ней, неприятно возмущаютъ взоры, а множество вѣтряныхъ мельницъ своими распостертыми крыльями такъ, кажется, и котятъ оттолкнуть каждаго отсюда. Портъ превосходный; къ тому же единственный вдоль всего африканскаго берега, начиная отъ Туниса до Александріи». Вы непременно сказали бы: «отсюда до самаго Туниса»; но на Востокъ все это наоборотъ, — тамъ все отъ правой руки къ лѣвой; потому и господинъ Ковалевскій начинаетъ уже восточничать.

Удивительно впрочемъ вліяніе Востока. Едва странствователь ступилъ на почву Африки, какъ вдругъ сталъ выражаться поэтически, въ восточномъ вкусѣ. Онъ уже говоритъ, что на косѣ хижины разстѣяны; вѣтъ они расплзлись. Говоря о Константинополѣ, авторъ выразился, что «Босфоръ и Дарданеллы простерты подобно двумъ могучимъ рукамъ къ сѣверу и югу для соединенія ихъ на миръ и торговлю», какъ это картинно!... Ночь у господина Ковалева-

саго не достучать, а надоесть; Магметъ-Али населяетъ свои владѣнія европейскими докторами; чума собираетъ обильную жатву смерти; консулы и богатые люди составляютъ аристократію на Востокѣ; загородные дома утопаютъ въ садахъ и баловни счастья являются здѣсь пиратами счастья; васъ не изгоняютъ, а выбрасываютъ изъ папалыка; звѣзды являются толпами; ночи бываютъ звѣздометныя и олень является фрегатомъ тундръ и трущобъ.

Но вы ожидали увидѣть въ Александріи отраженіе Азии и не найдя этого, вскрикиваете: гдѣ же наконецъ Востокъ? Господинъ Ковалевскій успокоиваетъ васъ: «Востокъ въ Александріи, говоритъ онъ, надо искать на базарахъ: тутъ цестро, тѣсно, темно, таинственно, какъ въ сказкахъ тысячи и одной ночи. Васъ поразитъ тяжелая одежда женщинъ: онѣ въ полномъ смыслѣ, закутаны въ черныхъ атласныхъ кабры, и въ черное покрывало, тара; кромѣ того, боргу спускается на лицо, черезъ переносье, въ видѣ треугольника, черной матеріи. Носъ кажется вдавленнымъ; драпировки никакой; женщина не можетъ управлять покрываломъ, которое лежитъ на ней какъ тяжелое бремя супружескаго запрета». Удивительно, что въ Александріи все это на рынкахъ и такъ смѣшано и перетасовано — настоящая, живая картина Востока.

Отъ цестрыхъ базаровъ вы переходите къ гробницѣ Александра Македонскаго, который покоривъ весь свѣтъ, не могъ покорить самого себя, потому что легче побѣждать народы, нежели свои страсти. Такъ какъ могилы бываютъ украшены кипарисами, то переходъ къ этому дереву весьма натураленъ. Авторъ высказываетъ здѣсь свое мнѣніе: «что колонна съ капителями возродилась въ подражаніе пальмы съ распавшей верхушкой, а минаретъ—въ подражаніе кипариса. Первая колонна поставлена въ странѣ пальмъ, минаретъ въ странѣ кипарисовъ.» Дѣло дошло до памятниковъ. Надобно вамъ сказать, что авторъ совѣтъ не жалуется древностей и рѣдко говоритъ объ нихъ съ похвалою. Но за то ему нра-

вятся гіероглифы, которые у него даже «красивы». А вотъ вамъ и катакомбы, находящіяся за Александріей; тамъ «если путешественникъ не затеряется и не задохнется въ нихъ, то будетъ очень доволенъ, когда выйдетъ на бѣлый свѣтъ и вдохнетъ въ себя чистый воздухъ».

«Теперь вы знаете нынѣшнюю Александрію. Я не стану вамъ описывать ея зданій, ея памятниковъ; эти мертвые знаки не такъ ясны, не такъ понятно говорятъ душѣ, какъ самая жизнь, внутренняя жизнь города». И вотъ господинъ Ковалевскій знакомитъ васъ съ внутреннею жизнью города изъ Каликсена Родосскаго, описавшаго торжества, происходившія въ то время, когда Птоломей Сотеръ объявлялъ сына своего соправителемъ. Не правда ли что это очень замѣтельно, для васъ, желающихъ узнать теперешнюю жизнь Египта! .

Наконецъ Птоломей убирается въ свой дворецъ, а вы берете свой странническій посохъ и отправляетесь въ Каиръ. Но прежде чѣмъ достигнете цѣли своихъ странствій, васъ поразитъ видъ пустыни. Въ пути авторъ, сдѣлавъ одно этнографическое открытіе: «пашелъ человекъ, который не токмо понималъ его, но еще бралъ на себя трудъ отвѣчать», что въ Африкѣ необыкновенная рѣдкость.—Это родъ оазиса въ африканскомъ человѣчествѣ. Но вотъ господинъ Ковалевскій на Нилѣ, и наконецъ въ Каирѣ, который выражаясь по восточному: «утопалъ тогда въ сумеркахъ и яркой зелени садовъ».

Мы уже сказали, что цѣль труда господина Кавалевскаго рисовать африканскую жизнь африканскими же красками. Этому началу онъ всегда вѣренъ какъ нельзя болѣе. Чтобы дать вамъ самое вѣрное понятіе о Каирѣ, сообщимъ рассказъ, какъ авторъ странствовалъ по улицамъ этого города, и что видѣлъ:

«Засмотрѣвшись вокругъ себя, я совѣмъ было паткнулся на странную чету: одинъ—въ лахмотьяхъ, безобразный;

онъ колотилъ въ бубенъ, что было силы, припрыгивая въ тактъ; другой—почти нагой, ревѣлъ благимъ матомъ.

«— Что это такое? спросилъ я своего проводника-драгомана.

«— Фантазія.

«— Что такое?

«— Фантазія, повторилъ онъ презрительнымъ тономъ, кидая двѣ три пары на простертый передъ нами бубенъ.— Пускай будетъ и фантазія, подумалъ я и послѣдовалъ примѣру. Нужно лично знать автора, чтобы понять въ какой мѣрѣ разговоръ этотъ характеристиченъ и неподражаемъ.

«Между-тѣмъ дикіе звуки другой музыки неслись прямо на насъ, приближаясь, и мы опять почувствовали посторониться, чтобы дать мѣсто процессіи: впереди шелъ цѣлый оркестръ оглушительной турецкой музыки; за нимъ, подъ тяжелымъ балдахиномъ, поддерживаемымъ вѣсколькими дюжими носильщиками, двигалось медленно, что-то ведомое, или, правильнѣе, тащимое, совсѣмъ закрытое, совсѣмъ незримое, походившее на вѣшалку, на которой въ беспорядкѣ нагромождены всякаго рода дорогія матеріи; за тѣмъ шла толпа народа, шли какіе-то крикуны, и наконецъ, на украшенной богатой сбруей лошади, ѣхалъ, весь убранный въ парчу, мальчикъ, лѣтъ шести; за нимъ опять валилъ народъ, опять шумъ и крикъ.

«— Это что такое? спросилъ я.

«— Фантазія, отвѣчалъ самодовольно драгоманъ, продолжая съ любопытствомъ глядѣть на процессію.

«При словѣ фантазія, я опять было вынулъ деньги, какъ человѣкъ, понимающій въ чемъ дѣло, но драгоманъ отрицательно покачалъ головою.

«— Да что же это наконецъ такое, ваша фантазія?»

«— Извѣстное дѣло—фантазія! отвѣчалъ онъ тономъ глубокаго убѣжденія. Нечего дѣлать, надо было ожидать другаго случая или другаго человѣка, который могъ бы объяснить каирскую фантазію.

— Не ходите по всему городу, говорите драгоманъ, продолжая путь и не обращаясь по шпѣ.

« — Фантазію!

« — Невѣсту.

« — Да гдѣ же невѣста?

« — Развѣ вы не видите, подъ балдахиномъ.»

« А, такъ эта движущаяся вѣшалка—невѣста! Не она ли есть фантазія? Однако, изъ тѣхъ уродливыхъ фигуръ, которыхъ мы прежде встрѣтили : — одинъ нагой, другой въ рубищѣ, — конечно не было невѣсты, а между-тѣмъ была фантазія.

« Мы шли къ нашему консулу. Чтобы сократить путь, драгоманъ меня повелъ черезъ какой-то дворъ, и потомъ небольшой садикъ, полный деревьями олеандровъ и розъ въ цвѣту. Я невольно остановился полюбоваться ими.

« — Стоитъ ли смотрѣть, сказалъ мнѣ драгоманъ: вотъ Шубра такъ садъ, а это что? просто фантазія.

« Какъ, все-таки фантазія! вотъ истинно фантастическій городъ, подумалъ я, и уже не спрашивалъ о значеніи слова. Молча мы продолжали путь и вскорѣ достигли Эзбекіи, гдѣ стоялъ консульскій домъ.

« На площади опять сцена: сцена печальная, тяжелая, возмутительная для души, хотя я не въ первый разъ вижу ее. Во всеувиѣніе, какъ осужденная стояла женщина, едва прикрытая лахмотьями. По чертамъ и цвѣту лица легко было догадаться, что это Абиссинянка, а по выраженію—что это невольница; не далеко отъ нея, стоялъ равнодушный къ ея участи, безпечный продавецъ ея. Я поспѣшилъ укрыться въ домъ нашего консула.»

Если послѣ всего этого вы не постигли общественной жизни Каира, такъ Аллахъ съ вами, тогда вы самый неудовлетворимый человекъ изъ всѣхъ Френговъ.

Страникъ нашъ въ чертогахъ Мегемета-Али, сидитъ за столомъ и вкушаетъ хорошей обѣды, «сервированной» по-европейски. Послѣ стола господинъ Ковалевскій лѣвкою кистью своею рисуетъ портретъ хозяина дома. Некогда смѣлаго Албанца, въ слѣдующихъ чертахъ:

«Мегеметь-Али небольшого роста; съжатый лѣтами и болѣзнию, онъ казался миниатюрнымъ, крошечныя руки и голова соответствовали всей его фигурѣ; рѣдкая, бѣлая борода и маленькіе усы не скрывали лица, которое нѣкогда было красиво, теперь блѣдно, покрыто морщинами, но нисколько не неприятно, какъ это часто бываетъ у стариковъ, напротивъ, внушало уваженіе и довѣренность, а свѣтло-каріе, глубоко вдавленные глаза, подвижныя, живыя, все еще блестящія, какъ-то странно оваряли эту фантастическую фигуру свидѣтельствуя, что жизнь въ ней еще бьетъ ключомъ и мятежный духъ также дѣятеленъ теперь, какъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Только по временамъ, какое-то страшное вскрикиваніе, которое, казалось, вырывалось изъ глубины души больного, неожиданно, безъ всякаго участія его самаго, невольно пугало насъ; другіе привыкли къ нему, потому что всякая болѣзнь вице-короля сопровождалась подобными криками; ихъ не могли истребить ни его твердая воля ни всѣ усилія врачей.»

Разговоръ господина Кавалевскаго съ Мегеметь-Али, направившаго на Суданъ, куда долженъ былъ отправиться страствователь по сунни и морямъ докончился весьма натурально à la ena ena.

«Здѣсь, говорилъ вице-король между прочимъ, я долженъ безпрестанно перемѣнять бѣлье отъ поту, а въ Суданѣ едва намокнетъ оно, какъ уже и высохло и шелеститъ будто бумага—кракъ, кракъ!

«Я ему отвѣчалъ, что у насъ случается тоже въ Сибири: едва намокнетъ бѣлье и замерзнетъ, и потомъ тоже шелеститъ какъ бумага — кракъ, кракъ! Это замѣчаніе долго его тѣшило.»

А вотъ и самое животрепещущее, оригинальное мнѣніе автора о пирамидахъ, о которыхъ разбилось уже столько остроумныхъ шарженій:

«Пирамиды, когда на нихъ глядишь изъ дали, напримѣръ изъ дворца Мегеметь-Али, дѣйствительно поражаютъ своимъ величіемъ; тѣмъ болѣе, что воображеніе заранѣе пригото-

лено къ чудесному, но по-мѣрѣ-того, какъ приближаешься къ нимъ,—онѣ сжимаются, мельчаютъ, принимаютъ обыкновенный видъ, и наконецъ вамъ представляется огромная, конусообразная масса обтесанныхъ камней, сложенныхъ одинъ на другой, уступами и выведенныхъ въ одну точку вверхъ. Нѣкогда пирамиды были одѣты плитами: Все пространство внутри ихъ выполнено такими же камнями, кромѣ двухъ трехъ комнатъ, большею частью расположенныхъ одна надъ другою, до которыхъ съ трудомъ можно достигнуть ползкомъ, съжившись, по темнымъ и низкимъ корридорамъ, да еще можетъ быть нѣсколькихъ неизвѣстныхъ подземелій.»

«Основаніемъ пирамидъ служитъ срѣзанная и сглаженная скала; входъ стережетъ гигантскій сфинксъ съ задумчивой фizioноміей, избитый временемъ и, кажется, сокрушающійся о томъ, что оно не совсѣмъ истребило его и допустило быть свидѣтелемъ другой эпохи, жалкой эпохи, другихъ событий, невѣроятныхъ событій для сфинкса фараоновыхъ времени.»

«До сихъ поръ несправедливо считали пирамиды высочайшимъ зданіемъ въ мірѣ: колокольня въ Ревелѣ, двумя тремя футами выше ихъ. Изчислено, что если разобрать одну пирамиду, то изъ камней ея можно скласть небольшую стѣну вокругъ всей Франціи. Теперь, самымъ справедливымъ мнѣніемъ считается то, что эти пирамиды служили гробницами фараоновъ. Но пусть лучше говоритъ самъ Геродотъ, этотъ поклонникъ, этотъ обожатель мудрости жрецовъ, правдивый Геродотъ, котораго однако иногда совращали съ пути правды пристрастіе и увлеченіе къ предмету. Вотъ какъ строились пирамиды.»

«Передъ пачатиемъ работъ, Хеопсъ закрылъ храмы и запретилъ жертвоприношеніе; все было устремлено къ одной цѣли. Нѣкоторые изъ Египтянъ были осуждены тесать камни въ аравійскихъ горахъ и доставлять ихъ оттуда къ Нилу, другіе перевозили эти камни черезъ рѣку, тащили ихъ

изъ Ливіи къ мѣсту построекъ; сто тысячъ человѣкъ, перемѣняемыхъ каждые три мѣсяца, были безпрестанно заняты работами и десять лѣтъ едва были достаточны для того только, чтобы устроить дорогу для перевозки камней.... Сооруженіе самой пирамиды, носящей имя Хеопса, продолжалось двадцать лѣтъ.»

«Чтобы достать денегъ для этихъ огромныхъ работъ, Хеопсъ дошелъ до того, что принудилъ дочь торговать собою. Мнѣ не сказывали, какую сумму выручила она, продолжаетъ Геродотъ, но увѣряють, что вздумавши составить памятникъ собственно для себя, она потребовала отъ каждаго изъ своихъ любовниковъ по камню, и изъ этихъ камней соорудила пирамиду * ....»

«Къ этому на ло прибавить, что механическія пособія не были извѣстны во время фараоновъ, сколько не толкуютъ о египетской мудрости; изображенія на стѣнахъ древнихъ храмовъ сохранили намъ вѣрности тогдашній способъ перевозки камней: тысяча человѣкъ, запряженныхъ веревками въ полозья, перевозятъ на себѣ колонну или камень.»

«Признаюсь, я смотрѣлъ не съ восторгомъ, къ которому былъ подготовленъ всѣми описаніями путешествій по Египту, но съ невольнымъ ужасомъ на эту громаду, свидѣтельствующую втеченіи пяти тысячъ лѣтъ о владычествѣ фараоновъ. Пускай бы изящныя формы, искусство увлекли васъ, заставили умолкнуть воспоминаніе, это другое дѣло: можетъ-быть я бы и опомнился впоследствии, отъ удивленія, но уже высказавшись; или я уже такъ устарѣлъ, что не могу восхищаться красотой пирамидъ! Однако же я засматриваюсь на обломокъ греческой статуи, на отторгнутую руку или ногу и создаю по ней въ своемъ воображеніи цѣлое съ любовью, какъ зоологъ по одной кости создаетъ давно погибшее съ лица земли животное.»

Все это такъ просто, натурально, незатѣйливо! Такъ и ви-

* Her. CXXVI.

двѣтъ, что господинъ Ковалевскій олимпиадизировался въ Африкѣ и смотритъ на все съ должной точки зрѣнія, какъ могутъ смотреть только одни туземцы; но до чего никогда не достигали французскіе путешественники. Простота и естественность чудное дѣло въ искусствѣ описанія.

Но простите, пирамиды; мы сядемъ на пароходъ и ѣдемъ по Нилу до Маніе. Путешественникъ очутился въ Бени-Суэфѣ. «Было» около одиннадцати часовъ. Полная луна и толпы звѣздъ свѣтили изъ всѣхъ силъ, не знаю только для кого, потому что въ улицахъ не было духа; словно вымершій городъ, а въ немъ было до 8,000 жителей, это было подобіе Пемнев, какова она теперь. Странно было видѣть безъ привычки дома безъ крышь....

Видите, что и на Нилѣ бываетъ большая качка; такъ что даже нельзя порядочно внести въ путевыя записки нильскія впечатлѣнія!

«Присутствіе людей на улицахъ Бенисуэфа въ такую необыкновенную пору, и главное людей европейскихъ, которыхъ африканскія собаки чувтъ издалека, пробудили и возмутили болѣе безпокойную изъ нихъ: она подняла лай, ея призыву послѣдовали другія и скоро сверху и снизу, изъ подъ ногъ, сыпались и выходили собаки, которыя гнались за Европейцами до парохода.» Столько о Бенисуэфѣ, стоящемъ на мѣстѣ древняго Птоломейдона!

Но съ парохода трудно, какъ извѣстно, наблюдать общественную жизнь Египта; не смотря на то, господинъ Ковалевскій, путешественникъ опытный, собираетъ свѣдѣнія тамъ, гдѣ другой бы пролетѣлъ, не обративъ вниманія. Приводимъ любопытную черту изъ жизни деревни Бурачь. Черта эта отлично характеризуетъ прибрежныхъ жителей Нила: «Послѣ всего сказаннаго мною, не странно ли встрѣтить въ Египтѣ Альме и Гавазе, что нынче слилось въ одно и то же и нравами и одеждой. Общій уровень, подъ который не подходитъ только паша, въ Египтѣ составляетъ условіе и законъ жизни, едва ли не важнѣйшій самаго корана. Альме и Гавазе платили нѣкогда подать наравнѣ со всеми жен-

щинами сомнительнаго поведения: эта отрасль промышленности приносила вице-королю огромныя суммы. Развратъ, особенно въ Каирѣ и Александріи, превосходилъ всякое описаніе. Муллы, люди съ нравственностью не совѣсьмъ рибною и европейскіе консулы, возмущенные зрѣлищемъ соблазна, безпрестанно представлявшагося во всеувидѣніе на площади Эзбекіе, старались убѣднть вице-короля уничтожить этотъ новаго рода откупъ, но тщетно.—Альме и Гавазе, безъ которыхъ прежде не обходился ни одинъ праздникъ правовѣрныхъ, были сосланы въ Эсне. Не знаю, почему именно Эсне избранъ для ихъ мѣстопробыванія, но здѣсь онѣ, на правахъ ссыльныхъ, получаютъ солдатскій паекъ и даже отправляютъ прежнее занятіе танцовщиць, разумѣется только для любознательныхъ путешественниковъ, стремящихся съ такою жадностью поучиться всему въ далекіихъ странахъ своихъ и достигающихъ до Эсне съ единственною цѣлю испытать сильныя ощущенія, доставляемыя этими женщинами. Таково уже кочующее племя путешественниковъ! У вторыхъ пороговъ оно однако исчезаетъ, возвращаясь отсюда домой, гдѣ съ гордостью разсказываетъ, что оно переступило черезъ тропики, видѣло пирамиды, крокодиловъ, Оивы и Альме»!...

«Почти всѣ Альме и Гавазе собрались въ домъ, гдѣ мы остановились. Тутъ были сиріянки, гречанки, коптки и наконецъ сама Софія... Софія нѣкогда была любимицей важнаго лица и несмотря на открывшуюся измѣну, такъ легко за нее поплатилась. Привели музыку: эта восточная музыка извѣстна: скрипящая, жужжащая, гремящая; она состоитъ изъ разныхъ барабановъ, чего-то въ родѣ скрипки объ одной струнѣ и дудки, и тѣмъ лучше, чѣмъ сильнѣе подираетъ по кожѣ своими звуками. Альме сначала пѣли, потомъ двѣ изъ нихъ вышли впередъ и стали танцовать. Онѣ были въ коротенькихъ, весьма богатыхъ, шитыхъ золотомъ курточкахъ; подъ этими курточками, едва застегнутыми внизу, безъ рукавовъ, видѣлись кисейныя сквозистыя рубахи; головы украшались ниспадающими въ прядяхъ роскошныхъ

черныхъ волосъ золотыми и серебряными монетами и шнурками; на рукахъ были толстые браслеты; наконецъ широкія шаровары, ниспадавшія въ видѣ юбки, довершали нарядъ. Пляска Альме состояла большею частью въ позѣ, мимикѣ, въ дрожаніи, но эти движенія были сладострастны, такъ гибки, полны нѣги, трепета, волненія, что дѣйствительно пельзя было не удивляться имъ. Пляска цыганокъ жива, сладострастна, но въ ней много дикаго, много оргіи; у Альме больше нѣги, спокойствія. Это климатическое отличіе».

«Альме пѣли, пили и курили. Развеселившись, нѣкоторые изъ нихъ рѣшились танцовать «осу» нахле. Дѣло состоитъ въ томъ, что танцующая воображаетъ, будто ее укусила оса и ищетъ этой осы въ своемъ платьѣ. Альме вышла на сцену; она долго не рѣшалась танцовать; наконецъ побуждаемая пѣснями, тѣлодвиженіями, музыкою, гиканьями, которыя становились все громче, изступленіе, разгорячаемая виномъ, она мало-по-малу воспламенилась и съ припѣвомъ «нахле-эгу! нахле-эгу!» т. е. ой оса, ой оса! Начала искать роковую пчелу, сбрасывая съ себя платье»....

«И ни одинъ тѣлодвиженія Альме изображаютъ эту нѣгу, эту роскошь тѣла. Липо полно сладострастія; глаза томны, полуприкрыты рѣсницами, щеки пылаютъ, уста полураскрыты. Она сочувствуетъ вполне своей пляскѣ; она наслаждается сладострастіемъ до изступленія».

Сіуть одинъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ Египта, замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь совершилась весьма важная политико-арифметическая задача Египта: тутъ Мегеметъ-Али привелъ къ одному общему знаменателю укрывшихся здѣсь мамелюковъ и горожанъ. Но оставимъ въ покоѣ этотъ замысловатый Сіуть и возвратимся къ своему предмету, то есть, къ женщинѣ.

Женщина, какъ извѣстно, играетъ важную роль во всѣхъ путешествіяхъ по Востоку; вотъ почему она не могла не попасть и на страницы путешествій по Египту. Впрочемъ на-

добно сказать правду, что разсужденіе господина Ковалевскаго о значеніи женщины въ обществѣ не отрадное и что не говорите, а кажется онъ не любитъ прекраснаго пола, если рисуеть его только одну темную сторону.

«Нѣкоторые французскіе писатели распространили мнѣніе, что необразованность, фанатизмъ и нетерпимость на Востокѣ зависятъ преимущественно отъ отсутствія изъ общества женщинъ, ихъ заточенія, невольничества. Постараемся доказать неосновательность такого мнѣнія. Во-первыхъ, женщина на Востокѣ не невольница: это пора бы узнать по крайней-мѣрѣ тѣмъ, кто беретса о ней писать, развѣ названію невольницы придадутъ слишкомъ обширное значеніе. Она выходитъ или выѣзжаетъ изъ-дому, смотря по ея состоянію, когда хочетъ, посѣщаетъ бани, базары, дѣлаетъ визиты своимъ пріятельницамъ, неспросяся мужа, и конечно безъ него; потому что выйти въ сопровожденіи мужчины ей также предосудительно, какъ у насъ выйти безъ мужчины, одной: это предупрежденіе, предразсудокъ, какъ и всякой другой, безъ значенія и послѣдствій. Болѣе, мужъ, увидѣвши у порога комнаты своей жены папуши посѣтительницъ, не посмѣетъ войти въ комнату, ни спросить объ имени гостей. Женщина выбираетъ знакомства по сердцу, во все несправляясь съ интересами супруга, и никогда, ни одинъ мужъ не рѣшился употребить ее орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей, хотя на востокѣ это было бы одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ, и только сила или слишкомъ хитро веденная интрига могутъ извлечь женщину изъ чужаго гарема. Женщину въ гаремъ окружаетъ возможное довольство, даже роскошь, если мужъ богатъ. Всегда умѣренный въ желаніяхъ, самъ онъ живетъ въ комнатахъ, гдѣ едва есть бѣдный диванъ, одѣвается просто, не тратитъ денегъ для себя и жертвуетъ всѣмъ для украшенія гарема: это его земной рай, въ которомъ онъ проводитъ большую часть свободныхъ часовъ. Только объевропеевшіеся Турки, ищутъ развлеченія въ обществахъ. Придайте этой жизни хотя нѣсколько колорита, энергіи чувствъ, а не одной чув-

ственности, и вы поймете, какого значенія могла бы быть домашняя, внутренняя, сосредоточенная около одного предмета жизнь восточной женщины; потому что здѣсь, какъ и у насъ, это не больше какъ условленный раздѣлъ занятій между мужемъ и женой: мужъ несетъ обязанности общественыя, если онъ поставленъ въ уровень съ ними, или хлопочетъ о прокормленіи семьи, если этой работы достаточно, чтобы поглотить его дѣятельность; женѣ отдана лучшая, но и труднѣйшая часть: семья, попеченіе о мужѣ, о томъ, чтобы вознаградить его раемъ домашней жизни за труды, страданія, лишенія всякаго рода, борьбу нескончаемую, которую онъ ведетъ въ этомъ водоворотѣ свѣта, между-тѣмъ какъ она, женщина востока, наслаждается миромъ въ своей семьѣ».

«Да пускай вспомнить обвинители мнимаго невольничества женщины на востокѣ, какихъ страданій, сколькихъ мучительныхъ страстей избавлена она! Если спросить откровенно многихъ изъ нашихъ женщинъ, посвятившихъ жизнь свою обществу, что вынесли онѣ изъ него, что оставили въ немъ?—Вынесли преждевременныя морщины, разстройство нервовъ, оставили часть своего истерзаннаго сердца и нерѣдко поруганное имя.... О, какъ бы онѣ были счастливы, если бы никогда не знали этого общества. Послушайте, что говоритъ одна изъ умнѣйшихъ женщинъ, французская писательница: «Это бремя условій, лицемѣрія, принужденія, которое несетъ женщина, способно убить самую пламенную душу: она—рабыня свѣта, рабыня мужа, рабыня обязанностей, и за все это не имѣетъ никакихъ правъ, кромѣ притворнаго поклонничества мужчине, которымъ всякая умная женщина должна оскорбляться, потому-что въ немъ или снисхожденіе къ ея слабости, или покушеніе на ея доброе имя; повторяю,—она рабыня, какою была тысячу лѣтъ тому назадъ, только сознающая свое рабство», и такъ далѣе. Вотъ голосъ болѣе тихій, болѣе простой, но не менѣе убедительный, русской писательницы—дѣвушки: «Ни одно существо такъ не связано и не поработчено приличіемъ, какъ

дѣвушка и ни на комъ не лежитъ такъ тяжело карающая власть свѣта. Она обязана жить беззаботно улыбаясь, тогда какъ она живетъ безъ пользы себѣ и другимъ, безъ цѣли, безъ занятій».—Это не пустыя фразы, но голосъ, исторгшійся въ минуту откровенія изъ глубины сердца. Это фактъ, который сердце вписало кровью въ протоколъ женскаго приговора, в потому я привелъ его въ свидѣтельство своихъ словъ».

«Я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы проповѣдывать изнаніе женщины изъ общества, но во-первыхъ, думаю, что и нея и безъ того слишкомъ большія, важныя, святыя обязанности, и что она, посвящая себя свѣту, приноситъ жертву, которую общество не умѣетъ достойно цѣнить. Во-вторыхъ можетъ-быть скажутъ, что эта-то жертва и очищаетъ общество, что она для него необходима: укажу на одну изъ просвѣщеннѣйшихъ державъ, которая умѣла достигнуть своихъ высокихъ цѣлей безъ участія женщины, и въ какое время? когда весь свѣтъ болѣе или менѣе былъ погруженъ въ невѣжество. Я говорю объ Испаніи магометанской, время владычества Аравитянъ, по изгнаніи которыхъ въ одной Кордовѣ духовенство публично сожгло 200,000 книгъ! Теперь едва ли во всей Испаніи, найдется столько книгъ; говорю объ Испаніи, халифы которой за гирь требовали книгъ и воевали для покоренія просвѣщенія!... Женщина въ то время играла между ними почти ту же роль, которую она играетъ теперь на востокѣ, между ѣми, какъ въ остальной Европѣ, ее уже воспѣвали, ее ботворили».

«Взглянемъ на вопросъ съ другой болѣе матеріальной точки рѣнія: участіе женщины въ обществѣ породило въ одной Франціи тысячи преступленій. Въ Турціи въ 1847 году было 0, а въ Египтѣ 18 женщинъ, сужденныхъ и осужденныхъ. Ырте послѣ этого, что женщины умягчаютъ нравы! всѣ, или почти всѣ, были судимы за гаремныя преступленія, измѣну супружеской вѣрности, за что на образованномъ Западѣ не судятъ, за отравленія, побудительною причиной которыхъ была

ревность. Правда, эти гаремныя преступленія бываютъ иногда ужасны, но развѣ исторія съ Лафаржъ и другія подобныя ей, совершились не на нашихъ глазахъ?

«Повторяю, что я вовсе не гонитель женщинъ изъ общества, но совершенно убѣжденъ, что не отсутствіе ихъ вѣрчнною нечѣжества востока;—имѣли же Турки и безъ нихъ высокія добродѣтели, еще и нынѣ имѣютъ нѣкоторыя; убѣжденъ, что женщина на востокѣ не невольница, не вѣчная страдалица, она даже часто имѣетъ вліяніе на общественныя дѣла, какъ на примѣръ, теперь въ Константинополѣ, въ самомъ дворцѣ султана.... Она въ нѣкоторыхъ случаяхъ унижена, особенно, если смотрѣть на предметы съ европейской точки зрѣнія, но мысль о ея неприкосновенности, заключается въ самыхъ нравахъ мусульманъ: такія образы, преступникъ, достигшій порога гарема султана, и вообще своего судьи, по закону прощается: онъ подъ пачкительствомъ женщины....»

Оставя въ покоѣ печальную Нубію, послѣдуемъ за страствователемъ въ нубійскую пустыню. Есть случаи, въ которыхъ разсказъ господина Ковалевскаго неподражаемъ! Это можно сказать о разсказѣ какъ авторъ переѣзжалъ пустыню. Читая его строки, такъ и чувствуете, что вы въ Африкѣ; изнемогаете подъ тяжестью жара и жажды; вѣчно видите дали миражи; чувствуете хамсинъ, предчувствуете нападеніе тигра, и не повѣрите съ какою радостью дочитавъ главу о пустыни пробуждаетесь будто ото сна и начинаете осматривать все предметы, окружающіе васъ, чтобы увѣриться, что вы не спите, а бодрствуете и что вы не въ Африкѣ. Не смотря на то вы все еще не идете прочь изъ головы историческое изслѣдованіе господина Ковалевскаго о происхожденіи названія Чертовой горы.

Вотъ это нубійское изслѣдованіе, вполнѣ сохранившее на себѣ отпечатокъ мѣстности.

Господинъ Ковалевскій ѣдетъ и замѣчаетъ гору.

«— Ахметъ, что это за гора?

«— Чортова гора.

« — Отчего жъ она Чортова?

« — Ночью тутъ слышится чортова музыка.

« — Ты слышалъ?

« — Сколько разъ!

« — Хорошо?

« — Только трубы, да по временамъ барабаны: настоящій шабашъ. Ну ее совсѣмъ!

« — Зачѣмъ же тутъ музыка?

« — Долго разсказывать.

« — Успѣешь, хоть начни отъ Адама.

« Правду сказать, Арабы, о чемъ бы ни заговорили, начинаютъ всегда такъ издалека, что едва достанетъ терпѣнія дослушать, но въ пустынѣ радъ-радехонекъ, когда хоть часть пройдетъ не замѣтно. Обыкновенно выживешь его сознательно до секунды, выстрадаешь до послѣдней капли терпѣнія. Всякая остающаяся до привала минута дастъ себя почувствовать, какъ-будто хочетъ сказать: ты нѣкогда говорилъ, что дорожишь мною, ты готовъ былъ остановить солнце, чтобы удержать меня; ну, вотъ солнце остановилось прямо надъ головою у тебя; живи себѣ, наслаждайся мною, вотъ я вся тутъ, и длинна и скучна!...

« Ахметъ началъ, и продолжалъ гораздо длиннѣе, чѣмъ стану говорить я.

« Въ Суданѣ жилъ чортъ, лихо жилъ,—пока не женился! тутъ пришлось ему худо. Говорятъ, женщина у мусульманъ — ничто, вещь, дрянъ; все это кажется такъ, съ-виду; въ-сущности, женщина вездѣ женщина, и если захочетъ, не только Турка, сатану въ руки возьметъ. Исторія представляетъ много тому примѣровъ; этотъ еще не вошелъ въ исторію. Чорту пришлось такъ худо, что онъ въ одну прекрасную ночь покинулъ свой благословенный Суданъ и бѣжалъ, куда глаза глядятъ, бѣжалъ, куда не могла послѣдовать за нимъ его дражайшая половина, въ большую Нубійскую пустыню, которая и тогда носила это же названіе, и тогда была такъ страшна, какъ теперь. Только здѣсь на горѣ, онъ пріостановился перевести духъ, и довольный тѣмъ,

что уже далеко отъ жены, задалъ себѣ пирушку, которая была слышна на другомъ концѣ пустыни. Въ это время проходилъ тутъ ученый, изъ Каира; шелъ онъ долго, усталъ, проголодался, и какъ ни подозрителенъ казался этотъ гамъ среди пустыни, но онъ рѣшился итти на него: голодъ и ученый придаетъ храбрость. Чортъ обрадовался посетителю; видите ли, онъ былъ чортъ социабельный и скучалъ въ одиночествѣ. Пошли распросы, какъ, зачѣмъ, откуда?

« — Изъ Каира, отвѣчалъ эфенди.

« — А я въ Каиръ, говорилъ чортъ. — Что тамъ?

« — Худо! Отъ жонъ житья нѣтъ. Я ушелъ отъ жены.

« — Вотъ хорошо! а я убѣжалъ отъ своей изъ Судана.

« Извѣстно, что несчастія сближаютъ людей, но неизвѣстно было, что они сближаютъ чорта съ человѣкомъ. Нечистый, за веселымъ ужинкомъ съ эфенди, предложилъ ему слѣдующую сдѣлку.

« Идемъ въ Каиръ, сказалъ онъ, — и дадимъ себя знать женщинамъ; я стану поселяться то въ той, то въ другой, разумѣется знатнѣйшей и богатѣйшей, стану мучить ее, тѣшиться ею, а ты станешь заклинать и выживать меня; я буду слушаться и оставлять свое жилище, переходя въ другое, еще избраннѣйшее, а ты станешь наживать деньги за свое искусство. Натѣшимся въ-волю.

« Ученый былъ не промахъ. Помялся, будто и не по немъ сдѣлка; представилъ затрудненія со стороны совѣсти, жены и прочаго, насказалъ, что говорится въ подобныхъ сдѣлкахъ съ чортомъ, и кончилъ тѣмъ, что согласился. Дьяволъ даже не выторговалъ себѣ при этомъ души эфенди, потому ли, что былъ добрый чортъ, или потому, что не дорожилъ такимъ приобрѣтеніемъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, чортъ ли ему въ душѣ эфенди! за рубль купишь ее въ Египтѣ.

« При содѣйствіи нечистой силы, наши путники перевеслись скоро въ Каиръ. Чортъ началъ кутить. Прежде всего онъ поселился въ дочери визиря. Дѣвушка взбѣленилась; весь домъ переполошился. Стали искать знахаря, отыскивали нашего эфенди, и тотъ, какъ рукою снялъ бѣду: чортъ вы-

прыгнулъ изъ хорошенькаго тѣльца, съ тѣмъ, чтобы перенестись еще въ лучшее, болѣе развитое, роскошное, полное вѣги и пламени, въ которомъ онъ зажилъ, какъ въ своей стихіи; не помню, кому принадлежало это тѣло, только эфенди и отсюда выгналъ его, не поморщившись отъ усилія. Словомъ, работа пошла спѣшно. Деньги сыпались на эфенди, который жилъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

« Наконецъ чортъ, какъ ни глупъ былъ, надоумился, что онъ работаетъ для другаго, работаетъ прилежно и безвозмездно. Онъ отправился къ эфенди и сталъ ему приводить резоны, что добытыя общими усиліями деньги слѣдуетъ раздѣлить по поламъ; но ученый мужъ, который, по турецкой привычкѣ, спѣшилъ понажитья, зная, что завтрашній день не принадлежитъ ему, и видя, что нечего больше ожидать отъ своего товарища, потому-что тотъ уже обошелъ всѣ богатѣйшія семейства, отказалъ ему наотрѣзъ.

« Хорошо же, сказалъ дьяволъ: — я съумѣю погубить тебя; не помогутъ и богатства.

« И онъ поселился въ женѣ и первой любимицѣ султана.

« Эфенди понялъ его замыслы и, догадываясь, что чортъ, на этотъ разъ, ни за что не согласится выйти изъ своего жилища, бѣжалъ. Но бѣднягу поймали и объявили, что будутъ бить до тѣхъ поръ, пока не выживетъ нечистаго изъ султанши или пока не забудутъ его до смерти.

« Ученый смутился передъ чортомъ, просилъ, заклиналъ, предлагалъ не половину — всѣ свои богатства; напрасно: чортъ рѣшился отомстить. Наконецъ эфенди спохватился.

« — Хорошо, сказалъ онъ: — я погибну, это такъ, но и тебѣ будетъ не легче.

« — А что?

« — Когда я бѣжалъ изъ Каира, мнѣ попалась навстрѣчу твоя жена и стала спрашивать, гдѣ отыскать тебя? Я все рассказалъ; она недалеко.

« Чортъ опрометью кинулся изъ тѣла султанши и пустился бѣжать, куда глаза глядятъ, а эфенди зажилъ себѣ при-

пѣваючи, славши жену какому-то бѣдняку съ значительной прибавкою денегъ.

« — А музыка-то на горѣ отчего? а Чортова гора отчего? спросилъ я, уже позабывши начало разсказа.

« — Какъ, отчего! говорилъ Ахметъ: — оттого, что чортъ тутъ останавливался и пировалъ съ эфенди: музыка съ тѣхъ поръ отдается на горѣ.

« Такъ, какъ!

Но пожалуйста не забывайте, что мы въ Африкѣ. Вамъ сильно захотѣлось пить, чтобы утолить жажду послѣ жары и разсказа Ахмета. Вамъ даютъ изъ кожанаго мѣшка воды, которой химическій составъ господинъ Ковалевскій опредѣляетъ такъ: возьмите стаканъ чистой воды, смѣшайте въ ней ложки двѣ грязи, прибавьте соли и часть гнилого яйца, настояте все это на полынь, и вы получите воду, во всеѣ подобную той, которую мы, послѣднее время, пили въ пустынь».

Но какъ вода эта вамъ конечно не поправится и вы ни за что не станете пить ея, то господинъ Ковалевскій знаа, что на человѣка больше всего дѣйствуетъ воображеніе хочеть обмануть вашу жажду и перенесши васъ въ Френгистанъ, именно въ Россію, и разсказываетъ какъ зимою въ дорогѣ, когда, прозябшій до костей, путешественникъ входитъ въ комнату станціоннаго смотрителя, одинъ видъ кипящаго самовара уже оживляетъ его; веселое урчанье пробуждаетъ пріятныя мысли, и чувствуетъ бѣдный странникъ возвращеніе жизни, по мѣрѣ того, какъ благотворная влага пропиткаеть въ остывшую кровь его!

Вслѣдъ за этимъ вамъ разсказываютъ исторію чаа. Конечно въ нубійской степи всякій предпочелъ бы чай, самой полнѣйшей его исторіи; но понеже тамъ чаю не видѣется то вотъ вамъ исторія его: «Въ III столѣтїи уже находимъ Китай, опивающійся чаемъ. — Нельзя безъ страха вспомнить, что мы чуть не лишились на долгое время этого цѣлебнаго напитка: Китайцы насильно, несмотря на всѣ знаки неудовольствія русскаго посольства, бѣвшаго въ XVIII столѣтїи и

Пекинѣ, навязали ему нѣсколько цибиковъ чаю; русскіе хотѣли выбросить его, но умные Москвичи разчмаковали это зелье и умѣли оцѣнить его по достоинству. Давно ль было это дѣло, а теперь въ Россіи получается около 10 милліоновъ фунтовъ чаю, да въ Европу, которая около того же времени познакомилась съ чаемъ черезъ Голландцевъ, и въ Америку отпускается до 50 мил. фунтовъ.

Наконецъ «странствователь по сушѣ и морямъ» близъ Кордофана, того самого, котораго миражъ виднѣлся уже на отдаленномъ горизонтѣ, начиная съ Александріи подъ видомъ: Кордафана, Кардофана, Кардафана и наконецъ Кордофана....

Въ Картумѣ по справкамъ оказалось, что жена—это почва, которую всегда можно перемѣнять; а сынъ—сѣмя, цвѣтъ и плодъ. Такъ думаютъ въ Картумѣ, и не безъ основанія....

Послѣ этого открытія, чисто картумскаго, встрѣчаемъ другое:

«Часа за три до соединенія Бахрѣ-эль-абіадъ съ Бахрѣ-эль-азракъ, Бѣлаго Нила съ Голубымъ Ниломъ, мы уже замѣтили, что воды дѣлились на двѣ струи, которые мало-по-малу опредѣлились и наконецъ обозначились ясно: воды, катившіяся у праваго берега, были бѣлаго цвѣта; у лѣваго—голубовато-зеленаго. Двѣ рѣки никакъ не хотѣли слиться въ одну. Прибрежные жители далеко предпочитаютъ воду Голубаго Нила илистой водѣ Бѣлаго, а потому съ лѣваго берега обыкновенно посылаютъ за водой на правый. Это мнѣ живо напомнило рѣки Бію и Кутунь, которыя, соединившись вмѣстѣ и составивъ Обь, долго еще катятъ розно свои воды: одна—мутная, бѣлая, другая—свѣтлая, прозрачная.

Быть на берегахъ Нила и не сказать ничего новаго о крокодилахъ вещь непростительная. Боясь упрека путешественникъ успѣлъ замѣтить самую милую черту въ обществѣ крокодиловъ именно ихъ любовь:

«Вотъ одно изъ самыхъ крокодилскихъ ухищреній: послѣ нѣжностей любви, самой изступленной, самецъ, будто

по разсѣянности, оставляетъ свою дражайшую подругу на песокѣ; изнеможенная, она никакъ не можетъ подняться сама, бьется и терзается, а крокодилъ, говорятъ, издалека наслаждается ея мученіями, пока туземцы не увидятъ и не убьютъ ее.»

Но вы, вѣроятно, устали отъ пути и зноя африканскаго почтенный сопутникъ: присядьте же безъ церемоній, подъ этотъ прекрасный, раскидистый баобабъ. И мы вамъ расскажемъ исторію этого дивнаго растенія—прямо со словъ господина Ковалевскаго:

«Баобабъ, *adansonia gigitata* (эль омара), древнѣйшій житель міра. Баобабу, находящемуся на одномъ изъ острововъ Зеленаго мыса, Гумбольдтъ считаетъ гораздо за пять тысячъ лѣтъ; толщина его около тридцати футовъ въ діаметрѣ; мы мѣряли много деревьевъ, но ни одно изъ нихъ не превосходило 25 футовъ; возрастъ ихъ тоже почтенный, т. е., за 5,000 лѣтъ. Толщина баобаба безобразна; онъ не имѣетъ соответствующаго роста, стройности, граціозности вѣтвей, ихъ густоты, роскоши и соразмѣрности частей: это огромная масса, оканчивающаяся тонкими вѣтвями, это слонъ, мамонтъ растительности; цвѣтъ коры красивъ, металлической, стальной; но особенно поражаетъ въ баобабѣ то, что въ одно время вы видите на немъ распускающіеся листья, цвѣты и плоды. Зелень довольно мелкая, жидкая; цвѣты бѣлые, прелестные; середина цвѣтка махровая, какъ у штокъ-розы; края загнуты назадъ, какъ у лиліи; запахъ тонкій, миндальный; плодъ—какъ кокосовый орѣхъ; скорлупа довольно тонкая, подъ нею мучнистое вещество, пріятное, кисловатое, очень прохладительное и множество косточекъ, которыя Арабы иногда пережигаютъ вмѣсто кофе.

«Баобабъ большею частью дуплистъ: внутри его свободно укрывается нѣсколько человѣкъ отъ солнечныхъ лучей и отъ непогоды во время періодическихъ дождей. Къ нему всегда прилетаются стволами, и даже совѣмъ въ него врастаютъ, нѣсколько другихъ деревьевъ, особенно много ползущихъ растеній и паразитовъ и увеличиваютъ его тѣнь.

«Въ пустыняхъ Кордофанской и Дарфурской кочующіе Арабы высматриваютъ боабабы, гдѣ водятся пчелы и вынимаютъ медъ, предоставляя дупло дальнѣйшей обработкѣ періодическихъ дождей. Дожди въ короткое время производятъ разрушеніе въ деревѣ, образуя настоящіе колодцы, въ которыхъ сохраняется вода въ самое сухое время года; такое дерево составляетъ предметъ богатства кочующей семьи, которая дорогою цѣною продаетъ страннику воду,—и, вѣрьте, умирай странникъ отъ жажды, Арабъ не дастъ горсти воды, если тотъ не въ состояніи заплатить за нее.

«Первый боабабъ встрѣчается около Арбажин, дни три далѣе Картума, но, собственно, отечество его въ Россеросѣ; очень много боабабовъ въ горахъ.»

Желая познакомить соотечественниковъ съ общественнымъ бытомъ перваго негрскаго племени Бени-Шанчалу, которое встрѣтилъ странствователь по сушѣ и морямъ, онъ рассказываетъ слѣдующее:

«Дома здѣшнихъ Негровъ и Арабовъ, какъ и всѣхъ живущихъ подъ вліяніемъ тропическихъ дождей—тукули, плетеные изъ бамбука, съ высокими, конусообразными крышами. У людей, сколько нибудь по-значительнѣй или по-смышленнѣе, они стоятъ на высокихъ подставкахъ, предохраняющихъ отъ окончательнаго потопленія во время дождей; кругомъ тукуля такая же плетеная галлерей, только довольно сквозная; чтобы воздухъ свободно проходилъ внутрь ея. Вслѣдствіе этой двойной ограды, въ тукулѣ темно; да и зачѣмъ здѣшнимъ людямъ свѣтъ! они ничего не дѣлаютъ; при томъ же, большую часть дня проводятъ подъ развѣсистымъ фиговымъ деревомъ, въ общей сходкѣ, куда и женщины вибютъ свободный доступъ: онѣ не только не кутаются въ мусульманскія покрывала, но даже во-все не прикрываютъ своей наготы: только узкій поясъ, повязанный по ниже спинной кости, поясъ изъ кожаной бахромы, украшенный разными металлическими висюльками и украшениями составляетъ ихъ одежду; другіе и того не носятъ; за то множество ожерелій, браслетъ изъ слоновой кости, колець въ

лубахъ, составляютъ ихъ роскошь, украшеніе и гордость, да еще уборка головы. Надобно удивляться, какъ это нагое племя клочечетъ объ украшеніи головы! Негръ совѣтъ нагой, а въ кустоватыхъ, волнистыхъ, какъ у испанскаго барана волосахъ, торчатъ нѣсколько красивыхъ перушекъ. Здѣшніе Арабы подбриваютъ волосы подъ узоръ, то оставляя одну верхушку, которую взбиваютъ въ видѣ короны, то выбривая только одну ее, такъ-что остальные волосы ниспадають прядями, или въ кольца завитыми локонами. Этотъ головной уборъ не легко достается. Женщины принуждены уногрѣблять, вмѣсто подушки, деревянную развалину, или сنامهечку, въ которую вкладываютъ голову какъ въ клещи, для того только, чтобы не испортить прически. Иные Негры, мужчины и женщины, заплетаютъ волосы въ мелкія плетеницы; но всѣхъ головныхъ уборовъ не перечесть. Женщины завязываютъ свой бахрамистый поясъ сзади. Мужчины, употребляющіе, вмѣсто его, лоскутъ кожи, въ четверть длинной, завязываютъ ее съ-переди, такъ-что только задняя часть нѣсколько прикрыта, а съ-переди торчитъ одинъ узелъ: вотъ и вся одежда; но, какъ я замѣтилъ, многіе и ея не употребляютъ. Арабы не такъ наги; нѣкоторые, шейхи, навримѣръ, носятъ даже фереле, длинный кусокъ полотна, которымъ драпируются по произволу.

«Сначала кажется дикимъ видъ этого нагого человѣчества; какъ уголь, чернѣйшій цвѣтъ кожи поражаетъ васъ; потомъ, принимаешь его за какую-то особенную одежду, и привыкаешь къ ней. Думаешь, если бы это былъ бѣлый человѣкъ, о, тогда, конечно, нагота его была бы отвратительна, обозначая всѣ части тѣла, а тутъ чернѣйшій: все свято въ одинъ неопредѣлительный цвѣтъ. Наконецъ, и самый цвѣтъ не пугаетъ васъ; болѣе,—находишь какую-то прелесть въ этой черной, пропитанной жиромъ кожѣ, гладкой, вѣжливой, лоснящейся, какъ лайка. Сложены горцы-негры и горцы-арабы, большею частью, хорошо, особенно происшедшіе изъ этой помѣси; движенія ихъ гибки, но большею частью судорожны, какъ у животныхъ. Смѣшленность Не-

грозь ограничена, постоянно находящаяся въ дѣтскомъ состояніи, и если они дѣлають зло, то большею частью по невольному увлеченію, безъ размышленія. У нихъ есть, впрочемъ, понятіе о честности; оно выказывается больше у тѣхъ, которые нѣсколько по-образованнѣй! Послѣ бунта негровъ-солдатъ въ Валетъ-Мединѣ, военный судъ надъ ними потребовалъ выдачи зачинщиковъ: зачинщикъ явился самъ, безъ всякаго со стороны другихъ указанія. Его разстрѣляли. Не смотря на такой ужасный примѣръ, вышелъ изъ рядовъ другой, также добровольно, и—тотъ же конецъ; за нимъ выдались еще человекъ десятокъ. Уликъ на нихъ никакихъ не было, но они сами увѣряли, что виноваты не менѣе своихъ товарищей. Впрочемъ, и то надо сказать, что жизнь для Негра—самая ничтожная вещь: ему умереть ни почемъ.

«Негры—идолопоклонники, или, лучше сказать, у нихъ нѣтъ никакой вѣры: есть одни суевѣрные обряды.

Однажды, Негръ изъ здѣшнихъ, съ дѣтскою простотою, говорилъ мнѣ о своихъ умершихъ одноплеменикахъ: «Вотъ уже сколько нашихъ пошло, Богъ знаетъ куда? на моей памяти и одежъ отправился, и дѣтъ и брать: умерли, говорятъ; хорошо! да вѣдь они же воротятся; но вѣкъ имъ въ землѣ лежать!» Общій хохотъ Турковъ встрѣтилъ эту простую рѣчь, въ которой, все же таки преглядымае понятіе о воскресеніи!—Дождай! отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, воротятся, прійдутъ, скоро прійдутъ.

«Отсюда, кажется, у Негровъ обыкновеніе приходитъ на могилы и, кидая въ нихъ камнями, приговаривать: вставай, вставай! Но мертвые не встають.»

А вотъ и описаніе Африканскихъ Галловъ или Галла, такъ называемыхъ.

«Негры Галла ѣдятъ сырое мясо и это дало поводъ нѣкоторымъ говорить, что они антропофаги: совершенно справедливо! Манада и многіе, живущіе на границахъ Судана и Абиссиніи, болѣе образованны, а ѣдятъ сырое мясо. У насъ, въ Европѣ, также полагають, что сырое мясо въ нѣкоторыхъ случаяхъ здоровѣе жаренаго, и предпочитаютъ сырую

ветчину вареной. Макади и Галла постигли ранѣе эту гипнотическую истину. И дѣйствительно, они пользуются совершеннымъ здоровьемъ и живутъ долѣе другихъ Негровъ, не смотря на то, что крайніе изъ нихъ, находятся подъ экваторомъ. Наконецъ, это ихъ вкусъ, вотъ и все!.. Такимъ образомъ, на пиршествахъ, тутъ же заколотые быки, еще испаряющіе кровь, привѣшиваются къ шесту, среди пирующихъ, и каждый гость отрываетъ себѣ кусокъ по вкусу.

«Галла живутъ въ тукуляхъ, деревнями, одѣваются не много лучше другихъ, только большое кольцо изъ слоновой кости, по-выше локтя, да баранья, иногда барсовая шкура, накинутая черезъ плечо, шерстью вверхъ, отличаютъ ихъ въ битвѣ отъ другихъ племенъ; вооружены также, но у многихъ здѣшнихъ Негровъ есть щиты, а у Галла-негровъ почти у каждого, только, большею частью, не изъ гиппопотамовой, а изъ слоновой кожи. Чѣмъ же они берутъ всегда верхъ надъ другими Неграми? Во-первыхъ, многочисленностью; во-вторыхъ, единствомъ силы. На время войны, они избираютъ себѣ начальника, которъй ѣдетъ впереди, верхомъ на мулѣ, и подчиняются ему безусловно, между тѣмъ, какъ здѣшнія горы тутъ и начинаютъ безчинствовать. Пользуясь тѣмъ, что Галла упали на Камамилъ, племена, подчиненныя Камамилю, не только не подаютъ ему помощи, но встаютъ противъ него; сосѣднія вымѣщаютъ на него сзади свои недавнія обиды, пока наконецъ, не прійдетъ и ихъ очередь. Такимъ образомъ, Галла, въ послѣднее время, доходили, почти безпрепятственно, до Бени-Шанглу, совершивъ походъ въ 600 или 700 верстъ, и въ короткое время, потому-что они должны какъ-можно торопиться домой, въ опасеніи наступленія харифа. Экспедицію свою они предпринимаютъ въ началѣ апрѣля, и слѣдуютъ обыкновенно во Тумату, потому-что вода, здѣсь, первое условіе всякаго свободнаго дѣйствія, условіе успѣха и жизни; тучю несутся они; но молва вездѣ предупреждаетъ ихъ. Сосѣдственныхъ съ ними Негровъ Берта, какъ-то, Шумбу и другія горы, они не трогаютъ, потому ли, что это ихъ вассалы или

по другой причинѣ, — не знаю; но и тѣ дрожать при этомъ походѣ: никто не надѣется на прочность мира, и многіе, на всякой случай, убираются съ дороги. Подымается суета, словно въ муравейникѣ: бѣгутъ съ горы на гору, просятъ помощи, вооружаются, рѣжутъ другъ друга на непрерывныхъ сходкахъ; рогъ не перестаетъ сзывать отовсюду людей, огни не угасаютъ во всю ночь, на всѣхъ горахъ. Мекъ Камамилла отдаетъ меку Бени-Шанглу свою дочь, шлетъ золото въ Фасдуръ: ему обѣщаютъ помощь.... но вотъ Галла уже возлѣ, на горѣ.... и все гибнетъ, или отдается въ рабство, увлекается далеко отъ родныхъ горъ, къ людямъ, которыхъ другіе Негры считаютъ людоедами. Убить Галла здѣсь геройство, торжество; трупъ изрѣзывается на сотни кусковъ, и эти куски разносятся, какъ трофеи, повсюду, и выставляются на-показъ, во-всеувидѣніе».

Наконецъ господинъ Ковалевскій достигъ до раздвоенія Тумата; взобравшись на вершину горы, онъ видѣлъ значительную долину....

«Вокругъ меня, и преимущественно на-лѣво, лежала земля, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ населенная, теперь совершенно пустынная, утратившая даже свое имя; Негры были истреблены или уведены въ неволю племенемъ Галла. Страна эта, конечно надолго останется пустынною, потому что она составляетъ плоскую возвышенность, ничѣмъ незащищенную отъ непріятеля. Теперь ею овладѣли слоны, которыхъ здѣсь чрезвычайно много: одинъ изъ нашихъ людей видѣлъ цѣлое стадо, въ которомъ насчиталъ сто тридцать слоновъ; имъ тутъ приволье; окрестные жители неумѣютъ охотиться за ними, какъ Негры Бѣлаго-Нила; правда, тутъ нѣтъ воды на поверхности, но слонъ нашелъ способъ добывать ее: ложится въ русло Тумата, и валяется до-тѣхъ-поръ, пока не прожметъ песокъ; тогда встаетъ; вода выступаетъ въ образовавшейся ямѣ, и остается на нѣсколько дней.

«Я назвалъ эту страну Николаевской; ее перерѣзываетъ рѣчка, въ это время года, конечно, высохшая, уже поте-

равная свое имя, а потому я назвалъ ее на своей картѣ Невкой; это названіе можетъ служить указаніемъ, до какихъ мѣстъ доходилъ европейскій путешественникъ и какой націи принадлежалъ онъ. Но мои мысли, глаза стремились на югъ, къ источникамъ Бѣлаго Нила, о которыхъ еще ни отъ кого не слыхалъ, не смотря на всѣ мои распросы».

Такова восточная сторона Африки по словамъ странствователя по сушѣ и морямъ. Все замѣчательное что только нашли мы въ нихъ, сообщаемъ и читателямъ этого изданія. Какими же путями сѣверный путешественникъ возвратился обратно, о томъ въ слѣдующемъ номерѣ.

ОТВѢТЪ

НА ПРАВДУ БЕЗПРИСТРАСТНАГО ЯРМЯНИНА.

=

Въ третьей книжкѣ Сына Отечества напечатана «Правда безпристрастнаго Армянина о второй части моей книги Грузія и Арменія.» Хотя я не имѣю обыкновенія отвѣчать на различныя критики, появляющіяся въ журналахъ, однако на этотъ разъ почтаю себя обязаннымъ отозваться на статью уважаемаго мною критика, потому собственно, что онъ коснулся догматовъ. Не могу не пожалѣть, что почтенный защитникъ своихъ отечественныхъ преданій не сообщилъ мнѣ предварительно тѣхъ сомнѣній, какія возникли въ душѣ его при чтеніи моей книги; многія изъ нихъ я могъ бы разъяснить ему словесно, не оглашая нашего пренія, и хотя довольно милостиво изложены его замѣчанія, однако я увѣренъ, что онъ отложилъ бы по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, если бы убѣдился, что я писалъ болѣе въ пользу Армянской Церкви, нежели противъ нея. Дѣйствительно я старался скромнымъ образомъ раскрыть, въ чемъ состоятъ взаимныя недоумѣнія наши, для того чтобы со временемъ можно бы-

ло ихъ согласить. Умолчать же о нихъ и говорить только: «что не смотря на многовѣковой разрывъ, одно и то же исповѣдуются въ обѣихъ церквахъ», — это было бы несогласно съ настоящимъ положеніемъ и съ будущею пользою самаго дѣла. Отъ того остались тщетными и всѣ совѣщанія Армянъ съ Греками въ двѣнадцатомъ столѣтіи; ибо первые, изъявивъ *согласіе безъ всякаго прекословія*, упоминали одного въ соборномъ своемъ посланіи только о трехъ первыхъ соборахъ и умалчивали о четвертомъ и послѣдующихъ, а безъ гласнаго признанія всѣхъ семи не могло быть мира. Такого рода недоразумѣнія старался я разъяснить въ моей книгѣ и нарочно выставлялъ ихъ для того собственно, чтобы онѣ впредь не повторялись, такъ какъ безъ полнаго и отчетливаго изложенія догматовъ, нельзя достигнуть желанной цѣли. Но гдѣ только можно было отклонять прежнія нарѣканія ереси, какъ на примѣръ касательно прибавленія къ Трѣсвятой пѣсни, вездѣ я старался раскрывать истину и конечно не къ большому разъединенію направлена моя книга. «Обличи премудраго и премудрѣе будетъ,» говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости.

Теперь я постараюсь дать отвѣтъ на замѣчанія господина Худобашева, и откровенность, съ какою я сознаюсь въ дѣйствительныхъ моихъ погрѣшностяхъ, будетъ свидѣтельствовать, что я охотно уступилъ бы ему во всемъ, если бы мнѣ это позволяла совѣсть.

Первое замѣчаніе о митрахъ, круглой и остроконечной, которыя надѣваютъ на себя епископы армянскіе. Я это приписываю смѣшенію обрядовъ греческихъ съ римскими, которое вкралось въ среднихъ вѣкахъ. Если ошибаюсь, пусть докажетъ, что остроконечная митра есть древле армянская; мнѣніе же мое, почему надѣваютъ обѣ, одну послѣ другой, должно опровергать фактами историческими или какими-либо объясненіемъ, заимствованнымъ изъ символическихъ книгъ армянскихъ, а не своимъ частнымъ мнѣніемъ. Не могу согласиться съ нимъ, чтобы употребленіе обѣихъ митръ

знаменовало общее право священства, равно епископа и пресвитера, для совершѣнія литургіи.

2. Не знаю, почему критикъ недоволенъ, что я употребляю титуло короля вмѣсто царскаго, говоря о послѣднихъ властителяхъ армянскихъ. Развѣ они не были изъ поколѣній латинскихъ королей Кипра, которые не назывались царями? — По праву наслѣдства, нынѣшніе короли Сардиніи носятъ титуло королей Кипра и Арменіи.

3. Если я говорю, о прибавленіи къ Трисвятой пѣсни, *рапятый за насъ*, что пріемлю объясненіе Армянъ, очищающее ихъ отъ нареканія въ ереси, но только сожалею о разногласіи: то кажется нельзя упрекнуть меня въ притязаніи; привелъ же я только одно сіе прибавленіе, какъ наиболѣе служившее предметомъ споровъ, и умолчалъ о прочихъ, измѣняющихся по днямъ; но это не значитъ, чтобы я не вникъ въ объясненіе Католикоса Нерсеса о семъ прибавленіи, а потому всѣ доказательства и оправданія критика мнѣ кажутся излишними; но не смотря на то, повторяю опять, что сколько бы ни было трудно отсѣчь такое прибавленіе, оно слишкомъ много возбудило подозрѣній и распрей, чтобы сохранить его въ Трисвятой пѣсни, если дѣйствительно желаютъ мира.

4. Не могу никакъ согласиться на произвольное объясненіе, которое даетъ мнѣ почтенный критикъ о прибавленіяхъ къ символу, приписывая ихъ святому просвѣтителю Арменіи Григорію-Великому. Не такъ ли обыкновенно любятъ относить къ прославленнымъ въ древности лицамъ, послѣдовавшимъ за ними событія? Конечно, Григорій-Великій, глубоко уважавшій соборъ Никейскій, на который посылалъ сына своего, не рѣшился бы такъ легко присовокупить что-либо отъ себя къ символу, да и въ этомъ не было нужды, ибо, какъ извѣстно, ересь противъ Святаго Духа явилась гораздо позже него; посему и въ символѣ Никейскомъ такъ кратко было сказано: «върую и въ Духа Святаго,» когда напротивъ того соборъ много распространился о лицѣ Сына Божія; такъ какъ

Арій возставалъ противъ его Божества. Армяне слишкомъ строго держались первыхъ трехъ соборовъ, чтобы допустить вопреки правилъ, несвоевременное прибавленіе къ символу ясь такія дополненія суть позднѣйшихъ временъ. Но сверхъ этой исторической ошибки здѣсь представляется еще другое недоразумѣніе, со стороны осуждающаго меня критика. Я говорилъ, что пывѣшній символъ Армянской церкви не сходенъ съ Никейскимъ, хотя и носитъ его имя, и намекалъ только на послѣднее прибавленіе анаемы противъ искажающихъ догматъ о Святомъ Духѣ, а мой почтенный критикъ приводитъ совсѣмъ другое прибавленіе, будто бы Григорія-Великаго, на концѣ символа: «И мы славословимъ его, иже прежде вѣковъ, поклоняющееся во Святой Троицѣ истинному Божеству, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ». Однако я сего прибавленія къ символу не вижу въ книгѣ князя Аргутинскаго, о исповѣданіи Армянской Церкви, гдѣ изложена вся литургія. Тамъ ясно сказано на страницѣ 39: «и глаголють символъ Никейскій»; за симъ слѣдуетъ онъ весь съ прибавленіями, которыхъ нѣтъ въ настоящемъ символѣ Никейскаго собора, какъ на примѣръ въ срединѣ его:» пріявшаго плоть, душу и умъ, и вся яже суть въ челоуѣцѣхъ истинно, а не мечтательно» и прочее тому подобное, а на концѣ, какъ я уже говорилъ, прибавлена еще анаема на искажающихъ ученіе о Святомъ Духѣ. Тѣмъ и заключается символъ армянскій, и послѣ него на страницѣ 41 написано: «діаконъ творитъ цѣловати Евангеліе священнику и глаголетъ: благослови владыко, а священникъ глаголетъ молитву великаго Григорія (именно ту, которую приводитъ господинъ Худобашевъ, какъ бы дополненіе къ символу): «и мы славословимъ и прочее.» Слѣдственно это уже не прибавленіе къ символу, какъ весьма ошибочно выразился мой критикъ, а совершенно отдѣльная и вовсе не принадлежащая къ символу молитва. И можно ли ихъ смѣшивать? развѣ символъ и молитва одно и то же? — Да проститъ мнѣ такое замѣчаніе почтенный критикъ, но мнѣ кажется, прежде нежели всту-

пять въ пренія богословскія, должно отличать обыкновенную молитву отъ символа вѣры.

5. Если опрѣсноки въ литургіи армянской кажутся мнѣ нововведеніемъ, то это потому, что въ среднихъ вѣкахъ вкралось въ нее много обычаевъ римскихъ, и я только коснулся слегка сего предмета въ числѣ прочихъ. Приведенное же критикомъ объясненіе, Нерсеса Клаенскаго, ничего не раскрываетъ въ пользу древности обычая употреблять опрѣсноки.

6. Не знаю, почему онъ нападаетъ и на мое истинное сказаніе, что у Армянъ есть свое лѣтосчисленіе, отъ 551 года по Рождествѣ Христовѣ, то есть со времени исправленія ихъ календаря? Развѣ ихъ памятники не носятъ на себѣ отпечатка сего лѣтосчисленія? Хотя теперь Армяне соображаются съ общимъ, но самъ критикъ сознается, что у нихъ есть и старое.

7. Надобно однако и сознавать свои ошибки, и такъ не противорѣчу, когда говоритъ почтенный критикъ, что у Армянъ бываетъ крещеніе не только въ церкви, но и въ домахъ (чѣмъ впрочемъ не подобаетъ хвалиться, ибо это послабленіе). Я ошибся также, назвавъ по временамъ года четыре армянскіе поста, въ подражаніе римскимъ, *les Quatre temps*; они существуютъ безъ сихъ наименованій, по словамъ господина Худобашева, котораго опытности очень вѣрю. Еще виноватъ я, не договоривъ въ литургіи армянской, что братское цѣлованіе переходитъ отъ клира и къ народу. Но такой ли важности эти погрѣшности, чтобы даже на нихъ останавливаться при другихъ основныхъ вопросахъ вѣры?

8. И вотъ опять я несогласенъ съ критикомъ, будто бы епископы у Армянъ прислуживаютъ Патріарху ради смиренія. У Грековъ есть четыре патріарха, предъ которыми конечно не превозносятся ихъ епископы, но не смотря на то, каждая степень сохраняетъ свой порядокъ, и только одна

служебная діаконская служить, прѣчія же священнодѣ-
ствуютъ.

9. Критикъ предполагаетъ вѣроятно, что я хотѣлъ уви-
чижить языкъ армянскій, сказавши, что онъ не имѣетъ уто-
ченности греческаго для выраженной богословскихъ, и ду-
маетъ, что я того же мнѣнія о богатствѣ латинскаго и рус-
скаго, какъ и греческаго, хотя я этого не сказалъ. Нѣтъ, и
латинскій и нашъ, равно какъ и армянскій, не могутъ срав-
ниться въ этомъ съ греческимъ, и напрасно критикъ выста-
вляетъ богатство природнаго своего языка, приводя въ при-
мѣръ глубокое и многообразное значеніе слова *лицъ*, (недѣ-
лимое существо). Между-тѣмъ онъ не сказалъ, какъ выражается
у Армянъ слово *лице*, *ипостась*, (отчего собственно и произо-
шло смѣшеніе въ понятіяхъ) и далѣе самъ себя противорѣчитъ,
когда защищая выраженіе Нерсеса, о единомъ ествѣ, при-
совокупляетъ: Армяне употребляютъ только слово естество
вмѣсто лица *in concreto*; но въ этомъ-то и состоитъ ошибка; и
какъ же не хотятъ того уразумѣть, упорно держащіяся сихъ
выраженій или защищающіе оныя, когда отъ сего еди-
наго слова зависитъ и самый миръ церковный? Потому-то и
сказалъ я, что такое выраженіе болѣе свойственно Армянамъ
и что самъ Нерсесъ, разумѣя православно догмать, употре-
блялъ иногда неточное выраженіе. Если, какъ говорить
критикъ, Греки въ началѣ неопредѣленно употребляли вы-
раженіе: лице и существо, то съ-тѣхъ-поръ, какъ они были
ясно опредѣлены соборомъ, никто уже не ставилъ одно вмѣ-
сто другаго; пусть тоже сдѣлаютъ Армяне и минуется вса-
кая причина разрыва.

10. Почему же критикъ, говоря о бесѣдахъ Феоріана съ
католикосомъ Нерсесомъ, хочетъ непременно чтобы мы вѣ-
рили подлиннику армянскому, а не греческому? — Если Ар-
мяне записали у себя свои сношенія съ Греками, то можетъ
ли быть, чтобы философъ греческій, посланный самимъ
императоромъ, не далъ бы ему вѣрнаго и полнаго отчета во

всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ? — Теоріанъ вовсе не хвалился обращеніемъ католикоса, какъ предполагаетъ критикъ, но вѣроятно, что онъ разъяснилъ ему много недоумѣній: ибо хотя Нерсесъ, еще до свиданія съ нимъ, употреблялъ правильное выраженіе о двухъ природахъ во единомъ лицѣ Богочеловѣка, но опъ не ясно видѣлъ: почему святые Аѳанасій и Кириллъ Александрійскіе, говорили о единой природѣ Слова Божія. Теоріанъ же открылъ ему истину ученымъ образомъ, изъ сличенія самыхъ текстовъ. Если я ошибочно сказалъ, что въ переводѣ армянскихъ актовъ умолчано о вторичномъ посольствѣ Теоріана, то это потому, что въ нихъ нѣтъ тѣхъ подробностей, какія находятся въ греческихъ, но я никогда не позрѣвалъ, чтобы почтенный переводчикъ могъ что либо утаить противъ подлинника; самъ же я почерпалъ бесѣды сіи въ греческомъ текстѣ, а не въ латинскомъ, какъ онъ предполагаетъ.

11. Готовъ повторить опять все сказанное мною въ пользу прекрасной книги господина Худобашева, которая дѣйствительно принесла и принесетъ много пользы, но изъ замѣчаній его на мою книгу, къ сожалѣнію, вижу, что если бы и возобновились когда либо, какъ онъ желаетъ, миролюбивыя сношенія по предмету вѣры, то едва ли бы они имѣли успѣхъ, потому именно, что Армяне не хотятъ вникнуть въ сущность предмета. Въмѣсто того, чтобы разъяснить между собою всѣ спорные пункты и предварительно рѣшить: въ чемъ можно согласиться и въ чемъ нѣтъ? — они все продолжаютъ твердить одно и то же, что нѣтъ разности между исповѣданіями греческимъ и армянскимъ, а между-тѣмъ нѣтъ между ними и мира церковнаго. Вѣроятно же есть какое либо важное препятствіе догматическое, которое надобно прежде разъяснить, и не должно сѣтовать на тѣхъ, которые благонамѣренно и благовременно трудятся надъ симъ разъясненіемъ, для желаннаго мира въ будущемъ; иначе никогда не уничтожится взаимное предубѣжденіе, особенно если вмѣсто христіанской любви, вмѣшается самолюбіе народное, съ упорнымъ желаніемъ остаться при своемъ.

Я убѣдительно прошу почтеннаго критика и всѣхъ членовъ его исповѣданія, еще разъ и съ большимъ вниманіемъ прочесть мою книгу о ихъ вѣрѣ и святынь; тогда быть-можетъ они убѣдятся, что мною дѣйствительно руководило не какое либо непріязненное чувство, но одно искреннее желаніе мира.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

А П Р Ъ Л Ъ.

НОВЫЯ КНИГКИ.

SOUVENIRS ET IMPRESSIONS D'UN OFFICIER RUSSE PENDANT
LES CAMPAGNES DE 1812, 1813 ET 1814, AVEC LA RELATION
DE LA BATAILLE DE BORODINO.

1812 годъ!... чье русское сердце не бьется сильнѣе при одномъ воспоминаніи о великой эпохѣ, въ которую Россія впервые со- знала свою мощь, выдержала непоколебимо напоръ силъ всей Европы; предводимыхъ величайшимъ полководцемъ, и, побѣдивъ враговъ, явила высочайшій примѣръ справедливости, любви къ по- рядку и заботы прошедшаго. — Русская кровь была очиститель- ной жертвою за независимость и спокойствіе народовъ; и кто знаетъ, поможетъ-ли Провидніе навсегда поставило Россію стражемъ общественнаго благосостоянія и безопасности.

Много было писано и на русскомъ и на иностранныхъ языкахъ объ этой эпохѣ: историческіе труды Бутурлина, Михайловскаго, Озюнова, Жюмнини, Шамбрэ, Коха, справедливо пользуются ува- женіемъ людей знающихъ, но намъ кажется, что мы все еще недостаточно знаемъ нашъ 1812 годъ. Историки разобрали осн-

ціальные акты, оцѣнили значеніе каждаго движенія, ошибки той и другой стороны; военные писатели вывели прекрасныя теоріи о выгодѣ отступленія во внутрь страны и преимуществѣ обороны передъ наступленіемъ; какъ будто это одно было причиною уничтоженія полумилліонной непріятельской арміи на поляхъ Россіи?... Нѣтъ!... Здѣсь дѣйствовалъ народъ, который выждалъ пока не переполнилась чаша бѣдствій его, и тогда, возсталъ онъ какъ ангелъ-мститель на защиту родины.... Арміи французской не стало и удивленная Европа увидѣла своихъ избавителей въ тѣхъ, которые имѣли право требовать у ней возмездія, какъ мстители.

Исторія и наука могли схватить только рѣзкіе и, такъ сказать, осязаемые факты этого великаго событія; но главныя пружины—духъ народа и степень его участія въ спасеніи отечества остаются до сихъ поръ малозвѣстными; даже у насъ оспариваютъ право на два великіе акта этой борьбы: пожаръ Москвы—эту очистительную жертву за землю русскую, приписываютъ случайности, а истребленіе французской арміи—морозу, какъ будто самоотверженіе и мужество Русскихъ, и гениальныя соображенія и дѣйствія Кутузова вовсе въ этомъ не участвовали.

Послѣ всего этого можно себя представить, съ какимъ живѣйшимъ любопытствомъ мы обратились къ «Воспоминаніямъ и впечатлѣніямъ русскаго офицера!» Книга эта съ первой же страницы порадовала насъ общаніемъ, что она не будетъ говорить о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ, стратегическихъ и тактическихъ маневрахъ; а расскажетъ, «что видѣлъ, дѣлалъ и чувствовалъ ея авторъ въ эпоху, столь знаменитую въ исторіи, столь славную для нашего отечества».... Авторъ былъ очевидцемъ этой великой эпохи, и находясь въ рядахъ войска, онъ конечно можетъ рассказать о задушевныхъ мысляхъ, тревогахъ и ожиданіяхъ, волновавшихъ сердца защитниковъ отечества; онъ видѣлъ, подобно Багратиону, Барклаю, Кутузову, Милорадовичу, и вѣроятно, сообщитъ нѣсколько замѣтокъ, которые объяснятъ намъ многое и живо напомнятъ славное—былое.... Въ этомъ пріятномъ ожиданіи мы перевернули двѣ страницы вступленія и принались наслаждаться впечатлѣніями и воспоминаніями.... но намъ рассказываютъ вещи давно извѣстныя; мы прочли книгу съ вниманіемъ до послѣдней страницы; и къ крайней горести убѣдились, что заглавіе неоправдывается какъ и всѣ вообще заглавія, что здѣсь почти вовсе нѣтъ впечатлѣній, а попадають нѣкоторые воспоминанія

какъ чахлая деревца въ безконечной стени—все остальное исторія, и притомъ исторія старая.

Подробный разборъ книги покажетъ, что авторъ вступилъ въ ряды арміи при первомъ извѣстіи о вторженіи Французовъ въ Россію, и въ 1812 году состоялъ въ званіи адъютанта при графѣ Сиверсѣ и графѣ Остерманѣ. Онъ нагналъ Барклаеву армію при Островнѣ, и вотъ что говоритъ по случаю происшедшаго здѣсь сраженія: «De toutes les impressions qui peuvent frapper le plus profondément un novice qui va faire ses premières armes, il n'en est pas, je pense, de plus pénibles que celles qui m'attendaient à mon début. N'ayant eu pour diriger mes pas d'autre indication, que le bruit du canon, qui grondait dans le lointain, le premier spectacle qui s'offrit à ma vue, fut l'aspect de tous les blessés, que leur état, affreux à voir pour un coeur non encore endurci aux horreurs inévitables de la guerre, forçait d'abandonner le champ de bataille, pour chercher du secours. Des crânes ouverts, des amputations de bras et de jambes.... и такъ далѣе, перечисленіе различныхъ видовъ ранъ и смертей, которыя встрѣчаются во всѣхъ сраженіяхъ.

Это пожалуй и впечатлѣнія, но они равно могутъ принадлежать любому сраженію всевозможныхъ годовъ, и къ сожалѣнію мало проявляютъ начало страшнаго 12 года, когда русская армія съ грустью шла назадъ, не предвидя конца отступленія; а гениальный Барклай въ молчаньи шелъ одинъ съ великою мыслью.

Послѣ коротенькихъ разсказовъ о маневрахъ при Руднѣ; боѣ при Красномъ (три строчки), Смоленскѣ и Волгутинной горѣ (девять строчекъ), слѣдуетъ подробное описаніе бородинскаго сраженія, похожее какъ двѣ капли воды на всѣ предшествовавшія описанія этого знаменитаго сраженія; да и возможно ли было субалтернъ-офицеру, и при томъ молодому и неопытному, слѣдить за ходомъ боя, происходившаго на протяженіи болѣе пятнадцати верстъ. Здѣсь очевидно автору пришлось заимствовать свои воспоминанія изъ печатнаго; жаль, что при этихъ заимствованіяхъ онъ не взялъ необходимаго — плана сраженія, безъ котораго длинное описаніе только утомляетъ, а не поясняетъ дѣло.

Оставленіе Москвы описано ярко и живописно — въ этомъ высказалось русское сердце; въ особенности хорошъ разсказъ о параллельномъ передвиженіи арміи вокругъ пылающей Москвы (страница 47), какъ будто для того, чтобы еще болѣе впечатлѣть въ памяти страшную картину истребленія святынь и сокровищъ древней столицы. — Еслибы авторъ описывалъ намъ только по-

добыли ощущение, если бы обрисовалъ онъ истинно-великій характеръ Багратиона, то сочиненіе его принадлежало бы общему вниманію; но кажется, что онъ считалъ все это слишкомъ мелочуднымъ, даже единственную новость своей книги — что Багратионъ былъ другомъ его отца и первоначально похороненъ въ его имѣніи, помѣстилъ въ примѣчаніи къ примѣчанію (страница 38).

Бородинское сраженіе истощило описательный и повѣствовательный талантъ автора; тарутинскій бой описать весьма дешево на поверхности: «русскій офицеръ» говоритъ только о «фланговой атакѣ корпусовъ Орлова, Багговута и Остерманда, но упоминаетъ о предположеніи главнокомандующаго предпринять на Мирава фронтальную атаку, со всѣми остальными силами; и почему-ли авторъ не знаетъ о главномъ виновникѣ усѣха — подполковникѣ (впоследствии графѣ) Толѣ, который открылъ общность французскихъ передовыхъ постовъ? Иначе какъ оправдать подобный пропускъ?

Желая вознаградить читателя за долгое ожиданіе, «русскій офицеръ» пропускаетъ описаніе сраженій при Малоярославцѣ, Вязьмѣ, Красномъ, Березинѣ, и сообщаетъ новость, которой не находимъ даже у Шамбрэ, желавшаго, во что бы то ни стало, заморозить французскую армію въ Россіи. Авторъ говоритъ (страница 54), что 22 октября погода была прекрасная и солнце шло, но въ ночь съ 22 на 23 пошелъ снѣгъ, поднялась страшная вьюга и метель, къ которой присоединился осьмнадцатиградусный морозъ. У Шамбрэ эта же вьюга появляется осенью двумя позже, и морозъ градусомъ меньше; всѣ остальные военные писатели говорятъ, что октябрьскіе морозы вовсе не были такъ страшны, и потому разстройство французской арміи до Березины должно приписать искуснымъ дѣйствіямъ русскихъ войскъ. Отчего же автору было такъ холодно?... Причина нездѣльно высказана имъ въ послѣдствіи: «Pour moi, говоритъ онъ, je n'avais pas même à cette époque de vêtements chauds, la campagne ayant commencé dans les plus fortes chaleurs, et mon service actif m'ayant toujours tenu éloigné des lieux où j'aurais pu m'en procurer...» Понятно, что въ холодной шубѣ и двухъ градусный морозъ покажется въ девять разъ сильнее. Жаль однако, что авторъ не обратилъ вниманія на прекрасную статью нашего партизана Давыдова: «Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 году?», помѣщенную въ нашемъ журналѣ и теперь перепечатанную въ полномъ собраніи сочиненій Давыдова (страницы 250—281). Къ статьѣ этой приложена сравнительная таблица во-

ізааній о состоянии погоды — вилёнскай абсерваторіі, Гурго, Шамбрэ, Наполеона, Коха и Жонниі.

Отъ Мінска; авторъ, «видя, что не предстоитъ возможности «пожинати лавры» испросилъ разрѣшеніе поѣхать домой, «дабы «собраться съ силами и приготовиться на новые подвиги». Путешествіе доставило ему случай увидѣть дымящіяся развалины Доргобужа, Вязьмы, Гжатска, Можайска и Москвы, которые «доставили ему поучительный предметъ для размышленія о непрочности дѣлъ человѣческихъ....»

Таково описаніе кампаніи 1812 года; треть занята бородинскимъ сраженіемъ, остальное наполнено летучими замѣтками о личныхъ впечатлѣніяхъ автора. Гигантскіе образы Кутузова, Барклая де-Толли, Багратиона, Милорадовича, Дохтурова, Раевского, Ермолова, Ковалевича и множества другихъ, прошли мимо «русскаго офицера» безъ слѣда и воспоминавія.

Двѣ остальные части своего сочиненія авторъ посвятилъ описанію авангардныхъ и партизанскихъ подвиговъ генерала Эммануэля, и описывая ихъ какъ очевидецъ, сообщаетъ много новаго; что жъ касается до сраженій Люценскаго и Лейпцигскаго, то авторъ опоздалъ и къ тому и къ другому; за то, въ сраженіи Кацбахскомъ, онъ описалъ распоряженіе Эммануэля къ успѣшнѣйшему поощренію солдатъ, распоряженіе во многомъ похожее на приказаніе Ибрагима-Паши подѣ Кони, который поставилъ кавалерійскую цѣпь за своею трусливою арміею, приказавъ рубить перваго отступающаго; къ счастью, испытанное мужество русскихъ войскъ сдѣлало эту предосторожность Эммануэля рѣшительно бесполезною.

При всемъ томъ очеркъ кампаніи 1813 года гораздо занимательнѣе предшествовавшаго, въ немъ встрѣчаются даже мѣста, замѣчательныя по своей новости: таковъ разсказъ о спасеніи баталіона шлицельбургскаго егерскаго полка во время переправы на Эльбѣ (страница 65 — 70), и описаніе неслыханной отважности генерала Эммануэля (80 — 84), который съ тремя офицерами, утѣрь-офицеромъ и шестью казаками, взялъ въ плѣнъ французскаго корпуснаго командира Лорвистона, генерала Дювенана, двадцать-три офицера и около четырехъ сотъ солдатъ.

Въ 1814 году отрядъ Эммануэля поступилъ подѣ начальство графа Сенъ-При; корпусъ графа сначала блокировалъ Майнцъ и потомъ двинулся къ Реймсу; и хотя авторъ полагаетъ, что разсказъ о дѣйствіяхъ подѣ Реймсомъ (страница 90 — 103) содержитъ много новаго, но мы осмѣливаемся указать ему на «По-

ходныя записки артиллериста», гдѣ тоже событіе описано еще съ большими подробностями.

Въ Парижѣ, говоритъ авторъ, «à ceux qui m'auraient demandé ce que j'y trouvais de plus remarquable, j'aurais pu répondre avec plus de raison que le doge de Venise, *c'est de m'y voir* (en vainqueur, s'entend bien); челоуѣку походному можно было ошибиться въ названіи дожа, но теперь, черезъ тридцать-пять лѣтъ, какъ не справиться, что это былъ дожъ генуэзскій, а не венеціанскій....

Парижская жизнь автора не была продолжительна; отрядъ Эмануэля двинулся въ авангардѣ войскъ къ Фонтенбло; но по случаю заключеннаго перемирія автору пришлось быть заложникомъ у Французовъ и выдержать жаркій споръ съ генераломъ Рикэ (Riquet), который по ложному доносу началъ подозрѣвать, будто русскій офицеръ разсѣиваетъ измѣну въ рядахъ войскъ его.

«Воспоминанія» оканчиваются разсужденіемъ о причинахъ политическихъ переворотовъ, причѣмъ авторъ съ рѣдкою проищательностію и безпристрастіемъ осуждаетъ гордость и близорукую самонадѣянность нѣкоторыхъ честолюбцевъ, которые для своихъ личныхъ цѣлей волнуютъ государства и народы, думая создать свое эфемерное величіе на развалинахъ общаго благосостоянія.

Впрочемъ, книга написана легко и читается съ удовольствіемъ.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ЮЖНОЙ РОССИИ, на 1849 годъ. Февраль. № 2. Одесса.

Февральская книжка Записокъ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи въ особенности замѣчательна по двумъ статьямъ: новому уставу общества и отчету его дѣйствій за 1848 годъ. Здѣсь, одновременно мы видимъ цѣль стремленій ученыхъ сельскихъ хозяевъ южной Россіи и мѣру достиженія этой цѣли. Сравнивая назначеніе общества съ его дѣйствительными трудами, и извлекая изъ этого сравненія оцѣнку его дѣйствій, мы въ той же февральской книжкѣ Записокъ имѣемъ и данныя для безошибочнаго сужденія о причинахъ недостаточной или слабой дѣятельности общества. Главнѣйшая изъ этихъ причинъ средства, то есть, авторитетъ, достоинства членовъ и деньги. Свѣдѣнія о томъ и другомъ собраны въ отчетѣ.

Императорское Общество Сельскаго Хозяйства Южной Россіи находится въ Одессѣ и существуетъ уже около двадцати лѣтъ. Въ теченіе этого времени уставъ общества, какъ бы хорошо онъ

ни былъ составленъ, не могъ не потребовать нѣкоторыхъ измѣненій. Двадцать лѣтъ для южной Россіи, края до сихъ поръ еще свѣжаго, едва открытаго, разцвѣтающаго, огромный періодъ времени! Въ двадцать лѣтъ въ сельскомъ хозяйствѣ южной Россіи явились новыя потребности, открылись новыя стороны, требующія развитія, а потому общество постоянно слѣдящее и содѣйствующее этому развитію признало необходимымъ принаровить свой уставъ къ настоящимъ нѣстнымъ потребностямъ сельскаго хозяйства и сдѣлало въ немъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія. Измѣненный уставъ былъ представленъ господину президенту общества, князю Михайлу Семеновичу Воронцову, и утвержденъ сначала имъ, а потомъ и министромъ государственныхъ имуществъ, графомъ Павломъ Дмитриевичемъ Киселевымъ.

По уставу занятія общества чрезвычайно разнообразны; въ кругъ ихъ входитъ сельское хозяйство вообще, въ самомъ обширномъ объемѣ, и въ особенности тѣ его отрасли, которыя принадлежатъ или могутъ принадлежать собственно южной Россіи. Какой обширный кругъ дѣйствій! Къ чему не пригодна наша южная природа! Какая отрасль сельскаго хозяйства не сродна ей! Нашей пшеницы вывозится въ одну Францію до милліона четвертей; въ Сардинію, въ Англію, въ Тоскану, въ Турцію, въ каждую почти по полумилліону.... откуда она? Конечно большею частью изъ Южной Россіи, изъ новороссійскаго и малороссійскаго края. Нашей шерсти идетъ за границу собственно изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ до 274,000 пудовъ, да по сухопутной западной границѣ до 127,000 пудовъ, не говоря о балтійскихъ портахъ... А вино, табакъ, шелкъ... Все это изъ южной Россіи, все это плоды богатой, роскошной нашей южной природы, плоды трудовъ тамошняго сельскаго хозяина.... И все это требуетъ развитія, улучшенія способовъ производства, расширенія способовъ сбыта, все это *можетъ* войти въ кругъ дѣятельности Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, и дѣйствительно входитъ.... Другой вопросъ — по силамъ ли общества такая разнообразная, многосторонняя дѣятельность?....

Въ новомъ уставѣ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи мы читаемъ, что предметами его занятій служатъ:

а) Воздѣлываніе пшеницы и другихъ хлѣбныхъ растений и улучшеніе плодовъ, ими приносимыхъ.

б) Размноженіе и улучшеніе разныхъ породъ рогатаго скота; а также конскихъ заводовъ и пастбищъ для оного.

в) Содержаніе и улучшеніе овецъ.

г) Средства выдѣлки произведеній скотоводства и овецоводства; какъ то: приготовленіе сала и кожъ, мытье и сортировка шерсти.

д) Введеніе и размноженіе растений, служащихъ для прокормленія скота.

е) Насажденіе тутовыхъ деревьевъ и разведеніе шелководныхъ червей.

ж) Насажденіе и улучшеніе разныхъ породъ винограда, выгоднѣйшіе способы винодѣлія.

з) Насажденіе и воздѣлываніе плодовыхъ деревьевъ, и улучшеніе качества плодовъ, разведеніе плантацій лѣсныхъ деревъ и указаніе породъ, которыя съ наибольшою выгодною могутъ быть разводимы въ различныхъ мѣстностяхъ новороссійскаго края, и удобнѣйшихъ способовъ къ размноженію лѣсныхъ деревъ.

і) Разведеніе и воздѣлываніе маслянистыхъ и торговыхъ растений, нужныхъ для фабрикъ и промышленности.

к) Пчеловодство.

л) Устроеніе водохранилищъ или ставовъ.

м) Сообщеніе жителямъ южной Россіи свѣдѣній, извлеченныхъ изъ опытовъ и наблюденій, сдѣланныхъ Обществомъ и извѣстій объ улучшеніяхъ и открытіяхъ въ иностранныхъ государствахъ по тѣмъ предметамъ, которые можно примѣнить къ хозяйству южной Россіи.

Кромѣ начертанныхъ занятій, Обществу предоставляется право распространять кругъ своихъ дѣйствій и на другіе предметы, относящіеся къ сельскому хозяйству, если опытъ убѣдитъ его въ пользѣ сихъ предметовъ.

И безъ распространенія круга дѣйствій; тотъ, что предположенъ, огроменъ, необъятенъ; и для этого круга дѣятельности нужно чрезвычайно много и духовныхъ и матеріальныхъ средствъ. Въ первыхъ Общество не нуждается.... Въ числѣ его членовъ много заслуженныхъ авторитетовъ, людей талантливыхъ, образованныхъ, дѣятельныхъ; но чтобы дѣятельность могла проявляться въ извѣстныхъ формахъ, для этого нужны и средства матеріальныя; такъ бываетъ во всемъ, и особенно въ дѣлахъ сельскаго хозяйства. Изысканія и обнародываніе изысканій требуютъ значительныхъ издержекъ, денегъ; безъ денегъ могутъ умереть въ забытіи, въ неизвѣстности самыя лучшія идеи, могутъ остаться въ ряду химерическихъ затѣй самыя лучшіе проекты; а въ деньгахъ у общества, судя по отчету, небольшой избытокъ.

По уставу Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа чле-

новъ действительныхъ, почетныхъ и корреспондентовъ. На дѣлѣ, въ 1849 году въ немъ было почетныхъ членовъ 27, действительныхъ 129, корреспондентовъ 23. Все члены могутъ присутствовать въ собраніяхъ и при совѣщаніяхъ Общества, но совѣщательный голосъ имѣютъ одни действительные члены, въ которые избираются помещики и жители ювроссійскаго края, бессарабской области и внутреннихъ губерній Россіи, равно какъ и иностранцы, извѣстные своими познаніями и оцѣтами въ сельскомъ хозяйствѣ, или учеными трудами, относящимися къ цѣли занятій общества. Общество управляется президентомъ, а въ случаѣ его отсутствія вице-президентомъ, избираемыми на три года; для производства дѣлъ есть секретарь, а для совѣщаній и подписи протоколовъ три члена совѣта. Кромѣ того Общество имѣетъ казначея, бібліотекаря и редактора записокъ. Собранія общества бывають обыкновенныя и торжественныя. Обыкновенныя собранія назначаются въ такое время года, когда действительные члены наименѣе заняты надзоромъ за сельскими работами, то есть, начиная съ октября до половины мая. Торжественное собраніе бываеть ежегодно 20-го декабря, Предметами занятій обыкновенныхъ собраній по уставу Общества бывають:

а) Чтеніе сочиненій членовъ (о которыхъ доставляются предварительно извѣщенія или къ президенту или къ секретарю) о предметахъ, относящихся къ сельскому хозяйству или близкихъ къ оному.

б) Чтеніе сочиненій членовъ, представляемыхъ предварительно на разсмотрѣніе Совѣта, согласно § 55.

в) Совѣщаніе о сихъ сочиненіяхъ и назначеніе употребленія, какое можетъ сдѣлать изъ нихъ Общество.

г) Назначеніе приобрѣтенія для Общества книгъ, журналовъ, газетъ, моделей и другихъ предметовъ, относящихся къ его занятіямъ. — Такія приобрѣтенія опредѣляются не иначе, какъ послѣ совѣщанія, балотированіемъ; при чемъ требуется непременно большинство двухъ третей голосовъ.

д) Совѣщанія о томъ, какіе изъ способовъ воздѣлыванія какихъ-либо продуктовъ сельскаго хозяйства въ другихъ губерніяхъ или иностранныхъ государствахъ употребляемыхъ, могутъ съ пользою быть введены въ южномъ краѣ Россіи; а также гдѣ и какъ должны быть произведены для убѣжденія въ пользѣ сихъ способовъ, опыты, и прочее.

Въ торжественномъ собраніи читается секретаремъ отчетъ о занятіяхъ Общества за истекшій годъ, и однимъ изъ членовъ,

приглашенныхъ совѣтомъ, рѣчь, или разсужденіе о какомъ либо предметѣ, имѣющемъ отношеніе къ занятіямъ Общества.»

Мы замѣтили уже, что способы содержанія Общества незначительны, относительно разнообразія его занятій и важности цѣли его существованія. Эти способы состоятъ: а) изъ Высочайше пожалованныхъ 12 сентября 1828 года пяти тысячъ рублей ассигнаціями, ежегодно отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства; б) изъ ежегодныхъ взносовъ дѣйствительныхъ членовъ по три рубля серебромъ съ каждаго, а также и взносовъ другихъ какихъ-либо лицъ; в) изъ суммъ, получаемыхъ отъ продажи книгъ и разныхъ другихъ предметовъ, принадлежащихъ Обществу, а также за дипломы.

Изъ отчета Общества за 1848 годъ видно, что движеніе суммъ, состоявшихъ въ его распоряженіи было слѣдующее:

По уставу Общества изъ одесскаго уѣзднаго казначейства	1,428 р. 57 к. сер.
Отъ господъ членовъ ежегоднаго взноса, а равно недоимки за прежніе годы	585 — 68 — —
Отъ десяти членовъ, избранныхъ въ 1848 году за дипломы	20 — —
Изъ канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, назначенныхъ на преміи за разведеніе лѣсовъ въ новороссійскомъ краѣ	4,500 — —
Разныхъ другихъ доходовъ	170 — —
Остатковъ отъ 1847 года	1,613 — —
	<hr/>
Всего	8,318 р. 5 к. сер.

Здѣсь деньги изъ канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора доходъ экстраординарный. Слѣдовательно, вѣсчитая остатковъ, постоянный ежегодный доходъ Общества менѣе 4,000 рублей серебромъ. — Мы съ особеннымъ удовольствіемъ, прочли перечень занятій общества въ 1848 году.

Въ теченіе 1848 года важнѣйшіе вопросы возникали по отдѣленіямъ садоводства, лѣсоразведенія, скотоводства, и въ особенноти овцеводства, шелководства, винодѣлія, и разведенія табаку.

Дѣйствительный членъ Общества К. Я. Десемать предложилъ учрежденіе комитета для испытанія садовниковъ. Предложеніе принято и составлены инструкціи для экзамена лицъ, желающихъ получить свидѣтельство въ званіи садоводства. Это вѣроятно будетъ имѣть хорошія послѣдствія, если только помѣщики постигнутъ важность

этой мѣры. Для поощренія лѣсоразведенія въ новороссійскомъ краѣ Общество издало правила о преміяхъ.

Шелководство обращаетъ на себя большое вниманіе Общества; а въ Одессѣ учрежденъ даже комитетъ шелководства, печатающій ежегодно отчеты о своихъ дѣйствіяхъ. По этой части особенно замѣчательны труды А. Ѳ. Реброва и Н. А. Райко. Въ настоящее время комитетъ шелководства собираетъ свѣдѣнія сколько именно новороссійскій край доставляетъ ежегодно шелку и дѣлаетъ опыты способа предложеннаго для предохраненія шелковичныхъ червей отъ болѣзни мюскардина.

Въ теченіи 1848 года Общество объявило важную мѣру правительства для развитія шелководства въ южной Россіи, — это готовность правительства покупать шелкъ и шелковичные коконы для отвращенія затрудненій въ сбытѣ ихъ.

Скотоводство и въ особенности овцеводство также служатъ постояннымъ предметомъ ученой заботливости Общества.

Изслѣдованіями по этой части, чрезвычайно полезными для овцеводства, много занимается дѣйствительный членъ Демоль. Замѣчательнѣйшій трудъ его въ 1848 году было указаніе средствъ къ улучшенію качества шерсти овецъ въ новороссійскомъ краѣ. Для наибольшаго развитія этого вопроса, Общество входило въ сношеніе съ извѣстнѣйшими суконными фабрикантами, французскими, англійскими и бельгійскими, и просило ихъ указать на недостатки шерстей, производимыхъ въ новороссійскомъ краѣ. Всѣ эти указанія съ замѣчаніями, были напечатаны въ Запискахъ Общества для предостереженія туземныхъ овцеводовъ, которыхъ небрежность угрожаетъ гибельными послѣдствіями тонкорунному овцеводству въ южной Россіи. Кромѣ того въ Запискахъ Общества было нѣсколько замѣчательныхъ статей о скотоводствѣ вообще, каковы на примѣръ, «практическое руководство къ гомеопатическому леченію домашнихъ животныхъ, съ указаніемъ опытовъ и прочая», «о состояніи скотоводства въ мариупольскомъ округѣ» О. Г. Пашкевича; «Fabrication du suif (о производствѣ сала)» И. А. Демоля и другія.

Разведеніе табаку, выгодное для южнаго края и годъ отъ году тамъ увеличивающееся, не могло не обратить на себя вниманія Общества. Вслѣдствіе отношенія бывшаго господина вице-президента общества Е. Ѳ. Гана, департаментъ сельскаго хозяйства выписалъ для Общества черезъ господина Титова, посланника въ Константинополь, сѣмяна турецкаго табаку, одна часть которыхъ передана въ распоряженіе попечительнаго комитета объ ипо-

странных поселенцах южной России, другая выдана некоторымъ изъ членовъ Общества, занимающимся производствомъ табаку, и наконецъ третья часть отправлена въ сельские хозяйственные вспомогательные комитеты для раздачи помещикамъ съ обязательствомъ сообщить обществу о результатахъ разведения семян, Господинъ действительный членъ баронъ П. О. Местмахеръ представилъ Обществу отчетъ о результатахъ разведения семян табаку, полученныхъ имъ отъ Общества. Эти семена были посеяны въ новоушицкомъ уездѣ, подольской губернии.

Семянъ получено:

Албанскаго табаку.	2 фунта.
Виргинскаго.	— 28 золотн.
Гаванскаго.	2 —
Мариляндскаго.	$\frac{1}{2}$ —

Собрано въ 1848 году:

Албанскаго.	19 пудъ 24 фунта.
Виргинскаго.	18 — 18 —
Гаванскаго.	5 — 17 —
Мариляндскаго.	— 10 —

Многіе изъ новороссійскихъ табако-промышленниковъ, которымъ господинъ Местмахеръ давалъ на испытаніе качества табаковъ, одобрили всѣ сорта, найдя ихъ не только мало разнствующими съ настоящимъ сортомъ табаковъ, но и сохраняющими главные его качества: плотность, упругость, сочность, или какъ они называютъ, жирность листа. Главный вопросъ заключается въ томъ, долго ли можетъ сохранять свои природныя качества табакъ, пересаживаемый на другую почву: господинъ Местмахеръ, сообщая о производствѣ дѣла, изъявилъ намѣреніе преслѣдовать его постоянно.

Труды Общества по части земледѣлія въ теченіи 1848 года также довольно разнообразны. Оно собирало свѣдѣнія о заведеніяхъ для приготовления земледѣльческихъ орудій; производило изслѣдованіе о картофельной болѣзни, распространяло свѣдѣнія о разныхъ средствахъ противъ этой болѣзни, напечатало въ своихъ Запискахъ статью господина Плещеева «Правила, какія должно руководствоваться хлѣбопашцу въ екатеринославской губерніи и прочая.»

Главнѣйшіе денежные расходы общества въ 1848 году были для развитія шелководства (девятъ-сотъ рублей серебромъ), на

виданіє Записокъ (пять-сотъ-пятьдесятъ рублей серебромъ) и на содержаніе воспитанниковъ (триста-двадцать рублей серебромъ).

Этотъ краткій очеркъ дѣятельности Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи вполне показываетъ его пользу для края. Здѣсь недостатокъ матеріальныхъ средствъ замѣняется трудолюбіемъ и талантливостью членовъ. Чтобы вполне оцѣнить дѣятельность Общества, надобно вспомнить какая огромная разница въ состояніи сельскаго хозяйства южной Россіи двадцать лѣтъ назадъ и теперь; конечно развитію его способствовало много разнородныхъ причинъ, но одною изъ нихъ, и довольно важною, конечно были и дѣйствія Общества. Пожелаемъ же ему успѣховъ въ будущемъ. Въ февральской книжкѣ Записокъ Общества, кромѣ устава и отчета, есть еще нѣсколько интересныхъ статей: «Краткое наставленіе какъ узнавать, предупреждать и прекращать цыngu (скорбутъ)»; «1848 годъ въ новороссійскомъ краѣ, въ собственномъ его значеніи и въ сравненіи съ неурожайными годами прежнихъ временъ»; «О подсобныхъ кормахъ при недостаткѣ сѣна»; «Мнѣніе о сочиненіи господина Весселовскаго Климатологическій очеркъ Россіи» и «Объ измѣненіяхъ температуры въ Одессѣ въ февралѣ 1849 года.»

Искусство наживать деньги способомъ простымъ, приятнымъ и доступнымъ всякому. *Сочиненіе Ротшильда. Переводъ съ французскаго. СПб.-бургъ, 1849, въ 32., стр. 149.*

Кто подъ душой не помышлялъ, хоть сто-тысячъ разъ въ жизни, объ искусствѣ доставать деньги легкимъ способомъ? Конечно, многие и доходили до этого искусства, но руководимые эгоизмомъ хранили въ тайнѣ свою находку. Наконецъ одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ мирѣ рѣшился открыть тайну, какимъ образомъ онъ нашлъ несметныя сокровища. Какъ велика должна быть душа Ротшильда! Ему непочемъ болѣе наслаждаться пердецствомъ въ необъятномъ соннѣ банкировъ стараго и новаго свѣта: онъ даетъ другимъ средства сравняться съ нимъ и учитъ васъ добывать деньги систематически, ясно, вѣрно. Страшно только то, что такъ какъ теперь всякій имѣетъ возможность не только сравняться съ Ротшильдомъ, но даже превзойти его, тогда все мы должны остаться безъ копейки! поэтому недостаточно и каинорискихъ золотыхъ приписокъ!—Сколько теперь падетъ наркаваній на Ротшильда: зачѣмъ онъ раскрылъ искусство отбирать у всехъ деньги! Впрочемъ, раскрывъ книгу, вы увидите, что Ротшильдъ смотритъ на «искусство добывать деньги» какъ на *remedium uni-*

versale къ исправленію всего рода человѣческаго. О! какой хитрый этотъ богатъ Ротшильдъ! Зная, что всѣ люди помѣшались на богатствѣ, онъ предписываетъ имъ правила какъ достигать этихъ богатствъ. Между тѣмъ на повѣрку выходитъ, что, слѣдуя этимъ правиламъ, вы невольно дѣлаетесь не богатѣйшимъ, а напротивъ, къ несчастію, дѣлаетесь самымъ воздержнымъ и честнымъ человѣкомъ. О, обманъ! неслыханный обманъ! Ротшильдъ хотеть надуть всѣхъ кандидатовъ въ милліонеры! Слѣдуя его советамъ, вы можете сдѣлаться не болѣе какъ здоровымъ, веселымъ, воздержнымъ, всѣмъ довольнымъ человѣкомъ; словомъ счастливымъ; между тѣмъ какъ вы не хотите всего этого и желаете быть только богатымъ, богатымъ и богатымъ.

Мы, впрочемъ, подозрѣваемъ здѣсь еще одну цѣль. Ротшильду надобно имѣть дѣло съ людьми неаккуратными и несовѣстливыми. Онъ пустился на штуки и рѣшился во что бы то ни стало исправить всѣхъ смертныхъ, чтобы послѣ самому же быть спокойнѣе и не рисковать лишиться когда-нибудь всего своего богатства. Слѣдовательно, мы думаемъ, что и Ротшильдъ эгоистъ! О несчастіе рода человѣческаго! Куда не суесть своего носа это проклятое себлюбіе. Но вамъ желательно знать, въ чемъ именно состоитъ искусство, предлагаемое Ротшильдомъ, наживать деньги. Ротшильдъ начинаетъ съ точнѣйшаго опредѣленія предмета, къ которому устремлены всѣ ваши желанія; онъ начинаетъ съ происхожденія и изобрѣтенія денегъ; потомъ искусно рисуетъ нищету и бѣдствіе тѣхъ, которые, будучи безъ денегъ, прибѣгаютъ къ долгамъ. Это обыкновенная исторія. Но вотъ что интересно, какъ Ротшильдъ изслѣдуетъ причины, производящія безденежье и вслѣдъ за тѣмъ предъ вами опять печальная картина съ натуры нуждающагося въ деньгахъ. Но за то вы можете перевести духъ послѣ этой печальной картины; сердце ваше утѣшается наставленіемъ, которое предлагается нуждающимся въ деньгахъ для того, чтобы приобрѣсти ихъ во всякое время и въ какомъ угодно количествѣ. Вотъ это классическое поученіе:

« Если вамъ случится когда-либо впасть въ бѣдность и несчастіе, вслѣдствіе смерти вашихъ родителей или друзей или вслѣдствіе какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ бѣдствій, болѣзней, и прочая, не предавайтесь отчаянію, ибо «бѣдность не порокъ», *paupertas non est vitium*. Не безъ основанія сравниваютъ наше общественное устройство съ человѣческимъ тѣломъ, состоящимъ изъ множества различныхъ частей, которыя равно полезны одна другой, и не могутъ существовать отдѣльно. Такъ государь

представляють голову, м'язи зображають вельмож засідаючих въ совѣтѣ и войско, станъ представлять массу народа руки и ноги, это ремесленники и прочая. Дѣйствительно, Господь опредѣлялъ, щобъ всѣ люди нуждались другъ въ другѣ, и щобъ нікто не оставался празднымъ, безъ занятія. Вотъ по чому праздность, настоящій бичъ челоуѣческихъ обществъ.

« — Но я замѣчаю, что васъ мучить нетерпѣніе узнать, какъ приобрѣтати деньгъ? Успокойтесь, я приступаю къ моему предмету.

« Я скажу тому, кто не имѣеть денегъ, что прежде всего онъ долженъ вспоминати къ какому званію и занятію его первоначально предназначали. Если онъ принадлежитъ къ званію рабчихъ, то скажу ему :

« 1. Будь дѣтеленъ и рачителенъ, прилеженъ въ занятіяхъ, и нисколько не лѣннвѣ.

« 2. Остерегайся праздности, равно какъ и общества пустыхъ празднолюбцевъ, умиющихъ только глазѣти, слоняться на право и на лѣво и убивати время, какъ предметъ немѣющей цѣнности, между тѣмъ какъ это безспорно драгоцѣннѣйшее имущество. И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ болѣе точнаго предвѣстника разоренія и погнбелн, какъ потеря или дурное употребленіе своего времени. А этимъ-то и грѣшати часто тѣ люди, которые не любятъ, чтобы ихъ въ томъ упрекали. Сколько видимъ мы людей расточающихъ лучшую часть своего времени въ тачныхъ сходкахъ по трактирамъ, въ мѣстахъ болѣе или менѣе не пристойныхъ, гдѣ думая тратити только суммы ничтожныя и вовсе непримѣтныя, но гдѣ, во всякомъ случаѣ, тратятъ, не подозревая, огромное количество времени. Каждый обращаетъ вниманіе только на то, что выходитъ изъ его кармана, не помышляя о томъ, что онъ могъ бы легко приобрѣсти, оставался въ своей лавкѣ или мастерской. Можно сказать достоверно, что всякій ремесленникъ, всякій рабочій, сдѣлавшій обыкновеніе заходити утронъ въ трактиръ или харчевню, подъ предлогомъ выинти рюмку, терлетъ тамъ по-крайней-мѣрѣ часъ за трубкой и болтовней; если онъ заходитъ туда и вечеромъ поиграти на билліардѣ, въ домино или пикетѣ, то и того хуже: времени потерянн будетъ не менѣе трехъ или четырехъ часовъ; итого пять часовъ потеря. Теперь, скажите на милость, какой ремесленникъ или работникъ не заработаетъ въ это время по-крайней-мѣрѣ тридцати су? Если этотъ господинъ-глава торговаго дома, если у него есть лакей, приказчики, то чего мудре-

«наго, если вслѣдствіе своего отсутствія, за недостаткомъ из-
 «зора, онъ потеряетъ еще столько же, сколько онъ могъ бы
 «приобрести; такъ что издержка четырехъ су въ день (двѣ су
 «за рюмку утромъ и столько же вечеромъ), ничтожная при на-
 «вомъ взглядѣ, обойдется ему въ сущности въ цѣлое эку, что
 «составитъ тысячу двѣсти франковъ въ годъ. Отложи онъ, на-
 «противъ того, эти деньги въ сторону; такъ мало-по-малу, безъ
 «всякаго ущерба въ дѣлахъ, незаметно скопилась бы сумма и
 «опредѣленіе сына или на приданое дочери. И такъ лучшее средство
 «никогда не нуждаться въ деньгахъ, это остерегаться праздно-
 «сти, равно какъ всякой безполезной издержки, а въ особен-
 «сти потерю времени.

«Человѣкъ, нуждающійся въ деньгахъ и желающій приобрести
 «ихъ, — если онъ не имѣетъ ни ремесла, ни занятія, — долженъ
 «опредѣлить свое настоящее призваніе. Если онъ любитъ при-
 «ключенія и путешествія, вотъ ему средство въ одно и то же
 «время и удовлетворить своему любопытству и служить своей
 «отчизнѣ: пусть займется онъ дорожными листами, и отпра-
 «вится въ Африку раздѣлять труды нашихъ героев-воиновъ.
 «Обнаруживая усердіе и точность въ исполненіи обязанностей
 «службы, онъ скоро заслужитъ уваженіе начальниковъ, и воз-
 «можно, чтобы какой-нибудь блестящій подвигъ не доставилъ
 «ему повышенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не открылъ хорошихъ де-
 «рогъ. Привлекаетъ ли его болѣе жизнь на морѣ, пусть онъ
 «вступитъ во флотъ, и тамъ тѣ же причины общаются ему тѣ же
 «послѣдствія. Легко можетъ быть, что онъ чувствуетъ также
 «мало призванія къ жизни солдата какъ и къ жизни морскаго, а
 «любитъ однако жъ путешествовать: въ такомъ случаѣ пусть
 «отправляется въ одно изъ тѣхъ новыхъ государствъ, сози-
 «данныхъ въ Америкѣ на развалинахъ испанскихъ колоній, гдѣ
 «рабочія руки цѣнятся высоко. Почти въ каждой нашей, скаж-
 «конибудь значительной гавани находятся агенты различныхъ
 «правительствъ, которымъ поручено вербовать людей предприимчи-
 «выхъ и снабжать ихъ способами для приобретенія земель, въ
 «которыхъ трудъ ведетъ неизбѣжно къ обогащенію. Кто дол-
 «женнаго учился въ школѣ, тотъ вездѣ достигнетъ кусочка хлѣба,
 «обучая дѣтей азбукѣ и письму, составляя вѣдомости для лю-
 «дей приказныхъ. Никогда времена не бывають столь плохи,
 «чтобы при сильномъ желаніи нельзя было найти способъ удо-
 «влетворять своимъ потребностямъ. Короче, вмѣсто того, чтобы
 «нуждаться въ деньгахъ и умолять другихъ о состраданіи, дур-

« не работайте и утѣшайте мыслью, что могутъ быть только
« люди ничтожныя, а не завѣтїа.

« Еще наставленіе, въ видѣ слѣдствїа изъ вышеприведенныхъ
« правилъ, тому кто нуждается въ деньгахъ: онъ долженъ упо-
« требить все усилїа для прїобрѣтенїа друзей (а они стали рѣд-
« ки темерь), съ которыми должно обходиться также деликатно,
« какъ съ венеціанскимъ стекломъ или какъ съ превосходною
« англійскою бритвою, которую всякій бережетъ для своей на-
« добности, а не станетъ рѣзать ею столбовъ, встрѣчающихся
« на дорогѣ.

« Я кончу эту главу совѣтомъ моему читателю: стараться во
« всякое время прїобрѣтать деньги трудомъ и дѣятельностью,
« равно какъ и накапливать ихъ сбереженїемъ. Какъ скоро вы
« имѣете деньги, позаботьтесь объ ихъ сохраненїи; лучшїй това-
« рїщъ вамъ деньги въ карманѣ!

« Впрочемъ, я далекъ отъ мысли сдѣлать изъ васъ какого-ни-
« будь презрѣннаго скрягу, который бережливъ для того только,
« чтобъ собрать деньги, не пользуясь ими никогда, и котораго
« находятъ наконецъ умершимъ голодною смертью на кучѣ золо-
« та. Единственная цѣль моя напомнить вамъ, что сбереженная
« копѣйка, та же прїобрѣтенная копѣйка, но это еще не все: на-
« добно умѣть ею воспользоваться.»

Кажется, чего бы вамъ болѣе послѣ такого прекраснаго совѣ-
та; вѣтъ, челоуѣколюбивое сердце Ротшильда даетъ вамъ наста-
вленїе какъ вы должны распоряджаться вашими издержками; а «хо-
рошїй совѣтъ, говоритъ пословица, дороже самого золота». Умѣ-
ривъ издержки, желающїй разбогатѣть, долженъ подумать о сбе-
реженїи, то есть, экономїи на пищѣ, одеждѣ, удовольствїяхъ и
прочее. Отвратительная глава! Вы не смѣете сдѣлать шагу не
подумавъ, не упустили ли вы изъ виду какой-нибудь экономїи.
Вы хотите поцѣловать вашу жену, и вдругъ останавливаетесь,
вамъ жаль вашего поцѣлуя, потому что вы недавно ее цѣловали,
и потому что поцѣлуй вашъ потеряетъ свою нормальную цѣну,
то есть нѣсколько процентовъ и тогда вы не легко раздѣ-
ляетесь съ вашей подругой жизни, и вамъ придется замѣнять
поцѣлуй дорогими шальями, бархатами, газами.... О! свѣтъ, свѣтъ!
до чего ты дошелъ!

Но если ваше доброе сердце и обольется горечью при подоб-
ныхъ ограниченїяхъ всѣхъ вашихъ побужденїй, за то Ротшильдъ
кладетъ вамъ въ карманъ билетикъ, особеннаго рода индуглен-

дно, на которой вы читаете: «Впервые счастье иметь свои деньги в карманѣ». Вы счастливы и покойны! Впрочемъ, вы думаете, что вынуть карманъ вышъ, вы вѣрно будете искать деньгами. Итъ, тутъ опять нужно искусство, какъ тщательно сберечь эти деньги и это искусство перхъ вышъ искусство и послѣдняя глава «искусства наживать деньги», это — *концы концы!*

Поблагодаримъ же отъ всей души человека званнаго Ротшильда за его совѣты, которые, впрочемъ, доступны только для богатыхъ, потому что продаются за деньги, да еще и наличныя. Но вспоминая, какъ самъ же авторъ рекомендуетъ тщательное сбереженіе денегъ, не совѣтуемъ вамъ тратиться на то, что не можетъ принести вамъ ни малѣйшей пользы.

СВѢТСКІЯ ПРИЛИЧІЯ ВЪ КАРТИНКАХЪ И ПОСТУПКАХЪ, ИЛИ ПРАВИЛА ВЪЗЖЛИВОСТИ И ОБРАЩЕНІЯ СЪ ЛЮДЬМИ, ДЛЯ ДѢТЕЙ. *Сочиненіе аббата Савиньи. Переводъ отъ французскаго. Изданіе Федора Наимовкина. Москва 1849, въ 8., стр. 243.*

Хотите научить дѣтей вашихъ свѣтскимъ приличіямъ въ картинкахъ и поступкахъ — купите имъ прежде всего будильникъ, безъ котораго они никогда не усвоятъ себѣ правилъ възжливости; такъ по крайней мѣрѣ учитъ аббатъ Савиньи, и что, вѣроятно, сущая правда. Второе правило, водите дѣтей гулять, покупайте имъ побольше игрушекъ и сведите ихъ два три раза посмотреть «гнѣздо трубочистовъ». Послѣ этого непременно нужно приучать дѣтей дѣлать визиты, закалить ихъ въ школѣ гостепріимства и въ заключеніе разсказать «исторію Карла и Роберта»; при чемъ надобно обращать особенное вниманіе дѣтей на то обстоятельство, что *Карлъ часто ходилъ прогуливаться подъ руководствомъ и надзоромъ няни.* Послѣ этого все остальное придетъ само собою.

Если бы, не смотря на всѣ эти совѣты, дѣти ваши не научились свѣтскимъ приличіямъ, въ такомъ случаѣ надобно оставить изданіе господина Наимовкина и искать другое — умнѣйшее.

Н О В Ы Я   К Н И Г И .

==
МАЙ, 1849.
==

ПАЛОМНИКЪ КІЕВСКІЙ ИЛИ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МОНАСТЫ-
РЯМЪ И ЦЕРКВАМЪ КІЕВСКИМЪ, ДЛЯ БОГОМОЛЬЦЕВЪ, ПОСЪ-
ЩАЮЩИХЪ СЯТЫНЮ КІЕВА. *Кіевъ*, 1848, въ-8., 130 стр.

Не даромъ Кіевъ называютъ матерью городовъ русскихъ! —
Съ какой стороны на него не посмотришь, вездѣ многое гово-
рить сердцу.... Сколько бы ни писали о Кіевѣ — русскій чита-
тель все прочтетъ съ удовольствіемъ, лишь бы въ написанномъ
было теплое, религіозно-патріотическое чувство. Надъ Кіевомъ,
втеченіе вѣковъ, провеселись и наши народныя радости и бѣд-
ствія, оставивъ слѣды того и другаго.... Слѣды бѣдствій давно
уже сгладились.... Все же напоминающее объ источникахъ
счастія, благоденствія Россіи съ каждымъ годомъ возрождает-
ся, часто изъ праха, — изъ преданій осуществляется въ пер-
вобытныя или близкія первобытному формы.... Здѣсь-то, въ Кіевѣ,
по преимуществу, сосредоточена сятыня всей русской земли....
Не даромъ же стекаются сюда толпы народа отъ Калы до
Астрахани, изъ Галиціи и Сибири! — На здѣшнихъ го-
рахъ, по сказанію Нестора, апостоль Андрей Первозванный, на
пути изъ Херсона въ Новгородъ, въ пророческомъ духѣ пред-
рекъ будущее христіанское величіе Кіева. Здѣсь, на одномъ изъ
холмовъ, онъ водрузилъ побѣдное знамя христіанства — Святой
Крестъ и обратясь къ своимъ ученикамъ, сказалъ: «На сихъ горахъ
возсіяетъ благодать Божія, градъ великъ имать быти и церкви
мнози имать Богъ воздвигнути». Прошло около десяти вѣковъ по-
слѣ этого достопамятнаго для насъ пророчества и благодать Бо-
жія, наконецъ, осѣнила холмы Кіева, возникъ городъ, скоро сдѣ-
лавшійся средоточіемъ, изъ котораго свѣтъ Евангелія разлился на

окрестности города и страны. Предреченіе Первозваннаго аиста исполнилось. Владиміръ окрестилъ Кіевъ и Русь безъ исилія, легко, безъ огня и меча. Въ лощинѣ, гдѣ Дитиръ принималъ Почайну, праотцы наши, впервые торжественно, безбашенно прославляли Спасителя. Теперь Почайны вѣтъ уже, она вѣсякла и только колодезь да колонна, поставленная въ 1805 году, напоминають о мѣстѣ, гдѣ совершилось событіе, сдѣлавшееся источникомъ счастья и благоденствія Россіи. Да, вѣтъ постоянно была дѣйствительнымъ источникомъ нашего счастья и благоденствія. Она спасла нашу народность въ періодъ Татарщины, она вызвала силы Россіи въ періодъ междоцарствія; вѣтъ съвѣью вѣтры отечество наше сложило, окрѣпило, развилось, разило народы своей мужественно-прекрасной, самобытной эзидирией, и когда эти народы усомнились въ ея крѣпости, она одарила одущею денницей тою же вѣтрою, съ крестомъ въ рукахъ, показала міру свое величіе.

Какъ же могутъ символы этой могучей, прекрасной народоцелительной силы, символы вѣтры, какъ могутъ они не пользоваться особымъ народнымъ уваженіемъ, не быть предметомъ народного обожанія... А гдѣ жъ больше этихъ символовъ, какъ не въ Кіевѣ? Здѣсь каждое урочище, каждое древнее зданіе говоритъ христіанскому чувству, и вотъ почему мы съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемся къ «Кіевскому паломнику». Цѣль его ознакомить богомольцевъ со всѣми церквами и монастырями, находящимися въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, равно и съ тѣмъ, что эти монастыри и церкви заключаютъ въ себѣ достойнаго вниманія. Проходя изъ отдаленныхъ мѣстъ и не будучи подробно знакомы съ святынею его, поклонники, иногда, уже на обратномъ пути изъ Кіева, съ сожалѣніемъ узнають, что многое ими неосмотрѣно, многое пропущено. Эти причины, говоритъ составитель Паломника, были побудительными для изданія книги, которая, назначаясь для грамотныхъ богомольцевъ всѣхъ состояній, не есть ученое размысливаніе древностей Кіева, но краткій историческій очеркъ святынь и вѣсколькихъ другихъ примѣчательностей его.

Вотъ точка, съ которой надобно смотрѣть на книгу «Паломникъ», назначенную исключительно для богомольцевъ, замѣлать имъ проводника, указать на предметы, удовлетворяющіе ихъ религиозному настроенію; здѣсь не нужно ни слова для празднаго любопытства, все для вѣтры, каждая строка должна быть пропитана глубоко религиознымъ чувствомъ. Для богомольца мѣста и евши, находящіяся передъ его глазами, важны въ особенности во

вмощенію в лицях, осяявшихъ ихъ словомъ присутствіемъ и употребленіемъ; слѣдовательно, главная обязанность путевода тѣл состоитъ въ указаніи отношеній, связи между чувствуемымъ предметомъ и лицами.... Предметы передъ глазами богомольца, стало бытъ описывать ихъ незначѣно; вотъ по нашему мѣтвію, то направленіе, которое должено имѣти Паломникъ, путевода тѣл. Это направленіе необходимо въ-особенности в потому, что богомольецъ въ Києвѣ наиболѣе будетъ вуждаться въ разсказѣ о людяхъ, потому что тамъ кромѣ мощей угодниковъ Божіихъ, возбуждающихъ вабожное чудство, развивающихъ въ сердцахъ поклонниковъ рядъ хрстіанскихъ добродѣтелей и подвигающихъ къ подражанію, — кромѣ этихъ мощей, въ Києвѣ усердная вабожность найдетъ еще много памятниковъ благочестія, древнихъ князей, в народа. Посмотримъ въ какой мѣрѣ сошелся съ нами во взглядѣ составитель киевскаго «Паломника». Паломникъ соображенъ съ мѣстностью Києва, который по естественному положенію раздѣляется на Печерскъ, Старый Києвъ и Києво-Подоль. Печерская часть Києва, теперь застроенная множествомъ домовъ и здавіями громадной крѣпости, въ-прежнее время, была почти безлюдна, покрыта лѣсомъ и лежала внѣ города, который сосредоточивался только въ нынѣшнемъ Старомъ Києвѣ и отчасти въ Подоль, а подлѣ Лавры находилась лишь небольшая слобода, носившая названіе Печерской. Петръ-Первый для безопасности обвелъ какъ Лавру такъ в смѣжныя съ нею церкви Воскресенія Христова и преподобаго Феодосія, крѣпостными валами. Внѣ крѣпостныхъ стѣнъ на всемъ пространствѣ печерской части Києва, в смѣжныхъ съ нимъ предмѣстіяхъ находятся четыре приходскія церкви: Святой Ольги, Рождества Предтечи, Святаго Владиміра и Святаго Дмитрія Ростовскаго. Внутр крѣпости особенно замѣчательны пещеры, в знаменитая Лавра, старѣйшая изъ русскихъ монастырей.

Лавра старѣйшая не по основанію, — она основана во второй половинѣ XI вѣка, а по введенію въ ней того правильного устройства, въ какомъ исторія представляетъ намъ, современные Святому Владиміру и Ярославу, монастыри византійскіе и афонскіе; по этой же причинѣ преподобные печерскіе угодники Антоній и Феодосій ублажаются церковью какъ начальники вчеловеческаго житія въ Россіи; не смотря на то, что у насъ вустынножителство, по свидѣтельству лѣтописей, современно прибытію изъ Греціи перваго киевскаго митрополита Михаила.

Паломникъ довольно подробно разсказываетъ объ основателѣ Печеракаго монастыря, о началѣ дальшихъ в ближнихъ пе-

щерь, объ основаніи новаго монастыря, надземнаго и великой церкви Успенія, о судьбахъ соборной Кіевопечерской церкви; проникнутый христіанскимъ чувствомъ, онъ обрисовываетъ въ общихъ чертахъ подвиги самоотверженія печерскихъ пниковъ, неуступающіе подвигамъ древнихъ аскетовъ Фиванды и Палестины, и мѣстами потрясаетъ душу нѣсколькими свидѣтельствами торжества дѣла надъ плотоу. Въ особенности поразителенъ рассказъ Паломника объ Іоаннѣ Многострадальномъ....

Повиасемъ, сочувствуемъ тому сильному впечатлѣнію, которое должны произвести слова многострадальца на душу поклонника, стоящаго въ темной, сырой пещерѣ, передъ мощами угодника... Здѣсь Паломникъ — прекрасенъ: онъ удовлетворяетъ и христіанскому любопытству и христіанскому чувству.

Ближнія пещеры называются пещерами преподобнаго Автоія, потому что въ одной изъ нихъ онъ провелъ большую часть своей жизни, послѣ того какъ оставилъ основанную имъ Печерскую обитель. Входъ въ эти пещеры устроенъ черезъ церковь Воздвиженія, обновленную вначалѣ осемнадцатаго вѣка. Спустившись нѣсколько ступеней внизъ, ходъ идетъ ломавою линіею къ гробу и пещерѣ Святаго Автоія, къ которой примыкають пещеры другихъ Божіихъ угодниковъ; изъ нихъ девять покоятся въ затворѣ, шестьдесятъ-три въ открытыхъ ракахъ, а Іоаннъ Многострадальный стоитъ полузарытый въ землѣ. Здѣсь же мощи двѣнадцати братій строителей Лавры и тридцати мирооточивыхъ главъ неизбѣстныхъ Святыхъ. Внутри пещеры съ давнихъ временъ устроены три тѣсныя церкви. Между ближними и дальними пещерами, по косоугору, черезъ оврагъ устроена галерея. Дальнія пещеры, или пещеры преподобнаго Θεодосія тѣ, въ которыхъ первоначально жилъ основатель обители преподобный Автоія. Въ нихъ до 1090 года почивали мощи преподобнаго Θεодосія, въ это время перенесенныхъ въ большую лаврскую церковь; въ дальнихъ пещерахъ сорокъ-шесть мощей святыхъ угодниковъ, тридцать одна мирооточивая глава и часть святаго младенца, убитаго Иродомъ за Христа и перенесенная въ Лавру въ 1620 году іерусалимскимъ патріархомъ Феованомъ. Внутри дальнихъ пещеръ то же три дерева. Отсюда Θεодосій, поставленный Автоіемъ игуменомъ Печерской обители, испросилъ у него благословеніе, а у великаго князя Изяслава Перваго разрѣшеніе и землю на созданіе новаго надземнаго монастыря и церкви; на мѣстѣ нынѣшняго соборнаго храма Лавры. Во вновь устроенномъ монастырѣ Θεодосій ввелъ чинъ и уставъ, по образцу общежительнаго студійска-

го (іерусалимскаго) устава. Такимъ-образомъ обитель, начавшійся въ пещерѣ преподобнаго Антонія трудами Θεодосія, возрасла въ правильный и благоустроенный монастырь, который съ этого времени сдѣлался образцомъ для всѣхъ монастырей Россіи. Въ 1159 году, въ княженіе Андрея Боголюбскаго Печерскій монастырь возведенъ на степень Лавры. Смотри на пещеры и галереи, простирающіяся тысячи на двѣ шаговъ, невольно удивляешься, какъ могли Антоній съ братіей и позднѣйшіе монахи изсѣчь ихъ въ скалахъ, при своихъ скудныхъ средствахъ. Здѣсь все должно отнести къ волѣ Божіей! И теперь, съ помощью пороховыхъ взрывовъ, эта работа была бы колоссальная, многолѣтняя, потому что при ней не могутъ въ одно время трудиться нѣсколько человекъ. Иностранцы думаютъ, что ходы и пещеры гораздо древнѣе водворенія въ нихъ нашихъ отшельниковъ, и говорятъ, что подобныхъ пещеръ множество въ разныхъ другихъ мѣстахъ, что они, вѣроятно, составляли жилище какого-нибудь до-историческаго племени и тому подобное. О времени, съ котораго началось существованіе святыхъ мощей, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній: «Паломникъ» приводитъ нѣсколько догадокъ очень вѣроятныхъ, изъ которыхъ видно, что мощи открыты еще задолго до Батыя. Самое закрытіе или задѣлка ихъ передъ нашествіемъ Монголовъ показываетъ, что тамъ хранилась уже святая, которою наиболѣе дорожила Лавра. Болѣе полутора вѣка по кончинѣ преподобнаго Θεодосія, Печерская обитель процвѣтала, обогащаемая усердіемъ русскихъ князей и народа, прославляемая знаменіями и чудесами свыше, а больше всего святою и строгою жизнью своихъ иноковъ. Гибельное нашествіе Татаръ въ 1240 году надолго привело ее въ запустѣніе. Инокъ, спасшійся отъ татарскаго меча, разошлись по окрестнымъ добрымъ и лѣсамъ и разсѣялись въ пещерахъ, которыхъ до сихъ-поръ много въ окрестностяхъ Кіева, особенно между селеніями Пироговымъ и Лѣсипкамп. Послѣ нашествія Монголовъ Печерская обитель слишкомъ два вѣка представляла однѣ развалины. Въ 1470 году князь Семеновъ Слуцкій возстановилъ храмъ, хотя далеко не въ первомъ великолѣпіи. Послѣ этого обитель испытывала много бѣдствій, то отъ Крымскихъ Татаръ, то отъ Литвы, возобладавшей еще въ началѣ четырнадцатаго вѣка южными областями Россіи, то наконецъ отъ насилія Поляковъ. Съ возвращеніемъ Малороссіи, въ нѣдра Россіи, начались счастливые дни для Печерской обители; но ужасный пожаръ 1718 года опять разрушилъ и истребилъ находившіяся въ ней древнія грамоты, сокро-

вища в библиотечку, Петръ Первый и его просвители возстановили Лавру. «Паломникъ» довольно подробно рассказываетъ о ея достопримѣчательностяхъ лаврской соборной церкви, указываетъ на памятники возстановителя Лавры Симеона Слуцкаго, славнаго поборника православія Константина Острожскаго, оставившаго вниманіе богомольца надъ гробами ученаго и благочестиваго митрополита Петра Могилы, сочинителя киевскаго Синодуса Поконтія Гизеля, героевъ Задунайскаго, графа Гудовича и другихъ; водить по древнимъ церквамъ и замѣчательнымъ цѣлѣмъ въ стѣпахъ Лавры, и, наконецъ, рассказываетъ о богослуженіи въ обителяхъ... Все это прекрасно, не хотѣлось бы только описаній того, что богомольецъ видитъ, чѣмъ онъ можетъ наслаждаться лично. Торжественность, благоговѣиность нашего священнослуженія не описывается, а чувствуется! Съ 1786 года званіе священно-архимандритовъ условно киевскимъ митрополитамъ.

Выводить по Лаврѣ, Паломникъ отправляется съ богомольцами по древнимъ и пылѣвшимъ монастырямъ и церквамъ вокругъ Лавры; рассказываетъ объ основаніи Выдубецкаго монастыря, напоминаетъ о древнемъ монастырѣ Святаго Дмитрія, о Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, на мѣстѣ котораго теперь возвышается великолѣпный арсеналъ, о монастырѣ Святаго Спаса на Берестовѣ, о Кловскомъ монастырѣ... Почти ничего этого теперь уже нѣтъ, а что осталось, то не даетъ и понятія о древнемъ великолѣпнѣ, кой гдѣ только въ стѣпной живописи видѣются слѣды византийскаго искусства. Болѣе другихъ напоминаетъ древность Николаевскій монастырь (Слупь), основанный, какъ думаютъ, еще Святою Ольгою и послѣ многихъ перекрѣтѣ возобновленный въ 1831 году. Въ немъ хранится греческаго письма образъ Святаго Николая, къ которому богомольцы притекаютъ съ молитвами. Ниже этого монастыря лежитъ древнее Угорское ущелье, названное такъ оттого, что на этомъ мѣстѣ некогда разбили свои шатры Угры, проходившіе мимо Кіева, при Олегѣ. Здѣсь погребенъ первый христіанскій князь Кіева Аскольдъ, здѣсь извѣстная въ нашихъ народныхъ преданіяхъ Аскольдова могила, называемая, по болѣе части, Красницею.

Церковь Святой Софіи создана Ярославомъ въ 1036 году по образцу софійской константинопольской, по гораздо въ меньшемъ размѣрѣ и имѣетъ въ длину семнадцать, въ ширину двадцать пять съ половиною, въ вышину, до карниза подъ куполомъ, десять сажени. Благочестивый Ярославъ украсилъ ее золотомъ, серебромъ, мусеею (мозаикою) и трапиремъ, устроилъ при ней

и митрополичій монастырь. — Разрушенная Татарами церковь возобновлена въ концѣ четырнадцатаго вѣка митрополитомъ Кипріяномъ, а потомъ, по отобраніи отъ униатовъ, въ другой разъ возобновлена Петромъ Могилею. — Теперь въ Софійскомъ соборѣ кромѣ главнаго алтаря, семнадцать престоловъ. «Паломникъ» подробно описываетъ многія замѣчательныя иконы, рѣдкости и священныя утвари собора.

Рука времени и непріятельскаго разоренія много нѣмѣла на ружьей видѣ Софійскаго собора; но внутри его все дышетъ древностью; еще много осталось священныя изображеній, тѣхъ самыхъ предъ которыми молились Ярославъ и праотцы наши — его современники. Фрески, которыми внутри была покрыта, при Ярославі, вся церковь Святой Софіи, въ разныя времена, закрашены, или забѣлены, но они такъ крѣпко удержались на штукатуркѣ, что освобожденные теперь чрезъ промыску отъ нѣсколькихъ слоевъ масляной краски, представляютъ почти въ прежнее своею видѣ. Кромѣ святыни въ храмѣ много гробовъ. Въ соборѣ погребены многіе изъ русскихъ древнихъ князей и митрополитовъ, изъ которыхъ въ особенности замѣчательны гробницы Ярослава и Владиміра Мономаха. — Статью о Софійскомъ храмѣ «Паломникъ» заключаетъ разказомъ о судьбахъ каѳедры кievскихъ митрополитовъ и объ окрестныхъ монастыряхъ и церквахъ.

Монастырь *Святаго Михаила*, извѣстный у простолудниковъ болѣе подъ именемъ монастыря Святой Варвары, — едва ли не древнѣйшій во всей Россіи. По преданію онъ основанъ первымъ кievскимъ митрополитомъ Святымъ Михаиломъ. Изъ всего древняго украшенія церкви Святаго Михаила до нашихъ временъ уцѣлѣло только нѣсколько мозаики на стѣнахъ въ алтарѣ. — Драгоценную святыню этой церкви составляютъ мощи Святой Великомученицы Варвары, перевезенныя въ Россію въ началѣ двѣнадцатаго вѣка. Последняя рака для этихъ мощей, чрезвычайно великолѣпная, пожертвована въ 1847 году графиней А. А. Орловой-Чесменской.

За оградю Михайловскаго монастыря, къ сѣверу, надъ древнимъ Боричевымъ взвозомъ возвышается теперь небольшая церковь трехъ святителей; — это остатокъ церкви во имя Святаго Василія, построенной Владиміромъ въ 989 году. Не вдалекѣ отъ этой церкви, къ сѣверу, возвышается на холмѣ величественный храмъ во имя Святаго апостола Андрея Первозваннаго. Древней церкви, Андрея, построенной въ 1212 году на томъ холмѣ, гдѣ

Первозванный апостолъ водрузилъ крестъ, предрекая Киеву величїе, той церкви нѣтъ уже, а вынашенная воздвигнута въ 1744 году, Императрицею Елисаветою, по плану знаменитаго Растрелли и освящена въ 1767 году. Въ ней особеннаго вниманія заслуживаетъ прекрасная картина «Тайной вечери», стоящая на восточной сторонѣ въ алтарѣ. Съ балкона, за алтаремъ этой церкви открывается одинъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ на Подольскіе дѣбри. Церковь Андрея Пезвозваннаго, по своему возвышенному положенію, видна за нѣсколько десятковъ верстъ съ лѣваго берега Днѣпра. Отъ нея идетъ древняя дорога внизъ и Подольскіе дѣбри.

Церковь Пресвятыя Богородицы Десятинная, какъ извѣстно, основана Владиміромъ въ 989 году. «Паломникъ» рассказываетъ подробно о причинахъ ея сооруженія, говоритъ, что для строенія церкви вызваны были изъ Греціи художники, что, судя по остаткамъ найденнымъ въ 1824 году, внутренность храма украшалась живописью альфресковою, мозаикою, мраморомъ, и наконецъ мощами Святаго Климента и великой княгини Ольги.... На содержаніе церкви Владиміръ назначилъ «отъ имѣнія своего и отъ градовъ десятую часть». Отчего и названіе Десятинной. — Судьбы Десятинной церкви, какъ и всѣхъ древнихъ кievскихъ храмовъ связаны съ судьбами тогдашней Руси.... Она страдала отъ междоусобій, отъ Половцевъ, Монголовъ и въ 1240 году окончательно разрушена, такъ что послѣ этого почти четыре вѣка представляла груды развалинъ. На этихъ-то развалинахъ Петръ Могила въ 1635 году устроилъ небольшую церковь во имя Рождества Богородицы, существовавшую до 1828 года, когда съ разрѣшенія нынѣ царствующаго Государя, по благословенію митрополита Евгенія, дозволено отставному гвардіи поручику А. С. Анненкову заложить большую Десятинную церковь, по плану составленному, сообразно открытому старому фундаменту, архитекторомъ Стасовымъ. Этотъ новый храмъ оконченъ только въ 1842 году. — Онъ построенъ въ древнемъ русскомъ стилѣ и имѣетъ квадратную фигуру въ 40 аршинъ длины и ширины — съ пятью главами. — Археологическія подробности, рассказанныя «Паломникомъ» по случаю разрытія фундамента Десятинной церкви чрезвычайно любопытны: замѣтимъ одно, что для богомольцевъ объ нихъ слѣдовало бы рассказать съ большей душевной теплотой. Вообще можно сдѣлать замѣчаніе, что «Паломникъ» мѣстами слишкомъ словоохотенъ: остановивъ богомольца передъ тѣмъ или другимъ предметомъ онъ не только рассказываетъ о судъ-

бѣхъ этого предмета, но и о формѣ, о вѣншемъ его видѣ, какъ будто богомолецъ не въ состояніи самъ рассмотреть ихъ. При историческихъ разсказахъ «Половникъ» иногда забывается что для большей части его слушателей эти разсказы.... слова повиошаго въ пустыни, пустые звуки.... Намъ кажется, что для кievскихъ богомольцевъ самое лучшее «Патерикъ», приваровленный къ мѣстности....

Вотъ еще, по нашему мнѣнію, недостатокъ «путеводителя по монастырямъ и церквамъ кievскимъ.» Въ немъ нѣтъ указателя, гдѣ богомолецъ удобнѣе можетъ помѣститься на время своего пребыванія въ городѣ.... Объ этомъ, кажется, неслѣдше было бы составить особую главу....

УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА ДЛЯ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. Естественная исторія. Ботаника. В. Даля. Спб., 1849, 211 стр.

Извѣстный нашъ литераторъ вздумалъ подшутить вообще надъ учеными естествоиспытателями и наперекоръ всѣмъ имъ составилъ прекрасное руководство къ ботаникѣ для военно-учебныхъ заведеній. Постигнувъ вполне въ какой мѣрѣ ботаническія свѣденія нужны для военнаго, и въ тоже время образованнаго чловѣка, господинъ Даль отличнo хорошо удовлетворилъ этой цѣли; словомъ, книга его можетъ служить руководствомъ къ изученію ботаники не только въ военныхъ, но и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ она прекрасно составлена. Это можно сказать единственная практическая книга ботаники, гдѣ приводимыя для образца растенія такъ удачно подобраны и такъ вѣрно, отчетливо обрисованы.

При изложеніи органографій, авторъ показываетъ примѣры на такихъ растеніяхъ, которыя или слишкомъ хорошо извѣстны каждому, или такихъ, которыя найдешь въ самомъ незатѣливомъ садикѣ. Можно поручиться, что самый отъявленный профанъ можетъ выучиться общимъ началамъ пространной науки ботаники изъ руководства г-на Даля, которое составлено весьма умно, и написано прекраснымъ языкомъ; такъ что читая описаніе растенія, воображеніе само рисуетъ его не подозревая, что на оборотѣ страницы уже находится вѣрный рисунокъ этого растенія. Приводимъ для образца разсказъ г-на Даля о значеніи растительности вообще:

«Значеніе и важность всей растительности въ хозяйствѣ при-

« среди лопы изъ предыдущаго: относительно почвы, разны
 « шлись и разномыслились на ней растенія удобряютъ естес-
 « ственно, разрыхляютъ корниши, и постепенно дѣлаютъ свои
 « ную изъ пропитанію большаго числа растеній, а притомъ и в
 « нихъ, кои требуютъ уже улучшенной почвы; относительно м
 « духа, растенія освѣжаютъ и очищаютъ его, надѣлая также н
 « обходною влагою; относительно животныихъ, замѣтны, что
 « они тамъ только могутъ водиться, гдѣ есть какая-нибудь р
 « стительность: большая часть ихъ коренныя растеніями, а т
 « которые питаются другими животными, должны слѣдовать и
 « шимъ туда, гдѣ они находятъ себѣ болѣе пищи. Наконецъ
 « для человѣка растенія такъ важны, что онъ безъ нихъ и
 « конимъ образомъ не могъ бы прожить на землѣ. Представи
 « себѣ какое-нибудь голое, вовсе безплодное мѣсто, потому и
 « что это голый камень, чистый песокъ, или напримѣръ, болес
 « горькій изъ, который остался послѣ высохшаго соленатаго оз
 « ра. — Вокругъ, по окраинѣ этой пустыни, есть растительность;
 « она въ теченіи года усыхаетъ и гниетъ на мѣстѣ, образуя тол
 « чайшій слой тука, который дождемъ и вѣтрами пѣсколко пе
 « ремишивается съ природною почвою. Жучки, которые кашатъ
 « тутъ же, мыши и другія животныя также помогаютъ взрывать
 « и перемишивать землю. Такимъ образомъ, на слѣдующую ве
 « сну, когда корневныя растенія снова пускаютъ стебли, а сме
 « на ростки, нѣкоторыя растенія могутъ приняться уже нѣ
 « сколько дальше или глубже по окраинѣ голаго мѣста, и раст
 « тельность, узенькою молоскою, подвинулась впередъ. То же
 « случается на другой и третій годъ: растительность смыкаеть,
 « живительный кругъ свой все тѣснѣе и тѣснѣе, и наконецъ
 « черезъ десятии, а можетъ быть и соти лѣтъ, вся голая почва
 « утучняется, и все, нѣкогда мертвое, пространство покрывается
 « растительностію».

« Пойдемъ далѣе. На голомъ, безплодномъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ
 « ни былинки, не бываетъ и ни какой жизни, ни жучка, ни ба
 « бочки, ни птички; нмъ туда не зачѣмъ летать или ползти. Но
 « по-мѣрѣ-того какъ растительность подвигается впередъ, туда
 « ползуть и летать насѣкомыя, которыя сосутъ изъ нѣтъточко
 « совъ, грызутъ листья и корни; за насѣкомыми налетаютъ хи
 « щны, за тѣми и другими хищныя звѣрки — словомъ, мѣсто на
 « селается. До этого времени человѣку нельзя было жить на
 « голой пустынѣ, гдѣ ему ни постройиться, ни одѣться, ни ара
 « кормиться. Но когда трава есть, домашній скотъ и птицу дер-

жати можно; когда человекъ знаетъ, что хлѣбное зерно, положенное имъ въ землю, выростетъ и отдастъ ему пять или шесть зеренъ за одно; когда деревцо, нить посѣянное или посаженное принялось, когда дичь разнаго рода развелась на этомъ мѣстѣ, и овъ можетъ добыть себѣ и пищу, и обувь, и одежду, и кровлю—тогда и ему приволье, и овъ селится и живетъ. Гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни травы, тамъ нѣтъ даже и росы, и воздухъ душливъ; растительность питается влагою, но она же и привлекаетъ ее изъ воздуха и окружающихъ испареній, она вдыхаетъ и выдыхаетъ воздухъ, и этимъ разнѣномъ частицъ оживляетъ и остѣжаетъ все. Мало того: растеніе перерабатываетъ даже и нѣкоторыя ископаемыя частицы, если онѣ растворились въ водѣ, и усваиваетъ ихъ своему тѣлу,—претворяя такимъ образомъ востепенно ископаемое царство въ растительное, между тѣмъ какъ это царство, также путемъ питания, претворяется въ животное.»

«Изъ всего этого усматривается чрезвычайная важность растительнаго царства въ хозяйствѣ природѣ, и особенное значеніе его для человека: изъ чего бы человекъ построилъ жилище свое, еслибы не было лѣсу? изъ чего бы онъ сдѣлалъ большую часть обиходной домашней утвари своей всякаго рода и еотнн необходимыхъ въ быту нашемъ бездѣлушекъ, не исключая и самой бумаги, на которой мы пишемъ, и рубашки, которую носимъ? Ткани разнаго рода для одежды, краски, лекарствъ, средства, пища, словомъ — хлѣбъ вѣсущный — все это произрастаетъ изъ земли и принадлежитъ къ растительному царству.»

Господинъ Даль оканчиваетъ свое прекрасное руководство *картинною растительности*. Вотъ она:

«Въ слѣдствіе различія растительности въ разныхъ поясахъ Земнаго Шара и въ различныхъ мѣстностяхъ, общій видъ ея или картина неодинакова, и нерѣдко въ одномъ поясѣ сравнительно съ другимъ, поражаетъ своею противоположностію.

«Въ жарномъ поясѣ, между тропиками, гдѣ теплота, солнечный свѣтъ, влага и тукъ почвы изобилуютъ, вся растительность изумляетъ насъ своимъ обиліемъ и роскошью. Тамъ стоятъ вѣковые непроходимые лѣса огромныхъ по объему и твердыхъ деревь, нерѣдко съ окрашеною отъ природы древесною (черное, красное-дерево, сандалы и прочее), съ вѣзгѣвною зеленью, съ гроздами яркихъ цвѣтовъ; тамъ повойныя растенія (ліаны) во сто и болѣе аршинъ длины застилаютъ утокемъ своимъ, какъ веревочною сѣтью, промежутки великанскихъ пней, въ нѣ-

« сколько сажень толщины, которые, вмѣсто нашихъ шховъ и
 « лишаевъ, порасли страннообразными и великолѣпными цвѣт-
 « ми (орхисъ); исполненскіе папоротники и разнородная, широко-
 « листовная ботва стелется по землѣ, образуя между пирами еди-
 « проходимую чашу; цвѣтки достигаютъ невиданныхъ у насъ ра-
 « мѣровъ, до четверти аршина и болѣе поперечника; — огро-
 « пыя растенія съ мясистыми листьями, съ уродливыми, лопе-
 « шечными или гранеными стволами, съ опасными для скота и
 « человѣка колючками (алоэ, кактусъ) заступаютъ путьку доро-
 « гу; а надъ уровнемъ листвянаго лѣса возвышаются шагія лѣса-
 « ны пальмъ, подыая развѣсистыя, перыстыя вершины свои вы-
 « соко надъ всею прочею растительностію, образуя на воздухѣ
 « второй ярусъ лѣса.... Если уже нашъ низовый крестьянинъ, рас-
 « хваставшись изъ любви къ своей роднѣ, увѣряетъ, что бро-
 « шенная съ вечера оглобля за ночь зарастаетъ травой, то что
 « же сказать о такой растительности, гдѣ, напримѣръ, пальма,
 « готовится къ цвѣту, пускаетъ въ двѣ, три недѣли стержень въ
 « нѣсколько десятковъ четвертей длины, который слѣдовательно
 « вырастаетъ въ сутки на четверть, или даже на полъаршина?

« Въ среднемъ или умѣренномъ поясѣ, который можно бы раз-
 « дѣлить на нѣсколько поясовъ или колець, картина постепенно
 « измѣняется. И здѣсь растительность еще довольно богата: кленъ,
 « ясень, липа, береза, дубъ — свойственные исключительно этому
 « поясу — украшаютъ почву и даютъ пристанище животнымъ и
 « человѣку; но уже нѣтъ того разнообразія, нѣтъ той роскоши,
 « того избытка разнородныхъ растительныхъ силъ. Хвойные лѣ-
 « са перемѣжаются съ листвяными, но и въ тѣхъ и въ другихъ
 « число видовъ ограничѣнѣе; почва подъ первыми гола или по-
 « рстаетъ сплошнымъ верескомъ, либо папоротникомъ; въ листвя-
 « выхъ лѣсахъ ботва нѣсколько разнообразѣе, но стрѣльцу и
 « дровосѣку всюду есть путь, развѣ его заляжетъ непроходимая
 « топь, гдѣ кочкарникъ перемѣжается съ трясинной. Луга, порос-
 « шіе злаками, образующими дернъ, свойственны собственно умѣ-
 « ренному поясу и составляютъ не послѣднее украшеніе его; лѣ-
 « са, частію истребленные человѣкомъ въ южной и средней ча-
 « сти умѣреннаго пояса, особенно хвойные, къ сѣверу увеличи-
 « ваются въ объемъ, но затѣмъ опять постепенно рѣдѣютъ, об-
 « разуютъ мѣстами одиночные кѣлки, или даже ихъ нѣтъ вовсе;
 « степь покрыта то сплошнымъ ковылемъ, то мелкотравчатою зе-
 « ленью, смотря по почвѣ; на суходолѣ трава едва ложится на

косу, вся растительность бѣднѣетъ, почва становится обнаженнѣе.

« Далѣе къ полюсамъ видъ еще пустыннѣе и дичѣе. И тамъ подъ каждою ступнею челоуѣка найдется, *числомъ*, можетъ быть не мало растеній, но челоуѣкъ едва слышитъ ихъ подъ ногою, которая уже не путается въ нихъ, не заплетается, а мѣстами топчетъ одну только моховицу. Деревья стоятъ одиночными отшельниками и калѣками: столѣтняя сосна, достигающая у насъ полуаршина и болѣе въ поперечникѣ, тамъ, на южной окраинѣ сибирскихъ тундръ, можетъ быть охвачена двумя пальцами, хотя на отрубѣ ея можно сосчитать ту же сотню слоевъ; еще нѣсколько далѣе на сѣверъ (70° — 72° шир.), и березовый ёрвикъ живетъ надъ землею только два, три мѣсяца въ году и ползучій корень его, въ руку толщины, осторожно пробирается надъ вѣчно мерзлымъ слоемъ почвы, который лежитъ не глубже полуаршина!

« Эту общую картину растительности трехъ поясовъ можно бы еще расширить и раздробить, принявъ для каждаго пояса нѣсколько подраздѣленій, и можно бы сверхъ того представить общую картину растительности каждой изъ пяти частей свѣта; упомянемъ по крайней мѣрѣ, что Новая Голландія въ особенности замѣчательна собственно ей принадлежащими видами и что тамъ вся растительность отличается своеобразностию своею; тамъ, напримѣръ, самая зелень лѣсовъ принимаетъ какой то сѣроватый, пепельный оттѣнокъ, потому что узкіе древесные листья не лежатъ плашмя, какъ у насъ, а поставлены на ребро, и обѣ стороны листа мало отличаются цвѣтомъ, то есть: лице не окрашено болѣе яркою зеленью, чѣмъ изнанка.

« Повсюду однакоже премудрый и предивный Создатель повелѣлъ быть жизни и даровалъ ей къ тому средства. Растительность служитъ основою для жизни животной и каждому поясу присвоены такія животныя, которыя находятъ тамъ достаточное приволье и пищу. Объ этомъ будетъ говорить въ зоологіи, а здѣсь кончимъ примѣненіемъ этого закона къ челоуѣку. И оныя кочуя по лицу земли и расселяясь, по нуждѣ прихотямъ своимъ, находятъ всюду растительную пищу, не одну такую, но не менѣе того пригодную для его питанія. Однѣ только пустыни, гдѣ безводье, сыпучіе пески или голый камень не даютъ приняться и вырасти ни одному сѣмечку, необитаемы и для челоуѣка, который, по той же причинѣ, не можетъ се-

« дѣлать и въ родномъ пространствѣ, обладающемъ плодородіемъ и
 « неспособномъ не для какого произведенія.

« Но истинно человеческое образованіе души, нравственное и
 « умственное, случается тамъ только, гдѣ человѣку есть время и
 « случай подумать о чемъ нибудь, кромѣ вѣсущей пищи: гдѣ
 « природа одѣла почву въ нѣкоторомъ избыткѣ растительности,
 « которая окружаетъ насъ жизнью. Гдѣ все мертво — а земля
 « мертва безъ живой былинки — такъ и человѣкъ становится од-
 « ную степенью ниже и невольно уподобляется животному. Это
 « доказываютъ намъ Самоѣды и Чукчи, американскія колоніи и
 « Эскимосы: для духовнаго развитія и образованія, имъ нужна
 « плодородная почва, иной климатъ.

« Весьма бы ошибся однакоже тотъ, кто заключалъ бы изъ это-
 « го, что равноденственный поясъ, гдѣ природа столь обильна
 « и роскошна, долженъ благоприятствовать умственному и нрав-
 « ственному развитію человѣка: на дѣлѣ мы видимъ противное,
 « гдѣ природа дала человѣку все готовое, гдѣ ему стоитъ только
 « протянуть руку, чтобы насытиться, гдѣ климатъ не понуж-
 « даетъ его даже къ прикрытію природной наготы, тамъ чело-
 « вѣкъ, облѣнившись, дѣлается беззаботенъ, вялъ и тупъ; это мы
 « видимъ не только на туземцахъ, но даже и въ потомствѣ пере-
 « селившихся туда Европейцевъ. Вотъ почему одинъ только сред-
 « ній поясъ приличенъ и способенъ для нашего духовнаго совер-
 « шенствованія: всѣ крайности вредны, во всемъ нужна умерен-
 « ность, мѣра, средина. Работа, трудъ питаетъ и развиваетъ всѣ
 « способности наши, а нужда и забота должны, по временамъ, по-
 « убивать ихъ, но изощрять: Богъ повелѣлъ человѣку съѣсть
 « хлѣбъ свой въ потѣ лица».

У насъ такъ еще мало распространены свѣдѣнія ботаническія,
 что каждому, даже самому незначительному любителю раститель-
 ности советуемъ обратитъ вниманіе на это руководство и посвя-
 тить ему нѣсколько недель, чтобы поочередно познаться съ теми
 прекрасными живыми существами, которыми природа такъ
 роскошно украсила земную поверхность и помѣстивъ ихъ въ та-
 кое близкое сообщество къ человѣку.

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА И ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИЕ
 ПЕРИОДЫ ОТЪ НАЧАЛА ВОЙНЪ ДО НАСТОЯЩАГО ВѢКА.
 М. И. Багдатовича, Генеральнаго Штаба Полковника, Император-
 ской Военной Академіи Профессора, Часть первая. (1) 3(2) изданіе,
 выходящая въ себя Военную исторію, отъ начала войны до паденія За-

гвидной Римской Имперіи. Съ 4-мя планами и 11-ю картами ори-
зонтальной. О.-Нбургъ, 1849, 42-8., 128 стр.

Предъ вами варіантная книга, которая обѣщаетъ сообщить для
военнаго человѣка цѣлую библіотечу: трудолюбивый авторъ со-
общаетъ въ предисловіи заглавіи 14 сочиненій, олужившихъ ему
источниками; вонъ перечислуъ содержаніе своего перваго тома:
цѣль, Иродота Галикарнасскаго, Фукидда, Ксенофонта, Арріана,
Цолибл, Титъ-Ливія, Юлія Цезаря, Вегедія, Монтескю (Монтес-
кье), Гиббона, Наполеона, Каумера, Водаккура, Каріонъ де-На-
заса; успѣлъ извлечь изъ нихъ сушность, и выдалъ это цѣлесьюко
книжкою въ 8-мъ печатныхъ листовъ...

Съ любовью и терпѣніемъ прицлилъ мы за чтеніе во-
ваго сочиненія ученаго и трудолюбиваго военнаго писателя, по-
дарившаго отечественную военную литературу многими замѣча-
тельными произведеніями.

Исторія, войны Грековъ съ Персами изъ Иродота Галикар-
насскаго: «Но усмиреніи Малоазійскихъ Грековъ, Дарій Истасъ
« предпринялъ покорить и европейскихъ, и съ этою цѣлю послалъ
« (въ 495 году (до Рождества Христова) въ Грецію зятя своего
« Мардонія съ сильнымъ флотомъ и съ многочисленнымъ сухо-
« путнымъ войскомъ; но корабль его разбитъ былъ бурей у
« Аонскаго мыса; в войска потерпѣли большой уронъ отъ па-
« паденія Фракійскихъ племенъ, что заставило Мардонія возвра-
« титься въ Азію. Вторая экспедиція предпринята была въ 490
« году. Персы, подъ предводительствомъ Датиса и Артаферна,
« направившись моремъ въ Аттику и высадивъ войска въ числѣ
« ста тысячъ на Марзобанскую равнину. Для сопротивленія имъ,
« Афиняне, съ содѣйствіемъ союзниковъ своихъ Платеявъ, могли
« выставить не болѣе десяти тысячъ войска. Мильтиадъ, началь-
« ствованшій ими, искусно воспользовался мѣстностью, способ-
« ствовавшею ему обезпечить фланги, и стѣснивъ застѣками про-
« странство, по которому непріатели могли наступать, отразилъ
« съ успѣхомъ ихъ нападеніе. Тогда персидскіе полководцы, по-
« садивъ свою армію на суда, поплыли къ Аоніямъ, но не успѣвъ
« овладѣть этимъ весьма слабо укрѣпленнымъ городомъ и отпра-
« вились въ Азію....

Нын вотъ отступленіе десяти тысячъ Грековъ изъ Ксенофонта
тома Атабазы: « Обратное движеніе Грековъ, извѣстное подъ на-
« званіемъ отступленія десяти тысячъ, представляло большія
« затрудненія. Вскоръ по выступленіи Грековъ изъ окрестностей
« Куваксы, сатрапъ Тиссафертъ извѣстическимъ образомъ пре-

« далъ смерти главныхъ вождей ихъ и требовалъ, чтобы все
 « корпусъ (это вѣроятно буквально выраженіе Ксенофонта) ве
 « ложилъ оружіе. Но Ксенофонтъ, избранный единогласно пре
 « водителемъ Греческихъ войскъ, построилъ ихъ въ каре. (пре
 « ставлявшее возможность сопротивляться многочисленной неспри
 « тельской кавалеріи), и провелъ ихъ отъ береговъ Евфрата чрезъ
 « Малую Азію къ Котіару (нынѣ *Бурукъ-кале*) на Черномъ морѣ,
 « откуда, съѣвъ на суда, они достигли Геллеспонта (40) годъ».
 « Отступленіе десяти тысячъ, совершенное въ наилучшемъ по
 « рядкѣ, при недостаткѣ въ конницѣ, (которой Греки имѣли все
 « го-на-все пятьдесятъ человекъ), и среди враждебныхъ жителей
 « страны, представлявшей на каждомъ шагу необыкновенныя
 « мѣстныя затрудненія (какой Ксенофоновскій періодъ!...), пре
 « восходно описано самимъ Ксенофонтомъ и до-нынѣ считается
 « однимъ изъ лучшихъ примѣровъ подобнаго рода дѣйствій...»

А вотъ и Вегедій: «Въ концѣ четвертаго столѣтія, легіонъ
 « располагался, по свидѣтельству Вегедія, въ двѣ линіи, изъ ко
 « торыхъ въ каждой было по пять когорты. Когорты были во
 « строены въ четыре шеренги: первая состояла изъ тяжелой пѣ
 « хоты, вооруженной копьями; вторая, имѣвшая вооруженіе легче
 « первой, назначена была для бросанія дротиковъ черезъ головы
 « передней шеренги; наконецъ въ двухъ заднихъ шеренгахъ, на
 « ходились легкія войска, выходившія впередъ и дѣйствовавшія
 « въ-разсыпную.— Въ интервалахъ между когортами, стояли не
 « большія метательныя машины, изъ которыхъ производилась
 « стрѣльба горизонтально; а за каждою изъ когорты второй ли
 « ній—по одной большой машинѣ, дѣйствовавшей навѣсно, и от
 « ряды плохо вооруженныхъ людей, бросавшихъ камни изъ рукъ,
 « назначенные (отряды или камни?) для прикрытія машинъ;
 « наконецъ — позади машинъ находились резервы, составленные
 « изъ отборныхъ воиновъ. Число воиновъ въ легіонѣ вообще про
 « стиралось до шести тысячъ....»

Прочитавъ эти строки, вы имѣете полное понятіе о Вегедіи,
 ученѣйшемъ военномъ писателѣ древняго времени, и главное—
 о легіонѣ временъ Валентиніана Втораго; только здѣсь выпущено,
 что подобный легіонъ, въ числѣ своихъ десяти когортъ имѣлъ
 одну въ тысячу, а остальные въ пятьсотъ шестьдесятъ человекъ,
 и что тысячная когорта раздѣлялась на двѣ части и прикрывала
 фланги первой линіи, въ которой слѣдственно было не пять, а
 шесть когортъ; а въ прочемъ все остальное совершенно вѣрно.

Въ книгѣ полковника Богдановича встрѣчаемъ также и заимствованія изъ другихъ источниковъ; такъ напримѣръ онъ влага-
етъ въ уста Аннибала рѣчь. «Вотъ образъ участи ожидающей васъ!
« Вы должны побѣдить или погибнуть, — влечить несносную жизнь
« подъ игомъ Римлянъ, либо получить всѣ несмѣтныя сокровища
« Римской республики. Возвратиться назадъ не можетъ быть и въ
« поинѣ. Вы знаете, какимъ путемъ мы пришли сюда!..» Книга
господина Богдановича можетъ принести значительную пользу
начинающимъ знакомиться съ военнымъ дѣломъ, и тѣмъ, которые
предпочитають чтеніе экстрактовъ основательному изученію ис-
точниковъ. Господинъ Богдановичъ прекрасно обрисовалъ отли-
чительный характеръ трехъ представителей древняго военнаго
искусства—Александра, Аннибала и Цезаря, и окончилъ свою ис-
торию мастерскимъ очеркомъ постепеннаго упадка римскихъ во-
енныхъ учрежденій; очеркъ этотъ мы считаемъ лучшимъ мѣ-
стомъ цѣлой книги — онъ основанъ на совѣстливомъ изученіи
фактовъ.

Въ предисловіи къ своей исторіи авторъ начерталъ планъ для
сочиненія, отъ котораго однако часто отступаетъ, несообщая
напримѣръ свѣденій о характерѣ и планахъ дѣйствій Аріо-
виста, Гальбы, Амбіорикса, Фарнака и другихъ противниковъ
Цезаря; намъ кажется такъ же, что надобно было упомянуть
ни слова о Филоменѣ, и пропустить безъ вниманія походы
Германна.

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ. Историческое изслѣдованіе Павла Неболь-
сина. *С.-Пбурзь, 1849, въ-8., 146 и 112 стр.*

О Сибири столько уже было говорено, столько накопилось ма-
теріаловъ, что едвали есть предметъ, о которомъ можно бы бы-
ло писать основательнѣе. Не смотря на то, видно еще не на-
стало время, въ которое должна явиться дѣльная исторія сибирскаго
края,—для этого нуженъ писатель образованный, знатокъ Востока
и свѣдущій въ нашихъ историческихъ рудникахъ. Безъ этого,
что ни пишете, все будетъ вздоръ, да еще какой вздоръ!

Въ настоящее время всякій умѣющій читать знаетъ уже, что
Сибирь покорена Ермакомъ. Свѣдѣніе это при всей своей неспра-
ведливости укоренилось къ несчастью и поддерживается даже нѣ-
которыми квази-учеными; но по справкамъ оказывается иначе.

Ермакъ Тимофеевичъ первый изъ Русскихъ проникнулъ въ
Сибирь, влекомый туда мыслью поживы; собственно же Сибирь

покорена умною политикою московскаго двора и къ особому приобрѣтена въ царствованіе Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича.

Патріархъ Филаретъ, возвратившись изъ Польши, и увидѣвъ сколько потеряла Россія въ смертное время на Ствѣрь и Замтъ рѣшился вознаградить эти потери ставъ твердою ногою въ Сибирь и открывъ и объяснивъ даже самыя отдаленныя мѣстона и мѣста восточной Сибири.

Онъ первый указалъ, что Сибирь будетъ со временемъ золотое дно Россіи. Онъ то покорилъ ее, въ собственномъ смыслѣ слова, и мы должны быть благодарны умнымъ его распоряженіямъ относительно этого края, тѣмъ постояннымъ и чрезвычайнымъ прибыльнымъ казацкимъ экспедиціямъ, которыя почти и вѣроятны и оправдываются только въ познѣешее время нашими учеными, сдѣлавшими столько открытій въ Сибирь, что апретемъ давно уже было открыто казаками, описано въ ихъ вѣстѣйливыхъ реляціяхъ и лежитъ въ московскихъ архивахъ въ числѣ памятниконъ семнадцатаго столѣтія. Послѣ этого можно-ли посвящать 130 стр. покоренію Сибири Ермакомъ и всказать о политикѣ патріарха Филарета?..

МІРАНИНА И ОТШЕЛЬНИЦА. *Стихотворенія Е. Саветы Шеховой, въ двухъ частяхъ, С.-Пбурзь, 1849, въ-8., 346 стр.*

Наше время во всякомъ случаѣ никакъ не поэтическое. При всемъ томъ сердце женщины, этотъ вѣчный, чистый, неизмѣнный родникъ высокаго чувства, хранитъ постоянно теплѣешее чувство вѣры; такую поэзію исполнена душа госпожи Шеховой, которая подарила насъ сборникомъ изліяній теплаго, чувствительнаго сердца. Въ сборникѣ этомъ много прекраснаго; но какъ, какъ мужнинѣ, больше всего нравится, — Женщины. Вотъ онъ:

«Коварство женщины давно
Ввелось въ пословицу у свѣта;
И выраженіе поэта
«Какъ въ сердцѣ женщины темно»,
Устами всѣхъ повторено,
Быть можетъ, съ ѣдкою улыбкой!
Но сердце женское во мнѣ...
Какъ оспорбсь, забалосъ шавкѣ,
И что-то въ думной глубинѣ
О долгѣ мнѣ заговорило....

Я лру' съ трепетѣмъ взяла,
 И все тѣмъ сердце полно было
 Въ стихахъ защитныхъ извѣла:
 О! братья, родъ неблагодарный!
 Создавъ слабаго друзья!
 Вы-ль говорите — ны коварны?
 Ужель постичь вамъ насъ нельзя?
 Кчему-жъ дитя любви и мира
 Вамъ жизнь на жертву обрело?
 Чтобъ лавръ мгновеннаго кумира
 Позорилъ чистое чело,
 И побѣдительныя розы
 Игрушку сильнаго земли
 Вѣнчать насильственно могли?
 Пусть такъ! терпѣние и слезы
 Въ защиту женщинъ даны!
 Ея ребяческіе сны
 Суровый долгъ разоблачаетъ:
 На утрѣ жизни начатой,
 Мать колыбель ея качаетъ,
 Съ заботной, горестной мечтой:
 «Что жребій ей предназначаетъ?»
 — Удѣлъ обычный — жить, страдать,
 Любить, всѣмъ жертвовать, ташься,
 Повиноваться и молчать!
 Какъ сердцу матери не биться?
 А какъ безропотно тверда
 Въ печали женщина всегда!
 Какъ слѣпо вѣровать умѣть,
 Какъ любить свято, глубоко,
 Какъ цѣнить ласки высоко!
 И, крестоносца, не смѣть,
 Смиренной жалобой своей
 Завять участіе людей!
 Ни Богъ ни свѣтъ ей не далъ права
 Роптать на то что должно быть,
 Ей такъ уязвлено любить!
 И говорить — она лукава,
 И сердце въ ней—глухой тайникъ!
 О, Боже! если кто проникъ
 Какъ духъ въ сокровищницу эту,
 Горнило чувства и мечты,
 Простить шестолецъ суеты
 Въ всвольному обѣту

Не выдавать святое свѣту,
 Чтобъ суесловія клеймо
 Не тяготѣло надъ дитятью
 И быть—какъ тайное письмо
 Подъ запрещенною печатью!
 Какъ часто вѣмъ холодный взглядъ
 Когда улыбки сердце просить,
 А тайной скорби горькій ядъ
 На ликъ улыбкою выносить!
 Но эта скрытность такъ горька,
 На зло уму не глубока,
 Ему слезами часто платить
 Мужей подруга и раба,
 Какъ часто власть его утратить
 Не кстати силами слаба!
 Любовь—одна ея стихія,
 Святая, гибельная цѣль,
 Ея познанія земныя;
 Кто вѣжность женщины опишетъ
 Когда любимца сердце къ ней
 Одной враждой измѣны дышетъ
 За прежній рай счастливыхъ дней!
 Тоскуя, друга не неволить
 Пересоздать для ней себя,
 И только втайнѣ Бога молить
 Оставить землю, не любя
 Ея любимца—властелина!
 Или отчянную мать
 Благословляющую сына
 Враговъ опасныхъ поражать:
 Пол-сердца въ жертву для отчизны
 Отправить въ пылъ кровавыхъ битвъ,
 Отдать самой, безъ укоризны,
 Подъ щитъ одинъ ея молитвъ!
 О! образецъ повинновенья.
 Такъ кротки ангелы одни!
 Такъ роза чистая творенья
 Всему священному сродни!
 Блаженъ кто могъ ее постигнуть
 Оцѣнкой сердца и ума,
 Кому велить судьба сама
 Прямаго счастья достигнуть,
 И золотить удѣлъ земной
 Для крестоносицы безвольной,

И слиться духомъ съ Богомольной
 Душой избранницы родной!
 О, тотъ не братъ неблагодарный!
 Тому повѣрить мудрено
 Что мы такъ лстивы и коварны,
 Что «въ сердцѣ женщины темно!»

Но быть-можетъ читатель нашъ не сочувствуетъ. Быть-можетъ онъ больше ожидалъ отъ женщины и отъ всего сборника. Пусть же прочтеть онъ слѣдующее стихотвореніе и скажетъ по-ложь руку на сердце, имѣемъ ли мы право быть неделкатны.

К чему насмѣшкою небрежной
 Язвить безвредный, юный трудъ?
 Какъ ропотъ зависти мятежной,
 Безсмысленно золь неправый судъ!
 Случайный даръ всегда ничтоженъ,
 И, для бездарной головы,
 Усиѣхъ огромный невозможенъ—
 Коротокъ срокъ его молвы.
 Но самобытный даръ обилень,
 Онъ презираетъ ложный толкъ,
 И снова блещетъ, свѣжъ и силенъ,
 Въ немъ голосъ Неба не умолкъ!
 Поэтъ своей высокой доли
 Молвъ не выдастъ на позоръ:
 Онъ молча слушаетъ, безъ боли,
 Шальныхъ судей отважный вздоръ;
 Ничто въ немъ духа не уронить,
 Ничья стрѣла не уязвить;
 Ни чей полетъ не перегонять—
 Когда до Неба онъ парить! .
 Но мудрой истины совѣта
 Неотрицаемый намекъ—
 Приемлетъ чуткій слухъ поэта
 За смѣлый, праведный упрекъ;
 И рѣже прихотью ошибокъ
 Пестритъ небрежные листы
 И вновь—врагомъ журнальныхъ сшибокъ—
 Поэтъ судья своей мечты!

подспѣжникъ. Карманная книжка. С.-Пбурзь, 1849, ст-12,
 237 стр.

Здравствуй, милый подспѣжникъ! Что такъ запоздалъ? Ты

обыкновенно являешься скоросѣлкой, являешься посланцем Флоры и первый несешь смертнымъ улыбку весны. Въ этомъ же году ты принесть намъ самую старческую гримасу, да и те и весеннюю, а лѣтнюю; отъ нея душно. О бѣдное, запоздалое дитя природы! Куда теперь пристроить тебя, кому ты нуженъ: всадъ видишь левкомъ, резеду и другіе душистые цвѣты, и ты теперь излишенъ; одна только пчелка, трудолюбивая пчелка можетъ извлечь изъ тебя въкоторую пользу; но и пчелы еще спать; а вотъ одна мужикъ, можетъ-быть, ты ей принесешь пользу...

Подсѣжничекъ состоитъ изъ 11 небольшихъ переводныхъ рассказовъ; изъ числа ихъ лучшимъ должно считать — «Племянникъ садовницы» — премиленькій рассказъ о дѣтствѣ знаменитаго Гоша; правда въ немъ мадецькій Лазарь, вооружась *стучкою вмѣсто рапиры*, тычетъ ею въ законченныя стѣны кухни; потомъ садится верхомъ на *палочку*, которая черезъ пять строчекъ превращается въ *помелу*, и наконецъ прицѣпляетъ пушку, какъ Наполеонъ при Монмираль; хотя, сколько извѣстно, это знаменитое прицѣпываніе происходило при Монторо; но несмотря на все эти обмолвки, рассказъ очень милъ, переведенъ хорошо и будетъ читаться юношами съ удовольствіемъ. «Племянникъ садовницы» торчатъ уединенно, какъ пестикъ, на который все тычинки стряхнули свою семенную пыль и сами остались безжизненны. — Дѣйствительно эти тычинки — повѣсти, то — безцвѣтно-блѣдны, какъ напр. «Подруги Невѣсты», «Пѣвецъ и Разбойники», «Тарантелла», «Банкротство», «Желящины», «Торжество христіанской добродѣтели, надъ династіею (?) природы человѣческой», — то отличаются совсѣмъ не дѣтскимъ содержаніемъ: въ нихъ вставлены грязныя картины порока и грубыхъ заблужденій, которыхъ одно наименованіе произведетъ на дѣвицъ совсѣмъ не эстетическое чувство. — Пусть дѣвица не знаетъ ихъ, пусть она вѣрить въ добродѣтель, въ чистую нравственность; пусть смотритъ на свѣтъ и людей свѣтлымъ взоромъ невинности — это подаритъ ее многими годами незамѣнимаго счастья; а разочарованіе придетъ само собою нежданое и нежданое....

Тыи всякихъ истинъ нѣтъ дорожѣ
Насъ возвышающій обманъ,

говаривалъ Пушкинъ, и слова эти должны быть впечатлѣны

въ памяти и сердцѣ видѣтъ воспитателя юности, каждаго оставителя дѣтскихъ книжекъ.

Однимъ можно быть внимательнымъ и восторженнымъ покоризменностью въ выборѣ предметовъ для разсказа; можно возмущаться это чистотою и правильностью языка и изяществомъ обр-ювъ....

- Истощивъ здоровье, онъ (молодой человекъ) не имѣетъ силъ къ труду, и въ послѣдствіи готовитъ обществу слабое поколѣніе (ой! ой!).... Наконецъ, принужденный оставить столицу, онъ возвращается къ родителямъ, которые изъ-за него разорились въ конецъ, упалъ духомъ и привозитъ въ провинцію только раз- « вратъ ».

- Погрязнувъ въ кругу безнравственныхъ тварей, онъ клеветаетъ на всѣхъ добродѣтельныхъ женщинъ, судитъ о нихъ по исключенію, и въ порядочное общество приноситъ томъ и обращеніе, заимствованные въ дурномъ.

- Нѣтъ ни въ чемъ ни деликатности, ни изящнаго вкуса (у кого). Хохотать, пить, курить, гулять съ товарищами (фу, какая гадость), вотъ въ глазахъ его высшее счастье!.... Дальше: «какой-то господишъ то поковыряетъ въ зубахъ, то поиграетъ» и прочее.

- Я никогда не зналъ геометріи, не открылъ ни одной планеты, но порядочно рисую, и у меня было отъ семи до осьми.... пріятельницъ».... «которая удалаясь отъ молодаго человѣка, горившаго съ нею такъ нахально, какъ не говорятъ даже въ самыхъ послѣднихъ трактирахъ»....

.... «Фридерикъ подавъ руку леди Мельвилъ, которая, сказать мимоходомъ, не принадлежала къ числу тѣхъ рыжихъ, съ разбитыми ногами Англичанокъ, которыя, улыбаясь, раскрываютъ блѣдныя губы и выказываютъ тридцать два огромной величины «зуба»....

И такъ далѣе.... Согласитесь, что послѣ подобныхъ характеристическихъ чертъ «Подсѣжника», дѣвущкѣ не слѣдуетъ прикасаться своими розовыми пальчиками къ этой грязной книжкѣ... Подсѣжникъ вѣроятно назначенъ для мальчковъ, которые читая его, научатся непогрѣшительной правильности и образцовой чистотѣ языка.—Да, — они точно могутъ многому выучиться изъ «Подсѣжника»!

«Георгина, въ черномъ бархатномъ корсажѣ съ коротелькими рукавами, съ атласными бантиками, въ газовой юпкѣ, въ ка-

«терчатыхъ башмакахъ съ блестками, въ шелковыхъ чулкахъ съ цвѣтами, перемѣшанными серебромъ стрѣлками (?!), въ легкой черной маскѣ на верхней части лица».

.... Впрочемъ, Подсѣжникъ вполне назидателенъ... своими ошибками, опечатками, которыя въ немъ безчисленны; а опечатки рѣшительно не допускаются въ дѣтскихъ книгахъ, тѣмъ болѣе, когда подобныя книги издаются не къ сроку.

VII.

С М Ъ С Ь.

ПОЯТЛИВОСТЬ И ВЛАГОДАРНОСТЬ РЫБЪ. Много писано о поятливости и чувствительности четвероногихъ, птицъ и даже нѣкоторыхъ насѣкомыхъ. Но доселѣ никто, кажется, не обращалъ вниманія на такія же чувства у рыбъ. Одинъ англійскій журналъ приводитъ достовѣрный примѣръ, который доказываетъ, что рыбы въ этомъ отношеніи нисколько не отстаютъ отъ прочихъ животныхъ. Извѣстный врачъ, докторъ Варвикъ, гуляя вечеромъ въ паркѣ графа Стамфорда, прошелъ мимо садка, въ которомъ хранилась рыба для графскаго стола. Одна щука, плывшая вдоль берега, испугавшись вѣроятно его, бросилась назадъ съ такою быстротою, что ударилась головою объ гвоздь, торчавшій изъ балокъ, которыми былъ обложенъ садокъ. Она, повидимому, очень сильно ушиблась, потому что еще съ большею быстротою погрузилась ко дну, воткнула голову въ песокъ, вынырнула на поверхность воды, опять погрузилась и наконецъ выскочила изъ садка. Докторъ подошелъ къ ней и замѣтилъ, что черепъ ея былъ поврежденъ, и что изъ пролому начиналъ течь мозгъ. Онъ взялъ серебряную зубочистку, осторожно вложилъ мозгъ назадъ, и приподнял вдавленный отъ удара черепъ. Рыба лежала нѣсколько мгновений неподвижно; потомъ ее бросили въ воду. Сначала ей было, повидимому, легче, но потомъ она опять принялась метаться внизъ и вверхъ съ изумительной быстротою, и наконецъ

опять бросилась на берегъ. Докторъ, съ помощью садовника, сдѣлалъ нѣчто въ родѣ банджа на ушибленномъ мѣстѣ, опять пустилъ рыбу въ воду и предоставилъ ее судьбѣ. На слѣдующее утро онъ пришелъ къ садку; щука приплыла къ краю, и волежила голову на его ногу. Осмотрѣвъ ее, онъ увидѣлъ, что рана на черепѣ заживала. Докторъ продолжалъ свою прогулку, а щука все слѣдовала за нимъ вдоль берега, и, какъ она, вслѣдствіе ушиба на одинъ глазъ ослѣпла, то приходила въ ужасное безпокойство, какъ скоро благодѣтель ея находился со стороны слѣпаго глаза, и она не могла его видѣть. На слѣдующій день докторъ привелъ съ собою нѣсколько пріятелей, чтобы показать имъ свою щуку. Рыба дѣйствительно приплыла къ нему, и съ-тѣхъ-поръ приплывала каждый разъ, какъ онъ подходилъ къ садку. Вскорѣ она привыкла ѣсть изъ его руки, приходитъ на его советъ; хотя другихъ людей боялась и дичилась, какъ прежде.

ПАМЯТНАЯ КНИГА ШЕКСПИРОВА зятя. Въ одномъ собраніи шотландскаго общества любителей древности, господинъ Торбуль, секретарь общества, сообщилъ подлинную памятную книжку, писанную рукою доктора Джона Голля, мужа Шекспировой дочери, Сусанны. Эта рукопись была въ рукахъ комментатора Мелона, который много пользовался ею, и съ-тѣхъ-поръ считалась затерянною. Она принадлежитъ одному эдинбургскому врачу, который и препроводилъ ее обществу. Секретарь прочелъ изъ нея нѣсколько любопытныхъ и важныхъ отрывковъ, и такъ какъ въ ней оказывается много свѣдѣній, которыя должны разлить обильный свѣтъ на вѣкъ великаго поэта и лица, его окружавшія, то общество положило предложить «Шекспировскому обществу» или издать самую рукопись, или перепечатать вновь передѣлку ея, изданную въ 1657 году.

ПРОХОЖДЕНІЕ ВОДОРОДА СКВОЗЬ ТВЕРДЫЯ ТѢЛА. Господинъ Луиэ (Louyet) сообщилъ Парижской Академіи наукъ нѣкоторые любопытные результаты своихъ изслѣдованій надъ свойствами газовъ. Если струя водороднаго газа, выходящая изъ отверстія трубочки, будетъ направлена перпендикулярно въ листокъ бумаги, отстоящій на нѣсколько миллиметровъ отъ отверстія, то газъ пройдетъ сквозь бумагу. Газъ не прорываетъ бумаги, какъ должно бы ожидать, а проходитъ будто чрезъ скважины, и загарается за бумагою, какъ бы струя ничѣмъ не отдѣлялась отъ огня. Если по направленію струи, за бумагою, отстоящею отъ отвер-

тія трубочки на три или на четыре сантиметра, держатъ губчатую платину, которая накаливается; но для этого необходимо, чтобы платина прикасалась бумаге, или была не самымъ близкомъ разстояніи. «Съ удивленіемъ, говоритъ господствъ Луйё, убѣдился я, что водородный газъ также легко проходитъ сквозь листовое золото или серебро. Если обернуть губчатую платину въ несколько листовъ золота или серебра, и направить на нее струю водороднаго газа, платина раскалется, и золото или серебро прилепится къ ее поверхности. Губчатая платина сильно впитывается также сивомъ листъ олова. Водородный газъ проходитъ сквозь тонкую пластинку гута-перчи, которая получается отъ испаренія небольшого кусочка гута-перчи, разведенной въ хлороформѣ. Но онъ не проходитъ сквозь пластинку дутаго стекла, какъ бы тонка она ни была.

ЛЕЧЕНІЕ КРЕТЯНОВЪ ВЪ ДЕРНСКОМЪ НАГОРЬИ. Давно уже вниманіе ученыхъ филантроповъ было обращено на несчастныхъ существъ, которыхъ видъ такъ часто разрушалъ наслажденіе путешествующихъ по Швейцаріи; и доселѣ считали они это состояніе неизлечимымъ увѣчьемъ, сожалѣя только объ этомъ испаденіи человѣческой природы; неэтико-экономы исчисляли какое бремя составляли эти безпомощныя созданія для народонаселенія, и безъ того уже скуднаго и бѣднаго, а люди благочестивые пытались неповѣданными законами объяснить это заключеніе безсмертной души въ хризалиду, которую можетъ пробить одна смерть.

Лѣтъ семь тому назадъ докторъ Гугенбуль учредилъ госпиталь для малолѣтныхъ кретяновъ, и выбралъ для него вершину Абендберга, чудесное мѣсто, самое благоприятное для тѣлеснаго и умственнаго развитія пациентовъ. Заведеніе это помѣщается среди обширнаго, открытаго мѣста, на три тысячи футовъ надъ поверхностью моря между Тунекскимъ и Бриенцскимъ озерами. Оно находится надъ мѣстечками Интерлакенъ и Унтерзенъ; ближе къ подножію гора опоясана частымъ лѣсомъ, а напротивъ возвышается исполниская Юнгфрау. Зданіе просто и вполне соответствуетъ своей цѣли; сверхъ того, на своей высотѣ оно дѣлаетъ подъ рукою почти всѣ необходимыя средства пропитанія; огороды въ такомъ состояніи, каковаго лучше желать нельзя, вокругъ поля, засѣяныя мансомъ и даже хлѣбами. Жители госпиталя сами пекутъ хлѣбъ, сами откармливаютъ скотъ; мясную пищу ихъ составляютъ преимущественно козы и дичь. Зима

на этой высотѣ никогда не доходить до такой суровости, какъ въ долинахъ. Два незамерзающіе ключа снабжаютъ заведенію достаточнымъ количествомъ воды, для хозяйства и для ваннъ.

Среди этого нагорнаго уединенія рѣшился молодой и ученый докторъ Гугенбуль, полный терпѣнія, самоотверженія и ревности къ своему предпріятію, провести жизнь среди самыхъ отвратительныхъ существъ. Нынче онъ вознагражденъ за этотъ подвигъ человѣколюбія общимъ уваженіемъ и славой; но вначалѣ онъ былъ отлученъ отъ всѣхъ своихъ собратьевъ, и ограниченъ обществомъ однихъ кретинновъ. Сверхъ того, онъ долженъ былъ бороться съ недостаткомъ денежныхъ средствъ; потому что деньги въ Швейцаріи рѣдки, одинъ кантонъ мало заботится о томъ, что дѣлается въ сосѣднемъ, и не скоро рѣшится содѣйствовать ему въ учрежденіи какого-нибудь благотворительнаго заведенія.

Докторъ Гугенбуль долго изслѣдовалъ причины, отъ которыхъ можетъ происходить это загадочное тѣлесное и духовное безобразіе, и средства его леченія. Онъ ознакомился со всѣми наблюденіями ученыхъ и съ преданіями жителей о происхожденіи и свойствахъ кретиннизма. Со времени знаменитаго де-Соссюра, врачи согласны въ томъ, что болѣзнь эта никогда не встрѣчается выше четырехъ тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, и что одержимыя ею дѣти, будучи переведены въ болѣе чистую и вольную атмосферу, видимо поправлялись, и по возвращеніи къ зимѣ въ долины, были живѣе и понятливѣе другихъ дѣтей; но потомъ опять впадали въ прежнее состояніе; изъ чего врачи заключали, что для совершеннаго искорененія болѣзни, одного дѣта, проведеннаго въ нагорьи, недостаточно.

Докторъ зналъ также, что зачаточные люди отсылаютъ своихъ дѣтей, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, въ болѣе здоровыя мѣста, и что жители Зитена, въ Валлискомъ кантонѣ, имѣя пастбища и шалаши на высокихъ горахъ, отсылаютъ туда женъ во время родовъ, въ убѣжденіи, что дѣти тамъ менѣе подвергаются губельному вліянію кретиннизма, чѣмъ въ долинахъ. Эти несомнѣнные факты побудили его избрать для своего учрежденія высоту Абендсберга, какъ одно изъ самыхъ здоровыхъ мѣстъ. Юные кретины могутъ проводить тамъ и лѣто и зиму, окруженные всѣми удобствами жизни, и подъ заботливымъ попеченіемъ нянекъ, врачей, учителей и учительницъ.

Въ началѣ своего предпріятія докторъ Гугенбуль, исполненный того же духу, какъ Франке, котораго онъ часто приводилъ въ

примѣръ, надѣялся найти содѣйствіе своимъ планамъ въ христіанской любви; въ успѣхъ онъ не сомнѣвался, если-бы только могъ добиться надлежащихъ матеріальныхъ средствъ. Но ему пришлось бороться съ такими денежными затрудненіями, которыхъ онъ никакъ не могъ ожидать, а въ соотечественникахъ онъ не нашелъ того участія, на которое имѣлъ право рассчитывать. Не смотря на то, близость Интерлакена, гдѣ въ лѣтнее время съѣзжаются путешественники изъ всѣхъ странъ свѣта, доставилъ ему возможность обратить вниманіе публики на свое учрежденіе. Дочь русскаго посланника въ Швейцаріи, барона фонъ-Криденера, первая съ восторгомъ описала госпиталь на Абендбергѣ; вскорѣ за тѣмъ король вюртембергскій посѣтилъ заведеніе и доказалъ свое участіе щедрыми пожертвованіями. Съ тѣхъ поръ ни одинъ ученый, ни одинъ филантропъ, ни даже простой путешественникъ, посѣщая Бернское нагорье, не забываетъ завернуть въ госпиталь доктора Гугенбуля.

По основаніи госпиталя, бернское правленіе опредѣлило на его содержаніе шесть сотъ талеровъ ежегодно, а правленія Фрейбургское, Валлиское и Сенъ-Гальское положили отдавать туда молодыхъ кретинновъ, на своемъ иждивеніи; король прусскій также поручилъ доктору врачеваніе двоихъ дѣтей изъ Невшателя. Знаменитая графиня Ида Ганъ-Ганъ отдала въ этотъ госпиталь дочь свою, которой однакоже уже нельзя было помочь, потому что ей было уже шестнадцать лѣтъ. Не смотря на то, графиня положила сумму на постоянное пользованіе одного малолѣтнаго кретина изъ Валлиса, съ тѣмъ, чтобы онъ назывался всегда воспитанникомъ графини Ганъ-Ганъ. Вскорѣ во многихъ большихъ городахъ, въ Гамбургѣ, въ Амстердамѣ, образовались общества для содѣйствія этому благотвельному предпріятію; знаменитый профессоръ Трокслеръ своимъ именемъ поддержалъ доктора Гугенбуля, котораго благородное самоотверженіе не защитило его отъ клеветы и отъ злобныхъ нападеній на его систему врачеванія. Наконецъ обильныя подписки доставили основателю Абендбергскаго госпиталя возможность построить другой домъ, въ которомъ дѣти могли продолжать свои гимнастическія упражненія и зимою, не подвергаясь суровости климата. Сверхъ того, при госпиталѣ устроены помѣщенія для родителей, которые пожелали бы навѣстять дѣтей, и провести съ ними нѣсколько дней. Между воспитанниками доктора Гугенбуля есть также дѣти изъ первыхъ классовъ общества, отданныя къ нему собственно не какъ кретины, а по слабому развитію умственныхъ способностей.

Изъ всего числа дѣтей, пользовавшихся доводъ въ госпиталѣ, около одной трети возвращено семействамъ совершенно здоровыми; многіе другіе значительно поправились и въ тѣлесномъ и въ духовномъ состояніи; самое незначительное число умерло. Докторъ жалуется, что дѣтей вообще слишкомъ рано берутъ назадъ изъ заведенія; онъ утверждаетъ, что для полного успѣха леченія нужно болѣе продолжительное время, среднимъ числомъ, три года. Въ некоторыхъ пациентахъ болѣзнь преобладающему сопротивлялась всѣмъ успѣшнымъ вратамъ; тѣло ихъ представляло самое отвратительное безобразіе: языкъ высовывался изъ рта, голова подавалась впередъ, шея была въ глубочайшихъ морщинахъ, какъ у осмидесятилѣтнихъ стариковъ, члены были тонки и сухи до уродства, животъ вышучился впередъ; они не подавали ни одного востановаго звука, и не оказывали слѣда разсудка. Но и въ этомъ классѣ больныхъ, благоразумнымъ обращеніемъ, неутомимой заботливостью, ароматическими втираніями, ваннами, электричествомъ, козьимъ молокомъ, вліаніемъ открытаго воздуха и солнца, всѣми средствами умственнаго развитія, играми, пѣніемъ, музыкою, и прочимъ, докторъ достигъ изумительныхъ результатовъ; возвращалъ имъ свободное употребленіе членовъ, способность говорить, учиться, такъ что по возвращеніи въ родительскій домъ, они несколько не отставали въ своемъ развитіи отъ обыкновенныхъ дѣтей своего возраста. Впрочемъ успѣхи не во всѣхъ одинаковы, и почти никогда не идутъ постепенно; напротивъ, они обыкновенно совершаются скачками; вдругъ, когда врачъ всего меньше ожидаетъ, въ головѣ пациента совершается внезапный переломъ, и часть завѣсы, застилавшей его разумъ, спадаетъ. Родители и воспитатели могли бы потерпѣть много полезныхъ вѣщъ изъ абендбергской системы воспитанія; они научились бы бытъ воздержнѣе въ наизаніяхъ, убѣдились бы, что розга есть некое средство къ развитію дѣтскаго ума.

Основное правило доктора Гугенбюля — укрѣпить тѣло, прежде нежели приступать къ умственному развитію. Делать развитіе умственныхъ способностей прежде, чѣмъ тѣло успѣетъ укрѣпиться, значить по мнѣнію его, готовить себѣ неудачу, а ребенку самыя вредныя послѣдствія. Это мнѣніе, впрочемъ, шло въ оправданіе ежесовнымъ примѣромъ, такъ называемыхъ необыкновенныхъ дѣтей, которыхъ тщеславію или корыстолюбію родителей обрекаетъ на всякаго рода болѣзни и даже на преждевременную смерть.

Докторъ Гугенбюль дѣлаетъ крестникамъ на нѣсколько стое

ней. Первую степень составляет атрофія, сухотка, въ которой спинной мозгъ растетъ непомѣрно, и оконечности почти лишены дѣятельности; вторую — рахитизмъ, въ которомъ кости дѣлаются мягки и губчаты, и утрачиваютъ нормальную соразмѣрность; третью — гидроцефалія, головная водянка, которая происходитъ отъ образованія воды въ одной изъ впадинъ черепа, занимаемыхъ въ здоровомъ состояніи мозгомъ; наконецъ четвертая степень есть врожденный кретинизмъ, котораго зародышь находится въ ребенкѣ съ самаго его рожденія, онъ представляетъ одинъ или нѣсколько изъ исчисленныхъ симптомовъ. Симптомы эти могутъ являться въ большей или меньшей силѣ отъ того состоянія, въ которомъ ребенокъ представляетъ только легкіе слѣды болѣзни, до совершеннаго огрубѣнія и тѣлеснаго безобразія. Нередко голова у такихъ кретинновъ не имѣетъ ни какой соразмѣрности съ остальнымъ тѣломъ; многіе изъ нихъ не говорятъ, не потому что имъ или глухи, а просто отъ неворотливости языка, безмыслія и врожденной лѣности.

Въ сочиненіи, изданномъ Гугенбюлемъ рѣзко разграничивается кретинизмъ и слабоуміе, а для доказательства приводятся наблюденія надъ пользовавшимися имъ двумя братьями, изъ которыхъ одинъ былъ кретинъ, а другой идиотъ. «Кретинизмъ, говоритъ Гугенбюль, проявляется то въ физическомъ, то въ духовномъ развитіи, но чаще въ томъ и другомъ, и притомъ въ одинакой степени. Въ обоихъ случаяхъ онъ сопровождается какимъ-нибудь большимъ недостаткомъ въ тѣлесномъ организмѣ, но прѣ всемъ томъ допускаетъ дѣйствіе на умъ. Слабоуміе напротивъ часто встрѣчается при совершенно правильномъ сложеніи тѣла, и происходитъ всегда отъ ненормальнаго развитія мозга. Анатомическія изслѣдованія надъ тѣлами кретинновъ доказываютъ, что средоточіе болѣзни почти всегда находится въ мозгу. Онъ бываетъ иногда тверже или мѣнше, чѣмъ въ здоровомъ состояніи, иногда водянистѣе, иногда фибры плотне и короче, какъ у животныхъ. Какая-то неоткрытая еще причина препятствуетъ въ кретинахъ развитію головнаго и спиннаго мозга, играющихъ столь важную роль въ ростѣ и умственномъ развитіи ребенка. Кретинизмъ всегда находится въ тѣсной связи съ золотухой, и для леченія его должно употреблять тѣ же средства, какія употребляютъ для леченія золотухи. Онъ часто сопровождается также зубами, доходящими иногда до огромныхъ размѣровъ. Въ долинкахъ золотуха очень обыкновенная болѣзнь, и хотя не смертна, однако же очень злокачественна».

Кретинизмъ, съ которымъ младенецъ уже рождается на свѣтъ, гораздо опаснѣе того, который покажется въ первыхъ недѣляхъ, въ первыхъ мѣсяцахъ, или въ первыхъ годахъ его жизни; весьма рѣдкій случай, чтобы болѣзнь эта являлась послѣ семилѣтняго возраста. Болѣзнь можно остановить, и даже совершенно искоренить переменною мѣста и образа жизни, и различными средствами, укрѣпляющими нервы, мускулы и кости. По-крайней-мѣрѣ кретинизмъ всегда можетъ быть ослабленъ и облегченъ; чѣмъ онъ и отличается отъ слабоумія, которое обыкновенно бываетъ неизлечимо и неизмѣнно. Предоставленные на произволъ судьбы кретины никогда не переживаютъ двадцати пяти лѣтъ, вѣтъ ихъ очень быстро переходитъ отъ дѣтства къ дряхлости. Не смотря на ихъ отвратительное состояніе, эти несчастные составляютъ предметъ особенной нѣжности и заботливости для родныхъ, и суевѣрнаго почтенія для поселянъ. Голова у нихъ почти всегда гораздо больше, чѣмъ у здороваго человѣка, и черты лица странны и несоразмѣрны. Врачебныя средства, употребляемыя докторомъ Гугенбюлемъ суть: электрическія потрясенія въ голову и въ ноги, во время сна или въ ваннѣ, натираніе спины ароматическими веществами, ароматическія ванны, желѣзистые препараты, хинная кора, видегскія цѣлительныя воды, находящіяся въ небольшомъ разстояніи отъ госпиталя, китовый жиръ, іодъ, *juglans regia*. Пища пациентовъ заключается въ козьемъ молокѣ, которое на горахъ неграვენно ароматичѣе, въ мясѣ и нѣкоторыхъ овощахъ; картофель строго запрещается. Но самое дѣйствительное средство составляютъ: свѣжій, вольный воздухъ и солнце. Тѣхъ изъ больныхъ, которые не могутъ ходить, выносятъ и сажаютъ на траву, гдѣ они могутъ свободно вдыхать здоровый воздухъ Абендсберга. Не менѣе пользы приносятъ гимнастическія упражненія, которыя возбуждаютъ дѣятельность всѣхъ мускуловъ тѣла. Умственные способности кретинновъ изощряются своего рода гимнастическими упражненіями, которыя вскорѣ возбуждаютъ въ воспитанникахъ соревнованіе. Наконецъ важное вспомогательное средство представляетъ музыка.

Наблюденія, какъ самого доктора Гугенбюля, такъ и собранныя разными учеными и челоуѣколюбивыми обществами, доказываютъ, что источникъ кретинизма заключается въ разныхъ мѣстныхъ причинахъ, имѣющихъ вліяніе на атмосферу, въ которой дѣти рождаются и возрастаютъ. Болѣзнь эта не есть безусловно наследственная; нерѣдко случается, что дѣти кретинновъ, или такихъ родителей, въ которыхъ есть слѣды кретинизма, вовсе имъ не

заражаются, между тѣмъ какъ дѣти совершенно здоровыхъ людей подвергаются ему, когда живутъ въ долинахъ, гдѣ воздухъ недостаточно возобновляется, пары спираются между стѣнами горъ, воды, скопляясь съ возвышеній, не находятъ выхода, и селенія окружены плотною цѣнью горъ и лѣсовъ. Сверхъ того въ домахъ этого краю, часто нѣтъ достаточнаго числа оконъ, а передъ дверями лежатъ кучи навозу или стоятъ лужи вонючей воды, которыя наполняютъ воздухъ зловонными парами. Бѣдные классы, кажется, имѣютъ непреодолимое отвращеніе къ опрятности. Сверхъ того, пища ихъ самая скудная, и заключается обыкновенно въ соломянѣ, черномъ хлѣбѣ, изсохшемъ сырѣ и картофлѣ.

Благодаря продолжительному миру, общественное образованіе разлилось по всей Швейцаріи, и сдѣлало огромные успѣхи. Съ тѣхъ поръ, какъ безчисленное множество туристовъ ежегодно посѣщаютъ свои деньги въ швейцарскихъ долинахъ, здоровье жителей примѣтно улучшается; во многихъ мѣстахъ высушили болота, проложили новыя дороги, и самый ужасный видъ кретинизма исчезъ; теперь изрѣдка только увидите несчастное существо, которое не можетъ ни говорить, ни двигаться, и котораго безобразная наружность заставляетъ зрителя отворачиваться съ омерзѣніемъ. Жители стали дѣятельнѣе, трудолюбивѣе; съ учрежденіемъ удобныхъ сообщеній, водою и сухимъ путемъ, въ долины начали привозить произведенія озерья, и пища жителей значительно улучшилась. Въ особенности примѣтно уменьшилось число кретиновъ въ Валлисѣ съ открытія дороги черезъ Симплонъ, къ тому же времени принадлежитъ устройство дамбъ по Ронѣ, вслѣдствіе чего болотистыя берега этой рѣки осушились и обратились въ здоровыя и плодородныя земли.

Прежде дозволялось кретивамъ, даже тѣмъ, въ которыхъ болѣзнь доходила до крайнихъ предѣловъ, вступать между собою въ бракъ, и такимъ образомъ давать жизнь еще болѣе несчастнымъ существамъ. Нынѣ же стараются всевозможными средствами ограничивать браки между близкими родственниками, въ особенности когда въ нихъ видно расположеніе къ этой болѣзни. По этому можно надѣяться, что золотуха, зобы и кретинизмъ сдѣлаются все рѣже и рѣже, и наконецъ совсѣмъ выведутся изъ альпійскихъ долинъ.

По примѣру Гугенбюлева госпиталя, устроено еще два подобныя заведенія: одно въ Виртембергѣ, основано челоѣколюбивымъ обществомъ, подъ управленіемъ господина Роша; другое

въ Саксоніи, стараніемъ королевскаго лейбъ-медика доктора Каруса. Въ Австріи была назначена для той же цѣли коммиссія, подъ предводительствомъ барона фонъ Фейхтерслебена, но заводскія еще не устроены. Король Сардинскій также предписалъ медикамъ сдѣлать изслѣдованія о кретинизмѣ во всѣхъ частяхъ государства; но коммиссія, на которую были возложены этотъ трудъ, еще не окончила его. Въ настоящее время доктору Гувелбюлю нѣтъ недостатка въ поощреніи, многія ученые общества поставили себя въ честь, имѣть его своимъ членомъ.

рассказъ врача. Изъ записокъ доктора К.... Я жилъ въ то время въ городѣ К.... Медицинская практика часто доставляла мнѣ случаи приемотрѣться вблизи къ домашнему быту низшаго класса жителей того края, только что начинавшаго выходить изъ полудикаго состоянія. Тутъ-то могъ я вполне убѣдиться, что страсти и душевные волненія съ пагубными ихъ послѣдствіями, въ сущности одинаковы во всѣхъ классахъ общества, и отличаются только въ внѣшнихъ формахъ своего проявленія. Я приведу здѣсь одинъ случай, который показался мнѣ интереснымъ, по трагическимъ обстоятельствамъ его сопровождавшимъ.

Въ концѣ іюля мѣсяца 184... года, былъ я призванъ для подачи медицинскаго пособія сумасшедшей Еврейкѣ. Лея была молодая женщина, лѣтъ двадцати двухъ, дочь небогатыхъ, но честныхъ родителей. Первые признаки разстройства ума показались въ ней вскорѣ послѣ добровольнаго развода ея съ мужемъ, молодымъ человѣкомъ ея лѣтъ. Сначала Лея впала въ тихую меланхолю, сопровождавшуюся безсонницею, отсутствіемъ аппетита, и непонятною робостью передъ людьми. Мало-по-малу стали являться другіе, болѣе сильныя признаки помѣшательства. Ни увѣщанія престарѣлыхъ родителей, ни ласки родственниковъ, ничто не могло пробудить ее изъ какой-то тоскливой апатіи. Всего болѣе удивляло всѣхъ равнодушіе ея къ дитяти, которое она прежде вѣжно любила; этой внезапной перемены ничѣмъ нельзя было объяснить, кромѣ отсутствія разсудка. Часто проводила она цѣлыя ночи въ слезахъ, а днемъ пряталась отъ людей и свѣту, и забивалась куда-нибудь въ уголъ. Она чахла — чахла, и наконецъ совсѣмъ слѣпла. Тогда они послали за мною.

Физическая болѣзнь, а не душевная, побудила заботливыхъ родителей прибѣгнуть къ помощи врача. Врачеваніе больной души по ихъ понятіямъ, было дѣломъ не медиковъ, а религіи. И они прибѣгали по своему къ помощи религіи: къ молитвамъ, къ раз-

дуть милостыни бѣднымъ; совѣтовалась съ равными; но ничто не помогало. Меня же она преслѣла только, къ панахой простотѣ своей, воссратить большой аппетитъ и сонъ, и, хотя бы безумно, не поддаться ей на погы.

Случай этотъ оцѣна заинтересовала меня. Я старался узнать подробно ея прошедшее, разспрашивалъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ ея замужество, объ отношеніяхъ ея къ мужу, и вообще обо всемъ, что могло повести меня на причины ея бѣды. Такимъ образомъ, я скоро убѣдился, что истиннымъ ея недугомъ была безотчетная любовь къ мужу и мысль, что она нацѣна различна отъ предметовъ своей любви; она сошла съ ума отъ любви. Физиономія ея, внезапно перемѣнилась въ лицѣ, какъ скоро я, въ разговорѣ съ нею, коснулся мужа, дикое выраженіе ея лица, слышимомъ ясно говорило мнѣ, что я не ошибался.

Но распознать болѣзнь было недостаточно, нужна была помощь. Какъ и чѣмъ? когда причины, производившія недугъ, неопредѣлимы. Я рѣшился, однако жъ, попытаться. Рождественниа болѣшой, не будучи въ состояніи выволнить мои наставленія, увѣрили меня въ безвредности моихъ попытокъ; разсказывая притомъ, какъ, въ первое время послѣ женитьбы, молодые супруги жили въ совершенномъ согласіи; не потомуъ мало-по-малу, безъ всякой видной причины, мужъ сверва сдѣлался равнодушнымъ, холоденъ къ женѣ своей, а потомъ сталъ настоятельно требовать развода, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ замѣчалъ по временамъ за женою признаки помѣшательства. Онъ не понималъ, что это умственное расстройство было слѣдствіемъ его охлажденія, котораго не старался даже скрывать. Несчастная Лѣя рѣшилась прибѣгнуть къ помощи чаръ и заговоровъ. По совѣту пріятельницъ ова приготовляла для мужа разные таинственныя, симпатическія питья, примѣшивая ихъ въ его кушанья; и въ чай, тайкомъ уносила у него платье, чтобы напечатлѣваніемъ при свѣтѣ полной луны и полуночныхъ звѣздъ, заговорить демона, коварно вѣншавшагося въ нихъ супружескій бытъ. Не разъ находилъ мужъ у изголовья своего любимца корень (Radix Levistici), который у простолудинновъ того края считается вѣрнѣйшимъ средствомъ во-скресить угасающій свѣтляниа супружеской любви. Бѣдняжка, она не знала о средствѣ гораздо болѣе дѣйствительномъ въ подобныа случаяхъ, и къ которому прибѣгла бы съ пользою свѣтлая женщина — о кокетствѣ; ей и въ голову не приходила воз-можности достигнуть своей цѣли возбужденіемъ ревности; ей до-ступны были только слезы и вѣрованье въ непреложность чаръ.

Но ни луна, ни звѣзды, ни травы, ни коренья, не помогали горю; напротивъ, чѣмъ болѣе несчастная жена добивалась любви мужа, тѣмъ болѣе возрастало его равнодушіе, и мало-по-малу перешло въ рѣшительную антипатію. Уличивъ Лео въ колдовствіи, онъ сталъ еще настоятельнѣе прежняго требовать развода. Несчастная, убѣдившись въ невозможности достигнуть цѣли, въ которой полагала все свое счастье, поворилась злополучной судьбѣ своей; она умоляла только, чтобы ей оставили его любимого ребенка; мужъ тѣмъ легче на это согласился, что младенецъ по вѣжному своему возрасту нуждался въ попеченіи матери.... — Съ тѣхъ поръ, говорила мнѣ мать Лео со слезами, расудокъ нашей дочери мало по-малу пришелъ въ то разстроенное состояніе, въ которомъ вы, докторъ, видите его теперь.

Мнѣ уже прежде не разъ случалось видѣть подобныхъ страдальцевъ, и я зналъ по опыту, какъ трудно ихъ совершенно исцѣлить; видалъ однако жъ, что всемогущее время, разсвѣніе, отклоненіе пациента отъ постоянной думы объ одномъ и томъ же предметѣ, доставляли имъ иногда облегченіе. Я успокоилъ, сколько могъ, родственниковъ несчастной, предписалъ имъ приличное для больной Лео діететическое содержаніе, прописалъ средства для утишенія соматическихъ припадковъ, и сталъ наблюдать за нею. Бывали дни, она казалась спокойнѣе; но тогда она была пѣма, и ничто не было въ состояніи вызвать малѣйшій звукъ съ ея устъ; другіе разы она вдругъ переходила изъ глубокаго унынія въ буйное веселье, кричала, прыгала; сегодня она казалась безчувственной даже къ физической боли; а завтра малѣйшее дуповеніе вѣтерка заставляло ее вскрикивать отъ боли, и самое невпипное слово, сказанное безъ всякаго злаго умыслу, обижало ее до слезъ; тогда она горько упрекала окружающихъ въ жестокости. При имени мужа она всегда вздрагивала, а на ребенка смотрѣла, какъ на чужаго, почти незнакомаго. Я велѣлъ отнять его у нея, и поручить разумнѣйшему попеченію бѣдное созданіе, осужденное, можетъ-быть, во всю жизнь не знать ласки матери. Лео, повидимому, вовсе не замѣчала отсутствія дитяти, и никогда о немъ не спрашивала. Я испыталъ еще нѣкоторыя средства; но больная упорно отказывалась отъ всего, увѣрила, что она совершенно здорова и что ей ничего не нужно. По истеченіи нѣкотораго времени родственники рѣшились, по совѣту знакомыхъ, отвезти больную къ жившему въ окрестностяхъ знахарю Молдавану, который слылъ великимъ мастеромъ выгонять изъ людей во-

чистую силу. Такимъ образомъ больная была удалена отъ мѣста моего жительства.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года я опять имѣлъ случай видѣть мою безумную.

Мать ея заболѣла горячкою, которая тогда свирѣпствовала въ томъ краю, и меня пригласили лечить больную. Безумная Лея пользовалась тогда совершеннымъ физическимъ здоровьемъ, она даже нѣсколько пополнила противъ прежняго, что у подобныхъ субъектовъ есть почти вѣрный признакъ неизлечимости ихъ душевнаго недуга. Знахарь Молдаванъ тщетно пытался увѣщаніями и угрозами, иногда очень дѣйствительными, какъ говорили мнѣ, — изгнать чорта, засѣвшего въ мозгу у Леи. Но если искусство не помогло душѣ, то деревенскій воздухъ и виноградники, которыми изобилуетъ этотъ богатый край, возстановили здоровье ея тѣла; она ѣла съ прозорливостью, но бессонница оставалась почти по прежнему. На лицѣ не замѣтно было ни тѣни прежней грусти; о дитяти она не вспоминала, не смотря даже на то, что няня часто приносила его къ родственникамъ, у которыхъ жила Лея; даже имя мужа уже не производило на нее ни малѣйшаго дѣйствія. Я видѣлъ, что одно только чрезвычайно сильное потрясеніе могло еще, можетъ-быть, пробудить безумную изъ ея нравственнаго летаргическаго сна. Но я рѣшился подождать выздоровленія ея матери, чтобы приступить къ исполненію давно начертаннаго плана. Что-то въ душѣ говорило мнѣ въ пользу моего мнѣнія!

Мать Леи стала понемногу выздоравливать. Добрая старушка перевесла жестокою нервную горячку. Я уже не такъ часто навѣщалъ ее и въ посѣщеніяхъ своихъ рѣдко встрѣчалъ сумасшедшую.

Въ половинѣ февраля слѣдующаго года случилось въ томъ же городѣ необыкновенное происшествіе, которое я расскажу во всей его подробности. Въ одно утро прибѣжалъ ко мнѣ полицейскій офицеръ, и просилъ меня немедленно прибыть на мѣсто несчастнаго происшествія, случившагося недалеко отъ моей квартиры. Я тотчасъ отправился на зовъ, и какое ужасное зрѣлище представилось моему зору!... Передо мною лежалъ бездыханный и обгорѣнный кровью трущъ прекраснаго двухлѣтняго мальчонка; на немъ была ситцевая рубашенка и красная гарусная шапочка. Мнѣ говорили, что дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, — проходя мимо изсякшаго колодца, услышала пронзительный крикъ, выходившій изъ глубины его. Прибѣжавъ на крикъ, она замѣтила женщину,

удалившуюся медленнымъ и спокойнымъ шагомъ отъ колодези, взглянувъ въ колодезь она увидѣла на днѣ его дитя, издававшее сначала громкіе крики, а потомъ едва слышныя стѣны. Она тотчасъ объявила объ этомъ сосѣдямъ, съ помощью лѣстницы немедленно вытащили ребенка; онъ уже едва дышалъ и черезъ нѣсколько мгновеній испустилъ духъ. Я изслѣдовалъ тѣло ребенка; онъ былъ въ самомъ дѣлѣ мертвъ. Всѣ усилія мои и другихъ подоспѣвшихъ врачей призвать его къ жизни, оставались безуспѣшны. Одного потрясенія, причиненнаго паденіемъ, было достаточно для объясненія себѣ причины его смерти.

Трупъ поступилъ къ изслѣдованію судебнаго врача. Тутъ необходимо рождался вопросъ: чье это несчастное дитя? кто убійца, кому могла быть нужна эта жертва? это ужасное происшествіе сжало сердца всѣмъ присутствовавшимъ. Немедленно были приняты полицейскія мѣры къ изслѣдованію дѣла; а я въ раздумьи отправился по своимъ дѣламъ.

Въ теченіи дня, обошедъ сначала болѣе нуждавшихся въ моей помощи, я зашелъ наконецъ къ выздоравливающей матери Лей. У входа въ домъ я встрѣтилъ сумасшедшую, которой уже давно не видалъ, и не мало удивился почти ласковому ея привѣту; спросилъ ее о здоровьи, и пошелъ къ больной матери. Старушка была почти совсѣмъ уже здорова; одна только слабость удерживала ее въ постели. Разговоръ скоро обратился на ея дочь. Она рассказала мнѣ, что наканунѣ безумная была въ необыкновенно раздраженномъ состояніи, тосковала, плакала, говорила о мужѣ и дитяти, и всю ночь не давала ни кому въ домѣ уснуть; что послѣ того она утромъ, противъ обыкновенія, нуда-то выходила со двора, и только что воротилась передъ самымъ моимъ приходомъ. Я же рассказалъ матери свою встрѣчу съ ея дочерью въ дверяхъ ихъ дома, и какъ меня удивилъ ея спокойный видъ, ея привѣтливый, почти любезный пріемъ и готовность отвѣчать на всѣ мои вопросы; чего прежде за нею не водилось. Все это казалось мнѣ довольно страннымъ; и такъ какъ меня неотчетливо преслѣдовало воспоминаніе объ утреннемъ происшествіи, котораго я однако же не рѣшался рассказать едва выздоравливающей старушкѣ, то я по ходу своихъ мыслей, невольно расширявалъ ее о дитяти безумной Лей и ея кормилицѣ. Больная объяснила мнѣ, что по моему совѣту дитя было отдано на руки надежной женщины; почти съ материнскою нѣжностью рассказывала она мнѣ, какъ внукъ ея росъ не по лѣтамъ, а по часамъ, съ словоохотливостью бабушки описала мнѣ его шарушность. Во

время этого разсказа что-то странное происходило въ умѣ моемъ. Мнѣ казалось, будто я находилъ какое-то сходство между ея внукомъ и трупомъ ребенка, видѣннымъ мною по утру; когда же въ разговорѣ она какъ-то коснулась одежды внука, и упомянула о красной шапочкѣ и ситцевой рубашкѣ, которыя она подарила ему, ужасный свѣтъ вдругъ озарилъ меня. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, думалъ я про себя; убитый ребенокъ — внукъ ея, сынъ несчастной Лей.

Но какъ убѣдиться въ этомъ? сказать ей слово о случившемся, было бы безразсудствомъ и преступленіемъ. Я рѣшился обратиться къ старику мужу ея, которому, какъ нужавшій, слѣдовало имѣть больше твердости, и разсказалъ ему, что звалъ и что съ невольнымъ трепетомъ угадывалъ. До него еще не доходила вѣсть о случившемся. Онъ также нашелъ мое опасеніе очень правдоподобнымъ, и чтобы увѣриться, побѣждалъ взглянуть на трупъ младенца; я между тѣмъ остался на улицѣ, ждать его возвращенія и отвѣта. Онъ вернулся черезъ нѣсколько минутъ, и измѣнившееся лицо несчастнаго дѣда, его блѣдность и дрожь ясно сказали мнѣ, что онъ узналъ внука, и что мое ужасное предчувствіе обратилось въ горькую истину.

Я посоветовалъ ему немедленно объявить начальству, что найденный ребенокъ—его внукъ, сынъ его безумной дочери, и обѣщалъ ему съ своей стороны неходатайствовать, чтобы розыскъ былъ совершенъ въ домѣ его со всевозможною снисходительностью къ состоянію его больной жены.

Въ тотъ же день были сдѣланы надлежащія распоряженія для отысканія убійцы невиннаго младенца. Лица, прикосновенныя къ дѣлу, какъ-то: родственники, у которыхъ жила безумная мать, кормилица дитяти, дѣвочка, открывшая происшествіе, сумасшедшая Лей и многія другія лица, отъ которыхъ можно было надѣяться какого-либо объясненія въ этомъ темномъ дѣлѣ, были собраны для допроса. Я присутствовалъ при немъ, какъ для того чтобы слѣдить вообще за ходомъ дѣла, такъ и для того, чтобы, если возможно, почерпнуть изъ этого сердце раздирающаго событія пользу для безумной матери, такъ жестоко лишившейся своего дитяти.

По принятому порядку, первая была спрошена дѣвочка, открывшая ребенка въ колодезѣ; она подтвердила все, что мы уже знали, и присовокупила только, что ручается узнать ту женщину, которая находилась близъ колодезя при этомъ событіи, и равнодушно удалась, не обращая вниманія на крикъ ея. —

«Дитя упало въ колодезь!» Кормилица повидимому больше всѣхъ сокрушалась о смерти своего питомца, по естественному чувству любви, весьма часто рождающемуся у кормилицъ осиротѣвшихъ дѣтей. Она показала на допросѣ, что отлучалась въ тотъ день по утру на базаръ, для закупки провизіи, и оставила питомца своего спящимъ. На базарѣ узнала она о случившемся въ городѣ, побѣжала домой освѣдомиться о дѣтяти, располагая потомъ сходить полюбопытствовать на мѣсто происшествія, взволнованнаго почти весь городокъ. Она горько оплакивала внезапную потерю ребенка, котораго горячо любила и не могла ничѣмъ объяснить этого дѣла. Родственники безумной показали, что Лея утромъ куда-то выходила со двора и недавно воротилась домой. Это обстоятельство казалось довольно страннымъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ допросу Леи, необходимо было свести ее и кормилицу съ дѣвочкою, открывшей событіе. Ихъ свели вмѣстѣ и спросили дѣвочку, не узнаетъ ли она въ этихъ женщинахъ ту, которую видѣла у колодца? Дѣвочка окинула взглядомъ представленныя ей лица и съ дѣтской радостью вскричала, указывая на Лею:—Вотъ она! я очень хорошо узнаю ее и по лицу и по платью!

Не могу описать ужаса, овладѣвшаго при этихъ словахъ мною и всѣми присутствовавшими. Еще болѣе оцѣпенѣли мы всѣ, когда ввели женщину, которая при розыскѣ въ домѣ кормилицы объявила, что она поутру встрѣтила у воротъ запертаго кормилицею дома, незнакомую ей женщину съ ребенкомъ на рукахъ, на которомъ была красная гарусная шапочка, и когда эта женщина съ перваго взгляда узнала въ Леѣ ту самую незнакомку, о которой говорила. И такъ, нѣтъ сомнѣнія! мать — сумасшедшая дѣтубійца! Страшно было объ этомъ подумать.

Я мысленно сообразилъ слѣдующія обстоятельства: безумная, по разказу ея матери, вчера вечеромъ была въ необыкновенно раздраженномъ состояніи; сегодня она рано утромъ выходила со двора; время отсутствія кормилицы изъ квартиры дѣтяти совпадаетъ со временемъ отлучки Леи изъ дому ея родственниковъ, показавія двухъ свидѣтелей, женщины видѣвшей ее, когда она уносила ребенка изъ дому кормилицы, и дѣвочки встрѣтившей ее на мѣстѣ происшествія; необыкновенное ея спокойствіе, ненатуральное въ ея положеніи. Все это вмѣстѣ приводило меня къ ужасному результату, что безумная будетъ обвинена.

Во все продолженіе этихъ допросовъ, сумасшедшая мать, почти улыбающаяся въ неслыханномъ злодѣяніи, стояла равнодушно,

и смотрѣла на всѣхъ съ тѣмъ глупымъ выраженіемъ физиономіи, которое свойственно умалишеннымъ этого рода. Пришла очередь допросить ее. На вопросы: видала ли она сегодня дитя свое? носила ли его, и куда? она отвѣчала отрицательно и притомъ такъ равнодушно, какъ-бы дѣло шло о совершенно чуждомъ ей предметѣ. Я все это время внимательно наблюдалъ за нею; ни малѣйшей перемѣны въ лицѣ; все тотъ же бессмысленно равнодушный взглядъ и болѣе ничего. Между тѣмъ, какъ такой важный предметъ занималъ всѣхъ и леденилъ кровь въ жилахъ, она преспокойно жевала арбузные сѣмена, любимое провожденіе времени востолоудниковъ того края.

Я рѣшила наконецъ спросить ее, не желаетъ ли она видѣть своего ребенка, который очень похорошѣлъ во время разлуки. Она отвѣчала хладнокровно: — Какъ вамъ угодно. Мы рѣшились показать ей трупъ младенца.

Признаюсь, этотъ моментъ былъ для меня особенно интересенъ и важенъ. Ее ввели въ комнату, гдѣ на столѣ лежало бездыханное тѣло дитяти, покрытое полотномъ. Я съ трепетомъ ждалъ, что будетъ и слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ. Смерва она окинула взоромъ всю комнату и остановилась у стола, гдѣ лежалъ трупъ; его раскрыли, нѣсколько секундъ смотрѣла она на него съ какой-то животною боязнью, какъ-будто не-хотя отклоняла отъ него взоръ, взглядывала изъ подлобья то на насъ, то на трупъ, потомъ опять на насъ, какъ-будто ожидая приказанія. Но вдругъ взоръ ея машинально остановился на мертвомъ дитяти; глаза ея заискрились; она подошла ближе, коснулась лица трупа руками, и задрожала всѣмъ тѣломъ, будто отъ прикосновенія къ гальванической цѣпи. Наконецъ послѣ минутнаго оцѣнчиванія, въ которомъ, казалось, просыпалась она отъ сна, Лея глубоко вздохнула, подошла ближе къ трупу, приподняла его головку, посмотрѣла ему въ открытыя, потухшія глаза, и съ восторгъ бросилась бѣжать отъ негъ, будто въ сильномъ испугѣ; но едва она успѣла одѣлать нѣсколько шаговъ, какъ повернулась назадъ и — грянула за-мѣртво о полъ, какъ пораженная громовымъ ударомъ. Я не въ состояніи выразить впечатлѣніе, произведенное на меня ея крикомъ. Это былъ такой вопль, какъ-будто ей торзали сердце раскаленнымъ желѣзомъ; вопль матери, незаконно уронившей дитя свое въ пропасть, или у которой свирѣпое насиліе отрываетъ младенца, чтобы его расшибить о камень. Кому вреде и приходило въ голову обвинить

мать въ преступленіи, тотъ теперь съ ужасомъ долженъ былъ отступить передъ этимъ предположеніемъ. Мать и убійца дитяти! Какая пропасть раздѣляетъ эти понятія. Между тѣмъ неушолные факты обвиняли ее кругомъ, и слѣдствіе неоспоримо доказывало несомнѣнность этого обвиненія.

Долго лежала безумная Лея, распростертая на трупъ своего дитяти, наконецъ она приподнялась; черты лица ея были такъ искажены судорогами, что почти невозможно было узнать ея; глаза, налитые кровью, блистали какимъ то дикимъ огнемъ; это была настоящая разъяренная львица! Я боялся, что безуміе перейдетъ въ бѣшенство. Она повидимому не узнавала окружающихъ и собиралась уйти; однако же ее удержали; я подошелъ къ ней и спросилъ, узнаетъ ли она свое дитя? Но она упорно молчала, и не узнавала меня. Потомъ, вырвавшись изъ рукъ удерживавшихъ ее, она опять бросилась къ столу, гдѣ лежалъ ребенокъ, и не добѣжавъ, упала въ ужасныхъ корчахъ; пѣна клубилась у ней изъ рта, будто въ припадкѣ эпилепсін. Мало-по-малу судороги унялись; она открыла глаза; но въ то же время стала бредить, метаться, будто въ горячкѣ. Ею овладѣла ужасная тоска. Мы вынесли ее въ сосѣднюю комнату, уложили въ постель; я прописалъ ей приличныя врачебныя средства, а къ вечеру ее перенесли въ госпиталь. Я нѣсколько разъ навѣщалъ ее потомъ; у ней оказались въ высшей степени признаки воспаленія въ мозгу: я опасался, что силы ее оставить и что она не перенесетъ болѣзни. Но всемогущая природа одержала верхъ, и во прошествіи двухъ недѣль она начала приходить въ себя. Я запретилъ говорить ей о несчастномъ событіи; но къ удивленію всѣхъ, она сама первая заговорила о немъ.

Выздоровливаніе ея быстро шло впередъ; родные съ удовольствіемъ замѣчали перемѣну въ ходѣ ея идей; кака-то ясность и правильность въ изложеніи мыслей и небывалая съ давняго времени послѣдовательность въ рѣчахъ, заступили нѣсто прежней запутанности и сбивчивости. Надежда на возможное возвращеніе ея разсудка была основательна. Одинъ я скорбѣлъ объ этомъ въ душѣ; и отъ всего сердца желалъ ей возвратиться въ прежнее бессмысленное состояніе, спасавшее ее отъ преслѣдованій неумолимой совѣсти и закона. Какое страшное будущее предстать ей? думалъ я. Слѣдствіе неоспоримо доказываетъ, что она убійца своего дитяти; а здоровое состояніе ея разсудка, подвергаетъ ее отвѣтственности передъ закономъ и наказанію за преступленіе.

По выздоровленіи Лей, слѣдствіе, пріостановившееся за ея бо-
лѣзною, пошло своимъ порядкомъ. Я уже не такъ постоянно слѣ-
дилъ за нимъ, но мнѣ рассказывали, какъ диво, съ какимъ жаромъ,
съ какимъ краснорѣчіемъ убѣжденія въ своей невинности
она защищалась передъ судьями. Слыхано ли, говорила она за-
ливаясь слезами, чтобы родная мать убила дитя свое? Невозмо-
жно, чтобы вы такъ думали; вы люди, у васъ есть сердце,
у васъ тоже есть дѣти! И горько рыдая, присовокупляла, что
ее не пугаетъ наказаніе, что она рада умереть, потому что жизнь
безъ дитяти будетъ ей однимъ горемъ; но одна мысль, что ее
обвиняютъ въ такомъ звѣрскомъ злодѣяніи, была ей невыносима.
Она повидимому совершенно потеряла память всего, что происхо-
дило съ нею во время ея безумія. Меня она узнавала, но говорила,
что никакъ не припомнить, гдѣ и при какомъ именно случаѣ
видѣла меня въ первый разъ. Безпрестанно умоляла она всѣхъ,
отвести ее на могилу дитяти, и спрашивала—заказавъ ли для него
надгробный камень. Евреи свято чтутъ память усопшихъ род-
ственниковъ, день смерти роднаго на всю жизнь остаеся у нихъ
днемъ горя и поминанія, посвященнымъ посту и молитвѣ; въ
этотъ день у нихъ всегда теплится свѣча предъ скиніею завѣ-
та, и они считаютъ обязанностью раздавать милостыню за упо-
кой усопшаго.

Уголовное слѣдствіе клонилось къ концу. Мать была уличена
въ звѣрскомъ преступленіи; она была въ полномъ умѣ, и слѣдо-
вательно должна подвергнуться заслуженному наказанію. Но кто
зналъ такъ подробно всѣ факты какъ я, кто слѣдилъ за безум-
ной до несчастнаго происшествія и во время его, какъ я, тотъ
не могъ не убѣдиться въ ея невинности. Что мать, въ безпамят-
ствѣ, по указанію одного истинника отыскивала мѣстопробываніе
своего дитяти, и, покровительствуемая несчастнымъ стече-
ніемъ случайныхъ обстоятельствъ, отсутствія кормилицы и по-
стороннихъ, успѣла утащить ребенка, въ этомъ не было ничего
удивительнаго; мы каждый день видимъ, какъ бессмысленное жи-
вотное по истиннику отыскиваетъ похищенныхъ у него дѣте-
нышей. Объ этомъ не было и рѣчи. Но какъ объяснить себѣ
процессъ мышленія ея въ самое время совершенія преступленія,
если вообще можно допустить какой-нибудь процессъ мышленія
въ безумномъ? Нечаянно ли она уронила его? или въ бессмы-
сленности своей, почувствовавъ усталость и не понимая, какую
драгоценную ношу она держала на рукахъ, бросила ее куда ни
попало; или же наконецъ, она вспомнила о невѣрномъ мужѣ,

отцѣ дитяти, и въ порывѣ звѣрской ярости и жажды мщениа, съ умысломъ совершила неслыханное преступленіе? Трудно разгадать! Мнѣ первое предположеніе кажется правдоподобнѣе. Во всякомъ случаѣ я глубоко былъ убѣжденъ, что преступленіе было совершено въ состоявіи совершеннаго безумія, и что одно только необыкновенно сильное потрясеніе, произведенное въ умѣ несчастной видомъ убитаго сына, котораго она такъ горячо любила, совершило это чудное, и такъ дорого ей стоявшее исцѣленіе.

Я былъ глубоко убѣжденъ въ этомъ, и выразилъ свое убѣжденіе въ медицинскомъ актѣ, потребованномъ отъ меня по этому случаю. Показаніе врача въ подобныхъ дѣлахъ есть непреложный аргументъ. Правительство обращается къ свѣдѣніямъ врача, для рѣшенія вопроса, требующаго спеціального изученія, и полагается на его приговоръ. Въ настоящемъ случаѣ требовалось доказать, что мать точно совершила преступленіе въ безумномъ состояніи, и что видъ убитаго дитяти исцѣлилъ ее. Вопросъ, дѣйствительно ли она была безумна во время совершенія преступленія, я доказалъ тѣмъ, что не только до этого событія, но даже до той минуты, какъ мы показали ей трупъ ребенка, она была въ совершенномъ умопомѣшателствѣ. Спеша, когда она повидимому истинно узнала дитя свое, и послѣдовавшій за тѣмъ кризисъ, совершились въ присутствіи всѣхъ. Оставалось объяснить ея выздоровленіе. Это было дѣло не трудное; стоило только указать подобные случаи, что необыкновенно сильное потрясеніе возвращало разсудокъ сумасшедшимъ. Не странно ли, что то самое, что въ состоявіи здороваго человѣка лишить разсудка, можетъ возвратитъ его умалишенному? Что Шарлотта Штиглицъ возвращаетъ нѣжно любимому мужу потерянный разсудокъ, вонзивши себѣ въ грудь кинжалъ и умирая на груди мужа! Множество другихъ примѣровъ сохранено психіатрією. Правосудіе же, карающее преступнаго, щадитъ невиннаго и страдаетъ къ нравственному и физическому малоумію. Несчастливая Лея, такимъ необыкновеннымъ образомъ исцѣлявшаяся отъ нравственнаго недуга, была признана невинной, и освобождена отъ всякаго наказанія, кромѣ законнаго испытанія въ совершенномъ выздоровленіи. Винаго не оказывалось, дѣло причтено къ разряду несчастныхъ случаевъ, которыми пощщаетъ насъ воля Всевышняго. Неопытная любовь лишила бѣдную мать разсудка, — и смертью своего дитяти искупила она свое исцѣленіе. Sic fata voluerunt!

нѣсколько подробностей изъ семейной жизни Карла Нодіе. Если вообще интересны черты частной жизни, то тѣмъ болѣе любопытна семейная жизнь извѣстнаго писателя, каковъ Нодіе.— Нодіе обыкновенно саживалъ въ комнаты жены, простой, чистеньшой, свѣтленькой комнаткѣ, съ портретами на стѣнахъ. Тамъ послѣ обѣда Не вставая съ пресель, онъ принималъ друзей, съ этой свѣтлой улыбкой, которая освѣщала его впалыя щеки, согнувшись, скрестивъ длинныя ноги какъ-будто онъ не смѣлъ растянуться, свѣсивъ холодныя, длинныя руки. Но въ этомъ изшуренномъ тѣлѣ, въ этой неловкости и небрежности обнаруживалось неизъяснимое очарованіе. Этотъ большой науку растягивалъ невидимую паутину, куда попадали всѣ отъ маленькихъ дѣтей до великихъ поэтовъ, и которая называется привлекательностью.

Сидя напротивъ мужа, мадамъ Нодіе растягивала свои хорошенькія ножки. Любезная, ласковая, улыбающаяся ради своихъ прекрасныхъ зубовъ, она принимала всѣхъ ровно, не осѣблялась никакой общественной знатностью, по-крайней-мѣрѣ по наружности, никакимъ личнымъ достоинствомъ. Она не оказывала знаменитымъ эту шумную предупредительность, которая обидна для низшихъ, и походила на тѣхъ снисходительныхъ собирательницъ подалія, которыя принимаютъ копѣйку какъ лувдоръ. Ея живое, цвѣтущее какъ букетъ лицо веселило и оживляло всѣ глаза. Это была жена достойная своего мужа. Своею красотой, тщательной одеждой, умомъ яснымъ, она исправляла и дополняла небрежность Нодіе. Ея точность чудно шла къ его нерадивости.

Что до мадамъ Менсіе ихъ дочери, это была настоящая молодость, жизнь, движеніе, нескромность глазъ, жеста, словъ. И съ этимъ изящный тактъ, невѣроятное умѣніе приспособиться къ всѣмъ житейскимъ вещамъ, отъ самыхъ большихъ до самыхъ маленькихъ, чрезвычайное искусство извлекать выгоды изъ всего, изъ тряпки какъ изъ остраго слова. Герцогини завидовали ея наряду изъ такой материн, которую не захотѣли бы надѣть горничныя. Простой холстъ казался на ней красивѣе, чѣмъ кружева на другихъ. Она сама шила себѣ платья, въ ея лентахъ видѣлся умъ. Въ этомъ рѣдкомъ и избранномъ домашнемъ кругу встречалось все, что заставляетъ бывать у хозяевъ, гдѣ умъ привлекаетъ, а сердце удерживаетъ, куда входятъ изъ любопытства къ посту и гдѣ остаются изъ привязанности къ человѣку.

Ничто не могло сравниться съ удовольствіемъ найти Нодіе въ духѣ разговаривать. Никто не умѣетъ такъ разговаривать какъ

онъ. Надо было слышать, какъ онъ описывалъ своимъ живымъ языкомъ нравы и бытъ насѣкомыхъ; иногда ученый уступалъ мѣсто поэту и ничего не можетъ быть умилительнѣе и идеальнѣе той манеры, съ которой онъ рассказывалъ легенду «Morte magiée». Но всего интереснѣе рассказывалъ онъ подробности своей бурной молодости. Я вѣсколько не поражало въ его устахъ, онъ не преувеличивалъ нравной имъ роли, напротивъ любилъ уменьшать ее и унижать себя. Приключенія его имѣли всегда жалкій конецъ, но это самоотверженіе не было чуждо нѣкотораго коварства, нельзя было отгадать—не кроется ли тутъ иронія. Когда столько насмѣхаются надъ собой, вѣсколько смѣются и надъ другими.

Когда Нодіе не былъ расположенъ поддерживать разговоръ, жена замѣняла его. Обыкновенно тонъ разговора былъ болѣе веселый чѣмъ важный, шутили на счетъ ближняго, но безъ недоброжелательства, безъ пристрастія; ужаленіе не проникало за оболочку. Мадамъ Нодіе была неподражаема въ тонкихъ насмѣшкахъ; съ здравымъ и положительнымъ характеромъ она тотчасъ подмѣчала смѣшную сторону другихъ. Спокойствіе и медленность выраженія выказывали оригинальный и шуточный оборотъ ея замѣчаній. Впрочемъ она никого не щадила, ни домашнихъ ни постороннихъ, еще болѣе нападала она на свой дружескій кругъ. Тѣмъ, съ которыми она обходилась лучше всѣхъ въ дѣйствіяхъ, доставалось больше всѣхъ на словахъ, какъ-будто она хотѣла скрыть подъ поверхностнымъ равнодушіемъ, свою глубокую преданность. Есть характеры, которые скрываютъ свои достоинства какъ недостатки, характеры вѣжливые, деликатные, которыхъ благодарность смущаетъ, которые хотятъ укрыться шуткой отъ сердечнаго волненія, которые, чтобы не заплакать, начинаютъ хохотать. Всѣ знали какое сокровище самоотверженія и привязанности скрывалось подъ этой иронической личиной и никто не оскорблялся. Напротивъ внутренняя прочность лучше цѣвилась подъ этой наружной легкостью. Двойная доброта: доброта веселая! Теплота чувствуется лучше, когда пылаетъ огонь и брызжетъ искрами въ глаза.

Мы сейчасъ говорили объ униженіи Нодіе, о наклонности его уменьшаться. Онъ во всемъ былъ таковъ. Въ домашнемъ быту онъ искалъ простоты, такъ какъ другіе домогаются великолѣпія и блеска, употреблялъ сальныя свѣчки, предпочиталъ олово серебру, любилъ черный хлѣбъ и щи. Нодіе ложился или скорѣе его укладывали рано. Жена вводила его; зимой она безъ царепо-

нѣмъ клала нагрѣвальный на каминъ, брала уголья, уходила съ мужемъ, потомъ черезъ минуту возвращалась, и вечеръ продолжался.

Во всемъ пышность была непріятна Нодіе. Онъ никогда не бывалъ ни во Французскомъ Театрѣ ни въ Оперѣ. За то не разставался съ Variétés, и былъ пріятель всѣхъ Пиерро и всѣхъ Жокриссовъ. Весь его литературный энтузіазмъ сохранялся для неизвѣстныхъ великихъ людей, для скрытыхъ гевіевъ, которыхъ онъ имѣлъ претензію отрывать Богъ знаетъ гдѣ. У него была страсть къ работникамъ поэтамъ. А истинныхъ мыслителей, которыми гордится нашъ вѣкъ, онъ не очень цѣнилъ. У всякаго другаго человѣка это могло бы почестся завистью, но у него это было скорѣе невозможность перевести слишкомъ ослѣпительный свѣтъ, слабость нравственныхъ вѣкъ, любовь къ тѣни и полусвѣту, инстинктивное замѣшательство, скромная застѣнчивость. Всеобщіе умы производили на него дѣйствіе яркаго солнца и публичныхъ мѣстъ. Онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ и какъ-бы на виду въ слишкомъ громкой славѣ.

Онъ былъ одинаковъ во всемъ; дѣлался самъ по возможности ребенкомъ, простолюдиномъ, толпой. Къ дѣйствию онъ чувствовалъ отвращеніе, отвѣтственность тяготила его, ему нравилось быть большимъ.

Новости, открытія, движеніе образованности, успѣхи промышленности были ему не по любви. Правда, что ничто не могло быть противнѣе его безпечной натурѣ какъ эти сухіе и вытянутые рельсы, которые отнимаютъ у путешествія прихотливость и дѣлаютъ изъ пейзажа математическую фигуру. Старинныя изданія старинныхъ книгъ были его господствующею страстью. Всѣ древніе обычаи были ему драгоценны. Ни за чтѣ въ свѣтѣ не согласился бы онъ обѣдать позже пяти часовъ, оставался вѣреть всѣмъ домашнимъ преданіямъ: королевскому пирогу, пасхальному окороку, масляничнымъ блинамъ, праздничнымъ поздравленіямъ, всѣмъ этимъ похвальнымъ привычкамъ, которые время отъ времени скрѣпляютъ семейные узы и служатъ какъ бы аграфами привязанности.

Онъ не презиралъ никакого народнаго суевѣрія: тринадцатое за обѣдомъ, опрокинутой солонки, пятницы пауковъ.

По воскресеньямъ обѣдали у него друзья, приходилъ кто хотѣлъ, не приглашали никого. Въ случаѣ нужды прибавляли блюдо и лишній приборъ и садились за столъ съ этой веселостью и увлеченіемъ, лучше которыхъ нельзя было нигдѣ найти. Смѣялись, бы-

ли счастливы. Дружеское гостепріимство все приправляло, даже и блюда, испорченныя кухаркой, которая всегда подавала поводъ къ веселымъ шуткамъ. Кухарка не положила соли, Нодіе клалъ туда уиъ.

Послѣ обѣда переходили въ гостиную. Мадамъ Нодіе безъ церемоніи просила, кто ей попадетса первый, заечъ кенкеты. Тогда выказывалась комната болѣе длинная чѣмъ широкая, съ ортеціано на одномъ концѣ. Кресла и диванъ, обитые краснымъ казмиромъ, такого же цвѣту ситцевые занавѣсы, часы, «орны 1820 года, статуя Генриха-Четвертаго, бюстъ Виктора Гюго — вотъ вся меблировка. Тотчасъ стекались друзья, литераторы, поэты, много молодыхъ дѣвушекъ; начинались танцы; Нодіе игралъ въ карты; иногда веселый говоръ переставалъ, все смолкало и слушало, какъ мадамъ Менсіе пѣла аріи, полныя прелести и энергіи, которыя она сочиняла на стихи лучшихъ современныхъ поэтовъ. Ничего не было восхитительнѣе и ни что не оставило болѣе сладостныхъ воспоминаній какъ воскресенья Нодіе. Это была — свобода, легкость, удовольствіе, которыхъ нельзя вообразить, не бывъ свидѣтелемъ. Словно дружеская атмосфера обвивала эти достопамятные вечера и приготовляла сердца, сладостно нагрѣтыя, загорѣтыя при первой искрѣ. Сколько свадебъ составилось черезъ эти воскресенья! Никакое гостепріимство не можетъ быть дружественнѣе, искреннѣе гостепріимства Нодіе. Можно понять, что съ своей свободной и непринужденной натурой, онъ не походилъ на этихъ хозяевъ, которые даже, безъ своего вѣдома, тяготѣютъ надъ гостями, которыхъ всегдашнее самовластіе инстинктивно стѣсняетъ всякое изліяніе, у которыхъ вы невольно чувствуете, что ваша радость наемная, если можно такъ выразиться. У Нодіе каждый самъ пользовался удовольствіемъ и не долженъ былъ никому отдавать отчетъ. Нодіе былъ слишкомъ безличенъ и слишкомъ мало думалъ о себѣ, чтобы когда нибудь укротить какой бы то ни было порывъ. Его друзья были скорѣе у себя чѣмъ у него. Слабый, милый, почти женственный, онъ оказывалъ гостепріимство, такъ сказать, по женски.

Но настало время, когда надо быдо прекратить эти воскресныя собранія. Нодіе, страдавшій болѣзнью, которая должна была похитить его, началъ охлаждать ихъ, показываясь рѣдко. Скоро онъ, даже въ своей комнатѣ, не могъ переносить шуму и движенія. Съ этой минуты все омрачилось; Нодіе можно было видѣть только днемъ, играющаго въ карты, или въ ясное время на венсенской дорогѣ, изнуреннаго, медленно идущаго въ сопрово-

денія семейства, изнуреннаго какъ онъ. Они шли къ плохой харчевнѣ, которая правилась Нодіе, и гдѣ онъ угощалъ себя чернымъ хлѣбомъ и оловянными вѣсками.

Съ характеромъ Нодіе не легко было различить настоящую болѣзнь отъ воображаемыхъ страданій. Онъ такъ привыкъ сгибаться и охать, что нельзя было приписывать большой важности его жалобамъ. Поэтому безпокоились только вполонину, какъ вдругъ сильный припадокъ принудилъ его слезъ въ постель. Самъ Нодіе не обманывался ни минуты и тотчасъ приготовился умереть какъ христіанинъ, потому что главнымъ основаніемъ его характера было — благочестіе. Мысль о могилѣ нисколько его не пугала. Онъ смотрѣлъ на смерть, улыбаясь, какъ человѣкъ утомленный, ищущій покою; та же самая причина, по которой онъ любилъ болѣзнь, заставила его любить смерть. Принявъ горизонтальное направленіе, котораго не долженъ былъ оставлять, онъ сказалъ съ довольнымъ выраженіемъ, что это самое лучшее изъ всѣхъ.

Наконецъ пробилъ послѣдній часъ. Повинуясь обѣщанію, которое дала отцу, мадамъ Менсіе послала за священникомъ. По окончаніи исповѣди, священникъ ввелъ къ больному все семейство, даже внучатъ, друзей и слугъ. Нодіе лежалъ въ мрачномъ и обнаженномъ альковѣ, обернувшись лицомъ къ библіотекѣ. Присутствующіе стали на колѣна. Мадамъ Нодіе удерживалась изъ всѣхъ силъ, мадамъ Менсіе зарыдала и всѣ за ней. Священникъ читалъ вслухъ молитвы; Нодіе отвѣчалъ ясно, точно, правильно, какъ человѣкъ въполнѣ свѣдущій въ религіи. Эффектъ этой сцены былъ глубокій, грандіозный, и не изгладится ни у кого изъ паяты. Едва распространился слухъ о близкой кончинѣ Нодіе, къ его жилищу сбѣжались со всѣхъ концовъ Парижа съ торопливостью, которая показывала какъ цѣнятся талантъ во Франціи. До послѣдней минуты на лѣстницѣ не было проходу. Ночью умъ Нодіе нѣсколько помутился, но это было только мимолетное затмѣніе, ясность тотчасъ возвратилась. Утромъ онъ простился съ семействомъ, утѣшалъ ихъ, просилъ думать о немъ, уговаривалъ ихъ отдохнуть, потомъ заснулъ и умеръ.

пустыня. Изъ воспоминаній Якова Араго. Мы шли по двѣнадцати узловъ въ часъ, цвѣтъ моря перемѣнился, волны становились больше и уносили, вырывая изъ глубины бездны, огромныя фукусы; отдавъ былъ приказъ подобрать всѣ паруса.

Капитанъ подошелъ ко мнѣ и сжавъ руку указалъ на бѣло-

ватый поѣздъ, подѣ который не хотѣлось ему ввести «Неренду». Я собралъ мои недавнія воспоминанія и сталъ мысленно молиться за тѣхъ, кого поглотило море въ этихъ печальныхъ окрестностяхъ.

Мы близъ той исковой отмели, которая была свидѣтельницами столькохъ преступленій, отчаянія и смертнаго томленія.... Поторопитесь прочь, прочь.... лети Неренда.... море становится бурно, волны кипятъ.... вдругъ раздается голосъ часоваго.... «Земля! земля!»

Вотъ она бѣлая, правильная, словно гробъ дѣвственницы; Неренда останавливается въ полъ-мили отъ берега. Ей поручено было покровительствовать своимъ флагомъ, своими бронзовыми губами наши сенегальскія владѣнія и корабли, привозившіе матеріи и пороки въ замѣнъ слововой кости, воску и золотаго песку.

Я устремилъ взоръ на горизонтъ, чтобы изучить еще издали эту непризнанную землю, куда столько людей идутъ искать богатства, и гдѣ столько труповъ вырыты ночью изъ глубокихъ могилъ, острыми когтями гвѣнны, шакала и пантеры.

Мы салютовали небольшую крѣпость семью пушечными выстрѣлами; намъ вѣжливо отвѣчали тѣмъ же, и между тѣмъ, какъ матросы отдыхали отъ трудовъ, а капитанъ радовался благополучному переѣзду, я въ нетерпѣніи подвергнуться новымъ ощущеніямъ, и къ крайнему сожалѣнію моему не издавшій ни одной бури въ продолженіи холоднаго и однообразнаго плаванія, поспѣшилъ сойти въ подѣхавшую байдару и пустился, не теряя времени, на встрѣчу самуну (африканскій вѣтеръ) и льву, этии двумя ураганамъ пустыни, которые страшнѣе во сто разъ океанскихъ смерчей.

Два негра гребли изъ всѣхъ силъ: съ рукъ и со лба катился у нихъ ѣдкій, синеватый потъ. Они плѣли словно ѣхали на праздникъ. Для нихъ въ самомъ дѣлѣ былъ праздникъ, потому что они получили въ награду за свое усердіе нѣсколько мелкихъ монетъ, съ помощью которыхъ надѣялись въ тотъ же вечеръ забыть въ паряхъ опьянительнаго наитка и вчерашнее и сегодняшнее утомленіе и утѣшиться въ будущемъ.

Едва свѣтало, когда я вышелъ на берегъ, прислушиваясь къ однообразному ропоту волнъ и мысленно углубляясь въ безграничность двухъ окружающихъ меня океановъ: одного бурнаго, повелительнаго, разбивающаго корабли въ своихъ буйныхъ ве-

рывахъ; другаго еще страшнѣе, еще смертельнѣе можетъ-быть, въ то время какъ самунъ пробуждаетъ его отъ усыпленія.

Я зналъ перваго; долго былъ предметомъ его причудъ и насилія, и рѣшился вывѣдать страшныя тайны другаго.

Для меня составить планъ—всё-равно что исполнить. Не представляйте мнѣ опасности, если не хотите, чтобы я тотчасъ бросился туда в тѣломъ и душой. Все что трудно меня забавляетъ, все что грозно раздражаетъ, и усталость нравится мнѣ болѣе прогулки; въ жилахъ моихъ течетъ смола. Съ ружьемъ на плечѣ, съ саблей на боку, съ пистолетомъ за поясомъ, съ сумкой за спиной, съ памятной книжкой подъ мышкой, одѣтый легко, но отягощенный мыслями о будущемъ, я отправился одинъ изъ деревни Бану, мало заботясь о зигзагахъ тропинки, которую скоро оставилъ, чтобы пробѣжать пространную саванну; въ концѣ ея возвышался длинный столбъ чернаго дыму, который поднимался вертикально, терлся высоко въ воздухѣ, до того спокойствіе было совершенно въ этотъ часъ, когда солнце еще не показало свой широкій кругъ надъ горизонтомъ.

Пять или шесть зеленыхъ и сѣрыхъ змѣй, пробудившись отъ шума моихъ шаговъ, испустили провзительный свистъ, между тѣмъ какъ я смѣло топталъ верескъ; надо было имѣть очень твердое намѣреніе, чтобы рѣшиться продолжать путь.

Поставьте меня передъ голоднымъ львомъ, передъ пантерой, стерегущей своихъ дѣтенышей, передъ тигромъ на сторожѣ, передъ раненымъ словомъ, но не бросайте никогда передо мною ни змѣи ни жабы; ужасъ и отвращеніе отнимаютъ у меня мужество; я боюсь не ядовитыхъ зубовъ насѣкомаго, но его движеній, холодной кожи, изгибовъ, испещряющихъ его цвѣтовъ. Жаба, змѣя, гіена, вотъ самые страшные для меня враги, одни, противъ которыхъ я не испытывалъ своихъ силъ, а между тѣмъ я охотился за удавомъ въ Явѣ, въ Симао, въ Тимоа, привилегированномъ отечествѣ буйвола, боа и крокодила.

Послѣ двухъ-часовой скорой ходьбы, я дошелъ до опушки густаго лѣсу и очутился въ присутствіи двадцати негровъ, сидѣвшихъ на корточкахъ около какого-то четвероногаго, полусѣ-деннаго.

Увидѣвъ меня, они встали и вѣжливо пригласили раздѣлить трапезу. Я безъ церемоній принялъ, сѣлъ между старухой и ребенкомъ, сѣлъ кусокъ чернаго мяса, нашлся свѣтлой воды изъ тыквенной бутылки и предложилъ въ замѣнъ ножницы и пла-

тѣтъ, который набросилъ на плеча мальчишки, забавляшагося моннъ платьемъ.

Негры, сдѣлавшіе мнѣ такой дружескій пріемъ, составляли одно изъ тѣхъ селеній, которыя разбросаны въ окрестностяхъ европейскихъ колоній на западѣ Африки и живутъ подаяніями въ то время, когда ураганъ опустошитъ деревни, куда они временно поселятся.

Двое человѣкъ изъ этой снѣтающейся шайки знали нѣсколько англійскихъ словъ. Женщина, молодая, стройная, съ взоромъ блистающимъ какъ комета, съ ослѣпительными, но острыми зубами, прекрасно изъяснялась по-португальски, потъ нея узналъ я, что ея товарищи назначили въ этомъ мѣстѣ свиданіе другому странствующему племени, котораго ожидали на другой день. Цѣль этого собранія была — замужство прелестной переводчицы съ мужественнымъ начальникомъ царства Бони, котораго могущество было таково, что онъ наполнялъ часто ужасомъ даже европейскія конторы.

Путешествовать, для того только, чтобы рыскать по свѣту — сумасбродство. Если поѣздки не интересуютъ, для чего предпринимать ихъ? Если я соглашаюсь часто перемѣнять мѣсто, мнѣ хочется также нравственной цѣли движенія. Опасности тогда похвальны, когда нивѣшь выгоду пренебрегать ими.

И потому я остался, чтобы узнать.

Настала ночь, легли на шерстяныхъ одѣялахъ, покрылись львиными, тигровыми, бегемотовыми кожами, но я не могъ заснуть ни на мигу, то и дѣло оборонялся отъ комаровъ, безарестанно жужжавшихъ въ ухахъ, подобно отдаленному бою барабана. Кожа моннъ сосѣдей привыкла къ ихъ пронзательному жалу и скоро храпѣніе фальшивымъ басомъ, прибавило новую и важную музыку къ музыкѣ крылатыхъ насѣкомыхъ.

Прежде чѣмъ легли спать, прочли краткую молитву; при пробужденіи сдѣлали тоже. Каждый мужчина, каждая женщина по степени возраста и попеременно вымыли себѣ ноги въ сосѣдней лужѣ; послѣ этого опять принялись за жареное зѣбра.

Я писалъ и рисовалъ.

Никто изъ этихъ людей не понималъ ни перспективы, ни теоріи тѣней, только въ чертѣ они видѣли что-то разсудительное.

Окончивъ умѣренный обѣдъ, товарищи мои принялись танцовать подъ бой барабана и съ помощью черепахового черепа. Танецъ состоялъ изъ непрерывнаго топанія, направленаго жс-

стани и однообразныйя вліемъ въ три ноты всѣхъ присутствующихъ.

Я также подтягивалъ, меня отблагодарили непрерывными обвинениями, что заставило меня впоследствии молчать....

Когда танцы кончились, когда всѣ мужчины, женщины, дѣти поняли, что спокойствіе и бездѣйствіе стали имъ необходимы подѣ блестящимъ солнцемъ, которое начинало бросать на насъ вертикальныя стрѣлы, ко мнѣ подошла развязно, свободно молодая невѣста и взявъ меня за руку сказала, что желаетъ прогуляться со мною. Мужество и благосклонность самые важные паспорта путешественниковъ; не совѣтую никому являться съ недоверіемъ или съ оружіемъ въ какую бы то ни было страну. Я такъ всегда поступалъ съ-тѣхъ-поръ какъ таскаюсь по свѣту и никогда не раскаивался въ чистосердечіи и откровенности даже въ самыхъ дикихъ странахъ, среди самыхъ свирѣпыхъ племенъ.

Кайка — имя признаться не слишкомъ гармоническое — не внушала мнѣ никакого опасенія: ей было едва шестнадцать лѣтъ; руки и ноги ея были необыкновенно красивы, происшествіе имѣло вмѣстѣ что-то странное и гармоническое, а улыбка сдѣлала бы дерзкимъ если бы честность — это настоящее слово — не напомнила, что на другой день она должна была принадлежать другому.

Костюмъ шалуни Кайкаи былъ очень простъ и граціозенъ. Вмѣсто тюники, обуви, шали, плаща, на ней было простое стеклянное ожерелье, завязанное сзади красной ленточкой.

Мы шли подѣ руку какъ два друга и скоро достигли до бугорка благаго песку, среди котораго блистало множество золотыхъ и слюдяныхъ частичекъ. Мы сѣли подѣ величественнымъ банановымъ деревомъ, котораго обширный зонть чудесно предохранялъ насъ отъ зною. Взявъ меня за руку съ чувствомъ не описаннаго любопытства, Кайка спросила, велика ли та страна, откуда я пришелъ.

— Очень велика, отвѣчалъ я.

— Много мужчинъ и женщинъ?

— Гораздо больше, чѣмъ въ Африкѣ.

— А банановъ и кокосовъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Бѣдная страна, гдѣ нѣтъ ни кокосовъ, ни банановъ, а все бѣлые мужчины!

Африканскіе боги черны, а адскіе духи такого цвѣту какъ

Европейцы, и если бы совершенно бѣлокурый человекъ пошелъ къ этимъ дикарямъ, онъ бы непременно сталъ предметомъ насмѣшекъ всей шайки.

— Такъ я совсѣмъ не красивъ по твоему? спросилъ я у ноющей нелюбезной спутницы.

— Совсѣмъ нѣтъ, ты бѣлый.

Замѣтите, что у меня испанскій цвѣтъ лица.

— И ты не хотѣла бы выйти за меня замужъ?

— Теперь да, а прежде нѣтъ.

Пусть послѣ этого скажутъ, что Европа не отзывается въ американскихъ стенахъ.

Я началъ въ свою очередь разспрашивать любопытную и притворилась, что ничего не знаю, спрашивалъ, есть ли у нихъ красивые дома, много ли людей, хорошия ли оружія?

— Дома—хижины выстроены въ одну минуту, есть лѣса, горы, долины, мосты, мы плаваемъ какъ золотыя рыбки.

— Все это прекрасно; но бѣлыхъ мужчинъ у васъ нѣтъ.

— Тѣмъ лучше, бѣлые хитрые, злые.

— Развѣ ты думаешь, что я хочу сдѣлать тебѣ вредъ?

— Нѣтъ, у тебя недостанетъ силы.

О, образованные народы! какую признательность оставляете вы въ сердцахъ дикарей, когда переносите къ нимъ ваши искусства, промышленность и пороки!

Я хотѣлъ опять разспрашивать Кайкаю, какъ-вдругъ она наклонилась и, прислонившись ухомъ къ землѣ, вскочила съ крикомъ:

— Гиена! гиена!

Она хотѣла бѣжать; но я удержалъ ее за руку и отдалъ саблю, которую она схватила съ лихорадочнымъ движеніемъ; а я взявъ въ руку пистолетъ сталъ въ оборонительное положеніе и сказалъ самъ себѣ:

— Ну, вотъ одинъ изъ тѣхъ неожиданныхъ эпизодовъ, которыхъ такъ желаютъ путешественники, чтобы рассказать что-нибудь по возвращеніи.

Гиена приближалась къ намъ изгибаясь, раскрывъ пасть, выпрямивъ острия уши, вздымая неровную шерсть, сметая нисколько протянутымъ хвостомъ.

Въ двадцати шагахъ отъ насъ гиена остановилась, дрожа всѣми членами и бросая время отъ времени скрытые взоры.

— Стрѣляй, сказала Кайкая.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ я, она боится; пусть ее помучится

подолѣе; у злыхъ можетъ-быть, бываетъ только одинъ день раскаянія и угрызевій. Надо дать часть этому презрѣнному врагу, который пожралъ бы насъ, если бы нашелъ спящими или безоружными.

Рувьеръ, одинъ изъ друзей моихъ на Мысѣ Доброй Надежды, говорилъ мнѣ какъ то, что стыдно убивать гіену пулей, она заслуживаетъ только ударовъ дубиной.

Но надо было кончать съ отвратительнымъ звѣремъ, и попросивъ Кайкаю остаться на мѣстѣ, я съ пистолетомъ въ рукѣ подошелъ къ этому четвероногому пресмыкающемуся. Животное приподнялось на дыбы, уклонилося въ сторону, потомъ ставъ на заднія лапы, ожидало нападенія. Отъ его ядовитаго дыханія становилось мнѣ дурно. Я прицѣлился; гіена кинулася ко мнѣ и я убилъ ее на лету.

— Мертва? спросила дикарка.

— Мертва.

— Унесемъ ее.

Кайкая подошла, чтобы схватить ее за хвостъ; но подлое и лицемерное животное сдѣлало послѣднее усиліе, вытянуло шею, открыло пасть и укусило дикарку въ ногу. Въ ту же минуту я раздробилъ ей голову прикладомъ пистолета, и успѣвши обернуть кускомъ моей рубашки рану дѣвушки.

— Ничего! сказала она улыбаясь съ взглядомъ необыкновенной доброты.

— Это не хорошо.

— Нѣтъ, мой добрый бѣлый, ничего.

Выстрѣлъ испугалъ странствующую колонію; къ намъ приближало нѣсколько человѣкъ; но найдя насъ въ добромъ согласіи они уведомили, что караванъ Дегагё воинственнаго жениха, о которомъ рассказывали столько чудесъ, видѣется уже вдали.

О! какъ обрадовался, съ какими восхищеніемъ встрѣтились эти люди, столь близкіе къ природѣ! Дегагё однако смутило мое присутствіе, оборотясь ко мнѣ съ яростнымъ взоромъ онъ бы, можетъ-быть, отдѣлалъ меня порядкомъ, если бы Кайкая не сказала ему нѣсколько отрывистыхъ словъ. По его выразительной пантомимѣ я понялъ, что она рассказывала ему о смерти гіены. Дегагё подошелъ ко мнѣ, положилъ обѣ руки на плечо, три раза приложился лбомъ къ моему лбу и просилъ меня принять красное боевое копье. Не желая показаться мнѣ щедрымъ, я снялъ жилетъ и отдалъ ему, съ тѣми же самыми штуками, которыми сопровождался его подарокъ.

Потомъ Негры сѣли, стали разговаривать, говорили много и всѣ въ одно время хлопали потихоньку въ ладоши. Послѣ получасоваго ожиданія, впродолженіи котораго закрыли лицо и плечи Кайкан, воинственный обожатель вдругъ вскочилъ какъ шакалъ, очутился возлѣ невѣсты, сорвалъ съ нея покрывало и сѣлъ возлѣ, сказавъ ей отрывистыя слова, составленныя изъ одного слогу, и произнесенныя какъ музыкальныя ноты.

Свиту Дегагè составляли по крайней-мѣрѣ сто человѣкъ, дрожащія отъ одного слова, отъ одного движенія страшнаго начальника. Онъ позвалъ громкимъ голосомъ, и около дюжины мужчинъ и женщинъ вышли разнѣренными шагами изъ задней лѣви и положили передъ невѣстой плоды. Потомъ Дегагè вынулъ изъ небольшого ящичка нѣсколько крупныхъ жемчужинъ прекрасной воды. Кайкая приняла улыбаясь, и счастливый вонюхъ улегся на великолѣпныхъ львиныхъ и тигровыхъ кожахъ, положивъ голову на колѣна Кайкан.

Я могъ тогда свободно рассмотреть этого необыкновеннаго человѣка, о которомъ англійскіе конторы сохраняютъ такое драгоценное воспоминаніе. Онъ былъ росту выше обыкновеннаго, густые волосы закрывали плоскій лобъ, грудь обрисовывалась квадратно, плечи были жирныя, и какое-то оудорожное движеніе подергивало безпрестанно его широкое и лоснящееся лицо, огромный ротъ, приплюснутый носъ и высокія костлявыя скулы. Какъ у спящаго тигра мускулы его растягивались и подергивались съ неровными промежутками; дыханіе было родъ ворчанія, походившаго на угрозу. Дегагè, родившись въ пустынѣ, замѣтствовалъ отъ нея что-то зловѣщее и роковое. Исключая тѣхъ минутъ, когда обязанность принуждала его говорить, онъ былъ погруженъ въ безмолвіе по истинѣ ужасное для того, кто осмѣливался разсматривать эту исключительную фizioномію.

Кайкая съ грустью смотрѣла, какъ я рисовалъ ея жениха. Она боялась, чтобы Дегагè не подумалъ, что я хочу дать принятые его бѣлымъ и движеніями просила меня скрытати рисунокъ.

Я хотѣлъ прежде чѣмъ улягусь на шерстяномъ одѣлѣ, икъмъ не занятонъ, пожать руку хорошенькой моей свитницы, и нашелъ ее горячею какъ огонь.

— Что съ тобой? спросилъ я.

— Советъмъ ничего.

— Я не помню.

— Со мною дѣлается все и я боюсь вдругъ всего лишиться.

— Отчего?

— Голова моя не на мѣстѣ.

— Отъ радости, Кайкая.

— Нѣтъ, отъ лихорадки. Ступай спать и утромъ приходи по-
здороваться со мною.

Едва я улегся на не занятомъ одѣялѣ, какъ вдругъ какія-то
извѣстныя движенія заставили меня вздрогнуть. Я сѣлъ и вни-
мательно осмотрѣлъ изголовье. Каково же было мое удивленіе и
ужасъ, когда я увидѣлъ какъ изъ-подъ одѣяла выказывается чу-
довищная голова боа!

Змѣя была ручная; одинъ изъ моихъ сосѣдей всталъ, схватилъ
ее за шею и послѣ нѣсколькихъ угрожающихъ словъ и прозви-
тельного свисту, чудовище опять свилось на приготовленномъ
для него ложѣ.

Полная луна смѣнила солнце, вѣтеръ былъ свѣжъ, природа
безмолвна, земля издавала непрерывный шумъ, показывавшій
какъ великъ былъ дневной зной.

Ударъ палочки по барабану разбудилъ дикарей. Это былъ ожи-
даемый сигналъ къ брачной церемоніи. Дегагэ всталъ надмен-
ный, словно для кроваваго бою, Кайкая возлѣ него, а всѣ другіе
составили кругъ около супруговъ.

Дегагэ украсилъ плечи, голову и бока невѣсты кусочками сло-
вовой кости, оправленными въ латуновую проволоку и острой
тростникъ нарисовалъ ей на ногахъ и на спицѣ нѣсколько фи-
гуръ. Кайкая дрожала всѣми членами. Дегагэ спросилъ ее съ
безпокойствомъ; дѣвушка вмѣсто отвѣту испустила страшный
крикъ, протянула руки и рухнула на землю. Я бросился къ
ней, но никакія человѣческія усилія не могли придать гибкость
ея тѣлу. Она походила на желѣзную полосу, глаза были откры-
ты и страшно выкатились, языкъ багровый и почти изъ всѣхъ
поръ текла черная испорченная кровь.

Гіена не измѣнила своему призванію, ядъ быстро скользнулъ
въ артеріи несчастной, и могила закрытая вѣтвями, замѣнила
брачное ложе.

Дегагэ въ отчаяніи ухалъ до разсвѣту, и лондонскіе журналы
черезъ нѣсколько времени возвѣстили о страшномъ кровопротіи,
совершенномъ подъ предводительствомъ грознаго повелителя
этой страны.

Трогательно было смотрѣть на эту бѣдную дѣвушку, за нѣ-
сколько минутъ еще живую, пылкую, полную жизни и надеждъ
на будущее и вдругъ сдѣлавшуюся неподвижной навсегда.

Мужчины, женщины, дѣти безмолвно и опустивъ голову проходили передъ холодными остатками. Съ однообразнымъ шѣшею преклонялъ каждый колѣно передъ ногами жертвы, а когда проходилъ мимо головы, три раза лобъ живаго дотрогивался до лба мертвой.

Могилу вырыли оба племени вмѣстѣ. Она была пяти футовъ глубины. Прежде каждый бросилъ туда приношеніе въ знакъ горести, потомъ завернули несчастную Кайкаю въ матерію отчаяннаго супруга и набожно спустили въ послѣднее жилище. Впрочемъ ни одной слезы, ни одного слова, ни одной жалобы; словно боялись вылить всю горечь наружу, а хотѣли надолго сохранить воспоминаніе о привязанности.

Три дня спокойствія, ясная погода и прогулки начинали утомлять мои силы, и я уже раскаявался въ своихъ надеждахъ, когда густыя облака съ юга возвѣстили мнѣ о приближавшемся приключеніи, то есть, о разсѣянн, объ удовольствіи, о счастьи. Я бросилъ испытующій взглядъ на верблюдовъ; они были неподвижны, изъ чего я заключилъ, что имъ не угрожалъ никакой дикій звѣрь, что же это было? — Караванъ Арабовъ и негровъ ангольскихъ, заблудившійся въ пустынѣ и искавшій проводника и источника прѣсной воды.

Никогда не видалъ я болѣе холодной и грустной встрѣчи. Дикари показали новоприбывшимъ источникъ, изъ котораго мы пили, потомъ сдѣлали нѣсколько размѣновъ и оба лагеря заснули одинъ возлѣ другаго.

Когда на другой день собрался разстаться, я подошелъ къ Арабу, говорившему немного по-португальски, и спросилъ куда онъ ѣдетъ?

— Въ Мекку, отвѣчалъ онъ.

— А прежде?

— Въ пустыню.

— А послѣ?

— Въ Марокко.

Я вспрыгаулъ отъ радости. Караванъ шелъ въ Марокко; но прежде достиженія этой столицы надо было подвергаться опасностямъ, оставить саванны, лѣса, удалиться отъ берегу, словомъ надо было достигнуть пустыни, а такимъ образомъ осуществилась одна изъ самыхъ пріятныхъ моихъ надеждъ.

Помощью нѣсколькихъ англійскихъ штукъ и моихъ ходулъ я скоро подружился съ новоприбывшими, сообщилъ имъ о намі-

реши присутствовать еще до Марокко, они согласились, если не съ удовольствием, то по крайней мѣрѣ безъ отвращеній.

Черезъ часъ мы были въ дорогѣ.

Впередѣ шли два Араба, одѣтъ вооруженный желѣзными трубунами, а другой рогомъ, на звукъ котораго должны были отвѣчать другіе трубачи, расположенные на равномъ разстояніи, потому четыре вербледа съ мешками, полными водой, за ними десятка два солдатъ съ саблями и ружьями вели за поводъ лошадей, на которыхъ сидѣли женщины и дѣти. Промежуткомъ двухъ-сотъ шаговъ отдѣлялъ этотъ отрядъ отъ другаго, отдѣленнаго точно такимъ же образомъ отъ третьяго. Во вторыхъ, въ сундукахъ обитыхъ желѣзомъ, находились сокровища каравана, то есть, небольшое количество золотого перешку, леопардовыхъ, львиныхъ и тигровыхъ кожъ и множество слоновыхъ зубовъ.

Конвой занималъ по крайней мѣрѣ полъ-мили. На другой день отъѣзду мы достигли до рубежа вѣчныхъ лѣсовъ, тяготившихъ надъ этой чудной и проклятой землей. Послѣ трехъ часоваго отдыха, при звукѣ трубы изъ морской раковины, повторенномъ второстепенными начальниками, мы пустились въ путь.

Не было ни деревьевъ, ни растеній, ни тѣнистыхъ аллей, ни зелени, а только терновникъ, желтая и сѣренькая травка, которую безъ боли могутъ выдержать только твердыя ноги лошадей и дромадеровъ. Здѣсь ходули мнѣ очень помогли, а у сѣдыхъ и шешеходовъ къ вечеру ноги были изцарапаны.

Направляясь всегда къ востоку, караванъ скоро оставилъ эту тернистую страну и пошелъ по каменной почвѣ. Время отъ времени сѣрыя и пестрыя змѣи со свистомъ бросались въ сторону, а маленькое четвероногое животное съ острой мордочкой, похожее на крысу, становилось на заднія ноги, какъ бы привѣтствуя насъ и падало убитое палкой, хлыстомъ или стрѣлой негра, бросившагося за нимъ. Мясое этого зѣвря употребляли въ пищу, а изъ кожи, очень мягкой, охотники дѣлали родъ сандалій, очень помогавшихъ имъ противъ неровностей почвы.

Песокъ замѣнилъ острые камешки и отсюда-то начинался пустыня.

Стали на отдыхъ. Песочные часы каждаго отряду мы срезвляли, освидѣтельствовали полные мѣхи, а изуренныхъ вербледовъ убили на обѣдъ благоразумному каравану, который принимается за запасный провантъ послѣдней крайности.

Въ третій разъ раскинули палатки, въ первый разъ общая молитва вознеслась къ Превѣчному. Всѣ распростерлись на

земля къ востоку, испрашивали у пророка, чтобы пустыня не была имъ пагубна.

Но вдругъ до насъ долетѣлъ страшный крикъ, верблюды судорожно зашевелились, лошади прижались другъ къ другу, обернувшись спиной къ врагу. Арабы, привыкнувъ къ подобнымъ встрѣчамъ, встали въ аванъ гардѣ каравана, а негры, не зная на что рѣшиться, ожидали приказаній, чтобы занять какой-нибудь постъ.

Отгадывая по инстинкту, что люди самые опасные враги, дикіе звѣри прежде всего бросаются на нихъ, и потому часто внезапный трауръ замѣняетъ радость возвращенія.

Я всталъ на ходули и указывалъ пальцемъ откуда шла опасность и въ ту сторону устремились всѣ силы.

Къ намъ направлялся неровными прыжками тигръ. Я сошелъ съ моего бельведера и сталъ рядомъ съ Зингаемъ, самымъ красивымъ и неутомимымъ изъ людей каравана, который приказалъ нѣсколькимъ трепещущимъ и безмысленнымъ неграмъ провожать насъ. Я хотѣлъ спросить его знаками, зачѣмъ онъ окружаетъ себя трусами, но онъ предупредилъ меня и я понялъ по его выразительной пантомимѣ, что надо было пожертвовать двумя или тремя изъ этихъ несчастныхъ, чтобы спасти храбрѣйшихъ и скорѣе сладить съ лютымъ звѣремъ.

Въ нѣсколько минутъ мы пустились на ружейный выстрѣлъ отъ обитателя пустыни, старательно осмотрѣли оружіе, какъ вдругъ неожиданный случай сдѣлалъ насъ свидѣтелями рѣдкаго зрѣлища.

Возлѣ насъ на право возвышался широкій бугоръ блестящаго, красноватаго песку. Изъ за него какъ изъ угасшей печи поднимался легкій паръ, разносимый теплымъ вѣтеркомъ.

Тотчасъ же приказали обогнуть бугоръ; поворотивъ назадъ мы замѣтили за грудой костей великолѣпную пантеру, прикрывавшую тѣломъ двухъ дѣтенышей.

Зингаэ сдѣлалъ мнѣ знакъ отойти въ сторону, объясняя, что сражаться будемъ не мы.

Это прекрасно! сказалъ я, только бы намъ не лишиться драмы. Тигръ противъ пантеры не душно, но я бы желалъ лучше видѣть челобѣка вдругъ противъ тигра и пантеры.

Тигръ бросился не къ намъ. Караванъ былъ многочисленъ, козвой вооруженъ, онъ вѣрно все это примѣтилъ и обрадовался, наткнувшись на другаго врага не такъ опаснаго какъ тотъ, надъ которымъ онъ не привыкъ одерживать побѣды.

Тигръ и пантера были другъ передъ другомъ... Первый долженъ защищать только свои гибкіе и твердые бока, вторая своихъ малютокъ, которые надѣются на ея помощь. Борьба будетъ жестокая, кровавая.

Взгляды противниковъ мечутъ молніи, ревъ ихъ — грохъ вдохи — угрозы, зубы — тиски, ногти — желѣзные багры. Морда каждого корчится, кожа на лбу сморщивается, ногти роютъ землю.

Смотрите! смотрите! языкъ ихъ похожъ на тройное жало или скорѣе на пламя; челюсть расширяется и изъ полуоткрытой части вырываются хриплые звуки словно изъ мѣднаго сундука.

Пантера не шевелится, тигръ подходитъ къ ней. Это уже не четвероное животное, а пресмыкающееся, которое ползетъ, волочится по землѣ и жаждетъ не одной побѣды, ему нужно крови, и много крови. Кровь его жизнь, радость, восторгъ; кровь утоляетъ его, не насыщая, и какъ теперь онъ надѣется вдоволь напиться крови, онъ счастливъ и утопаетъ въ упоеніи.

Пантера тоже тигровой породы; спокойная, неподвижная, она охраняетъ дѣтенышей, которые играютъ между собою, раздирая свою пеструю одежду. Игры тигратъ и пантеръ — красныя борозды и глубокія раны.

Враги какъ будто не видали насъ или не обращали вниманія на наше присутствіе. Я не отдалъ бы своего мѣста за огромное богатство. Я воображалъ, что присутствую на народныхъ играхъ въ городѣ Цезарей, на ступеняхъ Неронова цирка.

Здѣсь циркомъ была Сахарская пустыня, а противники два молодые и сильные звѣря, которые бросились другъ на друга.

Грудь съ грудью, запустивъ когти въ мясо, звѣря походятъ на двухъ неразлучныхъ друзей, или скорѣе на двухъ непримиримыхъ враговъ, изъ которыхъ одинъ станетъ на ноги только тогда, какъ другой растянется на землѣ.

Не думайте, чтобы эта неподвижность была спокойствіемъ. Подъ нею кроется ужаснѣйшая ярость; это два могущественные рычага, направленные одинъ противъ другаго съ равномѣрной силой. Песокъ покраснѣлъ, но жизнь подобныхъ враговъ не кончается такъ скоро.

Въ удивленіи, въ ярости отъ сопротивленія, къ которому не привыкъ, тигръ удалился, чтобы собраться съ духомъ. Пантера тоже отдыхаетъ, обводя шероховатымъ языкомъ по окровавленнымъ бокамъ. Въ эту минуту тигръ бросается на дѣтенышей.

увадирать первого когтями, другого зубами и прыгаетъ въ восторгъ отъ торжества.

Оно не долго продолжится! пантера выпрямляется съ яростью.. увидя дѣтенышей безъ жизни, она становится лаящей..... тигра уже не встанетъ.

Я хотѣлъ помянуть лютого звѣря; великодушная нула Зейгад рѣшила иначе и на другой день четыре трупа служили пищей голоднымъ животнымъ этой смертельной пустыни.

Мало было воспомнить какъ изволоклась, до-сахъ-норъ безшоломно-внимательный караванъ. Мужчины и женщины принимались опять за прерванные разговоры, и толки о происшедшемъ чередъ ваки сраженій наполняли всѣ уста. Ни малѣйшая подробность этого драматическаго эпизода не укрылась отъ нихъ; радовалась, что были свидѣтелями этого кроваваго зрѣлища, какъ будто она не должно было предвѣщать какую-нибудь катастрофу.

Но всего любопытнѣе было видѣть лошадей и верблюдовъ. Покамѣсть продолжалась борьба, они сохраняли совершенную неподвижность, всѣ собравшись въ кучкѣ; только можно было видѣть по трепету кожи, по лихорадочному напряженію мускуловъ, что они поражены смертельнымъ страхомъ. А едва смерти пробѣжала по четыремъ трупамъ, всѣ выпрямились и члены опять приняли природную гибкость.

Кожи звѣрей никому не годились, ихъ предоставили хищнымъ птицамъ. Звукъ трубы возвѣстилъ объ отъѣздѣ и мы направились къ сѣверу.

ВЕРНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЪ ТОЛЕДО. *Разсказъ Французженки.*
Нѣсколько лѣтъ тому я находилась въ Толедо въ концѣ великаго поста и съ любопытствомъ наблюдала религиозные обряды Испанцевъ. Соборы, церкви, монастыри были усыпаны цѣтями, ихъ аромать вмѣстѣ съ запахомъ ладона, унитывалъ воздухъ пріятнымъ благовоніемъ, которое располагаетъ душу къ мистической мечтательности, полной очарованія. Весна была вездѣ, и въ природѣ и въ сердцахъ.

Въ послѣднее воскресенье передъ Пасхой меня разбудилъ шумъ выстрѣловъ, колоколовъ и страшныхъ криковъ. Я вскакиваю съ постели, воображая, что городъ взятъ преступномъ какой-нибудь шайкой геральдсовъ, и бѣгу, дрожа отъ страха, просить у хозяи́н ки помощи и защиты.

— Господи! вскричала я, увидѣвъ ее, что случилось, что это за шумъ?

— Это Вербное Воскресенье, сеньора, отъѣчала добрая женщина, въ большомъ удивленіи отъ моего испуга.

— Но эти выстрѣлы? продолжала я.

— Это Вербное Воскресенье, повторила она, воображая что отъѣчаетъ на все.

Я начинала понимать.

— Вы странною образомъ празднуете этотъ день, продолжала я съ гримасой, происходившей отъ непріятности быть такъ испуганной; право не съ чѣмъ поздравить васъ.

— Это потому что вы еще не видали праздника, сеньора, отъѣчала хозяйка съ прегордою улыбкой: въ цѣломъ мірѣ страстная недѣля не празднуется съ такой пышностью, съ такимъ великолѣпіемъ какъ въ Толедо, в Вербное Воскресенье привлекаетъ всѣхъ иностранцевъ, посѣщающихъ вашу прелественную Испанію.

Я воротилась въ свою комнату, рѣшившись непременно по-смотреть праздникъ, но не приписывая ему той чудной важности, которую придавала хозяйка. Я знала, что жители Толедо перешеголяютъ самаго чваннаго Гасконца, а добрая моя хозяйка казалась мнѣ достойной обитательницей своей страны. Толедо, если вѣрить его жителямъ, самый древній городъ не только въ Европѣ, но и въ цѣлой вселенной. Самые умѣренные полагаютъ эпоху основанія до потопа, а другіе думаютъ, что Толедо существовалъ до сотворенія міра или по-крайней-мѣрѣ при Адамѣ и Евѣ. Какъ бы то ни было, это чудный старинный городъ. Таго быстро катитъ тамъ свои желтоватыя волны и почти совершенно окружаетъ его своими изгибами. Улицы чрезвычайно узки; съ передней стороны домовъ мало оконъ, что напоминаетъ присутствіе Арабовъ въ этомъ краю. Узкія улицы — вещь необходимая въ жарномъ климатѣ, потому что въ домахъ можно наслаждаться тѣнью и восхитительной свѣжестію, и во всякое время гулять въ городѣ безъ зонта.

Я наскоро одѣлась и сошла, чтобы присоединиться къ толпѣ, которая начинала уже наполнять площади. Никогда я не забуду прелестное зрѣлище, представившееся моему взору. Вообразите безчисленное множество очаровательныхъ женщинъ въ черныхъ кружевныхъ манталяхъ, приколотыхъ сзади головы къ высокимъ гребнямъ, съ гранатовымъ букетомъ на каждомъ вискѣ, съ бѣлыми пальмами въ рукахъ, которыя они граціозно поднимали къ небу, распѣвая религиозныя гимны. И все это смѣшано съ шумомъ кастаньетовъ, звуками бубенъ и гитары и также движеніями вѣера, потому что женщина безъ вѣера — вещь не вида-

ная въ этой блаженной странѣ. Можно встрѣтить женщинъ безъ чулковъ, въ лохмотьяхъ, но всегда съ вѣеромъ! Вѣеръ не покидаетъ ихъ даже въ церкви. На колѣнахъ, стоя, сидя, молятся съ примѣрными благочестіемъ, онѣ обмахиваются какъ въ гостиной.

Я смѣшалась съ этой прелестной и чудной толпой, также съ блѣдой пальмой въ рукѣ, ожидала процессіи, изъ которой эта толпа хотѣла присоединиться.

Блѣдая пальма — одна изъ самыхъ обширныхъ отраслей толедской торговли. Одинъ только человекъ въ городѣ пользуется привилегіей снабжать ими духовенство, потому что одинъ изъ его предковъ былъ убитъ въ Святой Землѣ. Степень набожности можно узнать по красотѣ пальмы и потому ихъ украшаютъ всѣми возможными лентами, цвѣтами, позолотой, камнями, даже брилліантами. Послѣ церемоніи эти пальмы освѣщаетъ епископъ и каждая женщина, возвратясь домой, ставитъ ихъ къ образу Богоматери и сжигаетъ прошлогоднюю пальму.

Процессія прошла подъ балдахинномъ, украшеннымъ золотомъ и жемчугомъ. Епископъ несъ Святые Дары и благословлялъ народъ, преклонившій передъ нимъ колѣна. Его окружало многочисленное духовенство и дѣти, устлавшіе цвѣтами и пальмами мостовую подъ его стопами, въ воспоминаніе вѣзда въ Иерусалимъ Иисуса Христа, когда Израильяне устилали путь его оливковыми вѣтвями и цвѣтами.

Мнѣ посчастливилось войти вслѣдъ за епископомъ въ соборъ, который считается по справедливости самымъ красивымъ и особенно самымъ богатымъ изъ всѣхъ испанскихъ соборовъ. Платье на статуѣ Богоматери украшено жемчугомъ величины и цѣны необыкновенной, нѣсколькими рядами чернаго жемчугу, брилліантовыми солнцемъ и звѣздами, которыхъ ослѣпительный блескъ съ трудомъ выдерживаютъ глаза.

Когда я вышла изъ собора послѣ церемоніи, ко мнѣ подошло нѣсколько моихъ толедскихъ знакомыхъ.

— Ну что? сказали онѣ, не правда ли, что Вербное Воскресенье день чудный въ Толедо?

— Да, да, отвѣчала я, не вездѣ какъ въ вашемъ блаженномъ краю есть голубое небо, цвѣты, зелень, которыя придаютъ поэзію празднеству и веселіе сердцу.

— Не всѣ празднества нынѣшняго дня веселы, возразила одна дама. Главный здѣшній монастырь выбралъ этотъ день для по-

стриженія. Ныче постригаютъ молоденькую дѣвушку, не хотите ли посмотреть?

Я согласилась, но какъ намъ оставался еще цѣлый часъ до церемоніи, я зашла покаяться къ одной изъ встрѣтившихся мнѣ дамъ. ♦

Домъ ея — какъ всѣ толедскіе дома — половъ изыщественъ и прелестенъ, неизвѣстными во Франціи. Вездѣ безчисленное множество цѣтвовъ, эластическіе ковры, мексиканскія циновки на мраморныхъ лѣстницахъ; вѣжное и сладостное благоуханіе, которое можетъ разливать только одинъ бальзамическій воздухъ Испаніи; наконецъ все что только придаетъ очарованіе простому и великолѣпному жилищу,

Растянувшись на диванѣ, единственной мебели, украшающей мавританскія галлерей, которыя внутри окружаютъ дома, мы начали разговаривать о настоящемъ празднествѣ.

— Вамъ вѣрно постриженіе покажется всего интереснѣе, сказала хозяйка, не говоря уже о церемоніи, которая очень любопытна, молоденькая послушница — прехорошенькая, а исторія ея жизни претрогательная.

— А! такъ есть исторія, сказала я вполне охваченная любопытствомъ, если бы я не боялась показаться вамъ нескромною, я бы просила васъ рассказать ее мнѣ.

— Охотно, отвѣчала хозяйка и рассказала мнѣ слѣдующее:

— Фермина — дочь дворянина пожилыхъ лѣтъ, съ рыжей бородой, съ длинными усами, съ худощавымъ лицомъ, съ кожей какъ пергаментъ, съ злобными и пылающими глазами, всегда въ кафтанѣ изъ буйволовой кожи, въ сапогахъ и съ старомодной рапирой. Онъ не богатъ, но гордъ какъ настоящій Сидъ, и скрываетъ бѣдность подъ обманчивой наружностью. Домашній бытъ его таковъ, какой читаешь въ старинныхъ испанскихъ книгахъ, представляющихъ намъ древніе феодальные обычаи. Самъ онъ настоящій гidalго, въ полномъ значеніи этого слова. Онъ какъ будто спалъ со время Филиппа-Второго. Семейство его составляло трое дѣтей: старшая дочь, которая воспитана старой родственницей и дополняетъ портретъ отца, потому что получила это степенное и жеманное воспитаніе, введенное Филиппомъ-Пятымъ при мадритскомъ дворѣ и такъ чудно продолжаемое при Карлѣ-Третьемъ; — сынъ Донъ-Карлосъ, который задыхаясь отъ ледянаго воздуха отцовскаго дома, ухалъ въ Мадридъ искать счастья и богатства, и прелестная Фермина, которой рожденіе стоило жизни матери.

Хотя блѣдая Фермина была воспитана сестрой, однако она умѣла избѣгнуть ея пагубнаго вліянія и осталась какъ созданъ ея природа, до того граціозной и милой, что ней обещали се. Она шла какъ соловей и лета слушала отца съ глубокимъ уваженіемъ, когда онъ дѣлалъ ей выговоры, что она нехорошо себя держитъ и не крѣпко присѣдаетъ, однако Фермина не могла переимѣниться.

Она очень страдала отъ однообразной и принужденной жизни въ отеческомъ домѣ, не потому что ждала шумныхъ удовольствій, но ея любящая душа и кроткая веселость составляли главное основаніе ея характера. Часто она плакала, смотря на портретъ матери, которая умерла такой молодой, прелестной, доброй, сообразной, и о которой никто не думалъ въ этомъ домѣ. При этой мысли ледяная атмосфера, въ которой она жила, тяжело сжимала ея сердце и она чувствовала себя одинокою и несчастною. Сестра ея графиня де-Виллареаль, женщина ничтожная и методическая до сумасбродства, не могла ни понять, ни утѣшить эту юную душу; она только двадцать разъ въ день цѣловала Ферминѣ:

— Право, дѣва Франциска держится гораздо прямѣе васъ!

У Фермины не было никакихъ развлеченій. Она увидѣла какъ цвѣтокъ, лишенный воздуха и солнца, и вѣрно бы умерла, если бы деверь сестры не предложилъ ей руки.

Домъ Яго Виллареаль былъ пріятный молодой человекъ, съ сердцемъ горячимъ, съ годовой цыпкой. Когда онъ короче узналъ Фермину, онъ серьезно привязался къ ней съ надеждою спасти отъ смерти такую прелестную дѣвушку.

Наконецъ насталъ день брака! Фермина въ вѣнчальномъ платьѣ ожидала жениха. Но довь Яго не явился. Вдругъ дверь открывается и вмѣсто жениха Фермины входятъ вѣскольکو простодушнвовъ съ окровавленными и безжизненными человѣкомъ на рукахъ.

Довъ Карлосъ!... братъ! вскричала Фермина упавъ на колѣна. Безстрастіе стараго дворянина и графиня де-Виллареаль какъ будто нечеловѣкъ при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ. Оба бросились къ раненому и послали за докторомъ.

— О! спасите брата! вскричала прелестная невеста, бросившись на встрѣчу доктору.

— Это вашъ братъ! прошепталъ возлѣ нея трещащій голосъ. О горе! вѣдь убилъ-то его я!...

И довь Яго упалъ безъ чувствъ возлѣ труда своей жертвы.

Блѣдный молодой человекъ уже въспомнилъ минутъ быть въ комнатѣ, не къ этой сценѣ отчаянія никто не обратилъ на него вниманія. Онъ удивился, что между новыми родными не было посторонняго, но слова Фермина скоро открыли ему новую истину.

Вотъ какъ случилось это страшное примѣченіе:

Донъ Карлосъ случайно узналъ въ Мадридѣ о помелкѣ сестры, потому что отецъ, сержиншійся на него за отцѣзды, не писалъ къ нему: не смотря на равнодушіе родныхъ донъ Карлосъ, нѣжно любившій Фермину, тотчасъ отправился въ Толедо, но скрывался отъ отца, оставившись у одного изъ своихъ друзей. Вечеромъ наканунѣ роковаго дня онъ печально толкнулъ на улицы молодого человека; тотъ обидѣлся; оба наговорили колкостей другъ-другу и на другой день, то есть, утромъ къ донъ Саавиды дрались на дуэли.

Грустное безмолвіе, возмущаемое только рыданіями, царствовало въ этой обширной залѣ, убранный для торжественнаго праздника. — Вдругъ послышалось продолжительное стонаніе; донъ Яго, котораго положили въ кресло, началъ приходить въ себя. Онъ приподнялся, обвелъ кругомъ блуждающимъ взоромъ и странная улыбка пробѣжала по его холоднымъ и блѣднымъ губамъ. Онъ провелъ рукою по лбу и прошепталъ нѣсколько безсвязныхъ словъ. Докторъ наблюдалъ за нимъ съ выраженіемъ ужасу и состраданія.

— Фермина! закричалъ онъ наконецъ раздрающимъ голосомъ, посѣши ко мнѣ на помощь!

Молодая дѣвушка бросила взглядъ прошенія на того, кто звалъ ее такимъ образомъ.

— Спасите ихъ обоихъ! сказала она сложивъ руки, умоляю васъ!

Докторъ печально поначалъ головою, указавъ на раненаго.

— Этотъ не нуждается болѣе въ помощи, сказалъ онъ, этотъ уже мертвъ.

— А его убійца! вскричалъ грубымъ и хриплымъ голосомъ старый дворянинъ, выпрямившись словно отъ прикосновенія галваническаго столба.

— Къ несчастію, онъ будетъ жить, отвѣчалъ докторъ, онъ самецъ съ ума....

Въ слѣдствіе этого ужаснаго прошептанія Фермина получила желаніе постричься. — Ничего должна она прошептать объѣтъ! Дай Богъ, чтобы она никогда не раскалась!

Я точно нашла эту исторію очень интересною, и какъ звать колоколовъ, возвѣщавшій начало церемоніи, раздался уже, мы отправлялись смотрѣть постриженіе милой Феринны.

Церковь монастыря Purissima Concepcion, была украшена словно для праздника, и длинный рядъ каретъ у ограды показывалъ, что зрителей много. Все служить поводомъ къ удовольствію для безпечной и празднокой толпы. И въ радостяхъ и въ горѣ вездѣ находятъ развлеченіе счастливыя земля. Ихъ забота только желаніе убить время; это обыкновеніе встрѣчается одинаково во всѣхъ странахъ.

Церковь блистала украшеніями: тростниковыя цыновки, тонкіе ортеры покрывали мраморныя плиты; бѣлыя розы, черныя шимортели украшали сосуды алтаря. Хоры монахинь находятся въ глубинѣ церкви. Четыре молоденькія и хорошенькія послушницы отдернули занавѣсы съ рѣшотокъ, чтобы каждый могъ видѣть все, что будетъ тамъ происходить.

Прошло два часа, и монастырскіе колокола наполнили воздухъ гармоническимъ своимъ звукомъ. Церемонія началась, вошла настоятельница, въ бѣломъ платьѣ и бѣломъ нарамникѣ, въ голубой мантии; черное покрывало закрывало голову, на груди висѣлъ образъ Богоматери. Она сѣла у рѣшотки, окруженная монахинями, точно такъ же одѣтыми, только покрывало послушницъ было бѣлое.

У дверей хора показалась та, которая готовилась произнести обѣтъ. Трепетъ участія и состраданія пробѣжалъ по любопытной толпѣ. Сердце мое горестно сжалось и двѣ слезы выкатились изъ глазъ. Бѣдная Феринна! такая молоденькая, хорошенькая, и навсегда похоронитъ себя въ этой холодной могилѣ! Ей казалось не болѣе семидцати лѣтъ. Станъ нельзя было различить подъ широкой одеждой; видѣлись только двѣ крошечныя ручки, сложенныя на груди, и кроткое, ангельское, восхитительное блѣдое личико, освѣщенное двумя прелестѣйшими черными глазами. Она подошла, поклонилась алтарю и стала на колѣна передъ настоятельницей.

— Дочь моя, соглашаешься ли отказаться навсегда отъ міра и искренно ли вѣришь всѣмъ членамъ символа вѣры? спросила настоятельница.

Послушница отвѣчала утвердительно и произнесла обѣтъ такимъ слабымъ голосомъ, что сама едва разслушала свои слова.

— Если ты останешься вѣрна обѣту, продолжала игуменья

громкимъ и звучнымъ голосомъ, я общаю тебѣ именемъ Всемогущаго вѣчную жизнь.

Потомъ она обвила руками новую монахиню, вѣжво прижала ее къ сердцу и обѣ вѣсколько минутъ безмолвно плакали.

Настоятельница сдѣлала усиліе, чтобы освободиться отъ этихъ вѣжвныхъ объятій, потомъ встала съ своихъ креселъ и юная сестра легла у ногъ ея, лицомъ къ землѣ, обвитая мантией какъ саваномъ.

— Теперь ты умерла дочь моя, вскричала игуменья.

Едва она произнесла эти слова, какъ прелаты и діаконы запѣли *De profundis*, съ аккомпаниментомъ погребальнаго органа и продолжали потомъ погребальную службу.

По окончаніи ея, органъ наполнилъ церковь самыми веселыми звуками. На жертвенникъ поставили восковое изображеніе Спасителя въ шелковой розовой одеждѣ, обшитой серебряными кружевами, покрытой жемчугомъ, камнями, и брилліантами. Въ одной рукѣ держалъ онъ черное покрывало и кольцо, въ другой брачный вѣнецъ.

Новая монахиня стала на колѣна передъ прелатомъ.

— Навсегда ли отказалась ты отъ всякой мысли о замужствѣ? спросилъ онъ; обдумай хорошенько дочь моя, еще есть время. Послѣ даже мимолетное сожалѣніе будетъ преступленіемъ.

— Я ни о чемъ не сожалѣю, отецъ мой, сказала блѣдная Фермина тихимъ и трепещущимъ голосомъ, и съ любовью посвящая себя Богу.

— Да приметь Онъ тебя, дитя мое! сказалъ священникъ и громко прочелъ обычныя молитвы, потомъ надѣлъ ей на палець кольцо и передалъ игуменѣ черное покрывало, которымъ она покрыла голову новой монахини, снявъ прежде съ нея покрывало послушницы, а сверхъ этого мрачнаго покрывала прелатъ надѣлъ брачный вѣнецъ; грустное и чудное сближеніе, которое напомнило мнѣ одинъ изъ нашихъ французскихъ обычаевъ: класть на гробъ молодой дѣвушки вѣнокъ изъ померанцевыхъ цвѣтовъ какъ бы въ знакъ ея союза съ Богомъ.

Послѣ этой церемоніи заперли хоры и новая монахиня скрылась отъ нашихъ глазъ.

Тогда толпа бросилась въ приемную, меня тоже уговорили проститься съ Ферминой. Едва мы вошли туда, новая монахиня показала въ сопровожденіи настоятельницы, чтобы получить послѣднее прощаніе родныхъ и друзей. Сколько было пролито слезъ, сколько вѣжвныхъ и горькихъ объятій! Когда она уходила

старить съ бѣлыми волосами, на шапкѣ и строгомъ лицѣ втораго не выказывались никакія сердечныя впечатлѣнія, вдругъ бросился къ ногамъ пово-вострженной.

— Феринна, дочь моя! вопричалъ онъ и лишился чувствъ.

Сестра Феринна, не имѣя силъ произнести ни одного слова, поблѣднѣвъ ушла на руки настоятельница, и шумолимаа дверь затворилась навсегда.

Всѣ бросились къ несчастному отцу; потомъ, когда онъ пришелъ въ себя, его посадили въ карету и онъ также исчезъ изъ нашихъ глазъ.

Оставивъ монастырь, мы уехали горестное впечатлѣніе, возбужденное этой сценой.

— Не хотите ли для разсѣванія осмотрѣть развалины дворца прелестной Галианы? спросили меня мои любезныя сопутницы. Вы услышите легенду за вашъ трудъ, я говорю трудъ, потому что вамъ надо идти по крайней-мѣрѣ съ полчася. Мы остановились недалеко отъ развалинъ дворца на берегу прелестнаго источника Ангела, и одна изъ насъ разскажетъ вамъ легенду.

Я согласилась съ благодарностью, и мы отправились въ путь. Въ ходбѣ и въ разговорахъ грустное впечатлѣніе, оставленное въ насъ печальной церемоніей, изгладилось и въ душѣ оставалась только исная меланхолия, которая не лишена въ некоторой пріятности, когда мы подошли къ группѣ деревьевъ, окружающей источникъ. Въместо того, чтобы проникнуть въ этотъ прелестный оазисъ, мы остановились, прислушиваясь къ мелодическому и вполне обработанному голосу, который пѣлъ *Пльню Рыбака*, Шаллера.

Когда пѣвецъ пересталъ пѣть, мы еще слушали. Но намъ молчаніе продолжалось, мы вошли подъ листовную бесѣдку. У источника сидѣлъ молодой человекъ съ блѣднымъ и интереснымъ лицомъ, и съ чрезвычайнымъ вниманіемъ кидалъ камешки въ воду. Гитара, лежавшая возлѣ, показывала, что онъ приближалъ и къ другому разсѣванію, однако вниманіе его до того было поглощено его настоящимъ занятіемъ, что онъ не замѣтилъ насъ.

Недалеко отъ молодого человека сидѣла старуха въ важной и строгой одеждѣ; она, перебирая въ рукахъ четки, тихо читала молитвы.

Одна изъ моихъ сопутницъ шепнула мнѣ на ухо, что этотъ молодой человекъ донъ Яго, женихъ Феринны.

— Здравствуйте, Урбана, сказала другая дама, обращаясь къ старухѣ съ четками, ну что вашъ бѣднѣй большой?

— Да хранить васъ Господь, сеньора, отвѣчала старуха, про-

краткихъ молитвъ, баринъ все въ одномъ положеніи, и слава Богу, родные не хотятъ уже мучить его лекарствами. Зачѣмъ ему лечиваться? чтобы къ нему возвратилась память и все горести? Онъ никогда не бываетъ ни грустенъ ни золъ, зачѣмъ измѣнять его?

— Знаетъ ли онъ, что Фермина нынче постриглась? спросила я тихо.

— Онъ ничего не знаетъ, отвѣчала дуэнья, говорите громко, онъ слишкомъ занятъ, чтобы слышать васъ.

— Что же онъ дѣлаетъ? спросила я съ любопытствомъ.

— Онъ зоветъ донъ-Карлоса и ждетъ его, отвѣчала дуэнья.

— Какъ! онъ думаетъ призвать донъ-Карлоса, бросая камешки въ воду? сказала я съ удивленіемъ.

— Развѣ вы не знаете легенду этого источника? сказала старая Урбана, посмотрѣвъ на меня съ презрѣніемъ.

Дамы начали смѣяться.

— Вы не знаете, сказала мнѣ одна изъ нихъ, что вы въ странѣ чудесъ, волшебныхъ сказокъ и легендъ. Мавры оставили намъ много своихъ обычаевъ, и особенно наклонностей; въ первомъ ряду стоитъ любовь къ чудесному. Испанія классическая земля легендъ, нѣтъ ни одного камня, ни одного дворца, ни одного дерева, у котораго не было бы своей легенды. Посудите же, могъ ли быть забытъ этотъ прелестный фонтанъ? Если вы хотите, я расскажу вамъ эту легенду въ нѣсколькихъ словахъ.

Я изъявила желаніе и вотъ что она мнѣ рассказала:

«Не знаю въ чье царствованіе, въ Толедо было большое кровопролитіе. Одна молодая, растрепанная и окровавленная дѣвушка упала къ ногамъ одного изъ матежниковъ.

— Убейте, убейте меня! вскричала она: вы зарѣзали моего отца, всехъ моихъ братьевъ, умертвите же меня вмѣстѣ съ ними.

«Несчастный молодой человѣкъ, къ которому она обратилась съ этой страшной просьбой, узнавъ въ ней свою молочную сестру.

«Докончивъ наше дѣло, сказалъ одинъ изъ его гнусныхъ товарищей и хотѣлъ схватить дѣвушку за длинные волосы, развѣ вавшіеся по плечамъ. Оледѣнѣвъ отъ ужаса, бѣдняжка упала на холодную землю, а молодой человѣкъ съ удивительнымъ присутствіемъ духа, бросился къ ней, поднялъ, прижалъ ее къ сердцу и сказалъ, обращаясь къ товарищамъ:

— Вы не смѣете ее тронуть, Господня рука простерлась надъ нею; она сошла съ ума!

— Сошла съ ума! повторила суевѣрная толпа, удаляясь съ невольнымъ уваженіемъ; пусть же ее живетъ!

• Черезъ нѣсколько минутъ дѣвушка съ неподвижнымъ и блуждающимъ взоромъ подняла съ земли трупъ ребенка и убѣжала съ нимъ къ этому источнику. Ставъ на колѣна она нѣсколько разъ погружала ребенка въ прозрачную воду и старалась потомъ отогрѣть его на груди.

— Онъ оживетъ, сказали свидѣтели этой странной сцены.

• Онъ ожилъ въ самомъ дѣлѣ; попеченія и мольбы несчастной дѣвушки возвратили къ жизни этого полумертваго ребенка. Это сочли чудомъ; дѣвушку приняли за святую, а ребенка за ангела, котораго Богъ послалъ ей въ утѣшеніе.

• Этотъ ребенокъ, такъ чудно спасенный, возмужавъ посвятилъ жизнь Богу и былъ однимъ изъ первыхъ толедскихъ епископовъ, которые считаются у насъ святыми.

• Съ этого времени источникъ Ангела пользуется необыкновенной знаменитостью; думаютъ, что если погрузить туда ребенка въ минуту его рожденія, то онъ будетъ наслаждаться долгой и счастливой жизнью. Болѣе суевѣрные полагаютъ, что часто изъ этой свѣтлой воды выходитъ ангелъ и раздастъ просившимъ его чудные камешки, которые возвращаютъ здоровье больнымъ и жизнь умершимъ дѣтямъ.

• Воспоминаніе объ этой легендѣ, продолжала любезная рассказщица, конечно осталось въ памяти бѣднаго донъ Яго и я думаю, что онъ бросаетъ эти камешки, призывая Донъ-Карлоса, въ намѣреніи вызвать ангела-покровителя этого источника.

Въ эту минуту Донъ-Яго безъ сомнѣнія въ отчаяніи отъ своихъ тщетныхъ покушеній, уныло склонилъ голову на грудь; крупныя слезы текли медленно изъ глазъ, потомъ изъ устъ его вырвалось грустное и жалобное пѣніе.

Старая Урбана тотчасъ встала и дружески ударила его по плечу.

— Не печальтесь, сказала она, ангелъ долженъ остаться нынче на небѣ, сегодня Вербное Воскресенье, онъ подноситъ финіамъ къ стопамъ Создателя. Онъ придетъ завтра съ вашимъ другомъ Донъ-Карлосомъ.

При этихъ словахъ улыбка освѣтила еще омоченное слезами лицо бѣднаго безумца.

— Ну до завтра, оставь онъ, и взявъ гитару пошелъ за статурой, вовсе не замѣтивъ нашего присутствія.

Когда Дюкъ Яго насъ оставилъ, мы погрузились въ безмолвіе, тихая мечтательность овладѣла мною; устремивъ глаза на воду, которая съ журчаніемъ текла среди камешковъ и зеленого мху, я дала волю воображенію, велено настроенному журчаніемъ воды, шелестомъ листьевъ, отдаленнымъ звукомъ городскихъ колоколовъ и жужжаніемъ пчелъ въ цвѣтахъ.

Источникъ Ангела истинно очаровательное мѣсто. Лимонныя и помаранцовыя деревья съ вѣтвями, обремененными цвѣтами и плодами, составляетъ сводъ изъ душистыхъ гирляндъ; немного поближе къ берегу кустикъ эвандра покрываетъ воду своими прелестными цвѣтами и благоуханіе воды, зелени, цвѣтовъ, наполняющее воздухъ благовошіемъ, располагаетъ душу къ сладостнымъ ощущеніямъ, вознося ее къ Богу.

Безъ сомнѣнія спутницы мои раздѣляли мои впечатлѣнія, потому что безмолвіе продолжалось до той минуты, какъ мы замѣтили съ удивленіемъ, что солнце стало бросать уже слабыя и косвенные лучи сквозь стѣну окружавшихъ насъ цвѣтовъ, плодовъ и листьевъ.

— А дворецъ прелестной Галианы! вскричала я съѣясь, не отложить ли до завтра? кажется, это будетъ лучше, если вы хотите, чтобы я вполнѣ налюбовалась имъ.

— Вамъ не нужно ли блестящихъ лучей солнца, ни огня свѣтлора, чтобы осмотрѣть остатки этого дворца, одного изъ чудесъ свѣта, какъ говорятъ лѣтонписцы, отвѣчала мнѣ одна изъ дамъ; пойдите со мною и вы сейчасъ убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ.

Я испѣшивъ послѣдовала за любезной проводницей и чрезвычайно разочаровалась, когда она остановилась передъ остатками колоннъ, окружающихъ груды покрытаго мхомъ-карпиту.

— Вотъ, сказала она мнѣ, что остается отъ дворца прелестной маркизанны съ продолговатыми главани; но какъ исторія ее сохранилась лучше ея величавѣйшаго жилища, я расскажу вамъ ее въ другой разъ въ вознагражденіе за ваше разочарованіе.

Галиана была дочь короля Галафры, который любилъ ее выше всего на свѣтѣ и выстроилъ для нея въ Вегѣ увеселительный домъ съ роскошнѣйшими садами, бюсками, ваннами, фонтанами, цвѣтами, плодами, словомъ настоящий земной рай. Обожасма етцомъ, любимаа всѣми окружающими, беззаботная дѣ-

вушка жила препрiятно въ этомъ прелестномъ убiжищi, занимаясь музыкой, поэзіей, танцами, словомъ всѣмъ, что можетъ очаровывать досуги прелестной и обожаемой принцессы.

«Красота ея сдѣлалась знаменитою и распространилась по свѣту, и дворъ короля Галафра сталъ самымъ блистательнымъ, потому что всѣ молодые и любезные принцы спѣшили туда. Не было конца праздникамъ, турнирамъ, каруселямъ, гдѣ прелестная Галіана раздавала награды, а чудные глаза ея воспламеняли сердца.

«Гвадалазарскій король, колоссальный мавръ и мужественный и яростный наслышался также о прелестяхъ Галіаны и о великолѣпiи ея отца. Желая увѣриться въ истинѣ этихъ слуховъ, онъ издѣлъ самое лучшее вооруженіе и въ сопровожденiи вѣрнаго конюшаго явился ко двору короля Галафра, оспаривать награду на турнирѣ. Увидѣвъ этого гиганта, прелестная Галіана едва не упала въ обморокъ отъ испугу и ужасу. Можетъ-быть это было также по предчувствію, потому что гвадалазарскій король, побѣдивъ всѣхъ соперниковъ, потребовалъ руку прелестной Галіаны въ награду за храбрость.

«Если принцесса чувствовала отвращеніе къ страшному гиганту, за то питала нѣжную привязанность къ отцу и это предложеніе очень огорчило и смутило ее по предчувствію, что отказъ съ ея стороны вовлечетъ въ жестокою и опустошительную войну добраго короля Галафра, ея родителя.

«Въ то время какъ она умоляла Магомета помочь ей въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Карлъ-Великій, сынъ Пенина, прiѣхалъ въ Толедо въ намѣренiи помочь королю Галафру, котораго атаковалъ тогда кордовскій король. Галафръ принялъ принца со всѣми почестями, должными его званію и достоинству. Карлъ-Великій былъ очень тронутъ этими знаками уваженiя и скоро сдѣлался другомъ короля Галафра.

«Галафръ, зная сколько французскій принцъ былъ [приниженъ и храбръ, вздумалъ съ нимъ посоветоваться] на счетъ затрудненiя, въ которомъ находилась дочь его. Сердце Карла-Великаго живо тронулось горестію прелестной мавританки съ продолговатыми глазами, и чтобы вывести ее изъ затрудненiя онъ храбро вызвалъ мавра на поединокъ, и хотя этотъ гигантъ былъ половъ мужества и вѣроломства, онъ отрубилъ ему голову очень ловко и граціозно и поднесъ ее прелестной Галіанѣ, которой чрезвычайно понравился этотъ подарокъ, она приняла его съ благодарностью.

«Карлъ-Великій, продолжая свои подвиги, прогналъ кордовскаго короля и по возвращеніи просилъ руки Галианы, только съ условіемъ, что прелестная мавританка приметъ христіанскую вѣру. Галиана и отецъ ея съ радостью согласились, и когда Пеникъ умеръ, Карлъ-Великій возвратился во Францію съ прелестной Галианой, которую короновали какъ королеву и приняли съ восторгомъ.»

Въ такихъ пріятныхъ разговорахъ я не замѣтила какъ мы возвратились въ Толедо.

ОВЫКНОВЕННАЯ ДРАМА. Въ концѣ осени 1830, Жоржъ Гударъ пріѣхалъ въ Парижъ въ цвѣтѣ юности, во всей поэзіи беззаботности. Онъ былъ тогда невиннымъ бакалавромъ, только видѣлъ цвѣтъ неба, дышалъ благоуханіемъ цвѣтовъ, довѣрялъ звѣздамъ свои радости и любовь. Но отъ парижскаго солнца, которое можетъ также назваться солнцемъ удовольствія, скоро поблекли всѣ грезы счастья и восторгу: звѣзды мало-по-малу превратились въ гризетокъ; и вскорѣ онъ сталъ любить небо и цвѣты только въ глазахъ и на щекахъ этихъ дѣвушекъ. Рай его превратился въ кофейню, гдѣ пьютъ любовь въ винѣ съ товарищемъ. Поэзія растерялась въ тысячѣ превращеній: онъ видѣлъ ее въ сумасбродствахъ мечтателей, на берегу рѣкъ, въ глубинѣ лѣсовъ, на кладбищахъ, на облакахъ; время, которое бывало терялъ въ мечтаніяхъ, теперь употребилъ онъ на преслѣдованіе гризетокъ. А какъ эти дѣвицы не довольствуются одними мечтаніями, то онъ такъ скоро и такъ хорошо завладѣли силами его сердца и души, что въ концѣ втораго года, свѣжая юность его исчезла. Друзья, студенты медицины, присовѣтовали ему освѣжиться и отдохнуть въ чистой и спокойной атмосферѣ родины, въ нѣдрахъ прелестной шампанской долины. Онъ вѣхалъ въ Парижъ съ надеждой на все, улыбаясь всему, а выѣхалъ оттуда блѣдный, унылый, разочарованный, съ гримасой въ сердцѣ и на губахъ.

Онъ вѣхалъ съ виконтомъ де-Мариньи, самымъ сумасброднымъ, самымъ остроумнымъ и самымъ милымъ изъ тогдашнихъ деиди. Хотя виконтъ былъ самый остроумный изъ фешенебельной молодежи, однако онъ говорилъ мало замѣчательнаго, а между-тѣмъ говорилъ все что зналъ. Онъ вѣхалъ изъ Парижа въ Шампань сначала поохотиться, а тамъ просить приданнаго и руки своей двоюродной сестрицы мадмазель де-Лаверньи. Собственно о ней Мариньи не очень заботился, но его привлекало приданое, которое

направленіе кой-какихъ ущербовъ въ его тощій состояніи.

Едва Жоржъ увидѣлъ родину, онъ какъ будто помолодѣлъ; утомленное сердце оживилось, надежды зазеленѣли словно въ скарлатію. Сердце заранѣе открылось материнскимъ изліаніемъ; но онъ нашёлъ дома только отца и заѣзданіе матери. Отецъ думалъ опять жениться и скоро сталъ ему скорѣе гоооодиномъ, нежели другомъ.

Послѣ нѣсколькихъ грустныхъ мѣсяцевъ, утомившись выслушивать выговоры, черезъ чуръ жестокіе, за парижскую жизнь, за правду, онъ безмолвно возмутился противъ этой тирани, вѣдѣлъ наследство покойной матери и уѣхалъ на минеральныя воды въ Т... Этотъ маленкій городокъ, словно забытый свѣтомъ, живописно разбросанъ по рѣкѣ. Это—прелестное убѣжище для любителей провинціальной жизни. Долина, развѣивающаяся вокругъ, отбѣшена такъ и слитъ густыми лѣсками, какъ будто нарочно для любовныхъ прогулокъ. Дѣвушки тамъ милыя, вино чѣистое, небо почти всегда ясно. Жоржъ надѣялся брать тамъ ванны, встрѣтиться съ дорожнымъ товарищемъ и попытаться увидѣть мадамъ де-Лавернь. Въ Парижѣ преслѣдуетъ минутною мечтою всѣхъ встрѣчныхъ щеголей: въ провинціи щеголихи встрѣчаются рѣдко. Жоржъ еще не видалъ ни одной женщины, достойной пробудить его грѣзы и въ слѣдствіе этого недостатку невольно влюбился въ мадамъ де-Лавернь, которую никогда не видалъ, но которой нѣмецкій прожекль обрисовалъ ему вконтъ.

Мадамъ де-Лавернь была прелестная дѣвушка, которая въ провинціи сохранила всю нѣжную грацію женщинъ Париза, гдѣ была воспитана; это была одна изъ тѣхъ безсѣтныхъ блондинокъ, которыя такъ поэтически оживляютъ романы Валтеръ-Скотта. Чистосердечная, грустная и мечтательная отъ природы, она только изъ прихоти становилась кокеткой и веселой.

Де вѣзду двоюроднаго брата, ея большіе темные глаза прельстили бѣднаго клерка тамошняго нотаріуса, Адольфа Дюклъ, который страстно любилъ ее и былъ любимъ взаимно изъ крайней досадѣ мосье де-Лавернь. Старый баронъ далъ себѣ слово поддерживать эту любовь въ самомъ корнѣ. Вконтъ де-Мариньи очень кетати недосѣвалъ для этого намѣренія. Іюльскій переворотъ еще увеличилъ забавную гордость барона: онъ былъ въ восхищеніи отдать дочь и часть своихъ владѣній единственному потошку де-Мариньи, и только хотѣлъ принудить будущаго зятя проводить

жизни въ Шампанн, среди земель, лѣсовъ и луговъ, завлеченныхъ отъ замка де-Лаверньи. Не смотря на страсть къ охотѣ, виконтъ не охотно соглашался, не довѣряя провинціальнымъ удовольствіямъ и сожалѣя о шумныхъ веселостяхъ Парважа. Но день ото дня видъ прелестей и помѣстьевъ кухни перемѣняли его мысли, къ тому же онъ нашелъ тутъ большое развлеченіе. Воздержность, осторожность, холодность мадамозель де-Лаверньи довольно ясно говорили ему, что она вовсе не была отъ него безъ ума; но это нисколько его не печалило; онъ не за любовью пріѣхалъ въ Шампань. Подобно барону, онъ догадывался о страсти кухни къ клерку нотариуса Демардъ, но съ самоотверженіемъ закрывалъ глаза.

Страсть эта была чиста, нѣжна, благородна, какъ бываетъ иногда въ провинціи, куда вѣкъ не склонилъ еще чело свое, сомиѣвающееся во всемъ, даже въ любви. Начало этой страсти было очень просто. Адольфъ Дюклдъ увидѣлъ Софью де-Лаверньи и первый взглядъ его высказалъ ей любовь; Софья, полная довѣрія и непорочности, отвѣчала ему такимъ же взглядомъ, и съ этого дня они съ любовью оперлись другъ на друга на жизненной дорогѣ, и ждали безмолвно, ввѣривъ себя судьбѣ. Адольфъ Дюклдъ не смѣлъ и думать о женитьбѣ на мадамозель де-Лаверньи: онъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы сдѣлаться нотариусомъ, къ тому же зналъ, что старый баронъ презиралъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ не изъ дворянъ. Не смотря на всю любовь, Софья чувствовала, что никогда не будетъ имѣть силы возвысить голосъ въ пользу любовника; она была не дочерью, а невольницей барона; всегда покорная, послушная, никогда мятежный крикъ не вырывался у ней изъ усть, она всегда была согласна съ мнѣніемъ отца, происходившаго отъ поколѣнія древнихъ дворянъ, которые владычествовали самовластно въ провинціяхъ и раздражались при малѣйшемъ сопротивленіи. Она надѣялась на будущее, надѣялась, что баронъ смягчится, или что ей поможетъ чудо, словомъ надѣялась какъ любящая женщина. Но пришло время, когда надежда испугала ее какъ смерть: тогда какъ мосьё де-Лаверньи сказалъ дочери, что выдаетъ ее за кузена. Она упала къ ногамъ отца, хотѣла признаться въ любви, но баронъ, который предчувствовалъ отказъ и слезы, баронъ, который видѣлъ наканунѣ какъ Адольфъ Дюклдъ бродилъ около замка, баронъ, который болѣе премияго былъ увѣренъ въ любви дочери, бросилъ страшный взглядъ на несчастную и голосъ замеръ у ней на губахъ. Она рѣшилась видѣть оковы брачной жизни.

Баронъ сталъ уже разочаровываться въ виконтѣ; утопленный его шалостями и прихотями, онъ начиналъ бояться за денежки дочери, но Адольфа Дюклд онъ боялся еще больше. Если бы онъ былъ нотариусъ и богатъ, онъ бы, можетъ-быть, предпочелъ его виконту, и пожертвовалъ аристократической гордостью склонности дочери; но у Адольфа не было ничего кромѣ любви, а это не принимается въ разсмотрѣніе при свадебныхъ контрактахъ.

Въ это-то время Жоржъ пріѣхалъ въ Т^{...}, и первое, что онъ услышалъ, было извѣстіе о бракѣ виконта. Онъ огорчился этимъ; виконтъ ему не нравился; сердце говорило, что надмоазель де-Лаверньи приносятъ въ жертву; ему показалось, что этотъ союзъ разрушаетъ его послѣднія надежды: онъ уже любилъ. Благодаря быстрому дружеству путешественниковъ, де-Мариньи былъ въ восхищеніи, что нашелъ въ пустынѣ человѣка, который вспоминаетъ о Парижѣ. Жоржъ не пренебрегъ этой драгоценной дружбой, которая должна была сблизить его съ надмоазель де-Лаверньи: не проходило дня, чтобы не видѣли виконта или на охотѣ, или на вечерней прогулкѣ въ аллеѣ замка.

Въ этой-то аллеѣ вечеромъ явилась Жоржу въ первый разъ Софья де-Лаверньи. При видѣ ея, любовь нашептывавшая въ душѣ возвысила голосъ, новая жизнь открылась ему тысячею золотыхъ дверей.

На другой день Жоржъ опять увидѣлъ Софью. Цѣлую ночь онъ мечталъ о ея красотѣ, но она явилась ему прелестнѣе, чѣмъ въ мечтахъ. Головка ея склонялась подъ пламенной грустью влюбленныхъ; ножки укрывались въ травѣ, праздныя ручки опирались вѣтви съ горькимъ сладострастіемъ; казалось, что она опирается дерево своей жизни. Виконтъ безмолвно слѣдовалъ за нею; вастигнувъ ее, онъ легонько захлопалъ въ ладоши.

Она обернулась и вскрикнула:

— Это вы, кузенъ? сказала она съ восхитительнымъ движеніемъ губокъ.

— Прелестная кузина, сказалъ виконтъ, позвольте представить вамъ мосѣ Жоржа, одного изъ самыхъ пріятныхъ моихъ друзей и самаго моднаго молодого человѣка. Онъ студентъ, но студентъ Café de Paris, который перемѣнитъ дюжину галстуховъ въ одно утро и никогда не ходитъ пѣшкомъ въ училище правовѣдствія или лучше никогда туда не ходитъ.

Жоржъ низко поклонился и сказалъ улыбаясь, что онъ никогда не входилъ въ Café de Paris, носилъ одинъ галстухъ цѣлою лѣто, и всегда ходилъ пѣшкомъ.

Мадмоазель де-Лаверньи, сердившаяся на кузена, обрадовалась словамъ Жоржа и поблагодарила его быстрымъ взглядомъ, котораго онъ не видѣлъ, а почувствовала какъ лучъ солнца. Де-Мариньи хотѣлъ вывернуться изъ этого промаху милой шалостью, сорвалъ майскую розу съ головы кухни и началъ прыгать, нюхая ее.

— Я въ упоеніи, сказалъ онъ съ насмѣшливой улыбкой: о! прелестная кухня, мнѣ кажется, что я дышу вами: эта роза унесла отъ васъ благоуханіе юности и любви.

Софья покраснѣла.

— Уф! вскричалъ де-Мариньи, услыхавшій шумъ крыльевъ птицы: овсянка, кухня! овсянка, Жоржъ!... Прощайте, кухня; ступайте же, Жоржъ!

Виконтъ оставилъ бы Магометовъ рай для охоты.

Софья поспѣшно воротилась въ замокъ; Жоржъ не пошелъ за охотникомъ, а сѣлъ на краю аллен, слѣдуя очарованнымъ взоромъ за Софьей. Два раза онъ покушался бѣжать за ней, броситься къ ея ногамъ, объяснить въ любви; но его удержала мысль, что Софья любитъ Адольфа Дюкло.

Онъ нѣсколько разъ еще видѣлся съ нею и все болѣе и болѣе любилъ ее. Грудь ея была такъ полна очарованія, красота такъ восхитительна, томная небрежность такъ сладостно привлекала, что онъ утопалъ въ восторгѣ, проводилъ вечера вокругъ замка, скрывался въ зелени, у забора, подъ деревьями, чтобы подстеречь шаги своего кумира. Софья часто прогуливалась одна, въ сумеркахъ, и окрестности замка сдѣлались для него земнымъ раемъ.

Но онъ слабѣлъ день ото дня; благотворный воздухъ родины, минеральныя воды и спокойная провинціальная жизнь не могли погасить въ груди жгучій огонь, зажженный утомленіемъ тѣла и души, нездоровой атмосферой и шумной парижской жизнью. Его пожирала вѣчно голодная гiena — смерть.

Любовь не оживила, а истомила его; страданія сдѣлались сильнѣе: онъ сталъ предчувствовать близкую кончину, и благодарилъ Бога, что оживилъ его послѣдніе дни и очистилъ прошедшую жизнь любовью истинною.

Свадьба де-Мариньи съ кузинной не была уже тайной; наступалъ назначенный день; Жоржу казалось, что онъ будетъ послѣднимъ въ его жизни, такъ дѣлалось ему дурно отъ одной мысли. Наканунѣ отчаяніе его дошло до такой степени, что онъ рѣшился предупредить естественную смерть и вздумалъ отказать, по за-

вѣщанію одной изъ своихъ тѣтокъ, половину материнскаго наследства, но отложилъ это до завтра. Желая умереть безъ шума, онъ рѣшился броситься въ рѣку, надѣясь, что смерть его признадутъ естественною падешію и проведъ цѣлый вечеръ на берегу, потруженный въ мрачныя мечтанія, обалченный мыслью о самоубійствѣ и любви; то слѣдуя глазами за темными волнами, то бросая горестный взоръ на прелестный лугъ замка, какъ-будто прищипывая тамъ длинное платье мадамъ де-Лаверньи.

На другой день небо было веселѣе, и колокола звонили радостно. Жоржъ, не спавшій цѣлую ночь, всталъ при первомъ звонѣ. «Колокола звонятъ къ моей смерти!» прошепталъ онъ. Колокола звонили для всѣхъ; у громкихъ голосовъ ихъ были въ этотъ день звуки различные для всѣхъ ушей: вконтъ воображалъ, что слышитъ музыку своихъ золотыхъ грезъ; Софья и Адольфъ думали, что колокола возмашаютъ ихъ горе, а старый баронъ, затыкая уши, вскричалъ:

— Она словно считаютъ деньги, которыя я отдаю сегодня!

Жоржъ вышелъ, по обыкновенію, какъ будто для прогулки, сдѣлалъ большой обходъ и пришелъ въ контору нотариуса въ осемь часовъ. Демарѣ уѣхалъ по дѣламъ въ сосѣдній городокъ. Жоржъ нашелъ Адольфа, грустно склоненнаго надъ бумагой. Онъ заговорилъ съ нимъ, но влюбленный не отвѣчалъ: мысли его были далеко отъ конторы! Наконецъ, поднявъ голову, онъ спросилъ съ досаднымъ видомъ, что нужно Жоржу. Жоржъ сказалъ, что просто хочетъ продиктовать завѣщаніе нотариусу. Узнавъ объ отсутствіи Демарѣ и не рѣшаясь ждать его, онъ уѣхалъ передъ столикомъ, спросилъ бумаги и принялся писать свою последнюю волю, но вдругъ на дворѣ раздался шумъ.

Баронъ де-Лаверньи явился на порогъ конторы и также спросилъ нотариуса. Адольфъ Дюкло отвѣчалъ, блѣднѣя и измѣнившимся голосомъ, что Демарѣ уѣхалъ въ сосѣдній городъ.

— Кто же напишетъ свадебный контрактъ моей дочери? вскричалъ старый баронъ разгнѣвавшись, что нотариусъ позволилъ себѣ отлучиться, когда де-Лаверньи удостоилъ явиться въ его контору.

— Не знаю, отвѣчалъ Адольфъ.

У барона былъ другой нотариусъ; но послѣ продажи гѣсу, въ которой этотъ нотариусъ не могъ угодить барону, онъ не хотѣлъ бывать у него въ конторѣ и думалъ отмстить ему благороднымъ образомъ, ливши акта, которому завидовали всѣ окрестные нотариусы. Онъ откладывалъ день-отъ-дня, не рѣшаясь какъ

написать контрактъ и сколько дать за дочью. Наступилъ послѣдній часъ, оставалось только время посоветоваться, объяснить и подписать; было осемь часовъ; жениха съ невѣстой ждали въ одиннадцать часовъ у мера и въ двѣнадцать въ церкви. При дерзкомъ отвѣтѣ Адольфа баронъ вышелъ, покраснѣвъ отъ гнѣва, давъ себѣ слово ни ногой впередъ къ Демарѣ и обратиться опять къ прежнему нотаріусу. Но едва онъ произнесъ эту клятву, какъ мадамъ Демарѣ, которая всегда не сводила глазъ съ конторы, столько же изъ любопытства какъ и по супружеской преданности, подошла къ нему, разсыпалась въ изъявленіяхъ сожалѣній объ отсутствіи мужа и прибавила, что Адольфъ Дюкло прекрасно пишетъ брачные контракты. Баронъ воротился въ контору и просилъ клерка Демарѣ пойти съ нимъ въ замокъ. Адольфъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ отлучиться, потому что ожидаетъ многихъ кліентовъ, и что пусть придутъ въ контору, если нуженъ брачный контрактъ. Баронъ не хотѣлъ приводить дочь, говоря, что въ день свадьбы у невѣсты много другихъ заботъ, но Адольфъ былъ неумолимъ. Онъ всѣхъ избавлялъ отъ труда явиться, исключая невѣсты. Дѣлать было нечего, баронъ покорился.

Жоржъ, котораго эта сцена грустно растрогала, дописывалъ завѣщаніе, когда тяжелый баронскій берлинъ вкатился на дворъ. Виконтъ, въ охотничьемъ варядѣ, ѣхалъ возлѣ на лошади; баронъ, дочь его и двое друзей вышли изъ берлина; де-Маринья небрежно послѣдовалъ за ними. У дверей конторы ему пришла фантазія быть любезнымъ: онъ предложилъ руку кузинѣ и улыбнулся ей съ любовью. Жоржъ дѣлалъ видъ будто пишетъ, но украдкой наблюдалъ за этой картиной, гдѣ волновалось столько различныхъ страстей. Увидѣвъ Жоржа, виконтъ подошелъ къ нему и шепнулъ на-ухо нѣсколько плоскихъ шутокъ насчетъ дня женитьбы.

Мадмоазель де-Лавернь сѣла въ самое темное углу залы. Въ простомъ кисейномъ платьѣ, склонивъ голову отъ грусти, а не отъ замѣшательства, она вовсе не походила на невѣсту. Написавъ имя виконта де-Мариньи, Адольфъ Дюкло спросилъ у ней, какъ ее зовутъ. Она отвѣчала елезой, горькой для него такъ же какъ и для нея. Онъ не имѣлъ жестокости потребовать другаго отвѣту; это обожаемое имя было навсегда въ его сердцѣ, онъ безмолвно подписалъ его внизу имени соперника.

Глубокая горестъ несчастныхъ любовниковъ странно поразила Жоржа, который зналъ кое-что объ ихъ любви. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ не думалъ о себѣ, но скоро пробудилъ

ся отъ бѣнія своего сердца, перо выпало у него изъ рукъ: онъ впалъ въ отчаяніе при видѣ этого земнаго ангела, который отдалъ свою душу одному, а тѣло отдавалъ другому, а для него не находилъ ни мысли ни взгляду. Софья была такъ погружена въ свою горестъ, что не замѣчала Жоржа.

Одинъ поселенинъ, возвратившійся съ поля, чтобы подинкаться свидѣтелемъ на какой-то бумагѣ, и знавшій виконта де-Мариньи, которому указывалъ часто мѣста для охоты, подошелъ къ нему тотчасъ, какъ только увидѣлъ его и увѣдомилъ о славной стаѣ куропатокъ, подиѣченныхъ имъ при выходѣ изъ города. При этомъ извѣстїи женихъ забылъ о свадьбѣ и спросилъ ружье у Адольфа Дюклѣ. Мадамъ Демарѣ поспѣшила тотчасъ предложить виконту ружье своего мужа и, несмотря на увѣщанїя барона, страстный охотникъ побѣжалъ къ стаѣ куропатокъ.

Едва онъ ушелъ, Жоржъ подошелъ къ барону, увлекъ его на дворъ и представилъ, что тотъ преглупо дѣлаетъ, выдавая дочь за сумасброда, способнаго расточить самое богатое состояніе, за ребенка, который играетъ жизнью какъ куклой, за вертопраха, который не любитъ мадмоазель де-Лаверньи; потомъ Жоржъ говорилъ объ Адольфѣ Дюклѣ, объ его страсти, о взаимности Софьи.

— Да у него ничего нѣтъ, сказалъ баронъ.

— Такъ вотъ причина! возразилъ Жоржъ. А если бы онъ былъ богатъ?

— Да, богатъ, богатъ.... а когда у него ничего нѣтъ.

— Сколько вы даете за мадмоазель де-Лаверньи?

— Пятьдесятъ тысячъ франковъ, заключающихся въ шестидесяти десятинахъ земли, десяти десятинахъ луговъ, двадцати десятинахъ лѣсу; лѣсъ прекрасный, густой, луга великолѣпные, земли золотыя. Эти девяносто десятинъ продадутся за сто пятнадцать-тысячъ франковъ; но я оцѣню въ пятьдесятъ-тысячъ, потому что не хочу много платить податей.

— Если вы отдадите руку вашей дочери Адольфу Дюклѣ, я дамъ ему пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Баронъ посмотрѣлъ на Жоржа съ удивленіемъ.

— Мы вдвоемъ сдѣлаемъ доброе дѣло, продолжалъ Жоржъ. Право, лучше выдайте дочь вашу за нотаріуса, чѣмъ за празднолюбца. Сдѣлавшись нотаріусомъ, Адольфъ Дюклѣ попадетъ на дорогу къ почестямъ и богатству. Вы не станете сожалѣть; какъ нотаріусъ, онъ будетъ и избирателемъ и избираемымъ членомъ окружнаго совѣта, получитъ орденъ и, Богъ знаетъ, гдѣ онъ останется.

— Но проихожденіе-то его, помните! могу ли я допустить, чтобы мадамозель де-Лавернь сдѣлалась мадамъ Дюклѣ?

Послѣ долгихъ разсужденій слабый баронъ согласился съ Жоржемъ.

Когда они воротились въ контору, лицо барона было озабочено и одушевлено; лицо Жоржа блѣдно и уныло.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ де-Лавернь Адольфа.

Тотъ отвѣчалъ съ безпечною:

— Адольфъ Дюклѣ.

Такъ потрудитесь, продолжалъ баронъ съ коварною улыбкою, вычеркнуть имя де-Мариньи и напишите: *Адольфъ Дюклѣ*.

Баронъ обернулся къ дочери.

— Если только мадамозель де-Лавернь не воспротивится.

Погруженная въ горестъ Софья не слыхала.

— Плутовка! прошепталъ баронъ.

Потомъ, наклонившись къ Адольфу, который обезумѣлъ отъ удивленія и радости, онъ сказалъ:

— Прибавьте: *сказанный Адольфъ Дюклѣ получаетъ отъ Жоржа Гудара дарственную записку...*

Жоржъ, не чувствуя въ себѣ силы присутствовать при всѣхъ сценахъ этой сентиментальной комедіи, написалъ въскоро нѣсколько строчекъ.

Адольфъ Дюклѣ смотрѣлъ въ изумленіи на барона и на Софью. Бѣдная невѣста съ сладостнымъ предчувствіемъ перестала горевать и при видѣ грустной улыбки Жоржа взглядъ ея смягчился до любви. Жоржъ, упоенный этимъ взглядомъ, вышелъ, забывъ взять шляпу. Баронъ и Адольфъ, воображая, что онъ возвратится, не беспокоились о его поспѣшномъ уходѣ, Софья одна встревожилась; она прочла бѣду въ его взглядѣ.

Де-Лавернь, любопытный и недовѣрчивый, поспѣшилъ прочесть нѣсколько строкъ, которыя несчастный написалъ въскоро, то есть, завѣщаніе въ пользу Адольфа Дюклѣ; вотъ что въ немъ заключалось:

«Завѣщаніе Жоржа Гудара изъ деревни Кроази въ Шампани:

«Упомянутый Жоржъ Гударъ, дѣлаетъ своимъ наследникомъ Адольфа Дюклѣ, клерка нотариуса въ Т***»

«Писано въ Т*** въ конторѣ Демарѣ, 12 іюля 1833.

«Жоржъ Гударъ».

Баронъ перечитывалъ въ другой разъ это завѣщаніе, когда горестный звукъ голосовъ долетѣлъ до конторы. Адольфъ Дюклѣ,

пораженный предчувствіемъ, бросился въ ту сторону, откуда слышался голоса, на берегъ рѣки, въ волнахъ которой плыл Жоржъ. Моряковъ тамъ не было, а любопытные не рѣшились спасать утопавшаго. Адольфъ бросился въ воду съ благороднымъ энтузіазмомъ, подумавъ, что для Софьи это будетъ самымъ лучшимъ свадебнымъ подаркомъ. Онъ тотчасъ исчезъ подъ волной, но скоро показался въ крайнемъ отчаяніи. Одинъ изъ любопытныхъ указалъ ему на тѣнь дерева, онъ собралъ силы и опять исчезъ.

Въ эту минуту виконтъ де-Мариньи, съ торжествомъ возвращавшійся съ охоты, проходилъ мимо и узналъ о происшедшемъ. Увлеченный сердцемъ, онъ хотѣлъ также броситься, но вспомнилъ, что скоро будетъ вѣнчаться или скорѣе боясь испортить охотничій нарядъ, удержался, оттолкнувъ перывъ великодушія и чтобы умыть руки передъ присутствующими, прошепталъ, что не умѣетъ плавать.

Наконецъ Адольфъ Дюклдъ показался на другомъ берегу, напротивъ лаверньскаго замка, увлекая Жоржа, который барахтался какъ левъ. Раздались рукоплесканія; одна лодчица поспѣшила переѣхать на ту сторону, чтобы помочь утопленнику и спасителю. Виконтъ послѣдовалъ за нею, тотчасъ призвавъ людей изъ замка, куда и перенесли двухъ друзей, потому что они вдругъ сдѣлались друзьями. Пріѣхали баронъ съ дочерью, и когда Жоржъ пришелъ въ себя, онъ снова лишился чувствъ при видѣ надмозель де-Лаверньи.

Въ душѣ Софьи произошла странная вещь: все тамъ перевернулось; любовное пламя перешло отъ Адольфа къ Жоржу.

Въ тотъ же самый вечеръ, виконтъ, узнавъ о происшедшемъ, ускакалъ въ Баденъ къ Англичанкѣ, давно гонявшейся за нимъ. Жоржа, почти умвращаюаго, отвезли на квартиру. Демарѣ поспѣшила предложить клерку свою контору, съ видомъ безкорыстія, за восемьдесятъ тысячъ франковъ. Со всякаго другаго, Демарѣ взялъ бы семьдесятъ пять тысячъ, но Адольфъ заслуживалъ особеннаго уваженія и Демарѣ хотѣлъ доказать ему, что помнитъ его услуги.

Адольфъ сталъ нотаріусомъ въ Т***

Каждый день онъ умолялъ барона не откладывать его счастья, но тотъ не торопился, боясь, чтобы Жоржъ не перемѣнилъ завѣщанія. Доктора объявили, что больной проживетъ недолго и старый баронъ ожидалъ этой смерти, чтобы равняться сою-

четально, въ увѣренности, что тогда завѣщаніи уже нельзя будетъ переменить.

Софья также не торопилась.

Наконецъ однажды Жоржъ, предчувствуя близкій конецъ, позвалъ де-Лаверны и сказалъ, что ему бы пріятно было увидѣть до кончины свадьбу любовниковъ. Видъ его погребальной блѣдности и потухшихъ глазъ скорѣе чѣмъ желаніе угодить, принудилъ Барона согласиться. День свадьбы насталъ въ другой разъ.

Адольтъ провелъ у Жоржа предшествовавшую ночь, ночь безсонную, печальную. Адольтъ былъ отягощенъ признательностью, Жоржъ самоотверженіемъ; время отъ времени они бросали другъ на друга грустные взоры; оба думали о Софьѣ, Жоржъ съ безмолвнымъ сожалѣніемъ, Адольтъ съ сладостнымъ біеніемъ сердца. На разсвѣтъ, Жоржъ раскрылъ свое бѣдное сердце, признался въ своей любви Адольту, увѣрилъ его, что умираетъ не съ сожалѣніемъ, а съ радостью, и просилъ друга придти къ нему прямо изъ церкви съ женой. Адольтъ общалъ и увидѣвшись съ Софьей, сообщилъ ей о послѣднемъ желаніи умирающаго.

Въ ту минуту какъ Софья влечла свое бѣлое вѣнчалное платье въ залу мѣра, Жоржъ испустилъ послѣдній вздохъ, падъясь на небесахъ получить награду за доброе дѣло. Слухъ о его смерти вдругъ распространился въ городѣ, и мадамъ де-Лаверны узнала это грустное извѣстіе въ то самое время, когда перъ спрашивала у ней, кланется ли она любить и повиноваться Адольту Дюкло. Обезумивъ отъ горести или, чтобы утѣшить улетѣвшую душу, она отвѣчала *нѣтъ*, слабымъ но твердымъ голосомъ.

Этотъ отвѣтъ странно удивилъ присутствующихъ. Баронъ кинулъ такой гнѣвный взглядъ на дочь, что она задрожала. Адольту, обманутому свѣтлѣмъ, послышалось *да*, и онъ удивился изумленному виду собранія. Мертъ, думая, что не такъ выразился, спросилъ спяща невесту соглашается ли она быть женой Адольта Дюкло. Въ этотъ разъ она отвѣчала *да*, сама не зная съ какими отчаяннымъ чувствомъ грусти презентала это слово, которое на свѣцѣ произнесла бы съ радостью.

Выйдя изъ церкви она склонилась къ Адольту и наклонилась, что общалъ онъ Жоржу.

Адольтъ грустно улыбнулся.

— Развѣ вы забыли, сказалъ онъ, Жоржъ умеръ.

Софью ужасно поразилъ эти слова; въ первый разъ пришло ей въ голову, что любовники ея человекъ обыкновенный. Въ он

глазахъ слѣпо повиноваться послѣднему желанію Жоржа, поблагодарить его какъ будто бы онъ былъ живъ, было дѣломъ благороднымъ; она надѣялась успокоить этимъ его страдающую душу.

Мадмоазель де - Лаверьянъ вдругъ увидѣла какъ исчезаютъ и очаровательныя мечты, и не смѣла признаться, откуда произошла эта перемена въ ея душѣ, отчего воздушныя замки разрушились; она все еще любила Адольфа, но между ею и нимъ скопился тѣнь; взглядъ полный горести и страсти взволновалъ ее навсегда. Къ тому же бракъ осквернилъ поэзію первой любви; у Адольфа небыло уже лучезарныхъ чертъ любовника, между тѣмъ какъ образъ Жоржа являлся ей сквозь синеватый туманъ прошедшаго, подъ блестящимъ вѣнцомъ мученика любви, въ торжественной позіи смерти. Адольфъ часто замѣчалъ, какъ она старалась скрывать грусть и слезы; напрасно пытался онъ узнать причину этой горести, дѣла всегда во-время его отыскали.

Проходили дни, мѣсяцы, годы, а время не изглаживало изъ сердца Софьи страдающій образъ Жоржа. Материнская любовь была единственнымъ ея убѣжищемъ отъ неодолимой склонности къ тѣни мертвеца. Дѣти являютъ всегда кстатъ, чтобы потушить въ груди матери пламенные воспоминанія и огненныя мечты, которыя ведутъ къ дурному привлекательнымъ путемъ. Однажды Софья поклялась именемъ неба и ребенка, изгнать навсегда неприятельную мысль о Жоржѣ. Отправлялась каждый вечеръ въ замокъ разсказывать отцу о достопамятныхъ происшествіяхъ въ конторѣ мужа, Софья проходила передъ кладбищемъ и дрожа бросала взглядъ на камень, покрывавшій прахъ Жоржа: эта прогулка была ей сладостна какъ любовная встрѣча, какъ свиданіе съ мертвецомъ.

Въ день клятвы она захотѣла въ послѣдній разъ взглянуть на любимую могилу. Это было вечеромъ, шумъ стихалъ, вѣтеръ, сгибая высокую траву, стоналъ въ разбросанныхъ квахъ; солнце бросало прощальный взглядъ, взглядъ полный любви и печали, взглядъ, который блуждающая душа Жоржа навѣрно одобрила. Она любила этотъ нечувствительный камень, котораго видъ былъ ей такъ сладостенъ, какъ вдовѣ моряка отдаленный видъ корабля; при мысли навсегда отъвертнуть отъ него взоръ, облако ослѣпило ее, она зашаталась и чувствовала, что терлеть то, что любила больше всего на свѣтѣ. Солнце исчезло за облаками горизонта, она прошла мимо и все кончилось. Дойдя до берегу рѣки она почувствовала сильное желаніе оборотиться и

посмотрѣть въ *последній* разъ на кладбище; но въ эту минуту дочь ея, бѣжавшая впередъ, протянула ей ручонки, подозвала ее улыбкой и мать воспротивилась желанію любовницы; Софья бросилась къ дочери и съ тѣхъ поръ была вѣрна клятвѣ; одному Богу извѣстно, какую борьбу выдерживала она; но головка дочери ея напоминала нѣсколько Жоржа и это служило ей какъ бы воспоминаемъ о потерянномъ любовникѣ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Adrienne Lecouvreur*, *Адриенна Лекуврёръ*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, господъ Скриба и Легувѣ.

Изъ четырехъ или пяти первоклассныхъ исполнительницъ французской классической драмы, — мы не считаемъ дѣвнцы Рашели, нашей современницы, — ни одна не оставила по себѣ такой живой памяти, своимъ талантомъ и бурною жизнью, какъ Адриенна Лекуврёръ. Она родилась въ 1690 году, и была дочь шляпнаго мастера; съ самыхъ юныхъ лѣтъ оказала непреодолимую склонность и большія способности къ драматическому поприщу, играла нѣсколько лѣтъ на провинціальныхъ театрахъ, и наконецъ, въ 1717 году, дебютировала на французскомъ театрѣ въ Парижѣ съ такимъ усцѣхомъ, что затмила славу и возбудила зависть и вражду дѣвнцы Дюклд, которая до тѣхъ поръ безраздѣльно властвовала надъ сердцами публики. Въ числѣ самыхъ ревностныхъ обожателей ея дарованія и красоты были — Вольтеръ и знаменитый маршалъ де-Саксъ. Для послѣдняго она пожертвовала даже своимъ брилліантамъ, чтобы доставить ему сорокъ тысячъ франковъ, въ которыхъ онъ нуждался для возвращенія курляндскаго престола. Походъ неудался, а по возвращеніи изъ него маршалъ узналъ, что его возлюбленная ему измѣнила; ему случайно попалась записка, въ которой преемникъ его въ сердцѣ Адриенны стоваривался съ нею о средствахъ продолжать свои свиданія до возвращенія его. Маршалъ тотчасъ отправляется къ своему сопернику, приглашаетъ его на объясненіе и, къ крайнему его изумленію, везетъ его прямо къ измѣнницѣ: «Вы не знали какое средство придумать, чтобы видѣться съ этимъ господиномъ, говорить онъ ей: я хотѣлъ избавить васъ отъ труда ломать себѣ голову, и привезъ его самъ; побѣжденный долженъ возложить вѣнецъ на побѣдителя.» Вѣроломная бросилась въ слезы, стоны, угубренія въ своей любви и вѣрности, отчаяніе; но герцогъ оставилъ ее и успокоилъ обещаніемъ остаться до самой смерти самымъ вѣрнымъ ея другомъ. И онъ сдержалъ слово. Но Адриенна

не долго пережила это происшествіе: она умерла скоропостижно въ 1730 году, и общее мнѣніе приписало ея смерть герцогинѣ де-Буадеръ, которая имѣла притязанія на сердце маршала де-Сакса и не могла простить артисткѣ предпочтеніе, которое ей оказывалъ.

Господа Скрибъ и Легувѣ воспользовались этими немногими данными, переначиная ихъ по-своему и составили очень занимательную драму, которой главное достоинство то, что въ ней нѣтъ тѣхъ трескучихъ эффектовъ, безъ которыхъ не обходится почти ни одна новая драма. Вотъ ея содержаніе:

Маршаль де-Саксъ, только-что возвратившійся изъ курляндскаго похода, является къ герцогинѣ Буадовской: «Откуда взяли вы розовый букетъ, что приколотъ у васъ къ самому сердцу?» спрашиваетъ герцогиня. Маршаль отвѣчаетъ, что купилъ его у цѣточницы; но смущеніе его доказываетъ, что букетъ не купленный, и что онъ уже не любитъ герцогиню. Это не можетъ скрыться отъ ея зоркихъ глазъ, и она рѣшается, во что бы то ни стало, узнать имя своей соперницы. Назначивъ шестерному свиданію у антресои Дюклѣ, которая предава ей душою, несмотря на то, что она любовница ея мужа, герцогиня обращается къ аббату Менгалъюру, являющемуся въ ней каждое утро передать всѣ герцогскія вѣсти и получить ея приказанія.—«Любезный аббатъ, вы любите меня, я это знаю, но вы не смѣете признаться; надѣйтесь, если успѣшно исполните мое порученіе.» И аббатъ, въ восторгѣ, пускается на развѣдываніе. У солдатскаго приморудна маршала не трудно выманить его тайну; онъ самъ беретъ женатка аббату свою новую возлюбленную, и зоветъ его въ свое французскаго театра.

Адриенна должна играть въ первый разъ Федру. Вся парижская знать собралась въ театрѣ; но Адриенна никого не видитъ, ни о комъ не думаетъ, кромѣ молодаго лейтенанта, который служитъ у маршала де-Сакса; она видѣла его утромъ, послала ему букетъ розъ, и надѣется опять увидѣть его вечеромъ. Дюклѣ съдается отъ усабѣху своей соперницы; но Адриеннѣ не до того: она получила записку отъ своего возлюбленнаго, въ которой она читаетъ ея, что не можетъ быть на назначенномъ свиданіи. Между-тѣмъ собирается гроза надъ головами влюбленныхъ. Добрая пріятельница Дюклѣ навѣстила герцога Буадовскаго, что она назначила свиданіе маршалу; герцогъ хочетъ увлечь вѣтрянку и для большаго эффекта созываетъ къ ней на ужинъ весь французскій театръ. Адриенна также принимаетъ приглашеніе, чтобы ат-

дѣтъ маршала и выпросить у него повышение своему возлюбленному.

Герцогиня Булонская цѣлый часъ ждетъ маршала въ дождѣ Дюклѣ. Она уже хочетъ съ досады ѣхать домой, когда тотъ входитъ, и лицо герцогини мгновенно проясняется; но не на долго, потому что прямодушному де-Саксу несносно это двусмысленное положеніе и онъ на прямикъ открываетъ ей, что ея уже не любить, и что любить другую. «Кого же? кого же?» кричитъ оскорбленная герцогиня. Но въ это мгновеніе раздается суматоха, шумъ: самъ герцогъ пріѣхалъ убѣдиться въ измѣнѣ мадам-зель Дюклѣ, и жена его только-что успѣваетъ выбѣжать въ потаенную дверь. Маршалъ объясняется съ герцогомъ, убѣждаетъ его въ ложности изведеннаго на него обвиненія; остается ему только выпроводить герцогиню. Кому поручить это какъ не Адриеннѣ, которая очень кстати прѣшла въ это время, чтобы узнать имя своего таинственнаго возлюбленнаго и выручить его изъ затрудненія; одного его слова достаточно, чтобы увѣрить ее, что не любовь, а политическіе виды были поводомъ свиданія. Она выводитъ его и выводитъ герцогиню.

Но герцогиня не оставитъ безъ наказанія оскорбленіе и нѣмцу; голосъ сердца говоритъ ей, что выведшая ея изъ опасности женщина, которой она не могла рассмотреть въ темнотѣ, но которой голосъ ей показался знакомъ, должна быть ея соперница. Она клянется отыскать ее и отомстить обонимъ. Судьба благоприятствуетъ ей: по ея провсканъ вексель маршала, въ семьдесятъ тысячъ франковъ, представляется ко взысканію, и ему приходится бы просидѣть въ тюрьмѣ, если бы Адриенна не пожертвовала всѣми своими брилліантами и серебромъ на выкупъ векселя. Адриенна знаетъ кто виновница этихъ козней и пользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы наказать ее. Она приглашена на вечеръ къ герцогу Булонскому; герцогиня, которая по тайному предчувствію ненавидитъ ее, безпрестанно сыплетъ Адриенну колкостями. Артистка, по просьбѣ гостей, декламируетъ тирады изъ своихъ ролей, и вдругъ, обративъ взоры, полные негодованія и презрѣнія на герцогиню и указывая на нее, говоритъ громовымъ голосомъ:

«Je sais mes perfidies,

Oenone, et ne suis pas de ces femmes hardies,

Qui, goûtant dans le crime une tranquille paix,

Ont su se faire un front qui ne rougit jamais.»

Тутъ только герцогиня вспоминаеть, что это тотъ же самый голось, который она слышала у мадоазель Дюкло. Теперь дерзкая актриса не уйдетъ отъ ея мести.

И въ самомъ дѣлѣ, вотъ Адриенна въ своемъ будуарѣ, горюеть объ измѣнѣ де-Сакса, который опять у ногъ своей прежней возлюбленной. Несчастной приносятъ коробочку: она открываетъ ее и видитъ тотъ самый букетъ, который она послала ему въ первый день ихъ знакомства. Она цѣлуетъ и прижимаетъ къ груди этотъ залогъ обманутой любви.... въ это мгновеніе вбѣгаетъ де-Саксъ; онъ узналъ, что не герцогиня его спасательница, а Адриенна, и онъ любитъ ее болѣе чѣмъ когда-либо.... но де Саксъ поспѣлъ только, чтобы быть свидѣтелемъ ея страданій и смерти. Букетъ былъ отравленъ; месть герцогини Буловской совершилась.

2. *Le bouquet de violettes, Букетъ фіялокъ*, комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, господъ Дюмануара и Деннері.

Было время, когда нѣкоторые люди пресерьёзно увѣрили, что Бартольдъ Шварцъ, Гуттенбергъ и Шварцъ заслуживали едва ли не каторги: первый за изобрѣтеніе новаго средства истреблять людей, а послѣдніе за то, что доставили средство размножать плохія кивги. Чего же послѣ этого заслуживаетъ изобрѣтатель хлороформу? О! этотъ хлороформъ столько уже надѣлалъ бѣдъ, и сколько ихъ еще надѣлаеть впредь! Не говоря даже о тѣхъ несчастныхъ, которые, благодаря хлороформу, засыпали о двухъ ногахъ, а просыпались объ одной; не говоря о томъ врачѣ, который, поѣхавъ по ухабистой дорогѣ навѣстить больного, запасся стклянкою хлороформу, разбилъ ее и заснулъ вмѣстѣ съ кучеромъ и съ лошадыи; не говоря о вытасненныхъ изъ кармановъ платкахъ, часахъ и деньгахъ, и другихъ мошенничествахъ, совершенныхъ съ помощью этой предательской жидкости; и о тысячѣ другихъ болѣе или менѣе неприятныхъ шуткахъ, сыгранныхъ имъ надъ бѣднымъ человѣчествомъ: сколько уже онъ породилъ глупыхъ водевилей и нелѣпыхъ комедій? не доставало для довершенія всѣхъ его злодѣйствъ нелѣпой и отвратительной мелодрамы: и вотъ господа Дюмануаръ и Деннері пополнили этотъ недостатокъ. Берегитесь, господа, этой адской жидкости! Вотъ, послушайте, какіе ужасы рассказываютъ о ней авторы «Букета фіялокъ»:

Мосьё Роланъ, отчаянный волокита, негодяй и ужасный скептикъ насчетъ добродѣтели прекраснаго полу и дивныхъ свойствъ хлороформу, присоединяеть еще къ этимъ достоинствамъ охоту

прихвастнуть небывалыми побѣдами надъ женскими сердцами. Эта слабость навлекла ему публичное оскорбленіе отъ мадмоазель Клотильды, насчетъ которой онъ позволилъ себѣ нѣкоторые нескромныя рѣчи, и съ-тѣхъ-поръ день и ночь придумываетъ средство отплатить ей. Опыты его пріятеля-врача поколебали его невѣріе въ силу хлороформа, и онъ рѣшается самъ испытать ее. Зная страсть мадмоазель Клотильды къ фіялкамъ, онъ кладетъ напѣтанный хлороформомъ букетъ въ уединенную бесѣдку, гдѣ она проводитъ почти всѣ вечера, и самъ ждетъ, чтобы воспользоваться ею своимъ. Но едва онъ входитъ въ павильонъ, гдѣ Клотильда лежитъ погруженная въ крѣпкій сонъ, какъ подвѣсивъ нечаянно платокъ къ носу, онъ самъ погружается въ такую же летаргію; эту шутку сыгралъ докторъ, который держалъ съ нимъ когда-то пари, что усыпить его хлороформомъ и отрѣжетъ ему усы. Шутка, впрочемъ, пришлась очень кстати, потому что она спасаетъ мосьё Ролана отъ поступка, заслуживающаго каторги. Въ это же время вокругъ павильона бродитъ пріятель Ролана, мосьё Жюль, и ждетъ мадмоазель Луизы, которая назначила ему свиданіе. Войдя въ павильонъ онъ принимаетъ Клотильду за Луизу и клянется, что Роланъ не будетъ болѣе называть его «мокрою курицею» и не будетъ трунить надъ нимъ за то, что онъ не умѣетъ пользоваться женскими обмороками.

Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого событія. Роланъ отростилъ себѣ новые усы, и уже не шутитъ хлороформомъ. Но мосьё Жюль сталъ грустенъ и угрюмъ; совѣсть преслѣдуетъ его; любовь его къ Луизѣ была преходящею прихотью, и теперь онъ разлюбилъ ее и любитъ Клотильду, а между-тѣмъ думаетъ, что долгъ благороднаго человѣка повелѣваетъ заглядить свою вину передъ Луизою. Къ-счастью объясненіе съ нею убѣждаетъ его, что не она была жертвою легкомысленнаго поступка его, и что онъ ничѣмъ не виноватъ передъ нею. Онъ спѣшитъ предложить руку Клотильдѣ, и — новое горе! — находитъ ее сумасшедшею и съ младенцемъ на рукахъ. Онъ и не подозреваетъ, кто виновникъ всѣхъ этихъ бѣдъ, пока отвращеніе несчастной отъ фіялокъ, которыя она прежде такъ любила, не навело его на путь истины. Изъ отвѣтовъ Клотильды онъ убѣждается, что передъ нею онъ виноватъ и передъ нею долженъ заглядить свою вину. Онъ бросается къ ея ногамъ и умоляетъ о прощеніи; радость производитъ счастливый кризисъ въ больной и возвращаетъ ей разсудокъ.

Къ этому очерку, въ которомъ мы принуждены были оставить въ сторонѣ многія подробности, приседемъ только, что даже самыя свисходительныя зрители приходили въ негодование отъ непростойности въ некоторыхъ сценахъ и положеній.

3. *Garde à vue, Подъ личнымъ надзоромъ*, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, господъ Байра и Бьевилъ.

Господинъ Байръ не отличился на этотъ разъ своею обычною замысловатостью; водевиль его порядкомъ избитъ и пошлъ.

Дѣйствіе происходитъ по смерти Людовика-Четырнадцатаго, парламентъ избираетъ правителя малолѣтнему Людовику-Пятнадцатому; два лица домогаются этой почести, герцогъ Орлеанскій и герцогъ Менекій, побочный сынъ покойнаго короля. За несдѣланаго сильно интригуетъ его жена, въ жилахъ которой ще даромъ течетъ безпокойная кровь прищевъ Конде; однакоже герцогъ Орлеанскій гораздо сильнѣе своего соперника, и просто велитъ арестовать герцога Менскаго и его неукротимую супругу, и держать ихъ подъ строгимъ присмотромъ во все время избранія. Герцогъ Менекій смиренно покоряется своей судьбѣ, но герцогиня бѣсится, противится, и, убѣдившись наконецъ, что сила не беретъ, рѣшается провести своего аргуса, капитана Дансени, выдавъ за себя свою фрейлину, мадмовзель Луизу де-Ланьи. Но Дансени не такой простакъ; онъ не долго дается въ обманъ, и ведетъ свои дѣла такъ ловко, что не только не выпускаетъ изъ рукъ вѣрившей ему узницы, но еще полонитъ сердце прекрасной ея сообщницы. Наконецъ избраніе регента рѣшено; герцогиня Менская освобождается и благословляетъ бракъ капитана съ мадмовзель де Ланьи, которая при этомъ даетъ отставку старому подагрику, имѣвшему виды на ея сердце и руку.

4. *Vendredi, Пятница*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, господина Бумарди.

Бонами служить кассиромъ у банкира. Онъ человекъ честный, добрый, прочный, словомъ — прекрасный человекъ; одно только въ немъ нехорошо: онъ имѣетъ бедную предрасудковъ, и вѣрить во всемъ примѣтамъ; никогда не садеть онъ за столъ, когда ножи случайно положены на крестъ; если просыплется соль, онъ дрожать во всемъ тѣломъ; когда къ обѣду сойдется тринадцать человѣкъ, онъ едва не падаетъ въ обморокъ; за то онъ кладъ для догидимыхъ Парижанъ, у которыхъ на дверяхъ красуется надпись: «N. N., четырнадцатый.» Онъ убѣжденъ также, что пят-

лица тяжелый день, и что все, что ни будетъ предпринято въ этотъ день, должно кончиться неудачей. Однажды только разъ въ жизни онъ рѣшился на важное дѣло въ пятницу, и какъ парочко, оно едва не кончилось несчастіемъ. Но какъ тутъ было перѣшиться. Бонами получилъ письмо, въ которомъ его извѣщали, что крестникъ его, Андре, получилъ огромное наследство. Бонами безъ ума отъ своего крестника, а крестнику нужно шесть тысячъ франковъ, чтобы купить домъ, безъ чего банкиръ не хочетъ отдать за него своей дочери. Счастіе крестника превозмогаетъ предвзвѣдѣнныя доброго старика; онъ беретъ шесть тысячъ франковъ изъ кассы. Но оказывается, что письмо было подослано шалуномъ кавторщикомъ, который хотѣлъ подшутить надъ его слабостью. Бонами въ отчаяніи; чѣмъ пополнить онъ деньги, взятыя изъ чужой кассы? Однако же судьба складывается надъ нимъ; домъ продается съ барышемъ, а въ пять минутъ по полудню, слѣдовательно уже въ субботу, приходитъ другое письмо, изъ котораго онъ узнаетъ, что крестнику его дѣйствительно досталось богатое наследство, и что онъ можетъ купить другой домъ, гораздо цѣннѣе прежняго, и женится на своей возлюбленной.

Пьеса не очень затѣйлива, но въ ней много остроумія и забавныхъ сценъ. Можно ли болѣе требовать отъ господина Бушарда, который доселѣ подвизался только на оперищѣ Пиксернуровскихъ и Дюканжевскихъ трескучихъ, кровавыхъ мелодрамъ, и нынѣ въ первый разъ выступаетъ на оперищѣ водевилей?

5. Е. Н., водевилъ, господь Сиродена и Делакура.

Мосьё Бокѣ несчастный человѣкъ; представьте себѣ, что дочь его была помолвлена за одного мосьё Еугѣне Нугененъ, и что наканунѣ свадьбы, женихъ отказался. Это бы еще не большая бѣда; потому что мамзель Бокѣ найдетъ себѣ жениха и прокъ его; но мосьё Бокѣ велѣлъ переимѣнить все столовое серебро и даже фарфоровую посуду литерами Е. Н. по имени своего будущаго зятя. Куда ему теперь дѣваться съ этими вещами? а вѣдь онѣ стоили двѣнадцать тысячъ франковъ. Вотъ онъ и шлетъ повсюду жениха своей дочери, котораго бы имя и фамилія начинались этими буквами. По справочнымъ книгамъ оказывается, что въ Парижѣ такихъ именъ триста-шестьдесятъ-девять, но изъ нихъ триста-шестьдесятъ-осемь женаты. Наконецъ Бокѣ столкнулся съ какимъ-то мосьё Еугѣне Ненриотъ, который даже оказалъ ему услугу; но едва онъ хотѣлъ схватить его за-

воротъ, и тащить къ себѣ въ будущіе зятя, какъ мосьё Eugène Henriot исчезъ, неизвѣстно куда. Есть еще одинъ человѣкъ, удовлетворяющій условію: это мосьё Emile Hachette, который содержится въ Клиши за долги. Мосьё Бокѣ выкупаетъ его и представляетъ дочери; но дочь не хочетъ о немъ и слышать, она сама выбрала себѣ жениха, мосьё Eugène Henriot. Что же говорить заботливый батюшка, Eugène Henriot — Е. Н.; пожалуй. Но по справкѣ оказывается, что избранный женихъ пишетъ свою фамилію не Henriot, а Angiot. Опять прежнее затрудненіе, которое оканчивается только, когда дочь объясняетъ ему, что мосьё Eugène Huguenin купилъ бѣлье, помѣченное его именемъ, а серебро куплено республикою и перелито въ деньги. Остается одна фарфоровая посуда, но и ту ловкая служанка роиляетъ и разбиваетъ въ дребезги. Затѣмъ мосьё Бокѣ предоставляетъ дочери выбирать жениха, какъ она хочетъ, но даетъ слово не мѣшать ни бѣлья, ни серебра до тѣхъ поръ, пока она не будетъ обвѣчана.

6. Le comte de Sainte-Hélène, *Графъ де-Сентъ-Эленъ*, драма въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ, господъ Шарля Денюэ и Ню.

Еще драма! еще драма трескучая, злодѣйская, заимствованная изъ судебнo-уголовной газеты. Это цѣлая исторія подвиговъ знаменитаго пройдохи, который былъ осужденъ на каторгу за воровство и взломъ замковъ, бѣжалъ съ галеръ, добылъ себѣ паспортъ убитаго въ сраженіи графа де-Сентъ-Элена, нѣсколько лѣтъ жилъ подъ его именемъ, двумъ былъ почетнымъ полковникомъ, а ночью рыскалъ по парижскимъ улицамъ съ шапкою воровъ и разбойниковъ, пока наконецъ, одинъ отпущенный каторжиякъ не призналъ его своимъ галернымъ товарищемъ и не выдалъ. Сосланный опять на каторгу въ Рошфоръ, пройдоха до самой смерти утверждалъ, что онъ точно графъ де Сентъ-Эленъ, и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на своихъ товарищей, какъ оскорбленный дворянинъ и жертва ошибки суда.

музыкальныя новости Наконецъ въ Парижѣ, къ удовольствію нетерпѣливыхъ дилетантовъ, дано первое представленіе оперы Мейербера «Пророкъ». Успѣхъ ея былъ блистательный, тѣмъ болѣе, что Мейерберу не легко было оправдать тотъ идеалъ, который каждый создавалъ себѣ заранѣе подъ вліяніемъ предидущихъ произведеній великаго композитора. Продолжительное и

тщательное разучиваніе этой оперы. возбуждало уже сильное любопытство, и публика, конечно, задавала себѣ вопросъ: что «Пророкъ» будетъ ли лучше или хуже «Гугенотовъ» и «Роберта»? При такихъ обстоятельствахъ новому произведенію Мейербера приходилось вступить въ состязаніе съ двумя его же старшими произведеніями. Изъ этой борьбы «Пророкъ» вышелъ счастливо: онъ оправдалъ славу гениальности Мейербера, не затмивъ славы «Гугенотовъ» и «Роберта». Эта новая опера представляетъ цѣлый музыкальный міръ, въ которомъ преобладаетъ величественное спокойствіе, полное внутренняго драматизма. Послѣ Глюка, безъ сомнѣнія, самый драматическій композиторъ — Мейерберъ. Ни въ чемъ его гевій не выказывается въ такой степени какъ въ выраженіи бурныхъ страстей, сильныхъ порывовъ души и борьбы самыхъ разнообразныхъ чувствъ. Чѣмъ болѣе драматическаго въ дѣйствіи, тѣмъ съ болѣею энергіею воспламеняется его гевій. Мейерберъ превосходно понимаетъ сценическое искусство, и настоящее для него поприще, это — театръ. Въ симфоніяхъ, ораторіяхъ и вообще въ комнатной музыкѣ у него найдутся достойные соперники, но едва ли кто нибудь превзошелъ Мейербера въ характерности стиля и въ искусствѣ найти ноту, способную лучше другихъ выразить ту или другую страсть.

Вотъ содержаніе «Пророка»:

Въ первомъ дѣйствіи представляется зрителямъ перспектива деревни на берегахъ Мааса, въ окрестностяхъ Дортрехта. Послѣ веселой пѣсни мельниковъ слышится голосъ Берты, молодой поселанки, невѣсты Жана, трактирщика въ Лейденѣ, который спасъ ей жизнь, вытащивъ изъ волнъ Мааса. Бертѣ посѣщаетъ Фидесъ, мать Жана, съ тѣмъ, чтобы взять ее съ собою въ Лейденъ; но этого нельзя сдѣлать безъ позволенія Обертала, владѣтеля этого селенія. Фидесъ и Берта уже готовы идти въ замокъ, но въ это время раздается мрачная пѣснь выходящихъ на сцену трехъ анабаптистовъ: Іоанаса, Захарію и Матизена. Эти фанатики ходятъ изъ деревни въ деревню, и всюду проповѣдуютъ свою ересь и разбой. Крестьяне присоединяются къ нимъ и, прельщенные надеждою добычи, готовятся къ грабежу. Затѣмъ выходитъ изъ своего замка графъ Оберталь. Крестьяне почтительно его привѣтствуютъ. Въ одномъ изъ трехъ анабаптистовъ онъ узнаетъ своего ключника, прогнаннаго имъ за пьянство. Онъ приказываетъ наказать этихъ незваныхъ гостей и прогнать. Фидесъ и Берта просятъ у Обертала дозволенія на бракъ послѣдней съ Жаномъ. Къ несчастію Берта понравилась Оберталу; онъ, отказавъ

въ просьбѣ, приказываетъ отвести ее въ свой замокъ. Въ эту минуту вновь раздается пѣніе анабаптистовъ, мрачное и грозное какъ будущее ищеніе. Во второмъ дѣйствіи праздникъ въ гостиницѣ Жана, въ Лейденѣ. За особымъ столомъ сидятъ Іоансъ, Захарія и Матизенъ. Они смотрятъ съ напряженнымъ вниманіемъ на Жана и находятъ въ немъ разительное сходство съ статуею пророка Давида, находящеюся въ мюнстерскомъ соборѣ. Они считаютъ это полезнымъ для своихъ преступныхъ намереній и потому заводятъ разговоръ съ Жаномъ, который рассказываетъ имъ свой странный сонъ. Фанатики толкуютъ сновидѣніе и предсказываютъ Жану блестящую участь. Но онъ не вѣритъ, тѣмъ болѣе что ему предстоитъ счастливый бракъ съ Бертою, которая въ это мгновеніе сбѣгаетъ въ гостиницу и проситъ защиты противъ преслѣдующихъ ее служителей Оберталя. Едва Жанъ успѣлъ скрыть ее, какъ воины приводятъ Фидесъ и требуютъ выдачи Берты, грозя въ противномъ случаѣ убить мать Жана. Жанъ, послѣ краткой борьбы сыновней любви съ любовью къ невѣстѣ, выдаетъ Берту. Въ отчаяніи онъ не отвѣчаетъ на ласки и благословенія матери; онъ думаетъ только о ищеніи. Между тѣмъ опять раздается та же пѣсня анабаптистовъ, которые какъ духи-искусители скитаются около дома. Они общаются ему страшное ищеніе, если только онъ согласится быть орудіемъ ихъ замысловъ. Жанъ соглашается; съ этого дня онъ отрекся отъ міра и отъ матери и принадлежитъ дѣлу фанатиковъ. Въ главѣ анабаптистовъ онъ нападаетъ на замки и города, грабитъ монастыри и одерживаетъ побѣду за побѣдою. Въ третьемъ дѣйствіи представляется лагерь анабаптистовъ, близъ Мюнстера, на берегу замерзшаго озера, окаймленнаго лѣсомъ. Дѣйствіе начинается энергическимъ и грознымъ хоромъ анабаптистовъ, собирающихся убить плѣнниковъ, но Матизенъ останавливаетъ ихъ, въ надеждѣ богатаго выкупа. Потомъ въ лагерьъ начинается праздникъ. Эта земная картина превосходна и чрезвычайно оригинальна: толпа молодыхъ поселянъ и поселянокъ на ковчѣкахъ скользятъ по льду, извиваются и кружатся подъ звуки прелестнаго мелодическаго вальса. Затѣмъ приводятъ новаго плѣнника, передѣлаго Оберталя. Его принимаютъ въ общество и заставляютъ клясться въ вѣрности. Одно обстоятельство смущаетъ плѣнника: онъ долженъ на библіи дать клятву — убить стараго Оберталя (своего отца), губернатора города Мюнстера, а также и сына его, молодого Оберталя (самого себя). Оберталя узнаетъ Іоансъ и онъ да волю отъ смерти. Появленіе пророка (Жана), одѣтаго въ

Блестящія доспѣхи и дивное бѣлое платье, останавливаетъ убійство. Жанъ, узнавъ отъ Оберталя что Берта въ Мюнстеръ, немедленно отправляется на приступъ къ этому городу. Въ четвертомъ дѣйствіи сцена представляетъ Мюнстеръ, уже взятый анабаптистами. У ратуши толпится народъ; всторонѣ, на камнѣ, сидитъ Фидесъ въ нищенскомъ рубищѣ и проситъ милостыни. Встрѣтя БERTY, въ одеждѣ пилигримки, онъ клянется отомстить пророку, котораго считаютъ убійцею, одна — сына, а другая — жена. Затѣмъ сцена перемѣняется и представляетъ соборъ, наполненный народомъ. Появляется торжественная процессія, въ которой первое мѣсто занимаетъ пророкъ. Онъ долженъ короноваться царемъ анабаптистовъ. Фидесъ узнаетъ въ немъ своего сына, и пока весь народъ стоитъ на колѣняхъ, она поднимается и невольно восклицаетъ: «Сынъ мой!» — «Если ты признаешь ее, то она погибнетъ!» говоритъ Иоанасъ на-ухо пророку.

Жанъ, холодно обращаясь къ матери, спрашиваетъ: «Что это за женщина!» Народъ въ недоумѣніи; анабаптисты грозятъ бѣдной женщиѣ княжалами. «Остановитесь!» говоритъ пророкъ: эта женщина безумная. Я вылетчу ее чудомъ.» Устремлявъ провинцальный и повелительный взглядъ на свою мать, онъ продолжаетъ: «Обнажите ваши мечи, и если эта женщина скажетъ еще разъ что я сынъ ея, то вотъ моя грудь: поразите меня, я не болѣе какъ обманщикъ!» Фидесъ поняла взглядъ и слова своего сына. Она поднимается и говоритъ: «Я васъ обманула, это не мой сынъ.» Сцена эта въ высшей степени эффектна и исполнена композиторомъ превосходно. Тысячи опасностей грозятъ пророку: Берта ищетъ его смерти; Захарія, Иоанасъ и Матисевъ замышляютъ выдать его императору, который приближается съ войскомъ къ Мюнстеру. Жанъ болѣе всего думаетъ о прощеніи своей матери, отведенной по его приказанію въ темницу. Онъ идетъ къ ней, кладетъ свой вѣнецъ у ея ногъ и молитъ о прощеніи. Въ это время входитъ Берта съ факеломъ въ рукѣ. Она знаетъ гдѣ хранится запасъ сѣры и селитры и хочетъ взорвать на воздухъ замокъ, чтобы отомстить пророку за смерть Жана. Узнавъ въ пророкѣ, главѣ анабаптистовъ, своего жениха, Берта въ ужасѣ застрѣливаетъ себя нижнимъ. Жанъ, удаливъ свою мать, идетъ къ себѣ во дворецъ. Онъ задумалъ погибнуть самъ и погубить всѣхъ измѣнившихъ ему. На эстрадѣ, покрытой драгоцѣнными коврами, украшенной золотыми вазами, въ кругу гостей и прелестныхъ женщинъ, онъ празднуетъ свое торжество. По давнему знаку двери запираются. Пиршественная зала напол-

няется дымомъ, стѣны и колонны рушатся, и все гибнетъ отъ ужаснаго взрыва.

Что касается до артистовъ, участвовавшихъ въ исполненіи этой оперы, то всё они вызывали громкіе аплодисменты. Господинъ Рождъ выполнилъ трудную роль пророка съ искусствомъ, которое превзошло ожиданія. Госпожа Виардъ Гарсія, въ роли Фидель, стяжала новую славу отличной драматической пѣвицы. Госпожа Кастелланъ была прекрасна въ роли Берты.

Опера эта поставлена на сцену чрезвычайно роскошно: декораций и костюмы великолѣпныя.

=

НОВЫЯ РУССКІЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ.

В. П. Пегаткина,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

(Цѣны на серебро.)

СОЧИНЕНІЯ ІАКОВА, епископа Нижегородскаго и Арзамаскаго. (Поучительныя слова вѣри). Три части. Москва, 1849 года. Цѣна 3 рубли, вѣсов. за четыре фунта.

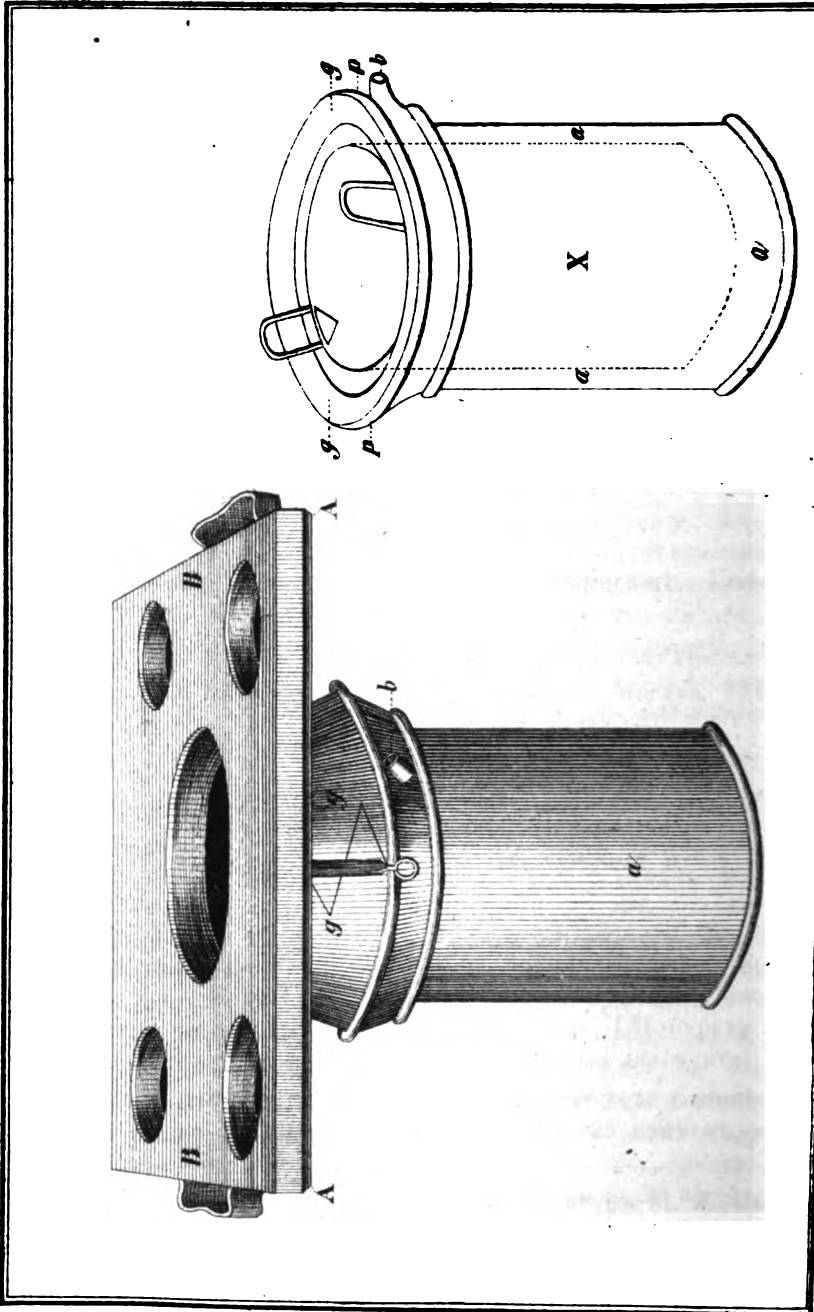
РУССКАЯ ФАУНА, или Описаніе и изображеніе животныхъ, водящихся въ имперіи Россійской. Составили Ю. Симашко и С. Марковъ. Тетрадь третья, съ рисунками. Сп.-бургъ, 1849 года. Цѣна 1 рубль, съ пересылкою 1 рубль 25 копѣекъ.

ИСТОРИЯ ВОЕННАГО ИСКУССТВА в замѣчательнѣйшихъ походовъ отъ начала воннъ до настоящаго времени. Сочиненіе Генеральнаго Штаба полковника М. И. Богдановича. Часть первая, съ картами и планами. Сп.-бургъ, 1849 года. Цѣна 1 рубль 75 копѣекъ, вѣсов. за два фунта.

КОЛОКОЛЬЧИКЪ. Книга для чтенія въ пріютахъ. Сочиненіе А. Ишимовой. Сп.-бургъ, 1849 года. Цѣна 25 копѣекъ, вѣсов. за одинъ фунтъ.

ЕРАЛАШЪ на 1849 годъ. Альбомъ каррикатуръ М. Л. Неваховича. Четыре тетради въ годъ. Цѣна 6 рублей, съ пересылкою 7 рублей; первая тетрадь выдается на остальныхъ билеты.

СПОСОБЪ ИЗВЛЕКАТЬ СОКИ ИЗЪ РАСТЕНІЙ, ПРИГOTOВЛЯТЬ ЦѢЛЕБНЫЯ ПЕРЕГНАННЫЯ ВОДЫ, БЛАГОВОННЫЯ МАСЛА И СЛАДКІЕ СИРОПЫ ИЗЪ ОБЫКНОВЕННЫХЪ ДОМАШНИХЪ ПРОИЗРАСТЕНІЙ. Химики знаютъ, или по крайней мѣрѣ имѣютъ должное понятіе: какими образомъ получаютъ изъ растеній кислоты, камединныя, слизистыя, красящія, масляныя, клейкія, сахарныя и прочія части, необходимыя для нашего употребленія по превосходнымъ своимъ лекарственнымъ силамъ и пользѣ, въ отношеніи къ обществу. Но не всё мы химики. Слѣдовательно, для общей пользы, мы отберемъ читателямъ самыя простыя и легкія способы приготовить цѣлебныя перегнанныя воды, благовонныя масла и сладкіе сиропы изъ обыкновенныхъ домашнихъ растеній.

1. Приготовление перегнанныхъ водъ.

Должно наполнить до половинны свѣжими пахучими растеніями хорошо вылуженный мѣдный кубъ, или стеклянную колбу, налить двѣ трети его чистою водою, наложить шлемъ съ змѣеобразною трубкою, всё смычки оклеить бумагою и приставить приемникъ; потомъ провести трубку сквозь сосудъ съ холодною водою и перегонять въ песчаной банѣ при умеренной теплотѣ до тѣхъ поръ, пока переходящая въ приемникъ вода будетъ имѣть запахъ. Этимъ способомъ мы получимъ цѣлительную воду, содержащую въ раствореніи довольное количество эфирнаго масла и благовоннаго запаха, и которая называется по имени того растенія, чрезъ которое перегонялось; напримѣръ, розовою, майоранною, желтесоною, лавандною, ландышевою, ромашковою, жасминою, полевойю, жасминою и такъ далѣе; если же вмѣсто воды употребимъ горячее вино, или винный спиртъ, то въ первомъ случаѣ получимъ перегонкою прекрасную водку, а во вто-

ромъ благовонный спиртъ, со всѣми свойствами взятыхъ растений.

II. Приготовление благовонныхъ маселъ.

Изъ всѣхъ частей благовонныхъ растений, какъ-то: листьевъ, корокъ, деревъ, цвѣтовъ, плодовъ и имѣющихъ жгучій и острый вкусъ, можно получить эфирное масло.

Для этого должно взять душистыхъ растений, высушить ихъ съ осторожностью въ тѣнѣ въ мѣстѣ, положить въ перегоновый приборъ и наблюдать все то, что сказано при перегоновѣ водъ. Вообще всѣ воды, перегнанныя черезъ пахучія растения, содержатъ болѣе или менѣе эфирнаго масла, которое по окончаніи перегоновки мы и находимъ плавающимъ на поверхности воды. Масло отдѣляется отъ воды хлопчатую бумагою, серебряною ложкою, или, лучше всего, хлопчатую свѣтильную, сквозь которую просасываясь въ стеклянку, прикрѣпленную къ горлу приемника, масло очищается отъ всѣхъ нечистотъ. Полученныя такимъ способомъ масла называются по имени употребленныхъ растений, напримѣръ, *полынное, шалфейное, звездичное, коричневое, лимонное, мятное, анисовое, можжевельное, чебровое, кишинецовое* и прочія, и имѣютъ свойства растений.

Примѣчаніе. 1) Должно остерегаться, чтобъ эфирныя масла не принять за одно съ жирными; потому что жирныя имѣютъ со всѣми другія химическія свойства, и никогда не бываютъ въ цвѣтахъ, листьяхъ и коркахъ; а только въ сѣменахъ, въ соединеніи съ водяными и клейкими частями, и получаютъ обыкновенно посредствомъ выжиманія и варенія. Сюда принадлежатъ: *миндальное масло, лавровое, льняное, ореховое, какаовое, прованское, маковое* и прочія.

2) Пахучія растения, изъ которыхъ намѣревы извлечь эфирное масло, должно прежде перегоновки слегка высушить въ тѣни и непременно въ холодномъ мѣстѣ; потому что пахучія частицы изъ многихъ растений, даже при обыкновенной атмосферной теплотѣ, улетаютъ; потомъ, наливъ три части кипятку воды, закрыть плотно сосудъ и оставить въ этомъ положеніи на нѣсколько часовъ, съ осторожностью однако жъ, чтобы вода не пришла въ гнѣлость; иначе масло получить дурной запахъ.

3) Самыя твердыя части растений, содержащія большое количество эфирнаго масла, и не удобно его отпускающія, должно мелко изрубить или истереть пилою и настаивать въ горячей водѣ нѣсколько

дней; но чтобы удобнѣе размягчить ихъ и ослабить естественную связь между малѣйшими ихъ частицами, надобно прибавить нѣсколько поваренной соли; также полезно для отвращенія осѣданія масла на дно, растворять въ водѣ приемника немного поваренной соли.

4) При всѣхъ такого рода работахъ вообще должно стараться не приечь состава, иначе отъ этого не только уменьшаются и разрушаются цѣлебныя свойства и настоящія качества водъ, маселъ, взваровъ, экстрактовъ и прочее, но сверхъ-того еще получаютъ пригорѣлый вкусъ и непріятный запахъ, и тогда отъ употребленія ихъ болѣе должно ожидать вреда, нежели пользы.

5) Благовонныя воды и масла должно содержать въ холодныхъ погребахъ въ заткнутыхъ стеклянныхъ сосудахъ и предохранять отъ прикосновенія атмосфернаго воздуха; потому что они отъ этого разрѣшаются, то есть, масляныя частицы, вбирая въ себя кислотворное вещество изъ воздуха, превращаются въ густую смолу и отдѣляются; пахучій же духъ улетаетъ и потомъ остается простая вода, которая также удобно портится и окисляется.

III. Приготовление сладкихъ сироповъ изъ огородныхъ растений.

1) *Изъ тыквы:* нужно разрѣзать зрѣлыя тыквы и дать имъ нѣсколько времени полежать на солнцѣ, потомъ очистить верхнюю кожу и вынуть мякоть внутрення части; мякоть разрѣзать на куски и, положивъ въ котелъ, варить въ чистой водѣ до тѣхъ-поръ, пока они сдѣлаются совершенно мягкими; при чемъ должно остерегаться, чтобы тыква не пригорѣла. Горячій растворъ процѣдить сквозь тонкій холстъ и сваренный мякоть выжать въ такомъ же мѣшкѣ; послѣ чего выжатый сокъ, при непрерывномъ мѣшаніи, выпарить на легкомъ огнѣ до густоты сиропа. Такой сиропъ весьма сладокъ и вкусенъ, и можетъ-быть употребляемъ въ общежитіи вмѣсто сахара.

2) *Изъ пшеничнаго и ячменяго солода:* одну часть хорошаго солода надобно мелко истолочь и для отдѣленія почекъ и волокъ, простѣять сквозь сито; потомъ, наливъ на него довольное количество кипятку, мѣшать нѣсколько разъ и покрыть. Теплый растворъ процѣдить сквозь тонкій холстъ и варить въ котлѣ съ $\frac{1}{16}$ долею мелко истолченнаго угля; потомъ для отдѣленія этого порошка, вторично процѣдить сквозь двойную цѣдилку; процѣженную жидкость вскипятить и очистить ячменнымъ бѣлкомъ; послѣ этого еще процѣдить и выпарить на легкомъ огнѣ до гу-

этотъ сиропа. Этотъ сиропъ имѣетъ всѣ качества лучшаго сахарнаго сиропа.

3) *Изъ свеклы*: должно взять произвольное количество свѣтлой бѣлой свеклы или брюквы, очистить ее, можно потереть на жестяной теркѣ, и положить въ полотняный мѣшокъ, крѣпко выжимая. На остатокъ палить немного кипящей воды и вновь выжать. Полученный такимъ образомъ сокъ слить выветить и оставить въ comodное мѣсто на два дня, чтобы ненужныя части осѣдлались и осѣли на дно сосуда. Прозрачный сокъ осторожно слить, процѣдить и варить въ мѣдномъ вылуженномъ котлѣ; показывающуюся на поверхности мѣду снимать ложкою; потомъ очистить яснымъ бласкомъ, или бычьей кровью, процѣдить сквозь тонкій холстъ и выпарить до густоты сиропа. Этотъ сиропъ также хорошъ, какъ и предыдущіе; но будучи выпаренъ до суха, получаетъ свѣтлобурый цвѣтъ и почти ничѣмъ не отличается отъ сыраго сахара; чрезъ дальнѣйшее же раствореніе въ водѣ и охлажденіе принимаетъ кристаллическій видъ и не уступаетъ своею добротою обыкновенному рафинаду. Подобнымъ способомъ можно отдѣлять сахаръ — изъ моркови, красной свеклы, бѣлой капусты, пырейнаго корня, рѣпы и многихъ другихъ растений.

4) *Изъ папоротника*: возьмите произвольное количество корня папоротника, обмойте его водою, очистите отъ вѣшней корки и черныхъ пятенъ, потомъ сотрите на жестяной теркѣ, выжмите сокъ и это прожиманіе, подливая нѣсколько воды, продолжайте до тѣхъ чоръ, пока вытекающій сокъ не будетъ имѣть сладкаго вкуса; послѣ этого вскипятите растворъ въ котлѣ, процѣдите сквозь плотную суконку и выпарите до суха, или до густоты сиропа. Полученный такимъ способомъ сахаръ чрезвычайно скомъ съ надѣйскимъ песочнымъ сахаромъ.

Примѣчаніе. Химики доказали опытами, что сахаръ можно дѣлать изъ многихъ древесныхъ соковъ, какъ-то: березы, клена и прочее, при чемъ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: живущіе близъ лесовъ знаютъ, что если весной, сдѣлать скважину на березѣ, то вытекаетъ оттуда сладкій сокъ, называемый *березовкою*. И такъ, если соберемъ этого соку, вскипятимъ, и процѣдимъ сквозь тонкій холстъ, выпаримъ на логкомъ огнѣ до густоты; то получимъ превосходный сиропъ, который своею пріятностію и видомъ не уступаетъ самому частому сахарному сиропу.

Общее понятіе объ экстрактахъ.

Все то, что при помощи приличныхъ растворительныхъ средствъ, будучи извлечено изъ частей тѣла трудно растворимыхъ, отдѣляется отъ нихъ,—называется экстрактомъ (extract).

Слѣдовательно экстрактъ, взятый въ смыслѣ аптекарскомъ, есть ничто иное, какъ *растворяемая части растений и животныя, которыя, будучи отдѣлены отъ прочихъ мокрѣмъ путемъ, представляются въ сгущенномъ видѣ*. Цѣль, съ которою приготовляются экстракты, для врачебнаго употребленія, состоитъ въ томъ, чтобы существенныя частицы ихъ оказывали большія лекарственныя силы въ малыхъ приемахъ; или чтобы растворенныя уже, дѣйствовали на слабое тѣло, у котораго силы недостаточны для разрушенія и извлеченія изъ нихъ цѣлебнаго свойства; или, чтобы отдѣлить части, иногда не соответствующія врачебному употребленію; или, наконецъ, чтобы поправить противный для нѣкоторыхъ вкусъ ихъ.

Судя по свойству средствъ растворяющихъ, которыя мы употребляемъ при полученіи экстрактовъ, послѣдніе можно раздѣлить на *водяные* (камедянные), *спиртовые* (смолистые) и *смѣшанные*; наконецъ, сюда же относятся экстракты, называемые *безъимянными* и получаемые посредствомъ выжиманія; къ этимъ принадлежатъ киселя, которые однако жъ, по сдѣланному опредѣленію, къ прочимъ экстрактамъ не относятся. — Смолистыя и камедяныя части, взаимно соединенныя, составляютъ смѣшанные экстракты, которые получаютъ — или посредствомъ вина (*экстракты винные*), или приготовленные порознь изъ воды и виннаго спирта, послѣ смѣшиваются. Но чтобы не извлечь всѣхъ цѣлебныхъ частей изъ многихъ растений, которыя содержатъ эфирное масло; для этого должно было сдѣлать раздѣленіе въ аптекарской и врачебной наукахъ между смѣшанными экстрактами; наприимѣръ: камедяный экстрактъ каскариллы, будучи соединенъ съ смолистымъ, составляетъ *простой смѣшенный экстрактъ*; но если присоединимъ известное количество эфирнаго масла, то произойдетъ — *совершенный смѣшенный экстрактъ*.

Свойства экстрактовъ.

Всѣ вообще экстракты приготовляются одинакимъ способомъ, слѣдовательно они; въ известномъ отношеніи, имѣютъ между собою большое сходство, но смотря на то, что различныя ихъ

названія показываютъ, что они различествуютъ между собою по другой причинѣ.

Всѣ экстракты имѣютъ густоту, какъ медъ, болѣе или менѣе вязкую, или твердую.

Въ приличныхъ растворительныхъ средствахъ они удобно выпускаются. Камединные экстракты совершенно растворяетъ чистая вода и уксусъ; но не дѣйствуютъ на нихъ: алкоголь, эфиръ, жирныя и эфирныя масла; напротивъ того, смолистые удобно растворяются въ алкогольѣ, эфирныхъ и жирныхъ маслахъ.

Экстракты, обыкновеннымъ образомъ приготовляемые, не имѣютъ запаха; потому что летучія части растеній улетаютъ во время ихъ приготовления.

Вкусъ, который находится въ тѣлахъ, дающихъ экстракты, происходящій отъ особеннаго смѣшенія частей, остается и въ самыхъ экстрактахъ, если онъ зависитъ отъ существенныхъ или эфирныхъ маселъ, отдѣляющихся во время выпарки. Однако-жъ не всѣ экстракты имѣютъ горькій, соленый, а иногда пригорѣлый вкусъ, — это происходитъ болѣе отъ дурнаго приготовленія.

Экстракты удерживаютъ многія свойства и силы тѣхъ растеній, изъ которыхъ получаютъ.

Никакіе экстракты не бываютъ совершенно чисты; потому что въ камединныхъ находятся смолистыя части, а смолистые содержать въ себѣ такія части, которыя еще можно извлечь посредствомъ воды.

О различномъ приготовленіи экстрактовъ.

Растворимыя части растеній извлекаются: 1) посредствомъ *выжиманья*, 2) *настаиванія*, 3) *варенья*, 4) *растиранія*. Каждый изъ этихъ способовъ имѣетъ свои собственные выгоды и недостатки; а потому и рассмотримъ ихъ порознь:

1. Посредствомъ выжиманія.

Между всеми способами приготовленія экстрактовъ, *выжиманіе* есть самый простой. Этотъ способъ заслуживалъ бы преимущество предъ прочими, если бы его можно было употреблять при полученіи экстрактовъ изъ всѣхъ растеній; чего, однако-жъ, нельзя сдѣлать при коркахъ, деревьяхъ и многихъ корняхъ. При этомъ растенія обыкновенно выжимаются въ деревянныхъ тискахъ, которыхъ сокъ, при легкомъ вареніи и по очищеніи лач-

шнытъ бѣлкомъ, выпаривается до суха, или по крайней мѣрѣ до густоты меда.

Выжиманіе можно съ успѣхомъ употребить:

1. При сѣжихъ растеніяхъ.

2. При сочныхъ частяхъ растеній, которыя уже въ самомъ своемъ составѣ содержатъ растворяющія средства, и особенно при листьяхъ, цвѣтахъ и зрѣлыхъ плодахъ.

По этой-то причинѣ экстракты во время цвѣта растеній: *воднаго трилистника*, * *золототысячника* ** и проч. приготавлиются посредствомъ выжиманія.

Выгоды выжиманія: оно требуетъ мало издержекъ и труда; доставляетъ всѣ дѣйствительныя части растеній, въ естественномъ ихъ соединеніи; при немъ не столько теряется летучихъ частей, какъ при настаиваніи.

Но этотъ же способъ сопряженъ и съ невыгодами: посредствомъ выжиманія, кромѣ дѣйствительныхъ частей: *соляныхъ*, *камединныхъ* и *смолистыхъ*, получаемъ и бесполезныя, какъ напримѣръ *землистыя*. Подобные экстракты всегда бывають смѣшанны и нечисты.

Если экстракты, приготовленные такимъ способомъ, надобно будетъ послѣ выпаривать, то отъ нихъ отдѣлится множество летучихъ частей.

2. Посредствомъ настаиванія.

Способъ приготовленія экстрактовъ вышесказаннымъ образомъ, совершенно противоположенъ тому, который дѣлается посредствомъ *настаиванія*. Настаиваніе бываетъ двоякаго рода: *холодное* и *горячее*. И такъ какъ первое извѣстно всѣмъ, то здѣсь будемъ говорить только о послѣднемъ. Части растеній, назначенныя для экстрактовъ, должно истолочь или мелко изрѣзать, для того, чтобы растворяющее средство могло ихъ совершенно провякнуть; потомъ налить довольное количество горячей воды, что и повторять два или три раза, пока паливаемая вода не будетъ болѣе извлекать цвѣта и вкуса. Полученный такимъ образомъ растворъ называется *пастойкою* или *наливкою*, который и должно послѣ того процѣдить и выпарить на легкомъ огнѣ до надлежащей густоты.— Почти такимъ же образомъ приготавлиются и смолистые экстракты.

* *Trifolium fibrinum*. *Menyanthes trifoliata*. Linn.

** *Centaureum minus*. *Gentiana centaurium*. Linn.

3. *Посредствомъ варенія.*

Если дѣйствительныя части растеній или совершенно уже нельзя извлечь, или по крайней мѣрѣ не безъ труда и въ продолженіи долгаго времени, тогда, настоявъ ихъ нѣсколько разъ, надобно варить ихъ еще, что и дѣлать тотчасъ же съ растеніями, которыя не имѣютъ летучихъ частей; по прошествіи же нѣсколькихъ часовъ послѣ варенія, употребить вышесказанное средство.

При этомъ способѣ приготовленія экстрактовъ не надобно точно опредѣлять: потребнаго количества наливаемой воды, степени производимаго огня и даже самаго времени выпариванія; потому что, если вы нальете лишнее количество воды, въ такомъ случаѣ необходимо нужно и лишнее время для выпарки этого раствора; а если будетъ взята настоящая мѣра воды, то надобно опасаться, что не всё растворимыя дѣйствительныя части будутъ извлечены. Каждый увидитъ, что подобныя же неудобства должны происходить и отъ управленія огня и времени, нужнымъ для выпарки.

Съ этимъ способомъ часто бываетъ сопряженъ еще другой недостатокъ; такъ какъ многіе экстракты гораздо лучше приготовляются чрезъ наливаніе горячей воды, то она легко приходитъ въ окисъ, или покрывается плесенью, которая даже при самой перувианской коркѣ, въ превосходительнѣйшемъ томъ средствѣ, противящемся гнилости, заражается, если нѣсколько дней будетъ мочена въ водѣ.

Предположивъ все то, что вообще необходимо для приготовления экстрактовъ, должно еще знать, изъ какихъ частей растеній и при какихъ случаяхъ, настанваніе или вареніе болѣе полезно.

Горячее настанваніе или вареніе особенно прилично для полученія экстрактовъ:

1) Если всё дѣйствительныя части растеній, посредствомъ холодной воды или не совершенно, или скорѣе и лучше могутъ быть извлечены съ помощью варенія, что при весьма многыя экстрактахъ происходитъ лучше. Полученіе извлекаемыхъ частей совершается посредствомъ варенія не въ одинаковое продолженіе времени. Для свѣжихъ травъ довольно двухъ вареній, для корней и корокъ трехъ и четырехъ; но деревья требуютъ десятикратнаго варенія.

2) Если вмѣстѣ съ камедными частями желаемъ извлечь

изъ растеній въ другія часа, и если лезучихъ часовъ или вовсе нѣтъ, или онѣ не нужны.

Изъ этого видно, что горячее настаиваніе, или вареніе для полученія экстрактовъ изъ весьма многихъ растеній, изъ-то: дерень, корень и прочая, необходимо.

Способъ этотъ имѣетъ слѣдующія выгоды предъ друмиа: получаемый при немъ растворъ бываетъ довольно совершенъ, и следовательно всѣ растворимыя части растеній извлекаются. Способъ этотъ совершается гораздо скорѣе, чѣмъ слѣдующій.

Однако жъ и эта работа имѣетъ свои недостатки. Для совершеннаго варенія и вывариванія необходимо двойное количество горючихъ тѣлъ, для питанія огня. При немъ большая часть летучихъ частей испаряется, что и замѣтно по недостатку запаха. Если при вареніи всѣ извлекаемыя части растеній распустятся, или по крайней мѣрѣ мало останется не растворившихся, — въ такомъ случаѣ мы никогда не получимъ чистыхъ экстрактовъ.

4. *Посредствомъ растиранія.*

Наконецъ скажемъ о послѣднемъ способѣ приготовленія экстрактовъ, который, какъ новѣйшій и болѣе у химиковъ употребительный, требуетъ подробнаго изслѣдованія. Изобрѣтателемъ этого новаго способа былъ графъ Гарай, а по другимъ — Ланжелотъ.

Узнавши сущность этого способа, каждый увидитъ, что отъ описанныхъ уже способовъ, онъ не такъ много отличается, какъ обыкновенно думаютъ, и состоитъ просто изъ наливаанія и выжиманія; это видно изъ краткаго описанія его.

Надобно сухія и твердыя части растеній мелко истолочь, а свѣжія истереть, потомъ положить въ стеклянный или глиняный сосудъ, наполненный водою. Черезъ нѣсколько часовъ, этотъ растворъ посредствомъ машины, изобрѣтенной и точнѣе описанной Гараемъ *, мѣшать безъ перемѣжекъ въ продолженіи шести до осьми и болѣе часовъ. Воду, напитанную весьма многими частицами растеній, посредствомъ отстаиванія опестить и выпарять въ фарфоровыхъ блюдахъ; порошокъ же сядящійся во время выпадки на дно блюду растереть вторично.

* Хотя Гарай весьма одобряетъ этотъ способъ, однако жъ по свидѣтельству Воше, многіе почитаютъ его недостаточнымъ, да и самъ Гарай, за нѣсколько лѣтъ до смерти своей пересталъ употреблять его.

Для усовершенствованнаго приготовленія экстрактовъ полезны слѣдующіе способы:

Приготовленныя должнымъ образомъ части растеній положите въ глиняный, въ деревянный или стеклянный сосудъ; потомъ налейте туда довольное количество чистой холодной воды и оставьте въ такомъ положеніи на двадцать-четыре часа и даже болѣе; въ продолженіи этого времени мѣшайте чаще растворъ деревянною лопаткою. Потомъ, выливъ въ цѣдилку, до тѣхъ-поръ перецѣживайте, пока онъ не сдѣлается густымъ и прозрачнымъ. Наконецъ, полученную такимъ образомъ жидкость выложите въ оловянные сосуды и выпарьте въ *маринной* банѣ.

Способъ этотъ имѣетъ много выгодъ:

Черезъ него мы получаемъ экстракты гораздо чище тѣхъ, которые приготовляются по описаннымъ способамъ.

Здѣсь не надобно лишнхъ издержекъ и работы, потому что онъ совершается въ короткое время. И между тѣмъ этотъ способъ имѣетъ также свои недостатки; онъ не можетъ быть полезенъ для полученія экстрактовъ изъ деревь, корокъ и прочая; потому что уничтожаетъ въ экстрактахъ значительное количество летучихъ частей. Кромѣ того, отъ мѣшанія отдѣляются какъ землястыя, такъ и смолистыя части, а послѣднія даже соединяются съ камедяными частями, такъ что экстракты нельзя сдѣлать чистыми, а тѣмъ болѣе *однородными*.

Вотъ еще хорошій способъ готовить экстракты:

Настойки растеній, приготовленныя и насыщенные надлежащимъ образомъ, должно пропѣдять сквозь пропускную бумагу и выпарить въ фарфоровыхъ блюдахъ до густоты меда. Потомъ простудить ихъ и вылить въ холодную воду. Произшедшую отъ этого прозрачную жидкость такимъ-же образомъ выпарить и по охлажденіи — вторично влить въ воду, и это повторять до тѣхъ поръ, пока употребляемая при этомъ вода не будетъ мутна, а жидкость сдѣлается прозрачною, которую потомъ и выпарить до густоты меда.

Для большаго же улучшенія и усовершенствованія способа приготовленія экстрактовъ, должно поступать слѣдующимъ образомъ:

1. При приготовленіи экстрактовъ, надобно болѣе всего обращать вниманіе, чтобы всѣ растворимыя части растеній, которыя нужны для водяныхъ или спиртовыхъ экстрактовъ, исключая вѣ ненужныя частицы, совершенно и въ должномъ видѣ были извлечены; экстракты же сколько возможно были предохраняемы отъ пригоранія и потери летучихъ частицъ.

2. Всѣ экстракты — смолистые и камединные должны быть непременно чисты.

3. Надобно стараться, чтобы приготовленіе экстрактовъ обходилось какъ можно дешевле, совершалось въ короткое время, и съ самою малою утратою сосудовъ и горючихъ тѣлъ, нужныхъ для питанія огня.

Такъ какъ хорошія свойства и качества экстрактовъ, зависятъ болѣе всего отъ того, чтобы самый способъ извлеченія, то есть *выжиманіе* или *настаиваніе*, былъ въ высшей степени усовершенствованъ, — то не бесполезно будетъ поговорить объ этомъ нѣсколько пространнѣе.

Всѣ сосуды, которые употребляются до сихъ поръ при вареніи растеній, для полученія изъ нихъ экстрактовъ, вообще такого рода, что въ нихъ трудно готовить экстракты въ совершенствѣ; нѣкоторые употребляютъ для варенія *мѣдные котелки* или *кастрюльки*, что сопряжено съ очевиднымъ вредомъ; такъ какъ полости мѣдныхъ сосудовъ почти всегда бываютъ вылужены, и если эта полуда не весьма чиста и не покрываетъ всей ихъ внутреннейности, въ такомъ случаѣ кислоты растеній, растворивъ металлическія частицы, могутъ сдѣлать экстракты не только нечистыми, но даже и вредными для здоровья, а кромѣ того они такъ устроены, что летучія частицы, при выпариваніи, всегда улетаютъ, — и теплота не можетъ дѣйствовать на нихъ въ одинаковой степени; а это-то и бываетъ причиною того, что составъ, во время работы, пригораетъ.

Для отвращенія подобныхъ неудобствъ, надобно употреблять для варенія такіе сосуды, которые не причинали бы вреда экстрактамъ, растворяющимися частицами изъ своего существа, и въ которыхъ пары удерживались-бы, а чрезъ то и летучія частицы хотя нѣсколько сохранялись, — и наконецъ, такъ устроить ихъ, чтобы находящійся въ нихъ составъ, былъ разгорячаемъ умѣренно и въ одинаковой степени.

О приготовленіи экстрактовъ посредствомъ *варенія*, надобно замѣтить слѣдующее:

Назначенныя для варенія части растеній должно какъ можно мельче искрошить, чтобы растворяющее средство сильнѣе могло на нихъ дѣйствовать, а тѣмъ ускорится и вареніе.

Не надобно приливать лишней воды, чтобы выпариваніе не сдѣлалось отъ того продолжительнымъ; — а настойка отъ лишняго количества воды теряетъ свои достоинства. Для одной части извлекаемаго состава обыкновенно берется двадцать четыре части

воду, изъ которыхъ одна четверть улетаетъ въ видѣ паровъ; но хотя этого количества и достаточно для хорошей варки, однако же для некоторыхъ растеній недостаточно.

Сосуды, въ которыхъ совершается вареніе, должны быть крѣпко закупорены, для того, чтобы удерживали находящіяся летучія части.

Виродженію времени варенія (котораго съ точностью опредѣлить нельзя, по причинѣ различныхъ свойствъ растеній, и способности ихъ развариваться), употребить жаръ умеренный.

Самыя твердыя части варить до тѣхъ поръ, пока приливаемая вода не будетъ больше извлекать вкуса и цвѣта.

Еще нѣсколько словъ о способѣ выжиманія :

Тиски, употребляемые для выжиманія, должны быть изъ *мордага дерева*. Выжимаемый составъ непремѣнно собирать въ оловянные сосуды. *Выжиманіе* повторять недолго, чтобы земляныя части не примѣшались къ экстракту; однако же до тѣхъ поръ, пока переливаемая вода не будетъ извлекать вкуса и цвѣта. При началѣ выжиманія, должно только немного прилить воды, для того, чтобы выпариваемый составъ не слишкомъ увеличился.

О выпариваніи.

Выпариваніе, — это такое химическое дѣйствіе, въ которомъ жидкія части, при пособіи легкаго огня, отдѣляются въ видѣ паровъ; а отъ этого оставшіяся составъ, или получаетъ густоту меда, или дѣлается совершенно твердымъ и сухимъ.

Выпариваніе производится въ плоскихъ глиняныхъ, или оловянныхъ сосудахъ. — Время, виродженію котораго этотъ процессъ совершается, не всегда бываетъ одинаково; а смотря по жидкости, растворяющей извлекаемыя части и по густотѣ самаго экстракта, и, наконецъ, по содержанію степени огня, весьма различно.

При выпариваніи должно беречься, чтобы составъ, отъ чрезмѣрнаго жара, не пригорѣлъ, отчего экстракты: 1) не только не могутъ быть полезны для здоровья, но даже—2) *естественное качество* и — 3) *собственный вкусъ* — теряютъ, и — 4) дѣлаются *неприятными*. Въ самой песчаной банѣ, которую употребляли до времени Гарая, едва ли можно устранить это неудобство; и это то побудило его употреблять *Марианну баню* (*bain Marie*); но она по трудности устройства и сопряженныхъ съ ея дѣйствіемъ большихъ издержекъ, во многія врѣ-

дѣла; хотя степень теплоты въ ней бываетъ однаковая и никакъ не можетъ усилиться до причиненія экстракту вреда. Удобнѣйшій способъ—высушивать экстракты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были выпариваемы.

Правила и приемы, которые нужно наблюдать при выпариваніи.

Выпариваніе скорѣе и лучше можетъ совершиться, если выпариваемый составъ будетъ болѣе насыщенъ.

Выпариваніе должно производиться не въ глиняныхъ или обыкновенныхъ оловянныхъ сосудахъ, но въ плоскихъ блюдахъ, сделанныхъ изъ чистаго малаккаго олова или фарфора. — Хотя подобныя сосуды и стоятъ не много дороже обыкновенныхъ, однако же всѣ должны ихъ употреблять; потому что приготовляемые въ нихъ экстракты предохраняются отъ всякой случайной порчи, часто вредной для здоровья, а сверхъ того бываютъ очень чисты и сохраняютъ видъ.

Сухіе экстракты всегда предпочитаются жидкимъ, и вотъ почему:

Количество дѣйствительныхъ частей въ сухихъ экстрактахъ можно опредѣлить вѣрно; тогда какъ количество растворительнаго средства, сделавшаго экстрактъ мягкимъ, можемъ обозначить болѣе или менѣе неопредѣленнымъ образомъ по длинѣ только догадкамъ.

Сухіе экстракты долѣе и лучше могутъ быть сохранены; не покрываются плесенью и не окисаютъ; хотя они отъ долгаго лежанія на воздухѣ и притягиваютъ влажность, однако же, будучи положены въ стеклянные сосуды съ плотными пробками, удобно предохраняются отъ всякой порчи.

О сохраненіи экстрактовъ.

Экстракты легко можно сохранить отъ всякой порчи въ сосудахъ, крѣпко завязанныхъ или свиннымъ пузыремъ, или бумагою, напичтанною воскомъ, или просто обертывая этимъ сухіе экстракты, чтобы они, будучи подвержены дѣйствию атмосфернаго воздуха, не испортились отъ влажности.

Что касается до самаго приготовленія экстрактовъ, то хотя и довольно было говорено объ этомъ, однако жъ не мѣшаетъ еще прибавить слѣдующее: на изрѣзанныя части растеній должно налить осемь частей воды и оставить въ закрытомъ сосудѣ на нѣсколько дней. Потомъ составъ этотъ съ осмью

частями воды варить до остатка шести частей, послѣ этого, вылить составъ въ оловянные или фарфоровые сосуды, выпаривать въ Мариной банѣ, пока жидкости останется самое малое количество, и которая, наконецъ, совершенно высушивается въ плоскихъ блюдечкахъ, на легкомъ огнѣ.

О приготовленіи смолистаго экстракта.

Множество растений, изъ которыхъ приготавливаются экстракты, кромѣ частей, извлекаемыхъ водою, содержатъ также и смолистыя части, которыя имѣютъ лекарственныя силы, сами по себѣ превосходныя, но часто противныя экстрактамъ камедянымъ; слѣдовательно нужно отдѣлать ихъ отъ камедяныхъ частей, а отдѣленные собрать особо, и такимъ образомъ сдѣлать экстрактъ *смолистымъ* или *спиртовымъ*.

О смолистыхъ экстрактахъ надобно вообще замѣтить слѣдующее:

Если въ тѣлахъ, содержащихъ въ себѣ больше смолистыхъ, нежели камедяныхъ частей, и на оборотъ, желаютъ которыя-нибудь отъ нихъ отдѣлать и получить *однородный чистый экстрактъ*; въ такомъ случаѣ извлеченіе это должно начаться прежде посредствомъ воды, а потомъ спирта, и если въ камедяныхъ экстрактахъ находятся смолистыя части, то ихъ можно отдѣлать по способу, описанному ниже. Но съ растеніями, въ которыхъ болѣе находится камедяныхъ частей, надобно поступать совершенно иначе; потому что камедяныя части не иначе растворяются въ винномъ спиртѣ, какъ только черезъ сближеніе съ смолистыми частями, и на оборотъ, смолистыя не иначе распускаются въ водѣ, какъ только съ помощью камедяныхъ; слѣдовательно, эти растворы, тѣмъ болѣе уменьшено количество камедяныхъ или смолистыхъ частей, тѣмъ менѣе они хороши и полезны.

Растенія, изъ которыхъ мы хотимъ получить экстракты, должны быть непременно сухи, однако жъ такъ, чтобы не потеряли собственныхъ своихъ силъ, чтобы находящаяся въ нихъ влажность не сдѣлала винный спиртъ слабымъ, и чтобы высушиваніемъ, ослабить соединеніе камедяныхъ частей съ смолистыми.

Нѣкоторые смолистые экстракты, какъ-то: *каскарильной корки*, *перувианской корки*, *бакаутнаго дерева*, *квассіеваго дерева*, *ревеневый* и прочіе, не должно очищать ничѣмъ бѣлымъ; но

тому что отъ этого они весьма много теряютъ смолистыхъ частей, а лучшимъ очищеніемъ всѣхъ вообще экстрактовъ можетъ служить самое горячее процѣживание.

Употребляемый для этого винный спиртъ долженъ быть самый крѣпкій и безъ всякой примѣси воды, чтобы не могъ растворять камедистыхъ частей.

Способъ приготовленія смолистыхъ экстрактовъ.

На искрошенные мелко части растеній должно налить са- маго крѣпкого виннаго спирта и поставить въ умѣренную те- плоту до тѣхъ поръ, пока все растворится; но чтобы спиртъ не потерялъ своей силы, для этого растворъ перегонять на легкомъ огнѣ до тѣхъ поръ, пока останутся только один смолистыя ча- сти. Послѣ этого, выливъ растворъ въ плоскія блюдечки, выпарить до суха въ Маринной банѣ.

Предлагаемъ здѣсь самый удобный приборъ или снарядъ, въ которомъ удобно и легко совершается процессъ извлеченія эк- страктовъ.

Приборъ этотъ долженъ быть изъ мѣднаго, превосходно вы- луженнаго котла, котораго, какъ отверстіе, такъ и дно, должны имѣть одиннадцать дюймовъ и двѣ линіи ширины; поперечникъ же его, мѣрля отъ самаго дна, долженъ быть равенъ пятнадца- ти дюймамъ; а въ слѣдующей части, отступивъ отъ отверстія четыре линіи, имѣлъ бы поперечникъ, одинаковый съ помянутымъ дюмомъ (а). Вышина этого снаряда должна равняться пятнадцати дюймамъ и въ послѣдующей части имѣла бы трубочку (b), черезъ которую можно было бы вливать въ сосудъ воду. Во внутренно- сти же отверстія самаго котлика должно повѣсить другой оло- вянный сосудъ (x), посредствомъ придѣланныхъ къ нему двухъ ушковъ на выдавшейся шейкѣ перваго, и котораго поперечникъ былъ одиннадцать дюймовъ, а вышина девять дюймовъ.

Для устройства описываемаго снаряда, весьма приличенъ тотъ перегоночный приборъ, который ставится въ сосудъ съ горячею водою и извѣстенъ химикамъ подъ именемъ Маринной бани: (alembic à bain Marie).

Потомъ къ окружности, или къ наружной части шейки (g), на вышинѣ двухъ дюймовъ, должно припаять вылуженный жестяной листъ въ два фута четыре дюйма длиною и въ полтора фута ши- риною, который къ концамъ былъ бы нѣсколько покаты и имѣлъ закраины въ два дюйма вышиною, и у котораго на всѣхъ четы-

рехъ углахъ находились бы довольно большія отверстія съ приличными крышечками. На этотъ самый нижній ящикъ (А) наложить весьма плотно другой почти такой же величины ящикъ (В) съ двумя ушками; на поверхности же его сдѣлать круглыя отверстія, въ которыхъ бы можно было ставить различной величины чашечки *, съ жидкостями, назначенными для совершенной выпарки. Рисунокъ этого снаряда, приложенный въ концѣ книги, еще болѣе объяснитъ описаніе.

Въ заключеніе скажемъ вѣскольکو словъ о дѣйствіяхъ этого снаряда. Котелокъ поставленъ на срединѣ рѣшетки, которая довольно увеличиваетъ степень жара. Разстояніе между ею и сосудомъ равняется шести дюймамъ; но чтобы самый котелокъ не такъ скоро простывалъ отъ соприкосновенія наружнаго воздуха, то надобно покрыть его сукномъ. Какъ скоро вода, влитая въ сосудъ (съ которою и самый составъ, назначенный для варенія, можетъ быть смѣшанъ), закипитъ, въ тоже время и пары, выходящія оттуда, со всѣхъ сторонъ нагрѣвають дно и боковыя части внутренняго сосуда (х); такъ, что и жидкость, находящаяся въ сосудѣ (какого бы она рода ни была), отъ этого дѣйствія легко закипаетъ. Пары же, поднимающіеся изъ отверстія сосуда (Х), пробравшись не только до внутренней поверхности ящика (В), но и до выпаривающихся блюдечекъ, на немъ поставленныхъ; а во удаленіи провищающихъ блюдечки огненныхъ частицъ, пары оныя собираются въ водяныя капли, которыя частью упадаютъ обратно въ сосудъ (Х), частью же вытекаютъ вонъ черезъ отверстіе ящика А.

Выгоды, которыя можно получать отъ этого прибора слѣдующія: 1) приготовляемые въ немъ экстракты бывають предохранены отъ всякаго пригоранія; 2) экстракты имѣють сухой видъ и нисколько не содержатъ постороннихъ, а особливо вредныхъ частей, и наконецъ 3) тѣмъ же самымъ огнемъ, посредствомъ котораго производится выпарка водяныхъ частицъ, находящейся въ сосудѣ (Х) составъ, вмѣстѣ варится и выпаривается, и въ тоже время другой составъ, или сваренная жидкость, влитые въ котелокъ, лучше могутъ сгущаться; въ описанномъ снарядѣ въ продолженіе пяти-шести часовъ и при сожженіи трехъ съ половиною фунтовъ съ четырехъ унцій угля, выпаривается осемь

* Если всѣ отверстія этого ящика не закроются испарившимися сосудами, то это очень хорошо можно сдѣлать посредствомъ особенныхъ крышечекъ.

сунуть въ воды (въ выпарительномъ ящикѣ два фунта, въ сосудѣ (X) три фунта и столько же въ котелкѣ). Эта издержка угля весьма мала; а между тѣмъ огромное количество летучихъ частицъ, сохраняется какъ въ котелкѣ, такъ и въ выпарительномъ ящикѣ; и экстракты, даже безъ всякаго присмотра, не только не могутъ въ немъ пригорать, а сверхъ того дѣлаются сухими и чистыми. Выпарительный же ящикъ, при помощи Маринной бани, можетъ служить еще и вмѣсто перегоночнаго прибора.

Наконецъ этотъ приборъ можно по произволу и увеличить, лишь бы только была соблюдена показанная соразмѣрность въ частяхъ. Но такъ какъ самый выпарительный ящикъ не такъ легко ставить на котелокъ и снимать съ него, жестяные же листы дороги и не могутъ выдерживать долговременнаго употребленія, въ такомъ случаѣ нижнюю часть ящика (А.) по дну, можно сдѣлать изъ обожженныхъ кирпичей. Если же и это составило бы лишнїя издержки, то жестяной ящикъ (В.), для предохраненїя отъ ржавчины, можно или обмазать гипсомъ, или обложить весьма тонкими обожженными кирпичами; такимъ же образомъ можно поступить и съ верхнимъ ящикомъ (В.). А чтобы не произошло какого-нибудь замѣшательства въ разсужденїи шейки ящика (В.), и чтобы котелокъ и внутренний сосудъ (X) можно было по произволу вынимать, для наполненїя новыми настойками; то надобно имѣть двойную шейку: одну a , совершенно припаянную къ плоскости ящика (А); другую же q , не припаянную ни къ какой части снарида, нѣсколько вогнутую, и которая должна имѣть въ поперечникѣ два противоположные шарнира, такъ, чтобы эта шейка, на прежней и той же плоскости находящаяся и соединенная посредствомъ шина, вогнутостью своею обнимала верхнїй край котелка и такимъ образомъ крѣпко держалась за выпарительные ящики; по отнятїи же этой шейки, вынувъ шипъ, котелокъ дѣлается удобно движимымъ.

ПРЕДВАГЪ НА ОТКРЫТІЕ СЪРНАГО ЭЛЕМЕНТА. Стоить только бросить бѣзъвѣстный взглядъ на исторїю открытїя и изобретенїя, чтобы убедиться, что каждое изъ нихъ можно почти съ одинаковою достовѣрностью и основательностію приписать двумъ, тремъ лицамъ, и даже болѣе. И это нѣсколько не удивительно, когда мы подумаемъ, что тоже самое можно сказать о современныхъ намъ открытїяхъ. Кто не помнитъ споровъ, наполнявшихъ всѣ журналы, объ изобретенїи свѣтописа? Теперь та же исторїя съ от-

крытіемъ сѣрнаго зѣбра, или вѣриже, введеніемъ его въ хирургическую практику. Доселѣ никто не колебался приписывать его доктору Джексоу, который получилъ даже за него французскій крестъ Почетнаго Легіона. А по извѣстію, сообщаемому англійскимъ журналомъ «Atheneum», оказывается, что честь эта принадлежитъ другому. Американское правительство сочло долгомъ опредѣлить положительно, кому изъ множества претендентовъ принадлежитъ по справедливости эта заслуга, и возложило изслѣдованіе этого вопроса на комиссію изъ членовъ правленія бостонскаго госпиталя. Комиссія эта, состоящая изъ пятнадцати членовъ, принадлежащихъ къ самымъ образованнымъ и уважаемымъ классамъ, и хорошо знакомымъ съ исторіею введенія зѣбра, единогласно призвало въ своемъ отчетѣ, что честь введенія зѣбра принадлежитъ бостонскому врачу, доктору Мортону. Докторъ Чарльзъ Джексонъ тотчасъ представлялъ комиссіи прекрасно написанную записку, которую онъ и напечаталъ, и въ которой требовалъ ревизіи ея рѣшенія; результатомъ этой ревизіи было то, что комиссія, въ 1849 году, единогласно подтвердила свой прежній отчетъ. Споръ былъ представленъ на рѣшеніе конгресса Соединенныхъ Штатовъ, который назначилъ новую комиссію изъ пяти лицъ для разсмотрѣнія отчета и переслѣдованія самаго дѣла. Доктора Джексонъ и Мортонъ лично являлись въ комиссію для объясненій; и комиссія, по тщательномъ разсмотрѣніи отчета и переслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ, представила свой собственный отчетъ, вполнѣ согласный съ рѣшеніемъ первой комиссіи, и приписывающій первую мысль о приложеніи сѣрнаго зѣбру къ медицинской практикѣ доктору Мортону.

ЗМѢИ ВЪ АВСТРАЛІИ. Если Австралія, сколько извѣстно, избавлена отъ крупныхъ породъ хищныхъ звѣрей, за то она имѣетъ свою мѣстную язву, которая не мало тревожитъ европейскихъ поселенцевъ. Это огромныя змѣи, которыя впрочемъ, не смотря на то, что многія изъ нихъ ядовиты, однакоже вообще причиняютъ мало вреда. Очень рѣдко бываютъ люди ихъ жертвами.

Гремучія змѣи въ Австраліи вовсе неизвѣстны; самыя обыкновенныя породы чернаго, темнобураго или сѣраго цвѣта; толщина ихъ отъ двѣнадцати до четырнадцати вершковъ, длина отъ двѣнадцати до четырнадцати футовъ. Мелкія вообще опаснѣе большихъ; впрочемъ и укушеніе большихъ бываетъ иногда смертельно. Австральскія змѣи во многомъ отличаются отъ змѣй другихъ странъ. Онѣ предпочтительно водятся въ нѣкоторыхъ опре-

дѣленныхъ мѣстахъ, въ которыхъ путникъ долженъ соблюдать большую осторожность, когда приближается къ густому кустарнику или садится на пенъ. Не разъ случалось одному человѣку убивать въ одинъ день двѣнадцать большихъ змѣй на краю бота неподалеку отъ рѣки Святаго Георгія.

Самая большая порода этихъ гадовъ есть родъ боа, поселенцы называютъ его алмазною змѣю, по пятнамъ, которыми усыяна ея кожа. По поводу ея, одинъ путешественникъ рассказываетъ случай, который дѣлаетъ честь неустрашимости десятилѣтняго ребенка. Мальчикъ, играя на берегу пруда, замѣтилъ въ глубокомъ дуплѣ опрокинутаго дерева алмазную змѣю; онъ тотчасъ подумалъ, что это будетъ прекрасный подарокъ его брату уѣхавшему въ Единбургъ изучать медицину. Видя, что змѣя прильнула головою къ землѣ, онъ немедленно срѣзалъ крѣпкій суточекъ, и обрѣзалъ кончикъ его остриемъ, чтобы проткнуть имъ шею змѣи, и приколотъ ее къ землѣ, а потомъ убить, не слишкомъ испортивъ кожу ея. Онъ приближился къ ней, и исполнилъ первую часть своего замысла весьма удачно; такъ какъ стрѣла его была очень остра и довольно длинна, онъ безъ труда приколотъ голову къ землѣ; но этого было недостаточно, чтобы одержать побѣду. Несмотря на всѣ его усилія, змѣя обвилась около его ноги. Сообразивъ силу противника, мальчикъ понялъ, что ему оставалось только взяться за ножъ, и рубить змѣю, гдѣ ни попаало, не думая о цѣлости ея кожи. Послѣ упорной борьбы, продолжавшейся нѣсколько минутъ, ему удалось отрубить часть змѣи, обвившуюся около его ноги. Тогда онъ выдернулъ коль изъ первой раны змѣи. Почувствовавъ голову на свободѣ, змѣя хотѣла уползти; но мальчикъ не хотѣлъ отказаться отъ своей добычи, и продолжалъ рубить змѣю до-тѣхъ-поръ, пока она не вздохла. Она имѣла слишкомъ десять футовъ въ длину.

Даже жители большихъ городовъ не совсѣмъ свободны отъ опасности, потому что очень часто заводятся змѣи въ дровахъ. Такъ у одного сиднейскаго жителя на дворѣ была укушена до смерти прекрасная собака. Въ другой разъ, одинъ человѣкъ, собиравшій дрова, только благодаря присутствію духа избѣжалъ подобной опасности. Взваливъ на плечо огромный пенъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что изъ него выскочила змѣя, и шмыгнула по самому лицу его. Бѣднякъ послѣшно бросилъ ношу и сталъ искать змѣю, но къ изумленію своему не могъ найти и слѣда ея. Наконецъ, ему пришло въ голову, что падалъ съ его плеча, она могла вползти въ широкій карманъ его шараваръ. Онъ

того только и ждалъ, что почувствуетъ онъ жажду; однако же онъ собрался съ духомъ, поспѣшно развязалъ поясъ, сбросилъ шарвары и принялся колотить по нимъ до тѣхъ-поръ, пока не забавилъ себя до смерти.

Есть еще порода очень ядовитыхъ змѣй, которыхъ жители называютъ *ковровыми*, по пестрымъ цвѣтамъ, которыми испещрена ихъ кожа. Однажды поселянинъ вышелъ въ своимъ огородъ въ персиковое дерево, собирать плоды, и вдругъ увидѣлъ такую змѣю, пританцовующую подъ листьями. При этомъ видѣ крестьянинъ такъ испугался, что со страху упалъ съ дерева; однако же скоро ободрился, и убилъ названную гостью. Другая кованная змѣя была убита въ то время, какъ она переплывала черезъ рѣку Непанъ. Этотъ случай показываетъ, что змѣи умѣютъ плавать, и заводятъ на мысль, что онѣ страшныя морскія змѣи, о которыхъ было столько толковъ и разсказей, могли быть пожалуй актиноое, какъ обыкновенныя змѣи, водившіяся на твердой землѣ. Въ подтвержденіе этого предположенія можно привести и то, что змѣи вообще преимущественно избираютъ берега рѣкъ и небольшихъ бухты, когда хотятъ укрыться отъ полуденнаго зноя.

Хотя въ Австраліи нѣтъ тѣхъ крохоткихъ, безобидныхъ змѣй, которыя, въ Вестиндіи на примѣръ, приползаютъ въ жилища, и принадлежатъ, такъ сказать, къ ручнымъ животнымъ, однако же достоверно, что не всѣ австральскія змѣи равво опасны. Разсказываютъ, что одинъ поселенецъ, охотясь съ нѣсколькими пріятелями въ лѣсу, былъ укушенъ змѣею; полагая, что уже настала его послѣдняя часть, онъ поспѣшилъ отдать нѣкоторые предсмертные приказанія; но негръ, сопровождавшій охотниковъ, и успѣвшій разглядѣть змѣю, прежде чѣмъ она удалилась, сказалъ укушенному на ломаномъ англійскомъ языкѣ, что онъ не умретъ, а только пожелтѣетъ въ одно мгновеніе. И, действительно, отъ дѣйствія яду душевнаго волненія на печень и желчь, или отъ дѣйствія яду, но укушенный въ одно мгновеніе совершенно пожелтѣлъ; другіе же, послѣдствій укушенія не имѣло.

Въ Виндзорѣ, городѣ Кумберлендскаго графства, одного путешателя вылечили отъ укушенія змѣи, асасасываисенъ. Будучи работалъ одинъ въ полѣ, когда съ нимъ случилось несчастіе, онъ хотѣлъ возвратиться въ городъ, бывшій въ небольшомъ разстояніи, но силы оставили его, онъ упалъ, и былъ найденъ на дорогѣ въ то самое время какъ слылся приползти къ ближайшей лужѣ, чтобы утолить пожирившую его жажду. Его отвезли въ городъ, и призвали знахаря Негра, Знахарь сначала сталъ видѣться груды

о зѣн, дѣлать разныя кривлянья, чтобы придать болѣе важности своему искусству; потомъ потребовалъ соли, набилъ ею ротъ, и принялся сосать рану, что повидимому причинило пациенту сильную боль. Наконецъ Негръ сдѣлалъ знакъ, чтобы его оставили одного, и побѣжалъ къ огороду, у котораго пациентъ былъ укушенъ. Не смотря на запрещеніе, нѣсколько человекъ послѣдовали за нимъ и подсмотрѣли какъ онъ оплевывался и бѣсновался какъ сумасшедшій. Черезъ четверть часа онъ возвратился къ больному и сказалъ, что врачеваніе еще не кончено; онъ принялся опять сосать, съ большою силою, и опять побѣжалъ къ огороду; наконецъ черезъ полчаса онъ возвратился медленнымъ шагомъ, и объявилъ, что ручается за изцѣленіе больнаго. И дѣйствительно укушенный остался живъ.

Нѣкоторыя изъ мелкихъ породъ отличаются необыкновенною красотою. Одна Англичанка, мисъ Б., имѣющая дачу въ окрестностяхъ Сиднея, увидѣла однажды въ своемъ саду нѣчто, показавшееся ей спиральнымъ кусочкомъ дерева, покрытымъ яркими разноцвѣтными ивами; она подняла его, чтобы посмотреть поближе, и узнала крошечную змѣю одной изъ самыхъ ядовитыхъ породъ. Къ счастью она держала ее такъ осторожно и ловко, что змѣя могла легко проскользнуть между ея пальцевъ. Мисъ Б. хотѣла ее сохранить, какъ диковинку, но безжалостный садовникъ убилъ ее ударомъ лопатки.

Тоже мисъ Б. въ другой разъ была свидѣтельницею странной чарующей силы, которую приписываютъ змѣямъ, и которую многія изъ нихъ дѣйствительно одарены. Она прогуливалась съ одною своею пріятельницею, мистрисъ А. по полю, заросшему мелкимъ кустарникомъ, такъ что онѣ часто принуждены были расходиться. Увидѣвъ себя одной, мисъ Б. обернулась, и съ изумленіемъ увидѣла свою спутницу, стоявшую совершенно неподвижно. Она зоветъ ее, нѣтъ отвѣта; подходитъ къ ней съ безпокойствомъ, и что же? Мистрисъ А. стоитъ, опершись одною рукою на кустъ, а другую протянувъ впередъ, какъ-будто хочетъ что-нибудь отстранить; тѣло ея вытянулось, и нѣсколько откинулось назадъ, а голова наклонилась впередъ; губы полурастворены, глаза выпучились неподвижно, дыханіе какъ-будто прекратилось. Мисъ Б. зоветъ ее еще разъ, и опять напрасно; она смотритъ въ ту сторону, куда устремлены взоры ея подруги, и ей кажется, будто видать что то въ густомъ кустарникѣ. Она подходитъ ближе, и останавливается въ такомъ же неподвижномъ положеніи. Въ нѣсколькихъ футахъ передъ ними огромная змѣя, слившись

въ кольцо, и поднявъ голову, готовится, кажется, броситься добычу; глаза чудовища горятъ адскимъ огнемъ; между разсѣтыхъ зубовъ его сверкаетъ на солнце зубчатое жало. Наконецъ будто влекомая какою-то непреодолимою силою, мистрисъ А. даетъ шагъ впередъ.... Это невольное движеніе спасло ее; мистрисъ Б. пробудилась изъ мгновеннаго очарованія, схватила спутницу за руку, и пустила прозвительный крикъ, который обратилъ чудовище въ бѣгство. Когда мистрисъ А. опомнилась, она упала изнеможеніи на землю; къ счастью домъ былъ недалеко, и скорѣе поспѣла помощь. Мистъ Б. замѣчаетъ, что пріятельница ея, отъчающаяся рѣдкою красотою, могла бы въ эту ужасную минуту служить прекраснымъ образцомъ даровитому художнику.

ИСКУССТВЕННОЕ РАЗМНОЖЕНІЕ РЫБЪ. Извѣстно, что число въ рождающихся рыбъ чрезвычайно мало въ сравненіи съ количествомъ яицъ, которое мечетъ самка, потому что прожорливость другихъ рыбъ и другія опасности истребляютъ большую часть яицъ. Два ученые, господа Катраажъ и Больштейнъ недавно предлагали устранить эти опасности искусственнымъ оплодотвореніемъ икры, и сдѣлали нѣсколько удачныхъ опытовъ. Нынѣ одна газета сообщаетъ фактъ, который самымъ блестящимъ образомъ подтверждаетъ мысль этихъ ученыхъ. Два рыбака Ремимовской общины, въ Вогезскомъ департаментѣ, по имени Жегенъ и Реми, замѣтили, что самка форели, когда наступаетъ время метанія икры, то-есть въ ноябрѣ мѣсяцѣ, обыкновенно третса слегка брюхомъ о береговой песокъ, и тѣмъ облегчаетъ метаніе икры. Рыбаки заключили изъ этого, что можно предохранить зародыши отъ истребленія, взявъ самку, которая во время метанія икры довольно смирна, и искусственнымъ образомъ побудивъ ее выпустить икру, которую потомъ можно сложить въ безопасное мѣсто, и оплодотворить выжатыми изъ самца молами.

Они сдѣлали нѣсколько опытовъ. Имъ удалось легкимъ сжманіемъ брюха самки возбудить метаніе икры, которую они опустили въ сосудъ наполненный свѣжею и чистою водою, и на днѣ котораго былъ слой мелкаго песку. Затѣмъ они взяли самца, и выжали изъ него молами въ сосудъ. Вода тотчасъ слегка помутилась, почему рыбаки узнали, что оплодотвореніе совершилось. Потомъ они опустили сосудъ въ проточную воду, и въ мартѣ слѣдующаго года имѣли удовольствіе найти въ сосудѣ вмѣсто яицъ безчисленное множество рыбокъ. Рыбаки нѣсколько

разъ повторяли свой опытъ въ маломъ видѣ, и каждый разъ съ такимъ же успѣхомъ. Одно частное общество поощренія общепользныхъ предпріятій дало имъ премію, а вынче они выхлопотали себѣ исключительное пользованіе значительнымъ пространствомъ проточной воды; тутъ они устроили удобные для цѣли ихъ садки, въ которыхъ у нихъ развелось отъ пяти до шести миліоновъ форелей отъ одного году до трехъ лѣтъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что двухъ-лѣтняя форель имѣетъ средняго вѣсу четверть, а трехъ-лѣтняя полуунта; по этому вѣсу учредители продаютъ обыкновенно взращенныя ими форели.

Эти опыты возбудили во Франціи вопросъ, нельзя ли такимъ же искусственнымъ путемъ вновь заселить истощившіяся устричныя рифы или развести новыя; другими словами, нельзя ли сѣять устрицъ, какъ сѣютъ рыбу. Это имѣло бы очень важный результатъ для жителей сѣверныхъ береговъ Франціи, которые промышляютъ почти исключительно ловомъ устрицъ. Газета La Presse приглашаетъ парижскихъ лакомокъ открыть подписку для собранія потребной суммы на произведеніе опытовъ въ большихъ размѣрахъ.

НОВЫЯ УЧЕНЫЯ ПУТЕШЕСТВІЯ. Между тѣмъ какъ раздоры и междоусобія терзаютъ несчастную Германію, нѣсколько ученыхъ Нѣмцевъ ищутъ другаго рода впечатлѣній, подвергаются другаго рода опасностямъ изъ любви къ наукѣ, бывшей издавна отличительною чертою ихъ племени. Они проникаютъ въ мало и даже вовсе неизвѣстныя страны, и изучаютъ ихъ мѣстность, природу и жителей, чтобы вложить и свою посильную лепту въ сокровищницу человѣческаго знанія.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Лондонскаго Географическаго Общества была читана любопытная статья о Тибетѣ, доставленная извѣстнымъ нѣмецкимъ миссіонеромъ, докторомъ Карломъ Гюцлафомъ. Эта таинственная страна, находящаяся на самой возвышенной плоскости Средней Азіи, окруженная высокими горами, безспорно можетъ представить обильную пищу любознательности ученаго. Тибетъ, какъ колыбель шаманства, находится подъ властью духовной іерархіи, которая поддерживается не оружіемъ, не воинами, а жрецами. Въ каждомъ удобномъ для жительства мѣстѣ этой обширной страны возвышается ламайскій храмъ, съ мужскимъ монастыремъ, дивной архитектуры. Праздность и вѣга составляютъ высшее блаженство избранныхъ, заселяющихъ эти монастыри; трудиться для добыванія

насушиваго хлѣба они считаютъ позоромъ; народъ же долженъ довольствоваться счастьемъ содѣйствовать благополучію, а не стѣ. Запертый между двумя могущественными державами, Китаемъ и Индією, Тибетъ много вѣковъ держалъ въ этой неподвижности до тѣхъ поръ, какъ набѣги сосѣдей, жителей Неполя и Гари не принудили его прибѣгнуть къ покровительству Небесной Имперіи. Маньчжуры грянули съ средини пушекъ чрезъ горныя ущелья; Непольцы были выгнаны, но побѣдители остались владыками покровительствуемой страны. Прежде всего они ввели свою систему отчужденія отъ всего иноземнаго, и Тибетъ, къ которому и безъ того уже доступъ былъ чрезвычайно труденъ, заперся наглухо всякому чуждому вліанію. Докторъ Гюцлакъ, въ продолжительное свое пребываніе въ Китаѣ, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы добывать извѣстія объ этой странѣ, и собранныя имъ свѣдѣнія во многомъ дополняютъ прежнія описанія Марко Поло, Патера Дезидери, Турнера и Муркрофта. Описавшіе нравы пограничныхъ горцевъ, на которые гордые свои просвѣщеніемъ Китайцы смотрятъ съ надменнымъ презрѣніемъ, онъ представляетъ многія подробности о рѣкахъ и горахъ Тибета. Нѣкоторыя горы, по словамъ его, гораздо выше самыхъ высокихъ вершинъ Гималайскаго хребта, а пространныя, величественныя озера изумляютъ путешественника, и наполняютъ душу его благоговѣніемъ. Въ Лазгѣ, столицѣ Тибета и мѣсто-пребываніи далай-ламы, до 50,000 жителей и множество великолѣпныхъ духовныхъ сооруженій; городъ ведетъ значительную торговлю. Китайцы строго держатся стариннаго изреченія политической мудрости: *divide et impera*; и всѣми силами стараются устраивать иностранцевъ, и особенно Англичанъ, отъ сношеній съ Тибетомъ. Однако же Тибетъ не менѣе другихъ странъ нуждается въ средствахъ продовольствія, и въ нѣкоторыхъ частяхъ его недостатокъ доходитъ до того, что китайскія начальства принуждены смотрѣть сквозь пальцы на ввозъ хлѣба изъ Кашмира и Пенджаба. Горы изобилуютъ всякаго рода минералами, а въ храмахъ собрано несметное количество золота. Китайцы ежегодно вывозятъ золота на огромную сумму, по большей части въ слиткахъ; они вымѣниваютъ его на чай. Кромѣ китайскихъ и пенджабскихъ купцовъ, въ Тибетъ проникаютъ и русскіе купцы, проходя небольшими караванами черезъ степь Средней Азіи въ томъ мѣстѣ, гдѣ она всего уже. Къ числу самыхъ поразительныхъ обычаевъ этого страннаго народа принадлежитъ многомужество (полиандрія); въ Тибетѣ очень обыкновенный случай, что

женщина выходить вонужь за двоухъ или нѣсколькихъ братьевъ; и увѣряютъ даже, что это нисколько не препятствуетъ ихъ супружескому счастью. — Гюцлафъ заключаетъ статью обзоромъ Тибетской исторіи и нѣкоторыми статистическими данными о народонаселеніи.

Другой нѣмецкій путешественникъ, докторъ Фридрихъ Бѣлоблочки, Ганноверскій уроженецъ, довольно извѣстный въ ученомъ мѣрѣ, отправился въ іюнь 1848 года изъ Англии, намѣреваясь совершить потешествіе по восточной Африкѣ. Онъ поѣхалъ чрезъ Триестъ, Ливны и Египетъ въ Адень, и послѣднія письма его, отъ января текущаго года, писаны изъ аравійскаго порта Муската, откуда онъ намѣревался переправиться моремъ въ Момбазу, на восточномъ берегу Африки, подъ 4° южной широты. Изъ Момбазы онъ предполагалъ продолжать путь во внутрениа земли къ ливніи, отстоящей на сто англійскихъ миль отъ берега, и составляющей гранцу между долиною верхняго Нила и рѣками Лузиджи, Оли и Забаки, текущими на востокъ, въ Индійскій океанъ. Прибывъ къ этому мѣсту, онъ постарается опредѣлить южныя границы Нильской долины, то есть той продолговатой полосы, которой воды стекаютъ въ Египетъ, и, если возможно, будетъ изслѣдовать верховья главнѣйшихъ протоковъ, образующихъ эту огромную рѣку. Окончивъ изслѣдованіе Нильскихъ верховьевъ, ученый путешественникъ намѣренъ, если представится къ тому удобный случай, пройти чрезъ весь материкъ къ западному берегу; въ противномъ же случаѣ онъ думаетъ прослѣдить теченіе рѣки къ Сенаару и Египту. Это путешествіе, по его соображеніямъ, должно продолжиться три года.

Наконецъ третій нѣмецкій путешественникъ, миссіонеръ Ребманъ, совершилъ недавно поѣздку въ страну Моно-Моэзи, въ южной Африкѣ, пересѣкаемую вдоль хребтомъ, котораго самая высокая гора, Кулиманджаро (вѣроятно Аббадіева «Бѣлая гора») находится подъ 4° градусомъ южной долготы, и покрыта вѣчнымъ снѣгомъ. Эта цѣпь по вѣсѣмъ вѣроятіямъ та же, которую Птоломей называетъ Луными горами, потому что на языкѣ Цандибарскаго племени *Моэзи* означаетъ лулу. По мнѣнію Александрійскаго космографа Нилъ течетъ изъ Лунаго хребта, котораго снѣга суть главная причина накопленія воды, производящаго разлитіе этой рѣки и оплодотворяющаго долину Египта. Довольно вѣроятно, что новѣйшія изслѣдованія подтвердятъ эти свѣдѣнія и докажутъ еще разъ, что за 1700 лѣтъ географія этой части

свѣта была гораздо лучше извѣстна, чѣмъ въ нашъ ученый вѣкъ.

ЭКСПЕДИЦІЯ КЪ СЪВЕРНОМУ ПОЛЮСУ. Между прочими документами, касающимися разныхъ англійскихъ экспедицій къ сѣверному полюсу, былъ недавно представленъ англійскому парламенту одинъ документъ, подъ названіемъ: «Содержаніе инструкцій, посылаемыхъ сэру Джемзу Россу на корабль «Сѣверная звѣзда». Этотъ корабль, какъ извѣстно, долженъ доставить Россу продовольствіе; но какъ нельзя было ручаться за то, что онъ съ нимъ сойдется въ опредѣленномъ мѣстѣ, то адмиралтейство велѣло изготовить двѣнадцать цилиндрическихъ футляровъ, положить въ каждый изъ нихъ копію съ деньгами, и бережно положить по одному такому цилиндру въ слѣдующихъ мѣстахъ: у мысовъ Китоваго, Юркскаго, Крофордова, Гей у Поссиновъ-бей, Повдзъ-бей и Агнесь молюмента, или если это окажется невозможнымъ, въ другихъ удобныхъ пунктахъ того берега. Надо замѣтить, что эти пункты избраны Россомъ, какъ самыя важныя. При оставленіи этихъ цилиндровъ, предписано соблюдать слѣдующія правила. Должно избрать мѣсто, которое не трудно было бы видѣть изъ шлюпки, идущей вдоль берега, и притомъ мѣсто не слишкомъ удаленное отъ берега; зарыть цилиндръ въ землю верхкомъ на двѣнадцать или оснадцать, потомъ совершенно выровнять землю, и положить на это мѣсто груды камней, среди которой укрѣпить вѣху. Сверхъ того, судно должно запастись четырьмя прочными бочками, не пропускающими въ себя воды; въ каждую изъ нихъ будетъ также вложенъ цилиндръ съ депешою. Эти бочки, къ которымъ будутъ прикрѣплены небольшія вѣхи съ флагами или флажерами, должны быть спущены на воду въ разныхъ мѣстахъ, на разстояніи четырехъ или пяти миль одна отъ другой, сколько можно дальше на западъ отъ Ланкастерскаго пролива, однако же въ мѣстахъ свободныхъ отъ льду. Если «Сѣверной звѣздѣ» не удастся встрѣтить Росса или его шлюбку, то капитану приказано принять въ надлежащее время мѣры для свободнаго проѣзда черезъ Баффинновъ заливъ обратно на востокъ.

ЗОЛОТЫЕ ПРИНСКИ ВЪ НОРВЕГІИ. Нашъ желѣзный девятнадцатый вѣкъ пожалуй когда нибудь назовется, если не золотымъ, то по крайней мѣрѣ вѣкомъ золота. Съ каждымъ днемъ почти открываются новыя золотыя прииски, которыхъ обиліе можетъ спо-

рѣтъ съ норвежскими и нехинанскими рудниками шестнадцатаго вѣка. Не успѣло еще наше европейское воображеніе, — которое такъ и разыгрывается, когда ему показываютъ золото, — отдохнуть отъ разсказовъ о золотыхъ россыпяхъ въ Калифорніи, какъ господинъ Гюцлафъ извѣщаетъ о золотыхъ рудникахъ Тибетскаго хребта, а одинъ норвежскій крестьянинъ открываетъ золотые прѣиски въ Норвегіи, и безъ того уже славной своими Конгебергскими серебряными рудниками. На это открытіе навели его именно толки о калифорнскихъ сокровищахъ. Въ концѣ марта мѣсяца крестьянинъ Агеруской провинціи, Оле Францъ Шейгеръ, предложилъ одному золотыхъ дѣлъ мастеру въ Христіаніи купить слитокъ золота, вѣсомъ безъ малаго въ семь унцій. Мастеру этотъ случай показался такъ страннымъ, что, не довольствуясь объясненіями крестьянина, онъ донесъ о томъ полиціи, которая сочла долгомъ распросить продавца. Изъ допросу оказалось, что Шейгеръ давно уже нашелъ въ Зиммерскомъ приходѣ, у водопада близъ мѣста, называемаго Адскою Пещерою, камень, который такъ поразилъ его своимъ блескомъ и вѣсомъ, что онъ отнесъ его домой и спряталъ. Потомъ, читая объ открытіи золотыхъ прѣисковъ въ Калифорніи, онъ вспалъ на мысль, что и въ этомъ камнѣ можетъ заключаться золото. Онъ тотчасъ разбилъ его, расплавилъ щебень, и такимъ образомъ добылъ слитокъ. Другіе, меньшіе куски онъ употребилъ на то, чтобы придать видъ золота своей мѣдной посудѣ.

Норвежское правительство, вслѣдствіе этого объясненія даровало Оле-Францу Шейгеру, на опредѣленныхъ условіяхъ, исключительное право разрабатывать землю, на которой онъ нашелъ камень; для этого онъ вступилъ въ товарищество съ бельгійскимъ консуломъ въ Христіаніи, Моэ. Работы предполагалось начать, какъ скоро сойдесть глубокой снѣгъ, покрывающій этотъ край.

еще о калифорніи. Вотъ самыя свѣжія и вѣрныя извѣстія изъ Калифорніи. Эдуардъ Суверкропъ, бывшій датскій консулъ на Сандвичевыхъ островахъ, пріѣхалъ въ Санъ-Влазъ перваго марта и въ шестнадцать дней проѣхалъ девятьсотъ девяносто миль, раздѣляющія этотъ городъ отъ Вера-Круса. Въ то время, какъ Суверкропъ оставилъ Санъ-Франсиско, температура становилась свосиѣе и работники снова принимались за дѣло. Около семи тысячъ человекъ трудятся надъ россыпями, расположившись во-злѣ нихъ или около вѣрности Суттера. Многіе отправились въ

Санъ-Франциско, въ шатрѣхъ обретится много за розсыпю, когда позвонятъ погода. Суверкромъ подтверждаетъ все, что видели о богатствѣ Калифорніи и думаетъ, что количество золота собраннаго до его отъѣзда можетъ простираться до четырехъ милліоновъ долларовъ. Изъ этой суммы 1,500,000 законнымъ порядкомъ вывезены въ Санъ-Франциско съ уплатой пошлины, а 700,000 вывезены украдкой. Милліонъ остался на мѣстѣ для торговли, остальное раздѣлили между собой жители.

Корабль Lexinton, оставившій Санъ-Франциско двадцать пятого января увезъ 400,000 долларовъ. Почти весь золотой порошокъ вывезенъ въ Мазатланъ и Вальпарайсо, а тамъ это золото вымѣнивается на деньги и товары, отправляемые въ Калифорнію.

Самый большой кусокъ чистаго золота, который Суверкромъ видѣлъ въ Калифорніи, вѣсилъ четырнадцать унцій, другой, вѣсившій около шестидесяти, былъ купленъ за половину этого вѣса, потому что содержалъ постороннія частицы.

Цѣнность золота поднялась высоко по причинѣ значительнаго подвозу звонкой монеты. Домъ Юсефа Боупера и компаніи, сдѣлавшій большія закупки по 14,50 за унцію, не могъ болѣе достать по этой цѣнѣ. За то съѣстные припасы и товары чрезвычайно понизились въ цѣнѣ; мука продавалась по десяти долларамъ за боченокъ оптомъ, а по пятнадцати въ одшачку; соленую говядину едва цокушали по 14 долларамъ. Ожиданіе подвозу разнаго груза, помогло привести все къ болѣе нормальному и умѣренному уровню.

Журналъ, издаваемый въ Санъ-Франциско: «Alta California», напечаталъ много любопытныхъ статей о тамошней зимней температурѣ. Въ январскомъ номерѣ находимъ мы слѣдующее:

«Путешественники недавно пріѣхавшіе съ сѣвера, подтверждаютъ о продолжительности чрезвычайнаго холода въ той сторонѣ. Никогда болѣе жестокая зима не являлась въ Калифорніи. Сообщение между крѣпостью Сакраменто и мѣстомъ розсыпей совершенно прервано. Упало отъ шести до осьми дюймовъ снѣгу, который остается еще на землѣ. Рѣки прибываютъ. Говорятъ, что Сакраменто поднялся на пятнадцать футовъ въ три дня.

«До двадцати пятого января продолжались постоянно южные вихри съ дождемъ. Корабли въ гавани вѣсколько разъ срывались съ якоря, но къ счастью безъ всякаго вреда. Сообщение между Сакраменто, Стоктономъ и розсыпями совершенно прекращено; потому что все низкія мѣста залиты водой. Множество повозокъ,

съ товарищи и провинціи для розсыпей остановилась за походомъ безъ сомнѣній до весны не будутъ въ состояніи продолжати путь. Тѣ, которые шли съ розсыпей, принужденны были тогда идти пол-милію, вплавъ или въ бродъ. Слѣтъ на розсыпяхъ увеличился отъ одного до трехъ футовъ глубины.»

Легкая распря между Бѣлыми и Индѣйцами послужила поводомъ редактору «Alta California» дать нѣсколько строгихъ совѣтовъ Бѣлымъ, которыхъ задорное поведеніе часто раздражаетъ туземцевъ. Последнихъ надо болѣе презирать чѣмъ бояться и сдѣлать только надсматривать за ними; но нѣкоторые доводятъ въ право надзора и чувства своего превосходства, до такой грубости и жестокости, что въ споранъ и распряхъ почти всегда виноваты Бѣлые. Калифорнія не совершенно вредана хищникамъ и бродягамъ. Эта провинція, о которой конгрессъ такъ мало позаботился, сама создала себѣ родъ временнаго правленія. Въ деревняхъ есть судьи или алкады. Нѣсколько убійцъ были уже осуждены ими на смерть. Всѣ обыкновенныя формы судопроизводства соблюдаются въ этихъ импровизированныхъ судахъ. Осужденный дѣлается сначала передъ судомъ присяжныхъ, который рѣшаетъ должно ли предать его суду; потомъ онъ подвергается суду и осуждается или оправдывается присяжными. И это уже хорошо, въ ожиданіи того, когда конгрессу урядить для Калифорній какое-нибудь правленіе.

Съ другой стороны начальники морскихъ и военныхъ силъ Соединенныхъ Штатовъ употребляютъ все мѣры, чтобы поддерживать порядокъ и заставить повиноваться законамъ. Въ юрисконсультахъ есть доносеніе о казни трехъ челоуѣкъ, какихъ то Делли, Шамбелла и Фри, обвиненныхъ въ смертоубійствѣ. Судьи присяжныхъ рѣшилъ, что они виновны и ихъ приговорилъ къ казни. Приговоръ былъ исполненъ въ присутствіи публичной толпы гражданъ. Подсудимые признались въ преступленіи и признали въ тоже время католическую вѣру. Трое другихъ были послѣ судимы за участіе въ томъ же преступленіи, одного зовутъ Коттономъ, другаго Вулардомъ, третьяго Лео; двухъ послѣднихъ обвинялъ также въ казнь преступленіи. Ихъ вина была виновными и осудилъ: Коттона на пятнадцать, двухъ другихъ на осьмнадцать ударовъ плетью, а послѣдняго еще крѣпче того за другія вины на сорокъ ударовъ плетью и на вѣчное заключеніе въ тюрьмѣ.

Цѣнность владѣній (proprities) въ Санъ-Франциско повысилась на десять процентовъ, а на Сандвичевыхъ островахъ унала на

сроки процентовъ. Эти острова почти опустѣли и думаютъ, что когда пройдетъ пора итовой ловли, то и остальные бѣлые жители отправятся въ Калифорнію.

НОВЫЯ ПРИОБРѢТЕНІЯ БРИТАВСКАГО МУЗЕУМА. Едва ли есть въ образованномъ мірѣ другое учрежденіе этого рода, которое могло бы сравниться своимъ богатствомъ и огромностью средствъ съ знаменитымъ Британскимъ Музеумомъ. По послѣдне-обнародованному имъ отчету, за 1848 годъ, видно, что сумма доходовъ его на этотъ годъ простиралась до 53,999, а расходъ до 49,845 фунтовъ стерлинговъ. Изъ этой суммы 21,041 фунтъ употреблено на содержаніе музеума, и жалованье служащимъ при немъ; 1,768 фунтовъ на содержаніе зданія; 18,707 фунтовъ на обогащеніе музеума; 6,514 фунтовъ на переплетъ книгъ, покушку шкаповъ, и прочая; и 1,655 фунтовъ на печатаніе каталоговъ, упаковку вещей и прочая.

Число посѣтителей музеума въ продолженіе всего года было 827,985; число посѣтителей лекцій по разнымъ предметамъ, — 66,867, то есть, среднимъ числомъ 225 человекъ въ день.

Старыхъ сочиненій приобрѣтено 10,177 экземпляровъ; собраніе англійскихъ бѣдлій значительно умножено покушкою шести Краймеровскихъ изданій 1540 и 1541 года; сверхъ-того куплено собраніе, какъ полагаютъ единственное, 130 прокламацій ирландскаго правительства въ Дублинѣ съ 1685 по 1691 годъ, нѣсколько важныхъ пополненій къ историческимъ и топографическимъ сочиненіямъ объ испанской Америкѣ, и семь великолѣпныхъ фоліантовъ Розини о Римѣ. Остальныя новыя приобрѣтенія заключаютъ болѣе ста восточныхъ сочиненій, недавно отпечатанныхъ въ Константинополѣ, и двадцать сочиненій въ трехъ стахъ страницъ томахъ, на маньчжурскомъ и монгольскомъ языкахъ; такимъ образомъ и китайскій отдѣлъ музеума, доселѣ довольно бѣдный, сталъ однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ. Но самое примѣчательное приобрѣтеніе составляетъ собраніе еврейскихъ сочиненій, принадлежавшее прежде гамбургскому банкиру Михаэлю. Это извѣстное и высоко цѣнимое ориенталистами собраніе состоитъ, по печатному каталогу, изъ 5,400 томовъ, или, за исключеніемъ дупликатовъ и попорченныхъ экземпляровъ, изъ 4,420 томовъ, и заключаетъ 3,970 лучшихъ сочиненій.

Въ спискѣ новопріобрѣтенныхъ рукописей особенно замѣчательны: *Часословъ*, росписанный однимъ фламандскимъ художникомъ для Филиппа-Красиваго, короля кастальскаго, до вознествія

его на престолѣ, то есть между 1490 и 1506 годами, или для жены его, королевы Іоанны, матери Карла-Пятаго. Въ началѣ рукописи находятся портреты обоихъ во весь ростъ. Миниатюры приписываются Гемелянку; одинъ томъ подлинныхъ уставовъ и льготныхъ грамотъ парижскаго университета, четырнадцатаго вѣка; евангельскія чтенія на латинскомъ языкѣ, по уставу парижской церкви, съ великолѣпными миниатюрами въ французскомъ стилѣ конца тринадцатаго вѣка; Новый Заветъ съ апокалипсисомъ, на греческомъ языкѣ, тринадцатаго вѣка; Откровеніе апостола Іоанна, на латинскомъ и французскомъ языкахъ, со множествомъ миниатюръ, начала четырнадцатаго вѣка; списокъ «Лѣстницы райа» (Scala Paradisi) Іоанна Климача, писанный превосходнымъ ного-готическимъ шрифтомъ десятаго вѣка; большое собраніе драгоцѣнныхъ сочиненій, относящихся къ исторіи, географіи и статистикѣ Южной Америки, и Филиппинскихъ острововъ, съ 266 картами, принадлежавшее прежде капитану Феликсу Бауза, директору мадридскаго географическаго кабинета; собраніе 357 подлинныхъ картъ Англіи и Нормандіи, съ тринадцатаго до осьмнадцатаго вѣка; наконецъ первая часть (съ 1576 по 1580 годъ), огромнаго собранія копій съ подлинныхъ документовъ, относящихся къ Англіи, и находящихся въ архивахъ Нидерландскаго королевства. Последнее собраніе доставлено музеуму бывшимъ министромъ Пальмерстономъ.

Рукописей было выдаваемо въ продолженіе 1848 года для чтенія въ залахъ музеума, 17,992.

КАРДИНАЛЪ МЕЦЦОФАНТИ. Его святѣйшество кардиналъ Меццофанти умеръ въ Римѣ. Съ нимъ угадъ самый прекрасный характеръ, самыя высокія добродѣтели, самая чудная ученая организація, какою только Провидѣніе надѣляло человѣка къ чести человѣчества.

У кардинала Меццофанти была необыкновенная способность къ языкамъ, которою до него никто не владѣлъ въ такой высокой степени. Онъ говорилъ на сорока языкахъ, нарѣчіяхъ также какъ на различныхъ просторѣчіяхъ европейскихъ, съ такимъ совершенствомъ, что житель какой бы то ни было изъ четырехъ странъ свѣта, воображалъ, что говоритъ съ соотечественникомъ. Много опытокъ сдѣлано было, чтобы напасть въ расплохъ или сбить съ пути это почти всемірное знаніе человѣческихъ языковъ. Лордъ Байронъ говоритъ въ своихъ запискахъ какъ онъ былъ удивленъ и восхищенъ когда увидѣлъ, что под-

твердились тѣ чудныя рассказы, которыми онъ прежде не хотѣлъ вѣрять.

• Аббатъ Медцозанты Болонскій библіотекаръ, говоритъ онъ, чудо языка, Вирарѣ частей рѣчи, странствующій многоязычникъ, долженъ бы жить во времена Вавилонскаго столпотворенія, какъ всемірный толмачъ; вѣстное чудо, да еще безъ претензій! Я пробовалъ говорить съ нимъ на всѣхъ языкахъ, изъ которыхъ я зналъ только бранныя слова употребляемыя противъ почталюновъ, дикарей, разбойниковъ, лодочниковъ, матросовъ, лопачиковъ, гонимыхъ, погонщиковъ муловъ, вожатыхъ верблюдовъ, а онъ привелъ меня въ туникъ на собственномъ моемъ языкѣ.

Видно, что Байронъ могъ показать аббату только *основу разнмлыя языка*; какъ говоритъ Фигаро, но папа Григорій-Шестнадцатый подвергнулъ знаменитаго полмгота болѣе рѣшительному испытанію. Конечно не вѣря молвъ, онъ хотѣлъ узнать потишу о скаринномъ булонскомъ библіотекарѣ; приказалъ его въ Римъ и доставилъ случая выказать обширность его лингвистическія познанія! Известно, что въ Римѣ существуетъ заведеніе, котораго цѣль распространить христіанскую религію въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ, гдѣ царствуетъ идолопоклонство; это коллегіумъ распространенія вѣры или *пропаганда*.

Въ коллегіумѣ Пропаванды преподаютъ много восточныхъ языковъ, по большей части сами уроженцы Востѣка, которые черпаютъ въ этой оладованнѣ источникъ всѣхъ догматы христіанства, и сообщаютъ Европейцамъ знаніе своихъ языковъ. Этихъ-то новообращенныхъ Григорій-Шестнадцатый избралъ орудіемъ испытанія, которому хотѣлъ подвергнуть аббата Медцозанти. Въ условленный часъ всѣ воспитанники Пропаванды разсѣялись по ивириннаскому саду, и вскорѣ приходятъ туда его оладывшескою въ сопровожденіи достойнаго аббата. Послѣдніаго тотчасъ окружаютъ молодые люди и каждый изъ нихъ говоритъ съ нимъ на своемъ собственномъ языкѣ. Аббатъ Медцозанти нисколько не смущившись, отвѣчаетъ каждому на томъ языкѣ, на которомъ тотъ спросилъ его; и послѣ двухъ часовъ отрывкаго разговору, гдѣ одинъ часовъкъ говоритъ на двадцати одномъ языкѣ, съ тайнымъ совершенствомъ и легкостью какъ на родномъ языкѣ, папа остался убежденъ и съ удовольствіемъ обивалъ потишу, что между его подданными находится самый замѣчательный лингвистъ, который когда либо существовалъ.

Но известъ съ этой чудной способностью; булонскій библіотекаръ послалъ въ душѣ самымъ высшимъ добродѣтелю. Когда въ

послѣдствіи онъ былъ назначенъ начальникомъ коллегіума Пропаганды, на каждомъ засѣданіи, которое происходитъ тамъ разъ въ недѣлю, возобновлялось зрѣлище невиданное — Меццофанти говорилъ безъ переводчика съ каждымъ изъ своихъ новообращенныхъ.

Изумленіе еще увеличивается, когда узнаешь, что эти чудныя лингвистическія познанія не были результатомъ продолжительныхъ путешествій, частыхъ сообщеній съ различными народами земли; кардиналъ Меццофанти сдѣлалъ единственное путешествіе во всю свою жизнь — изъ Болоньи въ Римъ. Въ болонской библіотекѣ приобрѣлъ онъ эти филологическія познанія, которыхъ обширность изумитъ потомство еще болѣе чѣмъ насъ.

Напрасно будемъ искать въ исторіи человѣческаго ума какой-нибудь терминъ сравненія для аббата Меццофанти. Принимая способность его за результатъ феномена памяти, развитой почти въ сверхъестественныхъ размѣрахъ, онъ напоминаетъ Пика де-ла-Мирандосъ, который говорилъ на двадцати языкахъ, и которому довольно было три раза прочесть книгу, чтобы повторить наизусть нѣсколько страницъ, выбранныхъ на удачу, или какъ должно или начиная съ конца до начала. Мильтонъ ослѣпнувъ написалъ *Исторію Англіи*, руководствуясь единственными матеріалами, которыми снабдила его память: все чему онъ научился въ молодости, оставалось яснымъ въ его мысляхъ. Мптридать, жившій за сто лѣтъ до Рождества Христова, говорилъ на двадцати двухъ языкахъ. Таковы самые замѣчательные люди, которыхъ геній похожъ на геній кардинала Меццофанти; исторія старательно записала ихъ имена, но видно какъ нашъ современникъ превзошелъ своихъ предшественниковъ.

Слава Меццофанти распространилась по всему образованному міру, правда только между рѣдкими учеными, занимавшимися восточными языками. Можно въ самомъ дѣлѣ вообразить какія огромныя пособія представлялъ этотъ живой полиглотъ; но собирать разбросанныя сокровища всѣхъ вѣковъ, дѣлать выписки изъ ученыхъ сочиненій, выискать въ древности составляло только половину занятій ученаго прелата; онъ былъ достоинъ возбуждать изумленіе свѣта, сколько своей обширной ученостью, столько и жизнью исполненной благодарной, благотворительности, милосердія, утѣшеній, для которыхъ онъ исключительно родился. Христіанская религія, которая едва только научаетъ страдать съ ближнимъ, внушила ему такіа средства къ благотворительности,

съ которыми могло сравняться только его горячее самоботверженіе. Если бы онъ не скрывалъ съ чрезвычайнымъ стараніемъ свои добрыя дѣла, открытіе филантропическихъ дѣлій кардина Меццофанти составило бы цѣлый курсъ нравственности и христіанской благотворительности; объ этомъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

Въ апрѣлѣ 1814, французская армія должна была оставить Италію; болонскій гарнизонъ увидѣлъ себя въ горестной необходимости оставить въ тамошнихъ госпиталѣхъ множество больныхъ. Съ этими несчастными обходился со всеѣмъ уваженіемъ, которое человечество имѣетъ право требовать отъ образованной націи, но больные, вдали отъ отечества, разставались съ товарищами, среди иностранцевъ, которыхъ языкъ былъ имъ неизвестенъ, не могли даже говорить о надеждѣ возвратиться въ отечество. Отчаяніе овладѣло ихъ душою и тоска по родицѣ, эта страшная болѣзнь, которая можетъ одна подточить и разрушить жизнь, похищала множество жертвъ; смертность была такъ ужасна, что начали опасаться, что ни одинъ Французъ не возвратится въ отечество: ни усердіе ни искусство медиковъ не могли.

Вдругъ безъ всякой видимой причины въ перемѣнѣ, ужасныя слѣдствія одиночества и страданій сдѣлались менѣе пагубны, потому и здоровье несчастныхъ быстро улучшилось. Рука Божія привела среди бѣдныхъ изгнанниковъ одного изъ своихъ достойныхъ служителей, чтобы положить конецъ ихъ страданіямъ. Скромный аббатъ Меццофанти, узнавъ о жалкомъ нравственномъ состояніи французскихъ плѣнныхъ, увѣрилъ ихъ изъ благочестиваго побужденія, что онъ ихъ соотечественникъ. А въ такихъ обстоятельствахъ встрѣтить соотечественника было отраденіе чѣмъ брата въ другомъ мѣстѣ. Достойный аббатъ проводилъ дни и ночи въ госпиталѣхъ, переходя отъ кровати къ кровати, говоря съ каждымъ больнымъ, не только по французски, но еще *на рѣчѣ* каждой провинціи, къ которой принадлежалъ больной, увѣряя всѣхъ по одиначкѣ, что онъ ему землякъ. Усердіе будущаго кардинала, развеселило страждущихъ, заставило сердца ихъ трепетать отъ радости въ разговорахъ объ отечествѣ, возвратило силу лекарству. Не гени ли это милосердія, оплодотворяющій драгоценныя способности, божественная искра, которыми надѣлано его провидѣніе?

Благотворительность его не имѣла границъ; раздавалъ безпрестанно милостыню, онъ самъ часто приводилъ себя къ лишеніямъ. Не

сколько лѣтъ тому онъ увидѣлъ себя въ невозможности облегчить есч астіе, которое живо его тронуло. Чтобы достать вужную суму, онъ продалъ, говорятъ, какъ вы думаете? фамильныя драгоценности, предметы роскоши? Увы! уже давно у него не было ничего лишняго. Онъ продалъ свою голову. Френологическое общество... предоставляемъ ему самому открыть тайну своего драгоценнаго приобрѣтенія, — общество извѣстное страстной любовью къ наукамъ, не побоялось предложить добродѣтельному и благотворительному кардиналу завѣщать ему свой черепъ формальнымъ актомъ; этотъ черепъ долженъ безъ сомнѣнія представить огромную выпуклость въ той части, которая соединяется съ мозговыми извилинами, находящимися надъ верхней частью глазной впадины, гдѣ по словамъ учениковъ Галла, находятся *чувство разговорнаго языка; способность филологическая*. Но какъ ни обольстительны были предложенія общества, попытки его не имѣли успѣху до тѣхъ поръ какъ достойный аббатъ, находясь въ описанномъ нами положеніи, вспомнилъ объ этомъ крайнемъ средствѣ и рѣшился употребить его въ пользу. Френологическое общество поручило ему самому назначить цѣну драгоценнаго образца, котораго такъ сильно доби- валось; онъ потребовалъ шесть тысячъ франковъ, именно ту сумму, въ какой вуждался для бѣдныхъ.

Жизнь кардинала Менцопанти протекла освѣщенная двойнымъ блескомъ генія самаго чистаго христіанскаго милосердія, и даромъ къ языкамъ, черезъ который онъ не только сдѣлался агентомъ образованности, но еще орудіемъ благотворительности.

Душа кардинала была обиталищемъ мира и любви, угасла именно въ то время, когда страсти разлили всюду войну и смуты, когда Римомъ овладѣло безуміе.

ЖИВОПИСЕЦЪ И СКУЛЬПТОРЪ АНТОНЕНЪ МОААНЪ. Франція недавно утратила одного изъ самыхъ даровитыхъ представителей своего искусства, въ слѣдствіе несчастныхъ происшествій, которые лишили многихъ литераторовъ и художниковъ всякой возможности найти работу, а слѣдовательно куска хлѣба. Заимствуемъ изъ некролога, написаннаго другомъ покойнаго, Жюлемъ Жаеномъ, нѣсколько свѣдѣній о его артистической дѣятельности.

Антоненъ Моаанъ, говоритъ извѣстной фельетонистъ, былъ мыслящій, трудолюбивый, добросовѣтный, пѣтливый художникъ. Онъ родился въ Сент-Эгъениѣ, на берегу прежняго Ливуона, что нынче Фурансъ, въ городѣ наковалень, среди дыму и сажи.

среди стуку веселыхъ молотовъ, на зеленыхъ лугахъ, подъ которыми кроется единственное богатство того края, каменный уголь. И среди шуму работниковъ и паровыхъ машинъ выросъ скромный юноша и образовался одинъ изъ самыхъ умныхъ и милыхъ художниковъ эпохи возрожденія. Еще ребенкомъ пыталъ онъ свои силы и терпѣніе въ трудномъ искусствѣ рѣзбы; изъ грубой полосы металла дѣлалъ художественное произведеніе, изъ глины обращалъ въ прекрасную этрусскую вазу или въ афинскую шпату; пытался наконецъ воспроизвести описанный Гомеромъ щитъ, этотъ славный щитъ, на поверхности котораго были изображены Часы и Времена года, гевія любви и славы, небо и земля.

Среди этихъ работъ онъ долженъ былъ мало-по-малу дать себѣ отчетъ въ трудностяхъ этого искусства; онъ долженъ былъ встрѣтить трудные вопросы и тяжелую борьбу. Онъ обратился за совѣтомъ къ опытнымъ художникамъ, къ Жироудѣ и къ Грэд, котораго также отчаяніе свело въ преждевременную могилу; отъ нихъ хотѣлъ онъ узнать, какими путями они стяжали побѣду надъ всѣми трудностями своего званія. При этомъ случаѣ онъ явилъ удивительную рѣшимость и мужество. Читалъ онъ гдѣ-то, что Микель Анджело съигралъ шутку съ своими судьями, представивъ имъ маленькаго Фавна своей работы за антикъ, будто бы найденный имъ въ землѣ, въ окрестностяхъ Рима. Молодой скульпторъ рѣшился на ту же хитрость: онъ представилъ изукрашеннымъ учителямъ голову Юкунды. Они не сочли ее произведеніемъ ни афинскаго, ни римскаго ваянія, но навѣрное флорентинской скульптуры, времямъ Медичи. Парижская академія художествъ приписывала его временамъ Жюотто; самъ Энгръ, опытный и строгій судья объявилъ, что если эта голова не принадлежить къ шестнадцатому вѣку, то вполне достойна его. Наконецъ открылся настоящій творецъ ея, и тотчасъ вступилъ въ число первыхъ парижскихъ художниковъ.

Счастливое время для французскихъ художниковъ настало послѣ 1830 года; оно открыло обширное, свободное поприще и перу, и кисти, и рѣзцу; оно выдвинуло впередъ всѣ великіе таланты, пріядло новую жизнь, новую силу тѣмъ, которые уже прежде вышли изъ толпы. Исторія съ своимъ спутникомъ, историческимъ романомъ, выступаетъ на первый планъ, между тѣмъ какъ писатели, для которыхъ литературная борьба уже утратила свою прелесть становятся во главѣ политики. А сколько великихъ художниковъ явилось въ эту счастливую эпоху! Энгръ; мечтатель

Али-Шеферъ, перевесшій на полотно созданія Гёте; Поль Деларошъ, несчастный Леопольдъ Робертъ являются въ первомъ ряду, по праву рожденія и прежнихъ заслугъ; за ними слѣдуютъ ихъ ученики и будущіе мастера: Шенаваръ, котораго такъ рано похитила смерть; Барн, бѣжавшій отъ золотыхъ дѣлъ мастера, у котораго былъ въ учениц, чтобы создавать своихъ львовъ; Шанмартенъ, съ своими дивными портретами. Далѣе Декампъ, и прочіе поклонники леваго неба и роскошной природы востока: Луп Каба, Жюль Дюпрё, Маршалъ и Марилья.

Рядомъ съ этими молодыми артистами, рядомъ съ Камилемъ Рокплапомъ, съ Альфредомъ Жоанно, съ Томи Жоанно, съ Евгениемъ Делакроа, и множествомъ другихъ даровитыхъ людей, обратилъ на себя общее вниманіе и Антоенъ Моанъ умомъ и одушевленностью своихъ произведеній. Вдохновенный внезапнымъ возрожденіемъ искусствъ, достойный преемникъ великихъ ваятелей шестнадцатаго вѣка, каждый день создавалъ онъ новыя произведенія, полныя огня и жизни: то лѣшихъ и джиновъ изъ «Les Orientales», Виктора Гюгò, то Байрнова «Мазепу», скачущаго на дикой лошади. Подобно Луп Буланже, Антоенъ Моанъ больше кого-либо почерпалъ вдохновеніе изъ современныхъ поэтовъ, своихъ собратьевъ по искусству. Въ то время каждый ставилъ себѣ въ обязанность читать каждое хорошее новое стихотвореніе, видѣть каждую новую драму; и Моанъ не могъ не принять участія въ этой великой борьбѣ. Стоить только указать на его «Олифанскаго звонаря», замѣтованнаго изъ возвращенныхъ къ жизни среднихъ вѣковъ; или на его «La jeune Mâtelaine», прелестное дитя баллады. За этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ то трогательныхъ, то страшныхъ героевъ «Храма Парижской Богородицы»: Эмеральда, Фебъ, Квазимодо, все эти созданія, вылившіеся изъ фантазіи Виктора Гюгò, чтобы вдохновить поэтовъ, живописцевъ, скульпторовъ, композиторовъ и даже балетмейстеровъ. Антоенъ Моанъ одинъ изъ первыхъ принялся за дѣло. Онъ быстро схватывалъ идею и мастерски передавалъ ее. Преподобительное образованіе его было не полно; но зато дѣятельность его удваивалась, когда онъ принимался за ученіе для задумаваго труда. Послѣ нечисленныхъ произведеній создалъ онъ Донъ-Кихота и Санхо-Пансу, по образцу Декампа.

На площади Согласія, у фонтана красуются «Тритонъ» и «Палла» Антоена Моана. Это были первые его опыты въ монументальномъ ваяніи; къ лучшимъ произведеніямъ его этого разряду принадлежатъ двѣ купели въ церкви святой Магдалины. Въ этихъ

двухъ произведеніяхъ дышетъ чистое итальянское искусство, соединяющее изящество формъ съ богатствомъ фантазіи.

Но это счастливое время, когда вездѣ кнѣзла дѣятельность, и каждому трудолюбивому художнику представлялась достаточная работа съ хорошимъ вознагражденіемъ, — прошла и можетъ быть надолго. Автопень Моанъ, со многими другими, остался безъ занятія и безъ средствъ поддержать существованіе семейства; жены, сына и двухъ сестеръ. Въ свои счастливые годы онъ безъ труда, и не безъ славы переходилъ отъ мрамора къ живописи, отъ мрамора къ краскамъ. Теперь онъ старался тѣмъ и другимъ снискать насущный хлѣбъ; но всѣ усилія его были напрасны; онъ поѣхалъ въ Лондонъ, надѣясь что-нибудь заработать портретами и бюстами; но Англія измѣнила своему обычному гостепримству и щедрости. И въ этотъ часъ страданія кто могъ протянуть ему руку помощи? къ кому могъ онъ обратиться безъ униженія съ просьбою о не оставленіи его? За вѣсколко дней передъ смертію Автопенъ Моанъ видѣлъ кончину лучшихъ своихъ друзей; вокругъ него было одно опустѣніе и гибель; братья его по искусству сами отчаявались въ своей судьбѣ; покровители его были въ изгнаніи, послѣдній и ревностѣйшій изъ нихъ, Лонгъ, уже ничего не могъ для него сдѣлать, потому что самъ былъ въ крайности.

Чувствительная, воспримчивая, безпокойная душа Автопена Моана, соединенная съ слабымъ, нервическимъ, болѣзненнымъ сложеніемъ, не могла перенести такихъ тяжелыхъ испытаній, такого быстрого пспаденія съ вершины славы, уваженія, счастья, въ бездну нищеты и униженія; душевыя силы его истощились; мужество, надежда, оставили его. Онъ въ шивуту страданія и отчаянія забылъ долгъ свой къ семейству, къ друзьямъ и къ искусству. Пожалѣемъ о несчастномъ, о печальныхъ обстоятельствахъ, причинявшихъ намъ эту утрату, которую понесло въ немъ искусство.

Автопенъ Моанъ родился въ концѣ прошлаго вѣка. Онъ служилъ нѣкоторое время въ военной службѣ и часто съ гордостью разсказывалъ своимъ друзьямъ, что имѣлъ честь участвовать въ битвѣ при Ватерло. Единственный сынъ его, въ настоящее время одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ политехнической школы. Все имущество, оставшееся послѣ покойнаго, заключается въ вѣсколькихъ мраморныхъ изваяніяхъ, вѣсколькихъ картинахъ и множествѣ эскизовъ и проектовъ, для осуществле-

шія которыхъ художникъ ждалъ только болѣе благопріятнаго времени.

АНТИКВАРІЙ. Давнымъ давно извѣстно, что у людей, одержимыхъ какою нибудь манією, есть свой взглядъ на вещи и своя мораль. Кто не слышалъ, отъ отчаяннаго собачника, что кража — грѣхъ; но что украсть собаку дѣло позволительное; точно также Смотрятъ библіоманы на кражу рѣдкой книги, и антикваріи на цохищеніе какой нибудь диковинки. Вуврскій и Британскій музеи едва не сдѣлались жертвами такого понятія о вещахъ, а можетъ быть и гораздо болѣе попятной страсти пополнять свой недостатокъ изъ чужаго избытка.

Недавно прибылъ въ Парижъ одинъ Грекъ изъ Салоникъ, съ рекомендательными письмами отъ самыхъ почетныхъ негоціантовъ салоническихъ и смирнскихъ; его рекомендовали, какъ человека, принадлежащаго къ одной изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій Греціи, благороднаго и образованнаго. И наружность его вполне подтверждала эти лестные отзывы. Онъ свободно говорилъ по французски, по-итальянски и по англійски, и привыкъ, по видимому, къ самому утопченному обществу. Само собою разумѣется, что передъ такимъ путешественникомъ безъ труда открылись двери во все публичныя учрежденія. Онъ нѣсколько разъ посѣщалъ луврское собраніе монетъ и медалей, и при прощаніи обѣщалъ снова посѣтить его черезъ мѣсяць, по возвращеніи своемъ изъ Лондона, чтобъ тогда подробнѣе рассмотреть богатое собраніе, заслуживающее внимательнаго и продолжительнаго обозрѣнія.

Затѣмъ онъ дѣйствительно поѣхалъ въ Лондонъ. Между прочемъ у него были рекомендательныя письма къ генералу Фоксу, племяннику знаменитаго оратора. Генералъ самъ страстный охотникъ до древностей, и имѣетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ собраній въ Англій. Онъ принялъ гостя съ обычнымъ гостеприимствомъ своей страны, показалъ ему свое собраніе и доставилъ доступъ въ Британскій музеумъ, и въ собраніе монетъ, паходящееся при Банкѣ. Последнее собраніе нельзя видѣть иначе, какъ въ сопровожденіи трехъ чиновниковъ, слѣдящихъ за каждымъ движеніемъ посѣтителя.

Благодаря ли необычайной ловкости путешественника, или дѣйствию рекомендательныхъ писемъ, которые усыпили бдительность проводниковъ, но въ одно прекрасное утро, генералъ Фоксъ, директоръ музеума и мювцабинета банка замѣтили, что

изъ собраній ихъ пропало множество рѣдкихъ медалей. Они сообщили другъ другу свое несчастье, и послѣ долгаго совѣщанія рѣшили, что некого было подозрѣвать въ похищеніи, кромѣ нашего Грека; и какъ имъ трудно было рѣшиться на эту мѣру, однако же они подали на него жалобу, и внесли огромный залогъ, опредѣленный англійскими законами для обезпеченія личной свободы каждаго. Тотчасъ былъ сдѣланъ полицейскій осмотръ на квартирѣ путешественника, и найдено на пятнадцать тысячъ талеровъ краденыхъ монетъ и медалей. Многія изъ нихъ были признаны принадлежащими Британскому музею скульпторомъ Добльдеемъ, который не задолго передъ тѣмъ снималъ съ нихъ, по порученію директоровъ музеума, гипсовые снимки.

Еслибы этотъ любитель чужихъ медалей успѣлъ съ своей добычею возвратиться въ Парижъ, то нѣтъ сомнѣнія, что луврскому мюцкабинету досталось бы тоже самое.

КАКЪ ДѢЛАЮТСЯ ХУДОЖНИКАМИ. Одинъ изъ пзвѣстныхъ современныхъ живописцевъ недавно возвратился изъ Алжира, и привезъ множество любопытныхъ и оригинальныхъ рисунковъ, между которыми находятся снимки съ картинъ, украшающихъ одинъ изъ увеселительныхъ дворцовъ бывшаго дея.

Эти фрески такъ странны, какъ только можно вообразить, а происхожденіе ихъ еще страннѣе.

Паслышавшись цѣрочно, что дворцы европейскихъ государей пышно украшены, деи не хотѣлъ уступить имъ въ великолѣпіи.

Въ одно утро послѣ завтраку, онъ призвалъ плѣнныхъ изъ тюрьмы, и велѣлъ стать имъ въ два ряда.

— Умѣешь ты писать картины? спросилъ онъ у перваго въ первомъ ряду.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, неподозрѣвая причины подобаго вопроса.

Деи мпгнулъ чѣзуму и послушный Африканецъ вытащивъ ятаганъ, срубилъ голову простаку, не умѣвшему писать картинъ.

Такой же вопросъ былъ сдѣланъ второму плѣннику. Тотъ испуганный зрѣлищемъ происшедшимъ въ его глазахъ, пролепеталъ:

— Умѣю... впрочемъ нѣтъ...

— Ты самъ хорошенько не знаешь? перебилъ деи.

И за другимъ минованіемъ свалилась другая голова.

Къ счастью третій плѣнный былъ одинъ изъ тѣхъ сыновъ Паржа, которые одарены хладнокровіемъ и присутствіемъ духа.

— Пишу ли я картины! вскричалъ онъ, поднявъ голову тотъ часъ какъ страшный вопросъ коснулся его слуха. Разумѣется, ваша свѣтлость! что вамъ угодно, что прикажете?

Дей въ восхищеніи улыбулся и сказалъ плѣннику:

— Я дамъ тебѣ знать чего хочу.

Потомъ продолжалъ обзоръ.

Примѣръ Парижаина сдѣлался заразителейъ. Всѣ плѣнники вдругъ очутились учениками Гро, Давида, Жерико, и къ услугамъ деа явилось сорокъ или пятьдесятъ художниковъ. Онъ отдалъ ихъ въ распоряженіе Парижаину, который поспѣшилъ спросить у его свѣтлости программу.

— Мнѣ надо Мекку, гробницу Магомета, главные мои побѣды на сушѣ и на водѣ, потомъ пиши что тебѣ угодно.

— Слушаю, отвѣчалъ Парижаинъ, вы оставетесь довольны.

И онъ самъ написалъ и заставилъ написать самую чудную панораму, которая когда-либо красовалась на стѣнахъ дворца.

Вмѣсто гробницы Магомета онъ написалъ гробницу Наполеона на островѣ Святой Елены. Такъ какъ мусульманская религія запрещаетъ изображать живыя существа, то въ морскихъ сраженіяхъ видны только суда съ страшной пальбой, по ни одного артиллериста. Пули летятъ во всѣ стороны, дымъ красенъ отъ огня.... но ни руки ни ноги, даже ни одного носу....

Дей былъ въ восторгѣ. Къ счастью для парижаина и его помощниковъ, во дворецъ никто не входилъ, слѣдовательно любопытные не имѣли случая критиковать. У бѣдняжекъ остались головы на своихъ мѣстахъ, и послѣ настоящей художникъ успѣлъ узнать и рассказать слѣдствіе этой интересной борьбы между повѣжествомъ и необходимостью.

ЗАМОКЪ ВОЛЬТЕРА И ДОМИКЪ РУССО. Замокъ Вольтера находится среди фернейской долины; пройдя паркъ приходишь въ небольшую осьмьюгольную гостиную, гдѣ Вольтеръ принималъ друзей. Она украшена очень хорошими копіями съ Албано и Корреджіа, между которыми замѣчательна картина, чрезвычайно сбивчивая, что она, если можно такъ выразиться, продиктовала какому-то артисту; она изображаетъ торжество его надъ врагами. Описывать ее подробно будетъ слишкомъ долго: въ ней видѣется умъ, проницаніе и тщеславіе знаменитаго писателя; спальня его возлѣ этой комнаты, обои и кровать изъ зеленого дамаса совершенно изодраны посылателями, которые украдкой отрываютъ по кусочку, когда привратникъ отвернется, чтобы дать

дѣтъ волю. Вотъ описаніе портретовъ, которыми украшена эта комната, потому что все сохранено и тщательно оставлено на своемъ мѣстѣ, господиномъ Бутлеромъ изъ Женевы, новымъ владѣльцемъ замка.

На право при входѣ въ скромныхъ рамкахъ, портреты Каласа, Франклина, Мармонтеля, ниже Корнеля, Расина, Мильтона и Делля. Вольтеръ написалъ своей рукой подъ портретомъ послѣдняго:

Nulli debitor quam tibi, Virgili.

Съ другой стороны окна Гельвецій, Thomas, д'Аламберъ, Лейбницъ, и герцогъ де-Шоазель. Король Прусскій и Екатерина Вторая, съ обѣихъ сторонъ кроватн. Императрица сама подарила философу этотъ портретъ, вышитый шелкомъ ея царственной рукою.

Потомъ плутъ четыре картины, писанныя сухими красками, которыхъ выборъ и порядокъ удивятъ всѣхъ, кто не знаетъ Вольтера: Лекенъ и Клементій-Четвертый, висятъ между его быдлошвейкой и маленькимъ Савояромъ, которыхъ хорошенькія личики составляютъ страшный контрастъ съ лицами двухъ великихъ людей.

Послѣ смерти Вольтера прибавили еще портретъ Вашингтона, безъ сомнѣнія думая, что фервейскій философъ самъ бы повѣсилъ его. Окна спальни его выходятъ въ паркъ и на фервейскій мѣстъ, который онъ могъ видѣть съ своей кроватн. Это было не безъ намѣренія, потому что часто онъ работалъ до полудня, лежа, и выпивъ двѣ или три чашки кофе. У него всегда стояло нѣсколько пюльпитровъ, за каждымъ по секретарю, и смотря по тому какой демонъ поэзіи или прозіи овладѣвалъ имъ, онъ диктовалъ свои прекрасные стихи или язвительную прозу. Онъ всегда слѣдовалъ впечатлѣнію настоящей минуты; письмо какого-нибудь значительнаго лица, и газета Фрерона разгорячала его воображеніе совершенно различнымъ образомъ; проходило мгновеніе и все бросалось въ огромный портфель, откуда вынималось уже при составленіи плана новаго творенія. Тогда онъ собиралъ свои матеріалы и извлекалъ изъ нихъ обильный источникъ, которому не давалъ иссякать. При чтеніи его твореній особенно историческихъ, можно отгадать такой образъ сочиненія; въ нихъ нѣтъ послѣдовательности: факты, размышленія брошены отдѣльно безъ связи: видно, что онъ вынулъ все это изъ портфеля.

Библіотекъ его положила начало Нинона. Угадавъ его геній,

она завѣщала ему двѣ тысячи франковъ на покушку книгъ: долги его были покрыты хорошими сочиненіями и красивыми изданіями, которыя онъ наполнялъ своими отиѣтками.

Книгопродавецъ Крамеръ пришелъ къ нему въ Кольмаръ, послѣ его берлинскаго несчастія, и предложивъ напечатать полное собраніе его сочиненій, уговорилъ удалиться въ окрестности Женевы. Вольтеръ, обольщенный предложеніемъ, такъ хорошо согласовавшимся съ его наклонностями, согласился и съ тѣхъ поръ началось его богатство. Онъ купилъ Ферней, сдѣлалъ изъ деревушки городъ, украсилъ свое жилище и сталъ въ короткое время самымъ богатымъ изъ ученыхъ и самымъ ученымъ изъ богачей.

Философія и литература не были единственной страстью Вольтера. Не обожая ботанику какъ Жанъ-Жакъ, онъ любилъ цветы, земледѣліе, испытывалъ разные новые способы и сосѣдніе мызники пользовались его опытами.

Въ амбразурѣ, сдѣланной когда-то для печки, помѣстили его кенотафъ, съ надписью, которую читаютъ также въ Монморанси на гробницѣ Руссо.

Son esprit est partout, mais son coeur n'est qu'ici.

Эти слова, похожія на эпиграмму, болѣе идутъ Вольтеру чѣмъ автору Эмиля.

Тамошніе жители уважаютъ его память и по справедливости, потому что живутъ ею. Проходя деревню видишь улицу Вольтера, кофейную Вольтера, ресторатора Вольтера, гостиницу Вольтера, и наконецъ послѣдній домъ Ферней-Вольтеръ.

Домъ, въ которомъ родился Жанъ-Жакъ въ Женевѣ, ничѣмъ не замѣчательнъ: его бѣдную и заброшенную наружность возвышаетъ только эта скромная надпись: *Домъ Руссо*. Тамъ живетъ часовоі мастеръ... Но ни одна мебель не сохранилась, никакого слѣда его жизни кромѣ воспоминанія о его первомъ состояніи... Сколько размысленій возбуждаетъ это сближеніе между двумя одинаково знаменитыми людьми, хотя столь различными по характеру и дарованію!

Жизнь Вольтера была долгой карьерой славы и счастія. Самолюбіе, уязвляемое ничтожными врагами, устыло ее легкими тучками, которыя скоро разсѣивались отъ новаго торжества; богатство, почести, все ему улыбалось и даже смерть его была блистательна.

Жанъ-Жакъ всегда былъ несчастливъ, и такъ должно было

быть, потому что источникъ его генія заключался у него въ страстяхъ. Послѣдователь философіи, которую скоро оставилъ, мизантропъ отъ избытка любви къ человѣчеству, другъ новыхъ идей, врагъ предрасудковъ, онъ былъ чистосердеченъ и въ своихъ добродѣтеляхъ и въ порокахъ.

Вольтеръ и Руссо взаимно удивлялись другъ-другу, но не уважали и наконецъ возненавидѣли другъ-друга. Чрезмѣрное самолюбіе одного не сходилось съ грубой откровенностью другаго. Смерть ихъ соединила.... и имена ихъ нераздѣльно пройдутъ черезъ будущіе вѣка.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ. Охота за сурками. — Волчій оврагъ. — Бофорская долина въ Верхней Савонь. Я всталъ на разсвѣтъ и отправился за сурками, которыхъ обязательный съездъ вызвался помочь мнѣ отыскать.

Зимой сурка (*mus alpinus*) можно поймать и убить легко, потому что въ это время онъ лежитъ въ своемъ подземномъ убѣжищѣ оцепенѣлый отъ холоду; лѣтомъ онъ такъ остороженъ, что поймать его можно только хитростью. Говорятъ, что Савояры выучились чистить трубы, смотря какъ сурокъ взбирается между двухъ сѣбжныхъ скалъ. Мясо сурковъ очень жирно осенью, потому что тогда попадаютъ такіе, которые вѣсятъ двадцать фунтовъ; отъ родства сурковъ съ крысами оно имѣетъ не слишкомъ пріятный запахъ, однако его любятъ тамошніе охотники.

Мы достигли до возвышенной площадки, откуда взоръ обнималъ безграничный горизонтъ, пересекаемый сзади насъ Монъ-Бланомъ и Малымъ Сенъ-Бернаромъ; между-тѣмъ какъ у нашихъ ногъ долина вѣжно пробивалась сквозь утренній туманъ, словно глубина озера, котораго воды сбываютъ мало-по-малу, открывая влажную и мрачную растительность. Солнце еще не являлось на хребтѣ горъ, но восхожденіе его можно было отгадать на ломбардскихъ долинахъ, потому что небо становилось тамъ каждую минуту все свѣтлѣе и свѣтлѣе.

Спутникъ мой, ведя меня вересковымъ, рододендроповымъ и елевымъ лѣскомъ, велѣлъ мнѣ молчать и приготовилъ ружье.

Вскорѣ обогнули мы холмъ, возвышавшійся въ видѣ конуса, какъ-вдругъ пронзительный свистъ пронесся по воздуху.

— Насъ увидѣлъ часовой, сказалъ мой товарищъ: теперь въ *Волчій Оврагъ!*

И онъ началъ взлѣзать вдоль конуса, хватаясь за траву одной рукой, придерживая оружіе другой. Когда я взлѣзъ за нимъ на

вершину, онъ уже сошелъ въ круглообразный оврагъ, вырытый среди бугра. Указывая мнѣ пальцемъ на небольшую стѣну, грубо приклоненную въ видѣ угла къ дерновому скату, самъ скрылся за другимъ такимъ же бастиономъ.

— Станьте тамъ на колѣна, сказалъ онъ, безъ движенія, безъ шума. Видите ли воля эти двѣ норы? Это жилища нашихъ сурковъ. Просуньте дуло ружья сквозь расщелину стѣны, противъ лѣвой норы и ждите.

Я просунулъ дуло ружья въ бойницу, нарочно для того устроенную охотниками за сурками, которые дѣлаютъ изъ этихъ стѣнъ превосходную сторожку, если только есть терпѣніе, необходимое впрочемъ условіе для охотника. Я не спускалъ глазъ съ указанного отверстія, между тѣмъ какъ товарищ мой, также прикрытый укрѣпленіемъ, не сводилъ глазъ съ правой норы.

Прошло полчаса, ничего не являлось. Скоро однако въ свѣтлостѣни той норы, за которой наблюдалъ я, сдѣлалось движеніе; потомъ это движеніе приближалось. То приближаясь, то удаляясь показалась маловѣкая головка, которая старательно разсмотрѣвъ оврагъ выказала наконецъ все тѣло, я, прелестный сурокъ, съ рыжеватой шерстью, вышелъ на мураву, подергивая чудесной парой усиковъ, похожихъ на усы кота. Лучъ солнца упалъ на него съ горизонту; онъ присѣлъ на заднія лапки словно медвѣдь и остался неподвиженъ.

Я долженъ былъ ждать пока покажется другой сурокъ у правой норы, чтобы каждому досталась своя доля, но боязнь потерять такой прекрасный случай внушила мнѣ эгонстическое движеніе: я спустилъ курокъ и животное получило ударъ прямо въ грудь.

Тщеславясь успѣхомъ, я старательно поднялъ невинную жертву, а товарищ мой сѣлъ въ уголку, пригласилъ меня послѣдовать его примѣру, вынулъ изъ сумки скромный завтракъ изъ хлѣба и сыру и предложилъ мнѣ половину.

— Теперь, сказалъ онъ, такъ какъ вы любите исторію, я могу рассказать вамъ, почему этотъ оврагъ называется *Волчьимъ*.

Люблю ли я исторію! Въ нигъ очутился я возлѣ него, слушая обоими ушами.

— Этому уже много лѣтъ, началъ онъ, я жилъ въ Бюфорѣ, гдѣ дряхлая и престарѣлая мать моя содержала гостиницу, которой распоряжался я. Однажды погонщики лошаковъ привели къ намъ двухъ иностранцевъ изъ Albert-ville (теперь Hospitalous-Confians). Одинъ изъ нихъ казался богатымъ господиномъ,

Другая была прелестная и миленькая женщина, кроткая какъ ангелъ, которая, казалось, была женой этого господина. Они говорили по-итальянски, только мужъ зналъ нѣсколько французскихъ словъ, поселились у насъ на время, потомъ стали прискиывать уединенную квартиру въ окрестностяхъ Босора, и какъ-будто намѣревались поселиться въ нашемъ краю. Найдя удобную квартиру, они наняли старуху для прислуги и показывались только върѣдка.

У иностранца было блѣдное и мрачное лицо; онъ не входилъ въ сношенія ни съ кѣмъ; пастухи встрѣчались съ нимъ иногда, когда онъ блуждалъ подлѣ елямъ, съ нахмуренными бровями, съ губами дрожащими, словно онъ говорилъ самъ съ собой. Молодая жена его приходила въ воскресенье въ церковь, но подлѣ воалью и закутавшись плащомъ. Находящіеся возлѣ нея увѣрили, что молясь она часто плакала и скоро ихъ таинственный бытъ возбуждлъ общее любопытство. Отъ заключеній къ заключеніямъ, дошли дотого, что насчетъ ихъ стали распускать самыя невѣроятныя вещи. Суевѣрные считали иностранца злобреднымъ существомъ, дурнымъ глазами, пугались его общества и избѣгая его жилища, жалѣли о той, которую полагали его жертвой.

Протекли три мѣсяца и не случилось ничего такого, что бы обратило на нихъ общее вниманіе; зима покрыла наши горы снѣгомъ.

Разъ вечеромъ, когда я шелъ изъ Albert-ville въ Босоръ, какой-то незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и просилъ дать ему нѣсколько свѣдѣній объ этомъ иностранцѣ, который занималъ всѣ головы въ долинѣ; заставилъ меня войти въ безчисленное множество подробностей и слушалъ ихъ съ волненіемъ. Потомъ подаль мнѣ письмо безъ адресу и предложилъ золотую монету, если я возьмусь отдать его иностранкѣ безъ вѣдома мужа. Это было не легко, но золотыя монеты не часто водятся у трактирщика въ нашихъ горахъ: выпустить изъ рукъ такую прибыль мнѣ не хотѣлось.

На другой день увѣрившись, что мужъ бродитъ у оврага, я проскользнулъ какъ воръ и отдалъ посланіе.

Молодая дама, удивившись сначала, распечатала письмо, поблѣдилъ, посмотрѣвъ на почеркъ, пробѣжала строчки невсугаинымъ взоромъ, потомъ съ ужаснымъ крикомъ упала на землю. Въ эту минуту я услышалъ шаги на лѣстницѣ, испугался, вскопчалъ въ окно и долетѣлъ до Босора, словно толкаемый лавной.

«Въ тотъ же вечеръ нѣ надо было бытъ въ Отлюсь по сю сторону горъ, у родственника моего Петра Буржѣ, съ которымъ я долженъ былъ покончить кой-какія семейныя дѣла. Мы усѣлись у огня, снѣгъ падалъ на дворѣ, все показывало, что почъ будетъ бурна. Жена Петра пришла у очага, надзираая за двумя дѣтьми, которыя валялись у ногъ ея.

«Вдругъ на дворѣ слышится шумъ, чья-то рука отодвигаетъ задвижку и передъ нами является таинственный иностранецъ; еще блѣднѣе обыкновеннаго съ судорожно сжатыми губами, покрытый снѣгомъ, съ горной палкой въ рукахъ. Одинъ ребенокъ, испугавшись его, спряталъ голову въ колѣна матери, между тѣмъ какъ другой, посмѣяте, подошелъ къ пришедшему.

«— Не можете ли вы, сказалъ иностранецъ глухимъ голосомъ, показать мнѣ дорогу въ Ужинъ?»

«Ужинъ, какъ вамъ извѣстно, городокъ въ долинѣ, тамъ, на лѣво. Чтобы показать туда дорогу, надо было проходить эту площадку, что очень опасно зимой: тѣмъ болѣе мы удивлялись, что иностранецъ хотѣлъ пуститься въ такой поздній часъ и по такой дорогѣ, которая еще въ добавокъ была не прямымъ путемъ. Намъ обонимъ пришло въ голову, что онъ бѣжитъ вслѣдствіе какого-нибудь преступленія.

«— Дорога непроходима теперь, отвѣчалъ Петръ. Въ нынѣшнее время по ней только таскаются волки, пускаются тутъ пѣ-благоразумно.

«Иностранецъ настаивалъ, Петръ вышелъ съ нимъ, растолковалъ куда идти и возвратился на свое мѣсто къ очагу.

«Едва исчезъ ночной посѣтитель, какъ тотъ изъ дѣтей, который подходилъ къ нему, протянулъ намъ руку и показалъ, что она вся въ крови, оттого, что онъ дотрогивался до платья иностранца. Это подтвердило наши подозрѣнія.

«Около десяти часовъ, когда мы еще говорили объ этомъ, слышались у порога дому торопливые шаги и кто-то постучался. Петръ отвѣрилъ: три карабинера подошли къ огню, дрожа отъ холоду.

«Одинъ изъ нихъ спросилъ, не приходилъ ли вечеромъ одинъ иностранецъ, и не спрашивалъ ли о дорогѣ въ Ужинъ. Когда мы отвѣчали утвердительно, они стали совѣтоваться, пускаются ли за нимъ въ погоню. Ночь была темна, сѣверный вѣтеръ вихремъ вздымалъ снѣгъ; очень могло быть, что иностранецъ, заблудившись въ горахъ, былъ еще не далеко; они рѣшились отъправиться на удачу.

«Едва отошли они съ четверть мили, какъ раздался два выстрѣла, заглушенные ураганомъ, потомъ третій въ ближайшемъ разстояніи. Мы бросились изъ хижины, и скоро увидѣли трехъ карабинеровъ. Они отступали стройно, безпрестанно заряжая ружья, и прикрываясь время отъ времени штыками передъ цѣлымъ отрядомъ огненныхъ глазъ, которые угасли во вражѣ въ окрестностяхъ домика. Это была стая голодныхъ волковъ, которая напала на солдатъ въ двухъ шагахъ отъ оврага.

«— Чортъ поберитъ! — сказалъ одинъ, гора-то вѣрно и для него была такою же какъ и для насъ. Волки за насъ сдѣлали съ нами расправу. Еще будетъ время завтра въ этомъ увѣриться.

«Всѣ трое провели ночь у Петра. Изъ того что они рассказали и что я узналъ впоследствии, вотъ въ чемъ было дѣло:

«Иностранецъ былъ пьемонтскій дворянинъ, по уши въ долгахъ и распутнаго поведенія. Онъ обольстилъ эту богатую невѣсту и уговорилъ ее бѣжать. Увлечши ее въ наши горы, гдѣ надѣялся избѣгнуть преслѣдованія, онъ скрылъ отъ нея, что до побѣгу изъ Пьемонта, покусился на ночное воровство въ домѣ дѣвушки и застигнутый отцомъ ея, вѣроломнымъ образомъ умертвилъ его.

«По рѣдкой случайности отъ убійства не осталось никакихъ доказательствъ, но сынъ жертвы, офицеръ сардинской гвардіи, по нѣкоторымъ подозрѣніямъ, бросился по слѣдамъ убійцы, и хотѣлъ прежде чѣмъ предать его правосудію или поразить собственной рукой, вырвать отъ него сестру. Онъ-то и отдалъ мнѣ письмо, въ которомъ говорилъ сестрѣ объ убійствѣ и умолялъ соединиться съ нимъ какъ можно скорѣе. Несчастная, уже угнетаемая угрызеніемъ, получила отъ этого извѣстія столь сильное потрясеніе, что съ нею сдѣлался лихорадочный бредъ. Письмо, найденное у ней въ рукахъ, показало подлему убійцѣ, что ничего ожидало его въ двухъ шагахъ и что преступленіе его не было уже тайной, для той, которую онъ обольстилъ. Должно полагать, что онъ пришелъ тогда въ бѣшенство, и что такъ какъ молодая женщина пыталась бѣжать, то между ними произошла страшная сцена, потому что когда вечеромъ, карабинеры въ сопровожденіи брата вошли въ домъ, то нашли иностранку плавающую въ постели въ крови: убійца поразилъ ее вѣсколькими ударами кнжжала. Раны, хотя глубокія, не были однако смертельны. Послѣ продолжительнаго выздоровленія, братъ увезъ ее въ Шанбери, гдѣ, говорятъ, она вступила въ монастырь.

«Что до убійцы, то паку его подобрали на окровавленномъ снѣгу площадки, а въ оврагѣ карабинеры нашли кости, изглоданныя волками».

МОСКИТСКОЕ ВЛАДѢНІЕ. Москитское владѣніе такая загадочная страна, что многіе доселѣ считаютъ ее англійскою провинціею, а другіе не слыхали даже ея имени. Въ послѣднее время много толковали о немъ въ востранныхъ газетахъ, и, разумѣется, дѣлали ужасныя промахи. Вотъ краткій очеркъ образованія и политическаго положенія этого владѣнія.

Москитскимъ владѣніемъ называется восточная полоса Центральной Америки, которая тянется отъ мыса Гондураса на востокъ, до мыса Грасіасъ а Діосъ, и отсюда къ югу до устья рѣки Санъ-Хуана. Протяженіе его по берегу — сто осемьдесятъ-двѣ испанскія мили. Внутреннюю границу его, на западъ и югъ, смежную съ областями Никарагуа и Гондурасъ, составляетъ цѣпь высокихъ горъ, между озеромъ Никарагуа и рѣкою Блювильдомъ. Она начинается у рѣки Санъ-Хуана, идетъ до устья Сарапики, потомъ переходитъ черезъ Санъ-Хуанъ и слѣдуетъ сѣверо-западному направленію хребта, до 86° западной долготы, и 13° 30' сѣверной широты. Тутъ она поворачиваетъ къ сѣверу, и идетъ до самаго моря, то есть до мыса Гондураса. Впрочемъ Москитское владѣніе довольствуется, со стороны Гондураса, пространствомъ до рѣки Рамова, которая впадаетъ въ море въ шести легахъ на востокъ отъ мыса Гондураса. По словамъ англійскаго путешественника Стренджея, самая большая длина его съ сѣвера на югъ составляетъ 340 англійскихъ миль;—ширина 235, а поверхность 70,000 квадратныхъ миль. Первое извѣстіе о Москитской области было сообщено полковникомъ Годжсономъ, который былъ въ 1757 году суперинтендентомъ москитскаго берега. Въ 1773, путешественникъ Брабанъ Эдвардъ, въ своей исторіи Вестъ-Индіи, также даетъ подробный отчетъ о Москитѣ. Въ 1775 году нѣкто Джефрей также напечаталъ подобный отчетъ объ англійскихъ колоніяхъ на этомъ берегу. Подобные же отчеты англійскихъ моряковъ Роберта Дугласа и Джона Райта (1780 и 1808), даютъ также нѣкоторое понятіе объ отношеніи Москитскаго владѣнія къ Англіи. Съ ними вполнѣ соглашаются повѣщія путевыя описанія капитана Гендерсона, въ 1811 году, Томаса Стренджея, въ 1822, Орландо Робертса, въ 1827, и Томаса Юнга, въ 1842.

Изъ этихъ источниковъ видно, что еще при Фердинандѣ и Изабеллѣ часть москитскаго берега, отъ горы Бело до мыса Грасіасъ-а-Діосъ, была подарена Діегу Шкуэсса, который пытался въ 1516 году, съ нѣсколькими сотнями людей, высадиться у мыса Грасіасъ-а-Діосъ; но былъ отраженъ Индѣйцами. Такую же попытку совершилъ въ 1517 году Алонсо де-Охеда. Сѣверный берегъ, отъ мыса Грасіасъ-а-Діосъ, на западъ до мыса Говдурасъ, въ первый разъ посѣщенъ Тспанцемъ Крестобалемъ Олидонъ, который, несмотря на то, что ему было поручено Гернандомъ Кортесомъ занять Говдураскій берегъ для Испаніи, счелъ приличнѣе вести войну на свой собственный счетъ и дѣлать завоеванія для себя самого; впрочемъ онъ также не могъ удержаться на Москитскомъ берегу, и потому подвинулся далѣе на западъ, къ Омоа, и былъ впоследствии преданъ суду и казнень какъ мятежникъ, Хиль-Гонсалесомъ д'Авилаю. Еще въ 1522 году д'Авила тщетно пытался изъ Никарагуа занять берегъ отъ Санъ-Хуана до мыса Грасіасъ-а-Діосъ. Наконецъ въ 1524 году Педро Альварадо, въ экспедиціи своей изъ Гватемалы на Говдурасъ, пытался изъ Трухильо занять сѣверный берегъ Москитів. Но попытка эта опять не удалась. Затѣмъ прошло цѣлое столѣтіе безъ новыхъ попытокъ покорить Москитскихъ Индѣйцевъ; не смотря на то, Испанцы смотрѣли на страну ихъ какъ на покоренную область, и присоединили ее къ гватемальскому капитанату подъ именемъ провинціи Тагусагальпа и Тологальпа. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія въ эти провинціи посланы изъ Трухильо Францисканскіе монахи, какъ миссіонеры. Попытка мирнаго покоренія была также неудачна, какъ прежнія попытки съ оружіемъ въ рукахъ; многіе изъ этихъ миссіонеровъ были перебиты Индѣйцами и трупы ихъ отсланы въ Трухильо. Съ того времени Испанцы совершенно отказались отъ покоренія Индѣйцевъ, и отъ обращенія ихъ въ христіанство черезъ католическихъ миссіонеровъ. Но что не удавалось Испанцамъ, того они ни за что не хотѣли уступить другому народу, и были въ безпрестанной войнѣ съ англійскими буканьерами, которые часто посѣщали этотъ берегъ; это были первые Европейцы, поселившіеся въ Москитів, въ 1625 году, и вступившіе въ дружескія сношенія съ Индѣйцами, къ чему ихъ побуждали преимущественно торговые виды. По мнѣнію Брайана Эдвардса, Англія, уже въ царствованіе Карла-Перваго, обѣщала свою защиту Москитскимъ Индѣйцамъ, отъ частыхъ нападений Испанцевъ. Это однакоже не совсемъ вѣроятно; потому что капитанъ Вильемъ Джексонъ, ко-

торый въ 1638 году въ первый разъ атаковалъ Испанцевъ на островѣ Ямайкѣ, претавалъ послѣ того къ москитскому берегу, и не считъ нужнымъ завять его. Гораздо вѣроятнѣе думать, что завятіе этого берега англійскими поселенцами совершалось въ одно время съ завоеваніемъ Ямайки (3 мая 1655), то есть въ управленіе Кромвеля; потому что вскорѣ послѣ того появляются здѣсь торговцы изъ англійскаго Гондураса, чтобы и здѣсь производить свою торговлю краснымъ деревомъ, для которой имъ было необходимо прикрытіе Ямайки. Достоверно однакоже то, что въ 1670 году ямайскій губернаторъ, полковникъ Доули, заключилъ наступательный и оборонительный союзъ съ индѣйскими вождями, вслѣдствіе котораго весь берегъ отъ мыса Бело до мыса Гондураса, и разсѣянные по немъ англійскіе поселенцы объявлены подъ защитою Англій, а Индѣйцамъ обѣщано содѣйствіе Англичанъ противъ нападений Испанцевъ. Въ это время Англія вела переговоры съ Испанією объ охраненіи отъ набѣговъ послѣдней англійскихъ поселеній на Юкатанскомъ берегу, но никогда не домогалась она согласія Испаніи на свои москитскіе поселенія, а утверждала ихъ прямо черезъ договоры съ индѣйскими вождями. Къ-сожалѣнію, какъ мы увидимъ далѣе, она не умѣла оградить ихъ отъ опасности. Въ 1730 году упоминается въ первый разъ о трехъ поселеніяхъ на Черной рѣкѣ или Тнито, у мыса Грасіасъ-а-Діосъ, и на рѣкѣ Блювалдѣ; текущее состояніе ихъ побудило Англію назначить генерала Гейдаиса губернаторомъ англійскихъ поселеній на Москитскомъ берегу, на одинаковыхъ правахъ съ губернаторомъ гондурасскимъ, и послать туда изъ Ямайки англійскій отрядъ, который построилъ небольшую крѣпость на мысѣ Грасіасъ а-Діосъ. Какіи политическія причины не позволили Англій обратиться болѣе вниманіе на мирное покореніе страны, и вести его дѣлательнѣе, опредѣлить трудно. Можетъ быть ревность Испаніи была виною тому, что Англія довольствовалась одною защитою своихъ поселеній на чужой землѣ, и предоставляла ихъ собственному своему развитію, которое при безпрестанныхъ войнахъ и гоненіяхъ Испанцевъ на все чужеземное, было невозможно. Политическіе виды побудили Англію, при заключеніи Версальскаго мира, въ 1763 году, уступить желанію Испаніи, которая требовала вывода войскъ и поселенцевъ съ Москитскаго берега, и ограниченія ихъ тою частью британскаго Гондураса, которую Испанія уступила Англій для заселенія; и всѣмъ колонистамъ на москитскомъ берегу приказано было переселиться туда. Согласіе Ан-

тѣмъ на это требованіе тѣмъ труднѣе понять, что англійскіе поселенцы уже съ 1757 года имѣли торговля сношенія съ Европою, Ямайкою, Соединенными Штатами, и подавали самыя блестящія надежды. У нихъ были уже свои собственные корабли, в хотя по всему берегу было разбросано не болѣе двухъ тысячъ Бѣлыхъ, однакоже они умѣли склонить на свою сторону всѣхъ туземцевъ, и были бы въ состояніи отразить всякое нападеніе Испаніи, еслибы Англія не лишила ихъ своего покровительства. Какъ-бы то ни было, по поселенцы выгнаны съ согласія собственнаго своего правительства, и Англія уже поздно догадалась, что жалобы поселенцевъ и индѣйскихъ вождей были справедливы, и что послѣдніе дѣйствовали какъ вѣрные союзники Англіи, которые сами явились съ оружіемъ для защиты поселенцевъ отъ набѣга Испанцевъ. Поэтому Англія возобновила прежнія отношенія; поселенцы стали на прежнюю ногу, старались по возможности охранять себя собственными силами. Между тѣмъ, вельзя не упоминать, что ямайскіе купцы съ завистью смотрѣли на столь близкія имъ поселенія; они боялись, чтобы поселенцы, дѣлавшіе такіе быстрые успѣхи во вѣшной торговлѣ, не повредили имъ въ собственныхъ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Европою и Соединенными-Штатами. Поэтому они старались вредить москитскимъ поселенцамъ своимъ вліяніемъ въ Англію, распространяя разные ложные слухи насчетъ климата и свойствъ земли этой области; они описывали ихъ самыми черными красками, чтобы вся Англія убѣдилась, что Москитскій берегъ крайне вреденъ для здоровья, и вовсе не годится для европейскихъ поселеній. Это опасеніе возвышенія Москитскихъ колоній еще болѣе усилилось въ Ямаикѣ въ 1779 году, когда въ Англію изданъ законъ, по которому сахаръ, вывозимый съ Москитскаго берегу, хотя не произведеніе англійскихъ колоній, долженъ былъ пользоваться одинаковыми льготами, какъ сахаръ ямайскій. Такой же законъ вышелъ потомъ относительно вывозимаго съ москитскаго берега въ Англію краснаго дерева. Такимъ образомъ объясняются враждебныя дѣйствія ямайскихъ купцовъ, которые согласны были на существованіе москитскихъ поселеній, но съ тѣмъ только, чтобы онѣ были подчинены имъ.

Какъ искренно Англія желала въ то время загладить оказанную москитскимъ колоніямъ несправедливость, доказывается замѣчательною экспедиціею, которая, по приказанію англійскаго правительства, послана была, въ мартѣ 1780 года, изъ Ямайки

въ устьѣ Санъ-Хуана для удовлетворенія требованій нѣкоторыхъ поселенцевъ, и правъ москитскаго владѣтеля.

Эскадра, состоявшая изъ одного пятидесяти четырехъ пушекъ и одного линейнаго корабля, «Улисъ», двухъ фрегатовъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ, подъ начальствомъ англійскаго генерала Большона и капитана Нельсона (впослѣдствіи побѣдителя при Трафальгарѣ), была отправлена, въ Санъ-Хуанъ, выгнать оттуда Испанцевъ, которые опять пытались завять и даже укрѣпить берегъ, и гнали изъ Москитин и Англичанъ и самыхъ Индѣйцевъ. Санъ-Хуанская гавань уже цѣлое столѣтіе была въ рукахъ Москитскихъ Индѣйцевъ; букаверы еще въ 1685 году взяли Санъ-Хуанъ, оттѣснили Испанцевъ, и отдали ее Москитскимъ Индѣйцамъ. Испанцы въ то время оставили берегъ безъ большого сопротивленія, и устроили далѣе во внутрь земель, на рѣкѣ Санъ-Хуана, двѣ крѣпостцы для защиты рѣки. Только послѣ Версальскаго мира, когда Англичане оставили Москитскій берегъ, Испанцы опять оттѣснили Индѣйцевъ отъ рѣки Санъ-Хуана и пытались запретить гавань фортомъ, чтобы преградить иностранцамъ всякое сношеніе съ внутренними землями.

Англичане хотѣли отвратить это, и эскадра подошла къ берегу въ іюнь 1780 года, взяла гавань, и стала готовиться подвигаться въ шлюбкахъ по рѣкѣ, чтобы выгнать Испанцевъ изъ крѣпостей ихъ. Капитанъ Нельсонъ взялъ обѣ крѣпостцы и множество плѣнныхъ, а Испанцы были оттѣснены еще далѣе во внутрь.

Но Англичане пробыли слишкомъ долго, безъ всякихъ предвзятельныхъ распоряженій, на низкихъ берегахъ рѣки. Наступило дождливое время, іюля и августа; суда были слишкомъ далеко отъ экспедиціи, дошедшей до самаго озера Нпкарагуа; отрядъ, сталъ чувствовать недостатокъ въ продовольствіи; за тѣмъ, разумѣется, показалась болѣзнь, и экспедиція должна была подумать о поспѣшномъ возвращеніи. Зачѣмъ, послѣ вполне успѣшной экспедиціи, отрядъ оставался такъ долго на берегахъ рѣки и въ крѣпостцахъ, трудно разгадать, потому что Англичанамъ далѣе гавани, кажется, ходить было не зачѣмъ. На рѣкѣ, кромѣ этихъ двухъ укрѣпленныхъ батарей, нечего было брать или удерживать; потому что жителей нигдѣ не было, а всѣ сообщенія Гвазды съ моремъ были отрѣзаны, и слѣдовательно цѣль достигнута. Гавань Санъ-Хуана осталась въ рукахъ Англичанъ; большыя перевезены въ Блю-фильдъ, и этимъ кончилась дорогостоившая экспедиція.

Къ несчастію, политика Англіи еще разъ извѣщилась. Еще прошло двадцать лѣтъ послѣ версальскаго мира, и Москитскій берегъ былъ уже опять заселенъ предприимчивыми колонистами, которые, не смотря на всѣ препятствія со стороны Испанцевъ и на интриги купцовъ, дѣлали очевидные успѣхи, и подавали опять самыя блистательныя надежды, когда испанская политика опять одержала верхъ, при заключеніи парижскаго мира, въ 1763 году. Англія принуждена была на всегда отказаться отъ Москитскаго берега.

Обстоятельства принимали въ Америкѣ самый неблагопріятный оборотъ для Англіи. Отпаденіе Соединенныхъ Штатовъ обратило все ея вниманіе въ ту сторону; мысль, что москитскій берегъ будетъ вредить Ямайкѣ, и что охраненіе двухъ колоній слишкомъ раздробить силы метрополи, имѣла еще болѣе пагубное вліяніе, чѣмъ политика Испаніи. Правительство стало серьезно помышлять объ оставленіи берега, и поселенцы бросили свои цѣтущія колоніи и съ ничтожнымъ вознагражденіемъ переселились въ Ямайку и въ Белизъ. Такимъ образомъ Испанія удалось уничтожить англійское вліяніе на Москитскомъ берегу. Но въ то же время она уничтожила торговлю Никарагуи. Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что еще въ половинѣ семнадцатаго вѣка, большіе корабли выходили каждый годъ изъ Кадиса, приставали къ Картагенѣ и къ Порто Бейо, и потомъ поднимались по Санъ-Хуану къ Гренадѣ. Такимъ образомъ между Европою и внутренними частями Америки были постоянныя, прямыя торговля сношенія, которыя давно бы уже привели къ осуществленію мысль о соединеніи Атлантическаго Океана съ Тихимъ Моремъ посредствомъ канала, еслибы безразсудныя войны и ревность Испанцевъ не уничтожили всего; потому что достовѣрно извѣстно, что Испанцы, желая оградиться отъ набѣговъ букашеровъ, завалили рѣку Санъ-Хуанъ и сдѣлали ее несудоходною.

Когда Англичане очистили Москитскій берегъ, крѣпость на мысѣ Грасіасъ-а-Діосъ перешла въ руки Испанцевъ; но чрезъ нѣсколько вѣдѣлъ, Индѣйцы, подъ предводительствомъ вождя своего Робвисова, напали на Испанцевъ, отняли у нихъ фортъ, и изгнали ихъ навсегда. Занятіе Испанцами этого форта было первымъ и послѣднимъ ихъ успѣхомъ на этомъ берегу съ самаго открытія Америки. Москитскіе Индѣйцы, на этотъ разъ и безъ помощи Англіи, успѣли отразить Испанцевъ.

Каждый легко усмотритъ, что въ такихъ обстоятельствахъ Англичане должны были уступить; что они принуждены были

отложить колонизацию Москитского берега до болѣе благопріятнаго времени, а чтобы придать себѣ иѣкоторую тѣнь справедливости въ глазахъ свѣта, они стали ссылаться на ничтожность страны, на вредный климатъ, на невозможность просвѣтить дѣло племя; стали распускать самыя ложныя и смѣшныя слухи да съездъ этого прекраснаго края, которые тѣмъ легче запечатлѣлись во всѣхъ вонятіяхъ, и удержались въ общемъ миѣніи до настоящаго времени, что въ самой даже Англіи отъял немного людей, точно знающихъ край этотъ.

Не смотря однако же на строгія мѣры, которыя Англія предприняла противъ колонистовъ, многіе остались на берегу, и поселились въ Блюшадѣ, гдѣ имъ легче было, на островахъ рѣки ограждаться отъ всякихъ враждебныхъ покушеній.

По объявленіи независимости средне-американскихъ штатовъ, москитскому берегу уже нечего было бояться; она упрочила его политическое положеніе; потому что, еслибы онъ дѣйствительно даже былъ прежде въ зависимости отъ Испаніи, то теперь не могло быть и рѣчи о такой зависимости. Москитскому владѣнію не пужно было переворота, какииъ средняя Америка свергнула трехъ-сотъ лѣтнее иго Испаніи; оно фактически сохранило свою независимость. Путешественники не безъ удивленія замѣчаютъ, что на Москитскомъ берегу, даже въ самомъ Санъ-Хуанѣ, нѣтъ слѣда испанскаго вліянія, которое такъ сильно отразилось на внутреннихъ провинціяхъ.

По отпаденіи отъ Испаніи Нлкарагуанскіе и Ново Гранадскіе Штаты въ одно время обратили вниманіе на Москитскій берегъ; они спорили о немъ и даже заняли гавани Санъ Хуанъ и Бокондель Торо, не обращая вниманія на протестованія москитскихъ королей. Сдѣлаю нѣсколько попытокъ покорить Индѣйцевъ; мало того, что Нлкарагуа и Новая-Гренада стѣснили москитскую территорию съ юга, а Гондурасъ съ сѣвера и запада; алчные сосѣди сдѣлали новое нападеніе на мысъ Грасіасъ а-Діосъ, и заняли принадлежавшіе Москитскому владѣнію острова. Къ счастью этого владѣнія, внутренніе перевороты и междоусобицы войны, продолженіи послѣдняго двадцатилѣтія, слишкомъ ослабили враждебныя республики, чтобы имъ можно было еще помышлять о распространеніи своихъ предѣловъ; и такимъ образомъ Москитскіе Индѣйцы успѣли удержаться по-крайней мѣрѣ въ болѣе отдаленныхъ отъ границы частяхъ своей территоріи. Однако же эти догравачные споры не могли не принять современемъ болѣе грознаго характера: англійскіе поселенцы тѣмъ усерднѣе распро-

страняли ихъ, что покушенія сосѣдей опять подняли вопросъ о существованіи этихъ поселеній.

Исторія москитскихъ владѣтелей слишкомъ мало-извѣстна, чтобы можно говорить о нихъ съ подробностью и опредѣлительностью. Отчетъ ученой комиссіи, учрежденной въ 1845 году въ Берлинѣ, для изслѣдованія положенія этого края, приводитъ нѣсколько отрывочныхъ фактовъ, и въ числѣ ихъ слѣдующій: что первый владѣтель, бывшій главою всѣхъ индѣйскихъ племенъ, коронованъ въ Ямайкѣ, 1794 года, и призванъ Англіею. Этотъ владѣтель, по имени Георгъ, самъ ѣздилъ въ Санъ-Сальвадоръ и въ Гватемалу, и достоверно извѣстно, что испанскія начальства принимали его вездѣ съ приличными его сану почестями. Слѣдовательно и Испанія признала его, и это тѣмъ несомнѣннѣе, что испанское правительство заключило даже дружескій союзъ съ Москитскимъ владѣтелемъ, по которому онъ обязывался охранять берегъ отъ чужеземныхъ поселеній. Преемниками Георга были Георгъ Фридрихъ и Робертъ Карлъ-Фридрихъ, оба воспитанные въ Ямайкѣ. Первый короновался въ 1810 году, въ Белизѣ; этимъ опять ясно опредѣлились отношенія его къ Англіи, и никто не беспокоилъ его до самой смерти. Въ его управленіе была возобновлена попытка европейской колонизаціи. Георгъ-Фридрихъ, стремясь постоянно къ осуществленію этой мысли, подарилъ въ 1820 году огромную полосу земли, весь Поляскій округъ знаменитому Шотландцу Макъ-Грегору, съ условіемъ колонизировать ее. Честолюбивый сподвижникъ Болливара добылъ четыреста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, учредивъ колонизаціонную компанію въ Англіи. Надѣясь самъ сдѣлаться владѣтелемъ Москитскаго берега, онъ заранѣе образовалъ себѣ цѣлый штатъ, чиновниковъ, войско, словомъ цѣлое управленіе безъ управленыхъ, голову безъ тѣла.

Такимъ образомъ владѣтель не достигъ своей цѣли—развить свой народъ посредствомъ колонизаціи, — точно такъ же какъ Поляскій кацикъ Макъ-Грегоръ не въ состояніи былъ основать владѣніе. Бездѣйственная жизнь Георга Фридриха прекратилась въ 1824 году. Ему наследовалъ братъ его, Робертъ-Карлъ Фридрихъ, и подобно ему былъ коронованъ и провозглашенъ владѣтелемъ въ Белизѣ. Онъ былъ образованнѣе своего предшественника; однакоже склонность къ обществу, привлекавшая къ нему множество Англичанъ, породила вскорѣ и въ немъ страсть къ

вину. Приближенные употребляли во зло его благородный, но слишком слабый характер, и искреннее его желаніе упрочить благосостояніе подданныхъ. Въ его управленіе сдѣлана вторичная попытка колонизировать страну; но она была также неудачна, какъ первая. Эгого впрочемъ должно было и ожидать; потому что успѣхъ колонизаціи въ Америкѣ преимущественно зависитъ отъ разумнаго ея веденія, а донынѣ одни Сѣвероамериканцы постигли это искусство; они одни умѣютъ давать цѣлесообразное направленіе переходу силъ, указывать пути, по которымъ онѣ должны слѣдовать, и такимъ образомъ привести ихъ къ желанному результату: уравновѣшенію излишества и недостатка рукъ.

Робертъ-Карлъ-Фридрихъ раздарилъ въ буквальномъ смыслѣ всѣ свои владѣнія, съ условіемъ колонизировать даренныя земли. Приобрѣтатели же этихъ земель не имѣли другой цѣли, какъ только продать ихъ и скорѣе получить хорошій барышъ; была ли изъ того польза владѣнію, они о томъ не заботились. Но Робертъ не довольствовался тѣмъ, что дарилъ земли, дѣйствительно ему принадлежавшія; онъ раздавалъ даже части своего владѣнія присвоенныя никарагуанскою, ново-гренадскою и гондураскою республиками; такимъ образомъ онъ подарилъ Самуэлю и Петру Шепердамъ весь берегъ отъ мыса Бело до мыса Мошки-пойнтъ, съ прилегающими къ нему двумя островами. Въ этой части берега находятся гавани Бока-дель-Торо и Санъ-Хуана, и братья Шепердъ, какъ владѣтели всей этой полосы, сочли себя, разумѣется, въ правѣ занять и эти гавани. Это должно было повлечь ихъ и самаго владѣтеля въ споръ съ никарагуанскою и ново-гренадскою республиками, которыя не хотѣли отказаться отъ своихъ притязаній на эти пункты. Робертъ обратился къ белизскому губернатору; поѣхавъ въ 1840 году въ Белизу просить защиты Англіи отъ несправедливыхъ притѣсеній сосѣдей. Тогдашній губернаторъ британскаго Гондураса, полковникъ Макдональдъ, человекъ благороднаго и рѣшительнаго характера, благосклонно принялъ просьбу москитскаго владѣтеля и увѣрилъ его въ покровительствѣ Великобританіи. Получивъ положительное извѣщеніе, что Англія намѣрена защищать независимость Москитскаго владѣнія, Макдональдъ отправился, въ 1841 году, съ своимъ секретаремъ Вокеромъ и съ владѣтелемъ на военномъ кораблѣ Твидъ, данномъ въ распоряженіе Роберта; прежде всего они овладѣли островомъ Руатавомъ, лежащимъ близъ гавани Трухильо; потомъ поплылъ къ Санъ Хуану, чтобы ввести Роберта во владѣніе

его собственностью, взял въ плѣтъ полковника Блэкно, возмещеннаго отъ гиннарагуанскаго правительства командантомъ дурфплондъ, и эконедвѣя кончилась безъ одного выстрѣла. Робертъ удаля подеренный участвоу Шеперду и объявлялъ себя владѣтелемъ гавани. Гиннарагуанская республика протестовала и требовала удовлетворенія отъ англійскаго правительства; но протестъ ее остался безъ всякихъ послѣдствій. Довольно странно, впрочемъ, что англійское правительство не совѣтъ одобряло дѣйствіе полковника Макдональда, и что оно только позволяло ему вступаться въ качествѣ посредника въ дипломатическое опредѣленіе границъ между спорящими.

Послѣдствіе разстроеннаго здоровья Роберта, ему совѣтовали написать духовное завѣщаніе, и назначить своимъ дѣтямъ опекуна, и регентство на случай ихъ малолѣтства. Онъ послѣдовалъ совѣту, и 25 февраля 1840 года написалъ духовное завѣщаніе, и отдалъ его на сохраненіе въ Белизу. Въ завѣщаніи онъ назначалъ, чтобы въ случаѣ малолѣтства его дѣтей, была составлена коммиссія для управленія стряпчьею; полковника Макдональда избралъ онъ опекуномъ своихъ дѣтей, приравцѣвъ Георга, Вильгельма-Кларенса и Александра, и приравцѣвъ Агиссы и Викторіи, изъ которыхъ первому въ это время считалось девять лѣтъ, а остальныя были еще моложе. Ему же онъ предоставлялъ назначеніе членовъ регентства. По смерти Роберта, въ 1842 году, назначенная Макдональдомъ коммиссія приняла управленіе; кромѣ его самаго, она состояла изъ шести членовъ: Патрика Вокера, ректора Ньюпорта, Брауна, Фокса Стренджвелза, Баррона, и майора Голсона Кодогена.

Большая часть членовъ регентства находилась во время смерти короля, въ Англіи; только полковникъ Макдональдъ, секретарь его Патрикъ Вокеръ и ректоръ Ньюпортъ были въ Белизѣ. Регентство тотчасъ назначило генералъ-капитана и намѣстника для управленія провинціями владѣнія. Юный владѣтель внутренъ попеченіямъ надежнаго наставника въ Блюфильдъ; принца Кларенса Макдональдъ взялъ на воспитаніе къ себѣ, а прочихъ дѣтей размѣстилъ въ разныя почтенныя москитскія семейства. Къ несчастью Макдональдъ вскорѣ послѣ того отозванъ изъ Белиза и отправленъ губернаторомъ острова Цейлона. Секретарь Вокеръ также получалъ другое назначеніе. Такимъ образомъ правительственная коммиссія все болѣе и болѣе удалялась отъ Москитіи. Генералъ-капитанъ и намѣстникъ не имѣли достаточныхъ средствъ и власти, чтобы усмирить безпорядки, возникшіе въ странѣ этой владѣ-

Снѣе прошекъ сосѣднихъ владѣній. Индѣйскій вождь Лоурис-Робинсонъ, котораго отцу братъ покойнаго короля избралъ на-мѣстничество западныхъ провинцій москитской земли, первый воссталъ противъ назначенныхъ регентствомъ савонниковъ, и, поддерживаемый гондураскимъ правительствомъ, самовольно заключилъ союзъ съ Гондураскою республикою. Англичане, получивше земли отъ прежнихъ владѣтелей, стали пускаться во всякаго рода спекуляціи, чтобы выгоды сбыть эти земли. Словомъ беспорядкамъ и злоупотребленіямъ не было конца.

Едва генералъ Макдональдъ удался для занятія своей новой должности, какъ пришли въ Англію извѣстія о происходившихъ въ Москитскомъ владѣніи беспорядкахъ. Правительственная коммиссія протестовала противъ продажи дареныхъ земель, какъ дѣйствій незаконныхъ и противныхъ выгодамъ наследниковъ владѣтеля, и просила авгійское правительство вступить за ихъ права. Генералъ Макдональдъ присоединилъ свой голосъ къ голосамъ прочихъ членовъ, опираясь преимущественно на духовное завѣщаніе, утвержденное до раздачи тѣхъ земель. Ему удалось наконецъ склонить правительство, обратить вниманіе на это дѣло, отъ участія въ которомъ оно долго отказывалось. Макдональдъ былъ вызванъ въ Англію, и по настоянію его и прочихъ членовъ коммиссія, Вокеръ былъ посланъ въ Москитію въ качествѣ дипломатическаго агента и генеральнаго консула при юномъ владѣтелѣ. Онъ тотчасъ отправился въ Белизъ и оттуда въ Блюфильдъ, чтобы занять въ то же время важную должность воспитателя и опекуна малолѣтняго.

Покойный владѣтель не могъ избрать человека болѣе достойнаго быть опекуномъ его преемника и главою регентства, какъ генералъ Макдональдъ, и коммиссія не могла избрать болѣе достойнаго представителя, какъ Вокеръ. Какъ агентъ Англіи, онъ долженъ былъ окончить споры о границахъ и соблюдать права авгійскихъ подданныхъ; но какъ членъ коммиссія, онъ имѣлъ гораздо высшую обязанность: быть руководителемъ юнаго Георга въ устройствѣ и управленіи его независимаго владѣнія и обезпечить цѣлость и прочность юнаго общества. Правительственная коммиссія, во время малолѣтства Георга, приняла знаки самостоятельнаго владѣнія, состоящаго подъ покровительствомъ Англіи; въ знакъ этого покровительства на москитскомъ флагѣ изображенъ, въ первомъ квадратѣ, у древка, флагъ Англіи; цвѣта Москитіи тѣ же, какъ у средне-американскихъ республикъ: бѣлый и снѣгій; для различія же, москитскій флагъ имѣетъ шесть

горизонтальныхъ синихъ полосъ на бѣломъ полѣ. Когда принцъ достигъ четырнадцати-лѣтняго возраста, 5 мая 1845 года, онъ коронованъ съ обычнымъ торжествомъ и провозглашенъ москитскимъ владѣтелемъ, подъ именемъ Георга Второго. При этомъ же случаѣ введены въ гербъ—два простыя стрѣлы на серебряномъ полѣ, съ королевскою короною и индѣйскою надписью: «Не поддавайся», корона и прочіе знаки. По коронованіи его, стала помышлять о прочномъ законодательствѣ. Первою важною мѣрою въ этомъ отношеніи было учрежденіе государственнаго совѣта, изъ семи членовъ, назначаемыхъ владѣтелемъ, которые вмѣстѣ съ нимъ издають законы. Въ этомъ же совѣтѣ сосредоточивается исполнительная власть и онъ же верховное судебное мѣсто, пока государство не довольно богато, чтобы имѣть болѣе сложную и многочисленную администрацію. Введена также всеобщая военная повинность. Доходы страны составляютъ: продажа земель и лѣсу, пошлины за ввозъ товаровъ и очень умѣренная пошлина на хлѣбное вино. Торговыя пошлины одинаковы для всѣхъ народовъ, и составляютъ не болѣе одного процента цѣнности ввозимыхъ товаровъ.

Въ то же время были отправлены послы въ Новую Гренаду, Никарагуу и Гондурасъ, съ просьбою назначить полномочныхъ для окончанія споровъ о границахъ. Новая Гренада послала своихъ агентовъ въ Лондонъ для рѣшенія этого вопроса съ коммиссією, при посредничествѣ Англіи. Состоявшійся между ними договоръ отиравленъ въ Москитію для утвержденія. Но Никарагуа и Гондурасъ отвергали всякое предложеніе, оговѣчая, что они не признаютъ Москитскаго владѣнія. Упорство ихъ привудило англійское правительство опять вступить за покровительствуемую страну. Если не изъ политическихъ видовъ, или по просьбамъ членовъ коммиссіи, которые не переставали употреблять всѣ средства для поддержанія Москитскаго владѣнія, одного изъ самыхъ незамѣтныхъ обществъ въ Америкѣ по средствамъ, по которое до старшинству можетъ поспорить даже съ Сѣверо Американскими Штатами, — то уже изъ участія къ своимъ торговцамъ, должна была Англія принять дѣятельное участіе въ рѣшеніи этого спора. Многочисленныя сношенія англійскихъ купцовъ съ разными областями по торговлѣ ихъ краевымъ деревомъ и другими америкавскими произведеніями, часто подвергали ихъ непріятностямъ и даже значительнымъ потерямъ вслѣдствіе неопредѣленности границъ между двумя государствами, имѣющими различныя законы, и которые ни зачѣмъ въ мірѣ

не признають актовъ, совершенныхъ у сосѣдей. Сверхъ-того, въ Никарагуѣ право иностранцевъ приобретать земля стѣснено тѣмъ, что они должны непременно быть натурализованы, между тѣмъ какъ въ Москити это условіе не требуется, и, слѣдовательно, колонпеты селятся гораздо охотнѣе. Напримѣръ, въ нѣмецкой колоніи Карлштатъ, жители считаются нѣмецкими подданными, и только сановники ихъ обязаны присягою союза и дружбы.

Послѣ трехлѣтнихъ трудовъ, границы опредѣлены, и Англія, какъ покровительствующая держава, объявила о томъ никарагуанскому и гондураскому правительствамъ, которыя однако же не хотѣли призвать рѣшенія. Между-тѣмъ москитское правительство принимало мѣры для поддержанія своихъ правъ другимъ путемъ. Въ іюнѣ 1847 года экспедиція къ рѣкѣ Санъ-Рамоу безъ труда возстановила прежнюю границу съ Гондурасомъ. Съ другой стороны Москитяне готовились занять гавань Санъ-Хуана, и ждали только истеченія срока, назначеннаго Англіею для очищенія ея. Срокъ прошелъ, и въ февралѣ 1848 года экспедиція, состоявшая изъ двухъ военныхъ кораблей, отправилась къ устью Санъ-Хуана и заняла гавань.

Такимъ образомъ это небольшое владѣніе, состоящее изъ горсти Европейцевъ — Англичанъ, а въ послѣднее время и Нѣмцевъ, и нѣсколькихъ тысячъ Индѣйцевъ, восторжествовало надъ Испанцами, надъ завистливыми ямайскими купцами, и, наконецъ, надъ новыми, но въ десятеро сильнѣйшими республиками Средней Америки.

ГЕТСКІЙ КАНАЛЪ ВЪ ШВЕЦИИ. Гетскій каналъ, говоритъ путешественникъ Гейрихъ Цейзе, — есть безспорно одно изъ величайшихъ сооруженій, когда-либо произведенныхъ рукою человѣка. Цѣлыя столѣтія думали о соединеніи Балтійскаго моря съ Нѣмецкимъ, но всѣ усилія разбивались о трудности этого исполнскаго предпріятія, пока наконецъ онъ не былъ побѣжденъ силою воли и терпѣніемъ одного человѣка, который посвятилъ всю свою жизнь на приведеніе въ исполненіе этой мысли; этотъ человѣкъ, — графъ Платенъ. Къ сожалѣнію онъ не имѣлъ удовольствія дожить до открытія судоходства по каналу; онъ умеръ за нѣсколько лѣтъ до окончанія его, и похороненъ въ Шарлотенбургѣ, въ мѣстѣ, которое посѣщается всѣми, проезжающими по каналу.

Природа и свойства шведской почвы представляли величайшія

затрудненіи исполненіи этой исполинской мысли; то проходимое, вѣста каналъ среди болѣть, то взрывать скалы; наконецъ по разности уровня морей и озеръ необходимо было устроить болѣе пятидесяти шлюзовъ, чтобы поднимать или опускать суда на сто саженокъ футовъ. Каналъ образуетъ во многихъ мѣстахъ значительные изгибы, которые были необходимы для того, чтобы избѣгать частью непреодолимыхъ почти препятствій, которыя представляла грунты, частью пороги Гетгельса.

Самые значительные шлюзы находятся близъ Берга, гдѣ разность между уровнемъ двухъ озеръ, Борна и Роксена составляетъ сто тридцать шесть футовъ. Между тѣмъ какъ судно проходитъ эти шлюзы, путешественникъ имѣетъ волюнть время осмотрѣть лежащій близъ нихъ Вротскій монастырь, гдѣ похоронены многіе члены королевской фамиліи. Тутъ же находятся фамильные склепы нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ шведскихъ дворянскихъ домовъ; между прочими Дугласовъ, переселившихся въ Швецію въ царствованіе Густава Адольфа.

Въ Моталѣ находится огромный механической заводъ, занимающій нѣсколько большихъ зданій. На этомъ заводѣ производится только значительныя работы; говорятъ, что изготовляемые на немъ паровыя машины, мельницы и прессы превосходны. Онъ основанъ въ 1822 году мастеромъ Фразеромъ, и въ настоящее время занимаетъ нѣсколько сотъ работниковъ.

Отплывъ изъ Моталы, путешественникъ вступаетъ въ Веттерское озеро, одно изъ самыхъ большихъ озеръ Скандинавскаго полуострова. Въ Швецію вообще увѣрены, что глубина его неизмѣрима, и что оно имѣетъ подземное соединеніе съ нѣкоторыми озерами Германіи, потому что случается, что поверхность его тиха и гладка какъ зеркало, и вдругъ на немъ поднимаются валы, и оно начинаетъ ревѣть, и клокотать безъ всякой видимой причины. Уровень Веттерскаго озера на 2,972 футовъ выше уровня Балтійскаго моря.

На берегу озера находится крѣпость Карлсборгъ, окруженная высокими стѣнами и бастионами, хотя она еще не совершенно окончена; жилища въ ней кажутся очень удобны, и даже красивы, но все деревянныя. Минувая озеро Веттерское, Ботенское и Викенское, вступаете въ чудесное Венерское озеро, самое обширное въ Швецію; берегъ его густо заросъ лѣсомъ; на поверхности его разбросаны болѣе или менѣе обширные острова, состоящіе почти изъ одного голаго граниту; мѣстами только, въ

гребенныхъ скалъ лежить нѣсколько наносной земли, въ которой огромныя ели урвалили свои возмущеніе по каменю корнямъ.

Мы проехали мимо отвратительной высоты Кинсекулла, покрытой роскошными садами, лугами и полями, и на которой, какъ жется, преимущественно преобладаетъ южная растительность. Все шведскіе поэты на перерыбъ стараются воспѣвать это дивное мѣсто, одно изъ лучшихъ во всемъ ихъ отечествѣ.

Пароходъ присталъ къ одному небольшому островку, чтобы зашастись дровами. Я съ нѣкоторыми другими пассажирами взошелъ на холмъ, на которомъ стоялъ небольшой домикъ. На всемъ острову видѣли мы только двѣ три лужайки; скала вездѣ обросла мохомъ; тамъ и сямъ качался лопушнякъ, да стройная ель вскидывала свою вершину подъ облака. Близъ дому былъ садикъ, около шести футовъ въ длину, и четырехъ въ ширину, въ которомъ цвѣлъ *гареолумъ*. Это небольшое пространство было обнесено заборомъ, и ясно показывало, какъ человекъ привязывается къ самымъ ничтожнымъ предметамъ, когда они дамы ему въ скудномъ количествѣ. Почему знать? можетъ-быть этотъ садикъ доставляетъ хозяйну больше удовольствія и счастья, чѣмъ иному богачу теплица, набитая заморскими растеніями.

Подъ кровлею домика ласточки свили себѣ легкія гнѣздушки, съ быстротою стрѣлы шмыгали по зеркальной поверхности водъ и возвращаясь съ добычею къ своимъ дѣтенышамъ. По голой скалѣ бѣгало, хрюкая, нѣсколько свиней, откормленныхъ рыбою; на солнцѣ сушились огромныя рыбы, единственная можетъ-быть пища жителей въ зимнее время, когда скала покрывается снѣгомъ, и все озеро заковывается въ ледъ; потому что въ продолженіе шести мѣсяцовъ нѣтъ никакого сообщенія между островкомъ и остальнымъ міромъ.

Сшедши съ холма, мы свѣли въ лодки, и поплыли въ небольшую бухту; вечеръ былъ чудесный, солнце золотило изъ западъ облака, и поверхность озера была облита золотомъ. Кто умѣлъ плавать, воспѣшивъ раздѣться и броситься въ свѣжую, чистую влагу. Я, то ложился на спину, и смотрѣлъ на гладкую свѣтъ неба, и былъ счастливъ какъ рыба въ прохладной, чистой водѣ; то смотрѣлъ чрезъ прозрачную воду на чистое дно озера, на которомъ можно было пересчитать всѣ камни, и каждую рыбу, которая отъ страха шмыгала между ними какъ стрѣла.

Только около полудня снова заклокотали колеса парохода, и мы поплыли къ мѣсту назначенія. Въ десять часовъ утра достигли Трольгетты, гдѣ Гетгельъ образуетъ знаменитый

водопадъ; паденіе этой рѣки отъ Венерскаго озера къ Балтійскому морю составляетъ сто сорокъ пять футовъ.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ спирается между утесами, какъ между двумя каменными стѣнами, и потокъ съ ревомъ и яростью стремится по узкому руслу, перекидываясь съ громомъ и пѣною черезъ каменные пороги, преграждающіе ему путь. Все паденіе представляетъ одну массу kloкочущей, бѣлой какъ снѣгъ, пѣны; уже тысячи лѣтъ, можетъ-быть, волны Гетгельфа постоянно ударяются объ эти камни, и пройдутъ, можетъ-быть, еще тысячи лѣтъ, прежде чѣмъ онѣ раздробятъ крѣпкій гранитъ.

Между-тѣмъ какъ я стоялъ погруженный въ созерцаніе этого величественнаго зрѣлища, солнце, отражаясь въ водяной пыли, образовало надъ дикимъ потокомъ яркую радугу, которую древняя мифологія съвера считала мостомъ между землей и небомъ. Однакоже этотъ мостъ не могъ даже перенести меня на противоположный берегъ, состоявшій изъ отвѣсныхъ утесовъ, по бокамъ которыхъ ползли дикія травы, и качались знаменами ели, вѣдѣвшіяся въ разсѣлины гранита.

Я стоялъ передъ самымъ большимъ водопадомъ, Топпё, на голой скалѣ, и съ ужасомъ смотрѣлъ на зияющую подъ ногами пропасть; ревъ потока заглушалъ всякій другой шумъ, и я могъ безъ развлеченія смотрѣть на эту чудную картину. Миѣ показалось будто таинственный голосъ шепталъ: «снѣго бросься въ пучину, и попытайся бороться съ разъяренною стихіею.» Голова моя закружилась, и я поспѣшилъ отойти отъ опаснаго мѣста. Не разъ уже посѣщало меня такое чувство на морѣ или надъ отвѣсною пропастью; и миѣ кажется, что оно врожденно человѣческому сердцу, что каждый находитъ какое-то странное удовольствіе въ изъявленіи презрѣнія къ опасности, которая, мы знаемъ напередъ, будетъ стоить жизни смѣльчаку, на нее отважившемуся.

Обернувшись назадъ, я увидѣлъ молодую Англичанку, которая сидѣла за мною на обросшемъ мохомъ камнѣ, и бойкою рукою срисовывала грозную Трольгету въ свой щегольской альбомъ.

Около полудня мы вступили въ Готенбургскую гавань; всѣ отъѣзжающіе на пароходѣ въ Христианію или въ Копенгагенъ привуждены ждать нѣсколько дней въ этомъ городѣ, потому что пароходъ отходитъ туда за нѣсколько часовъ до прибытія парохода изъ Стокгольма. Это очень ловкая спекуляція на карманы проѣзжихъ, отъ которой остаются въ барышахъ одни содержатели гостиницъ; путешественники же не знаютъ что дѣлать и

куда дѣваться отъ скуки. Готенбургъ, правда, второй городъ въ Швеціи, и ведетъ огромный торгъ; но не представляетъ ничего любопытнаго путешественнику. Городъ лежитъ въ лошнѣ, обведенъ прямыми, вытянутыми подъ шнурокъ аллеями, а вокругъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, видѣются одни голые утесы. Дома, все каменные, что поразило меня, потому что въ большей части шведскихъ городовъ они деревянные, окрашенные краснобурою краской. Но всѣ эти каменные дома и общественныя зданія показались мнѣ также скучны и незанимательны, какъ озабоченные люди, которые, суетясь и задыхаясь, бѣгали по избитой мостовой. Одну отраду представляетъ Готенбургъ несчастному путешественнику запертому среди этихъ голыхъ утесовъ: онъ можетъ отправляться въ великолѣпный погребокъ, и надъ превосходнымъ готенбургскимъ портеромъ размышлять о прошедшемъ и будущемъ; жить въ настоящемъ въ этомъ городѣ невозможно.

НОЧЬ НА КЛАДВИЩѢ. *Разсказъ Амедея Буржоса.* Около двухъ лѣтъ я носилъ въ себѣ хроническое раздраженіе пищеварительныхъ органовъ; прежде я имѣлъ несчастье не вѣрять воспаленіямъ желудка, а теперь это становилось обманомъ воображенія, погребеннымъ со многими другими обманами въ моемъ прошедшемъ. Въ первое время припадковъ этой болѣзни я не поддавался; но ея упорство и невниманіе къ предпринимаемымъ противъ нея средствамъ, уязвили меня за недостаткомъ терпѣнія, этой кипрассы страждущихъ. Побѣжденный въ борьбѣ я сталъ съ наслажденіемъ вкушать вѣкую сладость отчаянія, потомъ покорился необходимости, волею Провидѣнія, преклонился передъ Божьей волею и думалъ, что поступлю благоразумно, приучивъ себя къ мысли о близкой смерти. Вотъ почему я ужасно полюбилъ кладбища и читалъ Юнга при умирающемъ вечернемъ свѣтѣ. Кладбище той деревни, гдѣ я жилъ, нравилось мнѣ чрезвычайно по своему безмолвному одиночеству, по цвѣтущимъ могиламъ въ маѣ мѣсяцѣ, по мрачной зелени тису и елей, на вѣтви которыхъ спускались осенью стаи воронъ съ своимъ зловѣщимъ крикомъ. Оттуда я смотрѣлъ на людей какъ на призраковъ, готовыхъ скоро исчезнуть и мало-по-малу отдѣлялъ себя отъ ихъ привязанности и выгоды.

Въ ноябрьскій вечеръ я сидѣлъ въ уголку уединеннаго моего камина. День былъ прелестный и я гулялъ при заходящемъ солнцѣ по берегу рѣчки, къ журчанію которой между скалъ и травы

любилъ я прислушиваться. Въ мечтаніяхъ почерпалъ я возвратъ къ спокойствію и ясности: Богъ далъ природу поэтамъ и больнымъ въ утѣшеніе отъ земнаго разочарованія и страданій. Поправляя огонь я припоминалъ сладостныя впечатлѣнія прогулки, какъ вдругъ примѣтилъ письмо, забытое наканувъ на моемъ бюро: въ этомъ письмѣ были два сухіе цвѣтка, грустный залогъ угасшей привязанности, на которые я смотрѣлъ только въ часы сна, и душевнаго утомленія. При видѣ этого воспоминанія объ оплакиваемой любви, которая являлась вдругъ какъ свидѣтельство непрочности всего земнаго, струна надежды, натянутая было въ душѣ моей, какъ будто оборвалась съ злобѣющимъ трескомъ. Снова отчаяніе овладѣло мною; я сказалъ себѣ, что минута спокойствія не была возвращеніемъ къ здоровью, и предался болѣе прежняго грустнымъ мыслямъ о смерти. Глубина моихъ болѣзненныхъ думъ походила на бездну, отъ безконечнаго спиральной линіи которой у меня дѣлалось иногда головокруженіе. Въ этотъ вечеръ дошло до того, что положеніе мое становилось невыносимо. Я всталъ, ходилъ по комнатамъ и вдоль и поперекъ, потомъ прикрылся плащомъ и пошелъ прямо къ кладбищу.

На этомъ кладбищѣ была высокая ель, у подошвы которой я любилъ сидѣть и въ подобныхъ кризисахъ часто посѣщалъ ее даже ночью. Я останавливался возлѣ нея, смотрѣлъ нѣсколько времени на звѣзды, которыхъ золотистый свѣтъ, блистая на небѣ, привлекалъ мои надежды къ безграничному, прислушивался къ отдаленному крику совы въ дуплѣ дуба; наконецъ мнѣ пришла фантазія самому выбрать мѣсто для моей могилы.

Глухой шумъ слышался въ нѣсколькихъ шагахъ, но я тотчасъ увидѣлъ какъ изъ только-что выкопанной могилы показалась голова Юліана, стараго деревенскаго могильщика. Онъ узналъ меня при лунномъ свѣтѣ.

— Э! э! сказалъ онъ, поздневенко же вы пожаловали къ намъ.

Юліанъ всегда говорилъ къ намъ, упоминая о мертвыхъ, которые были его единственнымъ родными.

— А зачѣмъ ты самъ работаешь въ такое время? отвѣчалъ я подходя къ нему.

— Пастухъ Кириллъ умеръ нынче вечеромъ, его хоронятъ завтра утромъ для безопасности общественнаго здоровья, какъ говорятъ господина меръ, потому что онъ умеръ отъ такой болѣзни, отъ которой тѣло его стало портиться.

— Юліанъ, сказалъ я послѣ минутнаго молчанія, если я уиру въ этой деревнѣ, вотъ гдѣ ты долженъ вырыть мнѣ могилу.

Я указалъ ему пальцемъ на мураву, покрывавшую корни высокой ели.

— Э! э! баринъ, сказалъ могильщикъ, развѣ майскіе листья вянуть прежде осени? Кажется вы не такъ еще близки къ смерти. Впрочемъ мѣсто недурно, и если вы должны изъ него выйти какъ тотъ, который спустился туда при мнѣ.... Этотъ проклятый заступъ ломитъ мнѣ руки.... если вы позволите я расскажу вамъ эту исторію, она васъ разбѣтетъ можетъ быть.

Юліанъ выскочилъ изъ могилы, цѣпляясь за землю брошенную имъ вокругъ. Полночь пробилла на деревенской церкви, и свѣтъ подѣ елью, могильщикъ возлѣ меня.

— Лѣтъ около десяти тому назадъ, началъ онъ, съ мѣсяць продолжалась въ округѣ эпидемія, такъ что не доставало времени для моей работы и я часто долженъ былъ ночью оставлять постель, чтобы приготовить ее для тѣхъ, которые уходили на небеса. Вотъ въ одну морозную и вѣтряную, но довольно свѣтлую зимнюю ночь, работалъ я въ этомъ уголкѣ для бѣдняжки Маріи, невѣсты того, кто женился на слѣдующій же годъ. Я дулъ себѣ въ пальцы и время отъ времени выходилъ изъ могилы, чтобы постучать ногами объ ель: я кончалъ уже мою работу, какъ вокругъ слышалъ на свѣгу шаги; смотрю и вижу человека, закутаннаго въ плащъ, который, потаскавшись по кладбищу, остановился на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь мы, смель свѣтъ погой, вычистилъ нѣсколько мураву, сбросилъ плащъ, вытащилъ изъ кармана пистолеть и подошелъ ко мнѣ. Не понимая ничего, я притаился въ своей ямѣ.

— Эй, могильщикъ! вскричалъ онъ, мнѣ пужпо съ тобой поговорить. Подай сюда заступъ.

Я вылезъ изъ могилы и подалъ ему заступъ, лопатку мою онъ уже держалъ въ рукѣ. Онъ велѣлъ мнѣ сѣсть и принялся копать ту часть земли, которую вычистилъ незадолго передъ тѣмъ. Дѣло не скоро подвигалось.

— Я понапрасну трачу время, сказалъ, онъ; помоги мнѣ.

До сихъ поръ я только смотрѣлъ на него: ему пришла фантазія перевернуть кладбище вверхъ дномъ и раздѣлываться потомъ съ судомъ, что мнѣ было до того, тѣмъ болѣе, что его свирѣвый видъ и оружіе, спрятанное подъ плащемъ нѣсколько меня пугали, но слѣдатель его сообщникомъ я ни чуть не былъ расположенъ. Незнакомецъ замѣтилъ, что я не рѣшаюсь.

— Развѣ ты не слышишь? сказалъ онъ пахчуривъ брови, ну, помогай!

Сказавъ это онъ сталъ заряжать пистолеть,

Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсонки пость, говорятъ пословица. Вотъ такъ-то и я, увидѣвъ себя наединѣ съ этимъ сорванцемъ, безъ всякаго средства къ побѣгу, или помощи, покорился необходимости, взявъ заступъ, который онъ протягивалъ мнѣ одной рукою, другою показывая пистолеть и принялся работать усердно, чтобы поскорѣе притти къ концу.

Я и незнакомецъ такъ хорошо исполнили свое дѣло, что прежде часу, ему показалось, что не надо продолжать далѣе. Онъ наклонился съ минутою надъ могилей, чтобы разсмотрѣть внутренность ея, растянулся во всю длину на сѣвгу, чтобы увѣриться въ ея размѣрѣ, бросилъ туда плащъ, разложивъ его какъ саванъ, потомъ подаль мнѣ кошелекъ:

— Тутъ двадцать золотыхъ монеть, сказалъ онъ. Онѣ будутъ твои, если ты окажешь мнѣ слѣдующую услугу, Поклянись, что зароешь эту могилу до разсвѣту.

Проклятый пистолеть все торчалъ противъ меня: я общалъ,
— Теперь, сказалъ онъ, помни, что ты ничего не видалъ.

Потомъ онъ сталъ на краю ямы и приложилъ ко лбу дуло пистолета.

Въ эту минутоу звукъ гремякъ на горѣ возвѣстивъ мнѣ приближеніе погонщиковъ лошаковъ, которые приходятъ къ намъ два два въ годъ. Но прежде чѣмъ я успѣлъ закричать или сдѣлать движеніе, чтобы остановить незнакомца, выстрѣлъ раздавался...

Онъ такъ хорошо принялъ свои мѣры, что все его тѣло лежало въ могилѣ.

Я позвалъ погонщиковъ, они помогли мнѣ перенести его къ мосю Дюрану, деревенскому лекарю. Дюранъ вытеръ кровь, которая текла со лбу, старательно осмотрѣлъ рану, положилъ руку на сердце раненаго, ошупалъ пульсъ, показалъ намъ, что пуля только скользнула по костямъ и увѣрилъ, что еще можно помочь, потомъ спросилъ какъ было дѣло.

Разсказавъ ему все, я воротился на кладбище и зарылъ могилу, чтобы не измѣнить клятвѣ.

На другой день мы узнали, что незнакомецъ былъ офицеръ кавалерійскаго полка изъ гарнизона сосѣдняго городка, что онъ недавно женился на молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ, которую ревновалъ до безумія и безъ причины, нахѣрно оттого, что волосы его начинали уже сѣдѣть, — онъ не доверялъ добродѣтели

женщины, — что ревность помутила его мозгъ, и что онъ помышлялъ на самоубійствѣ.

Къ утру офендеръ пришелъ въ себя и казалось удивился мѣстѣ, въ которомъ находился и узналъ, что его привело сюда. Я рассказалъ ему все, онъ выслушалъ меня съ такимъ видомъ какъ будто упалъ съ облаковъ, словно ни о чемъ не помнилъ. Это потому что въ мозгу его произошелъ переворотъ, разсудокъ вопротился домой.

Черезъ мѣсяць онъ уѣхалъ съ женой, которая пріѣхала ухаживать за нимъ къ намъ, принудилъ меня оставить у себя отдаленныя мнѣ золотыя монеты и не думалъ больше ревновать изъ опасенія опять потерять разсудокъ.

Тутъ могильщикъ всталъ и принялся опять за заступъ.

И зная, что сумасбродство великій медикъ, который вылечиваетъ и отъ сумашествія и отъ всякой немощи, а теперь я узналъ, что оно возвращаетъ даже разсудокъ.

Старательно завернувшись въ плащъ, я простился съ Юліаномъ, который спустился въ могилу, и побрелъ въ деревню. Весь день воротился я къ себѣ въ квартиру, легъ въ постель и цѣлую ночь мнѣ снилось, что я сдѣлался могильщикомъ и зарывалъ самъ себя подъ высокой сѣню.

ТАЙНА БОГАТСТВА. *Исторія послѣдняго столпѣн.* Храбрый полковникъ, кавалеръ Святаго Людовика, графъ де Моуссе — умръ. Раю ставъ вдовцемъ, онъ женился на молодой, милой, любезной, но не богатой дѣвушкѣ. Отъ перваго брака у него былъ сынъ, единственный наследникъ его титула и значительнаго состоянія. Вторая жена также подарила его сыномъ, достойнымъ родительской любви. Надо сказать съ начала этого разсказа, что Гекторъ де Моуссе старшій сынъ, былъ гордъ и тщеславенъ, а Людовикъ исполненъ скромности и доброты. Эта противоположность давно бросалась въ глаза всѣмъ, какъ вдругъ старшій графъ почувствовалъ приближеніе смерти. Христіанинъ въ душѣ, онъ привелъ въ порядокъ дѣла съ безропотностью истинно разумительной. Его безпокоила только участь Людовика и его матери. Много разъ совѣщался онъ съ Гекторомъ въ пользу своего втораго сына, но старшій братъ былъ неумолимъ. Старикъ только могъ добиться, чтобы завѣщать Людовику двѣ тысячи, а графинѣ полторы тысячи ливровъ въ годъ. Наслѣднику же досталось только осемьдесятъ тысячъ въ годъ. Эта огромная разниа не помѣшала Гектору

прятать, что его ограбили. Графъ бросилъ на него взоръ негодованія и сказалъ:

— Вы сударь заставляете меня сожалѣть, что я заранѣе не распорядился моимъ состояніемъ. Погодите, можетъ быть вы еще раскаетесь въ жестокости къ брату, отъ котораго вы не получили ничего кромѣ знаковъ вѣжности.

Черезъ вѣсколько дней послѣ похоронъ графа, Гекторъ, который на время удалился въ одинъ изъ своихъ замковъ, воротился въ городской домъ, и тотчасъ позвалъ Людовика. Тотъ посѣщилъ къ нему съ выраженіемъ братской привязанности на лицѣ, между тѣмъ какъ старшій братъ былъ холодно обыкновеннаго.

— Я желалъ васъ видѣть, сказалъ Гекторъ, и вы сами сейчасъ поймете, почему такое скорое свиданіе было необходимо. Завтра работники примутся передѣлывать этотъ домъ, а обойщики мемблируютъ его за ново.

— Какъ! вскричалъ Людовикъ съ выраженіемъ глубокой грусти: вы хотите передѣлать это благородное жилище, гдѣ еще видѣются слѣды нашего добраго и вѣжно любимаго отца?

Сначала Гекторъ отвѣчалъ однимъ презрительнымъ видомъ. Потомъ съ своимъ обыкновеннымъ безстрастіемъ онъ сказалъ:

— Чтѣ вамъ до того за дѣло! Этотъ домъ принадлежитъ мнѣ, я воленъ сдѣлать какія мнѣ угодно перемѣны.

— Не спорю, прошепталъ Людовикъ.

И взоръ его осматривалъ съ выраженіемъ религіознаго сожалѣнія, столько предметовъ дорогихъ его дѣтству, и которые скоро должны пасть подъ молоткомъ вандализма.

Гекторъ прибавилъ.

— Въ теперешнихъ обстоятельствахъ вы легко поймете, надѣюсь, что ваше присутствіе становится здѣсь невозможно.

— Невозможно! повторилъ Людовикъ съ глазами, полными слезъ.

— Конечно. Неужели я долженъ принимать на себя трудъ объяснять вамъ причины?

— Разумѣется, это излишне, сказалъ Людовикъ: вы меня не любите, вы никогда меня не любили.

— Боже мой, я отдаю полную справедливость вашимъ прекраснымъ качествамъ, мой милый; но такъ какъ мы говоримъ теперь откровенно, я признаюсь, что не чувствую къ вамъ большой симпатіи. Повторяю, я превозношу ваши добродѣтели, но въ моихъ глазахъ вы передо мной виноваты: вы сынъ моего отца

отъ втораго брака. Я не могу простить отцу моему зачѣмъ онъ женился во второй разъ.

Справедливое чувство достоинства заблестало въ глазахъ Людовика.

— По какому праву, сказалъ онъ, порицаете вы поступки графа де-Моссё? я могу безропотно покориться вашимъ намѣреніямъ, какъ бы жестоки они мнѣ не казались, но я буду защищать, даже протѣвъ васъ, память моего отца и....

— Хорошо, хорошо, перебилъ Гекторъ, который прохаживался съ ветераномъ: прекратимъ этотъ разговоръ, онъ не можетъ быть пріятель въ мнѣ ни вамъ. Я надѣюсь, что вы поспѣшите исполнить мое желаніе.

— Можете смѣло на это разсчитывать; нынче же вечеромъ я буду далеко отъ этого дому, котораго хозяинъ уже мнѣ не брать.

Послѣ этого мучительнаго свиданія, Людовикъ поспѣшилъ передать матерп неожиданныя вѣсти. Графиня грустно улыбулась и сказала покачавъ головой:

— Это тебя огорчаетъ, мой бѣдный Людовикъ?... А я ожидала этого. Давно уже неукротимый характеръ твоего брата мнѣ извѣстенъ; отвращеніе, которое я всегда внушала Гектору, обратилось на тебя.

— О! матушка! я не могу привыкнуть къ противоестественному чувству и ужасно страдаю.

— Успокойся, подумай о будущемъ. Составилъ ты какой планъ плачь?

— Нѣтъ еще. Но Богъ поможетъ мнѣ, потому что мысли мои благородны. Батюшка удовлетворилъ наши нужды сколько могъ; теперь я долженъ дополнить эти трудомъ.

Вдова съ вѣжностью пожала руки сына.

— Ты прекрасно поступаешь, что предашь себя подъ покровительство Провидѣнія, сказала она: оно лучше всѣхъ покровительствъ и никогда тебя не оставитъ.

Съ своей стороны, графъ де-Моссё совѣщался съ управителемъ, который ни въ чемъ не уступалъ управителямъ осемнадцатаго столѣтія, то есть, получалъ много, а давалъ мало, и такъ искусно ставилъ цифры, что самый хитрый вычислитель ничего бы тутъ не разобралъ. Баливо, такъ звали управителя, былъ провидѣніемъ несовершеннолѣтнихъ сынковъ, прибѣгавшихъ къ вродѣлкамъ, чтобъ жить роскошно не трудясь. Баливо тотчасъ

растолковалъ молодому господину, что годовою доходъ будетъ не такъ великъ какъ обыкновенно.

— Чортъ побери! сказала Гекторъ, это мнѣ не очень пріятно; я распределяю мои издержки на осемьдесятъ тысячь лировъ.

— Немного болѣе, немного менѣе, что за нужда, ваше сіятельство?

— Для меня это большая нужда, мой милый, а я нахожу страннымъ, что вы мнѣ противорѣчите.

— О! вповоду, ваше сіятельство, я въ отчаяніи, что рассердилъ васъ.... Я только хотѣлъ васъ успокоить.

— Э! какъ же ты хочешь свести концы?

— Это очень легко.

— Посмотримъ.

— Сначала положимъ, что будущій годъ будетъ лучше этого, у васъ не будетъ столько лишнихъ издержекъ, музыканты лучше заплатятъ.... Такимъ образомъ вы легко пополюете теперешній недочетъ. Чего вамъ не достаетъ? десять, пятнадцать тысячь франковъ? Вы ихъ найдете въ кошелькѣ вашихъ друзей. Не ходя далеко вашъ покорный слуга почтетъ себя очень счастливымъ, если вы позволите ему предложить къ вашимъ услугамъ то, что онъ собралъ своей бережливостію.

— Ты? сказала Гекторъ улыбаясь, и ущипнувъ за ухо управителя. Впрочемъ устрой все какъ знаешь. Считаю на будущіе доходы: только, чтобы у меня всегда были деньги, это главное.

Балино оставилъ господина съ едва удерживаемою радостію. Этотъ разговоръ показалъ ему вѣтренность, беззаботность, расточительность и неосмотрительность молодого графа. Для этого жалнаго человѣка, барышника въ глубинѣ души, Гекторъ былъ вѣрною добычею, котораго погибель была дѣломъ времени. Онъ отправился къ женѣ, совершенному подобію, facsimile мужа. Эта родная чета старательно запершись, принялась дѣлать расчеты на счетъ раззоренія графа де Моссе. Избавляемъ читателей отъ плоскихъ шутокъ, которыя приправляли это фантасное вычисленіе. Мадамъ Балино, пришедшая изъ своей деревни въ деревенныхъ башмакахъ, всегда мечтала, что у ней будетъ когда-нибудь карета, огромный домъ, что мужъ ея сдѣлается дворяниномъ Горизонтъ Эльдорадо начиналъ уже видѣться.

Между-тѣмъ, въслѣдствіе полученнаго имъ приказанія, Людовикъ приготовился къ отъѣзду. Въ ту минуту какъ скромная повозка возила вещи молодого человѣка и его матеря, карета

Гекторъ вошла на дворъ. Гекторъ входа на лестницу не могъ избѣжать встрѣчи Людовика. Последний былъ серьезнѣе и не показывалъ ни малѣйшаго смущенія. Онъ сказалъ только:

— Я очень радъ васъ видѣть. Теперь каждый изъ насъ станетъ жить въ различномъ обществѣ; между нами не будетъ ничего общаго, но позвольте мнѣ дать вамъ полезный совѣтъ.

— Совѣтъ? повторилъ графъ съ высокомеріемъ.

— Да; остерегайтесь Баллиа. Этотъ человѣкъ подточитъ ваше состояніе.

Гекторъ пропчески усмѣхнулся и пошелъ за стеклянной дверью, сдѣлавъ Людовику кровавительственный знакъ рукой.

Едва графскій домъ отдался, онъ сталъ сборищемъ всѣхъ возможныхъ веселостей. Немного дней проходило безъ празднествъ и Гекторъ безпрестанно выдумывалъ что-нибудь новое. Ничто не могло сдѣлаться болѣе несчастнымъ какъ извѣстіе, что гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ былъ великолѣпный балъ. Тогда онъ напускался на Баллиа, а тотъ противооставлялъ петербургскому вилу господина, свой обыкновенный приѣздъ:

— Дайте денегъ!

— Денегъ! денегъ! кричалъ Гекторъ, ты долженъ ихъ доставать, это твое ремесло. Развѣ я капиталистъ, Туркаретъ, и у меня есть время повѣрять скучные счета? Я говорилъ тебѣ тысячу разъ, что не хочу ничего знать; если природа создала тебя вычислителемъ, пусть я пользуюсь твоимъ дарованіемъ.

И Баллиа продолжалъ улыбаться съ адекимъ коварствомъ. Но Гекторъ ничего не замѣчалъ. Онъ только думалъ о томъ какъ бы поддержать свою роскошь.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ. Гекторъ жеппелъ на молодой дѣвушкѣ знатнаго происхожденія настолько же расточительной какъ онъ. Графъ съ графиней тратили каждый съ своей стороны, у каждаго были свои экипажи, свои приѣмные дни, свой кругъ, графъ часто слышалъ о графинѣ только отъ модной торговки, которой счетъ долженъ былъ платить.

Въ одно утро несмотря на свою обыкновенную беззаботность, Гекторъ казался очень озабоченъ. Съ гнѣвомъ скомкалъ онъ газеты, поданныя камердинеромъ, и изливалъ желчь въ упрекахъ на пеловкость своихъ людей. Это потому что онъ проигралъ сорокъ тысячъ ливровъ въ фараонъ. Напрасно Баллиа старался его успокоить, и говорилъ, что можно обратиться къ займамъ.

— Занять! занять! говорилъ графъ, это прекрасно, но вѣдь

надо же когда ипбудь отдать; а я не знаю буду-ли въ состояннн. Сколько остается у меня доходу, Баливд?

— Я могу тѣмъ лучше увѣдомить, ваше сіятельство, что теперь только сдѣлалъ подробную и вѣрную снѣтку вашему состоянию. У васъ остается сорокъ-тысячъ ливровъ доходу.

Гекторъ вскрикнулъ.

— Только?

— Ни полущки болѣе, ваше сіятельство.

— Ровно половину того, что оставалъ мнѣ отецъ. Ахъ! еслибы онъ ожилъ, какъ бы разбранилъ онъ меня!

— Послушайте, ваше сіятельство, невозможно давать столько великолѣпныхъ празднествъ, безъ кой-какого ущерба.

Воспоминаніе о своихъ торжествахъ сорвало улыбку у Гектора.

— Ну, сказалъ онъ, полно грустить. Постарайся устроить это, Баливд. По чортъ меня побери, если я когда ипбудь слду за «араонъ! Вели, чтобы къ двѣнадцати часамъ была готова карета, я долженъ сдѣлать визитъ повому коменданту бастилн, который нынче празднуетъ повоселье.

Въ эту минуту вошелъ камерднперъ и подаль на серебряномъ подносѣ письмо графу де-Модсѣ. Тотъ съ нетерпѣніемъ сорвалъ печать, вскрнчалъ:

— Вѣрно какое ипбудь прпшошеніе!... право свѣтъ меня измучилъ.... незнакомый почеркъ.... что это такое?

Управитель остался изъ любопытства и дѣлалъ видъ, что приводитъ въ порядокъ книги и бумаги.

— Посмотри, сказалъ Гекторъ, какое странное письмо... и всего любопытнѣе то, что здѣсь говорится о тебѣ.

— Обо мнѣ, ваше сіятельство? прошепталъ управитель съ нѣкоторымъ опасеніемъ.

— Да... кажется, что мой таинственный корреспондентъ — я говорю таинственный, потому что онъ не подписался — знаетъ тебя и не слишкомъ уважаетъ. Послушай.

Баливд подошелъ къ графу, лицо его было красно.

Гекторъ прочелъ слѣдующее:

«Ваше сіятельство»

«Слухъ объ огромномъ проигрѣшѣ вашемъ распространился въ Парижѣ. Ваше разстроенное состояніе не позволитъ пополнить такой недочетъ. Позвольте искреннему другу — который желаетъ «умолчать о себѣ до времени — предложить вамъ двадцать тысячъ ливровъ, приложенныхъ при этомъ письмѣ. Въ вознагражде-

«не этой небольшой услуги онъ просить только объ одномъ: по-слушайтеъ полезнаго совѣта: Остерегайтесь Баливд.»

— Ну, прибавилъ Гекторъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ какъ человѣкъ, которому весело выместить досаду: ты видишь, Баливд, какого о тебѣ мнѣнія. Чтѣ ты на это скажешь?

— Я скажу, ваше сіятельство, прошепталъ управитель, задыхавшійся отъ досады: я скажу.... что на меня клеветуютъ. Служи послѣ этого трицать лѣтъ господамъ, трудолюбивымъ и честнымъ образомъ, чтобы первый встрѣчный назвалъ тебя плутомъ!.. Если ваше сіятельство вѣрите этой клеветѣ, я буду принужденъ просить отставки.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый Баливд, ты мнѣ слишкомъ дорогъ, чтобы я могъ съ тобой разстаться. Ты останешься на своемъ мѣстѣ, а я постараюсь быть поэкономнѣе.

Когда графъ возвращался изъ Бастиліи, повозка, тяжело нагруженная, зацѣпила за щегольскую карету и сломала ось колеса. Толчокъ былъ такъ силенъ, что графъ лишился чувствъ. Его перенесли въ суковную лавку. Приказчики окружили Гектора когда хозяинъ магазина показался въ верху лѣстяницы, которая вела въ верхнія комнаты.

— Чтѣ это такое? спросилъ онъ.

— Да вотъ этому господину сдѣлалось дурно, отвѣчалъ одинъ изъ молодыхъ людей, и мы его приводимъ въ чувство.

Приказчикъ еще не кончилъ фразы, какъ хозяинъ, бросивъ взоръ на графа, поспѣшно сошелъ съ лѣстяницы.

— Оставьте меня одного съ этимъ господиномъ, сказалъ онъ. Я окажу ему необходимую помощь. Большому неприятію вдругъ увидѣть двадцать человѣкъ около себя.

Приказчики ушли, хозяинъ далъ понюхать Гектору спиртъ и черезъ нѣсколько минутъ тотъ пришелъ въ себя, съ изумленіемъ окинулъ взоромъ окружающіе его предметы и наконецъ уставилъ глаза на хозяина магазина.

— Не сонъ ли это? прошепталъ графъ. Людовикъ возлѣ меня! Людовикъ въ этой лавкѣ!

— Да, это точно я.

— По какому странному случаю?

— Тутъ нѣтъ ничего страннаго; лавка принадлежитъ мнѣ.

— Вы шутите!

— Нисколько. Я торгую суковами.

— Не съ чѣмъ васъ поздравить, сказалъ сухо графъ.

— Почему же? отвѣчалъ Людовикъ съ притворнымъ простодушіемъ.

— Чѣмъ вы обрѣсь? Какъ! сынъ графа де-Моссе униженъ до такой степени! съ аршинномъ въ рукахъ! разсыпается передъ какимъ-нибудь писаршишкой, которому хочется сдѣлать платье по дешелу! Фи, какая гадость!

— Если бы я хотѣлъ возражать, я бы также многое могъ говорить, повѣрьте! Я бы сказалъ, напримѣръ, не гадко ли оттолкнуть брата, отъ котораго всегда получали вы только знаки шѣдности, выгнать его изъ дому?

— Милостивый государь!

— Прекратимъ этотъ разговоръ; я не люблю ни дѣлать упрямствъ ни выслушивать ихъ. Оставимъ эту статью въ сторонѣ. Я только далъ вамъ самое естественное объясненіе. Вы удивились, что нашли въ лавкѣ меня, дворянина, сына графа де-Моссе. Между-тѣмъ какъ я сдѣлавшись купцомъ, подъ именемъ Людовика, послѣдовалъ внушеніямъ чести. Мнѣ не доставало состоянія, чтобы поддерживать знатность происхожденія, я скрылъ это званіе, которое становится въ тягость, если не можешь являться съ пѣкаторнымъ блескомъ въ свѣтѣ. Я сдѣлался купцомъ и своею дѣятельностью приобрѣлъ себѣ состояніе.

— Вы пашли, сказалъ Гекторъ съ насмѣшкой, волшебный жезлъ.

— Нѣтъ, но я былъ всегда упрямъ, что трудомъ и бережливостью можно вытти изъ самаго затруднительнаго положенія.

— И вы не ѣздите въ каретѣ?

— У меня хорошія ноги. Я хожу только для отдохновенія.

— Чудесно, мой милый, чудесно: не жеплись ли вы на какой-нибудь мѣщавочкѣ?

— Нѣтъ. Для меня достаточно общество матушки.

— Оставляю васъ съ вашимъ торгомъ. Минуты ваши сочтены.... Такой трудолюбивый человекъ какъ вы! Кстати, если вамъ угодно, я буду покупать у васъ сукна на ливрею моихъ лакеевъ.

— Вы насмѣхаетесь какъ нельзя лучше; но позволѣте поблагодарить васъ и прибавить, что скоро вамъ нечѣмъ будетъ заплатить за ливрею вашихъ лакеевъ.

Гекторъ покраснѣлъ отъ гнѣва.

— Кто могъ вамъ сказать?...

— А! а! вы изиѣнили себѣ, перебилъ Людовикъ смѣясь. Я понимаю, что такой знатный вельможа какъ вы нуждается въ день-

вахъ. Но я оставляю всеъ, вашу карету: поминаю, люди зами
идутъ за вами. Прощайте.

— Прощайте! сказалъ грубо Гекторъ, садясь въ карету съ угрюмымъ лицомъ и съ твердымъ намѣреніемъ никогда не ѣздить по этой улицѣ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Гекторъ не сталъ экономить. Пугаясь иногда при видѣ неизлѣримои бѣдны, разверзающейся подъ его ногами, онъ хотѣлъ отступить назадъ, но ломкія стѣны, за которыя онъ хватался, ломались у него въ рукахъ. Къ разстройству его состоянія помогали еще жена своей расточительностью, Балливо плутовствомъ. Въ двухъ очень важныхъ обстоятельствахъ, Гекторъ получалъ большія суммы отъ таинственной и великодушной руки, которой онъ уже былъ долженъ двадцать тысячъ франковъ; но эти присылки, унижавшія его гордость, были только слабымъ облегченіемъ въ неизлѣримои болѣзни.

Наступилъ роковой день: управитель пришелъ сказать графу, что у него остались только значительные долги.

— Подлецъ! вскричалъ Гекторъ, это твоя вина; ты одинъ повлекъ меня въ погибель.

— Вы хотѣли раззориться, сказалъ Балливо съ лукавымъ видомъ. Чтò мнѣ было дѣлать?

— Негодай! ты долженъ былъ помогать мнѣ совѣтами.

— Извольте узнать ваше сіятельство, что я ни подлець ни негодай.

— А! ты смѣешь разсуждать... поможь вонъ.

Балливо усмѣхнулся.

— Позвольте спросить откуда прогоняете вы меня? сказалъ онъ.

— Разумѣется изъ моего дому.

— Изъ вашего дому? черезъ недѣлю онъ будетъ уже не вашъ: законодатель продадутъ его съ аукціону.

— Вотъ твои продѣлки, подлый управитель! зѣва, которую я отогрѣлъ на груди. Вонъ сію минуту или берегись моего гнѣва!

Изъ благоразумія Балливо посѣвшиль убраться, и въ тотъ же самый день оставилъ домъ графа, но онъ надѣялся скоро возвратиться туда полнымъ хозяиномъ, купивъ его именемъ услужливаго пріятеля, и осуществить такимъ образомъ мечту мадамъ Балливо. Усилія графа остановить эту продажу были безуспѣшны. Убитый отчаяніемъ, оставленный слугами и женою, которая развелась съ нимъ, Гекторъ въ продолженіи аукціона, удалившись въ

звѣнія конвенты, упрекая себя въ проступкахъ, принялъ ужасное нѣмѣреніе.

— Гдѣ они? кричалъ несчастный, гдѣ эти друзья, которые въ дни моей пышности, расточали мнѣ свою пріязнь? ни одинъ не остался мнѣ вѣренъ. Подобно перелетнымъ птицамъ, которыми зимой улетаютъ въ теплыя страны, эти ложные друзья разбѣжались изъ моего дому, гдѣ уже не надѣются найти прѣдвѣствъ.

— Мой домъ!... какое слово! черезъ нѣсколько мнвуть меня прогонять отсюда, какъ я прогналъ Людовика в его мать... Бѣдный братъ, я былъ жестокъ къ тебѣ и небо меня наказываетъ. Послѣ нашего разрыву ты давалъ мнѣ хорошіе совѣты, а я не хотѣлъ тебя слушать.... кто знаетъ, можетъ это ты прислалъ мнѣ тѣ суммы.... Но я слишкомъ страдаю; если я не умѣю устроить какъ должно свой образъ жизни, по крайней-мѣрѣ буду имѣть мужество умереть.

Гекторъ вынулъ изъ бюро пару пистолетовъ, зарядилъ ихъ, потомъ началъ поспѣшно писать нѣсколько строчекъ, чтобы объявить свое самоубійство.

Въ эту минуту на дворѣ раздались крики. Продажа рѣшилась, Гекторъ приставилъ ко лбу пистолетъ. Только что онъ хотѣлъ спустить курокъ, какъ руку его кто-то отвелъ прочь. Выстрѣлъ однако раздался, но пуля попала въ стѣну.

Графъ узналъ брата.

— Боже мой! прошепталъ онъ.

— Да, сказалъ дружески Людовикъ, да, это я, мой милый Гекторъ, мой милый братъ.... О! позволь назвать тебя этимъ именемъ!

— Позволить!... но зачѣмъ спасъ ты меня отъ смерти? Я бы избавился отъ ужаснаго положенія.

— Ты бы совершилъ преступленіе.

— Развѣ ты не знаешь, Людовикъ, что состояніе мое рушилось, домъ проданъ, что я погибъ безвозвратно.

— Нѣтъ, братъ, ты не погибъ.

— Чтѣ ты говоришь?

— Правду. Другъ бодрствуетъ надъ тобою.

— Другъ! у меня нѣтъ больше друзей, вскричалъ съ горечью Гекторъ.

— А я? сказалъ Людовикъ съ дружескимъ упрекомъ.

— Ты!

— Конечно. Узнавъ о твоемъ несчастіи я подумала, что это

испытаніе послужить тебѣ въ пользу. Ты насмѣхался надъ торговцемъ сукна, а именно эта-то торговля, которую ты находилъ такой презрительной, доставила мнѣ средства помочь тебѣ три раза.

— Такъ это былъ ты! вскричалъ Гекторъ съ волненіемъ.

— И купить этотъ домъ, чтобы возвратить его тебѣ.

— О! Боже мой! какая душа! Но я не соглашусь принять....

— Прими, Гекторъ, для имени нашего добродѣтельнаго отца.

— Соглашаюсь, но научи меня какимъ способомъ могъ ты скопить такое состояніе?

— Этотъ способъ заключается въ одномъ словѣ. По милости этого слова ты сохранишь теперь твое состояніе, потому что ты возвернулъ часть твоихъ доходовъ, я подалъ на Баливо искъ, который долженъ имѣть успѣхъ.

— Но какое же это слово, ради Бога?

— Это.... *порядокъ*.

пустыня. Изъ воспоминаній Якова Араго. (Окончаніе). Мы прошли лѣсъ, возлѣ котораго происходила битва тигра съ пантерой; наступилъ послѣдній часъ дня, протекшаго спокойно и безъ всякихъ приключеній; караванъ расположился въ обширной долинѣ, среди которой торчали, какъ огромные могилы древнихъ (*tumuli*), большіе бугры блестящаго песку.

Вы понимаете отчего караваны лучше любятъ раздыхи среди пустыни, вдали отъ всякой растительности, нежели возлѣ густыхъ лѣсовъ, обыкновеннаго обиталища змѣй, тигровъ и львовъ.

На другое утро все показывало, что день будетъ ужасный, грозный. Ни малѣйшаго вѣтерка въ воздухѣ, ни облачка на горизонтѣ. На тѣлѣ мы чувствовали острия колотья, а со лба, даже въ тѣни, струился обильный потъ.

Вдругъ вдали на горизонтѣ, обрисовывается неслыханная черная точка, поднимается, увеличивается, охватываетъ все пространство и тусклый, блѣдный свѣтъ освѣщаетъ сцену. Слово оваловые лучи луны на безмолвныхъ развалинахъ. Самый легкій пухъ упалъ бы не колеблясь, дотога атмосфера безмолвна и тяжела; время отъ времени по этой плотной массѣ, которая окружаетъ, удушаетъ насъ, пробѣгаютъ быстрыя молніи. Это шквалъ (*grain*), тропическая гроза; одинъ изъ тѣхъ страшныхъ, неожиданныхъ потоковъ, которыя таготѣютъ надъ безпокоющимся кораблями.

Вотъ туча разрывается крувыми каплями: иучей воды; онѣ падаютъ такъ же скоро какъ балеарскій камень и земля звучитъ отъ ихъ безпрерывнаго паденья... Скоро диаметръ ихъ умножается, но количество увеличивается, онѣ сжаты, падаютъ вертикально, тяжело, пробиваютъ несочную почву, раздвигаютъ латки, бьютъ по саней дромадеровъ, которые вертятся и мечутся словно подъ бичемъ вожатаго. Это предвѣстіе безпорядка. Вдругъ небо разверзается, молнія гремитъ, атмосфера зажигается, огонь и вода осариваютъ завоеваніе свѣта и между-тѣмъ какъ зигзаги молнія, ослѣпляя насъ, погружаютъ потоки въ губокій праекъ, текуція горы спускаются сверху гасятъ пожаръ, который разливается и увеличивается отъ сопротивленія. Слово океанъ, оставивъ на мгновеніе свои владѣнія, стремится со всею яростью, чтобы захватить пространство, дарованное ему властолюбивою міра.

Удары бурнаго дождя не проникнули почвы, только затронула одна поверхность и потому море песку превратилось въ жидкое и глинистое море, которое бѣжитъ, стремится, прыгаетъ, улекается, опустошается.

Караванъ сначала разсыпался, но инстинктъ самосохраненія внушилъ намъ, что на однихъ возвышенныхъ мѣстахъ можно найти безопасное убѣжище противъ всепоглощающихъ потоковъ. Мы соединились тамъ почти все и съ этого грустнаго балнедера могли любоваться страшнымъ зрѣлищемъ, разширившимся передъ нашими глазами.

О! никогда болѣе величественная паворона не представлялась взору изслѣдователя! Никогда болѣе страшныя угрозы не раздавались вокругъ него! Никогда смерть не разгуливала надъ головой и у ногъ его съ болѣе вѣрнымъ торжествомъ! Вообразите безграничное море съ своимъ приливомъ и отливомъ, съ многочисленными волнами, которыя поднимаются, сталкиваются другъ съ другомъ, брызжутъ потоками пѣны, унападаютъ каскадами и терзаются въ валунахъ съ страшнымъ шумомъ; трубы анти, продолжающихъ послѣ смерти свои женскими извѣщеніями, трогать, сопротивляющихся всею силой мускуловъ, сжатыми областями разнравившихся волнъ; и вмѣсто кораблей на этомъ одиозномъ океанѣ, округленные и сбитыя вершины песочныхъ бугровъ, которые скоро будутъ также поглощены...

Но когда восточная туча несетъ dalje свою бездѣльную ярость, надо видѣть какъ эта туманная безграничность облекается въ новыя формы и опрощивается въ расчеты, все преду-

смотрѣніе разума. Вода уходитъ, скользитъ, спускается, сбываетъ, бѣжитъ какъ побѣжденный непріятель, такимъ образомъ, что можно сказать будто песокъ и трава хотятъ снова завладѣть почвой.

Три часа бурь, страданій, безпокойства и восторгу въ одно и тоже время! Провізія испорчена, палатки разодраны, но мы не лишились ни людей, ни животныхъ, и я ужасно радъ посѣщенію этого метеорологическаго феномена, который позволилъ мнѣ сравнить шквалъ въ пустынѣ съ шкваломъ на океанѣ.

Оба грозно-величественны, но опасность не такъ велика на открытомъ морѣ, какъ въ этой безграничной пустынѣ, среди торжественнаго безмолвія.

Раздается звукъ трубы, вторая, третья, четвертая отвѣчаютъ на знакомый сигналъ, и черезъ нѣсколько минутъ бѣлыя палатки отдыхающаго каравана разбиты на крѣпко воткнутыхъ желѣзныхъ кольяхъ.

Обѣдаютъ утромъ, немного спустя послѣ восхожденія солнца, ужинаютъ на закатѣ и какъ сумерки недолго продолжаются въ экваторіальныхъ странахъ, какъ ночь почти тотчасъ слѣдуетъ за днемъ, ложатся тотчасъ послѣ ужина, если только не свѣтитъ луна. (Кромѣ обѣда и ужина останавливаются еще разъ въ день напиться, и часто этотъ роздыхъ продолжается до ночи, особенно когда отъ солнца, освободившагося изъ облаковъ, скрипитъ земля, трескается кожа, уничтожается энергія. У каждой палатки есть начальникъ, обыкновенно самый старшій или самый опытный изъ путешественниковъ. среди собесѣдниковъ, присѣвшихъ на рогожахъ, потому что песокъ жжетъ, ставятъ мѣхъ, потомъ помощью желѣзной пружины, открываютъ отдушину и тепловатая вода падаетъ ровными порціями въ кокошь, разрѣзанный на-двое. Начальникъ ѣстъ послѣдній, раздавая живительную влагу съ аккуратностью, которая доходитъ иногда до смѣху. Напримѣръ если ему покажется, что въ кокошь попало нѣсколько лишнихъ капель, онъ останавливаетъ пьющаго ударомъ палочки и тотъ кто не послушается этого приказанія, внушеннаго святой справедливостью, будетъ строго наказанъ. Но пожирающая жажда часто преодолеваетъ дисциплину и не рѣдко случается, что проглатываютъ лишнее, рискуя лишиться слѣдующей порціи.

Съѣстные припасы раздаютъ съ меньшей строгостью, и обильныя порціи верблюжяго, лошадиного, бычачьяго и бараньяго

мѣса варенаго и соленаго, лежать на банановыхъ листьяхъ, которые служатъ вмѣсто стола.

Водку раздають всегда утромъ, никогда вечеромъ. Благоразуміе предписало этотъ обычай, потому что когда солнце почти отвѣсно тяготѣетъ надъ головами, овѣ такъ разгорачаются, что часто безуміе овладѣваетъ пилигриммиами, не привыкшими къ взурпительному пути по африканскимъ степямъ.

Уже съ недѣлю оставили мы область растительности; жгучее дуновение, подобно парамъ огромной печи, сопровождало насъ, не давая ни минуты отдыха. Одна изъ лошадей съ самой богатой поклажей, вдругъ пораженная безуміемъ, убѣжала съ страшнымъ ржаніемъ; ее сразилъ пулей и когда подошли къ ней, чтобы взять провизію и поклажу, она была еще жива, и вытаращивъ глаза съ поздрами въ огнѣ, съ шерстью взъерзышенной, судорожно подергивая мускулами, съ жадностью хватала песокъ, по которому валялась. Черезъ пять минутъ она была неподвижна и на другой день, конечно, служила пищей хищнымъ птицамъ.

Но въ этотъ пагубный день, когда термометръ Реомюра показывалъ семдесятъ градусовъ на солнцѣ и тридцать-семь въ тѣни, мы были свидѣтелями не одного этого эпизода. Небо сохранило для насъ зрѣлище животрепещущее, горячѣе, ужаснѣе, одну изъ тѣхъ траурныхъ и отчаянныхъ сценъ, о которыхъ воспоминаіе никогда не сглаживается, которыя преслѣдуютъ насъ долго въ грустныхъ почивозонныцахъ.

Мы оказывали ужасъ, какъ вдругъ подъ сосѣдней палаткой раздался смутный говоръ голосовъ.... я бросился туда. Рабы и Негры вышли; женщина еще молодая, мужъ ея и двое невольницъ старались удержать пятнадцатилѣтнюю дѣвушку, которая ломала, била, кусала все что попадалось ей подъ руку. Мать и отецъ были особенными предметами ея ярости. Когда она не могла броситься на нихъ, она плевала имъ въ лицо зеленоватой слюной, а если по сверхъестественному усилію освобождала руки, то ногтями раздирала грудь, вскормившую ее и голову отца, который просилъ пощады. Когда ее схватывали, бѣшеная изрыкала проклятія и ругательства противъ державшихъ ее.

Вдругъ въ минуту спокойствія и оцепенѣнія, когда сопротивлявшіеся ей старались собрать истощенныя силы, дѣвушка испустила неистовое каніе, стала хохотать, прыгать, скакать на лѣво и на право, потомъ вдругъ повернулась и полетѣла съ быстротою испуганной лани.

Всѣ мы бросились преслѣдовать ее, всѣ звали дружескими сло-

намъ; мать въ отчаяніи бѣжала впередъ всѣхъ и какъ несчастная не останавливалась ни при крикахъ ни просьбахъ, мать выхватила ружье у сосѣда и выстрѣлила въ бѣглянку.... она упала, пораженная пулей въ поясницу.

Мы подбѣжали.... Бѣдное дитя! она смѣлась, испуская послѣдній вздохъ, съ пѣной во рту, съ сверкающими и красными глазами, сжавъ пальцы, съ хрипѣніемъ у горла, съ улыбкой на поспѣлыхъ губахъ; послѣдній взглядъ ея былъ молвіей, послѣднее біеніе артерій—сотрясеніемъ, послѣдній крикъ—гробовымъ стономъ....

Густой, тяжелый, зловонный туманъ тяготѣлъ двое сутокъ надъ нашей стѣсненной грудью; различные отряды каравана, чтобы не отстать, должны были перекликаться сигналами, и какъ путешествующіе Арабы болѣе вѣрятъ своей опытности, которая почти всегда изиѣяетъ имъ, а какъ изъ презрѣнія они разбили маленькій компасъ, взятый мною изъ Сенегала, вышло что мы заблудились, проводники и верблюды блуждали тамъ и сямъ безъ цѣли и тщетно старались справиться съ пистиктомъ, обманутымъ глубокимъ мракомъ, окружавшимъ насъ... Составили совѣтъ; главные начальники, тѣ, которые уже проходили эту пустыню, разногласили между собою.... одни хотѣли идти на право, другіе на лѣво; нѣкоторые утверждали, что надо было повернуть назадъ, а результатъ разсужденій былъ тотъ, что мы заблудились въ этихъ вѣчно необитаемыхъ мѣстахъ.

Самые благоразумные совѣтовали дожидаться солнца или звѣздъ или лучше всего положиться на жажду верблюдовъ, которыхъ хотѣли морить голодомъ. Но это значило подвергнуться большому замедленію, можетъ быть истощить запасъ воды и большинство голосовъ рѣшило идти на удачу.

Не весело покорились я такому шестидному рѣшенію и между тѣмъ какъ нѣкоторые еще спорили, я намагничилъ помощью намагниченной подковы большую иглу и положилъ ее на крошечный кусочекъ бумажки, въ кокосѣ до половины наполненномъ; плававшій кончикъ иглки обернулся къ сѣверу и я старался растолковать, что мы должны направляться въ ту сторону. То что превышаетъ понятливость толпы слыветъ баснословнымъ; у нѣкоторыхъ народовъ наука считается дѣломъ зловредныхъ духовъ, въ тѣмъ болѣе одни убѣждались въ справедливости моихъ словъ, тѣмъ болѣе другіе упорствовалъ въ противоположномъ мнѣніи.... Я пытался оправдать поведеніе намагниченной иглки,—что между нами будъ сказано было бы рѣшительно невозможно, но одинъ

пѣ самыхъ умныхъ и сплныхъ начальниковъ, вдругъ вскочилъ съ рогожи, бросился на меня, дерзкою рукою выхватилъ ученый спарядъ и забросилъ его далеко. На такой аргументъ нечего было возражать, наука оказалась пернавою, иглока и полюсь увидѣли себя пзобличенными въ шарлатанствѣ и караванъ расположился на роздыхъ въ ожиданіи новаго рѣшенія.

Однако грубый поестунокъ Араба не всѣмъ поправился; пѣкоторые пачали спорить, угрожать, съ восторгомъ толковали объ опытѣ, котораго были свидѣтелями, приходили въ негодование отъ отдыху, на который насъ осудили и рѣшились раздѣляться съ бездѣйствіемъ, лишавшимъ насъ остатка запасной воды, готовой испортиться среди такой густой атмосферы и вооружились, чтобы сопротивляться рѣшенію Магарâ и его партизановъ.

Я, противъ желанія, бросилъ искру въ порохъ. Зловѣщій крикъ, хорошо знакомый каравану, раздался вдоль внимательной и едва дышащей толпы; шли, шли, сами не зная куда, распрашивали другъ друга съ ужасомъ, разставались ничего не узнавъ, и только черезъ три часа когда ночной мракъ придалъ новый ужасъ дневному мраку, два враждебные лагеря сошлись лицомъ къ лицу.

Раздался ружейный выстрѣлъ, который услышали, не замѣтивъ блеска огня, но послѣ поданнаго сигнала должна была начаться битва. Стычка была невозможна, потому что другъ могъ сразить друга, братъ брата, кровь бы продолжала литься, а никто бы не зналъ на чью сторону клонится побѣда. И потому мракъ, который могъ погубить, спасъ насъ отъ ужасной катастрофы. Драться и стрѣляли пздали, и хотя перестрѣлка была довольно сильна, но вреда наносила пемного. Мужичпы и женщины сражались лежа, пули пролетали надъ головами или бороздили песокъ съ зловѣщимъ свѣтомъ; это была битва съ закрытыми глазами, бредъ бѣшеныхъ, безумцевъ, дурацкое сраженіе, отъ котораго объ свирѣпыя партіи приходили въ отчаяніе и сгарали отъ нетерпѣнія окончить поскорѣе. Но хотя перестрѣлка, смѣшавшаяся съ криками, была ужасна, смѣнившее ее безмолвіе казалось ужаснѣе во сто разъ.

Слухъ былъ напряженъ къ самому легкому шуму, каждый боялся, чтобы непріатель не принялся за пикю, саблю, штыкъ. Глазь старался проикнуть мракъ, рука схватить тѣло, и въ этой боязни, въ этомъ ожиданіи, въ этой невзвѣстности заключалось что то торжественное, гораздо страшнѣе слысту пуль и ужасу хаоса, среди котораго мы волновались.

Вдругъ на горизонтѣ блеснулъ свѣтъ и долетѣлъ до насъ какъ вѣсть спасенія... густыя тѣни поднимаются, становятся прозрачнѣе, составляютъ тѣсны, вертикальные поясы, которые скрещиваются, смѣшиваются, раздраются, исчезаютъ, и мало по малу предметы обрисовываются, сначала неопредѣленно, смутно какъ призраки, потомъ принимаютъ природныя формы. Всѣ наконецъ видятъ, ищутъ, узнаютъ другъ-друга, обнимаются и высылаютъ благодаренія пророку.

Съ днемъ пробуждается довѣріе, съ довѣріемъ дружба, такъ необходимыя въ продолжительномъ и трудномъ странствованіи.

Пошли отыскивать раненыхъ, которыхъ было немного; ихъ осыпала самыми великодушными попеченіями, самыми дѣйствительными утѣшеніями, уложили на самыхъ мягкихъ рогожахъ и каждый раскаялся во вредѣ, который нанесъ ближнему.

Чѣмъ болѣе переломъ угрожалъ быть горестнымъ и грознымъ, тѣмъ болѣе всякій чувствовалъ необходимость въ мирѣ и согласіи. Тѣ изъ начальниковъ, которые подстрекали къ бѣгству болѣе всего старались заставить ее забыть, особенно Магаръ обвинялъ себя въ горячности и просилъ, чтобы валожили на него наказаніе, которое научило бы его быть болѣе осторожнымъ въ будущемъ. Выхваляя мои высокія позванія, онъ говорилъ, что теперь только меня одного надо спрашивать по какой дорогѣ идти, и, при восхожденіи солнца, показалъ, что моя указательная пголка была права.

Назначили общее молебствіе, мужчины и женщины на колѣнахъ, обратясь къ востоку, пѣли благодарственные пѣсни, и можно было сказать, что это прекращеніе пожирающей извы, окончаніе предсмертнаго страданія, воскресеніе мнимо-умершей матери семейства.

Но увы! увы! пути Провидѣнія несповѣдны. Въ ту минуту какъ думаешь, что судьба протянула вамъ покровительственную руку, тогда-то и должно опасаться ея суровости.

Когда подали обѣдъ, всѣ бросились на кушанья тѣмъ съ болѣею жадностью, что протекшіе часы были опасны и суетливы. Волненіе сердца и головы утомляютъ болѣе волненій тѣлесныхъ, и соевое мясо пезчезало подъ прожорливыми зубами проголодавшихся собесѣдниковъ. Наступило время раздавать воду... тутъ всѣми овладѣло чувство неизяснимаго ужаса. Едва первыя капли изъ мѣху упали въ сосудъ, дурной запахъ распространился въ палаткѣ, и Арабъ, который хотѣлъ поднести воду къ жаднымъ губамъ, упалъ задыхаясь съ страшнымъ пканіемъ. Попробовали

въ другой разъ, но мѣхъ издалъ тотъ же приговоръ, и надо было поторопиться забросить его далеко отъ задыхавшихся собсѣдниковъ. Сначала мы подумали, что трупъ какого-нибудь окмешлага животнаго печально попалъ въ кожаный резервуаръ, и желая увѣриться въ этомъ безопасно, отбросили мѣхъ далеко отъ нашего стана, пробили его пулей в воду тотчасъ поглотилъ жаждущій песокъ.

Мертваго тѣла не нашлось, и между тѣмъ какъ мы отыскивали причину поразившаго насъ несчастія, мы увидѣли, что начальники другихъ отрядовъ бросались туда и сюда и спрашивали другъ друга со страхомъ и трепетомъ. Нечего было сомнѣваться, весь запасъ воды былъ потерянъ безвозвратно! Совѣтоваться не думали, смотрѣли другъ на друга блуждающимъ взоромъ, жали судорожно руки, доплавивали тусклыми глазами широкій кругъ солнца и горизонтъ, словно желая почерпать тамъ неожиданную помощь, но руки опускались, тѣло истощенное ужаснымъ предвидѣніемъ будущаго, падало на жгучій песокъ, и даже тѣ которые не чувствовали еще припадковъ жажды, начинали роптать.... Мать грустно сжимала въ объятіяхъ сына, сынъ пилъ жгучія слѣзы матери, старикъ благословлялъ пророка, за то что онъ посыпалъ ему медленную кончину.

Никогда язва въ первый день вторженія своего въ многолюдный городъ не распространяла болѣе ужаса и печали; никогда голодъ въ осажденномъ городѣ не доводилъ до большого отчаянія. Это потому что здѣсь смерть варить самовластно и никакая просьба не можетъ умягчить ее, это потому что пустыня, произнесъ разъ роковое слово, никогда не беретъ его назадъ и смѣется надъ вашими слезами, обѣтами, мольбами, вашимъ предсмертнымъ страданіемъ.

Да, конечно, жажда всегда мука, страшное наказаніе небесъ, даже тогда, какъ вы видите тамъ вдали источникъ, который долженъ погасить пожирающій васъ огонь, и до котораго трудно вамъ добраться; но жажда въ степи, жажда среди безграничной Сахарской пустыни, жажда подъ жгучими лучами свѣтильника міра, жажда возлѣ того, кто, какъ вы, страдаетъ жаждой, кто катается по красноватому песку, хватается, жуется его, кто хочетъ вѣтру, воды, и находитъ только огонь; жажда, когда наступающіе часы должны прибавить новую муку къ томительному уже мученію жажды! то есть, задушающая жара, адъ, обнимающій васъ тысячею огненными языками, раскаленное желѣзо, которое словно туляетъ по вашимъ вывихнутымъ членамъ.... О! вы не

Знаете что такое жажда, если не пускались по этой дикой, смертоносной Аэриксъ, которой глубины можетъ навсегда останутся тайной.... О! не узнавайте этого никогда, потому что вы проклянете мать, отца, самого себя....

День былъ однимъ торжественнымъ безмолвіемъ. Вечеромъ мужчныя и женскія ходили какъ призраки, а животныя, протянувъ шею, раскрывъ ноздри, испрашивали вздоху у воздуха, будучи безсильны достать каплю воды.... безграничный циркъ, среди котораго мы волновались, походилъ на больницу, откуда ни одинъ больной не долженъ былъ выйти съ выздоровленіемъ, если только Всемогущій не сжалятся надъ такимъ бѣдствіемъ; но ураганъ не долженъ былъ разразиться, но молнія не могла заблестать на лазурномъ небѣ, ни какое облако на горизонтѣ ни на зенитѣ не обѣщало намъ свѣжаго дождя.... ясность неба и воздуха увеличивала наше несчастье, потому что желали, призывали пламенными мольбами, бурю съ ея хаосомъ, самуна съ его опустошеніемъ, миражъ съ его обманомъ, рычаніе льва и зубы тигра....

Ничего! еще ничего!...

Какъ бороться съ тѣмъ чего нѣтъ! какъ побѣдить то, что не представляетъ никакого сопротивленія! самая страшная смерть совершается безъ борьбы, и насъ побѣждало отсутствіе всякаго очевиднаго врага.

Не скажу вамъ о страшныхъ жертвахъ, которыя осквернили эту мучительную почву.... Нѣсколько труповъ съ разрубленными жилами были зарыты на другой день, и мы видѣли, не поркая ихъ, не оставившая ихъ рукъ какъ Арабы и Негры, равные на этотъ разъ, поражали стоящаго еще верблюда, и искали въ резервуарѣ, дарованномъ Богомъ этимъ степнымъ кораблямъ, питье, которое ихъ ослабленный желудокъ изрыгалъ черезъ нѣсколько минутъ. Одна капля свѣтлой воды вооружила бы караванъ и потоки крови потекли бы за ней.

Между тѣмъ истиннѣе за отсутствіемъ разума, котораго употребленіе мы словно потеряли, внушилъ намъ отираться въ дорогу; мы встали какъ будто для того, чтобы умереть стоя, и направились къ сѣверу. Мы пошли бы по противоположной дорогѣ еслибы шагъ перваго дромадера поверотили къ югу; а голодъ, который не смѣли утолить изъ опасенія сдѣлать жажду еще томительнѣе, оставилъ позади насъ нѣсколько человѣкъ, которыхъ мы не старались даже поднять.

Въ слѣдующую ночь небо покрылось легкой, бѣловатой, про-

вранчой сѣтью, ночная роса освѣжила воздухъ и позволила намъ свободнѣе дышать....

Надо было посмотреть какъ мы на колѣняхъ, преклонивъ голову къ землѣ, водили жаднымъ языкомъ по поверхности песку, чуть увлажненнаго. Туманъ сгустился, все обѣщая грозу, мы томительно допрашивали взоромъ причуды волнистыхъ массъ, скользящихъ надъ нашими головами. Но солнце встало, туманъ исчезъ, а вмѣстѣ съ нимъ и надежда. Вся твердость рушилась и безмолвіе атмосферы предсказываетъ послѣдній часъ. Утомившись отъ бесполезной борьбы, мы снова прпѣли, обернулись къ солнцу и ждали своего послѣдняго хрипѣнія въ безмолвномъ отчаяніи, какъ вдругъ верблюды, шедшіе впередъ, испустили родъ бленія, которое поразило арабскихъ вожатыхъ. Они вскочили и не посоветовавшись между собою пошли прямо къ животному.

Одинъ изъ нихъ взялъ его за поводъ и повернулъ въ сторону.... Верблюды воспротивились и повернулъ опять въ прежнюю сторону.

Тотъ же самый маневръ повторился. Сопротивленіе верблюда заставило Арабовъ улыбнуться: сигналъ былъ поданъ, мы должны были направиться въ сторону, указываемую намъ жестикомъ дромадера.

Въ слѣдующіе два дня ничего не случилось новаго; но при солнечномъ закатѣ на четвертомъ раздыхѣ крикъ радости раздался вдоль каравана, и я попалъ его только тогда, какъ верблюды противъ воли вожатыхъ пустились по дорогѣ на востокъ. Свѣжіи оазисы предугадывали они. Мы положились на ихъ чудный инстинктъ и черезъ два часа замѣтили на горизонтѣ, разнообразныя вершины могучей растительности, возлѣ которой мы могли вздохнуть свободнѣе и собраться съ изнуренными силами.

Свѣжая и зеленая почва, свѣтлый источникъ, пальмы съ своимъ плодами, съ своей волнистой зеленью, съ крѣпкими вѣтвями, съ листьями, трепещущими отъ вѣтерка, сводъ, непроницаемый для лучей блестящаго солнца, утѣшеніе, радость, улыбка неба, послѣ гнѣва его.... вотъ оазисъ въ Сахарской пустынѣ.

Надо было встать и идти: путь былъ еще долгъ, а у оазиса есть также свои часы скорби и отчаянія.

Безмолвная долина, открытая глгучему зною атмосферы, была первымъ и жестокимъ испытаніемъ, которому мы подверглись. Преломленіе лучей было невыносимо. Бѣднѣйшій потъ струился съ нашихъ большихъ членовъ и мои ходунъ не помогали мнѣ.

Мы потеряли тутъ нѣсколько человекъ и трехъ лошадей, ко-

торыхъ не потрудились даже зарыть, и если бы эта пучина, истомившая насъ протянулась далѣе, цѣлый караванъ нашедъ бы тутъ могилу.

Наконецъ земля начала становиться милостивѣе, зной сдѣлался не такъ удушливъ, горизонтъ расширился и слѣдующая почъ послала намъ спокойствіе. Мы пошли къ сѣверу, подъ руководствомъ Араба, который увѣрялъ, что знаетъ дорогу въ этой обширной пустынѣ. Мы заснули на выючныхъ животныхъ и сдѣлали по крайней мѣрѣ двадцать миль въ осемь или десять часовъ.

О! я знаю, что ходъ покажется лѣнивъ, тѣмъ, которыхъ ноги ступаютъ по твердой почвѣ; но по сыпучему песку подвигаетесь медленно; сопротивленіе истощаетъ силу, а руки и ноги устаютъ волноваться въ пустомъ пространствѣ.

Здѣсь ждало насъ еще одно страшное зрѣлище, одна изъ суровостей жестоко-спасительныхъ, защита странствующаго каравана, кровавая жертва для общей безопасности, одно изъ тѣхъ мучительныхъ воспоминаній, которыя спѣшимъ бросить на бумагу, чтобы вырвать ихъ изъ памяти.

Ночь спускалась на насъ, вочь безъ мраку, потому что полная луна освѣщала насъ своими опаловыми лучами.... вдругъ раздается крикъ стража надъ сѣбственными припасами. Трубы звучать, всѣ останавливаются, бѣгутъ, толпятся.... Арабъ томный жаждой совершилъ преступленіе: ему хотѣлось погасить сожгавшую его жажду и онъ проткнулъ помощью проволоки одну изъ мѣховъ, ввѣренныхъ его надзору. Видѣли какъ онъ пилъ теплую воду и несчастнаго будутъ судить и накажутъ.... да еще какъ, Господи Боже мой!

Онъ это знаетъ, наклоняется, становится на колѣна, но не просить пощады: онъ знаетъ, что его не помилютъ. Онъ это зналъ и сдѣлался виновнымъ. Ахъ! это потому что жажда — жестокий повелитель и человекъ, пожираемый жаждой, выпьетъ кровь друга, разрубитъ жилы сына, чтобы только утолить ее.

Арабъ ждетъ,

Не говорятъ, но разсуждаютъ. Четыре человека подходятъ спокойно и роютъ землю. Потомъ одинъ опускается въ могилу, и связь съ нею мѣрку выходитъ назадъ.

Послѣ этого четверо работниковъ, по знаку начальника овладѣваютъ несчастнымъ, вяжутъ ему руки и ноги, спускаютъ въ могилу и между тѣмъ какъ двое придерживаютъ его, другіе двое наполняютъ могилу землей.

Черезъ полчаса всё кончено, песокъ покрылъ бока виновнаго; только одинъ плеча и голова выдаются изъ уровенной почвы.

Караванъ поворачивается и идетъ передъ подсудимымъ разнѣренными шагами, произнося однообразно слова проклятiя. Каждый мужчина, каждая женщина должны были ударить ногой по песку, въ которой заключилъ несчастнаго, все неподвижнаго и безмолвнаго, а самые ожесточенные, а хочу сказать самые набожные изъ мусульманъ, плевали ему въ лицо, осыпали страшными проклятiями.

Этотъ мрачный поѣздъ воротившись назадъ продолжалъ путь въ пустыню, но едва начальникъ каравана провнчался съ виновнымъ, онъ налилъ въ огромный кокосъ воду, смѣшавшую съ ромомъ и поставивъ его возлѣ плѣнника, важно положилъ правую руку на голову отверженнаго, не прикрытую ни тюрбаномъ, ни шапкой, ни покрываломъ, и сказалъ ему эти страшныя слова:

«Ты лишилъ питiя твоихъ братьевъ и умрешь отъ жажды.

«Ты нарушилъ законы пустыни и умрешь въ пустынѣ, потому что не уважилъ ея торжественное величiе.

«Пусть придетъ къ тебѣ тигръ, котораго копарству и хищничеству ты подражалъ. Пусть онъ омочитъ кровавый языкъ въ сосудѣ, который я ставлю возлѣ тебя, и насладившись твоимъ предсмертнымъ страданiемъ, раздавитъ тебѣ черепъ въ своихъ жесткихъ челюстяхъ.

«Пусть гiена, если не тигръ и не великодушный левъ, ставеть возлѣ тебя, задушить твое послѣднее хрипѣвiе и ухнетъ твоей печистой кровью.

«Ты презрѣлъ святымъ словомъ нашего божественнаго пророка, и пророкъ оставялъ и проклялъ тебя.

«Прошай же, вѣщественный, подлый человекъ; загладь свое страшное преступленiе, кайся въ предстоящемъ тебѣ мученiи и пусть Магометъ сжалятся надъ тобою....»

Когда это громовое проклятiе было произнесено, на несчастнаго бросили послѣднiй взоръ и продолжали путь.

Я молилъ за оставленнаго не людей, но Бога, поворачивалъ нѣсколько разъ голову, чтобы увидѣть неподвижную голову этой жертвы горести, посылалъ ему въ самыхъ пламенныхъ объѣтахъ конецъ его страданiямъ и призракъ исчезъ въ дали.

Много лѣтъ провелось надъ этой страшной и отчаянной сценой, свѣтъ уже не доходитъ до мопъ мертвыхъ вѣкъ, другой горе, другiя бѣдствiя увеличили число тѣхъ, подъ которыми сморщился лобъ мой, а все я вижу тамъ, передо мною это живое

туловище среди мертвой природы, эту проклятую муку, этот адъ, изобрѣтенный человѣками для человѣка. Память иногда очень пагубный даръ!

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Лѣто, какъ извѣстно, самое скудное время для парижскихъ театровъ. Лучшіе актеры берутъ отпуска и отправляются пожнать свѣжіе лавры и деньги въ провинція; авторы разсыпаются по всѣмъ концамъ Франціи, чтобы отдохнуть отъ трудовъ прошедшей зимы и набрать новыхъ матерьяловъ къ будущей; часть публики также разѣзжается по дачамъ, а директоры театровъ пользуются этимъ временемъ, чтобы спускать съ рукъ залежавшіяся пьесы, которыхъ успѣхъ былъ бы сомнителенъ въ другое время. Посмотримъ однакоже, что представлялъ послѣдній мѣсяцъ, сколько нибудь заслуживающаго вниманіе.

1. Un drame de famille, *Семейная драма*, въ пяти дѣйствіяхъ, господъ Мишеля Каррѣ и Жюль Барбьѣ.

2. La famille, *Семейство*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, господина Молері.

Вотъ вамъ семейство и семейная жизнь, разобранныя по ниточкѣ, со всѣхъ сторонъ и съ черной, драматической, и съ свѣтлой, комической, для того, чтобы доказать истину, столь же древнюю, какъ само семейство; именно, что семейство держится только взаимнымъ довѣріемъ и неусыпнымъ взаимнымъ наблюденіемъ всѣхъ его членовъ и общимъ нсѣхъ ихъ стремленіемъ къ своимъ обязанностямъ; и что тотъ, кто пытается разрушить одно изъ этихъ условій есть преступникъ, достойный позора и наказанія.

Въ драмѣ впадмъ мы престарѣлаго вояку, человѣка очень благороднаго, который, овдовѣвъ, имѣлъ несчастье на старости лѣтъ жениться на молоденькой дѣвушкѣ. Амалия собственно женщина благородная и честная; она никогда не измѣнила бы своимъ супружескимъ обязанностямъ, еслибы не увлеклась страстью и хитрыми внушеніями обольстителя. Сынъ генерала прѣхалъ изъ Алжира въ отпускъ, чтобы жениться на своей милой Жюльеттѣ. Онъ тотчасъ угадалъ проступокъ мамахи, и чтобы отвратить дальнѣйшій позоръ отъ сѣдой головы отца, убѣждаетъ виновныхъ прекратить свои свиданія, а обольстителя, съ которымъ онъ школьный пріятель, угонаиваетъ даже удалиться. Но печаль сына, его таинственныя свиданія и загадочныя рѣчи наводятъ

старика на страшное подозрѣніе: онъ также угадываетъ проступокъ молодой жены, и подозрѣваетъ сына въ обольщеніи ея. Сынь лучше соглашается лишиться отцовской любви, чѣмъ открыть ему глаза; но Амалія не хочетъ присоединить новый грѣхъ къ прежнему, и открывается мужу, который прощаетъ ее и съ восторгомъ обвиняетъ сына. Потомъ онъ дерется съ обольстителемъ, стрѣляетъ въ него и не попадаетъ; тогда обольститель, вмѣсто того, чтобы стрѣлять въ оскорбленнаго имъ супруга, обращаетъ оружіе противъ себя самого. Къ этой драмѣ авторы, невѣдомо съ какою цѣлью, приплели ультра-романтическаго поэта, въ которомъ вся публика съ восторгомъ узнала каррикатуры Огюста Вакрѣ.

Теперь обратимся къ комедіи. Она принадлежитъ къ тѣмъ пьесамъ, которыхъ польза разсказать въ нѣсколькихъ строкахъ, потому что интрига слишкомъ перепутана эпизодами, которые не имѣютъ между собою никакой связи и никакой послѣдовательности, хотя безъ нихъ невозможно было бы развязать ее; по этому не входя въ подробный разборъ, мы только очертимъ въ нѣсколькихъ словахъ главныя ея идеи. Семейство Дюгомель было самое примѣрное и самое счастливое изъ семействъ, пока въ одинъ недобрый часъ не впало на мысль отцу пускаться въ невѣрные спекуляціи; а матеря, — что она еще слишкомъ хороша и молода, чтобы ограничить свою дѣятельность семейнымъ кругомъ и отказываться отъ побѣдъ. По примѣру родителей, сынь пускается въ мотовство, а дочь начинаетъ слишкомъ снисходительно прислушиваться къ рѣчамъ одного любезнаго негодяя. Богъ знаетъ, къ чему бы все это привело, еслибы почтенный дѣдъ не бодрствовалъ надъ всѣми. Онъ пробуждаетъ всѣхъ изъ минутнаго чаду, представивъ имъ опасность, въ которую безразсудство ихъ могло бы ввергнуть неопытную дѣвочку; всѣ каются и возвращаются на путь долга и спокойствія.

Комедія хуже драмы; но объ, какъ вы сами видите, весьма длинны, длинны, правоучительны и чванлы.

3. L'hurluberlu, водевиль въ одномъ дѣйствіи, господь Декурси и Дюпёти.

Подъ этимъ непереводаемымъ названіемъ разумѣется несносное существо, въ которомъ соединяются всѣ свойства разсѣяннаго, вертушки, вѣтренника, непосада, трещотки. Таковъ и москѣ Шавваръ, герой предлежащаго водевиля. Его слова и мысли, рѣчи и дѣйствія въ вѣчномъ разладѣ, какъ несогласные супруги. Онъ

безъ всякаго злаго умысла обштитываетъ купцовъ, а иногда и самого себя; изъ двухъ претендательницъ на его руку, онъ говорить той, которую терпѣть не можетъ, что влюбленъ въ нее по уши; а той, на которой желаетъ жениться, что онъ ее звать не хочетъ. Наконецъ когда послѣ сотни дурачествъ, одно другаго глупѣе, онъ содѣйствіемъ своихъ пріятелей, наконецъ обвинчанъ, и обвинчанъ на той именно, которую любитъ, безпутная голова стропитъ ему новую штуку: вмѣсто того, чтобы идти къ ожидающей его молодой супругѣ, онъ отправляется по старой памяти къ одной очень двусмысленной сосѣдкѣ. Последняя проказа могла бы ему обойтись очень дорого, потому что оскорбленный тестъ рѣшился даже съ нимъ стрѣляться; но пустая голова вздумала, видно, заглядить прежнія свои проказы, внушивъ Шавиннару новую глупость, вслѣдствіе которой предположенная дуэль заключается общимъ, безумнымъ хохотомъ и дѣйствующихъ лицъ, и зрителей.

4. *J'attends un omnibus*, *Жду омнибуса*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, господина Поля Вермона.

5. *La belle Cauchoise*, *Прекрасная кошкозка*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, господъ Габріела и Поля Вермона.

6. *Un cheveu pour deux têtes*, *Одинъ волосъ на двѣ головы*, водевиль господъ Варвера, Дювѣра и Лозана.

Пьесы одного разряда съ предъидущими, отъ которыхъ не требуютъ ни толку ни здраваго смысла, а будьте довольны, когда онѣ заставляютъ васъ хохотать до упаду.

Первая заключается въ томъ, что нѣкто Тибюрсъ ужасно спѣшить по важнымъ дѣламъ въ Сенъ-Жерменское предмѣстье, и ловить всѣ проѣзжающіе мимо его омнибусы; но на бѣду его всѣ полны; въ Парижѣ вѣдь, какъ и у насъ въ Петербургѣ, когда вамъ не нуженъ дилижансъ, тогда онъ такъ и шмыгаетъ передъ вами пустой; а когда нуженъ, то вы его не дождетесь, или онъ проѣзжаетъ полный какъ будто хочетъ васъ дразнить. Но не въ томъ дѣло. Надо вамъ сказать, что Тибюрсъ собирается жениться, и потому ему надо справить много дѣлъ; главное же, поймать плута нотаріуса, у котораго хранятся принадлежащія ему десять тысячъ франковъ, и который хочетъ съ ними улізнуть за границу. Благоразумный человекъ находясь въ положеніи Тибюрса взялъ бы извозчика, да и поѣхалъ; но онъ ничего не дѣлаетъ какъ другіе люди; и потому теперь отпра-

является въ контору омнибусовъ и ждѣть себя мѣста; а тутъ постигаетъ его бѣда за бѣдою. Во-первыхъ приходитъ его сапожникъ, которому онъ еще не заплатилъ за послѣднюю пару сапоговъ, и который, какъ честный и аккуратный Нѣмецъ, напоминаетъ ему о томъ довольно невѣжливо при каждой встрѣчѣ. За нимъ является невѣста Тибюрса съ матерью, требующій отъ будущаго зятя условія, которыя показались бы слишкомъ строгими даже для весталокъ. И какъ на зло въ то же время приходитъ мадамъ Сигарета, и требуетъ отъ несчастнаго тысячи фразокъ, если онъ не хочетъ, чтобы она выдала будущимъ его родственникамъ очень нецѣломудренную церепяску. Въ довершеніе бѣдъ вбѣгаетъ наконецъ бѣженый Бульбасть, мужъ Амады, старшиной любовницы Тибюрса, и возгорѣвъ внезапнымъ порывомъ ревности, грозить зарѣзать его. А омнибусы все полны да полны. Другой бы въ такихъ обстоятельствахъ растерялся, но Тибюрсъ, какъ малый умный и краснобай, вылезъ и вертится до того, что успокоиваетъ и сапожника, и невѣсту, и тещу, и любовницу, и мужа любовницы, и всѣ остаются имъ совершенно довольны. Ему остается только садиться въ омнибусъ и ѣхать къ своему нотаріусу, если онъ не успѣлъ между-тѣмъ удрать. Водевиль такъ и сыплеть островами, подчасъ довольно крупной соли.

Прекрасная Кошозка вникто знаетъ, какъ самый рослый гренадеръ изъ всего полку, переодѣтый въ женское платье.

— Чтò жъ за охота, скажете вы, гренадеру одѣваться въ женской платьѣ? А вотъ видите: Страсбургъ страшный завоеватель женскихъ сердець; въ послѣднюю стоянку онъ завоевалъ два сердца, сердце мадамъ Куртоа и крошки Николи, и въ то же время самъ не на шутку отдалъ свое сердце послѣдней. Онъ бы не прочь даже жениться на ней, но мадамъ Куртоа считаетъ сердце его и руку своимъ достояніемъ, и ни за что не выпуститъ ихъ изъ рукъ. А какъ она нѣкогда была въ большой милости у командира полка, то и можетъ выпросить у него все, что захочетъ. Она и уговорила полковника объявить, что онъ не иначе позволитъ Страсбургу жениться, какъ на женщинѣ десяти вершковъ росту, и то только, когда для мадамъ Куртоа найдется другой женихъ. Что тутъ дѣлать? въ Николи всего три вершка; да откуда взять другаго жениха для мадамъ Куртоа? Задумались влюбленные, думали, думали, и придумали вотъ что: Николь надѣла военный мундиръ, опредѣлилась въ полкъ барабанщикомъ, приволокнулась къ мадамъ Куртоа и от-

правилась къ полковнику просить ея руки; а вездѣ за тѣмъ Страсбургъ, переодѣвшись въ женское платье, тоже пошелъ продать своей же собственной руки. Все бы хорошо, но они не подумали объ одномъ: самъ полковникъ былъ волокита хоть куда, влюблялся въ рослую Кошказку, и сталъ преслѣдовать ее такъ усердно, что бѣдный гренадеръ не вытерпѣлъ, и открылъ свою хитрость. Видя эту неудачу, Николь прибѣгаетъ къ новому обману, и объявляетъ полковнику, что она одна изъ дочерей его, какихъ у него не мало вездѣ, гдѣ становалъ онъ съ полкомъ. Полковникъ не только позволяетъ Страсбургу жениться, но еще даетъ приданое его невѣстѣ; а мадамъ Куртуа довольствуется пиваландомъ.

Отчего третій водевилъ получалъ такое странное и изысканное названіе, трудно угадать. Дѣло все вотъ въ чемъ. Бадюро ждалъ прихода корабля съ товаромъ (ужь не съ париками ли?) изъ за моря; но корабль погибъ, и Бадюро въ такомъ отчаяніи, что хочетъ умереть во что бы то ни стало; но какъ ему не хватаетъ мужества поднять на себя руку, то онъ предлагаетъ десять тысячъ франковъ тому изъ своихъ пріятелей, который согласится его повѣсить. Никто, разумѣется, на это не согласится, а между-тѣмъ самъ Бадюро отдумываетъ умереть, не тому что случайно нашелъ на своемъ влатьѣ длинный волосъ. Что же это за всемогущій волосъ, который заставилъ его снова полюбить жизнь? Вотъ видите ли: Бадюро такъ погрузился въ науку волосочесанія, волосозавиванія и прочія части парикмахерскаго искусства, что ему стоитъ только взглянуть на волосъ, и онъ вамъ разскажетъ всю подноготную особы, на чьей головѣ этотъ волосъ красовался: ея полъ, лѣта, черты, даже душевныя свойства. И такъ, взглянувъ на волосъ, очутившійся на его платьѣ, онъ тотчасъ узналъ, что этотъ волосъ принадлежалъ молоденькой, хорошенькой, умной дѣвушкѣ, словомъ невѣстѣ на славу. И вотъ Бадюро по одному волосу влюбился въ незнакомку, которую потомъ узнаетъ въ мамзель Терезѣ. И въ то время, какъ жизнь ему дороже чѣмъ когда либо, онъ получаетъ слѣдующую записку: «Ваше предложеніе принято; отдайте десять тысячъ франковъ въ вѣрныя руки; вы скоро умрете, сами того не ожидая, и не возбудивъ никакого подозрѣнія.» Представьте себѣ положеніе несчастнаго; кто ни подойдетъ къ нему, во всякъ видѣть онъ убійца; и въ человѣкѣ, который честно служилъ ему двадцать лѣтъ, и въ докторѣ, и даже въ невѣстѣ. Наконецъ од-

пакоже открывається, что письмо написал проказникъ пріятель, чтобы напугать его; за этимъ слѣдуетъ радостная вѣсть, что корабль съ заморскими париками пришелъ въ гавань цѣль и невредимъ. Бадюро въ восторгѣ женится на Терезѣ, и только послѣ свадьбы замѣчаетъ, что найденный имъ волосъ не съ ея головы, а пѣз парика его доктора.

7) *Elzéar Chalamel*, *Эльзеаръ Шаламель*, комедія водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, господь Гюстава и Жюля де-Вальи.

Эльзеаръ Шаламель счастливѣйшій пѣз смертныхъ; безъ гроша за душою, по уши въ долгу, онъ живетъ припѣваючи и кутать во всѣ лопатки; недавно еще преслѣдовали его кредиторы; одинъ изъ нихъ, въ особенности мосьѣ Менаръ, не шутя собирался поселить его на даровую квартиру въ Клиши. Но вдругъ не только отказался отъ своихъ претензій, но даже униловствовалъ остальныхъ кредиторовъ; и съ тѣхъ поръ печется о Шаламелѣ какъ самая нѣжная мать о родномъ сынѣ. Эльзеаръ живетъ у Менара, поить его же шампанскимъ, вытѣсняетъ его изъ собственной комнаты, носитъ его вещи, приволакивается къ женѣ его; — а Менаръ все видитъ, все знаетъ, — и молчать; мало того: удвоиваетъ свои попеченія, и мирить его съ противникомъ, который поклялся положить его на мѣстѣ. Откуда такое милосердіе въ каменномъ сердцѣ кредитора. Вотъ заи тайна, которая разрѣшить эту загадку. Въ то время, какъ Менаръ собирался засадить своего должника въ Клиши, получилъ онъ извѣстіе, что крестный отецъ Шаламеля завѣщалъ ему половину ежегодныхъ процентовъ съ суммы, внесенной для застрахованія жизни Эльзеара. Вотъ почему корыстолюбивый Менаръ такъ лелѣветъ своего должника; вотъ почему онъ устлаваетъ ему путь жизни всевозможными удобствами и удовольствіями; онъ понимаетъ, что тѣмъ отрадиѣе будетъ жизнь Шаламеля, тѣмъ болѣе надежды на его долгожизненность, и тѣмъ болѣе барыша получить онъ самъ. Но философы и поэты давно доказали въ стихахъ и въ прозѣ, что счастье не прочно. Такъ и тутъ недолго блаженствуетъ Шаламель; вскорѣ открывається, что завѣщаніе написано въ пользу не его, а двоюроднаго брата, также Эльзеара Шаламеля, который умеръ за недѣлю до смерти завѣщателя. Менаръ узнавъ свою ошибку, отказывается отъ Эльзеара, и предаетъ его въ руки кредиторовъ.

8) *Nanette et Jobin*, *Нанетта и Жобенъ*, водевилъ господь Баттю и Каррѣ.

Жобенъ получилъ наследство послѣ богатаго дяди. Жобенъ добрый малый, любить покутить, и не даетъ дядюшкинымъ денежкамъ залежаться въ карманѣ. Онъ начинаетъ съ того, что предлагаетъ подѣлиться ими съ своею служанкою Нанеттою. Но Нанетта дѣвушка честныхъ и строгихъ правилъ; не соглашается на предложеніе Жобена, и даже сѣштитъ съѣхать, чтобы оградиться отъ его преслѣдованій.

Но дядюшка предвидѣлъ слабость племянника, и написалъ передъ смертью другое завѣщаніе, въ которомъ отказывалъ все свое богатство Нанеттѣ. Это завѣщаніе, сначала затерянное, отыскивается, и Нанетта дѣлается богатою барынею, а Жобенъ принужденъ идти къ ней въ услуженіе. Но Нанетта добрая дѣвушка; она не хотѣла его любви, когда любовь эта была преступна; теперь же сама домогается ея, и женить его на себѣ, чтобы раздѣлить съ нимъ наследство.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Дикое *allegro tumultuoso*, которое раздается теперь въ большей части Европы, устрашило композиторовъ и заставило ихъ молчать. Во время бури безмолвствуютъ пѣвчія птицы и только слышится пронзительный, звонкій крикъ чайки. Въ этихъ-то крикахъ чаекъ, такъ называемыхъ патристическихъ пѣсняхъ состоитъ большая часть новыхъ музыкальныхъ произведеній за границею. Впрочемъ намъ удалось найти нѣсколько сочиненій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ не современнымъ порывамъ духа, но художественному чувству музыканта.

Кто не знаетъ этудь Крамера? Кто изъ пианистовъ не вспомнить при этомъ имени о своихъ первыхъ занятіяхъ и первыхъ урокахъ, надъ которыми трудился съ напряженіемъ всѣхъ силъ, лишь бы удовлетворить своего строгаго учителя или заботливыхъ родителей. Сколько воспоминаній соединяется съ этими этюдами, которые игрались повсюду — отъ одного полюса до другаго, и долго, долго еще будутъ играть. Для многихъ изъ насъ, нѣющихъ за собою обширное поле воспоминаній, этюды Крамера тоже что какой-нибудь мюнхескій памятникъ. Мы произносимъ имя этого композитора, нисколько не думая о лицѣ; мы произносимъ имя: *Крамеръ* точно такъ же какъ имена Гомеръ, Эсхилъ, Софоклъ или какъ вообще всякое имя, принадлежащее оѣдой древности, временамъ неизвѣстнымъ. Вспоминая, какъ еще въ дѣтствѣ Крамеровскіе этюды, вселявшіе въ насъ невольный страхъ, давались намъ уже въ старыхъ экземплярахъ, со множе-

ствомъ поправокъ, съ означеніемъ пальцевъ, съ листами изорванными и запачканными отъ долгаго употребленія, — невольно подумаешь, что авторъ этихъ этюдовъ умеръ назадъ тому нѣсколько лѣтъ. И вдругъ теперь снова предстаетъ предъ вами это милое лицо, считавшееся давно умершимъ, — Крамеръ, съ своимъ новымъ произведеніемъ.

И такъ еще жизнь этотъ композиторъ, доставлявшій намъ въ юности не мало горькихъ минутъ, за что и обязаны мы ему нѣкоторыми успѣхами! Онъ живъ; но вѣроятно уже очень старъ, старъ какъ Сатурнъ, сѣдовласый богъ времени. Какъ бы то ни было, а надо отказаться отъ мнѣологическаго Крамера. Хорошо! Будетъ положительны и прежде всего постараемся объяснить, возможно ли, чтобы композиторъ появившихся двѣнадцати характеристическихъ пьесъ былъ тотъ же самый авторъ этюдовъ! Беремъ лексиконъ Гербера, вѣрнѣйшій адресъ-календарь всѣхъ музыкантовъ, начиная съ Тубала-Канна до Бетховена, и въ I томѣ (1812 года) на страницѣ 810 читаемъ слѣдующее:

«Крамеръ (Іоаннъ Баптистъ) старшій сынъ Вильгельма Крамера, превосходнаго скрипача своего времени, одинъ изъ лучшихъ піанистовъ въ Лондонѣ, родился въ 1775 году, учился у знаменитаго Муціо Клементи и уже съ 1790 года считался въ Лондонѣ однимъ изъ лучшихъ фортепіанныхъ учителей.»

Въ 1799 предпринялъ онъ путешествіе чрезъ Мюнхенъ въ Вѣну. Нѣмецкіе знатоки музыки причислили его къ первымъ піанистамъ въ Европѣ, но находили нѣкоторые недостатки въ его сочиненіяхъ, изъ которыхъ многія блестящія и трудныя сдѣлались тогда извѣстными. Отъ него можно ожидать многого, судя по его молодости и по этому прекрасному началу. За этимъ слѣдуетъ оглавленіе неизвѣстныхъ до того времени сочиненій Крамера. Въ отношеніи этюдовъ его, историографъ замѣчаетъ: «обѣ части этюдовъ весьма знамениты не только по своей цѣлѣ, но и по своимъ внутреннимъ красотамъ и достоинству». И такъ мы находимъ здѣсь стараго Крамера, молодымъ человекомъ, который, выражаясь новѣйшимъ образомъ, *подастъ прекрасныя надежды!* Надежды эти не были обмануты, что доказывается большею частію современныхъ «піанистовъ». «Молодой человекъ» между-тѣмъ сдѣлался семидесяти-четыреохлѣтнимъ старикомъ, и надежды, которыя основывалъ онъ на своемъ талантѣ, не оправдались въ той же степени, какъ надежды критика; иначе мы не встрѣтили бы его имени въ теперешнихъ извѣстіяхъ о новыхъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Съ какинъ-то

тягостнымъ чувствомъ беремся мы за новое сочиненіе Крамера и въ особенности потому, что эти двѣнадцать этюдовъ посвящены памяти *Мендельсона-Бартольди*. На заглавномъ листѣ сказано: «посвященіе этихъ этюдовъ, писанныхъ въ 1846 году, было принято безсмертнымъ авторомъ «Илія». Сколько грустныхъ мыслей вызываютъ эти немногія слова! Мендельсонъ, еще юношески крѣпкій, отъ котораго ожидали много прекраснаго, радостнаго—Мендельсонъ уже не существуетъ! Между-тѣмъ Крамеръ, старикъ, уже давно выполнявшій свое назначеніе въ опредѣленной ему второстепенной сферѣ фортепіаннаго учителя, переживаетъ юношу Мендельсона и теперь кладетъ на могилу творца «Павла» и «Илія» поблекшіе вѣки своихъ этюдовъ.

Замѣтимъ также, что 12 характеристическихъ пьесъ (*pièces caractéristiques*) не суть, какъ могутъ нѣкоторые подумать, плачъ Пріама надъ трупомъ Гектора,—они тѣ же 12 этюдовъ, написанные совершенно въ томъ же самомъ родѣ, какъ и предъидущіе, которые мы разучивали въ дѣтствѣ. Учителямъ и прочимъ особамъ, слѣдившимъ за нашими уроками, безъ сомнѣнія сильно наскучили Крамеровскіе этюды, слышанные ими безконечное число разъ; въ такомъ случаѣ оставьте старые этюды въ покоѣ и возьмите новые. Результатъ будетъ одинъ и тотъ же: они написаны тѣмъ же самымъ авторомъ, почти въ той же формѣ и по той же методѣ какъ и старыя. Перемѣнять старые этюды на новые почти то же, что вмѣсто грязныхъ и изорванныхъ вѣтъ взять новыя красныя, — вмѣсто изношенной, дырявой шубы надѣть новую того же самаго покроя. Вотъ заглавіе этюдовъ: «12 *pièces caractéristiques en forme d'études*. Par J. B. Cramer. Op. III Leipzig. Peters.»

Ученикамъ, уже обладающимъ нѣкоторою степенью искусства, въ особенности дамамъ, любительницамъ легкой и пріятной музыки, вѣроятно понравятся слѣдующія двѣ фантазіи: *Fantaisie élégante sur Sultana*, par Goria. Op. 24 и *Fantaisie sur les Huguenots* par Rosellen. Op. 107. Опера «Султанша» сочинена Морисомъ Буржеиъ, извѣстнымъ также и за даровитаго критика. Въ парижской комической оперѣ «Султанша» имѣла огромный успѣхъ, какъ по занимательности сюжета, такъ и по своей легкой прекрасной музыкѣ. Фантазія г. Горія заключаетъ въ себѣ самый любимый номеръ этой оперы — арію интригана Пажа, которой предшествуетъ введеніе плавное *andante*. Въ заключеніе идетъ живое, въ темпъ вальса, *gondo*, со множествомъ украшеній, не-

избѣжныхъ въ настоящее время въ томъ родѣ музыки, который называется фантазією.

Фантазія Розеллена на мотивы изъ оперы «Гугеноты» написана на одинъ и тотъ же ладъ, какъ и прочія фантазіи, которыми Розелленъ ошастливилъ музыкальный миръ. Мотивы тѣ же самые что и въ знаменитыхъ фантазіяхъ Тальберга, и потому фантазія Розеллена понравится быть можетъ тому, для кого еще трудны произведенія Тальберга. У Розеллена вмѣсто блестящихъ, звучныхъ и художественныхъ Тальберговскихъ пассажей находимъ часто пустые звуки; композиторъ съ трудомъ и неловко переходитъ съ одного тона въ другой, и редъ когда наконецъ можетъ отдохнуть на какой-нибудь мелодіи своего собственнаго изобрѣтенія. Впрочемъ эта фантазія имѣетъ и достоинство, что всѣ пассажи въ ней можно передѣлывать на свой ладъ, что піесу можно начать гдѣ угодно, нисколько не нарушая внутренняго достоинства сочиненія.

Мы заговорили о Тальбергѣ и потому скажемъ кстати о двухъ его новыхъ произведеніяхъ, а именно: Tarantelle, op. 60 и Valse-capricieuse, op. 65, та и другая изданы Брейткопфомъ въ Лейпцигѣ. Обѣ піесы весьма милы и занимательны, въ высшей степени блестящи, и безъ особенныхъ трудностей. Онѣ безъ сомнѣнія всѣмъ понравятся.

Въ особенности мы должны упомянуть о двухъ сочиненіяхъ Блументала «La source» op. 4 «Le rêve» и «La brillante». Хотя они и не отличаются особеннымъ изобрѣтеніемъ, но написаны со вкусомъ и исполнены тармоніи; это двѣ прекрасныя мелодіи, на манеръ новѣйшихъ этюдовъ или піесей безъ словъ, состоящія изъ повторяющихся пассажей (agregio).

Deux nocturnes par Sigismund Goldschmidt. Op. 18.

Фильдъ первый создалъ этотъ простой и спокойный родъ музыки, называемый ноктурномъ, въ которомъ онъ выдвигалъ свой неподражаемый тактъ и удивительно звучную мелодію. За нимъ слѣдуетъ Шопенъ. Его фантастическій гений совершенно овладѣлъ ноктурномъ и далъ ему бѣдѣ обширную форму... Шопенъ истинный гений. Если его ноктурны начинаются по большей части спокойными звуками, и за ними слѣдуютъ страстные или бурные, которые затихаютъ въ снова повторяющихся тихихъ звукахъ; — то у него это случается почти всегда въ дѣйствіе внутренней необходимости. Подражатели Шопена схватываютъ только внѣшнюю форму его произведеній, не уловивъ особенностей его творческаго духа. Отсюда и происходитъ то, что

во всѣхъ почти ноктурнахъ мы не встречаемъ ничего особеннаго, кромѣ той формы, о которой мы сказали выше. Къ числу такихъ ноктурновъ принадлежать и оба ноктурна Гольдсмита; на нихъ не иначе надо смотрѣть какъ на подражанія, впрочемъ подражанія весьма удачныя, что касается до мелодіи и художественной обработки. Ихъ можно играть съ большимъ удовольствіемъ. Тѣ, для которыхъ утомительно слѣдить за полетомъ гевія, могутъ отдохнуть надъ Гольдсмитомъ отъ усталости, которой имъ стоить Шопенъ. Изъ всѣхъ подражателей этому гевію никто не приблизился въ такой степени къ своему оригиналу какъ Стефанъ Геллеръ; онъ даже болѣе чѣмъ подражатель: это скорѣе гевій родственнѣе Шопену. Два вальса Геллера (*Deux valses*, op. 62) такъ прекрасны и граціозны, что не только по своей свѣжей живой мелодіи понравятся обыкновеннымъ слушателямъ и піанистамъ, но даже по своей художественной отдѣлкѣ заинтересуютъ и знатковъ-диллетантовъ. Эти вальсы мы рекомендуемъ въ особенности.

Скажемъ еще два слова и о Листѣ — «фортепіанномъ гевіѣ». Недавно онъ издалъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ онъ сошелъ уже съ недоступной для насъ высоты своей виртуозности.

И такъ эти сочиненія должны быть для насъ смертныхъ піанистовъ истинно небесною манною. Вотъ они: «Ballade en re-bémol».—«Pesther Carnaval».—«Lieder von Robert Schumann und Mendelssohn übertragen».—«Les glanes de Woronesh.»

Баллада фантастична, но исполнена мелодіи; карнавалъ—пестрая фантазія изъ венгерскихъ пѣсенъ; пѣсни Шумава и Мендельсона, прекраснѣйшія изъ новыхъ нѣмецкихъ пѣсенъ переложены съ истинно поэтическимъ чувствомъ. *Les glanes de Woronesh*, что въ родѣ фантазій изъ малороссійскихъ пѣсенъ. Для Русскихъ это сочиненіе имѣетъ особенный интересъ.

Господня Бернаръ въ издаваемомъ имъ журналѣ «Nouvelliste» постоянно помѣщаетъ столько новаго и хорошаго, сколько возможно въ настоящее бесплодное время. Многія изъ упомянутыхъ нами музыкальныхъ произведеній помѣщены въ Нувеллетѣ, такъ напр. Тарантелла Тальберга, часть изъ «*Les glanes de Woronesh*» Листа и др. Нувеллетъ особенно важенъ для піанистовъ, живущихъ въ провинціяхъ, куда музыкальныя новости приходятъ весьма поздно и по большей части не иначе, какъ по заказу. Нувеллетъ слѣдитъ за всѣми замѣчательными новостями, и если журналъ долженъ стремиться сколько возможно удовлетворять

разнообразнымъ требованіямъ, чтобы каждый находилъ въ немъ что ему хочется, то утвердительно можно сказать, что Нувелиста, болѣе чѣмъ всякій другой журналъ, владѣеть тайною умѣнья выбирать блестящія и пріятныя піесы, равно и произведенія художественныя, съ глубокимъ содержаніемъ.

Представивъ читателямъ нашамъ отчетъ о всемъ, что есть новаго въ музыкальномъ мірѣ, не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ и о томъ, безъ чего всѣ музыкальныя произведенія останутся мертвыми и безмолвными, именно объ инструментахъ. Мы уже имѣли случай говорить о флигеляхъ-роляхъ, выходящихъ изъ мастерской господина Беккера; теперь поговоримъ о нихъ поподробнѣе. Роляи господина Беккера соединяютъ въ себѣ два важныя преимущества, а именно: *тонъ сильный, звучный, продолжительный, и прочность механизма*, основаннаго на весьма важныхъ новыхъ открытіяхъ въ области акустики. Какъ часто слышатся жалобы на отрывочный, весьма краткій тонъ флигелей, отчего почти невозможно передать даже простой мелодіи, и сколько уже заботились объ устраненіи этого недостатка во флигеляхъ, чтобы сдѣлать ихъ наконецъ настоящимъ музыкальнымъ инструментомъ. Мелодія душа и сущность музыки, слѣдовательно и инструментъ можетъ быть названъ музыкальнымъ только тогда, когда на немъ можно передать мелодію. До настоящаго времени устройство флигелей представляло много препятствій для продолжительности тона, не смотря на сталь и желѣзо: струны при ударѣ молоточка, снизу, выходили изъ своего обыкновеннаго положенія, при чемъ естественно сотрясеніе ихъ было не равномернo, что и препятствовало продолжительности тона. Долго искали средства устранить это неудобство, и наконецъ Штрейхеръ въ Вѣнѣ придумалъ новый способъ устройства, такъ, чтобы молоточекъ ударялъ въ струны сверху. Этими много было выиграно, но еще далеко не все. Звукъ этихъ ролей дѣйствительно былъ весьма чистъ, но ихъ механизмъ былъ такъ сложенъ и неестественъ, что однажды испортившись, представлялъ много затрудненій къ исправленію. Господинъ Беккеръ открылъ наконецъ вѣрное средство, чтобы сообщать инструментамъ чистый и продолжительный тонъ. Средство это столь просто, что удивительно какъ до сихъ поръ оно оставалось неизвѣстнымъ. Беккеръ расположилъ струны въ отношеніи къ доскѣ со штифтами (Stimmstock) такъ, что они никакъ не могутъ выйти изъ своего правильнаго положенія, какъ бы ни былъ силенъ ударъ. Въ слѣдствіе такого устройства тонъ Беккеровскихъ ро-

лей выигрываетъ не только въ необыкновенной звучности, но и въ продолжительности и пріятности.

Это остроумное устройство, кромѣ главнаго вліянія на тонъ, имѣетъ и другія преимущества не менѣе важныя и существенныя. Расположеніе струвъ подъ доскою (Stimmstock) даетъ болѣе силы желѣзнымъ распоркамъ, сообщающимъ особенную прочность инструменту. Колки, къ которымъ прикрѣпляются струны, держатся твердо; отъ этого-то зависитъ чистота и продолжительность звука. Наконецъ весь внутренній механизмъ устроенъ такъ тщательно и добросовѣстно, что за него господинъ Беккеръ заслуживаетъ искреннюю признательность. Всѣ клавиши снабжены двойными винтами, посредствомъ которыхъ они могутъ быть сдѣланы легче или тяжелѣе, смотря по силамъ играющаго.

Беккеровскіе инструменты равно превосходны и въ концертномъ залѣ по своей силѣ и отличному тону, и въ простой комнатѣ, по пріятному, мелодическому звуку; въ концертѣ ихъ не заглушить оркестръ и въ тоже время на нихъ весьма удобно аккомпанировать нѣжному голосу пѣвца.

В. ДАЖКЕ.

НОВЫЯ РУССКІЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. И. Пегаткина,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

(Цѣны на серебро.)

ИСТОРИЯ О РАСКОЛАХЪ ВЪ ЦЕРКВИ РОССИЙСКОЙ. Сочиненіе Игнатія, Архіепископа Воронежскаго и Задонскаго. Часть первая. Спб., 1849 года. Цѣна 80 коп., вѣсовыхъ за 2 фунта.

УТѢШЕНІЕ ВЪ СКОРБИ И БОЛѢЗНЯХЪ. Евсевія, Епископа Вивинскаго. Спб., 1849 года. Цѣна 80 коп., вѣсовыхъ за 2 фунта.

ДОГМАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВІЕ Православной Каѳолической Церкви. Составлено Архимандритомъ Автономъ. Изданіе второе. Спб., 1849 года. Цѣна 1 руб., 50 коп., съ перес. 2 рубля.

- О ПОДРАЖАНІИ ПРЕСВЯТОЙ ДѢВЫ МАРІИ.** Жизнь и добродѣтели Пресвятой Дѣвы съ младенчества до славнаго Успенія. Москва 1849 года. Цѣна 1 рубль 75 копѣекъ, въсов. за 2 фунта.
- ПУТЬ КЪ БЛАЖЕННОЙ ВѢЧНОСТИ,** Духовное упражненіе Московскаго Симонова Монастыря Архимандрита Мельхиседека. Москва 1849 года. Цѣна 1 рубль 20 коп., съ перес., 1 рубль 50 копѣекъ.
- РУССКАЯ ИСТОРИЯ.** Н. Устрялова, изданіе четвертое, исправленное и дополненное историческимъ обзорніемъ царствованія Государа Императора Николая-Перваго. 2 тома, съ картами и планами. Спб., 1849 года. Цѣна 5 рублей, съ пересылкою 6 рублей.
- СПРАВОЧНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.** Томъ второй, буква Б. Изданіе Карла Крайя. Спб., 1849 года. Цѣна 3 рубля, съ перес. 3 рубля 75 копѣекъ.
- ИСТОРИЯ ПРУССІИ.** Сочиненіе профессора Пелица, четыре части. Москва 1849 года. Цѣна 1 рубль 50 копѣекъ, съ перес. 2 рубля.
- БОТАНИКА,** Составленная В. Далемъ, на основаніи наставленія для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Съ политипажами. Спб., 1849 года. Цѣна 2 рубля 50 коп., съ пересылкою 3 рубля.
- ЗВѢЗДНОЕ НЕБО.** Очеркъ знанія о распредѣленіи звѣздъ въ пространствѣ и ихъ взаимныхъ разстояніяхъ. Извлечено изъ сочиненій Струве, Гершеля, Аргеландера, Питера и другихъ. М. Хотинскимъ, съ двумя картами. Спб., 1849 года. Цѣна 1 рубль, съ перес. 1 рубль 25 копѣекъ.
- КАРТЫ ЗВѢЗДНАГО НЕБА,** съ объясненіемъ созвѣздіи и примѣчательнѣйшихъ звѣздъ. Составлены М. Хотинскимъ. Спб., 1849 года. Цѣна 60 коп., съ перес. 85 копѣекъ.
- КУРСЪ РИСОВАНІЯ.** Сочиненіе Сапожникова. Изданіе второе. Спб., 1849 года. Цѣна 1 рубль, въс. за 2 фунта.
- ИСТОРИЯ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ КОННАГО ПОЛКА. 1731 — 1848.** Составлена флигель адъютантомъ Анненковымъ, 4 тома, съ картинками. Спб., 1849 года. Цѣна 6 рублей, съ пересыл. 7 рублей.
- КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ СПОСОБА** леченія сыворотками и молокомъ, съ описаніемъ сыворотко-лечебнаго заведенія въ Санктпетербургѣ, для врачей. Спб., 1849 года. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 копѣекъ.

JUL 16 1937

